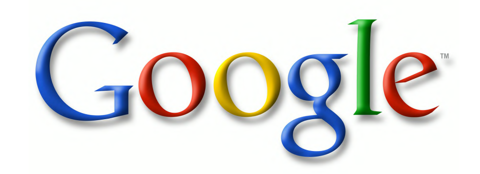


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

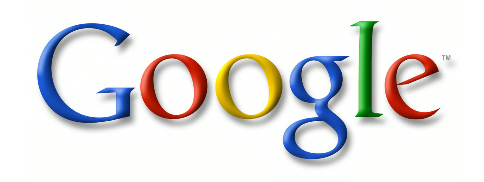
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ипринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

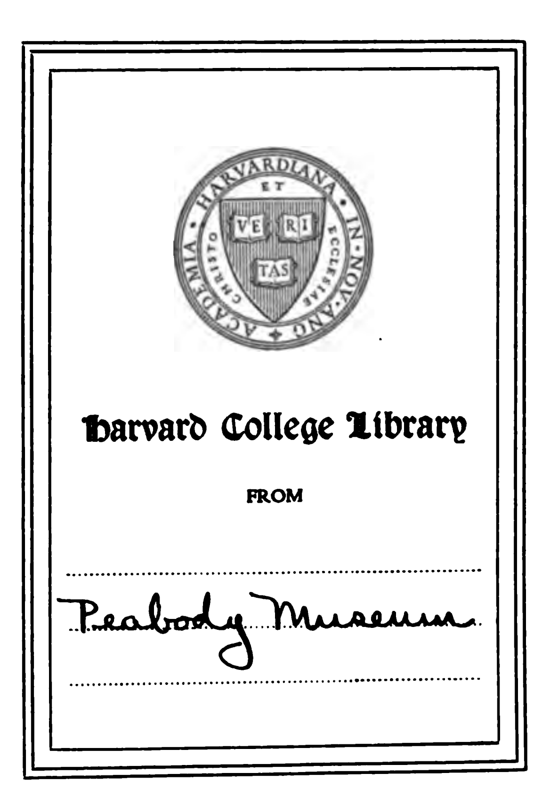
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

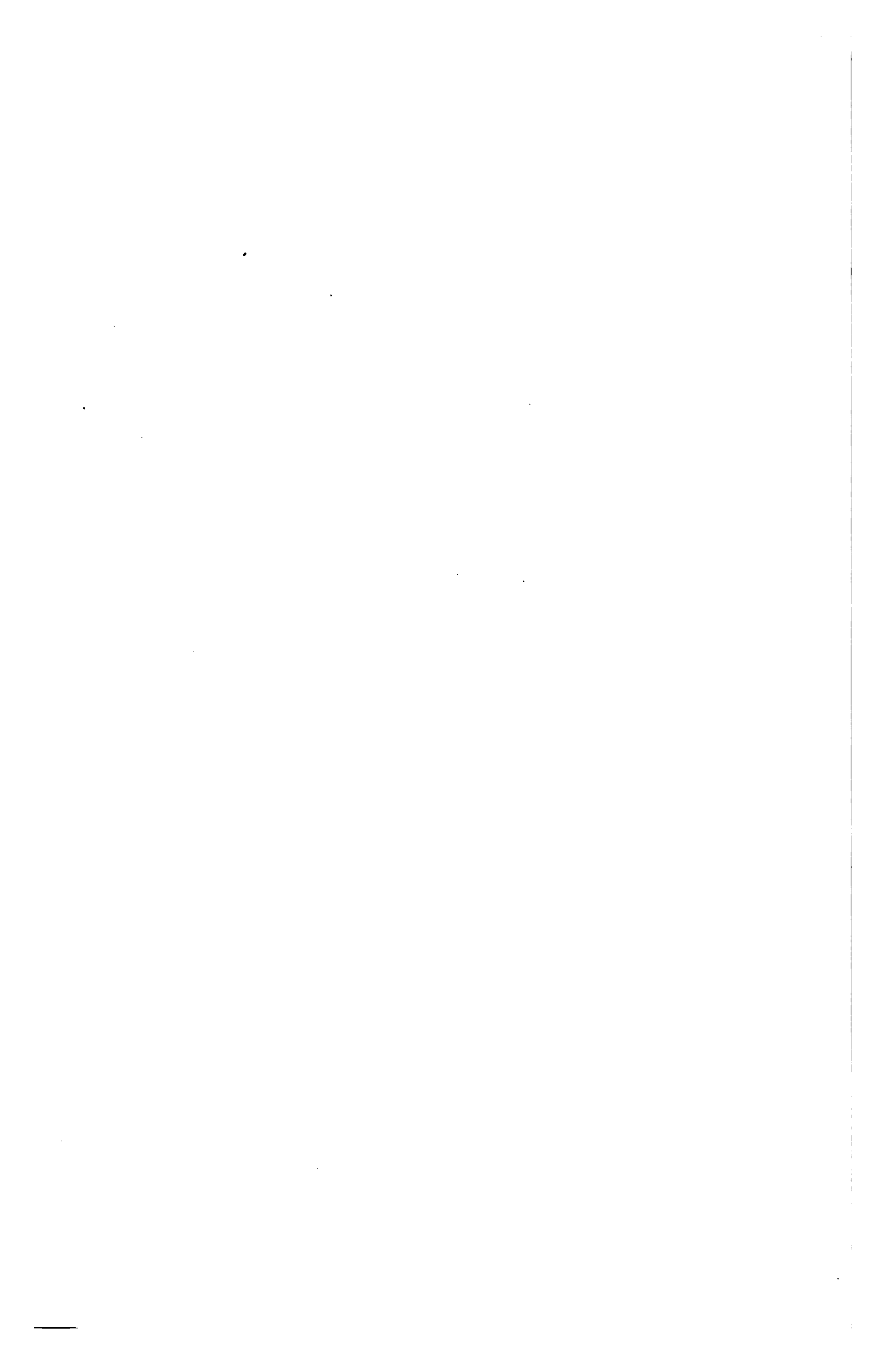
C.A. 2.22



Harvard College Library

FROM

Peabody Museum



Ch 2.22

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXI.

Н. В. Кюнеръ.

RECEIVED
SEP 26 1911
LIBRARY OF THE
PEABODY MUSEUM

ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

ВЫПУСКЪ 1-Й.

ИМЯ. ГРАНИЦЫ. ОБЗОРЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

BESCHREIBUNG VON TIBET.

Von Prof. Nikolai Kuehner.

BAND I. GEOGRAPHISCHER TEIL.

Lief. 1. Namen, Grenzen und Uebersicht der Forschungsreisen.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1907.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

ТОМЪ XXI.

MITTEILUNGEN DES ORIENTALISCHEN INSTITUTS.

BAND XXI.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXI.

Н. В. Кюнеръ.

ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

ВЫПУСКЪ 1-Й.

ИМЯ. ГРАНИЦЫ. ОБЗОРЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

BESCHREIBUNG VON TIBET.

Von Prof. Nikolai Kuehner.

BAND I. GEOGRAPHISCHER TEIL.

Lief. 1. Namen, Grenzen und Uebersicht der Forschungsreisen.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1907.

Н. В. Кюнеръ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ТИБЕТА

ВЫПУСКЪ 1-Й.

ИМЯ. ГРАНИЦЫ. ОБЗОРЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

GEOGRAPHISCHE BESCHREIBUNG VON TIBET.

Von Prof. N. Kuehner.

LIEF. 1. NAMEN, GRENZEN UND UEBERSICHT DER FORSCHUNGSREISEN.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1907.

TRANSFERRED TO
HARVARD COLLEGE LIBRARY
NOV 9 1922

Ch 2.22

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

СОДЕРЖАНІЕ

1-ГО ВЫПУСКА

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ ТИБЕТА.

INHALTSVERZEICHNIS DER

1. LIEFERUNG

DER GEOGRAPHISCHEN BESCHREIBUNG VON TIBET.

INHALTSVERZEICHNISS.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Allgemeine Ursachen der geographischen Unbekanntheit Tibets: physische Schwierigkeiten *13* — und politische Hindernisse *14—15*. Das Urteil Ritters *15—16*. Die europaeischen Erforscher und die tibetische Regierung; strenge Bewachung der moeglichen Zugangswegen *17—18*. Die Ausschliessungs-Politik der Regierung von Lhasa, im Zusammenhang mit der politischen Lage im Lande *18—19* und dem Eindringen der Europaeer *19—20*. Die Opposition der Lamas gegen die Zulassung von Auslaendern *20-21*. Die Frage ueber das Chinesische Prestige und das Wesen des letzteren 21; die Meinungen darueber *Rockhills 22—23*, *Bowers 23*, *Curzons 23—24*, *Younghusbands 24*. Das commerzielle Uebergewicht Chinas im Lande *24-25*.

Allgemeine Verhaeltnisse der Erforschung der verschiedenen Teile Tibets *25—26*. Wichtigkeit geschichtlicher Uebersichten ueber die Erforschung Tibets, als Quelle erster Bedeutung fuer die europaeische Bekanntschaft mit dem Lande, in Verbindung mit einer allgemeinen Charakteristik der chinesischen und tibetischen geographischen Materialien 27. Hinweis auf fruehere Uebersichten dieser Art bei anderen Verfassern *27—28*.

Nachrichten ueber Tibet in der aelteren sanscritischen Literatur *28*. Bericht *Herodots* ueber „goldgrabende Ameisen". *28*. Das geographische Bild Tibets bei *Ptolomaeus 28*. Unterbrechung in der europaeischen Bekanntschaft mit Tibet bis zur mongolischen Epoche *28*. Nachrichten ueber Land und Volk bei *Plano Carpini* und *Rubruck 29*. *Marco Polo 29 — 30*. *Odoric aus Pordenone 30* (die Frage ueber „abassi" *30*). Die negative Ansicht ueber die Reise Odorics nach Tibet *30—31*. *Antonio d'Andrada 31—32*. *Grueber*

und *Dorville* *32—34.* Die Anfaenge der katholischen Predigt in Tibet *34* und die Begruendung der „tibetischen Mission“ durch die Capuziner *34—35.* Nebenbuhlerschaft von seiten des jesuitischen Ordens *35—36.* *Desideri* *36—37* und seine Schriften *37—38.* Die Thaetigkeit der Jesuiten im Gebiete der geographischen Erforschung Chinas und seiner Vassalen-Laender und der Zusammenstellung der grossen Karte des Chinesischen Kaiserreichs *38—39.* Die „Beschreibung“ von *Du Halde* und der Atlas von *d'Anville* *39—40.* Die zweite Periode der Thaetigkeit der Kapuziner in Tibet nach der Abreise von *Desideri* *40—41.* *Cassiano Beligatti* und das Tagebuch seiner Reise nach Lhasa *41—42.* Das Ende der Kapuzinermission *42* und ihr weiteres Schicksal *43.* Samuel *Van de Putte* *43—44.*

Die ersten Schritte der englischen Politik in Tibet, nach der Iniziative von *Warren Gastings* *44—45.* *Bogles* Gesandtschaft *45—47.* Errichtung des tibetischen Tempels in Calcutta, als greifbares Resultat des Versuchs einer politischen Annaeherung zwischen Indien und Tibet, *48.* *Turners* Gesandtschaft *48—50.* Abbruch des Verkehrs zwischen der indischen Regierung und Tibet *50—51.* *Manning* *51—53.*

Verstaerkte Bewachung der suedlichen Grenzen Tibets *53.* Erforschung des westlichen Himalaya *53.* Die Reise *Moorcrofts* und *Hearseys* *53—55.* Der Bericht ueber Moorcrofts Besuch in Lhasa *55—56.* *Brian Hodgson* *56.* *Csoma de Koros* *57.* Die Bearbeitung chinesischer Nachrichten ueber Tibet und benachbarte Gebiete Central-Asiens in der europaeischen Literatur *57—58.* *Hucs* und *Gabets* Reise nach Lhasa *58—60.* *Henry Strachey* im Gebiete der Heiligen Seen *60—61* und in West-Tibet *61—62* (zusammen mit *Thomson* und *Cunningham*). *Richard Strachey* und seine Erforschung der Heiligen Seen *62.* Gemeinsame Expedition der Brueder *Strachey* im Guge Bezirk *62—63.* Die Forschungen der Brueder *Schlagintweit* im sued-west-

Джозефъ Хукеръ въ Непальскихъ и Сиккимскихъ Гималаяхъ *65—66*.

Строгость тибетской пограничной охраны, исключавшая возможность для европейцевъ проникнуть въ южный Тибетъ *66*. *Индійскіе пандиты* въ роли изслѣдователей „Запрещенной страны“ *66—68*. Общая характеристика ихъ *68—69*. Путешествіе пандита (*Наинъ Синга*) вдоль Цзанъ-по въ столицу и обратно тѣмъ же путемъ и черезъ область Священныхъ озеръ въ Индію *69—72*. Изслѣдованіе трехъ пандитовъ въ западномъ Тибетѣ (области золотыхъ пріисковъ) *72—73*. *Пандитъ* D. или A. K. и его путешествіе къ Тэнгри нору *73—75*. Марпрутъ *Наинъ Синга* изъ Ле въ Лхасу по южной окраинѣ Бжянъ тана и черезъ Цзетанъ и Даванъ въ Ассамъ *75—78*. Изслѣдованіе долины Цзанъ-по *пандитомъ L*. *78—79*. Четырехлѣтнія скитанія *A. K*. *80—86*. Вопросъ о тождествѣ Диханга и Цзанъ-по, какъ результатѣ этого путешествія *86—88*. Попытка *K. P*. прослѣдить соединеніе Диханга и Цзанъ-по *89—90*. *Саратъ Чандра Дасъ* и значеніе его отчетовъ *90—91*. Первое путешествіе *С. Чандра Даса* въ Шихацзе *92—93*. Второе его путешествіе въ Лхасу *93—95*. Изслѣдованіе Ямдок ц'о и другихъ частей долины Цзанъ-по *Угжьн Гжяцо 96—99*. Общій итогъ работъ пандитовъ *99—101*.

Н. М. Пржевальскій и значеніе его трудовъ по изученію природы центральной Азіи *101—102*. Первое его путешествіе *102—103*; второе *103*; третье *103—105*; четвертое *105—106*. Результаты изслѣдованій Пржевальскаго *106—109*.

Католическіе миссіонеры въ восточномъ Тибетѣ и ихъ заслуги въ дѣлѣ изслѣдованія этой части страны *109—110*. Исторія дѣятельности реорганизованной ка-

ОГЛАВЛЕНІЕ „ВАЖНѢЙШИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ“.

Verzeichnis der wichtigsten „Anmerkungen".

ОТЪ АВТОРА.

Въ силу крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходило печатаніе первой половины настоящаго выпуска въ частной типографіи, въ текстъ ея вкралось много серіозныхъ опечатокъ, исправленныхъ по возможности въ концѣ „Примѣчаній“, помимо общихъ недостатковъ внѣшней стороны изданія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго описанія — дать возможно полный критическій обзоръ существующихъ въ европейской и русской литературѣ данныхъ относительно географіи и этнографіи, политической, культурной, въ частности религіозной, и экономической жизни страны, выдвинутой въ періодъ 1903—4 года на одно изъ первыхъ мѣстъ въ политикѣ европейскихъ державъ въ Азіи и извѣстной европейцамъ подъ именемъ Тибета.

Въ промежутокъ двухъ съ половиною столѣтій, начиная съ 60 г.г. XVII стол., въ теченіе коихъ велось европейцами, хотя и съ большими перерывами на первыхъ порахъ, постепенное собираніе нерѣдко противорѣчивыхъ свѣдѣній о странѣ и ея обитателяхъ, европейская литература о Тибетѣ чрезвычайно разрослась, но за немногими исключеніями сохранила отрывочный и разбросанный характеръ, присущій ей съ самаго начала въ силу неблагопріятныхъ условій, при которыхъ производилось изученіе предмета въ Европѣ, или научныя изысканія на мѣстѣ. Трудность быстраго оріентированія въ массѣ накопленнаго и не разобраннаго въ цѣломъ матеріала по различнымъ вопросамъ, связаннымъ съ наукой тибетовѣдѣнія, дѣлаетъ вполнѣ умѣстной настоящую попытку заполнить существующій не только въ русской, но и въ иностранной литературахъ пробѣлъ и подвести итоги долголѣтняго изслѣдованія Тибета, систематизировавъ съ надлежащей провѣркою весь обширный матеріалъ, въ бо́льшинствѣ случаевъ затерянный въ малоизвѣстныхъ статьяхъ, дневникахъ и оффиціальныхъ до-

кументахъ*). Подобная сводка представляется тѣмъ болѣе настоятельно необходимой, что съ 1904 г. началась новая эпоха для европейскаго изслѣдованія Тибета благодаря частичному открытію страны для иностранцевъ, при чемъ будущимъ дѣятелямъ въ этой области, естественно, надлежитъ предварительно близко ознакомиться съ результатами трудовъ ихъ предшественниковъ, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, или вторичнаго собиранія уже существующаго сырого матеріала.

1904 годъ явился знаменательнымъ годомъ въ лѣтописяхъ этой малоизвѣстной страны и своеобразнаго народа, издавна привлекавшихъ къ себѣ ореоломъ таинственности и загадочности вниманіе европейскихъ и немногихъ русскихъ ученыхъ. Занимая наиболѣе возвышенную и труднодоступную часть азіатскаго материка, огражденную съ 3 сторонъ величайшими горными цѣпями на земномъ шарѣ—Гималаями, Каракорумъ и Куэньлунемъ, и съ четвертой стороны почти не проходимыми

*) Первая попытка въ этомъ родѣ на русск. языкѣ была сдѣлана въ 1905 г. Сувировымъ. (Сувировъ, „Тибетъ" (изд. Березовскаго СПБ.—1905); недостатки этой книги, вполнѣ естественные для перваго опыта, тѣмъ болѣе предпринятаго не оріенталистомъ, разбираются въ краткой рецензіи Ольденбурга въ Ж. М. Н. Пр. Авг. 1906, стр. 315-6. Въ европейской литературѣ мы имѣемъ тоже недавній, но несравненно болѣе серіозный и научный опытъ сводки разнообразныхъ свѣдѣній о Тибетѣ, принадлежащій перу Грахама Сандберга (Sandberg) подъ заглавіемъ: Tibet and the Tibetans, London 1906, 333 стр. Въ основаніи книги положены многолѣтнія изысканія самого автора, извѣстнаго тибетолога, прожившаго долю въ Дарджилинѣ, почти на границахъ Тибета. Попутно приводятся выдержки изъ отчетовъ и описаній путешественниковъ и изслѣдователей Тибета. Въ общемъ книга сообщаетъ не мало цѣнныхъ, нерѣдко совершенно новыхъ данныхъ, хотя не свободна отъ ошибокъ и поспѣшныхъ выводовъ; возможно, что тому было причиною внезапная смерть автора въ мартѣ 1905 г., благодаря чему печатаніе книги (при томъ весьма отвѣтственныхъ отдѣловъ о млекопитающихся и флорѣ Тибета) было закончено другимъ лицомъ.

ущельями китайскихъ и индокитайскихъ рѣкъ и пустынными высотами тибето-китайскихъ пограничныхъ областей Гань-су, Сы-чуани и Юнь-нани, Тибетъ былъ извѣстенъ европейцамъ вплоть до второй половины XIX стол. лишь по изрѣдка проникавшимъ въ европейскую литературу слухамъ и отрывкамъ изъ путевыхъ впечатлѣній и наблюденій немногихъ католическихъ миссіонеровъ и еще болѣе малочисленныхъ путешественниковъ и изслѣдователей, посѣтившихъ въ разное время и на далекомъ разстояніи другъ отъ друга отдѣльныя болѣе доступныя части обширнаго края. Скудный матеріалъ европейскаго знакомства съ Тибетомъ въ первой половинѣ XIX столѣтія лишь отчасти пополнялся данными китайской географической литературы, сдѣлавшейся доступной для европейцевъ трудами ученыхъ переводчиковъ-синологовъ, главнѣйшіе французскихъ, но и одного русскаго (Іакинѳа), и съ наибольшей полнотою для того времени использованной Риттеромъ на страницахъ капитальнаго сочиненія „Землевѣдѣнія Азіи“, посвященныхъ Тибету.

Съ указаннаго времени — второй половины XIX ст., Тибетъ пріобрѣтаетъ особое значеніе въ политическихъ стремленіяхъ двухъ европейскихъ державъ — Россіи и Англіи, первой въ силу существующей тѣсной связи между главою тибетской ламайской церкви и значительной частью населенія Сибири (бурятами и тунгусами Забайкалья) и даже Европейской Россіи (калмыками Ставропольской и Астраханской губ., области Войска Донскаго и Уральской); второй во 1) по причинѣ смежности территоріи Индіи и Тибета послѣ подчиненія англійскому оружію или, по крайней мѣрѣ, англійскому политическому вліянію пригималайскихъ туземныхъ кня-

жествъ и во 2) въ силу того соображенія, что нагорья Тибета являются наилучшей естественной защитою Индіи отъ нападеній съ сѣвера. Скрытое соперничество и борьба политическихъ интересовъ Англіи и Россіи въ Тибетѣ имѣло то благопріятное послѣдствіе, что способствовало ближайшему ознакомленію европейцевъ со многими неизвѣстными сторонами жизни тибетскаго народа и тщательному изученію занимаемой ими страны. Въ самомъ дѣлѣ, снаряженныя русскимъ правительствомъ многочисленныя оффиціальныя экспедиціи и предпринятыя англійскимъ индійскимъ правительствомъ секретныя развѣдки въ связи съ добровольными трудами англійскихъ и другихъ европейскихъ путешественниковъ открыли въ Тибетѣ обширное поле для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій, а собранный ими богатый научный матеріалъ пролилъ свѣтъ на многіе загадочные вопросы, связывавшіеся до того времени съ Тибетомъ въ глазахъ европейскихъ ученыхъ: на своеобразныя политическія условія, выработанныя теократической формою правленія; исключительное положеніе тибетской церкви и святынь въ религіозныхъ воззрѣніяхъ значительной части населенія азіатскаго материка; на природу и жизнь человѣка на огромномъ возвышеніи надъ уровнемъ моря; наконецъ, на строеніе земной поверхности въ центрѣ нагроможденія наибольшихъ горныхъ массъ на земномъ шарѣ. Однако, несмотря на неутомимую энергію, знанія и самоотверженное рвеніе руководителей указанныхъ экспедицій и отдѣльныхъ изслѣдователей, не имъ было дано открыть запретную и заманчивую страну для европейскаго вліянія, отчасти и для науки. Начатое ими дѣло могло быть доведено до конца лишь европейской

дипломатіей, поддержанной европейской вооруженной силою, вѣрнѣе даже единственно послѣдней. Не мужественные и неутомимые труды такихъ изслѣдователей, какъ Пржевальскій, Рокгиль, Дютрейль де Рэнъ и Свенъ Гединъ, проложили европейцамъ прямой путь къ священной столицѣ Тибета — Лхасѣ *), но скорострѣльныя орудія Максима и усовершенствованныя ружья англійской „мирной“ миссіи 1904 г. 60 лѣтъ, со времени послѣдняго посѣщенія Лхасы европейцами, природныя, но главное искусственныя преграды сдерживали настойчивое любопытство европейскихъ изслѣдователей; 60 лѣтъ тѣсное кольцо вооруженныхъ сторожевыхъ постовъ ограждало завѣтное обиталище Далай-ламы отъ нескромныхъ взоровъ непосвященныхъ лицъ; но нынѣ всѣ эти преграды уже поколеблены въ своихъ основаніяхъ постановленіями англо-тибетскаго соглашенія 7 сентября 1904 г. и не замедлятъ отойти въ область смутныхъ и полузабытыхъ преданій, если этому договору суждено будетъ имѣть дѣйствительную силу и получить практическое осуществленіе.

Заря XX вѣка въ Европѣ можетъ, слѣдовательно, считаться до извѣстной степени предвѣстникомъ новой жизни и новаго порядка вещей и въ наиболѣе глухомъ

*) Ближайшіе къ Лхассѣ пункты, достигнутые различн. европ. изслѣдователями въ періодъ съ 1890 г.: *Рокиль* въ 1892 г. на СВ. отъ Тенгринора, въ 110 миляхъ, или 7 дней пути на сѣверъ отъ столицы; *Бонвало и принцъ Генрихъ Орлеанскій* въ 1890 г.—Тенгринор, 95 м. на С. отъ Лхасы; *Боуеръ* въ 1891 г.—Гжяринъ цо, 200 миль на СЗ. отъ Лхасы; *Тэйлоръ миссъ* въ 1892 г.—повидимому, Нагчука, 12 дней пути отъ Лхасы; *де Рэнъ и Гренаръ* пробрались въ 1893 г. до ЮВ. угла Тэнгринора, около 70 миль или 5 дней пути отъ Лхасы; *Литтльдэль*—70 миль отъ Лхасы (юго-западн. уголъ Тенгринора); *Гединъ*—150 миль на ССЗ. отъ Лхасы, полъ-мѣсяца пути (Waddell, Lhasa, 451).

уголкѣ Азіи. Отнынѣ каждый годъ долженъ приносить новыя свѣдѣнія о странѣ и раскрывать новыя стороны жизни тибетскаго народа: на ряду съ торговыми караванами направятся (и уже направились) внутрь Тибета ученые изслѣдователи, которые заглянуть въ наиболѣе скрытые уголки страны съ компасомъ въ одной рукѣ, записной книжкою въ другой, производя наблюденія и изысканія на пользу европейской науки, равно торговой и промышленной дѣятельности и предпріимчивости. Тибетъ, страна завѣтныхъ помысловъ Пржевальскаго, Гедина и ряда другихъ отважныхъ европейцевъ, давшій славу и почетъ многимъ и преждевременный конецъ нѣкоторымъ изъ нихъ, — будучи открытъ для иностранцевъ въ лицѣ англійскихъ торговыхъ дѣятелей, уже не можетъ и не долженъ держаться въ сторонѣ отъ общей жизни народовъ. Вскорѣ и для него наступитъ время сдѣлать первый шагъ на пути къ болѣе высокой цивилизаціи, на пути къ лучшему и, возможно, болѣе счастливому будущему для своего народа. Возможно, что значеніе его, какъ буддійской святыни, собирающей ежегодно тысячи паломниковъ со всѣхъ концевъ Азіи — монгольской, цайдамской и ордосской степей, внутреннихъ провинцій Китая и далекой Сибири, умалится черезъ безцеремонное прикосновеніе руки европейца, зато въ равной мѣрѣ возрастетъ и укрѣпится его роль, какъ возможнаго и вѣроятнаго поприща экономическихъ и культурныхъ начинаній европейца. Историческій Тибетъ исчезнетъ; его мѣсто займетъ Тибетъ ученыхъ изслѣдователей и европейскихъ торгово-промышленныхъ дѣятелей. Будущее рѣшитъ, какая доля изъ двухъ была для тибетскаго народа болѣе счастливой, или выгодной: доля

замкнутой для всѣхъ постороннихъ вліяній страны, жившей исключительно своими внутренними односторонними интересами, или доля члена и участника быстрой смѣны и кипучаго водоворота культурныхъ успѣховъ, торговаго и промышленнаго соперничества, вѣчной борьбы и столкновеній политическихъ стремленій, т. е. всего того, что отличаетъ и характеризуетъ жизнь современныхъ цивилизованныхъ народовъ.

Въ кругъ настоящаго описанія не входитъ разсмотрѣніе практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ будущей ролью Тибета, сколь ни интересной или важной не представлялась бы она. Цѣли описанія лежатъ исключительно въ области современнаго состоянія страны, и задачей его является, какъ сказано, нарисовать на основаніи уже собранныхъ европейской литературой данныхъ болѣе или менѣе правдивую и разностороннюю картину физической природы Тибета, животной и растительной жизни, быта и нравовъ его обитателей, политическаго устройства страны, въ связи съ организаціей и ролью ламайской церкви, наконецъ, промышленнаго и торговаго развитія. Особое мѣсто займетъ изложеніе историческихъ судебъ страны, возникновенія и постепеннаго развитія тибетской культуры и ламаизма, насколько позволяютъ заключить объ этомъ существующіе европейскіе источники и самостоятельно разработанные нами для этой цѣли китайскіе и тибетскіе матеріалы.

Н. Кюнеръ.

Іюнь 1907 года.

Въ зависимости отъ намѣченнаго выше плана настоящее описаніе распадается на три части. Первая часть—имѣетъ своимъ содержаніемъ: 1) обзоръ путе-

шествій по Тибету въ связи съ развитіемъ европейскаго знакомства съ этой страною и 2) географическое описаніе страны. Вторая часть — этнографическая — касается физическаго типа, быта и нравовъ населенія и его экономической и культурно-политической роли. Третья часть — историческая — излагаетъ прошлыя судьбы тибетскаго народа и дипломатическую исторію страны за послѣднія два десятилѣтія.

Принятая въ настоящей книгѣ транскрипція книжныхъ начертаній тибетскихъ словъ и собственныхъ названій, выработанная нами совмѣстно съ Г. Ц. Цыбиковымъ, слѣдуетъ нижеуказанной схемѣ (въ порядкѣ тибетскаго алфавита):

к, к', г, н', ч, ч', дж, нь, т, т', д, н, п, п', б, м, ц, ц', дз, в, ж, з, 'а (и соотвѣтственно 'и, 'е, 'у, 'о) въ качествѣ самостоятельнаго слога или въ дифтонгѣ и „'" въ качествѣ предложнаго или конечнаго знака, іа (и соотвѣтственно іи, іе, іу, іо), р, л, ш, с, х, а (или и, е, у, о).

Произношеніе тибетскихъ названій указывается примѣнительно къ Лхаскому произношенію въ тѣхъ случаяхъ, когда удалось установить его въ достаточной точности (формы Бжянъ т'анъ, Кчіи ч'у, Хорпчіогс и нѣкоторыя другія, въ особенности іотированныхъ звуковъ были даны Г. Ц. Цыбиковымъ). Въ противномъ случаѣ произношеніе указывалось приблизительно, слѣдуя общимъ правиламъ относительно безгласныхъ буквъ тибетскаго книжнаго языка, какъ они устанавливаются грамматиками Сандберга и Ѣшке. Китайскія слова приводятся въ транскрипціи словаря Палладія и Попова.

Описаніе Тибета.

„Граціозная природа Азіи, проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячеверстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны,—ознаменовала себя тѣмъ же духомъ подавляющей массивности и въ обширномъ нагорьѣ, наполняющемъ южную половину центральной части этого материка“.[1] Заключаясь между 28—30° и 36 параллелями с. ш. (съ прибавленіемъ Цайдама, Кукунора и горной области Нань шань сѣверная окраина Тибета увеличивается на 3 градуса широты, т. е. до 39°) и 78½ и 98°—102° в. д. отъ Гринвича, указанное нагорье „рѣзко ограничивается со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами, а внутри поднимается, за исключеніемъ немногихъ окраинъ, на чрезвычайную среднюю высоту 13—15 тыс. фут. надъ ур. моря. И на этомъ гигантскомъ пьедесталѣ, не повторяющемся въ равныхъ размѣрахъ на земномъ шарѣ, громоздятся обширныя горныя цѣпи, правда, относительно невысокія внутри страны, но за то на ея окраинахъ развивающіяся самыми могучими формами дикихъ альповъ“.[2] Такова, говоря словами Пржевальскаго, въ немногихъ выдающихся чертахъ общая характеристика физической картины почти невѣдомой для большинства европейской публики страны, чье имя—Тибетъ—стало, однако, за послѣдніе годы часто слышаться во многихъ устахъ.

I. Имя страны и народа.

Противно обычному утвержденію, имя Тибетъ извѣстно[3] хотя бы въ измѣненной формѣ—стод-бод, произносимой тё-пё, самимъ обитателямъ страны, но не употребляется ими для общаго ея обозначенія[4], такъ какъ для этой цѣли служитъ

слово Бод (произносимое пё или какъ французское peu) въ различныхъ сочетаніяхъ: Бод-юл (іул—страна) и Бод-лумба (лунъ-па долина). Этимологія названія бодъ очень спорна. Несомнѣнно, слово должно быть поставлено въ связь съ санскритскимъ Bhot, которое понынѣ употребляется индусами, называющими тибетцевъ въ странѣ вокругъ Сиккима и далѣе на западъ въ пригималайской области—Bhotia (Бутіи). [1] Бод, повидимому, очень древнее имя; нѣкоторые авторы узнаютъ его въ названіи Bautae у Птоломея; оно же упоминается на древнѣйшемъ памятникѣ тибетскаго языка—китайско-тибетской надписи на каменной плитѣ передъ воротами Чжу-к'анъ, содержащей условія договора между китайскимъ императоромъ Муцзунъ и королемъ Тибета въ 822 г. [2] Въ этой надписи тибетскій король называется Бод-гый-джял-по король Бод, а страна—Бод ч'ен-по—Великій Бодъ. Вопросъ лишь въ томъ, является-ли слово Бод испорченной формою санскритск. Бхоть, указывая на то, что тибетцы еще не возвысились до общаго обозначенія страны, когда къ нимъ явились индусскіе учителя (въ VI и VII ст.)[3] или же инд. Bhot является простой передѣлкою по созвучію тиб. Бод.[4] Авторы, признающіе тибетское происхожденіе слова Бод, пытались подыскать ему объясненіе въ тибетскомъ языкѣ; наиболѣе распространеннымъ, хотя и недостаточно обоснованнымъ, по мнѣнію Рокгиля, [5] толкованіемъ является производство его отъ глагола бод-па (пиш., бод-па)—звать, говорить.

Происхожденіе европейскаго названія страны—Тибетъ, въ настоящее время можетъ считаться установленнымъ почти внѣ всякаго сомнѣнія, [6] именно, это названіе представляетъ соединеніе двухъ тибетскихъ словъ: мт'о-бод (Дегодинъ) [7] или стод-бод (Рокгиль), произносимыхъ одинаково teu-peu (или тё-пё) и означающихъ верхній, или возвышен-

ный Бод, и въ употребленіи уроженцевъ глубокихъ долинъ восточнаго Тибета прилагается къ части страны, лежащей по верхнему теченію Инда и Цзанъ-по, т. е. къ центральному и западному Тибету, въ противоположность восточному Тибету, извѣстному подъ именемъ—Мё-рен, или Ме-пё—Нижній Тибетъ. [1]

Если этимологія европейскаго обозначенія Тибета достаточно установлена, то вопросъ, какимъ путемъ и когда это имя перешло въ Европу, остается открытымъ. У европейскихъ авторовъ первый говоритъ о Тибетѣ Плано Карпини (1247 г.), употребляя это имя въ формѣ Thabet[2]; Рубруквисъ (1253 г.) (Itinerarium) и Марко Поло (1271-1294) пишутъ Tebet (послѣдній даетъ еще три варіанта съ h послѣ перваго и второго t)[3]; Одорикъ Фріюльскій пишетъ Gybot.[4] и вѣроятно по опискѣ Ryboth; Антоніо д'Андрада въ началѣ XVII в. и делля Пенна (перв. половина XVIII в.)—Tibet[5] Первые три автора, жившіе въ самомъ Тибетѣ, заимствовали названіе вѣроятно у монголовъ, которые употребляютъ для этой цѣли слово, читаемое Тӱбет и Тӧбет (у калмыковъ Тӧбӧт); послѣдніе три, посѣтившіе Лхасу, слышали названіе, надо думать, у самихъ тибетцевъ. Во всякомъ случаѣ, надлежитъ отвергнуть прежнее мнѣніе, [6] будто слово Тибетъ было заимствовано европейцами у арабовъ и персовъ, вообще мусульманскихъ авторовъ, гдѣ названіе Тибета фигурируетъ нерѣдко въ формѣ Tobbat (географъ Едриси въ сер. XII ст.) или Tibbat. Арабы рано познакомились съ Тибетомъ либо черезъ Китай, гдѣ уже въ VIII стол. вели оживленную торговлю (этимъ путемъ они, несомнѣнно, получили большую часть своихъ свѣдѣній о странѣ и возможно, самое имя (отъ китайскаго Ту-фань, произносившагося раньше Ту-бо или Тубот) [7] или черезъ Кашмиръ, который черезъ Ладакъ примыкаетъ какъ-разъ къ той части Тибета, которая и нынѣ въ

тиб. употребленіи зовется тё-пё, или Верхній Тибетъ. [7] Наиболѣе раннее упоминаніе о Тибетѣ у арабскихъ писателей находится въ описаніи Средней и Западной Азіи Истахри (951 г.), гдѣ имя страны пишется Tobbat. [2]

Монголы, кромѣ имени Тӳбет [3], называютъ тибетцевъ еще Тангут, а самою страну—Тангуторон, якобы отъ родоначальника тибетск. народа—Данъ сянъ. [4] Пржевальскій придалъ этому имени болѣе узкій смыслъ, приложивъ его исключительно къ населенію Кукунора (страна Тангутовъ). На самомъ дѣлѣ, тангут является общимъ монгольскимъ именемъ для всѣхъ тибетцевъ и населеніе Куку-нора, какъ часть всего тиб. племени, имѣетъ на него право наравнѣ съ прочими тибетцами, но примѣнять къ нимъ спеціально это имя, какъ къ особому народу, неправильно этимологически и этнографически и способно привести къ совершенно ложнымъ заключеніямъ. [5]

У китайскихъ авторовъ имя тангут является въ формѣ тангуто и въ употребленіи Вэй-цзанъ Ту-чжи вполнѣ соотвѣтствуетъ оффиціальному китайскому обозначенію страны—Си-цзанъ, по имени центр. тиб. провинціи, или Вэй-цзанъ—соединеніе названій указанной и столичной провинціи, (иначе У-сы-цзанъ [6] Эта часть Тибета противополагается подъ именемъ Цянь цзанъ (передній Тибетъ) западной половинѣ страны (Хоу-цзанъ—задній Тибетъ). [7]

Сами тибетцы называютъ себя бо(д)-па, при чемъ произношеніе этого имени рѣзко мѣняется по мѣстностямъ[8]; еще чаще можно слышать въ обиходѣ обозначеніе жителей по названіямъ областей: такъ жители области Цзанъ зовутся цзань-ба, (пиш. гцанъ-па), южнаго У—Лхоха-па (пиш.-лхо-к'а-па); жители Амдо (части кит. провинціи Ганьсу, населенной тибетскимъ племенемъ) амдова и т. д. Въ поэтическомъ слоѣ можно встрѣтить для обозначенія всей страны,

кромѣ упомянутаго Бод-юл, еще—ганъ-чан-гыі-юл—снѣговая страна отъ ганъ-чан (пиш. танс-чан) покрытый льдомъ, ледникъ. Старинное названіе Тибета въ туземной литературѣ страна красно (точнѣе коричнево)—лицыхъ—донъ-мар бод-юл (пиш. гдонъ-дмар-бод-іул), повидимому, ведетъ начало отъ національнаго обычая, уничтоженнаго Сронъ-бцан с-ам-по, по настоянію супруги—китайской принцессы, красить лицо въ коричневый цвѣтъ.

Въ политическомъ отношеніи часть тибетской территоріи, непосредственно подчиненная правительству Лхасы, или собственное Лхасское королевство, извѣстно подъ обозначеніемъ девашунъ, пиш. сДепа-лДжонс—правительственная область, или сДепагжунъ—центральное правительство.[1]

Китайцы, въ особенности живущіе вдоль восточной окраины Тибета, также имѣютъ въ разговорномъ языкѣ для обозначенія тибетцевъ различныхъ областей отдѣльныя названія: жителей центр. Тибета называютъ Цзанъ ли-жэнь—люди Цзанъ: населеніе Восточнаго Тибета мань-цзы, или мань-цзя (первую форму тибетцы находятъ для себя въ силу какихъ-то соображеній оскорбительной, ничуть не претендуя противъ второй. т. е. мань-цзя); тибетцы, живущіе на китайской территоріи въ провинціи Сы-чуань, извѣстны подъ именемъ си-фань, или мань-цзы (оба обозначенія, однако, не имѣютъ опредѣленнаго этнологическаго значенія и въ китайскомъ употребленіи могутъ прилагаться и къ не—тибетскимъ народностямъ, встрѣчаемымъ по западной окраинѣ Сы-чуани—такимъ же дикарямъ въ глазахъ китайцевъ, какъ и сами вост. тибетцы): въ Гань-су можно часто слышать отъ китайцевъ въ качествѣ названія сосѣдняго тибетскаго населенія—хунъ-мао-эрлъ или хунъ-мао цзы—красношапочники, вслѣдствіе носимыхъ мѣстными тибетцами красныхъ голови. повязокъ[2] или фань-цзы—варвары (у монголовъ черные тангуты за ихъ ди-

кость, или скорѣе за черныя палатки; у китайцевъ имѣется соотвѣтствующее выраженіе хэй-фань.[1]

Въ китайскомъ книжномъ языкѣ можно подчасъ встрѣтить, въ примѣненіи къ тибетцамъ и ихъ страны, обозначеніе ту-фань, которое съ 7 стол. по Р. Х. стало прилагаться къ могущественному тибетскому королевству, причинявшему много безпокойства тогдашней танской династіи въ Китаѣ.[2] Словарь Вильямса указываетъ древнее чтеніе двухъ составлявшихъ раньше[3] названіе іероглифовъ тубат, которое и перешло будто бы къ арабскимъ путешественникамъ IX в.[4] Сунъ ши употребляетъ еще это имя; Ляо ши—имѣетъ уже Тѣбудэ и Туботэ, Юань ши,—Ту-фань, Тубо, Тобо и Си-фань (подъ послѣднимъ именемъ по мнѣнію Іакинфа [5] разумѣлось населеніе Амдо, мож. быть южной Ганьсу, и Кукунора); Минъ-ши расширяетъ значеніе Си-фань на сѣверную часть Тибета;[6] нынѣ въ большемъ употребленіи Си-ц^занъ, нежели Си-фань.[7]

II. Границы и площадь.

При опредѣленіи границъ Тибета необходимо предварительно условиться насчетъ принципа, которымъ онѣ устанавливаются, такъ какъ географическія границы этой страны не всегда совпадаютъ съ этнографическими, часто уступая имъ по протяженію; съ другой стороны политическія границы, отмѣчающія территорію, непосредственно и фактически управляемую тибетскимъ правительствомъ въ лицѣ его представителей въ Лхасѣ, далеко не соотвѣтствуютъ ни географическимъ, ни тѣмъ болѣе этнографическимъ границамъ, заключая въ себѣ не болѣе половины площади географическаго Тибета. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ исключительно руководиться географическимъ принципомъ, какъ наиболѣе устойчивымъ и поддающимся точной оцѣнкѣ, нежели измѣнчивый этнографическій и совершенно искусственный политическій. Въ подтвержденіе сказаннаго разсмотримъ послѣдовательно всѣ три

категоріи границъ — географической, экономической и политической, которыя обусловливаютъ значительную разницу въ исчисленіи площади Тибета.

Несомнѣнно, что наиболѣе отчетливой и опредѣленной изъ всѣхъ трехъ является географическая граница Тибета, которая на всемъ протяженіи, за малымъ исключеніемъ юговосточнаго угла страны, представляетъ ясно выраженную естественную линію: на сѣверѣ географической границею является Куэнь-лунь вмѣстѣ съ придаткомъ между собственнымъ Куэнь-лунемъ (Акка-тагомъ и его продолженіями) и Алтынъ-тагомъ съ Нань шанемъ); на югѣ центральный гребень Гималаевъ; на западѣ скучиваніе горныхъ цѣпей Каракорума, Гималаевъ и Куэнь-луня около 78 меридіана; на востокѣ спускъ съ тибетскаго нагорія къ собственно-китайскимъ болѣе низко лежащимъ областямъ и китайскія пограничныя цѣпи съ меридіональнымъ простираніемъ, относимыя къ индо-китайской горной системѣ и неимѣющія общаго наименованія (прибл. 102—104 меридіаны или нижнее теченіе Ялунъ. р. Тунъ, верхняя Минь и Тао-хэ). Въ юговосточномъ углу Тибета географической границы не существуетъ въ промежуткѣ отъ конца Гималаевъ до встрѣчи восточной границы, поэтому ее можно замѣтить условной — мысленнымъ продолженіемъ Гималаевъ вдоль 28 параллели.

Этнографическія границы страны нынѣшняго распредѣленія тибетскаго племени представляютъ значительныя уклоненія отъ указанной естественной линіи: такъ тибетское населеніе имѣется въ очень значительномъ числѣ или даже исключительно въ пригималайскихъ областяхъ на югъ отъ линіи гребня Гималаевъ отъ Балтистана и Ладака[1] и кончая Бутаномъ; съ другой стороны, Цайдамъ, относимый къ географическаму Тибету, не имѣетъ вовсе постояннаго тибетскаго населенія, а юговосточный уголъ страны напол-

нонъ, кромѣ тибетцевъ, еще другими племенами, въ общемъ чуждыми тибетской расѣ. Во всякомъ случаѣ различіе между географическими и этнографическими границами не такъ велико, какъ между ними и политическими, дающими Тибету много меньшіе размѣры. Вышеприведенныя географическія границы включаютъ въ составъ Тибета какъ области Балтистанъ и Ладакъ съ одной стороны (Большой и Малый Тибеты Риттера), такъ и округа Цайдамъ и Кукуноръ и обширную область восточной половины тибетскаго нагорья между 98 и 102 меридіанами. Съ точки зрѣнія физико-географическихъ особенностей и племеннаго типа огромнаго большинства населенія указанныя пять дѣленій составляютъ одно неразрывное цѣлое, между тѣмъ какъ политически эти области отдѣлены отъ остальнаго Тибета и не подчиняются его власти. Ладакъ и Балтистанъ, равно какъ часть сѣверной — отъ линіи главнаго гребня — полосы Гималаевъ, съ далеко выдвинувшимся вглубь тибетской нагорной страны Сиккимомъ, находятся подъ управленіемъ различныхъ индійскихъ княжествъ и слѣдовательно признаютъ если не номинально, такъ фактически верховное покровительство Британской индійской имперіи: Ладакъ (съ Рунчу) и Балтистанъ входятъ въ составъ Кашмира, а пограничная приглмалайская полоса раздѣляется между Непаломъ и Сиккимомъ. Округа Цайдамъ и Кукуноръ имѣютъ особую систему управленія сходную съ организаціей монгольскихъ хошуновъ [1], часть же восточной окраины тиб. нагорья между 98 и 102° мерид. включена въ составъ китайскихъ провинцій Ганьсу и Сы-чуань и слѣдовательно изъята изъ непосредственнаго вѣдѣнія тибетскаго правительства. Наконецъ, часть сѣвернаго Тибета вплоть до 34 параллели на западѣ и 33-ей на востокѣ совершенно необитаема и потому можетъ скорѣе считаться ничьей страной, нежели политически управляемой изъ Лхасы.

Таковъ въ общихъ чертахъ политическій объемъ границъ собственнаго Тибета, о которомъ прежде всего будетъ итти рѣчь: на сѣверѣ онъ примыкаетъ къ землямъ Новой Линіи (Восточнаго Туркестана) и монгольскимъ хошунамъ Цайдама и Кукунора, на востокѣ къ провинціямъ Собственнаго Китая: Ганьсу, Сы-чуани и Юньнань; на югѣ послѣдовательно къ мало изслѣдованнымъ территоріямъ дикихъ туземныхъ племенъ Верхней Бирмы въ области Лохита (Цʻаіул чʻу), къ Ассаму, Бутану съ Даваномъ, Сиккиму, Непалу и гималайскимъ мелкимъ туземнымъ княжествамъ и областямъ — Кумаонъ, Гарвалъ, Башаръ, Спити и Лахулъ; на западѣ къ Рупчу и Ладаку. Провести точную пограничную линію политическаго Тибета со стороны прилегающихъ къ нему на западѣ, югѣ и востокѣ другихъ государствъ и остальныхъ владѣній Китая представляется крайне затруднительнымъ, если не возможнымъ, и точнаго обозначенія ея на нынѣшнихъ картахъ не существуетъ. Граница проходитъ большею частью черезъ неизслѣдованныя высокія горныя области и обширныя пустыни, либо совершенно безлюдныя, либо изрѣдка посѣщаемыя бродячими племенами тюркской, тибетской или монгольской національности, а потому и не нуждается въ болѣе точной съемкѣ или въ установкѣ пограничныхъ столбовъ. Кромѣ нагорныхъ гималайскихъ долинъ, издавно заселенныхъ тибетцами и находящихся подъ наблюденіемъ поставленныхъ изъ Лхасы правителей, можно утверждать лишь относительно извѣстныхъ пунктовъ, какъ проходы, рынки, укрѣпленія, мѣста золотыхъ пріисковъ, или объ отдѣльныхъ линіяхъ поселеній и сообщеній, принадлежатъ-ли они тибетской территоріи, или сосѣднимъ государствамъ и владѣніямъ.[1]

На западѣ политическая граница идетъ въ видѣ изломанной линіи между $78^1/_2$ и 80° меридіанами отъ истока Керіи

дарьи и пустыни Аксай-чинъ черезъ перевалъ Лапакъ мимо западной оконечности озера Панъ-конъ къ прорыву Сетледжа у перевала Шипки. Южная граница обычно проводится на англійскихъ картахъ отъ перевала Ньиланъ вдоль главнаго гребня или по сѣверному подножью главной цѣпи Гималаевъ черезъ рядъ болѣе или менѣе установленныхъ въ зависимости отъ существующихъ пограничныхъ станцій, переваловъ, горныхъ пиковъ или въ силу спеціальныхъ соглашеній точекъ; таковыми яляются перевалы Нити (80° в. д.), нѣсколько на югъ отъ Сетледжа, перевалы Поту и Н'о между 83°40′ и 84°30′ в. д, перевалъ Киронъ 85°20′ и Ньилам-Кути 86°, всѣ четыре въ Непалѣ. Граница Сиккима установлена договоромъ 7 сент. 1904 г. по линіи водораздѣла, т. е. на сѣверъ отъ главнаго гребня Гималаевъ, черезъ перевалы Чортенньима, Конгралама и Донкя; на В. отсюда территорія Лхасскаго правительства врѣзывается языкомъ долины Чумби въ область бассейна индійскихъ рѣкъ (Аммо ч'у). Со стороны Бутана граница идетъ отъ пика Джомолхари приблизительно по линіи главнаго гребня Гималаевъ до Ассама и Верхней Бирмы, но вся эта уединенная область заселена какъ со стороны Тибета, такъ и Ассама дикими, фактически независимыми горными племенами, извѣстными подъ самыми различными именами Мири, Мишми, Аборъ, и т. д. Во всякомъ, случаѣ Тибетъ образуетъ здѣсь выступъ почти на 1° широты къ югу до 28° параллели въ лицѣ области Цалъ, примыкая затѣмъ къ китайской провинціи Юнь-нань. Отсюда на всемъ остальномъ протяженіи вплоть до верховьевъ р. Керія, послужившихъ исходнымъ пунктомъ вышеприведеннаго обзора зап. и южн. полит. границы, Тибетъ граничитъ съ прочимъ владѣніями и составными частями Китая.

Граница между Собственнымъ Китаемъ (Ши-па-шэнъ или Нэй-ди) и Тибетомъ, или восточная граница собственной терри-

торіи Тибета, подверглась въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій многочисленнымъ измѣненіямъ[1]); еще въ XVII стол. она лежала въ 46 англ. миляхъ на западъ отъ города Я-чжоу-фу[2]. Въ дальнѣйшемъ она все болѣе отодвигалась на западъ и въ 1727 г. съ присоединеніемъ княжествъ Ба и Ли-танъ къ Сы-чуани положена въ 30 миляхъ на западъ отъ г. Батанъ и на В. отъ Драя и Чамдо, ключа къ Тибету по гребню хребта Нинъ-цзинъ шань[3], образующаго водораздѣлъ между Лань-цанъ цзянъ (Меконгомъ) и Цзинь-шацзянъ.

Дальнѣйшая граница была установлена теоретически вполнѣ точно при Цянь-лунѣ, пересѣкая своимъ продолженіемъ верхній Янъ-цзы и озерную систему Хуанъ-хэ къ озеру Тосунъ во владѣніи удѣла Шанъ (въ Цайдамѣ). При Цянь-лунѣ теоретическая граница по Нинъ-цзинъ-шань и далѣе на сѣверъ являлась въ то же время и фактической, такъ какъ китайское политическое и военное могущество, находясь на вершинѣ своего развитія, могло заставить наиболѣе безпокойныя и непокорныя народности пограничной области (напр. въ Джяронъ или Цзинь-чуань) уважать свои законныя права: но нынѣ тибетскія княжества, или отдѣльные церковные удѣлы, расположенные на западъ и востокъ отъ этой границы (Чамдо, Дерге, Хорпчіог или Няронъ, Ба, Литанъ, Чжала съ Да-цзянь-лу), пріобрѣли почти полную независимость какъ отъ Китая, такъ и Тибета, что и доказываютъ частыми возмущеніями противъ кит. и тиб. властей. Еще большую путаницу въ политическомъ положеніи вноситъ то обстоятельство, что область Меняк—Нижній Няронъ или Чжань-дуй въ долинѣ Нягу (Ялунъ) ниже Хорпчіог (Хорба) признаетъ нынѣ власть Лхаскаго правительства.

Отъ озера Тосунъ граница шла черезъ Бурханъ-бота къ хребту Пржевальскаго и далѣе по линіи Куэнь-луня. Нынѣ вся область истоковъ Хуанъ-хэ почти вплоть до верхняго

Ялунъ занята независимымъ племенемъ голыковъ, тогда какъ область между Цайдамомъ и Танъ-ла (бассейнъ верхняго Янъ-цзы и Меконга) подчинена вѣдѣнію Си-нинъ'скаго амбаня; область Джя-де (китайская) на югъ отъ Танъ-ла до Нагчу (верхн. теч. Сальвина) подлежитъ вѣдѣнію Лхасскаго амбаня. Такимъ образомъ область фактически подчиненная Лхасскому правительству оказывается даже меньшей, чѣмъ площадь, отмѣченная теоретической границею[1].

Въ зависимости отъ неопредѣленности и измѣнчивости политическихъ границъ и площадь Тибета исчисляется различно смотря по автору и принятымъ имъ границамъ. Такъ мы имѣемъ цифру въ 1,200,000 кв. кил. для площади политическаго Тибета въ самомъ узкомъ смыслѣ[2], цифру въ 1,900,000 кв. кил. Герм. Вагнера для площади, приближающейся къ географическому Тибету, но безъ Цайдама и Ладака и цифру въ 2,109,000 кв. кил. повидимому для всего географическаго Тибета[3], опять таки безъ Ладака. Крайнія точки территоріи распредѣленія тибетской народности суть: въ длину—сКардо въ Балтистанѣ на Индѣ на западѣ и Сунъ-пань-тинъ и верхняя Минь на востокѣ—разстояніе 2600 килом.; въ ширину наименьшая линія, укладывающаяся на тибетской территоріи отъ перевала Каракорумъ въ Ладакѣ до прорыва Сетледжа въ Спити,—имѣетъ 450 кил., а наибольшая между сѣвернымъ хребтомъ Наньшаня(на сѣверъ отъ Кукунора; почти до южнаго колѣна Цзинъ-ша-цзянъ—1250 кил.[4]

При всемъ разнообразіи рельефа страны, объединяемой подъ общимъ политическимъ обозначеніемъ Тибета, именно его сѣверной, южной и юговосточной частей, въ зависимости отъ средняго возвышенія надъ уровнемъ моря и направленія рѣчныхъ долинъ, рѣзкія естественныя границы со стороны сѣверо-восточныхъ и юго-западныхъ муссоновъ (Куэньлунь и Гималаи) обусловливаютъ извѣстное постоянство физическихъ

черть (каковы климать, флора и фауна), придающее опредѣленный географическій смысль названію Тибета для этой части азіатскаго материка[1].

III. Исторія изслѣдованія Тибета и развитія свѣдѣній о немъ въ европейской литературѣ.

Представляя собою наибольшее вздутіе азіатскаго материка и въ то же время наиболѣе высокую нагорную страну на земномъ шарѣ, со среднимъ возвышеніемъ, если не считать Цайдама, Кукунора и восточнаго Тибета, отъ 4000 до 4500 метровъ [2]), и располагаясь въ сторонѣ отъ обычныхъ путей европейскихъ изслѣдователей XIX стол., Тибетъ, естественно, нынѣ является одной изъ наименѣе извѣстныхъ равной площади областей азіатскаго материка, не уступая въ этомъ отношеніи Центральной Африкѣ. Самыя точныя и подробныя изъ числа существующихъ картъ Тибета [3]) отличаются крупными погрѣшностями и пробѣлами, указывающими на неполноту географическаго изслѣдованія области. Причинъ этому явленію имѣется достаточно, даже помимо двухъ вышеуказанныхъ основныхъ обстоятельствъ: высокій пограничный горный барьеръ на сѣверѣ, западѣ и югѣ и непроходимыя горныя ущелья на востокѣ, бѣдная природа (отсутствіе топлива, скудный подножный кормъ[4]) на сѣверѣ и западѣ, крайне суровый климатъ (чрезвычайныя колебанія температуры, бури, крайности климата то необычайно сухого, то чрезмѣрно влажнаго), огромная абсолютная высота и вслѣдствіе того разрѣженный воздухъ, въ которомъ мускулы человѣка и животныхъ не могутъ выполнять обычную работу при нормальной затратѣ силъ, трудности путешествія [5]) въ самой странѣ за отсутствіемъ всякихъ дорожныхъ удобствъ хотя бы самыхъ примитивныхъ, наконецъ, изолированное положеніе страны въ самой глубинѣ азіатскаго материка вдали отъ главныхъ центровъ людской дѣятельности по морскому

побережью или въ русскихъ владѣніяхъ. Однако, противъ путешественника въ Тибетѣ возставала до самаго послѣдняго времени не только природа, но и люди, и самой главной причиною недостаточнаго знакомства европейцевъ съ Тибетомъ являлась именно политика отчужденія и замкнутости, неуклонно проводившагося тибетскимъ правительствомъ послѣдніе 60 лѣтъ вплоть до англійской мирной миссіи 1904 г. при полномъ сочувствіи и содѣйствіи сюзерена Тибета—Китая.

Подобная политика, несомнѣнно, явилась наиболѣе важной въ ряду другихъ причинъ неизслѣдованности страны, т. к. физическія преграды могли служить серіозной помѣхою для европейскихъ путешественниковъ лишь въ болѣе ранніе годы изученія азіатск. материка; нынѣ же болѣе совершенное и раціональное снаряженіе и долгій опытъ прежнихъ путешествій позволяютъ европейскимъ изслѣдователямъ проникать безъ особаго труда въ самыя негостепріимныя и труднодоступныя мѣстности. Въ этомъ мы убѣждаемся по отношенію къ Африкѣ; то же могли бы ожидать видѣть и въ Тибетѣ, и дѣйствительно, какъ показалъ примѣръ Пржевальскаго (1879), Бонвало 1889 г., Боуера 1891 г., Рокгиля 1892 г., Дютрейль-де-Рэнь 1893, Литтльдэль 1895 и Гедина 1901 г., европейцамъ удавалось и въ совсѣмъ близкое къ намъ время подойти на разстояніе немногихъ переходовъ отъ Лхасы, и только сопротивленіе тибетскихъ властей заставило ихъ повернуть въ сторону—у самой цѣли. Слѣдовательно, не въ физическихъ преградахъ, которыя могли затруднять географич. изслѣдователей только въ прежнее время, не теперь, надлежитъ искать объясненіе недостаточности европейскихъ свѣдѣній о Тибетѣ, но въ нежеланіи правящей власти допустить въ страну иностранцевъ, въ частности европейцевъ. Какими же соображеніями было вызвано и мотивировалось это нежеланіе? Какъ мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго историческаго обзора путеше-

ствій по Тибету, было время (и время не слишкомъ далекое отъ насъ т. к. отъ послѣдняго случая этого рода насъ отдѣляетъ всего 60 лѣтъ), когда немалому числу европейцевъ, почти безъ исключенія римско-католическихъ миссіонеровъ, удавалось довольно свободно, въ началѣ XVIII ст. даже при наличіи сочувствія и поддержки со стороны тибетскаго свѣтскаго правителя, проникнуть въ самый завѣтный уголокъ Тибета—область Уй—и прожить мѣсяцы, даже цѣлые годы въ святыя святыхъ буддійскаго міра-Лхасѣ. Правда, ихъ подвиги, высоко похвальные съ религіозной точки зрѣнія, не принесли особой пользы географическому изслѣдованію страны; къ этой задачѣ они никогда не готовили себя, ихъ влекли другія стремленія. Однако, ихъ записки и наблюденія, будучи опубликованы полностью[1]), дали бы намъ несравненно болѣе свѣдѣній для познанія страны, чѣмъ могли это сдѣлать жалкіе отрывки, проникшіе въ публику изъ архивовъ и библіотекъ іезуитскаго и капуцинскаго орденовъ въ Италіи. Благодаря этому неблагопріятному обстоятельству Риттеръ могъ съ полнымъ правомъ написать въ 1835 г. въ IV томѣ Землевѣдѣнія Азіи слѣдующія строки, и это несмотря на то, что за время истекшихъ до него 5 столѣтій въ Лхасѣ успѣло перебывать 22 европейца: «При географическомъ описаніи этой обширной части земн. шара мы наталкиваемся на почти непреодолимыя трудности, т. к. до сихъ поръ лишь китайцамъ и миссіонерамъ, которые являются плохими наблюдателями физическихъ условій, удавалось проникнуть на тибетское плоскогоріе, а туземные источники остаются почти недоступными для европейцевъ благодаря малому знакомству съ языкомъ. Если бы намъ на помощь не являлись данныя исторіи этнографіи, произведеній торговли и промышленности; еслибъ насъ не поучала насчетъ тибетскаго нагорья аналогія строенія почвы въ сосѣднихъ областяхъ, то врядъ ли

мы рѣшились бы приступить къ его описанію предъ лицомъ таинственнаго полумрака и затемняющихъ истину небылицъ, которыя уже тысячелѣтіе витаютъ надъ страною». Такимъ образомъ, опубликованныя извѣстія первыхъ путешественниковъ по Тибету дали въ руки европейцевъ весьма ограниченное количество географич. матеріала; позднѣйшіе же путешественники, полагавшіе свою задачу исключительно въ географическомъ изслѣдованіи и явившіеся слѣдомъ за ними въ страну, должны были останавливаться на полъ-дорогѣ, начиная съ путешествія Гюкъ и Габе въ 40 гг. XIX стол., вѣрнѣе даже еще до этого путешествія съ конца XVIII ст., когда всѣмъ иностранцамъ (пилинъ) [1]) былъ закрытъ доступъ во владѣнія, непосредственно подчиненныя Лхасскому правительству. Между тѣмъ какъ разъ около этого времени возрождается особый интересъ къ изслѣдованію внутреннихъ областей Азіи, въ частности Тибета. Интересъ этотъ не только не ослабѣваетъ предъ лицомъ опасностей и трудностей, съ которыми связано путешествіе по Тибету, но въ силу этого самаго обстоятельства еще болѣе усиливается и заставляетъ прибѣгать къ разнаго рода хитростямъ съ цѣлью обмануть бдительность тибетскихъ властей. Достиженіе Лхасы становится отнынѣ завѣтной мечтою, idée fixe цѣлаго ряда путешественниковъ, изъ нихъ первый Пржевальскій, послѣдній и пожалуй самый замѣчательный Гединъ. Однако, всѣ ихъ усилія и изобрѣтательность разбиваются о несокрушимую преграду, поставленную на ихъ пути не менѣе ясно выраженнымъ нежеланіемъ тибетскихъ правителей видѣть въ стѣнахъ Лхасы иностранцевъ, помимо истинно вѣрующихъ, представителей монгольской расы. При этихъ условіяхъ индійское правительство, въ лицѣ секретнаго отдѣла топографическаго бюро (Indian Survey), напало на счастливую мысль воспользоваться услугами туземцевъ изъ числа подданныхъ

обширной Индійской имперіи для собиранія географическихъ и топографическихъ свѣдѣній относительно запрещенной страны и составленія надежной карты на случай осложненій съ Тибетомъ; этими агентами являлись большей частью тибетцы, уроженцы южной стороны Гималаевъ (напр. изъ Кумаона, какъ Наинъ Сингъ, А. К. и другіе) и натурализированные англійскіе подданные, которымъ монгольскія черты лица помогали при переодѣваніи.

Такимъ образомъ мѣсто европейцевъ, которые не допускались за Гималаи, заняли эти агенты инд. правительства—спеціально обученные для производства съемки и прочихъ наблюденій индусскіе пандиты (индусское слово, обозначающее ученый, или вообще образованный человѣкъ). Подъ разными предлогами, переодѣтые, они успѣвали проскользнуть черезъ границу и, окружая себя всевозможными предосторожностями, производили украдкою съемку мѣстности, измѣреніе высотъ, разстояній и т. д. Ихъ жизнь находилась подъ вѣчной угрозой; случалось, что лишь чудомъ они избѣгали гибели, но тѣмъ не менѣе цѣль ихъ тревожныхъ трудовъ достигалась въ полной мѣрѣ нерѣдко даже свыше ожиданій.

Что же касается самихъ европейцевъ, то они отказались послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ отъ мысли проникнуть въ страну съ юга вдоль наиболѣе населенной и охраняемой границы; перемѣнивъ тактику, они думали открыть себѣ доступъ въ страну съ той ея стороны, гдѣ разстилаются почти необозримыя пустыни сѣвернаго Тибета или трудно проходимыя ущелья восточнаго Тибета. Однако, и тутъ ихъ стерегли бдительныя очи тибетцевъ. Едва европеецъ, презрѣвъ всѣ трудности путешествія по далекой невѣдомой странѣ, появлялся на границѣ обитаемыхъ областей запрещеннаго круга, онъ немедленно подъ конвоемъ отсылался обратно, за предѣлы обита-

емыхъ мѣстъ собств.-Тибета, иногда безъ особыхъ церемоній и всегда съ твердостью и настойчивостью, недопускавшими возраженія, или сопротивленія. [1]) Обычно, европейцы уходили невредимыми, но въ одномъ случаѣ, правда, не провѣренномъ, были примѣнены пытки (Сэвэджъ Лэндоръ, проникшій въ Тибетъ (область Пуранъ, на югъ отъ Священныхъ озеръ) черезъ перевалъ Ланъ-пя изъ Кумаона, описалъ въ книгѣ: In the forbidden land, 2 тома 1894 г., перенесенныя имъ физическія и нравственныя страданія отъ рукъ тибетскихъ мѣстныхъ властей; однако, несмотря на присутствіе видимыхъ знаковъ насилія на тѣлѣ, удостовѣренное врачемъ, индійское правительство приписало сообщенные ужасы скорѣе пылкому воображенію автора журналиста); въ другомъ случаѣ путешественникъ былъ убитъ (Дютрейль де Ренъ іюнь 1894 г.); въ третьемъ онъ исчезъ—голландецъ П. Рійнхартъ въ сент. 1898 г. Эти примѣры доказываютъ, какъ плотно были закрыты двери если не всего Тибета, такъ его южной, западной и главное юго-восточной части—центра управленія, средоточія населенія, промышленности и богатства, мѣстонахожденія большей части тибетскихъ святынь,—приманки для европейцевъ, съ Лхасою во главѣ; и какъ зорко стерегутся всѣ дороги, ведущія въ Лхасу: черезъ Сиккимъ, черезъ Бжянъ-т'анъ мимо Тенгри-нора, изъ Цайдама и Кукунора черезъ Нагч'ук'а, изъ Да-цзянь-лу черезъ Ли-танъ, Ба-танъ и Чамдо и далѣе черезъ Лхо-ронъ цзонъ и Сіобандо. [2])

Чтобы объяснить причины подобной исключительной политики правительства Лхасы, необходимо вникнуть въ политическое положеніе внутри страны. Здѣсь играютъ роль два отличныхъ фактора: господство ламъ, или служителей ламайской церкви, которымъ помимо духовнаго вліянія принадлежитъ и высшее руководительство всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, не считая значительныхъ торговыхъ интересовъ, и китайское по—

литическое верховенство, которое осуществляется внѣшнимъ образомъ черезъ посредство амбаня въ Лхасѣ и его помощника. По отдѣльнымъ вопросамъ внутренняго управленія между представителями духовной власти и амбанемъ могутъ существовать разногласія, но въ отношеніи иностранной политики царитъ самое безусловное единодушіе, потому что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны въ равной мѣрѣ личные интересы ламъ какъ и китайцевъ. Первые опасаются съ прибытіемъ европейцевъ утратить свое религіозное преобладаніе, вторые оберегаютъ монополію торговли извѣстными предметами, на которые существуетъ постоянный и значительный спросъ внутри страны—шелкомъ, чаемъ и т. д., и свой политическій, престижъ, уже поколебленный европейцами въ самомъ Китаѣ и прочихъ его владѣніяхъ. Эти опасенія и политическія соображенія побуждаютъ тибетцевъ и китайцевъ съ недремлющей бдительностью сторожевой собаки [1]) слѣдить нынѣ за всѣми движеніями европейцевъ на границахъ страны; но такъ какъ эти опасенія пріобрѣли реальную почву лишь 60 лѣтъ тому назадъ, то раньше политика отчужденія страны отъ посторонних вліяній и не проводилась съ такой неуклонной послѣдовательностью.

Въ самомъ дѣлѣ, пока главные центры европейской дѣятельности и предпріимчивости находились за тысячи верстъ отъ Лхасы, пока китайцамъ не пришлось испытать на себѣ тяжелую руку европейскихъ армій и флотовъ, а миссіонеры являлись въ Азію смиренными проповѣдниками и просителями и не вели за собою десятковъ спутниковъ, въ изобиліи снабженныхъ денежными средствами и дипломатической поддержкою своего отечества, до тѣхъ поръ китайцы и ламы одинаково могли не тревожиться за свои интересы и довольно охотно пропускали въ страну отдѣльныхъ посѣтителей. Но съ середины XIX ст. обстоятельства измѣнились. Съ утверж-

деніемъ Англіи и англ. вліянія на краю южной границы Тибета послѣ завоеванія Ассама [уступленнаго Англіи въ 1825 г. Бирмою], присоединенія верхней Бирмы въ 1885, мелкихъ гималайскихъ княжествъ между Ладакомъ и Непаломъ, Кашмира и Ладака въ 1846 г., Сиккима съ 1850 г. и утвержденія англійскаго вліянія въ Непалѣ (война 1815 г.) и Бутанѣ (1863-4); съ усиленіемъ европейскаго вліянія въ Китаѣ послѣ пораженія кит. армій и флота въ 1840-2 и 1858-60; съ ростомъ европейской торговли и развитіемъ предпріимчивости европейскихъ комерсантовъ на протяженіи всего южнаго и восточнаго побережья Азіи и внутри материка; наконецъ, съ увеличеніемъ числа европейскихъ изслѣдователей, проникавшихъ въ самые глухіе уголки Китая и его вассальныхъ владѣній въ цѣляхъ изученія страны, а по убѣжденію мѣстнаго населенія, для подготовки пути будущему европейскому завоевательному нашествію [1], при этихъ обстоятельствахъ прежнее болѣе снисходительное отношеніе къ европейцамъ въ Тибетѣ грозило его владѣтелямъ серьезными опасностями. Европейцы уже представляли изъ себя могучую сплоченную силу, не то, что прежніе одинокіе безобидные монахи, или искательныя посольства отъ индійскаго правительства: они болѣе не просили, но требовали доступа въ страну: чувство самосохраненія побудили одинаково китайское правительство и ламъ принять мѣры къ огражденію своихъ законныхъ интересовъ и правъ, подвергавшихся нешуточной опасности со стороны европейскихъ посягательствъ.

Для ламъ это очевидно вопросъ жизни или смерти. Его могущество основывается на невѣжествѣ и суевѣріи народа, который считаетъ себя, безъ ихъ помощи, во власти вездѣсущихъ злыхъ духовъ и потому обращается во всѣхъ возможныхъ случаяхъ къ защитѣ ламъ, независимо отъ сто-

имости ихъ услугъ. Ламы стараются поддерживать въ населеніи это убѣжденіе и отдаютъ свое заступничество не по слишкомъ дешевой цѣнѣ. Не имъ, поэтому, привѣтствовать введеніе въ страну болѣе просвѣщенныхъ идей, еще того меньше способствовать, или только дать возможность представителямъ могущественной противной религіи—христіанства—оспаривать власть ламъ надъ умами населенія. Между тѣмъ допущеніе въ страну европейскихъ путешественниковъ и миссіонеровъ должно неминуемо и безповоротно разсѣять всѣ иллюзіи, на которыхъ покоится ихъ вліяніе, и черезъ это лишить ихъ средствъ къ существованію. Инстинктъ самосохраненія побуждаетъ ихъ къ энергичному отпору и къ изгнанію, даже силою оружія, непрошеннаго пришельца, за которымъ двери, ведущія въ страну, замыкаются еще плотнѣе.

Для Китая вопросъ о допущеніи европейцевъ въ страну является въ то же время вопросомъ его политическаго престижа[1]) и торговаго преобладанія. Это дѣлаетъ его не менѣе бдительнымъ и боязливымъ, хотя, какъ искусный дипломатъ, онъ умѣло скрываетъ свои чувства передъ европейцами. По мнѣнію нѣкоторыхъ европейцевъ, онъ настоящій и безспорный хозяинъ въ странѣ, и отдѣльные факты подтверждаютъ этотъ взглядъ. Онъ всегда насторожѣ и готовъ появиться на сценѣ въ критическій моментъ, хотя предпочитаетъ держаться въ тѣни. Если нужно, пекинскія власти выдадутъ путешественнику паспортъ, гдѣ предписывается мѣстнымъ властямъ оказывать тому зависящее содѣйствіе, сопровождая документъ изъявленіемъ личной готовности услужить и доказать на дѣлѣ свое дружеское расположеніе, но одновременно отправятъ всѣмъ своимъ агентамъ по пути секретную инструкцію задерживать путешественника, гдѣ возможно, чинить ему препятствія во всемъ, наконецъ, вернуть его обратно[2]). Китай содержитъ двухъ амбаней въ Лхасѣ, не считая третьяго въ

въ Шигаце, его чиновники имѣются во всѣхъ значительныхъ пунктахъ восточнаго и центральнаго Тибета; доступъ въ страну не только по линіи почтовыхъ дорогъ, ведущихъ изъ Собств. Китая (Сы-чуани)[1]), но даже со стороны Индіи оберегается отчасти его солдатами (напр. въ долинѣ Чумби, Пари дзонѣ и въ Динъ-ри;). Китай и никто другой заключаетъ договоры съ иностранными державами отъ имени Тибета, хотя ссылается затѣмъ на нежеланіе тибетцевъ признать этотъ актъ и невозможность принудить ихъ къ повиновенію [2]).

Китаецъ, торговецъ или чиновникъ, является въ предѣлахъ Тибета привилегированнымъ лицомъ всюду, куда только ни занесетъ его судьба: онъ играетъ выдающуюся роль по всей странѣ, въ особенности на торговыхъ дорогахъ. Таково теоретически его положеніе въ странѣ, хотя мнѣнія на этотъ счетъ различныхъ авторовъ далеко несходны между собою, въ общемъ указывая на пошатнувшееся вліяніе Китая. Майоръ Уоддель въ 1899 г. дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Въ свое оправданіе по поводу примѣняемыхъ нынѣ въ большей строгости чѣмъ когда либо, мѣръ исключенія изъ Тибета всѣхъ европейцевъ, китайцы ссылаются на то, что въ этомъ виноваты ламы; на дѣлѣ истиннымъ создателемъ этой исключительности является самъ китаецъ, который по своему обыкновенію прячется за чужой спиною. Тибетцы не враждебны къ европейцамъ и ламы менѣе, чѣмъ кто-либо, довольны стѣсненіемъ иностранной торговли, являясь главными участниками въ ней. Китай же желаетъ сохранить тибетскій рынокъ за собою, равно какъ упрочить свое политическое могущество, и его враждебное вліяніе въ Лхасѣ въ смыслѣ систематическаго подстрекательства тибетцевъ противъ европейцевъ наглядно проявлялось послѣдніе 50 лѣтъ со времени Гюка»[3]). Почти въ томъ же смыслѣ высказывается Рокгиль[4]): «Китайцы въ Тибетѣ отнюдь не желаютъ подвергать опасности

свой престижъ среди правящаго класса страны, т. е. ламъ, черезъ излишнія любезности по отношенію къ иностранцамъ; чтобы позволить себѣ подобную угодливость, имъ пришлось бы предварительно настоять на своихъ правахъ, какъ господствующей силы, безъ прямой выгоды для собственныхъ интересовъ. Пожелай онъ этого, Китай въ любой моментъ могъ бы обезпечить за собой дѣйствительное преобладаніе въ странѣ, ибо смѣшно слышать, будто Китай не обладаетъ надъ Тибетомъ верховной властью, а китайскіе чиновники существуютъ тамъ только для надзора за соотечественниками и только терпимы остальнымъ тибетскимъ населеніемъ и властями. Исторія, по крайней мѣрѣ, со времени Канъ-си и Цянь-луна, а также послѣднія событія на южной границѣ Тибета (дѣло идетъ о столкновеніи Англіи и Тибета въ Сиккимѣ, улаженнаго вмѣшательствомъ Китая) убѣждаютъ въ противномъ; но Китай не желаетъ держать Тибетъ въ своихъ рукахъ силою оружія, разъ онъ можетъ достигнуть этого дипломатической ловкостью, большей опытностью въ иностранныхъ дѣлахъ и примирительной политикою по отношенію къ ламамъ». Совсѣмъ другого взгляда держится на этотъ вопросъ кап. Боуеръ, проѣхавшій незадолго передъ тѣмъ изъ Ладака черезъ сѣв. Тибетъ мимо Тенгри нора въ Китай; этотъ же взглядъ былъ усвоенъ индійскимъ правительствомъ въ его переговорахъ съ Тибетомъ (см. депешу отъ 8 января 1903 г. вице-короля Керзона[1]): „Мои личныя впечатлѣнія склоняются къ тому, что китайское верховенство въ странѣ весьма призрачно, хотя тибетцы въ своей политикѣ замкнутости охотно прячутся за китайцевъ при переговорахъ съ иностранными державами. Если бъ Китай представлялъ дѣйствительную силу въ Тибетѣ, а послѣдній составлялъ часть имперіи, то, согласно Тяньцзиньскому договору, англичане имѣли бы право отправляться въ Тибетъ съ

китайскимъ паспортомъ, а между тѣмъ всякому извѣстно, что китайцы не могутъ выдать (вѣрнѣе не выдаютъ) паспортъ, который имѣлъ бы обязательную силу въ глазахъ тибетскихъ властей"[1].

Въ самое недавнее время Юнгхöзбендъ, дипломатическій представитель Англіи во время «Миссіи» 1903—4 г.г., вынесъ изъ перваго посѣщенія Тибета впечатлѣніе, что сама страна мало измѣнилась сравнительно съ описаніями Богля и Маннинга въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX-го, только *престижъ Китая нынѣ значительно палъ*[2].

Если еще могутъ существовать нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, обладаютъ-ли нынѣ китайцы въ полной мѣрѣ тѣмъ политическимъ вліяніемъ, которое принадлежало имъ въ Тибетѣ во времена Канъ-си и Цянь-луна, то во всякомъ случаѣ ихъ значительные торговые интересы неоспоримы. Въ отношеніи подвоза шелка, чая, металлическихъ и бумажныхъ издѣлій Тибетъ находится въ тѣсной зависимости отъ провинціи Сы-чуани и китайскихъ торговыхъ фирмъ, руководящихъ вывозомъ этихъ предметовъ изъ Китая въ Тибетъ. Эта торговля приноситъ китайцамъ огромныя выгоды, которыя въ значительной мѣрѣ ускользнутъ изъ ихъ рукъ, разъ будутъ допущены въ страну европейскіе комерсанты и разъ будетъ разрѣшенъ привозъ индійскаго чаю. Эта угроза торговой конкуренціи дѣлаетъ присутствіе европейцевъ на тибетской почвѣ крайне нежелательнымъ и убыточнымъ въ глазахъ китайскаго купца.

Итакъ, иностранцы были слишкомъ опасны въ глазахъ тибетскихъ ламъ, какъ носители новой вѣры и добровольные просвѣтители народа; слишкомъ опасны и для китайскаго купца, который сознаетъ въ нихъ естественныхъ соперниковъ въ торговыхъ операціяхъ и боится утратить черезъ нихъ свое настоящее почти монопольное положеніе въ торговлѣ чаемъ и друг. предметами; наконецъ, слишкомъ опасны иностранцы и

для Китая, какъ сюзерена Тибета, дорожащаго своимъ политическимъ престижемъ въ единственной области его обширныхъ владѣній, гдѣ иностранцы еще не поколебали его авторитита; ему, какъ и самому тибетскому правительству, хорошо извѣстны событія недавнихъ лѣтъ въ южной и юго-восточной Азіи; примѣры Бутана, Непала, Сиккима, Ладака стоятъ передъ его глазами въ качествѣ напоминанія, предостереженія и угрозы. Совокупность всѣхъ этихъ факторовъ и соображеній—опасеній за религіозное, торговое и политическое преобладаніе—положила основаніе и придала жизненный смыслъ политикѣ отчужденности, закрывшей двери юго-восточнаго и южнаго Тибета въ равной мѣрѣ какъ для дипломатовъ, миссіонеровъ и комерсантовъ, такъ и для ученыхъ изслѣдователей.

Таковы обстоятельства—физическія преграды и политическая замкнутость,—затруднявшія изученіе Тибета вообще и дѣлавшія его невозможнымъ для европейцевъ по отношенію къ юго-восточной и южной части страны. Послѣдняя область вплоть до англійской „миссіи“ 1904 г. представлялись невѣдомой въ томъ смыслѣ, что ни одному европейцу не удавалось лично убѣдиться въ правильности и точности картъ и произведенныхъ здѣсь въ разныхъ направленіяхъ индійскими пандитами съемокъ. Опять таки, самое посѣщеніе Лхасы представляло интересъ, по справедливому замѣчанію Гедина, лишь въ виду тѣхъ трудностей, съ которыми было связано достиженіе этой цѣли, т. к. еще до вступленія въ городъ англійской „миссіи“ Лхаса принадлежала къ числу наилучше извѣстныхъ городовъ центральной Азіи, за исключеніемъ Кашгара и Яркенда въ китайскомъ Туркестанѣ, благодаря многочисленнымъ китайскимъ описаніямъ и отчетамъ пандитовъ и китайскимъ планамъ. Поэтому англійская экспедиція 1904 г. лишь дополнила или просто подтвердила въ большинствѣ случаевъ точныя свѣдѣнія пандитовъ и китай-

скихъ географическихъ описаній, которыя имѣлись въ нашемъ распоряженіи для общей характеристики южнаго Тибета, отчасти юго-восточнаго, опытомъ и наблюденіями европейцевъ—очевидцевъ и превосходными фотографіями.

Въ отношеніи европейскаго изслѣдованія остальныхъ частей страны на первый планъ выступаютъ исключительно неблагопріятныя физическія условія, съ которыми борьба можетъ вестись лишь медленно и постепенно. Каждый годъ открываетъ здѣсь географической науки новыя пространства, обычно по сосѣдству съ пограничными цѣпями, но въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ глубинѣ внутреннихъ нагорій. Дѣло изслѣдованія послѣднихъ подвигается впередъ очень медленно, притомъ же отрывками, такъ какъ прямой и близкій путь сюда изъ Индіи былъ до сихъ поръ закрытъ: послѣ же долгаго кружного путешествія черезъ весь материкъ изслѣдователь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могъ располагать достаточнымъ временемъ, средствами и физическими силами для подробнаго изученія внутреннихъ областей Сѣвернаго Тибета.

При такихъ условіяхъ производилось до послѣдняго времени изслѣдованіе Тибета; всегда оно было опасно и затруднительно, такъ что человѣкъ, побывавшій въ Тибетѣ, могъ смѣло разсчитывать составить себѣ имя и снискать заслуженную награду. Всѣ имена лицъ, путешествовавшихъ по Тибету и прилегающимъ областямъ, извѣстны намъ наперечетъ; даже если они не совершали и не дали намъ ничего другого, кромѣ простого факта подобнаго путешествія, память о нихъ живетъ въ исторіи изслѣдованія Азіи вообще и Тибета въ частности. Въ дальнѣйшемъ будутъ указаны ихъ маршруты и достигнутые ими научные результаты изслѣдованія въ послѣдовательномъ порядкѣ времени ихъ путешествій, начиная съ перваго европейскаго посѣтителя окраины Тибета, память о комъ дошла до насъ—вездѣсущаго Марко Поло.

При всей желательности подобныхъ обзоровъ для изученія географіи другихъ странъ Азіи, обзоръ путешествій по Тибету является необходимымъ и часто единственнымъ пособіемъ и источникомъ для ознакомленія съ географической картиною страны. Наблюденія, замѣтки и впечатлѣнія этихъ путешественниковъ являются главнымъ основаніемъ, на которомъ покоится зданіе нашего точнаго и научнаго знакомства съ Тибетомъ. Китайскія карты Тибета рисуютъ, правда, только то, что существуетъ въ дѣйствительности, но часто погрѣшаютъ противъ правильнаго соотношенія частей или расположенія деталей; китайскія географическія описанія [1]) Тибета содержатъ почти исключительно голый перечень названій горъ и рѣкъ, разстояній между остановочными пунктами по торговымъ дорогамъ и городами, числа домовъ и жителей, мѣстныхъ произведеній, словомъ, рядъ не систематизированныхъ и не сведенныхъ въ общія характеристики фактовъ. Тибетскія географическія [2]) сочиненія, какъ и полагается ихъ авторамъ—ревностнымъ буддистамъ, изобилуютъ подробностями мѣстонахожденія различныхъ буддистскихъ святынь—монастырей, капищъ, священныхъ источниковъ и т. д., перечисляютъ всѣ преданія, устанавливающія связь съ отдѣльными рѣками и городами благочестивыхъ дѣяній великихъ святителей и чудотворцевъ буддійскаго пантеона и т. д., но собственно географическихъ свѣдѣній, даже въ той формѣ, какъ ихъ понимаютъ китайскіе авторы, въ тибетскихъ источникахъ трудно искать[3]. Пробѣлы и недочеты этихъ туземныхъ и китайскихъ описаній заполняютъ труды европейскихъ и иныхъ путешественниковъ.

Долго и трудно велось ими изслѣдованіе страны; десятки. сотни лѣтъ прошли, прежде чѣмъ создалась нынѣшняя географическая картина Тибета, какъ она рисуется въ современныхъ намъ описаніяхъ, результатъ сліянія и обработки

китайскихъ и европейскихъ свѣдѣній; долги и утомительны были ихъ труды, но еще при жизни большинство изъ нихъ не миновали награды, а теперь послѣ смерти болѣе далекихъ отъ насъ память ихъ живетъ въ наукѣ тибетовѣдѣнія и каждый авторъ по Тибету предпосылаетъ своему описанію упоминаніе о предшественникахъ, или даже посвящаетъ имъ отдѣльное изслѣдованіе. [1]

Оставляя въ сторонѣ фантастическое описаніе Тибета, вѣрнѣе одной только области священныхъ озеръ съ горою Кайласъ (гора боговъ Меру), у древнихъ индусовъ, [2]) первое, правла, смутное извѣстіе о Тибетѣ, облеченное въ форму легенды, встрѣчается въ третьей книгѣ Геродота (§ 102—105) въ разсказѣ о странѣ добывающихъ золото муравьевъ на С. и СВ. отъ Кашмира.

Дальнѣйшаго развитія и приближенія къ трезвой дѣйствительности эти свѣдѣнія о Тибетѣ достигаютъ у Страбона и въ особенности Птоломея, который въ описаніи страны Баута рисуетъ болѣе правильную общую картину Тибета, чѣмъ европейскіе авторы еще 200 лѣтъ тому назадъ. [3] Онъ различаетъ уже обѣ высокія пограничныя цѣпи Тибета—Куэньлунь и Гималаи, и знаетъ главную рѣку страны—Цзанъ-по; само названіе Баута близко напоминаетъ нынѣшнее туземное имя страны Бодъ. Съ паденіемъ Римской имперіи и возвышеніемъ въ Западной и Центральной Азіи кочевыхъ и враждебныхъ Европѣ царствъ почти всякій слѣдъ достигнутаго съ такимъ трудомъ, хотя и довольно неяснаго, знакомства съ внутренними областями азіатскаго материка, въ частности съ Тибетомъ исчезаетъ, вплоть до крестовыхъ походовъ и образованія Монгольской имперіи. Крестовые походы привели европейцевъ въ соприкосновеніе съ арабами, которые обладали уже въ то время обширной географической литературою; однако, свѣдѣнія арабской географич. науки о Тибетѣ не впол-

нѣ надежны и расплывчаты; монгольская же имперія открыла торговые пути изъ Европы въ глубину центральной Азіи и по нимъ, привлеченные блескомъ двора монгольскихъ хановъ европейскіе торговцы, миссіонеры и просто искатели приключеній принесли послѣ тысячелѣтняго промежутка первое извѣстіе о Птоломеевой странѣ Bautae, уже подъ новымъ именемъ Тибетъ (Тебетъ). Упоминаніе объ этой странѣ и народѣ встрѣчается у Плано Карпини (соотвѣтствующую выдержку изъ его De Imperio Mongolorum см. Sandberg, Explor. 20) и Рубруквиса (ссылка на Itenerarium тамъ же, 20-1); однако первымъ европейцемъ, вступившимъ на почву, правда, лишь крайней восточной части тибетской горной страны, былъ наиболѣе извѣстный изъ всѣхъ средневѣковыхъ путешественниковъ— Марко Поло.

Во время своихъ долгихъ скитаній по Азіи и въ частности по провинціямъ Китая, Марко Поло прошелъ изъ Ша-чжоу черезъ Ганьсу возможно въ Си-нинъ и впослѣдствіи на пути изъ Чэнъ-ду-фу черезъ Я-чжоу-фу, Нинъ-юань-фу (Цзянь-чанъ—Caindu), Хуй-ли чжоу въ Юнь-нань фу вдоль восточной окраины территоріи тибетскаго народа, которая при монгольской династіи примыкала къ Я-чжоу-фу и области Цзянь-чанъ. Краткія замѣтки Поло[1] о странѣ Тибетъ и обычаяхъ ея населенія, правда, не являются вполнѣ точными, но сообщаютъ нѣкоторыя вѣрныя свѣдѣнія, напримѣръ, о крупной и свирѣпой породѣ тибетскихъ собакъ[2], —величиною съ осла, употребляемыхъ на охоту на дикаго быка [3], о мускусномъ оленѣ, или наконецъ, о распространенности коралловыхъ украшеній. Его нелестная характеристика свободныхъ нравовъ тибетскихъ женщинъ въ Цзянь-чанъ вполнѣ подтверждается наблюденіями Бабера[4].

Такимъ образомъ, Марко Поло, насколько извѣстно, первый изъ европейцевъ сообщилъ личныя впечатлѣнія о странѣ

и народѣ, по крайней мѣрѣ, восточнаго Тибета; но честь перваго посѣщенія[1] центральной части и, повидимому, столицы Тибета принадлежитъ францисканскому монаху Одорику изъ Порденоне (во Фріулѣ). Онъ прибылъ въ началѣ 20-хъ годовъ XIV стол. моремъ изъ Индіи въ Кантонъ, откуда направился на сѣверъ, послѣдовательно посѣтивъ городъ Зайтонъ (Цюань-чжоу-фу въ Фуцзяня) и Ханъ-чжоу, и путемъ черезъ императорскій каналъ достигъ Пекина, гдѣ въ то время жилъ катол. архіепископъ Монтекорвино. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Пекинѣ Одорикъ вернулся въ Европу черезъ Шаньси, Шэньси, Сы-чуань и Тибетъ, гдѣ былъ между 1328 и 1330 г.г. Относительно его пребыванія въ Тибетѣ (или какъ онъ называетъ его, Riboth—R, возможно, является опискою вмѣсто G) извѣстно очень немногое. Лхасу онъ именуетъ Гота, каковое имя съ трудомъ поддается объясненію; въ этомъ городѣ, пишетъ онъ, никто не смѣетъ проливать крови ни людей, ни животныхъ: здѣсь же живетъ глава тибетской церкви абасси. Во время Одорика во главѣ будд. церкви въ Тибетѣ стоялъ король вѣры Чюги-джябо (пиш. ч'ос-кін-рГіал-по—дармараджа), т. к. институтъ верховнаго первосвященника—извѣстнаго намъ подъ именемъ Далай-ламы, относится лишь къ XV стол. Можетъ быть, Одорикъ имѣетъ въ виду именно этого короля вѣры, когда говоритъ объ абасси? (неправильная транскрипція лобзанъ-шэ (рабъ) (пиш. бло-бзанъ-шес-раб), обычнаго титула высшаго будд. духовенства[2]).

Нѣкоторые авторы сомнѣваются въ самомъ фактѣ посѣщенія Одорикомъ Лхасы[3]. Уоддель отказывается отожествить описанный Одорикомъ городъ съ Лхасою на томъ основаніи, что тотъ городъ былъ весь построенъ изъ стѣнъ бѣлаго и чернаго цвѣта и всѣ его улицы были очень хорошо вымощены; между тѣмъ нынѣ ни одна изъ улицъ Лхасы не вы-

мощена, хотя камня для этой цѣли имѣется въ изобиліи въ окрестностяхъ, и трудно предполагать, чтобы подобное полезное обыкновеніе было оставлено безъ слѣда. Съ другой стороны въ столицѣ и всей области Уоддель не видѣлъ стѣнъ, раскрашенныхъ поперечными полосами синяго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, которыя такъ характерны для Гжянъ цзе и долины Ралунъ, хотя возможно, этотъ обычай существовалъ раньше въ Лхасѣ, но былъ изгнанъ желтошапочниками[1]).

Послѣ Одорика прошло почти три столѣтія, прежде чѣмъ второму, вѣрнѣе третьему европейцу[2] удалось проникнуть внутрь Тибета. На этотъ разъ исходнымъ пунктомъ служилъ городъ Агра на р. Жумна въ З. Индіи, а смѣлымъ путешественникомъ явился іезуитъ-португалецъ Антоніо д'Андрада. Онъ поднялся по опаснымъ и почти непроходимымъ переваламъ къ истокамъ Ганга и послѣ дальнѣйшаго утомительнаго многодневнаго путешествія, всѣ ужасы и лишенія котораго описаны въ его дневникѣ, изданномъ Маркхамомъ, достигъ священнаго озера Манасароваръ и государство Чапранъ (Caparangue), въ крайнемъ юго-западномъ углу области Хундес (въ Н'арп К'орсум) на р. Сетледжъ. Здѣсь онъ былъ принятъ дружески королемъ и затѣмъ черезъ высокій перевалъ Рудокъ достигъ Ладака и Кашмира. Его странствованія продолжались почти два года (1625 и 1626)[3]. Слѣдомъ за д'Андрада въ королевство Чапранъ прибылъ цѣлый рядъ другихъ миссіонеровъ, встрѣченныхъ не менѣе радушно королемъ Цзан ба-хан; эта милость къ противникамъ истинной вѣры навлекла на короля гнѣвъ Далай-ламы и походъ на королевство знаменитаго ревнителя буддійской вѣры кукунорскаго князя Гушихана, умертвившаго короля; вызванный этимъ обстоятельствомъ внутренній переворотъ и гоненія на миссіонеровъ заставили послѣднихъ

покинуть въ 1652 г. Тибетъ, не успѣвъ въ начатомъ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія[1].

Болѣе важнымъ съ географической точки зрѣнія представляется путешествіе іезуитовъ австрійца Іоханна Грюбера и бельгійца Альб. д'Орвиль. Первый явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и инипіаторомъ всего предпріятія, второй лишь его спутникомъ. Грюберъ предпринялъ путешествіе въ Тибетъ и Лхасу отнюдь не ради миссіонерской дѣятельности подобно своему предшественнику и ближайшимъ преемникамъ; задача его была чисто географическая—желаніе отыскать новый путь сушею въ Европу, по его предположенію, еще никѣмъ не затронутый.

Источниковъ для исторіи путешествія Грюбера немного: его пять писемъ, латинское донесеніе іезуита А. Кирхера и наконецъ, длинное итальянское Relazione неизвѣстнаго автора[2]). Главная трудность возстановленія всѣхъ обстоятельствъ этого замѣчательнаго путешествія обусловливается значительными разногласіями между перечисленными источниками. Примиреніемъ всѣхъ противорѣчій занялся Тропнье, который, однако, несмотря на крайне кропотливый трудъ, могъ добавить очень немного новаго къ тому, что было уже извѣстно раньше[3].

Исходнымъ пунктомъ путешествія Грюбера (и д'Орвиля) послужилъ Пекинъ, который онъ покинулъ 13 апр. 1661 г. Черезъ 30 дней онъ былъ въ Си-ань-фу, еще черезъ столько же въ Си-нинъ-фу, гдѣ провелъ нѣкоторое время, почему и могъ дать довольно обстоятельное описаніе города и опредѣлить его широту. Изъ Си-нинъ-фу путешественники, повидимому, избрали западную дорогу въ Тибетъ по сѣверному берегу Кукунора и далѣе въ хырму Цзун-цзасак (Цайдам), т. е. по позднѣйшему маршруту Гюка и Габе (1845-6). Для этой части пути сохранились довольно подробныя опи-

-санія (напр. Кукунора); напротивъ, дальнѣйшій маршрутъ отъ Цзун-цзасак, гдѣ происходитъ дѣленіе дорогъ, можетъ быть возстановленъ лишь по самымъ смутнымъ догадкамъ, хотя надо думать, что переходъ черезъ Мурун-усу совершился близъ слиянія его съ Напчитай улан мурен. Отъ Напчу, пункта схожденія всѣхъ дорогъ въ Лхасу (которую Грюберъ часто называетъ монгольскимъ именемъ Барун-тала) маршрутъ Грюбера тотъ же, что для всѣхъ путешественниковъ съ сѣвера. Переходъ отъ Си-нинъ-фу въ Лхасу потребовалъ до 3 мѣсяцевъ, или всего 6 мѣсяцевъ отъ Пекина, считая одинъ мѣсяцъ на остановки въ различныхъ городахъ въ предѣлахъ китайской территоріи. Въ Лхасѣ Грюберъ пробылъ отъ 1 до 2 мѣсяцевъ въ ожиданіи отправленія каравана въ Индію. Путь изъ Лхасы въ Непалъ (1 мѣсяцъ) шелъ обычной дорогою черезъ Шихацзе и перевалъ Кути въ Катманду, Патна и Бенаресъ. Въ срединѣ марта 1662 года Грюберъ и д'Орвиль прибыли въ Агру, гдѣ послѣдній и умеръ.

Грюберъ первый далъ сколько-нибудь подробное и достовѣрное описаніе Тибета—страны и ея обитателей, какъ очевидецъ всего описаннаго. Астлей (1745 г.), тотъ самый, кто прозвалъ Одорика «княземъ лжецовъ»[1], говоритъ: „Грюберъ описалъ нѣкоторыя бытовыя черты китайцевъ и монголо-тибетцевъ съ большей полнотою и съ иной точки зрѣнія, нежели другіе авторы". Его этнологическія описанія монголовъ и тибетцевъ въ достаточной мѣрѣ сходятся съ наблюденіями недавнихъ изслѣдователей—Футтерера и друг. Для географовъ представляютъ особый интересъ многочисленныя опредѣленія Грюбера широтъ. Тронье сравниваетъ его цифры для 5 пунктовъ (Лхасы, Сининъ, Катманду и др.) съ позднѣйшими вычисленіями: всѣ онѣ, оказывается, отнесены на $^1/_2{}^\circ$ слишкомъ къ югу, вѣроятно, по причинѣ несовершенства бывшихъ съ Грюберомъ приборовъ. Единственный существовав-

шій до послѣдняго времени рисунокъ дворца Бодала, помѣщенный у Кирхера[1], былъ сдѣланъ рукою Грюбера.

Съ 1708 г открывается въ Тибетѣ и сосѣднемъ Непалѣ дѣятельная проповѣдь христіанства, возложенная опредѣленіемъ Священной Конгрегаціи пропаганды въ Римѣ на монаховъ капуцинскаго ордена. Эта дѣятельность, малоплодотворная въ смыслѣ достигнутыхъ ею результатовъ на почвѣ насажденія христіанства въ Тибетѣ, пріобрѣтаетъ особый интересъ въ исторіи путешествій и изслѣдованій въ странѣ, захватывая періодъ времени почти въ 40 лѣтъ и давъ нѣсколько извѣстныхъ и почетныхъ именъ. Труды этихъ миссіонеровъ, какъ и іезуитовъ, на пользу европейскаго знакомства съ Тибетомъ до самаго послѣдняго времени оставались почти неизвѣстными, а потому и не находили себѣ справедливой оцѣнки въ глазахъ тибетологовъ, пока не были опубликованы работы Magnaghi о Beligatti, Puini о Desideri. Матеріалы собранные капуцинами делла Пенна и Белигатти, послужили основою книги Георги, Тибетскій алфавитъ; недостатокъ этого объемистаго сочиненія — обиліе неосновательныхъ выводовъ и прочихъ погрѣшностей, такъ какъ Георги увлекся собственными весьма фантастическими теоріями вмѣсто того. чтобъ ограничиться простой сводкою переданнаго ему матеріала. [2])

Въ началѣ 1708 г. четыре капуцина [3]) изъ Катманду достигли безъ помѣхи въ 2 мѣсяца Лхасы, путемъ черезъ Киронъ, Динъ-ри, Гжянъ-цзе, Палти и Чакзсам, при чемъ двое изъ нихъ направились изъ Палти къ востоку, проникли въ долину Ярлунъ и округъ Такпо, на В. отъ Цзе-т'анъ, откуда черезъ послѣдн. городъ, Сам-ѣй и Тиб-ла присоединились къ своимъ товарищамъ въ Лхасѣ. Миссіонеры встрѣтили довольно благосклонный пріемъ у тибетскихъ столичныхъ властей, которыя, впрочемъ, были слишкомъ поглощены собственными

внутренними раздорами, чтобы обратить особое вниманіе на кучку иностранцевъ, и могли немедленно приступить къ своей ближайшей задачѣ—проповѣди христіанства, правда, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Миссіонеры, живя въ Лхасѣ, продолжали поддерживать сношенія съ тѣми капуцинами, которые основали миссіонерскія станціи въ Непалѣ, причемъ вся цѣпь послѣднихъ отъ Чандернагоръ близъ Калькутты до Лхасы сдѣлалась извѣстной подъ общимъ обозначеніемъ „Тибетской миссіи". Въ 1711 г. по недостатку денежныхъ средствъ дѣятельность капуциновъ въ Лхасѣ и Непалѣ временно пріостанавливается и сами они возвращаются въ Индію въ Чандернагоръ. Де Фано отправляется въ Римъ для переговоровъ насчетъ увеличенія денежныхъ суммъ, отпускавшихся Тибетской миссіи отъ Конгрегаціи. Это ходатайство увѣнчалось успѣхомъ и въ началѣ 1715 г. три капуцина, въ томъ числѣ де Фано и Орацiо делла Пенна снова поселяются въ Лхасѣ. По прибытіи они вручили королю (джял-по или джял-цаб-регентъ) посланіе отъ папы Клемента XI [1]), въ которомъ испрашивалось покровительство и поддержка миссіи по примѣру прежнихъ лѣтъ. Время было весьма неблагопріятное для мирной проповѣди благодаря начавшейся междуусобной борьбѣ между Далай-ламою и королемъ, вызвавшей вмѣшательство китайскаго императора. Желая имѣть надежное убѣжище на случай катастрофы въ столицѣ, капуцины открыли въ 1718 г. небольшую станцію въ Drong-gne въ Такпо, близъ границы вост. Бутана, въ 14 дняхъ пути на ЮВ. отъ Лхасы.

Успѣхъ капуциновъ въ Тибетѣ, хотя бы только видимый, возбудилъ соревнованіе со стороны іезуитскаго ордена, который несомнѣнно имѣлъ болѣе правъ на открытіе въ странѣ собственной миссіи, такъ какъ его представители (Андрада, Грюберъ и д'Орвиль) много раньше проникли въ Ти-

бетъ и имѣли уже цвѣтущую миссію въ сосѣднемъ Китаѣ. Въ надеждѣ отвоевать у капуциновъ ихъ новое поприще дѣятельности, орденъ отправилъ въ Тибетъ одного изъ наиболѣе талантливыхъ сочленовъ и выдающагося миссіонера о. Ипполита Дезидери, который заявилъ себя не менѣе замѣчательнымъ ученымъ изслѣдователемъ[1]. Дезидери имѣлъ порученіе отъ ордена изучить на мѣстѣ условія дѣятельности капуцинской миссіи и провѣрить, насколько справедливы были ея надежды на успѣхъ. Въ сопровожденіи другого іезуита, Мануеля Фрейре, Дезидери изъ Дели отправился въ Кашмиръ (Сринагаръ), откуда избралъ путь въ маѣ 1715 г. въ Тибетъ черезъ Балтистанъ, или первый Тибетъ, и Ладакъ, или второй Тибетъ. Изъ Ле Дезидери достигъ 7 сент. 1715 г. Ташиганъ на Индѣ въ Н'ари К'орсум внутри третьяго или собственнаго Тибета, гдѣ былъ дружески принятъ тибетскими властями. Дальнѣйшій маршрутъ шелъ мимо Священныхъ озеръ и черезъ Маріимъ ла въ долину Цзанпо, 4 января 1716 г. Дезидери встрѣтилъ первое обитаемое мѣсто въ главномъ Тибетѣ и 18 марта 1716 г. прибылъ въ Лхасу. Здѣсь онъ пробылъ пять лѣтъ, пока рѣшался въ Римѣ вопросъ, кому принадлежитъ исключительное право проповѣди въ Тибетѣ—ранѣе прибывшимъ іезуитамъ или капуцинамъ, ссылавшимся на опредѣленіе Конгрегаціи. М. Фрейре, спутникъ Дезидери, немедленно по пріѣздѣ въ Лхасу, вернулся обратно въ Индію.

Въ Лхасѣ Дезидери усердно занимался тибетскимъ языкомъ и собиралъ всевозможныя свѣдѣнія относительно нравовъ и обычаевъ, религіи народа и управленія страны.

Кромѣ того онъ совершилъ рядъ поѣздокъ на недалекое разстояніе на югъ и юговостокъ отъ Лхасы, въ Сам-ѣй, Цзе-т'анъ, Ярлунъ, даже въ Парицзонъ. Въ 1721 г. былъ полученъ папскій приказъ ему покинуть страну въ отвѣтъ на настойчивыя просьбы капуциновъ, которымъ былъ неудобенъ

его безпокойный нравъ. Въ іюлѣ 1721 г. Дезидери покинулъ Лхасу и черезъ Кути и Непалъ вернулся въ Агра; однако лишь одиннадцать лѣтъ спустя, въ 1732 г., послѣдовало окончательное рѣшеніе Конгрегаціи въ пользу капуциновъ, которые отнынѣ получили исключительное право заботиться о спасеніи душъ тибетцевъ.

До 1876 г. было извѣстно пять писемъ Дезидери, опубликованныхъ въ разное время [1], но они не давали вѣрнаго понятія о личности Дезидери и о разностороннемъ его знакомствѣ съ народомъ и страною Тибета. Въ 1876 г. была найдена проф. Пуини въ частной библіотекѣ рукопись (не подлинная) дневника Дезидери въ 632 мелко исписанныхъ страницы небольшого формата; впослѣдствіи были открыты еще 2 другихъ списка того же дневника. Въ 1900 г. Пуини напечаталъ выдержки изъ этого дневника, описывавшія путешествіе Дезидери изъ Кашмира до границъ Тибета; но лишь въ 1904 г. имъ была закончена обработка всего дневника, который и былъ изданъ съ учеными коментаріями подъ заглавіемъ, приведеннымъ въ прим.[1] къ стр. 36. Этотъ объемистый трудъ (630 стр. in 1°) представляетъ собою общій итогъ весьма полныхъ и точныхъ свѣдѣній о Тибетѣ, которыми обладали въ XVIII в. іезуитскіе миссіонеры, въ лицѣ наиболѣе освѣдомленнаго на этотъ счетъ о. Ипполито Дезидери. При чтеніи его дневника можно только удивляться, какъ мало измѣнились съ тѣхъ поръ нравы обитателей.

Трудно пересказать въ краткости содержаніе рукописи Дезидери, которое ведетъ читателя постепенно изъ Большого Тибета (Балтистанъ) въ Малый (Ладакъ) и наконецъ въ третій (Бод-юл), гдѣ знакомитъ съ Лхасою и разл. монастырями на В. отъ нея до К'ам, и заканчивается описаніемъ обратнаго пути въ Индію черезъ Непалъ. Вторая часть дневника—плодъ основательнаго ознакомленія Дезидери со стра-

ною, рисуетъ, во-первыхъ, обычаи тибетцевъ (между прочимъ поліандрію, кот. объясняется Дезидери, какъ и многими современными этнографами, общей бѣдностью обитателей и малочисленностію женщинъ), похоронные обряды; даетъ точныя замѣтки относительно свѣтскаго управленія страны; тибетскій буддизмъ трактуется особо съ большимъ знаніемъ дѣла, [1] при чемъ указаны всѣ главнѣйшія черты ученія, іерархія и монастырская организація ламайской церкви.

Книга Пуини гораздо опредѣленнѣе выясняетъ значеніе Дезидери, какъ выдающагося знатока Тибета, и его большую важность для нашего знакомства со страною, чѣмъ труды капуциновъ. Однако, понынѣ еще не собраны всѣ матеріалы о немъ, не найдена даже подлинная его рукопись.

Дезидери былъ послѣднимъ іезуитомъ, посѣтившимъ Тибетъ въ XVIII ст.; но прежде чѣмъ вернуться къ капуцинамъ, необходимо упомянуть объ одной работѣ, выполненной при главномъ участіи іезуитовъ и имѣвшей исключительную важность для географическаго познанія страны, именно о большой картѣ Китайской имперіи [2], въ частности и Тибета, составленной по порученію Канъ-си [3] іезуитами Режи и Жарту (1709—1718) и представлявшей для того времени необычайный трудъ не только въ Китаѣ, но и въ Европѣ по своей точности и обширности нанесенной на нее территоріи.

Въ Китаѣ издавна собирались картографическіе и топографическіе матеріалы, оффиціальные и частные, для отдѣльныхъ мѣстностей и цѣлыхъ провинцій (напр. атласъ Чжу-сы-бу, изд въ 1315) [4]; работа указанныхъ іезуитовъ сводилась главн. обр. къ провѣркѣ существовавшаго обширнаго картографическаго матеріала путемъ собственныхъ частичныхъ съемокъ и многочисленныхъ астрономическихъ опредѣленій мѣстностей. Въ результатѣ явилась гравированная

на мѣди карта, въ масштабѣ 1:1.000.000 на 120 листахъ, которую Рихтгофенъ считаетъ «самымъ значительнымъ картографическимъ трудомъ, выполнявшимся когда либо въ столь короткое время»[1]. На картѣ появляется также Тибетъ, преимущественно на основаніи свѣдѣній и наблюденій отправленныхъ туда Режи и Жарту двухъ тибетскихъ ламъ, спеціально обученныхъ ими производству съемки. Работа этихъ ламъ, впрочемъ, захватила лишь сравнительно небольшую часть восточнаго и южнаго Тибета до истоковъ Ганга, да и на этой территоріи ихъ задача заключалась также преимущественно въ провѣркѣ уже имѣвшихся картографическихъ матеріаловъ, которые послужили единственной основою при составленіи карты остальной не посѣщенной указанными ламами части Тибета. [2] Эти матеріалы были большей частью китайскаго происхожденія, такъ какъ политическія и торговыя сношенія между Китаемъ и Тибетомъ существуютъ съ очень давнихъ поръ, во всякомъ случаѣ съ VII стол. по Р. Х. Подъ китайскимъ же вліяніемъ и сами тибетцы собрали не мало географическихъ и топографическихъ матеріаловъ,[3] служившихъ имъ при составленіи, правда, весьма своеобразныхъ географическихъ описаній страны. Во время пограничной войны 1888 г. англичане захватили очень оригинальную тиб. карту страны отъ Пари до Дарджилина, такъ что тибетцы повидимому и нынѣ упражняются въ черченіи картъ.[4]

На основаніи туземныхъ и китайскихъ матеріаловъ и работъ 2 ламъ и была составлена часть Большой китайской карты, касавшаяся Тибета Какъ та, такъ и другая сдѣлались извѣстны въ Европѣ благодаря трудамъ іезуита Дю Гальда (Du Halde) и французскаго картографа д'Анвиля. Первый издалъ въ 1735 г. въ 4 томахъ свое знаменитое, не утратившее даже нынѣ значеніе, сочиненіе: «Description géographique historique, chronologique politique et physique de-

l'Empire Chinois», сводъ всѣхъ свѣдѣній и наблюденій, собранныхъ іезуитами въ Китаѣ, обработанныхъ въ видѣ общаго описанія имперіи. Тибету во всемъ сочиненіе, правда, удѣлено лишь 9 страницъ въ IV томѣ, тѣмъ не менѣе заключавшіяся въ нихъ точныя свѣдѣнія имѣли бóльшую важность для общей картины Тибета, чѣмъ опубликованные отрывки изъ наблюденій лхасскихъ іезуитовъ и капуциновъ. Къ этому описанію Дю Гальда былъ приложенъ атласъ китайской имперіи изъ 42 листовъ картъ—отдѣльныхъ частей упомянутой большой карты, но въ меньшемъ масштабѣ въ европейской обработкѣ Д'Анвиля, который нанесъ на карту предполагаемыя линія большихъ водораздѣльныхъ горныхъ цѣпей, соединивъ для этого въ извѣстныя группы безпорядочно разбросанныя въ китайскомъ изданіи карты отдѣльныя названія горъ. [1] Карты д'Анвиля, не смотря на значительные пробѣлы и недочеты [2] особенно въ отношеніи пустынныхъ пространствъ Сѣвернаго Тибета, служили основою для всѣхъ позднѣйшихъ европейскихъ картографическихъ работъ о Тибетѣ[3] и вмѣстѣ съ орографическими поправками путешественниковъ XIX стол. составляютъ существенную часть современныхъ картографическихъ изображеній страны, въ особенности благодаря точности своихъ топографическихъ и гидрографическихъ начертаній.

Возвращаясь снова къ капуцинамъ, мы видимъ, что политическія обстоятельства въ Лхасѣ съ начала 20 гг. XVIII ст. измѣнились значительно къ лучшему благодаря вмѣшательству Китая, принявшаго сторону короля, и положеніе капуцинской миссіи упрочилось вслѣдствіе расположенія къ ней этого послѣдняго. Въ 1724 г. ей былъ даже отведенъ участокъ земли въ столицѣ и дано разрѣшеніе построить на немъ часовню и монастырское подворье; когда часовня была готова, то ее посѣтилъ во время богослуженія самъ Далай-лама, который уже раньше велъ съ Ораціо делля Пенна, быв-

шимъ съ 1725 г. префектомъ миссіи за смертью де Фано, дружескій диспутъ по религіознымъ вопросамъ черезъ обмѣнъ писемъ.[1]

На освященіи часовни присутствовало 11 христіанъ, большей частью уроженцевъ Невари изъ Непала, результатъ 16 лѣтнихъ трудовъ миссіи. Мѣстоположеніе часовни—этого единственнаго христіанскаго храма, когда либо воздвигавшагося въ Тибетѣ—и подворья понынѣ остается неустановленнымъ, такъ какъ самая память и слѣдъ ихъ совершенно исчезли.[2] Послѣ достигнутаго успѣха (въ смыслѣ постройки часовни) капуцины дѣятельно принялись за переводъ на тибетскій языкъ различныхъ священныхъ книгъ, отпечатанныхъ затѣмъ въ Римѣ, гдѣ на средства кардинала Беллуга былъ отлитъ тибетскій шрифтъ, по образцамъ присланнымъ делля Пенна. Въ 1733 г. недостатокъ денежныхъ средствъ вторично принудилъ капуциновъ (ихъ оставалось только двое, считая делля Пенна) пріостановить на 7 лѣтъ дѣятельность въ Лхасѣ, пока делля Пенна ди Билли ѣздилъ въ Римъ просить поддержки деньгами и людьми. Просьбы его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ сопровожденіи 9 новыхъ капуцинскихъ монаховъ делля Пенна отправился въ обратный путь. Изъ 10 миссіонеровъ до Лхасы добралось шесть, считая делля Пенна: одинъ изъ нихъ Кассіано Белигатти родомъ изъ Мачераты оказался впослѣдствіи наиболѣе талантливымъ изъ всѣхъ членовъ тибетской миссіи, не исключая даже самаго делля Пенна. Наблюдательности и трудамъ Беллигатти мы обязаны и описаніемъ настоящаго путешествія капуциновъ въ Лхасу.[3] Изъ Катманду путешественники прибыли 17 окт. 1740 г. къ тиб. границѣ—перевалу Кути (непальское имя тибетск. города Ньилам цзонъ). Всѣ товары изъ Непала должны итти черезъ Ньиламъ, гдѣ съ нихъ взимаются пошлины цзонъ-понемъ; поэтому, несмотря на непривѣтливый и безплодный характеръ

окружающей горной мѣстности, описанный Белигатти, въ Ньнлам цзонъ въ 1740 г. было около 100 домовъ. Дальнѣйшій маршрутъ шелъ черезъ Дингри, Сакья цзонъ, Гжяньцзе (минуя Шихацзе); описаніе Гжяньцзе Белигатти вполнѣ согласуется съ описаніемъ города Даса п англ. «миссін»), [1] Нагарце цзонъ, у юго-зап. угла Ямдок цʼо,[2] Палти цзонъ, Камбала. 3 января 1741г. путешественники достигли Яру Цзанъ по (любопытно описаніе цѣпного моста, которымъ, однако, капуцины не воспользовались, предпочтя переправу на лодкѣ), и 6 января вступили въ Лхасу, гдѣ заняли снова подворье послѣ отсутствія въ 7 лѣтъ и 4 мѣсяца. [3] Миссія доставила съ собою собственноручныя посланія папы Клемента XII королю и Далай-ламѣ вмѣстѣ съ различными подарками. Отвѣтныя письма обоихъ августѣйшихъ особъ были отвезены въ Римъ капуциномъ Джіокомо изъ С. Анатолія, который послѣ Ораціо делля Пенна дольше всѣхъ прожилъ въ Лхасѣ, почти съ самаго основанія миссіи. [4] Между тѣмъ вскорѣ послѣ его отъѣзда (въ маѣ 1741) начались въ Лхасѣ гоненія на капуциновъ, которыхъ не могло защитить даже вліяніе короля; чтобы ослабить недовольство ламъ, было рѣшено сократить численный составъ миссіи съ шести, изъ которыхъ одинъ находился постоянно въ Такпо, до 3 человѣкъ: Белигатти и двое другихъ въ августѣ 1742 г. покинули Лхасу, достигнувъ въ октябрѣ Патанъ въ Непалѣ. Делля Пенна съ 2 остальными еще 2 года 8 мѣсяцевъ боролся съ недоброжелательствомъ, подчасъ открытой враждою ламъ, и лишь въ апрѣлѣ 1745 г, лишившись послѣдней поддержки—заступничества короля, рѣшился отказаться окончательно отъ непосильной задачи и закрыть миссію. Отъѣздъ трехъ капуциновъ изъ Лхасы имѣлъ мѣсто 20 апрѣля 1745 г. 4 іюня они были уже въ Патанъ, а черезъ 6 недѣль префектъ тибетской миссіи, делля Пенна, испустилъ духъ отъ разбитаго сердца, 65 лѣтъ отъ роду. [5]

Столь трагически кончилась тибетская миссія въ Лхасѣ послѣ 38-лѣтняго существованія; по имени она продолжалась въ Непалѣ до 1768 г. подъ руководствомъ Белигатти и окончательно исчезла отсюда во время переворота въ этой странѣ, произведеннаго Гурками въ послѣдней четверти 18 стол., послѣ чего устроилась въ Беттіи въ Бенгалѣ на границѣ съ Непаломъ, гдѣ Уодцель посѣтилъ ее въ 1880 г. Она не отказалась отъ тиб. пропаганды и подала поводъ къ возникновенію той аномаліи, что „Апостолическій викарій Тибета“ понынѣ назначаемый изъ Рима, не будучи въ состояніи утвердиться на почвѣ Тибета, принужденъ жить либо на китайско-тибетской границѣ на В., либо на англійской территоріи въ Дарджилинѣ на З. и Ю. отъ закрытой области.

Долголѣтнее пребываніе капуциновъ въ Лхасѣ дало немного свѣдѣній, въ особенности для географическаго описанія страны, такъ какъ большинство матеріаловъ, напр. записки Беллигати съ рисунками перомъ и красками различныхъ религіозныхъ церемоній и плановъ храмовъ, оставались и отчасти остаются понынѣ неопубликованными,[2] а часть ихъ, вошедшая въ Georgi Alphabetum tibetanum, была использована этимъ авторомъ крайне неудачно. Изъ всей исторіи многократныхъ путешествій капуциновъ изъ Индіи въ Лхасу и обратно мы видимъ, что не только сношенія въ то время между Тибетомъ и Индіей совершались вполнѣ безпрепятственно и свободно, но и торговля между обѣими странами всячески поощрялась и охранялась Далай-ламою и королемъ въ Лхасѣ и королемъ Непала, черезъ чьи владѣнія (Катманду и перевалъ Кути) она проходила.

Этой свободою передвиженія въ Тибетъ воспользовались не только миссіонеры, но и одинъ мірянинъ-голландецъ Самуель ванъ де-Путте, остающійся понынѣ единственнымъ европейцемъ, совершившимъ путешествіе по направленію

изъ Индіи черезъ Лхасу въ Китай. Подробности объ его тибетскомъ путешествіи, собранныя Маркхамомъ[1], весьма скудны, такъ какъ весь обширный дневникъ и замѣтки его, за малыми исключеніями, были сожжены, согласно его волѣ, послѣ смерти въ 1737 г. на о-вѣ Ява, дабы никто не могъ воспользоваться ими ненадлежащимъ образомъ. Уцѣлѣла между прочимъ воспроизведенная у Маркхама его карта страны между Брамапутрою (Цзанъпо) и Гангомъ съ итальянскими примѣчаніями, начерченная грубо, но довольно точно.

Послѣ долголѣтнихъ скитаній по имперіи Великаго Могола (Индіи и сосѣднимъ странамъ на западѣ) ванъ-де-Путте въ 1728 г. достигъ черезъ Ладакъ Лхасы, гдѣ встрѣтился съ капуцинами, т. к. Ораціо делля Пенна упоминаетъ его имя. Въ 1729 г. онъ примкнулъ къ торговому каравану, направлявшемуся въ Монголію (К'амсок) и послѣ нѣсколькихъ дней пути въ ССВ. направленіи достигъ Дам, мѣстности, посѣщенной въ недавніе годы Бонвало и Дютрейль де Рэнъ. Продолжая путь на СВ. и переправившись черезъ Дречу (Bi-ciu у Путте и Ораціо делля Пенна, Brius у Марко Поло, что подходитъ близко къ тиб. книжному названію рѣки Брич'у[2]) достигъ Цайдама и затѣмъ черезъ цѣпь Гумбольдта Ша чжоу. Дальнѣйшій маршрутъ неизвѣстенъ, но, повидимому, путешественникъ успѣлъ побывать и внутри границъ Собств. Китая. Самое же замѣчательное то, что для своего обратнаго путешествія онъ избралъ тотъ же маршрутъ, которымъ прибылъ, и достигъ Лхасы самое позднее въ 1730 г., т. к. былъ гостемъ капуциновъ до ихъ вторичнаго отъѣзда въ 1733 г. Благодаря этому обстоятельству краткія свѣдѣнія объ его путешествіи попали въ письма Ораціо делля Пенна ди Билли.

Новый шагъ впередъ въ дѣлѣ географическаго познанія, правда, только узкой полосы южнаго Тибета между Гималаями и Брамапутрою былъ сдѣланъ въ лицѣ англійскихъ по-

сольствѣ Джоржа Богля (1774 г.) и Тэрнера (1783 г.). Оба посольства были отправлены тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Индіи, Уорренъ Гэстингсомъ, ко второму по значенію лицу буддійской іерархіи въ Тибетѣ—Пан ч'эн ринпоче или Тесюлама («Таши» лама отъ бкра-шис счастье, благословеніе) въ монастырѣ Дашійхлунбо (пиш. бкра-шис лхун-по) въ одной верстѣ отъ Шихацзе (пиш. бжи-к'а-рце). Цѣлью этихъ миссій было возстановить прежнія дружескія отношенія между сосѣдними странами—Индіей и Тибетомъ, нѣсколько нарушенныя столкновеніемъ[1] между англичанами и правителемъ Бутана, стоявшимъ въ извѣстной вассальной зависимости къ Тибету и искавшимъ заступничества у Пан-ч'эн ринпоче, правившаго Тибетомъ за малолѣтствомъ Далай-ламы. Второй и главной задачею посольства было поощрить развитіе торговыхъ сношеній между Тибетомъ и Бенгаломъ, гдѣ былъ устроенъ для этой цѣли рынокъ Рангпуръ. Внѣшнимъ поводомъ къ отправленію посольства была присылка Панч'эн ринпоче къ Гэстингсу письма, въ которомъ третій въ ряду іерарховъ Дашійхлунбо—Бло-бзанъ-дпал-дан-іе-шес просилъ оказать снисхожденіе, хотя бы и виновнымъ бутанцамъ. Во главѣ посольства стоялъ, какъ сказано, Богль, молодой, но чрезвычайно толковый человѣкъ: д-ръ Гамильтонъ сопровождалъ посольство въ качествѣ врача: О. Гэстингса были даны для руководства подробныя инструкціи, весьма характерныя для этой начальной эпохи въ индо-тибетскихъ отношеніяхъ.[2]

14 іюня 1774 г. Богль прибылъ въ столицу Бутана Таши-чой-дзонъ (Ташисудонъ—пиш. бкра-шис-ч'ос-рДзонъ), гдѣ оставался четыре мѣсяца, собирая свѣдѣнія относительно управленія, религіи и торговыхъ произведеній страны. По указанію Гэстингса, экспедиція сажала на всемъ пути черезъ Бутанъ въ мѣстахъ остановокъ картофель, который нынѣ подъ именемъ сіоко является обычнымъ овощемъ въ странѣ. По-

кинувъ Ташисудонъ 13 октября, Богль, двигаясь въ СЗ. направленіи, пересѣкъ тибетскую границу по низкому перевалу въ 15 миляхъ на ЮЗ. отъ горы Джомо-лхари. 22 октября экспедиція прибыла въ первый тибетскій городъ Пари цзонъ, гдѣ оставалась 4 дня. Въ дальнѣйшемъ путь посольства прошелъ мимо озера Рам, откуда въ то время выходилъ еще притокъ р. Пенам-нянъ, впадающей въ Цзанъ-по у Шихацзе, Гжянъцзе, гдѣ впрочемъ, посольство не останавливалось, и Пенам цзонъ (пиш. па'-снам-рдзонъ), который показался Боглю болѣе значительнымъ городомъ, чѣмъ самый Гжянъцзе. Въ Пенамъ-цзонъ Богль свернулъ съ дороги, ведущей въ Шихацзе, на СВ.къ Цзанъ-по, т. к. получилъ извѣстіе, что Пан-ч'эн ринпоче по причинѣ оспенной эпидеміи въ городѣ перенесъ свое пребываніе въ Chang Namring, на сѣверной сторонѣ Цзанъ-по. Переправившись черезъ Цзанъ-по, Богль послѣ 25 миль пути достигъ города Chang Namring (кіанъ-н'ам-ринъ?) мѣстожительства Панч'эн 8 ноября 1774 г. Англ. уполномоченный произвелъ очень хорошее впечатлѣніе на тибетскаго первосвященника, который пріобрѣлъ заслуженную славу наиболѣе талантливаго изъ числа лицъ, занимавшихъ этотъ высокій постъ; въ результатѣ была тѣсная дружба между англичаниномъ и тибетскимъ іерархомъ, частыя бесѣды между ними и знакомство Богля съ многими высокопоставленными особами тибетской духовной и свѣтской іерархіи, напр. Дордже Пакмо. Когда черезъ мѣсяцъ Панч'эн переѣхалъ въ Дашійхлунбо, то Богль находился въ его свитѣ, а по пріѣздѣ былъ помѣщенъ въ самомъ дворцѣ по близости отъ его собственныхъ апартаментовъ.

Въ апрѣлѣ 1775 г. Богль покинулъ Дашійхлунбо на обратномъ пути въ Индію; ближайшая цѣль его миссіи—заключеніе торговаго договора—не была достигнута, такъ какъ правительство Лхасы начало съ крайнимъ недовѣріемъ смот-

рѣть на иностранцевъ вообще и англичанъ въ особенности, понявъ все значеніе начавшагося завоеванія тѣми Индіи. Однако, Богль упоминаетъ также и о роли китайскаго правительства въ дѣлѣ подстрекательства тибетцевъ противъ иностранцевъ и настаиваетъ на желательности оказанія давленія на китайское правительство въ Пекинѣ. Такимъ образомъ, результатъ переговоровъ Богля былъ неудовлетворителенъ; доступъ европ. купцамъ не былъ разрѣшенъ не только въ Тибетъ, но и въ Бутанъ, куда могли безпрепятственно проникать только туземные индійскіе купцы. Несмотря на внѣшнюю неудовлетворительность результатовъ посольства, оно не прошло безслѣдно, т. к. Богль своей симпатичной личностью успѣлъ разсѣять предубѣжденіе къ англичанамъ со стороны мѣстнаго населенія и правителей Бутана и южнаго Тибета.[1] Съ этой точки зрѣнія его миссія явилась чрезвычайно успѣшной и была по достоинству оцѣнена Гэстингсомъ. Съ другой стороны донесенія Богля Гэстингсу были необыкновенно богаты свѣдѣніями и давали превосходную картину состоянія Бутана и южныхъ пограничныхъ частей Тибета во второй половинѣ XVIII вѣка. Эти свѣдѣнія не утратили своего значенія нынѣ и книга Маркхама, гдѣ они воспроизведены впервые полностью съ подлинника, послужила руководствомъ и притомъ очень важнымъ для англійской миссіи 1904 г.

Вернувшись въ Калькутту, Богль не прекратилъ дружескихъ сношеній съ Пан-чэн ринпоче, съ которымъ поддерживалъ довольно частую переписку. Въ 1779 г. было рѣшено послать снова Богля къ Пан-чэн для продолженія начатаго дѣла, но этому помѣшала смерть Пан-чэн въ Пекинѣ отъ оспы въ 1780 г. а затѣмъ и смерть самаго Богля въ 1781 г. Однако, желаніе поддержать добрыя отношенія съ Тибетомъ, равно какъ установить постоянную политическую

связь не было оставлено Гэстингсомъ. Съ первой цѣлью Гэстингсъ устроилъ близъ Калькутты небольшой тибетскій храмъ, для котораго священныя изображенія и книги были пожертвованы другомъ Богля—Пан-чэн; храмъ этотъ предназначенъ былъ для пользованія тибетскихъ торговцевъ, часто бывавшихъ въ Калькуттѣ. Однако, этотъ храмъ не служилъ очевидно приманкою для тибетцевъ, такъ какъ былъ совершенно забытъ и случайно найденъ лишь въ 1887 г. подъ именемъ Б'от—баган (тибетскій садъ): но уже помѣщенныя въ немъ изображенія чествовались не тибетцами, а индусами въ качествѣ чисто туземныхъ боговъ [1] Вторая—политическая—цѣль послужила задачей второй миссіи Гэстингса въ Тибетъ 1783 г. подъ начальствомъ лейтенанта Самуеля Тэрнера и при участіи д-ра Саундерса.

Появленіе новаго перерожденца Пан-ч'эн-ринпоч'е въ лицѣ 18-мѣсячнаго мальчика подало благовидный поводъ Гэстингсу къ отправленію второго посольства, видимая цѣль коего было передать отъ имени индійскаго правительства привѣтствіе и пожеланія новоявленному Пан-ч'ен, а дѣйствительная—добиться заключенія торговаго договора и допущенія иностранныхъ купцовъ въ Тибетъ. Если во время перваго посольства Пан-ч'ен ринпоч'е являлся правителемъ всего государства за малолѣтствомъ Далай-ламы, то на этотъ разъ дѣло обстояло иначе и чтобы достигнуть поставленной цѣли, посольству во всякомъ случаѣ надлежало обратиться непосредственно въ Лхасу и попытаться тамъ нейтрализировать вліяніе Китая, враждебно настроеннаго противъ иностранцевъ вообще.

Если даже въ первый разъ взгляды лхасскихъ властей сыграли рѣшающую роль, то тѣмъ болѣе этого надо было ожидать въ данномъ случаѣ, когда на сторонѣ посольства не было вѣскаго голоса покойнаго Таши ламы. Результатъ

посольства былъ слѣдовательно предрѣшенъ, тѣмъ болѣе что Тэрнеръ вовсе не обладалъ тѣми качествами Богля, которыя привлекали симпатіи всѣхъ туземцевъ.

Маршрутъ Тэрнера былъ совершенно тожествененъ пути, которымъ слѣдовалъ Богль девять лѣтъ передъ тѣмъ. Въ началѣ сентября 1783 г. посольство достигло тибетской границы, 20 сентября прошло по улицамъ Гжянъцзе, 23 сентября прибыло въ Дашійхлунбо, гдѣ явилось къ регенту провинціи Цзанъ, правившаго ею за малолѣтствомъ Пан-ч'ен ринпоч'е. Съ нимъ Тэрнэръ и велъ всѣ переговоры, какіе только ему удалось завязать, хотя безъ сколько-нибудь ощутительныхъ результатовъ, благодаря противодѣйствію китайскаго амбаня въ Лхасѣ, доставившаго регенту письменный указъ китайскаго императора не допускать иностранцевъ въ Тибетъ. Посольство пробыло въ Шихацзе два мѣсяца, употребивъ это время между прочимъ на изслѣдованіе окружающей мѣстности и изученіе сосѣдняго монастыря и собираніе всѣхъ доступныхъ свѣдѣній.

Въ общемъ Тэрнэръ не старался утруждать себя производствомъ наблюденій, сборомъ свѣдѣній и другими занятіями, не входившими въ кругъ непосредственной его задачи, не то, что Богль, заявившій себя крайне добросовѣстнымъ и ревностнымъ наблюдателемъ. Тэрнэръ, какъ справедливо указываетъ Сандбергъ, не измѣрилъ даже высоты столь важной вершины, какъ Джомолхари, хотя обладалъ для этого необходимыми знаніями и приборами; онъ же не постарался переправиться на сѣверный берегъ Цзанъ-по, которую вполнѣ справедливо называлъ Брамапутрою, и приблизиться съ этого направленія къ Лхасѣ; зато онъ далъ въ своей книгѣ нѣсколько картинныхъ описаній (напр. панорамы монастыря Дашійхлунбо) и весьма искусно изложилъ свои переговоры съ регентомъ[1]. 2 декабря 1783 г. посольство отправилось

въ обратный путь, посѣтивъ по дорогѣ монастырь Терпалинъ, гдѣ жилъ малолѣтній Панч'эн съ родителями. Пріемъ Тэрнэра этимъ чудо-ребенкомъ послужилъ предметомъ очень подробнаго письма Гестингсу, въ которомъ наружность и обращеніе новоявленнаго Панч'эн описываются въ самыхъ хвалебныхъ выраженіяхъ, не чуждыхъ дипломатической ловкости. 1 января 1784 г. посольство находилось уже на индійской территоріи.

Столь важный и любопытный дневникъ дневникъ Богля оставался неизданнымъ до 1875 г., когда за него взялся Маркхамъ; Тэрнэръ же самъ позаботился издать описаніе своего путешествія въ толстомъ томѣ, увидѣвшемъ свѣтъ, правда, лишь въ 1800 г.[1] Хотя описаніе составлено интересно и живо и сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія (напримѣръ, о кожаной лодкѣ на р. Нянъ)[2], но по сравненію съ Боглемъ Тэрнэръ менѣе надеженъ въ своихъ наблюденіяхъ и выводахъ, гдѣ онъ дѣлалъ таковые.

Вскорѣ послѣ этого посольства въ сношеніяхъ Индіи и Тибета произошелъ кризисъ, который привелъ къ закрытію всѣхъ переваловъ, идущихъ изъ Индіи въ Тибетъ. Обстоятельства были слѣдующія: въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII стол. воинственное племя Гурка, побѣдившее господствовавшее прежде въ Непалѣ племя Неваръ и завоевавшее всю эту страну и Сиккимъ, открыло враждебныя дѣйствія противъ Тибета, вторглось въ страну и разграбило Дашійхлунбо. Тибетское правительство, памятуя о прежнихъ предложеніяхъ дружбы со стороны индійскихъ властей, обратилось къ тѣмъ за военной помощью, но получило отказъ, такъ какъ новый генералъ-губернаторъ, лордъ Корнваллисъ, заключилъ уже торговый договоръ съ новыми правителями Непала и не желалъ портить съ ними свои отношенія столь дорогой цѣною. Тибетское правительство обратилось тогда къ Китаю, который

прогналъ изъ Тибета обратно Гурка и нанесъ имъ сильное пораженіе на собственной ихъ территоріи въ 1793 г.[1] Въ отместку за выказанное недоброжелательство Англіи (слухи указывали тибетцамъ даже на присутствіе англійскихъ офицеровъ въ арміи Гурка), тибетцы съ полнаго согласія и вѣдома Китая, который только и добивался этого, закрыли доступъ въ страну всякому европейцу со стороны Индіи: охрану же переваловъ взяли на себя китайцы, которые съ этой цѣлью расположили въ наиболѣе значительныхъ пограничныхъ пунктахъ южнаго Тибета въ провинціяхъ Цзанъ и Уй (Динъ-ри, Пари-цзонъ) небольшіе китайскіе гарнизоны съ китайскими же офицерами[2]. Впрочемъ, несмотря на это запрещеніе, одному путешественнику и притомъ англичанину—Томасу Маннингу, удалось не только пробраться въ таинственную страну, которая привлекала его ореоломъ романтизма, но и побывать въ самой Лхасѣ, единственному англичанину до «миссіи» 1904 г.

Маннингъ, пробывшій три года на службѣ Остъ-Индской компаніи въ Кантонѣ и хорошо знавшій китайскій языкъ, рѣшилъ попытаться проникнуть въ Тибетъ—въ эту таинственную страну, закрытую для любознательности европейцевъ;[3] послѣ отказа индійскаго правительства отправить его туда съ офиціальнымъ порученіемъ, онъ предпринялъ это путешествіе на свой рискъ и счетъ. Въ сентябрѣ 1811 г. онъ черезъ Лакхи дуаръ вступилъ въ Бутанъ, а 20 октября, миновавъ Паро, очутился на тибетской почвѣ и вскорѣ затѣмъ въ Пари-цзонъ. Здѣсь онъ былъ задержанъ и, вѣроятно, былъ бы отправленъ обратно, если бы ему не удалось пріобрѣсти дружбу начальствовавшаго въ Пари-цзонѣ китайскаго генерала знаніемъ китайскаго языка и успѣшнымъ медицинскимъ леченіемъ нѣсколькихъ китайскихъ солдатъ (Маннингъ прослушалъ нѣкогда курсъ медицины въ Лондонской больницѣ). Генералъ согласился взять Маннинга съ собою въ Гжянъцзе и

письменно просить у лхасскихъ властей разрѣшенія Маннингу и его китайскому слугѣ ѣхать въ столицу. Въ Гжянъцзе Маннингъ прибылъ 16 дней, завязавъ обширное знакомство среди мѣстныхъ китайцевъ и тибетцевъ, которымъ оказывалъ медицинскую помощь.

Наконецъ, изъ Лхасы было получено просимое разрѣшеніе, что доказываетъ что политика исключенія европейцевъ изъ страны еще не была усвоена тибетскими правителями въ той мѣрѣ, какъ въ болѣе близкое время; это, впрочемъ, подтверждаетъ и примѣръ Гюкъ и Габе, какъ мы увидимъ вскорѣ. Получивъ разрѣшеніе, Маннингъ направился сперва въ Донъ-цзе, затѣмъ повернувъ на востокъ, двигался среди моря закованныхъ въ ледъ горъ черезъ Нахарцзе до озера Ямдок-ц'о; отсюда обычнымъ путемъ черезъ Палти цзонъ, Камбала, переправу Чакзсам и по долинѣ Кжі-ч'у достигъ Лхасы 9 дек. 1871 г., первый европеецъ послѣ изгнанія капуциновъ въ 1745 г. Въ столицѣ Маннингъ сперва вращался исключительно среди китайцевъ, потомъ рѣшился сблизиться и съ тибетцами, на почвѣ медицинскихъ совѣтовъ и въ концѣ концовъ успѣлъ получить не одно, а нѣсколько дружескихъ свиданій съ семилѣтнимъ Далай-ламою, который вскорѣ затѣмъ былъ убитъ, по общему убѣжденію, регентомъ Сифанъ.[1] Въ своемъ дневникѣ Маннингъ подробно описываетъ наружность этого замѣчательнаго ребенка, пробудившаго въ немъ самый пылкій энтузіазмъ.

Послѣ 4-хъ мѣсячнаго пребыванія въ Лхасѣ Маннингъ покинулъ ее 6 апрѣля 1812 г. и достигъ 10 іюня Кучъ Бехаръ въ Бенгалѣ. Рукопись его путевыхъ замѣтокъ, крайне своеобразныхъ по своей субъективности, была издана Маркхамомъ вмѣстѣ съ дневникомъ Богля. Слогъ его замѣтокъ выразителенъ, хотя и односложенъ; какъ путешественникъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, что разсказываютъ только объ испытанныхъ ими личныхъ неудобствахъ: какъ

наблюдатель, онъ обладалъ способностью не замѣчать главнаго; въ Пари цзонѣ онъ провелъ 16 дней, но о замкѣ (рДзонъ) упоминаетъ лишь въ маленькомъ примѣчаніи, очевидно прибавленномъ по возвращеніи.

Несмотря на этотъ крупный недостатокъ, дневникъ Маннинга важенъ тѣмъ, что сообщаетъ не мало интересныхъ бытовыхъ подробностей о тибетцахъ и о жизни китайцевъ въ Тибетѣ.

Послѣ посѣщенія Маннинга тибетцы усилили строгость наблюденія за южной границею (со стороны остальныхъ границъ имъ пока еще не угрожало никакой опасности отъ настойчивости европейскихъ путешественниковъ), и попытки англійскихъ изслѣдователей, въ коихъ пробуждается усиленный интересъ къ изученію близкаго сѣвернаго сосѣда Индіи, проникнуть внутрь страны оканчиваются полной неудачею. Это обстоятельство побуждаетъ ихъ сосредоточить вниманіе на ознакомленіи съ горной страною Гималаевъ и болѣе доступными частями западнаго Тибета гдѣ политика исключенія иностранцевъ не могла проводиться столь же послѣдовательно за малонаселенностью страны и отдаленностью ея отъ главнаго политическаго центра и средоточія китайскаго вліянія.

Изслѣдованіе западной половины Гималайскихъ горъ начинается въ 1802 г. полковникомъ Крауфордомъ, измѣрившимъ многія вершины: дѣло его продолжалось въ 1808 г. другими (лейт. Веббъ, кап. Рэперъ и Хирсэй), но лишь въ 1812 г. Муркрофту удалось проникнуть за высокіе перевалы на тибетское нагоріе и собрать точныя свѣдѣнія о провинціи Нари Корсум (именно части ея Хундесъ).

Сокращенное описаніе этого путешествія, составленное Кольбрукомъ на основаніи записокъ Муркрофта и помѣщенное въ 12 томѣ Astatick Researches, 1816 г., не передаетъ нѣкоторыхъ подробностей, сохранившихся въ замѣткахъ вто-

рого участника экспедиціи Hearsey[1]. Путешествіе было предпринято на частныя средства (хотя и съ вѣдома индійскаго правительства), съ цѣлью обезпечить англійской промышленности возможность полученія лучшаго матеріала для шерстяныхъ тканей изъ западнаго Тибета (той шерсти, вѣрнѣе пуха, изъ которыхъ дѣлаются знаменитыя кашмирскія шали — shawl-wool или лена по тиб.) путемъ установленія правильнаго торговаго обмѣна. Цѣль эта была достигнута посѣщеніемъ Гарток и переговорами съ мѣстными правителями (деба): но вмѣстѣ съ тѣмъ путешественники могли провѣрить существованіе и установить приблизительное положеніе озера Манасаровар, а также подтвердить фактъ, что оно не даетъ начала ни Гангу, ни Сетледжу, ни какой другой рѣкѣ, которыя выводили изъ него.

Путешествіе началось 9 мая 1812 г. вступленіемъ въ Кумаонъ, занятый гурками, обоихъ англичанъ, переодѣтыхъ инд. пилигримами (госайнъ), въ сопровожденіи 2 пандитовъ-топографовъ. Черезъ перевалъ Нити путешественники достигли тибетской почвы во высокихъ долинахъ той части Гуге, которая извѣстно подъ именемъ Хундес южно-гималайскимъ племенамъ, и послѣ долгихъ задержекъ со стороны мѣстныхъ старшинъ вышли 3 іюля къ городу Даба, на тибетскомъ теченіи Сетледжа, вокругъ котораго встрѣтили нѣсколько полей, первыхъ въ Тибетѣ. 18 іюля послѣ шестидневнаго перехода путешественники достигли Гартока, обширнаго лагеря палатокъ, окруженнаго безчисленными стадами козъ, овецъ и яковъ. Такъ какъ Муркрофтъ явился въ качествѣ купца, съ предложеніемъ хорошей цѣны за тонкую шерсть, то онъ былъ принятъ дружелюбно и могъ сговориться съ деба насчетъ установленія торговыхъ сношеній съ Индостаномъ. Рѣку, протекавшую мимо Гарток, Муркрофтъ второпяхъ принялъ сперва за верхнее теченіе Аму-дарьи, но затѣмъ

предположилъ болѣе правильно, что это главная вѣтвь Инда. 23 іюля путешественники покинули Гарток, съ разрѣшеніемъ посѣтить озеро Манасаровар, куда прибыли 2 августа. Озеро оказалось состоящимъ изъ 2 водныхъ пространствъ, раздѣленныхъ высокимъ перешейкомъ въ 2—3 мили шириною—озеро Ракасъ (Цо Лапак) и озеро собств. Манасароваръ (Цо Мапанъ). Послѣдняго путешественники достигли 5 августа, и оставались здѣсь 2 дня. Озеро показалось Муркрофту продолговатой формы, съ прямыми берегами, за исключеніемъ сѣвернаго изрѣзаннаго. Ширина озера была измѣрена въ 11 миль (съ юга на сѣверъ), длина—15 миль. Вода хорошая, чистая; вокругъ много пещеръ съ религіозными отшельниками. 22 августа путешественники были уже въ Даба, откуда направились, согласно обѣщанію, къ перевалу Нити; на обратномъ пути черезъ Кумаонъ попали въ плѣнъ къ гурка, но были отпущены.

12 лѣтъ спустя Муркрофтъ снова предпринялъ путешествіе, на этотъ разъ въ Кашмирѣ и Ладакѣ (Рунчу) и, повидимому, не переходилъ границы Тибета[1]. Его сопровождалъ нѣмецъ Требекъ, отъ котораго и было получено извѣстіе о внезапной смерти Муркрофта въ 1825 г. Обстоятельства этой смерти были настолько подозрительны, что извѣстіе было встрѣчено съ недовѣріемъ: однако, ничего положительнаго нельзя было узнать. Тѣмъ болѣе правдоподобнымъ кажется разказъ Гюка, посѣтившаго Лхасу въ 1845 г. и сообщившаго, будто тотъ же Муркрофтъ, переодѣтый кашмирцемъ, на чьемъ языкѣ онъ говорилъ совершенно свободно, достигъ въ 1826 г. изъ Ладака Лхасы и здѣсь жилъ 12 лѣтъ, никѣмъ не тревожимый, такъ какъ сами кашмирскіе торговцы въ Лхасѣ принимали его за соотечественника. Подъ предлогомъ осмотра купленныхъ имъ стадъ Муркрофтъ свободно разъѣзжалъ по окрестностямъ столицы,

дѣлая рисунки и производя съемку. Въ 1838 г. онъ отправился въ обратный путь въ Ладакъ, но былъ убитъ разбойниками въ Гари Корсум: въ его вещахъ, отнятыхъ властями у разбойниковъ, были найдены рисунки и карты, устанавливавшія дѣйствительную личность убитаго. Аббатъ Гюкъ увѣряетъ, что когда онъ услышалъ этотъ разсказъ въ Лхасѣ, имя Муркрофта было совершенно незнакомо. Далѣе онъ подробно обсуждаетъ противорѣчивое извѣстіе о болѣе ранней смерти Муркрофта въ 1825 г. и допускаетъ вполнѣ возможность здѣсь ошибки. Однако, по свидѣтельству Уоделя, нынѣ никто въ Лхасѣ ничего не знаетъ объ этомъ предполагаемомъ посѣщеніи Муркрофта, хотя, правда, и лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло не мало, такъ что самый вопросъ о томъ, былъ-ли Муркрофтъ въ Лхасѣ, долженъ считаться едва ли разрѣшимымъ.[1]

Послѣ войны 1814—16 г. съ Гурка въ Непалѣ побѣдители—англичане получили южную половину Сиккима[2] и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность произвести разслѣдованіе раіона Гималаевъ вплоть до тибетскихъ переваловъ; впрочемъ, кровавыя столкновенія въ Ассамѣ и Бутанѣ препятствовали въ слѣдующіе годы возстановленію мирныхъ сношеній съ Тибетомъ, который все болѣе вооружался противъ успѣшнаго завоевателя на югѣ; поэтому изслѣдованіе пригималайской полосы попрежнему велось отрывками и не заходило на тибетскую территорію.

Между 1820 и 1843 гг. Бріанъ Ходжсонъ, англійскій резидентъ въ Катманду при Непальскомъ дворѣ, дѣятельно занимался собираніемъ свѣдѣній относительно Тибета и съ этой цѣлью велъ даже дружескую переписку съ Далай ламою. Плодомъ его изысканій явились «Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet with further papers on the geography, chronology and commerce of both countries» London 1874.[3] Одновременно съ нимъ трудился въ той

же области венгерскій ученый Alex. Csoma de Körös, который задался цѣлью проникнуть въ Тибетъ по примѣру Маннинга и для облегченія своей задачи занялся тщательнымъ изученіемъ тибетскаго языка; послѣднимъ онъ овладѣлъ настолько, что издалъ тибетскую грамматику и словарь, помимо другихъ цѣнныхъ работъ, напечатанныхъ въ Asiatic Researches Journal of Asiatic society of Bengal[1]. Самого предположеннаго путешествія ему не пришлось осуществовать, такъ какъ смерть застигла его въ Дарджилингѣ въ началѣ сборовъ въ путь[2].

Наряду съ указанными работами путешественниковъ по Тибету и прилегающимъ областямъ надлежитъ отмѣтить появленіе въ европейской литературѣ съ 20 гг. XIX стол. ряда переводовъ изъ китайскихъ географическихъ и историческихъ сочиненій какъ относительно провинцій собственнаго Китая, такъ и его вассальныхъ владѣній въ центральной Азіи, чѣмъ была значительно облегчена разработка этихъ важныхъ источниковъ[3]. Часть переведенныхъ китайскихъ извѣстій касалась и Тибета, хотя носила отрывочный и случайный характеръ[4].

Тѣмъ болѣе важнымъ явилось изданіе въ 1831 г. отдѣльной книгою французскаго перевода указаннаго выше китайскаго путеводителя по Тибету «Вэй-цзанъ-ту-чжи»[5]. Въ основаніе французскаго перевода былъ положенъ русскій переводъ того же сочиненія Іакинфа 1828 г.[6], съ исправленіями и примѣчаніями Клапрота, свѣрившаго переводъ съ китайскимъ оригиналомъ и прибавившаго изъ того же сочиненія словарь тибетскаго языка, выпущенный Іакинѳомъ[7].

Другая заслуга Клапрота по отношенію къ Тибету—изданіе въ 1836 г. превосходной карты Центральной Азіи[8], заполнившей многочисленные пробѣлы карты д'Анвиля и окончательно установившей картографическую картину Тибета въ томъ видѣ, какъ она служила основою новѣйшихъ изслѣдо-

ваній въ странѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Карлу Риттеру удалось при помощи всѣхъ наличныхъ европейскихъ и китайскихъ матеріаловъ создать живую общую картину Тибета (Erdkunde von Asien, Band, II и III, второе изд. 1833—34 г.г.), которая въ существенныхъ чертахъ сохраняетъ значеніе понынѣ, требуя не столько исправленій, какъ дополненій. Въ одномъ только отношеніи Риттеръ долженъ былъ уступить первенство Клапроту и Гумбольдту[1], именно, въ правильной оцѣнкѣ роли Гималаевъ и Куэньлуня въ качествѣ господствующихъ орографическихъ элементовъ Тибета. Для Гималаевъ уже имѣлись на этотъ счетъ указанія въ выводахъ изслѣдованія этихъ горъ при участіи индійскаго правительства въ началѣ XIX ст.: но значеніе Куэнь-луня было предугадано ими лишь путемъ самостоятельнаго комбинированія и сопоставленія сообщеній болѣе старыхъ источниковъ.

Переходя снова отъ указаній на развитіе свѣдѣній о Тибетѣ къ обзору путешествій по Тибету, надлежитъ остановиться прежде всего на описаніи наиболѣе успѣшнаго и въ то же время наиболѣе извѣстнаго въ широкихъ кругахъ публики путешествія черезъ Тибетъ и Лхасу лазаристскихъ патеровъ—французовъ Гюкъ и Габе. Описаніе этого путешествія, составленное Гюкомъ[2] и переведенное на многіе языки, въ томъ числѣ и русскій[3], пріобрѣло его автору извѣстность главнымъ образомъ за блестящее изложеніе, но не обладаетъ тѣми научными достоинствами, которыя европейцу желательно было бы видѣть въ описаніи столь замѣчательнаго путешествія, богатаго путевыми впечатлѣніями, бытовыми наблюденіями и характеристиками физическихъ явленій въ почти невѣдомой странѣ[4]. Въ частности эти воспоминанія при обширности пройденныхъ ихъ авторомъ маршрутовъ по Китаю, Монголіи и Тибету сообщаютъ мало положительнаго относительно географіи посѣщенныхъ странъ; даже, напротивъ, не-

ясность и сбивчивость въ изложеніи маршрута дали поводъ нѣкоторымъ позднѣйшимъ авторамъ отнестись съ недовѣріемъ ко всему разсказу и подвергнуть сомнѣнію самое путешествіе. Къ числу наиболѣе настойчивыхъ критиковъ Гюка принадлежалъ и Пржевальскій, который нерѣдко опровергаетъ ихъ показанія; добровольнымъ защитникомъ Гюкъ и Габе выступилъ Рокгилль, который со своей стороны доказываетъ неправильность многихъ нападокъ Пржевальскаго[1]. Однимъ словомъ, Гюкъ и Габе не извлекли изъ своего путешествія даже частичной пользы для европейскаго познанія восточнаго Тибета и Лхасы[2]; тѣмъ не менѣе ихъ путешествіе остается однимъ изъ наиболѣе значительныхъ по Тибету до сего времени. Маршрутъ путешествія былъ приблизительно слѣдующій:

Выѣхавъ изъ Си-ванъ, небольшой деревни въ немногихъ миляхъ на В. отъ Калгана, миссіонеры слѣдовали на ССВ. до города Долон-нор, откуда, повернувъ на ЮЗ., достигли черезъ страну Чахаровъ и Туметовъ городъ Куку-хото. Продолжительное путешествіе по юго-восточной окраинѣ Монголіи и черезъ Ганьсу привело ихъ къ городу Танкар, на З. отъ Си-нинъ-фу, гдѣ они прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ сосѣднемъ монастырѣ Кумбум. Примкнувъ къ каравану, отправлявшемуся изъ Танкара по западной дорогѣ, которой пользуются монгольскіе паломники, изъ Си-нинъ фу въ Лхасу, французы прошли по сѣв. берегу Куку-нора въ Цайдам (ставку Цзун-цзасак) и затѣмъ черезъ переправу Чумар Рабдун на Мур-усу (Дреч'у) и Наг-чу и мимо восточнаго берега Тенгри-нор достигли 29 янв. 1846 г. Лхасы. Здѣсь они пробыли $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, открывъ молельню въ своемъ домѣ и даже обративъ нѣсколькихъ туземцевъ въ христіанство, судя по разсказу: несмотря на покровительство, оказываемое имъ регентомъ (деси Шеда), вліяніе китайскаго амбаня Цишань смогло выслать миссіонеровъ изъ Лхасы и изъ предѣ-

ловъ Тибета по кратчайшей южной дорогѣ черезъ Гжямда, Лхари и Чамдо въ Батанъ и Да-цзянь-лу, куда они прибыли въ началѣ іюня 1846 г. (отъѣздъ изъ Лхасы имѣлъ мѣсто 15 марта).

Гюкъ и Габе явились послѣдними европейцами, побывавшими въ Лхасѣ и центральной части Тибета въ XIX стол. Отнынѣ усилія другихъ путешественниковъ направляются къ изслѣдованію окраинныхъ земель Тибета, постепенно суживая запретный кругъ провинцій Уй и Цзанъ. Починъ этому былъ положенъ лейт. Стрэчи (Henry Strachey) вскорѣ послѣ возвращенія Гюкъ и Габе изъ Тибета. Онъ посвятилъ свое вниманіе малоизслѣдованнымъ областямъ Западнаго Тибета, или трехъ округовъ Нгари (Нгари Корсум: Рудок, Гуге (Гарток) и Пуранъ), при чемъ ближайшей цѣлью его путешествія служили Священныя озера въ сердцѣцѣпи Гань-ри, или Кайлас.

Въ сент. 1846 г. Стрэчи выступилъ изъ горной станціи Альмора, издавно служившей наиболѣе удобнымъ исходнымъ пунктомъ для секретной развѣдки внутрь Зап. Тибета въ частности области Священныхъ озеръ (по долинамъ Алаканада и Даули въ горную область на В. отъ глетчеровъ Милам).[1] Чтобы избѣжать встрѣчи съ тибетскими властями, Стрэчи избралъ перевалъ Ланъ-пя ла, хотя болѣе удобнымъ, правда, обильнымъ снѣгомъ является Мань-шань болѣе къ югу и востоку. Перевалъ Лиму-лек, расположенный близъ Священныхъ озеръ, оказался непригоденъ для цѣли секретнаго движенія, такъ какъ лежитъ въ сравнительной населенной мѣстности (недалеко отъ этого перевала въ Такла Кар былъ задержанъ въ 1885 г. полковникъ Таннеръ въ 23 миляхъ отъ Священныхъ озеръ). Отъ перевала Ланъ-пя Стрэчи пришлось сдѣлать довольно значительный кругъ къ востоку по Гуге (средн. часть Хундеса, или Нгари Корсум)[2], т. к. положеніе

Священныхъ озеръ на картѣ оказалось отнесеннымъ слишкомъ на западъ. 3 октября Стрэчи вышелъ къ озеру Лагран (Ракас) и по западной и сѣверной окраинѣ его достигъ второго озера—Манан, не встрѣтивъ на пути предполагаемаго истока Сетледжа, какъ, впрочемъ, было доказано уже Муркрофтомъ, но напавъ на существованіе канала между обоими озерами. Отказавшись отъ совершенія обхода вокругъ береговъ послѣдняго озера и изслѣдовавъ раздѣлявшій оба озера перешеекъ, Стрэчи направился къ югу и затѣмъ югозападу и черезъ Пуранъ достигъ 7 октября перевала Липулек и затѣмъ Гарвала. Съемка Стрэчи для Священныхъ озеръ и указанныхъ 2 перевалов нынѣ является основаніемъ существующихъ картъ[1].

Въ 1847 г. генералъ-губернаторъ Индіи (лордъ Гамильтонъ) назначилъ англійскую пограничную комиссію, съ порученіемъ установить оффиціально пограничную линію между западнымъ Тибетомъ и тибетскими владѣніями кашмирскаго махараджи вдоль тибетской границы—Нубра, Ладакомъ и Рупчу. Въ составъ комиссіи вошли кап. Стрэчи, майоръ Куннингамъ и д-ръ Томсонъ. Два года прошли въ безплодныхъ стараніяхъ убѣдить китайско-тибетскія власти назначить своихъ уполномоченныхъ, послѣ чего въ виду рѣшительнаго отказа тибетцевъ допустить англичанъ на тибетскую территорію послѣдніе ограничились тѣмъ, что прошли черезъ покровительствуемыя Англіей гималайскія княжества Гарвалъ, Башаръ, Спити и Лахул въ Ладак и далѣе на сѣверъ до Каракорума, при чемъ Томсонъ занимался изученіемъ ботаники подъ—гималайскаго и тибетскаго поясовъ, насколько послѣдній былъ доступенъ[2]: майоръ Куннингамъ изслѣдовалъ археологическія реликвіи и этнологію раіона[3], а кап. Стрэчи изучалъ топографію и физіографію пройденной территоріи и прилегающихъ частей западнаго Тибета, съ каковой цѣлью

совершилъ рядъ секретныхъ экскурсій на запрещенную почву. Въ 1849 г. уполномоченные вернулись обратно, ничего не достигнувъ въ дипломатическомъ отношеніи, но обогативъ наше знакомство съ посѣщенными областями новыми цѣнными фактами. Результатомъ экскурсій и разспросовъ Стрэчи было составленіе превосходной карты провинціи Н'ари К'орсум и отчеть касательно географіи и ресурсовъ провинціи [1].

Въ 1848 братъ Генри Стрэчи, Ричардъ Стрэчи, въ сопровожденіи г. Винтерботомъ, совершилъ аналогическую экскурсію къ берегамъ Священныхъ озеръ, существеннымъ образомъ дополнивъ наблюденія Г. Стрэчи. Исходнымъ пунктомъ послужила 8 августа также Альмора, но дальнѣйшій маршрутъ (Милам и Кюнъ-гар къ Сетледжу подъ 31°4′ 20″ с. ш. и 80° 34′ в. д.) пролегалъ значительно западнѣе маршрута Г. Стрэчи и привелъ къ южному берегу Ракас-тал и вдоль его вплоть до сѣв.-западнаго угла Манасаровар, къ пункту выхода изъ послѣдняго соединительнаго канала. По дорогѣ Р. Стрэчи произвелъ рядъ измѣреній вершинъ, при чемъ высота гигантской Гурла Мандата въ 5 миляхъ на югъ отъ озера оказалась равной 25, 180 ф. Одной изъ цѣлей экскурсій Р. Стрэчи было провѣрить указаніе Г. Стрэчи на существованіе связующаго канала между обоими озерами; наблюденія Р, Стрэчи склоняются въ пользу этого предположенія [2], хотя вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ лишь въ 1904 г. Пройдя до западнаго берега Ц'о Мапанъ (восточнаго берега озера не могъ посѣтить ни одинъ изъ Стрэчи), Р. Стрэчи повернулъ обратно по южному же берегу и достигъ снова болѣе прямымъ маршрутомъ Милам 26 сентября 1848 г[3].

Въ слѣдующемъ году оба брата совершили со стороны Ладака совмѣстное путешествіе въ округъ Гуге, посѣтивъ

Ханле и нагорья Чумуртн; достигнувъ большого и древняго монастыря Толт-инъ на Сетледжѣ они прошли далѣе на югъ внутрь Гарвала черезъ Даба и перевалъ Нити[1].

Слѣдомъ за братьями Строчи работали на западной тибетской окраинѣ Zäschke въ Лахулѣ и Heyde: первый считался лучшимъ авторитетомъ по тибетскому языку и издалъ тибетскую граматику и словарь [2]. Затѣмъ надлежитъ отмѣтить путешествіе по Н'ари К'орсум, Ладаку, Балтистану и восточному Туркестану извѣстныхъ изслѣдователей братьевъ Германа, Адольфа и Роберта Шлагинтвейтъ между 1855 и 1857 г. г. Научные результаты и личныя впечатлѣнія ихъ изложены въ четырехъ томахъ сочиненія H. Schlagintweit «Reisen in Indien und Hochasien» и «Results of a scientific Mission to India and high Asia»; собранные ими многочисленные матеріалы касательно тиб. буддизма, равно какъ тибетскія книги и рукописи ихъ обширной этнографической коллекціи, были обработаны въ Европѣ ихъ братомъ филологомъ д-ромъ Эмилемъ Шлагинтвейтъ въ его «Buddhism in Tibet»[3]. Онъ же издалъ въ текстѣ и переводѣ рукописную тиб. хронику «Гжял-раб», или генеалогію царей подъ заглавіемъ «Die Könige von Tibet» [4].

Въ предѣлахъ тиб. территоріи (Н'ари К'орсум) братья Адольфъ и Робертъ Шлагинтвейтъ, переодѣтые бутійцами, проложили два маршрута: первый изъ Кумаона (Милум) черезъ перевалъ Кюнъ-гар—17,331 ф. и мимо Даба (80° в. д.), посѣщеннаго Муркрофтомъ въ 1812 г. и кап. Беннетомъ въ 1865 г., довелъ ихъ послѣ усиленныхъ переговоровъ съ властями Лаптел[5] и Даба къ Чакола (17,561 ф.), перевалу въ цѣпи, отдѣляющей бассейнъ Сетледжа (черезъ каковую рѣку путешественники перешли по утлому деревянному висячему мосту на каменныхъ береговыхъ устояхъ) отъ бассейна Инда. Перебравшись черезъ водораздѣлъ, они подошли близко къ

Гартоку, но въ самый городъ не входили во избѣжаніе столкновеній съ властями, остановившись въ пунктѣ выше по долинѣ, откуда имъ былъ хорошо видѣнъ самый городъ, или вѣрнѣе немногочисленная група домовъ, составляющихъ городъ. Пробывъ здѣсь два дня, бр. Шлагинтвейтъ вернулись черезъ Чакола на Сетледжу, посѣтили отсюда фортъ и постоянное селеніе Гюнгул и монастырь Манъ-нанъ (гдѣ пріобрѣли различные предметы богослуженія и книги) и черезъ перевалъ Ибн Гаминъ (22,259 ф.) вмѣсто болѣе низкаго и обычнаго перевала Мана (18,406 ф.) вышли въ Гарвалъ (селеніе Мана).

Послѣ короткаго пребыванія въ Гарвалѣ, Адольфъ Шлагинтвейтъ попытался вторично проникнуть на тиб. территорію, гдѣ пробылъ съ 5 по 19 сент., причемъ дошелъ 10 сент. до Боко ла, ведущаго черезъ водораздѣльный хребетъ между Сетледжемъ и Индомъ. Обратный путь въ Гарвалъ былъ избранъ имъ черезъ монастырь Тот-линъ на лѣв. берегу Сетледжа, на высотѣ 12,367 ф. и Чапранъ, въ той же долинѣ ниже по теченію, но на краю ея, на высотѣ уже 15,588 ф., съ небольшимъ фортомъ, обитаемый только лѣтомъ, затѣмъ селеніе Нулинъ на высотѣ 13,953 фут., высшій обитаемый круглый годъ въ Н'ари пунктъ, и перевалъ Ныланъ [1].

Во время позднѣйшаго слѣдованія по Ладаку изслѣдователи посѣтили всю пограничную съ Тибетомъ полосу области отъ Гарвала на сѣверъ до Туркестана, т. е. Канауръ, Спити, Рупчу, собственный Ладакъ съ округомъ Панъ-конъ, по имени котораго получило названіе на картахъ и озеро Цомо Н'алари, наконецъ, Нубра. Посѣщеніе озера Панъ-конъ Германомъ и Адольфомъ Шлагинтвейтъ дало подробное описаніе его[2]. Отсюда одинъ изъ маршрутовъ путешественниковъ между Ладакомъ и Туркестаномъ прошелъ пря-

чо на сѣверъ черезъ Каракорумъ, Линъ ци т'анъ и Куэнь лунь въ область Хотанъ дарья и городу Хотанъ[1].

Сравнительно съ западной половиною горной системы, изслѣдованной вышеуказанными путешественниками по западному Тибету, восточныя Гималаи оставались почти неизвѣстными благодаря близости къ населеннымъ частямъ Тибета, куда фактически былъ закрытъ доступъ иностранцу, и затруднительности путешествія по Непалу, Сиккиму и Бутану вслѣдствіе враждебнаго отношенія мѣстныхъ властей, вплоть до конца 40 г.г., когда восточно-непальскій и сиккимскій участки Гималайскихъ горъ послужили предметомъ тщательныхъ изысканій со стороны замѣчательнаго ботаника и вообще естество-испытателя и неутомимаго путешественника Джозефа Хукеръ, впослѣдствіи Sir Joseph Hooker (1848—1851 г.г.). 30-ти лѣтъ отъ роду онъ посѣтилъ и снялъ на карту всю сложную горную систему Сиккима и восточнаго Непала и изслѣдовалъ почти каждый перевалъ изъ Сиккима въ долину Чумби и Тибетъ, въ особенности окрестности наиболѣе высокихъ изъ нихъ — переваловъ Донь-кя и Конгралямо; онъ же составилъ карту Сиккима, основаніе нынѣшнихъ картъ страны.

Въ предѣлахъ тибетской территоріи Гукеръ совершилъ небольшую экскурсію отъ перевала Донь-кя до озера Цʻо-лхамо; однако, собранныя имъ во время продолжительныхъ скитаній вдоль границы среди тибетскаго населенія Сиккима (сохраняющаго почти всѣ привычки единоплеменниковъ въ предѣлахъ политической территоріи Тибета, съ которыми къ тому же поддерживаетъ самыя тѣсныя сношенія) обильныя свѣдѣнія касательно физической природы страны и быта тибетцевъ дѣлаютъ его Himalayan Journals въ двухъ томахъ[2] необходимой настольной книгою въ рукахъ каждаго тибетолога даже въ настоящее время. Между прочимъ его разборъ

физической географіи южнаго тибетскаго плоскогорья[1] сохраняетъ значеніе понынѣ. Главная же спеціальность Гукера было изученіе флоры восточныхъ Гималаевъ; его преемникомъ въ области гималайской и тибетской ботаники нынѣ является д-ръ Давидъ Прэнъ.

Послѣ путешествія братьевъ Шлагинтвейтъ наступаетъ долгій перерывъ въ географическомъ изслѣдованіи Тибета европейцами: твердость и зоркость, съ которой тибетцы охраняютъ всѣ существующіе проходы въ страну, заставляютъ колебаться наиболѣе предпріимчивыхъ путешественниковъ. Въ виду близости индійской территоріи къ наиболѣе густо населенной части страны и къ столицѣ наблюденіе за границею велось тибетскими властями особенно бдительно съ этой южной стороны, исключая для европейца возможность проскользнуть незамѣченнымъ и неузнаннымъ въ тибетскіе предѣлы, тѣмъ болѣе, что старшина каждой пограничной деревни въ центральномъ и западномъ Тибетѣ уже въ теченіе многихъ лѣтъ обязанъ былъ головою отвѣчать передъ лхасскимъ правительствомъ, что ни одинъ иностранецъ не пройдетъ черезъ его округъ и не найдетъ убѣжища въ его деревнѣ. Старшина внушалъ эту отвѣтственность и угрозу каждому обывателю деревни, потому-то тѣ и всматривались такъ пристально въ лицо каждаго путника со стороны индійской границы, что зачастую останавливали по подозрѣнію даже чистокровныхъ тибетцевъ, подосланныхъ индійскимъ правительствомъ для сбора свѣдѣній и производства съемки: даже японецъ Кавагуци со своимъ монгольскимъ складомъ лица и тотъ внушилъ къ своей особѣ подозрѣнія, что онъ не тотъ, за кого выдаетъ себя, а англичанинъ, или вообще кто-либо изъ европейцевъ [2]. Въ виду подобныхъ непреодолимыхъ трудностей, встрѣчавшихъ путешественниковъ на югѣ странѣ,—въ началѣ семидесятыхъ годахъ, когда вновь пробуж-

дается интересъ къ изученію Тибета, попытки проникнуть въ запрещенную страну идутъ уже исключительно съ сѣвера и востока, отчасти также и потому, что инициаторами этихъ новыхъ предпріятій явились русскіе, именно Пржевальскій, которымъ это направленіе являлось ближайшимъ и наиболѣе удобнымъ. Успѣхъ первыхъ путешествій Пржевальскаго заставилъ обратить вниманіе на это направленіе и европейскихъ изслѣдователей, и цѣлый рядъ путешественниковъ заходитъ болѣе или менѣе далеко внутрь Сѣвернаго Тибета въ тщетныхъ попыткахъ достигнуть центральной части страны и Лхасы. Въ результатѣ расширяется европейское знакомство съ тѣми частями Тибета, которыя до тѣхъ поръ оставались въ сторонѣ, если не въ умышленномъ пренебреженіи: сѣверомъ, сѣверо-востокомъ, сѣверо-западомъ и востокомъ, тогда какъ южный Тибетъ остается до 1904 г. внѣ круга европейскихъ изысканій. Этотъ значительный пробѣлъ въ географическомъ изслѣдованіи области былъ, однако, восполненъ удачной мыслью индійскаго правительства—привлечь къ дѣлу изслѣдованія южнаго Тибета туземцевъ—британскихъ подданныхъ, которые послѣ извѣстной спеціальной подготовки могли продолжать работу европейцевъ по изученію недоступныхъ отнынѣ частей страны. Дѣятельность этихъ секретныхъ агентовъ индійскаго топографическаго бюро представляетъ столь исключительный интересъ, равно какъ достигнутые ими научные результаты столь велики и разносторонни, что требуютъ себѣ подробнаго и тщательнаго ознакомленія со стороны историка изслѣдованія страны.

Капитанъ Монгомери, снискавшій заслуженную извѣстность работами по съемкѣ и нанесенію на карту обширной горной области Кашмира и Ладака вплоть до цѣпей Каракорума и Музтаг, выполненныхъ имъ лично, или подъ его наблюденіемъ, первый напалъ на мысль воспользоваться

услугами туземцевъ для производства съемки и сбора разнаго рода свѣдѣній въ областяхъ на сѣверъ отъ Гималаевъ, гдѣ бѣлый человѣкъ при первомъ своемъ появленіи былъ бы остановленъ мѣстными жителями подъ угрозою смерти. Въ 1863 г. онъ выбралъ двухъ уроженцевъ Гарвала тибетскаго происхожденія, наиболѣе подходившихъ для предположенной цѣли, и лично обучилъ ихъ въ Дэрадунѣ пользованію секстантомъ для вычисленія широтъ, веденію маршруто-глазомѣрной съемки помощью засѣчекъ по компасу и опредѣленію высоты черезъ кипяченіе воды. Эти два агента[1], а за ними рядъ другихъ, и были предназначены для трудной и опасной работы на тибетской территоріи. Имъ давались вымышленныя обозначенія, подъ каковыми они становились отнынѣ исключительно извѣстны, такъ сказать, утративъ свою прежнюю индивидуальность. Этими обозначеніями являлись обычно какія-нибудь буквы, или цифры, или символическія имена; такъ, мы слышимъ о пандитѣ А, о К. Р. № 9, Мирзѣ, Муллѣ и т. д. Кинжалъ или отрава мстительныхъ тибетцевъ, безъ сомнѣнія, скоро прекратили бъ ихъ существованіе, если бъ не соблюдалась эта предосторожность. Неся двойную роль шпіоновъ и топографовъ, они жили жизнью постоянной опасности и приключеній, за небольшое вознагражденіе, со скудной надеждою на славу. Многіе изъ нихъ оставались одними цифрами, или буквами въ концѣ, какъ и въ началѣ своей дѣятельности; но нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось время отъ времени сбросить съ себя маску неизвѣстности и подъ настоящими именами снискать заслуженную славу и матеріальную, хотя и не соразмѣрную награду своимъ подвигамъ. Киплингъ описалъ въ формѣ романа дѣятельность этихъ безвѣстныхъ слугъ секретнаго отдѣла индійскаго топографическаго бюро (India Survey) въ повѣсти «Кимъ», но даже въ нижеслѣдующемъ сухомъ изложеніи она рисуется въ доста-

точно романическихъ чертахъ, чтобы нуждаться еще въ фантастической окраскѣ со стороны генія писателя.

Въ выпавшемъ на ихъ долю рискованномъ предпріятіи, многіе изъ этихъ агентовъ обнаружили удивительное мужество, самоотверженность и изобрѣтательность въ дѣлѣ отвращенія отъ себя подозрѣнія. При отправленіи изъ Дэра-дунъ они получали, помимо необходимыхъ денежныхъ средствъ и прочаго снаряженія, крѣпкій деревянный ящикъ со спеціальнымъ секретнымъ отдѣленіемъ для храненія нужныхъ приборовъ, молитвенное колесо съ полосками чистой бумаги взамѣнъ молитвенныхъ лентъ для занесенія наблюденій и компасныхъ засѣчекъ, и ламайскія четки съ 100 шариками вмѣсто обычныхъ 108 для счета шаговъ, которыми измѣрялись разстоянія (по 100 шаговъ на каждый шарикъ четокъ). Колесо и четки служили прикрытіемъ и средствомъ, при помощи которыхъ производилась большая часть съемки и прочихъ развѣдочныхъ работъ, и обезпечили, помимо личныхъ качествъ агентовъ безусловный успѣхъ всему предпріятію. Не будь самихъ агентовъ, возможно не было бы и «миссіи» 1904 г., по крайней мѣрѣ не было бъ до настоящаго времени, такъ какъ едва ли бы рѣшились рисковать отправкою большой военной экспедиціи въ совершенно неизвѣстную страну безъ надлежащихъ картъ и военно-топографическихъ свѣдѣній. Поэтому мы остановимся особенно подробно на маршрутахъ и достигнутыхъ результатахъ этихъ малозамѣтныхъ, но усердныхъ помощниковъ индійскаго правительства въ его борьбѣ съ тибетской обособленностью[1].

Первые два агента кап. Монгомери, пандиты А. и В. получили порученіе произвести съемку большой дороги изъ Гартока въ Лхасу отъ истоковъ Яру Цзанъ-по до столицы. Второй пандитъ (В.) добрался только до перевала Киронъ въ Непалѣ, откуда тибетскія власти вернули его обратно;

но первый сумѣлъ обмануть подозрительность тибетцевъ и вмѣстѣ съ торговымъ караваномъ достигъ черезъ водораздѣльную цѣпь Гжяна (5090 м.) и перевалъ Н'ола (5060 м.) монастыря Тадум у Цзанъ-по на упомянутой большой дорогѣ (30 августа 1865 г.). Здѣсь А. покинулъ подъ предлогомъ болѣзни своихъ спутниковъ, направлявшихся къ западу, и примкнулъ къ торговому каравану т. н. миссіи Лончак, которая разъ въ годъ слѣдуетъ изъ Ладака въ Лхасу съ товарами отъ Кашмирскаго махараджи. Слѣдуя съ караваномъ, пандитъ неутомимо считалъ каждый свой шагъ, а ночью, при помощи звѣздъ, производилъ астрономическія наблюденія надъ широтою. Большая часть пути лежала вдоль берега Яру Цзанъ-по, за исключеніемъ одного обхода въ 140 миль, на каковомъ протяженіи теченіе рѣки остается неизслѣдованнымъ понынѣ. Миновавъ города извѣстной важности—Набринъ (Н'амринъ), Бжянъ-лха-цзе (отсюда товары и люди каравана были доставлены въ лодкахъ, обтянутыхъ кожею, водою по широкой Цзанъ-по въ Шихадзе (Дигарчи), пандитъ прибылъ 29 октября въ послѣдній городъ.

Самый фактъ посѣщенія этого города явился важнымъ успѣхомъ, такъ какъ со временъ Тэрнэра въ 1783 г никто изъ европейцевъ не былъ въ этой второй столицѣ Тибета. Пандитъ оставался почти два мѣсяца въ Шихацзе и даже рискнулъ отправиться на поклонъ къ Панч'ен-Римпоч'е, въ то время мальчику 11 лѣтъ, который возложилъ руки на голову пандита, какъ и всѣхъ остальныхъ паломниковъ, и задалъ три формальныхъ вопроса каждому, послѣ чего имъ былъ предложенъ чай.

Дальнѣйшій маршрутъ А., какъ и ладакскаго каравана, прошелъ черезъ Гжянъ-цзе, Карола, озеро Ямдок, Палти цзонъ, К'амбала, р. Яру Цзанъ-по и долину Кжі-чу въ Лхасу, куда А. прибылъ 10 января 1866 г., послѣ свыше трехмѣсячнаго

путешествія отъ Тадума, считая остановку въ Шихацзе. Въ столицѣ А. оставался до 21 апрѣля, употребивъ это время на посѣщеніе Сера, Галдана и другихъ окрестныхъ монастырей, подробный осмотръ Лхасскаго собора-Джук'анъ (всѣ различныя религіозныя церемоніи, совершавшіяся въ немъ во время посѣщеній пандита, были тщательно описаны имъ), веденіе метеорологическихъ записей, опредѣленіе широты столицы (29° 39′ 17″) и возвышенія подъ у. м. (11,699 ф.). Наконецъ, пандитъ присутствовалъ на пріемѣ у Далай-ламы, не преминувъ занести въ свой дневникъ подробности этого важнаго событія, какъ дѣлалъ по отношенію и къ менѣе значительнымъ фактамъ. На обратномъ пути пандитъ не довольствовался тѣмъ, что достигъ по прежнему маршруту монастыря Тадум, но поднялся и далѣе по Цзанъ-по до самыхъ ея истоковъ и черезъ перевалъ Маріум (Мар-іум) вышелъ къ озеру Мана саровар; отъ озера, съемки котораго онъ не производилъ, А. черезъ перевалъ Манъ-шанъ достигъ Кумаона, и 27 окт. 1866 г. былъ въ Дэра-дунъ.

Столь успѣшно закончилась первая попытка кап. Монгомери изслѣдованія южнаго Тибета при помощи туземныхъ силъ. На основаніи произведенныхъ пандитомъ 31 опредѣленій широты, поражающихъ своей точностью, несмотря на то, что пандитъ могъ пользоваться приборами лишь украдкою, и доставленной имъ съемки кап. Монгомери составилъ прекрасную карту (16 англ. миль въ дюймѣ) всего пройденнаго раіона, а чрезвычайно цѣнный отчетъ пандита вошелъ почти цѣликомъ въ статью Montgomery, Report on Trans Himalayan explorations и т. д. вмѣстѣ съ позднѣйшими данными за 1866 и 1867 гг.[1] Что касается самаго пандита А., которому было суждено совершить еще рядъ путешествій по Тибету величайшей географической важности, то лишь впослѣдствіи сдѣлалась извѣстной его тождественность съ Наинъ Сингомъ,

сопровождавшимъ уже въ 1856—7 гг. братьевъ Шлагинтвейтъ въ ихъ путешествіяхъ по Ладаку и Кашмиру.

Успѣхъ перваго опыта заставилъ продолжать начатое дѣло въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Пандитъ В., отставшій отъ А (Наинъ Синга) въ Непалѣ, успѣлъ затѣмъ изслѣдовать округъ Гарток. Въ 1867 г. къ первымъ двумъ агентамъ былъ прибавленъ третій и всѣ трое посланы въ Тибетъ съ порученіемъ: 1) изслѣдовать верхній бассейнъ Сетледжа; 2) разрѣшить вопросъ о существованіи восточной вѣтки Инда и прослѣдить эту вѣтвь, если таковая окажется, до ея истока; 3) связать Гарток съ Ладакской тріангуляціонной сѣтью и 4) осмотрѣть золотыя розсыпи, лежащія, по слухамъ, на востокъ отъ Рудока, и залежи соли и буры за указанными розсыпями. Почти всѣ намѣченныя задачи были выполнены: установленъ фактъ существованія восточной вѣтви Инда (Синги чу), хотя истокъ ея остался неизвѣстнымъ; составлено любопытное описаніе золотыхъ розсыпей и разработки ихъ въ Т'ок Джалунъ (на высотѣ 4,977 м. на сѣверной сторонѣ Ганъ-дис-ри) и произведены здѣсь нѣкоторыя астрономич. и географическія наблюденія; нанесены на карту съ достаточной точностью теченія верхняго Сетледжа и Гжяма раблуп (западной вѣтви Инда). Путешествіе 3 пандитовъ продолжалось болѣе полугода до конца ноября 1867 г.; по возвращеніи ихъ Монгомери могъ нанести на карту площадь въ 18,000 англ. миль въ западномъ Тибетѣ, руководствуясь дорожной съемкой пандитовъ на протяженіи 850 миль, 80 опредѣленіями высотъ и 190 наблюденіями широтъ въ 75 различныхъ пунктахъ.

Въ 1868 г. оба спутника Наинъ Синга, В. и С., вновь посѣтили округъ Т'ок-джалунъ и убѣдились, что его золотые пріиски обнимаютъ нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ. Отсюда пандиты совершили кругъ до 83° в. дол., послѣ чего направились

на юго-западъ къ Священнымъ озерамъ. Здѣсь они раздѣлились; одинъ вдоль Яру Цзанъ-по дошелъ до Шихацзе, гдѣ былъ остановленъ властями; другой успѣлъ примкнуть къ ладакскому каравану, шедшему въ Лхасу, какъ сдѣлалъ Наинъ-сингъ въ 1865 г., но верховой гонецъ изъ Гартока, куда было принесено извѣстіе объ этихъ секретныхъ развѣдкахъ купцами съ индійской границы, далъ ему время дойти только до Тадума: въ концѣ концовъ оба пандита добрались до Непала.

Въ 1868 г. на сценѣ появляется четвертый агентъ— полутибетецъ D. сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ подъ буквами A. K. или именемъ Кришны (настоящее его имя было Кисенъ сингъ). Въ то время онъ былъ немногимъ старше юноши, но заявилъ себя первымъ же путешествіемъ не менѣе способнымъ изслѣдователемъ и внимательнымъ наблюдателемъ, какъ Наинъ сингъ: его полутибетское происхожденіе и знаніе тибетскаго языка дѣлали его даже болѣе надежнымъ въ передачѣ собственныхъ тибетскихъ именъ. Въ 1868 г. онъ произвелъ маршрутную съемку на протяженіи 1,200 миль въ мѣстности на сѣверъ отъ восточнаго Непала, не посѣщенной никѣмъ изъ позднѣйшихъ пандитовъ, что придаетъ особую важность его работѣ, и достигъ Динъ-ри, откуда былъ отосланъ обратно цзонъ-поноемъ. Въ виду того, что этотъ случай, равно какъ опытъ съ пандитами B. и C. въ томъ же 1868 г. доказали, какъ быстро тибетскія власти узнаютъ о всѣхъ предположеніяхъ и планахъ топографическаго бюро, благодаря чему успѣваютъ усилить охрану границы и осмотръ путешественниковъ въ намѣченномъ пунктѣ, то всѣ движенія пандитовъ были окружены еще большей скрытностью, и результаты ихъ работъ перестали опубликовываться немедленно.

Опуская менѣе значительное путешествіе пандита D. въ 1869 г. (отъ перевала Манъ-шанъ къ Ц'о Ланъ-гак (Ра-

кас-тал) и внизъ по р. Карнали въ Непалъ—маршрутъ въ 400 миль и менѣе существенное по результатамъ путешествіе пандита № 9 изъ восточнаго Непала въ Лхасу и обратно отличнымъ отъ пути А. маршрутомъ черезъ перевалъ Ньилам, переходимъ къ первой замѣчательной экспедиціи, выполненной пандитомъ D. или А. К. въ періодъ 1872—3 гг. Эта экспедиція, въ которой принимало участіе, кромѣ А. К., четыре его помощника, преслѣдовала, по мысли Монтгомери, обширную цѣль—произвести съемку и изслѣдованіе сѣверныхъ областей Тибета отъ водораздѣла между Цзанъ-по и внутренними водами, въ частности установить мѣстоположеніе озера Тенгри-нор[1] и пройти отсюда прямо черезъ Сѣверо-восточный Тибетъ къ Куку-нору.

24 ноября 1872 г. всѣ пятеро (четверо служили въ качествѣ погонщиковъ лошадей,ословъ и барановъ) легко достигли Шихацзе, переправились черезъ Яру Цзанъ-по и направились на сѣверъ по долинѣ ея протока—Шанъ чу. По этой долинѣ слѣдовалъ уже Богль на пути къ Бжянъ-н'ам-ринъ: этой же дорогою слѣдуютъ паломники къ озеру Тенгри, равно какъ торговцы соли и буры. Багажъ экспедиціи несли 50 барановъ, которые одни оказываются въ состояніи выдержать путешествіе по каменистому грунту и въ жестокіе морозы. 14 декабря экспедиція достигла монастыря Н'амринъ и большого желѣзнаго моста черезъ рѣку и, продолжая слѣдовать по берегу рѣки Шанъ, мимо нѣсколькихъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ, съ шумомъ вырывавшихся изъ земли на подобіе гейзеровъ, перешла 8 января 1873 г. черезъ сѣверный водораздѣлъ бассейна Цзанъ-по, К'аламба ла (5242 м.) и, повернувъ на СВ., вскорѣ увидѣла передъ собою большое озеро Тенгри или Бжянъ Нам-ц'о Ичідмо, лежащее на высотѣ 4,632 м. Не смотря на сильные морозы, пандитъ съ товарищами совершилъ въ 14 дней полный обходъ озера для

точной съемки береговъ и измѣренія окружности и площади озера.

Во время слѣдованія вокругъ озера экспедиція подверглась нападенію шайки 60 верховыхъ разбойниковъ, захватившей весь ея багажъ кромѣ приборовъ. Это несчастіе заставило пандита отказаться отъ мысли достигнуть Си-нинъ-фу и повернуть на ЮВ. черезъ долину Дам и перевалъ Дам-няр-ганъ-ла въ Лхасу, куда прибылъ 9 марта. Послѣ дальнѣйшаго долгаго и утомительнаго пути и неслыханныхъ лишеній злополучный пандитъ добрался до Индіи, пробывъ почти годъ въ отсутствіи. На протяженіи 320 миль маршрутъ экспедиціи прошелъ по совершенно неизвѣстной мѣстности; въ 24 пунктахъ была измѣрена высота надъ уровнемъ моря; наконецъ, съемка Тенгри нора сама по себѣ представляетъ чрезвычайно важный результатъ съ географической точки зрѣнія.

Около этого времени полковникъ Монгомери принужденъ былъ оставить службу въ топографическомъ бюро по разстроенному здоровью; но организованная имъ съ такимъ искусствомъ система туземныхъ развѣдокъ въ Тибетѣ была поддержана и продолжена съ неменьшимъ рвеніемъ его преемникомъ—капитаномъ Троттеръ.

Свою дѣятельность въ качествѣ начальника секретнаго отдѣла кап. Троттеръ ознаменовалъ на первыхъ порахъ снаряженіемъ одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ экспедицій внутрь Тибета, выполнителемъ коей явился Наинъ-Сингъ, только что вернувшійся изъ Яркенда, куда сопровождалъ экспедицію сэра Дугласа Форсайза. Предыдущія работы пандитовъ почти исключительно вращались въ предѣлахъ юго-западнаго и южнаго Тибета, оставляя болѣе сѣверныя области почти нетронутыми, если исключить экспедицію А. К. Поэтому Наинъ-сингу было поручено на этотъ разъ достигнуть Лхасы

изъ Ладака по болѣе сѣверной дорогѣ (внѣ бассейна Яру Цзанъ-по), т. е. съ совершенно новаго и неизвѣстнаго направленія. Исходной точкою путешествія послужилъ городъ Ле въ Ладакѣ и озеро Панъ-конъ на тибетской территоріи. Выступленіе изъ Ле совершилось 15 іюля 1873 года.

Пройдя мимо указаннаго озера къ селенію Но въ округѣ Рудок, путешественники поднялись на высоту 14,500 ф., среднее возвышеніе тибетскаго нагорья въ этой части Тибета и оставались на этой высотѣ на протяженіи свыше 600 миль до озера Дангра юм, гдѣ уровень мѣстности поднимается еще выше. Направленіе движенія экспедиціи было неизмѣнно на В. Ю. В., вдоль горныхъ цѣпей, расположенныхъ на сѣверѣ и югѣ отъ дороги, при чемъ по пути приходилось переваливать лишь черезъ небольшія гряды. Однако, мѣстность далеко не представляла плоской равнины, т. к. лишь благодаря закругленію концовъ горныхъ цѣпей можно было выбирать удобную дорогу, помимо крутыхъ подъемовъ, на всемъ протяженіи отъ Ладака до Лхасы; Наинъ-Сингъ утверждаетъ даже, что по этой дорогѣ могла бы свободно проѣхать колесная повозка, существуй эти повозки въ Тибетѣ. Несмотря на отсутствіе значительныхъ физическихъ преградъ на пути, Наинъ-сингъ со своими двумя помощниками —слугами подвигался впередъ очень медленно, такъ какъ багажъ несли бараны, которыхъ было взято изъ Ле 26 штукъ (они служили также въ пищу; изъ указаннаго числа 4 барана дошли до Лхасы, доставивъ свою ношу вѣсомъ 20—25 англ. ф. (22—27½ русск. ф.) на разстояніи болѣе 1,000 англ. миль (болѣе 1500 верстъ).

Первую часть пути, экспедиція слѣдовала по землямъ, занятымъ кочевыми скотоводами, извѣстными подъ именемъ Бжанъ-па, или Сѣверянъ (въ дѣйствительности племена общей категоріи докпа); они занимаются также охотою. 25

августа экспедиція вступила въ округа Гаргетол и Гарчетол, заселенные К'амба, или иммигрантами изъ К'ам[1], за 1000 миль отсюда, очень дѣятельными и предпріимчивыми людьми: помимо скотоводства, они добываютъ соль, буру и золото, посылая эти продукты вмѣстѣ съ шерстью въ ближайшіе индійскіе рынки. 17 сент. экспедиція прибыла къ золотымъ пріискамъ Т'ок Доракпа, въ 400 миляхъ отъ границы Ладака, и къ наиболѣе замѣчательной съ географической точки зрѣнія части своего пути, именно, къ озерной области южной половины Сѣвернаго Тибета, о которой европейцы могли знать до тѣхъ поръ лишь по указаніямъ китайскихъ географическихъ описаній.

Небольшія озера попадались и вдоль первой половины дороги изъ Ладака; но лишь въ 70 миляхъ на Ю. В. отъ Т'ок Доракпа открылась цѣпь по истинѣ величественныхъ водныхъ пространствъ—озерныхъ бассейновъ, заключенныхъ посреди высокихъ горъ. Эта цѣпь озеръ простирается въ восточномъ направленіи вплоть до Тенгри нора, послѣдняго и наибольшаго въ числѣ ихъ съ этого направленія. Открытіе этихъ озеръ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что вопреки большому возвышенію надъ уровнемъ моря господствующей чертой озернаго ландшафта являются зеленѣющія пастбища со многочисленными стадами крупныхъ дикихъ животныхъ, составляетъ центральный пунктъ всей экспедиціи и наибольшій ея результатъ.

Обойдя кругомъ Тенгри нора, въ 880 миляхъ отъ Ле, или въ $3^1/_2$ мѣсяцахъ пути, Наинъ Сингъ достигъ Лхасы 18 ноября. Онъ останавливается здѣсь только на два дня, затѣмъ идетъ дальше на Ю. В. къ монастырю Сам-Ѣй, переправляется черезъ Цзанъ-по къ Цзе-т'ану, поднимается по долинѣ Ярлунъ до Чойде-гунъ, поворачиваетъ сперва на Ю. В., затѣмъ на Ю., чтобы черезъ равнину Далат'анъ выйти къ

Карканъ ла, перевалу черезъ главную цѣпь Гималаевъ, а далѣе къ Кякя ла, ведущему внизъ къ Даванъ въ Бутанѣ. 1 марта 1875 г. Наинъ-сингъ достигнулъ Одалгури въ Ассамѣ, пройдя 1,391 милю отъ Ле. Изъ всего этого разстоянія 1,319 миль были измѣрены шагами и сняты на карту при помощи засѣчекъ по компасу. По дорогѣ была измѣрена въ 497 мѣстахъ высота посредствомъ кипяченія воды и въ 276 мѣстахъ произведены наблюденія надъ широтою. На протяженіи 1200 миль, т. е. за исключеніемъ небольшого пространства, посѣщеннаго въ 1872—3 г.г. А. К., маршрутъ Наинъ-синга прошелъ по совершенно неизвѣстной мѣстности; въ дополненіе къ неоцѣнимому результату этого путешествія—открытію озерной системы на с. отъ Гандисри,—Наинъ-сингъ ознакомился съ новымъ участкомъ въ 30 миль теченія Цзанъ-по и отыскалъ наиболѣе удобный путь сообщенія черезъ Даванъ между Тибетомъ и Индіей.

Въ томъ же 1875 году было совершено пандитомъ L. путешествіе, имѣвшее результатомъ нанесеніе на карту 200 миль еще не изслѣдованнаго теченія Цзанъ-по въ самомъ сердцѣ Тибета между Шихацзе и Цзе-т'анъ. L. покинулъ въ мартѣ 1875 г. Дарджилингъ и черезъ перевалъ Конгра-ламо достигъ К'амба дзона (вѣрнѣе Ганба-цзона[1]), въ 15 миляхъ отъ перевала, и затѣмъ Шихацзе по удобной дорогѣ, избѣгаемой торговцами по причинѣ обременительныхъ поборовъ. Во время пребыванія въ Шихацзе L. имѣлъ случай наблюдать необычайное смятеніе среди тибетскихъ властей и населенія, порожденное слухами о пріѣздѣ правителя Бенгала въ Сиккимъ. Отряды лхасскихъ войскъ поспѣшно стягивались въ Шихацзе и на границѣ, для отпора предполагаемому движенію со стороны индійскаго правительства.

Изъ Шихацзе L. переправился по большому деревянному мосту черезъ Пенам Нянъ-чу, въ трехъ миляхъ отсюда

впадающую въ Цзанъ-по и, выйдя на правый берегъ послѣдней, прослѣдилъ ея теченіе до впаденія Ронъ наг-ч'у, въ 50 миляхъ ниже, въ Джагса; между Шихацзе и Джагса совершается значительное торговое движеніе на лодкахъ, по берегу рѣки расположены многочисленныя селенія. Въ Джагса дороги поворачиваетъ на Ю. В. вдоль долины Ронъ-наг-чу и выходитъ къ Ярсиг на С. З. берегу Ямдок ц'о; этимъ путемъ слѣдуетъ значительная торговля изъ Шихацзе, такъ что пандитъ встрѣчалъ каждый день отъ 300 до 400 носильщиковъ съ товарами. По наблюденіямъ L., Ямдок ц'о не представляетъ собою сплошного водяного кольца вокругъ центральнаго острова, какъ оно изображалось на картахъ со временъ д'Анвиля: пандиту разсказывали, что яки и овцы, которыхъ онъ видѣлъ на горахъ предполагаемаго острова, приходятъ туда, не замочивъ ногъ, по перешейку. Выйдя снова къ Цзанъ-по черезъ К'амбала, L. шелъ по берегу рѣки отъ Чакезам'скаго цѣпного моста до Цзе-т'анъ, миновавъ на своемъ пути многочисленныя селенія и монастыри. Пробывъ 6 дней въ Цзе-т'анъ L. отказался отъ мысли слѣдовать далѣе по берегу рѣки изъ боязни попасться въ руки разбойниковъ и дикарей, которыми, какъ предупреждали жители Цзет'ана, полна мѣстность близъ Цзари, и попытался достигнуть Индіи по маршруту Наинъ-синга черезъ Даванъ, но могъ дойти только до этой области, такъ какъ дальнѣйшій путь оказался закрытымъ распоряженіемъ мѣстныхъ властей. L принужденъ былъ вернуться обратно въ Шихацзе и отсюда по маршруту Тэрнэра достигъ Пари дзонъ и затѣмъ Сиккима черезъ Джелеп-ла.

Въ порядкѣ хронологической послѣдовательности путешествій по Тибету надлежало бы перейти теперь снова къ европейскимъ изслѣдователямъ, въ частности къ Пржевальскому, который въ 1872 г. совершилъ свою первую знаменитую «рекогносцировку» вплоть до горъ Танъ-ла; но внутренняя

неразрывная связь между дѣятельностью пандитовъ въ южномъ Тибетѣ указаннаго болѣе ранняго и позднѣйшаго періодовъ, равно какъ то обстоятельство, что самыя успѣшныя изъ европейскихъ путешествій 70 и 80 гг. не выходили изъ предѣловъ сѣвернаго и восточнаго Тибета, побуждаетъ насъ предварительно ознакомиться съ вторымъ періодомъ работъ пандитовъ, для описанія коего мы располагаемъ точными и любопытными данными.

Новое доказательство и наглядное подтвержденіе счастливой мысли капитана Монтгомери—заручиться услугами туземныхъ топографовъ для изученія неизвѣстныхъ областей Тибета—было дано самымъ осязательнымъ образомъ четырехлѣтнимъ путешествіемъ пандита Кришна, или А. К. Съ несравненнымъ самоотверженіемъ и преданностью дѣлу, какъ эти качества рѣдко можно встрѣтить даже у европейскаго изслѣдователя, сознающаго, что и зачѣмъ онъ дѣлаетъ и какіе результаты ожидаются отъ его трудовъ, А. К. ни на минуту не терялъ изъ виду поставленную ему задачу, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и даже подъ страхомъ угрожающей опасности: когда онъ лишился средствъ продолжать дальше путь, будучи ограбленъ и покинутъ невѣрнымъ слугою, не остановился передъ тяжкимъ трудомъ поденщика, для обезпеченія успѣшнаго изслѣдованія указаннаго ему раіона и даже расширенія его границъ[1]. Несмотря на важность достигнутыхъ пандитомъ результатовъ для географіи самыхъ невѣдомыхъ областей Тибета, собранные имъ матеріалы долгое время не публиковались индійскимъ правительствомъ изъ политическихъ соображеній и даже нынѣ мы не имѣемъ подробнаго описанія этого замѣчательнаго путешествія, равнаго коему надо еще поискать среди европейскихъ изслѣдователей[2]. Впрочемъ, несмотря на всю свою скрытность, индійское топографическое бюро сочло возможнымъ издать уже черезъ

два года по возвращеніи А. К. карту посѣщенныхъ имъ мѣстностей въ Тибетѣ и Китаѣ между 88 и 101° в. д. и 28 и 41° с. ш. [1].

Главная задача А. К. была разрѣшить спорный вопросъ, является-ли Иравадди или Брамапутра продолженіемъ Цзаңь-по на индійской территоріи; но кромѣ того ему было поручено изслѣдовать, насколько удастся, всю обширную область юго-восточнаго Тибета на В. отъ меридіана Лхасы, ограниченную маршрутами Пржевальскаго на сѣверѣ, маршрутами Дегодинъ и Джиля на востокѣ, рѣкою Цзанъ-по и массивомъ Гималаевъ на югѣ. Вся эта огромная область была пересѣкнута, какъ намъ достовѣрно извѣстно, только три раза: Грюберъ и Дорвилемъ, отъ которыхъ сохранилось очень мало свѣдѣній, ванъ де-Путте, самый маршрутъ котораго мы почти не можетъ проложить на картѣ, за гибелью всѣхъ его дневниковъ, и Гюкъ и Габе, которые оказываютъ мало помощи нашему географическому знакомству съ пройденной ими мѣстностью, такъ какъ удѣляли мало вниманія топографіи страны. Несомнѣнно, что миссіонеры Дегодинъ и Дюранъ нерѣдко заходили съ начала 50 гг. (напр. въ 1861 г. въ Чамдо) далѣе на З. отъ Батана, каковой пунктъ былъ точно опредѣленъ Джилемъ и Крейтнеромъ въ экспедиціи графа Сечени, но подобно Гюкъ и Габе они сравнительно мало останавливались на топографическихъ условіяхъ посѣщенныхъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, въ первые годы своихъ странствованій, поглощенные иными стремленіями и заботами. На основаніи сказаннаго мы убѣждаемся, что индійское топографическое бюро вправѣ было смотрѣть на часть Тибета въ указанныхъ границахъ, какъ на совершенно невѣдомую съ научной точки зрѣнія область, пролить свѣтъ на которую и было поручено пандиту А. К. Такимъ образомъ на долю этого туземнаго изслѣдователя выпала трудная задача, не считая разрѣшенія

важной гидрографической проблемы, пересѣчь Тибетъ по всей его ширинѣ съ юга на сѣверъ и связать русскія съемки на сѣверѣ съ англійскими на югъ отъ Гималаевъ, но пандитъ выказалъ себя вполнѣ достойнымъ сдѣланнаго выбора и болѣе чѣмъ на высотѣ возложеннаго на него порученія.

Снабженный въ изобиліи денежными средствами и лучшими приборами А. К. въ сопровожденіи двухъ спутниковъ (помощника и слуги) прибылъ подъ видомъ купца въ Лхасу 5 сентября 1878 г. путемъ изъ Дарджилинга черезъ долину Чумби, Пари дзонъ, Гжянъ-цзе и озеро Ямдок. Въ столицѣ онъ прожилъ болѣе года въ ожиданіи отправленія на сѣверъ болѣе значительнаго каравана, къ которому онъ думалъ примкнуть ради большей безопасности.[1]

Наконецъ, 17 сентября 1879 г. пандитъ вмѣстѣ съ многочисленнымъ монгольскимъ караваномъ выступилъ изъ Лхасы на сѣверъ. Караванъ состоялъ изъ 100 человѣкъ, большей частью монголовъ, верхомъ на лошадяхъ, тогда какъ нѣсколько тибетцевъ, сопровождавшихъ караванъ, шло пѣшкомъ. Всѣ были вооружены мечами, пиками и фитильными ружьями, на случай нападенія разбойниковъ (голоковъ изъ Амдо), которые очень многочислены въ этихъ краяхъ. Вплоть до перевала Лани (4800 м.), на водораздѣльномъ хребтѣ между Тенгри нор и сѣверными притоками Цзанъ-по, А. К слѣдовалъ, только въ обратномъ направленіи, по маршруту Наинъ синга 1875 г., черезъ широкія долины съ монастырями и многочисленными селеніями, разбросанными среди низкихъ холмовъ. На сѣверъ отъ Лани ла пандитъ вступилъ на совершенно нетронутую еще европейскимъ изслѣдованіемъ почву—восточный выступъ плоскогорія Бжянъ-т'анъ, вплоть до конечнаго пункта третьяго путешествія Пржевальскаго въ мѣстечкѣ Бумза на южномъ склонѣ горъ Танъ-ла. Мѣстность между Лани ла и Танъ-ла, представляя одни пастбища, обита-

ется исключительно кочевниками (докпа), тогда какъ на югъ отъ Лани ла имѣется осѣдлое населеніе и ведется въ значительныхъ размѣрахъ земледѣльческія культура. Южная меньшая часть указанной кочевой территоріи обладаетъ еще довольно густымъ населеніемъ (на протяженіи 180 миль А. К. насчиталъ здѣсь 7,000 палатокъ); зато большая сѣверная часть (протяженіемъ въ 240 миль) произвела на него впечатлѣніе совершенно необитаемой страны, изобилующей, правда, дичью. Лагерныя стоянки обычно располагались на высотѣ 13,500—15,000 ф.; наибольшій перевалъ (16400 ф.), лишь незначительно возвышавшійся надъ сосѣднимъ плато, велъ черезъ горы Танъ-ла.

По переправѣ черезъ верхнее теченіе Дре-ч'у и его притока Чумар караванъ продолжалъ путь на СВ. и послѣ пятинедѣльнаго странствованія достигъ сѣверной окраины плато Бжянъ-т'анъ въ горахъ Ангиртакша, по предположенію, продолженія главнаго южнаго хребта Куэньлуня (Акка таг), окрещеннаго Пржевальскимъ въ хребетъ Марко Поло.

По перевалу той-же высоты, какъ Лани ла, по которому путешественники вступили въ Бжянъ-т'анъ (4800 м.), пандитъ спустился въ равнину Цайдам до уровня 2,750 м. =9000 ф., съ болѣе мягкимъ климатомъ, изобильной травянистой и кустарниковой растительностью. Въ Тыккеликѣ (Тинкали) караванъ разбился на меньшія партіи: монголы, составлявшіе большую часть его, разсѣялись въ разныя стороны, и пандитъ продолжалъ путь лишь съ оставшимися немногими тибетцами. Это было весьма некстати, такъ какъ вскорѣ небольшой караванъ подвергся нападенію 200 разбойниковъ голоковъ. Нападеніе было, правда, отбито, но въ суматохѣ пандитъ потерялъ большую часть товаровъ, бывшихъ при немъ, и всѣхъ вьючныхъ животныхъ: къ счастью всѣ его приборы уцѣлѣли. Несмотря на случившееся несча-

стіе, оставившее его почти безъ всякихъ средствъ, пандитъ рѣшилъ продолжать начатое дѣло.

Къ концу декабря 1879 г. пандитъ прибылъ въ Хойду-тара (у озеръ Карлык) и здѣсь вмѣстѣ съ товарищемъ и слугою поступилъ въ услуженіе къ богатому тибетцу, переселившемуся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изъ Гжянъ-цзе, и провелъ у него всю зиму. Въ концѣ 1880 г. пандитъ возобновилъ путешествіе къ сѣверу (къ Лобнору) и черезъ двѣ недѣли достигъ Ембп въ Сайтанъ (Сартын) съ значительнымъ монгольскимъ населеніемъ въ бѣлыхъ палаткахъ. Здѣсь на высотѣ 9000 ф. пандитъ пробылъ 3 мѣсяца и распродалъ оставшуюся часть товаровъ, выручивъ 200 рупій и нѣсколько лошадей. Тѣмъ не менѣе ему не суждено было достичь главной цѣли экспедиціи—озера Лоб нора, такъ какъ во время краткой отлучки пандита изъ Ембп слуга, взятый А. К. изъ Индіи, бѣжалъ съ лошадьми и почти всѣми деньгами. Лишившись всего, пандитъ и его товарищъ, однако, не падали духомъ. Случай помогъ имъ поступить въ услуженіе на 15 мѣсяцевъ къ богатому монголу, который поступилъ съ ними весьма великодушно, давъ имъ по окончаніи срока службы лошадь и 40 рупій. Съ этими средствами они вышли изъ Ембп 3 января 1881 г. съ партіей торговцевъ, пересѣкли цѣпь Гумбольдта по перевалу въ 14,000 ф. и спустились въ долину Сулейхэ до 4000 ф.: на шестой день по переходѣ черезъ горы оба достигли города Шачжоу.

Въ этомъ городѣ они нашли себѣ радушный пріемъ и поддержку у одного ламы, хотя подозрительность китайскихъ властей не позволила пандиту достигнуть Лоб нора и продержала его въ городѣ 7 мѣсяцевъ. Однако, и посѣщеніе Шачжоу явилось уже большимъ успѣхомъ со стороны А. К., такъ какъ этотъ городъ служилъ исходнымъ пунктомъ Пржевальскаго во время его экспедиціи въ Цайдам и къ горамъ

Тапъ-ла въ 1879—1880 г.; здѣсь же экспедиція графа Сечени во время путешествія по Кукунору и восточной окраинѣ Тибета достигла своей наиболѣе западной точки.

Указанный лама, возвращавшійся къ себѣ домой въ Тудень гомба, по дорогѣ въ Да-цзянь лу, въ 600 миляхъ отъ Шачжоу, предложилъ пандиту и его товарищу взять ихъ съ собою въ качествѣ слугъ, на что они съ радостью согласились, желая избавиться отъ китайской подозрительности, не позволявшей имъ даже производить наблюденій надъ широтою и измѣренія точки кипѣнія воды.

Со своимъ новымъ хозяиномъ пандитъ благополучно прошелъ сперва по прежнему маршруту черезъ Сартын къ озеру Тосун нор, потомъ держась прямо на югъ достигъ княжества Байун, озера Алан нор, перевалилъ черезъ горы Амне-мачинъ, миновалъ западную оконечность Чжаринъ нор и перевалъ Нам-ц'о[1] и добрался до Чжѣкундо, откуда по обычной дорогѣ черезъ Дерге и Кандзе достигъ Дацзяньлу и Батанъ, гдѣ мѣстная католическая миссія оказала ему необходимую денежную поддержку. Изъ Батанъ[2] пандитъ снова вступилъ въ неизвѣстную область, черезъ которую избралъ путь, ради выполненія второго порученія своего правительства касательно Брамапутры. Направленіе его маршрута, въ общемъ юго-западное, привело А. К. черезъ Даюл къ Сама въ области Ц'аюл на Лохитѣ (Ц'аюл ч'у) подъ 28°15′ с. ш., 97°18′ в. д., гдѣ въ 1854 г. нашли мученическую смерть французскіе миссіонеры Крикъ и Бури; это мѣсто извѣстно также по путешествію лейтенанта Вилькоксъ въ 1826 г. Область Ц'аюл описывается А. К., какъ полу-тропическая страна, служащая тибетскому правительству въ качествѣ ссыльнокаторжнаго поселенія. Хотя Сама отстоитъ всего въ 30 миляхъ отъ индійской границы Ассама, А. К. не рѣшился избрать эту ближайшую дорогу для возвращенія на

родину, не желая рисковать плѣномъ и можетъ быть еще чѣмъ болѣе худшимъ у дикаго племени Мишми, населяющаго эту узкую полосу и вѣчно враждующаго съ обитателями Индіи, но предпочелъ сдѣлать большой кругъ на С.З. чтобы обойти территорію этого воинственнаго племени, и черезъ цѣпь Атакъ Ганъ-ла достигъ обратнаго маршрута Гюкъ изъ Лхасы (черезъ Гжямда и Сіобандо) въ Лхоронъ-дзонъ. Съ географической точки зрѣнія мы можемъ только радоваться, что А. К. былъ вынужденъ къ этому утомительному, но весьма плодотворному окончанію своего путешествія, такъ какъ, во-первыхъ, оно открыло нашему знакомству обширную область неизвѣстной страны вдоль южнаго водораздѣла Гжяма-н'ул-ч'у, или Верхняго Сальвина и на основаніи тожества мѣстныхъ именъ, приводимыхъ пандитомъ и Гюкъ и Габе, позволило возстановить маршрутъ французскихъ миссіонеровъ между Гжямда (30° с. ш. и 93° в. д.) и Лхоронъ цзонъ (31° с. ш. и 96° в. д.), а во-вторыхъ, приблизило насъ къ окончательному рѣшенію запутанной проблемы относительно предполагаемаго продолженія Цзанъ-по въ предѣлахъ Индіи или Индо-китайскаго полуострова[1].

Правда, А. К. не могъ лично прослѣдить нижнее теченіе Цзанъ-по, на которую вышелъ нѣсколько выше Цзет'ана, до каковаго пункта оно было снято въ разное время Наинъ-Сингомъ и пандитомъ L. (въ 1875 г.), тогда какъ N-m-g продолжилъ эту съемку въ 1878 г. на востокъ до Гжяла-Сендонъ, сдѣлавъ вѣроятнымъ предположеніе объ ея соединеніи съ Дихангомъ, наибольшимъ притокомъ Брамапутры. На долю же А. К. выпало представить косвенныя, но неопровержимыя доказательства того, что Цзанъ-по можетъ посылать свои воды только въ Брамапутру и при томъ вѣроятнѣе всего черезъ Дихангъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на пути изъ Батанъ къ Сама на Ло-

литѣ, который является безспорнымъ притокомъ Брамапутры, А. К. миновалъ, за исключеніемъ р. Цзинь-ша или верхняго Янь-цзы, только двѣ болѣе значительныя рѣки—Чамдо чу, или верхній Лань-цанъ цзанъ (Меконгъ), и Гжяма н'ул чу, или верхній Лу-цзы цзянъ (Сальвинъ); изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что истокъ Иравади лежитъ южнѣе маршрута А. К., что и было подтверждено путешествіемъ принца Генриха Орлеанскаго въ 1895 г.

Такимъ образомъ тожество Цзанъ-по съ Иравади, выставленное въ первый разъ д' Анвилемъ, принятое Клапротомъ и еще въ 1880 г. нашедшее себѣ горячаго сторонника въ лицѣ Гордона, оказалось неосновательнымъ: возможность же поворота теченія Цзанъ-по послѣ Гжяла-Сендонъ, конечнаго пункта изслѣдованнаго теченія рѣки, на сѣверъ и затѣмъ на востокъ и соединенія ея, положимъ, съ Сальвиномъ была опровергнута тѣмъ обстоятельствомъ, что А. К. на пути изъ Сама на Лохитѣ къ Цзет'анъ не встрѣтилъ ни одного значительнаго воднаго теченія, послѣ чего оставалось лишь одно рѣшеніе вопроса, именно, что Цзанъ-по изливаетъ свои воды въ Брамапутру. Что же касается другого вопроса, съ какимъ изъ четырехъ главныхъ истоковъ Брамапутры соединяется Цзанъ-по, то и на этотъ счетъ не могло существовать сомнѣній послѣ работъ Наингъ Синга, N-m-g и А. К. Цзанъ-по должна соединяться съ Дихангомъ и ни съ какимъ другимъ верховьемъ Брамапутры. Гжяла Сендонъ отстоитъ всего въ (100 миляхъ—150 верстъ) по прямой линіи отъ наиболѣе сѣвернаго извѣстнаго пункта, достигнутаго по Дихангу въ серединѣ 80 г.г. Въ пользу отожествленія этихъ двухъ рѣкъ говоритъ и соотношеніе ихъ водной массы. Водная масса Цзанъ-по у Шихацзе была вычислена, на основаніи измѣреній Наинъ Синга, въ 990 куб. метровъ въ секунду; вычисленія лейтен. Гармана въ 1877—8 г.г. дали для водной массы

Диханга при низкомъ уровнѣ воды количество въ 1570 куб. метр., для Лохита выше Садія—960 куб. м., Дибонга—770 куб. м, Субансири (наиболѣе зап. истока рѣки)—180 куб. м. Итакъ, ни одно изъ верховьевъ Брамапутры не въ состояніи принять въ себя водную массу Цзанъ-по, кромѣ Диханга и Лохита; но что Цзанъ-по не соединяется съ Лохитомъ, какъ и слѣдовало ожидать, удостовѣряетъ непосредственно путешествіе А. К., который открылъ истокъ Ц'а-юл-ч'у (Лохита) на югъ отъ 29° с. ш. и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергъ гипотезу его тожества съ тибетской рѣкою Гакбо ч'у, пройденной Гюкомъ близъ Аладо (Арандо).

Изъ предосторожности А. К. не заходилъ болѣе въ Лхасу, гдѣ могъ быть узнанъ и задержанъ, но повернулъ на югъ, не доходя до столицы нѣсколькихъ переходовъ по большой дорогѣ изъ Гжямда въ Лхасу, и вышелъ къ Цзанъ-по у Цзет'анъ гдѣ и переправился черезъ рѣку и ближайшимъ путемъ вдоль рѣки, К'амбала, затѣмъ черезъ Пагарце и Гжянъ-цзе и Пари дзонъ достигъ Дарджилина 22 ноября 1882 г.

Такимъ образомъ пандитъ блестяще выполнилъ порученную задачу и въ промежутокъ времени немногимъ болѣе четырехъ лѣтъ совершилъ круговое путешествіе протяженіемъ болѣе 3000 миль черезъ большей частью неизслѣдованныя мѣстности. Онъ не только снялъ пройденный путь на карту[1] съ помощью засѣчекъ по компасу и измѣренія разстояній счетчикомъ шаговъ, но и далъ возможность связать произведенную имъ съемку съ маршрутами другихъ путешественниковъ въ общихъ пунктахъ черезъ измѣреніе широты въ 22 пунктахъ. Кромѣ того, было опредѣлено для 225 пунктовъ возвышеніе надъ у. м. и произведены другія наблюденія (напр. надъ отклоненіемъ магнитной стрѣлки). Описаніе А. К. физической картины посѣщенныхъ областей (напр: сѣверо-тибетскаго плато съ его параллельными цѣпями Куэнь-луня,

невысокими относительно окружающаго уровня страны; мощныхъ меридіальныхъ цѣпей съ глубокими узкими рѣчными долинами восточнаго Тибета и т. д.) вполнѣ согласуется съ разсказами другихъ изслѣдователей. Наиболѣе же важными являются результаты послѣдней части путешествія А. К. въ дѣлѣ измѣненія и исправленія гидрографической картины юго-восточнаго Тибета. Въ общемъ заслуги этого изслѣдователя настолько велики, что, какъ справедливо замѣчаетъ Рокгиль (Land of lamas, стр. 288), „если бы англійскій изслѣдователь сдѣлалъ треть того, что сдѣлалъ Кришна (какъ раньше Наинъ Сингъ и позже Дасъ), то на его долю выпалъ бы дождь медалей, орденовъ, выгодныхъ должностей и ученыхъ степеней; напротивъ, все, что ожидало этихъ туземныхъ изслѣдователей,—небольшая денежная награда и забвеніе“, только не въ наукѣ тибетовѣдѣнія, прибавимъ мы.

Дальнѣйшая попытка прослѣдить теченіе Цзанъ-по до соединенія съ верховьемъ Брамапутры (такъ какъ о соединеніи ея съ какой другой рѣкою не могло быть рѣчи послѣ путешествія А. К.) была сдѣлана въ 1886—7 г.г. По плану придуманному кап. Гармана, туземный изслѣдователь, въ случаѣ невозможности проникнуть до самаго соединенія рѣки, долженъ былъ бросить въ конечномъ достигнутомъ пунктѣ Цзанъ-по бруски легкаго дерева особой формы, за появленіемъ коихъ въ нижнемъ теченіи верховьевъ Брамапутры было установлено спеціальное наблюденіе. N-m-g. бросилъ первый эти бруски въ Гжяла Сендонъ въ 1878 г., но безрезультатно. Счастливѣе оказался К. Р. (Кюнтопъ) въ 1886—7 г., который спустился внизъ по рѣкѣ на 100 миль дальше N-m-g., именно до Онлет, по слухамъ, лишь въ 50 миляхъ отъ границы Ассама. Въ Бепунгъ, или 115 миляхъ по линіи, какъ рѣка течетъ, отъ выхода Дихангъ изъ ущелій во внѣшнихъ Гималаяхъ, К. Р. бросилъ въ рѣку 500 штукъ дере-

жанныхъ брусковъ. Какъ слышалъ Сандбергъ[1], два бруска были найдены четыре года спустя въ рѣкѣ Брамапутра. Если этотъ фактъ подтвердится, то значитъ соединеніе водъ Цзанъ-по съ Брамапутрою было наглядно показано еще въ началѣ 90 г.г. До тѣхъ поръ, однако, остается доказаннымъ лишь то, что въ 1901 г два солдата Гурка, спеціально обученные Нидгамомъ (Needham) и отправленные имъ съ этой цѣлью, поднялись по Дихангу на 50 миль внутри Гималаевъ и на нѣкоторое разстояніе отъ пункта вступленія его съ сѣвера, т. е. подъ видомъ Цзанъ-по, въ горы. Еслибъ не вражда племени Насси-Мипіонгъ, они могли бы легко достигнуть Гжяла сендонъ. Во всякомъ случаѣ они убѣдились въ томъ, что наше представленіе о юговосточномъ направленіи Цзанъ-по до вступленія въ Гималаи неправильно; рѣка въ дѣйствительности течетъ 20 миль на востокъ параллельно цѣпи въ конечномъ участкѣ своего теченія на тибетской сторонѣ; за этими 20 милями на протяженіи по крайней мѣрѣ 40 миль ея теченіе идетъ на Ю. Ю. В. Гжяла Сендонъ оказался много ближе къ Ассаму, чѣмъ думали раньше, и легко доступенъ отъ Садія.

Въ упомянутомъ отчетѣ Гольдича помѣщены первыя подробныя свѣдѣнія касательно двухъ путешествій по провинціямъ Цзанъ и Уй, предпринятыхъ Саратъ Чандра Дасомъ въ 1879 и 1881—82 г.г., и изслѣдованія бывшимъ его спутникомъ Уджѣн Гжяц'о въ 1883 г. озера Ямдок. Три отчета Даса были напечатаны въ своэ время, но секретно, и лишь въ 1902 г. В. Рокгиль предпринялъ по порученію Англійскаго Королевскаго Географическаго Общества сводку второго и третьяго изъ нихъ, описывающихъ второе путешествіе, которые и были изданы имъ подъ заглавіемъ: Das, S. C. «Journey to Lhasa and Central Tibet» въ 1902 г. (новое исправленное изданіе книги вышло въ 1904 г. [2]) Съ указаннаго перваго

изданія обработки Рокгиля былъ сдѣланъ русскій переводъ подъ редакціей В. Котвича, напечатанный въ 1904 г. подъ заглавіемъ: Дасъ. «Путешествіе въ Тибетъ». Отчеты Даса важны не только по сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ относительно физической картины посѣщенныхъ мѣстностей, но главное—по собраннымъ матеріаламъ касательно политическаго устройства, обычаевъ и быта тибетцевъ. Его отчеты-дневникъ даютъ яркое и живое описаніе жизни и впечатлѣній автора въ странѣ и читаются въ обработкѣ Рокгиля съ большимъ интересомъ и легкостью, незамѣтно обогащая умъ читателя не малымъ количествомъ точныхъ, но сухихъ фактовъ. Еще большую важность получаетъ дневникъ Даса благодаря ученымъ и подробнымъ примѣчаніямъ В. Рокгиля, наилучшаго въ Европѣ и Америкѣ знатока тибетскаго языка и литературы; въ русскомъ изданіи дневникъ еще болѣе выигралъ черезъ интересныя и поучительныя добавленія и разъясненія редактора Котвича, равно какъ черезъ написанное имъ же предисловіе на 37-ми стр., сообщающее не мало полезныхъ указаній по географіи страны и по исторіи европейскихъ путешествій въ Тибетѣ. Какъ и по отношенію къ другимъ путешественникамъ, ниже сообщается сперва краткій маршрутъ Даса и затѣмъ результаты его путевыхъ наблюденій.

Дасъ, родомъ изъ Читтагонгъ (въ Бенгалѣ)[1], принадлежитъ къ числу очень немногихъ индусовъ, которымъ удалось проникнуть въ Тибетъ и даже въ Лхасу подъ видомъ тибетцевъ, на которыхъ ихъ дѣлаетъ похожими смуглый цвѣтъ кожи.

Дасъ не входилъ, собственно, въ составъ туземныхъ топографовъ топографическаго бюро въ Дерадунъ, но съ 1874 г. находился во главѣ школы для тибетцевъ въ Дарджилингѣ, т. н. Bhutia Boarding School, гдѣ жили и воспитывались дѣти тибетскихъ и полутибетскихъ семей, поселившихся вокругъ Дарджилинга. Школа была основана отчасти съ цѣлью подгото-

вить будущихъ агентовъ топографическаго бюро для сбора свѣдѣній въ Тибетѣ, хотя съ этой точки зрѣнія она принесла мало пользы; преподаваніе было ограничено чтеніемъ и письмомъ на англійскомъ, индо танскомъ и тибетскихъ языкахъ. Дасъ, получившій образованіе въ инженерномъ училищѣ и составившій себѣ нѣкоторую извѣстность занятіями санкритскимъ языкомъ, посвятилъ свой досугъ отъ службы изученію тибетскаго языка и литературы и въ 1878 г. возымѣлъ мысль посѣтить самую Лхасу, фокусъ тибетскаго буддизма. Съ этой цѣлью онъ написалъ Далай-ламѣ и Панч'ен ринпоч'е за разрѣшеніемъ прибыть въ Лхасу и Дашійхлунбо. Отъ Панч'ен римпоч'е получился благопріятный отвѣтъ вмѣстѣ съ пропускомъ для проѣзда черезъ южный Цзанъ въ Дашійхлунбо[1]). Передъ своимъ отправленіемъ въ Тибетъ Дасъ прошелъ практическій курсъ пріемовъ производства съемки подъ руководствомъ Наинъ Синга, котораго командировалъ въ Дарджилинъ съ этой цѣлью начальникъ главнаго топографическаго управленія.

Въ маѣ 1879 г. Дасъ, въ сопровожденіи ламы Уджѣн гжяц'о[2], преподавателя тибетскаго языка въ Bhutia School, выѣхалъ въ свое путешествіе, которое привело его черезъ сѣверо западный Сиккимъ и Непалъ и перевалъ Чак-т'анъ по дорогѣ къ западу отъ К'амба дзона, не посѣщенной никѣмъ изъ изслѣдователей, къ монастырю Нартанъ съ его замечательными книгопечатными мастерскими и далѣе въ Шихацзе, куда прибылъ въ концѣ іюня 1879 г. и поселился въ сосѣднемъ монастырѣ Дашійхлунбо. Здѣсь онъ свелъ близкое знакомство съ первымъ министромъ Панч'ен римпоч'е, который хотя и стоялъ во главѣ факультета (дацанъ) Нагпа (пиш. сн'агс-па, или тантръ), но тѣмъ не менѣе не скрывалъ своего преклоненія передъ европейскими идеями и изобрѣтеніями. Во время четырехмѣсячнаго пребыванія въ Да-

шіхлунбо Дасъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ къ озеру Ямдок, Гжянъ-цзе, большому монастырю Сакья и прочимъ значительнымъ населеннымъ центрамъ, но не переправлялся черезъ Яру Цзанъ-по, границу области, подвѣдомственной его высокому покровителю Панч'ен римпоч'е.

Въ октябрѣ Дасъ вернулся въ Сиккимъ черезъ перевалъ Донъ-кя, доставивъ съ собою цѣлую коллекцію тибетскихъ книгъ[1].

Это первое путешествіе Даса было важно съ точки зрѣнія собранныхъ Дасомъ матеріаловъ историческаго и религіознаго характера; на географическое описаніе страны Дасъ обращалъ на этотъ разъ меньше вниманія, чѣмъ во время второго путешествія; все-же и первое путешествіе дало важную съемку совершенно неизвѣстной мѣстности по С. и СВ. отъ Канъчэнджунга и различныхъ цѣпей, гдѣ беретъ начало Речу.

Въ ноябрѣ 1881 г. Дасъ предпринялъ свое второе путешествіе, но не въ качествѣ приглашеннаго гостя правителя Цзанъ, а секретно и переодѣтымъ, такъ какъ на этотъ разъ цѣлью его было достиженіе Лхасы, почему онъ и старался избѣжать огласки: его снова сопровождалъ Уджѣнъ-Гжяцо. Перейдя изъ Сиккима въ Непалъ, путешественники черезъ перевалъ Ганъ-ла чэн достигли тибетской территоріи. Дѣло было зимою и глубокій снѣгъ, ледъ и сильные морозы крайне затрудняли движеніе, тѣмъ болѣе что Дасъ всячески старался избѣжать встрѣчи съ обитателями и вначалѣ не заходилъ вовсе въ селенія. Характеръ мѣстности въ этой части Тибета весьма непривѣтливъ, полей почти не встрѣчается, населеніе принижено бѣдностью и угрюмаго нрава; словомъ, полный контрастъ съ жизнерадостной картиною далѣе на В. въ главной долинѣ Пенам Нянъ ч'у и выходящихъ къ ней боковыхъ долинъ. Послѣ трехъ недѣль утоми-

тельнаго пути (считая со дня выѣзда изъ Дарджилинга), Дасъ достигъ границы правинціи Цзанъ и вскорѣ затѣмъ и монастыря Ташійхлунбо. Здѣсь онъ пробылъ свыше 3 мѣсяцевъ у стараго друга, перваго министра, съ которымъ совершилъ рядъ экскурсій въ Гжянъ-цзе, Донцзе и другія мѣста. Знакомство и дружба съ министромъ позволили ему и осуществить свое намѣреніе—проникнуть въ Лхасу въ свитѣ лхачам, супруги племянника министра—губернатора Гжянъ-цзе. Это путешествіе началось 1 мая 1881 г.; но дорогѣ тяжелая болѣзнь заставила Даса сдѣлать перерывъ и пробыть нѣкоторое время до выздоровленія въ монастырѣ Самдинъ (любопытны молитвы и обряды, совершавшіеся здѣсь съ цѣлью ускорить выздоровленіе больного). 27 мая Дасъ могъ продолжать путь въ Лхасу по обычной дорогѣ вокругъ Ямдок цо черезъ Палти дзонъ, Камба ла по долинѣ р. Кжі. Интересно отмѣтить указаніе Даса на естественную плотину (мостъ блаженныхъ—Калсанъ Замба), ведущую черезъ узкій рукавъ озера (Сандбергъ принимаетъ послѣдній на основаніи свидѣтельства Уджѣн-Гжяцо за истокъ Ронъ чу). 30 мая Дасъ прибылъ въ столицу, подъ видомъ ревностнаго богомольца, каковую роль онъ игралъ совершенно искренно, подъ вліяніемъ таинственнаго очарованія, навѣяннаго на него самымъ видомъ священной столицы. Несмотря на все желаніе, Дасъ могъ пробыть въ Лхасѣ только 2 недѣли, благодаря свирѣпствовавшей въ ней оспенной эпидеміи, хотя успѣлъ за это время многое увидѣть и занести въ записную книжку и даже присутствовать на пріемѣ богомольцевъ у Далай-ламы.

13 іюня Дасъ покинулъ столицу и вернулся въ Донъ-цзе къ министру; но странствованія его по Тибету еще не закончились на этомъ. Въ теченіе почти шести слѣдующихъ мѣсяцевъ Дасъ успѣлъ предпринять рядъ новыхъ разъѣздовъ по

странѣ, которые привели его вдоль южной оконечности Ямдок-ц'о въ страну Лхок'а, на востокъ отъ области Ямдок (по имени озера) и наиболѣе древній монастырь Тибета, Сам-ьй, и Цзе-т'анъ съ долиною Ярлунъ. Обратное путешествіе въ Индію (Сиккимъ) было совершено въ періодъ между 30 ноября и 10 декабря черезъ монастырь Сакья, Камба цзонъ и перевалъ Конградамо.

Это путешествіе Даса было вторымъ и послѣднимъ въ Тибетѣ, но несмотря на истекшій свыше 20-лѣтній промежутокъ времени, результаты его сохраняютъ цѣнность понынѣ. Таинственная столица Тибета была досконально изслѣдована и подробно описана образованнымъ и умственно развитымъ человѣкомъ; многіе важные пункты, мѣстоположеніе коихъ обозначалось лишь предположительно, были нанесены на карту съ математической точностью; Ямдок ц'о было вторично изслѣдовано и окончательно измѣрено спутникомъ Даса, Уджѣн Гжяц'о. На основаніи сообщенныхъ Дасомъ свѣдѣній была составлена новая карта центральнаго Тибета, съ множествомъ новыхъ названій и обозначеніемъ точнаго направленія рѣкъ и горъ; но еще важнѣе, тибетскіе обычаи и весь своеобразный бытъ тибетскаго народа, обряды и вѣрованія его нашли себѣ внимательнаго наблюдателя и вѣрнаго изобразителя въ лицѣ Саратъ Чандра Дасъ, и въ этомъ смыслѣ многочисленныя указанія и замѣтки [1]), разбросанныя повсюду въ его отчетахъ, или что почти то же, въ книгѣ «Journey to Lhasa and Tibet», дѣлаютъ чтеніе ея въ высшей степени интереснымъ и поучительнымъ.

Прежде чѣмъ оставить Даса, упомянемъ, какія зловѣщія послѣдствія для тибетскихъ его друзей имѣло его тайное посѣщеніе Лхасы. Черезъ годъ допущенный обманъ былъ раскрытъ лхасскимъ правительствомъ, и всѣ тибетскіе участники въ немъ подверглись жестокому наказанію: первый министръ

Синчен былъ публично наказанъ палками и затѣмъ умерщвленъ, а его тѣло брошено въ р. Конъ-бу на В. отъ Лхасы, у тюрьмы форта Сіока; его дальнѣйшія перерожденія были навсегда уничтожены Далай-ламою[1]; его племянникъ и племянница (лхачам) заточены пожизненно, ихъ имѣнія конфискованы, ихъ слуги частью казнены жестокимъ образомъ. Между тѣмъ посѣщеніе Даса столицы практически (напр. въ топографическомъ отношеніи) не прибавило въ смыслѣ нашего знакомства съ городомъ почти ничего къ тому, что дали уже его предшественники [2]).

Выше упоминалось объ изслѣдованіи Ямдок ц'о спутникомъ Даса, Уджѣн Гжяц'о, который во время второго путешествія своего старшаго товарища произвелъ уже нѣсколько самостоятельныхъ разъѣздовъ [3]). Интересенъ его маршрутъ изъ Шихацзе на С. отъ Цзанъ-по въ долину р. Тонъ и въ бонбоскій монастырь Ричжял-шэндар, у деревни Шэндардинъ, и затѣмъ въ монастырь Сакья на югъ отъ Цзанъ-по и къ озеру Ц'о-мо-тел-тунъ [4]); изслѣдованіе же озера Ямдок относится къ 1883 г., именно ко времени путешествія съ іюня по декабрь этого года. Кромѣ изслѣдованія озера, Уджѣн Гжяц'о (лама-пандитъ, или У. Г. согласно оффиціальному обозначенію) прошелъ по берегамъ Яру Цзанъ-по до Цетана и посѣтилъ Лхасу. Подробности путешествія 1883 г. сводятся къ слѣдующему:

Вступивъ черезъ перевалъ Донъ-кя на тибетскую почву, Уджѣн Гжяцо съ женою и шуриномъ достигъ изъ области истоковъ р. Арунъ, минуя Камба цзонъ, рядомъ переваловъ береговъ Ненам Нянъ-чу и Гжянъ-цзе, а затѣмъ и Шихацзе. Дальнѣйшій маршрутъ по южной сторонѣ Цзанъ-по до устья Ронъ ч'у (65 миль) и вверхъ по рѣкѣ до озера Ямдок совпалъ съ маршрутомъ пандита L. въ 1875 г. Оставивъ спутниковъ въ монастырѣ Самдинъ, У. Г. совершилъ полный обходъ и круговую съемку Ямдок ц'о, или озера Скор-

люна, прозваннаго такимъ образомъ тибетцами за своеобразныя очертанія береговъ. Озеро не разъ посѣщалось и описывалось европейскими путешественниками (капуцинами XVIII ст.) и пандитами, въ послѣдній разъ Дасомъ въ 1882 г., но не было еще полностью нанесено на карту съ достаточной точностью. Съемка пандитъ-ламы даетъ ему болѣе значительные размѣры, чѣмъ это предполагалось до тѣхъ поръ: считая всѣ извилины, длина его береговой линіи равна 180 милямъ, возвышеніе надъ у. м. — 4200 м. (13,800 ф.). На полуостровѣ, далеко вдающемся внутрь озера въ южной его части, расположено другое меньшее озеро Думу, не имѣющее никакой связи съ большимъ сосѣдомъ, на высотѣ 4350 м. — 24,300 ф.[1]: длина его береговой линіи равна 24 мили. Для тибетцевъ Думу ц'о является объектомъ глубокаго почитанія, такъ какъ, по существующему повѣрью, воды его нѣкогда должны залить весь Тибетъ, будучи удерживаемы нынѣ въ берегахъ только благодаря духовному воздѣйствію Дордже Пакмо, проявляемому черезъ ея земное воплощеніе — настоятельницу монастыря Самдингъ[2]. Ямдок ц'о, считавшееся раньше внутреннимъ озеромъ, оказывается, имѣетъ на западномъ берегу истокъ въ видѣ Ронъ-ч'у въ Цзанъ-по, какъ опредѣленно утверждаетъ лама-пандитъ, хотя, добавляетъ онъ, въ высокую воду рѣкъ принимаетъ обратное теченіе и воды Цзанъ-по переливаются въ озеро[3]. Ронъ-ч'у на разстояніи 50 миль течетъ съ востока на западъ, т. е. въ параллельномъ, но діаметрально противоположномъ къ теченію Цзанъ-по направленіи, каковую особенность раздѣляетъ съ другими южными притоками Цзанъ-по (напр. Ялунъ, Ненамъ Нянъ ч'у). На югъ отъ Ямдок ц'о лама открылъ другое озеро Ром-бу гжяц'о (4890 м. — 16,050 ф.).

По окончаніи съемки Ямдокѣ ц'о У. Г. вмѣстѣ съ же-

ною и ея братомъ повернулъ на югъ и изслѣдовалъ труднодоступную и высокую горную страну Лхобраг до самой границы Восточнаго Бутана. Двигаясь изъ долины Там-шул въ сѣверномъ направленіи мимо озера Тигу, все трое вступили въ совершенно отличную отъ пустынныхъ, открытыхъ всей силѣ ледяныхъ вѣтровъ нагорій, разстилающихся между Ямдок ц'о и Бутаномъ, область—наиболѣе плодородную и богатую долину Центральнаго Тибета,—долину р Ярлунъ, съ многочисленными обработанными полями и не менѣе многочисленными монастырями. Вдоль теченія рѣки путешественники достигли Цзет'анъ при впаденіи ея въ Цзанъ-по, третій по величинѣ городъ въ Тибетѣ, съ большимъ торговымъ движеніемъ въ западномъ, южномъ и восточномъ направленіяхъ— между Лхасою, Бутаномъ и Китаемъ и съ многочисленными магометанскими торговцами. Въ Цзет'анъ лама-пандитъ переправился черезъ Цзанъ-по въ 120 миляхъ ниже того пункта, гдѣ покинулъ рѣку (у устья Ронъ-чу) и посѣтилъ монастырь Сам-ѣй, затѣмъ снова перешелъ на южный берегъ рѣки и двигался далѣе на западъ черезъ Миндол-линъ и другіе населенные пункты, пока не повернулъ на сѣверъ по дорогѣ къ Лхасѣ черезъ Нуринъ и Тунгола. 9 октября У. G. переправился ночью черезъ Кчійч'у и обогнувъ Лхасу съ юга по внѣшней круговой дорогѣ, достигъ монастыря Дайбунъ, гдѣ у него были друзья. Съ ихъ помощью и при содѣйствіи непальскаго резидента въ столицѣ У. G. устроился въ Лхасѣ и съ 15 октября приступилъ къ работамъ по съемкѣ города подъ прикрытіемъ зонтика; окружность города онъ измѣрилъ въ 9,500 шаговъ. Во время пребыванія въ столицѣ У. G. собралъ кое-какія свѣдѣнія относительно церемоніи избранія нынѣшняго Далай ламы[1] и подтвердилъ указанія Даса на составъ тибетскаго высшаго управленія. [2] 19 октября У. G. выступилъ уже въ обратный путь, кото-

рый начиная съ перевала К'амба ла прошелъ по совершенно новому маршруту: по восточной окраинѣ Ямдок ц'о (чѣмъ была закончена круговая съемка озера), черезъ пастушескія земли докпа, затѣмъ на Ю. З. мимо западной оконечности озера Помоджанъ-т'анъ и перевалъ Робсанъ къ долинѣ Чумби (минуя, однако, городъ Пари) и черезъ долину и перевалъ Чо ла въ Сиккимъ.

Такъ закончилось, говоря словами Гольдича въ его „Report on exploration of Bhutan, Sikkim and Tibet", одно изъ наиболѣе удачныхъ путешествій по странѣ, когда либо выполнявшихся агентомъ Индійскаго топографическаго бюро. Изслѣдованіями Уджѣн Гжяц'о завершились наиболѣе значительныя и при томъ интересныя работы указаннаго бюро по съемкѣ и сбору свѣдѣній въ южномъ Тибетѣ при помощи туземныхъ агентовъ, хотя бюро несомнѣнно прибѣгало къ ихъ услугамъ и въ позднѣйшіе годы, по крайней мѣрѣ, почти ни одна экспедиція англійскихъ путешественниковъ по сѣверному Тибету (напр. Bower, Wellby) или въ Туркестанѣ (Deasy) не обходилась безъ ихъ участія: они же сыграли не послѣднюю роль и во время съемочныхъ работъ, производившихся англійской «миссіей» 1904 г. Что же касается самостоятельныхъ изслѣдованій „пандитовъ" послѣ 1883 г., то если они и были, подробности неизвѣстны, а результаты могли войти лишь въ карты, которыя индійское топографическое бюро публиковало время отъ времени съ 1884 г. Въ 1897 г. вышелъ въ окончательной обработкѣ листъ этихъ картъ подъ заглавіемъ: „North Eastern Frontier, Parts of Great Tibet, Sikkim, Assam, and Bhutan». 1 inch to 16 miles (1: 1,013,760) Dehra Dun, Office of the Survey of India. Этотъ листъ обнимаетъ область между 28 и 32° с. ш. и 88—96 в. д., т. е. наиболѣе интересную часть Тибета съ Лхасою и обнаруживаетъ большое согласіе съ кар-

тою Тибета, изданной 1891 г. Лондонскимъ Географическимъ Обществомъ.

Вышеназваннымъ пандитамъ Наинъ Сингу, Кисенъ Сингу (А. К.) и Саратъ Чандра Дасу, къ которымъ можно присоединить еще нѣсколько другихъ именъ туземныхъ изслѣдователей, въ особенности Уджӗи Гжяц'о, принадлежитъ великая честь и заслуга въ дѣлѣ научнаго географическаго изслѣдованія обширныхъ областей Тибета. Они дали намъ цѣлый рядъ новыхъ точныхъ съемокъ и маршрутовъ, собщили намъ первыя подробныя свѣдѣнія о гидрографическихъ условіяхъ южной окраины Бжянъ-т'анъ, установили правильное направленіе водныхъ теченій Южнаго Тибета и разрѣшили трудный вопросъ о связи между Цзанъ-по и Брамапутрою. Мало того, они дали намъ богатый и разнообразный матеріалъ относительно жизни, обычаевъ и политическихъ установленій народа, чѣмъ мы обязаны преимущественно Саратъ Чандра Дасу и его интереснымъ отчетамъ. Работы, выполненныя пандитами, требовали отъ нихъ не только техническаго навыка въ пользованіи приборами, но и нравственнаго мужества передъ лицомъ многообразныхъ опасностей, дипломатической ловкости и умѣнья найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ. Всѣми этими качествами они обладали въ высшей мѣрѣ, и только это обезпечило безпримѣрный успѣхъ новой организаціи, задуманной и выполненной капитаномъ Монгомери: но и техническія знанія пандитовъ и главное настойчивость и рвеніе въ примѣненіи ихъ заслуживаютъ нашего вниманія; вспомнимъ напр., что Наинъ Сингъ прошелъ свыше 2500 миль и пересѣкнулъ множество горныхъ цѣпей, считая каждый свой шагъ [1]; другой Атма Рам, сопровождавшій капитана Боуера, велъ счетъ шаговъ на протяженіи 2,080 миль; третій дѣлалъ тоже на разстояніи 1,319 миль, всѣ трое при соблюденіи крайней осторожности и скрытно-

сти, и мы поймемъ, сколько труда и терпѣнія было затрачено этими незамѣтными тружениками въ ихъ долгихъ странствованіяхъ.

Отъ пандитовъ съ ихъ полезными, но малоизвѣстными среди европейской публики трудами надлежитъ вернуться къ европейскимъ изслѣдователямъ, чьи имена знакомы всякому, интересующемуся географіей Внутренней Азіи, въ частности Тибета, и чьи труды были почтены въ изобиліи знаками отличія, наградами и громкой славою. Дѣятельность этихъ изслѣдователей во всеоружіи новѣйшихъ средствъ борьбы съ физическими препятствіями охватила огромный раіонъ наиболѣе глухихъ областей сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета почти до 30° с. ш. на югѣ и сопредѣльныхъ частей Восточнаго Туркестана и провинцій Собственнаго Китая. Эта дѣятельность, начало коей относится къ концу 60 г.г. XIX стол. знаменуетъ собой рядъ важнѣйшихъ открытій для затронутой ею области, въ неменьшей мѣрѣ, чѣмъ работа пандитовъ для южнаго Тибета.

Во главѣ европейскихъ изслѣдователей Сѣвернаго Тибета стоитъ Н. М. Пржевальскій, указавшій первый на пригодность этого направленія для возможнаго достиженія Лхасы и открытія европейской науки обширнѣйшей неизслѣдованной области. Конечной цѣлью всѣхъ путешествій Пржевальскаго являлась Лхаса, но судьба въ этомъ отношеніи выказала себя не болѣе милостивой къ нему, чѣмъ къ его позднѣйшимъ послѣдователямъ и преемникамъ—европейскимъ и русскимъ; тѣмъ не менѣе результаты четырехъ его путешествій явились краеугольнымъ камнемъ для европейскаго географическаго и естественно-историческаго познанія сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета, а описанія его [1] маршрутовъ въ предѣлахъ страны, по богатству сообщаемыхъ свѣдѣній и блестящему изложенію, останутся на всегда образцо-

вымъ памятникомъ русской энергіи и настойчивости въ соединеніи съ знаніемъ и преданностью дѣлу.

Изслѣдованія Пржевальскаго въ Тибетѣ стояли въ тѣсной хронологической и причинной связи съ его изслѣдованіями другихъ областей Центральной Азіи, какъ подготовительной и переходной ступенью къ проникновенію внутрь наибольшей горной страны на земномъ шарѣ. Лишь по предварительномъ изученіи прилегающихъ и въ извѣстной мѣрѣ однородныхъ мѣстностей Монголіи и Восточнаго Туркестана Пржевальскій обращался къ наиболѣе близкой его сердцу задачѣ—изслѣдованію Тибета; отсюда мы видимъ, что изъ общей длины маршрута его 4 путешествій въ 29,585 верстъ сравнительно небольшая часть падаетъ на области въ предѣлахъ Цайдама, Кукунора и сѣверо-восточнаго Тибета и что указаніе его путей въ Тибетѣ, при всей ихъ важности, не можетъ дать вѣрнаго понятія о всей совершенной имъ изумительной работѣ изслѣдованія природы областей Внутренней Азіи.

Въ первое свое путешествіе по Центральной Азіи (7-го ноября 1870—19 сент. 1873 г.) Пржевальскій, по изслѣдованіи южной Монголіи и Алашаня, вступилъ въ горную область Нань-шаня на сѣверъ отъ Куку-нора, затѣмъ обойдя кругомъ сѣверной стороны озера и перевАливъ черезъ Южно-кукунорскій хребетъ, вышелъ, къ Цайдаму и черезъ ставку Цзун-цзасака и горы Бурхан будда—граничащихъ съ сѣвернымъ нагоріемъ Тибета и разсматриваемыхъ тибетцами въ качествѣ сѣвернаго предѣла ихъ страны, хотя условная политическая граница, потерявшая, однако, нынѣ всякое практич. значеніе, лежитъ далѣе къ югу по гребню горы Шуга—достигъ сперва рѣки Чу мар, верховья Янъ-цзы, затѣмъ 10 янв. 1873 г. Дре-чу, или Мурун-русу, главнаго верховья той-же рѣки. Отъ Дре-чу до Лхасы считается еще 27

шевныхъ переходовъ, или 800 верстъ, а потому истощеніе вьючныхъ животныхъ и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставили Пржевальскаго повернуть обратно отъ берега Великой рѣки по тому же пути, по которому онъ прибылъ вмѣстѣ со своими тремя спутниками (Пыльцовымъ и 2 казаками).[1]

Второе путешествіе Пржевальскаго (12 авг. 1876—29 дек. 1878), открывшее ученому міру озеро Лобнор, лишь коснулось сѣверной ограды тибетскаго нагорья въ горахъ Алтын-таг, составлявшихъ также открытіе Пржевальскаго.[2] Описаніе его не было издано отдѣльной книгою, но помѣщено въ Извѣстіяхъ Имп. Геогр. Общ. за 1877 г. подъ заглавіемъ: «Отъ Кульджи за Тяньшань и на Лобъноръ». Хотя на этотъ разъ было пройдено всего 3980 в. противъ 11,100 верстъ перваго путешествія, расходы превысили 19,000 р. противъ 6000 р., стоимости первой экспедиціи, зато и снаряженіе второй экспедиціи было куда полнѣе и совершеннѣе, и число участниковъ больше (9 противъ 4 первой экспедиціи), въ томъ числѣ поручикъ Эклонъ, и самые результаты ея богаче и разностороннѣе въ научномъ отношеніи.[3]

Третье путешествіе Пржевальскаго (съ 21 марта 1879 г. по 29 октября 1880 г.), предпринятое имъ въ сопровожденіи 12 человѣкъ (въ томъ числѣ прапорщиковъ Эклона и Роборовскаго) и при отпускѣ изъ казны 23.500 р., имѣло центръ тяжести въ предѣлахъ тибетской территоріи, почему и может быть названо первымъ тибетскимъ путешествіемъ Пржевальскаго въ отличіе отъ путешествія 1870—73 гг.,—монгольскаго и 1876—78 гг.—Лобнорскаго. Исходнымъ пунктомъ путешествія послужилъ г. Зайсанскъ, откуда черезъ Хами и Ша чжоу экспедиція достигла Наньшаня, изслѣдовала открытые и наименованные ею хребты Гумбольдта

и Риттера, пересѣкла Цайдам до ставки Цзун-цзасак., затѣмъ черезъ хребты Шуга, Марко Поло, рѣку Напчитай-улан-мурен, хребты Кукушили и Думбуре достигла Мурун-усу много выше того пункта, гдѣ Пржевальскій увидѣлъ Великую рѣку во время экспедиціи 1873 г. Переправившись черезъ рѣку, экспедиція перевалила черезъ хребетъ Тапъ-ла по обычной дорогѣ монгольскихъ паломниковъ, на которую вышла, немногимъ не доходя до Мурун-усу, успѣшно отбила нападеніе мѣстныхъ разбойниковъ («ёграевъ»[1]), и приблизилась на разстояніе 250 верстъ къ Лхасѣ (ручей Ніерчунъ у горы Бумза (32° с. ш.); но, преодолѣвъ всѣ физическія препятствія, экспедиція натолкнулась въ указанномъ мѣстѣ на упорное противодѣйствіе тибетскихъ властей, заранѣе предупрежденныхъ о приближеніи русскихъ, и послѣ безплодныхъ переговоровъ и посылки спеціальнаго гонца въ Лхасу за разрѣшеніемъ, въ которомъ было отказано, принуждена была повернуть обратно. Любопытно, что Пржевальскій объясняетъ это упорное нежеланіе тибетцевъ пропустить его въ Лхасу исключительно китайскимъ подстрекательствомъ, хотя китайское правительство сваливало вину отказа на вражду лхаскихъ ламъ.[2]) Обратный маршрутъ экспедиціи вплоть до Шуга гол прошелъ въ разстояніи 20—50 верстъ къ З. и В. отъ передняго пути, но за Шуга гол рѣзко отклонился къ сѣверу и черезъ хребетъ Толай спустился въ Цайдам, достигнувъ вдоль сѣвернаго подножья Бурхан Будды ставки Цзун-цзасака. Дальнѣйшій путь былъ къ озеру Куку-нору, вокругъ котораго за это путешествіе былъ сдѣланъ, считая съемку сѣвернаго берега 1872 г. полный обходъ за исключеніемъ 25 верстъ, [3]) и къ средней части верхняго теченія Хуанъ-хэ отъ Балекунъ гоми до хребта Угуту, послѣ посѣщенія города Си-нинъ-фу. Вернувшись къ Куку-нору и завершивъ съемку озера, экспедиція направи-

лась черезъ кумирню Чейбсен въ Наньшанѣ тожественнымъ пути перваго путешествія маршрутомъ и черезъ Алашань и Гоби достигла Урги и Кяхты, гдѣ и закончилось настоящее третье, весьма богатое результатами, путешествіе Пржевальскаго, описанное имъ съ обычнымъ марстерствомъ и живостью въ книгѣ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки».

Четвертая и послѣдняя экспедиція Пржевальскаго съ 21 октября 1883 по 1 ноября 1885 г., была въ то же время наиболѣе многочисленной по своему составу (20 человѣкъ, въ томъ числѣ поручикъ Роборовскій и вольноопредѣляющійся Козловъ, оба будущіе извѣстные путешественники и самостоятельные руководители большихъ экспедицій) и обошлась казнѣ въ 42,250 р. Наиболѣе интереснымъ на этотъ разъ съ точки зрѣнія географическаго познанія Тибета результатомъ экспедиціи было изслѣдованіе источныхъ озеръ Хуанъ хэ, первыми европейцами послѣ китайскихъ топографовъ, производившихъ съемку мѣстности по порученію іезуитовъ, составителей большой карты Китая въ началѣ XVIII ст., и установленіе направленія и взаимной связи центральныхъ цѣпей Куэнь-луня.

Экспедиція вышла изъ Кяхты и обратнымъ маршрутомъ третьяго путешествія достигла черезъ Гоби, Алашань и Куку-нор ставки Цзун цзасака въ Цай-дамѣ, служившей опорнымъ пунктомъ во время первой и третьей экспедиціи. Оставивъ здѣсь излишній багажъ, Пржевальскій пересѣкъ цѣпь Бурхан-будда, подробно изслѣдовалъ области источныхъ озеръ Желтой рѣки и прошелъ къ югу до берега Дречу, значительно ниже по теченію, чѣмъ въ 1873 и 1879 гг.[1] Вернувшись въ Цзун цзасак и забравъ свой багажъ, Пржевальскій проходитъ по Цайдаму по всей длинѣ его южной окраины до озера Гашун, изслѣдуетъ прилегающія

въ этомъ мѣстѣ съ юга части центральнаго Куэнь-луня, (хребетъ Колумба, Московскій) вплоть до озера Незамерзающаго и поднимается къ сѣверу черезъ Чамен таг и Алтын-таг почти вдоль меридіана Гашун нор къ озеру Лобнор, которое изслѣдуетъ вторично послѣ промежутка времени почти въ 10 лѣтъ. Для своего возвращенія въ Россію Пржевальскій избираетъ маршрутъ вдоль южной окраины Восточнаго Туркестана (Черчен, Керія, Хотан), производя изслѣдованія и въ сосѣднихъ частяхъ цѣпей Куэнь луня—Русскомъ и Керійскомъ, отъ Хотана поварачиваетъ на сѣверъ по теченію Хотанъ дарья и путемъ черезъ Аксу и Тянь-шань (пер. Бедел достигаетъ г. Каракола (нынѣ Пржевальскъ). [1]) Въ этомъ городѣ его и настигла смерть три года спустя (30 окт. 1888), во время сборовъ въ новое, счетомъ пятое, путешествіе, обѣщавшее затмить результаты первыхъ четырехъ тщательностью снаряженія и обширностью намѣченныхъ задачъ—достиженія Лхасы. Пржевальскій былъ похороненъ близъ Каракола на берегу озера Иссык куль, среди величественной природы Западнаго Тянь-шаня: мѣсто успокоенія, вполнѣ достойное великаго изслѣдователя. Въ ознаменованіе его славныхъ трудовъ самый городъ Караколъ былъ переименованъ императоромъ Александромъ III въ г. Пржевальскъ согласно оффиціальной терминологіи.

Имя и работы [2] Пржевальскаго настолько извѣстны и общепризнаны не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, что нѣтъ надобности останавливаться подробно на выясненіи ихъ значенія; открытіе источныхъ озеръ Желтой рѣки, нанесеніе на карту верхняго теченія Янъ-цзы, изслѣдованіе цѣпей Центральнаго Куэнь-луня, Бурханъ—Будды, Танъ-ла, Алтын-тага и Наньшаня, области Цайдама и Куку-нора вмѣстѣ съ точнымъ измѣреніемъ послѣдненазваннаго озера, наконецъ,

открытіе новаго пути въ запрещенный городъ—таковы главные для Тибета географическіе результаты замѣчательныхъ путешествій Пржевальскаго, или, какъ онъ самъ называлъ ихъ, научныхъ рекогносцировокъ, указывая тѣмъ на ихъ сравнительно отрывочный и поверхностный характеръ по причинѣ обширности затронутыхъ пространствъ и разстояній. Пржевальскій не только совершилъ свои путешествія, но и указалъ другимъ, какъ надлежитъ путешествовать по Внутренней Азіи для обезпеченія наибольшой пользы и успѣшности наблюденій и изслѣдованій, [1]) указалъ пути, которые позволяли углубиться возможно дальше внутрь неизслѣдованныхъ областей, [2]) наконецъ, указалъ, хотя и въ грубой формѣ, на тѣ средства, съ помощью которыхъ путешествія эти становятся осуществимыми при настоящемъ низкомъ нравственномъ уровнѣ обитателей Центральной Азіи. Эти средства, къ сожалѣнію, сохраняютъ дѣйствительную силу и въ настоящее время, какъ показываетъ опытъ англійской миссіи 1904 г., и формулируются Пржевальскимъ въ энергичныхъ трехъ словахъ: деньги, винтовка и нагайка [3]).

Кромѣ географическихъ результатовъ, путешествія Пржевальскаго дали намъ такое богатство естественно-историческихъ свѣдѣній, замѣтокъ и наблюденій надъ природою Центральной Азіи, какъ ни одно изъ послѣдующихъ другихъ путешествій. Эти указанія, въ изобиліи разсѣянныя по всѣмъ описаніямъ путешествій Пржевальскаго, должны быть положены въ основу описанія Сѣверовосточнаго Тибета съ естественной--исторической точки зрѣнія, чѣмъ подчеркивается эта важная сторона его путешествій [4]). Для нашего знакомства съ жизнью обитателей Центральной Азіи, ихъ бытомъ и вѣрованіями, Пржевальскій даетъ сравнительно гораздо меньше фактовъ и свѣдѣній, и нѣкоторые критики его работъ ставили ему въ упрекъ то обстоятельство, что въ

своихъ изслѣдованіяхъ природы Центральной Азіи онъ упустилъ самый важный предметъ—человѣка; но не слѣдуетъ забывать, что маршруты Пржевальскаго прошли по мѣстностямъ, въ которыхъ нерѣдко вовсе не оказывалось этого предмета наблюденій—человѣка, а потому и упрекъ критиковъ въ этихъ случаяхъ оказывается неосновательнымъ: въ другихъ случаяхъ производить эти наблюденія не позволяла кратковременность остановокъ въ населенныхъ пунктахъ и, говорить откровенно, отрицательное отношеніе Пржевальскаго къ населенію Центральной Азіи, проявляющееся во многихъ мѣстахъ его описаній.

Помимо приведеннаго упрека въ недостаточности этнографическихъ наблюденій, позднѣйшіе путешественники подмѣтили нѣкоторыя неточности, проскользнувшія въ описанія Пржевальскаго, этимологическія неправильности сообщенныхъ имъ мѣстныхъ названій (въ особенности этимъ занялся Рокгиль [1]), наконецъ, ошибочное вычисленіе географическаго положенія нѣкоторыхъ пунктовъ; но если принять во вниманіе огромность раіона, охваченнаго четырьмя путешествіями Пржевальскаго, богатство научныхъ ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій и важность географическихъ открытій, то мы должны признать, что нѣкоторыя погрѣшности и пробѣлы ничуть не умаляютъ заслугъ Пржевальскаго: они были неизбѣжны при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершались его изслѣдованія. Почти всюду онъ являлся піонеромъ географической науки, почти всюду онъ былъ первымъ европейцемъ, научно изслѣдовавшимъ неизвѣстныя области. Велика была задача, добровольно принятая на себя Пржевальскимъ, но онъ съ честью выполнилъ ее въ значительной части: что же касается остальной, то онъ указалъ пути и средства для ея осуществленія.

Въ заключеніе необходимо признать [2]), что Пржеваль-

скій былъ не только замѣчательный путешественникъ[1] и наблюдатель, но и даровитый писатель: если никто изъ русскихъ не проходилъ такихъ обширныхъ разстояній и не преодолѣвалъ трудностей съ такой энергіей, то никто и не бесѣдовалъ съ читателемъ въ такой простой, живой и общепонятной формѣ о своихъ научныхъ изысканіяхъ и не излагалъ такъ наглядно и интересно новые научные естественно-историческіе и географическіе факты; въ этой общедоступности и увлекательности изложенія и заключается популярность научно-литературныхъ трудовъ-описаній Пржевальскаго.

Путешествіямъ Пржевальскаго предшествовалъ по времени рядъ попытокъ европейскаго изслѣдованія восточныхъ областей Тибета со стороны Китая; въ этомъ отношеніи представляются наиболѣе важными работы французскихъ миссіонеровъ въ мѣстностяхъ, пограничныхъ китайскимъ провинціямъ Сы-чуань и Юнь-нань, съ тибетскимъ населеніемъ и по своему физическому характеру составляющихъ нераздѣльную географическую часть собственнаго Тибета. Дѣятельность этихъ миссіонеровъ естественно была направлена къ достиженію непосредственной ихъ задачи—просвѣщенію населенія ученіемъ католической церкви, но наряду съ этой главной задачею они, особенно въ позднѣйшее время, собирали матеріалы для географическаго и главное этнографическаго познанія страны и народа. Ихъ многочисленные маршруты, прорѣзавшіе страну по всѣмъ направленіямъ на западъ вплоть до меридіана Чамдо, дали европейской картографіи рядъ извѣстныхъ линій въ предѣлахъ неизслѣдованной территоріи.

Исторія научной дѣятельности[2] католическихъ миссіонеровъ стоитъ въ неразрывной связи съ исторіей дѣятельности Тибетской католической миссіи, которая съ середины 40 г.г. XIX стол. возобновила свои труды, прерванные въ 1768 г. (годъ окончанія капуцинской миссіи въ Лхасѣ и

Непалѣ), но уже не въ центральномъ Тибетѣ и не на южной окраинѣ послѣдняго, какъ раньше, а на границахъ Китая и княжествъ Восточнаго Тибета, на юридически китайской территоріи. Въ виду той пользы, которую принесла эта миссія въ послѣдующее время для науки тибетовѣдѣнія, ниже излагается вкратцѣ ея чреватая событіями исторія и указываются подробнѣе маршруты [1]) болѣе важныхъ съ точки зрѣнія изслѣдованія страны путешествій и разъѣздовъ миссіонеровъ въ предѣлахъ области, отведенной папскимъ указомъ дѣятельности реорганизованной Тибетской миссіи [2]).

Вплоть до 1846 г. Тибетъ включался въ сферу дѣйствій апостолическаго викарія въ г. Агра (Бенгалѣ), который, однако, не располагалъ достаточнымъ числомъ миссіонеровъ для успѣшной пропаганды Христова ученія въ трудно доступной странѣ.

Съ цѣлью облегченія и ускоренія дѣла распространенія христіанства въ Тибетѣ была создана новая кафедра апостолическаго викарія Тибета (Лхасы) съ мѣстопребываніемъ викарія въ городѣ Да-цзянь-лу, откуда открывался болѣе удобный доступъ въ запрещенную страну, чѣмъ со стороны строго охраняемой индійской границы. Новая миссія была поручена заботамъ Missions Etrangères, какъ и сопредѣльный ей викаріатъ Сы-чуани. Хотя выдѣленіе Тибета изъ сферы дѣятельности индійскаго викаріата состоялось еще въ 1846 г., но назначеніе самостоятельнаго викарія Тибета послѣдовало лишь въ 1857 г., а до тѣхъ поръ вся подготовительная работа по устройству новаго викаріата выпала на долю Сычуаньскаго викарія, Mgr. Perochau. Съ его разрѣшенія Рену предпринимаетъ въ 1847 г., первую попытку проникнуть въ запрещенную страну и въ Лхасу и въ китайскомъ одѣяніи безпрепятственно добирается изъ Да цзянь лу черезъ княжество Чала, области Ли т'анъ и Ба (Ба танъ), собственную

границу Тибета, округъ Цзянка (Мар-к'ам), владѣніе Драя до Чамдо. Это путешествіе положило начало будущимъ частымъ разъѣздамъ миссіонеровъ, охватившимъ всю область независимыхъ княжествъ К'ам. Первая попытка не была удачна, какъ, впрочемъ, и всѣ многія другія: въ Чамдо Рену былъ задержанъ и послѣ переговоровъ, шедшихъ до полученія отвѣта китайскаго амбаня въ Лхасѣ [1]), былъ препровожденъ подъ почетнымъ карауломъ обратно въ Сычуань и затѣмъ въ Кантонъ. Освобожденіе Рену въ декабрѣ 1848 г. и вопросъ о китайской юрисдикціи въ Тибетѣ и Китаѣ послужили предметомъ долгой дипломатической переписки между китайскимъ и французскимъ правительствами. Во время пребыванія въ Чамдо Рену дѣятельно собиралъ свѣдѣнія касательно географіи, обычаевъ, управленія и религіи страны, и его отчетъ послужилъ руководствомъ для направленія дѣятельности его преемниковъ въ Тибетской миссіи—Дегоденъ и Дюранъ съ 1857 году.

Въ 1852 г. Рену направился вновь въ Тибетъ, на этотъ разъ со стороны Юньнани (Да-ли-фу) подъ видомъ кит. торговца съ товаромъ черезъ Ли-цзянъ-фу, древней столицы племени моссо, и Пон-цзэ-ла, гдѣ пробылъ 10 мѣсяцевъ въ сосѣднемъ буддійскомъ монастырѣ Тэнъ-джо-линъ за тщательнымъ изученіемъ тибетскаго языка [2]) подъ руководствомъ настоятеля монастыря—перерожденца Лоджу. Въ бытность свою въ монастырѣ, Рену успѣлъ собрать путемъ разспросовъ много свѣдѣній относительно различныхъ практич. вопросовъ, связанныхъ съ будущимъ утвержденіемъ миссіи на тиб. территоріи, напр.. относит. границы собств. Тибета, которая оказалась далѣе на З. и Ю. по ту сторону Лань-цанъ-цзяна, за гребнемъ горной цѣпи, отдѣляющей эту рѣку отъ Лу-цзяна; затѣмъ кит. почтовыхъ сообщеній, паспортовъ, полномочій мелкихъ вождей Цзаронъ (на З. отъ Еркало). Изъ

Тэнъ-джо лина нетрудно было достигнуть тибетской границы черезъ кит. городъ Атуньцзы, въ 3 дняхъ пути, но слухъ о пребываніи иностранца въ монастырѣ дошелъ уже до свѣдѣнія властей, и Рену вернулся въ концѣ 1853 г. обратно въ Хуанъ-цця бинь въ Юнь-нани, исходный пунктъ своего путешествія.

Въ началѣ 1854 г. Рену пустился въ третье путешествіе, которое сообщило много свѣдѣній по географіи юго-восточнаго угла Тибета и сопредѣльныхъ частей Юньнани, данныхъ относительно обычаевъ мѣстнаго китайскаго и тибетскаго населенія и различныхъ другихъ народностей, обитающихъ на пройденной имъ территоріи. Къ сожалѣнію, эта часть донесеній Рену не опубликована [1]).

Маршрутъ Рену прошелъ на этотъ разъ по совершенно неизвѣстной мѣстности: отъ Ли-цзянъ-фу на З. къ Меконгу, который Рену достигаетъ и переходитъ у мѣстечка Янь-чуань, въ странѣ племени лису [2]); изъ Янь-чуань Рену слѣдуетъ вверхъ по лѣвому берегу Меконга мимо Вей-си къ пункту подъ 28° с. ш., откуда на западъ черезъ р. Сальвинъ въ монастырь Джамутонъ (Дребутонъ). На сѣверъ отъ лису по правому берегу Меконга живутъ ламажень, затѣмъ въ округѣ Вэй си моссо. Моссо сохранили еще туземный культъ жертвоприношеній на открытомъ воздухѣ духамъ горъ и умершимъ родителямъ; все-же ламаизмъ (секты красношапочниковъ—кармапа) прочно утвердился среди нихъ, такъ что во многочисленныхъ монастыряхъ Вэй-си-чжоу и Ли-цзянъ-фу мы находимъ почти исключительно монаховъ моссо [3]). На пути изъ Вэйси въ Чжамутонъ Рену прошелъ черезъ страну луцзы между Меконгомъ и Сальвиномъ [4]) по глухой дорогѣ, избѣгнувъ бдительности китайскихъ пограничныхъ властей. Въ монастырѣ Чжамутонъ [5]), на правомъ берегу Сальвина, Рену встрѣтилъ доброжелательный пріемъ со стороны настоятеля

и могъ спокойно устроиться на болѣе продолжительный срокъ пребыванія. Чтобы прочнѣе утвердиться на новомъ мѣстѣ, Рену арендовалъ на вѣчныя времена значительный (до 16 кв. верстъ) участокъ земли на С. В. отъ Чжамутонъ въ мѣстности Бонга въ округѣ Мелам, населенномъ луцзы; (впослѣдствіи этотъ округъ былъ включенъ въ тибетскій округъ Цзаронъ съ главнымъ городомъ Мэнкунъ) за годовую арендную плату въ 16 таелей 3 цянь. Оставаясь по-прежнему торговцемъ, Рену превратился также въ сельскаго хозяина; если первая профессія оказалась весьма полезной, облегчивъ ему доступъ въ страну, то второе занятіе должно было помочь ему утвердиться въ ней. Отнынѣ въ теченіе многихъ лѣтъ Бонга, на Ю. З. отъ А-тунь-цзы, подъ 28°25′ и 98°30′, служила главной станціей миссіонеровъ и центромъ ихъ дѣятельности въ Тибетѣ, для каковой цѣли обладала необходимыми данными по своему выгодному положенію [1]).

Около того же времени, когда Рену предпринялъ свою вторую попытку проникнуть въ Тибетъ со стороны Юньнани, аналогичная попытка была сдѣлана миссіонерами Рабинъ, Крикъ и Бернаръ со стороны Индіи, въ частности Ассама. Ихъ предшественниками въ этой области, пограничной юго-восточному Тибету, были нѣсколько англійскихъ офицеровъ, которымъ, однако, не удалось проникнуть далеко внутрь территоріи племени Аборъ по Дихонгу и Мишми по Лохиту (Брамакунду). Наиболѣе извѣстнымъ изъ этихъ офицеровъ былъ лейтенантъ Вилькоксъ въ 1826 г., но и тотъ дошелъ только до селенія Джинча на Брамакундѣ. Слѣдующія попытки 1837 и 1846 г.г. были еще менѣе удачны и не оставили почти никакой надежды на открытіе съ этого направленія пути въ Тибетъ благодаря враждебному отношенію мѣстнаго населенія. Ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей не былъ въ состояніи вступить на тибетскую территорію и только

путешественникъ 1846 г., капитанъ Роулатъ видѣлъ въ горахъ нѣсколькихъ тибетцевъ. При такихъ условіяхъ отправлялись упомянутые трое миссіонеровъ въ свое трудное предпріятіе и надо ли прибавлять, что они не только потерпѣли полную неудачу, но еще двое изъ нихъ были умерщвлены.

Въ зимніе мѣсяца 1851—2 г.г. Крикъ, какъ наиболѣе энергичный изъ трехъ, пробрался по Лохиту черезъ страну Мишми до Сама и Рима на тибетской территоріи въ Дзаюл (Ц'а-юл), но послѣ непродолжительнаго пребыванія былъ вынужденъ вернуться обратно по распоряженію мѣстнаго правителя. Вскорѣ затѣмъ ассамская миссія распалась: начальникъ ея Рабинъ послѣ неуспѣшнаго путешествія въ Бутанъ [1]), вернулся на родину; Бернаръ занялся проповѣдью въ самомъ Ассамѣ (въ Говахатти), а Крикъ былъ поставленъ во главѣ новой экспедиціи въ Тибетъ и ему былъ данъ помощникъ въ лицѣ Бурри.

Въ 1853 г. Крикъ посѣтилъ племя Аборъ по Дихонгу и прожилъ нѣкоторое время въ ихъ средѣ, пріобрѣтя значительныя симпатіи населенія успѣшными хирургическими операціями, и только подозрительность вождей заставила Крика вернуться въ главную миссіонерскую квартиру въ Sai Kwa'у крайній англійскій военный постъ на р. Лохитъ по направленію къ странѣ Мишми на югъ отъ Садія. Въ 1854 г. оба миссіонера отправились по прежнему пути Крика въ Сама, гдѣ прожили нѣсколько мѣсяцевъ: населеніе относилось къ нимъ дружелюбно, власти же скрывали свои чувства. Однако, миссіонеры не долго наслаждались своимъ относительнымъ успѣхомъ: въ концѣ 1854 г. ихъ жилище подверглось нападенію со стороны Мишми, а сами они убиты. Ихъ убійца, вождь Кайша, былъ захваченъ спеціальной англійской карательной экспедиціей кап. Дальтона и понесъ заслуженное наказаніе. Наружнымъ поводомъ къ убійству послужилъ

отказъ Крика дать вождю обѣщанный кусокъ матеріи, такъ какъ вождь не выполнилъ принятаго обязательства—служить Крику проводникомъ. Впослѣдствіи, однако, обнаружилось, благодаря розыскамъ Дегодина и Фаже въ Цзянъ-ка, что убійство миссіонеровъ совершилось не безъ участія тибетскихъ и китайскихъ мѣстныхъ властей; одинъ изъ предполагаемыхъ подстрекателей преступленія—подъ-префектъ Дзалюл былъ наказанъ тибетскимъ генераломъ Цзянъ-ка, а миссіонерамъ было разрѣшено поставить памятникъ на мѣстѣ гибели Крикъ и Бурри[1].

Въ промежутокъ 1855-8 г.г. были сдѣланы послѣднія вплоть до начала 80 г.г. попытки со стороны католическихъ миссіонеровъ проникнуть въ Тибетъ изъ Индіи. Послѣ крушенія миссіи Крикъ и Бурри и неудачнаго посѣщенія племени Аборъ Бернаромъ въ 1857 г. были избраны въ качествѣ возможнаго исходнаго пункта Сиккимъ и Непалъ; но туземные владѣтели этихъ княжествъ, первый по приказанію изъ Лхасы, которой въ то время принадлежало верховное покровительство надъ Сиккимомъ, второй вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, которыя велъ противъ Тибета въ 1857 г., отказались пропустить Бернара и Дегодина черезъ свои владѣнія. Столь же неуспѣшна была поѣздка Бернара и Дегодина изъ Агра и Симлы вверхъ по Сетлежу къ тибетской границѣ въ 1858 г. благодаря противодѣйствію тибетцевъ, и въ томъ же году Бернаръ былъ переведенъ въ католическую миссію Бирмы, а Дегодинъ отозванъ въ Да-цзянь-лу вновь назначеннымъ викаріемъ Лхасы Mgr. Thomine Desmazures[2].

Въ концѣ 1859 г. Рену долженъ былъ оставить Бонга вслѣдствіе враждебнаго отношенія мѣстныхъ властей[3] и переселиться въ Цзянъ-ка, гдѣ прожилъ до прибытія миссіонерской экспедиціи 1861 г.

Эта экспедиція состояла изъ викарія Томинъ съ 5 мис-

сіонерами, въ томъ числѣ Дюранъ и Дегодинъ, и была предпринята открыто съ разрѣшенія китайскаго правительства на основаніи постановленій Пекинскаго договора 1860 г. Во главѣ каравана экспедиціи двигался китайскій офицеръ съ французскимъ флагомъ. Маршрутъ экспедиціи былъ тотъ же. что для Рену въ 1847 г., именно. отъ Да-цзянъ-лу черезъ Литанъ. Батанъ и Цзянъ-ка въ Чамдо[1]).

Въ Чамдо епископъ Томинъ, котораго сопровождали теперь только Рену и Дегодинъ (остальные миссіонеры были оставлены по дорогѣ въ Батанѣ и Цзянъ-ка, на Ю. З. отъ Батана, подъ 28°50′ и 98°40′), былъ задержанъ посланцами изъ Лхасы, запретившими ему дальнѣйшее движеніе къ столицѣ. Послѣ 7 мѣсячныхъ безплодныхъ переговоровъ епископъ вернулся обратно въ Да-цзянь-лу, оставивъ въ Чамдо Рену. Въ іюлѣ 1862 г. послѣдовало рѣшеніе по дѣлу объ изгнаніи Рену изъ Бонга; благодаря настойчивымъ стараніямъ миссіонеровъ и болѣе благопріятному отношенію къ христіанской проповѣди со стороны пекинскаго правительства, какъ слѣдствіе пекинскаго договора, рѣшеніе было дано въ пользу миссіонеровъ: ихъ права на земельную собственность въ Бонга были подтверждены. понесенные Рену убытки возмѣщены, виновные въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ миссіонера наказаны. Рену могъ снова вернуться въ Бонга, что онъ и сдѣлалъ въ томъ же 1862 г. въ сопровожденіи Дегодина. Предварительно они думали пробраться изъ Чамдо въ Лхасу, для чего Дегодинъ путемъ разспросовъ составилъ маршрутъ въ столицу[2], но ихъ попытка была обнаружена и миссіонеры были направлены по прямому пути изъ Чамдо въ Бонга [3], куда прибыли въ сентябрѣ 1862 г. послѣ 22 дней пути, вдоль праваго берега Меконга, затѣмъ Сальвина черезъ Дзогонъ, Чраюл (въ Дзюлѣ) и Цзаронъ. Въ Бонга миссіонеры въ числѣ четырехъ пробыли до 1865

г. (Рену умеръ въ 1863 г.) Первое время ихъ проповѣдь увѣнчалась успѣхомъ, и двѣ сосѣднія деревни лунзы перешли въ христіанство (320 человѣкъ); но въ 1863 г. начались снова притѣсненія со стороны властей, отчасти и населенія, а въ 1864 г., когда сдѣлался извѣстнымъ отказъ Франціи отъ покровительства и поддержки миссіонеровъ въ предѣлахъ Тибета, начались и открытыя гоненія, жертвами коихъ сперва дѣлались туземные обращенные. Въ серединѣ 1865 г. Фажъ и Дюбернаръ были изгнаны изъ Цзянъ-ка, а мѣстные христіане подверглись различнымъ наказаніямъ.

Въ сентябрѣ того же (1865) года Дюранъ и Біе были вынуждены бѣжать изъ Кіонатонъ на С.З. отъ Бонга, гдѣ имѣлась небольшая христіанская община; во время бѣгства Дюранъ былъ раненъ и утонулъ при переправѣ черезъ Сальвинъ[1]. 7 октября Дегодинъ и Біе покинули Бонга по приказанію уполномоченныхъ изъ Лхасы; всѣ строенія миссіи были сожжены, туземные христіане разсѣяны или изгнаны, и къ концу 1865 г. ни одного миссіонера не оставалось въ предѣлахъ территоріи, подчиненной Лхасѣ (въ Бонга, Цзянъ-ка или Чамдо). Миссіонеры большей частью искали убѣжища въ Батанъ и Да-цзянъ лу на территоріи Сы-чуани, одинъ только Біе укрылся въ Чжамутонъ на территоріи Юнь-нани и основалъ новую станцію на югъ отъ Бонга въ Цзекоу, на большой горѣ у праваго берега Меконга, на купленной имъ землѣ, среди селеній китайцевъ, которыхъ впрочемъ, было меньшинство, тибетцевъ (большинство), моссо и лису. Цзекоу[2]) находится въ округѣ Вэй-си въ провинціи Юнь-нани; сюда сошлись уцѣлѣвшіе остатки прежней христіанской общины Бонга, такъ что новая колыбель христіанства достигла вскорѣ значительнаго процвѣтанія, которое сохранила по сію пору. Менѣе успѣха имѣла миссіонерская станція Гунра на С. отъ Еркало (29°10' и 98°45'), тибет-

скихъ соляныхъ источниковъ въ 6 дн. пути отъ Батана [1]), основанная Дегодиномъ. Третья станція оставалась въ Батанѣ: главная же квартира и мѣстопребываніе новаго викарія Шово[2] — въ окрестностяхъ Да-цзянь-лу въ мѣстечкѣ Да-линь-бинь.

Въ октябрѣ 1873 г. началось новое движеніе противъ миссіонеровъ, которое привело къ временному изгнанію миссіонеровъ изъ Батана, Понъ-ме (на Ю. отъ Батанъ) и Еркало: въ слѣдующемъ году разрушенныя миссіонерскія строенія въ этихъ пунктахъ были вновь возстановлены. Въ срединѣ 70 г.г. прибавилась новая миссіонерская станція въ Атуньцзы [3]).

Между 1880 и 1882 г. по порученію новаго викарія Лхасы Біе, Дегодинъ и Мюссо изслѣдовали сѣверо-восточную часть Ассама и Сиккимъ съ цѣлью отысканія наилучшей базы для будущей дѣятельности тибетской миссіи вдоль южной границы Тибета. Въ результатѣ было основаніе миссіи въ Педонъ на В. отъ долины Тисты, на СВ. отъ Дарджилина[4].

Въ первой половинѣ 80 гг. несмотря на энергичныя старанія миссіонеровъ, ихъ проповѣдь имѣла мало успѣха, въ особенности въ Батанѣ и Да-цзянь-лу, т. е. среди чисто тибетскаго населенія, и число принимавшихъ крещеніе не превышало 2—3 десятковъ въ годъ. Въ 1887 г. новый ударъ обрушился на миссіонеровъ: благодаря подстрекательству ламъ зданія и церкви миссіи и дома обращенныхъ въ Батанѣ, Еркало и А-тунь-цзы были разрушены, туземные христіане разсѣяны, а миссіонеры должны были бѣжать внутрь Сы-чуани и Юнь-нани не только изъ указанныхъ пунктовъ, но даже изъ Цзекоу, котораго, однако, не коснулась рука разрушенія. Послѣ долгихъ переговоровъ съ китайскими властями, въ которыхъ приняло участіе и французское правительство, миссіонеры могли постепенно вернуться въ Цзекоу и въ Еркало къ 1890 г.; Батанъ же и Атуньцзы оставались оффиціально

закрытыми для нихъ до октября 1894 г., до заключенія конвенціи Жерара, постановившей водворить миссіонеровъ обратно въ эти города и уплатить имъ 40.000 таелей за разрушенныя зданія; однако, потребовалась упорная дипломатическая борьба, чтобы добиться исполненія даже части этихъ условій[1]. Въ 1895 г. миссіонеры вернулись въ Еркало, но въ Батангъ ихъ впустили лишь въ 1897 г. Что касается вознагражденія, то половина (20.000 таелей), причитавшаяся на долю Сычуаньской миссіи, была уплочена, но вторая въ пользу Юнь-наньской миссіи оставалась не выплаченной еще въ 1902 г. Въ 1895 г. произошло движеніе противъ католическихъ миссій въ Чэнъ-ду-фу и Цюнъ чжоу, гдѣ были разрушены церкви, но на Да-цзянь лу волненія не распространились; за то въ 1900 г. и началѣ 1901 г. шайка разбойниковъ—остатки боксеровъ, разрушила миссіонерскія станціи въ Мо-си-мянь и Шаба въ окрестностяхъ Да-цзянь-лу; нападеніе было въ концѣ концовъ отражено китайскими войсками, и съ нимъ завершился послѣдній тревожный эпизодъ тибетской миссіи[1].

При такихъ условіяхъ происходила просвѣтительная дѣятельность миссіонеровъ, побуждавшая ихъ совершать обширныя путешествія внутри разсматриваемой области Сычуани и Юнь-нани съ небольшими прилегающими частями Тибета (Кам). Во время переѣздовъ[2] миссіонеры собирали свѣдѣнія, географическія и этнографическія, насчетъ посѣщенной мѣстности и сосѣднихъ областей: наиболѣе дѣятельнымъ и наблюдательнымъ въ этомъ отношеніи явился аббатъ Августъ Дегодинъ съ 1861 по 1878 гг., раньше же его—Рену. Аббатъ Дегодинъ опубликовалъ большую часть наблюденій и маршрутовъ вмѣстѣ съ цѣнными картографическими кроками въ Bulletin de Societè de gèographie de Paris за 1875[3], 1876, 1877 и 1879; его разностороннія и цѣнныя этнографическія

наблюденія дали большую часть содержанія книгѣ C. Desgodins, Thibet составленной его братомъ и выдержавшей 2 изданія[1]. Онъ составилъ также грамматику тибетскаго языка; подъ его же редакціей вышелъ большой тибето-латино-французскій словарь[2]. Въ общемъ, католическіе миссіонеры, съ Дегодинъ во главѣ, отчасти восполнили значительные пробѣлы, оставленные въ изслѣдованіи юго-восточнаго и восточнаго Тибета другими европейскими путешественниками. Порядокъ времени позволяетъ остановиться здѣсь только на тѣхъ изъ нихъ, чьи изслѣдованія относились къ 60, 70 и 80 гг.

Первымъ среди нихъ былъ Куперъ (Cooper), который въ 1868 г. попытался достигнуть изъ Чэнъ-ду-фу кратчайшимъ путемъ Ассама и успѣлъ пройти изъ Да-цзянь лу по обычному пути за Батанъ до границы Тибета. Отсюда тибетскія власти принудили его повернуть на югъ, слѣдуя отличному отъ прежнихъ извѣстныхъ путей маршруту въ Бирму черезъ Да-ли фу въ Юаньнани. Въ нѣсколькихъ дняхъ пути на югъ отъ Вэй-си чжоу онъ былъ остановленъ китайскими властями и подъ конвоемъ возвращенъ обратно въ Чэнъ-ду по тому же пути, по которому прибылъ.

Это путешествіе описано Куперомъ въ весьма поучительной и богатой свѣдѣніями, между прочимъ и для пограничной области Китая, занятой тибетцами, книгѣ: «Travels of a pioneer of commerce»[3].

Менѣе для географіи, чѣмъ флоры и фауны тибето-китайской пограничной страны сдѣлалъ миссіонеръ Арманъ Давидъ, который, послѣ обширныхъ изслѣдованій въ другихъ частяхъ Китая, избралъ своей главной квартирою Мупинъ въ 5 дняхъ пути на З. отъ Чэнъ-ду между 31° и 32°, на возвышеніи 2130 м. надъ у. м. Послѣ годичнаго пребыванія здѣсь онъ въ 1872 г. вернулся со своими цѣнными коллекціями въ Европу[4].

То, что не удалось сдѣлать Куперу, выполнилъ почти 10 лѣтъ спустя протестантскій миссіонеръ, Камеронъ, который въ періодъ между сентябремъ 1877 и январемъ 1878 г. достигъ изъ Чэнь-ду фу Бамо въ Бирмѣ черезъ Да-цзянь-лу, Атунь цзы въ Юнь-нани, Вэй-си чжоу и Да-ли фу. Его дневникъ[1] содержитъ любопытныя наблюденія надъ страною и населеніемъ, но не сообщаетъ для географическаго изслѣдованія почти никакихъ данныхъ.

Наиболѣе обширное и значительное по результатамъ путешествіе въ разсматриваемой области было совершено въ 1877 г. капитаномъ Джиллемъ. Предварительно онъ предпринялъ изъ Чэнъ-ду фу въ качествѣ перваго европейца экскурсію въ альпійскую область верхней р. Минь вплоть до Сунъ-пань тинь[2], откуда повернулъ на Востокъ, пересѣкъ Да-ба-шань по перевалу въ 4018 м. и вернулся черезъ Лунъ-ань-фу обратно въ Чэнъ-ду фу. Дальнѣйшій маршрутъ прошелъ ихъ Чэнъ-ду фу по большой тибетской дорогѣ черезъ Я-чжоу фу, Лу-динъ-цяо и Да-цзянь-лу въ Батанъ, гдѣ Джилль повернулъ къ югу и по долинѣ Цзинь-ша цзяна достигъ Атуньцзы и далѣе черезъ Ши гу—по маршруту, восточнѣе Куперовскаго (въ Вэй-си чжоу), въ Да-ли фу и Бамо. Хотя Джилль не обладалъ знаніями Рихтгофена, посѣтившаго въ 1872 г. во время седьмого и послѣдняго изъ обширныхъ путешествій по Китаю также пограничную съ Тибетомъ провинцію Сы-чуань и только благодаря стеченію обстоятельствъ вынужденнаго отказаться отъ задуманнаго плана изслѣдованія тибетской окраины[3], все же онъ сумѣлъ обезпечить возможно плодотворнѣйшіе результаты своему путешествію тѣмъ, что произвелъ многочисленныя измѣренія высотъ и составилъ самый тщательный маршрутъ, который могъ быть проложенъ на картѣ съ достаточной точностью[4], несмотря на отсутствіе опредѣленій географическаго положенія отдѣльныхъ пунктовъ[5].

Между 1877 и 1878 гг. было совершено другое путешествіе въ той же пограничной области Сы-чуани въ части, однако, болѣе близкой къ собственной китайской территоріи, путешествіе не уступавшее, въ отношеніи важности результатовъ, путешествію Джилля, хотя послѣднее охватило болѣе обширный раіонъ. Новымъ изслѣдователемъ былъ Кольборнъ Баберъ, участвовавшій полтора года передъ тѣмъ въ экспедиціи слѣдственной комиссіи Гросвенора по дѣлу объ убійствѣ Маргари въ Юньнани и составившій интересное описаніе пути между Дали фу и Момейномъ[1]. На этотъ разъ Баберъ прошелъ изъ Чэнъ-ду фу по долинѣ р. Тунъ въ Цзяньчанъ (обл. Caindu Марко Поло), съ главнымъ городомъ Нинъ-юань фу, затѣмъ спустился къ Хуй-ли чжоу и по долинѣ Цзинь-ша достигъ Пинъ-шань сянь.

Баберъ, среди прочихъ весьма цѣнныхъ свѣдѣній[2], далъ намъ первое и до сихъ поръ почти единственное описаніе жизни и обычаевъ сы-чуаньскихъ лоло, столь отличныхъ по происхожденію отъ окружающихъ ихъ народностей монгольской расы[3].

Слѣдующая экспедиція графа Сечени, при участіи геолога Лоци и лейтенанта Крейтнера въ качествѣ топографа, производила свои изслѣдованія на всемъ обширномъ пространствѣ окраины Восточнаго Тибета отъ Си-нинъ фу до Юньнани. Въ Синнинъ-фу экспедиція прибыла въ іюнѣ 1877 г. и отсюда предприняла рядъ экскурсій по Кукунору и Амдо (Гуй-дэ тинъ, Чейбсен, Алтын суме, Кумбум). Въ дальнѣйшемъ она достигла путемъ черезъ Лань-чжоу фу, Хань чжунъ фу и Чэнъ-ду фу Я-чжоу фу, Да-цзянь лу и затѣмъ Батана, затѣмъ по изслѣдованіи тибетской горной страны на югъ отъ послѣдняго города прошла по долинѣ Цзинь-ша (по лѣвому берегу; Джилль шелъ по правому) черезъ область Чжунъ-дянь и черезъ Юнь-нань (Да-ли-фу) въ Бамо. Богатые результаты

этой экспедиціи, производившей наблюденія съ помощью наилучшихъ приборовъ и не стѣсненной въ денежныхъ средствахъ, изданы подъ заглавіемъ «Die Wissenschaftliche Ergebnisse der Reisen des Grafen Bela Séchenyi in Ost-Asien, 1877—1880 Wien 1893—1899. Болѣе доступное для неспеціалистовъ описаніе путешествія, написанное увлекательнымъ живымъ языкомъ, составлено Крейтнеромъ[1].

Въ серединѣ 80 гг. въ долину р. Тунъ и Цзянь-чанъ проникаетъ англійскій консулъ Hosie, составившій весьма обстоятельное описаніе этой части своихъ трехлѣтнихъ путешествій по Юнь-наня, Гуй-чжоу и Сы-чуани, преимущественно съ торговой точки зрѣнія[2].

Около того же времени (1885—6 гг.) путешествовалъ въ сопровожденіи зоолога Березовскаго и топографа Скасси по области Амдо отъ Желтой рѣки до Лунъ-ань-фу и Сунъ-пань тинъ, русскій изслѣдователь Потанинъ; помимо географическаго изслѣдованія Потанинъ интересовался и этнографическими вопросами, давъ любопытныя свѣдѣнія для своеобразнаго тибетскаго населенія посѣщенной мѣстности[3].

Маршрутъ этого путешествія былъ слѣдующій:

Въ 1884 г. Потанинъ изъ Ланьчжоу прошелъ черезъ Хэ чжоу въ страну тюрковъ-саларовъ Сюнь-хуа тина (существуютъ и отибетившіеся салары на лѣвомъ берегу Желтой р., что заставило Пржевальскаго включить саларовъ въ число «тангутовъ»), затѣмъ перезимовалъ въ котловинѣ Сань-чуань, въ 2 дняхъ пути по Хуанъ хэ ниже Сюнь-хуа тинъ, населенной широнголами (монголами) и въ апрѣлѣ 1885 г. двинулся черезъ амдоское нагорье черезъ Гуй-дэ тинъ, монастыри Лабранъ и Джони въ Минь чжоу и Сунъ-пань-тинъ, предварительно завернувъ путемъ по р. Си-нинъ въ Си-нинъ фу (а также въ Кумбумъ) за рекомендательными письмами отъ амбаня къ монастырскимъ властямъ Лабрана. На пути между Си-

пинъ фу и Сунъ-пань тинъ экспедиція прошла двѣ несходныя между собою области — Амдоское нагорье и область переходную отъ нагорья къ китайской низменности. Характеристики обѣихъ областей приводятся ниже въ извлеченіи изъ указаннаго труда Потанина [1].

Нагорье характеризуется возвышенными плато—до 10000 ф. и болѣе (наибольшее изъ нихъ кукунорское), снабженными на югѣ (считая отъ Кукунора) обильнымъ растительнымъ покровомъ, на сѣверѣ же носящими болѣе суровый характеръ, мѣстами почти обнаженными—съ немногими глубокими вырѣзами (до 7600 ф.—долина Хуанъ хэ у Гуй-дуй, долина Лабрана до 10,000 ф. и т. д.). Лѣса (преимущественно изъ хвойныхъ породъ) встрѣчаются въ этой области лишь участками; на травянистыхъ степяхъ разбиваютъ палатки кочевые тибетцы. въ глубинѣ долинъ, спускаясь съ высотъ, сперва встрѣчаешь осѣдлыхъ тибетцевъ-хлѣбопашцевъ, затѣмъ смѣшанное населеніе изъ китайцевъ и осѣдлыхъ монголовъ-далдъ.

Переходная область представляетъ горную страну изъ узкихъ и высокихъ хребтовъ, тѣсныхъ и глубокихъ долинъ, орошенныхъ притоками вѣтвей Янъ-цзы, берущими начало въ предѣлахъ нагорья и входящими затѣмъ въ узкія долины.

На обратномъ пути изъ Сунъ-пань тинъ (Лунъ-ань фу) черезъ Би-коу, Гунъ-чанъ фу, Ди-дао въ 1886 г. Потанинъ пересѣкъ эту область далѣе на востокъ, ближе къ выходу рѣкъ на Чэнъ-ду'скую и Ханъ'скую котловину, при чемъ долины здѣсь были уже менѣе тѣсны, а горы—высоки. Все же путешественнику, слѣдующему по дорогѣ, обычно проложенной по дну долины, очень трудно составить себѣ правильное представленіе о рельефѣ страны и направленіи хребтовъ въ этомъ горномъ лабиринтѣ.

По общему правилу въ переходной области долины тѣсны, со ступенчатымъ дномъ; рѣки мчатся бурно, на

ихъ мелкихъ притокахъ часты водопады. Провести дорогу по дну долины потребовало большого труда со стороны человѣка: мѣстами въ побережныхъ скалахъ сдѣланы вырѣзки для прохода муловъ, или по каменной поверхности горъ вырублены ступени въ видѣ грандіозной лѣстницы, въ другихъ мѣстахъ вдоль скалы подвѣшаны балконы до 100 саж. въ длину: часты висячіе мосты черезъ рѣки, колеблющіеся подъ тяжестью одного мула. Эта мѣстность вѣроятно наиболѣе живописная въ Китаѣ, въ особенности т. н. долина Кеерь-нцо[1]—Золотыя озера въ 20 верстахъ отъ Сунъ-пань тина. Высокія горы задерживаютъ юговосточные муссоны, которые отлагаютъ на нихъ часть влаги и способствуютъ развитію богатой и разнообразной лѣсной растительности отъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ до пальмы, бамбуковъ, лаковаго дерева и чайнаго куста, правда, лишь въ культурномъ видѣ. Движеніе товаровъ совершается на носильщикахъ, потому въ селеніяхъ не встрѣчается просторныхъ дворовъ. Селенія очень живописны—нерѣдко лѣпятся по скалистой стѣнѣ на высотѣ многихъ саженей надъ дномъ долины.

Недостатокъ денежныхъ средствъ не позволилъ экспедиціи пройти на югъ дальше Сунъ-пань тина (вѣрнѣе Лунъ-ань фу), при чемъ въ Сунъ-пань тинѣ были собраны отъ богомольцевъ и китайскихъ купцовъ свѣдѣнія о дорогахъ въ Дерге, Хор-канцзе, Да-цзянь лу и Лхасу[2]. Вернувшись въ Ланьчжоу фу, Потанинъ и топографъ Скасси вторично посѣтили Кумбум, гдѣ перезимовали, и въ апрѣлѣ 1886 г. прошли мимо Кукэнора и на сѣверъ черезъ Напьшань въ Гао-тай между Сучжоу, и Гань-чжоу)[3].

Въ 1893 г. Потанинъ съ женою, Кашкаровымъ и Рабдановымъ прошли въ іюлѣ и августѣ изъ Да-цзянь лу въ Цза-гу тинъ[4], причемъ Потанинъ и Рабдановъ слѣдовали западнымъ путемъ черезъ Руми Чжаньго въ долинѣ Да цзинь хэ при

сліяніи ея съ Сяо-цзинь хэ, затѣмъ вверхъ по Сяо цзинь хэ черезъ Му-гунъ тинъ (Синь гай цзы) и Фу-бянь. Кашкаровъ, предварительно совершивъ изъ Да-цзянь лу путешествіе въ Ба-танъ[1], достигъ Цза-гу тинъ другимъ маршрутомъ въ предѣлахъ территоріи съ болѣе многочисленнымъ китайскимъ населеніемъ, черезъ Я-чжоу фу, Цюнъ-чжоу, Гуань сянь и вверхъ по долинѣ Минь. Изъ Цза-гу тина Потанинъ по болѣзни жены, вскорѣ затѣмъ умершей, поспѣшилъ достигнуть черезъ Мао чжоу и Мянь чжоу Чжао-хуа сянь на р. Цзялинъ, по которой спустился въ Чунъ-цинъ фу.

Замѣтки его относительно этой экспедиціи, во время которой онъ явился первымъ русскимъ, подступившимъ къ предѣламъ Тибета со стороны Сы-чуани, были опубликованы подъ редакціей и съ примѣчаніями Бретшнейдера[2]. Богатая ботаническая коллекція, собранная во время указаннаго пути Потанина (1000 видовъ) вмѣстѣ съ 900 видами растеній, собранными Кашкаровымъ между Да-цзянь лу и Батаномъ, заключаетъ много новыхъ видовъ, хотя еще не обработана. Интересна и зоологическая коллекція: не даромъ путь Потанина пролегалъ по западной и сѣверной сторонѣ области Мупинъ, гдѣ сдѣлалъ свои замѣчательныя открытія ботаникъ Давидъ въ 1869 г. Почти одновременно съ Потанинымъ въ сѣверной Сы-чуани работалъ Березовскій, который въ 1894 г. посѣтилъ снова Сунъ-пань тинъ.

Въ своихъ замѣткахъ Потанинъ, помимо описанія пути и растительнаго міра (въ долинахъ весьма богатаго) посѣщенныхъ мѣстностей, сообщаетъ нѣкоторыя этнографическія подробности для тибетскаго племени Чжарунъ[3] въ долинѣ Сяо цзинь хэ выше Фубянь[4]. Предшественникомъ Потанина въ области Западной Сычуань и восточнаго Тибета былъ въ 1891 г. Росторнъ, сообщившій свои наблюденія и впечатлѣнія въ брошюрѣ: Eine Reise im Westlichen China. Онъ первый изъ

европейцевъ посѣтилъ долину Большой Золотой рѣки при слѣдованіи изъ Гуань сянь въ Синь-гай-цзы, затѣмъ Фубянь и черезъ водораздѣльный хребетъ внизъ по Да-цзинь хэ отъ Жучай въ Роми Чжань-гу. Изъ Роми Ростгоринъ прошелъ въ Гата и затѣмъ въ Да-цзянь лу[1].

Съ начала 90 гг. число европейскихъ путешественниковъ по Сы-чуани быстро растетъ благодаря облегченію съ открытіемъ Чунъ-цинъ фу доступа въ провинцію. Почти каждый посѣтитель Сы-чуани полагаетъ своимъ долгомъ побывать и въ долинѣ р. Тунъ и въ Да-цзянь-лу, для наблюденій надъ чуждыми тибетскими племенами. Нѣкоторыя изъ этихъ путешествій дали наукѣ серьезные результаты для знакомства съ тибетскимъ населеніемъ въ пограничныхъ съ Китаемъ областяхъ; во всякомъ случаѣ они не преслѣдовали своихъ цѣлей внѣ китайской границы, предоставивъ другимъ путешественникамъ искать пути въ Тибетъ и Лхасу съ болѣе удобнаго направленія, не оберегаемаго въ той же ревнивой мѣрѣ китайскими и тибетскими властями.

Перечень путешественниковъ, доходившихъ до границъ Тибета, если не политическихъ, такъ, по крайней мѣрѣ, этнографическихъ и географическихъ, со стороны Сы-чуани, или въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ Юнь-нани начинается съ Прата, (To the Snows of Tibet through China[2]), г-жи Бишопъ (Isabella L. Bird), посѣтившей между прочимъ Сомо, извѣстной путешественницы по Японіи и впослѣдствіи по Ладаку[3], Little, мужа, извѣстнаго изслѣдователя Янъ-цзы, и жены, Mount Omi and beyond»[4].

Болѣе значительнымъ съ географической точки зрѣнія явилось путешествіе Бонина, который получилъ отъ французскаго правительства въ Тонкинѣ порученіе изслѣдовать Юнь-нань и прилегающій къ ней Восточный Тибетъ съ точки зрѣнія ихъ экономическихъ условій въ цѣляхъ развитія фран-

цузской торговли между Тонкиномъ и указанными областями. За время съ ноября 1895 г. по мартъ 1896 г. Бонинъ прошелъ изъ Да-ли фу въ Да-цзянь-лу прямымъ путемъ черезъ Ли-цзянъ фу, Чжунъ-дянь (Цзет'анъ), Юнъ-нинъ фу и области Мели (Мили или Хуанъ-лама по Я-лунъ цзяну) и маньцзы, или собственныхъ тибетцевъ, тогда какъ до него всѣ путешественники избирали болѣе окольный путь черезъ Батанъ[1]. На пути изъ Ли-цзянъ фу въ Юнъ-нинъ-фу Бонинъ открылъ, что Янъ-цзы дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ глубокій выгибъ къ сѣверу, между тѣмъ какъ раньше теченію рѣки придавали на картахъ болѣе прямолинейное направленіе. Этотъ фактъ подтвердилъ Амундзенъ (см. ниже) и Ліонская миссія въ томъ же 1896 г.

Изъ Да-цзянь лу путешественникъ черезъ Чэнъ-ду фу и Лунъ-ань фу достигъ Минь чжоу и Лань-чжоу фу. Маршрутъ второго путешествія 1898—1900 гг. того же изслѣдователя[2] коснулся Да-цзянь лу, какъ конечнаго пункта произведеннаго имъ заключительнаго изслѣдованія бассейна Янъ-цзы цзянъ, а затѣмъ путемъ изъ Пекина и южной Монголіи прошелъ прямо изъ Нинъ-ся фу въ Сининъ фу, обогнулъ сѣверовосточный берегъ Кукунора, пересѣкъ Нань шань въ Ганьчжоу и Харанор и по сѣверному подножью Астын тага достигъ бассейна Тарима[3].

Въ 1895 г. принцъ Генрихъ Орлеанскій въ поискахъ прямого пути изъ Тонкина въ Бирму достигъ Да-ли фу, затѣмъ, пересѣкнувъ Меконгъ и подойдя къ Сальвину, поднялся правымъ берегомъ Меконга до Вэй-си и далѣе черезъ Сяо-вэй-си до Цзыконъ. Отсюда, неутомимый путешественникъ, не найдя предполагаемой дороги, съ большими лишеніями пробрался черезъ верховья Иравадди (28½° с. ш. и 98-9° в. д.) въ Ассамъ (Садія); между тѣмъ, какъ показали разспросы Джэка въ 1900 г.[4], эта дорога (ею пользуются контрабан-

дисты соли) существуетъ между Вэйси и Міит-кій на, начальнымъ желѣзнодорожнымъ пунктомъ въ Бирмѣ.

Между Меконгомъ и Брамапутрою принцъ Орлеанскій пересѣкъ 17 горныхъ цѣпей, идущихъ съ сѣвера на югъ и доходящихъ до 4000 м. высоты. Открытіемъ верховьевъ Иравадди принцъ доказалъ, что, во-первыхъ, Иравадди не беретъ начало на тибетской территоріи и слѣдовательно не можетъ являться продолженіемъ Цзанъ-по и, во-вторыхъ, что неправъ былъ генералъ Walker, считавшій продолженіемъ Лу-цзяна не Сальвинъ, а Иравадди [1].

Въ 1896 г. Ліонская миссія въ своихъ разъѣздахъ по юго-западному Китаю доходила на сѣверѣ до Сунъ-пань-тинъ, посѣтила также Да-цзянь-лу[2]), изучая повсюду мѣстныя производства, полезныя ископаемыя и вообще экономическое состояніе страны. Изъ Да цзянь-лу нѣкоторые члены миссіи проѣхали въ Гуань-сянь, по маршрутамъ Потанина и Ростгорна въ область Цзинь-чуань[3]) между Му-гунъ-тинъ и Гуань-сянь черезъ Вокьѣ.

Въ 1897 г. англійскій консулъ Литтонъ поднялся изъ Чунъ цинъ-фу вверхъ по р. Цзялинъ, ея верховью Бай-шуй до Бикоу, и достигъ вверхъ по истоку притока Цзя-лива, Фоу-цзянъ, Сунъ-пань-тина. Обратный путь шелъ вдоль верхней Минь до Маочжоу, далѣе на В. до Мянь-чжоу и по сѣверной дорогѣ въ Чэнъ-ду-фу. Во время пребыванія въ Сунъ-пань-тинъ Литтонъ собралъ интересныя свѣдѣнія о торговлѣ города и о тибетскихъ племенахъ по сосѣдству [4].

Въ 1898-99 г.г. Амундсенъ изъ Да-цзянь-лу прошелъ по мало извѣстной части королевства Чалаг въ ЮЮЗ. направленіи, слѣдуя дорогѣ, которой воспользовался Бонинъ въ 1896 г., и послѣ 11 дневнаго пути черезъ рядъ промежуточныхъ цѣпей (13 переваловъ) среди разсѣяннаго тибетскаго населенія и роскошнаго сосноваго лѣса, покрывавшаго всю страну, кромѣ

вершинъ переваловъ, гдѣ встрѣчались лишь кустарники, достигъ Ба-у-ронъ на лѣвомъ берегу Няг-ч'у (Я-лунъ) въ степной долинѣ, съ тибетскимъ и китайскимъ населеніемъ; почва здѣсь даетъ три жатвы въ годъ—ячмень, пшеницу, кукурузу и гречиху.

Переправившись на грубосколоченномъ плоту черезъ рѣку (во время высокой воды пользуются веревочнымъ мостомъ) Амундсенъ вступилъ на территорію королевства Мили, во главѣ которой стоитъ духовный владѣтель, живущій въ главномъ ламайскомъ монастырѣ области Мили-гонъ-чен въ нѣкоторомъ разстояніи отъ праваго берега Гжя-юл-чу, или Ли-танъ-хэ, подъ 28°40, с. ш. Населеніе Мили бѣдно и производитъ впечатлѣніе сильно угнетаемыхъ людей. Дома малы и грязны, почти безъ обстановки; одна комната, безъ оконъ и печной трубы, служитъ спальней, столовой и кухней; кромѣ семьи, тутъ же помѣщается коза, даже двѣ, и свинья. Несмотря на бѣдность, населеніе не ропщетъ на судьбу, миролюбиво и послушно властямъ: весьма предано своему королю-воплощенцу, который получаетъ утвержденіе въ санѣ отъ Далай ламы, съ каковой цѣлью дѣлаетъ торжественный визитъ въ Лхасу. Каждый 12-й годъ уплачивается также дань Китаю. Въ религіозномъ отношеніи страна принадлежитъ къ гелюг па (желтошапочной сектѣ), откуда ея китайское названіе Хуанъ-лама (область желтаго ламы). Пища населенія состоитъ главнымъ образомъ изъ гречневыхъ пирожковъ на водѣ, болѣе питательныхъ, чѣмъ цамба. По одеждѣ и обычаямъ населеніе держится строго тибетской моды и маперъ, хотя по бѣдности иногда одѣвается во что попало, между прочимъ въ плотный большой плащъ лолосцевъ, при случаѣ замѣняющій и палатку.

Отъ Няг-чу до Мили-гонъ-чэн Амундсенъ слѣдовалъ дорогою, никѣмъ не посѣщенной до него, черезъ золотые

пріиски, которыми славится Мили, въ наносной почвѣ Канъ-да-чу, впадающей слѣва въ Гжя-юл-чу, и, спустившись вдоль Гжя-юл-чу, до Ла-кань-цзе (Вагень), гдѣ имѣется переправа черезъ рѣку, достигъ Мили-гонь-чен, столицы королевства, на дѣлѣ большого монастыря на южномъ склонѣ горы съ прекрасными лѣсами дуба и сосны, съ равномѣрнымъ и не слишкомъ холоднымъ климатомъ.

Въ 2 дняхъ пути на югъ отъ Мили гонь-чен Амундсенъ вступилъ на территорію Юнь-нани въ округѣ Жанъ съ главнымъ городомъ Юнъ линь (Да-лам), близъ котораго находится резиденція свѣтскаго владѣтеля. Большая часть населенія чисто тибетская, говоритъ на тибетскомъ языкѣ и исповѣдуетъ ламаизмъ, хотя по одѣянію и чертамъ лица походитъ на китайцевъ.

Слѣдующіе два дня пути въ Ю. З. направленіи привели путешественника къ сѣверному изгибу Янь-цзы (Бо-шуй-цзянъ чистая вода, или Цзинь-ша цзянъ: р. Я-лунъ зовется также Цзинь-хэ) и вдоль сѣвернаго берега рѣки и далѣе въ западномъ направленіи до пограничной линіи между Мили (съ переходомъ черезъ сѣверный притокъ Цзинь ша—Чжунъ-дянь-хэ. Амундсенъ коснулся снова южнаго выступа королевства) и округомъ Чжунъ-дянь (внутри южнаго изгиба Цзинь-ша). Главный городъ округа Чжунъ дянь или Цзетанъ лежитъ на высокой и холодной равнинѣ, имѣющей, однако, цвѣтущій видъ по сосѣдству съ городомъ. Населеніе города 2 500 душъ; самый городъ привлекателенъ по мѣстоположенію на восточномъ склонѣ холма, съ храмами и красивыми зданіями и ведетъ оживленную торговлю, весьма выгодно отличающую его отъ безжизненной въ этомъ отношеніи области Мили. Округъ славится хорошей породою пони, которые посылаются даже въ Бирму: зимою климатъ оченъ суровый, но топливо имѣется въ изобиліи. Настоящими хозяевами страны являются ламы, чья глав-

ная квартира лежитъ въ 5 миляхъ на сѣверъ отъ города. Общее число ламъ въ округѣ 3,000 чел. и населеніе безусловно повинуется имъ: китайскіе чиновники въ Чжунь-дянь безсильны передъ ламами. Населеніе ясно тибетское по чертамъ, обычаямъ и характеру: разбойники, которыми полонъ округъ, также доказываютъ это.

Изъ Чжунь-дянь Амундсенъ спустился на 9000 ф. къ Цзинь-ша и по переправѣ, при помощи плота, черезъ рѣку въ двухъ дняхъ пути отъ Жуй-дянь достигъ по правому берегу Вэй-си Страна приняла снова китайскій характеръ: хорошо построенные дома и прекрасно воздѣланныя поля свидѣтельствовали объ этомъ: рисъ, овощи и апельсины составляли пріятную перемѣну послѣ ячменной муки и гречневой крупы.

Вэй-си, съ населеніемъ, въ 3000 душъ, ведетъ оживленную торговлю съ тибетцами и лису: пища и топливо имѣется въ изобиліи и очень дешевы.

Вернувшись въ Жуй-дянь, Амундсенъ спустился по правому берегу Цзинь-ша въ Ли-цзянъ фу (городъ лису, которые отнеслись къ путешественнику враждебно), затѣмъ прошелъ въ Да-ли-фу и отсюда повернулъ снова на сѣверъ для возвращенія въ Да-цзянь-лу. Обратный путь былъ избранъ черезъ Юнъ-бэй-тинъ, къ устью Я-лунъ-цзяна, который кажется здѣсь болѣе значительной рѣкой, чѣмъ Цзинь-ша, послѣ чего путешественникъ держался почти неизмѣнно сѣвернаго направленія съ небольшимъ уклономъ къ востоку, поднявшись по долинѣ Ань-нинъ-хэ мимо Мянь-нинъ и черезъ полосу страны лоло къ Цзы-да-ди на р. Тунъ и вдоль праваго берега послѣдней черезъ Мо-ши-мянь въ Да-цзянь-лу[1]).

Во время съемочныхъ работъ въ ЮЗ. Китаѣ (1898-1900) полковникъ Манифольдъ прошелъ изъ Янь-би, на З. отъ Да-лифу черезъ Шигу, Вэй-си и Сяо-Вэй-си въ Атуньцзы, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для остальныхъ членовъ экспеди-

ціи, изъ которыхъ капитанъ Райдеръ двигался изъ Хуй-ли-чжоу черезъ Янь-юань, Юнъ-нинъ и Чжунъ-дянь, а майоръ Дэвисъ —изъ Мянь-нинъ черезъ Мили и Чжунъ-дянь.

Изъ Атуньцзы соединенная экспедиція думала воспользоваться маршрутомъ принца Орлеанскаго до Сальвина и вверхъ по этой рѣкѣ проникнуть въ Тибетъ, но снѣжные заносы (въ апрѣлѣ) на перевалѣ между Меконгомъ и Сальвиномъ не позволили осуществить этого намѣренія, послѣ чего экспедиція черезъ А-тунь-цзы и Еркало достигла Батана. Вернувшись въ Еркало въ концѣ мая, она пыталась переправиться здѣсь черезъ Меконгъ, но тибетцы вооруженной силой воспрепятствовали переправѣ, по веревочному мосту [1]). Тогда экспедиція направилась на востокъ, держась къ югу отъ Батана, и вышла на главную дорогу въ Да цзянь-лу близъ Ли-т'анъ[2]).

Въ 1900 г. три представителя Притчарда Моргана и одинъ представитель синдиката Верхняго Янъ-цзы посѣтили провинцію Сы-чуань въ цѣляхъ изученія ея горныхъ богатствъ. Во время пребыванія въ Чэнъ-ду, они совершили поѣздку на сѣверъ черезъ Лунъ-ань фу въ Сунъ-пань тинъ и обратно внизъ по долинѣ р. Минь (разстояніе 235 миль отъ Сунъ-пань-тинъ до Чэнъ-ду черезъ Гуань сянь). Главной квартирою для своихъ изслѣдованій они выбрали Маха на СЗ. отъ Нинъ-юань фу, но уже въ бассейнѣ Я-лунъ цзяна, гдѣ производится съ начала 80 г.г. современными способами разработка золотоноснаго кварца за счетъ сы-чуаньскаго правительства (промывка аллювіальнаго золота, впрочемъ, производилась въ указанномъ пунктѣ и долинѣ Я-лунъ много лѣтъ раньше[3]). Маршрутъ изъ Чэнъ-ду въ Маха прошелъ черезъ Я-чжоу фу, Фулинь (Да-ду) и Шааба, гдѣ имѣется отдѣленіе Сычуаньскаго горнозаводческаго управленія. Волненія въ Сы-чуани, связанныя съ боксерскимъ возстаніемъ, заставили

англичанъ поспѣшно бѣжать въ Бирму, причемъ былъ избранъ интересный маршрутъ черезъ Kwa pit, внутри выгиба Я-лунъ цзянъ около 28° с. ш., Янь-цзинъ, Юнь-бэй тинъ и Ли-цзянъ-фу. Отсюда бѣглецы пытались сперва проникнуть въ Бирму прямымъ путемъ черезъ Вэй-си[1], но достигнувъ Сяо-Вей-си, на сѣверъ отъ перваго, должны были отказаться отъ своего намѣренія, вернуться снова въ Шигу на Янъцзы и отсюда избрать болѣе обычный маршрутъ изъ Юнь-нани въ Бирму (Бамо) черезъ Да-ли фу, Юнъ-чанъ-фу и Тэнъюэ. [2])

Въ 1902—3 г.г. Гакманъ (Hackmann) во время своего путешествія по Китаю (въ частности провинціи Сы-чуань) прошелъ послѣ посѣщенія Оми изъ Да-цзянь-лу вдоль р. Тунь въ Нинъ-юань фу, Янь-юань сянь, Юнь-бэй тинъ, Да-ли фу и Бамо, собирая по дорогѣ свѣдѣнія относительно тибетской и прочихъ «автохтонныхъ» народностей этой области. Его наблюденія изложены въ прекрасно иллюстрированной книгѣ An den Grenzen von China und Tibet. Vom Omi bis Bhamo», 1904 г.

Путешествіе французскаго лейтенанта Грильеръ (Grillière) изъ Юнь нани въ 1903 г. довольно любопытно по своему маршруту, хотя результаты его не могли быть разработаны путешественникомъ благодаря преждевременной смерти въ Сымао въ 1905 г. Грильеръ въ указанномъ году прошелъ черезъ Ли-цзянъ фу и Вэй-си въ Цзеку и отсюда дошелъ черезъ страну лису и луцзы до Сальвина. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, которыхъ нельзя было получить въ пустынной и крайне бѣдной мѣстности, заставилъ его вернуться отъ указанной рѣки обратно [3]). Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, отталкивающую нечистоплотность тибетскаго населенія въ окрестностяхъ Ли-цзянъ фу; даже китайцы зовутъ тибет-

цевъ здѣсь чоу гоу-цзанъ (тибетцами-вонючими собаками). Молодыя дѣвушки, напротивъ, замѣчательно красивы.

Начиная съ Цзекоу (Меконга) денегъ въ обращеніи не существуетъ; все вымѣнивается на соль, нитки, кораллъ, лекарства, старыя военныя пуговицы. Далѣе Гренарръ отмѣчаетъ, какъ и миссіонеры, хищническіе инстинкты и привычки лису.

Изъ цѣлаго ряда другихъ европейцевъ, съѣзжавшихся въ Да-цзянь лу въ разное время въ послѣдніе пять лѣтъ, съ честолюбивымъ намѣреніемъ путешествовать по Тибету и даже проникнуть въ Лхасу (въ хроникѣ журнала «Geographie» франц. консулъ въ Чэнъ-ду Bons d' Anty періодически помѣщаетъ краткія свѣдѣнія о нихъ) отмѣтимъ лишь американца Никольса, болѣе серіозно относившагося къ своей задачѣ и достигшаго относительно большого результата. Послѣ долгаго пребыванія въ Да-цзянь-лу (для занятій тибетскимъ языкомъ) Никольсъ достигъ черезъ Батанъ Чамдо, а отсюда за отказомъ тибетцевъ пропустить его въ Лхасу, вернулся черезъ юго-западный Китай въ Бамо и Рангунъ. Воспользовавшись англійской «миссіей» 1904 г., онъ направился въ Тибетъ съ юга, черезъ долину Чумби, но умеръ, достигнувъ Гьянъцзе [1]).

Въ декабрѣ 1903 г. и январѣ 1904 г. по китайскому Тибету проѣхалъ нѣмецкій лейтенантъ Геншовъ (Genschow) съ двумя спутниками тоже нѣмцами—капитаномъ и военнымъ врачемъ. Изъ Да-цзянь лу Геншовъ слѣдовалъ обычной большой дорогой черезъ Ли-танъ въ Ба-танъ, откуда двигаясь попеременно по лѣвому и правому берегу Цзинь-ша цзяна, достигъ черезъ А-тунъ цзы и Чжунъ-дянь Да-ли фу [2]). Въ Дацзянь лу онъ подмѣтилъ дороговизну продуктовъ и вообще товаровъ сравнительно съ цѣнами въ собственныхъ областяхъ Китая и паденіе курса на серебро (съ 1400 чоховъ за таель

до 1,050). Самъ же городъ показался ему бойкимъ торговымъ пунктомъ съ многочисленными мѣховыми лавками и серебряныхъ дѣлъ мастерами въ зависимости отъ главныхъ предметовъ ввоза; городъ имѣетъ чисто тибетскій характеръ по архитектурѣ зданій и грязный, но живописный по положенію въ узкой долинѣ видъ.

Напротивъ, Ли-танъ произвелъ на нѣмецкаго путешественника неблагопріятное впечатлѣніе грязью и бѣдностью (совсѣмъ незначительныя лавки), хотя сосѣдній монастырь съ 5,000 ламъ представляетъ привлекательную черту ландшафта. Разстояніе въ 540 километровъ между Да цзянь лу и Батаномъ было сдѣлано Генноовъ въ 17 дней (съ одной лишь дневкой, вопреки значительнымъ трудностямъ пути [1]). Батанъ, расположенный въ котловинѣ, встрѣтилъ взоры путешественниковъ болѣе дружественной картиною со своими домами изъ красной глины (съ нѣкотораго разстоянія имѣвшими совершенно видъ кирпичныхъ), среди которыхъ выдѣлялся дворецъ туземнаго правителя—деба (инъ-гуань по китайски) съ бѣлыми стѣнами и жилище второго (младшаго) правителя (эрръ-инъ-гуань), по чьимъ стѣнамъ были проведены бѣлыя вертикальныя полосы. Первоначальный планъ Геннова былъ спуститься изъ Батана по тибетской территоріи (Даюл) въ Рима на Брамакундѣ, но сопротивленіе тибетскихъ и китайскихъ властей заставило его довольствоваться маршрутомъ по китайской пограничной полосѣ. Первые три дня путешественники двигались по берегу Цзинь-ша цзяна, сперва по лѣвому, затѣмъ по правому, послѣ чего горы, вплотную подошедшія къ рѣкѣ съ обѣихъ сторонъ, заставили ихъ отойти въ сторону отъ нея на тринадцать дней (съ 11 по 24 января) вплоть до Понджела. По дорогѣ путешественники обгоняли сотни тибетскихъ паломниковъ, направлявшихся къ священной горѣ Бэй-ма шань съ ея многими сотнями храмовъ по сосѣдству съ

Атуньцзы[1]). Послѣдній городъ лежитъ посреди четырехъ узкихъ долинъ, замкнутыхъ въ высокія горы и открытъ дѣйствію вѣтра со всѣхъ сторонъ. Населеніе города (около 1,000 душъ) относится враждебно къ иностранцамъ и даетъ полную волю своимъ чувствамъ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не имѣется тибетскаго старшины для обузданія буйнаго нрава обитателей. Тибетскія женщины, по модѣ Да-цзянь лу, обвязываютъ косы вокругъ головы, покрывая ихъ сверху краснымъ тюрбаномъ; онѣ поражаютъ своей миловидностью.

Въ Атуньцзы Геншовъ встрѣтилъ упомянутаго выше американца Никольса, только что вернувшагося изъ Чамдо послѣ неудачной попытки пробраться въ Тибетъ [2]). Въ Понджела путешественники переправились снова на лѣвый берегъ Цзинь-ша и черезъ два дня достигли Чжунъ-дянь (Dsung-dien [3]), откуда ихъ сопровождалъ на нѣкоторое разстояніе конвой изъ 20 солдатъ для защиты отъ разбойниковъ. По мѣрѣ движенія на югъ мѣстность понижалась, растительность измѣнялась въ характерѣ, принимая болѣе южный оттѣнокъ, а вмѣстѣ съ ней и населеніе обращалось въ китайское[4]. 1 февраля Геншовъ достигъ въ Ла-са-чу Цзинь-ша цзяна (300 м. шириною), два дня спустя переправился черезъ рѣку и 7 февраля были уже въ Да-ли фу.

Хотя Геншовъ не задавался никакими научными цѣлями и не производилъ спеціальныхъ изслѣдованій, помимо маршрутной съемки, тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ наблюдательный, онъ подмѣтилъ не мало характерныхъ чертъ въ бытѣ и нравахъ тибетцевъ, а его краткія описанія мѣстности могутъ служить нагляднымъ дополненіемъ къ маршрутной картѣ. Многочисленныя фотографіи, несмотря на небольшой размѣръ, рисуютъ отчетливо выдающіяся картины тибетскаго ландшафта [5]), но главное бытовыя сцены изъ жизни тибетцевъ

и этнографическіе типы [1]), равно какъ предметы тибетскаго одѣянія и тибетское жилище [2]).

Въ 1904 г. (второй половинѣ) англійскій генеральный консулъ въ Чэнъ-ду фу, А. Hosie, достигаетъ черезъ Да-цзянь-лу, Ли-танъ и Батанъ пограничной линіи между Китаемъ и Тибетомъ въ горахъ Нинъ-цзинъ шань въ $3^1/_2$ дняхъ пути отъ Батана на З., затѣмъ, вернувшись въ Да-цзянь-лу, поднимается по долинѣ Да-цзинь хэ (р. Тунъ) и Сяо-цзинь хэ черезъ тибетскія княжества Чала, Вокьѣ и Вассы (города Роми Чжанго и Му-гунъ тинъ, которыми слѣдовалъ уже Потанинъ) въ Гуань-сянь на р. Минь. Въ парламентскомъ отчетѣ касательно этого путешествія [3]), помимо описанія пути, даются подробныя свѣдѣнія для тибетскаго населенія, естественныхъ произведеній, промышленностей и торговли владѣній Чала, Ли-танъ, Ба и другихъ, расположенныхъ на пути маршрута. Къ отчету приложена подробная карта затронутыхъ и сосѣднихъ областей, которая дополняетъ карту Восточнаго Тибета въ меньшемъ масштабѣ, помѣщенную въ донесеніи того-же Хози относительно провинціи Сы чуань [4]), (географическое описаніе провинціи, обзоръ ея произведеній, промышленностей и торговли). При составленіи указанныхъ картъ Хози, возможно, пользовался результатами работъ вышеуказанной специальной экспедиціи полковника Маннфольта.

Исторія изслѣдованія сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета начинается со времени Пржевальскаго, указавшаго путь въ страну съ этого направленія. Его примѣръ не замедлилъ возбудить соревнованіе среди европейскихъ путешественниковъ, не говоря о томъ, что послужилъ поводомъ къ отправкѣ нѣсколькихъ русскихъ экспедицій. Почти всѣ эти путешествія относятся къ разнымъ годамъ послѣдняго десятилѣтія XIX ст.: но уже въ серединѣ 80 г.г. явились

предшественники имъ въ сѣверномъ Тибетѣ въ лицѣ Кэри (Carey) и Дальглейшъ (Dalgleisch).

Въ 1885 г. Кэри, состоявшій на гражданской службѣ въ Бомбеѣ, рѣшилъ посвятить двухлѣтній отпускъ задуманному имъ путешествію по Тибету и Туркестану всецѣло на свой собственный счетъ въ сопровожденіи приглашеннаго имъ платнаго помощника Дальглейша. Вдвоемъ они прошли въ общей сложности 4,750 англ. миль между 77 и 97 меридіанами и приблизительно десятью градусами широты. Нѣкоторыя части изъ маршрута понынѣ еще не были никѣмъ посѣщены вторично.

Исходной точкою путешествія послужилъ городъ Ле въ Ладакѣ въ іюлѣ 1885 г., послѣ болѣе десятилѣтняго промежутка, со времени послѣдней европейской экспедиціи отчасти затронувшей западную окраину Тибета—второй экспедиціи Фарсайта 1873—4 г.г. [1]).

Маршрутъ Кэри шелъ сперва на В. къ долинѣ Бжянъчэн-мо, затѣмъ пересѣкъ необитаемую мѣстность Аксайчинъ (16-18 тыс. ф. надъ ур. м.) между Нубра и Хотаномъ и мимо Манъ-цва цо поднялся на Куэнь-лунь, между 81 и 82° мерид.. откуда спустился черезъ Полу на равнину Восточнаго Туркестана въ Керіи. Пройденный имъ путь съ тибетскаго нагорья Кэри признаетъ совершенно непригоднымъ для движенія вьючныхъ животныхъ. Изъ Керіи экспедиція перешла въ Хотан, гдѣ были сдѣланы послѣднія приготовленія для дальнѣйшаго путешествія.

Въ октябрѣ 1885 г. Кэри со своимъ спутникомъ спустился сперва по рѣкѣ Юрунъ-каш, затѣмъ Хотан дарья до Тарима, прошелъ черезъ сѣверную половину бассейна Тарима къ Лобнору и достигъ селенія Чаглыку подножья Алтын-тага. 1 мая 1886 г., послѣ двухъ-мѣсячной остановки въ Чаглыкѣ, Кэри перевалилъ черезъ Алтын-таг и Чаман-таг (послѣдній по перевалу Амбан Ашкан), въ

нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ маршрута Пржевальскаго 1884 г., затѣмъ пересѣкъ подъ прямымъ угломъ маршрутъ Пржевальскаго въ Долинѣ вѣтровъ [1]), между Чаман тагомъ и главнымъ хребтомъ Куэнь-луня. Пройдя на нѣкоторое разстояніе на востокъ вдоль сѣвернаго подножья Куэнь-луня, Кэри напалъ на тропу, ведущую черезъ горы въ долину между ними и слѣдующей цѣпью Кукушили, и въ концѣ концовъ вступилъ на торговый путь между Кукуноромъ и Лхасою, нѣсколько ниже перевала Ангер-такша, по которому онъ пересѣкаетъ Куэнь-лунь. Повернувъ отсюда на сѣверъ, путешественники поднялись на вышеуказанный перевалъ, затѣмъ очень крутой перевалъ Найчи (отмѣтивъ по сосѣдству переваловъ чрезвычайное обиліе дичи — антилопы, яки, дикіе ослы) и 25 іюля 1886 г. остановились у Найчи гола, откуда перешли черезъ перевалъ Сосани въ хошун Тайдзинер въ Цайдамѣ. Населеніе послѣдняго — монголы, вѣрнѣе калмыки, держали себя миролюбиво, если и не слишкомъ дружественно, нерѣдко отказывая въ продажѣ путешественникамъ зерна, или другихъ съѣстныхъ припасовъ. Осенью Кэри безъ Дальглейша перешелъ вторично черезъ Куэнь лунь прямо на югъ вплоть до подножья цѣпи Кукушили, простирающейся къ западу до этого пункта; здѣсь онъ встрѣтилъ р. Чумар. Вернувшись обратно, оба путешественника пересѣкли по направленію прямо на сѣверъ Цайдам и черезъ цѣпь Гумбольдта достигли Ша-чжоу, Хами и Яркенда, откуда прибыли въ Ладак въ серединѣ апрѣля 1887 г. [2]).

Смерть Пржевальскаго 20 окт. 1888 г. помѣшала ему привести въ исполненіе обширный планъ новаго путешествія по Центральной Азіи и Тибету, который долженъ былъ привести его къ воротамъ Лхасы [3]. Средства на эту экспедицію въ суммѣ 48,520 р. звонкой монетою были уже отпущены изъ казны; составъ экспедиціи сформированъ, снаряженіе за-

кончено. Не было только начальника, чтобы вести уже готовую экспедицію. Наконецъ, явился и замѣститель Пржевальскаго въ лицѣ его товарища по генеральному штабу, полковника Пѣвцова, заявившаго себя уже работами въ пограничныхъ Россіи частяхъ Туркестана и Монголіи (ему принадлежать, между прочимъ, «Очерки путешествія по Чжунгаріи», Омскъ 1883).

Программа экспедиціи была сокращена въ отношеніи Тибета и центръ тяжести ея работъ былъ перенесенъ на всестороннее изслѣдованіе съ точки зрѣнія топографіи, физіографіи, ресурсовъ и естественной исторіи страны и горъ, ограничивающихъ весь сѣверъ Тибета: въ виду того, что это изслѣдованіе производилось съ цѣлью установить существованіе проходовъ внутрь Тибета и подготовить почву для будущихъ работъ въ этомъ направленіи, то за экспедиціей было оставлено оффиціальное названіе «Тибетской», подъ каковымъ она производила свои работы въ теченіе 1889 и 1890 г.г.

Въ экспедиціи участвовали бывшіе спутники и помощники Пржевальскаго — Роборовскій и Козловъ, и геологъ Богдановичъ, кромѣ того 12 казаковъ. Въ 1889 г. экспедиція перешла черезъ Тяньшань и черезъ Аксу, Яркендъ и Хотанъ достигла Ніи, гдѣ остановились на зимовку. По пути было предпринято нѣсколько самостоятельныхъ экскурсій отдѣльными участниками экспедиціи и самимъ Пѣвцовымъ черезъ Куэнь-луньскія горы на тибетское нагорье. Эти экскурсіи, или вѣрнѣе экспедиціи въ маломъ масштабѣ расширили наше знакомство съ западнымъ Куэнь-лунемъ и окраинной полосою сѣверозападнаго Тибета, совершенно не затронутаго Пржевальскимъ: во время этихъ изслѣдованій экспедиція встрѣтилась въ Ніи съ капитаномъ Громбчевскимъ, который въ маѣ 1890 г. пытался проникнуть въ западный Тибетъ отъ Полу, но неуспѣшно, и потому занялся изслѣдованіемъ горной

страны у верховьевъ Яркендъ-дарьи и въ долинѣ Тизнапа (гдѣ трудился въ 1889 г. также Богдановичъ), передъ отправленіемъ на Памиръ. Съемка его цѣнна въ томъ отношеніи, что она явилась связующимъ звеномъ между съемками Форсайта (1873—4), Пржевальскаго (1885 г) и Пѣвцова (1889—1890 г.) и заполнила въ картографическомъ изображеніи этой области Центральной Азіи значительный пробѣлъ въ юго-западномъ углу бассейна Тарима и въ западномъ Куэнь-лунѣ[1].

Весною 1890 г. экспедиція Пѣвцова произвела тщательное разслѣдованіе части тибетскаго нагорья у подножья Тугуз-давана и далѣе вдоль Черчен-дарьи между Акка-тагомъ и Алтын-тагомъ и закончилъ изученіе южной половины бассейна Тарима во время обратнаго пути черезъ Лобноръ, Каращар и Джунгарію. Несмотря на сравнительно меньшую площадь изслѣдованнаго района, экспедиція Пѣвцова явилась одной изъ важнѣйшихъ по достигнутымъ научнымъ результатамъ [2]), а самъ онъ показалъ себя достойнымъ продолжателемъ дѣла Пржевальскаго; важность работъ экспедиціи обусловлена тѣмъ обстоятельствомъ что ни одинъ путешественникъ не опредѣлилъ съ такой точностью пройденной мѣстности, какъ Пѣвцовъ.

Начатое столь успѣшно дѣло изслѣдованія горной системы Куэнь-луня продолжали въ ея восточной части—въ горахъ Нань-шаня и въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ—Роборовскій и Козловъ, которые явились въ разное время самостоятельными руководителями большихъ экспедицій, первый въ 1893—5 г.г., второй въ 1900—1901 гг. Оба они прошли первоначальную школу „научныхъ рекогносцировокъ" въ области Внутренней Азіи подъ наблюденіемъ и руководствомъ самого Пржевальскаго, что служило вѣрнымъ залогомъ успѣшности ихъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Дѣйствительно, обѣ указанныя экспедиціи (Роборовскаго и Коз-

лова) были богаты результатами (наблюденіями и коллекціями), хотя стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ не позволило имъ далеко углубиться внутрь Тибета: въ первомъ случаѣ болѣзнь Роборовскаго заставила экспедицію повернуть обратно съ полпути отъ Цайдама къ верхней Хуанъ-хэ, во второмъ случаѣ Козловъ, правда, успѣлъ пройти много дальше къ югу, перейти черезъ Дречу и достигнуть Чжѣкундо; однако, при слѣдованіи далѣе на югъ, недалеко отъ Чамдо, онъ подвергся нападенію со стороны мѣстнаго населенія дѣйствовавшаго по наученію ламъ Чамдо и въ концѣ концовъ былъ принужденъ отказаться отъ посѣщенія Чамдо[1]).

Экспедиція Роборовскаго 1893—1895 гг., пройдя изъ Пржевальска черезъ Тяньшань и сѣверо-восточную окраину бассейна Тарима въ Ша чжоу, посвятила почти 16 мѣсяцевъ (съ 10 марта 1894 г. по 28 іюля 1895 г.) изслѣдованію различныхъ цѣпей Наньшаня [2]), пустыни Сыртын [3]) и многочисленныхъ озеръ и песчаныхъ пространствъ въ сѣверо-восточной части Цайдама, на С. З. отъ Кукунора [4]), затѣмъ области юго-восточнаго Цайдама [5]) и прилегающей горной страны до хребта Амнемачин[6], посѣтивъ также города Ганьсу: Су-чжоу, Лянъ-чжоу въ прианьшаньской полосѣ указанной провинціи. Задачею экспедиціи было пройти черезъ страны голыковъ и монастырь Раджа гонба на Желтой рѣкѣ прямо въ Сы-чуань (городъ Сунъ-пань тинъ). Болѣзнь начальника заставила экспедицію повернуть обратно 5 февр. 1895 г. отъ перевала Манлун въ горахъ Амне мачин, ведущаго къ голыкамъ, въ 120 верстахъ въ Рачжа гонба. На обратномъ пути, недалеко отъ конечнаго пункта, достигнутаго экспедиціей, послѣдняя подверглась нападенію тибетцевъ, успѣшно отбитому съ значительными потерями на сторонѣ нападавшихъ.

Болѣе спеціальное (съ геологической точки зрѣнія) и ис-

черпывающее изслѣдованіе Наньшаня, съ его цѣпями, долинами и озерами, было произведено въ періодъ 1892—6 гг. В. А. Обручевымъ, который нанесъ на карту и подвергъ анализу всѣ цѣпи Нань шаня, вплоть до примыкающихъ къ Кукунору, а также восточныя развѣтвленія горъ въ Ганьсу, Цинь-ши линъ, Амьѣ Сургу и т. д. [1]) Обручевъ не былъ въ самомъ Тибетѣ, но его работы заслуживаютъ почетнаго мѣста въ наукѣ географическаго познанія страны, такъ какъ горы Нань-шаня, какъ продолженіе Куэнь-луня, имѣютъ связь съ построеніемъ горныхъ цѣпей на самой тибетской территоріи и должны быть разсматриваемы съ Тибетомъ, какъ одно географическое цѣлое.

Должно упомянуть еще о братьяхъ Грумъ-Гржмайло, которые во время своего путешествія изъ Восточнаго Туркестана въ Западный Китай въ 1889—1890 гг. затронули нѣкоторыя мѣстности около Куку-нора [2]). Г. Е. Грумъ—Гржмайло, какъ и Потанинъ, интересовался этнографическими вопросами: для насъ представляются не лишенными цѣнности его матеріалы по этнологіи Амдо и области Кукунора [3]), которые онъ самъ ставитъ въ связь и продолженіе VIII главы второго тома его же «Описанія путешествія въ Западный Китай».

Экспедиція Козлова (разсматривая исключительно ея работы въ предѣлахъ Тибета) двинулась весною 1900 г. (въ мартѣ) изъ Ганьсу (Лянь-чжоу) черезъ сѣверную ограду Наньшаня въ долину Чагрын гол и по ней до монастыря Чортэн тапъ на берегу многоводной Да-тунъ хэ, затѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ до кумирни Чейбсен, извѣстной по путешествіямъ Пржевальскаго, и отсюда прямо къ Донкыр, минуя Си-нинъ (гдѣ побывали Казнаковъ и Ладыгинъ, для переговоровъ съ амбанемъ насчетъ пропуска въ Кам, который и былъ выданъ, но съ оговоркою, что амбань слагаетъ

съ себя отвѣтственность въ случаѣ нападенія на экспедицію голыковъ въ долинѣ Хуанъ-хэ). Послѣ непродолжительной стоянки около указаннаго города экспедиція продолжала путь къ Кукунору и черезъ хребетъ Южно-Кукунорскій и Дуланхит вышла въ Цайдам. Въ ставкахъ Барун-цзасак и Цзун-цзасак были устроены склады припасовъ, въ первомъ пунктѣ метеорологическая станція. На обратномъ пути экспедиціи изъ Кама (въ 1901 г.) Ладыгинъ совершилъ экскурсію вокругъ Курлык и Тосун нор (въ княжествѣ Курлык-бейсе), а Бадмажаповъ, состоявшій также при экспедиціи, прошелъ по Тайчжинерскому и другимъ хошунамъ Цайдама.

16 мая 1900 г. экспедиція въ полномъ составѣ, за исключеніемъ фельдфебеля Иванова и двухъ казаковъ, оставленныхъ при складѣ и на метереологической станціи для записи наблюденій, выступила изъ Цайдама, имѣя быковъ яковъ и хайныковъ (помѣси быка-яка и обыкновенной коровы) въ качествѣ вьючныхъ животныхъ вмѣсто прежнихъ верблюдовъ, которыми пользовалась для этой цѣли до Цайдама, и черезъ Бурхан-бота, спустилась мимо озера Алык нор, (вокругъ котораго былъ совершенъ полный обходъ и произведены измѣренія глубины) внизъ по Алык-норин гол почти до слiянія его съ Еграй головъ[2], затѣмъ прошла поперекъ вѣчно-снѣгового хребта Амнэн кор, (16,000 ф., перевалъ 15,780 ф.) западнаго продолженія еще болѣе массивнаго хребта Амне-мачини, и прибыла къ сѣверному берегу Оринъ-нор (Русскаго озера) въ пунктѣ выхода изъ него Ма ч'у (Хуанъ-хэ), гдѣ встрѣтилась съ первыми голыками[3]. Во время остановки на берегу озера была произведена съемка какъ его, такъ и сосѣдняго Чжаринъ нора (озера Экспедиціи), именно, сѣвернаго и восточнаго берега послѣдняго, снятаго Казнаковымъ [4]. Въ концѣ iюня экспедиція двинулась въ дальнѣйшій путь, слѣдуя въ общемъ южному направленію вверхъ по притоку

Чжаринъ-нора—Джагыйн голу, а затѣмъ черезъ рядъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ: Дреч'у и его притоковъ, (затронувъ округъ Намцо и городъ Чжэрку съ монастыремъ Кэгудо) и верховья Меконга (Дза'чу съ притокомъ Дзе-чу), и черезъ два болѣе высокихъ перевала—водораздѣлы между Хуанъ-хэ и Дреч'у—хребетъ Водораздѣлъ—и между Дреч'у и Меконгомъ—хребетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (перевалъ 15,700 ф.). Наконецъ, перейдя черезъ хребетъ Вудвиль Рокгиля, (водораздѣлъ между Дзач'у на сѣверѣ и его притока Номуч'у (Чжи ч'у) съ Бар ч'у на югѣ вплоть до Чамдо [1]), экспедиція вышла къ берегу Ному чю для слѣдованія въ Чамдо. На всемъ протяженіи указаннаго пути экспедиція не спускалась ниже 10,500 ф., поднимаясь обычно еще выше—13--15 тысячъ футовъ [2]).

Въ предѣлахъ области, подчиненной Си-нинскому амбаню, экспедиція двигалась безпрепятственно, но какъ только вступила въ предѣлы Чамдо, миновавъ изъ округа Чжѣкундо (Чжерку) область Нанчинъ гжялбо, путь ей преградили во время слѣдованія вдоль сѣвернаго берега Ному ч'у ниже сліянія Бар ч'у и Чжи ч'у, (образующихъ Ному ч'у, южное верховье Меконга) вооруженные тибетцы, которыхъ пришлось отражать силою. Въ концѣ концовъ путь въ Чамдо былъ открытъ; однако, уступая просьбамъ да-ламы Чамдо (затѣмъ лично сопровождавшаго экспедицію до округа Лхадо), Козловъ согласился не подходить къ городу и остановиться на зимовку въ селеніи округа Лхадо—Лунъ-токъ-ндо въ 40 верстахъ на СВ. отъ Чамдо, въ средней части долинѣ Рэ ч'у, лѣваго притока Дза ч'у (Меконга); предварительно этому экспедиція перевалила черезъ хребетъ В. Рокгиля, миновала монастырь Шопа гомба на берегу Дза ч'у противъ впаденія Рэ ч'у и переправилась черезъ главную рѣку. Изъ Лунъ-токъ-ндо Казнаковъ вмѣстѣ съ Ладыгинымъ съѣздилъ въ городъ Дерге гонъ-ч'ен.

въ 200 верстахъ на ВСВ. въ долинѣ Дре ч'у, при чемъ былъ пересѣкнутъ второй разъ хребетъ Имп. Русск Геогр. Общества; его же поѣздка въ Сунъ-пань-тинъ не удалась, равно какъ экскурсія вверхъ по Дза ч'у довела его только до устья Дзэ ч'у вмѣсто намѣченной цѣли—монастыря Чжэрку въ долинѣ Дре ч'у.

Въ февралѣ 1901 г., послѣ трехмѣсячной стоянки (съ 20 ноября), экспедиція двинулась въ обратный путь въ Цайдам по неизвѣстной мѣстности вдоль южной и восточной границы Лхадо и Дерге—р р. Рэ ч'у и Гэ ч'у, другого притока Дза ч'у; затѣмъ слѣдовала черезъ хребетъ Имп. Русск. Геогр. Общества и, послѣ переправы у Чункор гонба черезъ Дре ч'у, на ЮВ. вдоль южной окраины хребта Пандита А. К., водораздѣла между Дре ч'у и Дза ч'у (Я-лунъ), далѣе, пересѣкнувъ округъ Лин-гузе и хребетъ А. К., вышла къ Баначжунъ, подвластный еще Дерге, въ долинѣ Я-лунъ.

Изъ Бана чжунъ Бадмажаповъ совершилъ поѣздку внизъ по Я-лунъ въ Хор-гамдзе, но былъ силою изгнанъ оттуда, не успѣвъ произвести порученнаго ему обслѣдованія города. Поэтому свѣдѣнія о Хоргамдзе и вообще для области Хорпчіок были собраны имъ уже на обратномъ пути [1].

Изъ стоянки въ долинѣ Я-лунъ экспедиція поднялась по долинѣ, слѣдуя въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ самой рѣки, черезъ область Дза ч'у к'а-па, затѣмъ проникла по ея притоку Го ч'у и черезъ хребетъ Водораздѣлъ въ долину южнаго притока Хуанъ хэ—Сэр ч'у и 30 мая 1901 г. достигла юго-восточнаго угла Оринъ нора послѣ почти годичнаго отсутствія въ предѣлахъ сѣверо-восточнаго Тибета. За это время было снято глазомѣрною съемкою 3000 верстъ пути, опирающихся на 13 астрономическихъ пунктовъ (въ конечныхъ пунктахъ опредѣлена одновременно широта и долгота); въ теченіэ трехъ мѣсяцевъ работала не-

прерывно метеологическая станція близъ Чамдо. Помимо того экспедиціей были собраны большія зоологическая и ботаническая коллекціи[1]) и получено путемъ разспросовъ и личныхъ наблюденій много свѣдѣній относительно этнографіи жителей Кама (тангутовъ Кам)[2].

Отъ озера Норинъ экспедиція шла въ Цайдам прежнимъ маршрутомъ, только минуя Алык-нор; путь ея изъ Цайдама въ Чортэнтанъ внутри Наньшаня отличался отъ передняго маршрута тѣмъ, что Козловъ на этотъ разъ пересѣкъ сѣверо-западную окраину Дабасун гоби и прошелъ по южному, а не по сѣверному берегу озера.

Всесторонняя разработка всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей, понынѣ еще не доведена до конца, хотя уже изданный первый томъ описанія «Монголія и Камъ»,—собственное изложеніе путей экспедиціи, составленное Козловымъ —повидимому, устранилъ часть неточностей и погрѣшностей въ предварительномъ отчетѣ и письмахъ Козлова[3] и въ схематической картѣ экспедиціи, начерченной Казнаковымъ[4].

Разница въ написаніи собственныхъ именъ, возможно, объясняется мѣстнымъ произношеніемъ; какъ говоритъ Козловъ, онъ записывалъ имена по слуху, поэтому въ отчетахъ Казнакова и Ладыгина, по его признанію, тѣ же имена должны предстать въ другой формѣ.

Выше были изложены въ краткихъ словахъ маршруты и результаты русскихъ экспедицій въ Тибетъ со временъ Пржевальскаго; этихъ общихъ указаній на ихъ характеръ и труды вполнѣ достаточно для правильной оцѣнки ихъ роли и значенія въ дѣлѣ постепеннаго созданія въ европейской наукѣ истинной географической картины сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета.

Совершенно популярная и интересная форма изложенія, которой придерживались русскіе изслѣдователи Тибета

въ своихъ описаніяхъ, за исключеніемъ спеціальнаго сочиненія Обручева (вѣрнѣе, дневника сырыхъ геологическихъ матеріаловъ для Наньшаня), дѣлаетъ чтеніе ихъ трудовъ доступнымъ для всѣхъ.

Указанныя путешествія, предпринятыя подъ покровительствомъ и благодаря стараніямъ Имп. Рус. Геогр. Общества, имѣвъ несравнимое значеніе для нашего знакомства съ остальными областями Центральной Азіи, затронули сравнительно ничтожную часть Тибета—его сѣверо-восточный уголъ и окраинную горную стѣну Куэнь-луня. Выдающейся чертой этихъ экспедицій является научное значеніе собранныхъ ими матеріаловъ по ботаникѣ, зоологіи, геологіи и метеорологіи въ видѣ обширныхъ коллекцій и дневниковъ; ими же производились на всемъ протяженіи тщательныя съемки мѣстности. Главный же интересъ и важность ихъ для исторіи европейскаго знакомства съ остальнымъ Тибетомъ заключается въ томъ, что они дали толчекъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ страны, возбудивъ соревнованіе среди другихъ иностранныхъ путешественниковъ, которые слѣдомъ за ними углубились много дальше внутрь сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета, шесть разъ прорѣзали Тибетъ по всей его ширинѣ или длинѣ, за исключеніемъ окраинной южной и юго-восточной полосы (Бонвало, Боуеръ, Дютрейль де Ринсъ и Гренаръ, Литтльдэль, Вельби и Гединъ). Эти путешественники, естественно, должны возбуждать особое вниманіе историка изслѣдованія Тибета.

Первымъ въ ихъ ряду стоитъ Бонвало[2], который въ 1889—1890 г.г. вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ Орлеанскимъ и бельгійскимъ патеромъ ванъ деръ Декенъ въ качествѣ переводчика совершилъ значительное, даже единичное для того времени по смѣлости и обширности путешествіе поперекъ бассейна Тарима и Тибета. Средства на экспеди-

цію были даны герцогомъ Шатрскимъ, отцомъ принца Генриха. Исходнымъ пунктомъ этого путешествія въ предѣлахъ Тибета послужилъ Чарглык на юго-западъ отъ Лобнора, откуда экспедиція выступила 17 октября 1889 г. 23 ноября она пересѣкла Алтын-таги, покинувъ маршрутъ Пржевальскаго и Кэри, безостановочно двигалась, безъ проводника и глубокой зимою, на разстояніи около 900 верстъ въ южномъ направленіи къ Лхасѣ приблизительно вдоль 91°. До 17 февраля путь экспедиціи оставался свободенъ; за эти 3 мѣсяца были пересѣкнуты различныя цѣпи Куэнь-луня по переваламъ выше 6000 м., въ томъ числѣ наибольшія изъ цѣпей центральной Азіи—Чаман таг и Акка таг, и были открыты многочисленныя озера. Самое тибетское нагорье, нигдѣ не опускающееся ниже 4000 м., имѣетъ здѣсь въ высшей степени непривѣтливый видъ: ни дерева, ни даже кустарника не попалось на немъ на пути экспедиціи. Кормъ для вьючныхъ лошадей и верблюдовъ былъ находимъ въ столь скудномъ количествѣ, что животныя гибли десятками отъ лишеній, трудностей пути и крайнихъ холодовъ—термометръ нерѣдко падалъ ниже 40° Ц. Съ 4 декабря по 30 января не было встрѣчено ни единаго человѣческаго существа. Въ 2 дняхъ пути на югъ отъ Тенгри нора, посѣщеннаго въ послѣдній разъ пандитомъ Д. (А. К.) въ началѣ и Наинъ Сингомъ въ концѣ 1873 г., и на разстояніи 95 миль отъ Лхасы, тибетцы остановили экспедицію и принудили ее послѣ почти семидневныхъ переговоровъ повернуть на сѣверо-востокъ. Это направленіе было измѣнено въ дальнѣйшемъ движеніи на восточное, что позволило Бонвало достигнуть, черезъ мѣстность Дам. Чамдо отличнымъ отъ пути Гюкъ и Габе маршрутомъ Изъ Чамдо экспедиція прошла черезъ Батанъ и Дацзянь лу, отсюда на югъ черезъ Юнь-нань въ Тонкинъ и прибыла 28 сентября 1890 г. въ Ханой [1].

При всей смѣлости и новизнѣ избраннаго маршрута экспедиція дала мало положительнаго для топографіи и вообще географическаго знакомства пройденной мѣстности, такъ какъ, повидимому, не производила серіозныхъ изслѣдованій и наблюденій. Въ этомъ отношеніи рекогносцировки Пржевальскаго при неменьшей быстротѣ передвиженія имѣли несравненно болѣе плодотворные результаты. Отрывочныя метеорологическія наблюденія Бонвало заслуживаютъ вниманія; вывезенныя имъ зоологическія коллекціи (главнымъ образомъ шкуры убитыхъ экспедиціей на охотѣ животныхъ) прибавили нѣсколько новыхъ экземпляровъ къ извѣстной до тѣхъ поръ европейцамъ фаунѣ Тибета. Описаніе путешествія было издано въ Парижѣ въ 1892 году[1].

Путешествіе Бонвало и принца Г. Орлеанскаго не замедлило вызвать подражателей въ лицѣ англичанъ (капитана Боуера (Bower) и д-ра Торольдъ (Thorold), при чемъ если французы первые пересѣкли сѣверный Тибетъ по всей его ширинѣ съ сѣвера на югъ, то англичане, также раньше другихъ европейцевъ, прорѣзали его съ запада на востокъ.

Капитанъ Боуеръ составилъ себѣ извѣстность путешествіемъ по бассейну Тарима въ поискахъ за убійцами Дальглейша, во время котораго онъ напалъ на древнѣйшую буддійскую рукопись на санскритскомъ языкѣ и создалъ этимъ эпоху въ исторіи европейскаго изученія древней цивилизаціи Восточнаго Туркестана. Въ настоящую экспедицію по Тибету его сопровождали, кромѣ д-ра Торольда, туземный топографъ Атма Рам. Приготовленія къ экспедиціи велись въ такомъ секретѣ, что тибетскія и китайскія власти были захвачены врасплохъ и не успѣли помѣшать ей выполнить свою задачу.

17 іюня 1891 г. экспедиція выступила изъ Ле вверхъ по долинѣ Танъ-чэн мо[2], пресѣкла тибетскую границу по перевалу Ланак и у озера Манъ-цва цо коснулась въ послѣд—

ній разъ маршрута Кэри. Отсюда Боуеръ шелъ до $80^1/_2{}^\circ$ на востокъ, далѣе на юго-востокъ, неизмѣнно держась на разстояніи одного или двухъ градусовъ широты на сѣверъ отъ маршрута Наинъ Синга 1873 г. Путь его лежалъ по высокой нагорной равнинѣ (отъ 15 до 17 тыс. фут. возвышенія надъ ур. м.) среди относительно невысокихъ горныхъ грядъ, между которыми были разсѣяны многочисленныя озера, нѣкоторыя очень значительныхъ размѣровъ; имена ихъ, однако, остались не узнанными, такъ какъ рѣдкіе обитатели равнины —кочевники или вовсе не показывались[1], или когда встрѣчались, давали намѣренно ложныя свѣдѣнія, чтобы сбить съ толку путешественниковъ. Несмотря на огромное возвышеніе равнины, страна не была безплодна; обычно пастбища давали вполнѣ достаточный кормъ баранамъ и вьючнымъ животнымъ экспедиціи, и здѣсь же д-ръ Торольдъ нашелъ большинство растеній своей коллекціи съ крупными корнями, короткими стеблями и стелящейся по землѣ листвою.

Къ 23 августа Боуеръ достигъ на востокѣ 86°, пройдя 500 миль отъ Ланак ла, и вступилъ въ область обширныхъ соленыхъ озеръ, занимающихъ сѣверную окраину Центральнаго Тибета. По пути стали чаще встрѣчаться партіи скотоводовъ докпа, у которыхъ путешественники покупали барановъ, соли и ячменную муку. 28 августа экспедиція впервые спустилась до 14,000 ф. на берегу обширнаго озера Чукци цо; отнынѣ движеніе сдѣлалось болѣе затруднительнымъ благодаря противодѣйствію населенія. 7 сентября на берегу большого озера Гжяринъ цо (Селлинъ цо Гедина), на сѣверо-западъ отъ Тенгри нора, въ округѣ Нагцанъ—Боуеръ вступилъ въ переговоры съ тибетскими властями и въ результатѣ добился разрѣшенія слѣдовать далѣе на востокъ къ границѣ Китая, предварительно отойдя на 5 дней пути назадъ къ юго-западному углу Чаргут-цо и отсюда на 15 дней

въ сѣверо-восточномъ направленіи. Дальнѣйшій маршрутъ Боуера на нѣкоторомъ протяженіи совпалъ съ маршрутомъ Бонвало. Меридіанъ Лхасы былъ пересѣченъ приблизительно въ 220 миляхъ къ сѣверу отъ этого города, въ странѣ, занятой стадами яковъ и лошадей; такъ какъ путешественники находились въ извѣстной степени подъ охраной тибетскаго правительства, съ чьего разрѣшенія они избрали этотъ путь, то встрѣчали радушный пріемъ со стороны старшинъ каждаго селенія или племени. Пройдя въ юго-юго-западномъ направленіи черезъ верховья Гжяма н'ул-ч'у или Сальвина, путешественники вступили въ область каменныхъ жилыхъ строеній и монастырей (1 декабря былъ достигнутъ Сок гомба, одинъ изъ наиболѣе значительныхъ монастырей).

Дорога шла черезъ перевалы изъ одной рѣчной долины въ другую (возвышеніе долинъ 13,000 ф.), при чемъ берега рѣкъ имѣли значительную земледѣльческую культуру. Это была страна Кюнъ бо (Гжя де)—средоточіе культа Бон. 24 декабря путешественники прибыли къ знаменитому монастырю Ривоче гомба въ прекрасной долинѣ, среди растительности новаго характера и съ густымъ лѣсомъ по берегамъ рѣки.

Слѣдующимъ важнымъ пунктомъ на пути экспедиціи былъ городъ Чамдо, съ нѣсколькими обширными монастырями (два изъ нихъ имѣютъ каждый свыше 2,000 монаховъ). Въ самый городъ Боуеръ не заходилъ, но по совѣту мѣстныхъ властей остановился въ 5 миляхъ отъ него, въ день Новаго года 1892 г. Отсюда путь прошелъ по обычной дорогѣ черезъ мелкія княжества, образующія провинцію К'ам, каждое съ полунезависимымъ владѣтелемъ, свѣтскимъ или духовнымъ, въ Батанъ, Ли-танъ и Дацзянь лу, куда экспедиція прибыла 10 февраля 1892 года, пройдя 2,080 миль отъ Ланак ла[1].

Научные результаты этого не менѣе замѣчательнаго путешествія, чѣмъ выполненнаго Бонвало, очень значительны:

многочисленныя наблюденія высотъ на всемъ протяженіи пути, и профили мѣстностей по линіи движенія, маршрутная съемка, метеорологическія таблицы, выясненіе общаго характера ландшафта сѣверо-западнаго Тибета, именно, плоскихъ долинныхъ пространствъ пустынной степи, среди многочисленныхъ невысокихъ грядъ холмовъ, надъ которыми поднимаются мѣстами рѣзко очерченные гребни, съ преобладающимъ экваторіальнымъ направленіемъ. Указанныя степи усѣяны солеными озерами (положеніе, если не очертанія, коихъ было опредѣлено Боуеромъ), очень бѣдны растительностью, за то изобилуютъ дичью и изрѣдка посѣщаются кочевниками-звѣроловами. Только много дальше на В. путешественники пришли въ соприкосновеніе съ болѣе густымъ кочевымъ населеніемъ скотоводовъ; здѣсь и пастбища сдѣлались лучше, почти роскошными. Спутникъ Боуера —д ра Торольдъ, сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ прибавленій къ зоологіи и ботаникѣ страны; по его имени названъ олень Cervus Thoroldi[1].

Въ 1894 г. Боуеръ издалъ описаніе путешествія подъ заглавіемъ Diary of a Journey across Tibet (309 стр. съ картою 1:3,800,000[2]); какъ показываетъ само заглавіе, это лишь дневникъ, излагающій безъ всякихъ прикрасъ, въ дѣйствительномъ свѣтѣ, обстоятельства и наблюденія во время пути. Изъ открытій Боуера позднѣйшими путешественниками было подтверждено значеніе Хорпа цо (имя, впрочемъ, не провѣрено до сихъ поръ), какъ наиболѣе возвышеннаго озера Тибета. Напротивъ, большая снѣжная цѣпь съ могучимъ пикомъ подъ 35° с. ш. и 83° в. д. не играетъ въ дѣйствительности приписываемой ей Боуеромъ выдающейся роли въ орографіи страны. Интересно указаніе Боуера на преобладаніе ненастной погоды и постоянно облачное небо въ теченіе большей части пути, при господствующемъ западномъ вѣтрѣ (при восточномъ вѣтрѣ погода быстро прояснялась).

Между 1891 и 1892 гг. американецъ В. Рокгиль, бывшій секретарь американскаго посольства въ Пекинѣ, впослѣдствіе американскій посланникъ при китайскомъ дворѣ, предпринялъ путешествіе по сѣверо-восточному Тибету, описанное имъ въ Diary of a Journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892 [1]. Это была не первая попытка г. Рокгиля, владѣвшаго отлично китайскимъ и тибетскимъ языками, пролить свѣтъ на недостаточно изслѣдованныя области этой части Тибета и при возможности достигнуть Лхасы съ этого направленія[2]. Уже въ 1888—89 гг. Рокгилъ проникъ въ сѣверо-восточный Тибетъ, явившійся свидѣтелемъ его болѣе обширнаго путешествія три года спустя. Въ первый разъ, какъ и во второй, исходнымъ пунктомъ путешествія явился Си-нинъ фу. Отсюда Рокгилъ посѣтилъ Люсар и монастырь Кумбум (для котораго его замѣтки[3] служатъ важнымъ дополненіемъ къ графическому описанію Гюка), слѣдуетъ затѣмъ черезъ Танкар, сѣверный берегъ Кукунора, Дуланго въ Цайдам (къ ставкѣ Барунцзасак), откуда совершаетъ экскурсію въ княжество Шанъ, открытое Пржевальскимъ, для изслѣдованія истоковъ Баян гола (озера Аланъ нор). Въ апрѣлѣ 1889 г., вопреки отговорамъ его монгольскихъ пріятелей въ Цайдамѣ, Рокгилъ переваливаетъ черезъ горныя цѣпи, ограничивающія Цайдам съ юга, и, пересѣкнувъ область истоковъ Хуанъ хэ въ 10 миляхъ на З. отъ Цаканор[4] (Чжаринъ нор) проходитъ нѣкоторое разстояніе на пути къ Лхасѣ. Только недостатокъ проводниковъ, вьючныхъ животныхъ и вообще средствъ къ продолженію дальнѣйшаго пути заставляетъ его измѣнить направленіе маршрута съ юго-западнаго на южное и черезъ Нам цо пурдунъ, Дакоу[5] па Дречу (немного ниже пути Пржевальскаго 1887 г.), Джѣкундо, Цзочен гомба, Кандзе, Даво, Ката, Да-цзянь лу вернуться въ Китай. Въ лицѣ Рокгиля этимъ путемъ впервые прошелъ европейскій изслѣдователь на разстояніе 650 миль въ

сердцѣ провинціи К'ам, хотя маршрутъ Рокгиля въ общемъ совпалъ съ путемъ А. К. 1882 г.[1] Описаніе этого путешествія, The Land of the lamas, даетъ въ изобиліи цѣнныя и новыя свѣдѣнія относительно большихъ промышленныхъ центровъ Дерге,[2] Дзочен,[3] Кандзе[4] и Джѣкундо[5], жизни и нравовъ обитателей какъ этихъ городовъ, такъ и окрестной страны[6], наконецъ, системы управленія различныхъ тибетскихъ владѣній; что же касается географіи пройденныхъ мѣстностей, то, помимо сообщенныхъ имъ разнаго рода топографическихъ[7] свѣдѣній и картографическихъ исправленій. Рокгилъ могъ, благодаря знанію тибетскаго, китайскаго, отчасти монгольскаго языка, установить болѣе правильную передачу существующихъ названій (напр. Бурхан-бота (ботага) вмѣсто принятой Пржевальскихъ формы Бурханъ-будда[8]; точныя обозначенія источныхъ озеръ Хуанъ хэ и самой рѣки[9], равно какъ верхняго Янъ-цзы[10] и т. д.). Въ приложеніи къ его книгѣ даются свѣдѣнія относительно политическаго дѣленія племенъ Восточнаго Тибета на основаніи китайскихъ источниковъ[11], филологическія и этнографическія замѣтки[12].

Въ началѣ 1892 г. Рокгилъ снова посѣщаетъ Си-нинъ и Люшар (Кумбум), гдѣ дѣлаетъ окончательныя приготовленія къ путешествію[13]. Оставивъ въ сторону обычную дорогу въ Цайдам по берегу Кукунора, онъ слѣдуетъ вдоль южнаго подножья Южно-кукунорскихъ горъ мимо Шаракуто и ряда мелкихъ озеръ (Ваянь нор. Гунга нор и др.) и по рѣкѣ Хуюнъ[14] въ княжество Шанъ, на ЮВ. отъ Баруна подъ 36° с. ш. и 98° в. д. и послѣ захода въ Барунъ изслѣдуетъ вновь долину верхняго Баян гол (Іогоре голъ) вплоть до Тосун нор (Стонъ ри ц'о наг)[15], оставивъ въ сторонѣ на этотъ разъ Аланъ нор.

Истоки указанныхъ озеръ, въ видимой зависимости отъ параллельнаго строенія нагорнойстраны, текутъ первоначально

по прямой линіи на встрѣчу другъ другу, образуя одну общую долину отъ Алянъ нор до Тосун нор, извѣстную подъ тибетскимъ именемъ Ц'о-до лунъ[1], или долина 2 озеръ, а послѣ соединенія въ видѣ Баян гол прорываются внутрь Цайдама.

Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, изслѣдованіе Рокгиля показало, что китайскія карты основываются на дѣйствительныхъ съемкахъ.

Вернувшись въ Цайдам, Рокгилъ проходитъ по южной его окраинѣ черезъ Барун куре и Тайчжинер[2] и 30 мая переваливаетъ черезъ цѣпь на югъ отъ Найчи гол[3]. На слѣдующій день путешественникъ выходитъ къ берегу р. Ч'умар[4], сѣверной вѣтви одного изъ верховьевъ Дрe ч'у (именно Напчуту улан мурен—Красная луговая рѣка). Держась отсюда ЮЮЗ направленія, Рокгилъ пересѣкаетъ одну за другой горныя цѣпи восточной части Бжянъ-т'анъ, скорѣе даже просто огибаетъ ихъ вокругъ западной оконечности (тхола)—Кукушили (Синіе альпы) 5 іюня[5], Дунбура, рѣзко отличающіяся темнымъ цвѣтомъ слагающихъ ихъ горныхъ породъ отъ красныхъ песчаниковыхъ холмовъ на сѣверъ отъ нихъ[6])—16 іюня и близко подходитъ къ истокамъ наиболѣе южнаго изъ верховьевъ Дрe ч'у—Мурус усу (Мурус значитъ «рѣка», The River[7]). Истоки Мурус, несомнѣнно, находятся въ снѣгахъ Екен (Верхній) Хабсере, одной изъ трехъ вершинъ этого имени, на СВ. отъ лагеря Рокгиля 23 іюня, подъ 33° 90′ с. ш. и 91° в. д.[8].

Поднявшись на нѣкоторое разстояніе вверхъ по рѣкѣ и переправившись черезъ нее 22 іюня (глубина рѣки доходила до крупа лошади, теченіе было очень сильно) и вторично 23 іюня въ 10 миляхъ выше при поворотѣ долины рѣки на югъ, Рокгилъ достигаетъ холмовъ у сѣвернаго подножья горъ Данъ-ла (по лхаскому произношенію словъ транс-

ла—холодный перевалъ), но не поднимается на горы, а слѣдуетъ прямо на западъ-юго-западъ вверхъ по долинѣ притока Мурус и выходитъ подъ $33^1/_2$ с. ш. и $90^1/_2$ в. д. къ мѣсту (Данъ-ла тхол'а[1]) гдѣ могъ обогнуть горы съ запада по долинѣ между двумя цѣпями, направленными на югъ. Этотъ фактъ, отмѣченный Рокгилемъ въ дневникѣ (219 стр.) и на картѣ, приложенной къ дневнику, долженъ обратить на себя ваше особое вниманіе. Если цѣпь Данъ-ла кончается подъ указанной долготою и широтою, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ Рокгилъ не замѣтилъ на западъ отъ своего маршрута никакой горной цѣпи равной ей мощности, то является вопросъ, какъ смотрѣть на цѣпь Dupleix, которая занимаетъ на картѣ и маршрутѣ Бонвало совершенно такое же положеніе, какъ цѣпь Данъ-ла по отношенію къ маршрутамъ Пржевальскаго, именно подъ 33°45′ с. ш. и 89°40′ в. д., т. е. какъ непосредственное продолженіе указанной на картѣ Рокгиля линіи горъ Данъ-ла. Принимая правильность приводимыхъ Рокгилемъ и Бонвало долготъ и широтъ, мы заключаемъ, что горы Данъ-ла послѣ короткаго, но рѣшительнаго перерыва возобновляются въ прежней мощности и въ прежнемъ направленіи[2].

Обогнувъ западную оконечность горъ Данъ-ла, составленную изъ снѣжныхъ пиковъ въ 20,000 ф.[3], Рокгилъ вступилъ на восточный край пояса великихъ соленыхъ озеръ сѣверной полосы Центральнаго Тибета, который былъ впервые пройденъ Боуеромъ на востокъ отъ Чаргут цо и сѣверъ отъ Тенгринора. Наиболѣе восточное изъ указанной цѣпи озеръ было открыто Рокгилемъ въ лицѣ Чиб (Т'ебо-бжянъ ц'о (90° в. д. и $33^1/_2$° с. ш.). 15 миль длиною съ юго-запада на сѣверо-востокъ и 7—8 миль ширины[4]. 3 іюля Рокгилъ повернулъ среди почти постоянныхъ дождей на югъ и затѣмъ юго-востокъ, на нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ

содового озера (бул-тог ц'о) Іирна ц'о, держа направленіе прямо на Тэнгри нор и Лхасу.

6 іюля Рокгилъ пересѣкъ рѣку Ца-ча цзанъ-бо ч'у подъ 32°15′ с. ш. (Хота цзанъ-бо Наина Синга, которую пандитъ ведетъ изъ Чаргут цо' и отожествляетъ съ Наг ч'у (Сальвиномъ). По наблюденіемъ Рокгиля, Ца-ча цзанъ-бо течетъ въ формѣ дуги, открытой на сѣверъ, съ Данъ-ла отъ 32° с. ш. и 91° в. д. къ озеру Іирна ц'о (32°20′ и 89° 30′ в. д.). Теченіе рѣки, показанное невполнѣ точно на картѣ Боуера, повидимому, отмѣчаетъ границу лхаской территоріи въ этой части страны.

7 іюля Рокгилъ встрѣтилъ въ долинѣ Ца-ча цзанъ-бо первыя человѣческія существа послѣ 20 мая (долина Най-чи гол)—кочевниковъ округа Намру. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ путешественника искать у нихъ помощи, чѣмъ былъ положенъ конецъ дальнѣйшему безпрепятственному движенію, такъ какъ докпа Намру, какъ подчиненные непосредственно Лхасѣ, обязаны были доносить, подъ страхомъ суроваго наказанія, ближайшему старшинѣ о приближеніи къ границѣ всѣхъ подозрительныхъ лицъ[1]. Въ результатѣ Рокгилъ былъ остановленъ 8 іюля старшиною (деба) Намру въ пунктѣ, отстоявшемъ на 3 дня пути (30—40 миль) верхомъ на якахъ отъ Тэнгри нора, въ 2 дня пути западъ отъ Амдо ц'о-наг и въ 6 миляхъ на западъ отъ Намру ц'о[2], подъ 32° с. ш. и 90°20′ в. д. (10 дней прямого пути отъ Шихацзе), и послѣ пятидневной остановки (8—13 іюля) принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія на югъ[3], но получилъ разрѣшеніе взять направленіе на востокъ къ китайской границѣ[4]. Въ сопровожденіи конвоя изъ людей Намру[5] Рокгилъ достигъ упомянутымъ окольнымъ путемъ 24 іюля Данъ ч'у[6] (на прямой дорогѣ въ Наг ч'у), ближайшаго къ Лхасѣ пункта во всемъ его тибетскомъ путешествіи (22:

іюля, 12—15 миль на сѣверъ отъ г. Бумза). Начиная съ 20 іюля маршрутъ Рокгиля по направленію (на востокъ-юго-востокъ) шелъ параллельно (на сѣверъ или на югъ отъ него) пути Боуера, пройденнаго послѣднимъ за 7 мѣсяцевъ передъ тѣмъ (по такъ называемой чайной дорогѣ (джа лам) черезъ Ирчу и Чамдо въ Да-цзянь лу). Подобно Боуеру, Рокгилъ миновалъ 5 августа Сок ч'у[1] и прочія верховья Гжямä Н'ул ч'у[2], пересѣкъ округъ Кюнъ-по[3] (или какъ называетъ его Рокгилъ—Гжя де—китайскіе округа, такъ какъ эта область подчинена непосредственно амбаню въ Лхасѣ), и въ Ривоче вышелъ на путь Бонвало и Боуера въ Чамдо (въ 34 миляхъ отсюда къ востоку). Нѣкоторыя подробности, занесенныя Рокгилемъ въ дневникъ относительно этой части пути, заслуживаютъ особаго вниманія и упоминанія.

Такъ, 11 августа Рокгилъ, выйдя на берегу Ир чу на указанную чайную дорогу, многопосѣщаемую и хорошо извѣстную въ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ, встрѣтилъ рядъ большихъ чайныхъ каравановъ (одинъ изъ 600—800 яковъ) изъ Чамдо въ Лхасу на якахъ и отчасти на небольшихъ мулахъ. 12 августа Рокгилъ достигъ линіи лѣсного пояса въ видѣ рощей низкорослыхъ можжевельниковъ по склонамъ холмовъ, обращенныхъ главнымъ образомъ на востокъ. 13 августа за Рамо чу путешественникъ встрѣтилъ небольшіе воздѣланные участки[4] съ рѣпою[5], окруженные изгородями, рядомъ съ небольшими двухъэтажными домами, оказавшимися, однако, пустыми (вѣроятно обитатели въ это время года находились съ стадами выше въ горахъ). Лучшій сортъ рѣпы—лапи (китайское ло-бо—рѣдька) ростетъ на меньшей высотѣ, также капуста—пец'е.

Начиная съ Рамнонъ чу въ округѣ Гела, (этотъ округъ, какъ и сосѣдній на западѣ округъ Анъ-лунъ, принадлежатъ Лхасѣ, такъ какъ населеніе ихъ исповѣдуетъ правовѣрный ла-

манамъ и сумѣло добиться покровительства со стороны Далай-ламы[1],) мѣстность сдѣлалась еще болѣе изсѣченной, съ перемежавшимися ущельями и перевалами.

16 августа Рокгилъ спустился въ долину Серемдо ч'у[2] съ почвою, всюду засѣянной ячменемъ и пшеницей, и съ многочисленными селеніями по бокамъ. Ячмень и пшеница оказались почти созрѣвшими. Переправа черезъ рѣку совершалась тѣмъ же способомъ, какъ и черезъ Сокч'у. Въ долинахъ ниже 13,000 футовъ надъ у. м. появились, кромѣ домашнихъ яковъ, также многочисленные дзо и рогатый домашній скотъ (ба-ланъ), которые раньше не встрѣчались, возможно вслѣдствіе суроваго климата, при которомъ кажется удивительнымъ, что могутъ еще созрѣвать ячмень и рѣпа.

19 августа Рокгилъ перешелъ черезъ Дзе чу (Zech'u) по мосту, оставивъ на южномъ берегу Лхоронъ дзонъ, куда населеніе Гжя де рѣдко заглядываетъ, какъ на враждебную территорію. 20 августа былъ достигнутъ Мер дзонъ, большой торговый центръ по разсказамъ окрестныхъ жителей, но на дѣлѣ состоящій изъ немногихъ низкихъ глинобитныхъ построекъ вокругъ центральнаго двора. 50 акасъ(монаховъ-гелюкба) съ настоятелемъ, который является въ то же время дзонъ-поиемъ, и немногочисленные мисер (оброчные арендаторы) составляютъ все населеніе. Страна вокругъ Мер дзонъ хорошо воздѣлана: ячмень, немного пшеницы, капуста, лукъ, горохъ и рѣпа суть главные посѣвы. Скота мало, овецъ вовсе не видно. Большая дорога въ Чамдо ведетъ отсюда по территоріи Лхасы, и потому Рокгилъ не могъ воспользоваться ею, а слѣдовалъ болѣе окольнымъ путемъ, опять таки черезъ Гжя-де и достигъ 23 августа—Ривоче, подчиненный Лхасѣ.

Ривоче, по китайски Лэй-у-цзи, построенъ на лѣвомъ берегу Дзеч'у въ плодородной плоской долинѣ, окруженной покрытыми богатой растительностью (сосны, ели, можжевельникъ)

горами. Онъ состоитъ прежде всего изъ монастыря, наиболѣе замѣчательнымъ зданіемъ коего является квадратный храмъ. Наружныя стѣны послѣдняго раскрашены вертикальными полосами синяго, краснаго и бѣлаго цвѣта, такъ что издали храмъ кажется окруженнымъ рядомъ колоннъ; на крышѣ его возвышается небольшой золотой шпицъ. Нѣсколько меньшихъ храмовъ расположены у самаго подножья горы, круто поднимающейся позади монастыря. Вокругъ послѣдняго, вѣрнѣе съ восточной его стороны возникло разбросанное селеніе изъ одно-этажныхъ домовъ; монастырь и селеніе окружены глинобитной стѣной (10 ф. вышины). Въ монастырѣ живетъ хутукта и 300 монаховъ пьима. Черезъ рѣку ведетъ бревенчатый мостъ тибетской конструкціи[1] изъ друхъ пролетовъ, утвержденныхъ въ серединѣ русла на тонкихъ сваяхъ и гранитныхъ глыбахъ. Не заходя въ монастырь, Рокгилъ продолжаетъ двигаться по правому берегу рѣки, по большой дорогѣ въ Чамдо. Несмотря на плодородіе долины онъ замѣтилъ очень мало полей и обитателей, объясняя это тѣмъ, что жители держатся подальше отъ большой дороги въ боковыхъ долинахъ, въ видахъ уклоненія отъ дорожной повинности (ула). Рѣка очень быстра, шириной въ 50—75 ярдовъ, 6—7 фут. глубины. Мѣстами долина суживается въ ущелье съ нависшими скалами, покрытыми густымъ лѣсомъ елей и кедровъ надъ пѣнящимися потоками. «Ни въ одной части Кашмира», говоритъ Боуеръ[2] «красота ландшафта не превосходитъ природной картины этой части Тибета[3]».

26 августа Р. достигъ моста Сунъ-лозамба, одного изъ многихъ мостовъ, ведущихъ на лѣвый берегъ Цзэ-чу въ Чамдо, и былъ встрѣченъ здѣсь секретаремъ или министромъ правителя церковнаго удѣла Чамдо[4],—Папа лха. По просьбѣ министра, указывавшаго на враждебное къ чужеземцамъ настроеніе нѣсколькихъ тысячъ ламъ въ городѣ, Р., не заходя туда,

какъ сдѣлали уже Боуеръ и Бонвало, переправился черезъ рѣку по мосту Гжябо замба и прошелъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ города къ перевозу на р. Ом чу (Нам чу Боуера)[1]. Населеніе по Ом чу поразило Р. своимъ высокимъ ростомъ[2] (мужчины 5 ф. 10 д. и 6 ф. 2 д.).

2 сентября Р., пройдя Гу-лунъ шань, или «Просверленныя горы», вступилъ на территорію Чамдун-Драя[3], подобно Чамдо—церковный удѣлъ управляемый іерархомъ—«живымъ Буддою» секты гелюкба съ титуломъ Чяб-гонъ римпоче Ле-пе-ше-раб, живущимъ въ 2 дняхъ пути отъ Драя.

Городъ построенъ на отлогомъ склонѣ и обращенъ на ЮВ. Верхняя его часть занята большимъ монастыремъ (600—800 монаховъ)—Гунъ-т'ок гомба; ниже послѣдняго разстилается смѣшанная масса выбѣленныхъ домовъ, въ которыхъ скученно живутъ 150 тибетскихъ (до 1000 душъ) и 30—40 китайскихъ семей (180 душъ)[4]. По окраинѣ нижняго города большое зданіе—дворецъ хутукты Джамба труку. Въ самомъ низу около рѣки двѣ большихъ рощи тополей; въ общемъ Драя весьма живописное мѣсто[5]. Вся долина вокругъ Драя хорошо воздѣлана, около города сходятся 4 рѣки, въ томъ числѣ Ом-чу (Меконгъ).

Торговля Драя ничтожна: нѣкоторое количество мускуса и мѣховъ (главнымъ образомъ шкуры леопарда). Округъ ничего не производитъ, кромѣ ячменя и пшеницы (впрочемъ, много меду[6]), и даже купецъ лао-шань не сумѣлъ бы снискать себѣ здѣсь пропитаніе. Рокгилъ не могъ купить въ городѣ даже котла, войлочной шляпы и пары сапогъ[7].

Населеніе Драя болѣе низкаго роста, чѣмъ въ Чамдо; самый высокій мужчина имѣлъ 5 ф. 10 д.

Ниже Драя долина Ом-чу часто посѣщается разбойниками (чакба), свившими гнѣздо 150 лѣтъ тому назадъ въ мѣстности Сангань, выше Батана и въ 5 дняхъ пути отъ

Ом чу. Свои операціи они ведутъ главнымъ образомъ по большой оффиціальной дорогѣ, обороняемой китайскими караулами, которые ничего не предпринимаютъ противъ нихъ, такъ какъ на бумагѣ чакба были истреблены китайскимъ войскомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ[1]. 8 сентября Р. вступилъ въ Марк'ам, или нижній К'ам, принадлежащій Лхасѣ съ Гар-т'ок (Цзянъ-ка по китайски) въ качествѣ главнаго города (Яр-мар или яра-мара хорошо извѣстное тибетское обозначеніе для «верхняго» и «нижняго»; на европейскихъ картахъ имя области пишется различно: Мерлам, Меркам и Маркам). Здѣсь Р. встрѣтилъ у населенія впервые домашнюю птицу. Долина Ом-чу лежала въ немногихъ миляхъ на западъ отъ маршрута Рокгиля, за горами. По разсказамъ, она широка, густо населена и представляетъ богатую страну ропъ-ва (земледѣльческую); въ ней растутъ дикіе персики[2].

Гарт'ок въ долинѣ Шэчу имѣетъ тибетское населеніе въ 200 семей (900 человѣкъ); три китайскія фирмы изъ Шэньси, двѣ—три изъ Сычуани и Юньнани ведутъ небольшія дѣла мускусомъ, единственнымъ цѣннымъ предметомъ вывоза въ Китай. Въ городѣ стоитъ китайскій гарнизонъ—140 солдатъ подъ командою шоу-бэй; изъ числа ихъ наряжаются караульные посты по дорогѣ отсюда вплоть до территоріи Батана.

Въ городѣ живетъ деба, присылаемый изъ Лхасы: имѣется монастырь съ 200—300 монахами (гелюкба). Въ городѣ французскіе миссіонеры имѣли станцію въ 1861 и 1862 г.г., послѣ чего перешли въ Бонга далѣе на югъ[3]).

Въ области Гарто'к растутъ капуста, рѣпа, пшеница, ячмень и овесъ; свиньи, птица, кошки и китайскія собаки обычны. Фрукты—виноградъ, персики и абрикосы, очень низкаго качества, привозятся вдоль Дре-чу изъ Ропъ-мä (нижней страны) въ 2—3 дняхъ пути на ЮЮЗ.[4]

Долина Шэчу ниже Гарт'ок одна изъ лучшихъ въ Ти-

бетѣ по плодородію, но къ несчастью для населенія по ней проходитъ большая дорога, и выполненіе дорожной повинности ложится тяжелымъ бременемъ на немногочисленныя селенія, такъ какъ, жители, какъ вообще это случается въ Тибетѣ, предпочитаетъ селиться въ сторонѣ хотя и въ болѣе бѣдной мѣстности[1].

13 сентября Рокгилъ пересѣкъ на перевалѣ Бам-ла границу между Марк'ам, или дева жунъ и Батанъ, или Гжя де, какъ выражаются мѣстные жители. Граница установлена соединенной тибетской и китайской компссіей въ 1726 г. Одежда женщинъ пограничной полосы значительно отличалась отъ женскаго наряда далѣе на З., именно, женщины имѣли юбки изъ полосатаго було, гань-цзянь и сверху широкое платье до колѣнъ. Волосы онѣ носили въ одну косу съ кистью на концѣ; изъ украшеній Рокгилъ видѣлъ только серьги батанскаго образца и кольца на пальцахъ. Мужчины по костюму не отличались отъ восточныхъ тибетцевъ.

15 сентября Рокгилъ переправился на паромѣ черезъ Дгечу въ пунктѣ называемомъ Цабо-ч'ука и въ тотъ же день вступилъ въ долину рѣки Батанъ, или Ба-чунъ ч'у, а къ вечеру достигъ города Батанъ, гдѣ закончилъ съемку, начатую въ Калганѣ, послѣ 3,400 миль пути, такъ какъ дорога отъ Батана далѣе въ предѣлы собственной Сычуани была снята съ большой точностію Джилемъ.

Во время путешествія изъ Батана въ Да-цзянь лу по дорогѣ, которую до него посѣтило и описало не мало европейскихъ путешественниковъ, Рокгилъ останавливалъ вниманіе на тѣхъ предметахъ, которые ускользнули отъ зоркихъ взоровъ его предшественниковъ, благодаря чему онъ сумѣлъ сообщить на страницахъ 348—367 дневника, посвященныхъ этой конечной части путешествія, рядъ любопытныхъ этнографическихъ и историко-географическихъ подробностей. Дневникъ

заканчивается на прибытіи путешественника въ Я-чжоу фу. 5 октября 1892 Рокгиль достигъ Шанхая, ровно 11 мѣсяцевъ послѣ того, какъ покинулъ городъ.

Во время путешествія въ предѣлахъ южной Монголіи Ганьсу и Тибета Рокгиль снялъ на карту 3.117 миль и на протяженіи географически важнѣйшей части пути пересѣкъ 69 перевааловъ, всѣ выше 14.500 ф. Въ 100 пунктахъ были произведены измѣренія долготы съ помощью секстанта, помимо того собрана коллекція изъ 300—400 этнологическихъ предметовъ[1] и ботаническихъ и геологическихъ образцовъ.

Вышеназванный дневникъ этого путешествія Рокгиля содержитъ богатый матеріалъ для расширенія европейскаго знакомства съ Тибетомъ: какъ и въ «The Land of the Lamas», многочисленныя толкованія устанавливаютъ правильное начертаніе тибетскихъ собственныхъ названій. Знакомство съ европейской литературою путешествій по Тибету и туземными описаніями даетъ Рокгилю возможность указывать маршруты другихъ путешественниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе совпадали съ его собственнымъ; съ этой точки зрѣнія важны подстрочныя примѣчанія, заключающія обширный сравнительный матеріалъ изъ европейскихъ источниковъ. Въ области физической географіи Рокгиль обладалъ меньшей освѣдомленностью и потому изъ его словъ не всегда можно составить ясное представленіе о горномъ построеніи пройденной мѣстности.

Въ предисловіи къ книгѣ-дневнику дается сжатый, но весьма полный обзоръ путешествій по Тибету. Остальная часть книги излагаетъ, въ формѣ ежедневныхъ записей, простымъ дѣловымъ языкомъ личныя наблюденія и впечатлѣнія автора во время пути, словомъ несистематизированный сырой матеріалъ изслѣдованія [2]). Иллюстраціи даютъ не столько ви-

ды ландшафта, какъ воспроизведеніе различныхъ предметовъ этнографической коллекціи автора.

На ряду съ перечисленными строгонаучными и хорошо организованными экспедиціями надлежитъ упомянуть[1] объ одномъ путешествіи внутрь Тибета, правда, не имѣвшемъ серіознаго значенія съ географической и вообще съ научной точки зрѣнія, но представлявшемъ особый интересъ, во-первыхъ, потому, что единственной участницей его была женщина, первая европейская женщина, вступившая въ собственный Тибетъ; во-вторыхъ, потому, что маршрутъ его прошелъ по мѣстностямъ, еще не посѣщеннымъ никѣмъ изъ европейцевъ и въ-третьихъ, потому, что судя по ея разсказу, отважной путешественницѣ удалось проникнуть дальше всѣхъ предшественниковъ къ запрещенной столицѣ (на разстояніе трехъ дней пути; въ дѣйствительности же Нагчука, конечный пунктъ путешествія, отстоитъ отъ Лхасы на 12 дней пути). Это замѣчательное путешествіе одинокой и слабой женщины, съ ея четырьмя китайскими и тибетскими слугами,—побуждаемой единственно религіознымъ рвеніемъ—стремленіемъ распространить слово Божіе въ закрытой для него странѣ, несомнѣнно, принесло бы соотвѣтствующую пользу и для науки, въ частности географической, о Тибетѣ, если бъ выполнительница его, Анни Тэйлоръ (A. R. Taylor) обладала достаточной научною подготовкою, или по крайней мѣрѣ, болѣе значительной долею наблюдательности по отношенію къ физическому характеру пройденной мѣстности; но такъ какъ при всемъ уваженіи къ ея подвигу нельзя признать въ миссъ Тэйлоръ большого образованія, а всякая способность наблюденія была притуплена въ ней трудностями и чрезвычайными лишеніями въ пути, то путешествіе Тэйлоръ имѣетъ лишь весьма ничтожную цѣнность для географической науки. Только краткія замѣтки насчетъ встрѣченныхъ по дорогѣ обитателей

(племени голокъ въ Амдо, жителей окрестностей Лхасы) касательно чайной торговли между Тибетомъ и Китаемъ и случайныя, почти мимолетныя указанія на характеръ посѣщенной страны даютъ нѣсколько болѣе осязательныхъ фактовъ географу, который, однако, не можетъ отказать въ справедливой дани удивленія или уваженія отважной женщинѣ, почерпавшей бодрость и силу духа, среди окружавшихъ ее лишеній и опасностей, единственно въ непоколебимой вѣрѣ въ святость предпринятаго дѣла. Несомнѣнно, что полъ и знаніе языка послужили бъ миссъ Тэйлоръ достаточнымъ прикрытіемъ и позволили бъ ей даже вступить въ Лхасу, еслибъ съ самаго начала путешествія ее не окружало предательство тибетскаго слуги и проводника.

Путешествіе Тэйлоръ послужило ближайшимъ поводомъ къ изданію двухъ книгъ: Pioneering in Tibet, London 1898. 78 стр., составленной самой путешественницей, и Carey. Travel and adventures in Tibet, London 1902. 285 стр. [1] Въ описаніи путешествія Тэйлоръ наиболѣе способенъ возбудить вниманіе фактъ, съ какими ничтожными средствами отправилась въ опасное предпріятіе беззащитная женщина и какъ несложно было ея снаряженіе. Ея спутниками было трое китайцевъ или вѣрнѣе тибето-китайцевъ и двое тибетцевъ, мужъ и жена. Одинъ изъ китайцевъ умеръ по дорогѣ, другой вернулся съ полпути: тибетецъ же явился источникомъ всѣхъ бѣдъ, выпавшихъ на долю Тэйлоръ: сперва обокралъ ее, потомъ покушался на ея жизнь, наконецъ, предалъ тибетскимъ властямъ. Караванъ Тэйлоръ насчитывалъ 10 лошадей; ея багажъ состоялъ изъ двухъ палатокъ, провизіи на 2 мѣсяца, походной кровати, ящика съ подарками для тибетскихъ старшинъ, небольшого числа кухонныхъ принадлежностей и весьма скуднаго гардероба; финансовая часть была представлена немногими ланами серебра и китайскими бумажными

тканями. Если мы сравнимъ съ этимъ коротенькимъ спискомъ сложное и дорого стоющее снаряженіе другихъ экспедицій по Тибету, требовавшее себѣ десятковъ вьючныхъ животныхъ и многочисленнаго персонала слугъ и погонщиковъ и значительное число участниковъ, хорошо вооруженныхъ и готовыхъ ко всѣмъ случайностямъ, то подвигъ Тэйлоръ еще болѣе возвысится даже въ безпристрастныхъ глазахъ, ибо несмотря на всю разницу въ снаряженіи и личную неподготовленность къ подобнымъ суровымъ путешествіямъ, Тэйлоръ не только поборола всѣ трудности, останавливавшія не разъ самыхъ закаленныхъ путешественниковъ, но и опередила на своемъ пути всѣхъ предшественниковъ со временъ Гюка и тѣхъ, которые явились слѣдомъ за ней, за однимъ лишь исключеніемъ (де Рэнсъ и Гренаръ), достигнувъ Нагч'ука, гдѣ не былъ ни Пржевальскій, ни Рокгилъ. Путешествіе Тэйлоръ представляетъ одну изъ любопытныхъ страницъ въ исторіи попытокъ къ достиженію Лхасы по своему единичному характеру: маршрутъ ея также отличался отъ маршрутовъ другихъ изслѣдователей въ первой своей части.

2 сентября 1892 г. миссъ Тэйлоръ отправилась въ путь изъ Таочжоу фу (въ Ганьсу,) гдѣ оставалась болѣе года совершенно отрѣзанной отъ остальнаго свѣта и другихъ собратьевъ миссіонеровъ въ Китаѣ, черезъ Амдо, Желтую рѣку, внутренній изгибъ верхняго теченія послѣдней (страну голоковъ), южный край Цайдама [1], Дре-чу, Чжѣкундо (у Тэйлоръ Кегу), затѣмъ въ юго-западномъ направленіи черезъ княжество хорпа черезъ верховья Чамдо ч'у (Меконгъ), по неизвѣстному до тѣхъ поръ и рѣдко посѣщаемому пути поперекъ лабиринта огромныхъ горныхъ ущелій и цѣпей къ Сок гомба, гдѣ Тэйлоръ пересѣкла путь Боуера (только послѣдній направился отсюда на Ю. В., тогда какъ Тэйлоръ двигалась на Ю. З.). Переправившись через Ур чу и Бо чу,

притоки верхняго Сальвина, путешественница прибыла послѣ чрезвычайныхъ лишеній, съ которыми обычно сопряжено путешествіе по Тибету глубокой зимою, въ Нагч'ука, подвластный лхаскому правительству. Здѣсь по доносу слуги—тибетца, затѣмъ скрывшагося, миссъ Тэйлоръ была задержана тибетскими властями, которыя, однако, обошлись съ нею мягко и даже сердечно, дали лошадей взамѣнъ украденныхъ или павшихъ и отправили прежнимъ маршрутомъ въ Чжѣкундо. Отсюда въ апрѣлѣ 1893 г. миссъ Тэйлоръ добралась обычнымъ путемъ въ Да-цзянь лу. Путешествіе черезъ Тибетъ было предпринято миссъ Тэйлоръ отчасти въ надеждѣ добраться до Дарджилина сухимъ путемъ. Послѣ крушенія предпріятія она избрала для этой цѣли болѣе удобный путь моремъ и открыла въ Дарджилинѣ (а затѣмъ въ Ятупъ) складъ книгъ религіознаго содержанія въ духѣ протестантства на тибетскомъ языкѣ; основанное же по ея иниціативѣ общество „Тибетская піонерная миссія“, къ которой принадлежалъ и издатель ея дневника Кэри, приступила, къ дѣятельной, не слишкомъ, однако, успѣшной, пропагандѣ съ помощью живого слова.[1]

Въ 1891 г. 19 февраля выѣхалъ изъ Парижа въ памятную экспедицію по Центральной Азіи и Тибету[2] Дютрейль дэ Рэнсъ со своимъ спутникомъ Гренаромъ. Де Рэнсъ былъ отлично подготовленъ къ выполненію принятой задачи, такъ какъ посвятилъ раньше нѣсколько лѣтъ на тщательное ознакомленіе съ той самой областью, которую затронула его экспедиція, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ европейцами и китайцами по изслѣдованію Центральной Азіи и Тибету. Результатомъ этой многолѣтней усидчивой и кропотливой работы явилось объемистое (620 стр.) сочиненіе «L'Asie Centrale (Thibet et régions limitrophes)» 1889 г., съ атласомъ изъ 14 листовъ, гдѣ Тибетъ разбирается съ карто-

графической точки зрѣнія[1]). Можно находить погрѣшности и не мало ихъ въ этомъ сочиненіи и отрицать научную достовѣрность многихъ выводовъ автора, какъ дѣлаетъ вполнѣ справедливо Георгъ Вегенеръ[2]; но нельзя не цѣнить его замѣчательной начитанности и трудолюбія и не видѣть въ его монографіи благодаря приведенному въ ней обширному библіографическому перечню превосходное руководство и справочную книгу для оріентированія въ массѣ источниковъ и содержащихся въ нихъ топографическихъ матеріаловъ. Въ этомъ фактѣ заключается главное значеніе кропотливаго труда де Рэнса и извиненіе поспѣшнымъ и неосновательнымъ выводамъ и недостаткамъ принятаго имъ метода анализа матеріаловъ (исчисленіе разстояній съ помощью китайскихъ ли, указываемыхъ въ китайскихъ маршрутахъ)[3]. Такимъ образомъ де Рэнсъ, отправляясь въ Тибетъ, могъ лучше, чѣмъ кто-либо, судить о пробѣлахъ географическаго изслѣдованія Тибета и о наиболѣе цѣлесообразныхъ способахъ ихъ заполненія. И дѣйствительно трехлѣтнее путешествіе по Тибету и сопредѣльныхъ областяхъ, стоившее ему жизни, показало, что онъ былъ человѣкомъ не только кабинетнаго изслѣдованія и теоріи, но и практики. Съ другой стороны онъ былъ счастливъ найти въ Гренарѣ талантливаго спутника и умѣлаго выполнителя выпавшей на его долю ученой обработки матеріаловъ экспедиціи.[4] Его трехтомный трудъ «Mission Scientifique dans la haute Asie» 1890—1895 (Paris 1897—8) соорудилъ бывшему начальнику экспедиціи лучшій и самый прочный памятникъ въ наукѣ тибетовѣдѣнія, въ частности въ исторіи географическаго изслѣдованія Тибета.

7 іюля 1891 г. экспедиція достигла Хотана черезъ русскія средне-азіатскія владѣнія, Кашгаръ и Яркендъ. Въ Хотанѣ была основана главная квартира и база для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ ближайшей части тибетскаго на—

горья съ цѣлью отысканія прямого торговаго пути изъ Хотана въ Тибетъ (въ Лхасу) и Китай, о которомъ де Рэнсъ нашелъ указанія въ китайскихъ источникахъ[1]. 3 августа была предпринята первая развѣдка въ области Куэнь-луня и сѣверо-западнаго угла тибетскаго нагорья вокругъ истоковъ р. Кэрія; развѣдка не дала положительныхъ результатовъ въ смыслѣ отысканія искомаго пути.[2] Въ іюнѣ слѣдующаго (1892) года экспедиція предприняла первое серіозное путешествіе по Тибету: переваливъ на югъ отъ Полу Устын таг, или задній хребетъ Куэнь луня на высотѣ 5,500 м., она достигла по маршруту Кэри, только въ обратномъ направленіи, Сум-чжи цо. Дальнѣйшее движеніе внутри тибетскаго нагорья оказалось немыслимымъ за потерею вслѣдствіе безкормицы большей части вьючныхъ животныхъ; поэтому экспедиція свернула на западъ и черезъ Ешил кул вышла въ Ладак (Тангъ-цзе, Ле) и вернулась затѣмъ въ Хотан черезъ Каракорум.[3]

Въ маѣ 1893 г. экспедиція окончательно простилась съ Хотаномъ и, въ сопровожденіи большого каравана лошадей и верблюдовъ, достигла Черчен, откуда въ началѣ сентября поднялась въ южномъ направленіи до истоковъ Кара мурен внутри расширяющейся въ этомъ мѣстѣ горной страны Куэнь-луня. Хотя Пѣвцовъ считалъ Акка таг—послѣднюю, какъ тогда полагали, цѣпь Куэнь-луня, замыкающую всю систему съ юга со стороны тибетскаго нагорья,—непроходимымъ въ данномъ пунктѣ, однако, экспедиціи удалось, правда, съ крайними усиліями, перевалить съ верблюдами черезъ хребетъ на высотѣ 5550 метровъ.[4] На югъ отъ Акка тага слѣдовало нѣсколько другихъ цѣпей аналогичнаго характера: всѣ они были пройдены путешественниками съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ Акка таг. Отъ послѣдней изъ названныхъ цѣпей экспедиція двигалась безостановочно на югъ въ

теченіе 56 дней, на высотѣ 5—6 тысячъ метровъ, градусовъ на $2^1/_2$ долготы западнѣе маршрута Бонвало 1890 г., встрѣтивъ на пути до 20 большихъ озеръ[1]. 3 ноября она повернула подъ 3?° на В.Ю.В. изъ ясно выраженной долины, изобиловавшей дичью и дикими лошадьми, и четыре дня спустя встрѣтила въ Т'ок Дауракпа первыя человѣческія существа въ лицѣ кочевыхъ тибетцевъ (докпа)[2] и очутилась подъ бдительнымъ надзоромъ мѣстнымъ властей[3]. Вступивъ на маршрутъ Боуера и обогнувъ съ сѣвера озера Чаргут[4] и Гжяринъ[5], экспедиція прибыла ускоренными переходами и въ прежнемъ направленіи В.Ю.В.[6] 30 ноября, или три мѣсяца спустя по выступленіи изъ Черчен, къ берегамъ Тенгри нор, посѣщеннымъ до нихъ только двумя европейцами, тоже французами[7]. Отсюда до Лхасы считается только шесть легкихъ переходовъ; однако, окружающая страна благодаря наступившему зимнему времени оставалась по прежнему непривѣтливой и суровой. На берегахъ Тенгри нора экспедиція остановилась въ ожиданіи прибытія уполномоченныхъ отъ деважунъ (Лхаскаго, буквально—центральнаго правительства), которые категорически воспретили ей приближаться къ столицѣ и требовали обратнаго возвращенія прежнимъ путемъ. Однако, послѣ долгихъ переговоровъ[8], было рѣшено, что экспедиція направится въ Нагч'у и здѣсь изберетъ для своего возвращенія изъ Тибета сѣверный и наиболѣе дальній путь монгольскихъ паломниковъ въ Сининъ-фу, которымъ слѣдовала уже миссъ Тэйлоръ, не производившая, впрочемъ, съемки; по этой малоизслѣдованной дорогѣ де Рэнсъ надѣялся собрать точныя свѣдѣнія относительно гидрографическихъ условій сѣверо-восточнаго Тибета. Для слѣдованія въ Нагч'у отъ Тэнгри нора экспедиція раздѣлилась на двѣ партіи: де Рэнсъ направился туда прямымъ путемъ, а Гренаръ избралъ маршрутъ Бонвало черезъ Дам, на Ю.В. отъ восточной оконечности цѣпи Нойдзин (Нинченъ)

Танъ-ла, въ 100 миляхъ на С. отъ Лхасы и Дам Ларканъ ла. 27 января 1894 г. оба путешественника были въ Нагч'у.[1]

Пополнивъ караванъ свѣжими вьючными животными, большей частью яками, какъ болѣе надежными для слѣдованія по глубокому снѣгу[2], экспедиція вышла изъ Наг ч'у 7 марта. Путь лежалъ по совершенно неизслѣдованной[3] и труднопроходимой[4] странѣ, населенной рѣдкими обитателями —приверженцами религіи бон.[5] Черезъ рядъ утомительныхъ переваловъ, засыпаныхъ глубокимъ снѣгомъ, въ которомъ гибли послѣдніе верблюды экспедиціи,[6] де Рэнсъ достигъ истоковъ Тао чу, или наиболѣе южнаго притока верхняго Янъ-цзы[7], на территоріи дунъ-ба, преданныхъ сторонниковъ ламаизма[8]. На противоположной сторонѣ перевала Дзанаг-лунъ-муг, пройденнаго 8 апрѣля, экспедиція встрѣтила (на его восточной сторонѣ) рѣку, признанную ею за наиболѣе западный истокъ Меконга[9]. Подобное важное открытіе заставило путешественниковъ забыть всѣ перенесенныя страданія и съ бодрымъ духомъ продолжать дальнѣйшій путь, готовившій имъ великую бѣду. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и истощеніе вьючныхъ животныхъ[10] принудили де Рэнса пріостановить на время поиски прямой дороги въ Си-нинъ фу и направиться въ Джѣкундо для пополненія припасовъ и караванныхъ животныхъ. Прослѣдивъ теченіе Лунъ-муг ч'у до соединенія ея съ главной рѣкою,—Дза чу, экспедиція 16 апрѣля достигла монастыря Ташигомба въ 15 дняхъ пути отъ Джѣкундо, послѣ чего пять дней было посвящено изслѣдованію Нурдонъ ч'у, другого притока Дза ч'у[11], вплоть до границы бассейна Дзачу, или Меконга.

2 мая экспедиція выступила въ путь къ Джѣкундо, встрѣтила по дорогѣ Дзэ ч'у, или новый притокъ Дза ч'у и по перевалу По-ро-ка ла спустилась въ бассейнъ Янъ-цзы, представленный здѣсь Дочу[12]; 22 мая она была въ Джѣкундо[13], гдѣ

путешественниковъ ожидалъ весьма недружелюбный пріемъ, такъ какъ населеніе и ламы относились къ нимъ съ нескрываемой враждебностью[1], а китайскій представитель,—тунъши[2], старался поскорѣе отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей. Изъ Джѣкундо въ Си-нинъ ведутъ четыре дороги[3], изъ которыхъ экспедиція выбрала третью, или кратчайшую (480 миль).

1 іюня оба путешественника вышли изъ Джѣкундо на сѣверъ безъ проводника, что послужило ближайшей причиною гибели де Рэнса. Проливной дождь, уничтоживъ всѣ слѣды дороги, заставилъ экспедицію заблудиться среди дикой мѣстности и крайне враждебнаго населенія, не скрывавшаго своего озлобленія. 4 іюня 1894 г. въ мѣстности Т'ом Бумдо, на Денъ-чу, притокъ До чу, караванъ подвергся предательскому нападенію туземцевъ[4]. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ де Рэнсъ получилъ смертельную рану и вскорѣ скончался, а трупъ его былъ брошенъ въ Дочу; Гренаръ же скрылся отъ погони въ монастыри Лабуг гомба, у китайскаго чиновника, и съ помощью послѣдняго безпрепятственно добрался черезъ Кукунор до Си-нинъ фу[5] 15 іюля 1894 г., гдѣ китайскій амбань немедленно принялъ всѣ мѣры къ наказанію зачинщиковъ нападенія и возврату захваченнаго багажа экспедиціи: дневниковъ, коллекцій, инструментовъ и т. д., такъ что послѣдняя не осталась безъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, съ научной точки зрѣнія. Важнѣйшимъ географическимъ результатомъ путешествія де Рэнса и Гренара былъ новый свѣтъ, пролитый на физіографію возвышенной озерной области сѣвернаго Тибета, такъ какъ ихъ путь прошелъ приблизительно параллельно путямъ Бонвало и Дитильдэля. Они же дали первую полную географическую характеристику мѣстности непосредственно на С. В. отъ Тэнгринора[6]. Важность работы, совершенной де Рэнсомъ и Гренаромъ, измѣряется осязательно изъ того факта, что

изъ общаго пути 8700 кил. ими было снято на карту свыше 6000 кил.; въ томъ числѣ 4,000 километровъ прошли черезъ совершенно невзслѣдованныя мѣстности. Кромѣ того было произведено нѣсколько тысячъ астрономическихъ широтныхъ и долготныхъ опредѣленій и измѣреній высотъ; болѣе 3 лѣтъ велись регулярныя метеорологическія наблюденія. Къ числу прочихъ матеріаловъ экспедиціи относятся: 1000 фотографическихъ снимковъ, и значительныя коллекціи: геологическая, зоологическая, ботаническая и этнологическая. Обработкою матеріаловъ занялся Гренаръ, который въ 1897 г. напечаталъ указанное выше сочиненіе [1]. Это лучшее описаніе французскаго автора изъ числа выходившихъ за послѣдніе годы для Центральной Азіи и Тибета, гдѣ наряду съ картиннымъ изложеніемъ хода экспедиціи даются цѣнныя указанія и характеристики физическаго строенія мѣстности и жизни обитателей. При описаніи хода путешествія Гренаръ относится къ своему бывшему начальнику съ полнымъ безпристрастіемъ, давая понять въ высшей мѣрѣ его энергію и глубокія знанія[2], но также и неосторожное обращеніе съ туземцами. Въ противоположность Гедину, который умѣлъ пріобрѣтать симпатіи мѣстнаго населенія и которому оно служило охотно и усердно, Дютрейль де Рэнсъ своей рѣзкостью и взыскательностью вооружалъ противъ себя слугъ и всѣхъ мѣстныхъ жителей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, что объясняетъ до извѣстной степени его преждевременную гибель—несомнѣнно тяжелую потерю для науки[3].

Сочиненіе «Mission scientifique dans haute Asie» распадается на три части, каждая въ одномъ томѣ: первая описываетъ маршрутъ экспедиціи, наглядно изображаемый съ помощью многочисленныхъ фотографій[3]; вторая очень подробно рисуетъ населяющія пройденныя мѣстности народности, въ частности тибетцевъ, въ историческомъ, этнологическомъ,

антропологическомъ, соціальномъ, торговомъ и политическомъ отношеніяхъ[1]; третья часть содержитъ матеріалы для исторіи (народныя преданія), языкознанія и археологіи, правда, лишь для тюрковъ бассейна Тарима; въ особомъ отдѣлѣ разбирается орографія и гидрографія Центральной Азіи [2]). Въ приложеніяхъ помѣщены: подробная монографія относительно древнихъ и новыхъ путей сообщенія[3]; таблицы географическихъ положеній различныхъ пунктовъ по пути экспедиціи и гипсометрическихъ наблюденій за время съ 13 мая 1898 по 10 ноября 1894 между Ошемъ и Си-ань-фу; перечень собранныхъ птицъ и растеній, обработанный Франше; важная геологическая замѣтка St. Meunier[4], составленная на основаніи геологическихъ образцовъ экспедиціи. Важнѣйшимъ же и полезнѣйшимъ приложеніемъ къ сочиненію являются: общая карта Центральной Азіи въ масштабѣ 1:4,000,000, сводка всѣхъ картографическихъ данныхъ для Центральной Азіи и главное Тибета, съ обозначеніемъ всѣхъ важнѣйшихъ маршрутовъ другихъ путешественниковъ, и 25 спеціальныхъ картъ весьма отчетливыхъ, но въ разномъ масштабѣ, что составляетъ серіозное неудобство, для отдѣльныхъ мѣстностей посѣщенныхъ экспедиціей между Хотаномъ и Си-нинъ фу[5]. Эти карты (общая и спеціальныя) вмѣстѣ съ физикогеографическимъ и геологическимъ отдѣлами придаютъ главную цѣнность сочиненію съ географической точки зрѣнія.

Въ общемъ разносторонность и крупныя научныя достоинства труда Гренара дѣлаютъ его важнѣйшимъ сочиненіемъ этого рода касательно Тибета изъ числа тѣхъ, которыя только имѣются въ распоряженіи европейскаго изслѣдователя страны[6]

Участниками двухъ слѣдующихъ по времени экспедицій по Тибету явились англичане, первой—Литтльдэль, мужъ и жена, второй--офицеры Вельби и Малькольмъ. Путешествію

супруговъ Литтльдэль по Тибету въ 1895 г. предшествовали ихъ обширныя скитанія по другимъ областямъ Центральной Азіи въ 1893 г., при чемъ ими былъ найденъ древній путь шелковыхъ каравановъ изъ Китая къ Лобнору вдоль сѣвернаго подножья Алтын-тага.[1] Пройдя въ послѣднемъ (1893) году этотъ путь въ обратномъ къ движенію каравановъ въ эпоху прежней сухопутной торговли между Востокомъ и Западомъ Азіи направленіи, т. е. отъ Лобнора къ Наньшаню; изслѣдовавъ затѣмъ хребетъ Гумбольдта и Риттера, Цайдам (Курлык) и Кукунор и затронувъ попутно части сѣвернаго Тибета, неутомимые путешественники обращаются черезъ полтора года къ внутреннимъ областямъ Тибета и весною 1895 г. предпринимаютъ въ сопровожденіи племянника Флетчера изъ оазиса Черчен путешествіе по этой странѣ, которое привело ихъ ближе всѣхъ предшественниковъ къ Лхасѣ. Выступивъ изъ Черченя 12 апрѣля 1895 г. вверхъ по р. Черчен, т. е. по маршруту экспедиціи Пѣвцова, и преодолѣвъ всѣ препятствія[2], путешественники перевалили 15 мая черезъ Акка таг, послѣ чего оставивъ на востокъ отъ себя цѣпь Кукушили, двигались на ЮЮВ. по совершенной безплодной каменистой мѣстности—плоскимъ долинамъ съ промежуточными горными гребнями[3]. Ихъ маршрутъ шелъ параллельно маршруту Бонвало, но въ 60 миляхъ къ З. отъ него, вплоть до 35°, послѣ чего Литтльдэль, избравъ болѣе прямой путь къ юго-востоку, перешелъ на востокъ отъ пути французскихъ изслѣдователей[4]. Въ теченіе 2 мѣсяцевъ экспедиція двигалась на высотѣ 4700 м. и терпѣла такія лишенія, что изъ 120 вьючныхъ животныхъ (лошадей, ословъ и муловъ), взятыхъ ею на югъ отъ Акка таг, 70 или 80 погибло еще до прибытія къ Тенгри нору, и многія коллекціи были брошены въ пути. Обогнувъ западный берегъ Тенгри нора и вступивъ въ сравнительно плодородныя долины у наиболѣе южной око-

нечности озера, путешественники приблизились на разстояніе 70 миль[1] къ Лхасѣ и только теперь[2] натолкнулись на болѣе упорное сопротивленіе тибетцевъ. Однако, какъ утверждаетъ самъ Литтльдэль, положеніе не казалось настолько угрожающимъ, чтобы остановить его, еслибъ не болѣзнь жены и недостатокъ припасовъ; только эти соображенія побудили его уступить тибетцамъ и повернуть обратно, хотя вопреки ихъ настояніямъ онъ избралъ не прежній маршрутъ, но двинулся прямо на западъ къ Ладаку по дорогѣ, не посѣщенной никѣмъ изъ европейцевъ, за возможнымъ исключеніемъ Дезидери[3]. Экспедиція посѣтила даже Рудок, столь заботливо скрываемый отъ европейскихъ взоровъ, какъ убѣдился впослѣдствіи Дези. Путешествіе Литтльдэля дало цѣнный матеріалъ для топографіи посѣщенной части Тибета, такъ какъ весь его маршрутъ былъ снятъ на карту въ масштабѣ 1:310,800. Краткія свѣдѣнія объ его путешествіи находимъ въ Geographical Journal, (Volume VII 1896)[4].

31 мая 1896 г. два молодыхъ офицера, гусарскій капитанъ Вельби (Wellby) и лейтенантъ Малькольмъ перешли границу Тибета изъ Ладака по Ланак ла, достигли Манъ-цва ц'о и двигались отсюда неуклонно въ восточномъ направленіи (въ случаѣ же невозможности держаться мѣстами въ точности этого направленія они избирали сѣверное предпочтительно передъ южнымъ). Это постоянство направленія объяснялось тѣмъ, что взятые проводники сбѣжали наканунѣ перехода черезъ Ланак ла. Первая часть пути прошла черезъ безплодную лишенную всякой растительности, даже травы, (это объяснялось отчасти и тѣмъ, что время для путешествія было выбрано слишкомъ раннее для Тибета) мѣстность—западный Бжянъ т'анъ со многими солеными озерами, но малымъ количествомъ прѣсной воды. Почти ежедневно въ теченіе

двухъ мѣсяцевъ приходилось копать землю на глубину нѣсколькихъ футовъ въ поискахъ за водою.

Въ общихъ чертахъ маршрутъ Вельби пролегалъ вдоль широкихъ открытыхъ долинъ до 16 000 ф. вышиною, переходя каждые 4—5 дней черезъ низкій перевалъ изъ одной долины въ слѣдующую за ней на востокѣ; напротивъ, движеніе на сѣверъ или югъ было сопряжено съ большими трудностями вслѣдствіе замыкающихъ указанныя долины съ этихъ сторонъ горныхъ цѣпей.

Колебанія температуры въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ были чрезвычайны: разница между дневнымъ палящимъ зноемъ и ночными морозами доходила до 70 и разъ до 93° Фар. 2 августа всѣ погонщики и носильщики внезапно бѣжали[1]; къ 11 августа изъ всѣхъ вьючныхъ животныхъ оставалось только три мула. Въ теченіе 4 мѣсяцевъ путешественники не видѣли растенія выше лука и оставались на средней высотѣ 16,000 футовъ; болѣе трехъ мѣсяцевъ не было встрѣчено ни одного человѣческаго существа[2]; питались оба офицера и сопровождавшій ихъ индусъ—топографъ охотою, при неудачѣ почти умирали съ голода. Въ іюнѣ дичь попадалась рѣдко, но въ іюлѣ съ появленіемъ лучшихъ пастбищъ количество ея стало быстро возрастать; въ сентябрѣ съ наступленіемъ дождливаго сезона охота сдѣлалась снова менѣе удачной.

22 іюля путешественники пересѣкли маршрутъ Литтльдэля, отмѣченный фактомъ нахожденія лошадиной ноги съ подковою (такихъ дорожныхъ знаковъ, въ видѣ лошадиныхъ труповъ, какъ заявилъ Литтльдэль въ засѣданіи Лондонскаго Географическаго Общества, когда дѣлался докладъ Вельби, было оставлено имъ не мало далѣе на югъ).

Во второй половинѣ августа путешественники сбились съ пути и блуждали наугадъ, пока не встрѣтили въ сентябрѣ большого каравана, двигавшагося изъ Лхасы на востокъ въ

Танкар и не присоединились къ нему. Въ теченіе этой и большей части своего путешествія офицеры держались между 35 и 36 параллелями. Около 20 сентября, будучи уже на юго-западной окраинѣ Цайдамъ, они отдѣлились отъ каравана, перешли черезъ Шуга гол и по перевалу Наморан кютюл спустились въ Цайдам и черезъ Кукунор достигли 15 октября города Танкар (почти 2000 миль отъ Ле, или 5½ мѣсяцевъ пути). Отсюда г. Ріинхартъ, жившій въ городѣ съ женою, проводилъ ихъ, послѣ посѣщенія Кумбума, черезъ Сининъ фу до Ланьчжоу фу. Спустившись водою по Хуанъ хэ до Бао-тоу и слѣдуя далѣе сухимъ путемъ, оба путешественника вступили 1 декабря въ Пекинъ, шесть мѣсяцевъ спустя по выходѣ изъ Ладака на западную границу Тибета.

Маршрутъ Вельби и Малькольма почти пересѣкъ впервые Тибетъ по всей его наибольшей длинѣ въ предѣлахъ обширнѣйшей неизвѣданной до тѣхъ поръ площади, и уже въ этомъ фактѣ заключается ихъ заслуга передъ географіей. Однако, помимо этой цѣнной съ картографической точки зрѣнія маршрутной линіи[1], настоящее путешествіе не дало почти никакихъ свѣдѣній для знакомства съ физической картиною пройденной его участниками на разстояніи 20 градусовъ долготы мѣстности, которая послѣ ихъ путешествія не сдѣлалась намъ болѣе извѣстной даже въ своихъ существенныхъ чертахъ, чѣмъ раньше.[2] Подъ 93° они встрѣтили рѣку Чумар (по которой шли 120 миль и которую капитанъ Вельби счелъ за верховье Дречу (Янъ-цзы). На востокъ отъ ея истока они нашли большое прѣсное озеро—23×4 мили среди богатой травянистой растительности; они же установили приблизительное направленіе двухъ длинныхъ цѣпей на югъ отъ Акка тага и далѣе на западъ отъ него. Какъ видно изъ разсказа и маршрутной карты, начиная съ пункта въ разстояніи 120 миль на востокъ отъ Ланак ла и далѣе на востокъ, двѣ огромныя снѣжныя цѣпи неизмѣнно

сопровождали маршрутъ Вельби параллельно ему на сѣверѣ и югѣ; сѣверная цѣпь въ особенности казалась внушительной. Съ береговъ Чу-мар путешественники видѣли въ 20 или 30 миляхъ на сѣверъ нѣсколько величественныхъ пиковъ[1], но никакихъ другихъ подробныхъ указаній на характеръ страны, направленіе горныхъ цѣпей и водныхъ теченій нельзя извлечь изъ описанія этого путешествія подъ заглавіемъ: Wellby, «Through unknown Tibet», 1898, 440 стр.[2]

Майоръ Дези (Deasy), вмѣстѣ съ А. Пайкъ (A. Pike) въ періодъ 1896—1899 гг. производилъ обширныя тріангуляціонныя работы въ сѣверо-западномъ Тибетѣ и югозападномъ углу бассейна Тарима отъ Памира до Хотана. Въ 1896 г. онъ снялъ на карту мѣстность отъ Ле черезъ Ланак ла мимо Манъ-цва ц'о, Хорпа ц'о (Гурмеп ц'о) до Ешил кул, затѣмъ спустился на югъ между 82 и 83° в. д. по крайне изсѣченной мѣстности съ весьма скуднымъ кормомъ для скота, при томъ испытывая большой недостатокъ въ питьевой водѣ; по пути онъ измѣрилъ пики на западномъ берегу Ару ц'о, озера впервые указаннаго вмѣстѣ съ Чарол ц'о Боуеромъ на сѣверъ отъ главной озерной цѣпи. Подъ 32° 35, с. ш. и 82° 40' в. д. Дези былъ остановленъ тибетцами, не разрѣшившими ему подойти къ Рудоку[3], и вернулся въ Ле мимо южнаго берега Чарол ц'о и Кезе ц'а к'а черезъ округъ Рундор и перевалъ Напо, снявъ на карту на общей сложности 24,000 кв. мили и измѣривъ высоту 79 пиковъ[4]. Въ 1897-8 гг. Дези посѣтилъ Раскем дарью и юго западный уголъ Восточнаго Туркестана и, послѣ отказа китайскихъ властей въ Полу пропустить его черезъ Аксай чин въ Ладакъ, ограничился изслѣдованіемъ въ западномъ Куэньлунѣ истоковъ Хотан дарьи, которые нашелъ подъ 35° 35' и 81° 40° в. д., и Керіи дарьи, на югъ отъ первыхъ,[5] и связалъ

у озера Ешил кул съемки Западнаго Тибета и Восточнаго Туркестана.[1]

Въ 1898 г. голландскій миссіонеръ Рійнхартъ (Rijnhart) съ женою, проживвшій передъ тѣмъ 3½ года въ Танкарѣ и въ совершенствѣ изучившій сѣверо-восточное тибетское нарѣчіе, прошелъ черезъ Барун въ Цайдамѣ и горы Амне мачин въ юго-западномъ направленіи до береговъ Дза ч'у, или Меконга, коснувшись рѣки въ пунктѣ, отстоявшемъ на 220 миляхъ на ВСВ. отъ Лхасы и 60 миль на СЗ. отъ Чамдо.

Недостатокъ припасовъ и незнаніе дороги довели путешественниковъ до критическаго положенія въ глухой мѣстности, при томъ въ снѣжную мятель. Самъ Рійнхартъ отправился разыскать жилье, но не вернулся, вѣроятно, заблудясь въ непроходимыхъ ущельяхъ, по другому же предположенію, убитый кочевниками. Жена его, съ невѣроятнымъ трудомъ, добралась совсѣмъ одна до Да-цзянь лу, сдѣлавъ путь въ 350 миль и потерявъ своего ребенка, не выдержавшаго лишеній путешествія. Описаніе ея прежней жизни на тибетской границѣ и настоящаго путешествія было издано въ 1902 г. въ Америкѣ подъ заглавіемъ: Dr. Susie Rijnhart, «With the tibetans in tent and temple.»[2]

Во время своего перваго обширнаго путешествія по Центральной Азіи въ 1893—1897 гг. шведскій путешественникъ Свенъ Гединъ коснулся также и сѣверной окраины Тибета и главное Цайдама по маршруту изъ Копа, на юго-западъ отъ Черченя, вплоть до мѣстности между Арка тагомъ, который онъ пересѣкъ по перевалу 17,000 ф. въ нѣсколькихъ миляхъ на В. отъ перевала Литтльделя, и параллельной ему гигантской цѣпью на югѣ, покрытой вѣчно-снѣговыми полями и бѣлоснѣжными вершинами (гора Короля Оскара) — западнымъ продолженіемъ Кукушили. Въ промежуткѣ указанныхъ цѣпей съ запада на востокъ разстилается волнистое

плато, занятое цѣпью котловинъ съ закрытыми водными бассейнами (съ прозрачной, но горькой водой) въ центрѣ и ограниченныхъ на сѣверѣ и югѣ указанными большими цѣпями, а между собою раздѣленными низкими грядами. Такихъ бассейновъ Гединъ насчиталъ на своемъ пути 23. О существованіи ихъ не знаютъ даже китайскія карты. Ландшафтъ крайне пустыненъ, растительность вслѣдствіе возвышенія въ 16,000 ф. скудна; листья растеній близко прилегаютъ къ землѣ для защиты отъ холода и вѣтра. Почва, будучи большей частью обнажена отъ растительнаго покрова, состоитъ, благодаря атмосфернымъ вліяніямъ, изъ мельчайшихъ частицъ и при насыщеніи влагою отъ дождя или росы, становится рыхлой, такъ что вьючное животное проваливается на футъ въ нее и вскорѣ совершенно обезсилѣваетъ. Однако, скудная растительность не мѣшаетъ дикимъ животнымъ--якамъ и хуланамъ—быть крайне многочисленными, какъ убѣдился Гединъ, причемъ наибольшее стадо яковъ доходило до 80, хулановъ до 15 головъ.

По вторичномъ переходѣ черезъ Арка таг на СВ. отъ послѣдняго большого озера въ описанной цѣпи Гединъ прошелъ на область сѣверныхъ истоковъ Янъ-цзы, именно притока его—Напчитай мурен, а отсюда спустился черезъ Цаган-ула и долину Цаган-гола въ Цайдам. Во время пребыванія въ этой области шведскій изслѣдователь прошелъ вдоль ея южной окраины до параллели озера Тосун (прѣсное) и Курлык (соленое), поднялся на сѣверъ къ этимъ озерамъ поперекъ соляной пустыни съ многочисленными болотами и ручьями, въ видѣ которыхъ расходится по Цайдаму главная его рѣка Баян гол; затѣмъ повернулъ снова на востокъ и черезъ Дулан-кит, Бухаин-гол и сѣверный берегъ Кукунора достигъ, съ заходомъ въ Кумбум, города Си-нинъ фу[1].

Въ 1898 г. баденскій профессоръ Футтереръ и д-ръ

Голдереръ, по изслѣдованіи Восточнаго Туркестана и западнаго выступа Ганьсу на сѣверъ отъ Наньшаня, повернули отъ Лянъ-чжоу фу черезъ Пинъ-фань сянь въ Си-нинъ фу и Дангер тинъ (Танкар), откуда съ караваномъ яковъ достигли восточнаго берега Кукунора и прошли вдоль него и затѣмъ южнаго берега озера почти до середины. Двигаясь далѣе въ южномъ направленіи черезъ Южно-кукунорскій хребетъ мимо восточной оконечности озера Далай дабасун вплоть до лежащей на югъ отъ него высокой горной цѣпи (хребетъ Семенова) и свернувъ на востокъ вдоль сѣвернаго подножья послѣдней, экспедиція, по переходѣ черезъ отрогъ этой цѣпи, идущій къ Балекун гоми, достигла приблизительно подъ 100° и 35° 30′ в. ш. Желтой рѣки, черезъ которую переправилась на примитивныхъ плотахъ изъ надутыхъ воздухомъ яковыхъ шкуръ къ сѣверному подножью горъ Чжупар. Такъ какъ движеніе по долинѣ Желтой рѣки оказалось невозможнымъ, то экспедиція сдѣлала обходъ черезъ упомянутыя горы и вышла къ рѣкѣ Баа въ 2 дняхъ пути отъ устья ея впаденія въ Желтую рѣку, напротивъ конечнаго пункта путешествія Пржевальскаго 1880 г. Дальнѣйшее (отъ рѣки Баа) движеніе совершалось въ южномъ направленіи, перпендикулярно къ теченію этой части Хуанъ хэ между 101° и 101° 30' в. д., при чемъ рѣка была достигнута вновь ниже ея поворота (подъ 101° 30' в. д.) съ юго-сѣвернаго на восточное направленіе—на сѣверъ отъ горъ Сары Дангеро. Покинувъ долину Желтой рѣки [1], экспедиція достигла, черезъ весьма гористую мѣстность области Амдо, водораздѣла между водами, идущими на СВ. къ монастырю Лабранъ и къ части Хуанъ хэ между Гуй-дуй тинъ и Ланьчжоу фу (Таохэ и др.) и бассейномъ верхняго теченія этой рѣки (рѣки Баа). Пересѣкнувъ водораздѣлъ, экспедиція вышла къ монастырю Синь-сы въ долинѣ Тао хэ. Отсюда было предположено на лошадяхъ достигнуть колѣна Хуанъ-хэ и

затѣмъ съ караваномъ пробраться въ Сунъ-пань тинъ, но нападеніе тибетцевъ изъ окрестностей Синь-сы заставило экспедицію свернуть къ сѣверу и черезъ Тао-чжоу и Минь-чжоу достигнуть Си-ань-фу. Помимо съемки частью совершенно неизслѣдованной области, лежащей въ сторонѣ отъ обычныхъ европейскихъ маршрутовъ, путешествіе Футтерера и Голдерера дало намъ нѣкоторыя любопытныя этнологическія наблюденія надъ тибетцами области Амдо[1].

Несмотря на достигнутые ими цѣнные результаты, Футтереръ и Голдереръ принадлежали лишь къ разряду тѣхъ многочисленныхъ путешественниковъ, которые за послѣдніе годы направляли шаги въ сторону запрещенной страны и углублялись на большее или меньшее разстояніе внутрь ея окраинной полосы. Хотя каждый изъ нихъ принесъ свою частицу пользы для общаго дѣла изслѣдованія Тибета, все-же нѣтъ надобности, пожалуй, даже возможности, при всемъ уваженіи къ ихъ трудамъ и плодотворности собранныхъ ими географическихъ матеріаловъ, перечислять по порядку всѣ ихъ имена и маршруты. Футтереръ, при всей своей учености, явился по отношенію къ Тибету однимъ изъ указанныхъ случайныхъ изслѣдователей, такъ какъ главная область его изысканій лежала внѣ не только политическихъ, но и географическихъ границъ Тибета. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ въ глазахъ историка развитія европейскаго знакомства съ Тибетомъ второе путешествіе по Тибету упомянутаго уже Свенъ Гедина, составившаго себѣ высокую и заслуженную репутацію первымъ путешествіемъ 1893—97 гг. въ предѣлахъ тѣхъ же областей центральной Азіи.

Какъ изслѣдователь, Гединъ принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей географической науки въ неизслѣдованныхъ областяхъ. Описаніе его второго трехлѣтняго путешествія 1899—1901 гг. [2] относится вмѣстѣ съ

Grenard, «Mission scientifique dans la haute Asie», къ числу лучшихъ описаній этого рода благодаря яркости и образности слога, живости и наглядности изображенія, простотѣ и общедоступности изложенія. Правда, сочиненіе «Central Asia and Tibet» въ 2 томахъ предназначено исключительно для общей публики, а собственно научные результаты обработаны Гединомъ въ рядѣ особыхъ монографій, разсчитанныхъ на спеціалистовъ; все-же даже изъ популярнаго описанія, помимо техническихъ терминовъ и сухихъ таблицъ цифръ, нетрудно убѣдиться въ громадности выполненной Гединомъ задачи и исключительной важности собранныхъ имъ матеріаловъ. Беллетристическая форма изложенія позволяетъ читателю угадать строго научную построенную на точныхъ фактахъ и цифрахъ основу разсказа, облекая въ живыя картины утомительную и однообразную работу топографа и изслѣдователя, рисуя ему Гедина въ его далекихъ странствованіяхъ, наконецъ, знакомя его съ обстановкою, въ которой протекала дѣятельность шведскаго изслѣдователя въ теченіе трехъ лѣтъ, и съ людьми, отъ которыхъ зависѣла судьба его экспедиціи и сохранность его дневниковъ, картъ и коллекцій. Для русскихъ путешествіе Гедина пріобрѣтаетъ особый интересъ въ виду того, что участниками славы и подвиговъ Гедина явились четыре казака, изъ нихъ двое бурятъ, вѣрно служившіе ему съ начала до конца и въ значительной мѣрѣ обезпечившіе успѣхъ его трудовъ. Симпатичной чертою въ характерѣ Гедина является его сердечное отношеніе къ слугамъ и подчиненнымъ; поэтому ни въ одномъ описаніи путешествія эти незамѣтные двигатели успѣха не играютъ такой значительной роли, какъ въ «Central Asia and Tibet». Между прочимъ много страницъ отведено разсказу о преданной и усердной службѣ ему казаковъ; а по возвращеніи въ Россію Techинъ далъ о нихъ военному министру такой лестный отзывъ, что добился для

нихъ награды, о которой едва ли смѣло мечтать ихъ честолюбіе—ордена Анны 4 степени и по 250 рублей, а отъ короля Оскара вдобавокъ золотую медаль. Зато и ни одинъ путешественникъ не сумѣлъ внушить къ себѣ большаго довѣрія и дружбы со стороны туземцевъ, какъ Techнъ, въ чемъ можно убѣдиться почти изъ каждой страницы его книги. Этимъ туземцамъ-слугамъ, вожакамъ верблюдовъ или муловъ, проводникамъ, караванъ-баши (завѣдующимъ караваномъ) —Techнъ былъ обязанъ не малой долею успѣха и, какъ это не рѣдко видѣть въ столь прославленномъ путешественникѣ, онъ самъ сознаетъ и говоритъ то же.

Свое второе путешествіе по Центральной Азіи Techнъ началъ многообѣщающимъ образомъ—изслѣдованіемъ Яркендъ дарьи и р. Тарима на всемъ протяженіи отъ селенія Лайлик почти до впаденія Тарима въ озеро Лоб, продолжилъ замѣчательными открытіями въ области пустыни этого озера и успѣшнымъ разрѣшеніемъ запутанной проблемы объ истинномъ положеніи историческаго Лоб нора, и завершилъ достойнымъ образомъ черезъ изслѣдованіе параллельныхъ цѣпей центральнаго Куэнь-луня, смѣлое движеніе въ сторону Лхасы и нанесеніе на карту сквозного маршрута почти по всей ширинѣ и длинѣ сѣвернаго Тибета отъ Куэнь-луня до Бум цо и отъ послѣдняго до Ладака. Правда, маршрутъ Гедина отъ Тенгри нор до Ладака былъ пройденъ уже Литтльдэлемъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ же направленіи; но сколь различны были путешественники, столь различны оказались и достигнутые результаты. Литтльдэль далъ лишь одну статью въ Geographical Journal, Techнъ уже выпустилъ обширное описаніе съ многочисленными картами, нѣсколько научныхъ статей и закончилъ при содѣйствіи другихъ ученыхъ обработку, отчасти печатаніе собраннаго матеріала для спеціалистовъ.[1]

Изъ общаго числа 28 мѣсяцевъ (16 августа 1899 г.— 13 декабря 1901 г.), проведенныхъ Гединомъ въ областяхъ Центральной Азіи, считая со дня прибытія въ Кашгаръ до перехода черезъ пограничную линію между Тибетомъ и Ладакомъ, тринадцать мѣсяцевъ[1] были посвящены Тибету, причемъ изслѣдованіе Тибета было совершено въ два пріема: въ первый разъ до 34°, во второй—до 31°40′. Обѣ тибетскія экспедиціи прошли на значительномъ протяженіи черезъ мало изслѣдованныя или вовсе неизвѣстныя мѣстности и дали богатый матеріалъ для выясненія ихъ физическаго характера.

Исходною точкою первой экспедиціи послужилъ, послѣ перехода черезъ Астын таг (Алтын таг) отъ Таттлик булак по обычному пути монголовъ изъ Лоб нора въ Цайдам и Лхасу—урочище Темурлик на З. отъ Гас кул въ Цайдамѣ, гдѣ оставалась главная квартира экспедиціи, между тѣмъ, какъ Гединъ съ небольшимъ караваномъ изъ 7 человѣкъ (считая его самаго), 7 верблюдовъ, 11 лошадей, 1 мула и 16 овецъ пересѣкъ хребеть Чамен таг, Колумба (Калта алаган Гедина) и Пржевальскаго (Арка таг) по перевалу въ 16 996 ф., затѣмъ миновалъ западное продолженіе Куку шили и изслѣдовалъ многочисленную цѣпь озеръ подъ 34° с. ш. и 90° в. д. Обратный путь его прошелъ черезъ вышеназванныя цѣпи, за исключеніемъ Кукушили, только на 2 меридіана западнѣе. Эта экскурсія продолжалась три мѣсяца и стоила жизни одного человѣка, не вынесшаго трудностей пути, 9 лошадей и 4 верблюдовъ.

Высота переваловъ, утомительность путешествія по неровной каменистой почвѣ, скудость подножнаго корма (въ каковомъ отношеніи посѣщенная часть тибетскаго нагорья лишь немногимъ уступаетъ безплодной песчаной пустынѣ Такла макан), постоянныя бури съ дождемъ и градомъ, ночные

морозы даже въ лѣтніе мѣсяца—таковы тяжелыя стороны путешествія по сѣверному Тибету. Гедину пришлось испытать ихъ вторично, во время нов й экспедиціи по Тибету, даже въ большей степени, такъ какъ вторая экспедиція была совершена въ послѣдней своей половинѣ глубокой осенью и зимою.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ главной квартирѣ близъ озера Гас была предпринята въ ноябрѣ 20-дневная экскурсія къ Нижнему озеру Кум (Аяг Кум-кул)[1] описанному Пржевальскимъ подъ именемъ озера Незамерзающаго. На озерѣ Гединъ дѣлалъ промѣры при помощи складной лодки, при чемъ наибольшая глубина оказалась 78 ф. Вторая половина декабря и первая—января (1900—1901 гг.) были посвящены изслѣдованію области Сартын между Анамбаруин ула и хребтомъ Риттера, послѣ чего Гединъ, переваливъ черезъ первыя горы, вышелъ къ пустынѣ Лоб-нора.

17 мая 1901 г. Гединъ окончательно покинулъ Чарглык на ЮЗ. отъ Лоб-нора и прямой дорогою вверхъ по долинѣ Чарглык-су, не посѣщенной до него никѣмъ изъ европейцевъ, налегкѣ перевалилъ черезъ Астын таг; главный же караванъ, состоявшій при отправленіи изъ Чарглыка изъ 80 вьюковъ и насчитывавшій 39 верблюдовъ, 45 муловъ, 50 ословъ и 50 барановъ[2], однимъ словомъ, наибольшій караванъ, который европейцы водили когда-либо до Гедина внутрь Тибета, двигался черезъ Астын таг болѣе удобнымъ кружнымъ путемъ мимо озера Гас; условнымъ пунктомъ встрѣчи былъ назначенъ западный берегъ Аяг Кум-куля. По соединеніи обѣихъ партій Гединъ двинулся къ грозному Арка тагу, гдѣ и начались главныя трудности пути: на одномъ перевалѣ этой цѣпи (17.025 ф.)[3] Гединъ потерялъ 5 верблюдовъ и 20 ословъ. Отнынѣ съ каждымъ днемъ караванъ уменьшался въ числѣ. Къ трудностямъ пути присоеди-

вилась и ненастная погода—ежедневно проливной дождь въ перемежку съ градомъ и снѣгомъ; почва обратилась въ болото, въ которомъ вязли люди и животныя. Каждый день караванъ терялъ, по крайней мѣрѣ, по одному животному, такъ что направленіе этой части пути между Аяг Кум-кул и Куку-шили, какъ говоритъ Гединъ, наглядно указывается будущему путешественнику трупами брошенныхъ животныхъ. «Зловѣщая дорога, гдѣ скелеты замѣняютъ верстовые столбы».[1]

Съ орографической точки зрѣнія въ строеніи почвы преобладалъ параллелизмъ цѣпей, свойственный этой части Тибета и наблюдавшійся Гединомъ уже во время экспедиціи осенью 1900 г. Каждая цѣпь и каждая продольная долина между цѣпями, обычно съ озеромъ (соленымъ или прѣснымъ), проходила по направленію съ востока на западъ, а такъ какъ Гединъ шелъ съ сѣвера на югъ, то ему приходилось перебираться послѣдовательно черезъ всѣ эти цѣпи —одну за другой. Дня не проходило безъ карабканья на перевалъ, а то на дню встрѣчалось и по два такихъ перевала.

8 іюля караванъ былъ разбитъ на двѣ части: болѣе слабыя животныя составили арръергардъ и слѣдовали короткими переходами за передовымъ отрядомъ, который вмѣстѣ съ Гединомъ двигался съ обычной скоростью. 19 іюля была пересѣкнута по перевалу въ 17,921 ф. огромная цѣпь подъ 31° с. ш. Эта цѣпь представляетъ собою разграничительную линію со стороны внутреннихъ обитаемыхъ частей Тибета. Отъ указанной цѣпи считается еще 170 миль до сѣвернаго берега Тэнгринора.

27 іюля Гединъ рѣшился привести въ исполненіе свой давно задуманный планъ—пробраться въ Лхасу переодѣтымъ подъ видомъ монгола-паломника, надѣясь этой хитростью обмануть бдительность тибетскихъ сторожевыхъ постовъ и выйти мимо восточной оконечности Тэнгринора черезъ Лани ла на

большую дорогу въ столицу, гдѣ всегда могъ разсчитывать смѣшаться съ караваномъ другихъ паломниковъ. Выбравъ удобное мѣсто съ хорошимъ пастбищемъ для стоянки каравана, который онъ не рѣшался вести дальше въ виду его многочисленности, способной раньше всего обратить вниманіе тибетцевъ, Гединъ двинулся въ дальнѣйшій путь на ю.-в. съ двумя спутниками (казакомъ-бурятомъ Шагдуромъ и монгольскимъ ламою (Шереб-лама) и однимъ слугою, 5 мулами и 4 лошадьми.

Начало было несчастливо: въ первую же ночь у Гедина пропали двѣ лучшія лошади, благодаря чему дальнѣйшее движеніе было сильно затруднено; слуга, по чьему недосмотру случилась пропажа, былъ отправленъ обратно, какъ, впрочемъ, и ранѣе предполагалось сдѣлать, и всѣ трое оставшихся пустились въ дальнѣйшій путь. 31 іюля повстрѣчались первые тибетцы—тангуты, согласно терминологіи Пржевальскаго, изъ окрестностей Кумбума, направлявшіеся въ Лхасу съ караваномъ яковъ. Послѣ первой встрѣчи черныя палатки стали попадаться довольно часто. 1 августа Гединъ съ большимъ трудомъ и даже опасностью для жизни переправился черезъ Сачжу санпо, впадающую въ озеро Селлинъ цо (Гжярипъ цо Боуера). Рѣка несла послѣ многодневныхъ дождей, преслѣдовавшихъ экспедицію, огромныя массы воды (8 или 9 тыс. куб. метровъ) и разлилась на 1650 ф. въ ширину; эту рѣку пересѣкали раньше Гедина—Бонвало (и принцъ Орлеанскій) и Рокгиль.

Въ четырехъ переходахъ къ югу отъ рѣки Гединъ былъ остановленъ 6 августа многочисленнымъ сторожевымъ отрядомъ (67 человѣкъ), высланнымъ на встрѣчу ему спеціально для этой цѣли, такъ какъ, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, слухи о приближеніи иностранца успѣли проникнуть въ Лхасу, благодаря зоркости тибетскихъ

шпіоновъ. Послѣ четырехъ-дневныхъ переговоровъ съ командированными вмѣстѣ съ отрядомъ чиновниками деважуна, Гединъ былъ принужденъ повернуть обратно въ сопровожденіи конвоя изъ 2 офицеровъ и 14 солдатъ; тибетцы такъ сильно желали отдѣлаться отъ докучливаго иностранца, что дали Гедину двухъ лошадей взамѣнъ пропавшихъ, или украденныхъ. 20 августа Гединъ соединился съ главнымъ караваномъ, къ которому тѣмъ временемъ подошелъ двигавшійся позади арръергардъ изъ слабыхъ животныхъ.

Такимъ образомъ искусно задуманный планъ Гедина совершенно не удался и ему, какъ и многимъ другимъ до него, не пришлось доставить себѣ удовольствіе лицезрѣть завѣтный городъ европейскихъ путешественниковъ по Тибету —столицу Тибета Лхасу. Крайній достигнутый Гединомъ въ южномъ направленіи пунктъ (Бумц'о, 31° 10' с. ш. и 90° 45' в. д.) отстоялъ еще на 4 дня пути отъ Лани ла (60 верстъ отъ Лхасы), или въ общемъ въ 120 миляхъ отъ города[1], и въ 3 дняхъ пути отъ Нагч'у.

Однако, Гединъ не отказался совершенно отъ намѣренія приблизиться къ Лхасѣ, надѣясь попытать свое счастье еще разъ попозже и съ другого направленія. Собравъ караванъ, онъ двинулся 25 августа прямо на югъ и 6 сентября вышелъ къ устью Сачжу санпо и озеру Селлинъ, гдѣ, однако, его ждалъ уже новый вооруженный отрядъ тибетцевъ, готовый преградить путь въ столицу. Физическая невозможность дальнѣйшаго движенія къ Лхасѣ была очевидна, и Гединъ рѣшился при этихъ обстоятельствахъ воспользоваться предложеніемъ тибетцевъ—доставить его каравану яковъ для перевозки багажа въ Ладакъ, такъ какъ большинство собственныхъ животныхъ Гедина (22 верблюда изъ общаго числа 39, бывшаго у него передъ Арка тагомъ) совершенно обезсилѣло и ока-

зывалось непригоднымъ для перевозки багажа и коллекцій экспедиціи.

До окончательнаго выступленія на западъ, каковое направленіе было избрано, чтобы не возвращаться прежнимъ путемъ, Гединъ провелъ нѣсколько дней на берегу Селлинъ цо и трехъ сосѣднихъ: Накцзонъ цо, Чаргут цо и Адданъ цо, составляющихъ, за исключеніемъ Накцзонъ цо, связь коего съ Селлинь цо еще не выяснена, одну озерную систему со стокомъ въ наибольшее изъ озеръ — Селлинъ цо. Адданъ цо, лежащее западнѣе и выше всѣхъ другихъ, посылаетъ воды въ Чаргут цо, которое черезъ рѣку Яггюран'а изливается въ Селлинъ цо, гдѣ вода остается и испаряется; поэтому Селлинъ цо является единственнымъ соленымъ озеромъ изъ всѣхъ четырехъ. Накцзонъ цо, возможно, соединяется съ Селлинъ цо подземнымъ каналомъ, или изливается въ какое-нибудь болѣе южное озеро. Гединъ, объѣхавшій вокругъ него на лодкѣ, не могъ удостовѣриться въ этомъ обстоятельствѣ. Кромѣ Накцзонъ цо, Гединъ плавалъ по Селлинъ цо и пересѣкъ по длинѣ съ В. на З. озеро Чаргут. Погода не благопріятствовала ему, такъ какъ каждый разъ поднималась сильная буря и грозила разбить утлую лодку (изъ патентованной парусины).

21 сентября начался утомительный и долгій путь къ границѣ Ладака, прошедшій до 84° в. д. нѣсколько на югъ отъ длинной цѣпи разобщенныхъ между собою озерныхъ бассейновъ. Отъ 84° в. д. маршрутъ Гедина повернулъ на СЗ. и въ видѣ изломанной линіи направился къ селенію Но на сѣверномъ берегу Ц'о-Н'омбо (синее озеро) и Панъ гонъ цо, достигнувъ границы Ладака подъ 78° 10′ въ Сердсе. На протяженіи обѣихъ указанныхъ частей обратнаго путешествія Гедина маршрутъ Боуера остался далеко отъ него на сѣверѣ, но маршруты Литтльдэля и Наинъ Синга мѣстами совпадали съ пу-

темъ Гедина, за исключеніемъ первой части путешествія Гедина вдоль Чаргут цо и Аддапъ цо, которую Наинъ Сингъ прошелъ южнѣе, и второй части по сѣверному берегу Панъ-гонъ цо, которую Литтльдэль сдѣлалъ через Рудок по южному берегу озера.

Западный Тибетъ по своему физическому характеру представляетъ большія трудности для путешествія, погубивъ 13 изъ оставшихся верблюдовъ Гедина. Однимъ изъ важныхъ лишеній въ пути является недостатокъ прѣсной воды благодаря сухости климата, въ каковомъ отношеніи наблюдается рѣзкая противоположность между Западнымъ Тибетомъ и мѣстностью Сѣвернаго Тибета, пройденной Гединомъ на пути къ Бум-цо. Тамъ почти каждый день шелъ проливной дождь, здѣсь приходилось охотиться за каждой каплею воды.

Ц'о Н'омбо, восточное продолженіе Панъ-гонъ цо, состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ бассейновъ, связанныхъ рѣками; путешествіе по его сѣверному берегу крайне затруднительно благодаря изсѣченной мѣстности. Вода въ Ц'о Н'омбо—прѣсная; напротивъ въ Панъ гонъ цо, куда изливается первое озеро,—соленая; наибольшая глубина перваго озера была измѣрена въ 98 ф., второго въ 104 ф. и 155 ф.

13 декабря 1901 г. это достопамятное путешествіе закончилось на границѣ Ладака[1])

Послѣ Гедина болѣе значительныхъ попытокъ къ изслѣдованію сѣвернаго Тибета не дѣлалось, а изъ меньшихъ отмѣтимъ путешествіе американца Crosby, который вмѣстѣ съ французомъ Anginieur въ 1903 г. затронулъ небольшой уголъ сѣверо западнаго Тибета вокругъ пустыни Аксайчин[2] вдоль 35° с. ш. по маршруту Полу, Баба-хатун на р. Керія мимо истоковъ Хотан дарьи, далѣе по южному подножью пограничной цѣпи Аксай-чина, через истоки р. Каракаш (79°

в. д. и 35° 30′ с. ш.) и, наконецъ, вверхъ по рѣкѣ до урочища Поташъ, и черезъ горы Каракорум въ Ле[1]).

Къ концу 90 гг. XIX стол. и началу XX ст. относятся двѣ поѣздки русскихъ подданныхъ—буддистовъ черезъ сѣверный Тибетъ въ Лхасу, оставившія болѣе осязательный слѣдъ въ русскомъ и отчасти европейскомъ знакомствѣ съ Тибетомъ и давшія къ тому же первыя фотографіи различныхъ видовъ Лхасы, въ томъ числѣ и Бодалы, и другихъ монастырей страны.

Съ самаго начала проникновенія ламаизма въ среду бурятъ Забайкалья и переселенія калмыковъ изъ Чжунгаріи въ русскіе предѣлы, какъ буряты, такъ и калмыки поддерживали тѣсныя сношенія съ духовнымъ главою ламаизма Далай-ламою и единственнымъ источникомъ правовѣрнаго его ученія—монастырями Лхасы и другихъ городовъ Тибета съ ихъ обширными богословскими факультетами. Эти сношенія выражались въ частныхъ путешествіяхъ усердныхъ ламаитовъ изъ Забайкалья и Астраханскихъ степей (со стороны послѣднихъ рѣже за дальностью разстоянія) въ Тибетъ и Лхасу ради поклоненія Далай-ламѣ и святынямъ собора Чжук'анъ и Бодалы и посѣщенія изъ любознательности, либо религіознаго рвенія различныхъ столичныхъ монастырей, гдѣ ведется изученіе догматовъ ламаизма и прочихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ его ученію и обрядовому уставу, наконецъ ради принятія посвященія въ духовный санъ. Раньше русскіе буряты и калмыки ѣздили въ Тибетъ подъ видомъ халхасцевъ и только лѣтъ 15 тому назадъ добились разрѣшенія посѣщать Лхасу подъ собственнымъ именемъ, какъ русскіе подданные[2]. Нерѣдко эти паломники изъ русскихъ владѣній описывали въ дневникахъ впечатлѣнія пути и главное наблюденія, вынесенныя изъ осмотра святынь. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ сохранились и были напечатаны въ оригиналѣ или пе-

реводѣ.[1]) Наиболѣе ранняя изъ этихъ записокъ относится къ 1741 г. и принадлежитъ буряту, первому Забайкальскому бандида Ханбо-ламѣ—Заяеву[2]; изъ числа калмыцкихъ записокъ отмѣтимъ дневникъ довольно обширнаго путешествія въ Тибетъ (Лхасу и Дашіхлунбо) База-бакши Мёнкёджуева, нынѣ покойнаго, напечатанный съ русскимъ переводомъ А. М. Позднѣевымъ[3], что даетъ намъ возможность подробнѣе ознакомиться съ характеромъ подобныхъ путешествій.

Не смотря на краткость и общность описаній физическихъ свойствъ пройденныхъ База-бакши мѣстностей, маршрутъ его путешествія можетъ быть проложенъ совершенно точно на картѣ благодаря сообщаемымъ имъ географическимъ названіямъ, обычно въ правильной и точной формѣ.

Отъ Урги База-бакши съ двумя спутниками, однимъ калмыкомъ и однимъ алашаньцемъ, достигъ послѣ 2 мѣсяцевъ пути на верблюдахъ [4] Кумбума черезъ Алашань и Сининъ фу, или, какъ онъ пишетъ, Сэлэн, сдѣлавъ приблизительно 1900 верстъ. [5] Во время пребыванія въ Кумбумѣ бакши ревностно осматривалъ всѣ достопримѣчательности монастыря, въ которомъ насчитываетъ 3,000 ламъ, въ томъ числѣ 1000 монгольскихъ, между прочимъ знаменитое священное дерево боди, заключенное въ субурганѣ и скрытое отъ постороннихъ взоровъ[6]: онъ же присутствовалъ на всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ, между прочимъ на чтеніи (лунь[7]) полнаго собранія сочиненій Цзонхавы (19 томовъ), занявшемъ 11 полныхъ дней съ утра до заката солнца[8], доказавъ свое религіозное усердіе и истративъ 150 лань на угощеніе чаемъ и пищею и приношенія вещами и серебромъ присутствовавшимъ ламамъ и самому гегену, читавшему книги. Изъ Кумбума База-бакши посѣтилъ Люшар и монастырь Сэркуг (Го-мань сы[9] или Алтансуме) въ 40 верстахъ отъ Кумбума, не давъ, однако, въ дневникѣ описанія ни китайскаго города, ни монастыря, какъ вообще

не дѣлалъ этого и по отношенію къ болѣе значительнымъ городамъ.

Выѣхавъ въ Кумбума, калмыки направились черезъ Донкор, сѣверный берегъ Кукунора (страну Тангутовъ)[1], при чемъ переправились черезъ шесть притоковъ озера[2], прошли черезъ Бухайн гол и достигли земель верховыхъ (цайдамскихъ) монголовъ, въ отличіе отъ низовыхъ, (или халхаскихъ монголовъ) въ Дуланай байшин[3] въ 400 верстахъ отъ Гумбума. Отсюда путешественники вступили въ предѣлы «цайдамскихъ грязей», какъ выражается авторъ дневника; объ этихъ грязяхъ (солончаковыхъ) ему разсказывали, что онѣ выступаютъ на поверхности земли въ послѣднюю весеннюю, или первую лѣтнюю луну (конецъ іюня по начало августа), затрудняя сообщеніе пѣшкомъ, или на животныхъ; въ послѣдней же лѣтней или первой осенней жидкая грязь высыхаетъ, и до весны становится удобно двигаться человѣку[4]. Въ Цзуни-байшин-хырма (куре)—Дзун-цзасак Пржевальскаго—калмыки, оставивъ въ сторонѣ дорогу въ Тибетъ черезъ хребетъ Бурханъ-бота (Бурхан-будейн цзам), избрали болѣе обычный путь паломниковъ вдоль южной окраины Цайдама, при чемъ могли ближе наблюдать негостепріимную природу области и бытъ и нравы населяющихъ ее монголовъ[5]. Пройдя Гурбун-тулай, они двигались послѣдовательно по долинѣ р.р. Шуга и Найджи, черезъ горы Гурбун-Найджи[6] (собственно черезъ средній перевалъ изъ трехъ—Дунду Найджи), Ангир-дакшин (хребетъ Марко Поло Пржевальскаго; Ангир такшя Рокгиля), Куку шили (Kökö шили), Дунбуре (Дунъ бурѣ) и Данъ-ла, при чемъ переправлялись черезъ Намчитай-улан мурен и Муру усу.

По дорогѣ калмыки сильно мучились отъ горной болѣзни (или какъ говоритъ бакши, отъ мѣстнаго атмосфернаго вліянія[7]); одинъ изъ спутниковъ ихъ (халхасецъ) даже умеръ. Передъ

окончательнымъ подъемомъ на Данъ-ла [1] перевалили послѣдовательно черезъ три предгорья (хабцагай—скалы; начальный, или верхній изъ нихъ зовется Экип хабцагай), причемъ на среднемъ хабцагаѣ вышли на дорогу, идущую прямо отъ хребта Бурхан бота. На южномъ склонѣ Данъ-ла калмыки видѣли горячіе ключи, бившіе на аршинъ высоты, и встрѣтили пограничный сторожевой караулъ девашуна, записавшій ихъ имена и цѣль посѣщенія тибетской страны; отсюда началась окраина тибетскихъ поселеній послѣ 38 дневнаго движенія по безлюднымъ пространствамъ отъ земли верховыхъ монголовъ.

По прибытіи въ Накчу-гомба, Бакши явился къ правителю округа и хамбо-ламѣ и представилъ имъ старинную далай-ламскую грамоту, пожалованную калмыцкому князю и захваченную бакши на всякій случай для облегченія пропуска въ страну. Грамота, написанная тибетской скорописью, дѣйствительно сослужила службу калмыкамъ, которымъ, какъ уроженцамъ русскаго государства, впервые явившимся подъ настоящимъ своимъ именемъ [2] было бы трудно въ противномъ случаѣ получить доступъ въ Лхасу. Власти Наг-ч'у-ка оказали бакши радушный пріемъ, помогли достать животныхъ для дальнѣйшаго пути въ столицу и даже размѣняли ему 95 китайскихъ ланъ на 950 тибетскихъ чжосу, или дамхъ[3].

Выйдя изъ Нагчу гомба, путешественники переправились черезъ рѣку Накчу (Хара-усу), прошли черезъ истокъ Дамыйн гола, мимо Яграй корчеп (большой кругъ (колесо) Яграевъ) и рѣку Раденъ, на которой стоитъ монастырь того же имени [4]. Черезъ три дня отсюда, калмыки, пройдя Понда цзонъ (гдѣ имѣется пѣшеходный желѣзный мостъ черезъ рѣку) и Пэмбу цзонъ завидѣли съ высоты перевала золотыя крыши Цзу (собора Лхасы) и къ вечеру, достигнувъ города, «полу-

чили высшую изъ человѣческихъ радостей»[1], такъ какъ немедленно по прибытіи, не вкушая пищи и не садясь, отправились поклониться лику Цзу Шакчжамуни[2].

Описаніе города, главное его святынь, въ дневникѣ[3] весьма коротко, давая почти одни только названія; болѣе пространно, а слѣдовательно и цѣнно, изложеніе подробностей поклоненія Далай-ламѣ[4]. Какъ люди, прибывшіе изъ далекихъ странъ и претерпѣвшіе на пути рядъ лишеній, калмыки рѣшились ознаменовать свое пребываніе въ Лхасѣ «совершеніемъ отмѣнной добродѣтели», именно, поднесеніемъ Далай-ламѣ цѣннаго даньшика, обошедшагося имъ въ 1,000 ланъ[5], при чемъ не забыли и регента и другихъ важныхъ сановниковъ.

Изъ Лхасы База-бакши ходилъ на поклоненіе въ монастырь Галдан и къ озеру Окон-тенгри (Мули-дингіин цо (Мимо-дэнъ[6]), сдѣлавъ часть обратнаго пути по рѣкѣ Уй на лодкѣ[7]. Затѣмъ онъ посѣтилъ Сэра и Брайбун и совершилъ болѣе далекое путешествіе черезъ весь южный Тибетъ въ монастырь Сакья панче'эн, при чемъ ему былъ выданъ изъ девашунскаго управленія приказъ на полученіе шести лошадей на каждой почтовой станціи (ӧртӧ). Маршрутъ этого путешествія былъ обычный: Нье-танъ, Чуши (Чушул) цзонъ, Цзанъ-мурен (переправа на деревянной лодкѣ), Камбала[8], по берегу Япдок ц'о[9] черезъ Байди цзонъ, Нага цзонъ (Нан-кар-цзе), Цасутуйн-кӧтӧл (Карола), Губши, Чжанъ-цзэ цзонъ[10], Панам цзонъ и Дашій хлунбо[11]. На пути отсюда въ Сакья калмыки посѣтили Нартанъ съ его обширной типографской кумирнею для печатанія Ганчжура и Данчжура и на третій день отсюда прибыли въ Шачжагійн кит (Сакья), гдѣ поклонились Шачжа-ван-чэн[12]. Обратный путь въ Лхасу занялъ 10 сутокъ.

Въ столицѣ калмыки пробыли всю зиму (съ ноября по 4 марта 1893), подготавливаясь къ возвращенію и упаковывая во вьюки

пожалованные (какъ говорилось, хотя База-бакши поднесъ взамѣнъ 200 ланъ серебра) 103 тома Ганчжура. Интересны свѣдѣнія относительно быта и жизни тибетцевъ,[1] собранныя бакши, за время этого вынужденнаго зимней порою пребыванія въ столицѣ и общія замѣчанія о зимнемъ климатѣ въ этомъ городѣ[2]. Отпраздновавъ тибетскій новый годъ и совершивъ всѣ предписанные по этому случаю обряды,[3] калмыки вышли изъ Лхасы 4 марта и прибыли 19 числа того же мѣсяца въ Нагчу цзонъ, гдѣ въ ожиданіи попутчиковъ оставались два мѣсяца. 29 іюля послѣ двухъ мѣсяцевъ слишкомъ пути достигли Тулай въ Цайдамѣ, пробыли здѣсь съ мѣсяцъ, а 28 сентября прибыли въ Гумбум, гдѣ провели два мѣсяца. Обратный путь на родину калмыки избрали черезъ сѣверный Китай въ Пекинъ и затѣмъ моремъ вокругъ Индіи въ Одессу.

Съ географической точки зрѣнія записки База-бакши даютъ лишь немногимъ болѣе перечня однихъ собственныхъ именъ; недостатокъ общаго умственнаго развитія и европейскаго образованія, естественно, дѣлалъ ихъ автора поверхностнымъ, чуждымъ интересовъ европейской науки наблюдателемъ. Какъ благочестиваго паломника, его интересуютъ единственно религіозныя достопримѣчательности, хотя и въ этомъ отношеніи его разсказъ остается въ высшей степени краткимъ и не можетъ служить дополненіемъ къ тому, что европейцамъ было уже извѣстно по этому вопросу. Главный же интересъ и важность записокъ, помимо лингвистическаго значенія, заключается въ томъ, что чтеніе ихъ позволяетъ лучше уяснить истинный типъ калмыка съ его безконечной вѣрою въ Будду и ламайскія святыни, съ безусловнымъ повиновеніемъ высшимъ представителямъ ламайской іерархіи и съ неисчерпаемымъ религіознымъ усердіемъ, побуждающимъ его преодолѣвать физическія преграды и лишенія, но, съ другой

стороны, и съ его безграничнымъ суевѣріемъ, хитростью и практической смѣткою[1]. Записки База-бакши даютъ болѣе вѣрное понятіе о мысляхъ и душевныхъ движеніяхъ восточно—азіата (каковыми остаются въ сущности калмыки), нежели самыя длинныя и ученыя разсужденія.

Черезъ своихъ подданныхъ—ламаитовъ Россія, несомнѣнно, была поставлена въ столь же, если даже не болѣе, благопріятныя условія по отношенію къ изслѣдованію Тибета, какъ индійское правительство при посредствѣ пандитовъ. Однако, если послѣднее подготовляло и снаряжало изъ ихъ среды изслѣдователей невѣдомой страны, расширившихъ въ значительной мѣрѣ европейское знакомство съ топографической картиною Центральнаго Тибета, то въ Россіи подобныхъ попытокъ къ спеціальной подготовкѣ ламаитовъ, или другихъ инородцевъ для собиранія свѣдѣній и производства съемокъ въ недоступныхъ европейцамъ областяхъ Центральной Азіи не дѣлалось. Поэтому двѣ нижеуказанныя поѣздки русскихъ ламаитовъ могли дать по исключенію иные результаты лишь благодаря проявленной въ этомъ дѣлѣ частной иниціативѣ и болѣе широкому образованію лицъ, предпринявшихъ эти поѣздки, бурята Гонбожаба Цыбикова и калмыка Овшэ Норзунова.[2]

Въ особенности принесло полезные результаты путешествіе г. Цыбикова, какъ лица съ высшимъ университетскимъ образованіемъ[3]. Правда, и онъ не могъ производить съемки, не обладая къ тому соотвѣтственной технической подготовкою, а потому по примѣру своихъ предшественниковъ—соотечественниковъ, занимался главнымъ образомъ осмотромъ и изученіемъ святынь Лхасы и ея окрестностей и другихъ городовъ Центральнаго Тибета (Цзетана, Гжянъ-цзе, Шигацзе). Однако, какъ справедливо замѣчаетъ Ольденбургъ[4], онъ могъ отнестись благодаря европейскому обра-

зованію совершенно иначе къ Тибету и наблюдать тамъ, гдѣ другіе смотрѣли. Его предварительный отчетъ въ Извѣстіяхъ Географич. Общества, (томъ XXXIX, вып. III), содержитъ много весьма цѣнныхъ свѣдѣній касательно различныхъ сторонъ жизни тибетца и средствъ удовлетворенія населеніемъ страны собственныхъ религіозныхъ потребностей[1] и заставляетъ съ нетерпѣніемъ ожидать выхода въ свѣтъ подробнаго описанія путешествія, съ изложеніемъ всѣхъ наблюденій и фактовъ, собранныхъ г Цыбиковымъ, въ отдѣльной книгѣ, издаваемой Русскимъ Географическимъ Обществомъ[2].

Менѣе значительны въ научномъ отношеніи были результаты путешествія Норзунова[3]. Наиболѣе важнымъ его послѣдствіемъ было опубликованіе вывезенныхъ имъ фотографій Бодалы и другихъ достопримѣчательностей Лхасы, сдѣланныхъ съ помощью апарата, который былъ данъ ему Русскимъ Географическимъ обществомъ, принявшимъ на себя издержки по путешествію[4].

Въ 1903 г. баварскій лейтенантъ Фильхнеръ (Filchner) въ сопровожденіи своей супруги[5] и геолога Тафель проѣхалъ изъ Лань-чжоу фу черезъ Си-нинъ фу въ Кумбум, гдѣ оставался въ теченіе недѣли, дѣятельно собирая матеріалы для описанія и исторіи этого монастыря[6].

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Кумбумѣ, какъ и въ Си нинъ фу и Танкарѣ, велись, въ теченіе почти $1^1/_2$ мѣсяцевъ въ общей сложности, тщательныя приготовленія къ дальнѣйшей экспедиціи внутрь одной изъ наименѣе извѣстныхъ областей азіатскаго материка и въ частности Центральной Азіи, именно, области, простирающейся на пять градусовъ долготы и столько же широты—отъ Оринъ нор на западѣ до Сунъ-пань тинъ на востокѣ и отъ 35° с. ш. на сѣверѣ до Да-цзянь лу на югѣ—и приблизительно равной площади Франціи. Въ предѣлахъ указанной неизслѣдованной области Фильхнеръ задал-

ся специальной цѣлью установить точныя очертанія двойного колѣна верхней Хуанъ хэ, или по тибетски Ма чʼу, въ формѣ французской буквы S. Въ отличіе отъ другихъ сѣверныхъ частей географическаго, если не политическаго Тибета, эта область, въ особенности по сосѣдству съ Ма чʼу и ея правыми притоками, имѣетъ довольно значительное населеніе, при томъ же крайне враждебное къ иностранцамъ и съ наиболѣе сильно развитыми разбойничьими инстинктами и привычками—т. н. голыковъ. Это племя, помимо серіозныхъ физическихъ препятствій, обусловленныхъ своеобразнымъ устройствомъ поверхности и тяжелыми климатическими условіями въ указанной пограничной китайско-тибетской области, воздвигало до тѣхъ поръ почти непреодолимыя преграды для научной дѣятельности европейскаго путешественника, въ той же мѣрѣ, какъ затрудняло движеніе торговыхъ каравановъ постоянными нападеніями и грабежами. Пржевальскій, Рокгиль, Гренаръ во время бѣгства отъ Том-бумдо въ Си-нинъ фу, наконецъ, Роборовскій (съ Козловымъ) и Футтереръ коснулись различныхъ частей сѣверной половины этой неизслѣдованной области, подобно тому какъ немногимъ другимъ путешественникамъ случалось заглянуть въ окраинную полосу южной половины. Однако, только настоящей экспедиціи Фильхнера удалось пройти вдоль теченія Ма чʼу отъ Оринъ нор до начальнаго пункта поворота рѣки на сѣверъ и затѣмъ на западъ, приблизительно подъ 34° с. ш. и 101° в. д.[1] Правда, обстоятельства помѣшали Фильхнеру установить направленіе теченія рѣки во внутреннихъ участкахъ упомянутаго двойного колѣна Хуанъ хэ, какъ то намѣчалось программою. Однако, изслѣдователь надѣется добиться этого путемъ теоретическаго построенія на картѣ на основаніи съемокъ прилегающихъ участковъ[2]. Научные результаты экспедиціи въ различныхъ отрасляхъ географическаго изслѣдованія затрону-

той области весьма значительны и приготовляются къ изданію въ видѣ серіи монографій.[1]

12 іюня 1903 г. Фильхнеръ выѣхалъ изъ Си-нинъ фу, нагнавъ свой караванъ, съ которымъ слѣдовалъ д-ръ Тафель, въ Шаракуто. Въ общей сложности караванъ состоялъ при первомъ выступленіи—не считая двухъ европейцевъ и военнаго конвоя изъ 16 солдатъ и офицеровъ, сопровождавшаго экспедицію въ теченіе первыхъ дней путешествія,—изъ 16 человѣкъ, въ томъ числѣ китайской военной охраны изъ 5 человѣкъ, назначенной экспедиціи по просьбѣ нѣмецкаго посланника и переводчика изъ ямыня Си-нинъ'скаго амбаня, и 77 животныхъ—лошадей и яковъ[2].

14 іюня имѣло мѣсто окончательное выступленіе экспедиціи изъ Шаракуто сперва по да-лу, или большой дорогѣ въ Цайдам вдоль южнаго подножья Южно-кукунорскихъ горъ, одѣтыхъ кустарниковой и лѣсной растительностью. Пройдя Wayeh nor (Ваян нор Рокгиля)—озеро съ площадью въ 7 квадр. килом.—и отклонившись на югъ черезъ поля дюнъ и непривѣтливую степную область, экспедиція миновала рѣку Хуюнъ (съ болотистымъ, хотя довольно широкимъ русломъ) и три внутреннія озера Гунъ-н'а нор (Яичныя озера). Берега озеръ оказались поросшими камышемъ и изобиловали водяной птицею и пернатыми хищниками; въ окрестныхъ степяхъ встрѣчались многочисленныя стада дикихъословъ, антилопъ и не мало хищныхъ четвероногихъ—волковъ и леопардовъ.

Широкія пустынныя степи привели экпедицію къ глубоко врѣзанной долинѣ Дахоба, лѣваго притока Хуанъ хэ[3]. Несмотря на возвышеніе страны въ 4000 метровъ надъ у. м., бока долины были отчасти покрыты хвойнымъ лѣсомъ, крупной пихтой и кустарниками. Крутые изрѣзанные ручьями бока долинъ представляли большія трудности для перехода черезъ эту долину, какъ и черезъ долины другихъ притоковъ,

которыхъ встрѣтилось не мало на пути экспедиціи. Послѣ дождей вода въ этихъ рѣкахъ разлилась и сами они превратились въ горные потоки, потребовавъ большихъ усилій со стороны экспедиціи для благополучной переправы[1]. Напротивъ, переходъ черезъ цѣпь Сань-си бэй (среднее возвышеніе 4500 метровъ) на полпути между Кукуноромъ и источными озерами Ма ч'у оказался очень легкимъ благодаря отлогости скатовъ и закругленности очертаній горъ.

На югъ отъ цѣпи начинается бассейнъ озера Тосун нор, тогда какъ съ сѣверныхъ ея склоновъ воды стекаютъ въ притокъ Хуанъ хэ. Къ упомянутому озеру[2] экспедиція прибыла 12 іюля и здѣсь встрѣтила саларскій караванъ, двигавшійся въ Барун дзасак[3], такъ какъ близъ озера проходитъ большая дорога изъ страны Салар (Гуй-дэ тинъ) въ Лхасу съ одной стороны и Цайдам съ другой[4].

На всемъ указанномъ пути экспедиція слѣдовала параллельно, но на значительномъ разстояніи отъ Желтой рѣки внутри ея изгиба. Пересѣкнувъ озеро Тосун нор, изслѣдованное Рокгилемъ и горы Амне мачинъ, составляющія границу между сѣверной степью и южнымъ болотистымъ раіономъ[5], экспедиція достигла Ма ч'у[6] и вверхъ по послѣдней[7] озера Оринъ[8]. Пройдя мимо восточнаго и юго-восточнаго берега послѣдняго озера[9] до горнаго хребта Баян-хара (перевала На чонъ[10]), экспедиція вернулась (наиболѣе западнымъ пунктомъ экспедиціи былъ Каланамцо[11] на юго-востокъ отъ Оринъ нора) обратно къ верхней Желтой рѣкѣ другимъ маршрутомъ[12], восточнѣе перваго.

11 или 12 августа экспедиція, слѣдуя по долинѣ Рэч'у, пересѣкла маршрутъ экспедиціи Козлова въ 1901 г., являвшійся до тѣхъ поръ наиболѣе восточнымъ маршрутомъ европейскаго изслѣдователя въ этой части страны.

15 августа былъ встрѣченъ караванъ изъ 100 яковъ,

нагруженныхъ бычачьими кожами, овечьей шерстью и яковымъ волосомъ[1]; 16 августа—новый караванъ тоже на якахъ съ содой (на каждой якѣ было навьючено по два мѣшка въ 70 нѣмецкихъ фунтовъ каждый). Эти караваны двигались очень быстро, слѣдуя тибетской манерѣ—рано выступать въ путь и рано останавливаться на ночлегъ, такъ чтобы животныя могли пробыть на подножномъ корму возможно большую часть дня. При условіи небольшихъ грузовъ на каждомъ животномъ этотъ способъ движенія представляется болѣе раціональнымъ, нежели позднее выступленіе, остановка днемъ на отдыхъ и вторичное движеніе до поздняго вечера.

Между тѣмъ обитатели страны—голыки, отдѣльные всадники и цѣлыя группы ихъ, попадались все чаще. 18 августа въ долинѣ той же Рэч'у близъ ея впаденія въ Мач'у было встрѣчено первое значительное ихъ селеніе, вѣрнѣе стойбище—Ришоварма. Это обстоятельство даетъ случай Фильхнеру коснуться въ своемъ описаніи подробнѣе наружности мѣстныхъ голыковъ, ихъ одѣянія, головныхъ уборовъ и прически[2] и дать нѣсколько фотографическихъ снимковъ ихъ типовъ[3]. Отъ Ришовармы считается до Сунъ-пань тина 24 длинныхъ дневныхъ перехода на якахъ; на сѣверъ отъ голыкскаго селенія черезъ Ма ч'у существуетъ бродъ, черезъ который проходитъ дорога въ Лабранъ, 20 переходовъ на якахъ, пересѣкая по пути горы Чжупар и вторично Желтую рѣку на плотахъ[4]. Въ Ришовармѣ были встрѣчены китайскіе мусульманскіе торговцы изъ Сунъ-пань тинъ, мѣнявшіе зерно на ткани и скотъ. Они пользуются у голыковъ извѣстнымъ уваженіемъ, такъ какъ только черезъ нихъ населеніе въ состояніи получить необходимые съѣстные припасы, оружіе, желѣзныя издѣлія и домашнюю утварь.

20 августа экспедиція двинулась внизъ по теченію Хуанъ хэ (по правому ея берегу). 22 августа было найдено у самаго

берега Ма ч'у двойное озеро Dsodyara-nor, состоящее изъ большаго бассейна на западѣ и значительно меньшаго, отдѣленнаго перешейкомъ въ 2 километра ширины отъ перваго, на востокѣ. Съ Ма ч'у озера соединяются нѣсколькими рукавами, но между собою не сообщаются — результатъ наноса массъ песку, стремящихся отдѣлить озера отъ рѣки и постепенно засыпать ихъ самихъ.[1] Вода Ма ч'у въ этомъ мѣстѣ настолько насыщена мелкими песчаными частицами, что теченіе рѣки, особенно въ рукавахъ, на которые разбивается русло Ма ч'у среди отмелей и песчаныхъ острововъ, движется очень медленно, Берега озера, поросшіе камышомъ изобиловали водяной птицею, а окрестности дикимъ четвероногими животными.[2] Изъ насѣкомыхъ особенно многочисленны были пауки съ ядовитымъ укусомъ.[3]

Ниже озеръ долина рѣки представляла волнистую песчаную поверхность, замкнутую съ сѣвера отрогами Амне мачин, съ барханами (движущимися песчаными холмами) до 12 метровъ высоты. Въ жаркій день, при отраженіи лучей солнца отъ песку, путешественнику могло представиться, что онъ находится въ центрально-азіатской пустынѣ на берегу Тарима или Сыръ-дарьи[4]. Пастбища были скудны, будучи мѣстами засыпаны летучимъ пескомъ.[5] Вмѣстѣ съ измѣненіемъ состава почвы теченіе рѣки сдѣлалось крайне извилистымъ, что при наличіи песчаныхъ уваловъ по обѣимъ ея сторонамъ затрудняло съемку.[6] Движеніе каравана въ концѣ августа и началѣ сентября замедлялось ежедневнымъ выпаденіемъ дождя, снѣга или града.

Маршрутъ экспедиціи совпадалъ съ большой дорогою изъ Ришовармы въ Тона, крупное голыкское селеніе, о которомъ будетъ сказано ниже, при чемъ частые слѣды недавнихъ и обширныхъ лагерныхъ стоянокъ[7] указывали на оживленное сообщеніе по этому пути. Въ этихъ стоянкахъ устраиваются

большіе очаги и держатся постоянные запасы аргала (часть послѣдняго хранится въ сложенныхъ изъ камней погребахъ для защиты отъ сырости) [1]. Около этихъ очаговъ тибетцы останавливаются на короткій роздыхъ и для подкрѣпленія пищею, пока ихъ лошади пасутся подъ сѣдломъ. Съ такими остановками конные отряды голыковъ проходятъ въ день отъ 40 до 80 километровъ, несмотря на изсѣченную мѣстность, тѣмъ болѣе что идутъ налегкѣ благодаря своей неприхотливости и умѣренности въ пищи во время похода.[2]

8 сентября экспедиція, покинувъ берегъ Ма ч'у, которая дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ выгибъ къ сѣверу, обозначенный на картѣ Фильхнера разбитой линіей, поднялась по притоку рѣки и затѣмъ черезъ водораздѣльную гряду, откуда открывался чудный видъ на горы Баян хара [3], къ большому селенію Топа (Доди—85 палатокъ) [4] въ точкѣ схожденія дорогъ къ Сунъ-пань тину—28 переходовъ (отъ 30 до 35 дней) [5]) черезъ Гакурр на Ма ч'у и Кнаба (городъ изъ каменныхъ домовъ), изъ Чамдо и вдоль Ма ч'у.

14 сентября экспедиція, спустившись по другому притоку Ма ч'у, подошла снова къ главной рѣкѣ[6] ниже указаннаго выгиба. Въ ночь на 15 сентября лагерь подвергся нападенію и обстрѣлу голыковъ, похитившихъ 4 лучшія лошади. Начиная съ этого мѣста (и даже раньше) Ма ч'у замыкается, особенно на сѣверѣ, крутыми берегами; на югѣ по краю долины проходятъ террасы, образующія вмѣстѣ съ выступами отроговъ Баян хара[7] рядъ дефиле съ крутыми склонами, поросшими кустарникомъ. Съ 17 сентября долина рѣки сильно сузилась, и экспедиція должна была перебираться черезъ рядъ уваловъ, подходившихъ вплотную къ рѣкѣ.

18 сентября экспедиція достигла обширнаго стойбища Гакурр, иначе называемаго Такух. Вообще названія мѣстностей и племенъ среди голыковъ мѣняются, смотря по племени, что вноситъ путаницу въ разспросныя свѣдѣнія отно-

сительно другихъ племенъ и мѣстностей. Названіе мѣстности дается нерѣдко по имени старшины, который избирается по общему голосованію, и потому мѣняется въ зависимости отъ перемѣны старшины[1]. Изъ Гакурр прямая дорога ведетъ на Вассер, обширному голыкскому поселенію, съ которымъ придется познакомиться ниже, мѣстопребыванію могущественнаго вождя, нынѣ уступающему по силѣ лишь вождю К'ансерр.

Ниже по теченію Ма ч'у, у небольшого монастыря на сѣверномъ берегу рѣки—Гочун гомба, существуетъ перевозъ черезъ рѣку по дорогѣ въ Раджа гомба черезъ густо населенную страну въ 20 дняхъ пути отъ Гакурр. Перевозъ состоитъ изъ большой лодки—плота квадратной формы, съ прямыми стѣнками до 1 метра вышиною, вмѣщающей до 15 человѣкъ [2]. По указанной дорогѣ совершается значительное движеніе между Лхасою и монастыремъ Кумбум.

21 сентября дальнѣйшее движеніе по долинѣ Ма ч'у сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ рѣка вступаетъ здѣсь бурнымъ и стремительнымъ потокомъ въ узкое глухое ущелье со скалистыми стѣнами, вдоль которыхъ трудно было отыскать сколько-нибудь пригодную для движенія вьючныхъ животныхъ тропу. Поэтому Фильхнеръ отказался отъ мысли лично прослѣдить поворотъ рѣки на сѣверъ и ея теченіе внутри колѣна (по разспроснымъ свѣдѣніямъ, рѣка идетъ отъ пункта, достигнутаго экспедиціей, на три дня пути до Кансерр[3] въ восточномъ направленіи, послѣ чего начинаетъ склоняться къ сѣверу) и рѣшилъ, не доходя такимъ образомъ до крутого поворота рѣки на СВ. и затѣмъ на СЗ., продолжать путь въ ВЮВ. направленіи до Сунъ-пань-тина.

По дороги между Ма ч'у и Сунъ пань тиномъ экспедиція достигнула черезъ Гомо Вáсерр, стойбище изъ 600 палатокъ[4], въ двухъ дняхъ пути на якахъ отъ К'ансерр (неизвѣстно, надо ли разумѣть здѣсь К'ансерр въ собственномъ смыслѣ, или какое другое большое селеніе). Отъ Вáсерр

считается 6 дневныхъ переходовъ по 50—60 ли до Кна́ба (пишется Н'а-ба), селенія изъ каменныхъ домовъ. Черезъ послѣдній городъ идетъ прямой путь къ китайской границѣ (3 дня) и къ Сунъ-пань-тину (еще 5 дней).

Вождь Ва́серр отнесся къ экспедиціи дружелюбно послѣ того, какъ были благополучно улажены первыя недоразумѣнія, порожденныя слухами о приближеніи европейцевъ (Фильхнеръ и Тафель должны были снова переодѣться въ магометанъ, на этотъ разъ ходжей изъ Восточнаго Туркестана, для отклоненія подозрѣній). Если вождь Ва́серр оказалъ содѣйствіе къ успѣшному дальнѣйшему движенію экспедиціи, давъ ей проводниковъ и уступивъ вьючныхъ животныхъ, то населеніе Ко́ргача, на востокъ отъ перваго, на территоріи племени Ка́нсерр, встрѣтило путешественниковъ такъ враждебно, что тѣ поспѣшили скорѣе выйти изъ его предѣловъ.

Мѣстность по пути экспедиціи приняла крайне изсѣченный характеръ; узкія долины чередовались съ многочисленными перевалами; почва была нерѣдко болотистая, прорѣзываясь ручьями. Враждебныя дѣйствія племени Кнаба [2], требовавшія отъ экспедиціи ускоренныхъ переходовъ, во избѣжаніе плѣна, заставили Фильхнера отдѣлиться отъ каравана яковъ съ тяжелымъ багажемъ, поручивъ его доставку двумъ проводникамъ изъ Васерр [3], а самому двигаться налегкѣ вмѣстѣ съ д-ромъ Тафель и взятыми изъ Си-нинъ фу людьми на лошадяхъ [4].

Избавившись отъ погони племени Кна́ба, экспедиція двигалась, начиная съ 5 октября, въ восточномъ направленіи по весьма извилистой линіи маршрута въ зависимости отъ неровной поверхности почвы. Главное затрудненіе для движенія составляли, однако, обширныя болотистыя пространства съ высокими тростниковыми чащами, гдѣ гибли лошади. По склонамъ горъ разстилались обширные сосновые лѣса.

10 октября экспедиція вступила въ область бассейна Янъ-цзы (рѣки Минь?), а 11 октября достигла Сунъ-пань тина.

18 октября экспедиція, отдохнувъ отъ трудностей и лишеній послѣдней части пути, направилась изъ Сунъ-пань тина на сѣверъ, перешла въ долину Бай-шуй (западнаго верховья р. Цзя-линъ) вплоть до Вэнь сянь и затѣмъ поднялась по Бай-лунъ цзяну, восточному верховью той же рѣки, и черезъ водораздѣльный перевалъ въ Минь чжоу. Отсюда былъ избранъ прямой сѣверный маршрутъ въ Ланьчжоу фу, куда экспедиція прибыла 5 ноября. Заѣхавъ въ Си-нинъ фу, за остававшейся тамъ все время супругой, Фильхнеръ вмѣстѣ съ д-ромъ Тафелемъ прибылъ по рѣкѣ Хань въ Ханькоу и затѣмъ Шанхай, гдѣ простился съ д-ромъ Тафелемъ, который остался въ Китаѣ для снаряженія собственной экспедиціи въ сѣверо-восточный Тибетъ[1]).

Тогда какъ рядъ болѣе или менѣе значительныхъ экспедицій трудился надъ изслѣдованіемъ сѣверо-западнаго, сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета вмѣстѣ съ пограничной китайско-тибетской полосою, изслѣдованіе южнаго Тибета остановилось на работахъ пандитовъ 80 гг., въ виду того, что свѣдѣнія о позднѣйшихъ ихъ изслѣдованіяхъ, если таковыя даже были, не проникали въ печать. Всѣ немногочисленныя попытки европейцевъ произвести съ этого направленія изысканія хотя бы въ предѣлахъ ближайшей пограничной полосы терпѣли полное крушеніе[2]. Одинъ разъ только, казалось, подобная попытка обѣщала успѣхъ: въ 1885 г. индійскому правительству удалось добиться разрѣшенія пекинскаго двора на отправку въ Тибетъ посольства, которое должно было вести переговоры съ тибетскимъ правительствомъ въ Лхасѣ насчетъ установленія прямыхъ торговыхъ сношеній между Индіей и Тибетомъ[3]. Во главѣ посольства былъ поставленъ секретарь Бенгальскаго правительства—Маколей, полтора года (въ 1884 г.) передъ тѣмъ пытавшійся завязать на границѣ Сиккима пере-

говоры съ тибетцами и получившій даже дружественное письмо отъ перваго министра Пан-ч'ен римпоче. Въ составъ экспедиціи входило нѣсколько ученыхъ изслѣдователей, между прочими капитанѣ Таннеръ для топографическихъ работъ, Саратъ Чандра Дасъ и другіе. Экспедиціи не удалось пойти дальше границы, такъ какъ уже въ 1886 г. китайское правительство употребило всѣ уловки своего испытаннаго дипломатическаго искусства, чтобы лишить силы данное имъ обѣщаніе, и генералъ-губернаторъ Индіи, дѣйствуя на основаніи инструкцій лорда Солсбери, который держался общепринятаго въ то время, но преувеличеннаго взгляда на военное могущество Китая, предписалъ миссіи-посольству вернуться обратно[1].

Черезъ долгій промежутокъ въ 11 лѣтъ, именно 1897 г., журналистъ Сэвэджъ Лэндоръ (A. Henry Savage Landor) пытался проникнуть въ страну со стороны княжества Кумаонъ, избравъ для этой цѣли перевалъ Ланъ-пя (Lumpiya Lek). Онъ успѣлъ обогнуть съ юга озеро Ракас-тал и Манасаровар и дойти до селенія Дуксам на пути въ долину Цзанъ-по; въ указанномъ мѣстѣ, однако, онъ былъ схваченъ тибетскими властями и, согласно его свидѣтельству, подвергнутъ жестокимъ истязаніямъ, послѣ чего былъ отправленъ на индійскую границу. Всѣ похожденія злополучнаго журналиста въ Тибетѣ описаны со множествомъ иллюстрацій въ книгѣ: Landor «In the forbidden Land» (London 1898)[2].

Въ 1899 г. вышла въ свѣтъ книга A. Waddell, «Among the Himalayas», представлявшая результаты его наблюденій и изслѣдованій въ Гималайской горной странѣ въ предѣлахъ Сиккима и восточнаго угла Непала и впечатлѣній отъ нѣсколькихъ экскурсій въ пограничной полосѣ вплоть до переваловъ, ведущихъ внутрь тибетской территоріи (главнымъ образомъ въ Чумби: Джелеп, Танъ-кар, Гора, Донъ-кя; отъ перевала Гора бывшій съ нимъ Кинтопъ проникъ въ Чумби и на тибетское нагорье до параллели Кала ц'о). Первое путешествіе за Гималаи Уоддель

совершилъ еще въ началѣ 80 гг.; дальнѣйшее же пребываніе въ Дарджилинѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ позволило ему заняться изученіемъ тибетскаго языка и собираніемъ всякаго рода свѣдѣній о тибетской странѣ черезъ знакомство съ пандитами-топографами и представителями многочисленной тибетской колоніи въ указанномъ городѣ. Эти свѣдѣнія пополнялись и исправлялись во время странствованій на протяженіи многихъ сотень миль по горнымъ тропамъ вдоль тибетской границы отъ Гарвала и Непала на западѣ до Ассама на востокѣ, при чемъ Уоддель успѣвалъ неоднократно проникнуть на нѣсколько дней пути внутрь тибетской территоріи въ округахъ, болѣе удаленныхъ отъ столицы, гдѣ охрана велась менѣе бдительно (напр. къ истокамъ Сетледжа). Въ 1892 г. онъ даже пытался пробраться переодѣтый паломникомъ въ Лхасу, но былъ узнанъ и отосланъ обратно[1].

Другой англійскій изслѣдователь—альпинистъ R. Douglas Freshfield, избравшій предметомъ изысканій горную мѣстность вокругъ вершины Кан-чен-джу-н'а (пиш. Ган'с-ч'ен-мдзод (или рДже)-лН'а—пять хранилищъ (или властителей) обширнаго глетчера)[2] и въ ходу своихъ работъ переходившій на нѣкоторое разстояніе внутрь тибетской территоріи, издалъ въ 1903 г. описаніе своихъ экскурсій, главнымъ образомъ съ альпинистической точки зрѣнія подъ заглавіемъ: «Round Kantchenjunga». Онъ же составилъ статью «Roads to Tibet», съ картою въ Geographical Journal, January 1904, стр. 80—91, пользуясь матеріалами, собранными неутомимымъ англійскимъ пограничнымъ агентомъ Сиккима, капитаномъ О'Конноръ, и изданными тѣмъ въ «Routes in Sikkim», 1900 [3].

Примѣръ европейскихъ изслѣдователей Тибета не замедлилъ возбудить соревнованіе и японцевъ, которые научились подражать европейцамъ не только въ одномъ этомъ отношеніи, и вотъ на сцену являются японскіе изслѣдователи Цент-

ральной Азіи—экспедиція Отани, и японскіе путешественники по Тибету [1]. Задача послѣднихъ была значительно облегчена монгольскимъ складомъ японскихъ физіономій, такъ что ихъ энергіи не грозило никакихъ серіозныхъ опасностей, кромѣ физическихъ лишеній. Первымъ японцемъ, проникшимъ въ Тибетъ и Лхасу, о которомъ мы располагаемъ достаточно достовѣрными свѣдѣніями, былъ бонза Екои Кавагуци[2]. Послѣдній, изучивъ тибетскій языкъ[3], пробрался подъ видомъ врача[4] изъ Непала[5] въ западный Тибетъ въ началѣ 1901 г. и, слѣдуя долиною Цзанъ-по черезъ Шихацзе[6], прибылъ въ Лхасу[7]. Въ столицѣ онъ оставался до мая 1902 г., когда слухи о пребываніи въ странѣ иностранца достигли столичныхъ властей, и Кавагуци былъ вынужденъ тайно бѣжать, благополучно достигнувъ границы[8]. Въ наказаніе многіе изъ его друзей въ монастыри Сера, гдѣ онъ жилъ, были заточены и, какъ слышалъ Уоддель[9], даже ослѣплены по приказанію Далай-ламы.

Краткій разсказъ объ этомъ путешествіи въ Century Magazine, January 1904 и докладъ путешественника въ Азіатскомъ Обществѣ (Asiatic Society of Japan) въ Іокохамѣ, напечатанный въ Japan W. Mail, 6 Febr. 1904, подъ заглавіемъ «Personal experiences among the tibetans»[10], не способны были расширить европейское знакомство съ Тибетомъ, такъ какъ географическія открытія Кавагуци въ области Священныхъ озеръ и истоковъ Цзанъ-по представляются весьма сомнительными; въ разсказѣ Century Magazine кромѣ того замѣчается путаница въ хронологическихъ датахъ, не внушающая довѣрія къ путешественнику [11].

Въ порядкѣ времени надлежитъ обратиться теперь къ англійской «миссіи» 1903 и 1904 гг., которая, помимо непосредственныхъ политическихъ результатовъ, принесла большую пользу и географическому знакомству съ южнымъ Тибетомъ вдоль пройденнаго англійскимъ отрядомъ маршрута. На всемъ пути какъ главной экспедиціи, такъ и спеціальной

экспедиціи въ Шихацзе и Гарток (послѣ заключенія мирнаго договора), производились тщательныя съемочныя и тріангуляціонныя работы офицерами-топографами, при чемъ былъ установленъ окончательно точный топографическій обликъ важнѣйшихъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ частей Южнаго Тибета въ раіонѣ дѣйствій экспедиціи.

Чтобы представить полную картину топографическихъ работъ, выполненныхъ въ англійскую кампанію 1903—4 гг. въ Тибетѣ, необходимо остановиться прежде всего на путешествіи, совершенномъ въ 1903 г. до похода въ Лхасу капитаномъ Роулингъ (Rawling) и лейтенантомъ Харгривсъ (Hargreaves) въ западномъ Тибетѣ [1].

Эти изслѣдователи прошли часть Западнаго Тибета между границею Ладака на западѣ и 84 меридіаномъ на востокѣ (крайній восточный пунктъ экспедиціи былъ 83° 35′ в. д.) и между Куэнь-лунемъ на сѣверѣ и округомъ Рудок на югѣ, или между 35° 20′ и 33° 15′ с. ш., продоживъ значительно на востокъ и юго-востокъ маршрутъ капитана Дези въ 1896 г. Благодаря произведенной тріангуляціи, съемка экспедиціи, связавъ работы русскихъ на сѣверѣ и англичанъ на югѣ, установила основаніе для правильнаго построенія карты этой части Тибета. [2]

Выйдя изъ Ле, экспедиція слѣдовала сперва маршруту Дези до Шеменъ ц'о[3] и цѣпи Ларгот-ганъ-ри, откуда простирается на востокъ почти неизвѣстная дотолѣ мѣстность съ солеными озерами—Ару ц'о и другими,[4] сильно пересѣченная и труднопроходимая [5] (особенно внутри цѣпи Ару ц'о). Между озеромъ Мамер ц'а-к'а и Горъ-ц'о расположены довольно значительныя золотыя розсыпи, разрабатываемыя самымъ примитивнымъ образомъ [6]; такіе-же пріиски имѣются и на сѣверъ отъ Горъ-ц'о.[7] Повернувъ на сѣверъ отъ указаннаго озера, Роулингъ пересѣкнулъ большую горную цѣпь съ вершинами въ 7000 м., названную имъ группою Дези, [8] и посѣ-

тивъ на западѣ озеро Ѣшил-кул, гдѣ соединился снова съ Харгривсомъ [1], вышелъ къ озеру Маркхамъ, подъ 35° с. ш. и 83° 20′ в. д., 27 километровъ въ длину и 6—7 килом. въ ширину [2]; въ западной половинѣ озера вода оказалась почти прѣсная благодаря впаденію значительной рѣки; истокъ озера на СВ. незначителенъ. [3]

Обратный маршрутъ экспедиціи отъ озера Маркхамъ прошелъ почти параллельно переднему пути Роулинга, только на 100 кил. по птичьему полету восточнѣе и южнѣе, мимо озеръ Хунинъ ц'о [4] и Бумц'о [5] и селеніе Н'о съ 80 домами и 500 обитателями [6]. Золотые пріиски Мунак-т'ок на ЮЗ. отъ Бумц'о, въ 8 или 9 миляхъ разстоянія остались непосѣщенными вслѣдствіе противодѣйствія туземцевъ [7]. Отъ селенія Но экспедиція прошла сперва около среднихъ озеръ въ цѣпи озеръ Ц'о-мо-п'а-лха-ри [8], затѣмъ въ виду трудности движенія по берегу нижнихъ озеръ пересѣкла горную страну напрямикъ къ границѣ Ладака.

Путешествіе Роулинга сообщило важный фактъ, что озеро Ару ц'о имѣетъ прѣсную воду [9], тогда какъ Боуеръ назвалъ его соленымъ, а Дези—солоноватымъ. Это первое подтвержденіе быстраго измѣненія количества содержанія соли въ тибетскихъ озерахъ. Другое извѣстіе, принесенное Роулингомъ, указываетъ на то, что мѣстность между Ару ц'о и Бум ц'о, несмотря на скудное орошеніе, посѣщается караванами изъ Рудок въ Восточный Туркестанъ [10].

Общій маршрутъ экспедиціи охватилъ 1300 километровъ, а снятая на карту площадь, большею частью неизслѣдованной, мѣстности 88,000 кв. кил. (35,000 квадр. миль).

Причины, вызвавшія отправку военной миссіи въ Лхасу, и теченіе предварительныхъ дипломатическихъ переговоровъ между Англіей и Тибетомъ, въ связи съ общей характеристикою сношеній между обѣими странами, будутъ изложены въ подробности въ отдѣлѣ настоящаго описанія, спе-

ціально посвященномъ разбору историческаго прошлаго Тибета, здѣсь же достаточно лишь подвести итоги этой экспедиціи съ географической и вообще научной точки зрѣнія[1].

Задолго до окончанія, англійская экспедиція 1904 г., возбудивъ общее вниманіе къ Тибету среди европейской публики, дала толчекъ къ появленію въ европейской литературѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изданій и многочисленныхъ статей, трактовавшихъ разсматриваемый предметъ съ различныхъ сторонъ. Наиболѣе значительными изъ этихъ изданій являются общія описанія Тибета: 1) Grenard «Le Thibet[2]» и 2) Wegener, Dr Georg, «Tibet und die Englische Expedition[3]», затѣмъ Sandberg. «Exploration of Tibet[4]» и, наконецъ, совпавшія по времени съ выступленіемъ въ походъ англійской миссіи, изданія документовъ и рукописей, оставленныхъ прежними путешественниками по Тибету XVII и XVIII стол. (Дезидери и Грюбера съ Дорвилемъ). [5] Не касаясь послѣднихъ изданій—Пуини и Тронньe, отмѣченныхъ раньше, надлежитъ остановиться лишь на краткомъ выясненіи цѣнности трехъ другихъ работъ изъ числа указанныхъ[6]. Несомнѣнно, первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ книгѣ Гренара, обладающей крупными достоинствами, хотя и не свободной отъ недостатковъ (см. отзывъ Ольденбурга въ Ж. М. Н. Просв., ноябрь 1904 г.)[7]. Въ пользу этой книги говоритъ уже то, что она составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Дютрейль дэ-Рэнсомъ и Гренаромъ во время ихъ путешествія по Тибету 1892—4 гг. и слѣдовательно болѣе или менѣе фактически провѣренныхъ. Матеріалы эти уже не новы для спеціалистовъ, такъ какъ вошли въ разные отдѣлы «Mission Scientifique dans la Haute Asie» и представлены въ новой книгѣ лишь въ болѣе удобной и связной формѣ. Сборникъ, или компиляція Вегенера, напротивъ, не отличается ни достаточной полнотою, ни достовѣрностью, либо новизною нѣкоторыхъ использованныхъ источниковъ[8]; спѣшность составленія, видимо, послужила въ

ущербъ достоинствамъ внутренняго содержанія. Третья книга Сандберга, при всемъ интересѣ затрагиваемаго вопроса—исторія изслѣдованія Тибета—страдаетъ тѣмъ-же недостаткомъ, какъ и книга Вегенера—неполнотою, многими неточностями, особенно въ датахъ, несоотвѣтственнымъ вниманіемъ къ трудамъ однихъ путешественниковъ (капуциновъ и англичанъ) въ ущербъ другимъ (іезуитамъ и русскимъ). О первомъ путешествіи шведа Гедина въ Тибетъ не сказано ни слова; второе изображено такъ сжато, что не даетъ ни малѣйшаго представленія о важности произведеннаго Гединомъ изслѣдованія. Вопреки столь крупнымъ пробѣламъ и погрѣшностямъ книга Сандберга интересна тѣмъ, что даетъ довольно полный обзоръ англійскихъ путешествій, въ частности изслѣдованій пандитовъ, съ выдержками изъ подлинныхъ отчетовъ и описаній, и подробно рисуетъ работы капуцинской миссіи, заимствуя данныя изъ недавно изданнаго дневника одного изъ членовъ этой миссіи.

Всѣ указанныя изданія предшествовали по времени составленія окончанію англійской миссіи, и авторы ихъ не имѣли передъ собою результатовъ этого похода, измѣнившихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ установленную точку зрѣнія. Поэтому представляются болѣе важными изданія самихъ участниковъ похода, которыя позволяютъ сдѣлать заключеніе объ успѣшности результатовъ «миссіи» для расширенія различныхъ сторонъ европейскаго знакомства съ Тибетомъ. Въ этомъ отношеніи ихъ значеніе не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, хотя не надо забывать, что ими еще не использованы вполнѣ всѣ матеріалы и фактическія данныя, собранные во время похода, такъ какъ разработка послѣднихъ потребуетъ значительно большаго промежутка времени[1]; но и въ качествѣ предварительныхъ отчетовъ, изданія участниковъ похода даютъ очень много и освѣщаютъ географическую картину южнаго Тибета достаточно яркимъ свѣтомъ точныхъ фактовъ

и провѣренныхъ личнымъ наблюденіемъ европейца выводовъ.

Помимо изданій, рисующихъ ходъ экспедиціи исключительно съ военной и дипломатической точекъ зрѣнія[1], и помимо картъ, не сообщающихъ географическаго матеріала для европейскаго изслѣдователя, вниманіе послѣдняго въ особенности останавливается на сочиненіи П. Лэндона въ двухъ томахъ (Landon, P. «Lhasa. An account of the country and people of Central Tibet and of the progress of the Mission sent there by the English goverument in the year 1903—4. Written with the help of all the principal persons of the Mission». London 1905) и А. Уодделя (Waddell, A. «Lhasa and its mysteries». London 1905) въ одномъ томѣ. Обѣ работы изобилуютъ превосходными рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ—большей частью фотографическими снимками, которые имѣютъ научную цѣнность уже потому, что объясняютъ нерѣдко предметъ лучше всякихъ описаній[2]; но и въ послѣднемъ отношеніи Лэндонъ даетъ блестящіе примѣры; его описаніе Ямдок ц'о поразительно по своей картинности и яркости красокъ; такъ точно ни одинъ художникъ не дастъ лучшей картины Лхасы на полотнѣ, чѣмъ дѣлаетъ это Лэндонъ на словахъ[3].

Съ географической точки зрѣнія интересны въ книгѣ Лэндона описаніе долины Чумби (т. I, гл. IV), при чемъ отмѣчается фактъ существованія въ долинѣ обваловъ огромныхъ горныхъ массъ (стр. 118—119, съ фотографіей на 119 стр. одной подобной обвалившейся каменной глыбы), окрестностей Гжянъ-цзе (т. I, гл. VII), озера Ямдок, наконецъ, Лхасы, съ указаніемъ различныхъ интересныхъ подробностей, отчасти подтверждающихъ сообщенія Гюка, Цыбикова, Даса и Наинъ Синга, отчасти ускользавшихъ доселѣ отъ вниманія наблюдателей (напримѣръ, изъ крышъ Чжу-к'ана только одна, можетъ быть, сдѣлана изъ золота, остальныя изъ золоченой мѣди). Изъ

приложеній важны: замѣтки Уольтона относительно естественной исторіи Тибета (прил. A въ I томѣ, стр. 391—410) и составленный О'Коннором очеркъ современнаго состоянія Тибета (въ частности дается характеристика его населенія) въ связи съ его правительствомъ и вообще системою управленія страны (прил. D во II томѣ, стр. 343—360)[1]; въ числѣ приложеній интересны матеріалы для этнографіи Тибета (образцы фольклора въ прил. G на стр. 368—375 во II томѣ, также замѣтка относительно тибетской медицины на стр. 383). Бытовыя подробности встрѣчаются и во многихъ мѣстахъ текста самой книги, въ дополненіе къ особой главѣ (XI) въ первомъ томѣ, озаглавленной: «Суевѣріе, обычаи и нравы, искусство», съ многочисленными рисунками, важными съ этнографической точки зрѣнія. Въ концѣ книги помѣщена прекрасная карта южнаго Тибета по линіи маршрута экспедиціи.

Сочиненіе Уодделя не отличается блескомъ изложенія, характеризующимъ Лэндона въ особенности въ его описаніяхъ картинъ природы, но проникаетъ глубже въ религіозную жизнь народа (примѣромъ можетъ служить прекрасное описаніе посѣщенія скита отшельниковъ-созерцателей (см. также у Лэндона, «Lhasa» I), хотя пренебрежительное отношеніе Уодделя къ этимъ фанатикамъ кажется не вполнѣ заслуженнымъ[2]. Любопытно описаніе Уодделя, съ фотографіями, буддійскихъ монахинь, обычно грязныхъ, необразованныхъ, со своеобразнымъ головнымъ уборомъ. Уоддель же первый далъ фотографическій снимокъ службы въ тибетскомъ монастырѣ (въ Сера); можно также упомянуть новое описаніе покоевъ и внутренняго устройства Бодалы. Съ этнографической точки зрѣнія интересны подробности о питаніи тибетскихъ солдатъ (въ главѣ о тибетской арміи), характеристика населенія Лхасы и его быта, свѣдѣнія о тибетской медицинѣ и другія указанія, разсѣянныя въ книгѣ, хотя можно пожалѣть, что Уоддель не сгруппировалъ свои наблюденія въ особой главѣ, какъ это

сдѣлано Рокгилемъ по отношенію къ матеріаламъ Саравтъ-Чандра-Даса (см. «Путешествіе въ Тибетъ», глава XI)[1].

Съ географической точки зрѣнія Уоддель даетъ, помимо подробнаго описанія маршрута, еще указанія на важные географическіе факты, напримѣръ, пониженіе уровня въ многочисленныхъ водныхъ закрытыхъ бассейнахъ южнаго Тибета: Кала ц'о лишенъ нынѣ истока, соединявшаго его въ эпоху Тэрнера съ р. Нянъ; террасы на высотѣ 30 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ воды въ Ямдок ц'о подтверждаютъ справедливость указаннаго явленія и по отношенію къ этому озеру; кромѣ того, уровень воды въ озерахъ подверженъ колебаніямъ въ зависимости отъ временъ года (таянія снѣга и атмосферныхъ осадковъ); ледники въ Тибетѣ также постепенно уменьшаются въ отношеніи занимаемой площади, подобно озерамъ. Съ географической точки зрѣнія важны описанія Уодделя Гжянъ-цзе, долины рѣки Цзанъ-по въ пунктѣ переправы Чаксзам и ниже по теченію (со словъ Кюнтопа), княжества Поюл въ юго-западномъ Тибетѣ, окрестностей Лхасы и т. д.[2] Планъ тибетской столицы, составленный Уодделемъ, дополняетъ планъ Лэндона; первый изобилуетъ подробностями, второй отличается болѣе тщательнымъ рисункомъ, будучи составленъ офицерами топографами отряда—капитаномъ Райдеромъ и лейтенантомъ Коуи (Cowie).

Такъ какъ географическое и топографическое изслѣдованіе не составляли спеціальнаго предмета занятій указанныхъ авторовъ, то для ознакомленія съ результатами работъ экспедиціи въ этомъ отношеніи надлежитъ обратиться къ другимъ источникамъ, въ частности къ указаннымъ на 218 стр. въ прим. 2 статьямъ Юнгхозбенда и Деникера и еще неупомянутой статьѣ капитана Райдера, завѣдывавшаго топографическимъ отдѣломъ экспедиціи[3], дополненной книгою Роулинга[4].

Важнѣйшимъ географическимъ результатомъ экспедиціи, по мнѣнію Юнгхёзбенда, является опроверженіе созданнаго

изслѣдованіями въ сѣверномъ Тибетѣ представленія въ европейской литературѣ и даже наукѣ, будто все тибетское нагорье—суровая, печальная и негостепріимная страна. Подобная характеристика справедлива лишь по отношенію къ сѣверной части Тибета, правда, занимающей $^2/_3$ общей площади, южный же Тибетъ по линіи маршрута экспедиціи столь же привѣтливъ и гостепріименъ, какъ Кашмиръ или Непалъ, усѣянъ цвѣтущими селеніями и комфортабельными жилищами тибетскаго дворянства, среди полей по склонамъ горъ и въ глубинѣ долинъ и многочисленныхъ рощъ деревьевъ. Долины, въ которыхъ расположены Лхаса, Гжянъ-цзе и Шихацзе, и долина Брамапутры (Цзанъ-по) суть не безплодныя плато или узкія ущелья, подобно долинамъ Сѣвернаго или Восточнаго Тибета; это—плоскія долины отъ 4 до 10 миль въ ширину, съ хорошей почвою, прекрасно орошенныя и тщательно воздѣланныя. Этотъ въ высшей степени важный географическій фактъ, находившій себѣ случайное упоминаніе и у прежнихъ путешественниковъ XVIII и XIX стол.—европейцевъ и пандитовъ, въ послѣдніе годы былъ совершенно заслоненъ и отодвинутъ на задній планъ впечатлѣніями недавнихъ путешествій по сѣверному и сѣверо-восточному Тибету.

Къ этому основному факту Юнгхозбендъ и Райдеръ прибавляютъ нѣкоторыя подробности и поясненія, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ общаго географическаго описанія Тибета; достаточно упомянуть, что вопросъ о существованіи снѣжнаго пика на полуостровѣ озера Ямдок разрѣшается всѣми членамъ экспедиціи отрицательно. Согласно этимъ же новѣйшимъ наблюденіямъ, озеро въ настоящее время не имѣетъ истока, будучи отрѣзано отъ Ронъ-ч'у.

На всемъ протяженіи маршрута экспедиціи, велась самая подробная и точная съемка мѣстности офицерами-топографами подъ общимъ наблюденіемъ капитана Райдера. Съемка эта

показала, что, за самыми ничтожными исключеніями, карты, составленныя на основаніи съемокъ пандитовъ, производившихъ свои работы при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, оказались совершенно правильными. Успѣхъ новой съемки надъ прежней выразился лишь въ большей отчетливости топографическаго изображенія посѣщенной мѣстности, какъ дѣлается ясно изъ сравненія карты Фрешфильда въ статьѣ «Roods to Tibet» съ картами Лэндона и Кэндлера.

Топографическія работы экспедиціи были начаты еще въ 1903 г. во время безрезультатнаго пятимѣсячнаго пребыванія дипломатической миссіи Юнгхозбенда въ К'амба дзонѣ. За время съ іюля по ноябрь этого года Райдеръ снялъ мѣстность, окружающую городъ, на карту и измѣрилъ видимые пики Гималаевъ, разрѣшивъ вопросъ о наибольшей вершинѣ этихъ горъ, каковой по прежнему остается гора Эвереста (Джомо ганъ-кар), и установивъ первую базу тріангуляціи, которая вмѣстѣ съ позднѣйшими базами 1904 г. должна была связать Южный Тибетъ съ сѣтью Индіи. Одновременно съ Райдеромъ геологъ Гайденъ (Hayden) производилъ геологическія изысканія, которыя въ связи съ дальнѣйшими его работами въ той же области, между прочимъ, показали, что въ древнюю геологическую эпоху Тибетъ находился подъ моремъ, омывавшимъ подножье гранитной гряды Гималаевъ и что главная цѣпь Гималаевъ геологически является болѣе новѣйшаго образованія. Другіе участники экспедиціи въ К'амба дзонѣ—Прэнъ (Prain) и Уольтонъ собирали естественно-историческія коллекціи, О'Конноръ велъ общій дневникъ экспедиціи, производилъ метеорологическія наблюденія и совершалъ экскурсіи по странѣ (см. Синюю книгу 1904, гдѣ среди приложеній къ № 129 помѣщены записи О'Коннора; тамъ же находимъ карту съ обозначеніемъ путей между Индіей и Тибетомъ).

Маршрутъ экспедиціи 1904 г., явившейся какъ результатъ неуспѣха политической миссіи 1903 г., прошелъ черезъ

долину Чумби, Пари дзонъ[1] и перевалъ Данъ-ла, за которымъ, какъ за водораздѣломъ между индійскими и внутренними тибетскими водами, начинается географическая территорія собственнаго Тибета, связанная съ долиною Чумби лишь искуственными политическими условіями; далѣе въ Гжянъ-цзе, и, минуя перевалъ К'аро по сѣверо-западному берегу Ямдок ц'о къ перевалу К'амба, и долинѣ Цзанъ-по и Кчін-ч'у и вверхъ по послѣдней до Лхасы.

Въ Гжянъ-цзе была измѣрена вторая база тріангуляціи, третья же—въ Лхасѣ, при чемъ вершина базы была помѣщена на холмахъ высотою въ 5,800 метровъ, окружающихъ перевалъ Пенбо, въ 10 миляхъ къ сѣверу отъ Лхасы по главной сѣверной дорогѣ. Съ этого перевала Райдеръ и его помощникъ Коуи нанесли на карту широкую долину, спускающуюся далѣе къ сѣверу, густо населенную и хорошо воздѣланную, и отмѣтили различные выдающіеся пункты на сѣверѣ и востокѣ, въ томъ числѣ снѣжные пики Гюкъ и Габе на югъ отъ Тенгри норэ, упоминаемые Литтльдэлемъ и Бонвало (наибольшая вершина 23,250 ф.). Во время пребыванія въ столицѣ Райдеръ и Коуи произвели наблюденія надъ широтою и долготою города (29°39′16″ с. ш. и 90°57′13″ в. д.) и сняли планъ города и окрестности въ масштабѣ 1: 10,500, при чемъ чтобы не возбудить подозрѣній туземцевъ, не пользовались планшетомъ а только буссолью, разстоянія же измѣряли шагами. Кромѣ того ими было произведено рядъ наблюденій для опредѣленія высоты города надъ уровнемъ моря при чемъ окончательная цифра была 3,549 метровъ вмѣсто 3.632 метровъ Наинъ-синга.

На обратномъ пути изъ Лхасы Райдеръ съ высоты перевала До, между Цзанъ-по и Ямдок ц'о, произвелъ наблюденія (путемъ визированія) надъ вершинами Бутана, опредѣленными уже со стороны Индіи, и надъ одной изъ точекъ

тріангуляціи вокругъ Лхасы, связавъ такимъ образомъ этотъ городъ съ сѣтью Индіи.

Въ результатѣ топографическія работы главной экспедиціи къ Лхасѣ дали тріангуляцію области въ 116,550 кв. кил. отъ границы Сиккима до Лхасы, измѣреніе высоты и опредѣленіе положенія всѣхъ видимыхъ вершинъ, съемку въ масштабѣ 4 дюймовъ на 1 милю для области въ 44,000 кв. кил. и въ вдвое болѣе крупномъ масштабѣ для области въ 7,770 кв. кил., именно, окрестности Гжянъ-цзе, Лхасы, долины Чумби; съемка въ масштабѣ 1 дюйма на 1 милю всего пути экспедиціи; составленіе плановъ Лхасы и Гжянъ-цзе.

На обратномъ пути предполагалось отправить развѣдочныя экспедиціи въ сторону отъ маршрута главной экспедиціи, внизъ по Цзанъ-по къ ея прорыву черезъ Гималаи на границѣ Ассама и вверхъ по рѣкѣ черезъ Шихацзе въ Гартокъ, открытый для англичанъ согласно договору 7 сент. 1904 г.[1]. Изъ этихъ экспедицій состоялась только вторая—вверхъ по Цзанъ-по, при томъ-же не отъ устья Кчіи ч'у, а лишь отъ Шихацзе, подъ начальствомъ Роулинга[2] и при участіи Райдера и Уда[3].

Эта экспедиція вышла изъ Гжянъ-цзе 10 октября 1904 г. и вдоль р. Нянъ по обычному пути[4] достигла Шихацзе[5]. До этого города ее сопровождалъ кап. О'Конноръ, только что назначенный въ качествѣ британскаго торговаго агента въ Гжянъ-цзе, и проѣхавшій въ Дашійхлунбо для перваго офиціальнаго визита Таши-ламѣ, который оказалъ ему въ высшей степени сердечный и почетный пріемъ[6]. Въ Шихацзе экспедиція посѣтила монастырь Дашійхлунбо[7] и пять гробницъ[8] бывшихъ Панч'ен ринпоч'е, описанныхъ вполнѣ точно и картинно Боглемъ (въ его время гробницъ было только три) и представилась[9] вмѣстѣ съ О'Коннором нынѣшнему шестому въ ряду іерарховъ Панчен-римпоче носителю этого

высокаго сана, временно державшему бразды верховнаго управленія страны вслѣдствіе бѣгства Далай-ламы. *)

18 октября экспедиція вышла изъ Шихацзе, слѣдуя до Пинджолина по дугѣ въ значительномъ разстояніи отъ Цзанъ-по, извѣстной у мѣстнаго населенія подъ именемъ Мацзанъ[1]. На третій день пути отъ Шихацзе мѣстность пріобрѣтаетъ типичный характеръ Западнаго Тибета, столь же отличный, по словамъ Роулинга, отъ ландшафта Восточнаго Тибета, какъ свѣтъ отличается отъ мрака. Покрытыя травою равнины уступили мѣсто галечнымъ пространствамъ, и даже самый видъ холмовъ измѣнился. Поля стали попадаться гораздо рѣже, селенія отстояли дальше одно отъ другого и дома сдѣлались меньше. На четвертый день движенія экспедиція достигла Пинджолина[2], выйдя незадолго передъ тѣмъ на берегъ Цзанъ-по[3]. Между Пинджолиномъ и Лхацзе Цзанъ-по проходила по ущелью между крутыми, мѣстами отвѣсными утесами [4]. Несмотря наступившее сухое время года, рѣка имѣла еще значительную массу воды. Живописныя небольшія селенія, окруженныя деревьями и полями, разбросаны по обоимъ берегамъ, занимая всѣ болѣе ровныя мѣста. Вода въ болѣе спокойныхъ частяхъ русла рѣки кишѣла рыбою, до 3-хъ фунтовъ вѣсомъ, близко напоминавшей mahseer въ Индіи, но еще съ болѣе длинными щупальцами. На вкусъ эта рыба вполнѣ удовлетворительная, но очень костиста[5].

Передъ Лхацзе долина рѣки расширяется; въ серединѣ образовавшейся такимъ образомъ равнины возвышается на правомъ берегу рѣки высокая скала, занятая фортомъ[6], самое же селеніе и монастырь расположились у подножія скалы[7].

---

*) Настоящее свиданіе англійскихъ представителей съ Таши-ламою можно сопоставить съ аналогичнымъ свиданіемъ, только на полтора года позже, русскаго путешественника, облеченнаго также оффиціальнымъ порученіемъ, съ Далай-ламою въ далекой Ургѣ.

Отъ Лхацзе (пиш. лха-рЦе-Дзонъ[1]) одна [2] партія экспедиціи направились вдоль праваго берега Цзанъ-по, при чемъ первые три дня пути тропа шла по узкому карнизу, будучи высѣчена въ утесахъ, нависшихъ надъ рѣкою, и мѣстами укрѣплена деревянными подпорками. Иногда тропа такъ суживается, что навьюченное животное не можетъ пройти съ ношею, не рискуя свалиться само въ рѣку, или потерять, по меньшей мѣрѣ, поклажу отъ удара о выступъ скалы, какъ это и случилось даже съ однимъ носильщикомъ Роулинга [3]. Въ долинахъ рѣкъ, стекающихъ въ Цзанъ-по [4], а также въ мѣстахъ расширенія главной долины [5], встрѣчались нерѣдко селенія среди привѣтливыхъ рощъ и хорошо воздѣланныхъ полей; обитатели имѣли счастливый и цвѣтущій видъ, хотя въ общемъ страна не былъ столь густо населена, какъ можно было-бы ожидать при наличности плодородней почвы и благопріятныхъ физическихъ условій. Понынѣ остаются свободныя обширныя площади плодородной земли, густо поросшія травою, болѣе чѣмъ достаточныя для прокормленія стадъ наличнаго населенія.

За монастыремъ Rqje(построеннымъ на краю отвѣсной скалъ съ цвѣтущимъ селеніемъ у подножія послѣдней: единственной примѣчательной чертою селенія является огромный чортен съ золоченнымъ шпицемъ, наибольшій изъ ви(ѣнныхъ Роу-

Въ самомъ дѣлѣ, во время пребыванія Далай-ламы въ послѣднемъ городѣ-монастырѣ Гандань, его посѣтилъ въ іюлѣ 1906 г. Козловъ, спеціально командированный Географ. Обществомъ для привѣтствія его святѣйшества и передачи ему и его свитѣ подарковъ. Свои впечатлѣнія отъ свиданія Козловъ изложилъ въ небольшой статьѣ помѣщенной, въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1907 г. (стр. 230—219) подъ заглавіемъ „Тибетскій Далай-лама“; Козловъ между прочимъ даетъ описаніе и характеристику Далай-ламы, живущаго въ строгомъ подвижничествѣ, въ отличіе отъ свѣтскихъ удовольствій и свободной нравственности Ургинскаго гегена. Козловъ даетъ также краткія біографическія свѣдѣнія объ Агванѣ Доржіевѣ, состоящемъ при Далай-ламѣ цанитъ-ханбо-ламой.

При прощаніи Далай-лама поручилъ Козлову доставить Государю два большихъ его портрета, рисованныхъ Кожевниковымъ, съ золоченой надписью по тибетски, съ указаніемъ, что онъ раньше никогда не давалъ срисовывать себя, какъ никогда и не фотографировался.

лингомъ въ Тибетѣ послѣ чортеня Гжянъ-цзе[1] и цѣпной мостъ съ двойнымъ пролетомъ, утвержденный [2] въ серединѣ рѣки на огромномъ устоѣ прочной каменной кладки) огромныя гранитныя массы загромождали совершенно путь по берегу, хотя туземцы утверждали, что носильщики пробираются даже здѣсь. Поэтому экспедиція свернула къ югу[3]) черезъ неизслѣдованную—даже пандитами, мѣстность долины западной вѣтви рѣки Арун, или Коси.

Сравнительно низменная почва, покрытая ярко зеленой травою, оказывалась мѣстами настолько топкой, что затрудняла движеніе каравана. Безчисленные ослы, пони, яки, козы и овцы буквально усѣевали всю страну, тогда какъ на болѣе возвышенномъ грунтѣ виднѣлись селенія или развалины прежнихъ обширныхъ строеній, указывавшія на то, что раньше до опустошенія гуркасами въ 50 гг. XIX стол. весь этотъ округъ былъ гуще населенъ и имѣлъ большую политическую важность. Впрочемъ, къ настоящему времени въ мѣстахъ, наиболѣе пригодныхъ для поселенія, уже возникли по всѣмъ направленіямъ новые храмы и жилые дома Многочисленные желѣзистые источники не утилизируются въ тѣхъ же цѣляхъ, какъ въ долинѣ Chi chu. Выше въ горахъ куропатки буквально кишѣли, и Роулингъ увѣряетъ, что онъ никогда не могъ представить себѣ такое множество птицъ въ одномъ мѣстѣ.

Съ вершины холма около перевала Kūra la (17,900 ф.) путешественники могли наблюдать наиболѣе дикій участокъ Гималаевъ, съ вершиною Эвереста безупречной формы, въ 60 миляхъ разстоянія, казавшейся какъ бы гигантомъ среди пигмеевъ [4]. При этомъ случаѣ экспедиція могла установить также фактъ, что болѣе высокихъ вершинъ, чѣмъ гора Эвереста, и тѣмъ не менѣе остающихся невидимыми со стороны Индіи не существуетъ въ этой мѣстности. Однако, еще от-

крытый вопросъ, не найдется-ли такихъ вершинъ далѣе на востокъ или въ горахъ Куэнь-луня.

Перевалъ Кūга Ia раздѣляетъ воды Цзанъ-по и воды Коси (бассейна Ганга). Отсюда путешественники опустились на край равнины Динъ-ри и встрѣтили селеніе Каjи, построенное совершенно отличнымъ образомъ, чѣмъ всѣ ранѣе видѣнныя. Вмѣсто привѣтливыхъ небольшихъ выбѣленныхъ домовъ съ зелеными лужайками и рядами деревьевъ, взоръ путешественника встрѣчалъ лишь неуклюжія зданія изъ сѣраго известняка, безъ слѣда зелени и съ отгороженными загонами для скота—въ общемъ крайне однообразное зрѣлище. Однако, многочисленныя стада яковъ и овецъ доказываютъ, что равнина служитъ излюбленнымъ мѣстомъ пастбища. Послѣ дневки въ Каjи экспедиція, повернувъ на сѣверъ, вышла послѣ длиннаго перехода черезъ перевалъ Шеру ла къ Цзанъ-по.

Долина рѣки перемѣнила здѣсь совершенно свой характеръ, представляя собою болѣе открытую мѣстность съ низкими округленными горами съ обѣихъ сторонъ.

Вскорѣ затѣмъ было достигнуто селеніе Лелунъ, наиболѣе значительное на всемъ пути южной партіи и замѣчательное безчисленными стаями голубей. Въ одной мили отсюда дорога переходитъ на сѣверный берегъ Цзанъ-по, при чемъ сообщеніе поддерживается монахами [1]. Рѣка еще не стала, хотя шелъ уже ледъ и, по словамъ паромщиковъ, перевозъ долженъ былъ прекратить ходить черезъ три дня.

Въ селеніи Уеpjи на сѣверъ отъ Цзанъ-по было встрѣчено нѣсколько каменистыхъ полей, послѣдняя обработанная земля, которую экспедиція видѣла отсюда на протяженіи нѣсколькихъ сотъ миль. Населеніе питается почти исключительно молокомъ и мясомъ, такъ какъ зерна мало, и оно очень дорого. До сихъ поръ путь южной партіи шелъ по берегу рѣки, но затѣмъ, отойдя отъ послѣдней, направился

къ Саркадзонъ [1], куда Ройлингъ съ Байли прибыли послѣ 14 дней пути отъ Лхацзе.

Между тѣмъ, другая партія [2] слѣдовала почти параллельно теченію Цзанъ-по, но въ извѣстномъ разстояніи на сѣверъ отъ рѣки, по главной дорогѣ, пересѣкающей Цзанъ-по уже въ Пин-джо-линѣ, при сліяніи Цзанъ-по съ лѣвымъ притокомъ Рага цзанъ-по, который въ устьѣ имѣетъ ту-же ширину, какъ Цзанъ-по, но выше по теченію быстро суживается. Теченіе Рага цзанъ-по, почти параллельное Цзанъ-по и снятое капитаномъ Удомъ, отдѣляется отъ главной рѣки весьма изсѣченной полосою страны въ 50 километровъ шириною, съ вершинами средней высоты въ 5,500 метровъ и отдѣльными вѣчноснѣговыми пиками до 6,700 метровъ.

Для того чтобы выйти на указанную торговую дорогу, сѣверная партія спустилась отъ Лхацзе на одну милю ниже по теченію рѣки къ перевозу; багажъ былъ доставленъ на другой берегъ на лодкахъ, а пони были переправлены черезъ рѣку по броду, существующему въ этомъ мѣстѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году. Впрочемъ, глубина рѣки оказалась довольно значительной, и животныя мѣстами съ трудомъ доставали до дна.

Путь сѣверной партіи немногимъ отличался отъ пути южной въ смыслѣ физическихъ условій пройденной мѣстности. Дорога была тяжелая, перевалы многочисленны; поля исчезли много раньше, чѣмъ на болѣе южномъ маршрутѣ. Селенія попадались гораздо рѣже, деревья отсутствовали. Въ общемъ, если бъ когда-либо вдоль Цзанъ-по стала проводиться настоящая дорога, то для нея скорѣе оказалось бы предпочтительнѣе южное направленіе пути Роулинга передъ сѣвернымъ-существующая торговая дорога.

Съ зоологической точки зрѣнія спутникъ Райдера—капитанъ Удъ, могъ отмѣтить нѣсколько любопытныхъ фактовъ во время этой части путешествія, именно, онъ встрѣтилъ здѣсь

снѣжнаго леопарда, который, какъ раньше предполагали, не водится въ этой мѣстности. Еще важнѣе было то что Удъ видѣлъ, правда, лишь въ бинокль на далекомъ разстояніи, стадо обезьянъ, несмотря на то, что страна была лишена всякой растительности, кромѣ травы, и холмы были обнажены и скалисты. Уже въ 1890 г. одинъ изъ людей капитана Боуера сообщилъ ему, что видѣлъ обезьяну въ нѣсколькихъ дняхъ пути на СЗ. отъ Лхасы; этотъ фактъ былъ подвергнутъ сомнѣнію многими, утверждавшими, что обезьяны не существуютъ на нагоріяхъ Тибета. Настоящее наблюденіе Уда. повидимому, устраняетъ прежнія сомнѣнія на этотъ счетъ [1].

Послѣ 13 дней пути сѣверная партія, пройдя, черезъ область истоковъ Рага Цзанъ-по, достигла упомянутаго Сарка дзона, бѣдной деревушки изъ десятка домовъ на Ч'орта цзанъ-по, лѣвомъ притокѣ Цзанъ-по, на высотѣ 4,617 метровъ, въ значительномъ разстояніи на сѣверъ отъ Цзанъ-по. Въ этомъ пунктѣ обѣ партіи, южная и сѣверная, соединились.

Характеръ мѣстности послѣ Лхацзе дзона, какъ мы видѣли, быстро мѣняется, особенно на сѣверномъ пути; древесная растительность прекращается, лишь мѣстами встрѣчается кустарникъ, но для топлива болѣе пригоденъ аргалъ, дающій меньше дыму. Обработанные участки земли попадаются очень рѣдко и передъ Саркадзономъ совершенно исчезаютъ; кромѣ зайцевъ и немногихъ антилопъ, четвероногой дичи въ этой части долины рѣки не водится, за то птицы (тибетскихъ куропатокъ) было много. За Сарка дзонъ появляется тощая трава, вполнѣ достаточный кормъ для кіанъ и антилопъ. Долина Цзанъ-по расширяется, мѣстами видны обширныя песчаныя дюны, между которыми залегаютъ лужи, служащія пристанищемъ для водяной птицы [2].

Изъ Сарка дзона Райдеръ и Байли слѣдовали отдѣльно отъ главнаго каравана сѣвернымъ и южнымъ берегомъ Цзанъ-

по[1]) до Традома, приблизительно маршрутомъ Наинъ-синга 1865 г. Капитанъ же Роулингъ съ Удомъ прошли къ тому же пункту, черезъ гористую мѣстность на сѣверъ отъ рѣки, по обычной болѣе прямой торговой дорогѣ[2], встрѣтивъ на хребтѣ Лулун первые слѣды Ovis Ammon Hodgsonii и установивъ такимъ образомъ восточную и южную границы распространенія этого вида горнаго барана[3].

Традом[4] съ небольшимъ монастыремъ[5]—очень бѣдное селеніе среди окружающей равнины песчаныхъ дюнъ между безчисленными лужами[6]. Отсюда путь экспедиціи пролегалъ все время по широкой равнинѣ, изобиловавшей антилопами[7], вплоть до перевала Маюм ла (Мар-іум на высотѣ 16,900 ф.).

Въ общемъ, дорога держалась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣки, мѣстами сокращая разстояніе переходами по прямой линіи[8] между верхними точками изгибовъ ея теченія. На полдорогѣ между Традом и Дуксам было встрѣчено нѣсколько торговыхъ каравановъ, доставлявшихъ между прочимъ сушеные абрикосы и индійскіе штучные товары въ видѣ части подати, уплачиваемой Гартокскимъ округомъ Лхаскому правительству.

20 ноября экспедиція прибыла въ Дуксам (Труксум); въ своемъ родѣ это-важный пунктъ (каменное зданіе изъ 7 комнатъ и нѣсколько постоянныхъ палатокъ, впрочемъ, составляли все селеніе), хотя вопреки сообщенію Наинъ-Синга въ немъ дзонъ-поня не имѣется.

За Трук сум мѣстность становится совершенно безплодной, за исключеніемъ защищенныхъ ложбинъ и болѣе низменныхъ впадинъ, и почти лишенной человѣческаго жилья (развѣ только немногочисленныя группы палатокъ напоминали о человѣческихъ существахъ; недостатокъ корма не позволялъ держать здѣсь многочисленныя стада яковъ и овецъ, которыя раньше между Сарка-дзономъ и Трук-сум виднѣлись по всѣмъ направленіямъ.

Въ Нагчак рѣка Цзанъ-по имѣетъ уже столь незначительные размѣры, что доступна для переправы въ бродъ круглый годъ. Въ Rojen, отъ рѣки оставались только многочисленныя русла, наполняемыя водой съ сосѣднихъ холмовъ въ дождливый сезонъ. Отъ Rojen, подъемъ на перевалъ Маріум очень отлогъ и не представляетъ никакихъ трудностей, самъ же перевалъ отмѣченъ кучей, сложенной изъ многихъ тысячъ бѣлыхъ кварцевыхъ голышей въ 5—6 ф. вышиною. Рядомъ было расположено нѣсколько меньшихъ кучъ, отъ которыхъ были протянуты къ главной веревки съ развѣвающимися кусками матеріи, большей частью съ печатными молитвами; помимо камней, тутъ же наброшено множество роговъ ovis ammon и другихъ животныхъ, подобранныхъ путешественниками для этой цѣли по дорогѣ. Видъ съ вершины перевала со всѣхъ сторонъ замыкаются закругленными горами. Въ 4-хъ миляхъ на западъ перевала находится почтовая станція Лу-лунъ, которая въ отличіе отъ всѣхъ ранѣе встрѣченныхъ не имѣла обычнаго каменнаго зданія.

За переваломъ началась озерная область въ лицѣ Гунч'у ц'о, 22 кв. мили, безъ истока[1]; затѣмъ черезъ нѣсколько низкихъ переваловъ и въ общемъ по волнистой мѣстности экспедиція 30 ноября достигла оз. Манасаровар (Ц'о Ман'ам), 4 дня послѣ перехода черезъ Ма-юм[2]. Озеро вовсе не живописно, далеко не производя того впечатлѣнія, какъ Ямдок ц'о; высота его 14,900 ф. (раньше считались 15,200 ф.); во время посѣщенія (1 декабря) экспедиціи оно было еще не замерзшимъ[3]. Въ длину и ширину имѣетъ 12 миль, съ площадью въ 100 кв. миль, такъ что получило извѣстность лишь благодаря священнымъ преданіямъ, а вовсе не величиною[4]. Слѣдующее озеро — Ракас тал, или Лаганъ ц'о, оказалось замерзшимъ и по формѣ совершенно отличнымъ отъ Ц'о Ман'ам; длина его съ сѣверъ на югъ — 16 миль, ширина — 3 или 4 мили, площадь 55 кв. миль. По словамъ тибетцевъ, въ періодъ таянія снѣга вода,

при повышеніи уровня въ 2 ф., переходитъ изъ перваго озера во второе по каналу, который обычно остается сухимъ: его не могъ найти Муркрофтъ и отрицалъ Сэвэджъ Лэндоръ, но видѣлъ Стрэчи[1]. Вода въ обоихъ озерахъ свободна отъ примѣси соли и совершенно пригодна для питья; отложенія воды въ 2—3 мѣстахъ по берегу, вѣроятно, происходятъ изъ подпочвенныхъ слоевъ, но не изъ озерной воды[2].

Ракас-тал отдѣляется нынѣ отъ истоковъ Сетледжа рядомъ довольно высокихъ холмовъ, но раньше, возможно, соединялся съ ними по каналу, теперь высохшему (тибетцы называютъ его ч'у-го, гималайскіе купцы—никасистокъ озера), по которому Райдеръ и Роулингъ шли на протяженіи 10 километровъ[3]. Поэтому истоки Сетледжа нынѣ должно искать на З. отъ озерной области.[4]

Пикъ Кайлас (Тисе, 21,800 ф.)[5], отожествляемый нѣкоторыми буддистами съ горою Меру, центромъ вселенной, согласно ихъ космогоническимъ представленіямъ, возвышается надъ окружающей мѣстностью весьма замѣтнымъ образомъ; горизонтальные пласты, изъ которыхъ сложена гора, придаютъ ей своеобразный видъ[6]. Вдоль тропы, которой слѣдуютъ паломники при обходѣ горы[7], расположено нѣсколько монастырей[8].

На югъ отъ Ц'о Ма-п'ам лежитъ внушительный массивъ Мемо (Момонан'ли Стрэчи)[9] или Гурла Мандата, по названію главной вершины—7,620м. (25,360ф. или на 3,500 ф. выше Тисе). Маловозвышенный гребень на юго-западъ отъ озера ведетъ въ долину Пуранъ, или Такла-кот, съ рѣкою Карнали (Манъ ч'у или Маджа к'абаб).

Подобно тому какъ почтовая станція Пак-лук-ро, на сѣверъ отъ озера Манасаровар, послужила исходной точкою для производства наблюденій экспедиціи надъ этимъ озеромъ, такъ точно слѣдующая станція Барка, стоящая въ короткомъ разстояніи отъ сѣвернаго берега Ракас-тала позволила

экспедиціи ближе ознакомиться съ послѣднимъ озеромъ: хотя станція состоитъ лишь изъ двухъ каменныхъ зданій, тѣмъ не менѣе названіе ея фигурируетъ крупными буквами на большинствѣ подробныхъ картъ Тибета, благодаря важному положенію Барка на скрещеніи многихъ дорогъ: изъ Лхасы на В. Пуранъ на Ю., Тотлинъ и долины Сетледжа на ЮЗ. и Гартока на западѣ. Лѣтомъ Барка превращается въ оживленный торговый центръ благодаря наплыву торговцевъ изъ Индіи, вымѣнивающихъ у мѣстнаго населенія шерсть и пашмъ (пухъ) на горшки и сковороды, индійскія ткани, ножи и всякія мелочи[1]

На западъ отъ Барка страна получаетъ еще болѣе безплодный и пустынный характеръ, по крайней мѣрѣ, какъ описываетъ ее Роулингъ въ декабрѣ мѣсяцѣ[2]. Мѣсто травы занималъ колючій кустарникъ, покрывавшій нижніе склоны холмовъ и углубленія почвы и скрывавшій подчасъ всѣ слѣды дороги. Однако, зайцы, попадавшіеся въ такомъ изобиліи въ кустарниковыхъ порosляхъ около Священныхъ озеръ, совершенно исчезли далѣе на западъ. Дичи вообще было мало, за то число волковъ увеличилось (причемъ черная разновидность этого животнаго снова заняла мѣсто красноватой)[3].

Пройдя 3 декабря мимо Кайлас-Парбате и слѣдуя сѣверной стороною широкой долины Сетледжа[4], экспедиція черезъ 2 дня была въ Мензе, или Миссар (5 декабря)[5]. Перевалъ Жерко[6], отдѣляющій долину Сетледжа отъ долины Инда (16,200 ф.) оказался очень легокъ, и уже 9 декабря экспедиція достигла Гарток[7] (15,100 ф.), лѣтней резиденціи (гар-ярса) 2 гарпоней (совмѣстныхъ губернаторовъ Западнаго Тибета); зимняя резиденція ихъ (гаргунса) находится въ 30 миляхъ внизъ по рѣкѣ. Зимою Гарток произвелъ впечатлѣніе на участниковъ экспедиціи Роулинга, какъ одно изъ наиболѣе унылыхъ обитаемыхъ мѣстъ въ Тибетѣ на всемъ пути отъ Лхацзе дзона: длинная широкая, совершенно обнаженная долина, съ десяткомъ жалкихъ лачугъ по серединѣ, составляетъ зимою те,

что лѣтомъ является главнымъ торговымъ центромъ Западнаго Тибета, обращаясь въ обширный лагерь палатокъ, въ которыхъ располагаются съѣзжающіеся со всѣхъ сторонъ торговцы.

Отъ Гартока считается 13 дней пути до перевала Шипки (14,300 ф.) и далѣе 18 переходовъ до Симлы.

Чтобы выйти обратно въ долину Сетледжа, былъ избранъ перевалъ Ауі (18,700 ф.), какъ лежащій на болѣе прямой дорогѣ въ Тотлинъ. Благодаря глубокому снѣгу и вѣтру переходъ черезъ перевалъ оказался весьма затруднителенъ, спускъ въ сравнительно низколежащую долину Сетледжа, вѣрнѣе притока послѣдняго, крайне крутъ [1]).

Своеобразный характеръ страны въ басейнѣ Сетледжа— крутыя ущелья рѣкъ и изрѣзанныя стороны горныхъ грядъ въ промежуткѣ—весьма рѣзко отличають эту часть западнаго Тибета отъ остальныхъ и указываютъ на иной процессъ образованія существующаго строенія поверхности этой части Тибета путемъ постепеннаго высыханія изъ глубокаго внутренняго моря [2]).

Узкія крутыя горы, составляющія характерную особенность долины, служатъ въ качествѣ наиболѣе пригодныхъ мѣстъ для устройства селеній и монастырей; стороны боковыхъ скалъ приспособляется также для обитанія, для чего въ нихъ роются пещеры[3].

Спускъ на 3000 ф. по притоку главной рѣки привелъ Роулинга и Байли къ широкимъ каменистымъ берегамъ Сетледжа какъ-разъ противъ Тотлина, въ 20 миляхъ отъ Дункар, тогда какъ Райдеръ и Удъ прошли прямо въ Тибу, въ одномъ переходѣ прямо на западъ отъ Дункара. Тотлинъ лежитъ на лѣвомъ берегу Сетледжа, поэтому англичанамъ пришлось предварительно переправится черезъ рѣку (глубиною въ 2 ф. и шириною въ 100 ф.) въ бродъ, такъ какъ знаменитый мостъ системы береговыхъ консолей (помимо послѣднихъ

поддерживаемый еще висячими цѣпями) находится въ нѣсколькихъ миляхъ выше по теченію. [1])

Прежде Тотлингъ лежалъ не на берегу рѣки, но на вершинѣ изолированнаго песчаниковаго плато съ отвѣсными стѣнами во 1 или 2 миляхъ на югъ, на высотѣ 1,000 ф. надъ рѣкою (развалины прежнихъ строеній и пещеръ сохранились понынѣ [2]). Тотлингъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ монастырей, изъ которыхъ наибольшій былъ осмотрѣнъ Роулингомъ; внутреннее устройство и отдѣлка его не представляло ничего отличнаго отъ другихъ большихъ тибетскихъ монастырей [3]). Въ общемъ, Тотлингъ, если и утратилъ часть прежняго величія [4]), тѣмъ не менѣе сохраняетъ понынѣ достаточно процвѣтанія. Съ трехъ сторонъ его окружаютъ поля ячменя, и многочисленныя деревья привлекаютъ взоръ путешественника, развиваясь роскошными формами во всѣхъ защищенныхъ мѣстахъ. [5]) Это были первыя деревья, видѣнныя англичанами послѣ 5 недѣль пути.

Въ одномъ переходѣ на З. отъ Тибу экспедиція встрѣтила вновь назначеннаго англійскаго торговаго агента Такуръ Жай-чанда, направлявшагося въ Гарток къ мѣсту своего служенія. Дальнѣйшій путь экспедиціи прямо къ Шипки по горной изсѣченной мѣстности, замыкающей равнину Чумурти съ юга (указанной равниною, какъ болѣе удобнымъ путемъ изъ Индіи пользуется большинство торговыхъ каравановъ [6]), представлялъ большія трудности для движенія каравана, описанныя Роулингомъ [7]. Сильные морозы, доходившіе до —32°, парализовали мускулы животныхъ и людей [8]. Перевалъ Сиранъ, который географически является границею Индіи, такъ какъ съ нимъ начинается собственно Гималайская горная страна, совершенно отличная отъ пройденной мѣстности, ведется къ цвѣтущему селенію Miyang компактной массѣ построекъ окруженной полями и довольно густыми рощами деревьевъ

23 декабря экспедиція вступила въ селеніе Шипки, наиболѣе западное въ Тибетѣ, притомъ самое многолюдное послѣ Лхацзе дзона со своими 700 обитателей.

Всѣ ровныя мѣста заняты полями, причемъ болѣе скалистые участки почвы служатъ для разведенія фруктовыхъ деревьевъ (напр. абрикосовыхъ).[3] Ниже Шипки два моста ведутъ черезъ Сетледжъ—одинъ висячій на веревкахъ, другой деревянный консольно-балочной системы.

Изъ Шипки двѣ дороги ведутъ на индійскую территорію, одна [1], проходящая черезъ поперечную крутую гряду-перевалъ Шипки (15,400 ф.), всегда употребляется для вьючныхъ и верховыхъ животныхъ; другая, очень узкая и длинная, слѣдуетъ вдоль рѣки и служитъ посыльщикамъ.

24 декабря экспедиція вступила въ первое селеніе на англійской территоріи—Куб, въ 218 миляхъ отъ Симлы.

Передъ оставленіемъ долины Сетледжа въ Жерколa, Райдеръ отправилъ туземнаго топографа Рам-синга съ яками снять на карту теченіе Сетледжа вплоть до Тотлина, гдѣ топографъ долженъ былъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Маршрутъ этого путешествія Рам-синга черезъ Даба показанъ на картѣ, приложенной къ книгѣ Роулинга; во время ожиданія прибытія послѣдняго въ Тотлинъ, неутомимый топографъ посѣтилъ и монастырь Чапранъ. Соединенная уже экспедиція сняла на карту, за нѣкоторымъ перерывомъ, дальнѣйшее внутри Тибета теченіе рѣки до ея вступленія на британскую территорію у перевала Шипки.

Топографическіе результаты этой экспедиціи были: съемка на планшетъ 103,000 кв. кил., съемка теченія Цзанъ-по отъ Шихацзе до истоковъ, новое изслѣдованіе области Священныхъ озеръ и окончательное разрѣшеніе вопроса объ отношеніи озеръ къ истокамъ Сетледжа; съемка Сетледжа отъ истоковъ до индійской границы. Только изъ сравненія карты Райдера

съ лучшими прежними картами южнаго и западнаго Тибета можно убѣдиться въ обширности и важности выполненной топографической работы и внесенныхъ ею въ карту исправленій[1].

Вышеприведенный обзоръ работъ англійской «миссіи» 1904 г. позволяетъ судить въ достаточной степени, сколь подробнымъ, точнымъ и полнымъ образомъ было произведено ею изслѣдованіе мѣстности вдоль пройденнаго пути и сколь разносторонни и богаты достигнутые ею результаты въ географическомъ[2] и топографическомъ отношеніяхъ. Помимо того, эта же экспедиція положила начало и геологическому изслѣдованію южнаго Тибета въ предѣлахъ раіона, охватывающаго, кромѣ долины Чумби и верхняго Сиккима, часть Тибета отъ южнаго водораздѣла до долины Цзанъ-по между 88° и 91° в. д. и на лѣвомъ берегу послѣдней рѣки небольшую площадь вокругъ Лхасы до 30° с. ш. Предварительная обработка собранныхъ по этому предмету матеріаловъ дается въ статьѣ Гайдена, лично производившаго почти всѣ изысканія этого рода[3].

Необходимо также отмѣтить, что во время похода отдѣльными участниками экспедиціи дѣятельно собирались различные этнографическіе предметы и т. п. «рѣдкости» китайской и тибетской работы, а также книги и священныя изображенія-бронзовыя, рѣзныя деревянныя и печатныя. Подобныя коллекціи, хотя составленіе ихъ производилось безъ всякой системы и не въ интересахъ науки, могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ и изысканій спеціалистовъ. Можно уже указать, среди прочихъ первыхъ попытокъ обработки этихъ коллекцій, на появленіе научнаго описанія нѣсколькихъ изображеній и свитковъ-религіозныхъ картинъ[4]).

Англійская экспедиція 1904 г., разрушивъ незыблемость столь настойчиво проводимаго и отстаиваемаго тибетцами принципа недопущенія иностранцевъ въ страну, несом-

тѣнно, облегчить доступъ въ Тибетъ и другимъ европейцамъ, не только англичанамъ—изслѣдователямъ и просто туристамъ. Этотъ новый поворотъ въ будущемъ изслѣдованіи Тибета уже въ слѣдующемъ послѣ «миссіи» году принесъ одинъ значительный результатъ: графъ Лэдянъ (J. de-Lesdain)[1], путешествовавшій лѣтомъ 1902 г. по Монголіи[2], въ 1905 г. пересѣкъ изъ Ань-си чжоу Цайдам и сѣверо-восточный Тибетъ и послѣ тяжкихъ лишеній открылъ истоки Янъ-цзы подъ 34° 58′ и 91° 10′; двигаясь отсюда все прямо на югъ, никѣмъ не тревожимый, переправился черезъ Цзанъ-по, достигъ Гжянъ-цзе и по пути экспедиціи 1904 г.—Дарджилина[3].

Въ 1904 г. успѣлъ побывать въ Тибетѣ по пути, открытому англійской экспедиціей, и неугомимый журналистъ Сэвэджъ Лэндоръ[4]. Его новая книга «Tibet and Nepal», London 1905 г. содержитъ много невѣроятныхъ приключеній и опасныхъ положеній автора, съ болѣе оригинальными, нежели точными рисунками, но даетъ мало фактическаго достовѣрнаго матеріала[5].

Въ 1905 г. озеро Панъ-конъ посѣтила американская экспедція Баррета и Хунтингтона на пути изъ Ле черезъ Каракорум въ бассейнъ Тарима для геологическихъ и археологическихъ изысканій[6].

29 августа 1905 г.—6 мая 1905 г. полковникъ Брюсъ, капитанъ Лэйярдъ и индійскій топографъ прошли изъ Ле черезъ сѣверо-западный Тибетъ въ Керію, а затѣмъ на востокъ вдоль южнаго края бассейна Тарима въ Харанор, Ша-чжоу и Пекинъ[7].

Во второй половинѣ 1905 г. Свенъ Гединъ отправился въ новое (третье) путешествіе по Тибету—на этотъ разъ путемъ черезъ Индію, для изслѣдованія, какъ гласила первоначальная программа, источной области Инда и Цзанъ-по и большой озерной области внутри Сѣвернаго Тибета.

Отказъ англійскаго правительства, продиктованный политическими соображеніями, пропустить путешественника въ

Тибетъ со стороны Индіи принудилъ Гедина избрать для своего вступленія на тибетскую территорію новое направленіе изъ Ладака внутрь сѣверо-западнаго Тибета. Эта перемѣна первоначальнаго плана, однако, позволила путешественнику обезпечить болѣе цѣнные и важные съ научной точки зрѣнія результаты географическаго изслѣдованія обширной площади неизвѣстной страны.

Настоящее путешествіе Гедина, подобно двумъ первымъ его экспедиціямъ по Тибету, не было свободно отъ большихъ физическихъ лишеній и трудностей. Правда, всѣ люди многочисленнаго каравана во главѣ съ испытаннымъ караванъ-баши Магометъ-Иза, тридцать лѣтъ путешествовавшимъ по областямъ Центральной Азіи съ различными европейскими экспедиціями [1]), вышли невредимыми изъ тяжелаго пути, но изъ 36 муловъ только одинъ дошелъ до Шихацзе, а изъ 58 пони—только 5, притомъ въ ужасномъ состояніи.

Изъ Ладака Techинъ вступилъ на тибетское нагорье по перевалу въ 19,500 ф. Въ предѣлахъ Линъ-дзи-тана и Аксайчина движеніе каравана совершалось съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ могли заставить предполагать разсказы прежнихъ изслѣдователей. Каждый день, несмотря на осеннюю пору, встрѣчались превосходныя пастбища и достаточно прѣсной воды, хотя иногда въ поискахъ послѣдней приходилось дѣлать далекіе переходы между отдѣльными остановками. Мѣстность имѣла сравнительно ровный характеръ, и дорога была легкая, особенно съ наступленіемъ осеннихъ морозовъ. На сѣверъ и югъ отъ пути каравана развертывались величественныя панорамы горъ: съ одной стороны параллельныя цѣпи Куэнь-луня, съ другой—развѣтвленія Каракорума. Держась сначала восточнаго, затѣмъ юго-восточнаго направленія, Techинъ старался по возможности избѣгать мѣстностей, уже снятыхъ на карту Веллъби, де-Ренсомъ, Дези, Роулингомъ и др. [2].

Въ октябрѣ экспедиція достигла озера Ѣшил-кул, посѣтивъ и подробно изслѣдовавъ это озеро и два другихъ въ томъ же районѣ—Lake Lighten и Бул-ц'о.

На всѣхъ озерахъ были произведены промѣры глубины съ помощью складной лодки: озеро Lighten, описываемое Гединомъ, какъ одно изъ лучшихъ и наиболѣе значительныхъ въ Тибетѣ, оказалось самымъ глубокимъ изъ трехъ (мѣстами лотъ почти длиною въ 220 ф. не доставалъ до дна); напротивъ, два другихъ озера очень мелководны.

Продолжая дальнѣйшее путешествіе и коснувшись одного изъ лагерей капитана Дези, что дало возможность провѣрить точность собственныхъ картографическихъ наблюденій, Гединъ пересѣкъ марштрутъ Велльби и вступилъ въ обширное пространство неизслѣдованной страны между путями Боуера и де-Рэнса. Отсюда начались дѣйствительныя трудности пути, быстро сокращавшія число вьючныхъ животныхъ.

Вода имѣлась въ изобиліи, но въ травѣ ощущался недостатокъ. Часто попадались новыя озера, и, по крайней мѣрѣ, черезъ день экспедиція встрѣчала на своемъ пути по одному перевалу, обычно невысокому, хотя на такой высотѣ всякое добавочное усиліе утомляло людей и животныхъ.

Первыя человѣческія существа были встрѣчены на 83-ій день пути, хотя за нѣсколько дней передъ тѣмъ экспедиціей были найдены слѣды человѣческой дѣятельности въ видѣ золотыхъ пріисковъ, разрабатываемыхъ, впрочемъ, только въ лѣтніе мѣсяца. Первые тибетцы кочевники встрѣтили путешественника дружелюбно и дали ему возможность пополнить порѣдѣвшіе ряды вьючныхъ животныхъ покупкою нѣсколькихъ прекрасныхъ яковъ. Отсюда вплоть до рѣки Бог-цавъ Цзавъ-по Гединъ пользовался помощью тибетскихъ проводниковъ.

Пересѣкнувъ маршрутъ Боуера и пройдя по берегу озера, тожественнаго, повидимому, съ озеромъ Ammoniac де-

Рэнса, экспедиція подошла къ рѣкѣ Бог цанъ, коснувшись здѣсь прежняго маршрута Гедина 1901 г. и послѣ нѣсколькихъ дней пути вдоль рѣки свернула къ югу и углубилась въ изсѣченную мѣстность, наполненную узкими долинами и высокими перевалами. Морозъ доходилъ въ декабрѣ до—35°Ц.; сильный вѣтеръ, нерѣдко со снѣгомъ, дулъ ежедневно съ ЗЮЗ. и вообще, по утвержденію Гедина, это была наиболѣе тяжелая зима изъ числа всѣхъ проведенныхъ имъ въ Центральной Азіи, хотя тибетцы увѣряли, что обычно зимы бываютъ еще суровѣе. Сочельникъ былъ проведенъ на берегу Думбок ц'о.

Въ началѣ январѣ Гединъ былъ на озерѣ Ngantse cho, открытомъ Наинъ-сингомъ и показанномъ предположительно на картѣ послѣдняго [1] подъ 86° в. д. и 31° с. ш., прямо на западъ отъ озера Данъ-гра-юм.

Ко времени прибытія экспедиціи къ озеру Ngantse люди и животные каравана пришли въ совершенное изнеможеніе, почему Гединъ пробылъ на берегахъ озера въ цѣляхъ отдыха болѣе трехъ недѣль. Правда, въ началѣ, въ числѣ причинъ вынужденной остановки было и нежеланіе мѣстныхъ властей пропустить Гедина далѣе на югъ, для чего въ лагерь Гедина прибылъ самъ правитель Наг цяна, бывшій его знакомецъ по путешествію 1901 г., изъ Сенджа-дзона. Однако, черезъ два дня это запрещеніе дальнѣйшаго движенія было (неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ) снято, но прошло еще 10 дней, прежде чѣмъ Гединъ успѣлъ собрать достаточное число свѣжихъ яковъ и пони для продолженія пути. Во время пребыванія около Ngantse cho (причемъ была совершена 10-дневная экскурсія по льду на саняхъ для составленія подробной карты озера и измѣренія его глубины—33 ф.), Гединъ получилъ изъ Индіи черезъ Гжянъ-цзе и Шихацзе тяжелый тюкъ съ письмами и газетами, успѣшно достигнувшій адресата въ столь отдаленномъ углу Тибета, и самъ

отправилъ этимъ путемъ телеграмму, которая благополучно было передана по телеграфу изъ Гжянъ-цзе въ Европу и явилась первымъ достовѣрнымъ извѣстіемъ о судьбѣ экспедиціи.

Возобновивъ движеніе, экспедиція вступила въ очень запутанную съ топографической точки зрѣнія полосу страны между Ngantse cho и Брамапутрою, съ цѣлымъ рядомъ переваловъ, изъ коихъ пять по пути экспедиціи превышали 19,000 ф. Эта часть пути, наиболѣе затруднительная, оказалась въ то-же время самой любопытной и поучительной. Первый высокій перевалъ Села-ла находился на гигантской горной цѣпи, одной изъ величайшихъ въ Азіи[1]) водораздѣлѣ между озеромъ Ngantse cho и Данъ-гра юм-цо съ одной стороны и бассейномъ Брамапутры съ другой. Такимъ образомъ перевалъ являлся географически однимъ изъ наиболѣе примѣчательныхъ, встрѣченныхъ когда-либо Гединомъ, указывая границу между плато съ закрытыми бассейнами рѣкъ и озеръ и водами, стекающими въ концѣ концовъ въ Индійскій океанъ. Бѣлыя пятна карты въ этомъ раіонѣ были заполнены Гединомъ настоящимъ лабиринтомъ горъ и рѣкъ. Въ промежуткѣ переваловъ экспедиція пересѣкла рядъ рѣкъ, идущихъ прямо на западъ къ My tsangpo, большому притоку Брамапутры. Послѣдній перевалъ La Roch не представлялъ никакихъ трудностей; съ возвышенія его открылся чудный видъ на Брамапутру, извивавшуюся серебристой лентою внизу по долинѣ. Спустившись на 1000 ф. къ большой деревнѣ (или группѣ селеній) Ye, путешественникъ впервые увидѣлъ деревья послѣ промежутка многихъ мѣсяцевъ.

Повернувъ отсюда на востокъ, экспедиція слѣдовала по долинѣ рѣки на три дня до Шихацзе, при чемъ послѣдній переходъ, отъ Ста-наг-по, Гединъ сдѣлалъ на тибетской лодкѣ по рѣкѣ въ 6 часовъ, посреди массъ плавающаго льду, съ многочисленными паломниками, стекавшимися въ Дашійхлунбо къ новогоднимъ празднествамъ, въ качествѣ спутниковъ.

9 февраля Techинъ прибылъ въ Шигацзе и расположился лагеремъ въ саду по южной окраинѣ города, наполненнаго уже множествомъ паломниковъ. Таши-лама оказалъ шведскому путешественнику по истинѣ королевское гостепріимство, неоднократно приглашалъ его для личныхъ бесѣдъ, осыпалъ цѣнными подарками, предписалъ доставлять ему въ изобиліи всѣ припасы для людей и животныхъ и предоставилъ полную свободу посѣщать всѣ храмы и достопримѣчательности обоихъ городовъ—свѣтскаго и монастырскаго. Techинъ могъ присутствовать на всѣхъ празднествахъ по случаю новаго года—дикихъ и фантастическихъ, но не лишенныхъ очарованія и живописности, предъ которыми религіозные танцы ладакскихъ ламъ совершенно блѣднѣютъ.

Въ Шихацзе Гедина посѣтили чиновники изъ Лхасы, которые сообщили ему, что были посланы китайскимъ амбанемъ къ Ngantse cho съ приказаніемъ остановить экспедицію и вернуть обратно, но, не заставъ ее около озера, они слѣдомъ за ней прибыли въ Шихацзе для выполненія полученнаго предписанія. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, удастся-ли Гедину проникнуть въ Лхасу, какъ онъ того желалъ, или даже достигнуть Индіи черезъ Гжянъ-цзе, оставался открытымъ ко времени отправки письма путешественника отъ 20 февраля н. ст. настоящаго (1907) года,

Научные результаты путешествія вплоть до Шихацзе представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ 200 пунктовъ были измѣрены высоты съ помощью кипяченія воды; собрано 230 образцовъ геологическихъ породъ; составлена карта на 230 листахъ, рисующая во всѣхъ подробностяхъ пройденную страну. Астрономическія наблюденія и метеорологическій журналъ, который велъ помощникъ Гедина, должны подвергнуться предварительной обработкѣ спеціалистовъ, прежде чѣмъ можетъ быть уяснена ихъ важность. Помимо того, Гединомъ нарисовано до 700 панорамъ, изъ нихъ нѣкоторыя въ краскахъ.

По дорогѣ собирались путемъ разспросовъ у кочевниковъ свѣдѣнія относительно дорогъ, климата, передвиженій племенъ, числа барановъ и яковъ въ ихъ владѣніи и т. д.

Въ общемъ можно съ увѣренностью ожидать, что настоящая экспедиція дастъ цѣнныя прибавленія къ европейскому знакомству съ географіей Тибета. Уже теперь можно отмѣтить, что на югъ отъ центральныхъ озеръ, простираясь почти до береговъ Брамапутры, лежитъ горная страна, въ среднемъ имѣющая много большее возвышеніе, чѣмъ самый Бжянъ-т'анъ [1]).

Въ началѣ апрѣля 1906 г. изъ Тибета вернулись два англійскихъ офицера—Фицжеральдъ и Фразеръ (въ сопровожденіи индійскаго топографа), послѣ топографическихъ работъ въ теченіе зимы въ мѣстности между Камба, Гжянъ-цзе и Шихацзе [2]).

Бывшій участникъ экспедиціи Фильхнера—д-ръ Тафель выступилъ 23 апрѣля 1906 г. изъ Шаракуто во главѣ каравана изъ 10 человѣкъ и 65 животныхъ, въ томъ числѣ 48 яковъ. Снѣгъ лежалъ еще на глубину почти 1 фута, дулъ ледяной вѣтеръ, и нѣсколько быковъ вскорѣ отказались итти дальше. Такимъ образомъ начало было неудачно и предвѣщало мало хорошаго въ дальнѣйшемъ, что и оправдалось на дѣлѣ.

Благодаря тому, что маршрутъ путешествія лежалъ вообще на востокъ отъ пути прежнихъ изслѣдователей этого раіона, въ частности экспедиціи Фильхнера 1904 г., и, слѣдовательно, оказывался ближе къ Желтой рѣкѣ, то д-ру Тафель приходилось бороться на пути съ большими физическими трудностями при пересѣченіи многочисленныхъ долинъ и ручьевъ, стекающихъ на В. и ЮВ. къ главной рѣкѣ. Съ другой стороны это направленіе пути позволило путешественнику обнаружить своеобразное окончаніе рѣки Ху-ю-юнъ, впадающей внезапно въ двойное прѣсное озеро Си-ни-ц'о, окружен-

ное высоками песчаными горами и дюнами. Вода изъ озера, вѣроятно, просачивается черезъ рыхлую почву къ Хуанъ-хэ, благодаря чему не получается осадка соли, и озеро, какъ сказано, является прѣснымъ.

Движеніе экспедиціи было остановлено бѣшенымъ потокомъ Чурнон ч'у, разросшимся до значительныхъ размѣровъ благодаря многодневнымъ проливнымъ дождямъ, приносившимся юго-восточнымъ муссономъ. Послѣ долгаго и безплоднаго ожиданія спада воды, д-ръ Тафель повернулъ на СЗ. въ разсчетѣ выйти къ горамъ Амнемачин по маршруту Роборовскаго и Козлова; однако, слухи о томъ, что голыки готовятся силою остановить караванъ, заставили путешественника отказаться отъ этой вторичной попытки южнаго движенія и черезъ озеро Тосунъ, перевалъ Вахон и Шанъ-грди достигнуть Цайдама для подготовленія новаго болѣе успѣшнаго движенія къ Желтой рѣкѣ и Янъ цзы-цзяну [1]. На указанномъ пути д-ръ Тафель имѣлъ возможность убѣдиться лишній разъ въ крутомъ поворотѣ, который дѣлаетъ въ этомъ раіонѣ Хуанъ-хэ, затѣмъ собрать значительныя зоологическія коллекціи, произвести изслѣдованіе посѣщенной мѣстности съ геологической точки зрѣнія и внести исправленія на карту.

Въ 1906 г. австрійскій путешественникъ Цугмайеръ, выйдя изъ Полу, направился къ озеру Маркхамъ, при чемъ затронулъ уголокъ неизслѣдованной мѣстности, но затѣмъ, потерявъ часть вьючныхъ животныхъ, принужденъ былъ вернуться къ верхней Керіи, не достигнувъ цѣли. Вторичная попытка довела его мимо Ѣшил-кул до Арпортъ ц'о, гдѣ недостатокъ свѣжихъ яковъ заставилъ его измѣнить направленіе движенія съ ЮВ. на ЮЗ. Вооруженный отрядъ Рудокскихъ властей принудилъ путешественника окончательно отказаться отъ восточнаго направленія и достигнуть сѣвернымъ берегомъ Панъ-конъ-Лэ. Во время пребыванія на тибетской территоріи г. Цугмайеромъ были собраны любопытныя зоологическія коллекціи [2].

Въ періодъ 1905—6 гг. нѣсколько англійскихъ должностныхъ лицъ изъ пригималайскихъ княжествъ сѣверо-западной Индіи произвели подробное изслѣдованіе юго-западнаго Тибета по обширнымъ маршрутамъ, доходившимъ до золотыхъ пріисковъ Т'ок джалунъ. До настоящаго времени извѣстны лишь краткія подробности объ ихъ работахъ, за исключеніемъ Шерринга, напечатавшаго описаніе своего путешествія въ Гарток въ особой книгѣ «Western Tibet and English Borderland».

Лѣтомъ 1905 г. помощникъ пограничнаго коммиссара Альморы (Deputy Commissioner) Шеррингъ предпринялъ путешествіе по южной половинѣ провинціи Н'ари для оффиціальнаго посѣщенія правителей этой области — гарпоней въ Гартокѣ. Во время пребыванія англійскаго представителя на тибетской территоріи онъ пользовался самымъ дружескимъ пріемомъ и внимательнымъ отношеніемъ со стороны всѣхъ, безъ исключенія, мѣстныхъ должностныхъ лицъ, что несомнѣнно явилось слѣдствіемъ Лхаскаго договора. Первымъ свидѣтельствомъ произошедшаго поворота въ политикѣ по отношенію къ иностранцамъ была встрѣча экспедиціи у перевала Липулек спеціальнымъ посланцемъ дзонъ-поня Таклакота въ лицѣ его управляющаго ньэрпэ [1]) съ конвоемъ [2]).

Экспедиція Шерринга (его сопровождалъ конвой индійской вооруженной полиціи) вступила на тибетскую территорію на перевалѣ Ляпулек, откуда открывается обширный видъ на прилегающую область Пуранъ, замыкаемый на горизонтѣ четырьмя пиками, всѣ выше 22000 ф., съ наибольшимъ изъ нихъ въ лицѣ Гурлха Мандата [3]). Въ четырехъ миляхъ ниже перевала находится тибетскій пограничный постъ Пала, съ двумя домами для остановки проѣзжающихъ, обращенными лицевой стороною на сѣверъ для защиты отъ господствующаго южнаго вѣтра. Въ $1^1/_2$ мили отсюда въ деревнѣ Ташигонъ начинаются поля, которыя простираются въ длину на много миль; еще болѣе сплошной характеръ поля полу-

чаютъ около Таклакота, который славится плодородіемъ почвы. Въ Таклакотѣ Шеррингъ былъ принятъ съ большой сердечностью вторымъ сыномъ дзонъ-поня, заступавшаго въ административныхъ дѣлахъ мѣсто отсутствовавшаго въ Лхасѣ по службѣ отца, какъ это водится въ Тибетѣ (напр. въ Nakiu, первой почтовой станціи отъ Гартока, обязанности отсутствовавшаго таржума исполняла его супруга[1]; иногда замѣстителемъ должностного лица является просто довѣренный слуга[2]).

Изъ Таклакота Шеррингъ посѣтилъ монастырь Khojarnath въ долинѣ рѣки Карнали, въ 9 миляхъ ниже по теченію; эта экскурсія дала англичанамъ возможность видѣть долину съ ея живописными селеніями и прекрасными зелеными полями вдоль береговъ рѣки. Строенія монастыря, выкрашенныя въ красный цвѣтъ, представляютъ выгодную черту въ окружающей ландшафтной картинѣ.

Покинувъ окончательно Таклакот[3], экспедиція поднялась черезъ монастырь Рунгунъ и селеніе Кардам, служившее раньше мѣстопребываніемъ особаго дзонъ поня, къ перевалу Гурлха, откуда спустилась къ берегу озера Манасаровар на высоту 15,000 ф., и прошла вдоль перешейка къ монастырю Jiu. Затѣмъ путешественники посѣтили Барка и Тарчан у подножья Кайласа и вышли въ долину Сетледжа около Тиртапури. Въ двухъ миляхъ отсюда находится почтовая станція Миссар, очень оживленное мѣсто благодаря скрещенію здѣсь дорогъ въ Лхасу, Даба и Gyanema.

По сосѣдству съ Миссар страна, остающаяся въ области Священныхъ озеръ на постоянномъ уровнѣ въ 15,000 ф., постоянно понижается до 14,300 ф., на какой высотѣ расположена указанная почтовая станція, но затѣмъ, если слѣдовать по дорогѣ въ Гарток, снова повышается до 15,000 ф. и даже нѣсколько болѣе (Гарток 15,100 ф.). Единственнымъ перерывомъ въ этой ровной поверхности является перевалъ Жеркола (16,200 ф.); однако, подъемъ къ нему

столь постепененъ, что почти незамѣтенъ. По переходѣ черезъ него, Шеррингъ спустился въ долину Ланъ-бо-че, одного изъ верховьевъ Инда; по берегамъ этой рѣки, получающей имя Гартанъ, на высотѣ Гартока, тянутся луга зеленыхъ пастбищъ.

Начиная съ Таклакота экспедиція встрѣчала повсюду въ безчисленномъ множествѣ безхвостыхъ крысъ (пищухъ) и зайцевъ; часто попадались и дикіе ослы.

Передъ Гартокомъ Шеррингъ миновалъ знаменитое скаковое поле, на которомъ ежегодно происходятъ скачки[1], при участіи чиновниковъ, дворянъ и землесобственниковъ со всего западнаго Тибета. Поле простирается на 4 мили вдоль идеальной равнины, почти свободной отъ камней и естественныхъ препятствій, за исключеніемъ небольшого ручья. Прежняя репутація этихъ скачекъ упала въ настоящее время благодаря тому, что чиновники добиваются побѣды всяческими путями, законными и незаконными, устраняя возможныхъ опасныхъ соперниковъ [2]). Призы очень цѣнные въ глазахъ мѣстныхъ жителей: первоклассный пони, хорошій якъ и т. д.; послѣдній призъ корзина аргала. Побѣждаютъ на скачкахъ обыкновенно пони изъ рудокской области, которая славится ими; жокеями являются мальчики, спеціально для этой цѣли тренированные, 12 лѣтъ, родомъ только изъ Рудока.

Въ Гартокѣ или Гар-ерса или въ разговорной формѣ Греса, экспедиція была встрѣчена на первыхъ порахъ оффиціальнымъ торговымъ агентомъ (юнъ-ц'онъ), вмѣстѣ съ его товарищемъ—сарпонемъ, такъ какъ гарпони явились нѣсколько позже по переѣздѣ съ зимней квартиры—Гаргунса на лѣтнее пребываніе въ Гарток.

Гарток состоитъ изъ 15 или 20 зданій, сложенныхъ изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей и представляющихъ самыя убогія лачуги, за исключеніемъ двухъ домовъ гарпоней, претендующихъ на нѣкоторое великолѣпіе и комфортъ. Вся грун-

па зданій расположена посреди открытой обширной равнины, свободно обдуваемой вѣтрами со всѣхъ сторонъ. Это открытое положеніе и заставляетъ гарпоней жить въ Гаргунса, въ 4 дняхъ пути на западъ, большую часть года (съ средины ноября по іюль).

Въ отношеніи водоснабженія Гартока серіозный дефектъ заключается въ томъ, что въ эпоху засухи изъ почвы выступаетъ бѣлый налетъ, очень вредный для животныхъ, которыя, отвѣдавъ его съ травою, совершенно линяютъ и погибаютъ отъ холода[1].

Индъ, текущій въ значительномъ отдаленіи у подножья замыкающихъ равнину холмовъ, изобилуетъ превосходною рыбою которой мѣстные жители, однако, не касаются, какъ неподобающей пищи (наравнѣ съ птицей).

Отношенія между Шеррингомъ и обоими гарпонями, (старшимъ ургу-гонъ и младшимъ ургу-хон), установились самыя дружественныя[2] какъ и со всѣми остальными должностными лицами, съ которыми экспедиціи приходилось имѣть дѣло на своемъ пути. Въ Гартокѣ Шеррингъ нашелъ вышеупомянутаго англійскаго агента для охраны торговыхъ интересовъ англійскихъ подданныхъ—Такуръ Жай Чанда, изъ хорошей Лахульской фамиліи, поддерживающаго наилучшія отношенія съ правителями области, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ уроженецъ Лахуля, хорошо знаетъ тибетскій языкъ[3].

При отъѣздѣ Шерринга изъ Гартока гарпони отдали предписаніе почтовымъ станціямъ снабжать англичанъ вьючными животными (яками) внѣ очереди и въ предпочтеніе передъ всѣми остальными проѣзжающими. Согласно тибетскимъ почтоводорожнымъ порядкамъ, животныя каждой почтовой станціи предназначаются для обслуживанія перегоновъ[4] лишь въ извѣстные пункты (напримѣръ, яки Миссара ходятъ въ Nakin, Барка и Gyanema, яки же Барка въ Миссар, Токчан и Таклакот и т. д.). Въ случаѣ, если ко времени прибытія путеше-

ственника къ конечному пункту перегона окажется, что яки ушли съ вещами другого путешественника, то вновь прибывшій долженъ ожидать ихъ возвращенія, на что можетъ потребоваться чуть ли не недѣля времени.[1]). Указанное распоряженіе гарпоней избавляло англичанъ отъ подобныхъ проволочекъ.

На обратномъ пути Шеррингъ свернулъ изъ Тиртапури прямо на югъ и черезъ два перевала до 16,000ф. достигъ Gyanema На пути изъ Тиртапури въ Гжянема только въ двухъ мѣстахъ имѣется вода и, слѣдовательно, возможно устраивать стоянки.

Гжянема лежитъ среди совершенно плоской равнины[2]), и фортъ ея, занимающій господствующее положеніе на холмѣ, виденъ съ очень большого разстоянія. Плато Гжянема имѣетъ приблизительно тоже возвышеніе, что и плато Священныхъ озеръ, и простирается на западъ мимо рынка Шибчилам и вдоль долины Сетледжа, начавъ съ 15,000 футовъ и постепенно склоняясь до 14,700 ф. Вдоль Сетледжа идутъ слѣдующія селенія: Кюнъ-лунъ (14,000 ф.), Донъ-пу (14,200 ф,) Даба (13,900 ф.), пребываніе дзонъ-поня, тогда какъ ниже плато—въ долинѣ рѣки, находятся Тотлинъ 12,200 футовъ, пребываніе главы церкви западнаго Тибета, и Чапранъ, 12,400 ф.—лѣтнее пребываніе дзонъ-поня.

Благодаря близости снѣжныхъ цѣпей Гималаевъ, почва на равнинѣ Гжянема ночью крайне охлаждается, такъ что во избѣжаніе простуды необходимо подкладывать подъ себя теплыя одѣяла; большую часть года земля остается мерзлой на глубину 3 футовъ[3]).

Гжянема состоитъ изъ двухъ рынковъ, отстоящихъ на 4 мили другъ отъ друга и открытыхъ для торговли въ теченіе 2 мѣсяцевъ. Хотя обороты торговли исчисляются въ 26,500 фунт. стерл., почему имя Гжянема пишется на картахъ крупными буквами, однако, ни одного постояннаго строенія здѣсь не имѣется. Зато во время торговаго сезона вся равнина бываетъ покрыта палатками всѣхъ величинъ, формъ и окраски—бѣлыя

изящныя палатки Лхаскихъ купцовъ, черныя -докпа палатки отличныхъ формъ бутійцевъ съ переваловъ и отдѣльныхъ частей страны Б'от—Нити, Johar, Дарма и Byans.

Въ Гжянема экспедиція разсталась съ настоящими яками и перешла на jibbo, принадлежащіе бутійцамъ изъ Johar. Эти животныя болѣе послушны и болѣе пригодны для очень скалистыхъ тропъ, ведущихъ изъ Унтад'ура въ Милам. Правда, они несутъ менѣе тяжелые грузы и двигаются медленнѣе, но зато не производили такой возни во время вьючки и не ломали столько вещей, вырываясь изъ рукъ погонщиковъ, какъ тибетскіе яки[1])

Равнина на западъ отъ Гжянема кишитъ разбойниками, которые скрываются обыкновенно въ холмахъ, откуда подстерегають болѣе малочисленныя партіи торговцевъ. Эти разбойники сами изготовляютъ ружейные заряды, для чего получаютъ селитру изъ Рудока или добываютъ ее изъ помета козъ и овецъ; сами же обжигаютъ уголь изъ толстыхъ стеблей болѣе крупныхъ кустовъ можжевельника, столь обычнаго всюду. Сѣру они вымѣниваютъ у торговцевъ изъ Башара и Ладака, а пули вырѣзываютъ изъ роговъ яка (свинецъ очень дорогъ и рѣдокъ въ странѣ).

Помимо этихъ двуногихъ хищниковъ, изобилуютъ волки, производящіе большія опустошенія въ стадахъ овецъ и козъ. Бываютъ случаи, что обыкновенный сѣрый волкъ заберется въ стадо и придушитъ 20—30 овецъ, не отвѣдавъ мяса ни одной. Черный волкъ обыченъ на западъ отъ Шибчилам и отличается большей свирѣпостью и силою, нападая одинъ на одинъ на яковъ торговыхъ каравановъ[2]).

Вдоль долины Сетледжа поля встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, при чемъ единственнымъ посѣвомъ является ячмень.

Повсемѣстно искусственное орошеніе съ помощью канавъ, такъ какъ количество дождя невелико и притомъ дожди почти всегда съ градомъ. Въ Шибчилам полей нѣтъ, зато послѣд-

ніе встрѣчаются въ Кюнъ-лунъ, Донъ-пу, Даба и друг. мѣстахъ.

Мѣстные жители предпочтительно живутъ въ спеціально устроенныхъ пещерахъ, хотя встрѣчаются и дома[1]).

Изъ Гжянема Шеррингъ прошелъ въ Индію (Johar) черезъ перевалы Balchh, Kungr и Унтад'ура[2] и спустился въ Милам. Всѣ указанные перевалы, какъ и сосѣдніе горы имѣютъ ту особенность, что ихъ сѣверные склоны представляютъ отлогія покатости, легко доступныя для животныхъ, а южные имѣютъ крайне обрывистый характеръ. Въ дурную погоду сотни овецъ и козъ погибаютъ въ этихъ мѣстахъ и даже jibbo и пони[3]).

Въ томъ же 1905 упомянутый[4] Longstaff, выйдя изъ Альморы 14 мая, поднялся къ вершинѣ долины Милам, образующей по внѣшнему виду, климатическимъ условіямъ, фаунѣ и флорѣ переходъ къ сосѣднимъ частямъ Тибета, въ отличіе отъ пышной полутропической нижней половины той же долины. Лѣтомъ въ верхнюю долину Милам собираются въ значительномъ количествѣ б'утіи для воздѣлыванія полей, и путешественникъ наблюдалъ вереницы овецъ, нагруженныхъ зерномъ для посѣва, тогда какъ дзобо, запряженные въ плугъ, только что начинали распашки. По изслѣдованіи окрестныхъ ледниковъ (Нанда Деви и др.) Лонгстаффъ 14 іюля вмѣстѣ съ вышеуказанной экспедиціей Sherring'а, направлявшейся въ Гарток, вступилъ на почву Тибета за отлогимъ переваломъ Липулек (16.780 ф.) и черезъ Пала и Маграм вышелъ къ Таклакоту 13,300 ф. (Пуранъ), третій европейскій посѣтитель въ этомъ наибольшемъ селеніи Хундеса.* Лѣтомъ Таклакот представляетъ значительный центръ для торговли съ Индіей. Въ Маграмѣ Лонгстаффъ видѣлъ нѣсколько тополей, единственныя деревья въ предѣлахъ посѣщенной имъ части тибетской территоріи. Въ сосѣднихъ «ронъ» имѣется нѣсколько значительныхъ селеній.

*) Этотъ раіонъ подробно описанъ у Sherring, Western Tibet and British Borderland.

18 іюля Лонгстаффъ, переправившись черезъ рѣку Карнали по хорошему деревянному мосту, началъ подъемъ на Гурлха Мандата (25,350 фут.), дойдя до высоты 23, 000 фут. Изъ животныхъ, встрѣченныхъ по пути путешественникомъ, — можно отмѣтить немногочисленныхъ кянъ и газелей (гоа на) равнинѣ (15.000 ф.), также 2 черныхъ волковъ; мохнатыхъ зайцевъ и нѣсколько колоній сурковъ по нижнимъ склонамъ; мышезайцевъ (ochotona), распространенныхъ по всему Гарвалу, Непалу, Кумаону и Тибету, на высотѣ 17 000 ф. и барановъ выше снѣжной линіи (18.000 ф.).

Соединившись съ Шеррингомъ 29 іюля около юго-западнаго угла озера Ма-п'ам, Лонгстаффъ проводилъ его по дорогѣ въ Гарток до Миссар, пересѣкнувъ на перешейкѣ между Священными озерами соединительный каналъ, высохшій, но глубоко врѣзанный въ почвѣ. От Миссар (Менсар), котораго экспедиція достигла по маршруту Муркрофта и Хирсей, Лонгстаффъ прошелъ къ Тиртапури, переправился черэзъ Сетледжъ и достигъ важнаго рынка шерсти — Gyanemá. Тибетцы здѣсь, какъ и во время предыдущаго пути, относились къ европейцамъ вполнѣ дружелюбно — Лонгстаффъ сопровождался братьями-итальянцами Brotherel въ качествѣ посыльщика и проводника — и безпрепятственно снабжали экспедицію вьючными яками. Дальнѣйшій путь шелъ черезъ галечную равнину, изрѣдка поросшую кочками „дама“ къ Shibchilam, гдѣ путешественника посѣтилъ деба изъ Дабы для смѣны яковъ. Постоянный южный вѣтеръ, вздымавшій облака пыли, очень непріятно дѣйствовалъ на непривычныхъ путешественниковъ. 25 августа съ переходомъ черезъ перевалъ Шелшел (16.300 ф.) Лонгстаффъ вступилъ на территорію Гарвала, пройдя 300 миль по тибетской территоріи и подтвердивъ до мельчайшихъ деталей точность и правдивость наблюденій братьевъ Стрэчи. По мѣрѣ приближенія къ Гималаямъ небо дѣлалось болѣе облачнымъ, однако, вліяніе горъ на влажность

воздуха ограничивалось очень узкою полосою, такъ что озеро Ма-п'ам, не смотря на близость къ Гималаямъ, находится въ періодѣ высыханія. Другой важный факторъ, который въ будущемъ окажетъ еще болѣе сильное вліяніе на процессъ высыханія, климата и почвы Тибета—удостовѣренное медленное поднятіе Гималаевъ.*)

Calvert, помощникъ англійскаго уполномоченнаго въ Кулу, перейдя тибетскую границу 17 іюля 1906 г. у Шипки, направился къ Гартоку по лѣтней дорогѣ, не посѣщавшейся доселѣ никѣмъ изъ европейцевъ, черезъ равнину Чумурти (15,500 ф.) и Лаоче ла. Гарток оказался крошечнымъ селеніемъ изъ 14 или 15 домовъ и немногихъ палатокъ. Изъ Гартока Кальвертъ прошелъ въ Гаргунса, жалкую деревушку на болотѣ, хотя она и служитъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ главнымъ административнымъ центромъ Н'ари К'орсум, провинціи площадью въ 60,000 кв. миль. Обратный путь былъ сдѣланъ по неизслѣдованной мѣстности и сопровождался нѣкоторыми трудностями.

20 августа Кальвертъ достигъ—на пути къ золотымъ розсыпямъ Т'ок Джалунъ—Чжу канъ на Индѣ по неизвѣстной до тѣхъ поръ дорогѣ. Рѣка представляла въ указанномъ пунктѣ небольшое проходимое въ бродъ теченіе въ крутой узкой долинѣ. Т'ок Джалунъ оказался покинутымъ, такъ какъ всѣ золотоискатели перешли въ Т'ок Далунъ, куда экспедиція прибыла на слѣдующій день. Во время пребыванія на пріискахъ Кальвертъ, первый изъ европейцевъ, произвелъ тщательное изслѣдованіе ихъ; онъ упоминаетъ между, прочимъ, что встрѣтилъ тамъ чиновника изъ Лхасы, т. н. серпон, присланнаго для сбора промысловаго налога съ золотоискателей. Покинувъ Т'ок Далунъ, Кальвертъ посѣтилъ живописное, но полуразрушенное селеніе Рудок, на скалистомъ возвышеніи, далѣе монастырь Ташидзонъ на Индѣ и вернулся черезъ Бонъру ла (18,600 ф.), равнину Чумурти и трудный перевалъ

*) Geograph. Journ. февр. 1907 г. Notes on a journey through Western Himalaya.

Бадно ла (19,400 ф.) въ Шипки. Краткая замѣтка объ этомъ любопытномъ путешествіи[1] оканчивается указаніемъ, что тибетцы держали себя по отношеніи къ иностранцамъ дружелюбно.

Этимъ исчерпываются важнѣйшія путешествія по Тибету вплоть до второй половины 1907 г., насколько свѣдѣнія о нихъ проникли до настоящаго времени (іюнь 1907 годъ) въ печать[2]. Однако, изслѣдованіе этой обширной и труднодоступной области еще далеко не можетъ считаться совершенно законченнымъ. Понынѣ еще въ Тибетѣ заключаются важнѣйшія задачи физической географіи Азіи; если сравнительно съ эпохою первыхъ путешествій Пржевальскаго, европейское знакомство съ внутренними областями сѣвернаго и главное южнаго Тибета значительно подвинулось впередъ за истекшія съ тѣхъ поръ три десятилѣтія, все-же можно указать не мало обширныхъ пространствъ и частей сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета, остающихся понынѣ или вовсе неизслѣдованными, или затронутыми лишь въ немногихъ мѣстахъ маршрутами отдѣльныхъ путешественниковъ. Это обстоятельство даетъ право утверждать, что въ чисто географическомъ отношеніи Тибетъ понынѣ принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ на всемъ протяженіи областямъ равной площади на земномъ шарѣ. Сандбергъ[1] указываетъ на важнѣйшіе пробѣлы въ географическомъ изслѣдованіи Тибета, остававшіеся къ срединѣ 1904 г. Нынѣ нѣкоторые изъ этихъ пробѣловъ, правда, немногіе, отчасти восполнены трудами англійской экспедиціи 1904 г.; но большая часть намѣченныхъ указаннымъ авторомъ задачъ понынѣ ждетъ своего разрѣшенія.

Значительныя части провинцій Цзанъ и Уй, не смотря на исключительную важность этихъ провинцій, какъ средоточія населенія, правительства и экономическихъ силъ страны, остаются еще почти неизученными; въ городахъ же Цзет'анъ, Гжямда и многихъ другихъ Центральнаго и Восточнаго Тибе-

та не былъ ни одинъ европеецъ изъ нынѣ находящихся въ живыхъ. Еще менѣе извѣстны части юго-восточнаго Тибета по Цзанъ-по и вдоль восточныхъ Гималаевъ и границы Ассама—область Конъ-бо, Такпо, Цзари, Поюл, Дзаюл и т. д., по отношенію къ которымъ картографы довольствуются лишь предположительнымъ размѣщеніемъ горъ и рѣкъ, а географы и этнографы—смутными слухами и извѣстіями пандитовъ и краткими свѣдѣніями китайскихъ источниковъ. Лучше извѣстны пограничныя земли Тибета вдоль Непала и сѣверо-западныхъ горныхъ владѣній Индіи, хотя и здѣсь область Нуранъ рисуется на картахъ лишь по догадкамъ, а многія вершины Гималаевъ остаются понынѣ не измѣренными.

Часть западнаго Тибета на СВ. отъ озера Манасаровар и пика Кайлас представляетъ въ полномъ смыслѣ невѣдомую страну между 31° и 32° с. ш. и 82° и 84° в. д. Наиболѣе сѣверная окраина послѣдней была затронута Гединомъ и Литтльдэлемъ, раньше Наинъ-сингомъ, но ихъ наблюденія, относящіяся непосредственно къ мѣстности вдоль линіи маршрута и узкой сосѣдней полосы, не даютъ никакого общаго представленія о цѣломъ.

Что касается рѣкъ западнаго Тибета, то источники Сетледжа до сихъ поръ еще не открыты[2]. Начало одной вѣтви, Инда—Гартокской, показывается сравнительно ясно—на СЗ. отъ Кайласа; къ источникамъ второй вѣтви подошелъ только одинъ пандитъ изъ трехъ, производившихъ изслѣдованіе Западнаго Тибета въ 1867 г.; онъ, правда, не видалъ ихъ самъ, но сообщаетъ указаніе, что они лежатъ недалеко отъ Маріум ла (на разстояніи 10—20 миль на СВ. отъ этого перевала) въ цѣпи Ганъ-ри Гургжяб.

Истоки Яру Цзанъ-по не были фактически посѣщены до сихъ поръ, но положеніе ихъ установлено на картахъ довольно точно; того же нельзя утверждать о всемъ теченіи этой наибольшей тибетской рѣки въ предѣлахъ тибетской тер-

риторіи. Нѣкоторыя части ея были только по разу посѣщены отдѣльными пандитами, сообщившими довольно скудныя свѣдѣнія о характерѣ ея береговъ, но не давшими почти никакихъ указаній на быстроту и ширину теченія, глубину рѣки, обиліе водной массы. Участокъ въ 150 миль въ Западномъ Тибетѣ (между 85° 15′ и 87° 30′ в. д.), не посѣщенный никѣмъ изъ пандитовъ, былъ изслѣдованъ экспедиціей Роулинга и Райдера 1904 г.; напротивъ, меньшій по длинѣ участокъ рѣки отъ крайняго пункта, достигнутаго К. Р. въ 1883-4 г., до границы Ассама еще не видѣлъ на своихъ берегахъ топографа и изслѣдователя[1].

Очень мало извѣстенъ Сѣверный Тибетъ, или Бжянъ-т'анъ въ отношеніи точнаго расположенія орографическихъ элементовъ, хотя общій характеръ страны довольно ясенъ изъ описаній недавнихъ европейскихъ путешествій, прорѣзавшихъ область съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. Совершенно неизвѣстна часть ея подъ 35° с. ш. между 84—86° в. д., одно изъ обширнѣйшихъ бѣлыхъ пятенъ на картѣ Тибета между маршрутами Боуера на югѣ, Велльби на сѣверѣ.[2]

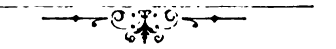
Сѣверная ограда Тибета—Куэньлунь, достаточно изслѣдована со стороны бассейна Тарима, но многія части ея, углубляющіяся внутрь тибетскаго нагорья, остаются еще не связанными между собою и не сгрупированными въ общую систему. Въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ важныя цѣпи—Аркатаг, Амьесургу, Бурхан-бота, Кукушили и Данъ ла—были пересѣкнуты много разъ европейцами въ недавніе годы; совокупность ихъ разрозненныхъ наблюденій позволила установить положеніе и направленіе этихъ горныхъ цѣпей на ограниченномъ протяженіи. Одинъ только Велльби прошелъ эту часть Тибета съ запада на востокъ, при томъ на югъ отъ Аркатага; его съемка была пополнена и провѣрена Гединомъ по отношеніи къ Арка тагу, но ни одна изъ прочихъ указанныхъ цѣпей не изслѣдована на всемъ протяженіи.

Области Цайдам, кромѣ совершенно пустынной центральной и сѣверной части, и Кукунор съ Наньшанемъ могутъ быть причислены къ разряду изслѣдованныхъ областей, такъ какъ здѣсь работали Пржевальскій и прочіе русскіе изслѣдователи, а на порогѣ XX ст.—Гединъ.

Въ восточномъ Тибетѣ трудную задачу, неисполненную понынѣ, представляетъ изслѣдованіе верхнихъ теченій большихъ китайскихъ и индо-китайскихъ рѣкъ. Пржевальскій, Рокгиль, Козловъ и въ послѣднее время Футтереръ и Фильхнеръ установили довольно точно па картѣ истоки Желтой рѣки и ея верхнее теченіе съ озёрами въ предѣлахъ тибетской территоріи и Амдо. Напротивъ, верхнія теченія Дречу (Янъ-цзы), Меконга и Сальвина, въ особенности же ихъ источники, окутаны понынѣ мракомъ. Правда, Бонвало и принцъ Орлеанскій утверждають, что они прошли черезъ крайній истокъ Мурун усу, а Малькольмъ, спутникъ Велльби, объявляетъ р. Чумар за верховье этой рѣки; съ другой стороны дэ-Рэнсъ и Гренаръ признали за великое открытіе р. Цзанагч'у, въ которой они видѣли истокъ Меконга; все же остается неизвѣстнымъ понынѣ съ достовѣрностью, какія водныя теченія въ восточномъ Тибетѣ между 35° и 30° с. ш. принадлежать указаннымъ рѣкамъ въ качествѣ верховьевъ, равно какъ: заходятъ-ли ихъ истоки на западъ отъ 90° в д., словомъ, гдѣ вести границу между внѣшней и внутренней областями стока страны. На югъ отъ 30° с. ш. Дегодинъ и прочіе миссіонеры съ періодъ 1861 (73)—1880 г. г. изслѣдовали въ юго-восточномъ Тибетѣ отдѣльные, трудно обозрѣваемые въ дикой горной странѣ, участки указанныхъ рѣкъ и выяснили съ достаточной полнотою общее направленіе ихъ теченій; честь же называться тибетской рѣкою была окончательно отнята у Иразадди послѣ долгихъ споровъ въ 1895 г. благодаря открытію принцемъ Генрихомъ Орлеанскимъ ея истоковъ внѣ тибетской территоріи во время путешествія изъ Тонкина черезъ Юнь-нань въ Бирму.

Въ такомъ положеніи находится нынѣ дѣло изслѣдованія Тибета; работы остается много, и съ устраненіемъ прежнихъ политическихъ преградъ надо полагать, что и дѣятелей на этомъ поприщѣ явится достаточно для борьбы съ физическими трудностями и климатическими неблагопріятными условіями.

Вслѣдъ за обзоромъ путешествій по Тибету естественно перейти къ географическому описанію страны, для чего обзоръ служилъ лишь въ качествѣ необходимаго вступленія. Въ виду того, что при указаніи маршрутовъ и научныхъ результатовъ отдѣльныхъ изслѣдованій Тибета, уже приходилось сообщать довольно подробныя свѣдѣнія о физическомъ характерѣ страны и о наиболѣе примѣчательныхъ чертахъ ландшафта, то ниже лѣдующій географическій очеркъ Тибета представитъ лишь сводъ данныхъ, собранныхъ различными путешественниками и учеными, переводчиками китайскихъ и иныхъ описаній страны, взаимно дополняющихъ и провѣряющихъ, и будетъ заключенъ въ болѣе тѣсныя рамки общихъ характеристикъ и выводовъ, предполагая меньшія детали уже извѣстными изъ предшествующаго изложенія.



ПРИМѢЧАНІЯ

къ первому выпуску первой части „Описанія Тибета."

Принятыя сокращенія заглавій нѣкоторыхъ наиболѣе часто цитируемыхъ сочиненій, русскихъ и иностранныхъ.

На русскомъ языкѣ:

Вас. . . . . Васильевъ, „Географія Тибета" переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ Хутукты.

Изв. . . . . Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ обозначеніемъ соотвѣтствующаго тома (или года) и выпуска.

Камъ . . . . Козловъ, „Монголія и Камъ".

Прж. Монг. . Пржевальскій, „Монголія и страна Тангутовъ", 1876.

Прж. III пут. . Пржевальскій, „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки", 1883.

Прж. IV пут. . Пржевальскій, „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима", 1888.

Тр. Цент. Аз. . Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго (три части. Первая часть принадлежитъ самому Роборовскому, вторая написана его спутникомъ Козловымъ).

Цыб. . . . . Цыбиковъ, „О центральномъ Тибетѣ" въ Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., т. XXXIX, вып. III.

Ч. . . . . . Саратъ Чандра Дасъ „Путешествіе въ Тибетъ". Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Котвича. 1904.

На иностранныхъ языкахъ:

Bibl. A. . . . Cordier, Bibliotheka Sinica, первое изданіе, I и II томы и Supplement.

Bibl. B. . . . тоже второе изданіе.

Ch. Dict. или C. D. . . Sarat Chandra Das, Tibetan-English Dictionary.

Des. . . . . Desgodins, „Thibet d'apres la correspondence des missionnaires". Deuxieme edition 1885.

Diary . . . Rochhill, „Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892". 1894.

E. или Ethn. . Rockhill, „Notes on the ethnology of Tibet" 1895.

Enc. Br. . . Encyclopaedia Britannica, ninth edition. Vol. I—XXIV (1875—1888 г.г.), tenth edition. Vol. XXV—XXXV (1902—1903 г.г.).

G. J. . . . Geographical Journal (изд. въ Лондонѣ Royal Geographical Society) съ обозначеніемъ соотвѣтствующаго тома, или года, и мѣсяца.

Gren. . . . Grenard, „Le Tibet", 1904.

H. . . . . Holdich, „Tibet, the mysterions". 1906.

Him. J. . . Hooker, „Himalayan Journals", нов. изд. 1855.

J. A. S. . . Journal of the Royal Asiatic Society.

J. A. S. B. . Journ. of the Roy. Asiat. Soc. of Bengal.

J. Ch. Br. . . Journ of the North-China (China) Branch of the Royal Asiatic Soc.

J. Dict. . . . Jaeschke, Tibetan-english Dictionary 1881.

L. или L. L. . Rockhill, „Land of lamas".

Land. . . . Landon, „Lhasa".

Lam. . . . Waddel, „Lamaism".

Ma. . . . . Filchner, „Das Ratsel des Matschu" 1906.

Miss. Dict. . . Dictionnaire thibetain-latin-francais par les missionnaires catholiques du Thibet, 1899.

Miss. Scient. . „Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie" par Grenard.

P. M. . . . Petermann's Mitteilungen.

P. M. Erg. . Petermann's Mitteilungen, Erganzungshefte.

P. M. Lit. . . Peterm. Mitteil., Literaturbericht.

Rawl. . . . Rawling, The great Plateau, 1905.

Richth. . . . Richthofen, „China".

Schl. . . . . Schlagintweit, „Le bouddhisme au Tibet" въ Ann. du Mus. Guimet, III.

S. . . . . . Sandberg, „Tibet", 1906.

S. E. . . . Sandberg. „The Exploration of Tibet", 1904.

Sher . . . . Scherring, Western Tibet and the British Borderland. 1906.

Tib. . . . . . Rockhill, „Tibet. A Georaphical, Ethnographical and Historical Sketch, derived from chinese sources" въ J. R. A. S., XXIII.

W. L. . . . Waddell, „Lhasa and its mysteries".

Жирныя цифры обозначають соотвѣтственныя страницы текста „Описанія“.

1. 1) Прж. III пут. 174;

2) тамъ же;

3) Лакупери въ Enc. Brit. XXIII томъ (изд. 1888), стр. 337, прим.

4) Однако, тибетецъ, пріѣзжій изъ Лхасы въ Да-цзянь лу, говоритъ, что прибылъ изъ Тепе, или высокаго Бод (Baber, Travels and research in the interior of China, стр. 98; тамъ же указывается, что выраженіе бод-лунъ-па служитъ для обозначенія всѣхъ народностей, говорящихъ по тибетски, въ цѣломъ, а не только сравнительно меньшей подчиненной Лхасѣ части общей территоріи, занятой тибетскимъ племенемъ). Въ Люшар (зап. Ганьсу) Рокгиль слышалъ отъ одного уроженца Сань-чуань названіе Тибета въ формѣ Тебе, наиболѣе приближающейся къ европейской формѣ изъ всѣхъ слышанныхъ имъ въ самой странѣ произношеній этого слова (Diary 106)

2. 1) Индусскимъ именемъ Bhotias (обитатель Bhot или Тибета) обозначаются въ Сиккимѣ всѣ племена, говорящія по тибетски—сиккимскіе б'утіи, произошедшіе отъ смѣшенія тибетцевъ и лепча, бутанскіе, или дугпа б'утіи, непальскіе или шерба б'утіи, равно какъ уроженцы собств. Тибета (Waddel, Among Himalayas, 45—6). Равнымъ образомъ далѣе на западъ арійское население холмистой страны Кумаона называетъ обитателей болѣе возвышенной пограничной съ Тибетомъ полосы области, тибетскаго или смѣшанно-тибетскаго происхожденія,—Bhotia, хотя послѣдніе не всегда соглашаются сами на это наименованіе, употребляя собственныя племенныя обозначенія (см. Sher. 63—64). Страна, занимаемая ими, извѣстна тѣмъ же арійскимъ племенамъ подъ именемъ Bhot, а самый Тибетъ подъ именемъ Хундес и тибетцы—Huniyas, хотя благодаря смѣшенію терминовъ можно иногда услышать названіе Bhotia въ примѣненіе къ собственнымъ тибетцамъ—обитателямъ Западнаго Тибета. Въ сущности подобное употребленіе вполнѣ правильно съ филологической точки зрѣнія, такъ какъ Bhot первоначально лишь соотвѣтствовало тибетскому бод, а Bhotia—бод-па, или собственному обозначенію тибетцевъ. Такимъ образомъ нынѣшнее употребленіе имени Bhotia придаетъ ему ограничительный смыслъ, какого оно не имѣло раньше.

2) Китайскій текстъ переведенъ Бушелемъ въ „Early hist. Tib.“ J. A. S., vol. XII, стр. 535—8 со снимкомъ надписи.

3) Hodgson, Lit. and relig. of bud. „Phoenix“, 1871, стр. 94.

4) W. L. 66, прим. 1; Лакупери въ Enc. Brit., стр. 338, прим.;

5) Ethn. 669;

6) тамъ же; наиболѣе подробно вопросъ разбирается у Feer, Etymologie du mot Tibet;

7) Придыханіе въ словѣ мт'о заставляетъ Дегодина писать европейское названіе Тибета черезъ Thibet, а не просто Tibet.

3. 1) Въ книжной формѣ это названіе пишется сМад-бод или дман-бод, при чемъ сМад соотвѣтствуетъ сТод, а дман—мт'о-ба, только съ противоположнымъ значеніемъ—низкій, низменный вмѣсто высокій, возвышенный. По мнѣнію Лакупери (Enc. Brit. XXIII, стр. 388, см. также его же статью: Tibet, why so called?), этимологическое производство слова „Тибетъ" отъ выраженія: Верхній Бодъ могло бы быть признано достовѣрнымъ, если бъ опиралось на болѣе древній авторитетъ, не только на фактъ современнаго употребленія. Между тѣмъ историч. свидѣтельства (черезъ посредство китайскихъ источниковъ) указываютъ на отличное происхожденіе слова, именно, отъ фамильнаго прозванія вѣтви Сяньбійцевъ, утвердившейся на востокѣ Тибета въ *V* ст.—Тубат, или Тоба и давшей начало тибетской династіи королей (Фанни Туфа). Вторая половина этого прозвища—бат—была передѣлана индійск. миссіонерами по созвучію съ санскритскимъ языкомъ въ б'от, откуда возникло бод, нынѣшнее общепринятое обозначеніе страны въ цѣломъ. Мнѣніе Лакупери не привилось въ европейской литературѣ, гдѣ получилъ общее признаніе взглядъ Дегодина и Рокгиля. Другія этимологич. производства имени Тибета, напр. Шифнера (Tibetische Studien въ Mel. Asiat. (Импер. Академіи Наукъ), I, 332 прим.) отъ т'уб-н'од—могущество, указаны въ брошюрѣ Feer.

2) Hist. Mongol. сообщаетъ о походѣ монголовъ на Buritlabet (Болитуфань); это имя упоминается и въ Цинь-чжэнъ-лу (пер. Палладія въ Тр. Пек. дух. мис. I, стр. 176); возможно здѣсь идетъ рѣчь не о настоящемъ Тибетѣ.

3) Перечень рукописей и изданій книги Марко Поло у Feer, цит. статья стр. 17 и 18; (см. также Bibl. A. II, стр. 909—927 и Suppl. 1915—17).

4) Bibl. II 937—40; Feer стр. 18.

5) тамъ же на стр. 18 и 19 указаны изданія записокъ Ант. д'Андрада между 1624 и 1629 г.г. см. также Bibl. II 1460—4; относительно дела Пенна тамъ же 1465—6.

6) Georgi, Alphabetum tibetanum; Remusat, Recherches sur les langues tartares 391; Koeppen, Religion des Buddha II 41; Hodgson въ Phoenix см. выше; Bretschneider, Notices of the mediaeval geography aud history of central and western Asia 185.

7) Bretschn. Not. 186.

4. 1) Кашмирцы зовутъ нынѣ Тибетъ Tibbat или Tebet (Wad. L. 66).

2) Изъ другихъ арабск. писателей о Тибетѣ говорятъ между прочимъ: Ибнъ Хаукаль 976 г., Альбируни (1020) и Рабби Бенджаменъ (1165 г.)—Thibet; Ибнъ-Батута 1340—Thabet. У Рашид-Эддина имя страны пишется Tibet. См. Bretsch. Not. стр. 187.

3) Въ разг. языкѣ нерѣдко употребляется монголами для обозначенія Тибета выраженіе Барун-тала (правая, или западная страна) въ отличіе отъ Цзун-тала, вост. страна, или собств. Монголія; иногда монголы обозначаютъ Лхасу и вообще центр. Тибетъ черезъ Цзу.

Ладак зовется монголами хара-тюбет (Палладій, Кит-русск. сл. подъ словомъ: цзанъ). У тюрковъ имя тюбет является въ формѣ туй-байт (тамъ же). Однако, въ бассейнѣ Тарима зовутъ тибетцевъ (б'от) тибети (tibetee), какъ убѣдился Шо, съ которымъ были тибетскіе слуги (Visit to the high Tartary стр. 102).

4) Въ данномъ случаѣ разумѣется лишь одна вѣтвь тиб. племени—въ сѣв. вост. части страны. Происхожденіе имени Тангут на основаніи китайск. источниковъ—см. L. стр. 73, прим., гдѣ приводится мнѣніе Си-цзанъ фу, будто „танъ-гу-тѣ суть потомки танъ-гу-цзюэ; послѣднее же названіе произошло отъ слова гу-цзюэ, обозначавшаго желѣзные шлемы, изготовлявшіеся въ древности (тюрками) на Алтаѣ. Справедливость вышеуказаннаго производства доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что понынѣ кукунорскіе фань-цзы носятъ шапки, по формѣ напоминающія шлемы гу-цзюэ—съ высокой тульей и узкими полями". Howorth, „History of Hia or Taugut" стр. 4, видитъ въ словѣ тангут тюркскую транскрипцію китайскаго данъ-сянъ, каковымъ именемъ обозначалось особое поколѣніе цяновъ (тибетцевъ ханьской династіи), обитавшее на югъ отъ Кукунора по правому берегу Желтой рѣки (Іакинѳъ. Ист. Тиб. и Хухун., 237), откуда вышли предки основателей династіи Ся, или Тангут IX—XIII стол. по Р. Х., принадлежавшихъ къ тому же племени, какъ и нынѣшніе обитатели сѣверо-восточнаго Тибета—„тангуты".

5) E. 670. Китайскіе авторы, какъ видно ниже, также употребляютъ это имя въ формѣ танъ-гу-тѣ въ качествѣ родового обозначенія всѣхъ тибетцевъ (L. 73, прим.), чѣмъ исключается возможность ограничительнаго толкованія термина. Впрочемъ, Пржевальскій далеко не первый изъ европейскихъ авторовъ проводилъ различіе между тангутами и тибетцами, т. к. уже Рубруквисъ говоритъ сперва о тангутахъ, а затѣмъ переходитъ къ тибетцамъ:—Post istos sunt Tebet, и т. д. (Лат. изд. въ Recueil de Voyages, publ. par Soc. Geogr. 1837, IV т. 289.

6) Болѣе точная передача тибетской книжной (и вѣроятно прежней разговорной) формы названія обѣихъ провинцій дбус-гцанъ, тогда какъ Вэй-цзанъ представляетъ приближеніе къ нынѣшнему произношенію указанныхъ словъ—уй-цзанъ въ центральномъ Тибетѣ (въ К'амѣ, какъ отмѣчаетъ J. Dict., таблица произношенія стр. XX, дбус произносится даже wo). Любопытно указаніе Рокгиля (Diary 304), что кит. солдаты въ Nyulda (Н'ул-мда—серебр. стрѣла, кит. Енъ-та, почт. станцію въ долинѣ Цзеч'у между Чамдо и Лхоронъ дзонъ), родомъ изъ Цзянь-чанъ называли тибетцевъ танъ-гу-тэ и непальцевъ—Бэй-бунь-цзы (отъ тиб. Пебу (ба(л)-бо)—непальцы буддисты). Выраженіе танъ-гу-тэ цзы употребляется въ Си-цзанъ изц

для обозначенія тибетскаго письма (напр. на стр. 22 первой тетради говорится, что посланники Далай-ламы (э-рръ цинь (тиб. гсер-їиг-па—носитель золотого письма) представляютъ императору переписанную тибетскими буквами (танъ-гу-тэ цзы) докладную записку (бяо-вэнь), почтительно освѣдомляясь объ Августѣйшемъ здоровіи отъ имени своего повелителя). Описаніе страны танъ-гу-тэ въ Си-цзанъ-цзи несомнѣнно касается центральной части съ Лхасою.

7) Кит. Цзанъ*) представляетъ передачу тиб. Цзанъ (пиш. гцанъ чистый, ясный), собственно названія центр. провинціи съ городомъ Шихацзе,**) но въ обиходной рѣчи нерѣдко обозначающаго обѣ провинціи—Цзанъ и Уй. Слово „си" западный, прилагаемое къ Цзанъ въ китайскомъ обозначеніи страны, указываетъ что Тибетъ расположенъ на западъ отъ Китая. Иногда китайцы употребляютъ въ книгахъ по сокращенію просто цзанъ, какъ наименованіе Тибета, въ особенности въ сложныхъ словахъ, напр. цзанъ-сянъ тибетская курительная свѣчка***). Giles, Chin.-engl. dict. подъ словомъ цзанъ (стр. 1145) (см. также Шэнъ-у-цзи, 5 цзюань, стр. 1) различаетъ три части Тибета, по китайски: Цянь-цзанъ—передній Тибетъ, часть страны прилегающая къ Сы-чуани; Чжунъ-цзанъ—средній Тибетъ (надо думать пров. Уй и Цзанъ или только Уй) и Хоу цзанъ—западн. Тибетъ (Н'ари, или Цзанъ и Н'ари). Си-цзанъ цзи (стр. 23 перв. тетради) выдѣляетъ провинцію Н'ари (А-ли по китайски) изъ понятія Хоу-цзанъ; въ то же время Лхаса (Ласа, подъ каковымъ именемъ можетъ разумѣться не только столица, но и столичная область) фигурируетъ отдѣльно отъ Хоу-цзанъ, такъ что послѣднее названіе прилагается здѣсь исключительно къ провинціи Цзанъ, что и является вѣроятно первоначальнымъ и истиннымъ значеніемъ термина при всей неопредѣленности китайскихъ аналогичныхъ выраженій. Хоу-цзанъ противополагается всегда Си-цзанъ, по крайней мѣрѣ, въ Си-цзанъ-цзи. Такъ, при перечисленіи трехъ дѣленій страны на стр. 7 б первой тетради говорится: Канъ (К'ам) является нынѣ округомъ (лу) Чамдо; Вэй (Уй)—областью (дай) Си-цзанъ'

*) Іероглифъ, употребляемый для передачи этого имени въ кит. книжн. языкѣ, читается цанъ и цзанъ, въ первомъ случаѣ имѣя значеніе хранить, во второмъ хранилище (можно прибавить: религіозной святости и ученія, въ общемъ очень лестное для тибетцевъ обозначеніе). То обстоятельство, что для передачи тибетской книжной формы гцанъ китайцами взятъ іероглифъ со звукомъ цзанъ, а не цанъ, указываетъ на несомнѣнное присутствіе „з" въ разговорномъ тибетскомъ произношеніе указаннаго названія (цзанъ вмѣсто цанъ подобно тому какъ рце произносится цзе).

**) Имя провинціи, по объясненію Вэй-цзанъ-ту-чжи (Tib. 194 и прим. 3 на той же стр.) происходитъ отъ имени наибольшей рѣки южнаго Тибета, Яру цзанъ-но (вообще рѣка по тиб. обозначается словами цзанъ-по, а указ. наибольш. рѣка—Цзанъ-по-ч'у). Слову цзанъ придается въ цитир. мѣстѣ Вэй-цзанъ-ту-чжи искусственное толкованіе—цанъ, т. е. сліяніе двухъ рѣкъ—Цзанъ-по и Кчіи ч'у, откуда будто бы и получилось имя Си-цзанъ, обозначающее столицу, столичную область и въ переносномъ смыслѣ весь политическій Тибетъ.

***) Цзанъ-цзянъ рѣка Цзана означаетъ Цзанъ-по. Съ друг. стороны Си-цзанъ хунъ-хуа (красн. цвѣтокъ) значитъ—шафранъ.

скаго Ла-са чжао—Лхасскаго Чжу (величайшей святыни Тибета—статуи Будды Сакьямуни въ Лхасскомъ соборѣ Чжук'анъ) и Цзанъ—областью Хоу-цзанъ'скаго Чжа-ши-лунъ-бу (Дашiлхунбо). Си-цзанъ, какъ указалъ уже Рокгиль (Tib. 187) обозначаетъ въ употребленiи Вэй-цзанъ-ту-жи нерѣдко одинъ только городъ Лхаса, или Си-цзанъ Да чжао чжи-ди—земля Си-цзанъ'скаго Великаго Чжу (Си-цзанъ-цзи). Бэнь-цзанъ, или собственный Цзанъ можетъ обозначать либо столицу, либо центральныя области страны, такъ: Чжу-цзанъ да-чэнь пребывающiй въ Цзанъ (въ столицѣ или просто Тибетѣ)—китайскiй амбань-резидентъ при Лхаскомъ правительствѣ.

8) Е. 669. У Панака названiе бод-па превращается въ гопа въ примѣненiи къ жителямъ центр. Тибета. Въ тиб. литературѣ встрѣчается также бод-кiи-ми—люди Тибета, подобно тому, какъ тиб. языкъ означается бод-ка (пиш. бод-скад) или тиб. народъ—бод-кiи-ми-гжюд (пиш. бргiуд).

5. Иногда употребляется для обозначенiя „Тибетъ, тибетскiй" просто ган-с'чан или ган'с-чан-гiи, особенно въ сложныхъ словахъ, напр.: ган'с-чан-рГiал-по тибетскiй король (обозначенiе, прилагаемое въ книгахъ и къ Далай-ламѣ); ган'с-чан-рГiал-по'и-бсти-гнас буквально: пребыванiе тибетскаго короля, прежнее обозначенiе Лхасы. Ган'с-чан-шинъ-рТа (бук. тибетская повозка въ смыслѣ буддiйскаго санскритскаго термина яна)—почетное прозвище реформатора ламайской церкви Цзонхавы. Другiе примѣры см. Ch. D. 211. Видоизмѣненная форма того же фигуральнаго названiя Тибета—ган'с-ч'ен большой ледникъ или обильныя снѣга—встрѣчается въ одномъ изъ титуловъ Далай ламы—ган'с-ч'ен-ч'ос-рГiал. Ган'с-чан можетъ замѣняться другими тибетскими выраженiями того же значенiя—к'а-ба-чан (к'а-ба=ган'с).

Помимо указанныхъ поэтическихъ обозначенiй существуютъ нѣкоторыя другiя, также основанныя на физическихъ особенностяхъ ландшафта страны, напр.: н'ам-грог-ч'ен-по или по сокращенiю н'ам-грог-ч'е—(страна) большихъ овраговъ съ крутыми размытыми сторонами (C. D. 350).

Рокгиль подчеркиваетъ то обстоятельство, что наименованiе Тибета, какъ страны краснолицыхъ, было встрѣчено имъ лишь въ *переводномъ* сочиненiи Ли-iул-ло-рГiус-па (Анналы Ли-юл, или Хотана) см. Rockhill, „The Life of the Buddha", стр. 242. Ch. D. 879, указываетъ изъ сочиненiя рГiа-бод-iиг-ч'анъ нѣсколько измѣненную форму того же названiя гдонъ-дмар-чан-гiи-iул—страна краснолицыхъ (людоѣдовъ, т. е. дикарей) въ качествѣ обозначенiя, употреблявшагося въ Тибетѣ до распространенiя буддизма.

Буддагуя въ посланiи къ королю Ди-срон (к'ри-сронъ) называетъ его мго-наг-iон'с-рДже или повелитель всѣхъ черноголовыхъ, выраженiе весьма близко напоминающее китайское „ли-минь" класс. древности или черноволосый народъ (тамъ же 216, прим. 4).

1) гжунъ-ма означаетъ центральную часть Лхасы съ королев-

скимъ дворцомъ J. Dict. 481. гжунъ—правительство, исполнительная власть C. D. 1081; гжунъ-ц'онъ-па—правительственн. торгов. агентъ (тамъ же 1082).

2) Tib. 6. Обозначеніе мань или маньцзы, по мнѣнію Cordier, является нарицательнымъ именемъ, употребляемымъ китайцами въ общемъ смыслѣ классическаго „варваръ", отсюда ведетъ начало Mangi (Manzi) Марко Поло (см. Cordier „L'Extreme-orient" dans Atlas Catalan de Charles V, roi de France (Bull. Georg. hist. et descript. 1895) и его же „Voyage d'Odoric de Pordenone").

6. 1) L. 72. Вообще китайскіе авторы дѣлятъ туземныя племена, обитающія по окраинной полосѣ Гань-су, смежной съ Тибетомъ, на двѣ главныя категоріи—земледѣльческія и кочевыя племена, первыя—ту-жэнь, ту-фань, и фань-минъ, вторыя шэнъ-фань (дикіе), си-фань и фань-цзы. Племена ту-жэнь заключаютъ примѣсь тибетской крови, но также монгольской, тюркской и китайской, что отражается и на ихъ крайне смѣшанномъ языкѣ, въ основѣ кот. лежитъ, впрочемъ, тибетскій. Себя они именуютъ тиб. словомъ ронъ-ва обитатели долины пригодной для обработки въ смыслѣ земледѣльцевъ (Diary, 76). Фань-цзы по существу кочевники и чисто тибетскаго происхожденія; себя они называютъ бо(д)-па, родовымъ именемъ всѣхъ тибетцевъ. L. 71. Фань-цзы всѣ буддисты, чего нельзя сказать про чисто тибетское племя Карганъ (38 деревень) въ той же пров. Ганьсу, на З. отъ Салар-па-гунъ, обращенное саларами большей частью въ магометанство; поэтому китайцы включаютъ племя въ разрядъ хуй-хуй (магометанъ), оставляя лишь за небольшой его частью (буддистами) прозвище фань-цзы Diary 76. „Фань-цзы" нерѣдко означаетъ просто „разбойники", въ употребленіи пограничнаго китайскаго населенія, которому хорошо знакомы разбойничьи повадки тибетцевъ. См. Ma. 76.

2) Для написанія этого названія первоначально употреблялись іероглифы 土番 означающіе въ отдѣльности „земля" *) и инородцы, въ смыслѣ: „туземные обитатели чуждой расы", но возможно, исключительно въ фонетическомъ значеніи для даннаго случая. Впослѣдствіе, китайскіе авторы, желая выразить свое презрѣніе и насмѣшку къ полудикимъ сосѣдямъ, отъ которыхъ съ трудомъ лишь и не всегда могли защититься оружіемъ, воспользовались особенностью своего языка и письменности и взамѣнъ перваго изъ указанныхъ іероглифовъ стали писать іероглифъ того же звука, но съ совершенно отличнымъ смысломъ—ту 吐 плеваться; изрыгать. Такимъ образомъ прежнее имя —туфань (основанное на звуковомъ подражаніи туземному названію)—получило отнынѣ на китайскомъ языкѣ весьма опредѣленное и притомъ нелестное для тибетцевъ значеніе—плю-

*) Ту обыкновенно употребляется въ составныхъ китайскихъ терминахъ въ примѣненія къ автохтонному населенію нѣкоторыхъ пограничныхъ провинцій Китая на западѣ и югѣ въ отличіе отъ пришлаго китайскаго населенія: напр. ту-жэнь туземцы, ту-сы туземные старшины.

ющіе дикари. Съ началомъ дипломатическихъ сношеній между Китаемъ и Тибетомъ, выразившихся въ заключеніи особыхъ соглашеній на началахъ мира и родства, первый іероглифъ (ту) былъ вовсе отброшенъ въ оффиціальныхъ документахъ, а взамѣнъ второго сталъ употребляться іероглифъ того же звука, но не заключающій въ себѣ оскорбительнаго смысла, какъ прежнее начертаніе,—фань 蕃 роскошная растительность, многочисленный.

Такимъ образомъ, въ китайскомъ текстѣ надписи передъ Чжуканъ (договоръ 822 г.) тибетскій правитель именуется Да-фань шэньшэнь цзань пу, или цзань-пу (бцанъ-по титулъ тибетскаго короля того времени (Miss. Dict. 783) вѣроятно отъ бцан-по герой, могущественный=джо-бо) Великаго Фань, по аналогіи съ Да-танъ Вэнь у сио-дэ хуанъ-ди (императоромъ Великаго Танъ, или китайскимъ). Далѣе обѣ договаривающіяся стороны называются либо да-танъ и да-фань, либо просто танъ (или хань) и фань (такъ, при опредѣленіи смежной границы обѣихъ территорій *) говорится фань-хань (вмѣсто танъ) эрлъ-го; посланники обѣихъ странъ обозначаются танъ-чай и фань-ши; правители и сановники—фань-хань цзюнь-чэнь; нарушеніе договора тѣмъ или другимъ государствомъ обозначается выраженіемъ фань-хань бэй-іо.

Въ частныхъ сочиненіяхъ, къ которымъ не предъявлялись требованія дипломатической корректности, китайскіе авторы продолжали употреблять прежнее написаніе слова ту-фань или просто фань—варвары, и нынѣ, несмотря на существованіе новаго оффиціальнаго обозначенія страны, терминъ фань или даже фань-и 蕃夷 дикіе варвары въ примѣненіи къ тибетцамъ можно встрѣтить въ китайскихъ сочиненіяхъ. Такъ, Си-цзанъ-цзи называетъ тибетскихъ ламъ фань-цзэнъ; тибетскія войска въ противоположность китайскимъ (просто бинъ) обозначаются фань-бинъ; прежніе тиб. короли—фань-ванъ; фань-жэнь—тибетцы.

3) Танъ-шу указываетъ, что 吐蕃 ту-фань по нынѣшнему произношенію іероглифовъ происходитъ отъ названія племени цяновъ 吐發 ту-фа (съ указанной оговоркою относительно произношенія), т. к. фань и фа весьма близки по звуку (Іакинѳъ, Ист. Тиб. I, 125). Поэтому можно предположить, что первоначально имя писалось іероглифами, произносимыми въ настоящее время ту фа и что замѣна этихъ іероглифовъ была произведена для приданія названію болѣе оскорбительнаго смысла путемъ подыскапія соотвѣтствующихъ іероглифовъ. Для іерогл. 蕃 фань Williams Chin syllab. dictionary даетъ древн. чтеніе бам и только для болѣе древн. іероглифа 發 бат (сравнимъ мнѣніе Бретшнейдера на стр. 3, прим. 7. Рокгиль (Life of Buddha, 216) признаетъ чтеніе Бретшнейдера единственно воз-

*) Западной границею Китая были сдѣланы рѣки Таохэ и Минь цзянъ; при дипломатическихъ сношеніяхъ смѣна лошадей производилась со стороны китайцевъ на востокъ отъ указанныхъ рѣкъ: со стороны же тибетцевъ, если посланники ѣхали въ Тибетъ, на западъ отъ Цинъ-шуй сянь.

можнымъ и ставить его въ связь съ тибетскими словами т'уб-п'од, изъ которыхъ каждое значитъ „способный, сильный".

4) Употребленіе сокращеннаго обозначенія—蕃 фань, или 大蕃 да-фань въ оффиціальныхъ дкукментахъ IX ст. указываетъ, что фань является главной частью названія, тогда какъ ту представляетъ лишь приставку. Это обстоятельство позволяетъ заключить во первыхъ, что ту-фань не есть слово производное отъ ту-фа или ту-фань, но скорѣе приближается въ древнемъ чтеніи къ стоб-бод*) и во вторыхъ, что арабскіе путешественники скорѣе познакомились съ именемъ Тибета въ Кашмирѣ, гдѣ не слышали никакой другой формы.

5) Ист. Тиб., пред. IX и часть II, 133.

6) Си-цзанъ цзи (перв. тетр., стр. 7) указываетъ, что названіе У-сы цзанъ Юаньской и Минской династій (согласно Палладію, Кит. русск. слов., подъ словомъ цзанъ) будто бы было извѣстно уже при Танъ'ской династіи въ формѣ у-сы-го. Имя у-сы-цзанъ фигурируетъ при Минахъ также въ формѣ Вэй-сы-цзанъ.

7) Въ надписи Канъ-си 1721 г. относительно умиротворенія Тибета (пинъ-динъ-си-цзанъ-бэй-вэнь) Тибетъ именуется Си-цзанъ въ общемъ смыслѣ, а въ концѣ скорѣе въ смыслѣ „Лхася" (ли-ши си-цзанъ поставилъ камень въ Си-цзанъ, т. е. въ Лхасѣ, передъ Бодала); помимо обозначенія Си-цзанъ въ надписи употребляется и выраженіе ту-бо-тэ вѣроятно подъ вліяніемъ монгольскаго имени**), напр. ту-бо-тэ го (говорится о тайныхъ замыслахъ чжунгарскаго князя Цеванъ Рабтана захватить это царство; Ту-бо тэ цзю чжанъ — тибетскіе старшины; туботэ цзэнъ су-жэнь тибетскіе ламы и народъ). Указанныя обозначенія Си-цзанъ и Ту-бо-тэ могутъ считаться болѣе или менѣе оффиціальными названіями для Тибета при маньчжурской династіи; выраженію Си-фань придается въ оффиціальной практикѣ болѣе узкій смыслъ въ приложеніи къ народностямъ, не вполнѣ еще подчиненнымъ, западной окраины Сы-чуани, хотя у частныхъ авторовъ (напр. Си-цзанъ-цзи) оно обозначаетъ нерѣдко весь Тибетъ въ пренебрежительномъ значеніи (си-фань ди—страна западныхъ дикарей).

7. 1) Въ отношеніи Ладака и Балтистана мы отступимъ отъ географическаго принципа, коимъ намѣрены руководствоваться въ нашемъ изложеніи; географически, какъ и этнографически, обѣ эти области принадлежатъ Тибету, но какъ лежащія внѣ политической границы не только Тибета, но и вообще китайской имперіи, будутъ оставлены нами безъ подробнаго описанія.

8. Британская территорія въ тѣсномъ смыслѣ слова касается Тибета лишь въ трехъ мѣстахъ—въ Спити въ округѣ Кангра Пенд-

*) Во всякомъ случаѣ фань, или да-фань представляетъ передачу тибетскаго бод, какъ можно видѣть изъ сопоставленія китайскаго и тибетскаго текстовъ указанной надписи договора 822 г., въ которой да-фань шэнь-шэнъ цзань-пу кит. текста соотвѣтствуеуъ бод-гіи-рГіал-по-ч'ен-по-'п'рул-гіал-бдан-по.

**) На маньчжурскомъ языкѣ Тибетъ обозначается также Тюбет.

жаба, въ британскомъ Гарвалѣ и Альморѣ—эти округа составляютъ часть отдѣла (division) Кумаонъ соединенныхъ провинцій Агра и Аудъ (Oudh)—и въ третьихъ—въ Ассамѣ.

На всемъ остальномъ протяженіи границы, къ Тибету примыкаютъ лишь покровительствуемыя Англіей туземныя княжества (Protected Native States), подобно Кашмиру, Башаръ, Тери Гарвалу и Сиккиму, или независимыя государства—Непалъ и Бутанъ.

1) Хошунъ военно-админисуративная единица политической организаціи Монголіи=дивизіи. Опредѣленіе этого термина у Поздиѣева „Ургинск. Хутухты" стр. 79, также стр. 39—41.

Holdich (Enc. Brit. XXXIII, 322) включаетъ, по примѣру ген. Walker (тамъ же, XXIV т.), Цайдам въ качествѣ нераздѣльной части тибетской географіи вопреки Рокгилю, кот. расположенъ видѣть въ Цайдамѣ политически „ничью" страну вслѣдствіе этнограф. и административныхъ различій, существующихъ между его кочевыми и разбойнич. монгольск. и тибетск. обитателями и племенами на югѣ. Между тѣмъ географически Цайдамъ является лишь сѣвернымъ продолженіемъ тибетскаго нагорья и въ отношеніи большинства присущихъ ему физическихъ чертъ тѣснѣе связывается съ Бжянъ-таномъ, нежели съ обширной песчаной котловиною Китайскаго Туркестана или съ Монголіей.

9. 1) Ganzenmuller, Tibet, стр. 27—28.

10. Пограничный столбъ между Ладакомъ и Тибетомъ поставленъ на самомъ перевалѣ Ланак, но въ 7 миляхъ западнѣе вершины перевала. Plat. 38.

11. 1) Lullies, Das chin.-tib. Grenzgebiet, стр. 6—9.

2) Martini, Novus Atlas Sinensis, 1655.

3) Объ этой пограничной цѣпи и самомъ пограничномъ знакѣ см. China, № 1 (1905). Report by Hosie, стр. 49.

12. 1) Особая глава Tib. стр. 200—202 указываетъ границы лхаскаго королевства, какъ онѣ принимаются китайскими авторами. Любопытно отмѣтить, что положеніе границъ по странамъ свѣта опредѣляется по отношенію къ т. н. лхасскому собору—Чжу к'анъ (по кит. Чжао-канъ), т. е. указывается граница на югъ отъ Чжу канъ, на сѣверъ и т. д.

2) Annuaire de Zikawei, 1905.

3) Академикъ Levasseur въ Annuaire de longitudes.

4) Gren. 223 и карта распредѣленія тиб. расы.

13. 1) Пѣвцовъ, Труды Тиб. эксп., II (отчетъ Богдановича).

2) Право Тибета называться наиболѣе высокой страною на земномъ шарѣ не можетъ быть оспариваемо. Обширныя сѣверныя области страны на протяженіи сотенъ миль имѣютъ среднее возвышеніе отъ 15 до 17, 300 ф., самыя долины въ центральной части страны достигаютъ 11,000 ф. Населеніе Тибета живетъ и дышетъ, весе-

лится и молится въ городахъ и селеніяхъ, рѣдко располагающихся ниже 12,000 ф. Монастыри, вмѣщающія подъ своимъ кровомъ значительныя общины—мужскія и женскія, нарочно устраиваются на живописныхъ горныхъ выступахъ и карнизахъ на той же высотѣ, какъ и вершина Монблана (15,790 ф.). Шихацзе, второй городъ въ Тибетѣ и большой торговый центръ, построенъ на уровнѣ 12,250 ф., а Лхаса, столица страны, помѣщается на аллювіальной равнинѣ, 11,600 ф. выше ур. моря. Дерге Гонъ-чен, тибетскій Бирмингамъ, съ населеніемъ въ 6,000 душъ, стоитъ на высотѣ 12,700 ф., а Чамдо съ 11,000 обит.—11,500 ф. Это касается лишь общаго уровня поверхности страны; въ мѣстностяхъ же, гдѣ послѣдняя выростаетъ въ пики и горныя цѣпи, 25,000 ф. возвышенія является почти обычной цифрою, а перевалы, по которымъ ежедневно двигаются лошади и животныя, имѣютъ нерѣдко 17,000 ф., поднимаясь при случаѣ до 19,800 ф. По контрасту мы имѣемъ все-же одинъ городъ въ Тибетѣ, въ юго-вост. его углу, Шикха, столицу долины Ц'а-юл, съ возвышеніемъ лишь 4,650 ф. надъ ур. м. (S. 12—13).

3) Stielers Handatlas, N 62 (карта внутренней Азіи) въ масштабѣ 1: 7,500,000, сост. Domann.

Европ. знакомство съ географіей страны можетъ считаться полнымъ лишь для тѣхъ частей прежняго западнаго Тибета, которыя какъ подчиненныя съ 40 г.г. XIX ст. кашмирскому махараджѣ, служили предметомъ регулярн. съемокъ и изслѣдованій англійскихъ офицеровъ. Enc. Brit. XXIV 338.

„Главныя препятствія для изслѣдованія Тибета были не обширныя нагорья Тибета, какъ бы они ни были пустынны, безплодны и негостепріимны, но окружающіе горные барьеры въ видѣ ряда гигантскихъ стѣнъ, направленныхъ перпендикулярно къ возможнымъ линіямъ движенія внутрь страны. Эти стѣны располагаются вдоль краевъ центрально-тибетскаго поднятія параллельно ихъ изгибу". (H. 6 и 7).

4) „Полное отсутствіе подножнаго корма для животныхъ повсюду вдоль южнаго склона Куэнь-луня и недостатокъ воды крайне затрудняютъ дѣло изслѣдованія первыхъ нагорій Тибета, заставляя путешественника ограничивать время пребыванія по южную сторону Куэнь-луня минимальнымъ срокомъ". (Богдановичъ, Труды Тиб. эксп., II 31).

5) Пржев. III пут. стр. 176—7 даетъ яркую картину лишеній испытываемыхъ путешественникомъ въ СВ. Тибетѣ.

См. также выводы, къ которымъ пришелъ Пѣвцовъ относительно невозможности изслѣдованія Тибета на далекія разстоянія безъ предварительнаго устройства складовъ и о предпочтительности производства этого изслѣдованія со стороны Ладака. (Тр. Тиб. эксп. I 236—7).

6) Во всѣ времена плоскогорье являлось дѣйствительной преградою для постоянно возобновляющихся приливовъ народныхъ дви

женій къ югу (Н. 4). Ни одна средневѣковая торговая дорога не пересѣкала Тибетъ съ сѣвера, но всѣ онѣ направлялись по длинѣ равнинъ Вост. Туркестана, раздѣляясь у Памира въ сѣверо-восточномъ или юго-западномъ направленіи, всегда огибая Тибетъ. Безчисленныя волны центрально-азіатскихъ переселеній (арійцевъ, скиѳовъ, монголовъ и т. д.), наводнявшія Индію, двигались путемъ черезъ Бадакшанъ и Гиндукушъ, никогда не черезъ Тибетъ.

Ни одинъ китайскій паломникъ въ поискахъ религіозныхъ знаній въ общемъ источникѣ буддизма въ Сѣверной Индіи, никогда не избиралъ пути черезъ тибетскія нагорья съ равнинъ Китая, хотя нерѣдко пользовался болѣе прямой дорогою изъ Восточнаго Туркестана, нежели монгольскіе завоеватели, слѣдуя по долинамъ Гилгита и Читрала, оставляя въ сторонѣ центральный Памиръ.

Такимъ образомъ тибетскія нагорья исторически служили естественнымъ оплотомъ Индіи отъ грозныхъ азіатскихъ народныхъ передвиженій, оставляя для ихъ пути сравнительно ограниченное протяженіе горной страны между Карачи и Кабульскимъ Кохистаномъ. Только съ запада и при томъ по очень узкимъ путямъ они могли коснуться Индіи, хотя, правда, сумѣли вполнѣ использовать представлявшіеся имъ случаи къ завоеванію страны. Тѣмъ не менѣе фактъ тотъ, что наиболѣ опустошительныя изъ всѣхъ безчисленныхъ полчищъ кочевыхъ народовъ, выходившихъ изъ центральной Азіи—монгольскія, перенесли въ Индію сцену своей разрушительной дѣятельности лишь послѣ того, какъ могли обогнуть западную оконечность Гималаевъ, ни разу не попытавшись перейти черезъ тибетскій Бжянъ-т'анъ.

15. 1) Markham, „Bogle and Manning“ сдѣлалъ первую попытку собрать свѣдѣнія, дошедшія до насъ отъ этихъ миссіонерахъ; сперва, это было немного, но благодаря работамъ позднѣйшихъ изслѣдователей, въ особ. Puini, образовалась цѣлая литература по этому вопросу, и самая точка зрѣнія на значеніе ихъ трудовъ и характеръ ихъ знакомства со страною измѣнились, что, впрочемъ, не мѣшаетъ Уодделю критически относится къ ихъ „тощимъ описаніямъ“. (W. L. 10).

16. 1) Не только европейцамъ, но и всѣмъ уроженцамъ Индіи, буддистамъ или нѣтъ, за исключеніемъ хорошо извѣстныхъ торговцевъ изъ Непала или Ладака, какъ гласилъ указъ китайскаго императора, прочитанный Гюку: „Ни одинъ могулъ, индостани (индусъ), pathan (о народѣ Pathan въ Индіи см. Balfour, Cyclopaedia of India, III 160—1) или феринги (европеецъ) не допускается въ Тибетъ“.

J. Dict. 106 даетъ слѣдующее объясненіе термина пчилинъ (буквально п'іи-глинъ—внѣшняя страна, иностранецъ), точнѣе гжя пчи-линъ-па, англичане живущіе въ Индіи, европеецъ вообще. Этотъ терминъ употребляется въ У-цзанъ наряду съ п'а-ранъ или п'е-ранъ измѣненной формою феринги—европеецъ.

Туземные торговцы даже изъ тѣхъ пограничныхъ областей на югѣ и западѣ Тибета, для которыхъ доступъ въ страну не закрытъ, пропускаются черезъ тибетскіе перевалы при соблюденіи извѣстныхъ болѣе или менѣе сложныхъ формальностей. Жители Ладака и мелкихъ владѣній въ зап. и югозап. Гималаяхъ получаютъ доступъ въ страну лишь въ періодъ между апрѣлемъ и октябремъ каждаго года, при чемъ не всѣ существующіе перевалы открываются для ихъ пользованія. Ранней весною тиб. чиновникъ объѣзжаетъ большинство важнѣйшихъ перевалов на границѣ Ладака, Лахулъ и Кумаона для рѣшенія на мѣстѣ, какіе изъ нихъ могутъ быть открыты для предстоящаго торговаго сезона; въ случаѣ появленія на индійской территоріи оспы или другой эпидеміи, прилегающія къ зараженной мѣстности перевалы объявляются закрытыми на этотъ годъ. Притомъ же не всѣмъ туземнымъ торговцамъ пограничныхъ съ Тибетомъ областей Индіи дозволяются разъѣзды по всему Тибету; значительному числу изъ нихъ разрѣшается доступъ только къ ближайшимъ торговымъ пунктамъ внутри тиб. территоріи. Такъ, лахульцы и гулу'сцы могутъ доставлять товары лишь въ Гартокъ, или Тотлинъ, но не далѣе внутрь страны; раіонъ разъѣздовъ большинства обитателей Гарвала и Кумаона ограничивается Гжя-ніима, Донмо и Чапранъ; напротивъ, жители сосѣднихъ съ указанными областей — Башаръ и Кунаваръ, могутъ, согласно существующимъ предписаніямъ на этотъ счетъ, посѣщать любую часть Тибета, не исключая Лхасы и вост. Тибета.

Такъ же дѣло обстоитъ и далѣе на востокъ. Между Непаломъ и Тибетомъ сообщеніе производится довольно свободно; однако, непальскимъ подданнымъ не позволяется открыто вступать на территорію Тибета черезъ Такла-к'ар на границѣ Кумаона; Киронъ и Динъ-ри также избѣгаются туземн. купцами, т. к. рѣдко кому изъ нихъ удается пройти здѣсь безпрепятственно, не уплативъ извѣстной мзды погранич. чиновникамъ, хотя подобные сборы оффиціально не существуютъ. Бутанцы пользуются неограниченной свободою на тибетской почвѣ, но въ самомъ Бутанѣ съ каждаго вьючнаго животнаго торговаго каравана, и съ паломника мѣстныя власти взимаютъ обременительныя пошлины и просто взятки въ свою пользу. Ассамцы не могутъ торговать прямо съ Тибетомъ, но все торговое движеніе должно вестись при посредствѣ подданныхъ Даванъ Раджи, кот. либо получаютъ товары въ самомъ Даванѣ, либо доставляютъ ихъ изъ Ассама.

Населеніе Сиккима въ теченіе многихъ поколѣній пользовалось совершеннымъ равноправіемъ съ бутанцами въ отношеніи доступа на тиб. территорію, но индусы и бенгальцы обычно подпадали подъ тотъ же запретъ, кот. исключаетъ изъ страны европейцевъ. Съ большими усиліями инд. правительству удалось добиться въ 90 г.г. XIX ст. открытія Ятуна на тиб. территоріи въ Чумби для торговаго движенія; индусы и даже англ. подданные могли посѣщать

его для торгов. цѣлей, но никто изъ нихъ, даже самъ начальникъ тиб.-кит. таможни—англичанинъ, не имѣлъ право проникнуть за стѣну заставы, отдѣлявшую этотъ пограничный пунктъ отъ остальной болѣе привлекательной части долины, какъ и всей тиб. территоріи. Съ другой стороны не мало тиб. мелкихъ торговцевъ предпринимаютъ поѣздки въ Индію въ осенніе и зимніе мѣсяцы; нѣкоторое число ихъ можно видѣть на Калькутскихъ базарахъ передъ Рождеств. праздниками; впрочемъ, только немногіе изъ нихъ пріѣзжаютъ изъ Лхасы, остальные изъ Бутана (S. 6—7).

18. Какъ результатъ вынужденнаго изгнанія изъ населенныхъ центральныхъ округовъ, разсказы всѣхъ этихъ путешественниковъ являются главн. обр. географическими описаніями и содержатъ, за исключеніемъ дневника Рокгиля, двигавшагося болѣе населенными мѣстами, мало свѣдѣній о жизни, обычаяхъ и воззрѣніяхъ народа. W. L. 4.

2) Какъ справедливо замѣчаетъ W. L. 21, почти непреодолимыя препятствія, поставленныя на пути внутрь собственнаго Тибета, даже внѣ „заколдованной“ Лхасы, повидимому, побудили многихъ европейскихъ путешественниковъ послѣднихъ лѣтъ распространить предѣлы магическаго термина „Тибетъ“ настолько къ сѣверу, чтобы включить въ него всю необитаемую пустыню Бжянъ-т'анъ, хотя ни эта „ничья страна“, ни проходы къ ней не оберегаются тибетцами, и никѣмъ другимъ, кто бы могъ „запретить путь“ на сотни миль. Однимъ изъ результатовъ этого было созданіе въ умѣ европейцевъ ложнаго представленія, будто Тибетъ есть обширная пустынная равнина, безплодная, мрачная и безлѣсная, тогда какъ на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ.

19. 1) По мѣткому выраженію В. Кэри. См. Carey, travels and adventures in Tibet, 1902.

20. 1) Ср. Launay, Histoire de la mission du Thibet II, 216 стр. „Давленіе на Тибетъ со стороны европейскихъ ученыхъ экспедицій“.

21. 1) Политическое верховенство Китая надъ Тибетомъ ведетъ начало съ 1720 г. и окончательно было утверждено въ 1751 г. Подробности см. въ отдѣлѣ объ историческомъ прошломъ Тибета.

2) Littledale въ G. J. 1896; также Прж. IV пут. стр. 11—12 и 52, гдѣ говорится объ отношеніи кит. властей къ путешественнику—тайномъ и явномъ.

22. 1) Всѣ кит. солдаты въ Тибетѣ невооружены, по крайней мѣрѣ, на счетъ китайск. правительства, и вотъ какъ объяснилъ эту странность и вообще ихъ роль въ странѣ одинъ изъ нихъ Рокгилю (Diary, 352): „Мы находимся здѣсь, чтобы дѣйствовать на мань-цзя разумомъ (ли), а не устрашать ихъ силою оружія. Насъ мало, ихъ

много. Если они возстанутъ и умертвятъ кого изъ насъ, мы не стали бы сопротивляться, но предостерегли бы только, что мы солдаты Великаго императора, который непремѣнно накажетъ виновника". Подобная вѣра плохо оплачиваемаго и обманываемаго на каждомъ шагу (см. ниже) солдата въ императора представляется по истинѣ замѣчательной, хотя врядъ ли вполнѣ основательной, т. к. императоръ, вѣроятно, не станетъ тревожить себя, еслибъ даже убили нѣсколькихъ его вѣрныхъ слугъ въ далекомъ углу обширныхъ владѣній (тамъ же).

Кит. солдаты, расположенные вдоль почтов. дорогѣ между Лхасою и Да-цзянь лу, получаютъ 60 таелей въ годъ, но Да-цзяньлу'скій Цзюнь-лянъ фу и Ба-танъ'скій лянъ-тай *) вмѣсто серебра выдаютъ имъ чай по двойной оцѣнкѣ противъ той суммы за которую они могутъ продать его въ почтов. станціяхъ (танъ). Поэтому они могутъ лишь мѣнять чай на цампа, муку, масло и баранину. Въ болѣе тепл. мѣстностяхъ солдаты разводятъ овощи, повсюду держатъ птицу и свиней. Они обзаводятся тиб. женами, имѣютъ многочисленное потомство, къ которымъ искренне привязаны; жизнь видутъ беззаботную, т. к. всю работу выполняютъ женщины, а мужчины присматриваютъ лишь за дѣтьми и курятъ опій или, по крайней мѣрѣ, водяную трубку. Оружія не имѣютъ никакого, кромѣ того, что пріобрѣтутъ сами. Въ Китай возвращаются рѣдко, т. к. казна не выдаетъ имъ путевыхъ денегъ. (Diary 317—318). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 321) тотъ же авторъ прибавляетъ: многіе изъ солдатъ берутъ своихъ тиб. женъ обратно въ Китай, но тѣ наскучиваютъ вскорѣ существующими въ Китаѣ стѣсненіями для женщинъ и черезъ годъ-два возвращаются на родину. Солдаты обычно родомъ изъ Цзянь-чана или Сунъ-пань тина.

2) Смотри исторію переговоровъ между Англіей и Китаемъ касательно Тибета съ 1889 г., какъ она рисуется въ англ. синихъ книгахъ.

3) Waddel, Among the Himalayas, стр.

4) Diary, стр. 324—5.

23. 1) См. Син. книга 1904 г. № 69, стр. 154. „Мы смотримъ на т. н. верховенство Китая надъ Тибетомъ, какъ на политическую фикцію, поддерживаемую вслѣдствіе ея удобства для обѣихъ сторонъ. Китай яко-бы всегда готовъ сломить преграды невѣжества и обструкціи и открыть Тибетъ для просвѣтительнаго вліянія торговли; но его благочестивыя пожеланія сокрушаются о близорукое тупоуміе ламъ; съ другой стороны Тибетъ всячески стремится пойти на встрѣчу нашимъ требованіямъ, но ему мѣшаетъ деспотическое запрещеніе сюзерена. Этотъ торжественный фарсъ повторяется при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ того требуютъ обстоятельства".

*) Цзюнь-лянъ фу Генералъ-комиссаръ для Тибета; квартирмейстеры или лянъ-тай имѣются въ Батанѣ, Чамдо, Ларего и Лхасѣ. Солдаты дѣлятся на бу-бинъ пѣшихъ и ма-бинъ—конныхъ, въ кот. производятся за хорош. службу. Вторые получаютъ нѣсколько большее содержаніе, но должны сами обзавестись лошадью.

24. 1) Монголы и тибетцы Цайдама и сѣверо-восточнаго Тибета не питаютъ большого уваженія къ драконовому паспорту (лунъ-пяо), выданному въ Пекинѣ, т. к. не могутъ прочесть и провѣрить его содержаніе, и признаютъ только пропускныя свидѣтельства Сининскаго амбаня. L. L. 161.

27. 1) Перечень важнѣйшихъ китайскихъ источниковъ о Тибетѣ см. у Tib., стр. 3—4, 21—22, 25. Переводы Вэй-цзанъ-ту-чжи на европейскій языкъ перечислены тамъ же стр. 2 и у Ольденбурга, Ж. М. Н. Пр. Ноябрь, 1904 г. стр. 130. Наилучше и наиболѣе полнымъ образомъ использованы кит. источники Рокгилемъ въ упомян. сочиненіи. Китайская литература о Тибетѣ довольно обширна и разностороння. Начиная съ середины XVII стол., съ каковаго времени китайскія сношенія съ Тибетомъ получили быстрое и широкое развитіе, путешественники изъ Китая составили рядъ путеводителей, главн. образомъ затрагивающихъ большія дороги по Тибету, хотя въ нѣкотор. случаяхъ дающихъ цѣнныя указанія и относительно малоизвѣстныхъ второстепенныхъ путей. Не мало изъ этихъ книгъ содержитъ подробныя свѣдѣнія о торговлѣ, климатѣ, исторіи, произведеніяхъ, промышленностяхъ и ресурсахъ различн. областей, которыхъ онѣ касаются. Помимо этихъ сочиненій, каждая изъ китайскихъ династич. исторій заключаетъ главы по исторіи, географіи и этнографіи Тибета, подъ различными наименованіями страны въ различныя эпохи, къ которымъ указанныя исторіи относятся, каждая въ отдѣльности. Diary XV—XVI.

Изъ числа, упоминаемыхъ Рокгилемъ въ Tib., китайскихъ сочиненій, очень интересенъ словарь географическихъ названій на шести языкахъ —китайскомъ, маньчжурскомъ, монгольскомъ, калмыцк., тибетскомъ и тюркскомъ, подъ именемъ Си-юй тунъ-вэнь-чжи—очень рѣдкое изданіе 1772 г. Zach извлекъ изъ словаря и помѣстилъ въ I и III частяхъ „Lexicographische Beitraege“ перечни китайскихъ транскрипцій тибетскихъ географическихъ названій, въ частности горъ и рѣкъ, съ китайскими толкованіями ихъ значенія.

Библіографія китайскихъ сочиненій касательно Центр. Азіи, въ частности Тибета, съ указаніемъ существующихъ въ европейской литературѣ переводовъ изъ нихъ, см. Dutreuil de Rhins, Asie Centrale, стр. 32—37. Тамъ же на стр. 86—89, общая характеристика китайской географической науки и картографіи.

Къ указаннымъ въ Tib. китайскимъ сочиненіямъ мы можемъ прибавить еще 7 и 8 тетради (це 冊) 9-го отдѣла (цзи 集) сборника Лунъ-вэй-ми-шу 龍威秘書, составленнаго Цюэ-минъ (въ 1794 г. См. Васильевъ, Матеріалы китайской литературы, прилож. 381); обѣ указанныя тетради имѣютъ подзаголовокъ—Си-цзанъ-цзи 西藏記, записки о Тибетѣ (Это сочиненіе упоминается дэ Рэнсомъ въ выше цитируемой книгѣ, стр. 33). Свѣдѣнія касательно страны и народа, приводимыя въ Си-цзанъ-цзи, въ значительной мѣрѣ совпада-

скимъ дворцомъ J. Dict. 481. гжунъ—правительство, исполнительная власть C. D. 1081; гжунъ-ц'онъ-па—правительственн. торгов. агентъ (тамъ же 1082).

2) Tib. 6. Обозначеніе мань или маньцзы, по мнѣнію Cordier, является нарицательнымъ именемъ, употребляемымъ китайцами въ общемъ смыслѣ классическаго „варваръ", отсюда ведетъ начало Mangi (Manzi) Марко Поло (см. Cordier „L'Extreme-orient" dans Atlas Catalan de Charles V, roi de France (Bull. Georg. hist. et descript., 1895) и его же „Voyage d'Odoric de Pordenone").

6. 1) L. 72. Вообще китайскіе авторы дѣлятъ туземныя племена, обитающія по окраинной полосѣ Гань-су, смежной съ Тибетомъ, на двѣ главныя категоріи—земледѣльческія и кочевыя племена, первыя—ту-жэнь, ту-фань, и фань-минъ, вторыя шэнъ-фань (дикіе), си-фань и фань-цзы. Племена ту-жэнь заключаютъ примѣсь тибетской крови, но также монгольской, тюркской и китайской, что отражается и на ихъ крайне смѣшанномъ языкѣ, въ основѣ кот. лежитъ, впрочемъ, тибетскій. Себя они именуютъ тиб. словомъ ронъ-ва обитатели долины пригодной для обработки въ смыслѣ земледѣльцевъ (Diary, 76). Фань-цзы по существу кочевники и чисто тибетскаго происхожденія; себя они называютъ бо(д)-па, родовымъ именемъ всѣхъ тибетцевъ. L. 71. Фань-цзы всѣ буддисты, чего нельзя сказать про чисто тибетское племя Карганъ (38 деревень) въ той же пров. Ганьсу, на З. отъ Салар-па-гунъ, обращенное саларами большей частью въ магометанство; поэтому китайцы включаютъ племя въ разрядъ хуй-хуй (магометанъ), оставляя лишь за небольшой его частью (буддистами) прозвище фань-цзы Diary 76. „Фань-цзы" нерѣдко означаетъ просто „разбойники", въ употребленіи пограничнаго китайскаго населенія, которому хорошо знакомы разбойничьи повадки тибетцевъ. См. Ма. 76.

2) Для написанія этого названія первоначально употреблялись іероглифы 土, 番 означающіе въ отдѣльности „земля" *) и инородцы, въ смыслѣ: „туземные обитатели чуждой расы", но возможно, исключительно въ фонетическомъ значеніи для даннаго случая. Впослѣдствіе, китайскіе авторы, желая выразить свое презрѣніе и насмѣшку къ полудикимъ сосѣдямъ, отъ которыхъ съ трудомъ лишь и не всегда могли защититься оружіемъ, воспользовались особенностью своего языка и письменности и взамѣнъ перваго изъ указанныхъ іероглифовъ стали писать іероглифъ того же звука, но съ совершенно отличнымъ смысломъ—ту 吐 плеваться; изрыгать. Такимъ образомъ прежнее имя —туфань (основанное на звуковомъ подражаніи туземному названію)—получило отнынѣ на китайскомъ языкѣ весьма опредѣленное и притомъ нелестное для тибетцевъ значеніе—плю-

*) Ту обыкновенно употребляется въ составныхъ китайскихъ терминахъ въ примѣненіи къ автохтонному населенію нѣкоторыхъ пограничныхъ провинцій Китая на западѣ и югѣ въ отличіе отъ пришлаго китайскаго населенія: напр. ту-жэнь туземцы, ту-сы туземные старшины.

ющіе дикари. Съ началомъ дипломатическихъ сношеній между Китаемъ и Тибетомъ, выразившихся въ заключеніи особыхъ соглашеній на началахъ мира и родства, первый іероглифъ (ту) былъ вовсе отброшенъ въ офиціальныхъ документахъ, а взамѣнъ второго сталъ употребляться іероглифъ того же звука, но не заключающій въ себѣ оскорбительнаго смысла, какъ прежнее начертаніе,—фань 蕃 роскошная растительность, многочисленный.

Такимъ образомъ, въ китайскомъ текстѣ надписи передъ Чжуканъ (договоръ 822 г.) тибетскій правитель именуется Да-фань шэньшэнъ цзань пу, или цзань-пу (бцанъ-по титулъ тибетскаго короля того времени (Miss. Dict. 783) вѣроятно отъ бцан-по герой, могущественный=джо-бо) Великаго Фань, по аналогіи съ Да-танъ Вэньу сяо-дэ хуанъ-ди (императоромъ Великаго Танъ, или китайскимъ). Далѣе обѣ договаривающіяся стороны называются либо да-танъ и да-фань, либо просто танъ (или хань) и фань (такъ, при опредѣленіи смежной границы обѣихъ территорій *) говорится фань-хань (вмѣсто танъ) эрлъ-го; посланники обѣихъ странъ обозначаются танъ-чай и фань-ши; правители и сановники—фань-хань цзюнь-чэнь; нарушеніе договора тѣмъ или другимъ государствомъ обозначается выраженіемъ фань-хань бэй-іо.

Въ частныхъ сочиненіяхъ, къ которымъ не предъявлялись требованія дипломатической корректности, китайскіе авторы продолжали употреблять прежнее написаніе слова ту-фань или просто фань—варвары, и нынѣ, несмотря на существованіе новаго офиціальнаго обозначенія страны, терминъ фань или даже фань-и ⿰犭番 夷 дикіе варвары въ примѣненіи къ тибетцамъ можно встрѣтить въ китайскихъ сочиненіяхъ. Такъ, Си-цзанъ-цзи называетъ тибетскихъ ламъ фань-цзэнъ; тибетскія войска въ противоположность китайскимъ (просто бинъ) обозначаются фань-бинъ; прежніе тиб. короли—фань-ванъ; фань-жэнь—тибетцы.

3) Танъ-шу указываетъ, что 土 ⿰犭番 ту-фань по нынѣшнему произношенію іероглифовъ происходитъ отъ названія племени цяновъ 土 發 ту-фа (съ указанной оговоркою относительно произношенія), т. к. фань и фа весьма близки по звуку (Іакинѳъ, Ист. Тиб. I, 125). Поэтому можно предположить, что первоначально имя писалось іероглифами, произносимыми въ настоящее время ту фа и что замѣна этихъ іероглифовъ была произведена для приданія названію болѣе оскорбительнаго смысла путемъ подысканія соотвѣтствующихъ іероглифовъ. Для іерогл. ⿰犭番 фань Williams Chin syllab. dictionary даетъ древн. чтеніе бам и только для болѣе ранн. іероглифа 發 бат (сравни чтѣніе Бретшнейдера на стр. 3, прим. 7. Рокгиль (Life of Buddha, 216) признаетъ чтеніе Бретшнейдера единственно воз-

*) Западной границею Китая были сдѣланы рѣки Таохэ и Минь цзянъ; при дипломатическихъ сношеніяхъ смѣна лошадей производилась со стороны китайцевъ на востокъ отъ указанныхъ рѣкъ: со стороны же тибетцевъ, если посланники ѣхали въ Тибетъ, на западъ отъ Цинъ-шуй сянь.

Bibl. B. . . . тоже второе изданіе.
Ch. Dict. или
C. D. . . Sarat Chandra Das, Tibetan-English Dictionary.
Des. . . . . Desgodins, „Thibet d'apres la correspondence des missionnaires". Deuxieme edition 1885.
Diary . . . Rochhill, „Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892". 1894.
E. или Ethn. . Rockhill, „Notes on the ethnology of Tibet" 1895.
Enc. Br. . . Encyclopaedia Britannica, ninth edition. Vol. I—XXIV (1875—1888 г.г.), tenth edition. Vol. XXV—XXXV (1902—1903 г.г.).
G. J. . . . Geographical Journal (изд. въ Лондонѣ Royal Geographical Society) съ обозначеніемъ соотвѣтствующаго тома, или года, и мѣсяца.
Gren. . . . Grenard, „Le Tibet", 1904.
H. . . . . Holdich, „Tibet, the mysterions". 1906.
Him. J. . . Hooker, „Himalayan Journals", нов. изд. 1855.
J. A. S. . . Journal of the Royal Asiatic Society.
J. A. S. B. . Journ. of the Roy. Asiat. Soc. of Bengal.
J. Ch. Br. . . Journ of the North-China (China) Branch of the Royal Asiatic Soc.
J. Dict. . . . Jaeschke, Tibetan-english Dictionary 1881.
L. или L. L. . Rockhill, „Land of lamas".
Land. . . . Landon, „Lhasa".
Lam. . . . Waddel, „Lamaism".
Ma. . . . . Filchner, „Das Ratsel des Matschu" 1906.
Miss. Dict. . . Dictionnaire thibetain-latin-francais par les missionnaires catholiques du Thibet, 1899.
Miss. Scient. . „Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie" par Grenard.
P. M. . . . Petermann's Mitteilungen.
P. M. Erg. . Petermann's Mitteilungen, Erganzungshefte.
P. M. Lit. . . Peterm. Mitteil., Literaturbericht.
Rawl. . . . Rawling, The great Plateau, 1905.
Richth. . . . Richthofen, „China".
Schl. . . . . Schlagintweit, „Le bouddhisme au Tibet" въ Ann. du Mus. Guimet, III.
S. . . . . . . Sandberg, „Tibet", 1906.
S. E. . . . Sandberg. „The Exploration of Tibet", 1904.
Sher . . . . Scherring, Western Tibet and the British Borderland. 1906.
Tib. . . . . . . Rockhill, „Tibet. A Georaphical, Ethnographical and Historical Sketch, derived from chinese sources" въ J . R. A. S., XXIII.
W. L. . . . Waddell, „Lhasa and its mysteries".

Жирныя цифры обозначаютъ соотвѣтственныя страницы текста „Описанія".

1. 1) Прж. III пут. 174;

2) тамъ же;

3) Лакупери въ Enc. Brit. XXIII томъ (изд. 1888), стр. 337, прим.

4) Однако, тибетецъ, пріѣзжій изъ Лхасы въ Да-цзянь лу, говоритъ, что прибылъ изъ Тепе, или высокаго Бод (Baber, Travels and research. in the interior of China, стр. 98; тамъ же указывается, что выраженіе бод-лунъ-па служитъ для обозначенія всѣхъ народностей, говорящихъ по тибетски, въ цѣломъ, а не только сравнительно меньшей подчиненной Лхасѣ части общей территоріи, занятой тибетскимъ племенемъ). Въ Люшар (зап. Ганьсу) Рокгилъ слышалъ отъ одного уроженца Сань-чуань названіе Тибета въ формѣ Тебе, наиболѣе приближающейся къ европейской формѣ изъ всѣхъ слышанныхъ имъ въ самой странѣ произношеній этого слова (Diary 106)

2. 1) Индусскимъ именемъ Bhotias (обитатель Bhot или Тибета) обозначаются въ Сиккимѣ всѣ племена, говорящія по тибетски—сиккимскіе б'утіи, происшедшіе отъ смѣшенія тибетцевъ и лепча, бутанскіе, или дугпа б'утіи, непальскіе или шерба б'утіи, равно какъ уроженцы собств. Тибета (Waddel, Among Himalayas, 45—6). Равнымъ образомъ далѣе на западъ арійское население холмистой страны Кумаона называетъ обитателей болѣе возвышенной пограничной съ Тибетомъ полосы области, тибетскаго или смѣшанно-тибетскаго происхожденія,—Bhotia, хотя послѣдніе не всегда соглашаются сами на это наименованіе, употребляя собственныя племенныя обозначенія (см. Sher. 63—64). Страна, занимаемая ими, извѣстна тѣмъ же арійскимъ племенамъ подъ именемъ Bhot, а самый Тибетъ подъ именемъ Хундес и тибетцы—Huniyas, хотя благодаря смѣшенію терминовъ можно иногда услышать названіе Bhotia въ примѣненіе къ собственнымъ тибетцамъ—обитателямъ Западнаго Тибета. Въ сущности подобное употребленіе вполнѣ правильно съ филологической точки зрѣнія, такъ какъ Bhot первоначально лишь соотвѣтствовало тибетскому бод, а Bhotia—бод-па, или собственному обозначенію тибетцевъ. Такимъ образомъ нынѣшнее употребленіе имени Bhotia придаетъ ему ограничительный смыслъ, какого оно не имѣло раньше.

2) Китайскій текстъ переведенъ Бушелемъ въ „Early hist. Tib." J. A. S., vol. XII, стр. 535—8 со снимкомъ надписи.

3) Hodgson, Lit. and relig. of bud. „Phoenix", 1871, стр. 94.

4) W. L. 66, прим. 1; Лакупери въ Enc. Brit., стр. 338, прим.;

5) Ethn. 669;

6) тамъ же; наиболѣе подробно вопросъ разбирается у Feer, Etymologie du mot Tibet;

гдѣ между прочимъ въ предисловіи дѣлается обзоръ монгольскихъ сочиненій, трактующихъ въ частности исторію утвержденія въ Монголіи ламаизма и дальнѣйшихъ сношеній между обѣими странами (см. цит. сочин. XI—XXXVII). Помимо того, лѣтопись Сананъ-Сецена, переведенная Шмидтомъ въ „Geschichte der Ost Mongolen“ и Huth „Geschichte der Buddhismus in der Mongolei“, переводъ съ тибетскаго, позволяютъ установить болѣе или менѣе правильную точку зрѣнія на тотъ или другой вопросъ чреватой многими событіями исторіи взаимныхъ сношеній двухъ близкихъ, хотя и разъединенныхъ высокими и труднопроходимыми горными цѣпями и обширными пустынными нагорьями, народовъ и странъ—Монголіи и Тибета. Пробѣлы и умолчанія монгольскихъ и тибетскихъ сочиненій восполняются свѣдѣніями китайскихъ лѣтописей, напримѣръ, по поводу монгольскаго завоеванія Тибета при Юаньской династіи. Ранѣе въ европейской литературѣ существовало убѣжденіе, будто особаго завоеванія Тибета монголами при указанной династіи не происходило, такъ какъ объ этомъ яко бы не говорятъ кит. сочиненія (см. Yule, Polo, изд. Cordier, II 46). Однако, противно подобному общераспространенному утвержденію, Parker въ „Some new facts about Marco Polo's Book“ приводитъ рядъ выдержекъ изъ китайскихъ лѣтописей, доказывающихъ, его завоеваніе Тибета монголами было не только полностью завершено, но и обстоятельно разсказано (As. Quar. Rev., январь 1904, 131—133).

3) Переводъ Васильева тибетской географіи Миньчжулъ Хутукты позволяетъ составить себѣ наиболѣе ясное представленіе относительно характера и задачъ тибетскаго географическаго описанія.

28. 1) Болѣе значительными статьями и монографіями по этому вопросу является: Ganzenmueller, Tibet nach den Resultaten geograph. Forschungen frueherer und neuester Zeit стр. 2-22; Lullies, Das chinesisch-tibetanische Grenzgebiet. стр. 11—28; Markham, A memoir on Indian surveys, 184 стр. и дал.; предисловіе Котвича къ переводу „Саратъ Чандра Дасъ, Путешествіе въ Тибетъ“; Sandberg, The Exploration of Tibet; статья Ольденбурга „Новѣйшая литература о Тибетѣ“ въ журн. Мин. Нар. Просв., ноябрь 1904; Markham, Bogle and Manning, предисловіе; Rockhill, Diary IX—XV; Richthofen, „China“, I, Zweiter Abschitt, въ частности стр. 670—673; Holdich, „Tibet, the mysterious“, глава V—XIII. Предисловіе Puini къ изданію „Desideri, Il Tibet“ содержитъ замѣтки касательно исторіи географическаго изслѣдованія Тибета до начала XIX стол. Rouire, Les Anglais au Thibet (Revue des deux mondes, 1905, 28, livr. 2 et 3) подробно останавливается въ первой книжкѣ (стр. 296—321) на англійскихъ попыткахъ проникнуть въ страну, начиная съ посольствъ Гэстингса. Литература по вопросу о работахъ пандитовъ указывается ниже въ прим. 1 къ стр. 69, а относительно дѣятельности миссіонеровъ—въ прим. 2 къ 109 стр.

Нѣтъ надобности упоминать о сухомъ перечнѣ именъ, съ многими ошибками и неточностями, замѣняющемъ въ вышеуказанной книгѣ Сувирова историческій обзоръ изслѣдованія Тибета.

Интересъ ученыхъ къ стариннымъ путешествіямъ по Тибету не ослабѣваетъ, какъ доказываетъ недавнее рѣшеніе русскаго Комитета центр. Азіи (см. его Изв. № 5, май 1905, стр. 8) оказать денежн. поддержку Здекауеру для розысканія неизданныхъ рукописей тибетскихъ миссіонеровъ въ разл. итальянскихъ библіотекахъ.

Русское Географическое Общество имѣетъ также намѣреніе издать копію рукописи отчета (донесенія) Cassiano Beligatti, которой оно владѣетъ.

2) Ritter, Erdkunde, и Wegener, Entschleierung unbek. Teile von Tibet и его же „Tibet und Englische Exped.", 6—7.

См. выдержку изъ описанія Кайласа и Священныхъ озеръ въ Рамаянѣ [Sher. 36—37].

Появленіе въ описаніяхъ малоизвѣстныхъ и труднодоступныхъ странъ легендъ, подобно нижеуказанной, основанныхъ въ существѣ дѣла на достовѣрномъ фактѣ, объяснялось естественной склонностью классическихъ и средневѣковыхъ авторовъ принимать „omne ignotum pro magnifico", т. е. все неизвѣстное за великое [необычайное], какъ справедливо замѣтилъ Н. 1.

Весьма правдоподобное объясненіе было дано легендѣ о муравьяхъ-золотоискателяхъ Геродота и свирѣпыхъ охранителяхъ почвы (подр. Н. 2) наблюденіями пандитовъ надъ разработкою золотыхъ пріисковъ въ предѣлахъ Бжянъ-т'ана. Темныя фигуры золотоискателей, укутанныхъ въ толстыя, черныя одѣяла, копошащіяся въ спеціально устроенныхъ ямахъ, невольно подсказываютъ путешественнику сравненіе съ муравьями, а свирѣпыя тибетскія собаки, охраняющія ихъ, могутъ даже на неробкаго человѣка произвести впечатлѣніе сверхъестественныхъ страшилищъ. Таково разрѣшеніе тайны легенды, предложенное сэромъ Генри Роулинсонъ. (Н. 3). См. Schiern, Ueber Ursprung der Sage von goldgrabenden Ameisen, Leipzig 1873.

3) Wegener, Tibet 8—9.

29. 1) Дневникъ Рубруквиса былъ изданъ Парижскимъ Географическимъ обществомъ въ 1839 г. въ Recueil de Voyages et de Memoires, IV. Подробный комментарій на это изданіе дается Шмидтомъ (Fr. Max Schmidt) въ статьѣ „Ueber Rubruk's Reise von 1253—1255" въ Zeitschr. Ges. Erdk. Berlin, XX 161—253. Новое англійское изданіе дневника подъ редакціей W. W. Rockhill было выпущено Лондонскимъ Hakluyt Society въ 1900 („The Journey of William of Rubruck"). Повидимому, имя этого монаха, посланца короля Людовика Святого, было Рубрукъ, въ латинской формѣ—Рубруквисъ.

Тибетъ оставался внѣ маршрута Рубруквиса, и онъ говоритъ о немъ въ своемъ дневникѣ только два раза съ чужихъ словъ, не счи-

тая упоминанія о народѣ тангут, на сѣверъ отъ тибетцевъ. Свѣдѣнія Рубрука относительно тибетцевъ сводятся къ разсказу объ ихъ болѣе, чѣмъ своеобразныхъ погребальныхъ обычаяхъ (см. въ отдѣлѣ этнографіи настоящаго „Описанія") и о богатствѣ страны золотомъ. Сообщеніе Рубрука подтверждается Плано Карпини въ описаніи народа Боли-туфань. Правда, Bruun, „Die Verwandelungen des Presbyters Johannes" (Zeitsch. Ges. Erdk. Berlin 1876 стр. 320) принималъ Болитуфань Карпини за народъ Бурутовъ въ Сибири, однако, безъ достаточнаго къ тому основанія, т. к., какъ говорится выше, Рубрукъ сообщаетъ, независимо отъ Карпини, тѣ же свѣдѣнія о народѣ Тебет (т. е. тибетцахъ), что послѣдній о Боли-туфань.

Помимо указаннаго, Рубрукъ сообщаетъ во многихъ мѣстахъ дневника свѣдѣнія о ламаизмѣ и указанія на отдѣльные любопытные пункты сходства, существующіе между внѣшнимъ культомъ этой религіи и католическимъ богослуженіемъ; онъ же велъ частые богословскіе диспусты съ буддистами (ламаитами) и магометанами, хотя неизвѣстно, какъ они понимали другъ друга при маломъ знакомствѣ Рубрука съ мѣстнымъ языкомъ (Puini, Il Tibet XIX).

2) Yule, Marco Polo, III изд. (Cordier), II книга, главы XLV—XLVII; о странѣ тангут тамъ же I книга, главы XL и XLIII—XLV и LVII (Си-нинъ фу).

Въ эпоху посѣщенія Марко Поло Тибетъ начинался уже въ 5 дняхъ пути отъ Чэнъ-ду фу, тогда какъ нынѣ первый городъ, сохраняющій тибетскую внѣшность—Да-цзянь лу, находится въ разстояніи 10—12 дней пути, а политическая граница лежитъ еще далѣе—у Батана; правда, почти весь раіонъ на упоминаемое Поло разстояніи къ Чэнъ-ду фу можетъ понынѣ считаться тибетскимъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Если область Цзянь-чана описывается Поло на основаніи личныхъ впечатлѣній, то описаніе собственнаго Тибета доказываетъ съ очевидностью, что онъ самъ не видѣлъ описываемаго, но получилъ свѣдѣнія отъ кого-нибудь изъ обитателей этой страны (Puini, XXI).

3) Юань-чао-би-ши, переводъ Палладія въ Тр. Пек. Дух. Мисс. IV, стр. 148 и прим. 589, сравниваетъ храбрость и воинственный пылъ монголовъ съ таковыми же качествами собакъ Тубот (Тибета), по китайски си-фань гоу.

4) Объ этомъ быкѣ см. Baber, Trav. 39, 40.

5) Тамъ же 81.

30. 1) Въ видѣ догадки Сандбергъ (S. E. 16—18) считаетъ возможнымъ допустить, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Тибета побывали несторіанскіе миссіонеры въ періодъ съ VI по конецъ XI стол., когда ими были основаны значительныя христіанскія общины во всѣхъ концахъ Центр. Азіи и Китая.

Несомнѣнно, что извѣстныя внѣшнія аналогіи между религіозными обрядами ламаизма и католицизма побудили многихъ авторовъ.

даже помимо католическихъ миссіонеровъ (д'Андрада, делля Пенна), напримѣръ, Тевено, Георги, Дегинь и т. д., усматривать въ нихъ вліянія несторіанской проповѣди и даже видѣть въ ламаизмѣ родъ выродившагося католицизма (Launay, выше цит. сочиненіе I 19). Ремюза (Mel. asiat., t. I 129, 138 и далѣе въ Discours sur l'origine de la hierarchie lamaique) полагаетъ, что означенные обряды были введены въ церковную службу тибетскими ламами, побывавшими при монгольскомъ дворѣ, гдѣ встрѣчались представители католицизма и несторіанства. Гюкъ, во время пребыванія въ Амдо въ 1845 г., слышалъ разсказъ, скорѣе преданіе, о западномъ проповѣдникѣ христіанства, яко бы бывшаго наставникомъ Цзонхавы, основателя желтошапочной секты. (Christ. en Chine, en Tartarie et au Thibet, II, 9—20). Рену въ письмѣ отъ 5 мая 1859 г. предполагаетъ, что католическая религія была извѣстна ранѣе въ Тибетѣ, какъ указываетъ на то общее обыкновеніе ламъ имѣть между шариками четокъ, по крайней мѣрѣ, одинъ крестъ (у нѣкоторыхъ ламъ можно видѣть на груди 8—10 крестовъ въ видѣ украшеній). Кресту приписывается способность отгонять злыхъ духовъ и оберегать собственника отъ опасностей (подробности письма см. Launay, I 20). Какъ увидимъ ниже, означенныя сходства между ламаизмомъ и католичествомъ подали поводъ къ возникновенію легенды, будто внутри Азіи (въ Тибетѣ) существуетъ христіанское государство). См. также мнѣніе по этому вопросу Дегодина Laun. I 22, прим. 1, и въ особенности XI главу Puini, „Il Tibet", стр. 266—273.

2) Въ настоящее время многіе ученые (напр. Пуини) склоняются къ толкованію Шефера (Ch. Schefer) отъ улонъ-бакши [бакши—санскр. бикшу, употребляется нынѣ монголами въ смыслѣ учитель (лама), по тибетски—сЛоб-дпон], или великаго учителя—ламы; касательно термина бакши см. Yule, Polo, (изд. Cordier) I 314. Этотъ взглядъ развивается подробно Пуини (Il Tibet, XXVII, гдѣ въ примѣчаніи 1 даются и объясненія названія abassi, предложенныя другими учеными.

Вообще, свѣдѣнія о путешествіи Одорика приводятся Yule, Cathay and the way thither, I стр. 149, и въ Enc, Brit. XVII, 728—9; Cordier, Voyages en Asie du frere Odoric de Pordenone, 1891; Puini, Il Tibet XXI—XXVII; Laun. I, 20—23 (источники указаны на стр. 20, прим. 4, и стр. 21, прим. 1). Въ Европу Одорикъ вернулся въ 1330 г. и въ маѣ того же года продиктовалъ въ монастырѣ ордена въ Падуѣ разсказъ о своемъ путешествіи монаху Гильомо де Солонья (Laun. I 22).

Согласно Одорику, Тибетъ расположенъ между владѣніями Prete Gianni (пресвитера Іоанна) и Vecchio della Montagna (Горнаго старца); подъ первыми (Tenduc) разумѣется страна Кукухото до Хуанъ хэ (область зап. туметовъ), подъ вторыми—владѣнія Ассасиновъ (Хашишія отъ употребленія гашиша) или секты измаилитовъ въ сѣверной Персіи.

Въ LXVII главѣ своего сообщенія (XXIX въ редакціи Cordier) Одорикъ говоритъ, что, выйдя изъ провинціи Casan, прибылъ въ большое царство, именуемое Тибетъ, граничащее съ Индіей. Въ немъ существуетъ большее изобиліе хлѣба и вина, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ (правда, Одорикъ слѣдовалъ лучшими частями страны). Народъ этой страны живетъ (стоитъ) въ палаткахъ изъ черпаго войлока. Главный королевскій городъ страны весь построенъ изъ бѣлыхъ и черныхъ стѣнъ и т. д.

Въ слѣдующей главѣ (LXVIII), наиболѣе пространной изъ всѣхъ краткихъ главъ сообщенія и озаглавленной „Del Gran Lama degli infedeli [о великомъ ламѣ невѣрныхъ]“, говорится объ этомъ первосвященникѣ [вѣроятно, Сакьяскомъ іерархѣ, поставленномъ монголами во главѣ управленія страны] лишь, что „въ главномъ городѣ живетъ abassi, что значитъ „папа“ на ихъ языкѣ, глава всѣхъ идоловъ, которымъ, по принятому въ странѣ обычаю, раздаютъ всѣ ихъ прибыли и что они имѣютъ“. Въ остальной и притомъ большей части главы описывается женскій головной уборъ и нѣкоторые погребальные обычаи, свойственные этому народу.

3) S. E. 22; W. L. 426.

31. 1) Повидимому, аббатъ Гюкъ подошелъ ближе всѣхъ авторовъ къ разгадкѣ сообщенія Одорика относительно бѣлыхъ и черныхъ стѣнъ домовъ, когда указывалъ въ „Christianisme en Chine“, т. I, стр. 408, по поводу интересующаго насъ вопроса, что во время посѣщенія Лхасы онъ и Габе видѣли въ предмѣстіи цѣлый кварталъ домовъ, сложенныхъ изъ роговъ яковъ и козловъ, при чемъ первые были бѣлаго, а вторые—чернаго цвѣта, и выражалъ далѣе предположеніе, что въ XIV столѣтіи столица Тибета могла быть построена почти цѣликомъ изъ такихъ же точно домовъ, какъ они видѣли въ XIX стол. въ одномъ лишь кварталѣ. Puini, Il Tibet, XXV, прим. 2 присоединяется къ справедливости этой догадки.

Одорикъ первый изъ европейцевъ описалъ своеобразную прическу тибетскихъ женщинъ: „Женщины сплетаютъ волосы болѣе, чѣмъ въ сто косичекъ и имѣютъ пару клыковъ столь же длинныхъ, какъ у дикаго борова (Yule, Cathay and the way thither, I, 148). Клыки (мускуснаго оленя?) могли служить украшеніемъ, хотя другіе авторы не упоминаютъ о нихъ. Только Хози „Three years in West. China“ 124 говоритъ что туземныя женщины въ юго-западной Сычуани украшаютъ нерѣдко тюрбаны кружками изъ клыковъ свиньи. (L. 244, прим. 1). Съ другой стороны Шеррингъ указываетъ, что клыки мускуснаго оленя составляютъ весьма распространенное украшеніе наряда бутійскихъ женщинъ Кумаона, см. напр. фотографію на стр. 61 Sher.

2) Рубруквисъ сообщаетъ о французѣ Bouchier, посѣтившемъ незадолго до пріѣзда Рубруквиса въ Каракорумъ, золотыя розсыпи Бокол (Бойкалик) близъ цѣпи Кукушили въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ. (S. E. 21).

Въ своемъ обзорѣ раннихъ путешествій по Тибету, Пуини считаетъ умѣстнымъ упомянуть о іезуитѣ Benedetto Goes, который въ первыхъ годахъ XVII стол. пересѣкъ изъ Индіи всю центральную Азію вплоть до западной границы Китая въ Су чжоу и, хотя и не касался территоріи Тибета, однако, умеръ жертвою любопытнаго географическаго недоразумѣнія, главной причиною коего являлся Тибетъ (см. Puini, Il Tibet XVIII—XXXIII). Въ самомъ дѣлѣ, путешествіе іезуита было вызвано исключительно слухами о существованіи обширнаго царства „Катай" (на сѣверъ и востокъ отъ Китая (Cina), цѣликомъ христіанскаго, съ многочисленнымъ духовенствомъ и церквами, не меньше чѣмъ въ Европѣ (Bartoli, La Cina terza parte dell' Asia, кн. II, глава 233). Открыть вновь подобную цвѣтущую христіанскую общину явилось бы для католической церкви великой радостью, особенно послѣ того, какъ аналогичныя общины въ Китаѣ совершенно исчезли за время двухъ съ половиною столѣтій, истекшихъ послѣ Монте Корвино. Однако, Госъ, пройдя изъ Агра черезъ Лахоръ, Кабулъ, Самаркандъ, Памиръ, Кашгаръ, Яркендъ, Турфанъ и Хами въ Су чжоу, убѣдился лишь, что предполагаемый „Катай" былъ ничѣмъ инымъ, какъ Cina, въ которомъ только что открыли не слишкомъ успѣшную пропаганду Риччи и его спутники, и что на всемъ его пути не попадалось христіанскихъ общинъ. Трудности путешествія свели Госа въ могилу въ Су чжоу, однако, его товарищи въ Агра не желали отказаться отъ мысли насчетъ существованія внутри Азіи христіанскаго государства, и Андрада отправляется на поиски его въ Тибетѣ, разрѣшивъ тѣмъ самымъ окончательно упомянутую легенду. Въ самомъ дѣлѣ, весьма возможно, какъ говоритъ Huc, „Le Christianisme en Chine", т. II, стр. 277—278, что въ виду сходствъ существующихъ между религіозными обрядами ламаизма и католической церкви, торговые караваны изъ Индіи въ Китай черезъ бассейнъ Тарима и Монголію, встрѣчая многочисленныхъ послѣдователей будды Сакья-муни, приносили затѣмъ католическимъ миссіонерамъ извѣстіе, будто они видѣли людей, исповѣдующихъ ту же религію и что существуетъ обширное государство, слѣдующее всецѣло этому ученію. Этимъ государствомъ являлся Тибетъ, и вотъ Андрада задумалъ отправиться туда. Не даромъ извѣстія о первомъ путешествіи этого іезуита носили заглавіе: „il nuovo Scopriemento del Gran Cataio ovvero Tibet" (новое открытіе великаго Катай, или Тибета), при чемъ дѣло идетъ о томъ христіанскомъ Катай, отличномъ отъ Катай—Cina, къ которому стремились помыслы миссіонеровъ. Только второе путешествіе Андрады заставило его измѣнить взглядъ на Катай, и съ этого времени Тибетъ и вообще вся центральная и восточная Азія предстали миссіонерамъ въ истинномъ свѣтѣ, какъ весьма трудное и неблагодарное поприще для ихъ просвѣтительной дѣятельности.

3) Андрада совершилъ, собственно, не одно путешествіе, а два соотвѣтственно въ 1624 и 1625 гг.; первое было описано въ ука-

занномъ выше „Del nuovo Scopriemento и т. д.“ на итальянскомъ языкѣ, напечатанномъ въ 1627 г. (однако, уже въ 1626 г. вышло въ Лиссабонѣ португальское изданіе того же описанія); второе послужило темою для сообщенія генералу іезуитскаго ордена Вителлеши (напечатаннаго въ 1628 г. подъ заглавіемъ „Lettere annue del Tibet del MDCXXV“).

Странствованія д'Андрада были переведены впослѣдствіи на многіе европейскіе языки (Перечень важнѣйшихъ изданій на французскомъ, итальянскомъ и португальскомъ языкахъ см. Bibl. A., II, столбцы 1360—1363; одно польское изданіе указано Ольденбургомъ въ цитир. статьѣ, стр. 132); однако, разсказъ объ его путешествіи въ томъ видѣ, какъ дошелъ до насъ, неудовлетворителенъ во многихъ отношеніяхъ. Какъ „Del nuovo Scopriemento“, такъ и письмо, написанное имъ въ 1625 г. Mutio Vitelleshi, даютъ лишь скудныя и смутныя подробности относительно его пути, который, повидимому, не шелъ дальше Сетледжа, какъ думаетъ H. 70. Во всякомъ случаѣ трудно примирить разсказъ объ его изслѣдованіяхъ за озеромъ Манасаровар до Рудок и оттуда въ Cathay* и обратно съ топографіей тибетскихъ нагорій или съ промежуткомъ времени, который потребовался бы для такого путешествія. Поэтому вопреки прежнему мнѣнію на счетъ выдающейся роли Андрада въ качествѣ піонера на поприщѣ географическаго изслѣдованія Азіи, этотъ іезуитъ считается Гольдичемъ весьма сомнительнымъ авторитетомъ. Сандбергъ (S. E. 23—6) тоже весьма критически относится къ путешествію Андрада, хотя точность 2—3 топографическихъ указаній въ письмахъ іезуита не позволяетъ признать весь его разсказъ выдумкою, скорѣе слѣдуетъ допустить несомнѣнный фактъ посѣщенія имъ долины Сетледжа и Чапрана, какъ это дѣлаетъ и Laun. I. 28 и 30.

Упомянутое сообщеніе Андрады содержитъ много любопытныхъ замѣтокъ относительно страны, ея политическаго дѣленія, обычаевъ народа и другихъ обстоятельствъ, касающихся его (между прочимъ историческихъ событій). См. выдержки Puini, Il Tibet XXXV—XXXVI. Особая глава (третья по порядку изъ четырехъ, содержимыхъ въ сообщеніи) озаглавлена „Различные обычаи ламъ“ („Vari costumi dei Lama“); слѣдующая за ней и послѣдняя, обнимающая, однако, болѣе половины всего сообщенія, касается различныхъ богословскихъ диспутовъ, которые Андрада имѣлъ съ ламами.

4) Huc, „Christianisme en Chine“, II, 296 увѣряетъ, будто „этотъ городъ (Чапранъ) не показывается ни на одной географической картѣ и что самъ онъ ни разу не слышалъ его имени во время пребыванія въ Тибетѣ“. Однако, городъ обозначенъ уже на старой картѣ д'Анвиля и затѣмъ на всѣхъ другихъ картахъ, опубликованныхъ впослѣдствіи, правда, въ самыхъ различныхъ начертані-

* Въ настоящее время благодаря догадкѣ Пуини мы знаемъ, что подъ Катай Андрады надо понимать не самый Китай, какъ думали раньше, но Тибетъ въ указанномъ выше значеніи названія. Благодаря этому обстоятельству достовѣрность разсказа іезуита значительно выигрываетъ.

яхъ имени, которое по тибетски пишется рГіа-бранъ (Puini, Il Tibet, XXXIV, прим. 1).

5) Смерть короля послѣдовала въ 1650 г.; Андрада умеръ въ 1634 году.

32. 1) Laun. цит. соч. I, 30.

2) Въ приложеніи С. къ I тому стр. 413—14 Land. приводится англійскій текстъ по рукописи Британскаго Музея, указаннаго итальянскаго Relazione; этотъ текстъ, вопреки указанію Лэндона, былъ уже изданъ Thevenot и Carlieri.

Письма Грюбера помѣщены въ „China Illustrata" Кирхера и въ Collection francaise des voyages par Thevenot. Recueil de Thevenot, II, 4-e partie. Послѣ возвращенія въ Европу Грюберъ встрѣтился во Флоренціи съ графомъ Лоренцо Магалотти, который почерпнулъ изъ разсказовъ іезуита о путешествіи по Китаю и Центральной Азіи матеріалъ для одного изъ своихъ меньшихъ сочиненій (Relazione della Cina въ „Varie operette del conte Lorenzo Magalotti, изд. 1825, стр. 81—139.

3) Напр. у Markham Bogle and Manning. Біографическія свѣдѣнія о Грюберѣ у Tronnier, Zeit. Ges. Erdk. Berl. 1904, № 5 и S. E. стр. 27 и 29—30.

33. 1) Грюберъ различаетъ Тангут и Барантола, съ главнымъ городомъ Лхаса, къ которому первая область лишь примыкаетъ, скорѣе чѣмъ составляетъ часть ея. При этомъ Грюберъ употребляетъ Тангут въ смыслѣ „Тибетъ", какъ дѣлаютъ нынѣ монголы, хотя первоначально Тангут означало лишь группу племенъ тибетскаго происхожденія, называвшуюся китайцами цянъ и образовавшую независимое государство на сѣверо-западъ отъ Китая, съ главнымъ городомъ Нинъ-ся. Китайцы называли его Ся и Данъ-сянъ, откуда и получилось монгольское Тангут. Однако, нынѣ для монголовъ Тангут и Тибетъ синонимичны, и въ этомъ смыслѣ этотъ терминъ приняли Грюберъ и затѣмъ делля Пенна. (Puini, цит. сочиненіе, XXXIX—XL).

2) S. E. 22.

34. 1) China illustrata 1667 г.

Грюберъ привезъ также съ собою изъ Лхасы портретъ Далай-ламы Н'аванъ Лобзанъ, нарисованный имъ во время пребыванія въ Лхасѣ.

2) Отзывъ о Georgi, Alphabetum tibetanum у Ольденбурга, Ж. М. Н. Просв., ноябрь 1904, стр. 136. Довольно подробный очеркъ исторіи водворенія капуциновъ въ Лхасѣ помѣщенъ у S. E., глава II, стр. 31—50.

3) Доминиканецъ де Фано, стоявшій во главѣ миссіи, Дж. да Асколи, Фр. да Туръ и Ораціо делла Пенна. Puini, LI называетъ второго и третьяго въ качествѣ первыхъ капуциновъ, прибывшихъ въ Лхасу въ указанномъ 1708 г., тогда какъ пріѣздъ де Фано относитъ лишь къ 1709 г. Четвертый—Джузеппе де Фано прибылъ въ

Лхасу въ 1711 г. (См. тамъ же XLIX). Что же касается Орацio делля Пенна, то имя его впервые указывается, какъ члена Лхасской миссiи, въ началѣ 1717 г. со словъ Дезидери (тамъ же LII)

35. 1) S. E. 38—9.

36. 1) Общая характеристика Дезидери въ качествѣ изслѣдователя и знатока тибетскаго языка и религiи дается на стр. XLI. Puini, Il Tibet (Geographia, Storia, Religione, Costumi) secondo la relazione del viaggio del P. Ippolito Desideri (1715—1721), Roma 1904 г.

Дезидери выказалъ значительно большую долю предпрiимчивости съ точки зрѣнiя географическаго изслѣдованiя страны, нежели другiе капуцины, такъ какъ посѣтилъ, исключительно въ цѣляхъ любознательности, много такихъ пунктовъ въ южномъ и юго-восточномъ Тибетѣ, куда не заглядывали капуцины.

2) Ко времени прибытiя Дезидери въ Лхасу, въ столицѣ не было ни одного представителя Конгрегацiи (т. е. Капуцинской миссiи).

3) См. особую главу предисловiя къ Puini, Il Tibet, XLIX—LI „Дезидери и Капуцины".

4) На стр. 67—68 цит. сочиненiя (на стр. 69 дополнительныя замѣчанiя Пуини) дается Дезидери описанiе монастыря Сам-йѣ, съ указанiемъ на его богатѣйшую библiотеку, заключавшую оригиналы книгъ ламайскаго ученiя въ видѣ первыхъ версiй тибетскаго перевода санскритскихъ сочиненiй, выписанныхъ съ большими затратами изъ Индiи (Индостана)—см. Puini, 68.

Послѣ описанiя Цзе-тана и окрестнаго раiона. Дезидери говоритъ объ очень длинномъ цѣпномъ мостѣ черезъ Цзанъ-по, утвержденномъ на нѣсколькихъ большихъ каменныхъ быкахъ (столбахъ) на извѣстномъ разстоянiи одинъ отъ другого, нѣсколько ниже Цзетана.

Изъ Цзетана Дезидери прошелъ далѣе на востокъ, посѣтивъ Такпо, гдѣ прожилъ продолжительное время въ указанномъ выше Drong-gne (Дезидери пишетъ Trong-gnee, въ провинцiи Такпо к'iер Puini 14 и 355), затѣмъ побывалъ и въ области Конъ-бо, вплоть до границъ К'ама.

Описанiе области Такпо, въ частности одного изъ дѣленiй ея —Такпо К'iер по имени главнаго города, приводится на стр. 71—75 цитир. сочин. (стр. 72—74, впрочемъ, посвящены исключительно описанiю двухъ священныхъ горъ области, одной безъ названiя и второй—Цзари, (пиш. рЦе-ри—прим. на 73 стр.).

Въ описанiи области подчеркивается большое, сравнительно съ западомъ, обилiе лѣсовъ и фруктовъ (родъ винограда, изъ котораго миссiонеры приготовляли вино для богослуженiя); въ горахъ растетъ reopontico (ревень) и въ особенности полынь (assenzio) въ наибольшемъ изобилiи; встрѣчается еще восхитительная rosa di pino (лучшiе экземпляры въ болѣе глухихъ мѣстахъ).

Въ горахъ Такпо пастбища отличаются особымъ хорошимъ качествомъ, поэтому главное богатство жителей заключается въ большемъ или меньшемъ количествѣ яковъ, не такъ, какъ въ другихъ провинціяхъ, гдѣ больше купцовъ. Особенно славится мѣстное масло, развозимое по всей странѣ.

Упомянутая выше гора Цзари (рЦе-ри) получила священное значеніе въ качествѣ главнаго средоточія культа лДе-мч'ог, одной изъ многочисленныхъ формъ божествъ-хранителей (по тибетски іидам) ламаизма. Мѣстность Цзари является также излюбленнымъ мѣстопребываніемъ Магадевы и самаго Шивы, поэтому сюда прибываетъ не мало индускихъ паломниковъ черезъ Ассамъ и страну Нага. (Puini, 73, прим. 1). Подробное описаніе святынь и монастырей горы Дезидери помѣщено въ Puini, 73—74 („Ceri").

Конъ-бо, раздѣляемый соотвѣтственно на Конъ-то и Конъ-ме (изъ послѣднихъ каждая разбивается на рядъ меньшихъ округовъ), описывается Дезидери въ Puini, 75—76. Страна имѣетъ менѣе суровый климатъ, но тѣмъ не менѣе безплодна, будучи весьма песчаной; однако, населеніе ея очень многочисленно и богато, благодаря добываемому въ ней обилію золота. Населеніе восполняетъ также безплодіе почвы промышленностью, отдаваясь въ большинствѣ случаевъ торговлѣ.

Обѣ области Конъ-бо прорѣзываются р. Цзанъ-по „той же самой рѣкою, которая проходитъ по сосѣдству съ Шихацзе, Лхасою и Цзе т'аномъ", только значительно увеличившей массу воды, какъ благодаря большому протяженію теченія, такъ и благодаря суженію русла. Въ предѣлахъ Конъ-бо оба берега высоки и привлекательны благодаря оживляющимъ ихъ многочисленнымъ кипарисамъ, которые изобилуютъ въ Конъ-бо. Слѣдуетъ отмѣтить, что Дезидери въ началѣ XVIII стол. представлялъ себѣ правильнѣе теченіе Цзанъ-по внутри Тибета и съ переходомъ рѣки на индійскую территорію, нежели многіе европейскіе авторы XIX стол., признавая фактъ ея соединенія съ Брамапутрою (см. Puini 100 и прим. 1). Части провинціи Конъ-бо на югъ отъ Цзанъ-по, граничатъ съ народами Лхоба („южане"; обычно этимъ именемъ обозначается населеніе Бутана, въ данномъ случаѣ болѣе дикіе обитатели страны на востокъ и СВ. отъ Бутана). О дикихъ племенахъ Лхо-ба, людоѣдахъ и свирѣпыхъ, см. Puini, 76—77; этотъ терминъ распространяется и на нынѣшній Бутанъ, обитатели коего, особенно въ восточной части, близко подходятъ по нравамъ и внѣшности къ указаннымъ дикимъ племенамъ.

При описаніи страны Лхоба Дезидери указываетъ, что, если бъ мѣстные жители не старались всячески препятствовать доступу въ ихъ страну чужеземцевъ, то этимъ путемъ можно было достигнуть въ немного дней изъ Тибета въ Rong-mati и обратно изъ Бенгала въ Тибетъ. Даже сами тибетцы, ихъ сосѣди, могутъ являться съ товарами лишь къ ихъ границамъ, куда доставляютъ свои произведенія и сами лхоба: превосходный медъ—бѣлый и желтый, воскъ,

грубую корицу, крупный и мелкій кардамонъ, миработаны и значительное число другихъ лекарственныхъ травъ и вообще лекарствъ.

На востокѣ страна Конъ-ме переходитъ, какъ говоритъ Дезидери, въ узкія и крутыя долины, покрытыя лѣсами и необитаемыя, но съ хорошимъ климатомъ (Puini, 77; тамъ же содержится на основаніи разсказовъ, слышанныхъ Дезидери, краткое упоминаніе о Камѣ, съ очень многочисленнымъ классомъ богатѣйшихъ купцовъ, въ томъ числѣ многихъ иностранцевъ, благодаря сообщенію съ Китаемъ, граничащимъ съ Камомъ, значительному числу большихъ рынковъ и непрерывному торговому движенію и богатству золота и серебра. На Камѣ свѣдѣнія Дезидери заканчиваются въ восточномъ направленіи).

Вопросъ о посѣщеніи Дезидери Пари дзона остается пока открытымъ, такъ какъ свѣдѣнія, приводимыя имъ для области Пари Puini, 70—71 вмѣстѣ съ таковыми же для области Мон (подъ послѣднимъ именемъ объединяется страна на сѣверо-востокъ отъ Бутана) заставляютъ предположить, что Дезидери самъ не былъ въ описанной мѣстности, а сообщаетъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ отношеніи мѣстностей далѣе на востокъ, съ чужихъ словъ, вѣроятно, смѣшавъ въ памяти полученныя свѣдѣнія. Правда, границы области Пари не указываются, иначе трудно согласовать указаніе Дезидери на обиліе риса съ непривѣтливой природою въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нынѣшнимъ Пари дзономъ.

5) Согласно Launay, I 34, это было письмо генерала іезуитскаго ордена отъ 16 февраля 1719 см. Puini LI.

37. *) Декреты Конгрегаціи въ этомъ смыслѣ издавались нѣсколько разъ—15 января 1656, 28 апрѣля 1698 г. и 1 марта и 20 сентября 1717 г.; подтвержденіе же ихъ послѣдовало въ декретѣ отъ 12 декабря 1718, результатомъ коего явилось упомянутое письмо генерала іезуитскаго ордена. Launay I 34. Объ окончательномъ рѣшеніи конгрегаціи 1732 г., какъ результатѣ борьбы въ Римѣ Дезидери съ Felice da Montecchio—защитникомъ капуциновъ (H. 80), Launay, какъ и Пуини, ничего не говорятъ.

1) Перечисленіе ихъ у S. E. 52, прим. 1. Однако, въ наибольшей полнотѣ списокъ всѣхъ писемъ и сообщеній Дезидери, печатныхъ и рукописныхъ, дается Пуини въ Il Tibet, стр. XLI—XLIII. Нѣкоторыя работы Дезидери не увидѣли вовсе свѣта или утеряны, тамъ же XLIII.

Подробная оцѣнка важнѣйшаго труда Дезидери—Relazione касательно путешествія въ Индіи и въ особенности въ Тибетѣ, впервые опубликованнаго полностью въ 1904 г. Пуини, дается въ книгѣ этого автора Il Tibet на стр. XLIV—XLV; симпатичныя стороны характера іезуита, какъ онѣ выражаются въ его писаніяхъ, указываются тамъ же на стр. XLVIII.

2) Заголовокъ рукописи настоящаго труда, относящійся, впрочемъ, лишь къ содержанію ея первой тетради, гласитъ: „Breve e

succincto ragguaglio del viaggio alle Indie orientali del padre Ippolito Desideri della Compagnia di Gesu".

Общее описаніе рукописи и исторію ея изданія см. Puini, цит. сочин. VII—XI.

38. 1) Въ доказательство того, какъ вѣрно понялъ Дезидери ламаизмъ, Ольденбургъ ссылается на переводъ іезуитомъ извѣстнаго сочиненія Цзонхавы—Лам-рим ч'ен-по, чрезвычайно важнаго для пониманія ламаизма. (Ж. М. Нар. Просв. ноябрь 1904 г., 133). На эту сторону знакомства Дезидери съ страною обратилъ вниманіе ученый издатель его дневника, Пуини, въ предварительной работѣ: Puini, Carlo „Il P. Ippolito Desideri e i Suoi viaggi nell' India e nel Tibet (1712—1727); Il Buddhismo nel Tibet, secondo la relazione inedita del viaggio del P. Ippolito Desideri", Firenze, 1899.

2) Въ 1760 г. карты іезуитовъ были исправлены оо. Hallenstein и Benoit, а китайскія карты исправлялись при Цянь-лунѣ (изданія 1744, 1756 и 1761). Эти карты, равно какъ Да-цинъ-и-тунъчжи, содержащее полное описаніе Китая и вассальныхъ владѣній*, представляютъ важное пособіе для изученія географіи Тибета и Центральной Азіи.

Переработанное и дополненное изданіе карты въ 1863 г., подъ заголовкомъ „Да-цинъ-и-тунъ юй-ту", дало матеріалъ для работы „Wegener u. Himly, Nordtibet u. Lob-nur Gebiet nach der Darstellung des Ta-thsing-i-thung-yu-thu", Z. Ges. Erdk. Berlin 1893, стр. 201—242 съ картою.

Въ Архивахъ Французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ имѣется коллекція картъ Китая и Тибета, составленныхъ іезуитами въ періодъ съ 1708 по 1718 г. Съемка въ западныхъ провинціяхъ Китая и на границѣ съ Тибетомъ и Монголіей велась главнымъ образомъ миссіонерами Режи, Фриделли, Бонжуръ, Жарту и Буве.

Ихъ карты Тибета основывались на первой съемкѣ, произведенной въ 1709 г. двумя китайцами въ свитѣ посланника императора Канъ-си ко двору въ Лхасѣ и въ особенности на работахъ двухъ ламъ (Tchourtsin Dzungba и Ranmou Djamba), изучавшихъ Тибетъ по приказанію Канъ-си съ 1717 по 1719. Ихъ карты, просмотрѣнныя іезуитами, были уменьшены и введены послѣдними въ атласъ. D. de-Rhins, Asie Centr., 29—30.

Замѣтку относительно исторіи составленія картъ іезуитами см. въ Bibl. B. 183 –184 и таблицу на 185—6 стр. (на основаніи предисловія Du Halde, Description). См. еще Brucker, „Communication sur l'execution des cartes de la Chine par les missionnaires du XVIII siecle apres les documents inedits", IV Congr. int. Sc. geogr. Paris 1889, I (378—396).

Во время разъѣздовъ по странѣ въ связи съ работами по составленію карты, іезуиты коснулись и окраины Тибета, въ частно-

*) Указанное описаніе снабжено также картами отдѣльныхъ областей и мѣстностей.

сти, до Си-нинъ фу доходили въ 1708 г. iезуиты Режи, Жарту и Буве, которые и опредѣлили географическое положенiе этого города (отнеся долготу его на 28' слишкомъ на востокъ) и въ 1711 г. —Фриделли, Жарту и Бонжуръ.

3) Впрочемъ, инициатива китайскаго императора въ этомъ предпрiятiи не вполнѣ установлена. Исторiя составленiя указанной карты дается въ Halde, Description de la Chine. См. также Rhins, As. Centr. 87—89. О китайскихъ оригинальныхъ картахъ д'Анвиль выразился при изданiи своего атласа слѣдующимъ образомъ: „Онѣ дѣлаютъ великую честь китайцамъ и доказываютъ ихъ превосходство, какъ географовъ, надъ другими азiатск. народами".

По этому же вопросу въ Memoires concern. l'histoire des Chinois, VIII, 234 говорится: „Не всѣмъ извѣстно, что миссiонерамъ приходилось вносить лишь немного исправленiй въ старыя китайскiя карты и что ихъ наблюденiя нерѣдко не давали никакой разницы для широты и долготы большихъ городовъ сравнительно съ этими послѣдними".

Исторiю китайской картографiи и древнѣйшiе образцы ея даетъ Chavannes, Les deux plus anciens specimens de la cartographie chinoise (Bul. Ec. franc. Extr. Or. III 214—247). Какъ явствуетъ изъ этой статьи, первое достовѣрное указанiе на существованiе картъ въ Китаѣ относится къ III в. по Р .Х. (Пей-сю [224—271 по Р. Х.] считается отцомъ китайской картографiи). Однако, наиболѣе ранними существ. образцами китайскихъ картъ являются высѣченныя на камнѣ и хранимыя въ музеѣ надписей въ Си-ань фу карты: а) Хуа-и-ту (карта Китая и чужеземныхъ народовъ (на дѣлѣ изображаются только собственный Китай и Корея, остальныя же страны указаны надписями въ соотвѣтствующемъ по странамъ свѣта положенiи по отношенiю къ собственному Китаю); и б) Юй-цзи-ту [карта слѣдовъ Юя]. Обѣ карты датированы 1137 г. по Р. Х., но въ дѣйствительности первая карта была составлена уже въ 1043 г. Краткая замѣтка на картѣ, посвященная обитателямъ Тибета, говоритъ о западныхъ цянахъ, которые вмѣстѣ съ Ту-ю-хунь и Данъ-сянъ были завоеваны Тубо (тибетцами); далѣе указываются границы тибетской имперiи при Танахъ. Въ настоящее время, говоритъ въ заключенiи упомянутая замѣтка, племена данъ-сянъ, родственныя тубо, разспространены по округамъ Линъ (нынѣ въ префект. Нинъ-ся) и Фу [нынѣ Фу-гу въ Юй-линь фу [Шэньси). Шаваннъ, указанн. статья 227—229.

39. 1) China, I стр. 661.

2) Новѣйшiя путешествiя доказали съ очевидностью, что во всемъ юго-восточномъ углу Тибета между Лхасою на западѣ и китайскою границею на востокѣ, большой китайской дорогою на сѣверѣ и индо-китайскими владѣнiями на югѣ, указанные ламы не производили никакихъ съемокъ и что всѣ данныя для этой области, часто весьма ошибочныя, были получены ими путемъ разспросовъ или исходили изъ произвольныхъ догадокъ. Въ общемъ, какъ ука-

зываетъ Лакупери въ Enc. Br. XXIII, 338, съемки этихъ ламъ, сами по себѣ весьма скудныя, могли считаться болѣе надежными лишь по сосѣдству съ главными дорогами и въ лучшемъ случаѣ опирались на приблизительныхъ подсчетахъ разстояній и опредѣленіяхъ направленій. Предположеніе, что въ основу ихъ были положены астрономическія опредѣленія отдѣльныхъ пунктовъ, невѣроятно, т. к. широты такихъ важныхъ пунктовъ, какъ Лхаса и Батанъ погрѣшаютъ противъ дѣйствительности на 30—60 англ. миль.

3) Орацію делла Пенна сообщаетъ о видѣнныхъ имъ во дворцѣ Далай ламы рисованныхъ Tabulas chorographicas; Вегенеръ отожествляетъ ихъ съ картинами временъ Канъ-си, покрывавшихъ 16 большихъ стѣнъ во дворцѣ Далай ламы и изображавшихъ всѣ провинціи Тибета [Wegener, Tibet 15; см. еще Ritter, Asien II 466 и III 244].

4) Подр. у Risley въ Gazetteer of Sikhim 1894, стр. VIII и дал. Уоддель описываетъ въ „Among the Himalayas" 350—1 тибетск. карту окрестностей Джомоканкар, священныхъ, какъ мѣсто подвижничества Миларайбы.

40. 1) Wegener, Tibet 13—16.

2) Такъ, на общей картѣ Тибета положеніе Лхасы показано иначе, чѣмъ на спеціальной № VI, благодаря тому, что на общей картѣ д'Анвиль внесъ поправки на основаніи указаній Гобиля; объясненіе поправокъ находимъ въ Memoire sur la Chine, 1776, д'Анвиля. Другія ошибки произошли отъ неправильности рисунка чертежника и неточностей въ переводѣ на другой языкъ.

Указанныя карты д'Анвиля были выпущены въ видѣ отдѣльныхъ атласовъ въ Гаагѣ издателемъ Scheurleer въ 1737 г. (42 карты) и въ Парижѣ Dezauche (50 картъ на 64 листахъ, въ томъ числѣ: № 1 общая карта Китая, Китайской Татаріи и Тибета; № 41 общая карта Тибета (или Бутана) и №№ 42—50 подраздѣленія Тибета).

Оригинальныя карты д'Анвиля, помѣченныя годами 1729—1734 [общая карта Китая, кит. Татаріи и Тибета) хранятся въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ (см. Bibl. B. 184—186).

Пояснительныя замѣчанія д'Анвиля на указанныя карты Китая, Татаріи и Тибета и на китайскіе „ли" изложены въ двухъ „Memoires" Акад. Надп. и Изящн. Литературы, т. XXVIII [1761] и XXXII [1776]. См. также въ Description du Halde, т. IV: „Regis, Observations geographiques et historiques sur la carte du Thibet", перечень наблюденій широтъ и вычисленій долготъ, послужившихъ для составленія указанныхъ картъ. Въ дополненіе къ этому могутъ служить замѣтки въ I томѣ Memoires concernant l'hist. и т. д. des Chinois par les missionnaires de Pekin, относительно Центральной Азіи и географическихъ положеній (стр. 399).

Для опредѣленія географическихъ положеній различныхъ пунктовъ китайской имперіи, въ частности Тибета, могутъ еще служить: Biot, Dictionnaire des noms geographiques chinois avec leurs positions en latitude et longitude. Paris 1842; Chinese Repository, т.

XIII; Journal Asiatique de Paris, 1834 (нѣсколько географическихъ положеній изъ Да-цинъ-хуй-дянь, выбранныя Нейманномъ). Brucker, Positions geogr. dans le Turkestan oriental et la Dzoungarie, determinees en 1756. Lyon 1880.

3) Напримѣръ, карты Центральной Азіи Клапрота въ 1836 г.; помимо данныхъ, собранныхъ іезуитами, Клапротъ при составленіи указанной карты пользовался китайскими поправками упомянутой большой карты при Цянь-лунѣ и подробными описаніями Тибета, включенными въ Да-цинъ-и-тунъ-чжи, изд. въ 1744 г. въ 356 книгахъ. Свѣдѣнія касательно Тибета, помѣщенныя въ главахъ этого сочиненія, посвященныхъ Си-цзану, отличаются точностью и полнотою благодаря окончательному покоренію страны китайскими войсками, имѣвшему мѣсто незадолго до изданія помянутаго труда.

41. 1) S. E. 40—41; Launay, цит. сочин. I, 36.

2) S. E. 46.

Land. II 206 и W. L, 425. Кэндлеръ тщетно искалъ въ Лхасѣ слѣдовъ часовни и монастырскаго подворья. Только въ соборѣ (Чжу-канъ) онъ видѣлъ колоколъ съ надписью: Te Deum laudamus, возможно, реликвій капуциновъ (Unveiling of Lhasa 3, прим.) W. L. 425 предполагаетъ, что воспоминаніемъ о пребываніи въ Лхасѣ капуцинскихъ монаховъ, имѣвшихъ здѣсь участокъ земли, на которомъ они построили часовню (близъ храма Рамоче?), являются флорентійскія оконныя жалюзи, нынѣ весьма распространенныя въ Лхасѣ (см. фотографію къ 424 стр.)

Къ 1733 г., послѣ 25 лѣтнихъ трудовъ, было крещено новорожденныхъ младенцевъ 2,587 и обращено въ христіанство 40 человѣкъ (непальцевъ, тибетцевъ и китайцевъ). H. 78,

3) S. E. 64—83. Часть записокъ Белигатти была найдена и опубликована проф. Маньяги (Magnaghi) въ Revista geografica Italiana въ 1902 г.; остальная часть, по мнѣнію издателя, погибла во время пожара въ Мачератѣ въ 1799 г. Эта часть касалась прекращенія дѣятельности капуциновъ въ Лхасѣ.

Помимо путевыхъ записокъ, Белигатти составилъ жизнеописаніе вице-префекта тибетской миссіи Джузеппе Марія де Бернини (подробное затлавіе этого жизнеописанія Laun. I 44, прим. 1); нѣсколько писемъ этого же миссіонера было напечатано въ то время; извѣстны еще его тибетскій алфавитъ, двѣ грамматики (индустани и санскрита), очеркъ религіи тибетцевъ. Эти труды печатные или рукописные хранятся (или хранились до пожара) въ капуцинскомъ монастырѣ Мачераты.

4) Дезидери подробно говоритъ (Puini, цит. соч. 85—87) о Кути и о примѣняемой здѣсь системѣ взиманія пошлинъ, равно какъ и о способахъ доставки товаровъ (существованіе особыхъ агентовъ, доставляющихъ вьючныхъ и верховыхъ животныхъ для проѣзжающихъ). Важность Кути, помимо того, что онъ является пограничнымъ пунктомъ, обусловлена главнымъ образомъ его ролью

въ качествѣ таможенной станціи, дававшей большіе доходы тогдашнему королю; поэтому въ Кути находился не одинъ губернаторъ, а цѣлыхъ три, какъ дважды говоритъ о томъ Дезидери.

42. 1) S. E., 75.

2) Белигатти утверждаетъ, будто это озеро имѣетъ 360 англ. миль въ окружности и требуетъ 18 дней для обхода.

3) Кромѣ описанія мѣстности и пути, Белигатти останавливается подробно на обычаяхъ населенія, въ особенности на религіозныхъ обрядахъ. Такъ въ Гжянъ-цзе онъ присутствовалъ при жертвоприношеніи торма, въ Лхасѣ—мон-лам. Первое время пребыванія въ столицѣ онъ велъ подробный дневникъ, гдѣ отмѣчалъ всѣ новыя знакомства, посѣщенія и разговоры.

4) Подробности переписки и выдержки изъ посланій помѣщены у Laun. цит. соч. I 39—42 (подлинный текстъ указанныхъ оффиціальныхъ документовъ приложенъ къ книгѣ Георги).

5) Письма делля Пенна были изданы Клапротомъ въ Journ. Asiat. (II Serie, XIV): „Breve notizia del regno del Tibet, dal fra Franc. Orazio della Penna di Billi, 1730; ouvrage publie d'apres le ms. autographe de l'auteur et accompagne de notes par M. Klaproth 80 стр., 1834, и даны въ англійскомъ переводѣ въ приложеніи къ Markham, Bogle and Manning. Существуетъ также интересное Relazione, напечатанное въ Римѣ въ 1742 г. Относительно письменныхъ документовъ, оставленныхъ другими членами капуцинской миссіи, помимо делля Пенна и Белигатти, см. Puini, цит. соч. LV—LVI.

Свѣдѣнія относительно послѣднихъ трехъ лѣтъ пребыванія капуциновъ въ Лхасѣ даются Белигатти въ жизнеописаніи Джузеппе Бернини Laun. I 45—52; факты въ этомъ жизнеописаніи черезчуръ пріукрашены, тѣмъ не менѣе трудъ цѣненъ, какъ единственный документъ для этого періода. Launay I 44.

43. 1) W. L. 11.

2) Помимо записокъ, существуютъ еще неизданныя письма Белигатти. Пуини помѣстилъ въ Il Tibet, стр. LVIII—LIX одинъ отрывокъ изъ подобнаго письма капуцина, сообщенный ему проф. Маньяги, въ которомъ рѣчь идетъ о Ванъ-де-Путте.

3) Puini, LIV—LVII указываетъ на нѣкоторыя другія работы членовъ капуцинской миссіи и приводитъ выдержку изъ дневника Джузеппе д'Асколи относительно путешествія по Непалу.

44. 1) Bogle and Manning, LVI. См. еще Puini, LVIII—LIX, гдѣ сообщаются любопытныя свѣдѣнія касательно путешествія Ванъ-де-Путте (изъ письма Белигатти), краткое упоминаніе о Ванъ-де-Путте имѣется и у Yule, какъ сказано выше, „Cathay and the way thither". Нижеуказанная карта помѣщена у H. 88 (оригиналъ ея сохраняется въ музеѣ Миддельбурга). Карта изображаетъ мѣстность между Гангомъ (Сиккимомъ) и Гжянъ-цзе и переваломъ Кути и Бутаномъ. На ней нанесено теченіе рѣки Арун, что представляетъ большую

важность даже въ настоящее время при неполнотѣ европейскаго изслѣдованія тибето-непальской границы.

2) Рокгиль признаетъ неправильнымъ переводъ названіе рѣки черезъ „рѣка коровы-яка“ (отъ дри-мо, пишется бри-мо), т. к. въ этомъ смыслѣ дри-мо никогда не употребляется безъ частицы мо; что касается значенія слова Дре, входящаго въ составъ разговорнаго названія рѣки Дречу, то возможны различныя догадки на этотъ счетъ, пока неизвѣстно въ точности книжное написаніе слова; по звуку оно можетъ производится отъ дре—мулъ, грязь и рисъ (L., 196 прим.), Въ тибетскомъ книжномъ языкѣ написаніе трехъ указанныхъ однозвучныхъ словъ слѣдующее: дре—мулъ; дре (дри-ма) грязь и дре (де) рисъ пиш. 'брас. Miss. Dict. пишетъ названіе рѣки 'бри-ч'у, не указывая источника; C. D. имѣетъ также 'бри-ч'у, цитируя въ то же время на стр. 930 тибетскаго автора, отожествляющаго продолженіе рѣки въ предѣлахъ провинціи Юнь-нани съ Лань-цанъ цзяномъ, или Меконгомъ.

45. 1) Столкновеніе, съ благопріятнымъ для англичанъ исходомъ, произошло вслѣдствіе вторженія бутанцевъ въ 1772 г. въ Cooch Behar, находившійся подъ покровительствомъ Восточно-индійской компаніи, преобразованной трудами и геніемъ Гэстингса въ могущественную индійскую державу, впослѣдствіи индійскую имперію.

2) Эти инструкціи, равно какъ подробное описаніе путешествія Богля на основаніи подлинныхъ документовъ (дневника Богля), см. въ превосходной монографіи Маркхама.

Между прочимъ Уорренъ Гэстингсъ желалъ имѣть подробныя свѣдѣнія относительно тибетскаго института поліандріи и связанныхъ съ нимъ вопросовъ экономическо-соціальнаго характера. Однако, Богль въ данномъ случаѣ оказался менѣе сообщительнымъ, упомянувъ въ своихъ запискахъ очень кратко и глухо объ этомъ важномъ соціальномъ явленіи. Болѣе подробно говоритъ по этому вопросу Тернеръ, но во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ указанныхъ англійскихъ изслѣдователей не занимался изученіемъ тибетской поліандріи такъ внимательно и разносторонне, какъ Дезидери, и въ „Relazione“ послѣдняго, будь это сообщеніе ему извѣстно, Гэстингсъ нашелъ бы самый ясный отвѣтъ на поставленный вопросъ [см. Puini, 127—149].

47. 1) Для характеристики личности Богля и его взгляда на порученную имъ миссію любопытна замѣтка, писанная имъ и найденная въ бумагахъ Гэстингса въ Британскомъ Музеѣ. Она перепечатана въ Land. въ видѣ приложенія В. [на стр. 411—2].

2) По свидѣтельству дипломатическаго уполномоченнаго Юнгхозбенда G. J., 190.

48. 1) W. L. 15.

49. 1) Весь маршрутъ экспедиціи былъ нанесенъ на карту, составленную очень точно и отчетливо. Карта воспроизведена въ миньятюрѣ у Land. I стр. 18.

50. 1) Turner, An account of an Embassy to the Court of the Teshu lama. London.

2) Тэрнэръ вычислилъ довольно точно положеніе Дашійхлунбо—29°4'20" с. ш. и 89°7' в. д., тогда какъ истинными цифрами нынѣ принимаются 29°16' и 88°55'. Русскіе читатели могли рано познакомиться съ важнѣйшимъ эпизодомъ путешествія Тэрнера, благодаря статьѣ: „Донесеніе Г. Турнера о свиданіи съ Тиму-ламою. Съ франц. В. А. Азіатскій Вѣстникъ, 1827, кн. 1, стр. 3—15. Заимствовано изъ 1-го т. Азіят. изслѣдованій. Recherches asiatiques. Paris. 1805.

51. 1) Результатомъ военныхъ дѣйствій Китая противъ Гурка, не считая достигнутаго китайцами политическаго успѣха, явился весьма важный китайскій путеводитель Вэй-цзанъ ту-чжи, предназначенный для пользованія китайскихъ офицеровъ, отправлявшихся въ дѣйствовавшую на границѣ Непала армію. См. ниже прим. 5 и 6 къ 57 стр. о переводахъ этого путеводителя и въ то же время одного изъ важнѣйшихъ источниковъ китайскаго географическаго знакомства съ Тибетомъ.

2) Что представляютъ собою эти гарнизоны, лучше всего видно изъ описаній участниковъ „миссіи" 1904 г. одного изъ такихъ „гарнизоновъ" въ долинѣ Чумби.

3) Къ этому его побуждало и желаніе совершить то, чего не удавалось сдѣлать многимъ англичанамъ до него—желаніе оригинала, каковымъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Во время пребыванія въ Китаѣ, онъ составилъ себѣ обширный кругъ знакомымъ среди китайскихъ чиновниковъ, и потому могъ разсчитывать, что это обстоятельство облегчитъ ему доступъ въ страну, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ.

54. 1) См. статью Pearse, „Moorcroft and Hearsey's visit to lake Manasarowar in 1812" G. J. 1905, August, стр. 180. Маршрутъ Муркрофта между Даба и озеромъ Мапанъ и обратно въ Индію нанесенъ на карту, приложенную къ G. J. Febr. 1900 наряду съ маршрутами братьевъ Стрэчи 1846—1849 г.г.

2) Пашм по индусски (подр. Balfour, Cycl. India, III 154); тамъ же на стр. 875 указывается, что эта шерсть извѣстна среди узбековъ Яркенда подъ именемъ „Tibit", каковой терминъ Генри Стрэчи принимаетъ за источникъ географическаго обозначенія „Тибетъ", принятаго въ Европѣ. На дѣлѣ, конечно, обозначеніе страны послужило началомъ указаннаго названія для шерсти, а не наоборотъ.

55. 1) Moorcroft and Trebeck, Travels 1819—1825, London 1841.

56. 1) W. L. 16—18.

2) Въ 1814 г. было установлено надъ Сиккимомъ англійское покровительство; въ 1836 г. сиккимскій раджа уступилъ Англіи округъ Дарджилинъ (исторія дальнѣйшаго развитія этой важной климатической станціи излагается въ Him. Journ. стр. 107—111; Waddell, Among Himal. 38—29 и Boomvetsch, „Handbook to

Darjiling", Calcutta 1899). Взамѣнъ указанной территоріальной уступки, англичане обязались уплачивать раджѣ 600 фунт. стерл. ежегодной субсидіи; уплата послѣдней, однако, была прекращена уже въ 1850 г. вслѣдствіе насильственныхъ поступковъ, совершенныхъ туземными властями Сиккима по отношенію къ англійскимъ подданнымъ. Съ этого времени Англія стала твердой ногою въ т. н. англійскомъ Сиккимѣ (въ отличіе отъ туземнаго „native Sikkhim").

3) Другія работы Ходгсона касаются буддизма. См. библіогр. перечень ихъ въ книгѣ Schlagintweit, Buddhism in Tibet и Bibl. B.

Въ 1824 г. Ходгсонъ открылъ въ Непальскихъ монастыряхъ полный буддійскій канонъ, и при его посредствѣ аналогичныя собранія священныхъ книгъ были пріобрѣтены Азіатскими обществами въ Лондонѣ и Парижѣ. Съ этого времени начинается рядъ его работъ по буддизму, остающихся понынѣ въ качествѣ драгоцѣннаго матеріала для оріенталистовъ. Изысканія Ходгсонъ въ области буддизма сдѣлались извѣстны въ Лхасѣ, и Далай-лама вступилъ съ нимъ въ дружескую переписку по поводу этого предмета и пожелалъ подарить Остъ-Индской компаніи полный экземпляръ въ 334 томахъ тибетскаго священнаго канона—Ганьчжура и Даньчжура. Тотъ же Далай-лама въ доказательство уваженія прислалъ въ подарокъ Годгсону все, что оставалось въ Лхасѣ изъ христіанской литературы отъ того краткаго времени, въ теченіе коего процвѣтала католическая миссія: карты, которыя Годгсонъ поднесъ вскорѣ затѣмъ папѣ (Markham, Bogle and Manning, LXXXVI).

57. 1) См. библіогр. указатель у Шлагинтвейта „Buddhism", и въ Bibl. B. I 732—3, а также въ приложеніи къ настоящему „Описанію".

Помимо работъ по изученію тибетской письменности и литературы (наиболѣе важнымъ представляется произведенный имъ тщательный анализъ Ганьджура и Даньджура; оригиналъ былъ напечатанъ въ „Asiatic Researches"; французскій переводъ съ примѣчаніями далъ Feer въ Ann. Musee Guimet т. II 1881), венгерскій изслѣдователь составилъ, на основаніи туземныхъ источниковъ, географическій очеркъ Тибета, помѣщенный въ I томѣ J. A. S. Beng. (1832).

Чома де Коронъ первоначально изучалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тибетскій языкъ въ монастыряхъ К'анам въ Кунавар и Ринъдом. Память о немъ была жива въ послѣднемъ монастырѣ еще въ 1873 г., какъ убѣдился Вильсонъ (Wilson, „Abode of the Snow" 120). Дегодинъ разсказываетъ о посѣщеніи имъ бывшей кельи Чома въ указанномъ монастырѣ въ 1857 г. [Desg. 41—42].

Грамматика Чома де Корошъ была положена въ основаніе тибетской грамматики, изданной въ 1839 г. на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ членомъ Императорской Академіи наукъ въ С.-Петербургѣ Шмидтомъ, лишь съ немногими измѣненіями, по признанію самого составителя (Шмидтъ, „Тиб. грамм.", предисл. XI); въ той

же мѣрѣ помощи Короша Шмидтъ былъ обязанъ при изданіи собственнаго тибетско-русскаго словаря (вышедшаго и на нѣмецкомъ языкѣ). Помимо указанныхъ пособій для изученія тибетскаго языка, Шмидтъ издалъ текстъ тибетскаго сочиненія „'дзан'с блун" съ нѣмецкимъ переводомъ подъ заглавіемъ „Der Weise und der Thor". Leipzig 1843 и составилъ указатель Ганчжура подъ заглавіемъ „Index des Kandjur" Leipzig, 1845.

Еще до изданія словаря и грамматики Шмидтъ напечаталъ въ 1831 г. „О происхожденіи тибетскихъ письменъ".

Представители русской Академіи интересовались тибетскимъ языкомъ много раньше, такъ какъ въ „Матеріалахъ для исторіи Импер. Академіи Наукъ", I, стр. 600, мы находимъ въ отчетѣ за 1728 и 1729 г. указаніе, что Бейэръ (Bayer) сдѣлалъ Академіи докладъ на тему: „Elementa tangutana, brachmanica, mogulensia explicata". Результаты изысканій Бейэра въ этой области были напечатаны въ „Commentarii Academiae Scient. Imp. Petropolit.", т. III, 1732 г. и т. IV, 1734 г. Во второй половинѣ XVIII стол. другой русскій академикъ Палласъ собралъ во время пребыванія въ Забайкальѣ и Монголіи любопытныя свѣдѣнія относительно географической картины Тибета [Pallas, Neue Nordische Beytraege, I Bd., II St., стр. 201—222 „Nachrichten von Tybet, aus Erzaehlungen tangutischer Lamen unter den Selenginskischen Mongolen" (эта глава была переведена въ 1808 г. Reuilly на французскій языкъ) и IV Bd. IX, стр. 271—308; однако, по отзыву де Рэнса, „Извѣстія" Палласа относительно Тибета не представляютъ большого интереса съ точки зрѣнія географіи страны. As. Centr., 40] и составилъ на основаніи переводовъ изъ тибетскихъ (напримѣръ: Мани бка'-'бум) и монгольскихъ источниковъ и личныхъ наблюденій и разспросовъ, помимо историческаго очерка буддизма, въ частности ламаизма въ Тибетѣ и Монголіи, также подробное описаніе современной организаціи и устройства тибетской церкви въ связи съ изложеніемъ деталей культа и его внѣшнихъ проявленій въ народной жизни, какъ они наблюдались имъ среди монголовъ [см. Pallas, Sammlungen historisch. Nachrichten ueber die mongolisch. Voelkerschaften durch..., часть II, имѣющая подзаглавіе: Sammlungen ueber Goetzendienst, Geistlichkeit, Tempel und aberglaubische Gebrauche der mongol. Voelkerschaften, hauptsaechlich die aus dem Tybet abstammende Fabellehre und damit verknuepfte Hierarchie, съ 22 листами изображеній ламайскихъ божествъ, предметовъ культа, внутренняго устройства ламайскихъ храмовъ и образцовъ тибетскаго письма].

Работы Чома де Корошъ и Шмидта дали толчекъ къ академическому изученію тибетскаго языка въ Европѣ, при чемъ продолжателемъ Шмидта въ Россіи явился Шифнеръ (о трудахъ его см. Bibl. B. I 737); во Франціи Фуко (Foucaux, тамъ же 733—735) и затѣмъ Feer (тамъ же 749—750) дали также много цѣнныхъ пере-

водовъ изъ тибетскихъ сочиненій. См. еще въ отдѣлѣ „Библіографія Тибета“, приложенномъ къ настоящему „Описанію“.

2) Корошъ умеръ 11 апр. 1842 г. Краткій біографическій очеркъ его былъ напечатанъ въ Р. М. 1864, стр. 385—386 среди біографій четырехъ другихъ венгерскихъ путешественниковъ, составленныхъ Kertbeny, подъ общимъ заглавіемъ: „Csoma, Jerney, Reguly, Duka und Vambery, 5 ungarische Reisende, welche die Ursitze der Ungarn aufzusuchen bemueht waren“, стр. 385—90. Однако, полная біографія Короша была издана лишь въ 1885 г. на англійскомъ языкѣ однимъ изъ указанныхъ путешественниковъ—Duka, подъ заглавіемъ: „Life and labours of Al. Csoma de Koros“, London; на средства Duka были отпечатаны въ Будапештѣ въ томъ же году сочиненія Короша, а для увѣковѣченія имени славнаго соотечественника учрежденъ имъ же при Будапештской Академіи особый фондъ для празднованія, какъ говоритъ „Revue Critique“ отъ 27 мая 1901 г., каждые 3 года памяти Чома де Корошъ особымъ академическимъ торжествомъ и изданіемъ труда по восточной филологіи. Первымъ изъ послѣдней серіи была работа графа Geza Kuun, „Ismereteink Tibetrol“ („Что мы знаемъ о Тибетѣ“) Будапештъ 1900, 80 стр., въ которой Тибетъ рисуется съ точки зрѣнія географической, исторической, религіозной и лингвинической на основаніи новѣйшихъ сочиненій касательно страны, въ особенности научныхъ результатовъ путешествій графа Сечени. Въ приложеніи графъ приводитъ въ арабскомъ текстѣ и венгерскомъ переводѣ мѣста, относящіяся до Тибета, изъ арабскихъ писателей, начиная съ Ибнъ-Хордадбеха (IX в.) до Абулгази (XVII в.).

3) Въ этомъ отношеніи наиболѣе примѣчательны работы Абель Ремюза (онъ занимался также изученіемъ тибетскаго языка, см. Recherches sur les langues tartares, и ламаизма [въ Mel. Asiat. и Journ. Asiat.], касаясь также вообще буддизма [Bibl. B. 728—29]; въ Nouv. Mel. Asiat., I онъ помѣстилъ выдержки изъ Ма-дуань-линя, сообщавшія свѣдѣнія о Тибетѣ и т. д.), Станислава Жюльена, посвятившаго рядъ работъ исторической географіи Центральной Азіи (Vie et voyages de Hiouen Thsang, Paris 1853 и Voyages des pelerins buddhistes [avec Memoire geographique de Vivien de S. Martin] 1857; Traduction du Sin-Kiang Tchi-lio въ Nouv. Ann. voyages. 1846 и т. д.), Біо и Потье. Надъ переводомъ отдѣльныхъ извлеченій и цѣлыхъ частей китайскихъ географическихъ сочиненій касательно различныхъ областей собственнаго Китая и его вассальныхъ владѣній, потрудился также рядъ выдающихся англійскихъ синологовъ первой половины XIX ст. (напр. Bridgman, Моррисонъ, Вельсъ Вилльямсъ и др.), помѣщавшихъ свои работы главнѣйше въ „Chinese Repository“, напр. уже въ I томѣ указаннаго журнала при подробномъ разборѣ китайской географической карты дается рядъ свѣдѣній и о Тибетѣ (горахъ, рѣкахъ, озерахъ и населеніи) на стр. 173—178.

4) Важнѣйшія же свѣдѣнія для разсматриваемой области далъ Клапротъ. Кромѣ нижепоименованнаго перевода Вэй-цзанъ-ту-чжи, Клапротъ въ 1826 г. напечаталъ во второмъ томѣ Magazin Asiatique, стр. 209—307, „Description du Sidzang ou Tubet, d'apres la grande geographie imperiale de la Chine et le Dictionnaire geographique de l'Asie centrale, publie a Peking en 1775". Перу того же автора принадлежатъ меньшія статьи и замѣтки касательно географіи Тибета, въ частности рѣки Яру Цзанъ-по въ Mag. Asiat. I, 1825, Journ. Asiat. VIII, 1826 и Mem. relat. a l'Asie, III, гдѣ проводится взглядъ на тождество Цзанъ-по ч'у съ верхнимъ теченіемъ Иравадди. Въ другихъ своихъ большихъ работахъ, напр. „Memoirs relatifs a l'Asie" и „Tableaux historiques", наконецъ „Asia Polyglotta", Клапротъ нерѣдко касался попутно и Тибета, его исторіи и обитателей, въ частности и географическихъ вопросовъ, связанныхъ съ Центральной Азіей.

Разработка китайскихъ географическихъ и иныхъ матеріаловъ о Тибетѣ, получившая особый толчекъ въ XIX стол., была начата уже въ XVIII стол. католическими миссіонерами въ Пекинѣ. Аміо, одинъ изъ первыхъ, далъ переводъ китайскихъ извѣстій о Тибетѣ (Си-фань) при Канъ-си въ 1696 г., напечатанный въ Memoires concernant les chinois, XIV, 1789 г., стр. 5—9 (Исторія составленія сборника свѣдѣній о чужеземныхъ народахъ, въ томъ числѣ и о тибетцахъ при Канъ-си), стр. 127—238 [очеркъ сношеній между Тибетомъ и Китаемъ 127—127 и 225—231; города и политическое дѣленіе Тибета 138 -148; текстъ надписи на камнѣ противъ воротъ Чжу кана (договоръ танскаго Му-цзуна съ Тибетомъ) 209—213; дорожные маршруты 213—266; мосты 216—217; храмы 219—225]; особое приложеніе (стр. 249—265) даетъ образцы въ вольномъ переводѣ просительныхъ посланій отъ тибетскихъ правителей и мѣстныхъ старшинъ къ китайскому императору и вообще китайскимъ властямъ. См. также Memoire sur le Thibet et sur le royaume des Eleuthes, nouvellement subjugue par l'Empereur de Chine, Lettres edif., edition 1781, t. XXIV, стр. 5—56 и Grosier, Descript. de la Chine, 1787, I, стр. 299 и дал. Упомянутое на стр. 39 сочиненіе Дю Гальда получило этимъ же путемъ большую часть свѣдѣній о Тибетѣ. Guignes, de „Histoire des Huns" (1736) содержитъ также многочисленныя географическія и историческія детали касательно Центр. Азіи, извлеченныя изъ китайскихъ сочиненій.

5) Description du Tubet, traduite partiellement du chinois en russe par le P. H. Bitchourin et du russe en francais par M. ***, soigneusement revue et corrigee sur l'original chinois, completee et accompagnee de notes par M. Klaproth. 1831, стр. 280 съ картами. Этотъ переводъ появился первоначально въ Nouv. Journ. As. IV, V и VI 1829—1830. Вас. Прил. Мат. кит. лит. 313 указываетъ, что переводъ Клапрота содержитъ, противъ перевода Іакинѳа, поправки, иногда и невѣрныя. Васильевъ, тамъ же, 313 (№ 38) читаетъ

Вэй-цзанъ-ту-ши (識 знать, понимать, быть знакомымъ); однако, Рокгиль даетъ чтенiе чжи (chih) согласно Giles Diction. 9928 [chih 4] въ смыслѣ „вспоминать".

6) Описанiе Тибета въ нынѣшнемъ его состоянiи, съ картою дороги изъ Чэнъ-ду до Хлассы. Переводъ съ китайскаго о. Iакинеа. СПБ. 1828, XXVI+223 стр. Тому же переводчику принадлежитъ и „Исторiя Тибета и Хухунора". С.-Петербургъ 1833, взятая изъ китайскихъ историческихъ сочиненiй.

7) Этотъ словарь см. Journ. As. IV (1829), стр. 304—324. „Вэй-цзанъ-ту-чжи" въ китайскомъ оригиналѣ служилъ предметомъ разбора Гюцлаффа въ Chin. Repos.,IX, May 1840, стр. 26—46. Въ послѣднемъ журналѣ было помѣщено нѣсколько другихъ статей и замѣтокъ относительно Тибета, между прочимъ перепечатка изъ J. A. S. B., Vol. I, 832 статьи Csoma de Koros: „Geographical Notice of Tibet".

8) Klaproth. Carte de l'Asie centrale, dressee d'apres les cartes levees par ordre de l'empereur Khian-Loung, par les missionnaires de Pe-King, et d'apres un grand nombre de notions extraites et traduites de livres chinois, par M. J.... 1836.

Картографiя Азiи вообще составляла предметъ долголѣтнихъ изысканiй Клапрота, который еще въ 1826 г. напечаталъ „Observations sur la carte de l'Asie publiee en 1822 par M. Arrowsmith".

98. 1) Humboldt, L'Asie Centrale.

2) Huc, Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les annees 1844, 1845 et 1846, 2 тома, см. Launay, цит. соч. I 53—63 (на стр. 53 весьма лестный отзывъ относительно литературной стороны „воспоминанiй").

Отчетъ о посѣщенiи Тибета Гюкомъ и Габе былъ напечатанъ въ Annales de l'Assoc. de la Propagation de la foi, Lyon, XX, 1848 стр. 223—40 и 241—51.

3) Гюкъ и Габе, „Путешествiе черезъ Монголiю въ Тибетъ къ столицѣ Тале-ламы", 1866. Библiографическiй перечень книгъ и статей, посвященныхъ этому путешествiю, равно какъ различныхъ изданiй и переводовъ „Воспоминанiй" (въ послѣднемъ отношенiи очень неполный; не указаны, напримѣръ, русскiя изданiя и статьи (кромѣ одной), помѣченныя у Межова, Библiографiя Азiи) см. у Bibl. B. III 2119—2121.

4) Отзывъ Ольденбурга о Гюкѣ и Габе см. Журн. М. Н. Просв., ноябрь 1904, стр. 137.

99. 1) L. 125—126 и въ другихъ мѣстахъ той же книги.

Не признавая (Athenaeum, 18 авг. 1877) въ Гюкѣ „excellent sinologue", какъ выразился одинъ французскiй писатель по китайскимъ вопросамъ, поставившiй его наравнѣ съ Потье и Wylie, Yule не отрицаетъ, что онъ былъ смѣлымъ и выдающимся путешественникомъ и авторомъ одного изъ восхитительнѣйшихъ описанiй путе-

шествій, когда-либо появлявшихся въ свѣтъ. Напротивъ, его позднѣйшіе „труды"—„L'empire chinoise" и „Christianisme en Chine" стоятъ неизмѣримо ниже, не обладая сколько-нибудь серіозными достоинствами. Подробный отзывъ о Гюкѣ см. въ предисловіи Yule къ переводу Д. Моргана „Путешествій Пржевальскаго", гдѣ Yule защищаетъ Гюка отъ нападокъ этого послѣдняго.

Горячимъ защитникомъ Гюка выступилъ принцъ Генрихъ Орлеанскій въ двухъ статьяхъ: „Le pere Huc et ses Critiques. Revue francaise de l'etranger et des Colonies (1-er octobre 1891) и „Les missionnaires francais au Thibet" (Correspondent, 1891). Бонвало въ „A travers le Thibet inconnu" (Tour du Monde 1891, 2 part. стр. 102) признаетъ, что всѣ факты, сообщаемые Гюкомъ, безусловно точны. Гольдичъ также очень высокаго мнѣнія объ Гюкѣ, по крайней мѣрѣ, при оцѣнкѣ заслугъ Рокгиля указываетъ, что „знаніе американскаго изслѣдователя китайскаго и тибетскаго языка ставитъ его почти наравнѣ съ Гюкомъ въ качествѣ авторитетнаго первоисточника въ вопросахъ относительно религіи и литературы страны". H. 174.

Milloue (Bod-yul, 11) полагаетъ, что, признавая справедливость всѣхъ доводовъ въ пользу правдивости разсказа Гюка, европейскій критикъ долженъ принимать отдѣльные факты его сообщеній съ большой осторожностью, т. к. авторъ „Воспоминаній" во многихъ случаяхъ высказываетъ черезчуръ наивную довѣрчивость къ свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, а въ другихъ—достаточное незнаніе трактуемаго предмета, и нерѣдко поддается естественному искушенію передать, какъ лично видѣнное, то, о чемъ онъ только слышалъ (напримѣръ, описаніе Лхасы не показываетъ, что авторъ видѣлъ самъ городъ внутри, и скорѣе даетъ поводъ думать, что миссіонеры не пошли далѣе воротъ столицы).

Въ пользу общей достовѣрности разсказа Гюка говоритъ то обстоятельство, что Шлагинтвейтъ встрѣтилъ въ Бутанѣ ламу, который жилъ въ Лхасѣ во время пребыванія 2 французскихъ миссіонеровъ (Schl. 63).

Весьма полезной попыткой облегчить пониманіе отдѣльныхъ мѣстъ „Воспоминаній" явились Janschk „Erlaeut. Bemerk. zu den in Hucs Souvenirs etc. vorkommenden tibetischen Wortern und Namen" (Zeitsch. deut. Morg. Ges. XXIV, Leipzig 1870).

Дополненіемъ къ этой статьѣ можетъ служить рядъ примѣчаній въ подлежащихъ случаяхъ въ L. и Diary.

2) Однако, Рокгиль признаетъ (L. 126) ихъ замѣтки касательно обычаевъ и нравовъ обитателей посѣщенныхъ мѣстностей неоцѣнимыми.

Нѣсколько любопытныхъ страницъ въ разсказѣ Гюка касается пріемовъ китайцевъ въ обращеніи съ тибетцами.

Гюкъ тщательно проштудировалъ ученіе буддизма передъ отправленіемъ въ Тибетъ, чтобы подготовиться къ будущимъ теологическимъ диспутамъ, но ему не пришлось примѣнить на дѣлѣ свои

познанія, по крайней мѣрѣ, въ Монголіи, гдѣ онъ не встрѣтилъ ни одного серіознаго оппонента (всѣ ссылались на западъ—Лхасу, какъ на источникъ и средоточіе религіознаго свѣта). H. 129.

70. 1) Какъ указываетъ S. 10, эта мѣстность представляетъ наиболѣе уязвимый участокъ въ линіи пограничной охраны тибетской территоріи, т. к. отсюда одинъ изъ многочисленныхъ переваловъ округа Пуранъ, предпочтительно Липулек или Манъ-шанъ, открываетъ удобный доступъ въ мѣстность на югъ отъ озеръ Мапанъ и Ланъ-гак. Впрочемъ, съ этой стороны тибетской границы расположенъ какъ-разъ оборонительный пунктъ Такла-к'аръ, который тщательно избѣгался иностранными путешественниками, тѣмъ болѣе, что окрестное населеніе отличалось во всѣ времена въ большей степени враждою къ иностранцамъ и буйнымъ нравомъ, чѣмъ свойственно вообще населенію Тибета. Послѣ братьевъ Стрэчи и Томсона въ началѣ 40—50 г.г. этимъ путемъ прошли въ Тибетъ въ 1877 г.—Ryall, въ 1896 г.—Сэвэджъ Лэндоръ и въ 1905 г.—Шеррингъ.

Перевалъ Липу лек, расположенный рядомъ съ мѣстомъ встрѣчи границъ Непала, Тибета и Британской территоріи, является самымъ легкимъ изъ трехъ главныхъ переваловъ, ведущихъ изъ Кумаона въ Тибетъ, несмотря на 16,780 футовъ, возвышенія настолько легкимъ, что можно проѣхать безъ труда въ одинъ день 26 англ. миль, раздѣляющихъ Гарбянъ, важный торговый и политическій центръ въ Кумаонѣ, и Таклакот, въ долинѣ Карнали. Фотографія подъема на перевалъ дается у Sher. стр. 143; самый перевалъ снятъ на фотографіяхъ на стр. 148 и 151 (гребень перевала), фотографія же спуска въ Тибетъ на стр. 160 и 164.

Указанный перевалъ Липулек проходимъ, хотя съ нѣкоторымъ трудомъ, даже зимою, что представляетъ большое преимущество. Однако, паломники охотно пользуются и болѣе центральнымъ переваломъ и самымъ труднымъ изъ трехъ—Унтад'ура (отъ Милам), такъ какъ это позволяетъ имъ вернуться инымъ маршрутомъ черезъ Липу лек, двигаясь, слѣдовательно, по направленію слѣва на право—важное соображеніе въ глазахъ вѣрующихъ. Наконецъ, третій перевалъ—Нити—наиболѣе западный изъ всѣхъ трехъ—удобенъ для паломниковъ, предварительно желающихъ посѣтить священное мѣсто Бадринат въ Кумаонѣ. (Sher. 149—150).

2) Иногда имя Хундес прилагается пограничными обитателями Индійской территоріи въ болѣе узкомъ смыслѣ къ крайнему западному углу Гуге.

71. 1) См. маршрутъ этого путешествія Г. Стрэчи на картѣ прилож. къ G. февр. 1900. Описаніе его A. S. B. XVII (2).

2) Thomson, Western Himalaya and Tibet, 1848—8, London 1852.

Jackemont, французъ, собиравшій коллекціи въ Британской Индіи для Королевскаго Музея въ Парижѣ, былъ первымъ европе-

скимъ натуралистомъ, изслѣдовавшимъ Ладак въ ботаническомъ отношеніи, именно въ 1830 г.; слѣдуя отъ Симлы въ сѣверо-восточномъ направленіи вверхъ по долинѣ Сетледжа, онъ перешелъ подъ 32° с. ш. границу Собственнаго Тибета, но вскорѣ былъ остановленъ и вернулся обратно (Bretschn. Hist. bot. discov. 802).

3) Cunningham, „Ladak, physical, stat. and hist." London 1854.

62. 1) Strachey, Physical geography of West. Tibet, London

2) G. J. 1900, Apr. 395—6 стр. съ рис.

3) Путевой дневникъ Стрэчи полностью былъ напечатанъ лишь въ 1900 году въ февр., март. и апр. книжкахъ G. J. за этотъ годъ съ картою.

63. 1) Маршрутъ совмѣстнаго путешествія братьевъ Стрэчи нанесенъ на вышеуказанной картѣ.

2] „Tibetan Grammar", 2 ed. by Wenzel, London 1883. Tibetan-english Dictionary London 1881 [литогр. англ. изданіе вышло уже въ 1866 и нѣмецкое 1871]. Перечень другихъ работъ Ѣшке по различнымъ вопросамъ, связанныхъ главнымъ образомъ съ тибетской лингвистикою и литературою, см. въ отдѣлѣ „библіографіи" настоящаго „Описанія".

Heyde вмѣстѣ съ Сандбергомъ просмотрѣлъ и издалъ словарь Саратъ Чандра Даса въ 1902 г. „Tibetan-English dictionary with sanscrit synonyms"; ему же принадлежитъ значительная доля участія въ переводѣ Священнаго Писанія на тибетскій языкъ.

Изъ новѣйшихъ представителей Ладакской миссіи наиболѣе выдающимся (въ смыслѣ ученаго лингвиста) является A. Francke.

3] Франц. переводъ въ III томѣ Annal. Mus. Guimet.

4] Sitz. Bayr. Akad. Wiss. 1866. Ему же принадлежитъ нѣсколько другихъ статей касательно тибетской литературы, напр. перечень тиб. рукописей въ библ. въ Штутгартѣ [тамъ же 1904].

5] Власти въ Лаптел помѣшали путешественникамъ привести въ исполненіе задуманный ими планъ посѣщенія Священныхъ озеръ.

64. 1] Описаніе указанныхъ путей [нанесенныхъ на приложенную карту пройденной страны] дается въ III томѣ Reisen in Indien und Hoch-Asien на стр. 63—93 (о Гартокѣ [его географ. положенія, верховьяхъ Инда, самомъ городѣ] стр. 77—80, монастырѣ Маньнанъ 83—84 стр.; Тотлинъ 88—90). Описанію маршрутовъ предшествуютъ топографич. и гидрографич. обзоръ страны, очеркъ провинціальн. дѣленія, равно какъ характеристика сношеній съ Китаемъ Тибета и въ частн. пров. Н'ари К'орсум на стр. 1—62, а на стр. 93—101 приводятся пути пандитовъ и горные профили въ центральной части страны.

2] Тамъ же стр. 162—177.

65. Многочисленныя метеорологич. наблюденія были положены въ основу общей характеристики климатическихъ условія въ западномъ Тибетѣ и прилегающихъ тибетскихъ областяхъ Индійской имперіи [тамъ же 308—335 подъ общимъ заглавіемъ „Тибетскій кли-

мать"]. Многочисленныя этнографическія наблюденія надъ тибетскими обитателями Ладака собраны въ особую главу подъ заглавіемъ „Этнографическ. характеръ Ладака" [тамъ же, стр. 284—307].

2] New edition, 1855 мал. 8°, съ многочисленн. рисунками, въ томъ числѣ изображеній различн. предметовъ тибетскаго обихода и быта и нѣкоторыхъ тибетскихъ животныхъ. Краткая біографія Хукера дается въ Bretschn. Hist. Eur. bot. discov. 813—814.

Кемпбель [Campbell], бывшій коммисаръ [Superintendent] Дарджилина, безуспѣшно пытавшійся вмѣстѣ съ Хукеромъ перейти въ Чумби черезъ Чола [подробности этой попытки даются въ Him. Journ. II] вслѣдствіе отказа китайскаго чиновника, сопровождавшагося военнымъ конвоемъ, пропустить ихъ на тибетскую территорію, помѣстилъ въ J. A. S. VII [1874], стр. 135—139 краткое описаніе долины [„Note on the valley of Choombi"] на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ купцовъ и чиновниковъ свиты Сиккимскаго раджи, проводившаго въ долинѣ ежегодно время съ мая по ноябрь. Дороги, ведущія въ Чумби изъ Дарджилина и Лхасы, были описаны имъ же много раньше въ Journ. As. S. of Calcutta.

66. 1] Him. Journ. стр. 176—180.

*) Bretschneider, Hist. Bot. discov. посвящаетъ особый отдѣлъ стр. 794—812 исторіи англійскаго ботаническаго изслѣдованія Китайскаго Туркестана и Тибета, начиная съ Джонсона въ 1865 г. вплоть до Боуера, Литтльделя, Велльби и Дези, упоминая также на стр. 813—814 о работахъ Хукера.

Помимо указанныхъ лицъ, тибетской ботаникою интересовался въ Европѣ цѣлый рядъ ученыхъ, изъ нихъ въ Англіи главнымъ образомъ Helmsley, во Франціи—Франше и въ Россіи—Максимовичъ. Біографическія данныя относительно W. B. Hemsley, съ перечнемъ его работъ по ботаникѣ восточной Азіи, въ частности Тибета, до 1896 г. включительно, приводятся въ Bretschn. цит. соч., 820—823. Подробный перечень работъ Франше также по ботаникѣ восточной Азіи, въ частности Тибета, приводится тамъ же 936—940. Работы представителей С.-Петербургскаго Ботаническаго сада, въ особенности Максимовича по научному описанію ботаническихъ коллекцій русскихъ путешественниковъ по центральной Азіи, въ томъ числѣ и Тибету, и восточной Азіи, указываются тамъ же 1062—1077.

2] W. L. 20.

68. 1] Какъ люди съ нѣкоторымъ образованіемъ они сдѣлались извѣстны въ литературѣ подъ именемъ пандитовъ, что значитъ —образованный человѣкъ, съ прибавленіемъ условныхъ знаковъ.

69. 1) Свѣдѣнія о пандитахъ проникли въ европейскую литературу черезъ Reports on the operations of the Great Trigonometrical Survey of India, хотя подлинные отчеты ихъ, будучи секретными, публиковались лишь отрывками. Очень важенъ для ознакомленія съ ихъ дѣятельностью Holdich, Report of the explorations in Sikkim, Bhutan and Tibet from 1856 до 1886, вып. въ 1889. Другія

изданія, связанныя съ изслѣдованіями пандитовъ въ Тибетѣ, будутъ указаны въ отдѣльности ниже или подробно перечислены въ отдѣлѣ „Библіографіи".

Маршруты путешествій пандитовъ подробно излагаются въ D. de Rhins, Asie Centrale (напримѣръ, въ главахъ XIV, XV и XXVI [послѣдняя озаглавлена спеціально: „Путешествія пандитовъ въ западномъ Тибетѣ, на сѣверъ отъ Цзанъ-по"] и XXVII [тоже на югъ отъ Цзанъ-по; см. еще тамъ же стр. 72—77).

Можно только пожалѣть въ интересахъ европейской публики, удѣлявшей достаточное вниманіе Тибету, что лучшіе и важнѣйшіе изъ отчетовъ туземныхъ агентовъ, до послѣдняго времени отмѣченные запретительной надписью: „Strictly confidential [строго конфиденціально]", не увидѣли свѣта, такъ какъ сами составители писали ихъ не для себя и не помышляли о широкой извѣстности. Единственный уроженецъ Индіи, писавшій отъ себя лично—Чандрадасъ, ничего не говоритъ о странѣ въ цѣломъ, за предѣлами ограниченнаго и хорошо извѣстнаго раіона южнаго Тибета. H. 261. Съ этимъ отзывомъ Гольдича относительно истиннаго значенія работъ Чандрадаса врядъ ли можно согласиться. Не слѣдуетъ забывать, что какъ-разъ благодаря этому обстоятельству (т. е. сравнительной ограниченности площади посѣщеннаго раіона) Чандрадасъ могъ ближе ознакомиться съ интимной жизнью населенія, и потому его отчеты являются однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для изученія тибетскаго быта.

Болѣе основательнымъ представляется другое замѣчаніе Гольдича по поводу научной оцѣнки результатовъ изслѣдованій пандитовъ. Какъ справедливо указываетъ упомянутый авторъ, умъ азіата лишенъ въ значительной мѣрѣ воображенія и едва ли способенъ схватить методъ и задачи европейскаго изслѣдованія. То, что представляется азіату слишкомъ извѣстнымъ, чтобы нуждаться еще въ поясненіи, нерѣдко является какъ-разъ наиболѣе характерной чертою народа въ глазахъ европейца; съ другой стороны, когда азіатъ описываетъ физическія условія страны, то его впечатлѣнія черезчуръ отражаютъ ощущенія усталаго путешественника, выполняющаго порученную ему однообразную работу изслѣдованія. Поэтому, очерки пандитовъ, при всей ихъ цѣнности, не въ состояніи замѣнить личныя наблюденія европейскаго изслѣдователя, въ чьихъ глазахъ самый непривѣтливый ландшафтъ оживаетъ въ надлежащемъ научномъ освѣщеніи или въ качествѣ новаго шага на пути къ намѣченной цѣли.

70. 1) Эту часть пути пандитъ прошелъ по притоку Цзанъ-по—р. Рака, идущей въ восточномъ же направленіи и параллельно главной рѣкѣ, представляя тѣмъ самымъ одно изъ немногихъ исключеній въ этомъ отношеніи въ области бассейна Цзанъ-по, такъ какъ своеобразной чертою гидрографической системы указанной рѣки является то, что всѣ ея главные притоки обнаруживаютъ склонность течь въ

направленіи, противоположномъ къ теченію главной рѣки. Полковникъ Burrard „Report of the Board of Scientific Advice for India, 1905—1906) объясняетъ это явленіе догадкою, что не въ очень отдаленномъ прошломъ Цзанъ-по протекала съ востока на западъ вдоль теперешней долинной борозды, когда и образовались указанные большіе притоки. Впослѣдствіе, по предположенію Буррарда, рѣка образовала большое озеро въ юго-восточномъ Тибетѣ, и послѣднее, переливаясь черезъ южныя горныя гряды, постепенно создало ущелье въ нихъ для выхода рѣки. Аналогичный процессъ наблюдается нынѣ въ Кашмирѣ въ отношеніи р. Jhelum, пробивающей такимъ образомъ себѣ путь черезъ цѣпь Пир-Пурджал.

2) Разстояніе 85 миль; самъ же пандитъ слѣдовалъ по сухопутной дорогѣ ради производства съемки.

71. 1) См. обработку отчета въ Р. М. XIV, 276 и 288 стр.

72. 1) См. Н. 240—245. Лагерь золотоискателей въ Т'ок Джалунъ въ пору посѣщенія Наинъ Сингомъ въ 1867 г. былъ расположенъ въ широкой пустынной равнинѣ, окруженной обнаженными горами, въ видѣ безпорядочно разбросанной массы палатокъ. Золото получалось изъ аллювіальной почвы посредствомъ устройства неглубокихъ траншей (10 ф.), насколько тибетцы могли достать со своими лопатами съ длинными рукоятками; въ траншею проводилась вода изъ ручья съ сосѣднихъ горъ, служившая для промывки золотоносной почвы (подр. Н. 242). Добыча золота въ то время была значительна, и подчасъ дѣлались богатыя находки. Кругомъ Т'ок Джалунъ, въ дѣйствительности на всемъ пути до Лхасы, видны остатки заброшенныхъ золотыхъ розсыпей.

Сами золотые пріиски Т'ок Джалунъ являются нынѣ уже истощенными. Большинство золотоискателей изъ окрестностей Шигацзе. Нерѣдко они копаютъ землю въ той же позѣ, какъ спятъ, именно, стоя на колѣняхъ и локтяхъ. Эта поза (ровно какъ вѣроятное пользованіе для цѣли рытья рогами антилопы) и присутствіе гигантскихъ черныхъ собакъ, съ бѣлыми пятнами на груди, которыхъ видѣлъ Наинъ Сингъ у палатокъ золотоискателей, подали, вѣроятно, поводъ къ возникновенію легенды о муравьяхъ, копающихъ золото, о которыхъ говоритъ Геродотъ.

74. 1) Извѣстнаго лишь по съемкѣ двухъ тибетскихъ ламъ въ началѣ XVIII столѣтія.

77. 1) Любопытно, что Стрэчи (G. J., 1900, March 244—5) производитъ имя камба Бжянъ-т'ана не отъ названія провинціи К'ам, но отъ слова кямпо (пиш. 'к'іамс-па-по), что значитъ бродяга-кочевникъ и прилагается цивилизованными тибетцами къ болѣе дикимъ обитателямъ южной полосы Бжянъ-т'ана вдоль Н'ари и Уй-цзанъ. Они нерѣдко производятъ набѣги внутрь Гуге.

78. 1) S. E. 158.

80. 1) Р. М.

2) тамъ же; общія свѣдѣнія объ этомъ путешествіи см. Holdich, Report of the explorations in Sikkim, Bhutan and Tibet from 1856 to 1886. Dehra Dun 1889.

81. 1) Воспроизведенную въ меньшемъ масштабѣ въ Р. М. 1885, карта № 1. На ней, кромѣ маршрута А. К., нанесены также для удобства сравненія маршруты Пржевальскаго, экспедиціи графа Сечени, французскихъ миссіонеровъ Дегодина и Дюрана, Джиля, Наинъ Синга и N—m—g (послѣдній въ 1878 г. спустился по Цзанъ-по на 300 миль отъ Цзет'ана до Гжяла Сендонъ, пункта немного ниже рѣзкаго поворота рѣки на юго-востокъ подъ 94°; онъ же прослѣдилъ замѣчательный изгибъ рѣки къ сѣверу; при всей достовѣрности этихъ фактовъ, N—m—g нельзя было назвать, однако, сколько-нибудь надежнымъ наблюдателемъ).

82. 1) Время, проведенное А. К. въ Лхасѣ, не осталось безъ пользы для дѣла, т. к. наряду съ торговыми операціями, которыя служили пандиту прикрытіемъ отъ подозрительныхъ взоровъ ламъ, онъ успѣлъ снять планъ города, со всѣми храмами, монастырями и дворцомъ Бодала.

85. 1) 33° 47' с. ш., 96° 28' в. д.

2) Дорогу между Да-цзянь лу и Батаномъ прошли уже Джиль, экспедиція графа Сечени, Дегодинъ и др.

86. 1) Исторію этого спора, равно какъ окончательнаго рѣшенія даннаго вопроса, даетъ S. E. глава IX стр. 248—260. См. также S. стр. 90—93.

88. 1) Какъ топографъ, А. К. оказался лучшимъ изъ всѣхъ туземныхъ топографовъ индійскаго правительства; его измѣренія отличаются поразительной точностью и почти совпадаютъ съ цифрами Пржевальскаго въ точкахъ соприкосновенія, хотя маршруты обоихъ отстояли въ другихъ мѣстахъ на сотни миль одинъ отъ другого по самой трудной мѣстности въ мірѣ.

89. 1) Вплоть до Гжяла Сенъ-донъ К. Р. шелъ болѣе или менѣе извѣстной по прежнимъ путешествіямъ пандитовъ дорогою вдоль Цзанъ-по, большей частью по южному берегу, не встрѣтивъ большихъ физическихъ трудностей. По дорогѣ попадались черезъ промежутки селенія и „дзоны", съ довольно широкими участками земли, доступной обработкѣ. Съ поворотомъ рѣки на юго-востокъ за Гжяла Сенъ-донъ долина стѣсняется горами, которыя въ 25 миляхъ ниже порождаютъ въ рѣкѣ рядъ пороговъ и водопадовъ; несмотря на суженіе долины, оказывается возможнымъ слѣдовать довольно близко къ рѣкѣ по лѣвому берегу до пункта въ 5 миляхъ выше главнаго водопада Синд-и-ч'о(с)-гжял. Въ двухъ миляхъ ниже послѣдняго начинается многопосѣщаемая дорога, идущая отъ деревни къ деревнѣ вплоть до рынка Мири Падам. На правомъ берегу имѣются также дороги, нѣкоторыя въ довольно близкомъ разстояніи къ рѣкѣ, соединяющія болѣе крупныя селенія, въ томъ числѣ главный городъ округа Пома Коич'ен, какъ-разъ выше водопадовъ. Ниже во-

допадовъ дорога съ лѣвой стороны переходитъ по мосту на правый, но продолженіе ея слѣдуетъ по тому же лѣвому берегу, какъ сказано выше, до Мири Падамъ который, повидимому, доступенъ лишь съ этой стороны рѣки. Напротивъ, по правому берегу дорога продолжается отъ моста на 40 миль среди селеній и полей и затѣмъ, повидимому, прерывается. Характеръ дороги тотъ же, что и всякой другой дороги въ Бутанѣ или восточныхъ Гималаяхъ, т. е. это—тропа, поднимающаяся послѣдовательно на горные выступы и снова опускающаяся на промежуточныя ровныя пространства. Единственный перерывъ въ ихъ протяженіи обусловленъ ближайшимъ окрестнымъ раіономъ водопадовъ. Послѣдніе почитаются священными и привлекаютъ многочисленныхъ паломниковъ. (Н. 218—219).

Дойдя до Пома Кои-ч'ен, К. Р. долженъ былъ вернуться обратно къ повороту въ виду того, что на правомъ берегу дороги не оказалось, и въ городѣ Тонъ-жук дзонъ, въ 15 миляхъ на сѣверовостокъ отъ поворота рѣки, былъ задержанъ дзонъ-поне̂мъ и проданъ своимъ спутникомъ—китайскимъ ламою, измѣнившимъ ему и индійскому топографическому бюро—въ рабство. Только 7 марта 1882 г. К. Р. успѣлъ бѣжать (послѣ 10-мѣсячнаго пребыванія въ городѣ) и добрался до Марпунъ, въ 50 миляхъ отъ поворота Цзанъ-по, ниже по теченію, переходя съ одного берега на другой съ помощью веревочныхъ мостовъ, состоящихъ изъ каната съ движущейся по нему петлею. Въ монастырѣ Марпунъ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ снова на положеніи раба, только у новаго хозяина—настоятеля, послѣ чего получилъ разрѣшеніе отправиться въ паломничество, чѣмъ воспользовался для замѣчательнаго путешествія въ Лхасу черезъ городъ Цза-ри, доказавъ существованіе дороги въ столицу внѣ долины Цзанъ-по. Обратно изъ Лхасы онъ прошелъ черезъ Конъбу, гдѣ нашелъ плодородную почву и многолюдныя селенія, въ тотъ же монастырь Марпунъ, гдѣ пробылъ еще годъ на службѣ, послѣ чего былъ отпущенъ на волю и могъ привести въ исполненіе планъ съ брусками, заготовленныхъ имъ уже годъ тому назадъ. Онъ могъ пройти лишь до Онлет, расположеннаго близъ Мири Падам, въ 35 миляхъ отъ Ассама, уже внѣ неопредѣленной политической границы Тибета, т. к. далѣе не былъ пропущенъ старшиною мѣстнаго полу-дикаго населенія, и принужденъ былъ вернуться обратно въ Лхасу и Дарджилинъ, куда прибылъ въ ноябрѣ 1884 г., послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Подобное настойчивое упорство въ достиженіи намѣченной цѣли, присущее вообще монгольскому характеру и въ особенности тибетскому, а слѣдовательно и проявившееся у пандитовъ, въ которыхъ была сильна примѣсь тибетской крови, принесло въ лицѣ К. Р., уроженца Сиккима, не менѣе полезные и цѣнные результаты, чѣмъ въ лицѣ большинства другихъ пандитовъ. (Подр. этого путешествія въ Н. 216—223, на основаніи упомянутаго „Report“ Дерадунскаго топографическаго бюро 1889 г.).

90. 1) S. E.

Needham въ 1885—86 изслѣдовалъ долину Лохита вплоть до Рима въ нижнемъ Дза-іул и понынѣ является единственнымъ европейцемъ, проникшимъ такъ далеко внутрь страны Мишми: Рима находится въ 150 миляхъ отъ Садія. Рима, Мири Падам и Даванъ являются тремя пунктами важнаго географическаго значенія и одинаково недоступными для европейскаго изслѣдователя. Благодаря пандитамъ изслѣдованіе путемъ черезъ Даванъ и Рима было сомкнуто, но Мири Падам, важнѣйшій изъ трехъ, понынѣ не посѣщенъ со стороны Ассама, оставляя пробѣлъ въ 35 миль по линіи изслѣдованія; такимъ образомъ, Мири Падам является ключемъ къ неизвѣстной части теченія Цзанъ-по внутри Гималаевъ.

2) Съ добавочными, главнымъ образомъ, бытовыми фотографіями.

91. 1) Среди большинства авторовъ (S. E., W. L. и т. д.) и библіографическихъ указателей (напр. Luzac Oriental List), этотъ изслѣдователь называется просто Дасъ, какъ и принято нами въ видахъ удобства краткости, хотя правильнѣе было бы писать Чандра Дасъ (какъ пишетъ Деникеръ и Грюнведель, соединяя даже въ одно слово Chandradas), если не полностью: Саратъ Чандра Дасъ.

Біографія Чандра Дасъ по Рокгилю въ предисловіи къ „Journey to Lhassa", см. русскій переводъ Котвича, Ч. стр. XXXVIII—XLIII.

92. 1) Таши лама сохранялъ по традиціи дружескія чувства къ Индіи со времени Богля и Тэрнера; однако, лишь въ 1904 г. при пріемѣ О'Коннора и другихъ англійскихъ офицеровъ, сдѣлавшихъ визитъ ему въ Дашіихлунбо, онъ могъ выказать эти чувства на дѣлѣ. См. описаніе этого англійскаго посѣщенія у Magniac въ „XIX Century" Febr. 1906, стр. 258—270.

2) Біографическія данныя относительно Уджѣн Гжяц'о см. въ Ч. XLIII—XLIV.

93. 1) Наиболѣе цѣнныя изъ привезенныхъ Чандра Дасомъ въ это и второе путешествіе, санскритскихъ и тибетскихъ, книгъ были изданы имъ, нѣкоторыя съ помощью Уджѣн Гжяц'о, и легли въ основаніи цѣлаго ряда статей историческаго и филологическаго содержанія, главнѣйше въ Journal и Proceedings of Asiat. Soc. of Bengal, но также и въ другихъ журналахъ. См. подробный перечень ихъ въ отдѣлѣ библіографіи.

95. 1) Выдержки изъ отчетовъ Даса, касавшіяся этнологіи Тибета, были опубликованы въ іюльской книжкѣ Contemporary Review за 1890 г. Гольдичъ, какъ указывалось уже выше, держится нѣсколько отрицательнаго взгляда на значеніе работъ Чандра Даса, что подтверждается еще его слѣдующимъ отзывомъ:

„Чандра Дасъ не былъ географомъ и ничего не прибавилъ къ нашему картографическому знакомству со страною; онъ даже не зналъ въ точности, по какому перевалу вступилъ въ Тибетъ, пока это не было указано ему Фрешфильдомъ; поэтому онъ не можетъ

быть поставленъ наравнѣ съ систематическими изслѣдователями и топографами, работавшими въ Тибетѣ“ (Н. 227).

96. 1) Въ 1904 г. благодаря стараніямъ О'Коннора это несправедливое рѣшеніе было отмѣнено. Magniac, цитир. статья 265.

2) W. L. 7—9.

3) Онъ же собиралъ ботаническія коллекціи.

4) См. свѣдѣнія объ этомъ путешествіи и замѣтки, собранныя Уджѣн Гяц'о относительно бонбоской религіи и службы въ упомянутомъ монастырѣ, у Ч. 265—275.

97. 1) Подобная значительная разница въ уровнѣ обоихъ озеръ въ дѣйствительности не существуетъ.

2) Ч. 175.

3) S. стр. 59 доказываетъ физическую невозможность подобнаго явленія путемъ нагляднаго сопоставленія высотъ уровней Цзанъ-по и Ямдок ц'о.

98. 1) S. E. 193.

2) Тамъ же 194.

99. 1) Подробности путешествія см. Н. 247—260. На стр. 247 отмѣчается, что въ подлинныхъ отчетахъ Уджѣн Гяц'о, составленныхъ съ его словъ Гольдичемъ, заключалось много цѣннаго матеріала, не увидѣвшаго понынѣ свѣта.

100. 1) Счетъ шаговъ являлся безусловно необходимымъ для измѣренія разстояній, такъ какъ опредѣленіе долготы путемъ наблюденій надъ луною и звѣздами не входило въ кругъ техническихъ познаній пандитовъ.

101. 1) Отдѣльныя описанія путешествій Пржевальскаго будутъ указаны ниже. Общая сводка ихъ въ болѣе удобной формѣ составлена весьма умѣло Зеленинымъ, „Путешествія Пржевальскаго“ Прил. къ журналу „Природа и Люди“ за 1900 г., изд. Сойкина, въ серіи „Всемірный путешественникъ“. См. отзывъ Роборовскаго въ Изв. 1901, 230—232.

Общій обзоръ путешествій Пржевальскаго дается у Bretschn. Hist. Bot. Disc. 959—967; стр. 969—992 посвящаются ботаническимъ открытіямъ Пржевальскаго и его помощниковъ по путешествіямъ, причемъ ими было доставлено также множество сѣмянъ, изъ которыхъ былъ выращенъ рядъ новыхъ интересныхъ растеній въ С.-Петербургскомъ и европейскихъ ботаническихъ садахъ.

102. 1) Описаніе путешествія было издано Пржевальскимъ въ 1876 г. подъ заглавіемъ „Монголія и страна Тангутовъ“. Первый томъ даетъ изложеніе общаго хода экспедиціи и важнѣйшихъ ея научныхъ результатовъ. Второй томъ посвященъ главнымъ образомъ описанію зоологическихъ коллекцій, съ 20 раскрашенными и 11 простыми таблицами.

Первый томъ былъ переведенъ на англійскій языкъ E. Delmar Morgan, съ введеніемъ и примѣчаніями полковника H. Yule (1876 г.); существуютъ также французскій и нѣмецкій переводы.

Смотри относительно англійскаго и нѣмецкаго переводовъ Межовъ, Библіогр. Азіи, I, № 2809 и 2867, и Bibl. B.

2) Нанесеніе на карту этой мощной горной цѣпи системы Куэньлуня рѣзко измѣнило извѣстный до того времени въ европейской наукѣ горный рельефъ Центральной Азіи.

3) Въ Тибетъ экспедиція не проникла только потому, что мѣстныя власти Якубъ-бека и затѣмъ китайцы въ Гученѣ упорно отрицали существованіе прямого пути отъ Лобнора или Хами въ Тибетъ, хотя Палладій въ изслѣдованіи „О торговыхъ путяхъ въ Китаѣ“ (Зап. Имп. Геогр. Общ. 1850) настаивалъ на этомъ обстоятельствѣ, и его слова подтверждаются данными китайскихъ источниковъ.

104. 1) Yagara Рокгиля. Diary 249 прим.

2) См. переписку по этому поводу между русскимъ и китайскимъ правительствами еще до вступленія Пржевальскаго на тибетскую территорію у Дубровина, Н. М. Пржевальскій, СПБ. 1880, стр. 321; приводится и у Зеленина т. II, стр. 101—103.

3) Эти 25 верстъ были сняты на карту Пржевальскимъ во время четвертаго путешествія, такъ что ему принадлежитъ честь установленія точныхъ размѣровъ и очертаній озера.

105. 1) Здѣсь экспедиція подверглась нападенію шайки 300 разбойниковъ-голоковъ изъ Амдо, но благополучно отбила ихъ натискъ; тѣмъ не менѣе это обстоятельство повліяло на прекращеніе дальнѣйшаго движенія къ югу.

106. 1) „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобноръ по бассейну Тарима“. СПБ. 1888.

Нѣмецкій переводъ „Третьяго путешествія въ Центральную Азію“ (сдѣланный Stein Nordheim) вышелъ въ 1884 г., а „Р. М“. 1889, стр. 3—7, 33—40 содержатъ извлеченіе изъ „IV путешеств. Пржев.“, съ картою, иллюстрирующей всѣ путешествія послѣдняго.

Маршрутъ передняго пути третьяго путешествія Пржевальскаго, и отчасти четвертаго, повидимому, совпалъ съ маршрутомъ замѣчательнаго, хотя и малоизвѣстнаго, русскаго же путешествія начала XVIII стол., предпринятаго, между нѣкоторыми другими экспедиціями и отдѣльными развѣдочными путешествіями, изъ Сибири во внутреннія области Азіи, какъ результатъ извѣстій о нахожденіи песочнаго золота въ Эркети, т. е. Яркендѣ, въ первой половинѣ XVIII стол. (см. Миллеръ, „Извѣстія о песочномъ золотѣ въ Бухаріи“, Ежемѣсячныя сочиненія за 1760 годъ); это было путешествіе тобольскаго дворянина Трушникова, посланнаго въ 1713 г. Сибирскимъ губернаторомъ кн. Гагаринымъ чрезъ Бухарію (т. е. Восточный Туркестанъ, въ Китай для навѣдыванія о песочномъ золотѣ. Онъ побывалъ около озера Кукунора, на Алтан голѣ, т. е. золотой рѣкѣ, составляющей вершину Желтой рѣки, въ китайскихъ городахъ Селимѣ, т. е. Сининѣ, и Дабѣ (Да-и-гу на картѣ Пржеваль-

скаго), и черезъ Калганъ вернулся въ 1716 г. въ Тобольскъ, привезя полпуда песочнаго золота. Свѣдѣнія объ этомъ путешествіи см. упомян. сочиненіе Миллера, дающее, на основаніи сообщеній указанныхъ экспедицій, и личныхъ разспросовъ на мѣстѣ въ Сибири весьма обстоятельныя свѣдѣнія о Малой и Большой Бухаріи, т. е. о Вост. и Кит. Туркестанѣ.

2) Научные результаты путешествій Пржевальскаго, сгруппированные по 5 отдѣламъ: географія, этнографія, зоологія, ботаника и метеорологія, см. Зеленинъ „Путешествія Пржевальскаго", Ч. II, стр. 348—470. Итогъ зоологическихъ и ботаническихъ результатовъ изслѣдованій Пржевальскаго дается въ IV пут. 63 и 60. Главной задачей Пржевальскаго являлись зоологическія коллекціи, хотя онъ не пренебрегалъ и ботаническими изысканіями.

Минералогическіе и геологическіе образцы, собранные Пржевальскимъ, поступили въ Геологическій Музей С.-Петербургскаго Университета. Зоологическія коллекціи находятся въ Зоологич. Музеѣ Имп. Академіи Наукъ; ботаническія—въ Ботаническомъ саду.

На средства (25,000 рублей), отпущенныя для этой цѣли Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, было приступлено съ 1888 г. къ научной обработкѣ различными спеціалистами коллекцій Пржевальскаго подъ общимъ заглавіемъ: „Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго въ Центральную Азію". Перечень уже вышедшихъ выпусковъ этого изданія (далеко не законченнаго) см. въ отдѣлѣ библіографіи, а также Bretschn. Hist. Bot. Disc. 969. Въ работѣ принимали участіе: Бюхнеръ, Плеске, Максимовичъ, Воейковъ и др.

107. 1) См. „Рецепты" Пржевальскаго для научныхъ рекогносцировокъ и летучихъ изслѣдованій въ пустынныхъ (необитаемыхъ) мѣстностяхъ Внутренней Азіи, IV пут., глава I, 1—66 (въ частности способы научныхъ изслѣдованій тамъ же стр. 57).

2) На стр. 65, IV пут. намѣчаются наиболѣе плодотворные районы для будущихъ изслѣдованій въ Центральной Азіи и Тибетѣ.

3) Изъ опыта многолѣтнихъ путешествій по Центральной Азіи Пржевальскій вынесъ то практическое убѣжденіе, что для успѣха дѣла путешественнику въ этихъ дикихъ странахъ, среди дикаго населенія равно необходимы: деньги въ карманѣ и оружіе въ рукахъ, съ умѣлымъ приложеніемъ къ тому и другому повелительнаго обращенія съ туземцами (III пут. 8—9). Развитіе той же мысли IV пут. 50—52 и 53—54 („деньги, винтовка и нагайка"). Практическое приложеніе въ хырмѣ Цзун-цзасак IV пут. 138—9 и въ Хотанѣ тамъ же 460—2. Вообще въ характерѣ Пржевальскаго была непріятная черта жестокости, побуждавшая его, между прочимъ, безпощадно избивать массами беззащитныхъ животныхъ (напр. куку-ямановъ въ Тибетѣ).

4) Этотъ характеръ работъ Пржевальскаго и далъ ему право называться „первымъ изслѣдователемъ природы Центральной Азіи", какъ гласитъ надпись на именной золотой медали, присужденной путешественнику Академіей Наукъ и на памятникѣ въ Караколѣ.

108. 1) Въ примѣчаніяхъ къ тексту L. и Diary. Между прочимъ онъ указываетъ (L. 188, прим. 2), что Пржевальскій принялъ Нам-ц'о'скихъ к'амба за монголовъ, тогда какъ они являются несомнѣнно чистокровными тибетцами.

2) Позднѣевъ, Рецензія на III пут. Пржевальскаго въ Ж. М. Нар. Просв. въ 1884 г.

109. 1) „Геніальный путешественникъ", какъ охарактеризовалъ его Рихтгофенъ.

2) Ученые труды католическихъ миссіонеровъ касательно Тибета перечислены у Launay, Histoire de la Mission du Thibet, Tome II стр. 350—7; въ частности указанія на труды наиболѣе освѣдомленнаго изъ этихъ миссіонеровъ—Дегодина, имѣются тамъ же, стр. 169 и 337—8; перечень многочисленныхъ замѣтокъ Дегодина по географіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ различныхъ томахъ Bulletin de Société de Geographie de Paris, приводится въ статьѣ Hassenstein, Einige Bemerkungen zur geographischen und Kartograph. Literatur ueber indo-chinesischen Grenzlande, P. M. 1882, стр. 216—226.

Сводка значительной части свѣдѣній, собранныхъ аббатомъ Дегодиномъ и другими миссіонерами и изложенныхъ въ ихъ письмахъ къ Ш. Дегодинъ, даетъ содержаніе очень цѣнной книги послѣдняго: Le Thibet d'apres la correspondance des missionnaires, первое изданіе 1872 г., второе 1885 г.

Общая исторія миссіонерской дѣятельности въ Тибетѣ и сосѣднихъ странахъ Дальняго Востока излагается въ нижеуказанныхъ сочиненіяхъ спеціально посвященныхъ этому вопросу: Huc, Le Christianisme en Chine, en Tartarie et au Thibet. 4 vol. 1857—1858; Histoire générale des Missions catholiques depuis le XIII siècle jusqu'a nos jours, par M. le Baron Henrion. Paris 1847, 4 тома; Histoire abregée des Missions catholiques dans les diverses parties du monde, depuis la fin du XV siècle jusqu'a nos jours, par J. J. E. Roy, Tours 1855; Parker, History of the Churches of India, Burma, Siam, China, Tibet, Corea and Japan „China Review" XVIII, № 1, 1—33.

Исторія собственно тибетской миссіи послѣднихъ 60 лѣтъ (съ 1846 г. по 1900 г.) излагается во всѣхъ подробностяхъ въ двухъ томахъ цитированнаго выше сочиненія Launay. Оффиціальные документы и архивы, служившіе Launay при составленіи „Исторіи Тибетской миссіи", вкратцѣ указываются въ предисловіи, стр. VII, къ I тому. Свѣдѣнія о предшествующей дѣятельности миссіонеровъ въ Тибетѣ (въ XVII и XVIII стол.) разработаны Launay очень слабо и неполно. Для періода 1846—1884 г. Launay пользовался между

прочимъ и Desg. 15—195, трактующимъ тотъ же вопросъ съ неменьшими деталями.

110. 1) Desg. стр. 297—331.

2) Границы этой области см. Launay цит. соч., стр. 1—2.

111. 1) Амбанемъ былъ тотъ же Ци-шань, что за годъ передъ тѣмъ выслалъ изъ Лхасы Гюка и Габе.

2) Плодомъ этихъ занятій было составленіе тибетскаго словаря, положившаго начало собиранію миссіонерами матеріаловъ для большого тибетско-латино-французскаго словаря, изданнаго въ 1899 г. подъ редакціей Дегодина. (См. Miss. Dict. предисл. V—VI, гдѣ излагается исторія составленія словаря).

112. 1) Launay напечаталъ въ I т. стр. 217—229 только то, что касалось исторіи самой миссіи.

2) Описаніе его хищническихъ повадокъ Launay I, 218—220; изъ Янь-чуань одна дорога ведетъ вверхъ по Сальвину въ Цзаронъ и въ собственный Тибетъ, другая болѣе удобная туда же по правому берегу Меконга; первая была занята разбойничьими шайками Лису, вторая охранялась китайскими гарнизонами, закрывшими всѣ пути въ Тибетъ.

3) Launay, I, 221 стр.

4) Описаніе ихъ жилищъ, тамъ же стр. 227.

5) Описаніе монастыря тамъ же 228 стр.

113. 1) Подробное описаніе Бонга и ея главныхъ преимуществъ въ смыслѣ удобныхъ сообщеній съ Юньнанью (слѣдовательно и съ Европою), близости къ Ассаму, гдѣ работали другіе миссіонеры, и къ границѣ королевства Лхасы см. Launay, I, 233—5.

114. 1) Любопытное описаніе Бутана см. Launay, I, 171—2.

115. 1) Relation d'un voyage au Thibet en 1852 et d'un voyage chez les Abors en 1853 par M. l'abbé Krick; suivie de quelques documents sur la meme mission. Par MM. Renou et Latry. Paris 1854. Въ Ann. Assoc. Propag. de la foi, XXV (1853) было помѣщено извлеченіе изъ дневника Крика о путешествіи въ Тибетъ въ 1852 г. На русскомъ языкѣ свѣдѣнія относительно этого путешествія были даны на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей" №№ 81—84, 1854 г.

2) Письма Юминъ де Мазюръ изъ Чамдо помѣщены въ Ann. Ass. Prop. de la foi, XXXIV (1862) 337—351; тамъ же на стр. 352—365 письма Дюрана изъ Цзянъ-ка и на стр. 365-74—Дегодина. Съ именемъ Томинъ-де Мазюръ связывается и статья: Memorandum on the countries between Thibet, Yunan and Burmah. By the Very Rever. Thomine D'Mazure, communicated by Lieut-Col. Phayre (With notes and a comment by Lt.-Col. H. Yule). With a map of the NE. Frontier prepared in the office of the Surveyor Gen. of India. J. As. Soc. Beng 1862. XXX, 367—383. Статья была основана на данныхъ письма епископа Демазюръ къ Рангунскому епископу Биганде (см. Gill. „River Gold. Sand", 2 изд. предисл. Yule, стр. 76).

3) За время трехлѣтняго существованія миссіи въ Бонга христ. проповѣдь не имѣла успѣха: человѣкъ 40—45 искренне увѣровало въ истиннаго Бога, немногіе же другіе если и крестились, то ради матеріальныхъ выгодъ; въ миссіонерскомъ пріютѣ воспитывалось 22 ребенка, выкупленныхъ изъ рабства самими миссіонерами.

116. 1) Описаніе пути дается Launay, I 337—8 (до Цзянъ-ка) и тамъ же 341—2 (отъ Цзянъ-ка до Чамдо); подробный же разборъ маршрута приводится у Desg. стр. 296—302 и 312—316 на основаніи сообщеній аббата Дегодина.

2) Тамъ же 305—308 и 317.

3) Тамъ же 302—304 и 316—317.

117. 1) Durand, G, missionnaire. „De France en Chine et au Thibet“, par l'abbé Prouvèze, 2 тома, Nimes 1884 (II tome. A travers la Chine. La mission du Thibet). Болѣе ранней біографіей миссіонера того же автора была: Gabriel Durand, né a Lunel......... mis a mort au Thibet en haine de la Foi. Sa vocation, son apostolat, etudiés et racontés dans ses lettres par l'abbé Prouvèze. Nimes 1866. 105 стр.

Въ связи съ бѣгствомъ миссіонеровъ изъ Бонга, можно отмѣтить слѣдующій малоизвѣстный фактъ, подтверждающій лишь, насколько дипломатическія соображенія стоятъ выше простыхъ человѣческихъ чувствъ. Дѣло въ томъ, что въ январѣ 1867 г. миссіонеры, принужденные годъ съ небольшимъ передъ тѣмъ удалиться изъ Бонга, встрѣтились въ Батанѣ съ непальскимъ посланникомъ Kaji Jagat Sher, который со своей стороны былъ встрѣченъ очень дурно китайцами и доѣхалъ только до Чэнъ-ду, и изъ бесѣды съ нимъ вынесли впечатлѣніе, что индійское правительство готово принять участіе въ ихъ судьбѣ. Поэтому Дегодинъ изложилъ въ особомъ письмѣ, адресованномъ на имя англійскаго резидента при Непальскомъ дворѣ—George Ramsay, всѣ подробности относительно постигшихъ ихъ отъ рукъ тибетцевъ несчастій, въ томъ числѣ и объ убійствѣ Дюрана, и передалъ письмо непальскому посланнику для доставки по назначенію. Въ отвѣтъ на это письмо генералъ-губернаторъ Индіи нашелъ возможнымъ только сообщить*, что заступничество въ ихъ пользу можетъ итти лишь черезъ махараджу Непала или англійскаго посланника въ Пекинѣ, но что лично онъ предложилъ бы имъ покинуть страну, гдѣ ихъ подвергаютъ такимъ притѣсненіямъ, и поселиться на свободѣ и въ полномъ мирѣ и безопасности въ Лахулѣ, Спити или Кулу, заключающихъ также полутибетское населеніе, которое съ большимъ вѣроятіемъ отнесется къ христіанству благопріятно.

*) Это сообщеніе было послано въ четырехъ экземплярахъ для передачи миссіонерамъ въ Непалъ, Ладакъ, верхній Ассамъ и Пекинъ, что доказываетъ, сколь трудно было въ то время сообщеніе между Индіей и западнымъ Китаемъ; тѣмъ не менѣе врядъ ли хоть одинъ экземпляръ настоящаго отвѣта англійскаго правительства дошелъ по назначенію.

2) Des., стр. 310; маршрутъ аббата Дегодина изъ Цзянъ-ка въ Вэй-си съ заходомъ въ Цзэкоу тамъ же 308—312 и 317—318.

118. 1) Маршрутъ аббата Дегодина изъ Батана въ Еркало тамъ же, 321; изъ Еркало въ Цзе коу: тамъ же 321—2.

2) Письма Шово (Chauveau) изъ Да-цзянь лу, помѣщенныя въ различныхъ томахъ „Miss. Cathol.", перечислены въ Bibl. B. II, 1119—1120, при чемъ въ письмѣ отъ 28 мая 1870 г. говорится о землетрясеніи въ Батанѣ въ апрѣлѣ 1870 г. Біографическія данныя для „тибетскаго" періода дѣятельности Шово см. Vie de Mgr. Joseph Chauveau par l'Abbé F. Baudry, Lucon 1882.

3) Маршрутъ изъ Атуньцзы въ Вэй-си см. Des., 317—318 (въ маршрутѣ изъ Цзянъ-ка въ Вэй-си).

4) Основаніе миссіи въ Педонъ описано въ письмѣ аббата Дегодина; см. тамъ же, стр. 175—195.

119. 1) Общій обзоръ современнаго состоянія тибетской католической миссіи см. Launay II 342—4 (стремленіе кит. властей помѣшать миссіонерской пропагандѣ въ восточномъ Тибетѣ, тамъ же I, 199—200); тибетцы-христіане тамъ же II, 362—67, трудности распространенія христіанства въ Тибетѣ 368—371; статистич. данныя относительно результатовъ дѣятельности католической миссіи 358—362. Уже Гюкъ и Габе свидѣтельствовали о малыхъ результатахъ, достигнутыхъ миссіонерами въ Тибетѣ, начиная съ Одорика, до ихъ путешествія. Будущность миссіонерской пропаганды въ странѣ рисуется Launay I, 63 не въ очень радужныхъ краскахъ: „Ни одна область Дальняго Востока не представляетъ болѣе неблагодарнаго поля, болѣе безплодной почвы для апостольскихъ трудовъ миссіонеровъ. Таковъ отличительный тонъ прошлаго, такова же преобладающая нота ближайшаго будущаго. По истинѣ, миссіонеры вправѣ спросить себя, какъ дѣлаетъ C.-H. Desgodins въ „Missions Catholiques" 1886, № 888: „Pour combien de temps systématiquement et d'une manière vraiment diabolique le Thibet s'obstinera-t-il a repousser lés ouvriers evangéliques?".

Если миссіонеры XVII и XVIII стол. находили себѣ въ странѣ доброжелательный пріемъ, какъ говоритъ д'Андрада и неоднократно подчеркиваетъ въ „Relazione" Дезидери, хотя бы даже и не имѣли практическаго успѣха въ предпринятомъ дѣлѣ, то наблюдаемую въ XIX стол. перемѣну въ отношеніи тибетцевъ къ миссіонерамъ, помимо общихъ причинъ—нежеланія допустить въ страну иностранцевъ,—необходимо приписать и измѣнившимся взглядамъ самихъ миссіонеровъ на средства евангелизаціи народа, какъ видно изъ слѣдующей фразы Дегодина; „Если бы мнѣ было позволено высказать мое мнѣніе, какъ простого историка, то я сказалъ бы: я убѣжденъ, что придется въ концѣ концовъ заставить заговорить всемогущественный голосъ г.г. Круппа и Шаспо. Тогда тибетцы и китайцы повинуются, и все будетъ скоро кончено". (Miss. Catholiques, 1886, № 888).

Вслѣдствіе волненій начавшихся среди тибетцевъ въ Батанѣ въ мартѣ 1905 г. китайскія войска были отправлены въ Атуньцзы для поддержанія порядка среди мѣстнаго населенія, которое является также большей частью тибетскимъ. Однако, тибетцы, съ ламами во главѣ, возстали съ оружіемъ въ рукахъ (поводомъ послужило насильственный образъ дѣйствій начальника Вэй-си тина) и окружили правительственныя войска, совершенно отрѣзавъ имъ путь къ отступленію. 15 іюля 1905 г. отрядъ мятежниковъ подошелъ къ Цзэкоу, сжегъ мѣстечко до тла вмѣстѣ съ католической миссіей и умертвилъ двухъ миссіонеровъ. Движеніе было подавлено твердой рукою и къ концу октября 1905 г. порядокъ былъ возстановленъ. (Chin. Imp. Cust. Trade Rep. 1905, 544).

2) Маршруты этихъ разъѣздовъ составляютъ существенную часть свѣдѣній, сообщенныхъ миссіонерами, съ географической точки зрѣнія.

3) Въ этомъ году помѣщена также статья Дюбернаръ (Dubernard), который между прочимъ далъ новый маршрутъ изъ Цзекоу въ Да-со, въ 8 дняхъ пути на лѣвомъ берегу Сальвина см. Des. 323—4.

120. 1) Въ 1872 и 1885 г.г.

2) Desgodins, A. Essai de Grammaire Thibetaine pour le langage parlé, avec Alphabet et Prononciation, 92 стр. 1899.

Dictionnaire Thibetain-Latin-Francais publié par les Missionnaires du Thibet, 1,100 стр. Hongkong 1899.

Изъ работъ другихъ членовъ „тибетской католической миссіи" заслуживаютъ особаго вниманія по представляемому ими географическому интересу слѣдующія статьи: Soulié, De Ta-tsien lu a Tse-Kou (rive droite du Mekong) 11 octobre—7 dec. 1894. Nouvelle route a travers le pays de Ly-thang et de Bathang, passage du Yalong kiang, du fleuve Bleu et du Mekong. (Bul. Soc. Geog. Paris, 1896, стр. 36—80) и его же „Geographie de la principauté de Bathang, съ картою княжества и маршрутами автора, въ „La Géographie", IX (1904), № 2 стр. 87—104. Отзывъ Палибина относительно этой статьи въ Изв. 1905, 424: Сулье даетъ въ ней лишь краткія свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе вносящія массу новаго въ общую картину малоизученнаго княжества. Тѣмъ съ большимъ интересомъ должно ожидать исполненія обѣщанія автора дать подробное описаніе области на основаніи пятилѣтнихъ всестороннихъ изслѣдованій. Карта въ масштабѣ 1 : 800,000 составлена на основаніи буссольныхъ съемокъ.

Soulié уже въ 1890—91 г.г. отправилъ въ Парижскій музей 604 вида высушенныхъ растеній, собранныхъ въ Дацзянь-лу, Tongolo (въ 3 дняхъ пути на З отъ Чжэ-то-шань) и друг. пунктахъ княжества Чала. См. Bretschn. Hist. Bot. Discov. 919—921; эти растенія были описаны большей частью Франше въ Bull. Soc. philom. и Journ. de Bot. Помимо Сулье, ботаникою интересовались и другіе члены католической миссіи въ тибетской пограничной странѣ.

Такъ, ботаническія изысканія Delavay (1883—1898), главнымъ образомъ въ сѣверо-западной Юнь-нани въ предѣлахъ территоріи префектуръ Да-ли фу и Ли-цзянъ фу, весьма богатой въ этомъ отношеніи, дали богатѣйшіе результаты, которые вмѣстѣ съ коллекціями того же миссіонера въ другихъ частяхъ Юнь-нани составили болѣе 4,000 видовъ, изъ коихъ 1,500 совершенно новыхъ, по отзыву Франше, взявшаго на себя ихъ научную обработку (См. стр. 874—911 Бретшн. цит. соч.).

По сравненію съ представителями римско-каталической церкви протестантскіе миссіонеры выступаютъ значительно позже и, если можно сказать, даже съ меньшимъ успѣхомъ, на поприщѣ просвѣщенія тибетцевъ Евангельскимъ ученіемъ; это опозданіе станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнить, что дѣятельности протестанскихъ миссіонеровъ въ самомъ Китаѣ исполнилось въ 1907 году лишь сто лѣтъ, тогда какъ работа католическихъ миссіонеровъ продолжалась почти непрерывно въ этой странѣ съ послѣдней четверти XVI столѣтія.

Попытки протестантскихъ миссіонеровъ къ распространенію христіанства среди тибетцевъ, хотя бы за дѣйствительными предѣлами политическаго Тибета, исходили—болѣе раннія—со стороны Индіи и лишь въ позднѣйшее время со стороны собственнаго Китая. Первыми на сцену явились члены общества Моравитянѣ (E. Pagell [† 1883] и A. W. Heyde), открывшіе въ 1856 г. миссіонерскую станцію (со школою и литографской печатнею) въ Kyelang (въ округѣ Гаржа, по индусски Лахул*) и въ 1865 г.—въ Роо (Кунавар). Вскорѣ (1857 г.) къ нимъ присоединился Jaeschke, заявившій себя съ самаго начала весьма талантливымъ лингвистомъ и ученымъ; имъ былъ начатъ, помимо изданія на тибетскомъ языкѣ ряда религіозныхъ писаній: молитвенниковъ, обрядниковъ и т. д., переводъ на тибетскій языкъ Библіи, законченный Heyde, Redslob и другими и въ настоящее время печатаемый (см. исторію тибетскаго перевода Библіи: „Chinese Empire. A general and missionary Survey". Edited by M. Broomhall, стр. 415—416, гдѣ указываются и переводы отдѣльныхъ частей Библіи на различныя тибетскія нарѣчія).

Въ 1885 г. дѣятельность миссіонеровъ переносится въ собственный Ладак основаніемъ миссіи того же общества въ столицѣ Ле (въ Ле имѣется также католическая миссія, съ середины 80 г.г. Въ 1891 г., когда ее посѣтилъ Knight, она состояла изъ 2 миссіонеровъ, которые, однако, еще не приступали къ работѣ, не успѣвъ еще освоиться съ языкомъ. Puini, 8, прим. 1), въ 1899 г.—въ Kalatse (Francke, издавшій нѣсколько ученыхъ работъ, плодъ изысканій надъ тибетскимъ языкомъ и этнографіей въ Ладакѣ и Западномъ Тибетѣ и записавшій, между прочимъ, нѣсколько народныхъ пѣ-

*) Согласно Кунингаму („Ладакъ") имя Лахул представляетъ въ дѣйствительности соединеніе двухъ тибетскихъ словъ—Лхо-іул южная страна; однако, это обозначеніе не употребляется въ самой странѣ, какъ указываетъ словарь Ъшке, 67.

сенъ) и въ 1900 г.—въ Chini [Башар]. Среди омусульманенныхъ тибетцевъ Балтистана работаютъ въ настоящее время миссіонеры Скандинавскаго общества въ Скардо и Шигар.

Слѣдуя далѣе на востокъ, внутри Гималайской горной страны, мы находимъ опорные пункты протестантской миссіонерской дѣятельности въ Альморѣ, (откуда ведется проповѣдь среди бутійцевъ прилегающей горной страны), Миламѣ и на границѣ Непала (Chowpatti), затѣмъ нѣсколько миссіонерскихъ станцій въ Сиккимѣ и вдоль южной границы Бутана (см. цит. сочиненіе, стр. 331—332); между прочимъ руководитель шотланской миссіи въ Дарджилинѣ и Калимпонгѣ—J. A. Graham—совершилъ рядъ поѣздокъ съ цѣлью проповѣди среди тибетцевъ Сиккима и Бутана; онъ же сопровождалъ Тесю ламу, Тонъ-за Пенлоп и Сиккимскаго махараджу въ Калькутту во время ихъ визита въ 1905 г. къ вице-королю, получивъ отъ нѣсколькихъ сановниковъ ихъ свиты настойчивыя приглашенія посѣтить ихъ въ Тибетѣ и Бутанѣ. По сосѣдству съ Сиккимомъ, въ Чумби, какъ указывается ниже на стр. 170, А. Тэйлоръ занимается съ 1898 г. раздачею лекарствъ, продажею священнаго писанія и религіозныхъ брошюръ и проповѣдью евангелія между тибетцами, постоянно проѣзжающими черезъ Ятунъ по дорогѣ изъ Тибета въ Сиккимъ.

Между Бутаномъ и сѣверо-востокомъ Ассама среди дикихъ племенъ, занимающихъ сосѣднюю съ Тибетомъ территорію, между прочимъ среди Абор, работаютъ съ 1891 г. представители различныхъ протестантскихъ обществъ, смѣняя одни другихъ, но безъ замѣтнаго успѣха (см. цит. соч., 333—334).

Значительно позже, чѣмъ со стороны Индіи, были сдѣланы попытки проникнуть съ евангельской проповѣдью къ тибетцамъ, населяющимъ пограничныя съ западнымъ Китаемъ области. Лишь въ 1877 г. нижеуказываемый д-ръ Камеронъ, представитель общества China Inland Mission, предпринялъ первое развѣдочное путешествіе изъ Сы-чуани (Да-цзянь лу) въ Батанъ и вдоль тибетской окраины въ южномъ направленіи въ Да-ли фу и Бирму. Эта попытка осталась единичной, такъ какъ оказалось болѣе удобнымъ начать дѣло просвѣщенія тибетцевъ въ широкихъ размѣрахъ со стороны Ганьсу. Именно, въ 1888 г. членъ того же общества C. Polhill (чьему перу принадлежитъ глава: Tibet, The Land of the lamas въ цит. соч. „Chinese Empire“, стр. 318—337, содержащая общій обзоръ страны и исторію протестантской проповѣди среди тибетцевъ) основался въ Си-нинъ фу, гдѣ приступилъ къ занятіямъ тибетскимъ языкомъ и къ раздачѣ Священнаго писанія и устной проповѣди среди тибетцевъ всякій разъ, какъ представлялся случай къ тому: во время посѣщенія Кумбума и другого ламайскаго монастыря въ 4 дняхъ разстоянія отсюда, затѣмъ въ Гуй-дэ тинѣ, и пятимѣсячнаго пребыванія въ тибетской деревнѣ въ 15 миляхъ къ западу отъ указаннаго пункта, послѣднемъ осѣдломъ селеніи въ этомъ направле-

нія. Осенью 1891 г., послѣ передачи Си-нинъ'ской миссіи супругамъ Ridley, съ которыми встрѣтился въ этомъ городѣ Фильхнеръ въ 1904 г., Полхиллъ прошелъ вмѣстѣ съ партіей магометанскихъ торговцевъ черезъ Баян ронъ и страну Саларовъ къ Лабрану и затѣмъ Тао чжоу, гдѣ только что передъ тѣмъ поселилась А. Тэйлоръ. Обратный путь въ Ланьчжоу коснулся монастыря Чжони, гдѣ въ 1905 г. открыли проповѣдь супруги Christie общества Christian and Missionary Alliance, снискавшее симпатіи мѣстнаго тибетскаго князька. Въ ноябрѣ 1891 г. Полхиллъ посѣтилъ городъ Сунъ-пань тинъ, гдѣ и оставался въ 1892 г. въ теченіе 2½ мѣсяцевъ, послѣ чего былъ вынужденъ покинуть городъ вслѣдствіе активно-враждебнаго отношенія мѣстнаго населенія. Въ 1897 г. тотъ же миссіонеръ переноситъ дѣятельность въ Да-цзянь лу, гдѣ нерѣдко посѣщалъ для проповѣди и раздачи книгъ по очереди сорокъ большихъ гостинницъ, содержимыхъ для пріѣзжающихъ въ городъ съ торговыми цѣлями тибетцевъ. Къ миссіи въ Да-цзянь лу присоединилась, послѣ памятнаго путешествія по Тибету, женщина-врачъ Rijnhart, потерявшая только что мужа и ребенка.

Изъ Да-цзянь лу совершались отдѣльными протестантскими миссіонерами поѣздки на сѣверъ и западъ, напримѣръ, Амундсеномъ въ Мили (см. стр. 129—132) для расширенія будущей дѣятельности миссіи. Въ 1900 г. послѣдняя была закрыта вслѣдствіе боксерскаго движенія вплоть до 1903 г., когда ея работа возобновилась съ нѣкоторымъ успѣхомъ, охвативъ болѣе значительный раіонъ операцій; 14 мая 1904 г. было совершено первое крещеніе 4 человѣкъ въ Литанѣ и въ теченіе 1905 г. еще 8 человѣкъ (см. цит. соч. 337).

Между тѣмъ дѣло, начатое China Inland Mission на тибетской окраинѣ Ганьсу, продолжалъ Christian and Miss. Alliance въ лицѣ Christie и Simpson, предварительно изучавшихъ тибетскій языкъ въ Пекинѣ. Указанные миссіонеры избрали своей главной квартирою въ 1894 г. въ Тао чжоу, о которомъ упоминалось выше, служащемъ торговымъ центромъ для обширнаго раіона, населеннаго многочисленными тибетскими племенами, живущими въ деревняхъ на сѣверо-востокѣ и югѣ отъ города. Въ 1896 г. была открыта вторая станція въ Минь чжоу и въ 1899 г. въ Бао-ань, откуда, впрочемъ, миссіонеры должны были удалиться послѣ направленнаго противъ нихъ возмущенія. Въ 1902 г. въ кругъ дѣйствій миссіи былъ включенъ городъ Ди-дао и, наконецъ, Чжони, важный опорный пунктъ для распространенія христіанскаго ученія въ окрестномъ раіонѣ. Если миссія возлагаетъ большія надежды на будущій успѣхъ, то въ настоящемъ затраченные ея значительные труды принесли весьма скромные результаты, т. к. лишь нѣкоторое число китайцевъ и по одному изъ мѣстныхъ мусульманъ и тибетцевъ открыто приняли христіанство („A Century of Protestant Missions in China“, edited by MacGillivray, 1907, стр. 359).

3) См. на русск. языкѣ: „Очерки Тибета“, изъ путешествія Купера, „Всемірный путешественникъ“, 1873, № 8, стр. 237—257.

Куперъ слѣдовалъ, главнымъ образомъ, долиною Лань-цанъ цзяна, а не Цзинь-ша цзяна, и посѣтилъ, между прочимъ, Цзекоу, наиболѣе западный пунктъ во всемъ его путешествіи, въ 100 миляхъ (Куперъ говоритъ: 80 миляхъ) отъ Manche на верхней Иравадди, посѣщеннаго Вилькоксомъ въ 1827 г.

Настоящая попытка Купера имѣла предшественника семь лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1861 г.) въ лицѣ экспедиціи капитана Блекистона, лейтенантъ-полковника Сареля и д-ра Бартона, въ сопровожденіи будущаго епископа Шерешевскаго; задачей ея было также проникнуть черезъ Тибетъ и Гималаи въ Индію, но взамѣнъ того имъ пришлось довольствоваться изслѣдованіемъ въ лодкѣ (и при томъ замѣчательнымъ для того времени) рѣки Янъ-цзы вплоть до конечнаго пункта ея судоходства въ Пинъ-шань сянь. Результаты путешествія изложены въ Blakiston, „Five Months on the Yangtze“, London 1862, содержащемъ много любопытнаго.

Въ 1869 г. Куперъ пытался проникнуть въ Батанъ со стороны Ассама и, слѣдуя вдоль Лохита по странѣ Мишми, дошелъ до Прун, на разстояніи 20 миль отъ перваго пограничнаго тибетскаго поста въ Рима и въ 10 миляхъ отъ Саме, гдѣ были умерщвлены Крикъ и Бури; отъ указаннаго пункта онъ долженъ былъ повернуть обратно.

Одновременно съ Куперомъ (въ 1868 г.) въ долину Цзинь-ша проникла (только съ юга) экспедиція Lagrée и Garnier (1866—1868), которая, переправившись черезъ рѣку въ Мэнъ-гу, достигла черезъ Хуй-ли чжоу пункта впаденія въ нее Я-лунъ цзяна, послѣ чего слѣдовала въ западномъ направленіи до Да-ли фу, вторично переправившись черезъ Цзинь-ша цзянъ. Описаніе работъ экспедиціи вышло въ 1873 г. подъ заглавіемъ „Voyage d'Exploration en Indo-Chine, effectué pendant les années 1866, 1867, 1868, par une commission francaise и т. д.“.

Въ 1873 г. Фр. Гарнье возвращается въ Китай для выполненія не менѣе обширной задачи, чѣмъ ставилъ себѣ Джилъ четыре года спустя, именно, изслѣдованія части Цзанъ-по между Лхасой и Садія, и въ случаѣ успѣха, въ чемъ, однако, онъ самъ сильно сомнѣвался, возвращенія обратно въ западномъ направленіи, т. е. черезъ Туркестанъ (письмо его къ Yule отъ 17 апр. 1873 г. см. Gill, River Gold. Sand, Introd. 106). На дѣлѣ ему пришлось ограничиться изученіемъ судоходства по верхнему Янъ-цзы и изслѣдованіемъ большихъ притоковъ послѣдняго въ Ху-нани и Гуй-чжоу. Однако, вопросъ о продолженіи Цзанъ-по въ предѣлахъ Индіи, продолжалъ интересовать его, какъ видно изъ его позднѣйшаго письма отъ 28 авг. 1873 г. (тамъ же 106—108).

4) Описаніе путешествій Давида, въ частности и пребыванія

его въ Мупинѣ, напечатано въ Bull. S. Geogr. Paris, 1876, VI sér., XI vol. *)

Собственноручное описаніе Давида для второго путешествія, во время котораго онъ посѣтилъ Мупинъ, было напечатано въ Nouv. Archives du Mus. d'hist. nat. VIII 1872, IX 1873 и X 1874. См. еще предисловіе Давида къ Plantae Davidianae, 1881 (I), 1—11 и Bretschneider, History of Europ. Botan. discoveries in China, 1898, II 845—847; вообще въ послѣднемъ сочиненіи дается на стр. 837—870 обзоръ всѣхъ путешествій Давида и полный перечень вновь открытыхъ имъ китайскихъ и тибетскихъ растеній.

Богатыя коллекціи этого миссіонера-ученаго по всѣмъ отраслямъ естественной исторіи, собранные въ самомъ Китаѣ и пограничныхъ областяхъ Тибета, были переданы въ Музей Естественной исторіи въ Парижѣ, при чемъ зоологическія коллекціи (402 вида, въ томъ числѣ 163 новыхъ) были описаны самимъ Давидомъ (напр. J. Ch. Br. VII (1871), 223) и въ особенности директоромъ упомянутаго Музея и президентомъ Географическаго Общества въ Парижѣ Milne-Edwards, который издалъ на основаніи этого матеріала рядъ важныхъ работъ, посвященныхъ зоологіи китайской имперіи, въ частности восточнаго Тибета (см. библіографическій перечень этихъ работъ въ T'oung-Pao, II série, I, стр. 256 прим.; полный перечень статей касающихся зоолог. коллекцій Давида Bibl. B. I 412—416). Ботаническія коллекціи Давида были обработаны помощникомъ натуралиста того же музея—Франше (Franchet) въ обширномъ трудѣ Plantae Davidianae ex Sinarum imperio [Второй томъ (1888 г.) спеціально посвященъ растеніямъ округа Мупинъ]. Имъ же были описаны ботаническія коллекціи для Юнь-нани аббата Delavay и сѣверн. Тибета экспедицій Бонвало и де Рэнса (см. перечень работъ Франше по ботаникѣ Китая, въ частности Тибета, и Японіи Bibl. B. I 474—479).

Геологическія изысканія Давида служили темою нѣсколькихъ статей по этому вопросу (тамъ же 511—2).

121. 1 Помѣщенъ въ журналѣ „China's millions", 1879, стр. 65, 97 и 109.

2) Къ весьма полному описанію Кап. Джиллемъ долины Минъ между Сунъ-пань тиномъ и Гуань-сянь позднѣйшій путешественникъ, Логанъ Джэкъ (1900 г.), прибавляетъ только нѣсколько подробностей, или поправокъ. Кап. Джиль вынесъ изъ своего посѣщенія впечатлѣніе общаго упадка; послѣдній въ 1900 году уступилъ мѣсто процвѣтанію. Лѣса ниже Сунъ-пань тина, упоминаемые Джиллемъ, почти совершенно исчезли. (Jack, Back blocks of China, 87).

3) Въ своихъ письмахъ [Letters] Рихтгофенъ сообщаетъ не

*) Это описаніе составлено Гро на основаніи писемъ миссіонера, при чемъ ошибочно указывается, будто Давидъ изъ Лунъ-ань фу достигъ Кукунора въ 12 дней пути (?) Сравни прим. къ стр. 847 нижеуказыв. сочин. Бретшнейдера, опровергающее это извѣстіе.

мало любопытныхъ свѣдѣній, либо собранныхъ имъ лично (онъ проникъ на нѣсколько дней пути къ западу изъ Чэнъ-ду фу), либо полученныхъ имъ путемъ разспросовъ, относительно частей Сы-чуани съ тибетскимъ населеніемъ. Эти свѣдѣнія трактуютъ главнымъ образомъ географическія условія страны и ея экономическое значеніе. Часть ихъ вошла и въ капитальное сочиненіе указаннаго изслѣдователя „China", въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ касается этой области.

4) См. карту юго-западнаго Китая въ Р. М. 1883 г., къ статьѣ Babers Forschungen in Ssetschuen und Yunnan, стр. 21—30,

5) Описаніе его путешествія вышло на свѣтъ въ 1880 г. въ Лондонѣ подъ заглавіемъ „The River of Golden Sand", въ двухъ томахъ, съ обширнымъ предисловіемъ полковника Юля, автора замѣчательной монографіи: Cathay and the way thither и классическаго изданія Марко Поло; это предисловіе даетъ превосходный (стр. 67—87 нижеуказаннаго изданія) географическій очеркъ пограничныхъ областей юго-восточнаго Тибета и Китая, вмѣстѣ съ историческимъ обзоромъ путешествій, европейскихъ и иныхъ, въ этой части материка (См. стр. 87—141 предисловія); попутно, на стр. 125—128, Юль дѣлаетъ попытку разобраться въ китайской классификаціи племенъ по западной границѣ—Лоло, мань-цзы, си-фань и тибетцевъ, и сообщаетъ на стр. 133—136 данныя относительно языка указанныхъ и другихъ племенъ юго-западнаго Китая и ихъ письменности (сравни La Couperie, „Beginnings of Writing in and around Tibet", J. A. S., XVII, ч. I, (1885) и Yule, Marco Polo, изд. Cordier, II 60—64). Джилль также приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ племенахъ, напримѣръ, о Мосо (Му-су) въ нижеуказ. Brief Memoir, 28—29 и Лису тамъ же 29.

Второе изданіе книги въ одной части, сокращенное Баберомъ, вышло подъ прежнимъ заглавіемъ, но съ болѣе многочисленными рисунками въ Лондонѣ въ 1883 послѣ убійства Джилля въ Египтѣ, почему къ этому изданію приложенъ біографическій очеркъ путешественника, принадлежащій также перу Юля (Стр. 24—31 касаются его путешествія по Китаю, въ частности по западной окраинѣ послѣдняго).

Научное значеніе изслѣдованія Джилля—произведенной имъ съемки и тщательныхъ гипсометрическихъ наблюденій—было справедливо оцѣнено Королевскимъ Географическимъ Обществомъ въ Лондонѣ присужденіемъ Джиллю въ 1879 г. золотой медали (тамъ же 29—30). Весьма лестный отзывъ о путешественникѣ, высказанный Рихтгофеномъ, помѣщенъ тамъ же на стр. 30.*

Капитана Джилля сопровождалъ, начиная съ Чэнъ-ду фу, извѣстный въ Китаѣ William Mesny, пріобрѣтшій впослѣдствіи особую репутацію изданіемъ 4-хъ томовъ Mesny's Chinese Miscellany.

* Въ новомъ изданіи прежнее географическое предисловіе оставлено безъ значительныхъ измѣненій, съ добавленіемъ новѣйшихъ для того времени данныхъ.

Въ 1880 г. Mesny вторично посѣтилъ Сы-чуань, откуда поднялся къ сѣверу въ Ганьсу и затѣмъ Хами, завернувъ по дорогѣ въ Кукунор, гдѣ былъ въ мартѣ 1881. На обратномъ пути Mesny изъ Гань-чжоу пересѣкъ горы Наньшаня къ Кукунору, послѣ чего направился въ Си-нинъ фу и далѣе въ Лань-чжоу фу. Во время путешествія онъ собиралъ ботаническія коллекціи (одинъ видъ Salix cyanolimenaea, найденный въ Кукунорѣ былъ описанъ Hance); это обстоятельство заставило Бретшнейдера включить его имя и описаніе маршрута въ Hist. botan. discov., 744—747. Свѣдѣнія относительно указаннаго путешествія изложены самимъ Mesny въ письмѣ къ Cordier, напечатанномъ въ Revue Extreme Orient, II (1884), 542—84,

Маршрутъ Джиля разбирается Bretschneider, Hist. Bot. Disc., 730—732; далѣе на стр. 732—735 приводятся рядъ его наблюденій надъ растительной жизнью посѣщенной имъ тибето-китайской окраины.

Д. де Рэнсъ въ Bull. Soc. geogr. Paris, май 1881, выразилъ сожалѣніе, что Джилъ не могъ продолжить своего пути изъ Сунъпань тина въ Кукенору или Си-нинъ фу; съ тѣхъ поръ этотъ пробѣлъ былъ восполненъ въ 1884—1885 г. Потанинымъ, связавшимъ однимъ изъ своихъ маршрутовъ работы Джиля въ Сы-чуани съ съемками Пржевальскаго въ Ганьсу и западной Монголіи.

122. 1) R. Geogr. Soc., Suppl. papers, Vol. I, part 1. Travels and researches in West. China съ картою и профилями пути. Въ приложеніи описаніе пути между Да-ли-фу и Тэнъ-юэ, пройденнаго Баберомъ съ экспедиціей Гросвенора и замѣтки относительно чайной торговли съ Тибетомъ въ Да-цзянь лу.

Маршрутъ Бабера подробно указывается у Bretschneider, Hist. Bot. Disc., 727—729, съ перечнемъ нѣкоторыхъ его наблюденій въ области ботаники (тамъ-же 729—730).

2) Онъ собралъ не мало свѣдѣній относительно тиб. племенъ по кит.-тиб. границѣ, интересныхъ по новизнѣ для того времени и замѣчательныхъ по точности (см. упом. соч., стр. 81—82, 93—103 съ картою распредѣленія племенъ Си-фань (тибетскихъ).

3) Тамъ же стр. 66—79.

123. 1) Kreitner „Im fernen Osten". Сгр. 719—741 посвящены описанію озера Кукунора и монгольскихъ и тибетскихъ обитателей округа; стр. 829—859 даютъ географическій обзоръ Тибета и свѣдѣнія о прежнихъ европейскихъ изслѣдованіяхъ; стр. 814—823—замѣтки о Да-цзянь лу; 888—891 стр. посвящены Батану; имѣются также описанія Ли-тана и Чжунъ-дянь.

Первый томъ указаннаго большого сочиненія, вышедшій въ 1893 г. на нѣмецкомъ языкѣ (первоначально въ 1890 г. на венгерскомъ), состоитъ изъ двухъ частей; въ первой излагается самимъ графомъ Сечени ходъ экспедиціи, во вгорой приводятся Крейтнеромъ маршруты и астрономическія опредѣленія положеній, равно

какъ геологическія наблюденія Лоци (Loczy)—лучшая часть книги (стр. 307—836). Второй томъ, изданный въ 1896 г. на венгерскомъ и въ 1898 г. на нѣмецкомъ языкѣ, содержитъ перечень коллекцій графа Сечени и описаніе спеціалистами зоологической и ботанической въ ихъ числѣ.

Лоци составилъ интересную коллекцію растеній въ Ганьсу, близъ Кукунора, въ Сы-чуани и Юнь-нани, поднесенную графомъ Сечени Венгерскому Національному музею и описанную проф. Каницемъ (Kanitz) въ двухъ работахъ: Botanisch. Resultate der Centralasiat. Exped. Graf. Szecheny (Naturw. Berichte aus Ungarn, т. III (1886) и Plantarum a L. de Loczy in Asia centrali collectarum Enumeratio (1891, 67 стр.).

Лоци доставилъ въ Европу образчики листьевъ и цвѣтовъ съ знаменитаго дерева Кумбума, которое, на основаніи ихъ, было признано за Ligustrina amurensis, Rupr.—прекрасное въ общемъ дерево, обычное въ горахъ близъ Пекина.

Прекрасныя карты, приложенныя къ „Wiss. Ergebn.“ какъ заявляетъ Джэкъ по отношенію къ бассейну средняго Цзинь-ша, благодаря своей точности самымъ успѣшнымъ образомъ выдержали испытаніе провѣрки позднѣйшимъ путешественникомъ и послужили основаніемъ его собственной карты, съ нѣкоторыми лишь исправленіями (Back-blocks, предисл. VIII).

Главной цѣлью экспедиціи Сечени было также проникнуть въ Лхасу, и отъ этого плана онъ былъ вынужденъ отказаться окончательно лишь въ Батанѣ.

2) Hosie, „Three years in Western China: a Narrative of three Journeys in Sze ch'uan, Kuei chou and Yun-nan“, 1890 съ превосходной картою. Сводка маршрутовъ Хози дается Bretschn. Hist. Bot. Disc., 767—769. Во время третьяго путешествія (1884) Хози совершилъ восхожденіе на гору Омей. Въ указанномъ сочиненіи, принадлежащемъ его перу, на стр. 93—95 описывается торговля Я-чжоу-фу чаемъ для тибетскаго рынка; на стр. 101—2 г. указывается граница разселенія въ Сы-чуани Лоло и Си-фань (тибетцевъ), на стр. 224—225 сообщаются краткія свѣдѣнія относительно инородческихъ племенъ (въ томъ числѣ тибетцевъ) въ Западномъ Китаѣ.

Faber, Ernst посѣтилъ въ 1887 г. изъ Цзя-динъ-фу также гору Омэй, гдѣ собралъ большую коллекцію растеній, въ томъ числѣ рядъ новинокъ (см. перечень ихъ Бретшн., цит. сочин., 957).

3) „Тангуто-тибетская окраина Китая и Центральной Монголіи“, 2 т. СПБ. 1893; о тангутахъ провинціи Амдо—осѣдлыхъ и кочевыхъ говорится въ I томѣ, стр. 392—398 (По объясненію Потанина, тангуты обозначаютъ именемъ Амдо восточную часть области Кукенора и юго-западную часть Гань-су, включая префектуру Си-нинъ-фу). Второй томъ этого сочиненія содержитъ народныя сказки и легенды.

Обширныя ботаническія коллекціи Потанина и его жены дали матеріалъ Максимовичу для важныхъ работъ послѣдняго: „Flora Tangutica“ и „Plantae Chinenses Potanianae et Piasezkianae“, начатыхъ въ 1889 г. Нѣкоторыя новинки были описаны Баталинымъ, Винклеромъ и Кузнецовымъ.

Путешествіе Потанина 1884—1886 гг. разбирается Бретшнейдеромъ, цит. сочин. стр. 1011—1016.

124. 1) „Танг.-тиб. окраина“,

Во время путешествія Потанина и Скасси въ Сунь-пань-тинъ, Березовскій оставался въ Си-гу, въ долинѣ Хэй-шуй цзяна, верховья Цзя-линъ, собирая зоологическія и ботаническія коллекціи въ мѣстности, географически принадлежащей къ тибетскимъ нагорьямъ и съ значительнымъ тибетскимъ населеніемъ (селенія носятъ тибетскія и китайскія названія; послѣднія представляютъ лишь передачу звуковъ первыхъ—Ле-де-би по тангутски, Ло-то пинъ по кит.). Изъ Си-гу Березовскій съѣздилъ въ Кумбум проститься съ товарищами, т. к. оставался еще на годъ въ Китаѣ.

125. 1) Пиш. гсер-мц'о.

2) Изв. 1887 стр. 481—519 и карта Амдо и Кама (стр. 572, № 2).

3) „Предварительный отчетъ путешествія въ Ганьсу“, тамъ же стр. 290—312 и Тангуто-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія, 2 тома 1893 (О Кумбумѣ 210—212 и 385—392).

Послѣ отъѣзда Потанина изъ Кумбума Березовскій вернулся черезъ Си-нинъ фу, Сань-чуань, Хэ-чжоу, Ди-дао и Минь чжоу въ городъ Си-гу, который послужилъ исходнымъ пунктомъ для нѣсколькихъ экскурсій внутрь горной области на западъ и югъ отъ него. Всѣ свѣдѣнія относительно работъ Березовскаго въ указанной области помѣщены въ капитальномъ изданіи: Березовскій и Біанки. „Птицы Гань-Суйскаго путешествія 1891“, гдѣ приводятся и цѣнныя замѣтки на счетъ орографіи, гидрографіи, этнографіи, флоры и фауны округа Си-гу.

6 января 1887 г. Березовскій покинулъ Си-гу и послѣ трехъмѣсячнаго пребыванія въ Хуй сянь и ближайшемъ раіонѣ, достигъ Си-нинъ фу и затѣмъ Лянъ-чжоу фу, откуда черезъ Лань-чжоу фу, Нинъ-ся фу и Бао-тоу вышелъ къ Калгану. Зоологическія коллекціи Березовскаго (изъ юго-западной Ганьсу) представляютъ большую цѣнность; описаніе различныхъ ихъ отдѣловъ было дано въ слѣдующихъ работахъ: Buechner, Die Saeugethiere der Kansu Expedition. Mél. Biol. XIII (1894) 143—164; Berezovski et Bianchi: Aves Expeditionis Potanini per provinciam Kansu 1891; различныя статьи относительно насѣкомыхъ въ Horae Societatis Entomologicae Rossicae, XXI (1887) до XXIV (1890).

4) Часто, но неправильно называемый Ли-фань фу, что является собственно титуломъ подъ-префекта.

На пути въ Да-цзянь лу Потанинъ изъ Я-чжоу фу совершилъ

вмѣстѣ съ Рабдановымъ восхожденіе на гору О-мей (31 марта—1 апрѣля новаго стиля). Въ Да-цзянъ лу Потанинъ пробылъ 3 мѣсяца, дѣятельно собирая коллекціи въ окрестныхъ горахъ.

5) Среди тибетскаго населенія (китайскія селенія встрѣчались лишь въ болѣе значительныхъ долинахъ, поэтому большинство названій мѣстечекъ, отмѣченныхъ Потанинымъ, китайскія). Потанинъ ошибочно называетъ эту мѣстность „нагорье К'ама", который въ дѣйствительности начинается лишь за Батаномъ. Время путешествія Потанина (іюль—августъ новаго стиля) по этой странѣ было наиболѣе благопріятно для ботаническихъ коллекцій, оказавшихся чрезвычайно богатыми новыми видами.

126. 1) См. краткій отчетъ въ Изв. 1893, стр. 455.

По дорогѣ Кашкаровъ нашелъ только 900 образцовъ растеній, т. к. въ этой возвышенной странѣ растительность въ маѣ и іюнѣ бываетъ еще мало развита, но зато успѣлъ собрать 1029 насѣкомыхъ и нѣкоторое число рыбъ, змѣй и ящерицъ. Большая часть этихъ коллекцій была сдѣлана на р. Я-лунъ и въ окрестностяхъ Батана. Въ послѣднемъ городѣ Кашкаровъ подвергся нападенію мѣстнаго населенія.

2) Изв. 1899, стр. 363—436 съ 2 картами (одна изъ нихъ принадлежитъ Ростгорну). См. также Bretschn. Hist. Bot. Disc. 1019—1022.

Относительно нижеуказываемыхъ работъ Березовскаго нужно замѣтить, что послѣдній совершилъ во время настоящей экспедиціи Потанина экскурсію изъ Хуй сянь, куда прибылъ въ мартѣ 1892 г., въ Минь-чжоу, затѣмъ въ Лунъ-ань фу и Чэнъ-ду и прожилъ съ апрѣля 1893 по январь 1894 г. въ тибетскомъ селеніи Му-гуа чжи (въ 33 верстахъ на сѣверъ отъ Лунъ-ань фу и на южномъ склонѣ пограничнаго между Сы-чуанью и Ганьсу высокаго хребта). Въ февралѣ 1894 г. онъ изъ Лунъ-ань фу достигъ Сунъ-пань тина, гдѣ пробылъ съ февраля по октябрь, при чемъ совершилъ экскурсію на нагорныя степени (цао-ди) на сѣверо-западъ отъ Сунь-пань тина, уже внутри бассейна Хуанъ хэ. Въ октябрѣ Березовскій выѣхалъ въ Хуй-сянь, здѣсь пробылъ до января 1895 г. и затѣмъ черезъ Си-ань фу достигъ Пекина. Цѣнныя зоологическія коллекціи Березовскаго, вывезенныя изъ этого путешествія, включаютъ такіе рѣдкіе экземпляры, какъ Budorcas (животное похожее на быка и овцу, но въ дѣйствительности являющееся антилопою), два вида Nemorhoedus, Ailuropus melanoleucus, 4,000 образчиковъ насѣкомыхъ.

Въ Annuaire Musée zool. Acad. Petersbourg, I 1896 стр. 190—219 помѣщенъ докладъ Гюнтера относительно коллекцій пресмыкающихся, лягушекъ, разныхъ гадовъ и рыбъ, собранныхъ Потанинымъ и Березовскимъ въ Ганьсу и Сы-чуани.

См. еще Березовскій, М. М., „Барометрическій дневникъ, веденный въ городѣ Хой-сянь, въ южной части провинціи Гань-су, въ Китаѣ, въ 1892—1892 годахъ г-омъ Lauwaert, католическимъ мис-

сіонеромъ", составилъ... Зап. И. Р. Г. О., по общей географіи, т. XXXIII, № 3.

3) Чжарунъ=Гжяронъ.

4) Изв. 1999, 410.

127. 1) Указанной книжкою Ростгорна даются подробности относительно тибетскихъ племенъ области Цзинь-чуань.

2) Въ 1889 г. Праттъ проѣхалъ изъ Цзя-динъ фу путемъ вдоль р. Тунъ въ Фу-линь и далѣе черезъ Лу-динъ цяо въ Да-цзянь лу, гдѣ пробылъ 6 недѣль, причемъ совершалъ экскурсіи на юго-западъ (до перевала Chetoh) и сѣверъ отъ города (на высокія горы, въ сопровожденіи миссіонера Сулье). Въ пути Праттъ дѣятельно собиралъ естественно-историческія коллекціи, между прочимъ ботаническія и энтомологическія; перечень найденныхъ видовъ помѣщенъ въ концѣ указанной книги. X глава послѣдней спеціально посвящена описанію (довольно безсодержательному и разбросанному) Да-цзянь лу (фотографія общаго вида города приложена къ стр. 134) и пребыванія въ немъ автора.

Въ 1890 г. Праттъ вторично посѣтилъ изъ Ханькоу и Цзя-динъ фу, Да-цзянь лу путемъ черезъ гору Омэй (на которую совершилъ восхожденіе и вверхъ по р. Я до Я-чжоу фу, гдѣ вышелъ на обычную дорогу въ указанный городъ. Изъ Да-цзянь лу Праттъ посѣтилъ Снѣжныя горы на Ю.-В. отъ города и, пока спутникъ его, Kricheldorff, ѣздилъ въ Му-пинъ въ 10 дняхъ разстоянія на востокъ и сѣверо-востокъ, памятный по посѣщенію Давида въ 1869 г. (однако, на этотъ разъ результаты поѣздки оказались неутѣшительными съ естественно-исторической точки зрѣнія въ виду большихъ трудностей, испытанныхъ Крихельдорфомъ среди мѣстнаго населенія), посѣтилъ миссіонерскую станцію Мо-си-мянь въ 40 миляхъ на ЮЮВ. отъ Да-цзянь лу и прожилъ нѣкоторое время въ бревенчатой хижинѣ въ горахъ на высотѣ 12,000 ф. близъ линіи вѣчнаго снѣга. Эти горы славятся лекарственными растеніями: ревенью, чжунъ-цао (изображенія на 234 стр. книги „To the Snows", бэй-му и т. д.) см. Bretschn. Hist. bot. discov., 804.

Въ концѣ іюня принцъ Генрихъ Орлеанскій, проѣздомъ черезъ Да-цзянь лу, поручилъ Пратту доставку къ берегу своихъ коллекцій, и 21 іюля послѣдній отправился въ обратный путь снова черезъ гору О-мэй въ Цзя-динъ фу, встрѣтившись въ Цзя-динъ фу съ Крихельдорфомъ.

Праттъ занимался главнымъ образомъ сборомъ зоологическихъ образцовъ (въ приложеніи къ его книгѣ мы находимъ 1) List of Birds collected in China by A. E. Pratt; 2) List of the Species of Reptiles and Fishes, with description of the new species. By Alb. Guenther. 3) List of Lepidoptera collected by the Author at Kiu-Kiang), но по настоянію д-ра Генри нанялъ китайца, обученнаго составленію ботаническихъ коллекцій. Всѣ растенія, доставленныя Праттомъ для Kew Gardens, были найдены въ западной Сычуани, главнымъ об-

разомъ близъ Да-цзянь лу на высотѣ отъ 9 до 13½ тыс. футовъ и послужили матеріаломъ для интересной статьи Helmsley въ Linnean Society's Journ. XXIX (1892) 297—322: „Observations on a Botanical Collection; made by Mr. A. E. Pratt in Western China" (см. Bretsch. цит. сочин. 805—806).

3) Bishop, „Yangtze valley and beyond", London 1899, даетъ на стр. 361—442 описаніе пути отъ Гуань сянь вверхъ по долинѣ Минь въ Синь-вэнь пинъ, Цза-гу тинъ и Сомо, со многими иллюстраціями, главнымъ образомъ, ландшафтныхъ видовъ; въ отдѣльной главѣ (стр. 443—452) сообщаются краткія указанія на управленіе и обычаи мѣстныхъ жителей, какъ тибетцевъ, такъ и другихъ некитайскихъ племенъ. Отмѣтимъ еще двѣ фотографіи замка Сомо на стр. 446 и 452.

Ея же путешествіе по Ладаку послужило предметомъ другой книги „Among the Tibetans".

4) London 1901.

Во время путешествія по западной окраинѣ Сычуани въ 1892 г. отъ Фулинь черезъ Лу-динъ цяо въ Да-цзянь лу и обратно черезъ Я-чжоу фу, Литтль внимательно наблюдалъ жизнь и обычаи населенія—китайскаго и тибетскаго, въ предѣлахъ посѣщеннаго раіона и ихъ экономическую дѣятельность, изложивъ свои впечатлѣнія о Да-цзянь лу на стр. 178—190 и о чайномъ производствѣ округа Я-чжоу на стр. 212 (въ особенности 214)—217. Лѣтомъ 1897 г. Литтль поднялся изъ Гуань сянь въ Сунъ-пань тинъ и даже немного выше и черезъ Лунъ-ань фу достигъ Фу цзянъ и внизъ по теченію этой рѣки спустился къ Янъ-цзы. Его наблюденія надъ дорогою въ Сунъ-пань тинъ изложены тамъ же стр. 247—8, а надъ торговымъ движеніемъ по этой дорогѣ—250 стр. Самому Сунъ-пань тину и окрестному тибетскому населенію посвящены стр. 250—1 и 256 (Сунъ-пань тинъ) и 283—6 (Си-фань). На западъ отъ Сунъ-пань тина, снѣжныя массы Сюэ-бао-динъ отмѣчаютъ границу тибетской страны (см. стр. 258—9).

128. 1) Письма изъ этого путешествія были помѣщены въ Bull. Soc. Geogr. Com. Paris, 1895—6. См. также P. M., 1896, стр. 265 и Bonin, Note sur les resultats géographiques de la mission accomplie au Tibet et en Mongolie en 1895—1896 (Bul. Soc. Geogr. Paris 1898) стр. 389 -403.

2) Свѣдѣнія относительно второго путешествія Бонина даются въ статьѣ самого путешественника въ Bull. Soc. Geog. Com. XXIII (1901), стр. 284—302, подъ заглавіемъ: „De la Chine a la Mer Noire, a travers l'Asie".

Во время пребыванія въ Ша чжоу Бонинъ сдѣлалъ снимки съ китайскихъ надписей въ гротѣ 10,000 буддъ. Ср. II вып. „Описанія" прим. 3 къ 38 стр.; имъ же была найдена въ западномъ Китаѣ рукопись моссо (см. Bonin, Note sur un manuscrit Mosso, „Extr. Orient", 1—10).

3) Маршруты обоихъ путешествій нанесены на карту при 284 стр. Bull. Soc. Geogr. Com. 1901 г.

4) „Backblocks of China" 173.

129. 1) Путешествіе принца было описано въ книгѣ „De Tonkin aux Indes". 1898 Докладъ его же Лонд. Геогр. Общ. былъ напечатанъ въ G. J. 1896, 566—85.

2) Miss. Lyon. I 169, 182—8 съ фотогр.

3) Тамъ же 169—170 и карта II 270.

4) Report of journey to North Ssuchuan. Foreign office № 457 Misc. Ser. May 1898. Ему же принадлежитъ „Notes of a journey from Yachou to Tachienlu. (Тамъ же № 475. Sept. 1898 и отдѣльнымъ изданіемъ редакціи „Shanghai Mercury"). О тибетскихъ племенахъ говорится въ главѣ III послѣдненазванной работы. Въ 1903 г. Литтонъ совершилъ весьма интересное путешествіе по сѣверо-западной Юньнани вплоть до Сальвина внутри территоріи, занятой отчасти племенами тибетскаго происхожденія.

132. 1) G. J. іюнь и ноябрь 1900, съ 2 картами.

133. 1) Эти мосты, состоящіе изъ одного только бамбуковаго каната (въ долинахъ Минь и прочихъ рѣкъ въ сѣверной Сычуани такихъ канатовъ два для переправы въ обоихъ направленіяхъ; см. напр. описаніе этого вида переправы въ Watson, Journey to Sungpan, J. Ch. Br. 1905, 59—60), встрѣчаются на Меконгѣ по пути отъ Шигу въ Вэй-си каждыя 2—3 мили. Jack, „Back-blocks", 179.

2) Краткое описаніе путей Райдера см. Ryder, Exploration in Western China, G. J. февр. 1903 съ картою, прилож. къ августовск. книжкѣ. См. также Manifold, „Recent exploration in Centr. and Western China", съ картою, стр. 289—290 тамъ же мартъ 1904.

3) См. Jack, „Backblocks" 101—102.

134. 1) Вэй-си оказался много сѣвернѣе, чѣмъ помѣчался раньше на картахъ.

2) Описаніе путей миссіи въ сѣверо-западной Сы-чуани и ихъ стремительнаго бѣгства даетъ упомянутая книга д-ра Логанъ Джэка. Благодаря сравнительно небольшому объему и обширности маршрута она сообщаетъ мало детальныхъ и новыхъ свѣдѣній, но интересны двѣ карты на 98 стр. и 242 стр., особенно послѣдняя, изображающая пройденную область Я-луна, Цзинь-ша и Меконга между 29° и 25° с. ш. Изысканія миссіи придали нѣсколько иныя очертанія участку нижняго теченія Я-лунъ подъ 28°, гдѣ рѣка дѣлаетъ двойной изгибъ на протяженіи почти градуса долготы, и подтвердили открытіе Бонина относительно петли Янъ-цзы на сѣверъ отъ Ли-цзянь фу. Превосходныя фотографіи повторяютъ болѣ или менѣе извѣстные кит. виды (зданій и лицъ); исключеніе составляетъ на 86 стр.—интересная фотографія типичной деревни мань-цзы въ Чжаэрръ гай въ долинѣ Минь.

3) См. его докладъ въ Bull. Soc. géogr. Marseille, 1904, № 4, 402—415 стр., также въ Бюлл. Геогр. Общ. въ Тулузѣ 1904; его собст-

венный отчетъ въ Géographie vol. XI (1905), стр. 285—292. Краткія замѣтки и впечатлѣнія путешествія съ чертежомъ карты помѣщены въ Bull. Géogr. Com. Paris 1903, стр. 570—582.

135. 1) Bull. Amer. Geogr. Soc. Іюнь 1905, напечаталъ дневникъ Никольса отъ Чунъ-цинъ фу до Да-цзянь лу.

2) Genschow, „Unter Chinesen und tibetanern“, Rostock in M. 1905 съ маршрутной съемкою отъ Да-цзянь лу до Да-ли фу на двухъ листахъ.

136. 1) Китайскіе курьеры проѣзжаютъ то же разстояніе несравненно скорѣе, за то ѣдутъ днемъ и ночью. На весь путь изъ Батана до Пекина эстафета употребляетъ только 14 дней. Упом. сочин. 297.

137. 1) Тамъ же 317.

2) Тамъ же 325—6.

3) 337; между прочимъ указывается, что власть сосѣдняго монастыря надъ тибетскимъ населеніемъ поддерживается денежнымъ закрѣпощеніемъ жителей ламами, которые не останавливаются передъ продажею женъ и дѣтей неисправныхъ должниковъ въ рабство.

4) 344 стр.

5) Напр., на стр. 263 горный ландшафтъ (на 262 характерное обо), 277, 298 (видъ Батана), 319, 343.

138. 1) См. стр. 264, 268, 269 (тибетецъ верхомъ), 275, 283 (женск. украшенія), 288, 303 (танцоры въ Батанѣ), фокусники на 309; стр. 317.

2) Стр. 265, 267, 294, 295 (чортен), 307, 313, 327, 332, 340—341.

3) China, № 1 (1905): Report by Hosie on a journey to the eastern frontier of Thibet (стр. 50—54 рисуютъ бытъ и нравы тибетскаго населенія въ предѣлахъ пройденнаго маршрута).

4) China, № 5 (1904): Report by Hosie on the province of Ssu-chuan (любопытны свѣдѣнія о тибетскихъ продуктахъ, участвующихъ въ сы-чуань'ской торговлѣ).

Изъ новѣйшихъ изслѣдованій пограничной тибетско-китайской полосы въ Сы-чуани и Юнь-нани отмѣтимъ путешествіе Лежендра, который зимою 1904—5 г.г. совершилъ экскурсію изъ Чэнъ-ду фу въ Цзя-динъ и на гору Омэй, отсюда прошелъ вверхъ по Да-ду хэ до Фулинь (производя наблюденія надъ лоло) и черезъ Цинъ-ци сянь достигъ Я-чжоу, а затѣмъ черезъ Цюнъ чжу вернулся въ Чэнъ-ду.

Посѣщеніе Я-чжоу дало Лежендру поводъ коснуться въ своей книгѣ: Legendre, Dr. A. F. „Le Far—West Chinois. Deux années au Setchouen“, чайнаго производства и вообще торговли этого раіона (стр. 320 и 323—4). Эти свѣдѣнія какъ-бы дополняются статьей Betz, „Eine Reise in Szechuan“, Mitt. Sem. Or. Spr. Berlin IX (1906), 1—72, гдѣ содержатся краткія указанія на тибетскую тор-

говлю городовъ Гуань сянь (см. стр. 3—44 и 46) и Я-чжоу фу (главнымъ образомъ вывозъ чая стр. 48—51), лежавшихъ на пути кружного маршрута изъ Чэнъ-ду фу въ Цзя-динъ-фу, и на торговыя дороги, соединяющія указанные города съ тибетскими округами (стр. 43 и 48).

Въ 1904 г. W. C. Haines Watson, въ сопровожденіи E. H. Wilson, совершилъ путешествіе изъ Чэнъ-ду фу вверхъ по р. Минь въ Сунъ-пань тинъ, описавъ въ статьѣ „Journey to Sungp'an", помѣщенной въ J. Ch. Br. 1905, стр. 50—102, съ схематической картою, впечатлѣнія отъ путешествія и весьма интересныя наблюденія надъ торговлею въ городахъ по пути—Гуань сянь (см. стр. 87—89), Мао чжоу (89 стр.) и главное Сунъ-пань тинѣ (стр. 90—100). Кратковременное знакомство съ представителями племенъ си-фань и мань-цзы, встрѣчаемыхъ въ этомъ раіонѣ, равно какъ сравненіе небольшого числа наиболѣе употребительныхъ словъ изъ ихъ языка, убѣждаетъ Уотсона, что си-фань, каковой терминъ онъ прилагаетъ къ племенамъ на сѣверъ отъ праваго притока р. Минь—Лю-хуа хэ и вокругъ Сунъ-пань тина, являются безспорно тибетскаго происхожденія, тогда какъ мань-цзы, разумѣя подъ ними туземныхъ обитателей въ странѣ на югъ отъ указанной Лю-хуа хэ, въ Ли-фань тинѣ и около Гуань-сянь, являются потомками аборигеновъ Сы-чуани, или пещерныхъ обитателей этой страны, вытѣсненныхъ китайцами съ Янъ-цзы и Цзя-динъ фу на окраину тибетскаго нагорья, и въ отношеніи физическаго типа и языка совершенно отличны отъ Си-фань и тибетцевъ, съ которыми имѣютъ общаго единственно типъ архитектуры домовъ, болѣе удобно и легко исполнимый, нежели устройство прежнихъ пещеръ (см. сопоставленіе внѣшности и обычаевъ си-фань и мань-цзы 81—87).

Изъ путевыхъ впечатлѣній Уотсона необходимо отмѣтить трудности существующей дороги вдоль р. Минь, во многихъ мѣстахъ представляющей собою узкую тропу, повислую на большой высотѣ надъ рѣкою по крутой сторонѣ долиннаго ущелья и нерѣдко проводимой искусственно по полусгнившимъ деревяннымъ мосткамъ. Далѣе указывается, что Сунъ-панъ тинъ отмѣчаетъ своимъ положеніемъ переходъ отъ рѣчныхъ ущелій къ широкимъ и отлогимъ равнинамъ травянистой тибетской страны (цао-ди), почему представляется весьма интереснымъ довольно подробное описаніе этого пограничнаго тибето-китайскаго города, приводимое на стр. 73—81. Спутникъ Уотсона, Вильсонъ, сообщаетъ на 72 стр. нѣкоторыя ботаническія наблюденія.

Въ 1907 г. французскій капитанъ d'Ollone, отправленный во главѣ экспедиціи съ цѣлью изученія туземныхъ народностей Ло-ло, Мяо-цзы, Чжунъ-цзя и т. д., впервые пересѣкъ страну Лоло—Да-лянъ шань изъ Нинъ-юань фу, къ Янъ-цзы, немного ниже Люй-бо тина. См. Echo de Chine, 30 іюля 1907, гдѣ указываются прежнія по-

пытки изслѣдованія областей юго-западнаго Китая, начиная съ Гарнье.

На пограничную съ Тибетомъ полосу Юнь-нани европ. путешественники вообще обращаютъ меньше вниманія, однако, въ 1905—1906 г. E. C. Young прошелъ изъ Юньнани въ Ассамъ вдоль тибетской границы, по маршруту изъ Да-ли-фу черезъ Тэнъ-чуань-чжоу, Юнь-лунъ-чжоу, Фэй-лунъ цно [на р. Меконгѣ], Лу-коу 25° 50' с. ш. и 98°55' в. д. на Сальвинѣ, откуда путешественникъ поднялся по правому берегу рѣки до Лань-цзя-ди (26°30' с. ш. и 99°3' в. д.), и черезъ страну Kachin и Singpho къ Садіи. Во время пребыванія въ долинѣ Сальвина, Юнгъ могъ собрать довольно подробныя свѣдѣнія относительно Лису [Лисо], составляющихъ главную массу населенія долины (см. стр. 158—160 нижеуказываемаго сообщенія). Управленіе Лису сосредоточено въ рукахъ „ту-сы"—мѣстныхъ старшинъ, власть коихъ поднимается по долинѣ до 26°16' с. ш., послѣ чего идутъ независимыя племена, именуемыя „Улу-лама", вѣроятно тибетскаго происхожденія [о нихъ тамъ же 163—164], преградившія Юнгу дальнѣйшій путь по рѣкѣ.

Сообщеніе E. C. Young относительно настоящаго путешествія было напечатано съ картою въ G. J. авг. 1907, стр. 152—180.

139. 1) Для памяти укажемъ, что западную окраину Тибета (скорѣе Ладакъ), кромѣ пандитовъ, затронули въ большей или меньшей степени со времени Шлагинтвейта въ 1856—7 гг.—Джонсонъ въ 1865 г. (іюль—декабрь), Шоо въ 1868—1869 гг., Гэйуордъ въ тѣ же годы, первая экспедиція Форсайза въ 1870 г. и вторая въ 1873—4 гг. Всѣ указанныя экспедиціи мѣстами лишь повторили маршрутъ путешествія въ 1812 г. Мир-иззетъ-уллы, описаніе коего было помѣщено въ J. A. S. VII и J. A. S. Beng. IV (помимо того Клапротомъ въ II томѣ Magazin Asiatique и Ritter въ Asien т. II и III).

Указанный Мир-иззетъ-улла былъ посланъ изъ Ле Муркрофтомъ, задержаннымъ въ этомъ городѣ нежеланіемъ китайскихъ властей пропустить его въ область Яркенда. Такимъ образомъ честь перваго пользованія туземцемъ для производства изслѣдованій въ недоступныхъ европейцамъ мѣстностяхъ Центральной Азіи принадлежитъ по праву Муркрофту, а полковникъ Уокеръ и маіоръ Монгомери лишь продолжали, слѣдовательно, дѣло, начатое до нихъ, хотя бы въ единичномъ случаѣ и по частной инициативѣ. Первой попыткою съ ихъ стороны была посылка Мунши (письмоводителя) Мухамедъ-Хамида въ Яркянь въ 1863 г., который, правда, добрался изъ Ле до назначенной цѣли, но умеръ на обратномъ пути; его наблюденія были помѣщены Монгомери въ J. G. S., XXXVI (1866), стр. 157—172 подъ заглавіемъ „On the geographical position of Yarkund and some other places in Central Asia (на русскомъ языкѣ см. въ Изв. 1868, отд. II, стр. 250—252).

Одновременно съ пребываніемъ во владѣніяхъ Якуб-бека Шоо и Гэйорда прибылъ туда же черезъ Бадакшанъ и Памиръ зимой

1868—69 гг. новый агентъ Монгомери, извѣстный подъ обозначеніемъ „Мирза", вернувшійся обратно черезъ Каракорум и Ладак, производя на своемъ пути гипсометрическія и астрономическія наблюденія [см. краткій отчетъ Монгомери въ Gen. Report за 1869 г. [извлеченіе Венюкова въ Изв. 1872, отд. II, стр. 28—30) и болѣе полныя свѣдѣнія въ J. Geogr. S., XLI (1871), стр. 132—193).

Путь между Ладакомъ и Восточнымъ Туркестаномъ былъ посѣщенъ, хотя и не изслѣдованъ такъ же точно, какъ позднѣйшими англійскими агентами, случайными русскими путешественниками уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Такъ, черезъ Ладакъ и Кашмиръ проникъ изъ Восточнаго Туркестана въ Индію Филиппъ Ефремовъ въ 1780 г., бѣжавшій изъ бухарскаго плѣна („Девятилѣтнее странствованіе и приключенія въ Бухарѣ, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда черезъ Англію въ Россію Ефремова". Первое изданіе въ Петербургѣ въ 1786 г., второе въ 1794 году тамъ же, третье въ Казани въ 1811 г., гораздо длиннѣе благодаря вставкамъ изъ чужихъ книгъ, четвертое съ подлинной рукописи въ „Русской Старинѣ", 1893 № 7); этимъ же путемъ, только въ обратномъ направленіи, прошли въ началѣ XIX ст. армянскіе братья Атанасовы (см. „Показаніе", снятое съ Атанасовыхъ въ Семипалатинскѣ въ 1807 г., въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" (изд. Спасскимъ) за 1824, стр. 169—176) и грузинскій дворянинъ Рафаилъ Данибеговъ въ концѣ XVIII стол. („Путешествіе въ Индію грузинскаго дворянина Рафаила Данибегова", переводъ съ грузинскаго. Москва 1815).

Первымъ изъ числа выше указанныхъ англійскихъ путешественниковъ былъ Джонсонъ [Johnson], составившій: „Report on a journey to Ilchi, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary". Съ картою, J. Geogr. XXXVII [1867], 1—47. Маршрутъ путешествія былъ Ле, озеро Панъ-конъ, Чагра, перевалъ Масимик [почти 19000 ф.], затѣмъ обширное плато со многими озерами, простирающимися до цѣпи Куэнь-луня, рѣка Каракаш близъ истоковъ, Янгидаван, Хотан; обратно—Санджу, Шахидулла и перевалъ Каракорум.

Въ 1868 г. Шоо (Shaw), чайный плантаторъ, прошелъ съ торговыми цѣлями изъ Ле черезъ Бжянъ-ла въ долину Бжянъ-ч'ен-мо (больш. сѣверная рѣка), коснулся озера Панъ-конъ, затѣмъ пересѣкъ Линъ-дзи т'анъ къ рѣкѣ Каракаш и достигъ Шах-и-дулла. Въ то же время Hayward поднялся по долинѣ Бжянъ-ч'ен-мо и достигъ Шах-и-дулла другимъ маршрутомъ, тоже черезъ верховье р. Каракаш, только въ 80 миляхъ выше пункта, затронутаго Шоо на этой рѣкѣ, послѣ чего спустился по Каракашу, какъ и Шоо, къ бассейну Тарима.

Шоо впослѣдствіе былъ англійскимъ уполномоченнымъ въ Ладакѣ, тогда какъ Гэуордъ былъ убитъ вслѣдъ за тѣмъ въ Ясинѣ.

Въ книгѣ Shaw, „Visits to high Tartary, Yarkand and Kash-

gar" мы находимъ на стр. 6—11 краткое описаніе тибетскаго нагорья и его обитателей, на стр. 69—70 описаніе озера Панъ-конъ, на стр. 90 краткую замѣтку относительно устройства поверхности Линъ-дзи тана въ пунктѣ, посѣщенномъ Шоо. Кромѣ того Шоо привезъ изъ путешествія нѣсколько шкуръ животныхъ, оказавшихся новыми для науки. Указанная книга была переведена на русскій языкъ: Р. Ша, „Очерки верхней Татаріи, Яркенда и Кашгара", СПБ. 1872.

Наблюденія Гэйорда были изложены имъ „Journey from Leh to Yarkand and Kashgar, 1868—69 and exploration of the sources of the Yarkand River". (J. R. Geogr. Soc. XL [1870], 33—166).

Первая экспедиція Форсайза, отправленная вице-королемъ Индіи лордомъ Маіо безъ всякой политической цѣли, по свидѣтельству д-ра Хендерсона, но лишь съ порученіемъ сдѣлать дружескій визитъ Аталик Гази (титулъ Якуб-бека) въ Яркендѣ, состояла изъ самаго Форзайса (Forsyth), упомянутаго Шоо и Хендерсона. Описаніе этого путешествія было издано подъ заглавіемъ: Henderson and Hume, „Lahore to Yarkand. Incidents of the route and Natural history of the countries traversed by the expedition of 1870 under T. D. Forsyth", 1873.

Маршрутъ экспедиціи былъ: Ле, сѣверо-западная оконечность озера Панъ-конъ, пустыня Линъ-дзи т'анъ между 79° и 80° къ р. Каракашъ подъ 36° и внизъ по указанной рѣкѣ, затѣмъ въ Санчжу и Яркендъ; обратно -вверхъ по Каракашу до его истоковъ и черезъ юго-западный выступъ Линъ-дзи тана къ прежнему маршруту у сѣверо-западной оконечности Панъ-кона.

Упомянутое сочиненіе разбивается на двѣ части: въ первой—повѣствованія Гендерсона—на стр. 59—66 описываются озеро Панъ-конъ и прилегающая на западѣ мѣстность, а на стр. 66—86 рисуется путешествіе черезъ пустыню Линъ-дзи танъ. Вторая часть посвящена описанію естественно-историческихъ коллекцій—птицъ (обработанныхъ Хьюмомъ), насѣкомыхъ и растеній, при чемъ въ приводимыхъ перечняхъ названій видовъ нерѣдки и представители сѣверо-западнаго Тибета и Линъ-дзи тана, или виды, общіе Ладаку и сопредѣльнымъ частямъ Тибета. Въ заключеніе приводятся метеорологическія таблицы (съ 13 іюля по 29 іюля для области Панъконъ и Линъ-дзи тана).

Вторая и болѣе многочисленная экспедиція того же Форсайза (въ составъ ея входили, кромѣ него самаго, еще лейтенантъ-полковникъ Гордонъ, капитаны Троттеръ, Чэпманъ и Биддульфъ, докторъ Беллью и геологъ Столичка (Stolizka) прошла въ 1873—4 гг. на пути изъ Ле въ Яркендъ и Кашгаръ черезъ перевалы Каракорум и Санджу еще въ большемъ разстояніи отъ политической границы Тибета; но, помимо важнаго достигнутаго ею политическаго успѣха—заключенія торговаго договора съ Якубъ-бекомъ, научные результаты этой экспедиціи благодаря участію большаго

числа научныхъ силъ оказались несравненно болѣе цѣнными, нежели скромные результаты первой экспедиціи. Общій обзоръ работъ дается въ „Report of a mission to Yarkand (and Kashgar) in 1873 under command of sir T. D. Forsyth, Calcutta 1875. Въ томъ же году, только въ Лондонѣ было издано описаніе той же экспедиціи, составленное Белью: Bellew, „Kashmir and Kashgar. A Narrative of the journey of the Embassy to Kashgar, 1873—1874„. Третій изъ участниковъ экспедиціи, Столічка, производившій геологическія изысканія и собравшій обширныя зоологическія коллекціи (млекопитающіяся, птицы, пресмыкающіяся, земноводныя рыбы, моллюски, насѣкомыя), не могъ самъ обработать результаты своихъ работъ, т. к. скончался на обратномъ пути при переходѣ черезъ Каракорум. Этотъ трудъ выполнили за него другія компетентныя лица въ формѣ: „Scientific Results of the Second Yarkand Mission, based upon the collections and notes of the late F. Stolizka, now published under the editorship of A. O. Hume, Calcutta. by order of the government of India", 1878 („Птицы" были изданы въ 1891 г.). Наконецъ Trotter помѣстилъ въ J. G. S. въ Лондонѣ (т. XLVIII, 1878) отчетъ касательно географическихъ результатовъ миссіи Форсайза 1873—4 гг.

На русскомъ языкѣ мы находимъ относительно этой экспедиціи, кромѣ ряда журнальныхъ статей, болѣе подробную работу въ Сборн. геогр., топогр. и стат. матеріаловъ по Азіи, 1884, вып. 10, стр. 93—141 (маршруты, пройденные членами экспедиціи).

Менѣе значительныя путешествія по Ладаку были совершены, помимо указанныхъ, Симпсономъ и Вильсономъ.

Симпсонъ въ 1860 г. посѣтилъ изъ Симлы Chini и Kanum (Башар), гдѣ впервые познакомился съ аттрибутами ламайскаго культа, въ частности съ молитвеннымъ колесомъ, впослѣдствіи послужившимъ ему темою для спеціальной монографіи. Первыя мимолетныя впечатлѣнія были расширены и пополнены имъ въ слѣдующемъ году (1861) во время болѣе обширнаго путешествія среди тибетскаго населенія Ладака и Рупчу, въ частности посѣщенія монастыря Hemis. Собранный матеріалъ далъ исходную точку для дальнѣйшихъ работъ надъ вопросомъ относительно молитвеннаго колеса и связаннаго съ этимъ религіознымъ символизмомъ у различныхъ народовъ, въ результатѣ коихъ явилось сочиненіе: Simpson, „The Buddhist praying Wheel". London 1896, въ первой главѣ коего („Между ламами") сообщаются краткія свѣдѣнія о вышеуказанномъ путешествіи.

Въ 1873 г. Andrew Wilson прошелъ изъ Симлы по т. н. тибетской дорогѣ въ долинѣ Сетленжа къ селенію Шипки на территоріи Тибета, въ надеждѣ проникнуть далѣе въ страну. Однако, противодѣйствіе тибетцевъ заставило путешественника перейти снова на индійскую территорію и довольствоваться изслѣдованіемъ Спити, Лахула и Цанскара, вторично затронувъ небольшой уголокъ

тибетской политической территоріи (равнина Чумурги) въ нѣкоторомъ разстояніи на сѣверо-западъ отъ Шипки. Впечатлѣнія отъ этого путешествія и замѣтки относительно тибетской страны и народа изложены въ книгѣ Wilson „The Abode of the snow", второе изданіе 1876 г. Глава XX посвящена описанію селенія Шипки, произведеній окрестнаго раіона и обычаевъ населенія. Глава XXIV разбираетъ вопросъ о тибетской поліандріи.

Въ Kaelang (Лахул) Вильсонъ посѣтилъ миссію Моравскихъ братьевъ, которая была представлена въ 1873 г. двумя миссіонерами Heyde и Redslob съ женами и 20 обращенными (третій миссіонеръ—Jaeshke, находился въ то время въ отсутствіи). Моравскіе миссіонеры перевели почти весь Новый Завѣтъ на тибетскій языкъ и распространили свои переводы христіанскихъ сочиненій по всѣмъ прилегающимъ тибетскимъ округамъ. (Abode of Snow, 265).

140. 1) Вдоль этой долины, какъ полагалъ Пржевальскій, шелъ въ древности важный путь изъ Туркестана въ Китай.

2) За свои изслѣдованія Кэри получилъ золотую медаль отъ Лондонск. Геогр. Общ. Дальглейшъ, обладавшій всѣми качествами неутомимаго и талантливаго путешественника, погибъ въ 1888 г. отъ руки разбойниковъ на перевалѣ Каракорум, послѣ того какъ занялся торговлею въ Яркендѣ. Результаты изслѣдованій Кэри излагаются въ: Carey, „A journey round Chinese Turkistan and along the Northern Frontier of Tibet. (Proc. Geogr. Soc. IX, 1887, Dec. 731—52 съ картою на 790) и Journey of Carey and Dalgleish in Chin. Turkestan and Northern Tibet (Mr. Dalgleish's Itinerary); and general Prsjevalsky on the orography of Northern Tibet. With introductory Remarks by M. E. Delmar Morgan. Supl. pap. R. Geogr. S. Vol. III, part 1. London 1890, 86 стр.).

На русскомъ языкѣ: „Путешествіе по Кит. Туркестану и сѣверной границѣ Тибета Кэри", Сборн. мат. по Азіи, 1884. вып. 30, стр. 84—116 (см. еще Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. 19, № 3, 50—64, 1883).

142. 1] См. Изв. 1891 „Докладъ кап. Б. Л. Громбчевскаго о путешествіи въ 1889 и 1890 гг.", стр 97—118 съ отчетной картою (имъ была посѣщена и „Содовая долина" (Аксай-чин). Полная обработка матеріаловъ—дневниковъ экспедиціи понынѣ не закончена. Conradt, L. разбираетъ въ Verhandl Ges. Erdkunde Berlin № 3, 1891 г. результаты путешествія Громбчевскаго по Центр. Азіи 1889 и 1890. См. также Grombtschewski „Reise im Pamir, Rasskem und Tibet", P. M. 36 (1890) стр. 58, 134, 206, 301 и его же „Reise in Ost-Turkestan und Tibet" 37 (1891) 101.

Настоящее путешествіе было по счету вторымъ изслѣдованіемъ Громбчевскаго въ областяхъ Центральной Азіи; первое же послужило темою: Громбчевскій, Отчетъ о поѣздкѣ въ Кашгаръ и южную Кашгарію въ 1885 году. Маргеланъ [безъ года].

2] Труды тибетской экспедиціи въ трехъ частяхъ: I часть излагаетъ результаты общихъ маршрутовъ экспедиціи и работъ самого Пѣвцова; II часть содержитъ описаніе маршрутовъ Роборовскаго и Козлова; III часть описываетъ изслѣдованія и наблюденія геолога Богдановича. См. также Bogdanowitsch, Bericht ueber meine Teilname an der Pewzowschen Expedition (съ картою) P. M. 38 (1892) 49—58.

О тибетской экспедиціи Пѣвцова говоритъ и Bretschn. Hist. Bot. disc, 999—1002; на стр. 1002 указываются научные результаты экспедиціи, въ частности зоологическія и ботаническія. Общая оцѣнка Пѣвцова въ качествѣ изслѣдователя приводится въ „Козловъ, П. К. Памяти Михаила Васильевича Пѣвцова". Изв. 1902, 615—628.

3) Планъ на два года: весна и осень 1888 г.—вдоль южной окраины бассейна Тарима въ Черченъ и озеро Гасъ, гдѣ зимовка для изслѣдованія сѣверо-западнаго Тибета; весною слѣдующаго года движеніе на Лхасу, и въ случаѣ благопріятнаго пріема, изслѣдованіе Кама. См. Труды Тибетской экспедиціи, I, предисловіе стр. IX—XI. На стр. XI—XIII указывается, въ какой мѣрѣ была выполнена сокращенная программа экспедиціи Пѣвцова, другими словами, какіе результаты были получены отъ ея болѣе 19-ти мѣсячныхъ трудовъ.

143. 1) Результаты первой экспедиціи, въ которой принимали участіе также Козловъ и переводчикъ Ладыгинъ, изложены въ „Трудахъ экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи", состоящихъ изъ трехъ частей: въ первой части (три выпуска) помѣщена общая исторія путешествія и описаніе отдѣльныхъ поѣздокъ Роборовскаго. Вторая часть представляетъ собою описаніе разъѣздовъ Козлова; въ ней же сгруппированы зоологическія наблюденія надъ млекопитающими и птицами, характерными для посѣщенныхъ экспедиціей областей Центр. Азіи. Третья часть содержитъ научные результаты экспедиціи [маршруты и метеорологическія наблюденія, списокъ млекопитающихъ, птицъ, растеній и т. д. собранныхъ во время экспедиціи, описаніе геологическихъ коллекцій]. Къ изданію приложены 5 картъ—отчетная въ масштабѣ 100 в. и 4 обзорныхъ въ масштабѣ 40 верстъ. Обзоръ работъ этой же экспедиціи дается у Bretschn. Hist. Bot. Disc. 1002—1007. Богатая ботаническая коллекція [всѣ растенія во время III и IV путеш. Пржевальскаго были собраны также Роборовскимъ] 1300 видовъ, хранящаяся въ С.-Петербургскомъ Ботаническомъ саду, еще не обработана.

Оцѣнку результатовъ настоящей экспедиціи даетъ „Отзывъ А. В. Григорьева о трудахъ В. И. Роборовскаго и П. К. Козлова по изслѣдованію Центральной Азіи", со включеніемъ отзывовъ А. Р. Бонсдорфа и А. А. Тилло о заслугахъ В. И. Роборовскаго (Отчетъ Имп. Русск. Географ. Общ. за 1897, прилож. стр. 8—17).

Обработка матеріаловъ, собранныхъ второй изъ указанныхъ экспедицій, въ составъ коей входили, кромѣ Козлова, Казнаковъ и Ладыгинъ, еще не закончена въ деталяхъ, но общее описаніе маршрута и характеристика посѣщенныхъ мѣстностей, о чемъ раньше можно было судить лишь по свѣдѣніямъ въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *), дается въ двухъ частяхъ перваго тома „Монголія и Камъ". Все изданіе должно составить девять томовъ, въ томъ числѣ первый уже отпечатанный томъ содержитъ отчетъ самого начальника экспедиціи Козлова съ 2 картами: общей—мало отчетливой, и маршрутной для Тибета. Второй томъ дастъ въ первой части: „Казнаковъ, Мои пути по Монголіи и Каму" и во второй—„Ладыгинъ, Монголія и ея торговля". Содержаніе слѣдующихъ томовъ, посвященныхъ разработкѣ научныхъ результатовъ, слѣдующее: томъ III вып. 1-й **). Тачаловъ, „Астрономическія наблюденія П. К. Козлова въ Монголіи и Камѣ, и вып. 2-й. Каминскій „Метеорологическія наблюденія и гипсометрическія опредѣленія"; томъ IV. Сатунинъ, „Млекопитающія Монголіи и Кама"; томъ V. Біанки, „Матеріалы для авифауны Монголіи и восточнаго Тибета"***); т. VI. Рыбы, пресмыкающіяся, моллюски; т. VII членистоногія Arthropoda (Insecta); т. VIII Членистоногія Athropoda (Arachnoidea; Myriapoda) —Vermes и т. IX. Мережковскій, „Diatomaceae".

2) Объ Анембар-ула (перевалъ Ангыр-тологой—желтая голова) см. Тр. Ц. Аз. I стр. 178—184; дикіе верблюды—185; цѣпи Гумбольдта и Риттера и прилегающія вѣтви Наньшаня вплоть до Кукунора и Дулан-нора см. тамъ же главы IX, X, XI и XII; долины Халтын и Бухаин-гола, озеро Хара нор см. тамъ же.

3) Тамъ же 184—194; 227—228; 451—454 (описаніе озеръ Бага и Іехэ—Цайдаміин); 465—473 (470—1 общая характеристика долины Сыртын—фотогр. къ 466; 471—2 монгольское населеніе области (о кумирнѣ въ Сыртын-хитѣ, построенной по распоряженію властей, на стр. 190—1).

4) Хошун Курлык см. стр. 330, 334; власть князя 436, торговля монголовъ 436; нравы ихъ 437—8; озеро Курлык 328, 445 (болѣе подробное описаніе его у Козлова, Тр. Ц. Аз., томъ II), озеро Тосун нор тамъ же I 342—3. См. выше озера Бага и Іеке-Цайдаміин.

5) Барун цзасак I 350; Шанъ-рди тамъ же I 354—6.

6) Озеро Тосун нор 398—400, свѣдѣнія о мѣстныхъ жителяхъ-тибетцахъ панака на стр. 404—416 и голыкахъ—384.

*) Для Тибета имѣли значеніе письма въ IV выпускѣ XXXVII тома (1901 г.) и предварительные отчеты участниковъ экспедиціи (см. статью Ладыгина въ IV вып. XXXVIII тома (1902) Извѣстій: „Нѣкоторыя данныя о положеніи торговли въ Ганьсу, Тибетѣ и Монголіи" на основаніи личныхъ наблюденій и разспросовъ автора во время указанной экспедиціи 1899—1902 г.г.").

**) Вышелъ въ 1907 году.

***) Этотъ томъ былъ также выпущенъ въ 1907 году. Въ предисловіи къ нему, на стр. I—III, указываются главнѣйшіе результаты орнитологическаго сбора, а на стр. XXI—XXXIV дается краткій очеркъ физико-географическаго характера пройденныхъ экспедиціей странъ.

144. 1) Онъ пересѣкъ семь разъ главную часть Наньшаня на сѣверъ отъ долины Бухайн гола, Кукэ нора и Си-нинъ—Ланьчжоу'ской котловины и прошелъ, по всей длинѣ отъ Бомын гола до Си-нинъ фу, его южную часть, затронувъ попутно и разрозненные кряжи сѣвернаго Цайдама, Южно-кукунорскій хребетъ и горы, отдѣляющія Кукэнор отъ Си-нинъ-фу. Схематическій чертежъ путей Обручева въ Наньшанѣ показанъ на 2 картахъ, приложенныхъ къ 380 стр. Изв. Р. Г. О. 1895 г.; тамъ же на стр. 316—332 даны главные результаты изслѣдованія Обручевымъ Наньшаня.

Популярное изложеніе путевыхъ впечатлѣній Обручева съ указаніемъ на пройденные маршруты въ сѣверномъ Китаѣ, Ордосѣ, Монголіи, Цайдамѣ и Кукунорѣ дается на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Obrutschew, Aus China, Leipzig 1896 въ двухъ томахъ. Собственно пребыванія Обручева въ Цайдамѣ и Кукунорѣ касаются въ первомъ томѣ страницы 226—262 (западный Наньшань и сѣверный Цайдам—Карлык-бэйсе) и во второмъ томѣ: стр. 1—39: Дабасун Гоби, Кукуноръ (подробности о тангутахъ), встрѣча съ Литтльдэлемъ, восточный Наньшань, и стр. 123—139 (средній и западный Наньшань.

Вообще горы Нань-шань принадлежатъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ въ русской литературѣ, такъ какъ, помимо указанныхъ изслѣдователей, окраинной полосы Ганьсу, прилегающей къ цѣпи, коснулись и другіе русскіе путешественники, напримѣръ, экспедиція Сосновскаго (съ участіемъ Пясецкаго и Матусовскаго) прошла въ 1875 г. изъ Лань-чжоу фу вдоль сѣвернаго подножія Наньшаня въ Гань-чжоу и Су-чжоу. См. „Путешествіе въ Китай“ Пясецкаго въ двухъ томахъ (1880).

О болѣе раннихъ (не только русскихъ) путешествіяхъ по сѣверному Принаньшанью въ XV и XVI в. см. Гр. Гржмайло, Пут. въ зап. Китай, II 212 и III, стр. 138, прим. 1; въ частности о путешествіи Гоэса см. еще Григорьевъ, Вост. или Кит. Туркестанъ, 339. Jule, Cathai, II 581--2; Trigault, P. „Histoire de l'expedition chretienne en Chine“, Paris 1618 и Brucker, „Benoist Goez en Asie Centrale“, Lyon 1879.

2] Маршрутъ путешествія братьевъ Грумъ-Гржмайло, представлявшій значительныя отклоненія отъ путей предшествовавшихъ изслѣдователей и затронувшій частью непосѣщенныя никѣмъ изъ европейцевъ мѣстности, прошелъ изъ Су чжоу въ Гань-чжоу, отсюда въ юго-восточномъ направленіи черезъ городъ Юнъ-янь чэнъ въ долинѣ Да-тунъ хэ въ Дангер, Кумбум и Си-нинъ фу. Переправившись затѣмъ черезъ Хуанъ хэ близъ Гуй-дэ тина, изслѣдователи поднялись на нѣкоторое разстояніе по небольшому правому притоку Хуанъ хэ Муджик, впадающему въ рѣку на западъ отъ упомянутаго города, и, вернувшись обратно въ Чунху въ нѣкоторомъ разстояніи на сѣверъ отъ Хуанъ хэ, обогнули съ юга и запада озеро Кукенор, пересѣкли замыкающія съ сѣвера озерную котловину цѣпи

Наньшаня до верховьевъ Эдзин гола, послѣ чего, повернувъ на сѣверо-западъ и слѣдуя долиною р. Хый хэ, притока верхняго Эдзин гола, достигли черезъ окраинный хребетъ Наньшаня снова города Су чжоу, совершивъ такимъ образомъ полный кругъ внутри значительной площади Наньшаня и собравъ богатыя ботаническія и зоологическія коллекціи для этой мѣстности, ровно какъ опредѣливъ во многихъ случаяхъ геологическій составъ цѣпей Нань-шаня. Описаніе этой части путешествія Грума-Гржмайло дается въ главахъ V—VII и IX—XII второго тома и главахъ I и IV—VII третьяго тома „Описанія путешествія въ Западный Китай", 1899 и 1907 гг. съ картами и многочисленными научными приложеніями, представляющими обработку собранныхъ экспедиціей данныхъ въ естественно-исторической области, такъ какъ путешественники, помимо нѣкотораго числа растеній (см. Bretschn. Hist. Bot. Disc, 1039), вывезли съ собой изъ путешествія цѣнныя зоологическія коллекціи, въ особенности богатыя птицами (Pleske, Ornithologische Ausbeute Exped. Gebr. Grum-Grjimailo nach Central Asien, въ Mél. Biol. Acad. XIII. (1894, 273—301) и насѣкомыми (см. Horae Soc. Entom. Ross. XXV 1891).

3) См. Изв. XXXIX (1903), 441—483 и въ значительно дополненномъ видѣ въ III томѣ того же автора „Описанія путешествія въ Западный Китай", глава II и III.

145. 1) Рокгиль (см. ниже) называетъ это озеро Аланъ нор.

2) Правильнѣе Іогоре гол.

3) О нихъ см. Козловъ, Камъ II, стр. 326—331.

4) Подробности относительно источныхъ озеръ, см. тамъ же 333—4.

146. 1) Водораздѣлъ между Джи ч'у и бассейномъ Сальвина (его притокомъ Сэ чу) былъ названъ Козловымъ „хребтомъ Далай ламы" и явился крайней южной зрительной границей области, изслѣдованной экспедиціей въ К'амѣ. Въ долинѣ Чжи ч'у Казнаковъ совершилъ особую экскурсію къ монастырю Га-гомба, значительно выше крайняго пункта, затронутаго соединенной экспедиціей по этой рѣкѣ.

2) На стр. 607, I томъ Монг. и Камъ (см. также стр. 605—6) помѣщенъ чертежъ профиля страны, пройденной экспедиціей въ сѣверо-восточномъ и восточномъ Тибетѣ; занимая наиболѣе низкія точки на сѣверѣ (Цайдам 9,380 ф.) и югѣ (окрестности Чамдо 11,170 ф.), экспедиція въ теченіе почти года находилась все время на высотѣ 14—16 т. ф. Даже долина Рэ чю, гдѣ была устроена трехмѣсячная зимовка экспедиціи, имѣетъ 12,000 ф.; средняя же высота страны, охваченной маршрутомъ экспедиціи, имѣетъ болѣе 13,000 ф.

3) Козловъ, „Зимовка русской экспедиціи въ Камѣ". Фельетонъ „Русск. Вѣд." 1997 г. № 60 (15 марта)—извлеченіе изъ „Монг. и Камъ".

147. 1) См. Камъ, I стр. 523—526.

148. 1) Замѣтки и наблюденія надъ зоологіей и ботаникою составляютъ существенную часть I тома „Камъ“, напр.: описаніе различныхъ животныхъ Восточнаго Тибета (долины Меконгъ), тамъ же стр. 398—99 и 450—460.

2) Тамъ же глава VIII.

3) S. E. 244—5, указываетъ, въ общемъ основательно, на нѣкоторыя изъ замѣченныхъ имъ погрѣшностей. Между прочимъ не подлежитъ сомнѣнію, что названіе восточной области Тибета—К'ама, слѣдуетъ писать именно такимъ образомъ, а не Камъ, какъ всюду дается Козловымъ.

4) Приложен. къ IV вып. XXXVII Изв.

149. 1) Въ настоящее время къ указанному числу пересѣченій Тибета можно добавить еще путешествіе Ледянъ 1905 г. и Гедина 1906—7 гг.

2) Бонвало уже раньше заявилъ себя выдающимся путешественникомъ въ Персіи и на Памирѣ. См. его „En Asie Centrale“ 1888 г.

150. 1) Bonvalot und Prinz v. Orleans, „Durch Tibet“ P. M. 36 (1890) стр. 58, 206, 301 и P. M. 37 (1891) 55.

151. 1) „De Paris à Tonkin à travers le Tibet inconnu“; существуетъ русскій переводъ подъ заглавіемъ „Невѣдомая Азія“. (Ташкентъ 1897 г.). Отзывъ о французскомъ изданіи см. Wegener, „Bonvalots Bericht ueber die Durchquerung von Asien“ P. M. 38 (1892), 164—165.

Путешествіе Бонвало произвело на европейскую публику сильное впечатлѣніе, какъ видно изъ отчета о пріемѣ Бонвало на чрезвычайномъ засѣданіи Географическаго Общества въ Парижѣ 31 января 1891 г. (T'oung Pao, II 157—161, изъ Journ. Officiel отъ 7 февраля 1891 г.). Однако, съ научной точки зрѣнія это путешествіе, совершенное съ излишней поспѣшностью, не дало, напримѣръ, сколько-нибудь удовлетворительныхъ добавленій даже къ картѣ посѣщенной части Тибета, такъ какъ путешественниками не прилагалось особыхъ стараній къ обезпеченію точныхъ наблюденій, или къ веденію постоянныхъ записей для указанія направленія маршрута (почему довольно трудно проложить послѣдній на картѣ) или точныхъ положеній его основныхъ пунктовъ. H. 200 и 280.

2) Schlagintweit, Glossary. Англійскіе авторы пишутъ Chang-chen-mo что напоминаетъ скорѣе Бжянъ-ч'ен-мо (Chang-tang= Бжянъ-т'анъ). Существуетъ еще толкованіе отъ Бжянъ-танъ-ч'ан-мо-ч'у—рѣка, ведущая къ Бжянъ-т'ану. Въ настоящемъ описаніи всюду, кромѣ настоящаго случая, принято написаніе: Бжянъ-ч'ен-мо, какъ наиболѣе употребительное.

152. 1) Одна ставка кочевниковъ была встрѣчена въ 12-ти дняхъ пути отъ границы Ладака; затѣмъ на разстояніи 300 миль не

попадалось ни одного человѣческаго селенія. Очень рѣдко показывалась вдали палатка или двѣ, или нѣсколько всадниковъ; въ общемъ страна была необитаема.

153. 1) P. M.

154. 1) Относительно ботанической коллекціи Торольда говоритъ Bretschneider, Hist. Bot. Disc., 807.

Въ общемъ, страна по пути маршрута у Боуера представляетъ значительный контрастъ съ болѣе сѣверными частями Тибета по пути Вельби въ томъ отношеніи, что является менѣе безплодной, оживляется многочисленными озерами, нерѣдко окаймленными зелеными пастбищами, и безчисленными стадами дикихъ животныхъ. По дорогѣ Боуеру попадались, какъ-ни-какъ, чаще люди въ лицѣ кочевниковъ, съ которыми происходили нерѣдко столкновенія, однако, помимо фактическаго примѣненія физической силы. H. 288.

2) На этой картѣ многіе изъ пунктовъ, ранѣе указывавшихся гадательно европейскими путешественниками на основаніи китайскихъ картъ, являются болѣе точно установленными съ помощью наблюденій и вычисленій Боуера.

Карта вмѣстѣ съ очеркомъ путешествія была помѣщена въ G. J. I (1893), стр. 385—408; на русскомъ языкѣ: „Поѣздка черезъ Тибетъ въ 1891 г. капитана Бауера (Bower)“ съ приложеніемъ карты. Извлечено подп. Десино изъ Geogr. Journ., май 1893. (Сборн. Мат. Азіи, вып. 53, стр. 78—87).

155. 1) Washington, 1894.

2) Преимущества этого направленія (съ сѣверо-востока) сравнительно съ восточнымъ и южнымъ для указанной цѣли разбираются Рокгилемъ въ L. 1—2

3) Тамъ же 65—69.

4) Тамъ же 172—173.

5) О селеніи Такоу * см. L. 191 и 192—193, какъ типичномъ образцѣ тибетскихъ селеній въ этой части страны.

156. 1) См. описаніе путешествія А. К., составленное генер. Walker въ Proc. Roy Geogr. Soc. VII.

2) L. L. 227—228.

3) Тамъ же 231—2.

4) Тамъ же 239 и 242—4.

5) Тамъ же 205—208.

6) Занятія тамъ же 210—211 и 208—9; обычаи 244—252, 286—7; поліандрія 211—212 и семья и положеніе женщины 212—215.

7) Тамъ же 215—222, характеръ границы между отдѣльными владѣніями 228, прим. 1; относительно Хорба 253—254 и примѣч.

* Такоу приблизительно отмѣчаетъ тотъ пунктъ въ путешествіи Рокгиля, гдѣ послѣдній покинулъ пограничную область сѣверо-восточнаго Тибета и вступилъ въ густо населенную, по общему правилу, страну, занятую попеременно земледѣльческими и пастушескими племенами и простирающуюся безъ перерыва до Да-цзяньлу, ея конечнаго города со стороны Китая.

на стр. 253, организація правительства Лхасы (институтъ амбаня) 289—295.

8) Тамъ же, стр. 139, прим. 2.

9) Тамъ же 173, прим. 1.

10) Тамъ же 196, прим. 1.

11) Тамъ же 344—354.

12) Тамъ же. Замѣтки относительно языка восточнаго Тибета 361—370; происхожденіе тибетскаго народа, какъ объ этомъ повѣствуетъ Мани Камбум въ XXXIV главѣ,—стр. 355—361; древняя этнографія Кукунора и восточнаго Тибета 335—341; чужеземныя (китайской расѣ) племена Ганьсу (по китайскимъ источникамъ) стр. 323—326; происхожденіе молитвы „Ом-мани падме хум" (изъ Мани Камбум) стр. 326—334 и гаданіе при помощи лопаточной кости, стр. 341—344 съ рисунками (также 176 съ прим. 1 и 2).

Объ этомъ путешествіи Рокгиля см. замѣтку „Rockhill, Reise durch das oestliche Tibet" P. M. 36 (1890), 58 и Proc. R. G. Soc. 1889, 730—5.

„Извлеченіе изъ замѣтокъ о путешествіи американца Рокгиля по Китаю, Монголіи и Тибету (The land of Lamas, by W. W. Rockhill). Съ картою и маршрутомъ. Перевелъ генеральнаго штаба подполковникъ Десино" помѣщено въ Сборн. Мат. Азіи, вып. 50-ый, стр. 68—122.

Эта же книга („Land of Lamas") дала большую часть содержанія брошюрѣ князя Э. Э. Ухтомскаго „Въ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ", 1904. Существуетъ русскій переводъ книги, приложенный къ журналу „Міръ Божій" за 1901 г.

13] Изъ Люшар Рокгиль совершилъ экспедицію къ Гуй-дэтину на Желтой рѣкѣ и въ страну Саларовъ [Салар-пагун–8 селеній] см Diary 73–95.

14] О ней Diary 120. Въ китайскихъ источникахъ [J. R. A. S. XXIII, 97 и далѣе] показанъ для XVIII столѣтія путь изъ Сининъ въ Лхасу мимо Ваян нор, по лѣвому берегу Ху-ю-юнъ и черезъ горы къ Тосун нор и далѣе къ области истоковъ Желтой рѣки (см. также 173, прим. 1); этотъ путь помѣченъ у д'Анвиля. Diary 121.

15] Область обоихъ озеръ поражаетъ обиліемъ дичи. Сообщаемыя Рокгилемъ [Diary 142--3] подробности объ озерѣ довольно любопытны: Озеро имѣетъ не болѣе 2 миль въ ширину съ сѣвера на югъ, но простирается на 40 миль въ длину, являясь вторымъ по величинѣ озеромъ въ указанномъ раіонѣ послѣ Кукунора; лежитъ на высотѣ 13,180 ф., т. е. ниже Аланъ нора [14,000]. Глубина его, повидимому, невелика, т. к. Іогоре гол получаетъ главную массу воды не изъ озера, но изъ источниковъ вдоль по теченію и 4—5 притоковъ [напримѣръ, Аланъ гол]. Тибетское имя озера [10,000 холмовъ] весьма подходящее, т. к. озеро со всѣхъ сторонъ замкнуто горами, съ которыхъ и получаетъ притокъ воды, не съ очень большой площади. Въ XXVIII стол. берегъ озера служилъ мѣстопре-

бываніемъ племени Арик, нынѣ передвинувшагося на сѣверъ отъ Кукунора.

157. 1] Пиш. мц'о мдо лунъ.

2] Описаніе этой части путешествія среди непривѣтливой природы Цайдама приводится въ Diary 166—7.

3] Объ этой рѣкѣ, Diary 181—193.

4] Красная рѣка. Широкая ея долина зовется Мар-лунъ—красная долина, благодаря свѣтло кирпично-красному оттѣнку окружающей безплодной почвы. Diary 194.

5] О Куку-шили см. Diary 199 (обиліе дичи—яковъ). Начиная съ южной стороны, Кукушили движеніе сильно затруднялось частыми бурями (шедшими съ ЗЮЗ. со снѣгомъ и градомъ, разъ только—грозою и дождемъ), противъ которыхъ мало помогали заклинанія одного изъ монгольскихъ спутниковъ Рокгиля (описаніе обряда—танъ-юй по китайски см. Diary 201); почва изъ очень мягкаго гравія обратилась въ трясину, въ которой вязли животныя. Страна была почти безплодная, съ рѣдкой травянистой растительностью (иногда попадались въ пескѣ дикія луковицы) и бѣдна дичью. Многочисленные ручьи и притоки Намчуту-улан-мурени перемежались съ небольшими прѣсными озерками. По сравненію съ этой страною Цайдамъ казался „раемъ". Diary 207.

6) На югъ отъ Думбуре красный песчаникъ снова появляется; Боуеръ встрѣтилъ его подъ той же широтою почти въ разстояніи 400 миль на западъ. Воды стекаютъ либо въ углубленія въ почвѣ, либо въ Токгомай улан-мурен, или „плавно текущая Красная рѣка". (Diary 211—212; см. въ примѣчаніи выдержку изъ дневника Грюбера съ описаніемъ рѣки). Съ переходомъ черезъ Думбуре погода сдѣлалась теплѣе и суше; изъ дичи хуанъ-янъ—Antilopa gutturosa сдѣлались болѣе многочисленны. Параллельно пути Рокгиля съ сѣвера, повидимому, ведутъ 3 дороги: восточнѣе а) большая дорога черезъ Антиртакшя; на западъ: б) изъ Гадзира въ Тайдзинер, минуя высокіе перевалы, по странѣ аналогичнаго вышеописанной характера, но со скудной водою; в) значительно на западъ отъ № 2; этой дорогою пользуются торгоуты (и слѣдовалъ Бонвало) отъ Лоб-нора. Diary 214.

7) Diary 214.

8) См. карту приложенную къ Diary и еще стр. 217.

158. 1) Diary 219—220. Снѣжная линія идетъ здѣсь на высотѣ почти 18,000 ф.

2) Въ горахъ Данъ-ла Рокгиль признаетъ наиболѣе значительный элементъ горнаго построенія сѣверо-восточнаго Тибета, какъ направленный съ сѣверо-запада на юго-востокъ гребень этой части нагорья; на югъ отъ горъ въ ландшафтѣ наблюдается значительная перемѣна, такъ какъ южная сторона отличается большей влажностью, чѣмъ сѣверная, подъ вліяніемъ доходящихъ сюда муссоновъ.

Чѣмъ ближе путешественникъ подходитъ къ горамъ, тѣмъ болѣе ухудшается погода; т. к. горы задерживаютъ насыщенныя влагою облака, идущія съ ЮВ., то вся область къ югу отъ горъ заливается дождями и обращается въ сплошную топь каждые полгода. Данъ-ла и ихъ восточное продолженіе отмѣчаютъ крайній сѣверный пунктъ, до которыхъ достигаютъ муссоны. (Diary 245). Это обстоятельство оказываетъ вліяніе и на распредѣленіе населенія въ странѣ, такъ что горы Данъ-ла составляютъ приблизительно сѣверную границу обитаемой части Тибета и политическую (въ теоріи) границу Лхаской территоріи.

3) Diary 219—220.

4) Тамъ же 223 отмѣчаетъ между прочимъ присутствіе на берегахъ озера чрезвычайно крупныхъ и свирѣпыхъ москитовъ.

159. 1) Надзоръ за границею ведется столь тщательно, что за два года передъ Рокгилемъ въ Намру былъ остановленъ на пути въ Лхасу торгоутскій (калмыцкій) ванъ и пропущенъ далѣе лишь по провѣркѣ его паспорта лхаскими властями (Diary, 235).

2) Повидимому, Бонвало, былъ также остановленъ въ округѣ Намру, такъ какъ Рокгиль сомнѣвается, чтобы французскій путешественникъ доходилъ до настоящаго озера Тэнгри нор (Намцо): описаніе Бонвало этого озера не соотвѣтствуетъ вовсе описанію Наинъ-Синга, а, какъ слышалъ Боуэръ и Рокгиль, въ той же области имѣется еще другое озеро Намцо. Кромѣ того, выраженіе Намцо и Гжя ц'о (обозначеніе озера вообще) легко могутъ быть смѣшиваемы Diary, 235, прим. 3.

3) Первоначальный планъ Рокгиля, составленный имъ еще въ Цайдамѣ, но неудавшійся вслѣдствіе незнанія пути проводникомъ, былъ—пройти прямо къ Тэнгри нору и затѣмъ къ Шихацзе (12 дней пути), минуя совершенно населенныя мѣстности, подчиненныя Лхасѣ.

4) По маршруту: по сѣверному берегу Ца-ча цзанъ-по, т. е. внѣ лхаской территоріи, вдоль линіи холмовъ у южнаго подножья Данъ-ла черезъ округъ Ара (на югъ отъ Ягара. Послѣдненазванные кочевники [еграи Пржевальскаго] прежде кочевали въ горахъ на югъ отъ Найци гола и внушали такой страхъ голыкамъ, что тѣ платили имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ за пропускъ въ Цайдам для набѣговъ на монголовъ; Ягара потомки [?] части нынѣшнихъ ганьсуйскихъ іегуровъ, жившихъ раньше въ Тибетѣ: (Пржевальскій Монг. I 151) на разстояніи 6—7 дней до пункта пересѣченія этой малопосѣщаемой тропы и большой дороги—Бжянъ лам въ 1 днѣ пути на сѣверъ отъ Нагчу.

5) Во время почти двухнедѣльнаго пребыванія въ округѣ Намру и въ обществѣ его пастушескихъ обитателей, Рокгиль успѣлъ подмѣтить не мало любопытныхъ бытовыхъ чертъ этого племени, равно какъ особенностей одѣянія и привычекъ, занеся свои наблю-

денія на страницы дневника (см. Diary, 234—5, 241—243 съ этнографическими типами на фотографіи при 232 стр.).

Путешествіе по области Намру лѣтомъ, какъ вообще по восточному Бжянъ-тану, крайне затрудняется проливными дождями, обращающими почву въ сплошное болото. Наиболѣе топкія мѣста всегда встрѣчаются по склонамъ холмовъ, составленныхъ изъ гравія; на глубинѣ 8 дюймовъ ниже поверхности постоянно скопляется вода, которая не просачивается дальше, вѣроятно, по причинѣ лежащаго подъ ней плотнаго слоя глины и образуетъ, вмѣстѣ съ частыми проливными дождями, въ іюлѣ вязкую грязь, въ которую люди проваливаются по колѣно, а мулы падаютъ каждые нѣсколько шаговъ; иногда весь день теряется на переходъ только 8 англійскихъ миль. („Сильные дожди", говоритъ также Фильхнеръ, „обращаютъ галечныя осыпи по склонамъ горъ (въ области верхней Хуанъ хэ) въ зыбкую топь, благодаря глинистой подпочвѣ, и яки погружаются въ грязь по брюхо". Трудности перехода по такой мѣстности описываются Mat. 83—86). Будучи постоянно въ водѣ и грязи, копыта животныхъ размягчаются, и гравій легко раздираетъ ихъ, причиняя поврежденія самимъ ногамъ. Вдоль рѣчныхъ руселъ грязи сравнительно немного, такъ какъ почва здѣсь песчаная и твердая (Diary 246 и 247). Напротивъ, путешествіе по южному склону Данъ-ла и въ Гжя де, начиная съ водораздѣла между Бжянъ-т'анъ ч'у и бассейномъ Сальвина затрудняется безчисленными ручьями, стекающими на югъ; во время дождей они достигаютъ 50—75 футовъ въ ширину и 2—3 ф. глубины.

6) По восточную сторону Данъ-ч'у, вѣрнѣе на востокъ отъ большой дороги отъ Данъ-ла въ Наг чу (Diary 252) начинается округа Гжяде, хотя Боуеръ указываетъ ихъ границу въ 20 миляхъ далѣе на западъ, (онъ шелъ въ то время на 12 миль южнѣе пути Рокгиля). Съ населеніемъ Гжяде докпа Намру находятся далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ, такъ что конвой Рокгиля лишь указалъ ему направленіе пути по территоріи Гжя-де съ высоты пограничнаго холма, не рѣшаясь вступить на враждебную землю, и поспѣшилъ ускакать домой (Diary 252 и 250). Подобныя непріязныя отношенія существуютъ между Гжяде и болѣе восточными сосѣдями (напримѣръ, Чамдо) въ силу религіозной вражды.

160. 1) Су чу китайскихъ источниковъ (Си-юй тунъ-вэнь чжи, книга 22, стр. 10, объясняетъ это имя черезъ тибетское слово су (?)—отводить, т. е. что рѣка отводитъ воду къ югу). Д'Анвиль пишетъ Souc, Боуеръ Sac, Бонвало So tchou; европейскія карты имѣютъ Сок чу для обозначенія верховья (?) Сальвина. У окрестныхъ жителей рѣка слыветъ въ качествѣ большой (Ч'у ч'эн-по) Притоки ея слѣва—Ир-ч'у и справа—Пон-ч'у. Черезъ рѣку, имѣющую здѣсь 150 ярд. въ ширину (Боуеръ и Бонвало переправились черезъ нее въ Со гомба 15—20 миляхъ ниже по теченію, гдѣ рѣка имѣетъ 150—200 метр.), Рокгиль переправился по веревочному

(изъ сыромятнаго ремня) мосту, протянутому между 2 противоположными береговыми скалами [К. Р. называетъ этотъ родъ мостовъ bring; Рокгиль слышалъ всегда просто зам, или замба]. Описаніе моста и переправы см. Diary 271 съ картинкою на 272 стр. Въ пунктѣ переправы Рокгиль видѣлъ на берегу сложенную для бонбоскаго монастыря большую кучу сосновыхъ досокъ, доставленныхъ съ далекаго разстоянія на спинахъ яка.

2] Рокгиль предполагаетъ, что Гжя-ма Н'ул-чу, названіе Сальвина ниже соединенія И-чу и Су[сог]-чу, значитъ Н'ул-чу нижней Гжя де [Diary 269, прим.]

3) Какъ поясняетъ Сандергъ, Exploration of Tibet 216, прим. 1, уроженцы этихъ округовъ исповѣдуютъ религію Бон; т. к. Кюнъ, или птица Гаруда является типичнымъ божествомъ Бон, то ея приверженцы зовутся нерѣдко Кюнъ-бо [кюнъ-па-по], отсюда имя прилагается, повидимому, и къ занимаемымъ ими округамъ.

4] Первую воздѣланную землю въ Тибетѣ Рокгиль видѣлъ въ долинѣ Сог ч'у (Сучу).

5) Іома; (настоящее имя рѣпы нюнъ-ма, но въ разговорномъ языкѣ оно часто смѣшивается съ юн'с--горчица; по китайски іома (рѣпа) называется цзѣ-цай, что значитъ также горчичное растеніе.

161. 1) Diary 283.

2) Тамъ же 286.

162. 1) См. фотографію Diary 304.

2) Тамъ же 68.

3) См. также Diary 305--306.

4) О Чамдо см. J. R. A. S. XXIII, стр. 54, 125, 251, 271 и 276.

163. 1) Diary 315--316.

2 Тамъ же 316.

3) По китайски Чжая J. R. A. S. XXIII 47, 250 и 272. Полное имя владѣнія бьямс-мдун-таг-яб. Diary 325. Съ 1719 г. находится подъ номинальной властью Далай-ламы.

Чжая явилась конечнымъ пунктомъ любопытнаго китайскаго путешествія конца XVIII столѣтія, о которомъ мы можемъ почерппнуть свѣдѣнія изъ статьи: Поповъ, П. „Путевыя замѣтки отъ Чень-*) ду-фу до Чжая", перев... Зап. И. Р. Геогр. О. по общей географіи, XI 1888, стр. 59—104). Какъ говорится въ предисловіи переводчика (стр. 61), настоящія замѣтки, составленныя уроженцемъ провинціи Ху-бэй по фамилии Ли, распадаются на двѣ части: I собственно путевыя впечатлѣнія (въ 1792 году) и II краткій эскизъ его наблюденій надъ нравами и обычаями, религіозными вѣрованіями и вообще условіями внѣшняго и внутренняго быта тангутскихъ племенъ, живущихъ на пространствѣ отъ Да-цзянь лу до Чжая.

Дополненіемъ къ переводу дневника г. Попову служилъ другой дневникъ, составленный Яо-юнъ, посѣтившимъ тѣ же мѣста въ

*) Опечатка вмѣсто Чэнъ.

1844—45 г.г. въ числѣ членовъ-слѣдственной комиссіи по дѣлу о кровавой ссорѣ между Чамдо'скимъ Хутуктою и Чжая'скимъ Цанъчу-бой (объ этомъ дѣлѣ упоминаетъ подробно Гюкъ). Второй дневникъ, обозначенный въ переводѣ „дневникъ позднѣйшаго путешественника" обнимаетъ собою только страны отъ Чэнъ-ду фу до Ли-тана, конечнаго пункта его путешествія.

4) Тамъ же 328.

5) См. фотографію тамъ же 324.

6) Тамъ же 328 прим. Изъ овощей окрестная страна имѣетъ только рѣпу.

7) Тамъ же 326.

164. 1) 329 стр.

2 331 стр.

3) 334 стр.

4) 335.

165. 1] 337.

166. 1] Эта этнографическая коллекція была пожертвована Рокгилемъ Американскому Національному Музею и послужила главнымъ матеріаломъ для цѣнной книги Rockhill, Notes on Tibetan Ethnography, назначеніе коей является какъ-бы служить систематичнымъ каталогомъ для указанной коллекціи.

Небольшая ботаническая коллекція Рокгиля была помѣщена въ Kew Gardens и описана, вмѣстѣ съ упомянутой коллекціей Торольда, Hemsley въ Linn. Soc. J. XXX [1894] 101--140. „On the two small Collections of dried plants from Tibet".

2] Р. М. На русскомъ языкѣ полнаго перевода этого цѣннаго сочиненія не существуетъ, но лишь извлеченіе: „Дневникъ путешествія по Монголіи и Тибету въ 1891 и 1892 гг. Вильяма Вундвиля Рокгиля. Вашингтонъ 1894 г. Извлеченіе составилъ В. Котвичъ [Сборн. Мат. Азіи вып. 70, стр. 53-82]. См. также японскій переводъ извлеченій изъ работъ Рокгиля ниже въ прим 1 къ стр. 215.

167. 1] Р. М.

168. 1] Здѣсь [стр. 173--285] перепечатанъ въ дословномъ текстѣ дневникъ миссъ Тэйлоръ, веденный ею во время путешествія; дневнику предпосланъ географическій очеркъ страны и общая характеристика нравовъ и религіи обитателей, написанные самимъ Кэри, однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ протестантской миссіи въ Сиккимѣ [интересны указанія на причины обособленности Тибета]; затѣмъ указывается цѣль изданія дневника--желаніе представить въ дѣйствительномъ свѣтѣ подвигъ Тэйлора, о которомъ не позволяетъ судить ея собственная книга по своей малосодержательности и шаблонности.

169. 1] Возстановить въ точности маршрутъ путешествія Тэйлора, благодаря неопредѣленности ея указаній и смутнымъ географическимъ познаніямъ, представляется почти невозможнымъ, такъ

что приходится цитировать ея маршрутъ по упомянутой книгѣ Carey, Travel in Tibet, 1902.

170. 1] Dec. Rep. 1901, II, 506 говоритъ въ отчетѣ касательно торговли Я-туна въ рубрикѣ „v": Одна женщина-миссіонеръ, основательница и единственная представительница „Tibet Pioneer Mission" живетъ въ Ятунѣ; обращенныхъ въ христіанство, однако, не имѣется.

2] Эта экспедиція, или научная миссія состоялась по мысли французскаго министра народнаго просвѣщенія, возложившаго руководство ею на дэ-Рэнса, заявившаго себя изслѣдованіями въ Конго и географическими работами объ Индо-Китаѣ и Центральной Азіи. Издержки по снаряженію экспедиціи несли частью министерство, частью академія Надписей и Изящной Литературы.

Milloué [Bod youl 12] упоминаетъ о попыткѣ проникнуть въ Тибетъ француза I. Мартина [Joseph Martin], закончившейся его смертью отъ лишеній и утомленія въ моментъ прибытія зимою 1891 г. къ русской границѣ. Онъ прошелъ изъ Пекина вдоль сѣверной границы Шань-си и Шэньси въ Ганьсу [Ланьчжоу] и затѣмъ вдоль подножья Наньшаня въ Су-чжоу, гдѣ встрѣтился осенью 1890 г. съ братьями Гр.-Гржмайло [Пут. Зап. Кит. III, 126–127]. Недостатокъ средствъ заставилъ его отказаться отъ слѣдованія черезъ Кукеноръ, Цайдам и К'ам въ Сы-чуань и избрать кратчайшій путь въ Европу по южной окраинѣ бассейна Тарима въ Хотанъ, гдѣ въ іюнѣ 1891 г. онъ встрѣтился съ экспедиціей де Рэнса, и добраться до русской границы--Новаго Маргелана, гдѣ и умеръ отъ лишеній перенесенныхъ въ пути.

Ботаническая коллекція его хранится въ Ботаническомъ саду въ С.-Петербургѣ.

171. 1) Предварительно этому изданію де Рэнсъ напечаталъ въ Bull. Soc. Géogr. Com. Paris, IX, 1886–7, стр. 169—170 замѣтку относительно карты восточнаго Тибета, а въ Bull. Soc. Gèogr. Paris. VII Série, VIII, 1887, стр. 172—240 и 381—437 статью: „Mémoire g'ographique sur le Tibet oriental (тамъ же IX, 1888, 521—9 письмо генерала Уокера (Walker), бывшаго начальника топографическаго бюро Индіи съ возраженіями по поводу указанной статьи и тамъ же IX, стр. 530—543 отвѣтъ де Рэнса). Другія работы дэ Рэнса указаны въ предислов. къ Miss. Sc.

2) P. M. 38 томъ (1892), стр. 87—90.

3) См. тамъ же.

4) P. M.

172. 1) Miss. Scient. I 90 и III 229—237. Подробный разборъ самаго факта возможности существованія этой дороги.

2) Маршрутъ этой развѣдки показанъ на картѣ на стр. 51, Miss. Scient. I. Описаніе тамъ же 49—90.

3) Карта настоящаго путешествія помѣщена тамъ же на стр. 119; описаніе стр. 106—147.

4) Тѣмъ не менѣе Арка тагъ остается одной изъ наиболѣе абсолютныхъ границъ, какъ подчеркивается тамъ же на стр. 200 (I томъ).

173. 1) См. карту на стр. 191; описаніе стр. 192 –212.

2) Тамъ же 212—213 описывается эта встрѣча.

3) Первыя попытки задержать экспедицію на стр. 214 и 217.

4 Tchar-gad tso. О немъ тамъ же 216.

5) Названіе произошло вслѣдствіе его большого протяженія въ длину на 100 килом. тамъ же.

6) Направленіе маршрута показано на картѣ [стр. 215].

7) 221—228. Описаніе общей картины озера.

8) См. стр. 223—246. Переговоры продолжались 50 дней, проведенныхъ членами экспедиціи и ея животными съ большимъ трудомъ вслѣдствіе разрѣженности воздуха и безплодія окружающей страны, какъ и суроваго климата [тамъ же 237-8].

174. 1) Описаніе города Наг-ч'у и равнины см. 252—254.

2) Пополненіе каравана свѣжими животными 264.

3) Относительно избраннаго маршрута см. стр. 260-1 пройденный на картѣ 267 стр.

4) До перевала Tatsangla мѣстность была довольно ровная, однако, на дѣлѣ состояла изъ небольшихъ выпуклостей, раздѣленныхъ ямами, наполненными водою и снѣгомъ, и весьма трудно переходимыми, стр. 267.

5) Тамъ же 268 стр.

6) Тамъ же стр. 273-4. Долина Сог ч'у, характерная для этой части страны.

7) Тамъ же стр. 276.

8) Тамъ же стр. 276 и 277.

9) Тамъ же стр. 278.

10) Тамъ же стр. 279. Состояніе каравана яковъ и медленность движенія.

11) Описаніе долины Пур-донъ ч'у стр. 287-8.

12) Тамъ же стр. 293.

13) Тамъ же стр. 294.

175. 1] Тамъ же стр. 295.

2] О немъ стр. 295—7. Въ городѣ былъ еще другой тунъ-ши болѣе низкаго ранга [стр. 299].

3] Эти 4 дороги суть 1] черезъ Дзун [Цайдам]; 2] между озерами Джаринъ и Норинъ; 3] на сѣверо-востокъ отъ нихъ и 4] черезъ Арчунъ, зимнее пребываніе вождя голоковъ, съ троекратнымъ переходомъ черезъ Желтую рѣку. Подр. Miss. Sc. 302—304.

4) Стр. 310—312.

5) Маршрутъ его показанъ на картѣ стр. 349 (черезъ горы Баянъ хара по перевалу Па-чонъ и черезъ Желтую рѣку; на востокъ отъ Н'оринъ нора; дальнѣйшій путь совпалъ съ маршрутомъ Фильхнера), и описанъ стр. 340—352. Во время пребыванія въ Си-

нинъ фу (о немъ стр. 357—362). Гренаръ посѣтилъ Кумбум (стр. 363—368).

6] Holdich G. J. февр. 1899.

176. 1] Подробный отзывъ о немъ помѣщенъ въ P. M. Literaturbericht 1899, стр. 169—170. Краткая замѣтка относительно ботаническихъ коллекцій Д. де Рэнса [для растеній собранныхъ по пути изъ Керіи къ озеру Панъ-конъ и на берегахъ этого послѣдняго; 8 новыхъ видовъ] помѣщена Франше въ Bull. Mus. hist. nat. I [1895], 191.

2] Біографія его помѣщена въ 1 ч. Miss. Sc.

3] Pet. Mit.

Китайское правительство, по требованію Франціи, уплатило 250,000 франковъ въ видѣ компенсаціи за убійство де Рэнса, при чемъ 138,000 франковъ были употреблены на ликвидацію издержекъ миссіи, а 112,000 франковъ переданы Академіи Надписей и Литературы на учрежденіе научной преміи.

177. 1] Miss. Scient. II, стр. 317—449 подъ заглавіемъ—Le Tibet et ses habitants и стр. 451—472 „Note sur l'ethnographie du Kan-sou", съ указаніемъ роли тибетской народности въ составѣ населенія этой пограничной съ Тибетомъ области.

2] Очеркъ орографіи Центральной Азіи [III часть, стр. 156—178] трактуетъ лишь южную и наиболѣе возвышенную ея часть между Куэнь-лунемъ и Гималаями, т. е. внутреннее горное построеніе Тибета (Алтын таг и Нань шань, Арка таг, Баян хара, Кукшили, Горы Дютрейль дэ Рэнса, Тань-ла, промежуточныя на югъ отъ горъ Д. дэ Рэнса до Гандисри, наконецъ, сѣверная вѣтвь Гималаевъ, или Гандисри. На стр. 179—180 того же третьяго тома дается общая характеристика нагорныхъ долинъ Тибета и разбирается вопросъ о движеніи, границы вѣчныхъ снѣговъ. Напротивъ, въ гидрографическомъ обзорѣ Гренаръ удѣляетъ одинаковое вниманіе какъ рѣкамъ Вост. Туркестана и Лобъ нору, такъ и рѣчнымъ системамъ восточнаго Тибета стр. 196—206 [Гжяма Ну ч'у; верхнему Янъ-цзы Цзяну, Желтой рѣкѣ, Цайдамской рѣкѣ] и озерной области нагорнаго плато Тибета [стр. 207—211].

3] Въ этомъ отношеніи для Тибета важны стр. 223—244 [223—225 дорога изъ Хотана въ Рудок черезъ Каракорум; далѣе въ Лхасу 226 стр.; изъ Керіи въ Рудок черезъ Полу 226; изъ Хотана въ Лхасу черезъ Полу 227; древняя дорога черезъ Так, Имам Улла, Сари 228—237; маршрутъ изъ Карашара въ Лхасу 237; остальныя страницы (239—244) удѣляются разсмотрѣнію путей между Тибетомъ и Китаемъ.

4) Miss. Scient. III 291—297.

4) Объяснительная записка касательно составленія этихъ спеціальныхъ картъ тамъ же, стр. 249—255. Любопытны топографическіе кроки де Рэнса, замѣняющіе подробныя описанія и возпроиз-

веденныя тамъ же на стр. 257—269; для озера Ѣшил кроки помѣщены въ I томѣ 113—115 и для Нам ц'о тамъ же стр. 221—237.

6) Въ 1904 г. Гренаръ по случаю английской миссіи перепечаталъ въ удобномъ форматѣ и общедоступной обработкѣ выдержки изъ указаннаго большого сочиненія касательно Тибета подъ заглавіемъ: Grenard, Le Tibet, le pays et les habitants. Подробный отзывъ объ этой книгѣ у Ольденбурга, Ж. М. Нар. Мросв., ноябрь 1904 г., стр. 143—5 см. ниже.

178. 1) Этимъ путемъ слѣдовалъ и Марко Поло. Описаніе путешествія Литтльделя 1893 г. помѣщено въ G. J. III (1894), 446—475: „A Journey across Central Asia".

2) Эта часть пути оказалась наиболѣе трудной, благодаря многочисленнымъ поперечнымъ хребтамъ, преграждавшимъ дорогу и переходимымъ лишь по высокимъ переваламъ среди ослѣпляющаго блеска снѣга.

3) Эти горные гребни, испестряющіе поверхность страны складками, въ общемъ параллельными Акка тагу, вмѣстѣ съ раздѣляющими ихъ бороздами представляютъ наряду съ многочисленными озерами наиболѣе характерную черту ландшафта Бжянъ-т'ана. Почва насыщена солью, обусловливая крайній недостатокъ прѣсной воды и травы. Хотя перевалы черезъ гребни не высоки, но постоянное повтореніе ихъ превышало силы животныхъ каравана, ослабленныхъ переходомъ черезъ Акка таг и болѣе сѣверныя цѣпи Куэнь-луня.

4) Между 36°50' и 33°50' с. ш. путь экспедиціи шелъ сквозь вулканическую страну, среди многочисленныхъ несомнѣнныхъ вулкановъ; вопреки постоянному чередованію короткихъ кряжей Литтльдель не видѣлъ ни одной сплошной горной цѣпи вплоть до Нинчен танла, на югъ отъ Тэнгри нора. Послѣдняя описывается путешественниками, какъ „вереница окутанныхъ снѣгомъ пиковъ и ледниковъ, отчасти скрытыхъ въ облакахъ и испареніяхъ, подчеркивавшихъ ея величіе и размѣры; надъ всѣми пиками возвышался Charemani (24, 150 ф., возможно Chimuran съемки „ламъ" XVIII стол.).

179. 1) Ближайшій къ Лхасѣ пунктъ, достигнутый экспедиціей, была долина Goring Tangu, въ 30°12' с. ш., въ 48 мил. отъ столицы.

2) Послѣ Черченя, который экспедиція покинула въ апрѣлѣ, первые люди были встрѣчены въ іюнѣ въ лицѣ тибетскаго стойбища кочевниковъ. Около Тенгри нора экспедиція пришла въ тѣсное и постоянное соприкосновеніе съ тибетцами, которые въ лицѣ старшинъ, а потомъ и лхаскихъ чиновниковъ, всячески пытались помѣшать движенію европейцевъ съ помощью просьбъ и даже угрозъ.

3) Особенность строенія поверхности страны въ этой части маршрута экспедиціи заключалась въ томъ, что послѣдней не пришлось встрѣтить здѣсь ни одного болѣе значительнаго перевала, или водораздѣла, такъ какъ направленіе пути совпадало съ направленіемъ горныхъ складокъ и долинъ, простирающихся по обѣимъ сторонамъ

приблизительно параллельно Цзанъ-по. Фактъ, что путешественники не видѣли по дорогѣ ни одного значительнаго воднаго теченія, доказываетъ, повидимому, что сѣверный водораздѣлъ Цзанъ-по, лежитъ сравнительно недалеко отъ линіи пути Литтльделя и что нѣкоторые изъ большихъ сѣверныхъ притоковъ Цзанъ-по берутъ начало въ большихъ озерахъ, вѣроятно высохшихъ остаткахъ древнихъ снѣговыхъ полей горной цѣпи на югъ отъ нихъ. Вслѣдствіе того, что обширная область между Цзанъ-по и сѣвернымъ водораздѣломъ до сихъ поръ представляетъ абсолютно бѣлое пятно на картѣ, мы можемъ лишь предполагать, что эта часть бассейна рѣки болѣе тепла, благопріятна для пастбищъ и болѣе густо населена скотоводми, чѣмъ область Бжянъ т'анъ, непосредственно примыкающая къ ней на сѣверѣ. Къ описанію страны Литтльделемъ, любопытныя и цѣнныя подробности были прибавлены Гединомъ, слѣдовавшимъ въ 1901 г. параллельно маршруту англійскаго путешественника.

2) Изъ статьи Литтльдэля было сдѣлано извлеченіе подполк. Ванновскимъ подъ заглавіемъ: Путешествіе по Тибету съ сѣвера на югъ и на западъ къ Ладаку Георга Литльделя въ Сборн. Матер. по Азіи (вып. 69, стр. 152—167) съ маршр. картою на 3 листахъ.

Изъ всѣхъ коллекцій Литтльделю удалось доставить въ сохранности въ Европу лишь небольшую ботаническую коллекцію изъ 60—70 видовъ, найденныхъ почти цѣликомъ на высотѣ 16,000 ф. въ упомянутой долинѣ Горинъ танъ-гу, на южной сторонѣ цѣпи, раздѣляющей Тенгри нор и область Хласы. Изъ этихъ растеній 10 видовъ оказались новыми, часть ихъ была описана Helmsley въ Kew Bull. 1896, стр. 207—216; кромѣ того Thiselton-Dyer, директоръ Kew Gardens, напечаталъ въ Kew Bull. 1896, стр. 99 интересную замѣтку относительно тибетскихъ растеній коллекціи Литтльделя (см. также G. J. VII (1896), стр. 479 и далѣе). Однако, важнѣйшимъ результатомъ путешествія все-же была съемка 1500 миль между Черченью и границею Ладака въ Шушанѣ.

180. 1) Правда, черезъ нѣсколько дней они снова явились въ лагерь, но по недостатку съѣстныхъ запасовъ были приняты обратно только нѣкоторые изъ нихъ.

2) Въ послѣднемъ случаѣ промежутокъ времени вышелъ бы даже дольше, если-бъ случайно маршрутъ путешественниковъ не пересѣкъ караванъ, двигавшійся изъ Лхасы по перпендикулярной къ нему линіи.

181. 1) См. карту приложенную къ нижеуказанной книгѣ Велльби. Точность съемки подвергается, однако, сомнѣнію вслѣдствіе ненадежности наблюденій туземнаго топографа (Plat. 6).

2) Pet. Mit.

Впрочемъ, это путешествіе подтвердило прежнія извѣстія относительно совершенно безплоднаго и обнаженнаго характера природы сѣвернаго Тибета. Съемка иллюстрируетъ преобладаніе длинныхъ и сравнительно низкихъ складокъ въ почвѣ, перпендикулярныхъ

къ меридіану, въ качествѣ характерной черты ландшафта. Впечатлѣнія отъ погоды даютъ интересный матеріалъ для характеристики климатическихъ условій этой части Тибета съ точки зрѣнія путешественника.

182. 1) Возможно, одна изъ этихъ вершинъ была горою Оскара, наблюдавшейся Гединомъ.

2) Стр. 283—294 даютъ описаніе монастыря Кумбума и его храмовъ; стр. 208—210 указываютъ на караванный путь между Лхасою и Си-нинъ и на тибето-китайскую торговлю.

Путешествіе Веллньби дало также коллекціямъ Kew Gardens приращеніе въ видѣ гербарія изъ 80 видовъ растеній, какъ и нижеуказываемое путешествіе Дези. Гербарій послѣдняго пополняется 25 видами растеній, собранныхъ въ Куэнь-луньскихъ равнинахъ (17,000 ф.) капитаномъ Пико раньше путешествія Веллньби (см. Journ. Linn. Soc. XXX (1894), 140—замѣтка Helmsley).

3) Мѣстныя власти, дѣйствуя на основаніи предписаній изъ Лхасы, отказывались давать проводниковъ, или какія-либо свѣдѣнія относительно страны, а часто попадавшіеся на пути кочевники оказывались безполезными въ качествѣ проводниковъ. Въ общемъ противодѣйствіе со стороны населенія въ большей мѣрѣ затрудняло путешествіе, или даже дѣлали его невозможнымъ, нежели физическія преграды—холода, недостатокъ воды, вѣтры и общее безплодіе.

4) Общая картина сѣверо-западнаго Тибета представляли пустынныя угрюмыя равнины, пересѣченныя цѣпями холмовъ, которые, поднимаясь невысоко отосительно сосѣдней страны, имѣютъ большую абсолютную высоту надъ уровнемъ моря. Равнины подчасъ состоятъ изъ гальки и совершенно безплодны, однако, мѣстами попадались и хорошія пастбища съ безчисленными стадами дикихъ животныхъ, по сосѣдству съ многочисленными солеными озерами.

5) Долины обѣихъ рѣкъ представляютъ важныя линіи сообщенія съ Бжянъ-т'аномъ.

183. 1) Deasy, „In Tibet and Chinese Turkestan, being a record of three years explorations (London, 1901). См. также G. J. 1900 авг. и ноябрь съ картою. Послѣдняя, какъ и приложенная въ указанной книгѣ, отличается особой точностью и подробностями.

Въ дополненіе къ изслѣдованіямъ Дези, докторъ Штейнъ (M. A. Stein), занимавшійся важными археологическими изысканіями и раскопками въ предѣлахъ южной половины восточнаго Туркестана въ теченіе 1900—1901 гг., произвелъ съемку при помощи туземнаго индійскаго топографа, горъ Куэнь-луня по верхнимъ теченіямъ рр. Юрунъ каш и Каракаш, восполнивъ нѣкоторые пробѣлы на картѣ Дези и выяснивъ физическое строеніе горъ въ этой части системы. См. „Sand-buried ruins of Khotan“, 1903, главы XIII и XIV и карту, приложенную къ книгѣ.

Зимою 1906—7 гг. во время второй археологической экспедиціи Стейна въ предѣлахъ южной окраины бассейна Тарима, ин-

дійская тріангуляціонная сѣть была продолжена трудами топографа Рай Рам-Синга отъ верховьевъ р. Керіи до горъ между Черченемъ и Чарглыкомъ (G. J. іюль 1907, стр. 72).

Въ 1898 г. подполковникъ генеральнаго штаба В. Ѳ. Новицкій, возвращаясь изъ Индіи въ Россію, избралъ для этой цѣли путь черезъ Кашмиръ, Ладакъ (Зоджила, Драсъ, вверхъ по р. Инду, затѣмъ черезъ Ле, Кардунъ, Нубра, Чанъ-лунъ и Каракорум) и Кашгарію (китайскій пограничный постъ Шах-и-дулла, Каргалыкъ, Яркендъ и Кашгаръ). Описаніе путешествія было издано въ 1903 г. подъ заглавіемъ „Изъ Индіи въ Фергану" съ картою и 18 таблицами фототипій въ Запискахъ И. Р. Географическаго Общества по общей географіи, томъ XXXVIII, № 1; III+II+297 стр. (см. также Изв. 1899, 147—180). Предварительно изложенію путевыхъ впечатлѣній въ предѣлахъ Ладака, авторъ описываетъ на стр. 63—67 [см. еще 113—114] общій характеръ природы области, указывая на важнѣйшихъ представителей растительнаго и животнаго царства. Во время пребыванія въ этой странѣ путешественнику приходилось невольно обращать вниманіе на религіозные обычаи туземцевъ, благодаря повсемѣстному распространенію, начиная съ долины р. Суру, приблизительной границы между меньшей частью Ладака—мусульманской, и большей—ламайской, общеизвѣстныхъ религіозныхъ сооруженій—чортеней, мендоновъ (см. напр. стр. 76) и небольшихъ моленъ [см. стр. 85], не считая болѣе крупныхъ монастырей. Однако, ладакцы—ламаиты обнаруживаютъ равнодушіе къ религіознымъ обрядамъ и поверхностное отношеніе къ вѣроученіямъ, которое остается даже при переходѣ ихъ въ мусульманство, все глубже распространяющееся въ предѣлы Тибета и захватывающее все большую территорію; такимъ образомъ, ладакцы-мусульмане едва-ли становятся тѣми правовѣрными мусульманами, которыми изобилуютъ сосѣднія области. Переходъ черезъ Каракорумское нагорье, помимо непосредственныхъ впечатлѣній въ пути [см. стр. 116—144 „Каракоское нагорье—Въ снѣгу и среди ледниковъ"], даетъ автору случай сдѣлать общій очеръ его флоры и фауны въ видѣ перечней главнѣйшихъ представителей той и другой.

2) Отзывъ въ Р. М.

184. 1) См. карту маршрута Гедина по Цайдаму и Кукунору въ Р. М. Erg. 131, таблица 5. Описаніе этого путешествія „Through Asia" въ 2 томахъ (Methuen 1898) является образцовымъ изложеніемъ научной географіи (см. отзывъ Holdich, G. J., февр. 1899, 159 и 160). См. также отзывъ И. В. Мушкетова о трудахъ дѣйствительнаго члена (Имп. Русск. Геогр. Общества) Свена Гедина по изслѣдованію средней Азіи. (Отчетъ И. Р. Г. О., за 1897, приложеніе, стр. 18—23).

185. 1) Интересны наблюденія надъ свойствами русла и теченія Хуанъ хэ въ 2 посѣщенныхъ экспедиціей пунктахъ. См. Р. М. Erg. 143, стр. 16 и 37.

186. 1) Futterer, Durch Asien: I часть—описаніе путешествія; II—геологическія изысканія; III—метеорологическія наблюденія. См. также отдѣльно Futterer, Georg. Skizze von Nord-ost Tibet [P. M. Erg. 143), содержащій пояснительныя замѣчанія въ формѣ подробнаго путевого дневника на два листа карты съемки, произведенной указанной экспедиціей, между южнымъ берегомъ Кукунора и Миньчжоу.

2) Central Asia and Tibet towards the Holy City of Lassa, London 1903. Еще болѣе популярное изложенія этой книги въ новой переработкѣ подъ заглавіемъ „Hedin, Adventures in Tibet" вышло въ Лондонѣ въ 1907 г.

188. 1) Пока вышли только первые 2 тома: Hedin Scientific results of a journey in Central Asia. Stockholm, 1904, касающіеся Тарима и Лобнора со множествомъ картъ и чертежей.

189. 1) Съ 8 іюля 1900 г. (переходъ черезъ Астын тагъ) до 27 января 1901 г. (выступленіе отъ Анамбаруин ула къ пустынѣ Лобнора) и снова съ 23 мая 1901 г. (вторичный переходъ черезъ Астын тагъ) до 13 декабря 1901 г. (окончаніе путешествія на границѣ Ладака).

190. 1) Существуетъ также второе меньшее озеро Кум, посѣщенное Гединомъ во время первой экспедиціи по Тибету. „Centr. Asia" I 494.

2) Изъ этого числа только 9 верблюдовъ, 2 осла и 1 баранъ добрались до границы Ладака; изъ людей (въ составъ экспедиціи входило 35 человѣкъ) двое также не вынесли лишеній и умерли въ пути.

3) Это, впрочемъ, былъ не самый высокій перевалъ, т. к. далѣе къ югу горы Куку-шили (?) были пересѣкнуты на высотѣ 17,511 ф., а огромная цѣпь подъ 34° и 89° в. д.—даже на высотѣ 17,921 ф.

191. 1) Centr. Asia, II 248.

193. Согласно Сандбергу (S. E.) гонцы проходили это разстояніе въ 2 дня.

195. 1) Научные результаты путешествія Гедина 1899—1901 г. резюмированы въ Pet. Mitt., 1904, № 7 съ картою и G. J. ноябрь 1904 тоже съ картою—пробнымъ листомъ изъ атласа въ 100 (120) листовъ, который будетъ приложенъ Гединомъ къ „Scientific results of a journey in Central Asia". Послѣднее изданіе должно составить шесть томовъ, кромѣ атласа. Первые четыре тома представляютъ физико-географическое описаніе всего пути [свыше 6200 миль], какъ пояснительный текстъ къ картамъ, при чемъ томъ III будетъ посвященъ сѣверному и восточному Тибету и томъ IV—центральному и западному Тибету. Текстъ иллюстрируется чертежами, діаграммами и множествомъ фотографій. Въ общемъ получится богатѣйшій географическій матеріалъ, на основаніи котораго можетъ быть построена вѣрная общая географическая картина посѣщенныхъ Гединомъ областей. Первая часть пятаго тома составится изъ мете-

орологическихъ наблюденій за періодъ 6 лѣтъ, такъ какъ и наблюденія 1894—7 гг. включены въ этотъ томъ; обработка этого матеріала докторомъ Экхольмъ, возможно, позволитъ ему разрѣшитъ вопросъ о причинахъ постоянства западнаго вѣтра, дующаго зимою по всему Тибету и о связи этого вѣтра съ муссономъ (въ бассейнѣ Тарима съ неменьшимъ постоянствомъ и силою, но уже весною, господствуетъ ВСВ. вѣтеръ). Вторая часть того же тома будетъ заключать обработку астрономическихъ наблюденій Гедина. Шестой томъ будетъ посвященъ описанію коллекцій, вывезенныхъ Гединомъ; первая часть—описаніе зоологической коллекціи (въ обработкѣ проф. A. Leche), уже напечатана; коллекція не велика и состоитъ почти исключительно изъ млекопитающихъ; указанная часть снабжена 80 иллюстраціями и пятью гравюрами на мѣди, изображающими скелеты дикаго верблюда, кянъ, дикаго яка, ovis ammon и ursus pruinosus. Вторая часть (проф. Lagerheim) трактуетъ ботаническую коллекцію, тоже очень небольшую, изъ случайныхъ растеній; Гединъ занимался спеціально сборомъ географическаго и картографическаго матеріала, удѣляя мало вниманія другимъ отраслямъ землеописанія. Болѣе богатая геологическая коллекція—700 образцовъ—дастъ возможность доктору Backstrom въ четвертой части того же тома судить болѣе точно о геологическомъ составѣ горныхъ цѣпей Тибета, хотя предварительныя указанія на этотъ счетъ имѣются уже въ книгѣ „Central Asia and Tibet". Въ томъ же томѣ будетъ помѣщена научная обработка археологическихъ коллекцій и матеріаловъ, собранныхъ Гединомъ во время раскопокъ въ пустынѣ Лобъ-нора (на мѣстѣ историческаго Лоулана); обработка ихъ начата была Himly и за смертью того продолжена Conrady.

Атласъ изъ 120 листовъ (ранѣе предполагалось 100 листовъ) представитъ обработку 1149 листовъ съемки Гедина (оригиналъ имѣетъ 3 мили въ дюймѣ) въ масштабѣ 1:200,000 (путь по Тариму въ масшабѣ 1:100,000) и общую карту посѣщенныхъ областей на 16 листахъ въ масштабѣ 1:1,000,000, гдѣ будутъ использованы картографическіе матеріалы другихъ изслѣдователей, не только Гедина.

Средства на изданіе даны Шведскимъ парламентомъ (75,000 кронъ); каждый изъ 250 экз. по подпискѣ стоитъ 15 ф. стерлинговъ; языкъ изданія англійскій.

2) Господствующей чертою Аксай чин являются продольныя широкія долины, плоскія и песчаныя, между цѣпями, направленными съ запада на востокъ, тогда какъ раньше (до Кросби) ихъ направленіе указывалось съ сѣвера на югъ.

196. 1) Свѣдѣнія объ этомъ путешествіи, прошедшимъ на большую часть внѣ Тибета по восточному Туркестану, даются въ докладѣ Кросби „Turkestan and a corner of Tibet", G. J., 1903, т. 23, стр. 705 и въ отдѣльной книгѣ: „Crosby, Tibet and Turkestan", 1905. О путешествіи собственно по Тибету Кросби говоритъ въ докладѣ и книгѣ сравнительно немного, новаго же сообщаетъ

во всякомъ случаѣ еще меньше, также большинство рисунковъ (фотографій) относятся къ извѣстнымъ городамъ бассейна Тарима. Между прочимъ Кросби останавливается и на поліандріи въ Тибетѣ и даетъ ясное изложеніе ея причинъ, преимущественно экономическихъ, руководствуясь главнымъ образомъ указаніями Гренара. Въ приложеніи приводятся тибетскія пѣсни изъ Ладака, собранныя миссіонеромъ Франке, въ англійской передачѣ.

Anginieur со своей стороны изложилъ путевыя впечатлѣнія въ небольшой книжкѣ: „En Asie Centrale. Turkestan—Thibet—Cashemir". Paris 1904. Отзывъ о ней Ольденбурга въ Ж. М. Н. Пр. августъ, 1906, стр. 322—3 малоодобрительный; изъ снимковъ заслуживаетъ вниманіе одинъ, удачно изображающій ламское обученіе.

2) Впрочемъ, калмыки, какъ говоритъ Монкочжуевъ Изв. 1895, стр. 668—9, получили въ 1808 г. [Позднѣевъ относитъ грамоту къ 1756 г., но не указываетъ, чтобы въ ней говорилось о правѣ калмыковъ ѣздить въ Тибетъ. Хожд. стр. VI] отъ регента Далай-ламы грамоту на свободное посѣщеніе Тибета въ награду за религіозное рвеніе дурботскаго князя Мэнкэ Тэмура, построившаго три монастыря въ калмыцкихъ степяхъ (однимъ изъ нихъ является нынѣшній Дунду хурул); одновременно съ грамотою регентъ пожаловалъ калмыцкимъ посланцамъ и различные священные предметы и изображенія.

197. 1] Ольденбургъ, Ж. М. Нар. Просв. ноябрь 1904, стр. 141—2, даетъ перечень пяти извѣстныхъ пока записокъ, съ указаніемъ гдѣ они были напечатаны, или изданы.

2) См. монгольскій текстъ ея въ „Монгольской Хрестоматіи" Позднѣева (С.-Петербургъ 1900), стр. 29—41. Какъ указывается въ предисловіи къ указанной хрестоматіи, эта записка даетъ систематическое описаніе пройденной мѣстности, изложенное безъ раздѣленія по днямъ, а въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ страны. Въ этомъ же предисловіи упоминается и не изданное понынѣ описаніе путешествія въ Тибетъ бурятскаго ламы Лобсан-чжаба.

3] „Сказанье о хожденіи въ тибетскую страну Мало-дорботскаго База-бакши", С.-Петербургъ, 1897. См. также Изв. 1895 стр. 568—573: „Замѣтка о путешествіи Дурбэтскаго Хамболамы Монкочжеева отъ Напчу до Сачжа-цзуна [Сакья-дзона] въ 1892 г."

4) За каждаго верблюда отъ Урги до Кумбума было уплочено по 6 ланъ серебра; такъ какъ сами мѣстные жители за то же разстояніе, только въ обратномъ направленіи, платятъ 8 ланъ за верблюда (Хожд. 159 стр.), то читатель невольно поражается подобнымъ умѣньемъ калмыка соблюдать свои выгоды въ незнакомой странѣ и вообще его способностью примѣниться ко всякимъ обстоятельствамъ и мастерствомъ обходить возможныя препятствія, чему не мало примѣровъ въ дневникѣ. За весь путь (вѣрнѣе проѣздъ) отъ Урги до Лхасы База-бакши съ другимъ калмыкомъ уплотили лишь 215 рублей, считая 2 рубля въ китайскомъ ланѣ (отъ Урги до Кумбума за 5 верблюдовъ 30 ланъ; отъ Кумбума до Дулан-бай-

шина за 8 верблюдовъ—10 ланъ 8 цинъ; отъ Дулан-байшина до Нагчу за 5 верблюдовъ 60 ланъ; отъ Нагчу до Лхасы за 7 вьючныхъ и 1 верхового мула 5 ланъ 8 цинъ, или всего 106 ланъ 6 цинъ).

5) Хожд. 154.

6) См. тамъ же 155, гдѣ говорится, что сухіе листья дерева, уже не имѣющіе буквъ, служатъ для причащенія паломниковъ; по поводу священнаго дерева Кумбума и его листьевъ см. Edouard Blanc (Bull. du Museum, Paris 1895, № 8), d'Orleans, Henri, A propos du père Huc („T'oung Pao" 1893, 115 съ табл.), замѣтки Fauvel (тамъ же 389), Kern и Schlegel (тамъ же 457), наконецъ, полемику по этому вопросу въ лондонскомъ журналѣ „Nature" въ 1906 г. между Рокгилемъ, Huntley, Thiselton-Dyer и Григорьевымъ. Затѣмъ можно указать на взгляды Bela Szechenyi, Rijnhart, Крейтнера, Потаниныхъ и Рокгиля, сгруппированные у Filchner, Das Kloster Kumbum". Самъ Фильхнеръ приходитъ къ заключенію, что въ Кумбумѣ существуетъ, несомнѣнно, два священныхъ дерева, одно передъ „храмомъ съ золотой крышею", другое въ саду „храма Хуа-сы", и можетъ быть еще третье, настоящее священное дерево (именно съ священными изображеніями на листьяхъ) въ заднемъ дворѣ первоназваннаго храма, куда доступъ запрещался всѣмъ путешественникамъ (къ этому мнѣнію склоняется и Рокгиль, а также Gren. 220).

Дерево въ саду „Хуа-сы" принадлежитъ къ породѣ Syringa villosa или amurensis и очень старо; на корѣ видны знаки, смутно походящіе на тибетскія буквы, сдѣланные намѣренно, вѣроятно, съ помощью кислоты.

Относительно упомянутой породы—Syringa (Ligustrina) amurensis (pekinensis) см. Bretschn. Hist. Bot. Disc. 1058; тамъ же на стр. 1056—58 указываются два другихъ представителя рода сиреневыхъ—Syringa villosa и S. pubescens, нерѣдко смѣшиваемыхъ.

7) Объ этомъ обрядѣ тамъ же 131 прим. 15.

8) Тамъ же 163.

9) Объ этомъ названіи тамъ же 164, прим. 44; правильная литературная форма названія Серкуг—гСер-к'ог.

198. 1) Нѣкоторыя бытовыя подробности объ этихъ тангутахъ и ихъ черныхъ палаткахъ, подмѣченныя База-бакши, см. тамъ же стр. 169—171.

2) Бакши сообщаетъ, кромѣ краткаго описанія озера (круглая форма, синій цвѣтъ воды, скалистый холмъ посреди), что вокругъ озера можно объѣхать верхомъ въ семь дней (тамъ же 173); Кукуноръ, говоритъ онъ, во всей своей окружности тангутскій.

3) При посѣщеніи Дуланъ-байшина обнаружилось безграничное суевѣріе калмыка, какъ и вообще всѣхъ ламаитовъ, заставившее База-бакши и его спутника пролѣзть въ узкую скважину въ каменной оградѣ передъ входомъ въ пещеру въ сосѣдней горкѣ только

потому, что, по словамъ мѣстныхъ монголовъ, человѣкъ, который помѣстится и пролѣзетъ черезъ нее, долженъ достигнуть здоровымъ до Цзу—Лхасы. (Тамъ же 174). Посѣщеніе передовой ставки цайдамскихъ монголовъ (такъ какъ названіе кукунорскихъ монголовъ и цинъ-хай'скаго вана сохраняется лишь по традиціи въ виду почти совершеннаго вытѣсненія монголовъ тибетцами съ береговъ Кукунора] даетъ случай Бакши сообщить нѣкоторыя данныя о политическомъ дѣленіи Цайдама [8 хошуновъ вмѣсто обычныхъ пяти стр. 174—175 съ примѣч. 47 и 48] и названіяхъ и титулахъ мѣстныхъ владѣтелей [стр. 176—7, не вполнѣ точныхъ, какъ проистекавшихъ изъ бесѣдъ съ простыми монголами, имѣвшими свое собственное представленіе о правахъ князей].

4) Тамъ же 179.

5) Тамъ же 180—1. Авторъ преувеличиваетъ разбойничьи наклонности цайдамскихъ монголовъ, въ особенности по отношенію къ сосѣднимъ тангутамъ и голыкамъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ вся выгода и перевѣсъ остается на сторонѣ тибетскихъ набѣговъ.

6) Общая характеристика мѣстности стр. 185.

7) Любопытны средства которыми лѣчился бакши отъ этой болѣзни, стр. 190—1.

199. 1) Обиталище одного изъ геніевъ-хранителей Тибета— Дама-чжунай, спутникъ докшита Оконъ-тэнгри, см. стр. 192, прим. 59.

2) Какъ говоритъ бакши, калмыки уже 135 лѣтъ со времени посольства Донроб-арши хана (Дондук-даши, см. Хожд. стр. 121 и прим. 1) или 1756 г. не доходили до Тибета (тамъ же 123).

3) Тобот чжосу монгольское названіе тибетской низкопробной монеты [т]рам-к'а. О ней и ея дробныхъ частяхъ см. Хожд., стр. 197, примѣчаніе Позднѣева 63.

4) Тамъ же 200, прим. 66.

200. 1) 202 стр.

2) Тамъ же говорится объ этомъ мѣстномъ обычаѣ.

3) 203—206. Между прочимъ указывается, что лагерь китайскихъ войскъ находится за дорогою наружнаго круговорота и потому считается расположеннымъ внѣ Лхасы.

4) 206—209. На стр. 211 говорится о тибетскомъ регентѣ (номыйн ханѣ), который завѣдуетъ печатью Далай-ламы гражданскаго управленія до исполненія тому 18-ти-лѣтняго возраста (печать вѣры [духовнаго управленія] Далай-лама принимаетъ въ руки при вступленіи на каѳедру, независимо отъ возраста).

5) Стр. 212—213. Отвѣтные подарки изъ далай-ламскаго казначейства были: 50 ланъ серебра, три куска тибетскаго сукна, двѣ лубочныя корзины тибетскаго чаю и одинъ свертокъ толстыхъ курительныхъ свѣчей.

6) Описаніе озера, на которомъ совершаетъ поклоненіе на особомъ каменномъ сѣдалищѣ каждый новый Далай-лама, дается въ весьма романтическихъ краскахъ на стр. 220—222.

7) Устройство лодки и управленіе ею см. на стр. 223.

8) „На всѣ четыре стороны виднѣются горы, но онѣ кажутся такими, будто малые дѣти, играючи, насыпали грудочками горы изъ песку". Тамъ же 230—1.

9) О немъ на стр. 231 –232.

10) О посѣщеніи Дордже-пагмайнъ гегена въ ея зимнемъ мѣстопребываніи въ Нинъ-нинъ гомба на югъ отъ Гжянъ-цзе см. на стр. 233; объ изготовленіи тибетскаго сукна въ Гжянъ-цзе—на стр. 234 (пріемы сравниваются съ изготовленіемъ калмыками шерстяной тесьмы для обвязыванія палатки).

11) О немъ и свѣтскомъ городѣ Шагеджи дзонъ (Шихацзе) на стр. 235—6. Церемонія поклоненія Пан-ч'ен римпоче описывается на стр. 238—9.

12) Объ этомъ іерархѣ и вообще о монастырѣ даются краткія свѣдѣнія на стр. 240—1, дополняемыя примѣчаніями Позднѣева 97 и 98.

201. 1) Тамъ же 242—243.

2) Тамъ же 244.

3) Тамъ же 245—6.

202. 1) Тамъ же предисловіе издателя-переводчика Позднѣева, стр. XII—XIV.

2) Средства на путешествіе Г. Ц. Цыбикова, равно какъ извѣстная поддержка Норзунову, были даны Русскимъ Географическимъ Обществомъ, справедливо оцѣнившимъ всю пользу, могущую произойти отъ работъ рекомендованныхъ ему лицъ въ запрещенной странѣ.

3) Въ настоящее время Г. Ц. Цыбиковъ занимаетъ каѳедру монгольской словесности при Восточномъ Институтѣ въ городѣ Владивостокѣ.

4) Журн. Мин. Нар. Просв., 1904, цит. статья.

203. 1) См. предварительное сообщеніе „О Центральномъ Тибетѣ", Изв. 1903, вып. III 187—227 съ приложеніемъ „Лхаса и главнѣйшіе монастыри Тибета въ фотографіяхъ" (стр. 219—227). Англійскій переводъ настоящаго сообщенія былъ выпущенъ подъ заглавіемъ: Tsybikoff, G. Ts. Lhasa and Central Tibet (From the Smithsonian Report for 1903, pages 727—746 with plates I—VII) Washington, 1904.

По отзыву С. Ѳ. Ольденбурга, результаты путешествія г. Цыбикова самымъ удовлетворительнымъ образомъ заполняютъ пробѣлы въ знакомствѣ съ Тибетомъ. Цыбиковъ привезъ серію превосходныхъ фотографій, цѣнный отчетъ и чрезвычайно умѣло подобранное собраніе цѣнныхъ тибетскихъ книгъ. На основаніи сказаннаго отзыва И. Р. Географическое Общество присудило ему премію Пржевальскаго (800 р.) см. Изв. 1904, стр. 683.

2) Подъ заглавіемъ „Буддійскій паломникъ у монастырей Лхасы".

3) Съ его словъ Deniker составилъ въ „Tour de Monde“ X (1904) № 19 и 20, стр. 217 и 229—240 интересную статью „Trois voyages à Lhassa (1898—1901) par O. Norzunoff, pèlerin Kalmouk“. На англійскомъ языкѣ описаніе поѣздки Норзунова было помѣщено въ „Cent. Mag.“, Авг. 1903, стр. 543—554 съ 9 иллюстраціями (между прочимъ, видами Бодалы и Лхасы) подъ заглавіемъ: „Deniker, New Light on Lhasa, the forbidden city“, съ предисловіемъ B. B. Рокгиля, излагающимъ краткую исторію знакомства европейцевъ съ Лхасою.

4) Восемь фотографій Норзунова и списокъ фотографій Цыбикова, который также имѣлъ съ собою фотографическій приборъ, были напечатаны въ указанномъ уже III вып. XXXIX тома Изв. (см. выше) и заслужили подробнаго упоминанія и воспроизведенія отдѣльныхъ фотографій въ большинствѣ заграничныхъ географическихъ изданій, между прочимъ Deniker въ „Géographie“, 1903, VIII, 324 (фотографіи Норзунова) и тамъ же IX, стр. 24 (фотографіи Цыбикова), затѣмъ G. J.

Первая въ мірѣ фотографія Лхасы, свѣланная Норзуновымъ, была воспроизведена съ замѣткой Деникера въ „Géogr.“, окт. 1901, на два мѣсяца раньше опубликованія фотографическаго снимка того же города, сдѣланнаго членомъ Непальской миссіи, правда, задолго до Норзунова, но увидѣвшаго въ печати свѣтъ лишь въ декабрѣ 1901 г., на страницахъ G. J. съ замѣткою Гольдичъ.

5) Супруга Фильхнера оставалась все время въ Си-нинъ-фу, гдѣ производила подробныя метеорологическія наблюденія и составляла коллекціи—ботаническія, зоологическія и этнографическія.

6) Въ 1906 г. вышелъ первый томъ результатовъ этой китайско-тибетской экспедиціи 1903—1904 г., представляющій описаніе монастыря Кумбум съ превосходными иллюстраціями въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ и планами подъ заглавіемъ „Das Kloster Kumbum in Tibet. Ein Beitrag zu seiner Geschichte“. Эта монографія—цѣнный и единственный до сихъ поръ въ томъ же родѣ вкладъ въ изслѣдованіе тибетскихъ монастырей, обѣщаетъ много для интереса дальнѣйшихъ томовъ описанія работъ экспедиціи (Отзывъ „Asien“; см. P. M. Lit. 1907).

204. 1) См. карту приложенную къ Mat.

2) Mat. XIV.

205. 1) Относительно научныхъ результатовъ экспедиціи и предположенномъ изданіи ихъ, см. Mat. XIV—XV. Во всякомъ случаѣ важнѣйшимъ результатомъ ея явилось посѣщеніе верхней Хуанъ хэ, т. е. часть пути отъ Оринъ нора вдоль указанной рѣки.

2] Фотографія яковъ экспедиціи Mat. 60 [№ 16]. О повадкахъ яка въ роли вьючнаго животнаго см. тамъ же 62—63 (въ прим. на 62 стр. трудности вьючки приписываются неопытности слугъ) и фотогр. № 14, на 56 стр.

3] Фотографія Mat. 80.

206. 1] Mat. 78.

2] О немъ Mat. 92. Съ востока въ озеро впадаетъ Дунгу ч'у.

3] Тамъ же.

4] Тамъ же 93.

5] Горы Амне мачин представляютъ въ этомъ мѣстѣ лишь двѣ не очень высокія горныя грады, среди плоскихъ равнинъ, насколько мы можемъ понять изъ 93 и 95 страницъ описанія путешествія.

6] На берегъ Ма ч'у Фильхнеръ вступилъ 20 іюля. Въ затронутомъ мѣстѣ рѣка быстро и бурно несла глинисто-желтоватыя воды по южному краю широкой степной долины, направленной съ запада на востокъ, между болотистыми лугами. 21 іюля докторъ Тафель три раза пытался переплыть черезъ рѣку съ канатомъ для устройства переправы экспедиціоннаго каравана съ помощью парома.

7] На два дня пути по болотистымъ береговымъ лугамъ, сильно затруднявшими движеніе каравана. Переправа экспедиціи черезъ Ма ч'у была произведена 27 іюля въ 10 километрахъ на сѣверовостокъ отъ выхода рѣки изъ Оринъ нора, въ мѣстѣ, гдѣ рѣка разбивалась на четыре рукава и имѣла менѣе сильное теченіе, чѣмъ въ пунктѣ первой попытки.

8] Озеро произвело на Фильхнера скорѣе впечатлѣніе морского залива—со своими мысами и скалистыми берегами, нежели внутренняго озера Mat. 110.

9] Недалеко отъ озера Оринъ были встрѣчены два первыхъ голыка Mat. 112. Отнынѣ голыки стали попадаться почти каждый день, увеличиваясь въ числѣ по мѣрѣ углубленія экспедиціи въ ихъ страну.

10] Внѣшній видъ горъ Баян хара съ озера Каланам Mat. 114. Горный ландшафтъ вблизи перевала Пачонъ, тамъ-же 119—120 и 121—2 съ фотогр. № 27 къ стр. 120. Движеніе къ Па-чонъ ла было предпринято Фильхнеромъ съ цѣлью обмануть бдительность голыковъ и затѣмъ, обойдя съ тылу, углубиться въ ихъ страну [объ этомъ планѣ съ чертежомъ см. тамъ же 105—106].

12] Отъ Па-чонъ ла экспедиція слѣдовала вдоль притока Хуанъ ха—Ри ч'у, что заставило ее сдѣлать большой крюкъ на сѣверозападъ, вмѣсто ожидаемаго восточнаго направленія теченія рѣки.

207. 1) Тамъ же 126—127.

2] Тамъ же 147—8: Головной уборъ дѣлается въ видѣ гриба изъ куска бараньей шкуры, съ тупой тульей, мѣхомъ внутрь; сверху шкура кроется зеленой или красной матеріей. Поля этой шапки обычно завернуты кверху [См. фотогр. № 31 и 33].

3] Фотографіи № № 30—34 [стр. 144, 152 и 154].

4] Тамъ же 156.

208. 1] Тамъ же 159—160.

2] Фильхнеръ называетъ лисицъ, мышей, бобровъ и куницъ. Mat. 162.

3] Тамъ же 158.
4] Тамъ же 167.
5] Тамъ же 168.
6] Тамъ же.
7] Тамъ же 160—1.

209. 1] Тамъ же 179.
2] Тамъ же 184.
3] См. тамъ же стр. 183 и фотогр, №№ 38—40.
4] Тамъ же 185.
5] Тамъ же 191.
6] См. тамъ же 216 стр. съ фотогр. № 42.
6] Тамъ же 232.

210. 1] Тамъ же 251.
2] Тамъ же 260.

3) К'ансерр, повидимому, представляетъ лишь К'анъ сар, обозначеніе извѣстныхъ селеній [по монгольски хуре]; поэтому это имя можетъ означать не только племя и селеніе Кансерр въ собственномъ смыслѣ, но и всякое другое значительное селеніе, напр. Кнаба, чѣмъ порождается новая путаница и облегчается возможность недоразумѣній въ отношеніи географической номенклатуры.

4) Тамъ же 286.

211. 1) Подробное описаніе Кнаба и занятій его населенія см. тамъ же 354—5.

2) Подробности изложены тамъ же въ IX главѣ.

3) Судьба каравана, попавшаго въ руки племени Кнаба, указана тамъ же 386—7.

4) Тамъ же 368.

212. 1) Объ этой экспедиціи см. ниже. Географическія и главнѣйше геологическія изысканія экспедиціи Фильхнера были изложены вкратцѣ въ Zeitschrift Ges. Erdkunde Berlin, 1905, III, стр. 152 и 212. Описаніе собственнаго путешествія дается въ выше много разъ цитированномъ сочиненіи Filchner „Raetsel des Matschu" Mittler und Sohn, Berlin, 1906.

2) Въ 1885 г. полковникъ Таннеръ изъ Альморы вступилъ въ западный Тибетъ по перевалу Липулек (16,800 ф.) и быстрыми переходами достигъ Такла К'ар на р. Карнали, прежде чѣмъ тибетскія власти замѣтили его приближеніе; въ концѣ концовъ онъ былъ отправленъ обратно, но все же успѣлъ подойти на разстояніе 23 миль къ Священнымъ озерамъ.

3) Въ настоящемъ дѣлѣ англійское правительство руководствовалось отдѣльной статьей Чжифуской конвенціи, въ коей предусматривалась возможность отправки англійскимъ правительствомъ „mission of exploration" изъ Китая въ Индію черезъ Ганьсу и Кукуноръ (или Сычуань) и Тибетъ, или въ обратномъ направленіи. Означенная конвенція была выработана въ 1877 г., и уже въ томъ же году Булгеръ (Boulger, D. C.) помѣстилъ въ J. A. S., vol. X, стр.

113—130 по поводу этого постановленія конвенціи, санкціонировавшаго сношенія между Индіей и Тибетомъ, хотя бы въ весьма ограниченномъ смыслѣ,—статью озаглавленную: „China via Tibet“, въ которой, резюмировавъ вкратцѣ отношенія Индіи къ Непалу, Бутану и Тибету, настаивалъ на скорѣйшемъ открытіи доступа въ Тибетъ со стороны Индіи черезъ долину Чумби, въ цѣляхъ развитія торговыхъ сношеній съ Тибетомъ и укрѣпленія политическаго положенія Индіи со стороны этого государства и дружескихъ отношеній съ нимъ.

Чжифуская конвенція не была первымъ шагомъ англійскаго правительства на пути изъ Индіи въ Тибетъ, такъ какъ уже въ 1873 г. Edgar, magistrate of Darjeeling, добился свиданія съ мелкимъ тибетскимъ чиновникомъ въ Чумби, въ разсчетѣ на установленіе въ дальнѣйшемъ дружескихъ сношеній съ лхаскимъ правительствомъ; однако, весь успѣхъ его попытки, сулившей значительныя торговыя выгоды, такъ какъ все торговое движеніе съ Тибетомъ идетъ черезъ Сиккимъ и Чумби, ограничился указаннымъ свиданіемъ [W. L. 45. См. также Edgar, Report on a visit to Sikkim and the tibetan Frontier in 1873. Calcutta 1874].

213. 1] Launay, Mission du Thibet, II 217—219.

2). Многочисленныя изданія книги Сэведжъ Лэндора на англійскомъ языкѣ [вышеуказанное „In the forbidden land“ вышло первымъ изданіемъ въ двухъ томахъ въ октябрѣ 1898 и было перепечатано уже въ ноябрѣ 1898. Новое изданіе въ 1 томѣ послѣдовало въ маѣ 1899 г.; популярное изданіе—въ іюлѣ 1904, будучи снова перепечатано въ январѣ 1905 г.] и рядъ переводовъ на другіе языки доказываютъ незаслуженную распространенность въ публикѣ писаній этого рода, могущихъ породить самыя превратныя представленія о трактуемомъ предметѣ—народѣ и странѣ Тибета.

214. 1] Объ этой неуспѣшной попыткѣ см. W. L. стр. 19—20.

Все богатство свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ во время указанныхъ скитаній, легло въ основаніе напечатанныхъ Уодделемъ въ разное время сочиненій и статей, именно, свѣдѣнія относительно племенъ и народностей на сѣверъ отъ Гималаевъ были помѣщены въ „Tribes of Brahmaputra Valley“ [Calcutta 1900]; насчетъ естественной исторіи—въ анализѣ большой коллекціи птицъ югозападнаго Тибета въ Gazetteer of Sikkhim, стр. 198—234; изслѣдованія тибетской религіи и сравненіе ея съ буддизмомъ другихъ странъ послужили предметомъ монографіи „Lamaism in Tibet“, 1895. Наконецъ, данныя о топографіи мѣстностей вдоль тибетской пограничной полосы и описаніе отдѣльныхъ путешествій въ 80 г.г. и въ 1897 г. въ предѣлахъ Сиккимскихъ, отчасти Непальскихъ, Гималаевъ составили указанную выше книгу „Among the Himalayas“, гдѣ сообщаются и этнографическія замѣтки о сиккимскихъ бутіяхъ, потомкахъ первыхъ тибетскихъ поселенцевъ въ странѣ, и о тибетскихъ кочевни-

кахъ, понынѣ заходящихъ со стадами внутрь сиккимской территоріи. Подобная основательная подготовка позволила Уодделю, по его собственнымъ словамъ, смотрѣть на все особыми глазами во время экспедиціи 1904 г. [W. L., стр. V—VII].

2] J. Dict. 66.

3] Фрешфильдъ цитируетъ между прочимъ и книгу Louis, Gates of Tibet [долина Чумби], 1894.

215. 1] Японская литература о Тибетѣ крайне бѣдна оригинальными сочиненіями, если только послѣднія вообще существуютъ, за исключеніемъ повѣствованій японскихъ путешественниковъ по этой странѣ, о которыхъ будетъ говориться ниже. Въ 1904 г. (37 году Мейдзи) была издана токіоской фирмою Фу-дзан-бо книжка „Цибетто (西藏)“, составленная „Обществомъ для изученія Тибета (Цибетто-кен-кюквай 西藏研究會)“, о дѣятельности и вообще самомъ существованіи коего въ настоящее время намъ не удалось узнать ничего положительнаго*. Указанная книжка входитъ въ составъ серіи „Таіо-сосіо“ (Восточный Сборникъ)** подъ № 3 и насчитываетъ всего 187 страницъ (въ томъ числѣ и предисловіе издателей и г. Ота, просмотрѣвшаго и пополнившаго книжку). Въ сущности это не оригинальное сочиненіе, но лишь извлеченіе изъ сочиненія Carey, „Travel and adventures in Thibet (см. выше стр. 168 и прим. 1 къ той же стр.) и изъ работъ Рокхиля, который пишется по японски „Рокихиру“.

Е. Г. Спальвинъ указалъ намъ еще на разсказъ для дѣтей, составленный въ патріотическомъ духѣ Фукуда Кингецу и рисующій Японію въ роли спасительницы всего Востока, подъ заглавіемъ „Индо то Цибетто“, т. е. Индія и Тибетъ; этотъ разсказъ изданъ фирмою Хакубункванъ въ Токіо въ 39 г. Мейдзи (1906 г.) и составляетъ № 3 серіи „Отоги ріоко секай мегури (Путешествія кругомъ свѣта для дѣтей)“.

2) Екай Кавагуци (慧海河口), получившій степень доктора медицины въ Токіоскомъ Университетѣ, прибылъ въ Индію (Дарджилинъ) въ 1898 г. съ рекомендательнымъ письмомъ отъ профессора санскритскаго языка Буніо Нандзіо къ С. Чандра Дасу.

3) Въ Дарджилинѣ Кавагуци провелъ два года, изучая тибетскій языкъ, подъ наблюденіемъ Чандра Даса. Въ февралѣ 1900 г., когда онъ достаточно ознакомился съ языкомъ, онъ направился въ Тибетъ съ цѣлью изучать на мѣстѣ догматы ламаизма въ Лхасѣ и

* Е. Г. Спальвинъ указываетъ, что если это общество и существовало, то состояло изъ весьма ограниченнаго числа членовъ, вся работа коихъ, очевидно, и заключалась въ переводѣ означенныхъ ниже англійскихъ сочиненій. Возможно, что подобное анонимное авторство указано въ книгѣ лишь для большаго ея распространенія.

** По словамъ издателей, этотъ сборникъ издавался вслѣдствіе того, что въ связи съ русско-японской войною возникла необходимость въ изслѣдованіи всѣхъ вообще странъ Востока, т. к. война должна была имѣть отношеніе ко всемъ имъ.

собрать тибетскія книги, имѣющія значеніе съ точки зрѣнія этой религіи, для Токіоскаго Университета.

4) Медицинская практика оказала ему большую услугу, какъ увидимъ ниже, содѣйствовавъ благополучному исходу рискованнаго предпріятія, по крайней мѣрѣ, для него лично.

5) Въ Непалѣ Кавагуци жилъ сперва въ храмѣ Муктанат близъ Катманду, затѣмъ почти годъ въ Tscha rong на границѣ Тибета, гдѣ изучалъ тибетскій языкъ подъ руководствомъ геше (профессоровъ) изъ монастыря Сера (См. нижеуказанныя статья Walsh, вступительныя замѣчанія).

6) Во время путешествія по западному Тибету Кавагуци посѣтилъ озеро Манасаровар и гору Кайлас, проведя три мѣсяца въ монастырѣ „Pretapuri" [Тиртапури]. Отсюда онъ дошелъ до Харджи [Harjye], въ 3 мѣсяцахъ пути черезъ пустынную песчаную и травянистую страну, находя убѣжище въ палаткахъ кочевниковъ. Изъ Харджи (гдѣ существуетъ небольшой манастырь), Кавагуци достигъ Сакья, гдѣ оставался 10 дней, отсюда—Дашіихлунбо—пять дней пути, гдѣ оставался 3 недѣли, и Пемба (гдѣ оставался въ монастырѣ 4 мѣсяца, читая Ганьчжуръ и будучи допущенъ въ число монаховъ, по какому случаю получилъ и монашеское одѣяніе).

7) Въ мартѣ 1901 г., въ Лхасѣ, Кавагуци добился допущенія въ качествѣ послушника [драба] въ монастырь Сера, гдѣ продолжалъ свои научныя занятія до іюня 1902 г. когда долженъ былъ бѣжать во избѣжаніе поимки въ качествѣ иностраннаго шпіона.

8) Во время пребыванія въ Сера, Кавагуци практиковалъ въ качествѣ врача въ столицѣ и пріобрѣлъ черезъ это друзей среди вліятельныхъ лицъ, которые и помогли ему теперь благополучно избѣгнуть опасности и въ то же время собрать большую коллекцію тибетскихъ книгъ, что и являлось одной изъ цѣлей его посѣщенія страны.

9) W. L. 10.

10] На обратномъ пути въ Индію и Японію онъ пробылъ снова нѣкоторое время въ Дарджилинѣ, и при этомъ случаѣ съ нимъ познакомился E. H. C. Walsh, который составилъ опись доставленныхъ путешественникомъ тибетскихъ книгъ, напечатавъ ее въ J. A. S. Beng. LXXIII, ч. 1 № 2 [1904], стр. 118—177 подъ заглавіемъ „Tibetan books from Lhassa" [85 названій съ указаніемъ краткаго содержанія ихъ, по замѣткамъ самаго Кавагуци].

11) Неточности въ хронологическихъ датахъ менѣе ощущаются въ разсказѣ Walsh объ этомъ путешествіи; самый фактъ знакомства Кавагуци съ Чандра Дасомъ говоритъ въ пользу правдивости путешественника.

На японскомъ языкѣ Кавагуци изложилъ свои путевыя впечатлѣнія въ двухъ книгахъ „Се-кай-но-хи-мицу-коку Цибето-ріо-ко-ки—Современная таинственная страна. Записки о путешествіи въ Тибетъ [旅行記]", изд. Хаку-бун-кванъ.

Въ журналѣ Токіоскаго Географ. Общества т. XVI [1904] стр. 193-4 сообщается краткая замѣтка о путешествіи въ Лхасу Ясутеру Нарита.

216. 1) Rawling, Exploration of West. Tibet and Rudok, G. J. XXV [1905] апрѣль, 414—428 съ фотографическими снимками и картою. См. еще Deniker, Les recentes publications sur Lhassa et le Thibet, La Géographie, 1906 № 2, стр. 116. Подробное описаніе путешествія было издано въ 1905 г. въ отдѣльной книжкѣ подъ заглавіемъ: Rawling „The Great Plateau, being an account of exploration in Central Tibet, 1903, and of the Gartok Expedition, 1904—5". Экспелиціи 1903 г. посвящена первая часть—стр. 3—155.

Въ 1895 г. Роулингъ посѣтилъ Цанскар и Лахул, въ 1900 г. —Балтистанъ и Ладак и затѣмъ долины Панъ-конъ. Въ 1902 году онъ прошелъ по долинѣ Т'анъ-ч'ен-мо и перевалъ Ланак къ озеру Арпорт подъ 81° в. д. и 34°30' с. ш. и на юго-западъ почти до береговъ Шемен ц'о, на ½° долготы и широты далѣе на востокъ и югъ. Всѣ указанныя экскурсіи были совершены имъ исключительно въ цѣляхъ спорта [охоты на дикихъ животныхъ этой части Тибета]. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ его сопровождалъ лейтенантъ Харгривсъ.

2] См. карту, приложенную къ первой части „The Great Plateau", стр. 156.

3] Объ озерѣ см. Plat. 49—50. Фотографіи, приложенныя къ стр. 50, изображаютъ ландшафтъ страны близъ этого озера.

4] На сѣверъ отъ Ару ц'о расположено озеро Мемар ц'а-к'а [именемъ ц'а-к'а обозначается всякій бассейнъ воды, непригодной для питья, отъ примѣси-ли соли, соды или какой другой причины. Тамъ же 58].

Озеро Мемар ц'ака, повидимому, быстро сокращается въ объемѣ, хотя принимаетъ въ себя на сѣверѣ довольно значительную рѣку. На югъ отъ озера расположено Ару ц'о въ крайне живописной мѣстности [см. Plat. 111 съ фотографіей], а въ 20 миляхъ на востокъ отъ послѣдняго—совсѣмъ незначительное озеро [4 квадратныхъ мили], ранѣе, однако, занимавшее площадь до 70 квадр. миль и заполнявшее всю долину (слѣды прежняго уровня озера видны по окружающимъ холмамъ на высотѣ 200 фут. отъ нынѣшняго уровня). Несомнѣнно, что всѣ три указанные бассейна составляли прежде одно обширное водное пространство весьма неправильной формы, разбившееся на три отдѣльныя части по мѣрѣ сокращенія притока воды въ зависимости отъ уменьшенія атмосферныхъ осадковъ. Plat. 110.

5) О трудности пути см. тамъ же 54—57 и 104—105.

6) Относительно золотыхъ пріисковъ подъ 82°20' в. д. на югъ отъ озера Горъ ц'о [по имени бывшаго начальника Индійскаго топографическаго бюро полковника Gore] нѣкоторыя подробности указываются въ Plat. 60. Другіе пріиски были встрѣчены на 1° долг. на востокъ отъ первыхъ. Тамъ же 102.

7) Тамъ же 68.

8) Видъ съ гребня внутри группы въ 19,570 ф. вышиною на горы Куэнь-луни, въ 50 миляхъ разстоянія отсюда. Тамъ же 66.

9) Plat. 111.

10) По крайней мѣрѣ, эта мѣстность имѣетъ очень дурную репутацію по причинѣ частыхъ разбоевъ со стороны „чукпа", какъ называются эти бандиты, разграбившіе и лагерь Дези (Plat. 111); съ другой стороны, по пути экспедиціи попадались слѣды прежнихъ стоянокъ (Plat. 129) и встрѣчались кочевники, которые также держатся близости болѣе посѣщаемыхъ дорогъ.

Относительно кочевниковъ (чампа) Западнаго Тибета, ихъ нравовъ, внѣшняго вида и одѣянія см. Plat. 52—3, 116—117.

217. 1) Экспедиція раздѣлилась у озера Арпорт ц'о подъ 81° в. д., при чемъ Харгривсъ двигался прямо на сѣверо-востокъ къ Ѣшил кул, а Роулингъ совершилъ кружной путь мимо озера Мемар ц'а к'а и долину Антилопъ. Около озера Ѣшил, въ мѣстѣ лагерной стоянки 26, указанномъ на картѣ и въ самой книгѣ, (Plat. 80—81) были зарыты въ землю лишніе запасы риса, муки и консервовъ, затруднявшіе движеніе экспедиціи.

2) Общая площадь 70 кв. миль Plat. 92. Названіе озеру было дано экспедиціей по имени бывшаго предсѣдателя Лондонскаго Географическаго Общества и издателя дневниковъ Богля и Маннинга—сэра Клемента Маркхама.

3) Ложе этого канала находилось на высотѣ 10 ф. надъ уровнемъ озера во время посѣщенія экспедиціи (9 августа), что доказываетъ, что озеро подвержено сильному повышенію уровня и даже разливамъ. Plat. 93.

4) О немъ Plat. 107. Озеро совершенно прѣсное, единственный значительный прѣсноводный бассейнъ, встрѣченный экспедиціей въ теченіе 2 мѣсяцевъ (съ конца іюня) путешествія по странѣ послѣ озера Арпорт. На озерѣ Ху-пинъ ц'о существуетъ скалистый островъ—необычайное зрѣлище для озера посѣщенной части Тибета.

5) Plat. 130, указываетъ на изобиліе водяной птицы по берегамъ этого озера.

6) Plat. 151. Селеніе построено на берегу рѣки Kheo lung-ma, впадающей въ озерную систему Ц'о-мо-н'а-лха-ри. Нѣсколько полей ячменя разбросано по берегу рѣки, но общее количество обработанной земли врядъ ли въ состояніи удовлетворить потребность обитателей въ зернѣ.

7) Plat. 132—135. Отъ Мунак-т'ок имѣется дорога въ Гарт'ок.

8) Объ озерной цѣпи Plat. 152.

218. 1) Younghusband, „Geographical Results of Tibet Mission" въ G. J., 1905 (май); Deniker, „Les recentes publications sur Lhassa et le Tibet" въ „Géographie", 1906, № 2, стр. 103—124 [топографическія работы экспедиціи 1904 г. на стр. 118—124]; Ольден-

бургъ, „Англо-индійскій походъ въ Тибетъ 1904 г.“ Журн. Мин. Нар. Просв., сент. 1905, стр. 134—150. (Г. Ольденбургъ критически относится къ цѣнности научныхъ результатовъ экспедиціи, „совершенно не оправдавшихъ возлагавшихся на нихъ надеждъ“); П. К. Козловъ „Англійская экспедиція въ Тибетъ“ (Матеріаломъ для статьи послужили англійскіе первоисточники экспедиціи, но главнымъ образомъ труды самаго начальника ея, полковника Юнгхосбенда) въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“, май 1907, стр. 522—539.

Поставленный во главѣ дипломатической миссіи, лишь сопровождавшей настоящую военную экспедицію, какъ вышло въ дѣйствительности, полковникъ Юнгхозбендъ заслужилъ славу изслѣдователя обширнымъ путешествіемъ по Центральной Азіи и Памиру въ 80 гг. (см. его „The Heart of the continent“), доставившимъ ему золотую медаль отъ Королевскаго Географическаго Общества въ Лондонѣ. Это обстоятельство, казалось, должно было уже ручаться съ самаго начала за то, что „миссія“ будетъ имѣть большой географическій интересъ.

2) Англійское изданіе книги Гренара „Tibet: The Country and its Inhabitants“ London 1904.

3) О другихъ работахъ Вегенера, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ географіи Центральной Азіи см. въ отдѣлѣ „Библіографіи“.

4) Перечень многочисленныхъ другихъ работъ Сандберга будетъ помѣщенъ въ „Библіографіи“.

5) Изданіе Magnaghi донесенія Белигатти по времени предшествовало отправкѣ экспедиціи двумя годами (въ 1902 г.).

6) Можно упомянуть здѣсь же объ одной работѣ на французскомъ языкѣ: Milloué, Bod-youl ou Tibet (Le Paradis des moines), Paris, Leroux, 1906, составленіе коей, въ особенности первой части, относится, однако, ко времени предшествовавшему не только англійской экспедиціи, но и всѣмъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ Тибета 90 гг., хотя книга была окончательно издана лишь въ 1906 г. Въ виду указаннаго обстоятельства первая часть (географическая и этнографическая) страдаетъ неполнотою и мѣстами неточностями въ зависимости отъ пробѣловъ тѣхъ болѣе раннихъ источниковъ, которыми авторъ исключительно пользовался. Вторая часть, касающаяся религіи Тибета, во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ первую, тѣмъ болѣе, что матеріалы для нея были получены изъ первыхъ рукъ—отъ Агванъ Дорджи, будучи переведены для Миллуе съ тибетскаго языка Деникеромъ, который слѣдовательно и является въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственнымъ за высказываемые въ указанной второй части взгляды (см. рецензію книги у Deniker, Nouvelles publications sur le Tibet, Géographie, 1907, май 349).

По случаю англійскаго похода Эмиль Шлагинтвейтъ помѣстилъ въ P. M. статью: Schlagintweit, Dr. Emil, „Tibet“ (Be-

gleitworte zur Karte Taf. 7) P. M. 50 B., 1904, 106-112—пояснительный текстъ къ картѣ средней части южнаго Тибета, составленной C. Schmidt по новѣйшимъ источникамъ. Авторъ поясненія касается не только физической природы страны, но и сообщаетъ нѣкоторыя данныя по этнографіи, исторіи и культурѣ ея, и излагаетъ торговыя спошенія между Тибетомъ и Индіей и истинныя причины отправки „миссіи“ 1904.

7) Стр. 143—145. Къ недостаткамъ книги Ольденбургъ относитъ—во 1) что Гренаръ мало указываетъ свои источники, и трудно бываетъ различить, гдѣ онъ говоритъ на основаніи лично видѣннаго, а гдѣ съ чужихъ словъ; во 2) что въ его изложеніи Тибетъ въ отношеніи физическихъ и бытовыхъ особенностей представляется болѣе однороднымъ, чѣмъ это можно вывести изъ описаній другихъ путешественниковъ; 3) что главы о религіи мало удовлетворительны, принимая въ соображеніе достаточное обиліе работъ по этому вопросу, и страдаютъ рядомъ неточностей. Съ другой стороны Ольденбургъ отмѣчаетъ, что многія изъ соображеній Гренара по поводу политической исторіи Тибета въ послѣдніе годы совершенно правильны, напримѣръ, что Китай, чувствуя свою слабость и предвидя иностранныя вторженія, старается понемногу отдѣлять отъ тибетскихъ владѣній небольшія части территоріи и присоединяетъ ихъ къ чисто китайскимъ провинціямъ [См. указ. статью Ольденбурга, стр. 145].

8) См. перечень источниковъ на стр. 144—147, посвященныхъ примѣчаніямъ; газетныя статьи, какъ и прежнія работы автора, играютъ среди нихъ значительную роль.

219. 1) Въ особенности это справедливо по отношенію къ наблюденіямъ и коллекціямъ ботаника экспедиціи доктора Преси (Precy), зоолога Уольтона [Walton], геолога Heyden. Часть ихъ наблюденій, впрочемъ, уже изложена въ прибавленіяхъ къ книгамъ Уодделя и Лэндона и въ отдѣльныхъ статьяхъ [Heyden].

220. 1] Синія книги 1904 и 1905 гг. [Papers relating to Tibet] за малыми исключеніями; Millington, To Lhasa at last; Candler, The Unveiling of Lhassa, также за нѣкоторыми исключеніями, особенно картами; Ottley, With mounted Infantry in Tibet. With portraits, illustrations and plan. London 1906. XIII+275 страницъ *); Scott, A. Maccallium, „The Truth about Tibet“. With an Introductory Note by Sir Rob. Reid, London, 1905. 75 стр., излагаетъ дипломатическую исторію похода, въ формѣ извлеченій изъ оффиціальныхъ документовъ [Синихъ книгъ] съ цѣлью выяснить „the aggressive folly“ англійскаго [индійскаго] правительства, „which led to the fruitless invasion of Tibet„ [см. предисловіе Reid, стр. 5].

2) Между прочимъ G. J., май 1906, на стр. 528 приводитъ перечень 118 фот. снимковъ, сдѣланныхъ во время экспедиціи 1904

*) См. отзывъ объ этой книгѣ С. Ф. Ольденбурга въ Журн. Мин. Нар. Просв., сент. 1905, стр. 326—7.

г. въ Тибетѣ Байли (Bailey) и поступившихъ въ Географическое общество.

3) См. отзывъ Ольденбурга въ Ж. М. Н. Пр., сент. 1905 г.

221. 1) По этому же вопросу Уоддель приводитъ, правда, только одну таблицу тибетскихъ чиновъ (W. L., стр. 165). Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ администраціи Тибета даетъ по прежнему для области Лхасы Чандра Дасъ, „Путешествіе въ Тибетъ", гл. VII.

2] Ольденбургъ, Ж. М. Нар. Просв., сентябрь 1907 г., стр. 144—148.

222. 1) Уоддель указываетъ на быстрое распространеніе мыла среди тибетцевъ, которые всегда славились отвращеніемъ ко всему, что касается опрятности и санитарныхъ условій.

2) Уоддель между прочимъ нашелъ 20 видовъ новыхъ растеній.

3] Ryder, Exploration and survey with the Tibet Frontier Commission and from Gyangtse to Simla via Gartok, G. J., октябрь 1905 г.

4] Rawling „The great Plateau". Въ приложеніи (стр. 307—319) помѣщены замѣтки относительно тибетской фауны [о кянъ, дик. якѣ, тибетской антилопѣ, газели, бурелѣ, волкѣ, зайцѣ [Lepus hispidus] и водяной птицѣ].

225. 1] Здѣсь были измѣрены пикъ Джомолхари [6950 метр.] и другіе пики Бутана.

226. 1] Экспедиціи и было дано порученіе совершить церемонію открытія этого города. Третій проектъ говорилъ о поѣздкѣ Вильтона изъ Лхасы въ Китай, но и онъ былъ оставленъ. Plat. 161.

2] Изслѣдовавшаго сѣверо-западный Тибетъ въ 1903 г.

3] Участіе капитана Уда было тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ во время недавней [въ 1903 году] поѣздки въ Непалъ [см. ниже] видѣлъ и наблюдалъ многіе изъ Гималайскихъ пиковъ, которые были снова признаны имъ въ настоящую экспедицію, благодаря чему получилась возможность придать большую точность съемкѣ. Лейтенантъ Байли служилъ въ качествѣ переводчика и помощника Роулинга. Въ составъ экспедиціи входили индускій топографъ—Рамъ Сингъ, заявившій себя съ лучшей стороны во время работъ Дези, Штейна и самого Роулинга въ 1903 г. и 3 туземныхъ солдата—топографа, изъ нихъ одинъ скоро былъ отосланъ обратно. 5 нижнихъ чиновъ 8 полка Гурка составляли номинальный конвой миссіи, которая съ другой стороны была снабжена пропускомъ лхасскаго правительства [національнаго собранія], съ печатями трехъ монастырей и общей [снимокъ тибетскаго оригинала на стр. 165, переводъ—стр. 164 Plat.) Кромѣ того экспедицію сопровождалъ, по приказанію лхаскихъ властей, мелкій тибетскій чиновникъ Ka Sang.

Въ связи съ упомянутой поѣздкою Уда въ Непалъ, надлежитъ указать, что въ „General Report of Indian Survey 1903—4" помѣ-

щенъ отчетъ капитана Удъ, къ которому приложена топографическая карта Непала, рисующая строеніе значительнаго участка Гималайской системы. Карта разрѣшаетъ вопросъ о горѣ Эвереста и другихъ пикахъ, значительно удаленныхъ отъ него, но часто смѣшивавшихся между собою, и указываетъ каждой вершинѣ ея истинное положеніе. Большая снѣжная цѣпь не обладаетъ въ предѣлахъ Непала сплошнымъ протяженіемъ съ запада на востокъ. Во всякомъ случаѣ въ составъ ея не входитъ группа горъ, чей центръ составляетъ г. Эвереста, и другая болѣе сплошная группа, надъ которой господствуетъ Гауризанкар.

4] Цвѣтущій видъ долины описывается Plat. 169—170 и 172. Посѣщеніе монастыря Шалу въ нѣсколькихъ миляхъ въ сторонѣ отъ дороги въ Шихацзе, тамъ же 172—174.

5] Первый видъ на городъ Plat 172. Видъ съ форта Шихацзе на городъ въ сѣверномъ и восточномъ направленіяхъ на двухъ фотографическихъ снимкахъ, приложенныхъ тамъ же къ 174 стр. Описаніе форта см. на стр. 185—186 съ фотогр. къ 186 стр.

6) См. Magniac, „A visit to the court of the Tashi lama". Nineteenth Cent., Февр. 1906, стр. 255—270; статья даетъ любопытныя свѣдѣнія какъ для описанія внѣшняго вида и внутренняго убранства дворца Таши-ламы, такъ и для характеристики личности самаго Таши-ламы, бывшаго въ началѣ 1906 г. гостемъ англійскаго короля въ Индіи; помимо того статья содержитъ указанія на счетъ Шихацзе и его обитателей.

7) См. Plat. 183 и фотогр. къ 182 стр.

8) Описаніе ихъ тамъ же 184 см. фотографію гробницы перваго Таши-ламы, поражающей наибольшей пышностью, богатствомъ и красотою, внизу къ стр. 182.

9) Описаніе пріема у Таши-ламы (въ дополненіе къ вышеуказанной статьѣ Маньяка) см. Plat. 179—183.

227. 1) Это имя Роулингъ переводитъ черезъ „устье лошади" (Plat. 196), хотя на дѣлѣ смыслъ названія—нижняя Цзанъпо (S. E. 80).

2) Описаніе монастыря Plat. 193—194 съ фотографіей къ 196 стр.

3) Цѣпной мостъ черезъ рѣку въ этомъ мѣстѣ подробно описанъ на стр. 193 съ фотогр. къ 190.

4) См. фотографіи на стр. 170 (внизу) и 196 (наверху).

5) Plat. 197—198.

6) Фотографія форта къ стр. 198; описаніе на стр. 203—204.

7) Фотографія селенія и монастыря къ стр. 196, внизу; описаніе монастыря на стр. 201.

228. 1) Полнѣе Бжянъ-лха-цзе, или Сѣверный Лхацзе, пиш. біанъ-лха-рЦе.

2) Сами Роулингъ и Райдеръ, слѣдовавшіе налегкѣ, такъ какъ путь ихъ лежалъ по узкой тропѣ, мѣстами обрывистой и опасной,

значительно уступавшей болѣе сѣверной торговой дорогѣ, хотя и та не могла похвастаться особыми удобствами.

3) Plat. 206—107.

4) Напр. Chi-chu см. стр. 206. Въ ней существуютъ горячіе сѣрные источники, которыми пользуется мѣстное населеніе.

5) См. стр. 209—210.

229. 1) См. стр. 205 и 210.

2) Истинно поразительный образчикъ сооруженія, если принять во вниманіе примитивные инструменты, коими располагаетъ населеніе Plat. 211

3) Короткій участокъ главной рѣки въ этомъ мѣстѣ остался неизслѣдованнымъ экспедиціей и донынѣ обозначается пунктиромъ, какъ одна изъ немногихъ неизвѣстныхъ частей рѣки.

4] Plat. 212—213.

230. 1] Описаніе перевоза Plat. 217—218 съ фотограф. къ 218 стр. наверху.

231. 1] Описаніе форта и деревушки Plat 221.

2) Состоявшая изъ Удъ и Банли во главѣ съ тяжелымъ караваномъ.

232. 1) Подр. Plat. 222—223.

2) Plat. 220.

233. 1) Установивъ теченіе рѣки, за исключеніемъ небольшого участка въ предѣлахъ большого южнаго изгиба, который она дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ.

2] Путь шелъ черезъ каменистыя равнины и песчаныя долины; Цзанъ-по оставалась въ большемъ или меньшемъ разстояніи на югъ во время второй половины пути. Рѣка значительно уменьшилась въ объемѣ водной массы, т. к. важнѣйшіе притоки находятся ниже, а съ другой стороны таяніе снѣга уже прекратилось. Въ болѣе узкихъ мѣстахъ рѣки ледъ, скопившись въ одну массу, представлялъ уже, правда, неровный, но достаточно крѣпкій переходъ черезъ рѣку. По одному изъ такихъ естественныхъ мостовъ Райдеръ перешелъ съ южнаго на сѣверный берегъ въ день прибытія въ Традом.

3) Plat. 224.

4) Однако Традом почитается у мѣстнаго населенія пунктомъ большой важности. Зерно растетъ не ближе 120 миль отсюда, а дерево не встрѣчается на разстояніи радіуса въ 150 миль. Селеніе стоитъ не на самой Цзанъ-по, а на притокѣ Tsachu.

5) Описаніе его Plat. 225—6. Въ немъ пять монаховъ.

6] Plat. 227. Вокругъ прудовъ, крѣпко скованныхъ льдомъ во время посѣщенія англійской экспедиціи, бродили огромныя стада яковъ, барановъ и козъ, глодая корни увядшей травы. Въ теченіе зимы бараны существуютъ за счетъ большого запаса жира, накопленнаго въ теченіе лѣтняго сезона богатыхъ пастбищъ.

7) См. Plat. 230—3 даетъ подробности относительно охоты отдѣльныхъ членовъ экспедиціи за этими осторожными животными. На стр. 234—36 описывается охота за Ovis Ammon.

8) Одинъ изъ такихъ переходовъ, не смотря на 20 миль, составлявшихъ его, пришлось сдѣлать безъ остановки, такъ какъ на всемъ разстояніи не существуетъ прѣсной воды—Plat. 237.

234. 1) Въ недавніе годы озеро, повидимому, значительно сократилось въ объемѣ, такъ какъ у вост. конечности его лежитъ до 10 квадр. миль превосходныхъ пастбищъ, лѣтомъ образующихъ опасныя топи (уровень почвы здѣсь почти одинаковъ съ уровнемъ озера). Лѣтомъ во время дождей—таянія снѣга уровень озера поднимается, но не настолько, чтобы получить стокъ въ сосѣднее озеро—Мап'ам. На югъ отъ озера лежитъ обнаженная цѣпь горъ, на дальнемъ концѣ которой поднимается огромная скалистая масса—Мемо (22,000), видная со многихъ частей Гималаевъ, даже съ Шипки.

2) Почтовая станція Ук-рун на сѣверъ отъ упомянутаго озера, о которомъ говоритъ Наинъ-Сингъ въ 1865 г., болѣе не существуетъ. На пути къ Ток-чен былъ застрѣленъ прекрасный экземпляръ чернаго волка (охота на него см. Plat. 246). Первый видъ на озеро Манасаровар открывается въ немногихъ миляхъ за этой станціей.

3) Plat. 248. Это обстоятельство въ отношеніи прѣснаго озера, являлось тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что озеро Gun-chu tso, крайне соленое, оказалось за два дня передъ тѣмъ замерзшимъ на всемъ протяженіи на глубину нѣсколькихъ дюймовъ. Возможны два объясненія: или озеро Манасаровар (или какъ оно извѣстно мѣстнымъ тибетцамъ: Ц'о ринпоч'е) чрезвычайно глубоко, или питается теплыми ключами (одинъ изъ такихъ ключей былъ найденъ Райдеромъ и Удомъ въ ложѣ соединительнаго канала, другіе ключи, по свѣдѣніямъ, встрѣчаются у подножья Кайлас).

4) Объемъ озера, подобно большинству тибетскихъ озеръ, неизмѣнно сокращается.

235. 1) Вопросу объ этомъ соединительномъ каналѣ Plat. посвящаетъ стр. 248—250 съ фотографіей къ стр. 250 (наверху) со словъ Райдера (G. J. 1905), который, спеціально съ цѣлью разрѣшенія этой проблемы, сдѣлалъ большой крюкъ на пути изъ Наклук-ру въ Барк'а [вмѣстѣ съ Удомъ и Байли] для посѣщенія перешейка. Длина канала оказалась равной 3 милямъ (Стрэчи указывалъ четыре мили); высоту гряды, проходящей вдоль перешейка и составлявшей, по словамъ Лэндора, преграду для сообщенія между озерами, Роулингъ на глазъ опредѣлялъ самое большое въ 300 футовъ надъ уровнемъ озера (Лэндоръ—1,000 фут. съ наибольшимъ пониженіемъ въ 300 футовъ). На скалистой массѣ у входа въ каналъ возвышается небольшой монастырь (съ 4 монахами, см. фотографіи къ 250 стр.); въ ложѣ канала, какъ сказано, имѣется горячій ключъ.

2) S. 56.

3) Уровень ложа канала оказался на много футовъ выше уровня озера, и всѣ данныя указывали, что вода изъ озера не проходила по каналу уже въ теченіе значительнаго промежутка времени, хотя это можетъ случиться и теперь во время таянія снѣговъ въ исключительно дождливый годъ. По словамъ проводниковъ экспедиціи, вода въ настоящее время не идетъ по каналу, но 50 лѣтъ тому назадъ (еще въ эпоху Непальской войны) вода изливалась изъ озера въ каналъ ежегодно. Однако, вслѣдствіе сокращенія объема Ракас-тал, болѣе чѣмъ вѣроятно, что указанное явленіе никогда не повторится и что истокъ озера можетъ быть признанъ не существующимъ.

4) Г. Стрэчи нашелъ около сѣверо-западной оконечности озера болото и большія лужи стоячей воды и предположилъ, что стокъ изъ этого болота, увеличенный водами съ отроговъ Кайласа и съ юга, образуетъ верховье Сетледжа. См. также Plat. 260.

5] О немъ Plat. 262. Фотографія снѣжнаго купола вершины среди окрестной горной панорамы приложена къ 250 стр.

6) О внѣшнемъ видѣ горы тамъ же 262 и у Стрэчи (S. 51).

7 Plat. 263.

8) Тамъ же. 263—4. Наибольшій изъ нихъ Дарчан.

9) Настоящее имя этой группы пиковъ и всей цѣпи Ніима (или Ніимо) Намгжял, согласно Пэйгону, разобравшаго запутанную систему горъ Кумаона и Гарвала.

236. 1) Тамъ же 257.

2] Тамъ же 264.

3) Тамъ же 264—265.

4) Рѣка слѣдуетъ послѣ короткаго, но рѣзкаго изгиба къ югу въ западномъ направленіи у южнаго подножья цѣпи, идущей мимо Гартока внутрь Ладака.

5) О немъ Plat. 266—7.

6) Существуетъ въ той же цѣпи два другихъ перевала, ведущихъ значительно далѣе на западъ къ Гартоку—Чокола и Ayila, тамъ же 267—8.

7] О Гартокѣ см. тамъ же 272—3; пріемъ экспедиціи гарпонями, спеціально прибывшими для этой цѣли изъ Гаргунса, описывается тамъ же 273—275.

237. 1] Plat. 277—279.

2) 280—1. Видъ одного изъ глубокихъ ущелій, крайне затрудняющихъ движеніе, изображенъ на фотографіи къ 292 стр. внизу.

3) См. описаніе монастыря и селенія Дункар [недалеко отъ Ayi la], какъ типичнаго обитаемаго пункта въ долинѣ тибетскаго Сетледжа.

238. 1) Онъ былъ посѣщенъ и подробно описанъ Роулин-

гомъ. Plat. 289—290 съ фотогр. на стр. 286. По нему прошелъ Зорваръ сингъ въ 1841 г. на пути въ Тотлинъ и Пуранъ.*

2) См. фотографіи плато тамъ же на стр. 286 и описаніе на стр. 285—6.

3] Тамъ же стр. 288.

4] Тамъ же стр. 287.

5] Тамъ же стр. 288 и 284.

6] Тамъ же стр. 292.

7] Тамъ же стр. 297—299.

8] Тамъ же стр. 297.

239. 1) Тамъ же 300.

240. 1) Въ Gener. Report of Survey of India, 1903—4, Serial № 9 помѣщенъ отчетъ Райдера въ повѣствовательной формѣ о произведенныхъ имъ съемкахъ и изслѣдованіяхъ въ Тибетѣ, охватившихъ значительную площадь [40,000 кв. м.], извѣстную раньше лишь по съемкамъ пандитовъ [объ ихъ работахъ Райдеръ отзывается весьма одобрительно]. Съемка Лхасы и пути экспедиціи дала 18,000 кв. миль новаго картографическаго матеріала. См. также упомянутое „The Great Plateau".

Барометрическія опредѣленія высотъ въ Тибетѣ, благодаря огромному возвышенію страны надъ уровнемъ моря, не представляются вполнѣ надежными, будучи всегда доступны возможной погрѣшности до 500 футовъ болѣе или менѣе. Поэтому необходимо относиться осторожно къ цифрамъ высотъ, показываемыхъ на существующихъ картахъ. Только благодаря работамъ *капитана Райдера* и другихъ членовъ англійской „миссіи" 1904 г., мы располагаемъ нѣсколькими, точно опредѣленными тригонометрическимъ путемъ, вычисленіями высотъ для южной части страны и не должны строить свои заключенія въ этомъ вопросѣ исключительно на наблюденіяхъ туземныхъ топографовъ. Н. 48.

За произведенную топографическую съемку Райдеръ былъ удостоенъ Лондонскимъ королевскимъ географическимъ обществомъ золотой медали.

2] Метеорологическія наблюденія экспедиціи послужили матеріаломъ для характеристики климата южнаго Тибета въ „Nature" 1904, LXIX, стр. 540, см. такъ же приложеніе къ книгѣ Уодделя [W. L.].

3) Hayden, „Preliminary note on the geology of Tsang and U in Tibet" въ Records of Geolog. Survey of India, XXXII, part II [1905]; см. также геологическія замѣтки въ Син. книгѣ 1904 г. и въ XII прилож. къ W. L.

4] См. Satis Chandra Vidyabhusana, On cert. Tibetan Scrolls and images. Mem. As. Soc. Beng., I, № 1.

* По этому же мосту (измѣряемому имъ въ 76 фут. длины и 40 фут. надъ уровнемъ воды) Наинъ Сингъ перешелъ въ 1867 г. отъ перевала Мана на прямомъ пути къ золотымъ розсыпямъ Т'ок Джалунъ.

Капитанъ О'Коннорь употребилъ свободное время въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ пребыванія въ Тибетѣ на собираніе тибетскихъ народныхъ сказокъ, которыя были изданы имъ въ переводѣ подъ заглавіемъ „Folk-tales from Tibet". London 1906, съ иллюстраціями тибетскаго художника. Многія изъ слышанныхъ имъ сказокъ оказались цѣликомъ заимствованными изъ Индіи или Китая и обладали лишь въ ничтожной степени мѣстнымъ колоритомъ, присущимъ истинному фольклору. Поэтому капитану О'Коннору пришлось отнестись съ большимъ разборомъ къ собранному первоначально матеріалу, чтобы выдѣлить болѣе оригинальные тибетскіе образцы этого вида народнаго творчества.

241. 1] Атташе французскаго посольства въ Пекинѣ, съ только-что повѣнчанной молодой супругой.

2) Lesdain, „En Mongolie", Challamel, Paris 1903.

3) Письмо Ледянъ изъ Дарджилина отъ 24 ноября 1905 г. въ Géographie, 1906, № 2, стр. 170.

„Неизвѣстно", говоритъ P. M. 1906 г. стр. 120, „насколько это путешествіе имѣетъ научное значеніе, или представляетъ лишь выдающійся спортсменскій подвигъ". Можетъ быть, объ этомъ позволитъ судить нижеуказанная статья путешественника, оставшаяся недоступной для насъ: Lesdain, Count de. From Pekin to Sikhim through Gobi and Thibet [Calcutta Review, July 1906, № 245].

4) Послѣ тибетскаго путешествія онъ успѣлъ побывать и подробно описать свои впечатлѣнія во время военныхъ дѣйствій въ сѣверномъ Китаѣ, („China and the Allies", 2 vols 1901), Индіи („Across coveted lands, or a journey from Flushing (Holland) to Calcutta overland", 1902) и, наконецъ, на Филиппинскихъ островахъ („Gems of the East", 1904).

5) См. весьма нелестную рецензію Ольденбурга, Журн. Мин. Нар. Просв. 1906, авг. стр. 323—5. По поводу этой же книги рецензентъ „Athenaeum", 1905, I, 334 выразился такъ: „It is difficult to take Mr. Landor seriously".

6) Huntington, проведшій нѣсколько дней близъ озера Пангъ-конъ съ 1 по 6 мая 1905 г. на пути съ Баррегомъ въ Восточный Туркестанъ, помѣстилъ въ Journ. of Geol., vol. 14, № 7 (1906) замѣтку относительно физическихъ явленій, обнаруженныхъ въ озерѣ и его окрестностяхъ, между прочимъ относительно вопроса колебаній его уровня.

7) См. Bruce, Major C. D. „A journey across Asia from Leh to Peking", G. J. june 1907, стр. 597—626 съ картою маршрута. Въ предѣлахъ политическаго Тибета путешественники прошли отъ Ланак ла въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Баба хатун, а отсюда повернувъ на сѣверо-западъ и сѣверъ достигли Полу, употребивъ пять дней на трудный переходъ черезъ Куэнь-лунь'скія горы, по пути отличному отъ маршрута Deasy. Впрочемъ, торговый путь изъ Лхасы въ Полу, о существованіи коего въ прежнія вре-

мена неоднократно говорили Дези мѣстные жители (см. G. J. June 1907, 625), не былъ найденъ и на этотъ разъ. Тибетская часть путешествія вообще описывается Брусомъ кратко (тамъ же 600—606).

4) Годомъ раньше только что указанной экспедиціи, именно лѣтомъ 1904 г. Jane E. Duncan посѣтила монастырь Himis въ Ладакѣ для присутствія на цамѣ (devil dance of masked lamas). Благодаря близкому знакомству съ миссіонерами путешественница могла правильно оцѣнить въ книгѣ: „A summer ride through Western Tibet“, London: Smith, Elder & Co., истинное значеніе каменнописныхъ памятниковъ въ Ладакѣ и Балтистанѣ и сообщить любопытные матеріалы для мало извѣстнаго предмета—тибетской музыки, нѣсколько образчиковъ коей приводятся ею по записямъ Франка. Обратный путь прошелъ черезъ Скардо (при чемъ были найдены нѣсколько изваяній въ скалахъ въ долинѣ Шaiок). Г-жу Дунканъ поразила разница въ матеріальномъ благосостояніи ладакцевъ—практикующихъ поліандрію, и балтійцевъ—полигамистовъ—далеко не въ пользу вторыхъ, что заставляетъ путешественницу признавать поліандрію меньшимъ зломъ, нежели ранніе браки балтійцевъ.

242. 1) Съ Кэри и Дальглейшемъ; дэ Рэнсомъ; Юнгхозбендомъ во время экспедиціи въ Лхасу; Роулингомъ и Райдеромъ на пути вверхъ по Цзанъ-по въ Гарт'ок.

2) О картѣ Роулинга Гединъ отзывается съ особой похвалою.

244. 1) Гединъ выражаетъ полное удивленіе трудамъ Наинъ Синга, какъ подвигу смѣлаго піонера-изслѣдователя, но отмѣчаетъ много неточностей на его картѣ. Въ особенности изображеніе главныхъ чертъ орографіи страны въ раіонѣ на югъ отъ озера Ngantse отличается крупными погрѣшностями, при чемъ рѣки текутъ на дѣлѣ не на востокъ въ Гжяринъ, а на западъ—въ Таграк Цзанъ-по, главный притокъ озера Ngantse, или въ Брамапутру.

245. 1) Въ письмѣ къ издателю Petermanns Mitteilungen (P. M. 1907, 120) отъ 26 марта 1907 г. изъ Шихацзе, Гединъ называетъ эту цѣпь великимъ и выдающимся (herrliche) открытіемъ, долженствующимъ совершенно измѣнить карту этой части Тибета. По возвышенію и протяженію эта цѣпь можетъ поспорить съ Куэнь-лунемъ, Арка тагомъ и Каракорумомъ.

246. 1) Въ августовской книжкѣ „Harpers Magazine“ (см. также выдержку въ „Review of Reviews“, Авг. 1907, 177 и Ostas. Lloyd, 20 Sept. 1907) Гединъ описываетъ одно изъ свиданій съ Таши-ламою.

2) Послѣднія извѣстія (вышеуказанное письмо отъ 26 марта 1907 г.) подверждаютъ справедливость опасеній Гедина. Въ самомъ дѣлѣ, 27 марта онъ долженъ былъ выступить изъ Шихацзе не въ восточномъ, а въ западо-сѣверо-западномъ направленіи, съ намѣреніемъ, насколько возможно ближе, ознакомиться съ новооткрытой гигант-

ской цѣпью на сѣверъ отъ Цзанъ-по и пересѣкнуть ее еще раза два, если только тибетцы и китайцы не будутъ дѣлать ему затрудненій въ этомъ отношеніи.

247. 1) Указанныя подробности извлечены изъ письменнаго сообщенія Гедина, помѣщеннаго въ прибавленіи къ „The Times Weekly Edition", отъ 12 апр. 1907 г., стр. I. Выдержки изъ этого же письма Свенъ Гедина, помѣченнаго „Шихацзе, 20 февраля", напечатаны въ G. J. май 1907, стр. 539—545. См. также Le voyage du Docteur Sven Hedin au Thibet (на основаніи письма изъ Шихацзе отъ 20 февр. н. с. 1907 г.) съ картою въ текстѣ, на которой проложенъ маршрутъ путешествія до Шихацзе въ Le Tour du Monde, Nouv. Serie, 13 Année (1907, № 25; A Travers le monde 197—8). Вышеуказанное письмо перепечатано и въ „Géographie", „Bullet. de l'Asie Fran.", „Bull. de Soc. de Géograph. commerc. de Paris" и въ рядѣ другихъ журналовъ, что доказываетъ крайній интересъ къ этому путешествію Гедина не только среди спеціалистовъ.

2) Р. М. 1906.

248. 1) Подробности въ письмахъ д-ра Тафеля, помѣщенныхъ въ 12-й книжкѣ Р. М. за 1906 г. и 1-й книжкѣ за 1907 г. (перепечатано въ Ostasiat. Lloyd, май 1907).

Письма путешественника, помѣченныя „Стоянка 98, предположительно близъ стоянки Велльби 108 на верхней Чу-мар (источномъ верховьѣ Янъ-цзы)", 13 сентября 1906 г.; „Цайдам", 1 октября и „Си-нинъ фу" 15 янв. 1907 г. [см. Р. М. 1907, май, стр. 111—113], сообщаютъ подробности о второй попыткѣ д-ра Тафеля углубиться внутрь тибетскаго нагорья, не увѣнчавшейся, однако, большимъ успѣхомъ, нежели первая попытка, хотя и позволившей ему пройти далѣе по направленію къ цѣли—Лхасѣ или, по крайней мѣрѣ, горъ Данъ-ла, на которыя Рихтгофенъ совѣтывалъ ему нѣкогда обратить особое вниманіе. Причиною крушенія плановъ д-ра Тафеля явилась на этотъ разъ потеря всѣхъ вьючныхъ животныхъ [61 головы], за исключеніемъ 6, сдѣлавшихся добычею тибетскихъ разбойниковъ, напавшихъ на караванъ, на другой день послѣ прибытія его къ Чу-мар изъ Шанъ-грди, по новому пути на западъ отъ озера Аланъ нор, при чемъ были основательно сняты на карту истоки Хуанъ хэ, къ Янъ-цзы, оказавшемуся въ томъ мѣстѣ слишкомъ глубокимъ и быстрымъ, почему экспедиція повернула къ Чу-мар, гдѣ ее и постигло упомянутое несчастье. Съ большимъ трудомъ и испытывая сильныя лишенія по недостатку съѣстныхъ припасовъ д-ръ Тафель добрался до Цайдама [употребивъ нѣсколько дней въ тщетныхъ поискахъ перехода черезъ хребетъ Марко Поло, сплошь заваленный глетчерами и снѣгомъ] и затѣмъ въ Си-нинъ фу, гдѣ были возобновлены припасы и снаряженъ новый караванъ для окончательнаго движенія по восточному Тибету. Касательно этой части путешествія доктора Тафеля находимъ въ Р. М. 1907, VIII, 188—191, два его новыхъ письма изъ Джѣкундо отъ 25 февр.

1907 г. и изъ Да-цзянь лу отъ 3 мая 1907 г., куда путешественникъ прибылъ въ самый день отправки письма.

Вплоть до верхней Хуанъ хэ маршрутъ экспедиціи совпадалъ въ данномъ случаѣ въ общемъ съ путемъ Фильхнера, только движеніе каравана на этотъ разъ совершалось несравненно быстрѣе. На берегу рѣки Тафель встрѣтилъ зимнюю стоянку племени Хокурма [Гакурр?], оказавшуюся противъ ожиданія такъ высоко вверхъ по теченію рѣки. Въ указанномъ пунктѣ экспедиція примкнула къ многочисленному каравану старшины [боху] Tschen-du, возвращавшагося домой изъ Танкара, и вмѣстѣ съ нимъ прибыла въ упомяутый округъ Tschen-du совершенно отличнаго характера по сравненію съ плоскими равнинными долинами („yung") области Желтой рѣки, въ глубокихъ ущельяхъ, среди полей, селеній и многочисленныхъ обитателей. Изъ Tschen-du Тафель проѣхалъ черезъ Лаб-гомба къ самому Янъ цзы и послѣ посѣщенія Томбумдо—въ Джѣкундо. Отсюда Тафель думалъ проѣхать черезъ владѣнія Нянъ-чен гжялпо къ колѣну Брамапутры (въ пунктѣ Шимонъ), но тайное противодѣйствіе со стороны китайскихъ властей оказалось сильнѣе его энергіи и добрыхъ пожеланій; послѣ ряда неудачъ докторъ Тафель долженъ былъ взять обычную дорогу въ Да-цзянь лу, куда достигъ черезъ Gan-tse и Tschang-Lu.

Во время послѣдняго пребыванія въ Си-нинъ фу докторъ Тафель имѣлъ случай присутствовать на ауденціи у Далай-ламы въ Кумбумѣ, гдѣ тибетскій верховный правитель находился съ осени 1906 г. на обратномъ пути изъ Урги въ Лхасу. Указанная ауденція имѣла мѣсто 11 января 1907 г.; описаніе ея было помѣщено самимъ путешественникомъ въ „Frankfurter Zeitung" (см. выдержку въ „Ostasiatischer Lloyd", 31 мая 1907, стр. 981—2), гдѣ приводится и описаніе наружности Далай-ламы—небольшого роста, съ мелкими чертами лица и довольно густыми усами.

249. 1) Sher. 162—163.

2) G. J. февр. 1907, 223. Болѣе подробно путешествіе д-ра Цугмайера рисуется по статьѣ въ „Leipziger Illustrierte Zeitung", подъ заглавіемъ „Eine osterreichische Expedition nach Tibet" (перепечатано въ „Ostasiat. Lloyd", отъ 13 сент. н. ст. 1907, на стр. 486—488). Д-ръ Цугмайеръ является зоологомъ по своей спеціальности, и составленіе зоологическихъ коллекцій было главной цѣлью его экспедиціи. Онъ предполагаетъ предпринять новое путешествіе по Тибету въ 1908 г.

2) См. фотографію тамъ же на 163 стр.

3) Тамъ же 166 и фотографія 165.

250. 1) Тамъ же 297.

2) Тамъ же 286.

3) Кот на языкѣ индустани обозначаетъ крѣпость, или фортъ. Таклакот называется по тибетски Пуранъ Дакла, см. Zach, I, который

пишетъ на 96 стр.: сПу-ранъ-сТаг-ла-мк'ар-рДзонъ, переводя—„крѣпость на тигровой горѣ въ старинной странѣ Буранъ".

251. 1) По случаю большой ярмарки, въ концѣ августа или началѣ сентября, когда въ Гарток собираются всѣ должностныя лица и дворянство со всей Н'ари.

2] Sher. 298.

252. 1] Аналогичный бѣлый налетъ появляется во время засухи и въ значительной части сѣвернаго Китая, гдѣ извѣстенъ подъ именемъ цзянь. Химическій составъ его и другіе подробности см. Engineering and Mining Journal, 1897 (извлеченіе въ T'oung-pao, VIII, 455—6).

2] „Ничто не могло быть болѣе успѣшно, чѣмъ наше посѣщеніе Гартока", говоритъ Sher. 319, и „наши отношенія съ вице-королями [гарпонями] было все, что можно было желать".

3) Всѣ обитатели Лахуля (входящаго въ округъ Кангра провинціи Пенджаб) занимаются торговлею съ Тибетомъ, хотя ихъ область и отдѣляется отъ непосредственной границы Н'ари областью Спити, составляющей часть того же округа Кангра, и съ ранняго возраста владѣютъ тибетскимъ языкомъ. Въ противоположность къ Лахульцамъ обитатели Спити занимаются исключительно земледѣліемъ и не желаютъ ничего знать о торговлѣ. Лахулскіе торговцы встрѣчаются въ Рудокѣ (куда слѣдуютъ по дорогѣ въ Ханле и Демчок) и во многихъ другихъ мѣстахъ западной Н'ари, и главнымъ предметомъ ихъ торговыхъ операцій является шерсть и пашмъ или козій пухъ, которыхъ они вывозятъ ежегодно на сумму въ 3500 £ въ обмѣнъ исключительно на звонкую монету, способствуя этимъ широкому обращенію и популярности послѣдней. Въ настоящее время Ладак и Лахул берутъ наибольшую долю торговли западной Н'ари, такъ какъ прямой торговли съ Симлою производится очень мало. Единственные соперники торговцевъ Ладака и Лахуля —жители Башар, далеко уступаютъ имъ въ отношеніи суммы своихъ торговыхъ оборотовъ.

4] Иногда, состоящихъ изъ двухъ или трехъ дневныхъ переходовъ.

253. 1] Sher. 320.

2] См. тамъ же фотографію 325.

3] Тамъ же 326.

254. 1] Тамъ же 334.

2] Тамъ же 335.

255. 1] Тамъ же 336.

2) Фотографія перевала Кунгр на стр. 347 и Унтад'ура 353.

3) Спеціальный интересъ для географовъ представляютъ въ книгѣ Sherring, „Western Tibet" профиль пути экспедиціи [графическое изображеніе колебаній уровня страны на линіи маршрута, стр. 29), чертежъ окрестности Гурла Мандата вмѣстѣ съ Священн. озерами на стр. 211 и перевала Унтад'ура [на стр. 342]; изъ ил-

хребтовъ Китая, изобилующія, подъ вліяніемъ прилежащихъ теплыхъ равнинъ, разнообразными формами растительности и интересными представителями животнаго царства.

3) S. E. 1—6

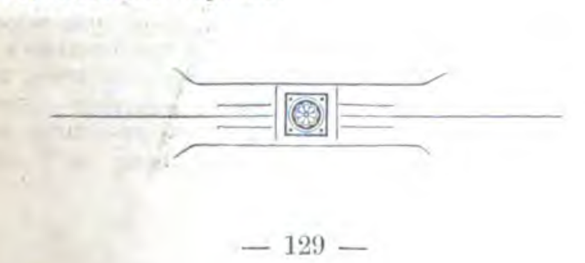
259. 1) Изъ путешественниковъ въ Гжямда былъ, напримѣръ, Гюкъ и Габе, въ Цзе-т'анѣ—Дезидери.

2) Хотя и были близко установлены путешествіемъ Роулинга и Шерринга.

260. 1) Въ виду неосуществленія предположенной въ концѣ тибетскаго похода 1904 г. англійской экспедиціи въ долину нижняго теченія Цзанъ-по, совѣтъ королевскаго шотландскаго географическаго общества принялъ въ 1906 году резолюцію, представленную имъ статсъ-секретарю отъ Индіи для дальнѣйшаго движенія, относительно желательности отправленія новой экспедиціи въ указанную неизслѣдованную область нижняго теченія главной тибетской рѣки благодаря важности географическихъ результатовъ (выясненіе вопроса о существованіи большихъ водопадовъ въ этой части рѣки и объ отношеніи цѣпей Гималайской системы къ сосѣднимъ горнымъ областямъ) и цѣнности ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій, равно какъ этнографическихъ данныхъ о малоизвѣстныхъ племенахъ этого раіона Тибета, которыя имѣютъ быть получены отъ работъ проектируемой экспедиціи. Послѣдняя должна сопровождаться сильнымъ вооруженнымъ отрядомъ, такъ какъ никакое изслѣдованіе частными лицами немыслимо вслѣдствіе враждебности мѣстныхъ обитателей, особенно Мишми (см. Bull. Amer. Geogr. Soc., май 1906, стр. 301—303).

Вышеизложенная петиція врядъ-ли дождется исполненія въ скоромъ будущемъ, во всякомъ случаѣ, не въ теченіи трехъ ближайшихъ лѣтъ, такъ какъ въ нотахъ, сопровождавшихъ англо-русскую конвенцію относительно азіатскихъ дѣлъ, въ частности Тибета, заключенную въ 18-31 августа 1907 г., оба правительства взаимно обязались не допускать въ Тибетъ въ теченіе означеннаго срока (3 лѣтъ) никакой научной экспедиціи и, мало того, сдѣлать представленіе въ этомъ же смыслѣ китайскому правительству, которое, какъ показалъ опытъ послѣднихъ десятилѣтій, способно лишь привѣтствовать подобное рѣшеніе.

2) Возможно, что настоящее путешествіе Гедина 1907 г. прольетъ свѣтъ на этотъ раіонъ, повидимому, затронутый его маршрутомъ по восточной окраинѣ.



люстрацій останавливаютъ особое вниманіе фотографическій видъ—панорама обоихъ озеръ—Манасаровар и Ракас. на стр. 261 (изъ этой фотографіи можно видѣть, что озера раздѣляются относительно низкими холмами; на горизонтѣ возвышается цѣпь Кайлас съ пикомъ); видъ—панорама всей длины канала между обоими озерами, на стр. 271, изъ которой каждый можетъ рѣшать по своему проблему, занимавшую почти столѣтіе европейскихъ ученыхъ, о существованіи связующаго канала [и какого именно] между озерами.

Къ концу книги приложена карта западнаго Тибета между 33 и 30° с. ш. и 79 и 82° в. д., съ прилегающими частями индійтерриторіи, въ масштабѣ 16 миль въ дюймѣ.

Глава XII книги Sherring „Western Tibet" представляетъ описаніе попытки его спутника—Longstaff подняться на вершину Гурла Мандата въ іюлѣ 1905 г. съ 8 иллюстраціями. Онъ дошелъ приблизительно до 24,000 ф., т. е. на 1500 ф. ниже вершины 25,350ф. (у Роулинга 25,850 ф.)

4) См. предыдущее примѣчаніе.

Относительно настоящаго путешествія Лонгстаффъ помѣстилъ въ G. J. февраль 1907, стр. 201—211 „Notes on a journey through Western Himalaya".

258. 1) G. J.

2) Какъ сообщаетъ Освѣдомительное Бюро (Нов. Вр., № 11254, 3 іюля 1907 г.), подполковн. П. К. Козловъ предпринимаетъ новое двухлѣтнее путешествіе въ Центральную Азію, во главѣ особой экспедиціи, снаряжаемой на Высочайше дарованныя Государемъ Императоромъ, Имераторскому Русскому Географическому Обществу средства. Выступленіе экспедиціи состоится въ первыхъ числахъ августа изъ С. Петербуга и въ концѣ августа изъ Москвы. Маршрутъ намѣченъ черезъ Иркутскъ, Верхнеудинскъ и Кяхту; въ этомъ послѣднемъ городѣ имѣетъ быть продолжительная остановка для организаціи персонала экспедиціи (всего до 15 человѣкъ вмѣстѣ съ проводниками) и каравана. Къ детальному обслѣдованію въ теченіе перваго года намѣчены.: Ала-шань, Ордос и Кукунорская область съ альпійскимъ бассейномъ Куку-нора включительно. Обстоятельному изслѣдованію подлежитъ также и самое озеро Куку-норъ, его глубины и острова. На одномъ изъ возвышенныхъ островов озера, а именно на островѣ Купсу (въ переводѣ съ монгольскаго означаетъ: „пупъ"), на которомъ одиноко стоитъ буддійская часовня съ 3—4 отшельниками ламами, П. Козловъ предполагаетъ основать главную базу промѣрочныхъ работъ. Въ теченіи второго года Козловъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, предполагаетъ обслѣдовать, главнымъ образомъ въ естественно-историческомъ, этнографическомъ и географическомъ отношеніяхъ, западныя провинціи Китая: Гань-су и Сы-чуань; въ этой послѣдней провинціи особое вниманіе Козловымъ будчтъ обращено на альпійскія зоны окраинныхъ

хребтовъ Китая, изобилующія, подъ вліяніемъ прилежащихъ теплыхъ равнинъ, разнообразными формами растительности и интересными представителями животнаго царства.

3) S. E. 1—6

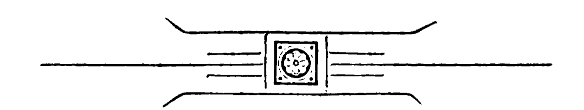
259. 1) Изъ путешественниковъ въ Гжямда былъ, напримѣръ, Гюкъ и Габе, въ Цзе-т'анѣ—Дезидери.

2) Хотя и были близко установлены путешествіемъ Роулинга и Шерринга.

260. 1) Въ виду неосуществленія предположенной въ концѣ тибетскаго похода 1904 г. англійской экспедиціи въ долину нижняго теченія Цзанъ-по, совѣтъ королевскаго шотландскаго географическаго общества принялъ въ 1906 году резолюцію, представленную имъ статсъ-секретарю отъ Индіи для дальнѣйшаго движенія, относительно желательности отправленія новой экспедиціи въ указанную неизслѣдованную область нижняго теченія главной тибетской рѣки благодаря важности географическихъ результатовъ (выясненіе вопроса о существованіи большихъ водопадовъ въ этой части рѣки и объ отношеніи цѣпей Гималайской системы къ сосѣднимъ горнымъ областямъ) и цѣнности ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій, равно какъ этнографическихъ данныхъ о малоизвѣстныхъ племенахъ этого раіона Тибета, которыя имѣютъ быть получены отъ работъ проектируемой экспедиціи. Послѣдняя должна сопровождаться сильнымъ вооруженнымъ отрядомъ, такъ какъ никакое изслѣдованіе частными лицами немыслимо вслѣдствіе враждебности мѣстныхъ обитателей, особенно Мишми (см. Bull. Amer. Geogr. Soc., май 1906, стр. 301—303).

Вышеизложенная петиція врядъ-ли дождется исполненія въ скоромъ будущемъ, во всякомъ случаѣ, не въ теченіи трехъ ближайшихъ лѣтъ, такъ какъ въ нотахъ, сопровождавшихъ англо-русскую конвенцію относительно азіатскихъ дѣлъ, въ частности Тибета, заключенную въ 18-31 августа 1907 г., оба правительства взаимно обязались не допускать въ Тибетъ въ теченіе означеннаго срока (3 лѣтъ) никакой научной экспедиціи и, мало того, сдѣлать представленіе въ этомъ же смыслѣ китайскому правительству, которое, какъ показалъ опытъ послѣднихъ десятилѣтій, способно лишь привѣтствовать подобное рѣшеніе.

2) Возможно, что настоящее путешествіе Гедина 1907 г. прольетъ свѣтъ на этотъ раіонъ, повидимому, затронутый его маршрутомъ по восточной окраинѣ.



„	41,	4	„	снизу	Кути	Кути[4]
„	43,	7	„	сверху	1880 г.	1880 г.[1]
„	„	12	„	снизу	неудачно	неудачно[3]
„	44,	8	„	сверху	Брамапу трою	Брамапутрою
„	45,	10	„	снизу	о Гэстингса	отъ Гэстингса
„	46,	16	„	сверху	кіанъ	бжянъ .
„	54,	7	„	„	тиба	тиба[2]
„	63,	5	„	„	Zaeschke	Jaeschke
„	66,	5	„	„	Прэнъ	Прэнъ*
„	70,	15	„	„	нынѣ	нынѣ[1]
„	„	18	„	„	Дигарчи)	Дигарчи)[2]
„	72,	15	„	снизу	Джалунъ	Джалунъ[1]
„	89,	14	„	„	1886--7	1880—4
„	„	6	„	„	1886—7	1882—4
„	„	3	„	„	Ассама	Ассама[1]
„	99,	7	„	сверху	Сиккима	Сиккима[1]
„	103,	9	„	снизу	прапорщиковъ Эклона и	Эклона и прапорщика
„	120,	2	„	„	1872	1870
„	122,	9	„	„	1877	1879
„	123,	4	„	сверху	Sechenyi	Szechenyi
„	125,	1	„	снизу	путемъ	путемъ[5]
„	126,	17	„	„	1000 видовъ	10000 образцовъ
„	„	„	„	„	видами	образчиками
„	„	9	„	„	посѣтилъ снова	посѣтилъ
„	141,	6	„	сверху	Чжунгаріи	Монголіи
„	145,	8	„	снизу	мачини	мачин
„	146,	5	„	„	(Меконга)	(Меконга)[3]
„	149,	9	„	„	Гединъ)	Гединъ)[1]
„	208,	7	„	снизу	земеднялось	замедлялось
„	222,	1	„	сверху	Сарантъ	Саратъ
„	„	6	„	снизу	фортомъ[6].	фортомъ[6];
„	227,	2	„	„	Далай.	Далай-
„	228,	1	„	сверху	Дзонъ	рДзонъ
„	„	20	„	„	скалъ	скалы
„	236,	13	„	снизу	Парбате	Парбат
„	245,	11	„	сверху	Азіи[1])	Азіи[1]—
„	248,	3	„	снизу	Панъ-конъ-Лэ	Панъ-конъ Лэ
„	254,	1	„	сверху	докпа	докпа,
„	255,	12	„	снизу	Sherring a	Sherring'a
„	256,	6	„	сверху	на)	) на
„	257,	2	„	снизу	throngh	through
„	259,	2	„	сверху	живыхъ.	живыхъ[1].

ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ:

„	16,	16	„	снизу	стр.	стр. 410
„	22,	23	„	сверху	Ouar.	Quar.
„	88,	24	„	„	Въ	Изъ
„	99,	22	„	снизу	отосительно	относительно

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

выходятъ въ количествѣ 4—5 томовъ въ годъ, которые выпускаются въ свѣтъ, по мѣрѣ напечатанія матеріала, въ теченіе академическаго года.

Подписная цѣна на „**ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА**" съ доставкой въ г. Владивостокѣ *6 рублей*, съ пересылкой иногороднимъ—*8 рублей въ годъ.*

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовитцъ въ Лейпцигѣ.

Die „**Mitteilungen des Orientalischen Instituts**" erscheinen (in russischer Sprache) im Bestande von 4—5 zwanglosen Baenden im Laufe des akademischen Jahres. Abonnements-Preis 20 Mark fuer den Jahrgang. Zu beziehen durch Otto Harrassowitz, Leipzig.

ЦѢНА ЭТОГО ТОМА 3 РУБЛЯ.

Preis dieses Bandes 7 Mark 50 Pf.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXII.

RECEIVE
SEP 26 1911
LIBRARY OF TH
PEABODY MUSE

Н. В. Кюнеръ.

ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

ВЫПУСКЪ 2-Й.

ОЧЕРКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ТИБЕТА.

BESCHREIBUNG VON TIBET.

Von Prof. Nikolai Kuehner.

BAND I. GEOGRAPHISCHER TEIL.

LIEF. 2. ABRISS DER PHYSISCHEN GEOGRAPHIE TIBETS.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1907.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

ТОМЪ XXII.

MITTEILUNGEN DES ORIENTALISCHEN INSTITUTS.

BAND XXII.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXII.

Н. В. Кюнеръ.

ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

ВЫПУСКЪ 2-Й.

ОЧЕРКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ТИБЕТА.

BESCHREIBUNG VON TIBET.

Von Prof. Nikolai Kuehner.

BAND I. GEOGRAPHISCHER TEIL.

LIEF. 2. ABRISS DER PHYSISCHEN GEOGRAPHIE TIBETS.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1907.

[redacted]

Н. В. Кюнеръ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ТИБЕТА

ВЫПУСКЪ 2-Й.

ОЧЕРКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ТИБЕТА.

GEOGRAPHISCHE BESCHREIBUNG VON TIBET.

Von Prof. N. Kuehner.

LIEF. 2. ABRISS DER PHYSISCHEN GEOGRAPHIE TIBETS.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1907.

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

СОДЕРЖАНІЕ

2-ГО ВЫПУСКА

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ ТИБЕТА.

INHALTSVERZEICHNIS DER

2. *LIEFERUNG*

DER GEOGRAPHISCHEN BESCHREIBUNG VON TIBET.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

INHALTSVERZEICHNIS.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВАЖНѢЙШИХЪ „ПРИМѢЧАНІЙ“.

zaehlung nuetzlicher Mineralien *174.* Jaspis *174.* Salz *174. Schwefel 174.* Heisse Quellen *175—177.* Heilbaeder *177.* Metallreichtum Ost-Tibets 177—178. Gold *178—179.* Ausbeutung der Goldgruben *179—180.* Verteilung der goldhaltigen Flaechen im Lande *180—181.* Silber in Tibet *181.* Entstehung der Silbervorraete im Lande *182.*

Verzeichnis der wichtigsten „Anmerkungen".

Замѣченныя опечатки.

ВЪ ТЕКСТѢ:

				Напечатано:	Надо читать:
Стр. 7	строка	1	снизу	выше)	выше) 4
„ 9	„	4	сверху	положительно	положительнаго
„ 22	„	10	„	Цзи-лянь шань	Ци-лянь шань
„ 25	„	12	снизу	„	„
„ 30	„	8	сверху	30° 56'	39° 56'
„ 62	„	19	„	поставить послѣ „Марк'ам“	2
„ „	„	22	„	„ „ „Ганъ“	3
„ 63	„	8	снизу	„ „ „холмовъ“	2
„ 98	„	10	„	) бри -	, 'бри-
„ 117	„	1	„	жизнь 4	жизнь 3
„ 168	„	13	сверху	лѣтъ 3	лѣтъ 2

ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ:

„ 23	„	9	снизу	Ванъ-фо ся	Вань-фо-ся
„ 24	„	21	„	Ту-шу-цзы-чэнъ	Ту-шу-цзи-чэнъ.

Описаніе Тибета.

IV. Строеніе поверхности.

Въ географическомъ описаніи Тибета—болѣе, чѣмъ какой другой страны, благодаря его своеобразному положенію въ центрѣ наибольшаго вздутія горной массы азіатскаго материка,—первое мѣсто принадлежитъ выясненію устройства поверхности, какъ важнѣйшаго фактора, вліяющаго на экономическое и политическое развитіе обитающаго на ней народа. Среди различныхъ элементовъ, слагающихъ внѣшній физическій обликъ Тибета, окраинныя горныя цѣпи, образующія его географическія и климатическія границы и игравшія столь значительную роль въ дѣлѣ политическаго обособленія страны, заслуживаютъ прежде всего вниманія, тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ захватываетъ своими многочисленными развѣтвленіями обширную внутреннюю область Тибета.

При описаніи географическихъ границъ страны, уже указывалось, какое положеніе относительно Тибета занимаютъ эти окраинныя цѣпи: на сѣверѣ горный валъ Куэнь-луня, постепенно растущій въ ширину по направленію съ запада на востокъ и разбивающійся на рядъ параллельныхъ цѣпей; на югѣ—величественная стѣна Гималаевъ, увѣнчанная наибольшими вершинами на земномъ шарѣ. На западѣ указанныя горныя системы сближаются и связываются между собой цѣпями Каракорума между Ладакомъ и Восточнымъ Туркестаномъ; на востокѣ обѣ системы значительно расходятся другъ отъ друга и открываютъ доступъ въ Собственный Китай, затрудненный лишь параллельными цѣпями индо-китайской системы, идущими подъ прямымъ или тупымъ угломъ къ цѣпямъ вышеназванныхъ системъ Куэнь-луня и Гималаевъ, и глубокими долинами великихъ рѣкъ Китая и Индо-Китая, прорѣзывающими здѣсь восточную окраину тибетскаго нагорья. Ниже подробное описаніе перечисленныхъ горныхъ системъ, образующихъ какъ-бы ограду тибетскаго нагорья отъ окружающихъ областей: низменности

Индіи, котловины Восточнаго Туркестана и, въ меньшей степени, холмистой страны и горъ средней высоты Собственнаго Китая, будетъ вестись въ слѣдующемъ порядкѣ: Гималаи, Каракорумъ, Куэнь-лунь и Индо-Китайская система.

Гималаи (по санскритски: обитель снѣговъ [1]), по высотѣ и величественному виду самый мощный хребетъ на земномъ шарѣ, образуютъ въ видѣ дуги, изогнутой къ югу и открытой на сѣверъ, крайнюю южную и притомъ наиболѣе высокую ограду Центральной Азіи вообще и Тибета въ частности, между 36° с. ш. и 74° в. д. на западѣ и 28°—26° с. ш. и 96° в. д. на востокѣ, длиною въ 2400 кил., шириною отъ 200 до 350 кил. и площадью приблизительно въ 650000 кв. килом. [2], считая за сѣверную границу системы линію Инда и Цзанъ-по, т. е. принимая водораздѣлъ Гандисри за продолженіе Каракорума. Западная оконечность Гималаевъ у долины Инда подъ 74° в. д. сливается съ Гиндукушемъ въ горныхъ пустыняхъ Кохистана и Дардистана; восточная граница лежитъ въ области прорыва Цзанъ-по и другихъ верхнихъ истоковъ Брамапутры. (Дибонга и Лохита) и примыкаетъ къ большимъ меридіональнымъ цѣпямъ юговосточнаго Тибета (Индо-Китайской системы).

Въ орографическомъ отношеніи Гималаи разбиваются на значительное число болѣе или менѣе длинныхъ параллельныхъ цѣпей [3], которыя обычно объединяются европейскими учеными въ три главныя линіи, или пояса горныхъ поднятій, при чемъ средній поясъ, лежащій въ промежуткѣ двухъ другихъ, принимается за центральную, или главную цѣнь, а два другихъ, соотвѣтственно представляющіе сѣверный и южный склоны главной цѣпи, за побочныя цѣпи, или предгорья [4]. Всѣ наибольшія вершины Гималаевъ расположены именно по гребню главной цѣпи, отдѣленной отъ южныхъ побочныхъ цѣпей продольными отчасти густо населенными долинами притоковъ сѣверныхъ вѣтвей Ганга и восточныхъ вѣтвей Инда (Сетледжа). Представляя почти непрерывный рядъ огромныхъ вершинъ, обширныхъ глетчеровъ, дикихъ горныхъ хребтовъ, главная цѣнь, однако, не служитъ водораздѣломъ для рѣкъ Индіи и внутреннихъ водъ Тибета, такъ какъ главныя рѣки Гималаевъ—Индъ и его притокъ Сетледжъ, сѣверныя вѣтви Ганга (Гандакъ [5], Коси [6], Арунъ [7] и Аммочу [8]), и Брамапутра [9] пересѣкаютъ главную цѣнь по глубокимъ ущельямъ и переносятъ водораздѣль-

чую линію далеко на сѣверъ отъ нея: Индъ—на центральный и сѣверный хребетъ Каракорума, Сетледжъ и сѣверный притокъ Цзанъ-по—на продолженіе Каракорума—Ганъ-ри, вѣтви Ганга на сѣверную цѣпь Гималаевъ [1]. Причину подобнаго замѣчательнаго явленія должно искать въ обиліи атмосферныхъ осадковъ, характеризующихъ южный склонъ Гималаевъ, тогда какъ сѣверный склонъ остается обычно сухимъ; въ силу этого обстоятельства размывающее дѣйствіе рѣкъ на южномъ склонѣ оказывается сильнѣе, чѣмъ на сѣверномъ, такъ что воды ихъ, постепенно углубляясь въ горы въ обратномъ направленіи, могли въ результатѣ прорвать могучій горный валъ центральной цѣпи и даже менѣе возвышенную, но болѣе сомкнутую стѣну сѣверной цѣпи.

Другая особенность Гималаевъ — рѣзкая противоположность между строеніемъ и общимъ характеромъ сѣвернаго и южнаго склоновъ главной цѣпи благодаря коренному различію въ относительной (надъ прилегающей страною) высотѣ горъ, климатѣ и растительности. Острыя зубчатыя горы образуютъ обнаженный сѣверный край Гималаевъ со стороны Тибета; въ безконечной смѣнѣ тѣснятся здѣсь вершины, увѣнчанныя сіяющими снѣжными пиками, среди дикихъ каменистыхъ горныхъ пустынь—величественная горная панорама, равную которой трудно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ земного шара; на равнинахъ самаго тибетскаго нагорья, гдѣ лучи солнца отражаются на поверхности соленыхъ озеръ, пасутся стада яковъ и другихъ тибетскихъ дикихъ и домашнихъ животныхъ, а вдоль уединенныхъ рѣчныхъ теченій расположились небольшія селенія и монастыри посреди рѣдкой лѣсной растительности [2]. Относительная высота гребня Гималаевъ съ сѣверной стороны кажется не столь большой, такъ какъ само тибетское нагорье поднимается здѣсь на 4000 метровъ съ лишнимъ. Напротивъ, на югѣ Гималаи обрываются къ низменностямъ Индостана и Бенгала сразу съ высоты 7 и даже 8 тысячъ метровъ къ уровню нѣсколькихъ сотенъ, или даже десятковъ метровъ, такъ что величайшія вершины становятся нерѣдко видимы съ равнины, если не скрываются отъ взора наблюдателя промежуточными предгоріями южнаго пояса, или цѣпи, такъ какъ во многихъ случаяхъ разстояніе центральной цѣпи отъ низменности не превышаетъ 75 километровъ, например҃ъ, у истоковъ Джаммы, наибольшаго притока Ганга. Что касается характера

южнаго склона, то онъ представляетъ также совершенно отличную картину отъ сѣвернаго: уже на высотѣ 3000 м. начинается густой лѣсъ, покрывающій весь югъ Гималаевъ, сперва изъ древесныхъ породъ горныхъ мѣстностей (дуба и кедра cedrus deodora) на западѣ, затѣмъ подтропическихъ и тропическихъ породъ съ гигантскими представителями тропической Азіи, въ промежуткѣ съ кофейными и чайными плантаціями и рисовыми полями Сиккима, Бутана и Ассама; наконецъ, въ предгоріяхъ непроходимый джунгль на болотистой почвѣ, травы, кустарники и пышная низкорослая растительность—переходъ къ равнинѣ Бенгала, густонаселенной, съ большими городами, кипучей жизнью и пышной культурной растительностью. Выше лѣсного пояса на южномъ склонѣ начинается безлѣсная полоса, съ отдѣльными рощами пихтъ до высоты 4000 м., но съ роскошнымъ зеленымъ ковромъ альпійскихъ травъ и множествомъ цвѣтущихъ растеній; выше 5000 м. встрѣчаются лишь мхи и лишаи. Вышеописанный контрастъ между сѣвернымъ и южнымъ склонами Гималаевъ бросается въ глаза всѣмъ путешественникамъ въ этой горной области, но и между западомъ и востокомъ обширной цѣпи замѣчается глубокое различіе, именно, въ отношеніи растительности. Вслѣдствіе болѣе сухого климата западной части Гималаевъ лѣса здѣсь менѣе густы и составляющія ихъ древесныя породы отличны отъ преобладающихъ на востокѣ, какъ можно видѣть изъ описанія Шлагинтвейтомъ [1] восточныхъ и западныхъ Гималаевъ, разграниченныхъ мысленной линіей на востокъ отъ Катманду въ Непалѣ.

Особый грандіозный характеръ Гималаи пріобрѣтаютъ благодаря огромному возвышенію ихъ вершинъ, что даетъ всей цѣпи право называться высочайшими горами на земномъ шарѣ. Большинство вершинъ расположено по главной центральной цѣпи, притомъ не въ западной ея части, имѣющей наибольшее среднее возвышеніе гребня, а въ части, расположенной къ востоку отъ прорыва Сетледжа, въ особенности въ Непалѣ. Здѣсь находится гора Эгерестъ [2], величайшая вершина на земномъ шарѣ (29,002 ф. или 8840 метр. [3]), пикъ XV Индійской съемки, или Джомоганъ-кар (повелительница бѣлыхъ снѣговъ) тибетцевъ [4]. Предположеніе о существованіи еще болѣе высокихъ вершинъ въ этой части Гималаевъ было опровергнуто экспедиціей Роулинга 1904 г. изъ Шихацзе въ Гартокъ. Изоб-

раженіе горы Эвереста дается у Sievers, Asien 2 изд. 465. Слѣдующей по высотѣ горою въ предѣлахъ Гималаевъ является великолѣпная Кан-чэнджунга на границѣ Непала и Сиккима (8585 м. см. фотографіи Селля, Asien, вт. изд. къ стр. 463 и Freshfield, Round Kantchenjunga); третьей—Девалагири въ западномъ Непалѣ (8176 метровъ). Несомнѣнно, что до десятка другихъ вершинъ въ центральной цѣпи поднимается на высоту отъ 7000 до почти 8000 м. [1], въ особенности между прорывомъ Сетледжа и Священными озерами близъ истоковъ этой рѣки и отъ Девалагири до восточной оконечности, напримѣръ, Джомолхари [2] на СВ. отъ Парицзона, 24,000 ф., отъ которой протягивается снѣжная цѣпь съ пиками 22—23 тыс. футъ въ СВ. направленіи вплоть до вершины Ночжинганзанъ (пиш. гнод-сБiин-ган'с-бзанъ, т. е. ледникъ генія, 24,000 ф., на южной окраинѣ долины р. Ронъ [3]). Въ общемъ среднее возвышеніе гребня центральной цѣпи—свыше 6000 метровъ. По этому гребню проходитъ обычно южная политическая граница Тибета, за исключеніемъ пограничнаго участка долины Чумби [4].

Сѣверная цѣпь, отдѣльныя части коей еще мало извѣстны, вообще ниже центральной цѣпи, имѣетъ вершины до 7 тыс. метр. (напримѣръ, Гурлха Мандата 7730 м. на югъ отъ озера Манасароваръ [5]) и одну въ 8115 г.—Нанга Парбат внутри сѣверо-западнаго колѣна Инда. Сѣверная цѣпь образуетъ линію водораздѣла между текущими къ югу притоками Ганга и далѣе Брамапутры и направляющимися къ сѣверу притоками Цзанъ-по.

Вопреки огромному поднятію вершинъ высота гребня Гималаевъ, взятыхъ въ цѣломъ, не превышаетъ 5500 метровъ, при чемъ на западѣ и на сѣверѣ гребень горъ носитъ болѣе сплошной и тѣсный характеръ, чѣмъ на востокѣ, гдѣ довольно значительное число переваловъ опускается относительно глубоко въ горной стѣнѣ, впрочемъ, и здѣсь не ниже 5,000 м., въ видѣ узкихъ ущелій. Бурные потоки стремятся по глубоко изрѣзаннымъ долинамъ, при чемъ селенія по сторонамъ ихъ кажутся висящими надъ водою, а дорога нерѣдко ведется вдоль самаго гребня, за недостаткомъ мѣста въ дикихъ долинныхъ расщелинахъ; эти поперечныя борозды и прорывы скорѣе бросаются въ глаза на картѣ, чѣмъ длинныя продольныя долины, образуемыя параллельнымъ расположеніемъ горныхъ складокъ. Въ общемъ гималайскіе перевалы [6] оказываются

болѣе легко проходимыми, чѣмъ перевалы болѣе низкихъ въ среднемъ горъ Куэнь-луня, и въ той же мѣрѣ умаляется общепризнанное въ эпоху болѣе поверхностнаго знакомства съ горами значеніе Гималаевъ въ качествѣ естественной границы и ограды Индіи для вторженія съ сѣвера [1]. Снѣговая линія лежитъ въ Гималаяхъ на сѣверѣ выше (5300 м.), чѣмъ на югѣ (4940 м.), что объясняется обиліемъ осадковъ на южной сторонѣ. Случается также нерѣдко, что западные склоны покрыты снѣгомъ на меньшей высотѣ, чѣмъ восточные, напримѣръ, въ Сиккимѣ, что объясняется измѣнчивымъ характеромъ дневной облачности, т. е. болѣе сильнымъ дѣйствіемъ утренняго солнца въ сравненіи съ послѣполуденнымъ солнцемъ, окутаннымъ облачной дымкою или туманомъ. Число глетчеровъ въ Гималаяхъ значительно (спускаются до 3500 м. [2]), хотя въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ Каракоруму.

Число горныхъ озеръ въ Гималаяхъ нынѣ не велико, но раньше возможно было болѣе значительно [3]. Теперешнія озера располагаются главнымъ образомъ на сѣверномъ склонѣ Гималаевъ (между центральной и сѣверной цѣпью), особенно въ пограничной мѣстности между Сиккимомъ и Бутаномъ и Тибетомъ. Наиболѣе знаменитымъ озернымъ бассейномъ Гималаевъ являются священныя озера Ракас и Манасаравар между сѣверной цѣпью и хребтомъ Ганъ-ри (см. вып· I, стр. 55 и ниже), одна изъ наиболѣе священныхъ мѣстностей индійской миѳологіи [4], по сосѣдству съ горою боговъ Меру, воспѣтой индійской древней поэзіей (нынѣ гора Кайлас [5]).

Въ заключеніе настоящаго описанія Гималайской системы, необходимо краткаго, въ виду еще неполнаго научнаго ея изслѣдованія, надлежитъ замѣтить, что съ одной стороны Гималаи отдѣляютъ земледѣльческихъ индусовъ отъ пастушескихъ представителей монгольской расы, съ другой же проводятъ границу между необычайно густо населенными низменностями Ганга и почти безлюднымъ Тибетомъ; подобная же разграничительная роль выпадаетъ и на долю восточно-тибетскихъ окраинныхъ горъ индо-китайской системы, съ которыхъ восточный спускъ ведетъ въ чрезвычайно густо населенную провинцію Сы-чуань [6].

По геологическому составу [7] Гималаи относятся къ значительно болѣе позднимъ горнымъ образованіямъ, нежели Каракорум и въ особенности Гиндукуш и Куэньлунь.

На крайнемъ западѣ Тибета, между теченіемъ Инда и Раскемъ-дарья, т. е. между Гималаями и Куэньлунемъ, возвышается горная цѣпь, вѣрнѣе рядъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, которыя по своему строенію и направленію должны быть отнесены къ Гималайской системѣ [1], но извѣстны подъ особымъ названіемъ *Каракорум*, или *Музтаг*.

Горы Каракорумъ по праву могутъ быть названы одними изъ наибольшихъ, но и пустыннѣйшихъ и наименѣе гостепріимныхъ горъ на земномъ шарѣ, отмѣченныхъ всѣми характерными свойствами центральныхъ азіатскихъ нагорій.

Каракорумъ въ собственномъ смыслѣ простирается отъ озеръ Панъ-конъ (79° в. д., хотя его южное развѣтвленіе въ лицѣ Ганъ-ри заходитъ далеко внутрь Тибета, а восточные отроги, возможно, наполняютъ сѣверо-западный Тибетъ вплоть до Аксайчин [2]), въ сѣверо-западномъ (гималайскомъ) направленіи до 75° в. д. Его длина по существующимъ съемкамъ не очень велика (600 километровъ), но высота въ пикѣ Годвинъ Аустинъ соперничаетъ съ наибольшей вершиною Гималаевъ.

Въ орографическомъ отношеніи Каракорумъ распадается на три параллельныя цѣпи: наиболѣе южную по сѣверной сторонѣ Инда мимо Скардо, центральную Дапсангъ или Музтагъ въ собственномъ смыслѣ, съ главной вершиною Годвинъ Аустина 8620 м. (пика К 2 индійской съемки), второй вершины на земномъ шарѣ, и многими другими вершинами между 7 и 8 тыс. метровъ; и наиболѣе сѣверную, съ исторически извѣстнымъ перевалом Каракорум (Черный тронъ, отсюда названіе всей горной системы) на прямомъ пути изъ Яркенда черезъ Килянъ и Санджу въ Ладакъ подъ 78° в. д. Сѣверная цѣпь образуетъ частью водораздѣлъ между рѣками бассейна Тарима—Раскемъ-дарьи и Каракашъ съ одной стороны и притоками Инда съ другой (напримѣръ Шаіокъ); далѣе на западъ водораздѣлъ переходитъ на главную цѣпь Музтагъ.

Особенностью Каракорума является необычайное развитіе ледниковъ (одинъ изъ нихъ Балторо на южномъ склонѣ пика Годвинъ Аустина имѣетъ 56 километровъ въ длину и отъ полутора до четырехъ километровъ въ ширину [3] и чрезвычайное возвышеніе переваловъ (наиболѣе извѣстный Каракорумскій 5680 метровъ, другіе (напр. Чанъ-Лун) еще выше). На западѣ среднія высоты водо-

раздѣла не менѣе 5600 м., мѣстами 6000 метровъ; передъ этими цифрами стушевываются даже перевалы Куэньлуня.

Физическій характеръ Каракорума напоминаетъ сѣверные склоны Гималаевъ и тибетскихъ сѣверныхъ нагорій, только съ еще болѣе рѣзко выраженнымъ ландшафтомъ пустыни: безжизненныя и совершенно обнаженныя пространства скалъ и гальки, надъ которыми возвышаются горныя массы въ видѣ фантастическихъ башенъ, обелисковъ и т. д.; южный склонъ падаетъ круто къ Инду, сѣверный склонъ, принадлежащій области Раскемъ-дарья и Каракаша, отличается болѣе мягкими формами.

Вообще только необходимость или жажда изслѣдованія побуждаетъ человѣка заглядывать въ эту негостепріимную область; поэтому единственными посѣтителями ея являются торговые караваны съ товарами Кашмира и Туркестана, дикіе обитатели разбойничьихъ гнѣздъ Канджута и Хунзы [1], и европейскіе и русскіе изслѣдователи: Шлагинтвейтъ, Джонсонъ, Шо, Юнгхезбендъ, Громбчевскій, Дези, Штейнъ и т. д. [2].

Южная вѣтвь Каракорума, повидимому, продолжается въ видѣ горъ Кайлас по сѣверной сторонѣ Священныхъ озеръ между 2 вѣтвями Инда и далѣе на востокъ, подъ именемъ Ганъ-ри или Ганъ-дис-ри (Снѣжныя горы), по сѣверному водораздѣлу Цзанъ-по до южной стороны Тенгринора, гдѣ переходитъ въ высокую снѣжную цѣпь Нинчен-Танла (кит. Нянь-цянь), направленную на с.-в., съ восточною ея оконечностью Самтань-гандза Гренара (6559 м.), (Самтыръ-кансаръ Пржевальскаго) вплоть до 91° в. д. Вся эта вѣтвь Каракорума, принимаемая нѣкоторыми [3] за сѣверную цѣпь Гималаевъ, понынѣ совершенно неизслѣдована и за исключеніемъ очень немногихъ пунктовъ, измѣренныхъ пандитами и европейскими изслѣдователями (послѣдними со стороны Священныхъ озеръ и Тенгри-нора [4]; первые—Наинъ Сингъ въ 1873 г., и А. К. въ 1872 г.— прошли на разстояніи 150 англ. миль вдоль Нинчен-танла (или точнѣе гньан-ч'ен-т'анъ-ла) указывается на картахъ гадательнымъ образомъ на основаніи китайскихъ источниковъ въ обработкѣ Клапрота (Carte de l'Asie Centrale). Число высокихъ вершинъ, увѣнчанныхъ вѣчными снѣгами, т. е. отъ 6500 до 7 и 8 тысячъ метровъ, очень велико, при чемъ высота цѣпи, повидимому, повышается съ запада на востокъ: группа горъ Кайлас (Тисе ганъ-ри) имѣетъ

22,000 ф. (6,700 м.) вышины; вершина Таргот-лб на югъ отъ озера Дангра юм—25,000 ф. (7,620 м.), нѣкоторыя точки Нин-чен-тан-ла (Чжа-ри-ме-ру Гренара 7,065) близко подходятъ къ этой цифрѣ [1] Ничего положительно для этой цѣпи неизвѣстно за отсутствіемъ почти всякихъ свѣдѣній для области между 82 и 87° в. д. и 31—30° с. ш. [2].

Долинами рр. Раскемъ и Каракашъ, западнаго верховья Хотанъ-дарьи, сѣверная цѣпь Каракорума отдѣляется отъ третьей окраинной горной системы Тибета—*Куэнь-луня.*

За послѣднія десятилѣтія европейскія воззрѣнія на Куэнь-лунь,-какъ на сѣверную ограду Тибета, значительно измѣнились; если до путешествій Пржевальскаго и другихъ русскихъ и иностранныхъ изслѣдователей, Куэнь-лунь изображался просто въ видѣ одного хребта, на югъ отъ котораго и располагалось тибетское нагорье, принимавшееся въ цѣломъ за возвышенную равнину на уровнѣ 4,000 метровъ надъ моремъ, то, съ расширеніемъ европейскаго знакомства съ среднимъ Куэнь-лунемъ, какъ системою многочисленныхъ параллельныхъ цѣпей, измѣнилось и установившееся представленіе о физическомъ строеніи сѣвернаго Тибета. Вмѣсто нагорной равнины, эта часть страны, какъ оказалось, представляетъ собою гористую область, прорѣзываемую въ восточной половинѣ упомянутыми рядами параллельныхъ цѣпей Куэнь-луня, почему разсмотрѣніе географической картины сѣверной части Тибета сдѣлалось возможнымъ лишь въ связи съ разсмотрѣніемъ особенностей строенія Куэнь-луня, обусловливающихъ ея существенныя черты устройства поверхности. Слѣдовательно, значеніе Куэнь-луня [3], столь правильно оцѣненное Гумбольдтомъ [4], Клапротомъ [5] и Рихтгофеномъ [6] по отношенію ко всему азіатскому материку, является не меньшимъ и по отношенію къ значительной центральной части этого материка—сѣверному тибетскому нагорью.

Въ дѣлѣ описанія Куэнь-луня европейскій изслѣдователь поставленъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ по отношенію къ другимъ значительнымъ горнымъ системамъ азіатскаго материка, благодаря существующему въ европейской литературѣ цѣнному опыту систематизаціи всѣхъ матеріаловъ относительно этихъ горъ, предпринятому Вегенеромъ въ 1891 г. въ статьѣ „Versuch einer Orographie des Kwen-lun" [7]. Эта работа исчерпываетъ свѣдѣнія

европейской науки о Куэнь-лунѣ для того времени, но и понынѣ сохранила свое значеніе въ цѣломъ, такъ какъ послѣдующіе автоIIн (Зюссъ) и изслѣдователи (Пѣвцовъ, Богдановичъ [1]) внесли поправки лишь къ отдѣльнымъ заключеніямъ Вегенера, не измѣнивъ сущности основныхъ положеній, установленныхъ главнымъ образомъ Рихтгофеномъ и принятыхъ авторомъ „опыта“ [2].

Двѣ характерныя особенности системы Куэнь-луня, если взять ее въ цѣломъ, отличаютъ ее отъ всѣхъ другихъ горныхъ системъ равнаго протяженія, какъ единичное явленіе на всемъ земномъ шарѣ: неизмѣнность направленія всѣхъ слагающихъ ее цѣпей, за немногими исключеніями, съ O z S на W z N на всемъ огромномъ протяженіи отъ 75° до 118° в. д. (считая и горы Хуай въ Китаѣ), или на разстояніи 3850 километровъ, и ясно выраженный параллелизмъ цѣпей, достигающій наибольшаго развитія на линіи Ша чжоу—Лхаса или около 800 километровъ въ ширину между 40° и 32° с. ш. Эти особенности, указанныя уже Рихтгофеномъ, понынѣ должны быть положены въ основаніе всякой попытки систематическаго изслѣдованія Куэнь-луня, такъ какъ каждое новое путешествіе открываетъ неизвѣстные дотолѣ въ предѣлахъ Тибета параллельные ряды горъ въ указанномъ общемъ направленіи. Правда, нѣкоторые авторы [3] признаютъ за Куэнь-лунемъ болѣе сложное строеніе и считаютъ возможнымъ установить, кромѣ обычнаго направленія O z S—W s N, второе болѣе рѣдкое направленіе съ ВСВ на ЗЮЗ, выраженное въ окраинномъ хребтѣ отъ Керіи до Шачжоу, который иначе, при условіи постоянства и единичности направленія O z S—W z N, низводится на роль простого уступа тибетскаго нагорья и обрыва концовъ цѣпей Куэнь-луня къ низменности Тарима.

Вопросъ о западномъ началѣ Куэнь-луня, столь спорный въ европейской литературѣ, причемъ одно мнѣніе присоединяетъ къ Куэньлуню и окраинный хребетъ Памира—Цунъ-линъ, или Кизылартъ (Сарыкол—Кашгарскія горы) [4], не играетъ серьезной роли въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ хребетъ пріобрѣтаетъ для географіи сѣвернаго Тибета значеніе лишь отъ 80 меридіана, или прорыва р. Юрунъ-кашъ, гдѣ начинается крайній сѣверо-западный край равнины Бжянъ-т'анъ. Поэтому достаточно ограничиться для западной части Куэнь-луня лишь общей характеристикой въ видѣ перехода къ описанію тѣхъ частей системы, которыя, по справедливому

выраженію Рихтгофена [1], проводятъ рѣзкую разграничительную линію между двумя въ корнѣ отличными образованіями поверхности Центральной Азіи—котловиною Хань-хая на сѣверѣ и высокими нагорьями Тибета на югѣ.

Въ цѣляхъ болѣе нагляднаго обзора всей обширной системы Куэнь-луня Рихтгофенъ [2] предложилъ дѣлить ее на три обрѣзка, или части, при чемъ крайними точками системы принималъ 76° и 113° (118°, если прибавить горы Хуай), а разграничительными линіями отрѣзковъ—89° и 104° меридіаны. Въ основаніи этого дѣленія лежало предположеніе, что до 89° Куэнь-лунь представляетъ одинъ широкій хребетъ, правда, составленный изъ двухъ или болѣе вплотную сходящихся гребней. Позднѣйшія изслѣдованія значительно измѣнили границы отрѣзковъ, или частей Рихтгофена, хотя его систематическій принципъ можетъ быть понынѣ сохраненъ въ видахъ удобства. Въ настоящее время принимаютъ за крайнія точки параллельной группировки Куэнь-луньскихъ цѣпей не 89° и 104° меридіаны, а 82° и 106°, и ведутъ западную часть Куэнь-луня, или просто Западный Куэнь-лунь, независимо отъ начала, до 82° в. д., среднюю часть, или Средній Куэнь-лунь—отъ 82° до 106°, восточную часть, или Китайскій Куэнь-лунь (Цинъ-линъ, Фу-ню шань, горы Хуай) отъ 106°; послѣдняя часть лежитъ внѣ географическихъ границъ Тибета, а потому и не требуетъ себѣ описанія въ настоящемъ изслѣдованія этой страны.

Западный Куэнь-лунь состоитъ, вплоть до меридіана Керіи, изъ одного хребта, который, однако, сопровождается между меридіанами Яркенда и Хотаномъ обширными предгоріями, а на югѣ сперва долинами Раскемъ-дарьи и Каракаша, къ которымъ падаетъ крутою стѣною, а далѣе на В. высокими нагорными равнинами, изъ коихъ наибольшая Аксайчинъ въ области истоковъ Юрунъ-каша и Кэріи-дарьи. На меридіанѣ Кэріи впервые обнаруживаются присущая Куэнь-луню особенность разбиваться на параллельныя цѣпи [3], такъ какъ здѣсь являются уже два хребта. На В. отъ Каракаша горы зовутся Карангу-тагъ (Темныя горы), на В. отъ Юрунъ-кашъ—уже Керійскими. Вершины поднимаются до 6,200 метровъ, даже 7,000 метровъ, среднее возвышеніе гребня 6,000 м. Перевалъ Янги изъ Хотана въ Ле имѣетъ 5,940 м., другой изъ Шахидулла въ Актагъ—5,370 м. Общій характеръ горъ очень непривѣтливъ, хотя въ мень-

шей степени, чѣмъ далѣе на востокъ. Многочисленные короткіе, но многоводные ручьи низвергаются съ горъ на сѣверъ и оживляютъ пустынный ландшафтъ каменистыхъ осыпей, поднимающихся на высоту 2,000 м. къ сѣверному подножію горъ. Дикія скалистыя ущелья, нависшія стѣны и смѣло очерченные формы горъ являются характерными для сѣвернаго склона; величественныя снѣжныя вершины и глетчеры для совершенно безлѣснаго и лишеннаго вообще растительности противоположнаго склона на сторону южныхъ внутреннихъ областей. Рѣки, питающія оазисы юго-западнаго бассейна Тарима—Раскемъ, Каракашъ (Черный нефритъ) и Юрунгъ-кашъ (Текучій нефритъ) устремляются въ недоступныхъ вырытыхъ ими ущельяхъ съ высокихъ горъ на равнину. Въ общемъ сѣверный склонъ изрѣзанъ несравненно болѣе, чѣмъ южный, образующій покатую равнину.

Керійскія горы, или Куэнь-лунь между 80½ и 82°, по своему характеру значительно отличаются отъ болѣе западныхъ частей системы, составляя переходъ къ округленнымъ мягкимъ вершинамъ и неглубокимъ долинамъ, характеризующимъ Куэнь-лунь на В. отъ 82° в. д. Глетчеры, ледяныя озера и морены цѣпей Раскемъ исчезаютъ по мѣрѣ удаленія въ сухую внутреннюю область, но главный хребетъ Керійскихъ горъ (какъ было указано выше, Керійскія горы состоятъ изъ двухъ параллельныхъ хребтовъ) имѣетъ еще гребень въ 6,000 метровъ, между Полу и Шоркул, на востокъ отъ прорыва Керіи одна вершина (Люш таг или Пикъ Царя Освободителя Пржевальскаго) достигаетъ 6,700 метровъ вышины; перевалъ Кизыл-даван по которому Кэри изъ Тибета пересѣкъ задній хребетъ, правда, измѣряется лишь въ 5180 м. и очень отлогъ, но перевалъ черезъ передній хребетъ къ Полу поднимается до 5333 метровъ и трудно проходимъ. Наконецъ, Керія-дарья, прорѣзывающая въ этомъ мѣстѣ горы, несетъ въ періодъ таянія снѣга такія массы воды, что Гединъ долженъ былъ по этой причинѣ отказаться отъ намѣренія подняться въ Тибетъ по ея долинѣ. Слѣдовательно, по отношенію къ Керійскимъ горамъ процессъ нивелированія, обусловленный сухостью климата, еще не играетъ такой роли, какъ далѣе на востокъ въ предѣлахъ средняго Куэнь-луня. Если смотрѣть съ юга—съ тибетскаго нагорья, какъ сообщаетъ Кэри, то южный хребетъ Керійскихъ горъ представляетъ внушительное зрѣ-

лище, поднимаясь со своими снѣжными вершинами „въ торжественномъ величіи" надъ пустынной равниною Бжянъ-т'апъ съ ея солеными озерами. Съ сѣвера путешественникъ не имѣетъ открытаго вида на Куэнь-лунь, благодаря заслоняющимъ главный хребетъ предгоріямъ; съ болѣе же значительнаго разстоянія Куэнь-лунь становится вовсе невидимымъ по причинѣ пыльной атмосферы, характерной для бассейна Тарима.

Прорывъ р. Керіи отмѣчаетъ начальный пунктъ развитія въ грандіозной степени параллелизма слагающихъ Куэнь-лунь цѣпей, при чемъ отдѣльныя его вѣтви идутъ иногда на разстояніи многихъ сотенъ верстъ другъ отъ друга, неизмѣнно въ общемъ направленіи Куэнь-луня O z S—W s N, раздѣляясь между собою котловинами, или мульдами, изъ коихъ наибольшая Цайдамская съ ея развѣтвленіями (долина Вѣтровъ (Зайсан сайту) Пржевальскаго и Сыртын).

Западныя оконечности болѣе сѣверныхъ вѣтвей располагаются уступами, приблизительно въ 2 градуса меридіана одна восточнѣе и выше другой между 82° и 92° в. д.; соединяющія ихъ горныя звенья—хребты Русскій, Тугуз-даван, Алтын-таг, направленныя съ ЮЮЗ на ССВ, принимаются одними авторами за самоятельную вѣтвь Куэнь-луня отличнаго отъ остальной системы направленія, другими—лишь за обрывъ тибетскаго нагорья или западные уступы концовъ отдѣльныхъ вѣтвей Куэнь-луня. Этихъ вѣтвей или рядовъ Куэнь-луня считается между 82 и 106° обычно шесть, при чемъ каждая разбивается на нѣсколько второстепенныхъ цѣпей, идущихъ либо по одной линіи, либо параллельно другъ другу.

Первая вѣтвь установлена пока лишь предположительно, за недостаткомъ точныхъ фактовъ изслѣдованія; начало ея наблюдалъ уже Пржевальскій, который видѣлъ на ЮВ. отъ Люш-таг огромный (6.000 метровъ вышиною) снѣговой хребетъ, уходящій въ этомъ направленіи внутрь тибетскаго нагорья; на линіи этого хребта китайскія карты рисуютъ горы Цзацза, о которыхъ кое какія указанія даются въ китайскомъ путеводителѣ по Тибету [1]. Эта часть Тибета не была посѣщена ни кѣмъ изъ изслѣдователей, такъ что свѣдѣнія китайскихъ картъ являются понынѣ единственными источниками, откуда можно почерпнуть данныя относительно направленія этого главнаго хребта Куэнь-луня вплоть до 90° в. д. и 34° с. ш., гдѣ Бон-

мало помѣщаетъ высокую цѣпь горъ Дюплэ (Dupleix) до 8 тысячъ метровъ вышиною, какъ разъ на продолженіи указанныхъ горъ Цзацза и снѣгового хребта на ЮВ. отъ Люш-таг [1]. Окончаніе этой вѣтви Куэнь-луня, наиболѣе южной изъ всѣхъ параллельныхъ его рядовъ, естественнѣе всего видѣть въ горахъ Танъ-ла, играющихъ важную роль въ климатическихъ и экономическихъ условіяхъ южной окраины сѣверо-восточнаго Тибета. Направленіе послѣдней цѣпи чисто Куэнь-луньское OzS—WzN, а не ЮЗ—СВ., какъ предполагалъ Рихтгофенъ, относившій эти горы къ Синійской системѣ южнаго Китая. За исключеніемъ горъ Танъ-ла, остальныя части этой предполагаемой южной вѣтви Куэнь-луня весьма мало изучены, поэтому невозможно дать для нихъ никакихъ болѣе точныхъ указаній, кромѣ вышеприведенныхъ смутныхъ догадокъ и краткихъ наблюденій экспедиціи Дютрейль де Рэнъ [2].

Горы Т'анъ-ла („ровный перевалъ", Рокгиль предпочитаетъ лхасское произношеніе Данъ-ла (пиш. гранъ-ла) „холодный перевалъ") были изслѣдованы, вѣрнѣе даже открыты Пржевальскимъ во время его перваго и третьяго путешествія по Тибету [3]. Его наблюденія въ соединеніи съ данными позднѣйшихъ путешественниковъ позволяютъ прослѣдить направленіе этой цѣпи между 92 и 94° в. д., т. е. въ предѣлахъ той ея части, гдѣ горы раздѣляютъ собою системы Янъ-цзы (Муруи и Дам-ч'у), Меконга въ лицѣ его праваго истока Омч'у и Сальвина (Наг-ч'у и Согч'у) [4], оправдывая на себѣ предсказаніе Рихтгофена о существованіи въ этой области тибетскаго нагорья „могучаго водораздѣльнаго порога, не имѣющаго равнаго себѣ на всемъ земномъ шарѣ въ качествѣ родоначальника великихъ рѣкъ". Продолженіе горъ далѣе на востокъ не установлено, даже считается сомнительнымъ; что касается ихъ западнаго окончанія, то оно положено путешествіемъ Рокгиля 1892 г. подъ 91° меридіаномъ; слѣдовательно если даже Т'анъ-ла представляютъ продолженіе южной вѣтви Куэнь-луня, такъ продолженіе не сплошное, но съ значительнымъ перерывомъ. Пржевальскій рисуетъ горы Танъ-ла, какъ высокія до 6000 м. горы [5], крутого строенія, покрытыя на сѣверѣ и западѣ глетчерами, со снѣжной линіей, опускающейся на сѣверѣ до 5100 метровъ, на югѣ до 5250 метровъ [6]. Почва поверхности горъ состоитъ изъ гальки и глинистаго сланца; сѣверный склонъ обнаженъ и только по южному склону яки пасутся

до 5100 м. высоты. Главные перевалы: Танъ-ла и Някамарбо не достигаютъ полныхъ 5000 метровъ и лежатъ всего лишь на 600 метровъ выше стекающихъ отсюда на югъ источниковъ Сальвина и на юго-востокъ вѣтви Меконга (Омч'у или Пам-ч'у) 1 и на 630 м. надъ водами, стекающими на сѣверъ къ Муруи усу (Чумар Гренара) и Дам-ч'у—истокамъ Янъ-цзы, что является характернымъ для строенія поверхности сѣверо-восточной части Тибета (малаго поднятія горныхъ цѣпей надъ окружающей мѣстностью) 2.

На сѣверъ отъ горъ Танъ-ла протягивается вторая цѣпь, или параллельный рядъ Куэнь-луня, извѣстная часть коего начинается подъ 87° в. д. и 35½° с. ш. (Красныя горы Гренара 3, затронутыя маршрутомъ Гедина 1900—1901 гг.), продолжается съ 90° горами Кукушили и параллельными имъ южными цѣпями Дунбуре и еще южнѣе Цаган-обо 4, затѣмъ съ 96° горами Баян-хара-ула, водораздѣломъ между Хуанъ-хэ и Янъ-цзы и сѣверной параллельной вѣтвью ихъ—горами Амне-мачинъ (Цзи-ши-шань китайцевъ), или горами Ледяного старца 5. За исключеніемъ горы Баян-хара и Амне-мачинъ эта вѣтвь цѣликомъ располагается по тибетскому нагорью, чѣмъ и объясняются характерныя черты физическаго характера слагающихъ ее цѣпей: Кукушили, Дунбуре и другихъ меньшихъ. *Кукушили* 6 представляетъ собою абсолютно высокую, относительно низкую горную цѣпь съ наиболѣе возвышенными точками въ 6,000 метровъ и гребнемъ въ 4,500 метровъ (4,800 м. Гренара); по сѣверному ея краю шелъ Гединъ, по южному Веллби; въ томъ мѣстѣ, гдѣ первый пытался взобраться на горы, онъ попалъ „въ кашу холмовъ", совершенно непроходимую отъ тающаго снѣга, гдѣ даже сланцевыя плиты не давали людямъ и животнымъ твердой опоры 7. И по другимъ описаніямъ Кукушили оказывается въ сущности большой горной руиною, лишенной уже первоначальныхъ вершинъ, засыпанной собственными обломками, поверхъ которыхъ разстилаются огромныя поля гальки. У ея подножія раскинулись волнистыя широкія равнины съ тощей растительностью, равно какъ пустыни гравія и глины съ плоскими скатами. Подобный процессъ разрушенія горныхъ породъ наблюдается вообще по отношенію ко всѣмъ цѣпямъ средняго Куэнь-луня, проходящихъ по тибетскому нагорью, какъ видно будетъ изъ общей характеристики устройства его поверхности.

Восточное продолженіе Кукушили [1], *горы Баян-хара* богатыя (золотомъ) черныя, т. е. безснѣжныя горы имѣютъ перевалы до 5100 метровъ (перевалъ Пачонгла Гренара; подобную же цифру даетъ и Пржевальскій (4480—5550), посѣтившій горы подъ 94 и 97° в. д. Гребень Баян-хара лежитъ на высотѣ между 5500 и 6000 м. Сѣверные склоны болѣе мягкіе и отлогіе, напоминающіе скорѣе равнинное плато; южные изрѣзаны и круто падаютъ къ долинѣ Мурун-усу. Тогда какъ у цѣпей, лежащихъ далѣе на сѣверъ, южные склоны обычно болѣе бѣдны, чѣмъ сѣверные, южная сторона горы Баян-хара богаче растительностью и лѣсами и мягче климатомъ, такъ что горы могутъ считаться климатической границею между сѣверо-восточнымъ тибетскимъ нагорьемъ и индо-китайской областью муссоловъ. Естественно, подобный переходъ совершается не разомъ, и еще на югъ отъ горъ Баян-хара мы находимъ мѣстности съ родственнымъ центрально-азіатскимъ нагорьямъ физическимъ характеромъ (окрестности Сунъ-пань тинъ, Ли-танъ, Чамдо) и только далѣе къ югу переферическая область [2] Китая вступаетъ окончательно въ свои права. Восточное окончаніе Баян-хара неизвѣстно, но его полагаютъ у Сунъ-пань тина.

Цѣпью *Амнемачинъ* [3] зовутся горы, сопровождающія съ юга озеро Тосун нор, и съ сѣвера истокъ Желтой рѣки изъ озера Н'оринъ и достигающія въ вершинахъ высоты въ 6500 меттовъ и въ перевалахъ 4,600 м. [4] Оставивъ берегъ Хуанъ хэ, цѣпь углубляется внутрь ея колѣна въ страну голоковъ и подъ именемъ Сары Дангеро (6000 м.) доходитъ до противоположнаго поворота Желтой рѣки на сѣверѣ. Снѣжные пики въ Амнемачинъ и Сары Дангеро многочисленны, но отъ глетчеровъ, которые еще довольно значительны въ Кукушили, нѣтъ ни слѣда. Сланцевый песчаникъ и сѣроголубой известняковый гравій, повидимому, составляютъ горную массу какъ Амне-мачинъ, такъ и Сары Дангеро. Горы Амне-мачинъ, или Цзи-ши шань играютъ важную роль въ китайскихъ географическихъ описаніяхъ верхней области Хуанъ хэ, при чемъ подчеркивается ихъ высота и крутизна и обиліе снѣга и льда на ихъ вершинахъ, откуда и наименованіе: сѣдой (ледяной) старецъ. Несомнѣнно, что въ этой цѣпи линія снѣговъ, подъ вліяніемъ достигающихъ сюда муссоновъ, идетъ гораздо ниже, чѣмъ внутри сѣверо-восточнаго Тибета.

Во второмъ южномъ ряду второй вѣтви Куэнь-луня идутъ цѣпи *Думбуре* на югъ отъ Кукушили и *Цаган обо* на юго-западъ отъ Баян хара. Цѣпь Думбуре немного выше Кукушили, которая на югѣ переходитъ въ холмистое плато 4500 м. вышиною, и достигаетъ мѣстами снѣжной линіи, какъ и Цаганъ обо на сѣверномъ своемъ склонѣ; обѣ цѣпи были посѣщены въ немногихъ пунктахъ на высотѣ 5200 м. Пржевальскимъ во время третьяго путешествія.

Третья параллельная вѣтвь Куэнь-луньской системы имѣетъ исходной точкою 86 меридіанъ на югъ отъ долины верхней Черчен-дарьи; эта вѣтвь насчитываетъ очень много второстепенныхъ цѣпей или рядовъ и мѣстами развивается въ наиболѣе мощные массивы и вершины всей системы. Отдѣльные ряды и линіи цѣпей, входящія въ составъ третьей вѣтви, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ запада: сѣверный рядъ—Аялык таг, Московскій хребетъ, Колумба (на сѣверъ отъ хребта Колумба Цайдамскій), Толай, Бурхан-бота, Си-цзинъ шань и продолженіе внутри Китая Цинь-линъ; второй рядъ—хребетъ Пржевальскаго, Гурбун-найдзи, Шуга; третій и послѣдній рядъ—Аркатаг (задній хребетъ), Марко Поло[1]. Эта вѣтвь Куэнь-луня составляетъ истинную границу на сторону собственнаго сѣверо-тибетскаго нагорья и характеризуется, какъ сказано, очень значительнымъ возвышеніемъ, почему и можетъ быть названа одной изъ главныхъ вѣтвей средняго Куэнь-луня. Наиболѣе высокими являются цѣпи Пржевальскаго и связанныя съ ними Аркатага, наиболѣе же извѣстными Бурхан-бота, черезъ которую проходилъ путь почти всѣхъ европейскихъ изслѣдователей Тибета, двигавшихся туда изъ Цайдама.

Наименьшей изъ вышеперечисленныхъ цѣпей является *Цайдамская*, съ 2 лишь снѣжными вершинами и среднимъ возвышеніемъ въ 5000 метровъ; за то на югъ отъ нея черезъ узкую долину Хатын-цзан поднимается круто *цѣпь Колумба* (6000 метровъ) съ многочисленными вершинами выше снѣжной линіи (Джинри); перевалъ черезъ нее—Амбан Ашкан (Кэри)—имѣетъ, впрочемъ, только 4250 метровъ[2]. Западное продолженіе цѣпи Колумба—*Московскій хребетъ*—весь покрытъ снѣгомъ и глетчерами; наибольшая его точка—гора Кремль—куполообразной формы, окруженная огромнымъ глетчеромъ; эта гора питаетъ источники Черчен дарьи. На В. отъ нея, у южнаго подножья хребта Колумба лежитъ въ углубленіи почвы озеро Неза-

мерзающее Пржевальскаго (Аяг Кум-кул). Слѣдующая котловина съ съ озеромъ Ачик кул (4360 м.) ведетъ къ *цѣпи Пржевальскаго* съ горою Шапка Мономаха 5900 м., за которой разстилается *Аркатаг*[1], ближе изслѣдованный Гединомъ[2], съ вершинами въ 7,720 и 7360 метровъ (Улуг музтаг) и съ перевалами въ 5440 м. въ сѣверномъ хребтѣ Арка тага и 5,580 м. въ южномъ; на югъ отъ Аркатага лежитъ страна уже съ чисто тибетскимъ отпечаткомъ.

Внутри горной области Аркатага Techинъ насчиталъ свыше 20 озеръ, въ характерныхъ для области продольныхъ долинахъ, надъ которыми поднимаются окутанныя снѣгомъ и глетчерами круглыя вершины; онѣ-то, да продольныя долины составляютъ все, что видитъ путешественникъ на протяженіи многихъ десятковъ верстъ.

Характерной чертой для всѣхъ указанныхъ цѣпей является ужасающая безжизненность ландшафта; рѣдкая травянистая растительность и малорослый кустарникъ встрѣчаются лишь по нижнему склону и въ болотистыхъ долинахъ; все остальное видимое пространство покрыто галькою, щебнемъ и прочими продуктами процесса вывѣтриванія горныхъ породъ, совершавшагося въ теченіи безчисленныхъ тысячелѣтій, округлившаго всѣ выдающіяся возвышенности и заполнившаго глубокія долины. Впрочемъ, характеръ хребта Аркатаг (Пржевальскаго) не является вовсе дикимъ по описанію этого путешественника; склоны покрыты травою и изобилуютъ дичью. Кромѣ яковъ, хулановъ, аргали встрѣчаются въ изобиліи зайцы, сурки и медвѣди.

Далѣе на востокъ третья вѣтвь Куэнь-луня, видимо, уменьшается въ высотѣ, такъ что черезъ *цѣпь Марко Поло* перейти легче, чѣмъ черезъ Арка таг. Перевалы горъ Марко Поло не превышаютъ 4,700 метровъ, а вершины—около 6,000 метровъ; хребетъ состоитъ изъ свѣтло-зеленаго сланца, покрытъ галькою и изобилуетъ дичью, подобно хребту Пржевальскаго. Притоки Цайдамскаго соленаго болота отчасти пересѣкаютъ эти горы по длиннымъ продольнымъ долинамъ; въ одной изъ такихъ долинъ проходитъ по южному краю горъ притокъ Янъ-цзы—Напчитай (Намчуту) улан мурен.

Переходъ отъ горъ Марко Поло къ Бурхан-бота образуютъ цѣпи *Шуга* и *Толай*; всѣ онѣ были впервые посѣщены и описаны Пржевальскимъ, который и далъ названіе горамъ Марко Поло по

имени знаменитаго средневѣкового путешественника. Горы Шуга кажутся выше параллельныхъ имъ Бурхан-бота, хотя высота переваловъ первыхъ горъ уступаетъ возвышенію переваловъ послѣдней цѣпи (4560 метровъ противъ 4900 метровъ), за то Шуга достигаетъ въ многихъ мѣстахъ снѣжной границы. Ландшафтъ Шуга, впрочемъ, тотъ-же, что ея сѣвернаго сосѣда—Бурхан-бота, только склоны ея болѣе покаты. Западное продолженіе горъ Шуга *Гурбу найдзи* имѣетъ высоту переваловъ въ 4280 м.

Хребетъ *Бурхан бота* (Бурханъ-Будда Пржевальскаго[1]) представляется взору путешественника со стороны Цайдамской котловины, которую эти горы ограничиваютъ съ юга—составляя, впрочемъ, лишь сравнительно небольшую по протяженію часть всей южной ограды области,—въ видѣ весьма внушительной стѣны съ плотно сомкнутымъ гребнемъ, почти безъ единой выемки, съ перевалами (Номохан даван) до 4900 метровъ; горы, однако, почти нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи, проходящей въ этой части Тибета немногимъ выше 5000 метровъ[2]. Несмотря на свой внушительный видъ, горы легко доступны и проходимы, такъ какъ подъемъ на нихъ очень отлогъ, особенно съ юга. Видъ горъ крайне суровъ и непривѣтливъ, не въ силу дикости и рѣзкости формъ, но безжизненности ихъ обнаженныхъ скалистыхъ вершинъ и склоновъ изъ глины, гальки и щебня, почти лишенныхъ растительности[3]). Горы Бурхан-бота пересѣкаются Баян головъ, главною рѣкою Цайдама, берущей начало по южную сторону главнаго гребня въ двухъ продольныхъ долинахъ съ озерами Аланъ (Алык)[4]—очень богатымъ рыбою—и Тосун[5].

Горы Бурхан-бота, Толай и рядъ болѣе мелкихъ вѣтвей, не называемыхъ здѣсь, вплоть до Цайдамскаго хребта составляютъ южную ограду Цайдамской равнины, наибольшей котловины или мульды среди прочихъ котловинъ, характеризующихъ средній Куэньлунь. Эта ограда представляетъ собою крутую стѣну, возвышающуюся надъ равниною на 2300—2700 м., но абсолютно достигающую 5000 метровъ высоты надъ у. м. Выдающихся вершинъ, говоритъ Пржевальскій, прошедшій вдоль ея сѣвернаго подножья во время четвертаго путешествія, совершенно не замѣтно на этой огромной массивной стѣнѣ, которая прорывается мѣстами пустынными дикими ущельями.

Имя Цайдам,—повидимому, тибетское, но вошедшее также въ монгольскій языкъ[1], именно для обозначенія вообще солончаковыхъ болотъ—означаетъ „соленая равнина“ (ц'ва—соль, 'дам-грязи, болота), весьма мѣткое названіе, такъ какъ соль является единственнымъ богатствомъ этой малогостепріимной области[2]; китайскій географическій словарь Си-юй-тунъ-вэнь-чжи производитъ имя Цайдам отъ монгольскаго цаидам[3], что значитъ широкое пространство открытой страны, тоже подходящее обозначеніе для этой равнины, вѣрнѣе котловины по сравненію съ окружающими горами, длиною въ 100 миль (800 верстъ у Козлова) съ В. на З. и отъ 100 до 150 миль (150 верстъ—Козлова) шириною (съ сѣвера на югъ) въ серединѣ, но постепенно суживаясь по направленію отсюда на западъ и востокъ. Китайцы зовутъ область еще У Цайдам—пять цайдамовъ (монгольское названіе Цзаха табун цайдам (крайніе 5 цайдамовъ въ отличіе отъ кукунорскихъ и желторѣченскихъ монголовъ) по числу княжествъ или хошуновъ, на которые дѣлится область: Корлук, Коко, Тайчжинер, Цзун и Барун[4]—каждое подъ властью князя или цзасака, при чемъ Тайчжинер, является наибольшимъ и населеннѣйшимъ, Барун наименьшимъ, но не бѣднѣйшимъ изъ княжествъ. Населеніе (калмыки—олоты, вѣрнѣе хошоуты[5]) исчисляется въ 4000 душъ Пржевальскимъ, 16,000 душъ Рокгилемъ[6]; часть занимается земледѣліемъ[7]. Цайдамская равнина состоитъ изъ двухъ отличныхъ по физическому характеру и возвышенію надъ уровнемъ моря частей—болѣе высокой сѣверной и сѣверозападной (среднее возвышеніе 3350 м.) и низменной южной и юговосточной (среднее возвышеніе 2700 м.). Пустынный сѣверозападъ и сѣверъ, покрытый солончаками, заполненъ осыпями, галькою и пескомъ и имѣетъ озеро Гас на западномъ краю, болота на сѣверномъ и восточномъ краяхъ. Югъ является безусловно, какъ, впрочемъ, и вся котловина, остаткомъ высохшаго внутренняго моря и въ настоящее время состоитъ въ сѣверной своей половинѣ и въ центральной части всей области изъ обширнаго соленаго болота 450 кил. длиною и 40—100 километровъ шириною, представляющаго, по описанію Пржевальскаго, „одну изъ наиболѣе безотрадныхъ мѣстностей на земномъ шарѣ“[8]. Отдѣльныя стекающія съ южныхъ окраинныхъ горъ рѣки питаютъ въ области болота небольшія соленыя озера, окруженныя пустынными тростниковыми пространствами.

именно, рѣки Чулак Аккан на З. и Уту мурен образують озеро Тайчжинар, Найчи гол—Duulatsan нor Свенъ Гедина, а наиболѣе значительная рѣка области Баян гол на юго-востокѣ—Холусун нор. По южной окраинѣ болота, вдоль высокой горной стѣны, отъ которой ихъ отдѣляетъ безплодная полоса пустынныхъ песковъ [1], тянется цѣпь оазисовъ со скуднымъ кормомъ для скота, по которымъ располагаются небольшія стойбища мѣстныхъ жителей—кочевыхъ скотоводовъ [2]. Наиболѣе богатымъ, сравнительно, можетъ назваться юго-востокъ Цайдама, примыкающій къ Бурханбота, и здѣсь расположены три княжества изъ пяти, не считая владѣнія Шанъ по среднему Баян голу почти вплоть до соединенія его двухъ верховьевъ. Послѣднее владѣніе, географически принадлежащее Цайдаму, политически отдѣлено отъ области, составляя территорію Гжял-ва-ринноч'е*, которому оно было поднесено монгольскими князьями Цайдама, вѣроятно въ 1697 г., когда Цайдам былъ поставленъ въ вассальную зависимость отъ китайскаго императора вмѣсто прежняго подчиненія Далай-ламѣ [3]. Населеніе Шанъ, впервые открытаго Пржевальскимъ [4],—300 семей по подсчету Рокгиля въ 1889 г. [5]

Хотя южный Цайдам далеко не можетъ назваться плодороднымъ (вообще глинисто-солончаковая почва области не способна производить разнообразной растительности), все же растительность здѣсь показывается раньше и лѣсныя произрастанія встрѣчаются чаще, чѣмъ въ сосѣднихъ частяхъ Тибета, такъ какъ весна наступаетъ здѣсь нѣсколькими недѣлями раньше, какъ указываетъ Пржевальскій въ описаніи IV путешествія и Rockhill, Among the Lamas.

Сѣверо-восточный Цайдам, составляющій владѣніе Курлыкбейсе, примыкаетъ на сѣверѣ къ южнымъ вѣтвямъ системы Нань-шань, или шестого параллельнаго пояса Куэнь-луня, о которомъ будетъ сказано ниже. Эта мѣстность представляетъ почти безплодную степь съ озеромъ Іеке и Бага Цайдамійн нор на сѣверѣ и Тосун и Курлык-нор на сѣверо-востокѣ. Первые два озера посѣтилъ Пржевальскій во время III путешествія, послѣднія кромѣ него еще А. К. Козловъ [6] и Гединъ. Болѣе плодородныя мѣста встрѣтились Пржевальскому по р. Балгын, впадающей съ сѣвера въ Курлыкнор; здѣсь водятся въ изобиліи степныя растенія—кустарники та-

*) Обычный титулъ Далай-ламы.

марискъ и хармыкъ[1], здѣсь же находятся пашни Курлык-бейсе. Отъ озера къ югу мѣстность дѣзается крайне безплодной (ни птицы, ни звѣря, даже ящерицы, говоритъ Пржевальскій) до Булунгира, впадающаго съ востока въ Холосун нор и далѣе до Баян-гола, гдѣ лучшая растительность[2].

Цайдамская равнина граничится на западѣ и сѣверѣ четвертой вѣтвью Куэнь-луня—Алтын тагом, на сѣверо-востокѣ же отрогами пятой вѣтви—южно-кукунорской; отсюда естественно перейти къ описанію этихъ вѣтвей, равно какъ шестой и послѣдней вѣтви—Цзи-лянь шань, или собственнаго Наньшань.

Чтобы установить правильную точку зрѣнія на четвертый рядъ Куэнь-луня, необходимо вернуться къ 82 меридіану, гдѣ происходитъ первое широкое расчлененіе системы. Какъ указывалось раньше, главная вѣтвь, или южный поясъ Куэнь-луня слѣдуетъ отсюда въ обычномъ направленіи OzS—WzN, уходя вглубь тибетскаго нагорья. Хотя недостатокъ свѣдѣній не позволяетъ прослѣдить точно ея направленіе въ предѣлахъ этой труднодоступной области тибетскаго нагорья, однако, несомнѣнность существованія ея, повидимому, установлена отдѣльными свидѣтельствами Бонвало и де Рэнса. Между тѣмъ отъ того же 82 меридіана западный Куэнь-лунь имѣетъ видимое продолженіе, но уже въ другомъ направленіи—съ ЗЮЗ на ВСВ, въ лицѣ Русскаго хребта Пржевальскаго вплоть до рѣки Кара мурен, гдѣ хребетъ получаетъ имя Тугуз дабан, смѣняемое за р. Черчен названіемъ Алтын или Астын таг. Подъ этимъ именемъ краевой хребетъ Куэнь-луня дѣлаетъ дугу, выгнутую къ сѣверу, и на югъ отъ озера Лобнора проходитъ въ экваторіальномъ направленіи вплоть до 93 меридіана. Въ настоящее время всѣ указанныя названія замѣнены однимъ общимъ: Алтын или Астын таг, что значитъ въ одинаковой мѣрѣ: „Нижнія горы", такъ какъ на всемъ этомъ протяженіи цѣпь состоитъ изъ 2 хребтовъ, или гребней—на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, изъ нихъ передній и называется Астын таг, задній болѣе высокій—Устын[3] или Узю таг. Въ виду того, что направленіе этой цѣпи, или цѣпей нарушаетъ принципъ постоянства направленія Куэнь-луня, то было предположено считать ихъ обрывомъ тибетскаго нагорья, или уступами концовъ другихъ вѣтвей Куэнь-луня, которыхъ пока не найдено между 82 и 86 меридіанами, можетъ быть, только потому, что южная сто-

рона Астын и Узю таговъ на краю тибетскаго нагорья еще никѣмъ неизслѣдована. Другое мнѣніе видитъ въ Астын тагѣ самостоятельную цѣпь, указывающую на большую сложность состава и существованіе, по крайней мѣрѣ, двухъ различныхъ направленій въ Куэньлунской системѣ. Нѣкоторое подтвержденіе эта догадка получаетъ и отъ разбора цѣпей Наньшаня, гдѣ одна вѣтвь—хребетъ Риттера, повидимому, слѣдуетъ тому же ЗЮЗ.—ВСВ. направленію, какъ Астын таг въ первой своей половинѣ отъ 82° до 88° меридіана.

Первый отрѣзокъ Астын тага, или Алтын тага (болѣе извѣстнаго названія благодаря Пржевальскому)—бывшая *Русская цѣпь*; началомъ ея служитъ Люш таг, окруженный обширными глетчерами, близъ восточной оконечности возвышается Ак таг. Сѣверное предгорье крайне изсѣчено, лесовая почва съ 2900 м. до 3400 м. покрыта низкой растительностью; южные же склоны передняго главнаго хребта представляютъ ровную отлогость, кромѣ части примыкающей къ Шор кул, какъ почти всѣ южные склоны горы Куэньлунской системы; глетчеры спускаются до 4700 м.; на высотѣ 2700—4000 м. попадаются горные луга, деревьевъ же нѣтъ во всей горной области. Отъ пониженныхъ грядъ сѣвернаго Тибета Астын таг отдѣляется здѣсь менѣе высокимъ и неснѣговымъ хребтомъ Узю таг; передній же хребетъ за обиліе снѣга и глетчеровъ зовется туземцами Аккар чэкыл таг, или Бѣлоснѣжный скалистый хребетъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, по меридіану Нія, хребетъ представляетъ только рядъ острыхъ гребней отъ 13 до 24 тыс. футовъ вышины, между которыми рвутся бѣшеные потоки, верховья р. Ніи. На В. отсюда хребетъ расширяется, и преобладаніе продольныхъ долинъ, соединяющихся дикими поперечными ущельями, отличаетъ уже хребетъ Русскій отъ Керійскаго. Неприглядна здѣсь природа Куэнь-луня; только снѣговые гребни, каменныя розсыпи съ пыльной оторочкою; ниже по долинамъ луга съ короткою травою. Стойбища пастуховъ, уединенныя пашни ихъ, да кое-гдѣ каменныя стѣны жилищъ пріисковыхъ рабочихъ (въ Копа имѣются золотыя пріиски; въ общемъ же Русскій хребетъ изобилуетъ мѣсторожденіями нефрита, какъ и западный Куэнь-лунь)—вотъ все, что напоминаетъ о людяхъ въ Русскомъ хребтѣ и Тугуз даванѣ. Въ долинѣ Черчен дарьи—послѣднія стойбища пастуховъ, а далѣе на В. только обо*) указываютъ

*) Груды камней, складываемыя набожными ламаитами, обычно на вершинѣ

на дороги, которыми ходятъ во внутреннія области Куэнь-луня и Тибета золотоискатели и охотники [1]. По мѣрѣ удаленія на В. система Астын тага становится еще болѣе сложной: уже въ области бассейна р. Молджи появляется отличный Астын таг въ видѣ неснѣгового передняго хребта; снѣговымъ же хребтомъ является задній, или Узю таг, падающій къ югу почти безъ предгорій въ видѣ стѣны до озера Даш кул. Здѣсь къ Узю тагу примыкаютъ непосредственно относительно низкіе грядовые хребты сѣвернаго Тибета.

На В. отъ Копа перевалъ Далай курган на вышинѣ 4730 м. ведетъ среди скалистыхъ горныхъ массъ на сѣверное тибетское нагорье. Краевыя горы зовутся здѣсь Токкуз даван (9 переваловъ) и состоятъ изъ конгломерата гранита, черезъ который пробиваются изъ Тибета Ак-су, Карамурен и Черчен дарья, больше и многоводнѣе другихъ рѣкъ. Черчен дарья, по долинѣ которой открывается наиболѣе удобный доступъ внутрь третьяго пояса Куэнь-луня (къ хребту Пржевальскаго, Цайдаму и Аркатагу), является пограничной линіей между Туккуз даван и Алтын таг Пржевальскаго.

Алтын таг Пржевальскаго въ видѣ дуги устанавливаетъ непосредственную связь между третьимъ, четвертымъ и пятымъ параллельными поясами средняго Куэнь-луня. Въ первой своей части отъ Черчен дарьи до меридіана Лобнора Алтын таг прорѣзывается еще многочисленными ручьями, гребень горы очень высокъ, такъ, перевалъ Таш даван имѣетъ 4,000 метровъ (Кэри); далѣе же высота вершинъ не кажется очень значительной, и перевалъ отъ Абдала къ Гас кул въ Зап. Цайдамѣ имѣетъ всего 3380 метровъ [2]. Впрочемъ, высота переваловъ не всегда можетъ служить достаточнымъ мѣриломъ для опредѣленія высоты гребня, такъ какъ, наприм., перевалъ Шиникутул подъ 92° имѣетъ лишь 3680 м., а гребень окружающихъ его горъ (Анамбаруин ула) мѣстами достигаетъ 6000 м. Вообще, среднюю высоту Алтын тага, или Астын таг, какъ установила экспедиція Пѣвцова 1889—90 г.г., можно принять за 4500 метровъ, хотя низкій уровень Лобнора заставляетъ Алтын таг казаться на подобіе гигантской стѣны, въ которой съ разстоянія не видно ни одной бреши. Хотя хребетъ лежитъ между песчаной пустынею Кум таг на С. и СЗ. и Цайдамом на югѣ, все-же даже по

переваловъ, съ воткнутыми въ нихъ молитвенными флагами или просто шестами съ лоскутками матеріи. Подробнѣе объ этихъ обо въ отдѣлѣ о религіи.

сравненію съ тѣми пользуется славою, какъ особенно пустынныя и непривѣтливыя горы. Чарглык дарья (рѣка прялки) прорыла себѣ дикое ущелье въ ихъ скалистой массѣ; въ немъ обнаженныя безплодныя скалы громоздятся въ безпорядкѣ другъ на другѣ на высоту тибетскаго нагорья, тамъ, гдѣ внутри цѣпей третьяго пояса Куэнь-луня лежитъ водораздѣлъ—перевалъ 4079 метровъ[1]. Эта долина открываетъ доступъ черезъ долину Вѣтровъ Пржевальскаго, въ которой течетъ р. Зайсан сайту, къ озеру Гас въ Цайдамѣ.

Открытіе Алтын тага Пржевальскимъ въ концѣ 1876 г. опредѣлило неизвѣстную до тѣхъ поръ связь между Куэнь-лунемъ и Наньшанемъ черезъ Алтын таг и Анамбаруин ула и передвинуло сѣверную ограду тибетскаго нагорья подъ 88—90 меридіанами на три градуса широты къ сѣверу, вмѣстѣ съ тѣмъ обративъ Цайдам въ замкнутую котловину. Это важное мѣстное значеніе Алтын тага, какъ горной гряды, не превышающей въ ширину нѣсколькихъ десятковъ верстъ и тѣмъ не менѣе раздѣляющей области совершенно различныя по своему геологическому образованію и топографическому рельефу, по абсолютной высотѣ и климату, по флорѣ и фаунѣ, наконецъ, по происхожденію и историческимъ судьбамъ обитающихъ ихъ народовъ, заставило преувеличить и роль Алтын тага въ общей системѣ Куэнь-луня; на дѣлѣ же хребетъ этотъ является лишь придаткомъ, въ лучшемъ случаѣ второстепенной цѣпью, замыкающей со стороны Лоб нора область тибетскаго нагорья и трехъ слѣдующихъ вѣтвей Куэнь-луня. По классификаціи Вегенера, эти вѣтви носятъ обозначенія: первая—Алтын тага и Чжахар, вторая—Южно-кукунорской, третья—Цзи-лянь шань, или собственный Нань-шань. Первая вѣтвь состоитъ изъ 2 частей: первой—Алтын тага въ употребленіи Кэри, прилагавшаго это имя къ хребту Чаман таг Пржевальскаго[2], и второй, послѣ длиннаго перерыва, обусловленнаго промежуточной Цайдамской котловиною,—горъ Угуту и Чжупар (Чжахар) по обѣ стороны теченія Хуанъ хэ внутри ея колѣна.

Будучи разсматриваемъ въ качествѣ западнаго отрѣзка четвертой вѣтви Куэнь-луня, Алтын таг объединяетъ подъ этимъ общимъ обозначеніемъ вышеописанный Алтын таг, какъ различаетъ Гединъ (Hedin, Central Asia I, 483) и Чимен таг Пржевальскаго (Юсуп Аялык таг) вмѣстѣ съ его Безыменной цѣпью (Акато таг Гедина?) подъ 90 меридіаномъ. Всѣ онѣ отличаются округленными и вывѣтренными

формами, за исключеніемъ Чамен тага, и обнаженностью склоновъ и не имѣютъ вѣчнаго снѣга. Чамен таг, повидимому, выше другихъ и кажется узкой крутой стѣною съ дикими ущельями. По физическому характеру Чамен таг вполнѣ напоминаетъ Алтын таг безплодіемъ и безжизненностью пейзажа; ущелья заполнены осыпями и щебнемъ, съ рѣдкимъ тростникомъ и тамарискомъ въ болотистыхъ мѣстахъ. Промежуточная область между Алтын тагомъ и Чамен тагомъ имѣетъ нѣсколько болѣе оживленный характеръ благодаря текучей водѣ и пастбищамъ.

Вдоль южнаго подножья цѣпей Алтын тага, взятыхъ въ совокупности, какъ отрѣзокъ четвертой вѣтви Куэнь-луня, протягивается долина р. Зайсан сайту, или Долина Вѣтровъ Пржевальскаго, по причинѣ частыхъ сѣверо-западныхъ бурь. Она представляетъ собою западное суженіе Цайдама и поднимается постепенно на западъ до 3,430 метровъ, откуда начинается отлогій спускъ въ долину р. Черчен; этими долинами вѣтвь Алтын тага отдѣляется отъ болѣе южной—Арка тага.

Цѣпи Алтын тага ограничиваютъ Цайдамскую котловину съ запада; внутри послѣдней въ настоящее время ясно выраженныхъ цѣпей не существуетъ, такъ что восточное продолженіе четвертой вѣтви Куэнь-луня приходится искать по ту сторону котловины въ странѣ между степью Дабасун (на югъ отъ Кукунора) и озеромъ Тосун съ рѣкою Іогоре (Баян) гол (Еграй русск. путеш.), а также по правому берегу Желтой рѣки. Эта горная область понынѣ очень недостаточно изслѣдована; одинъ только Пржевальскій въ 1879 г. затронулъ болѣе значительную часть ея по лѣвой сторонѣ рѣки. остальные же изслѣдователи, какъ Роборовскій, Рокгилъ и Тафель (въ 1904 и 1906 г.г.) посѣтили лишь ея западную и южную окраины; Сечени, Футтереръ, Потанинъ и Грумъ Гржимайло—сѣверную и восточную по обѣимъ берегамъ Желтой рѣки (въ Кукунорской области и такъ называемой странѣ Амдо). Во всякомъ случаѣ, даже эти краткія изслѣдованія показали, что здѣсь дѣло идетъ о горной странѣ весьма сложнаго строенія въ смыслѣ расположенія отдѣльныхъ цѣпей, хотя въ то же время было установлено ихъ Куэнь-луньское направленіе съ O z S – W z N. Изъ важнѣйшихъ параллельныхъ цѣпей лѣваго берега Хуанъ хэ назовемъ Сань-си-бей и Угуту, на

правомъ берегу—горы Чжахар, или Чжунар, извѣстныя главнымъ образомъ по изслѣдованіямъ Футтерера; конечный пунктъ послѣдне-названныхъ горъ, вѣрнѣе ихъ развѣтвленій, можно относить къ 105 меридіану, гдѣ экспедиція Сечени на пути изъ Лань-чжоу фу въ Сы-чуань, повидимому, пересѣкла вѣтвь ихъ подъ 35°40' с. ш. Въ основаніи строенія горной области лежитъ, какъ уже опредѣлилъ Пржевальскій, высокое степное плато, по которому расположены горныя цѣпи, труднодоступныя и пересѣкаемыя глубокими ущельями притоковъ Хуанъ хэ или далѣе на югъ притоками Янъ-цзы. Высотою плато на В. отъ Хуанъ хэ доходитъ до 3,000 метровъ, (на западъ отъ рѣки врядъ ли меньше) и представляетъ собою типичный лесовый ландшафтъ, въ особенности въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большихъ цѣпей. Хуанъ хэ[1] и ея притоки при проходѣ черезъ плато между крутыми стѣнами создаютъ самыя фантастическія формы поверхности почвы, о которыхъ только упоминаетъ Рихтгофенъ въ описаніи лесового ландшафта сѣверо—западнаго Китая. Эти ущелья (canons), въ которыхъ Хуанъ хэ мѣстами опускается на глубину 500 метровъ, является главнымъ препятствіемъ при путешествіи изъ Сы-чуани въ Си-нинъ фу[2]. Какъ разсказываетъ Потанинъ[3], прошедшій этимъ путемъ, дорога слѣдуетъ не по узкому и скалистому дну долинъ, но черезъ горы по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ, или по деревяннымъ галереямъ вдоль крутыхъ стѣнъ, или по висячимъ мостамъ черезъ ущелья потоковъ, устремляющихся по узкому ложу смѣною водопадовъ и пороговъ. Сами горы представляютъ переходный ландшафтъ къ тибетскому нагорью; въ періодъ муссоновъ ихъ склоны покрываются лугами, даже молодымъ лѣсомъ на сѣверной сторонѣ. Обычно мелководныя рѣки обращаются въ бѣшеные потоки, стремящіеся по глубокимъ долинамъ; впрочемъ, верховья ихъ лежатъ въ ясновыраженной горной стени, господствующей на высотѣ и по сосѣдству горъ. Пржевальскій на самомъ плато страдалъ отъ крайностей климата, напротивъ, въ болѣе низкихъ, хотя, первоначально, широкихъ и ровныхъ долинахъ, преобладала умѣренная температура и развивались разнообразныя оживленныя ландшафтныя картины, подобно тѣмъ, что составляютъ привлекательную черту восточнаго Наньшаня. Узкой полосою переферическаго ландшафта, протянувшейся внутри центральной области, слѣдуетъ и земледѣлецъ—поселенецъ; рядъ селеній—оазисовъ съ тибет-

скимъ, монгольскимъ и китайскимъ смѣшаннымъ населеніемъ поднимается вверхъ по долинамъ.

Горы, даже въ западной половинѣ области, рѣдко достигаютъ снѣжной линіи, которая лежитъ здѣсь выше, чѣмъ на сѣверѣ; даже высшая точка горъ Чжахар (4,960 м.) свободна отъ снѣга. Далѣе на востокъ общая высота горъ понижается, и вся система переходитъ въ высокую лесовую нагорную равнину 2,200 м. средней высоты; глубина главныхъ долинъ 400 метровъ. Лесъ покрываетъ, впрочемъ, только дно долинъ, оставляя болѣе высокіе хребты свободными отъ покрова лесной почвы, въ противоположность къ истиннымъ лесовымъ областямъ на востокъ отъ Лю-бинь шань.

На сѣверъ, вѣрнѣе сѣверо-востокъ, отъ Цайдама и восточныхъ отрѣзковъ четвертой вѣтви Куэнь-луня, идутъ пятая и шестая вѣтви той-же системы, согласно классификаціи Вегенера: вѣтви Кукунорскихъ, вѣрнѣе Южно-кукунорскихъ горъ и Цзи-лянь шань, подъ каковымъ именемъ объединяются различныя цѣпи собственнаго Нань шаня.

Кукунорская вѣтвь начинается въ сѣверо-восточномъ Цайдамѣ въ видѣ довольно незначительной цѣпи, но затѣмъ, слѣдуя на В. въ Куэнь-луньскомъ направленіи, увеличивается въ высотѣ и мощности и отъ 98° получаетъ южную параллельную цѣпь Тимуртену ула (горы Семенова), ограничивающую съ юга степную долину Дабасун гоби. На В. отъ 100° в. д. хребетъ снова становится одинъ, хотя и очень широкій, располагаясь вдоль лѣваго берега Желтой рѣки; подъ 103° хребетъ сильно пониженный переходитъ на правый берегъ рѣки и здѣсь извѣстенъ вплоть до меридіана Лань-чжоу подъ именемъ Ма-ха шань Крейтнера. Часть этой горной вѣтви, при томъ наиболѣе значительная, проходящая по самому южному и юго-восточному берегамъ Кукунора, получила со временъ Пржевальскаго имя *Южно-Кукунорскихъ горъ*. Отъ ближайшихъ цѣпей Нань шаня пятая вѣтвь Куэнь-луня отдѣляется котловиною Сыртын на западѣ, котловиною озера Кукунора въ центрѣ, котловиною Си-нинъ фу на востокѣ; первыя двѣ области не имѣютъ внѣшняго стока, послѣдняя, сравнительно съ недавняго времени, получила стокъ черезъ Си-нинъ хэ и Да-тунъ хэ въ Хуанъ хэ. Изъ указанныхъ котловинъ наиболѣе высокой является средняя — Кукунорская 3,260 метровъ [1] противъ 2,280 м.—возвышенія котло-

вины Сыртын и 2,300 метровъ—котловины Си-нинъ фу. На этихъ котловинахъ сказываются климатическія различія между внутренними западными областями и периферическимъ востокомъ: волнистая долина *Сэртэн* [1] является абсолютной пустынею центрально-азіатскаго характера, покрытой глинистымъ щебнемъ, лесомъ и пескомъ, съ болотами и наслоеніями соли; скудныя пастбища даютъ недостаточный кормъ стадамъ немногочисленныхъ обитателей—кочевыхъ монголовъ (калмыковъ—хошоутовъ, поселенныхъ здѣсь Китаемъ подъ властью Арабчжур, сына Аюки въ концѣ 70 гг. XVIII ст.) [2]. По сравненію съ этой пустынею, котловина Си-нинъ хэ съ плоскими холмами, принадлежащая уже къ бассейну Хуанъ хэ, имѣетъ типичный переходный ландшафтъ; будучи раньше закрытой областью, долина сохраняетъ понынѣ нѣкоторыя характерныя черты этого орографическаго состоянія. Лоци и Крейтнеръ изображаютъ се какъ безлѣсную лесовую страну, чья поверхность, по контрасту съ окаймляющими ее привѣтливыми альпійскими ландшафтами горъ, выглядитъ пустынной и безжизненной, утрачивая степной характеръ лишь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ рѣчными теченіями; зато въ этой полосѣ располагается рядъ цвѣтущихъ селеній съ интенсивной земледѣльческой культурою, среди которыхъ выступаетъ на первый планъ городъ Си-нинъ фу съ 60,000 обитателей, затѣмъ Танкар (Донкыр). При этомъ поля, по свидѣтельству Пржевальскаго, получаютъ влагу не искуственнымъ путемъ—отъ оросительныхъ работъ, но черезъ атмосферные осадки, тѣмъ не менѣе урожаи здѣсь неизмѣнно хороши [3].

Котловина[4] Кукунора въ настоящее время еще не имѣетъ внѣшняго стока къ морю, но то обстоятельство, что плоская ограда[5], отдѣляющая ее отъ долины Си-нинъ хэ, возвышается лишь на 150 метровъ надъ уровнемъ озера, доказываетъ близость момента, когда озеро соединится съ бассейномъ Хуанъ хэ[6].

Озеро Кукэ нор (Кюкэ нагур—Синее озеро по монгольски, Цинъ-хай съ тѣмъ же значеніемъ по китайски, Сокпо Ц'о Н'он. монгольское синее озеро, или сокращенно—Ц'о Н'он-по синее озеро по тибетски) имѣетъ 230 миль въ окружности (Рокгиль; Козловъ указываютъ приблизительно столько же—350 верстъ; Techинъ—100 километровъ въ длину, 64 километра въ ширину). Берега озера нигдѣ не глубоко или много изрѣзаны. Общій наклонъ котловины

идетъ съ ССЗ. на ЮЗ., и наибольшая длина озера вдоль этой оси не превышаетъ 68 миль, а ширина между СВ. и ЮЗ. берегами колеблется отъ 40 миль къ западной оконечности озера до 22 миль въ восточной части его[1]. Географическое положеніе озера, какъ и прилегающихъ мѣстностей, перенесено недавними изслѣдованіями далѣе на востокъ (на 22'), чѣмъ обозначалось на прежнихъ картахъ, и центръ озера, или точка пересѣченія большой и малой осей можетъ быть помѣщена подъ 30° 56' с. ш. и 100° 32' в. д.

Уровень воды въ Кукунорѣ сильно мѣняется[2], при чемъ низкій уровень обѣщаетъ хорошій годъ; когда же случится высокая вода, волки истребляютъ стада, тангуты гибнутъ отъ болѣзней, пастбища высыхаютъ и плохи. Лѣтомъ воды выше, нежели зимою[3].

На сѣверномъ и западномъ берегу расположены обширныя волнистыя степи съ хорошимъ кормомъ для скота и всѣми удобствами для кочевниковъ (тучность пастбищъ описывалась уже Гюкомъ), и цѣпи низкихъ холмовъ, переходящихъ затѣмъ въ Наньшаньскія горы. Послѣднія охватываютъ котловину озера со всѣхъ сторонъ, при чемъ на сѣверѣ имѣютъ живописный альпійскій характеръ; на югѣ же и западѣ преобладаютъ однообразныя горныя формы[4].

Въ общемъ большая часть Кукунорской области состоитъ изъ чередованія указанныхъ волнистыхъ степей, или луговыхъ пространствъ съ холмами и углубленіями у подножія отроговъ отдаленныхъ горъ. Только по южному берегу озера полоса пастбищъ дѣлается узкой, берега крутыми и утесистыми. Горная цѣпь проходитъ въ немногихъ миляхъ отъ берега, выдѣляя изъ себя отроги съ округленными ложбинами, но почти безъ скалистыхъ овраговъ. Притокъ воды въ озеро съ этой стороны очень скуденъ и то лишь въ началѣ лѣта; только одна рѣка, заслуживающая этого имени, входитъ въ озеро съ юга, тогда какъ Ара гол у крайняго ЮВ. угла едва имѣетъ доступъ къ озеру. Этотъ берегъ служитъ главной квартирою разбойниковъ, хотя Обручевъ, проходя здѣсь, не встрѣтилъ никого изъ нихъ; вообще же южный берегъ обычно пренебрегался путешественниками, насколько сѣверный берегъ былъ тщательно изслѣдованъ ими; Футтерeръ и Козловъ одни только прошли его на всемъ протяженіи.

Около береговъ вода озера неглубока—4—5 ф., мѣстами даже меньше, въ южной части озера глубина гораздо значительнѣе; вода соленая и не пригодна для питья; примѣсь соли, повидимому, придаетъ ей прекрасный темносиній оттѣнокъ, являющійся отличительною чертою озера и послужившій поводомъ къ его нынѣшнему обозначенію 1.

Рыба, водящаяся въ озерѣ въ изобиліи, принадлежитъ къ тремъ видамъ одного семейства, типичнаго для тибетскихъ водъ—Shyzopyopsis, отдѣльные экземпляры коего не превышаютъ 9 дюймовъ въ длину. Однако, Обручевъ нашелъ у южнаго берега озера болѣе крупный видъ рыбъ (1½—2 ф. въ длину), принадлежащій къ отличному семейству и весьма цѣнимый сининскими китайцами.

Лодки неизвѣстны на озерѣ. Нѣсколько скалистыхъ островковъ расположено около южныхъ береговъ озера, а одинъ довольно большой въ срединѣ западной половины озера, въ 20 миляхъ на ЮВ. отъ устья Бухайн-гола въ 14 миляхъ отъ южнаго берега. Тибетцы называютъ его Ц'о-ньинъ—сердце озера, китайцы—островъ жеребенка дракона на основаніи легенды, что на островѣ нѣсколько кобылъ произвели потомство отъ драконовой змѣи (лу) изъ водъ озера. Небольшая монастырская обитель на островѣ съ десяткомъ монаховъ отрѣзана отъ сообщенія съ берегомъ большую часть года, пока озеро не замерзнетъ, когда паломники изъ Кумбума являются сюда съ приношеніями масла и матерій.

Въ СВ. углу часть воды озера отрѣзана отъ главнаго бассейна широкой песчаной отмелью, образуя отдѣльное небольшое озеро (норун кюбюн монголовъ); въ крайнемъ же юго-восточномъ углу расположены подъ рядъ 3 небольшихъ озера, принимающихъ воды Ара гола и передающихъ ихъ въ главное озеро по истоку.

Большинство рѣкъ, питающихъ озеро (обычно ихъ считаютъ 8) спускается съ сѣвера; передъ впаденіемъ въ озеро они расходятся по очень широкому руслу, покрытому валунами и песчаными отмелями.

Черезъ область озера проходятъ почти постоянно сильные западные и сѣверо-западные вѣтры (хэй шуй—черные вѣтры), благодаря чему кочевники устраиваютъ стоянки лишь въ защищенныхъ мѣстахъ; атмосфера нерѣдко затуманивается то пылью, то облаками. Населеніе Кукенора состоитъ главнымъ образомъ изъ тибетцевъ,

именующихъ себя панака, а всю область панака-сум, или три дѣленія племени панака. Имя па-на-ка означаетъ на смѣшанномъ кит. тиб. жаргонѣ, широко распространенномъ въ зап. Ганьсу и Кукунорѣ—восемь (па) фамилій (ка) На (наг—родов. прозвище указан. 8 племенъ); болѣе позднее обозначеніе Панака сум, или три (дѣленія) 8 семействъ Наг относится къ тремъ округамъ страны, въ предѣлахъ которыхъ живутъ нынѣ панака—на сѣверъ и на югъ отъ Кукунора и на югъ отъ Ма чу (Махари панака отъ харе=тамъ). Имя панака усвоено этими тибетцами въ качествѣ этническ. наименованія—„мы панака-сум'цы"—н'а-чаг панакасум[1].

Основываясь на легендѣ, сообщенной Пржевальскимъ относительно происхожденія тангутскаго народа (банык-коксум=панака сум Рокгиля) отъ трехъ егурскихъ дѣвушекъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома олотами, Позднѣевъ въ „Хожденіи База-бакши", стр. 169—170, примѣч. 45 толкуетъ имя панака сум не въ смыслѣ „трехъ (отдѣленій) 8 семействъ на (наг), предложенномъ Рокгилемъ, но въ буквальномъ переводѣ „трое черноюртныхъ" (въ качествѣ коренныхъ поколѣній тангутовъ, а не извѣстныхъ раіоновъ страны, занятыхъ дѣленіями народа), при чемъ панака признается имъ тожественнымъ слову баннак (бранъ—жилище; наг—черный), которымъ тангуты означаютъ свои палатки. Такимъ образомъ прибавка гсум (три) оказывается почти столь же древней, какъ и само слово панака, тогда какъ Рокгиль приписывалъ ей новѣйшее происхожденіе въ связи съ территоріальнымъ распредѣленіемъ тибетскихъ племенъ.

Привольныя кукунорскія степи весьма выгодны для скотоводства своимъ высокимъ положеніемъ надъ моремъ, обусловливающимъ отсутствіе лѣтомъ жаровъ и докучливыхъ насѣкомыхъ, въ связи съ довольно сухимъ вообще климатомъ, обиліемъ солей въ почвѣ, богатствомъ кормовыхъ травъ, отсутствіемъ зимою снѣга, наконецъ, сравнительно ничтожнымъ здѣсь уходомъ за скотомъ. Все это съ отдаленныхъ временъ манило кочевниковъ искать въ этой странѣ удовлетвореніе своихъ неприхотливыхъ стремленій. Много разъ Кукунор былъ свидѣтелемъ жестокихъ войнъ между кочевниками, оспаривавшихъ право на его владѣніе. Монголы съ сѣвера, тибетцы съ юга сталкивались здѣсь, и только китайцы положили конецъ открытымъ распрямъ, хотя пассивная борьба не прекращается[2].

Въ XVIII стол. вся страна вокругъ Кукунора и по южн. склону Южно-кунорск. горъ на дѣлѣ принадлежала монголамъ (хошоутамъ или олотамъ), тогда какъ нынѣшніе кукунорскіе тибетцы занимали гористую страну на ЮЗ. отъ Кукунора и на югъ отъ Цайдама, включая Аланъ и Тосунор [1]. Область этихъ озеръ была занята тибетцами Арик, или Арки, нынѣ живущими на сѣверѣ отъ Кукунора (названіе озера Аланъ или Алак возможно представляетъ подражаніе имени этого тибетскаго племени [2]).

Страна, служившая первоначально жительствомъ тибетцевъ панака, была слишкомъ гориста и притомъ близка къ голыкамъ, потому началось движеніе на сѣверъ, причемъ монголы Цинъ-хай вана были оттѣснены къ Дулан-го, а Мурин-вана къ окрестностямъ Танкара. Такимъ образомъ тибетцы получили въ свое распоряженіе не только лучшія пастбища (съ обильной травой и водой), но и большую близость къ китайскому рынку и болѣе выгодный сбытъ для своихъ произведеній, не считая возможности грабить трусливыхъ монгольскихъ сосѣдей. Возстаніе тайпиновъ и затѣмъ магометанъ въ Ганьсу отвлекло въ другую сторону вниманіе и силы Китая, который, конечно, не могъ бы отнестись при другихъ обстоятельствахъ безразлично къ этому передвиженію тибетцевъ, и тибетцы могли утвердиться въ захваченныхъ земляхъ. Движеніе тибетцевъ на сѣверъ понынѣ продолжается; небольшія партіи или отдѣльныя семьи съ южнаго берега Хуанъ хэ постоянно прибываютъ въ эту „обѣтованную землю" панака, усиливая наступательный ходъ тибетскаго переселенія [3].

Панакасумцы никогда не платили дани императору, но за послѣдніе нѣсколько лѣтъ Сининскій амбань сталъ давать каждому болѣе значительному вождю по три пикуля ячменя въ годъ съ цѣлью обезпечить ихъ миролюбивое отношеніе къ Китаю, а также наградилъ всѣхъ упомянутыхъ вождей чиновничьими шариками, хотя тибетцы вполнѣ справедливо предпочитаютъ тѣмъ ячмень [4].

Понынѣ болѣе сильные духомъ тибетцы постепенно тѣснятъ монголовъ и становятся большими хозяевами въ странѣ; за одно XIX ст. цифра монголовъ Кукунора съ 20,000 юртъ сократилась до 2,000, тогда какъ число тибетскихъ баньковъ, или палатокъ возросло до 15,000 [5]. Близость тибетцевъ кладетъ извѣстный отпечатокъ на монголовъ, которые одѣваются по тибетски, да и гово-

рятъ чисто на языкѣ своихъ сосѣдей[1]; Козловъ[2] часто принималъ встрѣчавшихся кукунорскихъ монголовъ за тибетцевъ, тѣмъ болѣе, что ихъ физіономіи напоминаютъ собою черты тибетцевъ—панака. Козловъ[3] указываетъ по даннымъ управленія Сининскаго амбаня сравнительную численность каждаго изъ 19 кукунорскихъ хошуновъ монголовъ раньше и теперь и мѣста ихъ кочевокъ. Кромѣ кукунорскихъ и цайдамскихъ монголовъ (всего 24 хошуна) амбаню подчинены и 4 хошуна олотовъ, ушедшихъ съ Кукунора и поселившихся на Амдоскомъ нагорьѣ на ЮЗ. отъ Лабрана и на извилинѣ верхней Хуанъ хэ (Рарчжа гоньба и Арчунъ). Они почти совершенно отибетились, хотя и не забыли родной языкъ.

Наиболѣе значительной рѣкою въ Кукунорскомъ бассейнѣ (и все же очень мелководной) является р. Буха (рѣка дикаго яка), въ монгольской формѣ *Бухаин гол*[4]; долина ея во многихъ мѣстахъ болотиста; только въ непосредственномъ сосѣдствѣ рѣки на полосѣ гравія и песку растетъ въ изобиліи кустарникъ. При впаденіи рѣка раздѣляется на 8 руселъ, въ общей сложности занимающихъ ложе до 2 миль шириною. Главное русло, по наблюденіямъ Гедина, имѣетъ 250 ф. ширины и несетъ 600 куб. ф. воды въ секунду; меньшее русло несло 140 куб. ф., остальныя между первыми двумя во время посѣщенія Гедина не имѣли воды[5].

Съ юга въ Кукунор впадаетъ только одинъ притокъ—Та-ціинъма чу, тогда какъ Ара гол только временами сообщается съ озеромъ черезъ цѣпь меньшихъ озеръ.

По предположенію Сандберга, возможно, что раньше озеро имѣло стокъ именно черезъ русло Ара гол въ Си-нинъ хэ.

Южно-кукунорскія горы сохраняютъ въ большей степени отпечатокъ внутреннихъ областей, нежели расположенныя на противоположномъ берегу озера цѣпи Нань шаня. Насколько послѣднія (напримѣръ, по сѣверную сторону котловины Си-нинъ фу) обнаруживаютъ живописныя очертанія европейскихъ Альпъ, настолько однообразны и непривѣтливы округленныя неуклюжія формы Южно-кукунорскихъ горъ, съ ясно выраженнымъ, по свидѣтельству Пржевальскаго, степнымъ характеромъ, напоминая скорѣе травянистыя равнины на мягкихъ высотахъ[6]. Западная часть горъ скалиста и крута, такъ какъ богаче водою и производитъ цѣлые лѣса древовиднаго можжевельника и abies Schrenckiana[7]. Вообще же на сѣ-

верномъ склонѣ горъ замѣчается большая влажность, приносимая СВ. муссонами, сравнительно съ южными. Гребень и вершины горъ поднимаются до 4.500 метровъ, но не имѣютъ вѣчнаго снѣга. По южную сторону горъ лежатъ озера Карлык нор, Тосун нор, Сирге нор, Дулан норъ (на сѣверъ отъ послѣдняго расположенъ Дулан-кит, или Дулан-го—горячее мѣсто [1], ставка монгольскаго князя Кукунора (Цинъ-хай цзюнь-ванъ), имѣющаго подъ своей властью, однако, не болѣе 200 монгольскихъ семей[2]; ставка состоитъ изъ небольшой глинобитной хижины, служащей складомъ[3]) и Ц'ака (Дабасун) нор въ котловинѣ Дабасун Гоби[4], между главнымъ хребтомъ и параллельной южной вѣтвью—зубчатыми горами Семенова, изслѣдованными въ 1898 г. Футтереромъ (Тимуртену ула Рокгиля)[5].

Вегенеръ принимаетъ, какъ и представляется наиболѣе вѣроятнымъ, Южно-кукунорскія горы за самостоятельный параллельный поясъ Куэнь-луня, съ западными развѣтвленіями на сѣверо-восточной окраинѣ Цайдама (Цайдаміин ула и Коктын даван). Напротивъ, русскіе изслѣдователи средняго Куэнь-луня, главнымъ образомъ Обручевъ, отвергнувъ самостоятельную роль южно-кукунорскаго пояса, предложили отнести Южно-кукунорскія горы къ наиболѣе значительной цѣпи шестой вѣтви Вегенера (Цзи-лянь шань, у русскихъ Наньшань), именно къ хребту Риттера въ качествѣ его юго-восточнаго продолженія, а цѣпи сѣверо-восточнаго Цайдама, объединяемыя подъ именемъ горъ Мушкетова, считать за отдѣльную цѣпь Наньшаня. То, или другое рѣшеніе этого принципіальнаго вопроса не можетъ играть серьезной роли въ настоящемъ географическомъ описаніи, гдѣ на внутреннее строеніе горныхъ системъ обращается вниманіе лишь, поскольку оно опредѣляетъ особенности физическаго ландшафта, и потому весь вопросъ можетъ быть оставленъ открытымъ для изученія будущими спеціалистами.

Имя Наньшань, получившее такую извѣстность благодаря работамъ русскихъ изслѣдователей, въ особенности Обручева[6], прилагается въ европейскомъ употребленіи (китайцы означаютъ имъ весь Куэнь-луньскій горный валъ отъ Ганьсу до Памира на югъ отъ обычныхъ торговыхъ путей въ бассейнъ Тарима) къ сложной системѣ горныхъ цѣпей средняго Куэнь-луня между 94 и 104 меридіанами, или отъ Булунгир нор въ Сэртэнѣ и перевала Тангин-чушул (3,710 метр.) на пути изъ Ша чжоу въ Цайдамѣ вплоть до

Желтой рѣки. Связью между Наньшанемъ и Алтын тагомъ служатъ горы Анамбара между 92 и 95 меридіанами, ближе изслѣдованныя Гединомъ въ 1901 г. и замыкающія съ сѣвера равнину Сэртэн. Площадь области Наньшаня (между 36 и 40° с.) ш. исчисляется Обручевымъ въ 300,000 кв. верстъ.

Наньшань, или Цзи-лянь шань, по имени одной изъ его цѣпей въ восточной половинѣ, видимо, близко примыкаетъ къ южнымъ цѣпямъ Тяньшаня—Бэйшаню и Куруг тагу, чѣмъ и объясняется его особый интересъ въ глазахъ геолога. Наибольшаго развитія въ ширину онъ достигаетъ подъ 97 меридіаномъ, гдѣ состоитъ изъ ряда цѣпей, протягивающихся съ ЗСЗ. на ВЮВ., между которыми лежатъ продольныя долины или котловины, отчасти со значительными рѣчными теченіями. Подобныя же котловины, или вѣрнѣе одна узкая длинная впадина протягивается и вдоль сѣвернаго подножья главной массы Наньшаня, открывая историческій проходъ изъ Китая во внутреннюю Азію—проходъ Юй-мынь гуань. На сѣверъ отъ указаннаго прохода, горная цѣпь Лунъ шань, достигающая 10,000 ф. абсолютнаго возвышенія, выдѣляется Обручевымъ изъ системы Бэй шаня и относится къ Наньшаню (Изв. Р. Г. О. 1895, стр. 323—5). Наиболѣе сѣверной изъ главныхъ цѣпей Наньшаня, падающей къ проходу Юй-мынь гуань, является *цѣпь Рихтгофена*, сѣверный край всей системы отъ Ань-си чжоу до Хуанъ хэ. Цѣпь поднимается мѣстами высоко надъ снѣжной линіей (выше 5,000 м.); перевалы выше 4,000 метровъ[1]. Между хребтомъ Рихтгофена и р. Да-тунъ Пржевальскій и Обручевъ помѣщаютъ *Сѣверо-тэтунскій хребетъ*, а на югъ отъ упомянутой рѣки—*Южно-тэтунскій хребетъ и хребетъ Зюсса*. Напротивъ, по южную сторону р.р. Та-бэй хэ и Хуй хэ идетъ цѣпь *Александра III*, отъ нея же на СЗ. вытягивается, какъ ея продолженіе, цѣпь *Да-сюэ шань*, которая изгибается къ Анембаруин ула[2]. Вся эта горная область прорѣзывается Шу-лэй хэ или верхнимъ теченіемъ р. Булундзир на западѣ и югѣ и Хуй хэ на востокѣ. На югъ отъ долинъ этихъ рѣкъ имѣется еще одна параллельная цѣпь съ перевалами свыше 4 тысячъ метровъ, по южной сторонѣ которой опущены озера Ногон нор (4,230 метровъ) и Хара нор (4050 метровъ).

Ландшафтъ горъ Нань шаня, представляющихъ дико изрѣзанныя массы, крайне пустыненъ на западѣ; почти всякая растительность отсут-

ствуетъ по южному и западному склону, сѣверный же и восточный между Су чжоу и Гань чжоу привлекательнѣе, покрытъ деревьями и кустарниками всѣхъ родовъ, и полонъ животной жизни [1]. Между 3,300 и 3,900 метрами на Наньшанѣ идутъ альпійскіе луга, выше каменистыя осыпи, затѣмъ снѣгъ; альпійская флора развиваетъ значительное богатство формъ, воздухъ сухъ, небо обычно ясно, снѣгъ и дождь выпадаютъ рѣдко, кромѣ какъ на востокѣ, гдѣ дождь и бури господствуютъ все лѣто. На перевалѣ восточнаго Наньшаня,— Усо линъ (2,114 метровъ), важнѣйшемъ пути сообщенія между Лянъ-чжоу и Лань-чжоу, Футтереръ нашелъ въ цѣломъ мягкія очертанія горъ (до 3.500 м.), на значительную высоту покрытыхъ лесомъ, и альпійскую флору. Болѣе рѣзкой по формѣ является снѣжная цѣпь *Маяшань* (свыше 4,400 метровъ), которая поднимается здѣсь на югъ отъ горъ Рихтгофена.

Второй внутренній поясъ Наньшаня состоитъ главнымъ образомъ изъ цѣпи *Гумбольдта*, которая начинается у Дань хэ, примыкая къ Ѣ-ма шань, и отдѣляетъ Шара гол (верховье Дань хэ) на сѣверъ отъ Халтын гол на югѣ. Возвышеніе гребня цѣпи 5—6 тысячъ метровъ, перевалы 3500—4500 метровъ.

На юго-востокѣ цѣпь Гумбольдта продолжается менѣе высокими цѣпями на СВ. отъ Си-нинъ фу. За цѣпью Гумбольдта располагается снова котловина, въ сѣверо-западной части которой Халтын гол впадаетъ въ озеро равнины Сэртэн, а въ юго-восточной Бухайн гол и другія водныя теченія впадаютъ въ наилучше извѣстное озеро центральной Азіи Кукэ нор. Водораздѣлъ между указанными рѣками представляетъ собою родъ горной перемычки (но не горнаго узла, какъ думалъ Пржевальскій [2]) Шарагольин даван между цѣпью Гумбольдта и слѣдующей цѣпью, наиболѣе мощной въ Наньшанѣ—*цѣпью Риттера*, имѣющей гребень 6000 метровъ и перевалы 4800 м. [3] Юго-восточное продолженіе цѣпи Риттера [4]— Южно кукунорскія горы—отдѣляются отъ нея рѣкою Коктыйн.

Послѣдней цѣпью Наньшаня, уже на краю Цайдама, является *цѣпь Мушкетова*, составленная изъ болѣе мелкихъ цѣпей какъ-бы въ продолженіе Южно-кукунорскихъ горъ и хребта Семенова, на югъ отъ Южно-кукунорскихъ горъ.

Широко раскинувшаяся система Наньшаня далеко не исчер-

пывается указанными цѣпями, тѣмъ болѣе, что ея предгорья заходятъ по ту сторону прохода Юй-мынь въ Алашань [1].

Со стороны пустыни Кум таг западный Наньшань имѣетъ чрезвычайно величественный видъ, такъ какъ вершины горъ Анамбара и Гумбольдта представляютъ собою сплошныя огромныя массы снѣга и льда. „Это было поразительное зрѣлище" пишетъ Михаелисъ [2]: „насколько глазомъ можно было окинуть, поднимались, блистая на солнцѣ, точно серебро, снѣжная вершина за вершиною, всего числомъ до 60 и всѣ одинаковой высоты". Далѣе на востокъ въ провинціи Ганьсу высота горъ понижается, снѣжные пики отходятъ болѣе вглубь горной страны, все же и здѣсь Наньшань высится внушительной стѣною по лѣвую сторону маршрута путешественника отъ Сучжоу до Желтой рѣки [3].

Общія характерныя свойства средняго Куэнь-луня стоятъ въ тѣсной зависимости отъ особенностей ландшафта внутреннихъ центрально-азіатскихъ областей и тибетскаго нагорья; такъ какъ значительная часть средняго Куэнь-луня не имѣетъ внѣшняго стока, то въ ней сохраняется въ неприкосновенности своеобразный отпечатокъ внутренней Азіи: ясно выраженная нивеллировка горнаго пейзажа, обиліе продуктовъ разложенія горныхъ породъ вслѣдствіе атмосферныхъ и климатическихъ вліяній, незначительная въ сравненіи съ абсолютнымъ возвышеніемъ надъ уровнемъ моря высота отдѣльныхъ выдающихся цѣпей по отношенію къ залегающимъ въ промежуткахъ нагорнымъ равнинамъ, благодаря заполненію продуктами разложенія прежнихъ глубокихъ долинъ. По общему правилу, высота (абсолютная) цѣпей средняго Куэнь-луня растетъ по мѣрѣ удаленія къ югу, достигая наибольшаго возвышенія на Арка тагѣ и неизвѣстныхъ въ цѣломъ цѣпяхъ южной вѣтви внутри тибетскаго нагорья; но, благодаря одновременному поднятію основанія между низменностями Тарима и южной Монголіи и тибетскимъ нагорьемъ, высота цѣпей внутри Тибета кажется менѣе внушительной, нежели болѣе сѣверныхъ цѣпей, поднимающихся надъ сравнительно низкой окружающей мѣстностью. Этому обманчивому впечатлѣнію, заставляющему внутреннія цѣпи Куэнь-луня казаться менѣе высокими, чѣмъ онѣ являются на дѣлѣ, способствуетъ и то обстоятельство, что благодаря сухости климата снѣжная линія поднимается въ среднемъ Куэнь-лунѣ выше, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ

шарѣ, почему глетчеры здѣсь сравнительно малочисленны, а вѣчный снѣгъ вѣнчаетъ лишь наибольшія вершины. Въ восточной и южной части средняго Куэнь-луня устанавливается стокъ къ морю черезъ Хуанъ хэ и Янъ-цзы, отчасти Меконгъ; но лишь на востокъ отъ 104 меридіана вліяніе этого фактора оказывается достаточно сильнымъ для приданія окружающей горной странѣ характера периферическихъ областей; выше же по теченію этихъ рѣкъ сохраняетъ свое господство центрально-азіатское строеніе поверхности, въ лучшемъ случаѣ являются признаки переходной области, какъ въ долинѣ Янъ-цзы и Меконга на В. отъ 96° 30—98° в. д., въ предѣлахъ которыхъ проходилъ путь Козлова въ 1900—1901 г.

На этомъ пути тибетское нагорье переходитъ въ типичную альпійскую страну тотчасъ за водораздѣломъ между Хуанъ хэ и Ды чу. На сѣверъ отъ него далеко убѣгаетъ высокое, холодное плато, по которому новорожденная Хуанъ хэ плавно катитъ свои воды, мѣстами заполняя его впадины огромными озерными бассейнами. Спокойный мягко-волнистый рельефъ, прикрытый характерной травянистой растительностью, изобилуетъ животными: дикими яками, антилопами оронго и ада, дикими ослами и другими, приспособленными къ разрѣженному воздуху и климатическимъ невзгодамъ. Кочевники-тибетцы, появляющіеся здѣсь лишь изрѣдка въ видѣ охотниковъ, золотоискателей или просто грабителей-разбойниковъ, не нарушаютъ привольной жизни животныхъ.

Къ югу за водораздѣльнымъ хребтомъ характеръ мѣстности круто измѣняется: высоко поднимаются скалистыя гребни горъ, между которыми залегаютъ лабиринты ущелій и тѣснинъ, со стремительно бѣгущими въ нихъ ручьями и рѣчками. Дороги или тропы то спускаются внизъ, то ведутъ снова на головокружительныя относительныя и абсолютныя высоты. Мягкость и суровость климата, пышныя и жалкія растительныя зоны, жилища людей и безжизненныя вершины величественныхъ хребтовъ часто смѣняются передъ глазами путешественника. У ногъ его или развертываются чудныя панорамы горъ, или кругозоръ до крайности стѣсняется скалистыми боками ущелій. Чѣмъ ниже къ югу спускается путешественникъ, тѣмъ болѣе восторгается красотами природы; голубое небо и высоко поднимающееся солнце даютъ себя знать, въ осо-

бенности послѣ пребыванія на сѣверной окраинѣ Тибета. Такимъ представляется пейзажъ долины Меконга, гдѣ въ замѣчательно красивую гармоническую картину сливаются дикія скалы, по которымъ тамъ и сямъ лѣпятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельникъ, ива; на дно живописнѣйшихъ долинъ, наполненныхъ вѣчнымъ шумомъ водъ рѣкъ, сбѣгаютъ дикій абрикосъ, яблони, красная и бѣлая рябина; все это перемѣшано массой разнообразнѣйшихъ кустарниковъ и высокими травами; въ альпахъ же манятъ къ себѣ разноцвѣтные ковры пестрыхъ цвѣтовъ.

Въ глубокихъ словно спрятанныхъ въ высокихъ горахъ ущельяхъ водятся пестрые леопарды, рыси, нѣсколько видовъ дикой кошки, медвѣди, волки, лисицы, большія и малыя летяги, хорьки, зайцы, мелкіе грызуны, олени, мускусные кабарги, китайскій козелъ-джара, обезьяны; въ прозрачныхъ рѣкахъ, обильныхъ рыбой,— выдры. Среди разнообразныхъ представителей пернатаго царства бросаются въ глаза бѣлые ушастые фазаны, кулюны, рябчики, нѣсколько видовъ дятловъ и порядочное количество мелкихъ птичекъ изъ отряда воробьиныхъ; новыми формами для бассейна Меконга являются галка, овсянка, жаворонокъ, камская пищуха, ястребъ[1].

Подобно Гималаямъ, Куэнь-лунь является, даже еще въ болѣе широко выраженной степени, системою параллельныхъ горныхъ складокъ, простирающихся, однако, не дугообразно, за единственнымъ исключеніемъ Алтын тага, но прямыми линіями въ неизмѣнномъ направленіи O z S—W z N. Другимъ существеннымъ отличіемъ Куэнь-луня отъ Гималаевъ является то, что Гималаи представляютъ горы сравнительно новѣйшаго образованія, возникнувъ во время третичной эпохи, тогда какъ Куэнь-лунь—древнѣйшаго происхожденія, можетъ быть самая древняя изъ существующихъ въ настоящее время на земномъ шарѣ цѣпей, во всякомъ случаѣ одна изъ древнѣйшихъ частей материка Азіи въ его современномъ видѣ. Образованіе Куэнь-луня относится уже къ силурійской эпохѣ, такъ какъ другихъ каменныхъ породъ, кромѣ палеозойскихъ, въ немъ не встрѣчается[2]. Высокая древность Куэнь-луня находитъ себѣ выраженіе, помимо геологическаго состава горныхъ породъ, и въ наружномъ видѣ составляющихъ его горныхъ массъ: мягкія очертанія горъ, отсутствіе глубокихъ долинъ, кромѣ какъ въ мѣстахъ

пересѣченія западнаго Куэнь-луня верховьями Яркенд-(Раскем)-дарьи и Хотан-дарьи по узкимъ ущельеобразнымъ бороздамъ, малое возвышеніе вершинъ надъ гребнемъ и перевалами, обиліе продуктовъ разложенія, заполняющихъ долины и склоны каменистой оторочкою, всѣ эти факторы указываютъ на многотысячелѣтнюю работу времени; въ этомъ отношеніи не малое содѣйствіе оказывали и сухость климата и рѣзкія колебанія температуры и атмосфернаго давленія.

Какъ ограда тибетскаго нагорья, Куэнь-лунь служитъ Тибету еще болѣе надежной защитою, нежели Гималаи: высота и малочисленность переваловъ, трудность движенія болѣе значительныхъ каравановъ по безплодной и каменистой почвѣ внутри горной области, не менѣе суровая и негостепріимная природа растилающихся затѣмъ на большое разстояніе пространствъ сѣвернаго Тибета— таковы естественныя преграды, защищающія Тибетъ съ сѣвера и сѣверо-запада, и въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ и главныхъ мѣстъ принадлежитъ Куэнь-луню и многочисленнымъ его вѣтвямъ.

На этомъ можно закончить общій обзоръ системы Куэнь-луня, къ которой придется еще возвращаться при описаніи физическаго устройства сѣвернаго Тибета, и перейти къ третьей горной системѣ, играющей существенно важную роль въ дѣлѣ образованія поверхности страны, именно къ Индо-Китайской системѣ въ юго-восточномъ Тибетѣ и въ пограничныхъ областяхъ Сы-чуани и Юнь-нани. Система горныхъ цѣпей, выходящихъ изъ юго-восточнаго Тибета приблизительно подъ 32° с. ш. и объединяемыхъ подъ общимъ наименованіемъ Индо-Китайской системы, представляетъ собою еще вполнѣ неизслѣдованную область не только въ цѣломъ, но и въ отдѣльныхъ частяхъ; извѣстны въ точности лишь нѣкоторые пункты и короткіе участки ея на пути маршрутовъ немногочисленныхъ европейскихъ путешественниковъ, въ частности католическихъ миссіонеровъ; общее направленіе слагающихъ ее цѣпей —съ сѣвера на югъ— устанавливается въ предѣлахъ извѣстной области теченіями большихъ рѣкъ юго-восточнаго Тибета, какъ онѣ рисуются на китайскихъ картахъ[1], и подтверждается наблюденіями европейскихъ изслѣдователей.

Начало Индо-Китайской системы, равно какъ связь ея съ Куэнь-луньской, не могутъ быть указаны даже предположитель-

но; во всякомъ случаѣ зарожденіе индо-китайскихъ горныхъ цѣпей надлежитъ искать между 96° и 98° в. д. и 33-32° с. ш., при чемъ, однако, лишь подъ 98° в. д. и 32° с. ш. цѣпи принимаютъ характерное имъ меридіональное направленіе съ поворотомъ теченія большихъ китайскихъ и индо-китайскихъ рѣкъ съ востока, вѣрнѣе юго-востока, на югъ. Если руководиться исключительно принципомъ неизмѣнности направленія обѣихъ системъ Индо-китайской и Куэнь-луньской, то должно принять, что до 96° в. д. и 32° с. ш. направленіе рѣкъ указываетъ на присутствіе цѣпей Куэнь-луньской системы, а далѣе на югъ и востокъ выступаетъ на сцену Индо-китайская система.

На границѣ съ Ганьсу горныя цѣпи обнаруживаютъ впервые замѣчательную орографическую особенность въ томъ, что концы ихъ, изгибаясь къ юго-востоку и югу, сохраняя прежнее параллельное расположеніе отдѣльныхъ рядовъ, постепенно, по мѣрѣ удаленія къ югу, углубляютъ промежуточныя долины и повышаютъ относительную высоту боковыхъ стѣнъ, такъ что весь юго-восточный уголъ Тибета представляетъ лишь чередованіе горныхъ валовъ, между которыми въ глубокихъ желобахъ текутъ воды наиболѣе важныхъ изъ рѣкъ Азіи. Сплошной характеръ этихъ промежуточныхъ цѣпей и трудности для движенія со стороны подобнаго чередованія горныхъ стѣнъ оказываются великою преградою для сообщенія между Тибетомъ и Китаемъ[1]; но съ другой стороны это распредѣленіе горъ и долинъ благопріятствуетъ доступу съ юго-востока—отъ Юнь-нани и Бирмы; такъ, торговая дорога изъ Юньнани, отмѣченная у вершины Ба-таномъ, пользуется для своей цѣпи долиною Янъ-цзы[2].

Въ болѣе неправильной, но тѣмъ не менѣе довольно отчетливой формѣ дугообразная структура горной системы продолжается въ предѣлахъ промежуточной площади на западъ, опредѣляя здѣсь поворотъ рѣки Цзанъ-по вокругъ восточной оконечности Гималаевъ. Неправильно разбросанные холмы страны на востокъ отъ Брамапутры, прорѣзанные однимъ или двумя меньшими притоками рѣки, возможно, послужатъ въ будущемъ открытой дверью изъ Ассама въ юго-восточн. Тибетъ по линіямъ дороги, указаннымъ географическимъ строеніемъ, внѣ высокихъ переваловъ и длинныхъ обходовъ[3].

По своему физическому характеру цѣпи индо-китайской системы всецѣло относятся къ периферическимъ областямъ въ противоположность къ Куэнь-луню, и преобладаніе ихъ означаетъ переходъ въ рельефѣ страны отъ внутренно-азіатскаго ландшафта съ его нагорными равнинами и мягкими очертаніями горъ къ глубокимъ ущельямъ рѣчныхъ теченій и щетинистымъ обрывистымъ гребнямъ и скатамъ горъ, характеризующимъ юговосточный Тибетъ, начиная отъ пункта схожденія рѣкъ Янъ-цзы, Меконга, Сальвина и ихъ притоковъ на разстояніе немногихъ десятковъ верстъ другъ отъ друга подъ 30—28° с. ш. Помимо огромной абсолютной высоты надъ уровнемъ моря, цѣпи Индо-Китайской системы поднимаются на значительную высоту и относительно окружающей мѣстности—глубокихъ рѣчныхъ долинъ, и рядомъ вершинъ, увѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ и достигающихъ 6 и 7 тысячъ метровъ, отмѣчаютъ наиболѣе значительныя черты ландшафта на ограниченномъ крутыми горными стѣнами кругозорѣ наблюдателя. Изъ этихъ вершинъ заслуживаетъ особаго упоминанія Джара—царь горъ—между долинами Нячу и Цзинь чуань на З. отъ Да-цзянь лу (7800 метровъ); между Батаномъ и Литаномъ подъ той же широтою Гамбу[1] имѣетъ 7700 м., высота немалаго числа другихъ вершинъ колеблется между 6 и 7 тысячами, вершины въ 5 тысячъ метровъ обычны, снѣжныя горы (по китайски сюэ шань съ эпитетомъ да—большой) повсемѣстны: Да-сюэ шань на З. отъ Я-чжоу фу имѣетъ, вѣроятно, глетчеръ, другая Да-сюэ шань сопровождаетъ правый берегъ Лу-цзянъ (Сальвина)—вершина Докерла 5,500 метровъ; внутри южнаго колѣна Янъ-цзы между самой рѣкою и Я-лунъ встрѣчаются вершины въ 6,000 метровъ (Тай-янъ цзо въ области черныхъ Лоло).

Благодаря возвышенію гребня и перевалы въ цѣпяхъ индо-китайской системы имѣютъ между 4,000 и 4,500 метровъ; труднодоступность ихъ вслѣдствіе большого возвышенія и крутизны усугубляется глубиною рѣчныхъ долинъ, раздѣляющихъ отдѣльныя цѣпи между собою и лежащихъ до 2,000 метровъ ниже сосѣднихъ переваловъ (и все же на возвышеніи 2—3 тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря). Селенія обычно лежатъ не на днѣ долинъ, но на верхнемъ краю замыкающихъ ихъ стѣнъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки (Батанъ на высотѣ 2,600 м.; Еркало—2400 м.; Атуньцзы—3,360 м., Ли-танъ—4,070 м., Да-цзянь лу—2550 м.).

Описанныя особенности страны—крутыя горы, обычно выше линіи снѣговъ, глубокія ущелья, преимущественно же къ югу отъ 30° с. ш. (дорога изъ Да-цзянь лу въ Батанъ, несмотря на то, что проходитъ на высотѣ 14—15 тыс. футовъ производитъ еще скорѣе впечатлѣніе плоскогорья, безъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ, за исключеніемъ долинъ Я-лунъ и Цзинь-ша цзянъ, т. е. въ этой области еще не успѣлъ сказаться периферическій характеръ, какъ въ далѣе на югъ лежащей мѣстности), высоколежащіе перевалы и мѣстечки на краю долинъ, многоводныя рѣки, которыя и явились главнымъ факторомъ изрѣзанности ландшафта — свойственны всѣмъ пограничнымъ областямъ между Тибетомъ, Китаемъ и Бирмою. Огромные гребни индо-китайскихъ цѣпей круто обрываются къ мрачнымъ пропастямъ, въ которыхъ бѣшенно несутся многоводные горные потоки; густые лѣса окутываютъ склоны цѣпей и даютъ пристанище медвѣдямъ, волкамъ, лисицамъ, леопардамъ, тогда какъ по мѣрѣ приближенія къ красной котловинѣ Сы-чуани появляется и земледѣльческая культура въ видѣ прекрасно возделанныхъ китайскими поселенцами на подобіе террасъ скатовъ горъ; господство тибетца здѣсь кончается, начинается культурная дѣятельность китайца-землепашца.

Число цѣпей индо-китайской системы въ предѣлахъ восточнаго Тибета еще не приведено въ извѣстность, но надо думать, что число ихъ параллельныхъ рядовъ въ точности соотвѣтствуетъ числу рѣчныхъ теченій, идущихъ здѣсь съ сѣвера на югъ. Въ предѣлахъ тибетско-китайской территоріи число цѣпей устанавливается Лоци четырьмя: по берегу р. Тунъ, Я-лунъ и Цзинь-ша. Крутой спускъ горъ на востокъ къ китайской холмистой странѣ совершается подъ 103—104°, на западномъ берегу р. Минь; здѣсь священная гора Омэи (3380 м.) обрывается стѣною въ 2,000 метровъ на сторону холмистой мѣстности, понижающейся къ Цзя-динъ фу (390 м. возвышенія) [1].

Предварительно географическому описанію областей Тибета, внутри указанныхъ пограничныхъ горныхъ системъ, надлежитъ замѣтить, что эти области, тѣсно связанныя съ окружающими и заполняющими ихъ вѣтвями различныхъ горныхъ системъ, могутъ быть разбиты въ зависимости отъ устройства поверхности и главное общему физическому характеру на три географическихъ дѣленія: сѣверный Тибетъ —область Куэнь-луня и внутренняго закрытаго

стока; южный Тибетъ—область сѣверныхъ Гималаевъ и рѣкъ, текущихъ въ широтномъ и противоположномъ другъ къ другу направленіямъ— Инда и Цзанъ-по и, наконецъ, юго-восточный Тибетъ—область индо-китайской горной системы и большихъ рѣкъ, текущихъ въ меридіональномъ направленіи. Каждое изъ этихъ дѣленій заключаетъ въ себѣ характерную для дѣленія область и переходныя къ двумъ сосѣднимъ дѣленіямъ мѣстности. Такъ, сѣверный Тибетъ по своей юго-восточной окраинѣ представляетъ переходъ къ южному Тибету, а въ сѣверо-восточномъ углу (область Амдо) къ юго-восточному периферическому; южный Тибетъ въ области истоковъ Инда и Цзанъ-по отмѣченъ типичнымъ ландшафтомъ внутреннихъ областей сѣвернаго Тибета, а въ юго-восточномъ углу дѣлаетъ переходъ къ периферическому Тибету; наконецъ, периферическій Тибетъ въ областяхъ, соприкасающихся съ сосѣдними дѣленіями, выше 30° с. ш. и западнѣе 96° в. д., обнаруживаетъ много чертъ, общихъ съ двумя указанными дѣленіями.

Помимо топографическаго принципа, въ основаніе обзора географической картины Тибета можетъ быть положенъ и другой принципъ, устанавливающій не менѣе рѣзкія и отчетливыя грани, хотя и въ другомъ отношеніи, принципъ дѣленія страны на области внутренняго и внѣшняго стока. Эта точка зрѣнія, принятая Гренаромъ[1] различаетъ въ Тибетѣ область внутренняго стока, или что въ сущности то же, область озеръ, и область рѣкъ, охватывающую съ трехъ сторонъ первую въ видѣ полукруга. Область озеръ, простирается между озеромъ Панъ-конъ на западѣ, истоками Инда и Дам-лха к'анъ ла на югѣ, истоками Сальвина и Янъ-цзы на востокѣ и истоками рѣкъ бассейна Тарима на сѣверѣ, т. е. эта область почти совпадаетъ съ западной большей половиною перваго топографическаго дѣленія, имѣя 300 километровъ въ ширину на западѣ, 700 километровъ на востокѣ (между 30 и 36° с. ш.) и 1,100 кил. въ длину (80° и 92° в. д.) и обнимая сѣверный Тибетъ плоскогорье Бжянъ-т'анъ тибетцевъ—страну закрытаго стока по преимуществу. Вторая область Гренара—область рѣкъ—включаетъ, слѣдовательно, остальную часть сѣвернаго топографическаго дѣленія. Если между первыми двумя дѣленіями не замѣчается слишкомъ рѣзкой разницы, то во всякомъ случаѣ наиболѣе ясно выраженный контрастъ существуетъ между первымъ и послѣднимъ дѣленіями, тѣмъ не мѣ-

нѣе объединяемыми въ общее цѣлое принципомъ внутренняго и внѣшняго стоковъ. Въ этомъ заключается слабая сторона второго принципа передъ первымъ топографическимъ, достоинство его то, что онъ выдѣляетъ, какъ особую географическую единицу, область Бжянъ-т'анъ, принимая ее за типичный образецъ внутреннихъ областей центральной Азіи, и въ этомъ отношеніи представляетъ большія удобства[1].

Область Бжянъ-т'анъ, или сѣверная равнина по буквальному переводу[2], обычно называется наиболѣе высокимъ плоскогоріемъ на земномъ шарѣ. Это обозначеніе совершенно справедливо въ отношеніи возвышенія страны надъ уровнемъ моря[3], но терминъ „плоскогорье" въ данномъ случаѣ не примѣнимъ; въ самомъ дѣлѣ подъ плоскогорьемъ надо разумѣть въ собственномъ смыслѣ такую форму поверхности земли, гдѣ почвенные, вѣрнѣе горные пласты отложены на горизонтальной плоскости, надъ которой возвышаются, какъ въ Африкѣ, цѣпи такъ называемыхъ столовыхъ горъ, остатки прежнихъ пластовъ болѣе высокихъ уровней[4]. Подобное опредѣленіе не приложимо къ Бжянъ-т'ану, который представляетъ собою, какъ и Иранъ, скорѣе страну складокъ (gefaltetes Gebirgsland), съ многочисленными горными цѣпями, проходящими параллельно другъ другу въ восточномъ направленіи въ западной и южныхъ частяхъ Бжянъ-т'ана, въ юго-восточномъ— въ ея сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ, при чемъ послѣднее направленіе относится къ системѣ Куэнь-луня, а первое—къ системѣ Каракорума или что почти то же — Гималаевъ.

Эти длинныя цѣпи увѣнчаны пиками, не уступающими среднему возвышенію вершинъ Гималаевъ и вопреки значительному общему возвышенію подножья поднимающимися на 10,000 футовъ (при абсолютн. высотѣ въ 24—26 тыс.) надъ возвышеннымъ уровнемъ равнинъ, залегающихъ въ промежуткѣ этихъ цѣпей. Эти равнины являлись въ болѣе раннюю геологическую эпоху глубокими долинами или котловинами, раздѣлявшими одну горную складку отъ другой сосѣдней; нынѣ же на поверхности Бжянъ-т'анъ, болѣе не имѣется глубокихъ впадинъ, или рѣзко выдѣленныхъ гребней и вершинъ горныхъ цѣпей, за немногими исключеніями. Мѣста бывшихъ впадинъ занимаютъ плоскія равнины[5], вѣрнѣе широкія неглубокія долины, въ отличіе отъ плоскихъ степныхъ равнинъ Монголіи, уровень коихъ

лишь немногимъ—отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ футовъ—ниже высоты переваловъ прилегающихъ горныхъ цѣпей, которыя въ свою очередь имѣютъ мягкія закругленныя очертанія и съ трудомъ распознаваемый гребень. Этотъ новый видъ поверхности, имѣющій мало общаго съ прежней гористой страною, каковой являлся раньше сѣверный Тибетъ, въ неменьшей степени, чѣмъ нынѣ восточный, создался въ силу того, что въ теченіи тысячелѣтій обломки скалъ, песокъ и пыль съ сосѣднихъ горъ сносились вѣтромъ и водою въ долины и, отлагаясь въ нихъ, заполняли всѣ углубленія и неровности и постепенно поднимали ихъ уровень почти до высоты окружающихъ цѣпей. Отсутствіе внѣшняго стока, который удалялъ бы избытокъ продуктовъ разложенія горныхъ породъ за предѣлы страны, ускоряло и облегчало вѣковую работу вѣтра[1], рѣзкихъ колебаній температуры и атмосферныхъ осадковъ и позволяло этимъ важнымъ механическимъ факторамъ на свободѣ выравнивать и выглаживать поверхность почвы и подгонять подъ одинъ общій уровень какъ прежнія углубленія, такъ и возвышавшіеся надъ ними гребни горъ, погребенныхъ нынѣ въ собственныхъ обломкахъ. Благодаря соединенію указанныхъ обстоятельствъ Бжянъ-т'анъ близко напоминаетъ обширными пространствами ровной земли плоскогорье, хотя въ дѣйствительности происхожденіе послѣдняго вида поверхности бываетъ совершенно отличнымъ. Несмотря на заключающіяся въ его предѣлахъ равнины, вѣрнѣе широкія равнинныя долины, соединенныя отлогими перевалами[2], Бжянъ-т'анъ и нынѣ имѣетъ многочисленныя горныя цѣпи, которыя по внимательномъ изслѣдованіи сливаются въ обширные горные хребты съ отдѣльными высокими даже для столь возвышеннаго основанія, какимъ является тибетское нагорье Бжянъ-т'анъ, вершинами, но лишь съ рѣдкимъ покровомъ снѣга и не менѣе малочисленными глетчерами, вслѣдствіе крайней сухости климата этой наиболѣе удаленной отъ береговъ океана области центральной Азіи. Нѣкоторыя изъ этихъ вершинъ и цѣпей служатъ для возстановленія наиболѣе южной вѣтви Куэнь луня; возможно, что будущіе путешественники дадутъ еще большее число такихъ опорныхъ пунктовъ для построенія истинной картины горнаго рельефа Бжянъ-т'ана, подобно тѣмъ даннымъ, которыя уже имѣются для сѣверо-восточнаго Тибета.

Ландшафтъ Бжянъ-т'ана въ общемъ представляетъ собою со-

лончаковую или каменистую нагорную степь съ маловозвышенными горными грядами, совершенно безплодную въ сѣверныхъ (щебне-галечная пустыня—„мертвая земля“, по справедливому выраженію Пѣвцова) наиболѣе возвышенныхъ (не менѣе 4,800 м.) своихъ частяхъ и покрытую рѣдкой травянистой растительностью въ центральной части и вдоль южной (на югѣ отъ 33° с. ш. и на юг. отъ 82° в. д.) окраины, гдѣ имѣется болѣе обильное орошеніе. На поверхности этой нагорной степи, или степныхъ долинъ разсѣяно множество озеръ, или иногда просто болотъ и трясинъ—остатковъ озеръ, утратившихъ черезъ испареніе большую часть влаги, при томъ озеръ прѣсноводныхъ при наличности истока, или съ соленой водою, если озерный бассейнъ является закрытымъ. Это обиліе озеръ является характернымъ для сѣвернаго Тибета (Бжянъ-т'ана), хотя до проникновенія въ эту область европейскихъ изслѣдователей объ этой особенности его можно было судить лишь по китайскимъ картамъ; нынѣ же этихъ озеръ, нанесенныхъ на карту европейскими путешественниками, считается уже сотни всѣхъ формъ и величинъ, главнымъ образомъ въ западной, южной и восточной окраинахъ Бжянъ-т'ана. Каждый путешественникъ въ этой части Тибета открываетъ десятки новыхъ озеръ[1]; нѣкоторыя изъ нихъ, сохраняя всѣ особенности внутреннихъ бассейновъ, достигаютъ значительныхъ размѣровъ и тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ право на особое вниманіе географа. Образованіе озеръ обусловлено тѣмъ, что отсутствіе ясно выраженнаго общаго наклона не позволяетъ сточнымъ водамъ собираться въ рѣки вдоль опредѣленныхъ линій углубленія почвы; поэтому атмосферные осадки насыщаютъ почву и отстаиваются на ней въ видѣ озеръ, которыя затѣмъ черезъ испареніе и всасываніе почвенныхъ солей становятся солеными. Если атмосферныхъ осадковъ мало, то благодаря отсутствію естественнаго стока, почва остается насыщенной влагою, кромѣ какъ по бокамъ долинъ, и замерзаетъ какъ камень на восемь мѣсяцевъ въ году, въ остальное же время образуя вязкую глубокую грязь, крайне затрудняющую переходъ черезъ долину[2]. Таковъ характеръ нагорной степи Бжянъ т'анъ, кромѣ наиболѣе сѣверной и сѣверо-западной его части, примыкающей непосредственно къ западному Кузнь луню и Астын тагу (Русскому хребту и Туккуз давану). Подъ Астын -тагомъ почва выше, суше и еще безплоднѣе; низкія гряды, возвышаю-

щіяся относительно окружающей мѣстности на нѣсколько десятковъ или сотенъ футовъ, засыпанныя обломками каменныхъ породъ, замыкають внутри себя котловины, безъ признаковъ проточныхъ водъ, единственно со слѣдами выдуванія; между камнями кое-гдѣ замѣтны стебельки бѣлолозняка да нѣсколько карликовыхъ кустарниковъ, но ни одного животнаго вслѣдствіе почти полнаго отсутствія пастбищъ, ни одной птицы [1]. Близъ западнаго Куэнь-луня Бжянъ-т'анъ начинается въ видѣ пустыни Аксайчин [2], затѣмъ прорѣзывается верховьями Юрун каш и Кэріи дарьи, и переходитъ въ поясъ озеръ, заполняющихъ весь западный Тибетъ; среди этихъ озеръ, въ истинномъ смыслѣ горныхъ по своему абсолютному возвышенію надъ моремъ, одно (Хорпа ц'о) считается наиболѣе возвышеннымъ озеромъ въ Тибетѣ и на земномъ шарѣ.

Озерный поясъ занимаетъ весьма обширную площадь въ Бжянъ-т'анѣ, главнымъ образомъ его центральную полосу между 32 и 33° с. ш. и отъ 80° до 91° 30' в. д., но также и южнѣе до 31° с. ш. и сѣвернѣе 33°, въ особенности по восточной окраинѣ области. На сѣверъ отъ озернаго пояса почва суше и пропитана солью (плиты чистой соли стоятъ здѣсь на подобіе пирамидъ), но производитъ много травы въ особенности на СВ. Кустарники—тамарискъ и Eurotia—очень рѣдки; но благодаря обилію травы стада дикихъ животныхъ очень многочисленны. На В. отъ меридіана Тэнгри нора область Бжянъ-т'анъ суживается къ сѣверу, залегая полосою въ 150 миль вдоль подножья Акка тага вплоть до 96° в. д. Травянистый покровъ дѣлается здѣсь еще богаче, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе умножается животная жизнь. Однако, частыя и ясно выраженныя горныя цѣпи (напримѣръ Кукушили) и многіе истоки рѣкъ сообщаютъ этимъ мѣстностямъ отличный отъ „т'анъ“ ландшафтный типъ [3].

Хотя нѣкоторыя изъ тибетскихъ озеръ, какъ говоритъ Сандбергъ [4], по величинѣ могутъ быть названы почти внутренними морями, однако, повидимому, ни одно изъ нихъ не питается большой рѣкою (за исключеніемъ Селлинъ цо съ Сачжу цзанъ-по), и запасъ воды въ озерахъ поддерживается обычнымъ стокомъ изъ ледниковъ или снѣгового покрова прилегающихъ, или опоясывающихъ горъ. Два или три мелкихъ притока входятъ въ болѣе значительныя озера, но всѣ они едва ли могутъ быть отнесены къ разряду болѣе, чѣмъ горныхъ ручьевъ, стекающихъ съ близкихъ высотъ.

Особенности тибетскихъ озеръ суть: 1) большое возвышеніе надъ уровнемъ моря; 2) весьма значительная примѣсь соли въ составѣ ихъ воды. За немногими исключеніями они являются по преимуществу солеными озерами; скопленія поташа, соды и буры по краямъ озеръ и въ самой водѣ такъ велики, что большинство озеръ на сѣверъ отъ центральной боковой цѣпи обозначается именемъ не ц'о— озеро, но ц'вака, или соляной колодезь. Въ третьихъ, немногія изъ озеръ имѣютъ сколько нибудь значительный истокъ, и это обстоятельство, несомнѣнно, способствуетъ поддержанію ихъ значительныхъ размѣровъ[1]. Въ четвертыхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ каждаго тибетскаго озера встрѣчается обширная система горячихъ ключей, подчасъ гейзеровъ, что наводитъ на мысль о существованіи вулканическихъ огней близъ поверхности почвы, развивающихъ перемежающимъ образомъ газы, которые оказываютъ на воду озера дѣйствіе сифонной трубки.

Обширные водоемы встрѣчаются въ каждой части страны отъ Кукунора на крайнемъ СВ. до Манасароваръ, или Ма п'анъ на ЮЗ. и отъ озеръ, отмѣченныхъ Бонвало и другими, вдоль подножья Куэнь-луня до Кѣма ц'о на югъ отъ Динъ-ри на непальской границѣ и Тигу ц'о близъ Ботана. Озера не располагаются на пути большихъ рѣкъ Тибета, исключая источныхъ озеръ Хуанъ хэ, но всегда на болѣе высокомъ уровнѣ въ сторонѣ; иногда въ широкихъ, но мелкихъ углубленіяхъ на плоской пустынной равнинѣ, иногда бываютъ опущены среди амфитеатра горъ; иногда растягиваются въ видѣ длинной цѣпи на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ миль, какъ звенья могучей водной цѣпи, перекинувшейся черезъ гряды и болота.

Ни одно значительное озеро на земномъ шарѣ не можетъ поспорить съ тибетскими въ отношеніи абсолютнаго возвышенія надъ уровнемъ моря, и только нѣсколько озеръ Памира приближаются отчасти къ нимъ (напр. Айран кул или озеро Викторіи въ Вакханѣ (Больш. Памирѣ) 65 миль въ окружности—13,950 ф.; Каракул въ Хоргош Памирѣ—46 миль, 13,194 ф.). Изъ тибетскихъ озеръ наиболѣе возвышеннымъ является Хорпа ц'о въ СЗ. Тибетѣ—36 миль въ окружности—17,930 футовъ надъ ур. м.; затѣмъ идетъ Чарол це ц'о или Іеке Намур нор—84 мили въ окружности въ СЗ. Тибетѣ, 17,150 ф.; Помо Бжянъ-т'анъ ц'о въ южн. Тибетѣ—54 мили—16,050 ф.; Тигу

ц'о (тамъ же) 51 мили—15,550 ф., Чагжюд ц'о (Чаргут цо)—112 миль, 15,526 фут.; озера Манасаровар (оба вмѣстѣ)—96 миль, 14,960 ф. и на далекомъ разстояніи отъ нихъ—Куку нор 168 миль въ окружности, но лишь на высотѣ 10,250 ф. и Тосун нор—42 мили, 8,850 ф.

Названія тибетскихъ озеръ нерѣдко прямо указываютъ на женскій родъ, который приписывается имъ народомъ 1, либо сопровождаются частицами женскаго рода (мо)—напр. Данъ-гра юм значитъ мать— хранилище чистоты; Ц'омо тел-тунъ, близъ Непальской границы т. е. „женщина-озеро, откуда пьютъ мулы"; Ц'омо Ма п'ам является народнымъ обозначеніемъ вост. озера Манасаровар. Въ частыхъ книжныхъ названіяхъ для озеръ—юм-цо—, юм, однако, не является почетнымъ наименованіемъ „мать," но происходитъ отъ сочетанія гю-мцо, или бирюзовое озеро, указывая на сине-зеленый оттѣнокъ воды, являющійся въ сильной степени характернымъ цвѣтомъ тибетскихъ озеръ.

Соленыя озера, равно какъ естественныя отложенія соды, поташа и буры, составляющія замѣчательную черту физич. географіи Тибета и принимающія форму озера и болотъ, ограничены обширной областью типа т'анъ, такъ какъ озера мѣстностей док на югѣ, какъ Манасаровар, Ямдок, Ц'омо тел-тунъ, Палго. (на сѣверъ отъ группы Эверестъ) и Тигу, имѣютъ всѣ прѣсную воду, при чемъ окрестная почва—черноземная, торфяная и не солончаковая.

Въ общемъ, какъ показали наблюденія бр. Шлагинтвейтъ, содержаніе соли въ тибетскихъ озерахъ не зависитъ отъ нахожденія по сосѣдству соленосныхъ каменныхъ породъ, такъ какъ наиболѣе соленыя озера были найдены ими въ раіонѣ кристалическихъ породъ, и озерная соль качественно не отличалась отъ обыкновенныхъ солей родниковыхъ и рѣчныхъ водъ; отсюда естествененъ выводъ, что лишь процессъ сгущенія черезъ испареніе и отсутствіе внѣшняго стока обычной процентной примѣси соли въ водѣ сдѣлали тибетскія озера солеными.

Озера Бжанъ-т'ана имѣютъ, смотря по времени года, различный уровень воды; въ періодъ таянія снѣговъ (съ конца іюня) они поднимаются до конца іюля, когда подъ вліяніемъ нагрѣванія солнечными лучами усиливается испареніе воды, и уровень озеръ падаетъ до наступленія морозовъ. Соленыя озера съ крутыми берегами

среди холмистой мѣстности получають меньшій притокъ прѣсной воды, которая до нихъ не доходить, и потому растительности около нихъ почти не встрѣчается, развѣ только гдѣ проходить струя прѣсной воды [1]; только ручьи глетчеровъ опоясываются по берегамъ узкой зеленой каемкою. Тѣмъ не менѣе отсутствіе оживляющей ландшафтъ зелени искупается снѣжными горами и величіемъ пустыни, кладущими на все печать грандіозности. Скопленія соли у озеръ подчасъ достигаеть огромныхъ размѣровъ; ослѣпительный бѣлый пластъ соли разбивается вѣтромъ на шары и пирамиды, кажущіеся скорѣе дѣломъ рукъ человѣческихъ [2], а не природы, или на болѣе мелкіе куски и разносится по странѣ въ видѣ крутящагося бѣлаго облака. Кромѣ соли, изобилуеть и селитра, въ особенности въ мѣстности прямо на В. отъ Рудока.

Сохраняя понынѣ значительн. размѣры, озера Бжянъ-т'ана, какъ показали наблюденія Годв. Аустина для Панъ-конъ, Боуэра, Литтльделя и Гедина, находятся въ періодѣ высыханія, и слѣды прежней береговой линіи въ гористыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются на окружающихъ склонахъ холмовъ на значительной высотѣ отъ теперешняго уровня озера (въ одномъ случаѣ на высотѣ 131 метра); на ровной мѣстности линіи прежнихъ береговъ узнаются по землянымъ валикамъ съ лежащими за ними лагунами [3].

Какъ указывалось выше, Бжянъ-танъ заключаеть въ своихъ предѣлахъ обширный озерный поясъ, состоящій изъ расположенныхъ цѣпью значительныхъ водныхъ бассейновъ. Эта цѣпь располагается двумя почти параллельными рядами на разстояніи въ среднемъ одного градуса широты одинъ отъ другого. Первый болѣе южный рядъ, открытый Наинъ Сингомъ, начинается озеромъ Панъ-конъ и кончается Тэнгриноромъ, въ 80 миляхъ на СЗ. отъ Лхасы; въ своемъ прохожденіи съ запада на востокъ этотъ рядъ постепенно опускается въ широтѣ съ 34° до 30°45' с. ш. Второй рядъ, найденный Боуэромъ и Торольдомъ [4], тянется, также склоняясь постепенно къ югу, отъ Линъ-дзи танъ на границѣ Ладака до обширной площади воды, обозначенной ими Наксун сату, въ 75 миляхъ на СЗ. отъ Нам Ц'о (Селинъ цо Гедина) [5]. Возможно, что другіе аналогичные параллельныя ряды озеръ располагаются на сѣверъ и югъ отъ двухъ указанныхъ рядовъ. Такъ, озеро Монткальма Бонвало и озеро Боуэра, на С. отъ Чагжюд ц'о и на вос-

токъ вплоть до меридіана Лхасы, могутъ составлять одинъ изъ этихъ сѣверныхъ рядовъ, хотя съ другой стороны будущее изслѣдованіе можетъ показать, что вся площадь Бжянъ-тана усѣяна озерами и безъ всякой опредѣленной группировки на широтные пояса или ряды. Остается во всякомъ случаѣ вѣрнымъ то, что весь сѣверный Тибетъ на С. отъ 31° с. ш. и западъ отъ 91° 30', мѣстами до подножья Куэнь-луня, покрытъ обширной сѣтью озеръ.

Наибольшій рядъ-изъ двухъ-озерныхъ бассейновъ, насколько показали до сихъ поръ европ. изслѣдованія, при томъ наиболѣе значительныхъ по размѣрамъ, протягивается подъ 30½ и 32½° с. ш. на западъ отъ западной оконечности Танъ-ла (или отъ источной области Сальвина) до 82°, послѣ чего поворачиваетъ на сѣверъ въ видѣ болѣе мелкихъ озеръ; наиболѣе крупные бассейны, найденные понынѣ, умѣщаются всѣ между 91° и 86° в. д. Начало цѣпи кладутъ на востокѣ озера Бул ц'о (озеро соды [1] 6 миль въ длину, 5 въ ширину), Бум ц'о (крайній южный пунктъ Рокгиля въ 1892 г.) и Намцо; на югъ отъ нихъ располагается наибольшее изъ всѣхъ тибетскихъ озеръ Бжянъ нам-ц'о чьид мо [2] на высотѣ 4609 м. (15,190 ф.) на сѣверъ отъ снѣжной цѣпи Нинчин данла (Нойдзинъ танла Сандберга (7,300 м.) [3]. Озеро имѣетъ форму прямоугольника, со сторонами въ 75 и 20—35 верстъ [4]; вода крайне соленая, рыбы много; по отлогимъ берегамъ кучи раковинъ улитокъ. На самомъ озерѣ имѣются (кромѣ нѣсколькихъ меньшихъ близъ береговъ)— два острова съ буддійскимъ монастыремъ, посвященномъ Дордже пакмо, гдѣ живутъ совмѣстно гелюны и ани; монастыри имѣются и кругомъ озера, наиболѣе чтимый Доркя луг донъ гомба (монастырь скалы съ мордой овцы) [5].

Озеро замерзаетъ съ ноября по май, и только въ теченіе этого времени монастыри доступны съ берега за отсутствіемъ лодокъ. Въ сосѣдствѣ съ озеромъ имѣются горячіе (съ температурой воды достигающей точки кипѣнія— на этой высотѣ 84° Ц.) гейзеры, бьющіе на высоту до 35 ф.; въ водѣ открыта примѣсь сѣры.

Ледники должны доставлять главную массу приточныхъ водъ озера, т. к. всѣ путешественники единогласно указываютъ на величину и многочисленность ледниковъ вдоль сѣверныхъ склоновъ Нойдзинъ Танъ-ла; кромѣ того, было найдено нѣсколько рѣчныхъ притоковъ: Гжак'а чу съ юго-запада; Н'аг Лобзанъ ч'у (Сай.чу Наинъ Синга)

съ востока—та и другая рѣка значительныхъ размѣровъ. Одна рѣка выходитъ изъ СЗ. угла озера—Наг ч'у, вѣроятно соединяясь съ цѣпью мелкихъ озеръ на ЗСЗ. отъ Нам ц'о.

Западн. и вост. берега озера болѣе плоски, при чемъ на западѣ холмы подымаются не выше 600 ф. надъ уровнемъ озера, а на востокѣ между озеромъ и горами разстилаются низколежащія равнины. Окрестный ландшафтъ озера не имѣетъ таинственнаго и зловѣщаго характера, какъ большинства другихъ значит. тиб. озеръ. Съ сѣв. и зап. сторонъ озера открывается поразительный видъ на величественную южную цѣпь. Въ Ланъ-данъ, у СВ. угла озера, растетъ можевельникъ (Наинъ Сингъ)[1].

Юго-вост. уголъ озера отстоитъ лишь на 80 миль отъ Лхасы.

Изъ слѣдующихъ озеръ на западъ укажемъ на Кяринъ ц'о и Данъ-гра юм[2], съ пикомъ Таргот яб. На сѣверъ отъ нихъ— система Селлинъ ц'о (Гяринъ цо, 4430 м.) съ тремя другими озерами (прѣсными) и рѣкою Сачжу цзанъ-по, стекающей съ Данъ-ла; система была описана Гединомъ (см. 1 вып. стр. 194). Селлинъ цо ярко синяго цвѣта и совершенно пустынно, Накдзонъ цо окружено водяной растительностью, богато рыбою; берега очень живописны; какъ и Чаргут ц'о, оно усѣяно скалами и островами. Глубина Чаргут ц'о и послѣдняго озера системы—Аддан ц'о—50 метровъ.

Озеро Царинъ на З. отъ Чаргут ц'о имѣетъ большой притокъ—Богцанъ цзанъ-по, стекающій съ Гандисри; третья большая водная артерія Бжянъ-тана, помимо двухъ указанныхъ, соединяетъ три озера на сѣверъ отъ 32° с. ш.

Изслѣдованіе западной части Бжянъ-т'ана (на З. отъ 83°) дало за послѣднія десятилѣтія множество озеръ, гдѣ раньше на картѣ были только бѣлыя пятна[3]; всѣ онѣ лежатъ на большемъ возвышеніи, нежели южная цѣпь, въ зависимости отъ большаго поднятія страны. Наиболѣе извѣстны озеро (посѣщенное Кэри, Вельби, Дези) Ѣшил кул подъ 35° (5,000 м.), на востокъ отъ истоковъ Керіи[4], и Хорпа ц'о (?) Боуера (Гурменъ ц'о Дези), 34° 30', и 81°, лежащее на высотѣ 5,460 м. (17,930 ф.), слѣдовательно наиболѣе возвышенное изъ озеръ земного шара[5].

Нѣсколько далѣе на юго-западъ лежитъ рядъ небольшихъ озеръ, составляющихъ озеро Панъ-конъ, или Ц'омо м(н')алари (4,250 м.), подходящее западной оконечностью на разстояніе 60 километровъ

къ Ле. Восточный бассейнъ озера Панъ-конъ—Ц'о н'омбо, причудливой формы благодаря мысамъ, островамъ, заливамъ и крутымъ берегамъ, соединяется посредствомъ короткой рѣки съ медленнымъ теченіемъ, какъ въ каналѣ, 12 м. шириною, 3 м. глубиною, съ зап. озеромъ Панъ-конъ. Оба озера въ общемъ длинныя, фіордообразныя, представляютъ картины грандіознаго ландшафта. Глубина Панъ-конъ—30 м., (для горнаго озера весьма незначительная); прежняя береговая линія поднимается на 200 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ, такъ что процессъ высыханія можетъ быть наблюдаемъ до крайняго западнаго уголка Бжянъ-тана [1].

Громадное большинство озеръ Бжянъ-т'ана сильно насыщено солью [2] и при высыханіи оставляютъ послѣ себя ямы и площади соли нѣсколько футовъ толщиною.

Наиболѣе соленыя озера тибетцы называютъ ц'вак'а, остальныя ц'о; нѣкоторыя изъ озеръ, даже въ соляной области Бжянъ-т'анъ, повидимому, почти свободны отъ содержанія соли (Данъ-гра юм и прѣсноводн. озеро Боуера на берегу Наксун Сату). Мало того, близъ нѣкоторыхъ ца-к'а, въ наиболѣе изобилующихъ селитрою и азотомъ равнинахъ, встрѣчаются источники прѣсноводной воды, изливающіеся въ эти соляные резервуары, напр., около Панъ-кона, и превращающіе ближающую часть озера въ прѣсноводную [3].

Торговля соляными продуктами въ областяхъ док на югъ отъ озернаго пояса очень значительна, какъ показали сообщенія туземныхъ изслѣдователей. Населеніе этой мѣстности—докпа—собираетъ соль (ц'ва), соду (бул), употребляемую въ качествѣ лекарства, фермента, какъ приправа къ чаю и для различныхъ техническихъ цѣлей, и буру (ц'але) главнымъ образомъ изъ мощныхъ отложеній, окаймляющихъ озера, и наполняютъ ими 20 фунт. мѣшки; два мѣшка составляютъ ношу овцы. Стада до 700 груженыхъ солью овецъ встрѣчаются нерѣдко по дорогѣ въ Непалъ или въ Ладакъ. Бура, повидимому, попадается въ наибольшемъ изобиліи на равнинахъ Мажинъ (округа на с.-востокѣ Н'ари к'орсум близъ золотыхъ россыпей); она залегаетъ въ большихъ количествахъ уже на поверхности, а глубже въ почвѣ ея запасы прямо неистощимы. Спросъ на нее невеликъ, хотя одинъ пандитъ встрѣтилъ близъ восточныхъ верховьевъ Инда до 100 человѣкъ, занятыхъ ея разработкою.

Нѣкоторыя озера даютъ нечистую селитру (именно азотно-кислую соль калія), которая доставляется по хорошей цѣнѣ въ Лхасу и Гжянъ-цзе для изготовленія пороха [1].

Горячіе источники изобилуютъ близъ соленыхъ и прѣсноводныхъ озеръ. Иногда они насыщены сильной примѣсью солей, главн. обр. хлористыхъ и сѣрнокислыхъ, затѣмъ щелочныхъ, также магнезіи; нѣкоторые содержатъ желѣзо.

Нерѣдко источники выбрасываютъ совершенно чистую и прѣсную воду, которая зимою, въ пустынныхъ равнинахъ представляетъ неисчислимую цѣну для путешественника, т. к. соленая вода черезъ замерзаніе недостаточно очищается отъ соленого вкуса. Тибетцы вѣрятъ въ цѣлительн. свойства гейзеровъ, и единственнымъ омовеніемъ тѣла въ жизни многихъ изъ нихъ является недѣльный курсъ ваннъ въ горячихъ источникахъ. Въ холодную погоду туземцы ищутъ убѣжище отъ непогоды въ высѣченныхъ въ скалѣ бассейнахъ, откуда бьетъ теплый источникъ [2].

Въ суровыхъ областяхъ сѣвернаго Тибета замерзаютъ даже горячіе источники, образуя столбы льду смѣшаннаго съ пескомъ и камнями, до 20 ф. въ діаметрѣ и на высоту человѣка, какъ разсказываетъ Бонвало [3].

Указанная цѣпь озеръ раздѣляется на нѣсколько различныхъ частей горными цѣпями, о направленіи коихъ мало что извѣстно; высота ихъ подчасъ бываетъ очень значительна и число снѣжныхъ горъ велико, хотя названія ихъ въ точности не узнаны. Группировка ихъ еще не установлена; вѣроятнѣе всего эти цѣпи относятся, соотвѣтственно своему направленію, либо къ Куэнь-луньской системѣ, либо къ Гималайской. Расположеніе озерныхъ бассейновъ въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ между 30° и 31° с. ш., повидимому, указываетъ на существованіе большихъ водораздѣльныхъ хребтовъ на сѣверъ и на югъ отъ нихъ. Сѣверный хребетъ на западѣ достигаетъ у Хорпа ц'о 6,750 м. (Снѣжная шапка) и другой вершиною у Lighten lake 7,160 м.; въ дальнѣйшемъ слѣдованіи на востокъ цѣпь понижается до 6.000 м. съ перевалами въ 5,000 м. На сѣверъ отъ нея располагается болѣе или менѣе достовѣрно установленная вѣтвь Куэнь-луня, которую Литтльдэль пересѣкъ подъ 34° на высотѣ 5,900 м.; онъ же наблюдалъ подъ той же широтою вершины свыше 6.000 м. Существованіе значительныхъ гор-

ныхъ поднятій въ этой области свидѣтельствуется и Дютрейль де Рэнсъ (пики Бонвало и принца Орлеанскаго подъ 33½° с. ш. (6.500 м.). Въ какомъ отношеніи они стоятъ къ южной вѣтви Куэнь-луня, неизвѣстно; возможно послѣдняя направляется, какъ было указано, сѣвернѣе къ горамъ Дюплэ, но трудно возражать и противъ болѣе южнаго направленія черезъ указанные пики. Во всякомъ случаѣ, равнинный характеръ устройства поверхности Бжянъ-т'анъ долженъ приниматься съ большими оговорками, чѣмъ это дѣлалось раньше, несмотря на всѣ успѣхи нивеллирующаго процесса въ этой области.

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія особенностей строенія почвы области Бжянъ-т'анъ нетрудно убѣдиться, что эта область была нѣкогда дномъ одного или нѣсколькихъ обширнѣйшихъ прѣсноводныхъ озеръ и еще въ болѣе рѣшительной степени была лишена внѣшняго стока, чѣмъ нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, крайній юго-восточный уголъ ея, очевидно, лишь въ сравнительно недавнее время примкнулъ къ области внѣшняго стока, по мѣрѣ того, какъ истоки Муруи усу, Меконга и Сальвина все далѣе углубляются внутрь страны на западъ. Уже теперь Сальвинъ готовится принять воды изъ двухъ маленькихъ озеръ близъ своего истока, и можно представить себѣ время въ будущемъ, когда большая цѣпь озеръ по южной окраинѣ Бжянъ-т'анъ свяжется съ Тэнгри норомъ однимъ общимъ теченіемъ и примкнетъ къ одной изъ областей индо-китайскихъ рѣкъ, скорѣе всего къ Сальвину, чьи истоки ближе другихъ подходятъ къ Тэнгри нору. Что подобная догадка имѣетъ за собою значительныя вѣроятія, доказывается примѣромъ Цзанъ-по, верхнее теченіе которой возникло, несомнѣнно, такимъ же образомъ; остатки прежнихъ болѣе значительныхъ озерныхъ бассейновъ, послужившихъ образованію верхней Цзанъ-по, сохранились еще по южную сторону ея долины и въ области верховьевъ (Священныя озера) [1].

Въ порядкѣ изложенія надлежало бы перейти теперь къ описанію второй—восточной половинѣ сѣвернаго Тибета, или области средняго Куэнь-луня по преимуществу; но такъ какъ раньше уже приходилось довольно подробно останавливаться на строеніи этой части Тибета (см. стр. 41—44), а берущія здѣсь начало большія рѣки —Желтую рѣку, Янъ-цзы—удобнѣе всего разсматривать въ связи съ ихъ дальнѣйшими теченіями внутри периферическихъ областей сѣверо-восточнаго и юго-восточнаго Тибета, то является полная возмож-

ность прямо перейти отъ разсмотрѣнія области Бжянъ-т'анъ, или сѣверо-западнаго Тибета къ характеристикѣ южнаго Тибета, тѣмъ болѣе, что между сѣверомъ и югомъ Тибета замѣчается меньшій контрастъ, нежели между западомъ и востокомъ. Если это различіе существуетъ между отдѣльными половинами сѣвернаго Тибета, то онъ обнаруживается еще въ болѣе рѣзкой степени и въ южномъ Тибетѣ въ отношеніи восточной и западной части послѣдняго.

На всемъ протяженіи Бжянъ-т'ана существуетъ одинъ лишь ландшафтный типъ согласно классификаціи тибетскихъ географическихъ сочиненій, или т'анъ; въ южномъ Тибетѣ является уже новый типъ строенія поверхности, или ронъ вмѣстѣ съ промежуточными видами, и это обстоятельство побуждаетъ внимательнѣе остановиться на разсмотрѣніи характерныхъ чертъ указанныхъ типовъ, какъ они представляются по тибетской терминологіи, разобранной Сандбергомъ 1.

Рѣзкое различіе между т'анъ и ронъ въ качествѣ особыхъ ландшафтныхъ типовъ, свойственныхъ Тибету и влекущихъ за собою также соотвѣтственныя измѣненія въ климатѣ и растительной, какъ и животной жизни, подало поводъ тибетцамъ принять эти типы въ основу классификаціи отдѣльныхъ областей ихъ страны съ точки зрѣнія устройства ихъ поверхности, при чемъ помимо двухъ главныхъ, устанавливаются еще двѣ переходныя формы—такъ называемыя мѣстности док и ганъ, или всего четыре отличныхъ ландшафтныхъ типа. Подобная классификація имѣетъ неоспоримыя практическія удобства и не лишена научнаго значенія.

Типъ „т'анъ", наиболѣе характерный для Тибета, будучи распространенъ на большемъ протяженіи его поверхности, описанъ выше: это либо солончаковыя озерныя, либо совершенно безводныя равнинныя долины, тѣ и другія почти въ одинаковой мѣрѣ безплодныя. Въ видѣ исключенія, полоса мѣстности „т'анъ" въ 40 миль шириною на югъ отъ 33° с. ш. и на В. отъ 82° в. д. 2, покрытая густой грубой травою, даетъ достаточно обильный кормъ стадамъ к'амба и бжянъ-ба 3, единственно постоянными обитателями Бжянъ-т'ана. Здѣсь появляется и дикая ревень, одуванчики и сокольники.

Типъ „т'анъ" въ извѣстной мѣрѣ возобновляется на югѣ, въ части тибетской территоріи, примыкающей къ восточному Непалу и Сиккиму и извѣстной подъ именемъ Динъ-цам. Эти мѣстности ли-

шены древесной и кустарниковой растительности, но покрыты грубой травою и, имѣя возвышеніе свыше 15,000 ф. характеризуются тѣми же широкими плоскими долинами, раздѣленными грядами округленныхъ холмовъ, какъ и истинная область „т'анъ"—Бжянъ-т'анъ.

Слѣдующимъ ландшафтнымъ типомъ переходнаго характера являются мѣстности „док" ('брог), или нагорныя пастбища, напоминающія сибирскія тундры, т. к. характерныя черты ихъ составляютъ трясины, топи и овраги среди сильно изсѣченной мѣстности, съ дикими горными кряжами, также покрытые мохомъ бугры съ мягкой черной торфяной почвою. Низкорослые кусты барбариса, Myricaria и вереска мѣстами перемѣшиваются съ проволоковидными стеблями Eurotia. Всѣ мѣстности док носятъ очень дикій характеръ, поднимаясь на скаты могучихъ горъ или замыкаясь лабиринтомъ извилистыхъ холмовъ, выдвигающихъ выступы и раздвоенные устои въ каждую впадину болотистыхъ пространствъ. Несмотря на столь причудливый характеръ, всѣ земли док представляютъ превосходныя пастбища—правда, рѣдко посѣщаемыя крупной дичью, кромѣ Ovis Ammon и дикихъословъ, такъ какъ заняты стадами домашнихъ яковъ и барановъ, которыми владѣютъ полукочевые обитатели—докпа.

Описанный общій характеръ мѣстностей „док" обнаруживаетъ значительное разнообразіе формъ, уклоняющихся отъ основного типа, какъ указываетъ Сандбергъ[1] со словъ Угжѣн гжяц'о и другихъ, при чемъ во многихъ случаяхъ пріобрѣтаетъ привѣтливый видъ, несмотря на возвышеніе въ 15,000 фут. Таковыми являются округа Док-де, въ разстояніи 150—200 миль на СВ. отъ Лхасы [2]. Эти округа включаютъ и Гжя-де (отъ Нагчу к'а до Чамдо), черезъ который проходятъ верхнія воды Гжяма н'ул-ч'у. Здѣсь широкія долины мѣстами доступны обработкѣ, а населеніе живетъ въ деревняхъ, расположенныхъ высоко на гребняхъ выступовъ, или въ углу крутого ската. Еще выше устраиваются монастыри—нерѣдко въ мѣстахъ, на первый взглядъ доступныхъ лишь съ помощью крыльевъ. Смѣлые утесы и острые окутанные снѣгомъ пики занимаютъ мѣсто округленныхъ бугровъ страны т'анъ. Живописныя рѣки, притоки Сог ч'у, проходя въ южномъ направленіи, представляютъ новую черту ландшафта. Лишь мѣстами попадаются безплод-

ныя нагорныя болотистыя пространства. Такимъ образомъ, не всѣ земли док заняты исключительно кочевымъ населеніемъ; въ большинствѣ ихъ (особенно въ долинахъ, спускающихся до 13,000 ф.) имѣются группы каменныхъ домовъ; по сосѣдству ихъ обычно растетъ на утесахъ можжевельникъ и мелкая разновидность сосны, близъ рѣчного русла—тополи и ивы.

Главные раіоны земель док суть: 1) область озера Ма-панъ и большая часть области Док-тол, примыкающей къ сѣв.-вост. границѣ Н'ари К'орсум; 2) страна на Ю. и ЮВ. отъ озера Ямдок, съ землями вокругъ Тигу ц'о и По-мо жанъ-т'анъ ц'о; 3) обширное пространство страны на СВ. отъ Лхасы и на С. отъ Гжяма Н'ул-ч'у —Док-юл и Док де. Это наиболѣе обширный раіонъ „док“ въ Тибетѣ, доходя на сѣверъ до цѣпи Дунбуре.

Господствующіе оттѣнки цвѣтовъ въ ландшафтной картинѣ т'анъ и док, т. е. большей части территоріи страны, суть красный, пурпуровый, желтый и коричневый; только, гдѣ существуютъ рѣки и болота, яркій изумрудо-зеленый цвѣтъ травянистой растительности выдѣляется рѣзкимъ контрастомъ на остальномъ фонѣ. Естественная окраска страны сохраняется лишь въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, такъ какъ зимою наружный видъ т'анъ и док бываетъ совершенно отличнымъ. Раннее выпаденіе снѣга въ октябрѣ вскорѣ измѣняетъ ландшафтъ въ типичную пустыню. Стада яковъ и дикихъ ословъ продолжаютъ еще бродить, но скотоводы удаляются въ каменныя хижины въ защищенныхъ долинахъ; голоки возвращаются въ болѣе низкія равнины Амдо и небольшіе города по китайской границѣ. Тѣмъ болѣе странно бываетъ наблюдать на скованной льдомъ равнинѣ жидкія болота и пруды, въ которыхъ вода никогда не замерзаетъ, благодаря перенасыщенію солью, хотя рядомъ значительное число гейзеровъ обращаются въ высокіе бѣлые столбы льда.

По утесамъ и мхамъ территоріи док снѣгъ въ январѣ лежитъ пластомъ въ нѣсколько футовъ толщиною, тогда какъ въ собственномъ Бжянъ-т'анѣ снѣгу бываетъ не въ примѣръ меньше, такъ что почва здѣсь взамѣнъ снѣжнаго покрова прочно скована корою чистаго льду.

Третій (и въ то же время второй основной) типъ тибетскаго ландшафта—ронъ—представляетъ собою глубокіе овраги и скалистыя

ущелья между высокими утесами, съ которыхъ устремляются быстрые ручьи, стекающіе къ большимъ рѣкамъ. Эти узкія долины содержатъ въ большинствѣ случаевъ обширныя приподнятыя надъ остальнымъ уровнемъ дна долины пространства наносной почвы, въ особенности въ пунктахъ сліянія рѣкъ. По краямъ этихъ ущелій раскинулись всюду деревни и монастыри, обитатели коихъ старательно воздѣлываютъ полосы скопленія аллювія, не только по берегамъ рѣки, но и въ углубленіяхъ по сторонамъ утесовъ [1]. Подобныя ущелья—ронъ—являются излюбленнымъ мѣстомъ для устройства поселеній въ виду близости и обилія воды, плодородія и рыхлости почвы и вообще болѣе низкому возвышенію уровня мѣстностей, гдѣ встрѣчается этотъ видъ строенія поверхности. Одинъ изъ главныхъ такихъ раіоновъ между Шихацзе и Ямдок ц'о, представляетъ сѣть горныхъ дефиле, буквально усѣянныхъ деревнями и монастырями.

Особенную черту провинціи К'ам составляетъ четвертый (второстепенный) типъ ландшафта, или ганъ, который замѣняетъ здѣсь типъ док, господствующій далѣе на западъ; съ послѣднимъ типомъ ганъ имѣетъ нѣчто общее въ строеніи, хотя суровый характеръ природы док здѣсь отсутствуетъ, и болотистыя пространства замѣщаются плоскими сухими возвышенностями. Благодаря болѣе низкому уровню страны, растительность богаче и разнообразнѣе, хотя мѣстность все-же представляетъ нагорье, каковой смыслъ и имѣетъ терминъ ганъ. Кап. Джиль, въ яркихъ краскахъ, рисуетъ картину тибетскаго нагорья—ганъ, близъ Сы-чуаньской границы [2]. Въ столь же привлекательныхъ чертахъ изображаетъ Боуэръ мѣстность Лаганъ, на З. отъ Чамдо, принадлежащую къ тому же ландшафтному типу, при чемъ густыя площади лѣса и открытыя травянистыя пространства съ отдѣльными деревьями, чередуясь въ долинѣ рѣки, представляли взору путешественника при каждомъ поворотѣ дороги новыя картины чудесной панорамы, далеко не отвѣчавшей возвышенію въ 12,500 ф., но въ Тибетѣ это возможно.

На югъ отъ Чамдо, страна дѣлается суровой и безплодной и только въ долинѣ главной рѣки удерживаетъ смѣющійся характеръ. Также дѣло обстоитъ и въ Дерге, 150 миль на СВ. отъ Чамдо; на этой высотѣ страна непроизводительна и негостепріимна, кромѣ какъ въ большихъ рѣчныхъ долинахъ. Рокгиль слѣдующимъ образомъ описываетъ переходъ изъ области сосѣдней съ Джѣкундо

по характеру принадлежащей скорѣе къ типу ронъ, къ странѣ „ганъ" далѣе къ югу при входѣ въ Дерге по долинѣ Денго (Дренкоу), ведущей къ Дречу: „Страна, остававшаяся, какъ и на сѣверъ отъ Джѣкундо, безплодной и обнаженной, за исключеніемъ немногихъ низкорослыхъ деревьевъ въ скалистыхъ углубленіяхъ, перемѣнилась точно по волшебству: по оврагу бѣжалъ ручеекъ среди береговъ, покрытыхъ мягкой зеленой травой, испещренной разноцвѣтными цвѣтами. По сторонамъ горъ росли сосны и можжевельникъ, а близъ дороги дикая слива и различные кустарники наполняли воздухъ благоуханіемъ. Послышалось кукованіе кукушки, тогда какъ раньше воздухъ не оживлялся ни одной птицею". Долина Дре чу предстала Рокгилю еще въ болѣе живописномъ нарядѣ среди крутыхъ горныхъ стѣнъ съ рѣкою, мчавшей свои волны по извилистому руслу. По обѣимъ сторонамъ рѣки шли селенія и монастыри, съ небольшими воздѣланными участками земли, тогда какъ стада вьючныхъ яковъ паслись вокругъ бѣлыхъ палатокъ чайныхъ торговцевъ [1].

Въ топографическомъ смыслѣ въ восточномъ Тибетѣ имѣется 6 округовъ ганъ, между прочимъ Марк'ам и Миняк (остальные 4 суть Мабя Забмо, Ца-ва, Помпо и Ярмо), которые отдѣляются иногда отъ остальной части провинціи подъ общимъ обозначеніемъ Ганъ.

Выше были указаны характерныя черты каждаго ландшафтнаго типа, какъ они устанавливаются туземными авторами, но несомнѣнно, что въ природѣ эти типы не стоятъ въ совершенномъ обособленіи одинъ отъ другого, и различные элементы ихъ часто смѣшиваются настолько, что бываетъ трудно отнести ту или другую мѣстность къ опредѣленному типу приведенной классификаціи. Во всякомъ случаѣ существованіе этихъ типовъ указываетъ на значительное разнообразіе въ тибетскомъ ландшафтѣ.

V. Рѣчныя системы.

Южный Тибетъ—долины верхняго Инда, истоковъ Сетледжа и Цзанъ-по—верхней Брамапутры—въ западной своей части вплоть

до южнаго притока Цзанъ-по—Ялунъ (88° в. д.), идущаго отъ монастыря Сакья, имѣетъ много общаго съ Бжянъ-т'анъ и по возвышенію надъ уровнемъ моря, впрочемъ, уже нѣсколько уступающему высотѣ сѣвернаго нагорья, и по отличительнымъ чертамъ ландшафта (отлогимъ равнинамъ), и по существованію въ центральной его части закрытыхъ озерныхъ бассейновъ (Священныя озера). Однако, благодаря работѣ теченій большихъ рѣкъ, правда, начатой здѣсь сравнительно лишь недавно черезъ соединеніе цѣпи прежнихъ закрытыхъ озеръ въ общую линію стока, даже эта менѣе привлекательная часть Южнаго Тибета оказывается мѣстами болѣе пригодной для человѣческаго населенія, хотя на всемъ протяженіи ея до указанной рѣки Ялунъ земледѣльческой культуры почти не встрѣчается [1], и жители кормятся отъ своихъ стадъ. Долина рѣки Ялунъ, около верховьевъ которой лежитъ знаменитый монастырь Сакья, отмѣчаетъ постепенный переходъ къ отличному виду ландшафта, мало отвѣчающему прежнему европейскому представленію о Тибетѣ, какъ о странѣ негостепріимной и безплодной. Съ пониженіемъ уровня долины Цзанъ-по страна принимаетъ болѣе привлекательный, мѣстами даже цвѣтущій характеръ, вполнѣ отвѣчающій ея роли въ качествѣ колыбели и средоточія исторической тибетской культуры. Правда, путешественникъ не встрѣчаетъ здѣсь глубокихъ долинъ и высокихъ горныхъ цѣпей,—важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ периферическій юго-восточный Тибетъ и впервые обнаруживающихся въ долинѣ Цзанъ-по, начиная приблизительно съ меридіана Лхасы. Въ противоположность периферической области центральная часть долины Цзанъ-по, если и не представляетъ собою ровнаго, какъ билльярдный столъ, плато и можетъ назваться скорѣе гористой страною, составлена изъ ряда широкихъ долинъ съ плоскимъ дномъ, замкнутыхъ среди горъ, которыя кажутся здѣсь не выше холмовъ, съ каменистыми верхними частями. Къ югу отъ этихъ долинъ располагается горная область сѣвернаго склона Гималаевъ съ присущими ей чертами ландшафта внутреннихъ областей Тибета—волнистыми степными пространствами (такъ называемыми пастбищами, или док) и закрытыми озерными бассейнами (Палгу-ц'о, Ц'омо-телтунъ на сѣверъ отъ сѣверо-восточнаго Непала и Сиккима, Рам ц'о и Кала ц'о на сѣверъ отъ долины Чумби, Помо жанъ-т'анъ, Бам ц'о, Тигу ц'о, между примкнувшимъ

къ Цзанъ-по и снова отдѣлившимся отъ нея Ямдок ц'о и Бутаномъ). Дороги пересѣкаютъ эти пустынныя нагорныя равнины по перевaламъ на большой высотѣ, черезъ водораздѣльную цѣпь сѣверныхъ Гималаевъ. П'отула и Н'ола ведутъ изъ Западнаго Непала на высотѣ 4,600 и 5,060 метровъ, на востокъ отсюда перевалы превышаютъ еще 5,000 м. (перевалъ Данъ-ла на пути англійской экспедиціи отъ Пари (14,570 ф.) до Туна (14,950 ф.) имѣлъ 15,200 ф.).

Упомянутое озеро Кала (6 или 8 миль длиною, 2—3 мили шириною), занимающее широкую, но не глубокую котловину, на высотѣ 14,700 ф., между обнаженными песчанниковыми холмами, можетъ служить иллюстраціей процесса образованія т. н. „равнинъ" внутренняго Тибета. Раньше, какъ доказываетъ отчетъ Богля, озеро имѣло истокъ, впадавшій въ рѣку Нянъ, теперь же является закрытымъ бассейномъ съ слегка солоноватой водою и бѣлымъ налетомъ соли по берегамъ, благодаря сокращенію площади озёра по прямой линіи на 15 миль и пониженію его уровня на 200 футовъ. Отъ р. Нянъ озеро отдѣляется на восточной сторонѣ теперь высокой насыпью гравія и мелкой гальки, загородившей выходъ воды изъ озера; рѣка же идетъ по глубокому широкому каналу внутри высохшаго дна бывшей восточной большей половины озера, превратившагося въ равнину. Такимъ образомъ высыханіе озерныхъ и рѣчныхъ бассейновъ даетъ начало существующимъ равнинамъ 1.

На востокъ отъ меридіана Лхасы характеръ долины Цзанъ-по, или что тоже,—южной полосы страны, снова измѣняется: на сѣверѣ и югѣ растутъ въ вышину и въ разнообразіи очертаній горныя массы обширныхъ цѣпей, и въ той же мѣрѣ долина Цзанъ-по, а въ особенности ея притоковъ углубляется въ почву, теченіе ускоряется. Въ общемъ совершается постепенный переходъ къ высокой гористой странѣ съ глубоко врѣзанными долинами юго-восточнаго Тибета.

Рѣка Цзанъ-по создала въ значительной мѣрѣ существующій видъ южнаго Тибета въ его восточной половинѣ, подготовивъ путь къ возникновенію тибетской культуры и сплоченію тибетской народности въ одно государство, центръ котораго всегда лежалъ въ ея долинѣ, только раньше на югъ отъ теченія рѣки. Такимъ образомъ долина р. Цзанъ-по неразрывно связывается съ европейскимъ представленіемъ о Тибетѣ, какъ о политической, правда, весьма

своеобразной единицѣ, среди государственныхъ организацій въ Азіи, и заслуживаетъ болѣе внимательнаго и подробнаго описанія, чѣмъ всѣ прочія водныя теченія страны.

Выше была изложена на стр. 69—90 исторія европейскаго*) изслѣдованія Цзанъ-по и ея долины; теперь остается лишь собрать въ общемъ описаніи важнѣйшіе факты, добытые въ этомъ отношеніи различными излѣдователями въ дополненіе къ результатамъ путешествія Роулинга и Райдера вверхъ по теченію Цзанъ-по отъ Шихацзе (см. I выпускъ).

Область верхняго теченія Цзанъ-по представляетъ много общихъ чертъ съ областью верхняго Инда и истоковъ Сетледжа, вмѣстѣ съ которыми образуетъ западную половину южнаго Тибета съ отпечаткомъ ландшафта Бжянъ-т'ана; поэтому, предварительно слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ указанныхъ наибольшихъ водныхъ теченіяхъ западнаго Тибета (въ политическомъ смыслѣ), обнимающаго и часть области Бжянъ-т'анъ въ округѣ Рудок и мѣстности Сертол провинціи Н'ари К'орсум.

Индъ (въ тибетскомъ книжномъ языкѣ Син-ду) беретъ начало двумя вѣтвями, сѣверной болѣе значительной—Синги-чу (пиш. Сенъ-гіи ч'у—рѣка льва) или собственный Индъ, и южной, или Гарт'анъ ч'у, на сѣверо-восточномъ (Синги чу) и западномъ (Гарт'анъ ч'у) склонахъ массива Ганъ-ри, близъ вершины Кайлас. Южная вѣтвь имѣетъ прямолинейное направленіе на сѣверо-западъ, т. е. то же направленіе, какъ далѣе соединенное теченіе обѣихъ вѣтвей, что обусловлено направленіемъ Гималайскихъ и Каракорумскихъ цѣпей, замыкающихъ долину рѣки съ обѣихъ сторонъ; сѣверная же вѣтвь 1 описываетъ полукругъ вдоль южнаго подножья Алунъ Ганъ-ри въ мѣстности еще болѣе пустынной и неизслѣдованной 2, чѣмъ южная вѣтвь, по долинѣ которой проходитъ значительная торговая дорога изъ Ладака черезъ Гарток къ долинѣ Цзанъ-по. Южный истокъ Инда лежитъ на высотѣ болѣе 5,000 метровъ, сѣверный еще выше; въ Гартокѣ южная вѣтвь опускается до 4,340 метровъ, въ точкѣ соединенія обѣихъ вѣтвей (Ташигонъ) нѣсколько южнѣе Демчок, важнаго торговаго центра по дорогѣ въ Ле, долина Инда имѣетъ уже только 3,970 м., въ Ле (въ Ладакѣ) внѣ тибетской

*) Черезъ посредство пандитовъ.

политической границы—3,440 метровъ, а подъ 74—73° в. д. передъ прорывомъ рѣки черезъ Гималаи на югъ—не болѣе 1416 метровъ. Въ этомъ мѣстѣ, приблизительно въ разстояніи 500 миль отъ вершины истока на склонахъ Кайласа, рѣка устремляется въ ущелье Искардо, имѣющее, по разсказамъ, вертикальныя стѣны въ 14,000 футовъ, на весьма ярко отмѣченной границѣ между горнымъ и равниннымъ участками ея теченія.

Въ предѣлахъ провинціи Н'ари к'орсум теченіе верхняго Инда, проходящее по широкому каменистому ложу между горами абсолютно очень высокими, относительно же не превышающими нерѣдко размѣровъ обыкновенныхъ холмовъ, остается большей частью спокойнымъ въ отличіе отъ болѣе низкихъ участковъ. Вообще эта верхняя (или тибетская) часть долины Инда по физическимъ свойствамъ ничѣмъ не отличается отъ внутреннихъ областей, развѣ только обиліемъ прѣсной воды и довольно густой травянистой растительностью, которой кормятся многочисленныя стада овецъ и козъ—главное, почти единственное богатство населенія западнаго Тибета благодаря получаемой отъ нихъ тонкой шерсти (пуха), служащей для выдѣлки кашмирскихъ шалей. Напротивъ, расположенные ниже по теченію рѣки Ладакъ и Балтистанъ, принадлежавшіе до середины XIX стол. Тибету политически, какъ и теперь географически и этнографически, и связанные съ этой страною довольно оживленнымъ торговымъ обмѣномъ и до самаго послѣдняго времени извѣстными политическими сношеніями 1, имѣютъ благодаря болѣе умѣренному климату значительныя постоянныя селенія, даже города—Ле и Скардо, и земледѣльческую культуру въ глубокихъ долинахъ среди величественнаго горнаго ландшафта. Слѣдовательно, эти области могутъ быть названы переходными къ периферическому Кашмиру съ его пышной подъ-тропической растительностью и несравненными природными красотами, живо описанными многочисленнымъ рядомъ путешественниковъ 2. Однако, въ той же области Ладака имѣются и мѣстности внѣ границъ бассейна Инда и стока къ морю, сохраняющія типичныя черты тибетскаго нагорья, въ родѣ округа Нубра на сѣверо-востокѣ (съ равниною Линъ-дзи т'анъ) и владѣнія Рупчу и Цанскар на югѣ; къ Рупчу примыкаетъ по физическому характеру и княжество Спити, составлявшее прежде часть политическаго Тибета. Всѣ три послѣдненазванныя области лежатъ въ промежуткѣ

между верхнимъ Индомъ и верхнимъ теченіемъ его наибольшого притока —Сетледжа.

Сетледжъ беретъ начало[1] почти рядомъ съ южной вѣтвью Инда, но огромное разстояніе раздѣляетъ ихъ среднія теченія внѣ тибетской территоріи, и обѣ рѣки успѣваютъ вырости въ длину многихъ сотенъ миль до окончательнаго соединенія. Теченіе Сетледжа въ предѣлахъ Тибета было окончательно установлено на картѣ въ 1904 г. работами членовъ англійской экспедиціи къ Гартоку. Характеръ долины напоминаетъ близко долину Гар-т'анъ чу, хотя послѣдняя можетъ назваться сравнительно болѣе богатой. Впрочемъ, это сходство должно приниматься съ нѣкоторыми оговорками, такъ какъ во многихъ мѣстахъ Сетледжъ, пробиваясь „сквозь обширное нагроможденіе почвенныхъ отложеній, слѣдуетъ по глубокому оврагу между пропастями аллювіальной почвы и, наконецъ, пересѣкаетъ Гималаи по ущелью съ горами, поднимающимися до 20 тыс. футовъ съ обѣихъ сторонъ. Это раіонъ знаменитаго перевала Шипки, гдѣ граница охраняется тибетскими передовыми постами"[2]. Съ другой стороны не малое отличіе долины Сетледжа отъ долины Гар-т'анъ ч'у составляетъ то, что, въ противоположность второй почти безлюдной долины, на Сетледжѣ лежитъ древній и наибольшій монастырь западнаго Тибета—Тотлинъ, а также Чапранъ[3], по выходѣ же рѣки близъ селенія Шипки изъ Тибета, на высотѣ 2,209 ф. расположился знаменитый горный курортъ Симла, откуда вице-короли Индіи давали нерѣдко тонъ тибетской политикѣ Англіи.

Областью Священныхъ озеръ, или Манасаровар верховья Инда и Сетледжа отдѣляются отъ истоковъ Цзанъ-по ч'у, или „Чистой воды" по ту сторону перевала Маюм. Этотъ водораздѣлъ, несмотря на свою абсолютную высоту въ 4,700 м., столь слабо выраженъ топографически, что даетъ поводъ предполагать о будущемъ соединеніи озера Манасаровар съ Цзанъ-по, какъ это имѣло уже мѣсто въ отношеніи другихъ озеръ долины послѣдней рѣки[4].

Наиболѣе удобный доступъ къ Священнымъ озерамъ съ юга—со стороны Индіи—открывается по долинѣ рѣки, по размѣрамъ немногимъ лишь уступающей тремъ выше упомянутымъ и берущей начало въ близкомъ сосѣдствѣ съ тѣми—Карнали, или Мачжя к'а баб по тибетски.

Эта рѣка, являясь однимъ изъ наибольшихъ притоковъ, пожалуй, даже верховьевъ Ганга, беретъ начало въ значительномъ разстояніи на сѣверъ отъ политической границы Индіи на склонахъ горъ, замыкающихъ Священныя озера съ юга и, сдѣлавъ брешь въ массивной стѣнѣ центральной цѣпи Гималаевъ, течетъ черезъ Непалъ (благодаря чему верхнее ея теченіе мало изслѣдовано), изливаясь затѣмъ въ р. Гогра на востокъ отъ Лукнова и черезъ послѣднюю въ концѣ концевъ соединяясь съ Гангомъ.

Долина р. Карнали въ предѣлахъ тибетской территоріи представляетъ сравнительно густо населенную[1] область, лежащую значительно ниже ясно очерченнаго плато, которое обнимаетъ Священныя озера и простирается далѣе на западъ по направленію къ Гартоку и Даба. Это плато лежитъ на высотѣ 15,000 футовъ, тогда какъ наибольшій населенный пунктъ долины Карнали—Таклакот или Пуранъ—имѣетъ не выше 13,300 ф. (и это можетъ считаться среднимъ возвышеніемъ долины рѣки въ предѣлахъ тибетской территоріи). Вообще плодородная и хорошо орошенная полоса страны, составляющая долину Карнали, должна разсматриваться сама по себѣ отличной отъ примыкающаго къ ней на сѣверѣ плато, такъ какъ дѣйствіе рѣкъ и другія причины способствовали пониженію ея уровня и созданію въ ней иныхъ физическихъ условій. При слѣдованіи изъ Таклакот по направленію къ Манасаровар дорога поднимается неуклонно въ гору и около монастыря Рунгунъ вступаетъ на обширную равнину около 15,000 ф., входящую ужъ въ составъ территоріи Барка таржум, которая включаетъ также Кардам и всѣ небольшія селенія въ богатой области верхней Карнали[2].

Въ центрѣ указанной равнины лежитъ Балдак, въ высшей степени непривѣтливое мѣсто, такъ какъ не имѣетъ прикрытія отъ ночного вѣтра и совершенно лишено всякаго топлива. Отсюда двѣ тропы ведутъ къ Священнымъ озерамъ: западная, излюбленная бутійскими торговцами, къ Ракас тал, восточная черезъ перевалъ Гурла (16,200 ф.) къ Манасаровар. Съ этого перевала, отмѣченнаго большимъ обо[3], открывается величественная картина на оба Священныя озера[4].

Въ Тибетѣ имя Манасаровар, подъ каковымъ названіемъ оба указанныхъ водныхъ бассейна объединяются нерѣдко на европейскихъ картахъ, совершенно неизвѣстно[5]. Восточное озеро изъ двухъ

обозначается въ тибетской разговорной рѣчи Ц'о-мо Ма-панъ (пиш. рма-біа-бранъ; ма-панъ вѣроятно значитъ: павлинья грудь), западное—Ц'о Ланъ-гак (глотка быка); оба вмѣстѣ они называются Мадроспа—„то, что не дѣлается теплымъ".

Въ тибетской литературѣ первое озеро зовется Ц'о Ма-п'ам отъ ма-п'ам, что значитъ „непобѣжденный" намекъ на преданіе, будто на его берегахъ Милараспа состязался со священникомъ бон въ чудесахъ и остался непобѣжденнымъ тѣмъ. Второе озеро называется Ц'о Лагран (бла-'гранъ); имя Лаган встрѣчается и въ разговорѣ. Санскритское имя Манасаровара, повидимому, прилагалось въ книжномъ употребленіи лишь къ озеру Ма-панъ, тогда какъ Ланъ-гак обозначался Равана-храд; нынѣ же гималайскіе индусы зовутъ послѣдній Ракас тал, или озеро демоновъ (ракшаса, или нага, тиб. клу); это же озеро зовется въ тибетскомъ просторѣчіи (В)о-ма ц'о, или Молочное озеро.

Оба озера, лежащія въ немногихъ миляхъ на С. отъ спуска съ Кумаонскихъ Гималаевъ въ Тибетъ, играли важную миѳологическую роль въ браманскомъ и буддійскомъ пантеонѣ Индіи. Въ священной индусской литературѣ они считались источниками Ганга, Инда и другихъ большихъ рѣкъ (напр. Карнали), соотвѣтственно извергавшихся изъ пасти льва, павлина, слона, быка и гигантской лошади; на дѣлѣ же, только Сетледжъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ озерамъ. Кромѣ того, озера приравнивались къ морю 500 миль въ ширину, на которомъ купались и охотились Сита и другіе боги. Тибетскіе авторы повторяютъ всѣ эти легенды, а меньшій діаметръ озеръ (нигдѣ не превышающій 16 миль) приписываютъ умаленію людскихъ добродѣтелей, что заставляетъ прежнія великія вещи казаться малыми [1].

Другимъ обстоятельствомъ, возвышавшимъ религіозное значеніе озеръ, явился фактъ нахожденія у ихъ подножья священнаго Кайласа— горы Меру, гдѣ возсѣдаютъ 33 большихъ божества Браманизма и Буддизма, къ которымъ доступъ охраняется дик-раджами; внизъ по склонамъ горъ располагаются кольцами міры меньшихъ божествъ, воюющихъ между собою [2].

Географическое положеніе озера умѣщается въ предѣлахъ 30° 37' и 30° 53' 12' с. ш. и 81° 7' (западная оконечность Ц'о Ланъ-гак) и 81° 38' в. д. Ближайшій перевалъ, ведущій на англ. территорію

(Гарвал)—Манъ-шанъ ла отстоитъ лишь въ 30 миляхъ по прямой линіи отъ южнаго берега Цо Ланъ-гак.

Послѣ посѣщенія Муркрофта и братьевъ Стрэчи, только одному или двумъ англійскимъ офицерамъ, да журналисту Лэндору удалось до 1904 г. проникнуть къ берегамъ озеръ; однако, подробныя съемки пандитовъ, въ особенности въ 1868—9 г.г., когда былъ совершенъ обходъ обоихъ озеръ, вмѣстѣ съ наблюденіями Генри Стрэчи, дали достаточный матеріалъ для отчетливаго топографическаго изображенія озеръ на картѣ Ryall въ 1879 г.

Оба озера, раздѣленныя между собою низкимъ скалистымъ перешейкомъ Тун-канъ (2—5 мили въ ширину), опоясаны массивными горами со всѣхъ сторонъ, кромѣ юго-западной: прямо на сѣверъ отъ Ц'о Ланъ-гак возвышается священная Тисе Ганъ-ри, подходящая на 2—3 мили къ берегу озера, отдѣляясь отъ главной массы цѣпи Ганъ-ри; на югъ отъ Ц'о Ма-п'ам могучая Гур-лха питаетъ ледниками на сѣверѣ притоки озера, а на югѣ—истоки Карнали. Скалистый перешеекъ между озерами является отчасти выдавшимся на сѣверъ отпрыскомъ Гур-лха; длинная же цѣпь, выходящая изъ того же массива сперва на В., затѣмъ ВЮВ., образуетъ границу между тибетской и непальской территоріями.

Озеро Ц'о Ланъ-гак, менѣе священное изъ двухъ, ранѣе считалось по величинѣ большимъ, нежели Ц'о Ма-п'ам, хотя измѣренія Райдера въ 1904 г. доказали противное. Во всякомъ случаѣ Цо Ланъ-гакъ болѣе вытянулось въ длину, именно съ СЗ. на ЮВ., чѣмъ его сосѣдъ, достигая между крайними точками своихъ береговъ въ указанныхъ частяхъ разстоянія въ 16 миль (по измѣренію Райдера; раньше принималось 21 миля). Напротивъ, между западнымъ и восточнымъ берегами происходитъ значительное сближеніе, такъ что мѣстами разстояніе между ними не превышаетъ трехъ миль, какъ говоритъ Райдеръ, (прежняя цифра была несравненно значительнѣе—8 миль) [1]. Вся береговая линія озера, кромѣ какъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, весьма изрѣзана, образуя многочисленные рукава, бухты и заливчики—„руки озера“ ц'о-лагъ, какъ выражаются тибетцы. Наиболѣе глубокіе вырѣзы береговая линія дѣлаетъ въ юго-восточномъ углу и по западной сторонѣ. Вообще берега озера не только изрѣзаны, но мѣстами и крайне обрывисты. Нѣсколько островковъ виднѣются около западнаго и южнаго бере-

говъ, на одномъ изъ н
ложность разнообразном
представляетъ низменн
ненныя песками. Съ эт
спускающіеся со склоно
въ промежуткѣ сѣверна
Барж'а и Дарчан, сплош
ными горками и пересѣ
несомнѣнный фактъ, что
Кайласа составляла ран
какъ уровень почвы оч
ромъ, и въ эпоху обилы
вается водою и трудно

Существуютъ и дру
ложенія относительно бо
время[1].

Разнообразныя бере
примыкающими горами,
вующій у болѣе священн
ра Ланъ-гак очень живо

По сравненію съ Ц
ставляются далеко менѣе
лишь съ немногими утес
гомъ всего озера, кромѣ,
кимъ плоскимъ песчаным
оказывается сравнительно
спеціально собирающихся
мѣ озеро представляетъ
никъ съ закругленными у

Внѣ равниннаго пояс
ется кругомъ, кромѣ запа
величественному виду не
гак, даже напротивъ, благ
регомъ и высокими массам
нихъ принадлежитъ Гур-ла
берегу, при чемъ ближайш
22,670 ф., имѣя позади се

озера подходитъ на разстояніе 3 миль и продолжается по сѣверному берегу отрогъ Ганъ-ри Гур-гжяб, съ пиками 19,500 ф. Между его подножьемъ и берегомъ озера проходитъ по ровному пространству главная дорога изъ Гартока въ Лхасу.

Озеро питается значительнымъ числомъ притоковъ со склоновъ Ганъ-ри Гур-гжяб, (въ общей сложности ихъ четыре, согласно Стрэчи) и изъ глетчеровъ, занимающихъ сѣверные склоны Гур-лха; ручьи, спускающіеся отсюда, именуются чин (моча), въ частности Ланъ-по ч'ен-по чин (моча слона), Сэнъ-ге чин (моча льва) и т. д. Отъ Кайласа къ озеру не идетъ ни одного притока.

Единственной лодкою, спускавшейся когда-либо на озеро Манасаровар, была лодка, принадлежавшая Друммонду; этотъ случай совершенно свѣжъ въ памяти мѣстнаго населенія, хотя имѣлъ мѣсто въ 1855 г., и путь судна по озеру былъ указанъ Шеррингу въ 1905 г., какъ онъ сохранился по традиціи. Разсказывали даже, что мѣстный чиновникъ былъ обезглавленъ за допущеніе подобнаго святотатства, но Шеррингъ не могъ убѣдиться въ достовѣрности подобнаго случая [1].

Рыбная ловля въ озерѣ Манасаровар воспрещена, а рыба, выброшенная на берегъ волненіемъ, тщательно подбирается, очищается и сушится на солнцѣ, послѣ чего считается дѣйствительнымъ средствомъ при заклинаніи злыхъ духовъ [2]. Запрещается также брать яйца водяныхъ птицъ на озерѣ, такъ какъ въ послѣдніе годы создалась регулярная торговля лебедиными яйцами. Въ настоящее время главнымъ нарушителемъ этого закона является Барка таржум, который большой охотникъ до яицъ, хотя строго взыскиваетъ съ другихъ за охоту [3].

На озерѣ водится, какъ замѣтилъ Шеррингъ во время посѣщенія озера въ іюлѣ мѣсяцѣ, сѣрые гуси, браманскія утки и прочая водяная птица (чайки и морскія ласточки).

Вопросъ о существованіи истока изъ озера Ма-п'ам, въ частности канала, связывающаго оба озера, получили окончательное разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ въ 1904 г. Муркрофтъ, не производившій детальнаго разслѣдованія, утверждалъ, что Манасаровар не имѣетъ истока; однако, послѣдній былъ обнаруженъ Генри Стрэчи, который видѣлъ широкій (1,100 ф.) быстрый потокъ, 3 ф. глубиною, выходившій изъ СЗ. угла озера и, по ясно очерченному

руслу, направленному съ В. на З. среди низкихъ волнистыхъ холмовъ, изливавшійся въ Ракас-тал. Этотъ каналъ образуется изъ соединенія нѣсколькихъ небольшихъ ручьевъ, прорѣзывающихъ по выходѣ изъ озера въ различныхъ мѣстахъ песчаный валъ, расположенный по линіи берега [1], благодаря чему они мало замѣтны и были просмотрѣны пандитомъ въ 1868—9 гг., совершившимъ обходъ озера по берегу и въ своихъ заключеніяхъ относительно истока склонившагося на сторону Муркрофта. Лэндоръ отрицалъ существованіе связующаго канала, но его заявленіе имѣетъ мало значенія, т. к. онъ не доходилъ до сѣвернаго угла перешейка. Экспедиція Райдера въ 1904 г. доказала существованіе канала, дѣйствующаго, однако, не круглый годъ, но лишь въ зависимости отъ поднятія уровня воды въ озерѣ Ма-п'ам [2]. Обильный притокъ воды въ озерѣ дѣлаетъ существованіе отводнаго канала a priori необходимымъ, такъ какъ процессы испаренія и просачиванія въ почву не вполнѣ могутъ замѣнять его роль. Предположеніе, что оба озера представляли прежде одинъ бассейнъ, мало вѣроятно вслѣдствіе довольно значительнаго возвышенія перешейка (250 ф.), но возможно, что теперешній соединительный каналъ, проходящій по долинѣ, раньше былъ рукавомъ между двумя озерами.

Вокругъ озеръ простираются прекрасныя пастбища, и тысячи барановъ и скота пасутся повсюду, насколько глазу видно. Лучшія пастбища идутъ на востокъ отъ Манасаровар и вдоль Цзанъ-по на огромное протяженіе, также на сѣверъ отъ горъ Кайлас и на меньшее разстояніе и меньшей тучности на западъ отъ Ракас-тал. Вообще можно сказать, что озеро Манасаровар является мѣстомъ, гдѣ сосредоточивается торговля шерстью западнаго Тибета. Сода и бура получаются съ сѣверныхъ склоновъ Кайласа, въ разстояніи немногихъ дней пути. Такъ какъ стоимость перевозки оказывается главнымъ соображеніемъ въ отношеніи коммерческой цѣнности всѣхъ этихъ продуктовъ, то съ улучшеніемъ сообщенія упомянутый Таклакот въ долинѣ Карнали, отстоя лишь въ 170 миляхъ отъ равнинъ и 210 миль отъ желѣзнодорожной станціи въ Индіи и двухъ дняхъ пути отъ Манасаровар, далеко оставитъ за собою всѣхъ соперниковъ, поставленныхъ не въ столь благопріятныя условія положенія [3].

Пастушескіе обитатели озера Манасаровар суть кочевники докпа, бродящіе со своими стадами по равнинамъ на сѣверъ и востокъ,

отчасти на западъ отъ озера не только лѣтомъ, но и зимою, когда озера замерзаютъ и когда воду приходится ежедневно добывать на глубинѣ мерзлой почвы.

Докпа на востокъ отъ озера считаться очень богатыми, обладая огромными стадами, и выраженіе: „богатъ, какъ докпа" является обычнымъ выраженіемъ у бутійцевъ. Напротивъ, докпа на западъ отъ озера бѣдны и нерѣдко промышляютъ разбоемъ, и дерзкіе набѣги для покражи скота и разбои составляютъ обычное явленіе въ этой области [1].

Монастыри вокругъ озеръ находятся въ вѣдѣніи различныхъ духовныхъ іерарховъ, такъ, Годзул подчиненъ Шивлину въ Таклакот, Jaikep—правителю Бутана, Jiu является монастыремъ докпа, а настоятель его присылается изъ Лхасы [2].

Докпа являются самыми нечистоплотными изъ всѣхъ нечистоплотныхъ обитателей Тибета и ихъ монастырь Jiu, построенный въ искусственныхъ пещерахъ въ скалахъ, оказывается наиболѣе грязнымъ мѣстомъ, которое только возможно представить [3].

Какъ говорилось выше, область Священныхъ озеръ примыкаетъ на востокѣ почти непосредственно къ истокамъ важнѣйшей рѣки Тибета—Цзанъ-по, отъ которыхъ ее отдѣляютъ лишь промежуточный меньшій озерный бассейнъ Гунч'у ц'о и водораздѣльный перевалъ Ма-юм.

Изслѣдованіе рѣки Цзанъ-по, протянувшейся въ длину на разстояніи почти 1,300 миль по тибетской территоріи, велось послѣдніе 40 лѣтъ, къ каковому періоду относятся важнѣйшія работы въ этой области, лишь постепенно и отдѣльными участками теченія, благодаря чему свѣдѣнія каждаго изслѣдователя, затрагивая лишь болѣе или менѣе значительную часть долины рѣки, не могли дать надлежащаго общаго представленія о всемъ ея протяженіи. Первую весьма удачную попытку связать въ единое цѣлое разрозненныя описанія отдѣльныхъ участковъ теченія Цзанъ-по сдѣлалъ,—если не считать краткаго и весьма не полнаго очерка у Ganzenmueller, Tibet [4],—Сандбергъ въ VI главѣ „Tibet and the tibetans" [5], причемъ коснулся и весьма спорнаго въ недавнемъ прошломъ вопроса объ продолженіи Цзанъ-по въ предѣлахъ Индіи [6]. Въ свое описаніе Сандбергъ включилъ и новые факты, заимствованные имъ изъ тибетскихъ источниковъ. Онъ называетъ рѣку весьма мѣтко „гигантскимъ желобомъ южной поло-

вины тибетской территоріи, въ который стекають воды съ прилегающихъ по краямъ его на сѣверѣ и югѣ обширныхъ горныхъ поясовъ". Рѣка представляетъ не мало примѣчательныхъ чертъ въ свойствахъ теченія и физическомъ характерѣ рѣчной долины, но наиболѣе удивительнымъ оказывается все-же тотъ фактъ, что рѣка, протекая на высотѣ 13,700 ф. надъ ур. моря въ Н'ари К'орсум и Доктол, доступна (на протяженіи 80 миль) для плаванія лодокъ и служитъ для перевозки товаровъ, чего нельзя сказать ни про одну изъ другихъ рѣкъ земного шара.

Рѣка Цзанъ-по долгое время была извѣстна европейскимъ географамъ подъ именемъ Санпо (Sanpo и даже Sampoo) т. е. испорченной передачею тибетскаго слова: цзанъ-по, нпш. гцанъ-по, полнѣе гцанъ-по-ч'у—что значитъ „чистая вода", или въ переносномъ смыслѣ просто „рѣка" и прилагается къ названіямъ всѣхъ большихъ рѣкъ[1] подобно тому, какъ ч'у (вода) къ названіямъ малыхъ рѣкъ, хотя это различіе проводится тибетцами не болѣе строго, какъ китайское: цзянъ и хэ къ приложеніи къ судоходнымъ и несудоходнымъ рѣкамъ[2]. Во всякомъ случаѣ главная рѣка Тибета можетъ называться „Цзанъ-по" безъ дальнѣйшаго опредѣлительнаго эпитета только, какъ „рѣка страны по преимуществу", оставляющая всѣ остальныя рѣки далеко позади себя въ отношеніи экономическаго и торговаго значенія и культурной роли. Въ исторіи Тибета Цзанъ-по, вмѣстѣ съ притоками, является единственной рѣкою, заслуживающей этого имени, какъ одинъ изъ культурныхъ двигателей, и таковой рѣка остается понынѣ въ представленіи большинства тибетскаго населенія, занимающаго ея долину и состовляющаго въ тоже время главное ядро всего государства. Въ этомъ смыслѣ возможно удержать для ея обозначенія слово „Цзанъ-по", какъ рѣки Тибета по преимуществу, хотя подлежитъ отмѣтить въ то же время и существованіе отличныхъ мѣстныхъ названій для отдѣльныхъ участковъ рѣки. Такъ, первыя 200 миль рѣка носитъ старинное имя: рТа-мч'ог-к'а-'б'аб, произн. Там-ч'ок к'а-баб—истекающая изо рта чудо-лошади, т. е. тибетскаго миѳическаго Пегаса, обратившагося въ скалу на озерѣ Мананъ; по преданію, рѣка выходитъ изъ каменнаго рта этой лошади[3]. Ниже по теченію рѣка называется Н'ари Цзанъ-по (или ч'у); отъ Шихацзе получаетъ имя, наиболѣе обычное въ культурныхъ областяхъ Тибета—Яй-ру Цзанъ-по, или рѣка праваго

крыла, и это обозначеніе сохраняется на всемъ протяженіи центральнаго и восточнаго Тибета, до того мѣста въ холмахъ Мири и Абор, откуда названіе рѣки измѣняется въ послѣдній разъ на Дихапъ или Дихонъ.

Вопреки легендѣ, давшей имя верхнему теченію рѣки, послѣдняя, несомнѣнно, не беретъ начала въ озерѣ Ман'ам, но въ 20 миляхъ на ЮЗ. отъ него, приблизительно подъ 82° 10' в., въ узкой долинѣ, втиснутой между тремя могучими горными массами, покрытыми ледниками, изъ коихъ двѣ: Ганъ-ри Гур гжяб и Ніима намгжял, продолженіе Гур-лха [1], съ единственнымъ выходомъ на ЮЗ., по которому и спускается рѣка, питаемая указанными ледниками. Отъ области Священныхъ озеръ вершина долины отдѣлена непроходимой стѣною. Зарожденіе рѣки происходитъ въ видѣ большого песчанаго болота, именуемаго Бжема Юнъ-друнъ, (пиш. біе-ма гіунъ-друнъ или Пески мистическаго колеса (свастики) [2].

Верхнее теченіе Цзанъ-по, начиная съ пункта въ 18 миляхъ отъ истока, имѣетъ видъ уединенной рѣки съ быстрымъ теченіемъ и глубокимъ русломъ, врѣзаннымъ въ скалистое дно, шириною въ 70 ф., на широкой (8 миль) пустынной долинѣ съ отлогими берегами и характерными признаками ландшафта внутренней области. Съ сѣвера близко подходитъ къ рѣкѣ горная цѣпь Ганъ-ри, постепенно понижаясь къ краю долины, на югѣ Ньима Нам гжял отходитъ въ сторону, но не настолько, чтобы дать развиться значительнымъ притокамъ, которые къ тому же съ этой стороны почти вовсе отсутствуютъ. Въ указанномъ мѣстѣ открывается вдоль сѣверной ограды долины, черезъ возвышенную ложбину доступъ къ рѣкѣ по хорошо извѣстному перевалу Мар-юм ла (перевалъ матери низинъ), къ которому сходятся съ запада и сѣвера двѣ дороги—одна оффиціальная изъ Гартока, другая торговая изъ Ладака черезъ Рудок по долинѣ Инда—съ С. и СЗ. Соединеніе дорогъ происходитъ какъ разъ у вершины перевала, или ларце (съ обо), откуда идетъ одинъ спускъ въ долину. Однако, соединенная дорога съ Мар-юм ла не выходитъ немедленно къ берегу главной рѣки, но слѣдуетъ по небольшому ручью вдоль сѣверной стороны долины на 30 миль, послѣ чего дѣлается видна сама рѣка, хотя на берегъ послѣдней путникъ вступаетъ лишь нѣсколько ниже, у почтовой станціи Тамчей. Дорога слѣдуетъ близко теченію рѣки до Традум и даже нѣсколько дальше

почти до Ч'орта цзанъ-по на протяженіи 180 миль, благодаря чему Наинъ-сингъ могъ подробно изучить этотъ участокъ долины. На сѣверѣ рѣка проходитъ у подножья невысокихъ холмовъ, сперва сланцевыхъ, затѣмъ глинистыхъ и, наконецъ, краснопесчаниковыхъ, которые даютъ рѣкѣ рядъ небольшихъ притоковъ, наибольшій Ц'а ч'у цзанъ-по передъ Традум почти не уступаетъ по ширинѣ (500 ф.) главной рѣкѣ и доступенъ переправѣ только на паромѣ. Снѣжная южная цѣпь отстоитъ отъ рѣки не болѣе 14—20 миль. Эта цѣпь (Ньима нам гжял) образуетъ истинный водораздѣлъ между индійскими и тибетскими рѣчными бассейнами, при чемъ замѣчательный фактъ—несмотря на обиліе снѣга и глетчеровъ, она не даетъ почти никакого стока на сторону Цзанъ-по отъ ея верховьевъ, которыя, какъ сказано, питаются ея ледниками, вплоть до перевала Н'о ла (Синій), съ котораго стекаетъ въ Цзанъ-по рѣка Шурта, т. е. на разстояніи 190 миль, такъ какъ весь значительный стокъ съ горъ направляется въ индійскія рѣки: Карнали-Гандак и Коси и ихъ развѣтвленія [1].

У Традом (Тадум) [2] на высотѣ 4330 м. рѣка впервые дѣлается судоходной, но не вполнѣ [3]. Отсюда мѣстность становится болѣе изсѣченной, и вмѣсто прежняго прямолинейнаго теченія, рѣка образуетъ значительные повороты и колѣна.

У вершины перваго большого южнаго изгиба, начинающагося въ 37 миляхъ отъ Тадума и тянущагося на 23 мили, рѣка принимаетъ съ юга первый значительный притокъ—Шу-рта цзанъ-по, или „рѣка лошади, сидящей смирно", берущій начало въ обширномъ царствѣ ледниковъ у перевала Н'о ла, на сѣверъ отъ верховьевъ одной изъ рѣкъ Гандак Непала. Въ 25 миляхъ ниже впаденія Шу-рта цзанъ-по, каковое разстояніе рѣка проходитъ въ СВ. направленіи, Цзанъ-по поварачиваетъ снова на ЮВ. и въ то же время принимаетъ съ сѣвера наиболѣе значительный изъ всѣхъ притоковъ верхняго ея теченія, или Ч'орта цзанъ-по, т. е, „рѣка лошади, бѣгущей прочь", по величинѣ вполнѣ равный главной водной артеріи. Устье Ч'орта цзанъ-по лежитъ приблизительно въ 250 миляхъ отъ истока Тамчок к'а-баб или верхней Цзанъ-по, подъ 85° в. д.; на этомъ пути Тамчок, за исключеніемъ упомянутаго южнаго большого колѣна, слѣдуетъ главнымъ образомъ юго-восточному направленію, опускаясь постепенно съ 30° 40' до 29° 26' с. ш. Размѣры

рѣки на глазъ мало возрастаютъ, зато значительно увеличивается водная масса и ея двигательная сила; начиная съ Тамчен тазам рѣка нигдѣ не проходима въ бродъ, хотя и разливается по руслу на большую ширину. Изъ притоковъ всѣ значительные, кромѣ Шурта,— Ца-ч'у цзанъ-по, Минъ-чу цзанъ-по[1], Ч'орта цзанъ-по, спускаются съ сѣвера, какъ было указано выше. Значительная масса воды, приносимая притоками и вообще многочисленность ихъ, указываетъ на то, что длина ихъ превышаетъ дѣйствительную ширину долины главнаго русла и что сѣверный водораздѣлъ бассейна Тамч'ок (Цзанъ-по) лежитъ вглубь страны на много миль далѣе сѣверной границы долины, представленной цѣпью невысокихъ холмовъ, которыя прорѣзываются указанными притоками. Поэтому по всей вѣроятности дѣйствительный водораздѣлъ[2] лежитъ на массивной цѣпи, продолженіи горы Кайлас, или Ганъ-дис-ри (вѣрнѣе Ганъ-тисе-ри), проходящей въ 40—50 миляхъ на С. отъ общей линіи теченія рѣки. Однако, нѣкоторые изъ сѣверныхъ притоковъ Цзанъ-по, повидимому, берутъ начало даже сѣвернѣе Ганъ-дис-ри, на самомъ озерномъ плато[3], проходя черезъ эту цѣпь по ущельямъ, напоминающимъ ущелья индійскихъ рѣкъ въ южныхъ Гималаяхъ. Между прочимъ, источникъ Ч'орта цзанъ-по, по изслѣдованіямъ пандитовъ, лежитъ въ озерахъ на ЮЗ. и Ю. отъ Данъ-гра юм ц'о.

Параллельно дальнѣйшему теченію рѣки идетъ съ сѣвера наибольшій притокъ этой части Цзанъ-по—Рага цзанъ-по, который болѣе извѣстенъ, чѣмъ главное теченіе, такъ какъ по его долинѣ проходитъ большая дорога изъ Сарка дзонъ до Пун-цок линъ. На указанномъ протяженіи (150 миль) теченіе главной рѣки на картахъ отмѣчалось (до экспедиціи Роулинга и Райдера 1904 г., отчасти восполнившей этотъ пробѣлъ картографіи) предположительно разбитой линіей, за отсутствіемъ точной съемки, въ видѣ плоской южной дуги между Сарка дзонъ и Бжянъ-лха цзе. Наинъ-Сингъ, единственный пандитъ прошедшій вдоль Цзанъ-по, слѣдовалъ отъ Тадума указанной большой дорогою, покидающей главную рѣку у вершины ея южнаго изгиба и встрѣчающей ее снова въ долинѣ Ч'орта цзанъ-по, послѣ чего дорога сопровождаетъ рѣку на 30 миль мимо Сарка дзонъ и окончательно переходитъ въ долину Рага Цзанъ-по. Благодаря этому обстоятельству, пандитъ не могъ сообщить ничего

положительнаго относительно интересующаго насъ участка Цзанъ-по.

По свѣдѣніямъ же Сандберга [1], рѣка проходитъ на этомъ участкѣ сперва по обширной равнинѣ Ла-ва Мон-т'анъ [2], глубоко врѣзываясь въ рыхлую аллювіальную почву, затѣмъ входитъ въ горный округъ Джонъ-дга [3], гдѣ питается ручьями изъ ледниковъ. На всемъ протяженіи рѣка, повидимому, носитъ имя Ме-цзанъ чу, или нижнія воды Цзанъ [4], подъ каковымъ именемъ она извѣстна еще въ Гжянъ-лха-цзе. Экспедиція Роулинга и Райдера 1904 г. открыла наукѣ новые участки рѣки на указанномъ протяженіи, какъ можно видѣть изъ описанія ея маршрута въ „обзорѣ путешествій" (см. I выпускъ).

Большая дорога выходитъ къ главной долинѣ въ 15 миляхъ выше Гжянъ-лха-цзе, въ Нунси—классической почвѣ ламаизма, гдѣ имѣются по сосѣдству обширные монастыри, въ особенности Н'амринъ, знаменитое мѣсто паломничества.

Рѣка Рака (Ракпа) цзанъ-по, идущая прямо съ запада, тогда какъ Цзанъ-по поднимается съ ЮЗ., впадаетъ въ главную рѣку у Гжянъ-лха-цзе, на высотѣ 4150 метровъ [5]; немного выше послѣдняго въ Цзанъ-по впадаетъ съ юга р. Ялунъ (Сакья тром-ч'у [6]), географическая граница въ извѣстной степени между западной и восточной половинами южнаго Тибета, какъ принималось до изслѣдованій Роулинга и Райдера, доказавшихъ ошибочность этого мнѣнія. У Гжянъ-лха-цзе рѣка дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу до Пунцок-линъ [7] и получаетъ въ этомъ мѣстѣ прямолинейное направленіе съ запада на востокъ.

Въ Шихацзе Цзанъ-по принимаетъ въ 545 миляхъ отъ истока воды своего важнѣйшаго по плодородію и населенности долины притока съ юга—р. Нянъ-ч'у и немного ниже съ сѣвера—Шанъ ч'у [8]. Рѣка Нянъ, или рѣка Лакомствъ [9], земной рай въ представленіи тибетцевъ, образуется изъ двухи вѣтвей—Ралунъ, стекающей съ перевала Каро на З. отъ озера Ямдок, и Ниру ч'у, идущей съ юга; обѣ эти вѣтви проходятъ по пустынной бѣдной мѣстности, прилегающей къ пригималайской полосѣ тибетскаго нагорья съ характеромъ внутреннихъ областей; лишь по сліяніи указанныхъ вѣтвей начинается плодородная и богатая долина нижняго теченія Нянъ ч'у въ 15 миляхъ выше города Гжянъ-цзе вплоть до Шихацзе (70 миль отъ перваго) [10]. Прекрасное описаніе смѣющейся

картины, представляемой этой частью долины Нянъ ч'у, даетъ Дасъ [1]. Долина рѣки Нянъ воздѣлана почти до послѣдняго вершка, изобилуетъ рощами ивъ и фруктовыхъ деревьевъ, производитъ большія количества земледѣльческихъ и вообще сельскохозяйственныхъ продуктовъ, густо населена и является вторымъ по значенію средоточіемъ религіозной жизни Тибета, съ монастырями Гжянъ-цзе и Дашійхлунбо въ полуверстѣ отъ Шихацзе. Рѣка Нянъ судоходна отъ Гжянъ-цзе вплоть до Шихацзе, чѣмъ и пользуются для перевозки товаровъ и земледѣльческихъ продуктовъ на кожаныхъ лодкахъ [2].

Рѣка Цзанъ-по у Шихацзе несетъ 990 куб. метровъ воды въ секунду, по опредѣленію Наинъ-синга въ 60 г.г.; русло широкое, въ среднемъ 1\2 мили, мѣстами до двухъ миль, и разбивается на нѣсколько каналовъ, раздѣленныхъ песчаными отмелями; теченіе довольно быстрое, но допускаетъ свободно судоходство.

На сѣверъ отъ этой части долины рѣки лежитъ округъ Шанъ, на югъ рѣка ограничиваетъ мѣстность съ ясно выраженнымъ ландшафтомъ ронъ, т. е. съ многочисленными скалистыми ущельями и дефиле, въ качествѣ наиболѣе характерныхъ чертъ. Сама же долина рѣки на правомъ берегу представляетъ собою волнистую плодородную равнину, обработанную самымъ тщательнымъ образомъ и дающую богатые урожаи. Ландшафтъ рѣки съ этой стороны не заключаетъ въ себѣ ничего дикаго или скалистаго; мѣстами берегъ такъ низокъ, что розливы рѣки проникаютъ далеко вглубь страны.

На сѣверномъ берегу простирается равнина отъ 3 до 5 миль шириною, засыпанная мѣстами пескомъ изъ рѣки. Она окаймлена цѣпью округленныхъ холмовъ, возвышающихся на 1000 ф. надъ равниною. Этотъ берегъ, за отдѣльными исключеніями, болѣе пустыненъ, нежели южный, гдѣ многочисленныя селенія и лѣсныя рощи оживляютъ пейзажъ. Въ общемъ, эта часть долины Цзанъ-по съ ея боковыми развѣтвленіями, по которымъ спускаются притоки, и представляетъ истинную родину тибетцевъ,—страну, гдѣ они по преимуществу живутъ теперь и гдѣ происходили наибольшія событія ихъ исторической жизни, въ отличіе отъ сосѣднихъ пустынныхъ возвышенныхъ равнинъ Бжянъ-т'ана и скованныхъ льдомъ нагорій, недоступныхъ для постояннаго обитанія. Указанный собственный Тибетъ лежитъ цѣликомъ внѣ сѣвернаго плоскогорья, на

2—9 тысячъ футовъ ниже его, на террасахъ вдоль его южнаго края и внутри глубокихъ скалистыхъ ложбинъ, вырытыхъ въ южной сторонѣ плоскогорья рѣками, берущими начало на немъ, или въ снѣжныхъ цѣпяхъ, примыкающихъ къ нему или, наконецъ, пересѣкающихъ его. Начинаясь въ болѣе плодородныхъ долинахъ рр. Тонъ, Шанъ и Кчіи, собственный Тибетъ спускается къ смѣло очерченной, поросшей густымъ лѣсомъ области Цзанъ-по и ея южныхъ притоковъ, съ цвѣтущими лугами и полями—однимъ словомъ пейзажемъ, напоминающимъ швейцарскіе Альпы. Внѣ плоскогорья расположена и столица Тибета—Лхаса въ защищенномъ углу, образованномъ его устоями внутри верхней границы лѣсовъ[1].

Въ 50 миляхъ отъ Шихацзе внизъ по Цзанъ-по находится на южномъ берегу у Шанъ-па (Джагса) устье быстрой Ронъ-наг-ч'у, идущей съ ЮЗ. и представлявшей раньше истокъ озера Ямдок въ Цзанъ-по, но нынѣ, повидимому, отрѣзанной отъ послѣдняго, которое, слѣдовательно, является по прежнему закрытымъ бассейномъ.

Полковникъ Таннеръ[2] принялъ на вѣру утвержденіе U. G., будто р. Ронъ иногда течетъ въ Цзанъ-по, иногда въ озеро, въ зависимости отъ того, гдѣ уровень воды бываетъ выше, не обративъ вниманія на то, что Цзанъ-по (ниже Шихацзе) лежитъ на высотѣ не болѣе 12,000 ф., а озеро поднято до 13.800 ф. (теперь даже до 15,000 ф., согласно новымъ изслѣдованіямъ) и что, слѣдовательно, уровень рѣки Цзанъ-по долженъ подняться почти на 2,000 ф. (3,000 ф.), прежде чѣмъ можетъ имѣть мѣсто указываемое пандитомъ явленіе.

Передъ устьемъ Ронъ-наг-ч'у судоходство по главной рѣкѣ отъ Шихацзе прекращается благодаря тому, что долина рѣки суживается, а сама рѣка, тѣснимая горной цѣпью на югѣ (вдоль основанія послѣдней спускается Ронъ-наг-ч'у), образуетъ пороги и стремнины, недоступныя для тибетскихъ лодокъ. Указанная цѣпь преграждаетъ сообщеніе и по берегу, почему большая дорога сворачиваетъ въ долину Ронъ-наг ч'у, поднимается по ней къ озеру Ямдок, и затѣмъ къ перевалу К'амба ла. Дальнѣйшій же участокъ главной рѣки, проходящій по гористой мѣстности, остается понынѣ неизслѣдованнымъ на протяженіи 80 миль до Чакзам ч'ори, или пункта, гдѣ большая дорога въ Лхасу изъ Шихацзе переходитъ черезъ Цзанъ-по на западъ отъ устья Кчіи чу, къ ея порту Чу-шул (мо-

настырь и 108 чортэней рядомъ на холмѣ, построенные упомянутымъ святымъ строителемъ Цзанъ-по'скихъ висячихъ желѣзныхъ мостовъ).

Озеро Ямдок получило наименованіе отъ возвышеннаго округа, въ которомъ расположено—Яр-док, или Верхнія пастбища; по причинѣ яркой окраски[1] воды оно нерѣдко зовется „бирюзовымъ озеромъ“ (Юм-ц'о); на картахъ въ теченіе почти 160 лѣтъ до послѣдняго времени фигурировало подъ именемъ озера Палти, какъ его прозвали капуцинскіе монахи XVIII столѣтія, почти всѣ ѣхавшіе этимъ путемъ въ Лхасу, отъ Палти дзонъ, главнаго селенія и замка на сѣверо-западномъ берегу озера (впрочемъ, Georgi въ 1762 г. даетъ настоящее имя озера въ формѣ Ямдрю). Окружность озера—150 миль (или двѣ недѣли пути)[2], возвышеніе надъ ур. моря 14,850 ф. какъ показали вычисленія англ. экспедиціи 1904 г., или на 1,000 ф. выше цифры, вычисленной пандитами[3].

По своей формѣ озеро являлось одной изъ наиболѣе примѣчательныхъ чертъ прежнихъ картъ Азіи, будучи изображаемо въ видѣ симметричнаго замкнутаго воднаго кольца съ круглымъ островомъ въ центрѣ. Подобное ошибочное представленіе объ озерѣ было основано на неправильной съемкѣ, произведенной тибетскими ламами по порученію составителей Большой китайской карты при Канъ-си. Идея совершеннаго кольца была опровергнута въ 1866 г. Наинъ Сингомъ, сообщившимъ, что „гористый островъ“ (25 миль длиною)[4] въ центрѣ на дѣлѣ соединяется съ юго-западнымъ берегомъ озера узкимъ перешейкомъ, гдѣ расположенъ монастырь Самдинъ. Окончательная форма озера была установлена Учжѣн Гжяц'о въ 1882—3 г.г., который, обойдя озеро кругомъ, убѣдился, что кромѣ перваго перешейка существуетъ еще второй и что оба раздѣляются между собою Думу цо (пиш. бдуд-мо-мц'о) или Дьявольскимъ озеромъ—6 миль длиною[5]. Благодаря указаннымъ исправленіямъ карты, озеро Ямдок получило нынѣшнія очертанія, напоминающія форму скорпіона съ загнутымъ назадъ хвостомъ, какъ бы вцѣпившагося въ землю обоими клещами[6]. Несомнѣнно, озеро представляло совершенное кольцо въ ледниковую эпоху, когда его воды переливались черезъ каменистый мысъ перевала Таг (пиш. 'браг—скалистый) или еще въ сравнительно историческую эпоху, когда озеро соединялось съ Думу цо черезъ перешеекъ, по которому теперь проходитъ дорога въ Самдинъ. Слѣды

высыханія прежняго большаго озера и сокращенія площади нынѣшняго ясно видны на окружающихъ холмахъ; высыханіе это обусловлено испареніемъ озерныхъ водъ благодаря болѣе мягкому климату, установившемуся съ исчезновеніемъ окрестныхъ ледниковъ. Озеро питается дождевыми осадками и водами отъ таянія снѣговъ и ледниковъ по склонамъ горъ на сѣверо-востокѣ и западѣ, равно какъ небольшими рѣками на югѣ; количество притока воды мѣняется изъ года въ годъ, а потому и уровень озера обнаруживаетъ постоянныя колебанія. Вода озера солоноватая, за отсутствіемъ истока [1].

Озеро изобилуетъ, въ особенности въ южной части, рыбою изъ породы карповъ, только почти безъ чешуи, превосходной на вкусъ [2]. Обитатели деревень по берегамъ озера кормятся сами этой рыбою, но мало вывозятъ ее въ другія мѣста. Рыба ловится лѣтомъ бреднями, зимою въ прорубяхъ. Лодки дѣлаются изъ недубленой яковой кожи, натянутой на деревянный остовъ въ формѣ лохани; они довольно опасны, такъ какъ отъ неловкаго удара ногой дно прорывается. Земледѣліемъ по берегамъ озера почти не занимаются вслѣдствіе суроваго климата, только у подножья К'амбала встрѣчаются поля ячменя и огороды.

Озеро Ямдок отдѣляется отъ глубокой долины Цзанъ-по, лежащей на 2,000 фут. ниже уровня озера, узкой, мѣстами лишь въ 8 миль, полосою земли,—указанной величественной цѣпью К'амбала, которая вполнѣ возмѣщаетъ дикостью очертаній, высотою и массивностью недостаточную ширину основанія—перешейка. Южные берега озера не гористы, но представляютъ обширныя плоскія травянистыя пространства характера док съ черноземной почвою; они доставляютъ превосходныя пастбища для стадъ кочевниковъ док-па, откуда и произошло названіе озера. На востокъ отъ озера, отдѣляясь отъ него горами, лежитъ другая широкая равнина—Ямдок Кармалинъ, или Ямдокская равнина звѣздъ, служащая для разведенія лошадей (пони) [3].

Кромѣ полуострова До-нанъ у южнаго берега озера расположенъ большой островъ Ямбу, замѣчательный пещерными образованіями, съ небольшой обителью, устроенной монастыремъ Сам-динъ; недалеко отсюда къ озеру примыкаетъ другое озеро Ромбу-дза-ц'о (пишется ро-'бу-рДза-мц'о), или озеро кувшина (бутылки по переводу Сандберга [4]) трупныхъ червей; названіе указываетъ на весьма часто практикуемый обычай бросать въ озеро трупы монаховъ, назначенные служить пищею рыбъ озера; только этимъ путемъ духи Клу, обитающіе на

меньшемъ озерѣ отвращаются отъ злого умысла затопить водами Ямдок-ц'о тучныя пастбища. Въ общемъ вся окрестная страна Ямдок-ц'о почитается тибетцами заколдованной областью, съ которой связаны самыя причудливыя суевѣрія [1].

Съ перевала К'амба ла открывается видъ съ одной стороны на озеро, съ другой на долину Цзанъ-по, лежащую на высотѣ 12,500 ф., или на 4,000 ф. ниже перевала [2]. Лхасы отсюда не видать, какъ утверждали нѣкоторые изъ прежнихъ путешественниковъ—католическихъ миссіонеровъ. Спускъ къ рѣкѣ имѣетъ 4 мили въ длину. К'амбала, раздѣляющій Ямдок отъ Цзанъ-по, въ то же время является политической границей между провинціями Цзанъ и Уй.

Климатъ долины Цзанъ-по кажется путешественнику, только-что спустившемуся съ К'амба ла, почти тропическимъ по сравненію съ климатомъ области Ямдок ц'о. Растительность долины почти роскошна, насѣкомыя встрѣчаются въ изобиліи [3]. Прямой дороги отсюда вдоль Цзанъ-по въ Шихацзе, какъ упоминалось выше, не существуетъ, такъ какъ скалистыя массы горъ подходятъ къ самой рѣкѣ выше моста Чакзсам [4] и, падая обрывистой стѣною къ ней, закрываютъ проходъ даже для вьючной тропы. Поэтому и устроенъ кружной путь черезъ К'амба ла и Ярсиг въ долину Ронъ ч'у.

Паромъ черезъ Цзанъ-по у монастыря Чакзсам ч'о-ри (Священный холмъ желѣзнаго моста) [5] представляетъ собою большой плотъ четырехъ-угольной формы, сколоченный изъ досокъ каштана на подобіе ящика; на носу бревно съ изображеніемъ лошадиной головы, отсюда тибетское названіе парома—деревянная лошадь [6]. Паромъ перевозитъ въ одинъ пріемъ, какъ показалъ опытъ англійской экспедиціи, 20 пони, 10 людей и 60 пудовъ груза. Примитивный способъ переправы съ помощью этого парома, сопряженный съ извѣстнымъ рискомъ и во всякомъ случаѣ большой тратой времени благодаря сильному теченію рѣки, образующему даже водовороты [7], былъ живо описанъ членами англійской миссіи въ 1904 г. [8] На обратномъ пути экспедиція воспользовалась для переправы черезъ Цзанъ-по верхнимъ паромомъ (въ 10 миляхъ выше по теченію), гдѣ рѣка имѣетъ только 120 ярдовъ ширины, такъ что переправа всего отряда заняла 3 дня противъ прежнихъ 6 дней (на переднемъ пути).

Старый висячій цѣпной мостъ (150 ярдовъ въ ширину и 15 ф. надъ уровнемъ рѣки), отъ котораго нынѣ сохранились лишь цѣпи, да устои, былъ устроенъ мудрымъ Тантонъ-гжялпо, чествуемымъ въ настоящее время въ монастырѣ Чакзсам и вообще во всѣхъ главныхъ монастыряхъ страны, по образцу мостовъ аналогичной конструкціи, существующихъ понынѣ въ Западномъ Китаѣ [1], въ первой половинѣ XV ст. Мостомъ пользовались еще въ 1878 г., какъ сообщаютъ пандиты, но съ тѣхъ поръ рѣка образовала широкій каналъ между берегомъ и сѣвернымъ устоемъ моста, который оказался какъ-бы на лѣсистомъ островкѣ, и прервала сообщеніе по мосту [2]. За проходъ черезъ мостъ, кажется, не взималось никакой пошлины, расходы же по его ремонту были возложены на окрестное населеніе; напротивъ, за провозъ на паромѣ нынѣ взимается въ пользу монастыря (80 монаховъ) на русскія деньги около 7 копѣекъ съ человѣка и 14 копѣекъ съ животнаго [3].

Сѣверный берегъ Цзанъ-по около переправы отличается замѣчательнымъ плодородіемъ (пшеница, ячмень, бобы и горохъ доходили человѣку по поясъ; овощи въ изобиліи) и покрытъ густыми рощами деревьевъ (тополя, ольхи, ивы) со стволами до 40 ф. вышиною. Многочисленныя селенія (свыше двѣнадцати на 2 квадр. мили) являли собою картины земледѣльческаго мира и процвѣтанія [4]. Когда экспедиція возвращалась обратно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, то поля пшеницы и другихъ злаковъ въ долинѣ поражали своимъ богатствомъ, образуя золотистое море колосьевъ, покрывавшее большую часть долины на 2—3 мили отъ берега до подножья холмовъ. Разнообразіе и обиліе дикихъ цвѣтущихъ растеній казались также поразительными для этой высокой альпійской долины (12.100 ф.). Въ ольховыхъ лѣсахъ Уоддель нашелъ среди многочисленныхъ представителей пернатаго царства три новыхъ вида птицъ, описанныхъ имъ же [5], обративъ при этомъ вниманіе на то, что большинство птицъ долины имѣетъ темное опереніе, дѣлающее ихъ малозамѣтными, въ цѣляхъ наилучшей самозащиты, среди господствующихъ оливковыхъ оттѣнковъ въ окраскѣ древесной листвы [6].

Въ трехъ миляхъ ниже переправы въ Цзанъ-по впадаетъ съ лѣвой стороны Кчіи ч'у, или рѣка Блаженства, на которой стоитъ Лхаса [7]. Рѣка беретъ начало двумя или тремя вѣтвями приблизи-

тельно подъ 92° и 92½° в. д., по обѣ стороны 30° с. ш.; одна изъ этихъ вѣтвей проходитъ мимо Пембу дзона на обычномъ пути монгольскихъ паломниковъ съ сѣвера; привлекательный видъ ея былъ отмѣченъ уже Гюкомъ [1]. Вдоль второй вѣтви проходитъ большая оффиціальная дорога изъ Китая, послужившая обратнымъ маршрутомъ для того же Гюка.

Долина нижняго теченія Кчи ч'у менѣе плодородна, нежели прилегающая часть долины Цзанъ-по, такъ какъ мѣстами, особенно близъ устья, разстилаются совершенно безплодныя пространства песку, нанесеннаго самой Кчи ч'у и Цзанъ-по. Песчаныя дюны, поросшія артемизіей, тянутся затѣмъ до границы воздѣланныхъ полей, проводя отчетливую линію между безплодными песками и зеленью хлѣбныхъ злаковъ [2]. Выше по теченію расположено ущелье [3], за которымъ долина расширяется до 4—5 миль и образуетъ болѣе или менѣе воздѣланную равнину съ многочисленными рощами деревьевъ и селеніями. Многочисленные монастыри и часовни указываютъ путь къ столицѣ; въ скалистыхъ стѣнахъ боковъ долины высѣчены изображенія святыхъ (напр. Адиши) [4] и надписи Ом-мани въ разноцвѣтныхъ краскахъ [5]. Въ первый разъ оба холма столицы—Бодалы и храма Медицины [6] показываются въ 4 миляхъ за колоссальнымъ изображеніемъ Сидящаго Будды въ скалѣ [7].

Долина Кчи ч'у вокругъ столицы и ея кружной дороги представляетъ сперва поясъ огородовъ и фруктовыхъ садовъ, затѣмъ парки, образующіе переходъ къ полямъ и разбросаннымъ участкамъ лѣса. Обширная сѣть ручьевъ и притоковъ [8], разливающихся мѣстами въ видѣ болотъ (въ осеннее время) даютъ окрестностямъ богатую растительность. Вверхъ по долинѣ хлѣбныя поля, на первый взглядъ, простираются подобно морю на протяженіи многихъ миль до подножія холмовъ [9]; на дѣлѣ, подобное впечатлѣніе обширности воздѣланнаго пространства оказывается обманчивымъ и объясняется лишь ровнымъ характеромъ долины, такъ какъ за предѣлами орошенной площади въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ рѣкою и каналами разстилается полоса бѣлаго песку, дань разрушающихся гранитныхъ холмовъ, на разстояніи мили до утесистаго подножья горъ, впрочемъ, песчаные бугры не всегда остаются совершенно обнаженными, даже на нихъ встрѣчается рѣдкая растительность изъ розовой и желтой каменоломки и пучковъ проволокообразной травы, въ ко-

торой роются пищухи. Поросшія же камышами болота внутри воздѣланнаго пространства изобилуютъ водяной птицею[1].

При впаденіи въ Цзанъ-по, Кчи ч'у не уступаетъ по ширинѣ главной рѣкѣ[2], разбиваясь при томъ на нѣсколько каналовъ, часть которыхъ служитъ для орошенія полей (напримѣръ, у Чушул). По замѣчанію Уодделя[3], рѣка, повидимому, доступна для плаванія мелкосидящихъ паровыхъ баркасовъ съ заднимъ колесомъ, при чемъ все разстояніе отъ Цзанъ-по до Лхасы можетъ быть пройдено ими въ одинъ день (теперь три дня пути).

Ниже переправы Чакзсам начинается наиболѣе важная съ экономической и географической точекъ зрѣнія часть долины Цзанъ-по, съ экономической потому, что отсюда располагается, пожалуй, наиболѣе богатая и привлекательная мѣстность въ Тибетѣ, по внѣшнему виду не уступающая Кашмиру; въ глазахъ же географа эта часть рѣки представляетъ интересъ по неизслѣдованности, а въ особенности вслѣдствіе того обстоятельства, что ведетъ къ окончательному разъясненію обстоятельствъ прорыва рѣки черезъ Гималаи и продолженія ея въ лицѣ Дихонга. Этотъ вопросъ не является болѣе загадкою, послѣ 1901 г.[4], но тѣмъ не менѣе требуетъ непосредственнаго изслѣдованія европейцемъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ пока еще темныхъ подробностей. Съ этой точки зрѣнія можно только пожалѣть, что экспедиція въ эту сторону рѣки, предположенная Юнгхозбендомъ въ 1904 г. по окончаніи главнаго похода на Лхасу, не получила осуществленія.

Несмотря на значительныя естественныя богатства, область долины Цзанъ-по на востокъ отъ 92° остается въ большей части неизвѣстной самимъ тибетцамъ, которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ проникаютъ вглубь страны отъ береговъ рѣки изъ боязни дикихъ племенъ,—какъ утверждаютъ они, даже людоѣдовъ, которые, начиная отъ Цзари, прерываютъ сообщеніе между болѣе сѣверными областями Тибета (напримѣръ Конъ-бу) и Ассамомъ. Ниже Гжяла сенъ-донъ тибетцы не ходятъ даже по рѣкѣ, и лишь одному отважному пандиту, К. Р., удалось пройти здѣсь сквозь лѣса, наполненные людоѣдами, и послѣ ряда приключеній выполнить возложенное на него порученіе—бросить въ рѣку мѣченые бруски дерева (см. I выпускъ, стр. 89). Указанный пандитъ Кюнтопъ, натурализированный тибетецъ изъ мѣстности Сиккимскихъ Гималаевъ, пробылъ

рѣки на глазъ мало возрастаютъ, зато значительно увеличивается водная масса и ея двигательная сила; начиная съ Тамчен тазам рѣка нигдѣ не проходима въ бродъ, хотя и разливается по руслу на большую ширину. Изъ притоковъ всѣ значительные, кромѣ Шурта,— Ца-ч'у цзанъ-по, Минъ-чу цзанъ-по[1], Ч'орта цзанъ-по, спускаются съ сѣвера, какъ было указано выше. Значительная масса воды, приносимая притоками и вообще многочисленность ихъ, указываетъ на то, что длина ихъ превышаетъ дѣйствительную ширину долины главнаго русла и что сѣверный водораздѣлъ бассейна Тамч'ок (Цзанъ-по) лежитъ вглубь страны на много миль далѣе сѣверной границы долины, представленной цѣпью невысокихъ холмовъ, которые прорѣзываются указанными притоками. Поэтому по всей вѣроятности дѣйствительный водораздѣлъ[2] лежитъ на массивной цѣпи, продолженіи горы Кайлас, или Ганъ-дис-ри (вѣрнѣе Ганъ-тисе-ри), проходящей въ 40—50 миляхъ на С. отъ общей линіи теченія рѣки. Однако, нѣкоторые изъ сѣверныхъ притоковъ Цзанъ-по, повидимому, берутъ начало даже сѣвернѣе Ганъ-дис-ри, на самомъ озерномъ плато[3], проходя черезъ эту цѣпь по ущельямъ, напоминающимъ ущелья индійскихъ рѣкъ въ южныхъ Гималаяхъ. Между прочимъ, источникъ Ч'орта цзанъ-по, по изслѣдованіямъ пандитовъ, лежитъ въ озерахъ на ЮЗ. и Ю. отъ Данъ-гра юм ц'о.

Параллельно дальнѣйшему теченію рѣки идетъ съ сѣвера наибольшій притокъ этой части Цзанъ-по—Рага цзанъ-по, который болѣе извѣстенъ, чѣмъ главное теченіе, такъ какъ по его долинѣ проходитъ большая дорога изъ Сарка дзонъ до Пун-цок линъ. На указанномъ протяженіи (150 миль) теченіе главной рѣки на картахъ отмѣчалось (до экспедиціи Роулинга и Райдера 1904 г., отчасти восполнившей этотъ пробѣлъ картографіи) предположительно разбитой линіей, за отсутствіемъ точной съемки, въ видѣ плоской южной дуги между Сарка дзонъ и Бжянъ-лха цзе. Наинъ-Сингъ, единственный пандитъ прошедшій вдоль Цзанъ-по, слѣдовалъ отъ Тадума указанной большой дорогою, покидающей главную рѣку у вершины ея южнаго изгиба и встрѣчающей ее снова въ долинѣ Ч'орта цзанъ-по, послѣ чего дорога сопровождаетъ рѣку на 30 миль мимо Сарка дзонъ и окончательно переходитъ въ долину Рага Цзанъ-по. Благодаря этому обстоятельству, пандитъ не могъ сообщить ничего

положительнаго относительно интересующаго насъ участка Цзанъ-по.

По свѣдѣніямъ же Сандберга[1], рѣка проходитъ на этомъ участкѣ сперва по обширной равнинѣ Ла-ва Мон-т'анъ[2], глубоко врѣзываясь въ рыхлую аллювіальную почву, затѣмъ входитъ въ горный округъ Джонъ-дга[3], гдѣ питается ручьями изъ ледниковъ. На всемъ протяженіи рѣка, повидимому, носитъ имя Ме-цзанъ чу, или нижнія воды Цзанъ[4], подъ каковымъ именемъ она извѣстна еще въ Бжянъ-лха-цзе. Экспедиція Роулинга и Райдера 1904 г. открыла наукѣ новые участки рѣки на указанномъ протяженіи, какъ можно видѣть изъ описанія ея маршрута въ „обзорѣ путешествій" (см. I выпускъ).

Большая дорога выходитъ къ главной долинѣ въ 15 миляхъ выше Бжянъ-лха-цзе, въ Нунси—классической почвѣ ламаизма, гдѣ имѣются по сосѣдству обширные монастыри, въ особенности Н'амринъ, знаменитое мѣсто паломничества.

Рѣка Рака (Ракпа) цзанъ-по, идущая прямо съ запада, тогда какъ Цзанъ-по поднимается съ ЮЗ., впадаетъ въ главную рѣку у Бжянъ-лха-цзе, на высотѣ 4150 метровъ[5]; немного выше послѣдняго въ Цзанъ-по впадаетъ съ юга р. Ялунъ (Сакья тром-ч'у[6]), географическая граница въ извѣстной степени между западной и восточной половинами южнаго Тибета, какъ принималось до изслѣдованій Роулинга и Райдера, доказавшихъ ошибочность этого мнѣнія. У Бжянъ-лха-цзе рѣка дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу до Пунцоклинъ[7] и получаетъ въ этомъ мѣстѣ прямолинейное направленіе съ запада на востокъ.

Въ Шихацзе Цзанъ-по принимаетъ въ 545 миляхъ отъ истока воды своего важнѣйшаго по плодородію и населенности долины притока съ юга—р. Нянъ-ч'у и немного ниже съ сѣвера—Шанъ ч'у[8]. Рѣка Нянъ, или рѣка Лакомствъ[9], земной рай въ представленіи тибетцевъ, образуется изъ двухи вѣтвей—Ралунъ, стекающей съ перевала Каро на З. отъ озера Ямдок, и Ниру ч'у, идущей съ юга; обѣ эти вѣтви проходятъ по пустынной бѣдной мѣстности, прилегающей къ пригималайской полосѣ тибетскаго нагорья съ характеромъ внутреннихъ областей; лишь по сліяніи указанныхъ вѣтвей начинается плодородная и богатая долина нижняго теченія Нянъ ч'у въ 15 миляхъ выше города Гжянъ-цзе вплоть до Шихацзе (70 миль отъ перваго)[10]. Прекрасное описаніе смѣющейся

картины, представляемой этой частью долины Нянъ ч'у, даетъ Дасъ [1]. Долина рѣки Нянъ воздѣлана почти до послѣдняго вершка, изобилуетъ рощами ивъ и фруктовыхъ деревьевъ, производитъ большія количества земледѣльческихъ и вообще сельскохозяйственныхъ продуктовъ, густо населена и является вторымъ по значенію средоточіемъ религіозной жизни Тибета, съ монастырями Гжянъ-цзе и Дашійхлунбо въ полуверстѣ отъ Шихацзе. Рѣка Нянъ судоходна отъ Гжянъ-цзе вплоть до Шихацзе, чѣмъ и пользуются для перевозки товаровъ и земледѣльческихъ продуктовъ на кожаныхъ лодкахъ [2].

Рѣка Цзанъ-по у Шихацзе несетъ 990 куб. метровъ воды въ секунду, по опредѣленію Наинъ-синга въ 60 г.г.; русло широкое, въ среднемъ 1\2 мили, мѣстами до двухъ миль, и разбивается на нѣсколько каналовъ, раздѣленныхъ песчаными отмелями; теченіе довольно быстрое, но допускаетъ свободно судоходство.

На сѣверъ отъ этой части долины рѣки лежитъ округъ Шанъ, на югъ рѣка ограничиваетъ мѣстность съ ясно выраженнымъ ландшафтомъ ронъ, т. е. съ многочисленными скалистыми ущельями и дефиле, въ качествѣ наиболѣе характерныхъ чертъ. Сама же долина рѣки на правомъ берегу представляетъ собою волнистую плодородную равнину, обработанную самымъ тщательнымъ образомъ и дающую богатые урожаи. Ландшафтъ рѣки съ этой стороны не заключаетъ въ себѣ ничего дикаго или скалистаго; мѣстами берегъ такъ низокъ, что розливы рѣки проникаютъ далеко вглубь страны.

На сѣверномъ берегу простирается равнина отъ 3 до 5 миль шириною, засыпанная мѣстами пескомъ изъ рѣки. Она окаймлена цѣпью округленныхъ холмовъ, возвышающихся на 1000 ф. надъ равниною. Этотъ берегъ, за отдѣльными исключеніями, болѣе пустыненъ, нежели южный, гдѣ многочисленныя селенія и лѣсныя рощи оживляютъ пейзажъ. Въ общемъ, эта часть долины Цзанъ-по съ ея боковыми развѣтвленіями, по которымъ спускаются притоки, и представляетъ истинную родину тибетцевъ,—страну, гдѣ они по преимуществу живутъ теперь и гдѣ происходили наибольшія событія ихъ исторической жизни, въ отличіе отъ сосѣднихъ пустынныхъ возвышенныхъ равнинъ Бжянъ-т'ана и скованныхъ льдомъ нагорій, недоступныхъ для постояннаго обитанія. Указанный собственный Тибетъ лежитъ цѣликомъ внѣ сѣвернаго плоскогорья, на

2—9 тысячъ футовъ ниже его, на террасахъ вдоль его южнаго края и внутри глубокихъ скалистыхъ ложбинъ, вырытыхъ въ южной сторонѣ плоскогорья рѣками, берущими начало на немъ, или въ снѣжныхъ цѣпяхъ, примыкающихъ къ нему или, наконецъ, пересѣкающихъ его. Начинаясь въ болѣе плодородныхъ долинахъ рр. Тонъ, Шанъ и Кчiи, собственный Тибетъ спускается къ смѣло очерченной, поросшей густымъ лѣсомъ области Цзанъ-по и ея южныхъ притоковъ, съ цвѣтущими лугами и полями—однимъ словомъ пейзажемъ, напоминающимъ швейцарскiе Альпы. Внѣ плоскогорья расположена и столица Тибета—Лхаса въ защищенномъ углу, образованномъ его устоями внутри верхней границы лѣсовъ[1].

Въ 50 миляхъ отъ Шихацзе внизъ по Цзанъ-по находится на южномъ берегу у Шанъ-па (Джагса) устье быстрой Ронъ-наг-ч'у, идущей съ ЮЗ. и представлявшей раньше истокъ озера Ямдок въ Цзанъ-по, но нынѣ, повидимому, отрѣзанной отъ послѣдняго, которое, слѣдовательно, является по прежнему закрытымъ бассейномъ.

Полковникъ Таннеръ[2] принялъ на вѣру утвержденiе U. G., будто р. Ронъ иногда течетъ въ Цзанъ-по, иногда въ озеро, въ зависимости отъ того, гдѣ уровень воды бываетъ, выше, не обративъ вниманiя на то, что Цзанъ-по (ниже Шихацзе) лежитъ на высотѣ не болѣе 12,000 ф., а озеро поднято до 13.800 ф. (теперь даже до 15,000 ф., согласно новымъ изслѣдованiямъ) и что, слѣдовательно, уровень рѣки Цзанъ-по долженъ подняться почти на 2,000 ф. (3,000 ф.), прежде чѣмъ можетъ имѣть мѣсто указываемое пандитомъ явленiе.

Передъ устьемъ Ронъ-наг-ч'у судоходство по главной рѣкѣ отъ Шихацзе прекращается благодаря тому, что долина рѣки суживается, а сама рѣка, тѣснимая горной цѣпью на югѣ (вдоль основанiя послѣдней спускается Ронъ-наг-ч'у), образуетъ пороги и стремнины, недоступныя для тибетскихъ лодокъ. Указанная цѣпь преграждаетъ сообщенiе и по берегу, почему большая дорога сворачиваетъ въ долину Ронъ-наг ч'у, поднимается по ней къ озеру Ямдок, и затѣмъ къ перевалу К'амба ла. Дальнѣйшiй же участокъ главной рѣки, проходящiй по гористой мѣстности, остается понынѣ неизслѣдованнымъ на протяженiи 80 миль до Чаксам ч'ори, или пункта, гдѣ большая дорога въ Лхасу изъ Шихацзе переходитъ черезъ Цзанъ-по на западъ отъ устья Кчiи чу, къ ея порту Чу-шул (мо-

ра, точнѣе Восточная Брамапутра, успѣваетъ превратиться въ значительную рѣку. Впрочемъ и Восточная Брамапутра, или Лохитъ областью своихъ истоковъ принадлежитъ также Тибету, такъ какъ послѣдніе Дзаюл ч'у и Ронъ-тод ч'у, протекающіе съ сѣвера на югъ черезъ двѣ параллельныя долины Дзаюл-мед (нижняго Дзаюл), соединяются въ одну рѣку еще до прорыва черезъ горную цѣпь, ограничивающую область Дзаюл-мед отъ страны Мишми. Выйдя затѣмъ на равнины Ассама въ видѣ бурнаго горнаго потока, соединенное теченіе обоихъ верховьевъ направляется на западъ и юго-западъ черезъ озеро Брамакундъ на соединеніе съ Дибанъ и Диханъ, по пути увеличивая водную массу 10 значительными притоками.

Длина теченія Цзанъ-по—Диханъ отъ истока до сліянія съ Лохитомъ или Восточной Брамапутрой равняется 1,308 англійскихъ миль, а съ дальнѣйшимъ теченіемъ Брамапутры до морского устоя въ Бенгальскомъ заливѣ разстояніе истоковъ Цзанъ-по отъ моря увеличивается до 1,920 миль.

Бассейнъ Цзанъ-по, начиная отъ истока въ глетчерахъ Ніима Нам-гжял, обнимаетъ весь южный Тибетъ между 82° и 93°30' в. д. вплоть до 31° с. ш. Далѣе на востокъ бассейнъ рѣки суживается, не простираясь такъ далеко на югъ, но получая снова приращеніе на сѣверѣ до 31°. Съ поворотомъ на югъ у 94° рѣка захватываетъ восточными притоками страну до 96° в. д. Въ общемъ бассейнъ Цзанъ-по до вступленія рѣки на почву Ассама измѣряется въ 14 градусовъ долготы со средней шириною до 2½ град. широты, или площадью въ 112,000 кв. миль. На всемъ протяженіи указанной обширной площади ощущается вліяніе Цзанъ-по въ качествѣ резервуара для сточныхъ водъ этой части страны.

Паденіе русла рѣки на протяженіи первыхъ 540 миль отъ истоковъ (14,700 ф.) до Шихацзе измѣряется только въ 2,400 ф., или 4½ ф. на милю; зато на дальнѣйшемъ разстояніи 250 миль наклонъ чрезвычайно растетъ, достигая цифры 3,300 ф. на все указанное протяженіе или 13 ф. на милю. На югъ отъ Гжяла сенъ-донъ точныхъ цифръ для вычисленія паденія рѣки не существуетъ пока, но, надо думать, наклонъ русла долженъ быть весьма значителенъ: Гжяла сенъ-донъ лежитъ на высотѣ 8,000 ф.; уровень страны на сѣверъ отъ Ассамскихъ Гималаевъ не превышаетъ 3,500 ф.; возвы-

шеніе русла Диханъ по выходѣ изъ горъ—800 ф., при впаденіи въ Лохитъ— лишь 420 ф. [1].

Послѣднія сто миль теченія Цзанъ-по внутри Гималаевъ лежатъ уже внутри англійской политической сферы въ Ассамѣ (начиная съ 28°20' с. ш.), какъ и обозначается на картѣ, хотя указанная мѣстность никогда не занималась англичанами фактически вслѣдствіе ожесточенной вражды упомянутыхъ дикихъ племенъ и густыхъ лѣсовъ, покрывающихъ большую часть долины. Только въ 1894 году экспедиція Нидгамъ (Needham) поднялась на 100 миль отъ Садія по Дихонгу, и убѣдилось, что рѣка течетъ почти съ западнаго направленія и что мѣстность выше состоитъ изъ волнообразныхъ холмовъ, почти свободныхъ отъ дѣвственнаго лѣса.

Климатъ долины ниже пороговъ вскорѣ становится теплымъ, настолько, что, по мнѣнію К. Р., допускалъ бы разведеніе риса, хлопка, проса и платановъ; шелковичные черви изобилуютъ въ лѣсахъ и рыба въ рѣкѣ. Лѣсъ представляетъ дремучую чащу вслѣдствіе спутанной массы кустарниковъ и корней, среди которой бродятъ олени, тигры и величавый „митанъ“ (Bos frontalis). Сухость воздуха удостовѣряется нахожденіемъ многочисленныхъ сосенъ (Pinus longifolia), которыя не могутъ расти на сырой индійской сторонѣ этой части Гималаевъ. Путь по рѣкѣ крайне труденъ, по описанію К. Р., благодаря разбросаннымъ утесамъ и скаламъ. Стороны долины прохладны и всѣ градаціи температуры можно найти въ боковыхъ долинахъ, большей частью поднимающихся къ высокимъ вершинамъ.

Въ нижнемъ теченіи Цзанъ-по находится изолированная политически и географически область По-ме-кой-чен (часть большей По-ме, далѣе на востокъ), исторія возникновенія и развитія коей является характерной для существующихъ въ этой части долины благопріятныхъ физическихъ условій. Начало ей было положено, какъ разсказываетъ Рокгиль [2] на основаніи китайскихъ источниковъ, въ 1793 г., или позже, отрядомъ 500 сычуаньскихъ солдатъ, посланныхъ на войну съ Непаломъ, но по ошибкѣ попавшихъ въ нижній По-юл, или По-ме. Здѣсь китайцы были такъ увлечены красотою и плодородіемъ страны, что рѣшили не итти дальше, поженились на мѣстныхъ дѣвушкахъ и устроились навсегда въ новой родинѣ; ихъ потомки понынѣ занимаютъ эту мѣстность. Противно

верхнему По, управляемому изъ Лхасы, нижній По на дѣлѣ независимъ, находясь подъ номинальнымъ контролемъ маньчжурскаго чиновника въ Лхасѣ—„посланника къ дикимъ племенамъ“ или такъ называемаго третьяго амбаня. По-ме посѣщается юнь-наньскими и лао-шань'скими (изъ Си-ань фу въ Шэнь-си) [1] торговцами и ведетъ значительную торговлю съ Дерге, Гжяде по верхнему Сальвину и Лхасою. Лошади По-ме славятся по всему Тибету [2], его кожаныя и желѣзныя издѣлія, драгоцѣнныя вещи (серебряныя украшенія), ровно какъ произведенія его ткацкихъ станковъ, въ большомъ спросѣ повсемѣстно [3]. Произведенія почвы разнообразны и высокаго качества, такъ что область, повидимому, является самымъ плодороднымъ краемъ Тибета, такъ сказать, „обѣтованный его страною“.

Сообщеніе изъ По-ме съ центральной частью долины Цзанъ-по совершается черезъ верхній По и Конъ-бу, гдѣ путешественникъ выходитъ на большую дорогу изъ столицы въ Восточный Тибетъ и въ долину Янъ-цзы, такъ что при желаніи можно проникнуть изъ Китая въ Индію, минуя Лхасу. Это обстоятельство говоритъ въ пользу желательности установленія дороги вверхъ по Дихонгу въ Поме и далѣе въ восточный Тибетъ и Китай, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не откроется прямой путь изъ Индіи въ Китай черезъ долину восточной вѣтви Брамапутры—Лохиту (Дзаюл ч'у), преграждаемый нынѣ дикимъ племенемъ Мишми.

Долина нижняго теченія Цзанъ-по по своему физическому характеру близко подходитъ къ болѣе западнымъ частямъ юго-восточнаго Тибета, т. е. къ тѣмъ его частямъ, гдѣ долины рѣкъ еще не успѣли вполнѣ отрѣшиться отъ характерныхъ чертъ внутренняго ландшафта, оставаясь въ переходномъ состояніи. Любопытно отмѣтить, что тотъ же 94° меридіанъ, отъ котораго начинается рѣзкій поворотъ Цзанъ-по на югъ, играетъ почти аналогичную роль по отношенію къ болѣе сѣвернымъ большимъ рѣкамъ восточнаго Тибета. Какъ Дре-ч'у, такъ и верховья Меконга достигаютъ около этого меридіана наиболѣе сѣвернаго пункта своихъ теченій, послѣ чего измѣняютъ направленіе на болѣе южное (сперва юго-восточное, затѣмъ меридіональное); одинъ только Сальвинъ удерживаетъ прежнее (широтное) направленіе еще на разстояніи двухъ градусовъ долготы (до 96° в. д.). Упомянутое общее для всѣхъ водныхъ теченій явленіе доказываетъ склоненіе на линіи 94 меридіана и далѣе на

востокъ горныхъ цѣпей (Куэнь-луньской системы) съ восточно-юго-восточнаго направленія на юго-восточное и южное, или переходъ отъ этой системы къ индо-китайской съ меридіональнымъ простираніемъ горныхъ хребтовъ. Такимъ образомъ измѣненіе направленія рѣчныхъ теченій въ восточномъ Тибетѣ въ то же время отмѣчаетъ начало перехода отъ внутреннихъ областей къ периферической, характеризуемой индо-китайской системою; но лишь при слѣдованіи внизъ по долинамъ указанныхъ рѣкъ, путешественникъ убѣждается въ обширности выполненной ими работы по измѣненію орографической картины страны и въ важности этого фактора въ дѣлѣ созданія разнообразныхъ и живописныхъ физическихъ формъ периферической области. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что большія рѣки являются прежде и выше всего характерными для восточнаго и юго-восточнаго периферическаго Тибета, такъ какъ онѣ-то и вырѣзали глубокія долины въ цѣпяхъ средняго Куэнлуня, склоняющихся къ юго-востоку, и проложили путь въ глубокихъ бороздахъ между вытянувшимися въ южномъ направленіи линіями горныхъ гребней индо-китайской системы. Съ большимъ трудомъ онѣ выбиваются изъ внутреннихъ областей тибетскаго нагорья, представляя своими расходящимися теченіями подобіе раскрытаго вѣера, и достигаютъ низменностей по восточному и южному краямъ материка и моря, при чемъ лишь Желтая рѣка изъ всѣхъ восточно-тибетскихъ рѣкъ направляется на сѣверъ и востокъ; всѣ же остальныя сперва текутъ въ тѣсномъ сосѣдствѣ на юго-востокъ и на югъ и лишь подъ 25° с. ш. избираютъ расходящіеся пути. Самостоятельную роль пріобрѣтаютъ лишь Янъ-цзы, Меконгъ и Сальвинъ, остальныя же двѣ (Да-цзинь чуань и Ялунъ) дѣлаются притоками Янъ-цзы. Ни одна изъ этихъ рѣкъ не является судоходной, и характеръ дикихъ горныхъ потоковъ остается общимъ для всѣхъ. Начиная съ 30° с. ш. долины рѣкъ превращаются въ узкія ущелья, почти недоступныя для сообщенія и поселенія; въ силу обоихъ этихъ обстоятельствъ—несудоходности рѣкъ и исключительно неблагопріятнаго характера долинъ для развитія человѣческой дѣятельности—торговое движеніе избѣгаетъ обычно долины, поднимаясь на сосѣднія возвышенности, раздѣляющія долины между собою.

Наименьшая по длинѣ рѣка восточнаго Тибета является въ то же время и наиболѣе сѣверной изъ всѣхъ водныхъ его теченій—

Хуанъ хэ. Возникнувъ подъ 96°[1], рѣка подъ монгольскимъ именемъ Солома[2] вступаетъ немедленно въ котловину, занятую подъ рядъ тремя озерами, которыя рѣка послѣдовательно и проходитъ—болотистымъ озеромъ Дзач'у хо-ц'о на равнинѣ Одон тала или Карма т'анъ[3] и еще вполнѣ развитыми, ранѣе вѣроятно лишенными стока, озерами Чжаринъ нор и Н'орин нор (по тибето-монгольски[4]), на высотѣ 4270 м. (13,900 футовъ).

Оба озера прѣсныя и раздѣлены между собою перешейкомъ до 10 верстъ. Восточное озеро изъ двухъ или „Русское", имѣя въ окружности около 120 в., вытянуто съ сѣвера на югъ, а западное—или „озеро Экспедиціи", едва достигающее 100 верстъ въ окружности, вытянуто съ запада на востокъ. Каждое озеро обставлено возвышенными утесистыми берегами, врѣзывающимися нерѣдко въ воду въ видѣ узкихъ мысовъ. Заливы озеръ мѣстами отдѣлены плоскими косами, или перешейками отъ главныхъ проточныхъ водъ бассейновъ, образуя отдѣльныя реликтовыя озерки, большей частью соленыя. Оба озера имѣютъ острова; верхнее, судя по просвѣчивающимся на солнцѣ отмелямъ, не очень глубоко, особенно въ западной части, нижнее довольно глубоко (до 15 саженъ согласно промѣрамъ Ладыгина на 10 верстъ вдоль оси озера отъ мѣста выхода Хуанъ хэ). Дно озеръ галечное, вода прозрачная. Оба озера соединяются быстро текущею протокою, связывающей юго-восточный уголъ верхняго (западнаго) озера съ юго-западнымъ угломъ нижняго (восточнаго); протока имѣетъ 15 верстъ въ длину при ширинѣ до 50 саженъ, при чемъ дробится на сѣть рукавовъ. Рѣки Джагыйн гол и Разбойничья впадаютъ въ протоку, или вѣрнѣе въ прилегающія къ послѣдней части озеръ. Оба озера изобилуютъ рыбой (маринки до 5 фунтовъ вѣсомъ и др.). Растительность по берегамъ богатая въ смыслѣ привольныхъ пастбищъ[5].

Изъ второго озера („Русскаго") рѣка выходитъ къ сѣверному его углу уже подъ тибетскимъ именемъ Ма ч'у (пишется рМа-ч'у, значеніе неизвѣстно[6]). Дальнѣйшее ея теченіе отъ этого пункта вплоть до поворота на сѣверъ было впервые установлено экспедиціей Фильхнера и Тафеля 1904 г., тогда какъ раньше было извѣстно лишь, что рѣка проходитъ между хребтами Амнемачин и Сары Дангеро на сѣверѣ и Баян-хара на югѣ. Подъ 101° в. д. рѣка поворачиваетъ сперва на сѣверо-востокъ, затѣмъ на сѣверо-западъ и

снова на прежнее направленіе, и послѣдовательно прорываетъ всѣ параллельныя вѣтви Куэнь-луня (Сары Дангеро, Угуту, Чжупар — продолженіе Южно-Кукунорскихъ горъ (Семенова) въ видѣ французской буквы S. Вопреки прежнему представленію, будто рѣка остается на всемъ этомъ разстояніи въ глубокомъ ущельѣ, Футтереръ сообщаетъ, что въ мѣстахъ его наблюденій[1] Хуанъ хэ проходила, внѣ раіона пересѣченія горныхъ цѣпей, въ широкой длинной котловинѣ между террасами осыпей. Вода рѣки сѣро-зеленая, мутная, въ непрерывномъ круговращающемся движеніи, ширина русла 170—250 метровъ, быстрота теченія—2,6 м. въ секунду, глубина, видимо, значительная. При прорывѣ черезъ горы Чжупар Желтая рѣка образуетъ глубокое (до 250 м.) ущелье съ крутыми почти перпендикулярными стѣнами 30 метровъ вышиною; въ этомъ ущельѣ, какъ и въ аналогичныхъ ниже по теченію, благодаря размыву почвы возникаютъ пирамиды, ворота, колонны, словомъ всѣ причудливыя формы пейзажа истинной лесовой области[2]; теченіе здѣсь стремительно (не менѣе 2,75 метровъ въ секунду), глубина 12 метровъ; на лѣвомъ берегу мѣстами рощи тополей, въ ущельяхъ же акаціи и другіе цвѣтущіе кусты; на склонахъ зеленый можжевельникъ и хвойные лѣса; въ промежуткѣ, вдоль болѣе открытыхъ частей долины,—флора альпійскихъ луговъ и равнинныхъ степей[3].

Около Балекун-гоми, на югъ отъ Кукунора, посѣщеннаго Пржевальскимъ, рѣка, имѣя въ ширину 100 метровъ, при ширинѣ долины въ 2—8 кил., и скорость въ 1,5 метр. въ секунду, сворачиваетъ окончательно на востокъ, вступая вмѣстѣ съ тѣмъ на китайскую территорію въ строгомъ смыслѣ слова, и вскорѣ устремляется изъ степной равнины въ гористую мѣстность Южно-Кукунорскихъ горъ, за которой уже начинается переходъ къ пустынѣ Гоби[4].

Не смотря на краткость теченія въ предѣлахъ тибетской области, Хуанъ хэ, или какъ она зовется тибетцами Ма чу, создала на своемъ пути отличныя отъ внутреннихъ областей сѣверо-восточнаго Тибета (напримѣръ, Цайдама, и Кукунора) формы поверхности и приблизила проходимую ею мѣстность, внутри чисто тибетской съ этнографической точки зрѣнія страны, къ истинному ландшафтному типу периферическихъ областей. Работа рѣки еще не закончена, доказательствомъ чего служитъ существованіе понынѣ двухъ вполнѣ развитыхъ озеръ Чжаринъ и Н'оринъ, но уже принесла извѣстные

результаты, постепенно превративъ прежнее озеро Дзач'у хоц'о въ болотистое пространство.

Вторая рѣка периферическаго Тибета—*Да Цзинь-чуань*, или Большая Золотая рѣка въ отличіе отъ *Сяо Цзинь хэ*, ея притока подъ 30°40', или Малой Золотой рѣки (берущей начало подъ 31½° с. ш.), зовется въ верхнемъ теченіи Марч'у. Большая Золотая рѣка возникаетъ въ горахъ Баян хара или ихъ восточномъ продолженіи, на южномъ склонѣ подъ 98° и 33° с. ш.[1], проходитъ затѣмъ вдоль этихъ горъ на ВЮВ., т. е., параллельно ихъ направленію, между 100° и 102° в. д. поворачиваетъ на ЮЮВ., получаетъ на В. отъ Да-цзянь лу (стоящемъ на небольшомъ правомъ притокѣ Цзинь-чуань—Лухэ) имя *Да-ду хэ* (отъ важнаго брода—да-ду большой бродъ, по дорогѣ изъ Я-чжоу фу через Цинь-ци сянь въ Нинъ-юань фу). Подъ 29°15' рѣка дѣлаетъ новый крутой поворотъ на этотъ разъ прямо на востокъ и, принявъ слѣва Я хэ[2], впадаетъ въ рѣку Минь, притокъ Янъ-цзы, у Цзя-динъ фу уже подъ именемъ р. *Тунъ* (это имя распространяется путешественниками нерѣдко и на верхнія части ея теченія[3]).

Верхнее теченіе рѣки выше параллели Да-цзянь лу, т. е. собственная область Цзинь-чуань[4], очень мало изслѣдовано (изъ немногочисленныхъ европейскихъ путешественниковъ, побывавшихъ въ нижнихъ участкахъ обѣихъ Золотыхъ рѣкъ, отмѣтимъ Ростгорна, Потанина, Хози), но важно тѣмъ, что занято сплошь тибетскими племенами[5], образующими рядъ княжествъ (Вокьѣ, Васы, Га-ванъ, Сомо, Цзагу; послѣднія два лежатъ и въ области долины р. *Минь*), номинально, скорѣе чѣмъ фактически, покоренными китайской власти лишь при Цянь-лунѣ во второй половинѣ XVIII вѣка[6].

Рѣка Цзинь (Тунъ) является первой тибетской рѣкою, пробивающейся къ югу; по ней и верхней р. Минь[7] проходитъ истинная этнографическая и географическая граница между Тибетомъ и Китаемъ въ этой части страны, какъ ранѣе и политическая.

Третьей по порядку (считая съ сѣвера) рѣкою периферическаго Тибета и второй изъ числа прорывающихся къ югу является *Дза-ч'у* или *Ялунъ*[8] на европейскихъ картахъ, наибольшій притокъ Янъ-цзы, длиною въ 1,200 верстъ. Рѣка стекаетъ съ перевала Пачонъ ла (5,100 м.) въ горахъ Баян хара (прямо на югъ отъ источныхъ озеръ Хуанъ хэ) и слѣдуетъ далѣе неизмѣнно параллельно Цзинь-

чуанѣ и самому Янъ-цзы, сперва на ЮЮВ., потомъ ЮВ., между горами въ 5,000 м. вышиною, въ глубокомъ пустынномъ ущельѣ. Подъ 29° с. ш. рѣка, извѣстная начиная съ пункта пересѣченія ея большой дорогою изъ Да-цзянь лу на Ли танъ (или даже еще выше по теченію) подъ китайскимъ именемъ Я-лунъ, принимаетъ въ себя сперва Ли ч'у, идущую отъ Ли-тана, а затѣмъ подъ 26°25' слѣва наибольшій притокъ Ань-нинъ хэ отъ Нинъ-юань фу [1], слѣдующій параллельно главной рѣкѣ, и изливается въ Цзинь-ша цзянъ (Янъ-цзы) на западъ отъ Хуй-ли чжоу [2]. Часть теченія рѣки Я-лунъ между Хор-гамдзе на югѣ и прибл. 33° с. ш. (монастырь Омбу гоньба) на сѣверѣ была изслѣдована экспедиціей Козлова въ 1901 г. [3].

За Ялунъ слѣдуетъ непосредственно на западѣ самъ *Янъ-цзы*, который составляется изъ двухъ источныхъ вѣтвей, при чемъ сѣверная вѣтвь, *Напчитай (Намчуту) улан-мурен* (съ 2 верховьями, изъ нихъ сѣверное *Чу-мар* Веллыби) беретъ начало на высотѣ 6,000 м. въ горахъ Кукушили, нѣсколько далѣе къ западу, нежели нижеуказываемая южная вѣтвь, проходитъ одно озеро и слѣдуетъ далѣе на востокъ съ уклономъ къ югу, до соединенія съ южной вѣтвью, болѣе многоводной и потому считаемой за главную—*Мур су* или *Муруи (Мурус) усу*. Послѣдняя состоитъ также изъ двухъ истоковъ, стекающихъ съ горъ Данъ ла, подъ 91° (мѣсто ихъ зарожденія указывается лишь предположительно) на высотѣ 5,500 метровъ (?); Гренаръ же утверждаетъ, что главнымъ истокомъ рѣки, извѣстной китайцамъ ниже по теченію, какъ Тунъ-тянь хэ, является Дам ч'у, который возникаетъ подъ 95° в. д. у вершины Дам-сар-цза-во [4].

Тибетцы зовутъ южный истокъ Янъ-цзы, признаваемый ими за главный,—Дре ч'у (Ди ч'у, даже Ды ч'у [5], пишется, повидимому') бри-ч'у—рѣка самки домашняго яка [6]; точная этимологія названія, впрочемъ, неизвѣстна), а потому и послѣ соединенія (на высотѣ 3,920 м.) обѣихъ вѣтвей рѣка сохраняетъ это имя (или монгольское названіе Мур су, превращаемое въ Муруи усу—извилистая рѣка (книжное названіе) или Мурус осу (разговорная форма) [7]; китайскимъ же именемъ рѣки, правда, далѣе по теченію вплоть до Ба-тана является *Тунъ-тянь хэ*, еще ниже *Цзинь-ша цзянъ* (рѣка золотого песку), отъ Ли-цзянъ фу до устья Я-лунъ—*Бай-шуй цзянъ* [8], затѣмъ снова Цзинь-ша цзянъ или Цзинь хэ, отъ устья рѣки Минь—*Да цзянъ* [9].

Соединенныя воды верховьевъ рѣки, т. е. Муруи усу, увеличенной Токтонай улан мурен, и Намчуту улан мурен, текутъ въ юго-восточномъ направленіи[1], подъ 94° поворачиваютъ на югъ, глубоко зарываются въ землю и достигаетъ Батанъ подъ 30° с. ш. Отсюда рѣка становится лучше извѣстной европейцамъ, хотя нѣкоторые участки ея теченія даже на этомъ протяженіи не были посѣщены ни однимъ европейскимъ изслѣдователемъ (напримѣръ, большая петля на сѣверъ отъ Ли-цзянъ фу). Снѣжныя горы поднимаются надъ узкой и дикой долиною въ видѣ величественной горной панорамы; возвышеніе русла рѣки надъ уровнемъ моря, однако, измѣряется у Батана еще въ 2,600 метр., у колѣна Ли-цзянъ фу—1,800 м.

Подъ 27° рѣка отдѣляется отъ западныхъ сосѣдей—рѣкъ Меконга и Сальвина, съ которыми до этого пункта шла параллельно, прорывается черезъ цѣпи Индо-китайской системы, соединяясь на пути съ Ялунъ, и огибая съ юга и востока въ глубокомъ ущельѣ обширную горную массу области Да-лянъ шань (страны черныхъ (независимыхъ) Лоло), и въ сѣверо-восточномъ направленіи достигаетъ Сюй-чжоу фу, гдѣ принимаетъ воды р. Минь, а съ ними и воды вышеупомянутой Цзинь-чуань.

Меконгъ образуется также изъ двухъ верховьевъ—Дза ч'у или Дза-наг чу и Пому ч'у (какъ пишетъ Козловъ; Ом-ч'у, или Пам-ч'у Гренара, который принимаетъ эту рѣку лишь за главный правый притокъ Дза ч'у[2]). Дза ч'у беретъ начало двумя истоками—Дза наг ч'у и Дза-гар чу'—у восточной оконечности Танъ-ла, на сѣверъ отъ Дам ч'у. Дальнѣйшее теченіе рѣки было установлено путешествіемъ Дютрейль дэ Рэнса на протяженіи 450 километровъ отъ истока Дза-наг ч'у до Таши гоньба подъ 32°30' с. ш. и 94°40' в. д. и Козловымъ въ 1901 г. до Шопа гомба, при чемъ послѣднимъ было изслѣдовано на значительномъ протяженіи и теченіе главнаго лѣваго притока Дза ч'у—Дзэ ч'у. У города Чамдо Дза ч'у соединяется съ другимъ верховьемъ Меконга (или главнымъ своимъ притокомъ, какъ утверждаетъ Гренаръ)—Пому ч'у, возникающимъ изъ сліянія болѣе сѣверной вѣтви—Бар ч'у (Пам ч'у Гренара) и южной Чжи ч'у; истоки послѣдней вѣтви лежатъ на восточномъ склонѣ Анъ-дам-чу-мго-ри, на востокъ отъ истока Дза-наг ч'у.

Общій характеръ долины Дза ч'у и его притоковъ—узкое, мѣстами непроходимое ущелье, съ крутыми и обрывистыми сосѣдними

горами, замыкающими съ обѣихъ сторонъ долину[1]. Съ пункта соединенія Дза ч'у и Ом ч'у въ Чамдо (3,370 м.) верхній Меконгъ называется *Ом чу*[2] или *Чамдо ч'у*. Дальнѣйшее его теченіе вплоть до Еркало, гдѣ рѣка носитъ уже имя *Лань-цанъ цзянъ*, на высотѣ 2400 м., совершенно неизвѣстно, но затѣмъ благодаря работамъ Дегодина европейскій географъ вступаетъ на болѣе изслѣдованную почву. У Гочу, выше Еркало, русло Меконга имѣетъ 120 м. ширины, долина узка и славится соляными источниками, составляющими собственность туземнаго правителя Батана, и горячими ключами. Вообще на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи въ предѣлахъ юго-восточнаго Тибета область рѣки принадлежитъ не только географически, но и политически этой части Тибета, такъ какъ оффиціальная граница съ Китаемъ проходитъ на востокъ отъ нея по водораздѣльному хребту. Меконгъ имѣетъ крутые берега, узкое русло, быстрое теченіе и стремнины; мѣстами проходитъ черезъ небольшія равнины—расширенныя части долины, затѣмъ снова углубляется въ скалистыя ущелья (особенно замѣчательны ущелья Гюнда и Гонса). Начиная съ Гонса деревья и кустарники покрываютъ долину Меконга, опускающуюся до 1,700—1,600 м.; у Лота горы отступаютъ въ сторону и рѣка снова расширяется до 250—300 м., покидая затѣмъ предѣлы политическаго Тибета (географической границы здѣсь не существуетъ).

Истоки *Сальвина* заходятъ на западъ далѣе истоковъ Меконга, хотя точныхъ свѣдѣній насчетъ ихъ мѣстонахожденія пока не существуетъ[3]. По существующимъ даннымъ[4], сѣверный истокъ (*Сок-ч'у* или *Ир чу*), имѣющій 330 километровъ протяженія, расположенъ подъ 91½° в. д. у Танъ-ла, южный (*Наг-чу*)[5] на сѣверо-востокъ отъ Тенгри нор, т. е. значительно западнѣе даже истоковъ Янъ-цзы[6]. По соединеніи подъ 95° обоихъ истоковъ, рѣка течетъ въ восточномъ направленіи до границы владѣнія Чамдо и лишь подъ 97° сворачиваетъ на югъ и юго-востокъ подъ именемъ *Гжяма Ну* (*Н'ул*) *ч'у*. Лишь отъ города Таншудука (29° с. ш., 2,180 м.) это верхнее теченіе Сальвина, извѣстное ужъ подъ китайскимъ именемъ *Лу цзянъ*, или *Лу-цзы цзянъ*, болѣе изслѣдовано католическими миссіонерами; въ указанномъ пунктѣ черезъ рѣку проходитъ висячій мостъ. Далѣе рѣка принимаетъ съ востока на высотѣ Менкунъ (между 29 и 28° с. ш.) многоводную *У-кіо*, которую Дегодинъ прошелъ вверхъ по теченію до Помба, а другіе миссіонеры продолжили его изслѣдованіе

до истоковъ [1]; подобно самому Лу цзяну притокъ заключенъ съ обѣихъ сторонъ въ высокія горныя цѣпи. Въ области рѣки У-кю и затѣмъ въ долинѣ главной рѣки расположено независимое владѣніе Дзогонъ, далѣе на югъ—Цзаронъ [2]. На участкѣ между Менконъ и Тасу (28½—27°40) Лу цзянъ становится снова лучше извѣстенъ европейцамъ и во всѣхъ отношеніяхъ походитъ на Лань-цанъ цзянъ. Слѣдующимъ пунктомъ, въ которомъ рѣку наблюдали европейцы, является Тапан (25°), гдѣ Сальвинъ перешли Сечени и Крейтнеръ, на высотѣ 726 метровъ, или на 430 м. глубже Лань-цанъ цзяна подъ той же широтою; за то послѣдній не имѣетъ такихъ пороговъ, какіе во многихъ мѣстахъ прерываютъ теченіе Сальвина. Въ Тапан правый берегъ плоскій, лѣвый крутой.

Таковы въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе извѣстныя европейцамъ на основаніи произведенныхъ изслѣдованій водныя теченія, проходящія въ верхнихъ своихъ частяхъ, вѣрнѣе истокахъ черезъ области съ ясно выраженнымъ внутреннимъ ландшафтомъ, въ среднихъ—черезъ переходныя области на границѣ сѣверо-восточнаго и юго-восточнаго Тибета и въ нижнихъ (по отношенію къ разсматриваемой странѣ, т. е. политическому Тибету)—въ типичныхъ периферическихъ мѣстностяхъ.

Граница периферической области по мѣрѣ удаленія къ востоку постепенно поднимается къ сѣверу, захватывая подъ 101—102° в. д. и область верхняго теченія Хуанъ хэ, тогда какъ подъ 96° в. д. она не идетъ выше 31° с. ш.; при этомъ контрастъ между востокомъ и западомъ любого географическаго дѣленія изъ числа указанныхъ бываетъ всегда рѣзче выраженъ, чѣмъ между югомъ и сѣверомъ того же дѣленія. Востокъ Тибета, начиная приблизительно съ указанныхъ выше меридіановъ (отодвинувъ ихъ, пожалуй, еще градуса на два на западъ), представляетъ собою высокую гористую страну съ глубоко врѣзанными рѣчными долинами и ясно очерченными цѣпями, благодаря тому, что всѣ продукты разрушенія горныхъ породъ уносятся изъ страны текучими водами; западъ же—пустынную степь съ многочисленными солеными озерами и волнистыми горными цѣпями, но безъ единой болѣе развитой рѣчной системы, благодаря чему всѣ продукты вымыванія и вывѣтриванія, оставаясь въ самой странѣ, сглаживаютъ всѣ рѣзкія противоположности и колебанія уровня почвы. Западъ сухъ и возвышененъ, востокъ обладаетъ болѣе обиль-

ными осадками и въ долинахъ понижается до уровня меньше 3,000 м. Сѣверъ Тибета въ свою очередь не имѣетъ внѣшняго стока, югъ же черезъ Цзанъ-по и Индъ съ Сетледжомъ постепенно переходитъ въ периферическую область. Поэтому чѣмъ болѣе подвигаться съ сѣверо-запада на юго-востокъ, тѣмъ обильнѣе становятся осадки и орошеніе, и тѣмъ разнообразнѣе строеніе почвы.

Обзоръ горнаго строенія сѣверо-восточнаго Тибета былъ законченъ разсмотрѣніемъ горъ Танъ-ла, какъ наиболѣе южной вѣтви Куэнь-луня, общее же описаніе рѣчныхъ системъ южнаго Тибета, какъ важнѣйшаго фактора физическаго устройства этой части страны, не шло выше 30 параллели, или крайней сѣверной границы теченія Цзанъ-по. Между указанными линіями—горами Танъ-ла (подъ 33° с. ш.) и 30° параллелью съ одной стороны и меридіанами Лхасы (91°) и Чамдо (97½° в. д.) лежитъ страна, не посѣщенная, кромѣ сѣверной окраины, никѣмъ изъ европейцевъ въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ со времени Гюка и рисуемая на картахъ и въ европейскихъ описаніяхъ весьма смутными гадательными чертами. Выше было указано значеніе хребта Танъ-ла въ качествѣ гидрографической и климатической границы; въ близкомъ сосѣдствѣ съ южными склонами этихъ горъ начинается переходная область съ лесовой почвою и болѣе обильнымъ травянистымъ покровомъ и постояннымъ кочевымъ населеніемъ, а далѣе на югъ и полевой культурою и селеніями осѣдлыхъ жителей въ противоположность къ болѣе сѣвернымъ частямъ страны. Правда, еще здѣсь встрѣчаются обширныя равнины (въ одной изъ нихъ, напримѣръ, лежитъ Лхаса (3630 м.); но чѣмъ далѣе направляться на востокъ, тѣмъ рельефъ мѣстности дѣлается разнообразнѣе и богаче благодаря рѣчнымъ теченіямъ системы Сальвина и Цзанъ-по *(? Гакбо ч'у*[1]*)*. Рѣки смыли соляной налетъ почвы и, открывъ плодородные нижніе слои леса, придали растительности болѣе богатый и разнообразный характеръ растительности альпійскихъ луговъ, къ которой въ болѣе низкихъ частяхъ долинъ присоединяются древесныя произростанія, тогда какъ весь сѣверный Тибетъ, за исключеніемъ сѣверо-восточнаго угла, совершенно лишенъ лѣсного покрова.

Указанная область отъ Тенгринора до истоковъ Иравадди имѣетъ большое возвышеніе надъ уровнемъ моря, хотя отдѣльныхъ цѣпей на картахъ и не указывается по недостатку соотвѣтствующихъ свѣ-

дѣній. Во всякомъ случаѣ въ орографическомъ отношеніи горы Танъ ла не представляютъ въ той же мѣрѣ рѣзко выраженной границы, какъ позволяютъ предполагать ихъ климатическая и гидрографическая роль; высота переваловъ на югъ отъ нихъ остается настолько значительной, что сосѣднія вершины, хотя онѣ пока точно не отмѣчены, должны, повидимому, превышать 6,000 метровъ: перевалъ Нуб Конъ-ла у Лхари (44°)—5470 метровъ, перевалъ Тотала на югъ отъ Лхари 5290 метровъ. Далѣе на востокъ возвышеніе страны уменьшается, но мѣстность не обладаетъ еще всѣми преимуществами вполнѣ развитыхъ периферическихъ областей: ущелья рѣкъ едва проходимы, перевалы очень высоки и круты, горы обрывисты со стороны рѣки и труднодоступны; сообщеніе, благодаря значительной разницы между уровнями долины (2—3 тыс. метровъ), горъ и переваловъ (4—6 тыс. метровъ) поддерживается съ большимъ трудомъ. Трудности движенія по странѣ способствовали политическому разъединенію живущихъ здѣсь племенъ, принадлежащихъ, однако, въ большинствѣ случаевъ къ одной народности—тибетской; почти каждая рѣчная долина, или части этой долины, если рѣка болѣе значительна, составляетъ особый политически независимый міръ—владѣніе подъ властью отдѣльнаго князя или просто старшины. Въ этомъ отношеніи До К'ам, или восточный Тибетъ оказывается въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, нежели южный Тибетъ, гдѣ отдѣльныя племена, занимавшія отличныя части страны, безъ труда могли слиться сперва въ болѣе значительные политическіе союзы (нынѣшніе провинціи и округа), потомъ составить одно государство—королевство Лхасы, умѣщавшееся первоначально цѣликомъ въ долинѣ Цзанъ-по и въ началѣ IX столѣтія распространившее свою власть за перевалъ Маюм въ долину Инда[1], послѣ чего Западный Тибетъ (включая Ладакъ и Балтистанъ) объединяется до первой половины XVIII столѣтія[2] подъ властью тибетскаго королевскаго рода, общаго съ правителями остальныхъ частей страны[3]. Сѣверный и восточный Тибетъ, правда, включаются нынѣ частями, не подчиненными непосредственной власти трехъ китайскихъ амбаней, въ составъ королевства Лхасы, но первый, т. е. сѣверный Тибетъ населенъ очень рѣдко, да и существующее кочевое населеніе врядъ ли подчиняется, кромѣ какъ на юго-восточной окраинѣ, какой организованной власти, за исключеніемъ собственныхъ старшинъ, чье вліяніе не

выходитъ за предѣлы ограниченнаго раіона. Помимо указаннаго обстоятельства, экономическое значеніе этихъ обширныхъ областей слишкомъ ничтожно въ глазахъ правителей Лхасы, которые поэтому имѣютъ своихъ представителей лишь въ упомянутой южной части области, болѣе пригодной для человѣческаго обитанія. Съ другой стороны восточный Тибетъ, за отдѣльными исключеніями, управляется собственными князьями или духовными владѣтелями и не терпитъ фактически ничьего вмѣшательства во внутреннія дѣла, хотя номинально признаетъ верховенство Далай-ламы или китайскаго императора. Не только въ отношеніи политической организаціи, но и природныхъ условій эта часть Тибета представляетъ совершенно отличную отъ остального Тибета область, настолько отличную, въ особенности по восточной границѣ, что ее можно разсматривать даже независимо отъ первой страны. И здѣсь можно встрѣтить не менѣе непривѣтливыя пространства страны, чѣмъ самые глухіе уголки сѣвернаго Тибета, даже съ приближеніемъ китайской границы и съ увеличеніемъ числа селеній и ростомъ ихъ процвѣтанія; но съ другой стороны нерѣдко взоръ усталаго путешественника можетъ отдохнуть на картинѣ смѣющагося пейзажа —картинѣ разнообразной растительной жизни, культуры и дѣятельности человѣка, какъ, напримѣръ, въ Дерге.

Восточный Тибетъ до сихъ поръ мало извѣстенъ европейцамъ: путешествія Рокгиля и французскихъ миссіонеровъ сообщили нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о немъ, но ихъ недостаточно для нарисованія ясной и полной физической картины страны. Въ болѣе низкихъ частяхъ теченія Чамдо ч'у и Н'ул ч'у существующія скудныя свѣдѣнія уже не имѣютъ за собою авторитетнаго свидѣтельства Рокгиля, а основываются на показаніяхъ почти одного лица—Дегодина, который при всей любознательности не могъ въ достаточно основательной степени изучить весь обширный край, рѣдко населенный, малопроизводительный и потому трудно доступный. Горное построеніе юго-восточнаго Тибета понынѣ остается недостаточно выясненнымъ; отношеніе крайней вѣтви Гималаевъ—Нечин Ганъри подъ 29°, которая переходитъ за Дихонгъ на В. и въ видѣ горныхъ высотъ 4700—5000 м. посылаетъ воды на западъ въ Лохитъ, на востокъ въ Сальвинъ—къ индо-китайскимъ цѣпямъ совершенно не установлено. Существованіе въ этой мѣстности независимыхъ,

почти дикихъ, племенъ затрудняло до сихъ поръ изслѣдованіе; только по этой причинѣ не удалось до сихъ поръ прослѣдить шагъ за шагомъ соединеніе Цзанъ-по съ Брамапутрою и всесторонне освѣтить этотъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ гидрографіи азіатскаго материка; имѣется не мало другихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ относительно горнаго построенія и рѣчныхъ системъ юго-восточнаго Тибета, оставленныхъ для трудовъ и изысканій будущихъ изслѣдователей.

VI. Климатъ.

Въ географическомъ описаніи каждой страны слѣдующее мѣсто послѣ обзора строенія поверхности и водныхъ системъ обычно отводится разсмотрѣнію климата. О климатѣ Тибета извѣстно очень много въ смыслѣ личныхъ впечатлѣній и отзывовъ различныхъ путешественниковъ и очень мало въ смыслѣ правильныхъ метеорологическихъ наблюденій, охватывающихъ болѣе значительный промежутокъ времени и при томъ производившихся непрерывно въ одномъ и томъ же опредѣленномъ пунктѣ Тибета. Правда, каждый путешественникъ по странѣ производилъ подобныя наблюденія регулярно въ теченіе всего времени пребыванія на тибетской почвѣ и при изданіи собранныхъ научныхъ матеріаловъ неизмѣнно давалъ сводную таблицу наблюденій надъ температурою и погодою въ видѣ приложенія; но такъ какъ эти наблюденія относились въ отдѣльности къ различнымъ пунктамъ путешествія, нерѣдко захватывавшаго на протяженіи сравнительно немногихъ дней совершенно отличныя въ климатическомъ отношеніи области, и при томъ производились въ теченіе времени меньше года, а то и всего нѣсколько мѣсяцевъ (исключеніе составляютъ лишь наблюденія экспедицій Дютрейль де Рэнса и Гедина, продолжавшихся болѣе года въ предѣлахъ Тибета, да нѣкоторыхъ пандитовъ, которые вели метеорологическія записи [1]), то трудно, почти невозможно дѣлать опредѣленныя заключенія изъ столь отрывочныхъ и разнохарактерныхъ данныхъ [2]. Поэтому въ настоящемъ вопросѣ приходится ограничиться изложеніемъ общихъ замѣчаній относительно особенностей тибет-

скаго климата въ различныхъ областяхъ страны, въ которыхъ случалось оставаться европейскимъ наблюдателямъ болѣе продолжительное время, и указаніемъ на нѣкоторыя цифры изъ ихъ метеорологическихъ дневниковъ; предварительно же этому надлежитъ подвести итогъ личнымъ наблюденіямъ и характеристикамъ путешественниковъ относительно климата Тибета въ цѣломъ.

Въ общемъ можно сказать, слѣдуя Шлагинтвейту[1], что климатъ Тибета находится подъ соединеннымъ вліяніемъ наибольшаго средняго возвышенія страны надъ уровнемъ моря (отъ 13,500 до 17,500 фут., съ цѣпями отъ 19 до 26 тысячъ фут.) и наибольшей средней сухости воздуха въ широтѣ отъ 28° до 36° с. ш. на земномъ шарѣ[2]. По географической широтѣ (отъ 5¼ до 14° на сѣверъ отъ тропика Рака), положеніе Тибета соотвѣтствуетъ южной части Средиземнаго моря и сѣверной окраинѣ Африки, но климатическія его условія благодаря большому возвышенію уровня страны, при которомъ широта не играетъ главной роли въ распредѣленіи температуры, представляютъ полную противоположность климату указанныхъ областей, соединяя въ себѣ характеръ климата внутренней азіатской пустыни съ явленіями полярныхъ странъ.

Прежде всего климатъ Тибета долженъ быть названъ континентальнымъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, вообще отличающимся большой сухостью и необыкновенно рѣзкими колебаніями температуры и измѣнчивостью погоды. На континентальный характеръ климата вліяетъ не только положеніе страны въ центрѣ материка въ наибольшемъ удаленіи отъ моря среди окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ широкихъ пространствъ суши, но также и то обстоятельство, что высокія горы, расположенныя по ея краямъ, задерживаютъ влажныя воздушныя теченія съ океана даже въ большей степени, чѣмъ онѣ оказываются въ состояніи остановить натискъ европейской цивилизаціи—научной любознательности и стремленій практической политики европейцевъ.

Въ великомъ по результатамъ процессѣ чередованія индійскихъ муссоновъ—сѣверо-восточнаго и юго-западнаго[3], Тибетъ за рѣдкими исключеніями, почти не принимаетъ участія. Огромныя массы дождевыхъ тучъ, гонимыхъ южнымъ муссономъ, разбиваясь о стѣну западныхъ Гималаевъ отъ Сиккима до Кашмира, или совсѣмъ не достигаютъ поверхности тибетскаго нагорья, или же доходятъ до

нея въ ничтожной степени. Даже долина Чумби, которая, казалось, могла бы испытать на себѣ, подобно другимъ поперечнымъ долинамъ южнаго склона Гималаевъ, плодотворное дѣйствіе этихъ муссоновъ, защищена на дѣлѣ отъ нихъ горной стѣною, раздѣляющей ее и Сиккимъ, такъ что возникло даже предположеніе перенести сюда англійскую санаторію изъ Дарджилина, неудобнаго проливными лѣтними дождями. Однако, теплыя и влажныя воздушныя теченія съ юга успѣваютъ проникнуть внутрь юго-восточнаго Тибета черезъ верхніе проломы въ гребнѣ Бутанскихъ Гималаевъ, понижающемся на востокѣ, сравнительно съ западомъ, благодаря чему лежащія въ нижней долинѣ Цзанъ-по части страны, имѣющія къ тому же меньшее возвышеніе надъ уровнемъ моря, признаются по климату лучшими въ Тибетѣ, при томъ же наиболѣе влажными, и въ этомъ отношеніи съ ними не могутъ никакъ равняться области, расположенныя далѣе на западъ и въ особенности на сѣверъ отъ нихъ [1]. Послѣдняя ослабленная волна указанныхъ воздушныхъ теченій окончательно останавливается сомкнутымъ гребнемъ горъ Танъ-ла, которыя черезъ это пріобрѣтаетъ значеніе климатической границы, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ восточные Гималаи.

Съ другой стороны восточныя области Тибета подвержены также вліянію отличнаго муссона—восточно-азіатскаго, который черезъ равнины и горныя ущелья Синійскихъ цѣпей Китая проникаетъ далеко внутрь сѣверо-восточнаго угла Тибета—области Хуанъ хэ, Кукэнора и Наньшаня [2], причемъ въ этой части страны климатической границею являются горы Баян хара, хотя нѣкоторые слѣды дѣйствія этого муссона можно различить вплоть до пограничнаго съ Бжянъ-т'аномъ окраиннаго со стороны внутреннихъ тибетскихъ областей хребта Куэнь-луня (Арка тага [3]). Въ южномъ Тибетѣ пограничной линіей распространенія этого муссона, ощущаемаго, однако, въ самой слабой степени благодаря преграждающимъ ему путь индо-китайскимъ складкамъ горъ, являются тѣ-же горы Танъ-ла. Во всякомъ случаѣ ни одна капля влаги не приносится этимъ муссономъ въ Бжянъ-танъ, гдѣ единственнымъ влажнымъ воздушнымъ теченіемъ являются ничтожные остатки индійскихъ муссономъ.

Необыкновенная сухость воздуха въ тѣхъ частяхъ Тибета, которыя лежатъ совершенно внѣ дѣйствія влажныхъ муссоновъ (Бжянъ-

т'анъ, западная и центральная части южнаго Тибета) такова, что, какъ разсказывалъ уже Тернеръ, жители Шихацзе обвертываютъ двери и столбы войлоками зимою, чтобы предохранить ихъ отъ раскалыванія; растенія благодаря высыханію разсыпаются отъ простого прикосновенія; ногти у путешественника ломаются, кожа на лицѣ трескается (туземцы (особенно женщины) съ этою цѣлью, а также чтобы защитить кожу отъ дѣйствія вѣтра, покрываютъ лицо толстымъ слоемъ темной мази). Сухость воздуха, правда, позволяетъ легче переносить сильный холодъ, но вредно сказывается на плодовыхъ деревьяхъ, гдѣ послѣднія имѣются (напр. около Ле). Слѣдствіемъ этой сухости является необыкновенная высота снѣжной линіи, которая поднимается въ сѣверномъ Тибетѣ выше, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ[1].

Только гребни съ закругленными вершинами очень высокихъ горныхъ цѣпей, подобно Алинъ ганъ-ри и Та-чаб ганъ-ри, поднимающихся выше 23,000 ф., получаютъ ежегодно нѣкоторое прибавленіе (и то не очень значительное) къ своему снѣжному покрову. Напротивъ, небольшія снѣжныя поля по склонамъ холмовъ и открытымъ долинамъ исчезаютъ съ возвращеніемъ лѣта благодаря высотѣ снѣжной линіи. Не столько отъ таянія, какъ отъ испаренія, совершающагося чрезвычайно быстро благодаря крайней сухости разрѣженнаго воздуха, падающій снѣгъ исчезаетъ въ теченіе года.

Быстрому исчезновенію снѣга способствуютъ и бурные вѣтры, проносящіеся почти безпрерывно, за исключеніемъ ночей, черезъ равнины и склоны горъ. Ясность и рѣдкость атмосферы, почти свободной отъ влажной дымки, позволяетъ лучамъ солнца проникать до снѣжнаго покрова безъ преломленія или смягченія; не слѣдуетъ забывать и сильное лучеиспусканіе отъ безплодныхъ скалъ, непокрытыхъ растительностью.[2].

На Каракорумѣ граница вѣчныхъ снѣговъ на сѣверномъ склонѣ находится на высотѣ 5,670 м.; на южномъ 5,970 м.; на сѣверномъ склонѣ Гималаевъ—на высотѣ 5,670 м. благодаря сухости внутренней области, или почти на 700 м. выше южнаго склона[3]; на цѣпяхъ сѣверо-восточнаго Тибета она опускается почти де 5,000 метровъ[4], но внутри Бжянъ-т'анъ Бонвало и Гединъ видѣли на перевалахъ выше 6,000 м. лишь отдѣльныя пятна снѣга. Въ общемъ снѣговая линія поднимается въ Тибетѣ, вмѣстѣ съ растущей су-

хостью въ предѣлахъ сѣвернаго Тибета съ сѣвера на югъ и съ юстока на западъ; напротивъ, южный Тибетъ много богаче осадками, нежели сѣверный, но и здѣсь сухость усиливается съ востока на западъ [1].

Чрезвычайная сухость климата Тибета, однако, не исключаетъ возможности снѣжныхъ метелей и проливныхъ дождей, совсѣмъ даже напротивъ, тѣ и другія подчасъ развиваютъ необыкновенную силу и интенсивность, свойственную вообще явленіямъ природы во внутренней Азіи. Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи опытъ Гедина въ 1900—1 г.г. въ области Бжянъ-т'анъ, наиболѣе скудной атмосферными осадками [2]. Почти каждый день лилъ проливной дождь, который по мѣрѣ охлажденія атмосферы смѣнялся градомъ или снѣгомъ; дождь обыкновенно сопровождался сильнымъ вѣтромъ, который также составляетъ особенность тибетскаго климата и величайшее неудобство для путешествія, будучи почти постояннымъ, особенно въ Бжянъ-т'анѣ.

Какъ говоритъ Сандбергъ [3], вѣтеръ дуетъ въ Тибетѣ почти круглый годъ, начиная съ 9 ч. утра, иногда даже раньше и продолжаясь съ большой силою цѣлый день до захода солнца. На болѣе значительномъ возвышеніи и въ открытой мѣстности дѣйствіе этихъ вѣтровъ зимою убійственно и влечетъ за собою, если не укрыться своевременно за холмомъ, или просто камнемъ, смерть или обмораживаніе. Этотъ вѣтеръ (съ сѣвера или съ запада) встрѣчаетъ путешественника по всему Тибету: въ Н'ари к'ор-сум на юго-западѣ, на сѣверныхъ равнинахъ, нагорьяхъ и перевалахъ Цзанъ и среди мощныхъ параллельныхъ горныхъ цѣпей сѣверо-восточнаго Тибета, оставляя въ его душѣ самое прискорбное воспоминаніе о странѣ. Этотъ же вѣтеръ дуетъ и въ болѣе возвышенныхъ мѣстахъ Монголіи, хотя съ перерывами въ теченіи извѣстнаго времени года. Одинъ юго-восточный Тибетъ, повидимому, сравнительно свободенъ отъ западныхъ вихрей, которые замѣняются здѣсь болѣе влажными и менѣе непрерывными воздушными теченіями съ юга и юго-востока [4]).

Наибольшей силы (35—38 миль въ часъ) вихри достигаютъ на высотѣ между 15 и 18 тыс. футовъ, тогда какъ на большей высотѣ, въ особенности 19 тыс. и выше, сила и скорость вихря уменьшаются [5]). Начинаясь около 8 ч. утра, сила вѣтра растетъ и дости-

гаетъ высшей точки къ 2 ч. пополуд., удерживаясь на этой высотѣ еще часа два. По мѣрѣ того, какъ солнце опускается къ горизонту и температура воздуха падаетъ, скорость вѣтра уменьшается, но самъ онъ совершенно стихаетъ нерѣдко лишь съ наступленіемъ темноты и много позже, чтобы возобновиться съ прежней силою на слѣдующее утро.

Направленіе вѣтровъ въ Тибетѣ зависитъ отъ мѣстонахожденія центровъ наименьшаго атмосфернаго давленія въ сосѣднихъ областяхъ азіатскаго материка. Лѣтомъ этотъ центръ находится въ Афганистанѣ, и потому въ Тибетѣ (Бжянъ-т'анѣ) преобладаютъ восточные вѣтры, переходящіе иногда въ сильную бурю; однако, бури чаще идутъ съ запада (Боуеръ указываетъ направленіе бурь въ іюлѣ и августѣ съ юга и юго-запада), т. е. въ періодъ господства западныхъ вѣтровъ, поэтому бываютъ очень часы въ февралѣ, вообще обычны зимою, случаются нерѣдко въ маѣ и іюнѣ и почти никогда осенью. Бури Бжянъ-т'ана заслужили ему печальную славу и съ ужасомъ описываются всѣми путешественниками: Бонвало говоритъ, напримѣръ, что ему казалось будто онъ находится въ странѣ, гдѣ еще царствуетъ хаосъ и всѣ стихіи бушуютъ независимо другъ отъ друга [1].

Къ числу исключительныхъ явленій, составляющихъ характеристику тибетскаго климата, надлежитъ отнести и нерѣдкія снѣжныя метели въ самый разгаръ лѣта. На болѣе высокихъ перевалахъ снѣгъ падаетъ каждый годъ въ іюлѣ и августѣ—на глубину, правда, не болѣе 4—5 дюймовъ. Кромѣ какъ въ углубленіяхъ или на сѣверной сторонѣ скалъ, гдѣ при условіи возвышенія 16,000 фут. надъ уровнемъ моря, т. е. все же на 4,000 фут. ниже постоянной снѣжной линіи, онъ остается до зимы, снѣгъ не лежитъ дольше 2—3 дней. Иногда сильный снѣгъ выпадаетъ въ западномъ Тибетѣ въ іюлѣ и лежитъ недѣлями по дорогамъ регулярнаго движенія, такъ, на тибетской сторонѣ Бжянъ-ла, ведущаго изъ Ладака, снѣгъ обычно выпадаетъ въ началѣ іюля, образуя блистающее на солнцѣ пространство на протяженіи нѣсколькихъ миль въ теченіе 2—3 недѣль, несмотря на жгучіе солнечные лучи. Цоморанъ ла, между долиною верховьевъ Инда и золотыми розсыпями Т'ок Жалунъ, также характеризуется сильнымъ выпаденіемъ въ августѣ снѣга, покрывающаго совершенно цѣпь съ гребня и вершинъ (не выше 18,750 фут.) до основанія (ниже 16,000 ф.). На снѣжныя метели въ долинѣ Бжянъ-

чен мо въ началѣ августа и въ сѣверномъ Тибетѣ между 25 іюля и 3 августа указываютъ Годвинъ Аустинъ (для первой долины) и Боуеръ (для второй области).

Если вѣтры не несутъ съ собою осадковъ, то поднимаютъ столбы пыли или измельченной соли и, засыпая глаза путешественнику; отсюда столь часты въ Тибетѣ болѣзни глазъ, для защиты которыхъ туземцы носятъ иногда либо китайскія очки, либо особые глазные зонтики (также для предохраненія глазъ отъ дѣйствія снѣжнаго блеска подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей). Бури не щадятъ и южный Тибетъ, какъ могла убѣдиться на себѣ и англійская экспедиція 1904 г. во время пребыванія на южно-тибетскомъ плато (въ Туна) и центральныхъ долинахъ (на Гжянъ-цзе) зимою и весною.

Направленіе вѣтровъ даже въ предѣлахъ однихъ сутокъ очень измѣнчиво, такъ какъ причиною ихъ является неравномѣрное нагрѣваніе почвы днемъ (ночью обычно бываетъ тихо). Сухая почва доставляетъ обильный матеріалъ для пыльныхъ вихрей; земледѣльцы даже поливаютъ при наступленіи зимы поля водою, которая замерзаетъ и защищаетъ рыхлую почву отъ дѣйствія вѣтра.

Неблагопріятной чертою тибетскаго климата являются рѣзкія колебанія температуры даже въ продолженіе одного дня, благодаря разрѣженности воздуха и недостаточной туманности воздуха подъ вліяніемъ влажности, чѣмъ усиливается дѣйствіе лучеиспусканія, и сильные морозы въ болѣе холодные мѣсяцы, хотя отъ ночныхъ морозовъ не свободенъ ни одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ не только въ Бжянъ-т'анѣ, но и на югѣ. Въ отношеніи лѣтнихъ дневныхъ температуръ Тибетъ, впрочемъ, не достигаетъ такихъ крайностей, какъ сосѣднія пустыня Гоби (Монголія, Алашань, Ордос) и бассейнъ Тарима, гдѣ лѣтомъ стоитъ почти тропическая температура отъ 36° до 45° Цельс., тогда какъ зимою морозы нимало не уступаютъ морозамъ самыхъ неблагопріятныхъ частей Бжянъ-т'анъ. Особенность тибетскаго языка, какъ и русскаго и вообще сѣверныхъ народовъ—замѣчательно малое число гласныхъ въ словахъ и чрезвычайное обиліе согласныхъ—объясняется Уодделемъ 1 именно вліяніемъ холоднаго климата, который заставляетъ держать ротъ по возможности менѣе открытымъ; благодаря преобладанію согласныхъ большинство тибетскихъ словъ можетъ быть произнесено съ полузакрытымъ ртомъ. Правда, происхожденіе нѣкоторыхъ начальныхъ согласныхъ (особен-

ю въ письменномъ языкѣ) иное: они служатъ для различенія корней одинаковаго звука, но отличнаго значенія и для указанія разницы въ тонѣ [1].

Сандбергъ [2] первый изъ европейскихъ авторовъ даетъ подробную общую характеристику отдѣльныхъ временъ года въ Тибетѣ, на основаніи впечатлѣній и наблюденій различныхъ авторовъ и разспросныхъ свѣдѣній.

Весна, говоритъ онъ, наступаетъ поздно, особенно въ сѣверныхъ и западныхъ частяхъ страны, такъ что снѣгъ, выпавшій зимою, хотя бы въ маломъ количествѣ, начинаетъ таять лишь къ концу апрѣля, будучи покрытъ сверху твердой обледенѣлой корою. Даже большія рѣки, замерзающія на значительную глубину, освобождаются отъ льда не раньше апрѣля. Каждую ночь, вплоть до конца іюня, термометръ опускается ниже точки замерзанія, даже въ умѣренно возвышенныхъ мѣстностяхъ.

Несмотря на столь неблагопріятныя условія, тибетецъ уже ранней весной приступаетъ къ распахиванію твердой почвы и къ засѣванію ячменя. Въ самомъ Тибетѣ эти работы начинаются позднѣе, чѣмъ въ Цайдамѣ (1 марта), такъ какъ почва остается еще мерзлой, а удобреніе, гдѣ оно приготовлено и положено на поле до зимы, твердо, какъ камень. Во всякомъ случаѣ, къ концу марта земля должна быть уже распахана. Гдѣ на поляхъ лежитъ еще снѣгъ, тамъ для ускоренія его таянія поверхъ него бросается мягкая земля, спеціально собираемая лѣтомъ и осенью и затѣмъ хранимая для указанной цѣли въ домахъ; иногда снѣгъ падаетъ снова и случается прибѣгать къ насыпкѣ до трехъ или четырехъ разъ, прежде чѣмъ поле будетъ готово. Въ апрѣлѣ зерно уже засѣяно, а въ началѣ мая всюду до 14,000 футовъ возвышенія надъ у. м. показываются надъ землею зеленые ростки.

Для лѣта (іюнь, іюль и августъ) Сандбергъ приводитъ изъ различныхъ европейскихъ источниковъ [3] рядъ показаній термометра, при чемъ высшей максимальной температурою для сѣверо-западнаго Тибета (16,000 ф. 29 іюня) является +23° Ц., нисшей —14°; высшей для Лхасы +25°, средней для Цайдама +22°, для восточнаго Тибета +10° въ полдень; для іюля—среднiй минимумъ для сѣверо-западнаго Тибета —4 1/6° (нисшій минимумъ —14 1/2°); въ августѣ—

средній минимумъ для сѣверной половины центральнаго Тибета (отъ—2° до+1°), нисшій минимумъ—7°.

Что касается выпаданія дождя и снѣга лѣтомъ, то сезонъ индійскихъ муссоновъ до извѣстной степени ощущается по всему Тибету; въ центральныхъ мѣстностяхъ страны проливные дожди отмѣчаютъ много дней въ іюлѣ и августѣ, при чемъ дѣйствіе муссона достигаетъ сѣверо-западнаго Тибета лишь 20 іюля. Съ середины іюня до конца августа, въ провинціи Цзанъ и Уй (включая Ярлунъ, Ямдок и Лхобраг) почти каждый день небо облачно. Въ западномъ Тибетѣ дождь выпадаетъ въ небольшихъ количествахъ (въ общей сложности до 4—5 дюйма) въ іюлѣ и августѣ. Въ Линъ-дзи т'анъ много суше и только 3—4 дождливыхъ дня въ августѣ [1].

Весь хлѣбъ по центральнымъ областямъ Тибета убирается раньше середины сентября, ранній „грим", или голосѣмянный ячмень даже въ іюлѣ; около середины сентября, ночные морозы, даже на высотѣ 12,000 ф., слишкомъ опасны для хлѣбныхъ растеній или цвѣтовъ. Въ начальныхъ числахъ октября выпадаетъ первый зимній снѣгъ, что является почти общимъ правиломъ для всего Тибета, какъ подтверждаютъ отзывы А. К. для мѣстности на югъ отъ Данъ-ла и 220 миль на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Лхасы, и Боуера для Ца-гжюд ц'о.

Въ теченіе октября, во всѣхъ мѣстностяхъ выше 13,000 футовъ, вода на воздухѣ крѣпко замерзаетъ каждую ночь, однако, днемъ въ теченіе первой половинѣ мѣсяца таетъ въ открытыхъ для солнца мѣстахъ. Къ концу октября ледъ появляется у береговъ озеръ, распространяясь въ ноябрѣ на всю водную поверхность. Къ декабрю Тенгринор (1200 кв. миль) обращается въ сплошную твердую массу льда. Въ декабрѣ же верхнія теченія большихъ рѣкъ промерзаютъ на нѣсколько футовъ на западъ отъ 96° в. д.; на востокъ отъ этого меридіана и на югъ отъ 32° с. ш. онѣ рѣдко совершенно сковываются льдомъ, хотя бываютъ въ январѣ покрыты плавающимъ льдомъ, у береговъ же даже замерзаютъ. Ярлунъ, Пенам нянъ ч'у и Кчіи ч'у, большей частью теченія расположенныя ниже 12,500 ф., замерзаютъ, повидимому, на 2—3 недѣли зимою, несмотря на широкое русло и сильное теченіе.

Бонвало и принцъ Генрихъ Орлеанскій, повидимому, испытали на себѣ наиболѣе суровыя стороны тибетской зимы въ предѣлахъ

наиболѣе высокихъ мѣстностяхъ сѣвернаго Тибета; описаніе ихъ путешествія указываетъ температуры отъ—24 до—39[1] въ теченіе почти 2 мѣсяцевъ (декабря и января). Боуеръ наблюдалъ лишь —25° Ц., какъ нисшій минимумъ во время своего путешествія (31 окт. подъ 32° 43' с. ш. и 89° 17' на высотѣ 16,263 ф. и снова 2 и 3 ноября нѣсколько далѣе на востокъ).

Нисшій минимумъ въ сентябрѣ для сѣверо-восточнаго Тибета (36° с. ш.) на высотѣ 16,000 ф.—12°, среднiй минимумъ для сѣверной половины центральнаго Тибета (31°25' с. ш., 89° в. д.)—почти—3°; нисшій минимумъ—7°: нисшій минимумъ въ Цайдамѣ равенъ —14°. Въ октябрѣ среднiй минимумъ подъ 32°50' с. ш., 89—90° в. д. достигаетъ почти —13; въ ноябрѣ подъ 32° с. ш., до 90°—93° в. д. опускается до —16½°.

Помимо указанныхъ особенностей тибетскаго климата, тяжело отзывающихся на европейскомъ посѣтителѣ страны, особыя страданія причиняетъ ему и разрѣженная атмосфера вслѣдствіе возвышенія страны надъ уровнемъ моря. Эти страданія, такъ называемая горная болѣзнь (по тиб. ла-дуг—ядъ переваловъ[1]), проявляются различнымъ образомъ въ зависимости отъ человѣка и данныхъ обстоятельствъ, однако, даже закаленные люди—сами обитатели страны—не всегда бываютъ свободны отъ нихъ, особенно на высокихъ перевалахъ. Животныя также страдаютъ отъ разрѣженнаго воздуха, бараны въ меньшей степени, чѣмъ другія животныя, почему ихъ и употребляютъ часто для переноски тяжестей, особенно въ Бжянь-т'анѣ. Изъ людей больше всего страдаютъ пѣшіе и притомъ съ ношами; верхомъ разрѣженный воздухъ переносится лучше[2].

Въ отношеніи климата отдѣльныхъ областей Тибета извѣстны еще слѣдующія подробности и наблюденія, помимо вышеуказанныхъ.

Климатъ западной окраины Тибета (Н'ари К'орсум) довольно близко подходитъ къ климату Ладака, такъ что среднія температуры, установленныя для этого послѣдняго долголѣтними наблюденіями въ Ле (3520 м.), могутъ быть приняты съ небольшими ограниченіями и для Н'ари К'орсум, или области истоковъ Инда. Средняя годовая температура Ле равна 4,4° Цельсія, средняя температура января —7,8°; іюля 15,2°; Шлагинтвейтъ опредѣлилъ среднюю температуру самаго холоднаго мѣсяца въ Спити (декабря) въ—9,8°,

іюля (самаго теплаго) 17,6°, среднюю температуру сѣверо-западнаго Тибета въ декабрѣ 1872 г. въ—14,5°, въ 1879 г.—16,5°. Слѣдовательно сѣверо-западный Тибетъ оказывается холоднѣе болѣе южной половины той же части страны, приближаясь къ внутреннимъ областямъ Бжянъ-т'ана, гдѣ термометръ стоитъ по ночамъ въ теченіе всего года ниже ноля [1].

Въ лѣтніе мѣсяца (іюнь, особенно іюль) температура днемъ доходитъ въ предѣлахъ Бжянъ-т'ана до 30°, въ ноябрѣ до 6—8° выше ноля (Пржевальскій), за то ночью въ ноябрѣ тотъ же Пржевальскій наблюдалъ отъ —23 до—30,1° (абсолютный минимумъ былъ—33,5°), въ іюнѣ и іюлѣ Бонвало до—5°. Весной и лѣтомъ (въ апрѣлѣ, маѣ и раннемъ іюнѣ) температура подвержена крайнимъ колебаніямъ (по наблюденіямъ де Рэнса на берегахъ Тенгри нора до 27° Ц. въ январѣ и февралѣ, въ Джѣкундо въ маѣ до 24° Ц., въ глубинѣ же Бжянъ-т'ана еще болѣе, при томъ же главное весною и лѣтомъ [2]); довольно, чтобы солнце спустилось къ горизонту, или небо покрылось облаками или набѣжала буря, и температура воздуха стремительно падаетъ [3]. Наиболѣе пріятнымъ временемъ года въ Бжянъ-т'анѣ, какъ и вообще въ Тибетѣ, является осень, когда небо остается обычно яснымъ, температура равномѣрной, бури составляютъ исключеніе. Осадки въ Бжянъ-т'анѣ не превышаютъ 20 куб. сант. въ годъ, при чемъ особенно скудны зимою, тогда какъ лѣтомъ даже здѣсь выпадаютъ обильные дожди.

Въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ климатъ значительно мягче, въ особенности въ болѣе низко лежащихъ областяхъ: въ Цайдамѣ весна начинается довольно рано, уже въ февралѣ, но только въ апрѣлѣ зима окончательно покидаетъ область [4]. Въ болѣе высоколежащемъ Кукунорѣ ледъ на озерѣ поддается дѣйствію лучей солнца лишь въ апрѣлѣ, такъ какъ снѣжный покровъ, мѣстами доходящій до 1½ аршина, оказываетъ охлаждающее вліяніе на окрестную страну; въ аналогичныхъ условіяхъ оказывается и вся мѣстность между Кукэноромъ и Танъ-ла, съ той лишь разницею, что по мѣрѣ углубленія въ страну осадки дѣлаются скуднѣе, а вмѣстѣ съ ними и снѣжная линія въ горахъ поднимается выше. По сравненію съ равнинами горы болѣе богаты осадками: въ Кэрійскихъ горахъ Пржевальскій имѣлъ почти каждый день дождь, такъ что здѣсь, какъ и въ

остальныхъ сѣверныхъ цѣпяхъ Куэнь-луня, напримѣръ, въ хребтѣ Гумбольдта, могли образоваться большіе глетчеры.

Въ лѣтнее время погода въ области верховьевъ Хуанъ хэ характеризуется преобладающей облачностью, обиліемъ атмосферныхъ осадковъ (снѣжная крупа, снѣгъ и дождь); не только главныя отдаленныя горы, но и ближайшіе къ долинамъ холмы бываютъ часто убѣлены снѣгомъ. Ночной минимумъ температуры часто спускается ниже нуля, иногда до—10°. Тѣмъ не менѣе мѣстная флора, вѣками приспособленная къ борьбѣ за существованіе, произрастаетъ сравнительно успѣшно и въ теплые солнечные проблески ласкаетъ взоръ своими колерами. 1.

Въ другія времена года, погода сѣверо-восточнаго тибетскаго нагорья выражается господствующими съ запада сильными бурями, въ особенности весною, кромѣ того соотвѣтственно низкой температурой и крайней сухостью атмосферы; какъ результатъ послѣдней, почти полное отсутствіе снѣга въ долинахъ даже зимою облегчаетъ пропитаніе многочисленныхъ стадъ дикихъ животныхъ и дѣлаетъ даже возможнымъ самое существованіе ихъ 2.

Въ восточномъ Тибетѣ лѣтомъ погода непостоянная: то ярко свѣтитъ солнце, то падаетъ дождь; нерѣдко по недѣлямъ свинцовыя тучи окутываютъ горы почти до подошвы; выглянувшее солнце жжетъ немилосердно въ разрѣженной атмосферѣ. Лучшее время—сухое, ясное—наступаетъ осенью. Въ теченіе 3 зимнихъ мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Чамдо экспедиціей Козлова константирована мягкость климата: почти безснѣжіе, сравнительная сухость, довольно прозрачная атмосфера, отсутствіе вѣтровъ по утрамъ и ночамъ, систематичное появленіе ихъ съ 3 ЮЗ. послѣ полудня. Ясное состояніе неба было чаще въ концѣ ноября и въ теченіе всего декабря; въ январѣ преоблададала облачность, которая въ февралѣ снова стала уменьшаться. Нисшій минимумъ температуры (—26,5°) былъ съ 5 на 6 января; въ декабрѣ въ 1 часъ дня только четыре раза температура стояла ниже нуля, какъ и въ январѣ, наименьшее пониженіе было—0,1°, наибольшее —4,8°, вслѣдъ за указаннымъ наибольшимъ минимумомъ ночи). Только мелкія рѣчки покрываются прочно льдомъ въ декабрѣ и январѣ. Въ февралѣ температура стала быстро повышаться, а вмѣстѣ съ нею усилилась и животная жизнь 4.

Въ томъ же восточномъ Тибетѣ, только нѣсколько южнѣе и восточнѣе, на китайско-тибетской границѣ, въ апрѣлѣ и маѣ, на высотѣ 3000—4500 метровъ, Рокгиль наблюдалъ температуры отъ —6° до +15°; относительно юго-восточнаго угла страны существуютъ восьмилѣтнія наблюденія католической миссіи въ Еркало (2,670 метровъ возвышенія надъ у. м.), при чемъ средняя наибольшая температура лѣта 25°, зимы—2°.

Въ южномъ Тибетѣ, въ предѣлахъ долины Цзанъ-по отъ Шихацзе до Лхассы, весна и лѣто мягки и прохладны, а зима довольно холодна, особенно при вѣтрѣ и сурова[1]. Г. Ц. Цыбиковъ указываетъ, что самый холодный мѣсяцъ въ Лхасѣ (декабрь) имѣетъ среднюю температуру утромъ (до восхода солнца) —7,5° Ц.; въ 1 ч. дня —4,4°, 9 ч. вечера —2,9°; самымъ теплымъ оказывается іюнь (утромъ почти 15°, днемъ почти 22°, вечеромъ 17,4). Средняя температура за 235 дней наблюденій была: утромъ 5,25, въ 1 ч. дня 14,6°, въ 9 ч. вечера 9,25°[2]. Зимою большія рѣки въ долинѣ Цзанъ-по (въ указанныхъ выше предѣлахъ долины) остаются свободными ото льда, малыя покрываются тонкимъ слоемъ его; почва замерзаетъ только на поверхности. Г. Цыбиковъ не сообщаетъ абсолютнаго минимума температуры въ Лхасѣ; этотъ пробѣлъ восполняется наблюденіями Наинъ Синга въ 1864—1865 (съ 10 декабря по 21 апрѣля), давшими наиболѣе низкую температуру 9 февраля при открытомъ окнѣ въ комнатѣ —16° Ц., когда вода замерзала въ наиболѣе теплыхъ мѣстахъ въ домѣ и разрывала сосуды[3].

Въ заключеніе умѣстно будетъ сообщить результаты наблюденій англійской экспедиціи 1904 г. надъ температурою и погодою на всемъ ея пути отъ Сиккима до Лхасы[4]. Нисшей температурою было —26° Фар. (—32° Ц.) 7 января 1904 г., на перевалѣ Танъ ла (15,700 футовъ), какъ и слѣдовало ожидать; въ Туна и Пари джонъ ночныя температуры въ- 15 и —17° Фар. (—25° до —26° Ц.) были часты. Снѣгъ выпалъ въ Тунѣ только 30 января на 2 дюйма; въ дальнѣйшемъ снѣгъ выпадалъ нерѣдко по всей окрестности, кромѣ самой деревни Туна. Со 2 мая въ долинѣ Чумби[5] и затѣмъ въ Гжанъцзе начались дожди въ перемежку съ хорошими ясными днями; въ теченіе 2 мѣсяцевъ половина дней была съ дождями, часто про-

ливными; тоже по дорогѣ въ Лхасу и въ самой столицѣ; грозы случались нѣсколько разъ.

Высшая температура въ Гжянъ-цзе была 102 до 105° Фар. (39—40° Ц.) съ 4 по 11 іюля и 95—98° Фар. (35—37° Ц.) у переправы Чакзсам (26—30 іюля) послѣ предшествовавшихъ 64—79° Фар. (15—24° Ц.). Температура въ Лхасѣ колебалась въ періодъ съ 3 декабря и 22 сентября въ слѣдующихъ предѣлахъ: въ августѣ минимумъ 38° Фар. (3½ Ц.), обычно 45—50° (7—9° Ц.), максимумъ 80—92° Ф. (27—33° Ц.), обычно же около 85° Ф. (29½° Ц.); въ сентябрѣ минимумъ 31° Ф. (немного ниже 0° Ц.), обычно 45° (7° Ц.), максимумъ 75—89° Ф. (24—31° Ц.), въ среднемъ 82° (28° Ц.). Дождливыхъ дней было 24, ясныхъ 10, остальные облачны; къ концу сентября ясныхъ дней стало больше.

Въ общемъ въ Гжянъ-цзе, въ бассейнѣ Ямдок и Лхасѣ въ теченіе лѣта и начала осени выпало до 30 дюймовъ осадковъ; снѣгъ падалъ въ Гжянъ-цзе въ каждомъ мѣсяцѣ въ году; 9 августа его выпало на 2 фута на К'арола. По разспроснымъ свѣдѣніямъ и наблюденіямъ[1], погода въ Шихацзе въ 1904 г. была: въ маѣ облачно и бурно, но безъ дождя; съ середины іюня начались дожди, продолжавшіеся весь іюль и августъ; имъ предшествовали сильные сѣверо-восточные вѣтры; въ сентябрѣ дожди ослабѣли, но небо оставалось очень облачнымъ; въ октябрѣ дожди прекратились, за то каждый день около 11 ч. утра начинался холодный восточный вѣтеръ, достигавшій наибольшей силы около 2 ч. дня и ослабѣвавшій къ 5 ч. вечера; утромъ и ночью было тихо. Въ декабрѣ и январѣ 1905 г. бурные холодные вѣтры дули съ такой силою въ теченіе 3—4 часовъ каждый день, что никто не отваживался выходить въ это время на улицу; снѣгъ выпадалъ въ Шихацзе рѣдко на глубину свыше 1 ф.

По отношенію къ участникамъ экспедиціи 1904 г. невзгоды тибетскаго климата не имѣли особо дурныхъ послѣдствій; правда, имъ пришлось имѣть дѣло съ одной изъ лучшихъ частей страны съ климатической точки зрѣнія. Были, конечно, многочисленные случаи горной болѣзни, затѣмъ снѣжной слѣпоты, сравнительно немного обмораживаній. Очень часто были случаи разстройства пищеваренія вслѣдствія употребленія недоваренной пищи, такъ какъ по мѣрѣ повышенія уровня страны вода кипитъ при нисшей температу-

рѣ (напр. на высотѣ 4,500 м. уже при 83° Ц.) и кушанья не вполнѣ довариваются: такъ невозможно сварить надлежащимъ образомъ рисъ, картофель, горохъ 1. Это явленіе было подмѣчено, но не объяснено уже Марко Поло при переходѣ имъ Памирскаго нагорья въ XIII стол.[2]

Несмотря на суровый характеръ, климатъ Тибета, по свидѣтельству Гренара 3), оказывается для привыкшихъ къ нему туземныхъ обитателей стороны достаточныхъ здоровымъ по причинѣ сухости, все же меньшей, по словамъ того же автора, чѣмъ въ бассейнѣ Тарима, и обычной прозрачности 4) атмосферы. Наиболѣе опасныя послѣдствія вызываются лишь рѣзкими дневными колебаніями температуры; оттепель представляетъ также нѣкоторыя неудобства благодаря порождаемой ею сырости. Въ общемъ, однако, климатъ и природа страны не способствуютъ заболѣваніямъ; если болѣзни всякаго рода, особенно накожныя, очень часты въ Тибетѣ, то причиной ихъ является крайняя нечистоплотность обитателей и негигіеническое устройство жилищъ. Впрочемъ, холода вызываютъ много случаевъ ревматизма и гангрены (при обмораживаніяхъ); вѣтеръ и пыль въ соединеніи съ грязью и дымомъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ порождаютъ весьма частыя воспаленія глазъ, наиболѣе распространеный видъ болѣзни въ Тибетѣ.

VII. Растительность.

Различія климата отдѣльныхъ областей Тибета создаютъ значительныя различія и въ ихъ растительной и животной жизни, причемъ развитіе послѣдней, т. е. животной жизни, далеко не находится въ соотвѣтствіи съ интенсивностью первой и по общему правилу поражаетъ богатствомъ,—въ смыслѣ многочисленности особей, скорѣе чѣмъ разнообразія семействъ, какъ разъ въ областяхъ наиболѣе бѣдныхъ растительностью.

Въ Бжянъ-т'анѣ и вообще большей части Тибета очень скудная, если говорить безотносительно, растительность вполнѣ отвѣчаетъ по характеру огромному возвышенію страны надъ уровнемъ моря, относительно же являясь во многихъ случаяхъ даже изобильной

для высоты въ 15 и 17 тысячъ футовъ.[1] Въ южной части Тибета, въ долинѣ Цзанъ-по, растительность принимаетъ иной характеръ, на востокѣ переходитъ въ видѣ лѣсистой степи въ лѣса западно-китайской горной страны, опоясывающіе внугренія нагорья и пустыню Гоби на всемъ протяженіи отъ Бирмы до Алашаня и Ордоса. Надъ тремя указанными растительными областями поднимается верхнеальпійская растительность наибольшихъ окраинныхъ горныхъ цѣпей—на югѣ Гималаевъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ—Куэнь-луня.

Такова общая характеристика тибетской растительной жизни, измѣняющейся сообразно извѣстнымъ географическимъ дѣленіямъ страны. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ Сандбергъ[2], различія въ растительности Тибета касаются лишь отдѣльныхъ видовъ, тогда какъ въ отношеніи семействъ наблюдается весьма ясно выраженное сходство на всемъ протяженіи географическаго Тибета, за нѣкоторыми исключеніями, несмотря на значительныя колебанія уровня страны. Благодаря этому обстоятельству большинство растеній, встрѣчаемыхъ въ возвышенныхъ долинахъ сѣверо-западнаго Тибета, тожественно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи семействъ, растительности центральныхъ областей Уй и Цзанъ, хотя послѣднія лежатъ на 4000 футовъ ниже. Съ другой стороны растительность сѣверо-востока и востока страны—областей Кукунора и сѣверной Сычуани, не представляетъ въ указанномъ смыслѣ значительныхъ уклоненій отъ флоры южнаго Тибета, несмотря на разницу возвышенія страны, достигающую 2 и даже 3 тысячъ футовъ (между южнымъ и сѣверо-восточнымъ Тибетомъ) и даже 6 тысячъ футовъ (между областью Амдо (11,000 ф.) и сѣверо-западнымъ Тибетомъ (17,000 ф. въ области озеръ, посѣщенной Боуеромъ и Дези[3]).

Напротивъ, нѣкоторыя части Тибета представляютъ въ отношеніи характера растительности важныя исключенія изъ установленнаго выше общаго правила касательно однообразія главнѣйшихъ представителей флоры. Къ числу подобныхъ исключеній могутъ быть отнесены: 1) юго-восточный Тибетъ на востокъ отъ 92° в. д. и на югъ отъ 30° с. ш., при чемъ особо замѣтная разница въ растительности по сравненію со страною на западъ отъ 92° в. д. обнаруживается по мѣрѣ приближенія къ южной границѣ Сы-чуани, хотя бы возвышеніе мѣстности оставалось не ниже 11,000 футовъ; 2) нижняя часть долины Цзанъ-по, съ возвышеніемъ отъ 7 до 8

тысячъ футовъ, т. е. ниже Гжяла Сенъ-донъ, хотя и не переступая на югъ за 29° с. ш.; 3) Дза-юл между 97° и 98° в. д. и 28° и 29° с. ш. въ крайнемъ юго-восточномъ углу Тибета. Флора последней области, вмѣстѣ съ флорою раіона далѣе на востокъ, (или точнѣе на югъ отъ Батана), очень походитъ на растительное царство Юнь-нани.

Въ общемъ изученіе флоры Тибета указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ мѣстностяхъ выше 11,000 фут. надъ уровнемъ моря характеръ ея обусловливается ихъ географическимъ положеніемъ (долготою) въ большей степени, нежели возвышеніемъ надъ моремъ. Поэтому растенія, находимыя въ западномъ Тибетѣ на высотѣ 17,000 ф., встрѣчаются на высотѣ 11 и 12 тысячъ футовъ на сѣверо-востокѣ страны, несмотря на то, что климатъ этой части тибетской территоріи болѣе влажный и теплый, нежели на далекомъ западѣ.

Наибольшій интересъ въ ботаническомъ отношеніи представляетъ область Тибета на западъ отъ 92°, такъ какъ, будучи наиболѣе возвышенной и типичной частью всей страны, эта область обладаетъ и наиболѣе характерной для Тибета растительной жизнью. Однако, и въ предѣлахъ указанной территоріи необходимо различать отдѣльныя области 1, которыя по своимъ географическимъ особенностямъ, естественно, вносятъ извѣстныя различія и въ мѣстную флору. Первый или сѣверный географическій, отчасти и ботаническій, поясъ собственнаго Тибета, отмѣченнаго на востокѣ, какъ сказано, 92° в. д., включаетъ сѣверо-западные округа страны, на сѣверъ отъ 34° с. ш., и сѣверную часть центральнаго Тибета до 31° с. ш. т. е. весь Бжянъ-т'анъ, каменистыя пустыни вдоль южнаго подножья западнаго Куэнь-луня, и область соленыхъ озеръ на сѣверо-западъ отъ Лхасы. Второй, или юго-западный поясъ ограниченъ Ладакомъ и Рупчу на западѣ, Гималаями на юго-западѣ и югѣ, меридіаномъ 85° в. д. на востокѣ. Сѣверная граница этого пояса представлена мысленной линіей, спускающейся отъ вершины озера Панъ-конъ въ юго-восточномъ направленіи къ точкѣ пересѣченія меридіана 85° в. д. и параллели 31° 35' с. ш. Третій—южно-центральный поясъ обнимаетъ всю территорію между 85 и 92° в. д. и между 31° с. ш. на сѣверѣ и пограничной линіей Непала, Сиккима и Ботана на югѣ, т. е. область средняго теченія Цзанъ-по съ

долинами ея многочисленныхъ притоковъ, или провинціи Уй и Цзанъ, съ степными долинами на сѣверо-западъ отъ Лхасы до Тэнгри нора.

Различіе между флорою трехъ указанныхъ поясовъ сводится почти исключительно къ измѣненію видовъ одного и того же растительнаго семейства; въ особенности это справедливо для наиболѣе типичныхъ для Тибета растительныхъ семействъ—Pedicularis, Delphinium и другихъ [1].

Благодаря возвышенію надъ моремъ и недостаточности атмосферныхъ осадковъ Бжянъ-т'анъ на большемъ протяженіи представляется немногимъ лучше совершенно безплодной пустыни, съ почвою обычно изъ глины съ примѣсью песку, или гальки [2], часто покрытой соленымъ налетомъ или отложеніями соды и буры [3]. Однако, эта пустыня отличается во многихъ отношеніяхъ отъ степныхъ пустынь Гоби, Джунгаріи и бассейна Тарима, расположенныхъ на значительно меньшемъ возвышеніи надъ уровнемъ моря и обладающихъ инымъ строеніемъ поверхности. Въ промежуткѣ между обширными безплодными пространствами на Бжянъ-т'анѣ залегаютъ на высоту до 5,000 метровъ (приблизительной границы распространенія травы въ Тибетѣ [4]) обычно въ озерныхъ котловинахъ и по теченію немногихъ прѣсноводныхъ ручьевъ и рѣкъ рѣдкіе травянистые оазисы, которые сами по себѣ далеко не могутъ быть названы роскошными, но по сравненію съ устрашающимъ безплодіемъ окружающей страны являютъ отрадное зрѣлище на общемъ пустынномъ фонѣ [4]. Только южная окраина Бжянъ-т'ана—область озеръ, примыкающихъ къ сѣверному подножью Гандисири—имѣя нѣсколько меньшее возвышеніе надъ уровнемъ моря (4600 м. взамѣнъ 4800 м. сѣверной половины), заключаетъ, по свидѣтельству Наинъ Синга, рядъ котловинъ съ довольно обильнымъ орошеніемъ изъ ручьевъ, сбѣгающихъ съ Гандисри, покрытыхъ густымъ ковромъ, правда, короткой и грубой травянистой растительности, среди которой попадаются наряду съ небольшими каменными селеніями—Рудок, Ом-бо, Сенъ-джа дзонъ, даже поля ячменя на высотѣ 4,640 м. Эту область можно назвать переходной къ болѣе южнымъ и восточнымъ, хотя и она совершенно лишена лѣсовъ какъ и весь Бжянъ-т'анъ, будучи расположена выше и внѣ границы лѣсовъ. Послѣдняя проходитъ въ предѣлахъ Тибета на сѣверѣ по сѣвернымъ склонамъ Куэнь-луня на сторону бассейна

Тарима, по южной окраинѣ Цайдама и въ бассейнѣ Кукэнора и области верховьевъ Хуанъ хэ, захватывая всю область Наньшаня. Отъ Та-сенъ гоньба (у изгиба Хуанъ хэ) граница лѣсовъ поворачиваетъ на югъ и юго-западъ и черезъ сѣверъ Дерге и Бата сум-до проходитъ въ нѣсколькихъ километрахъ на сѣверъ отъ Лхасы и далѣе по долинѣ Кчіи чу къ Цзанъ-по[1]. Южная граница идетъ по долинѣ указанной рѣки вплоть до меридіана Сакья (по наблюденіямъ экспедиціи Роулинга и Райдера въ 1904 г., еще нѣсколько далѣе на западъ), и переходитъ на южный склонъ Гималаевъ (главной южной цѣпи). Вся западная окраина Тибета, какъ и сосѣднія области— Ладак, Балтистанъ, горная страна Каракорума, остаются внѣ границы распространенія лѣсовъ[2], хотя физическій характеръ страны, выражающійся сближеніемъ цѣпей и углубленіемъ долинъ внѣ территоріи собственнаго сѣвернаго Тибета, весьма напоминаетъ, за единственнымъ исключеніемъ, служащимъ, однако, главнымъ препятствіемъ для роста лѣсовъ—большого вызвышенія надъ моремъ— природныя условія восточнаго Тибета, изобилующаго лѣсами.

Единственными представителями лѣсного царства являются внутри указанныхъ границъ, при томъ же въ особо благопріятственныхъ мѣстахъ, отдѣльныя деревца, которыя легко сосчитать по пальцамъ, принимающія нерѣдко кустарниковыя, какъ, напримѣръ, крушина колючая (Hippophae rhamnoides), можжевальникъ и тамарискъ въ Ладакѣ, можжевальникъ на берегу Намцо, populus balsamipfer на высотѣ 4,572 м. въ Нубра, Myricaria germanica (близкая къ тамариску), тиб. омбу до 4,000 м. въ горахъ Каракорума[3], или карликовыя формы, какъ Reaumuria и Potentilla, Hippophae contorta въ области Каракорума до 3,624 м., ивы (чанъ-мо) въ бассейнѣ верхняго Меконга. Эти малорослые кустарники[4] чередуются съ характерной для Тибета проволоко-образной травою Kobresia tibetica, образующей корнями кочки, на подобіе бугровъ мха (трава эта попадается и въ окрестностяхъ Лхасы) и составляющей наиболѣе типичное и распространенное растеніе въ травянистомъ покровѣ Бжанъ-т'ана.

Растительная жизнь сѣвернаго Тибета отличается нѣкоторыми своеобразными особенностями, невольно останавливающими вниманіе европейскаго наблюдателя; изъ нихъ малый ростъ растенія надъ

почвою представляется наиболѣе замѣчательнымъ. Ни одно изъ растеній, найденныхъ д-ромъ Торольдомъ на возвышеніи большемъ, нежели 15,000 футовъ, не имѣло въ вышину болѣе 6 дюймовъ, обычно же лишь отъ $^3|_4$ до $2^1|_2$ дюймовъ; листья и цвѣты плотно прижимались къ землѣ, образуя отдѣльные пучки, или кочки, разбросанные зачастую на далекое разстояніе другъ отъ друга въ силу рѣдкости растительнаго покрова вслѣдствіе недостаточныхъ атмосферныхъ осадковъ, сильныхъ ежедневныхъ вихрей, равно какъ чрезмѣрныхъ холодовъ, побуждающихъ растеніе искать защиты ближе къ почвѣ. Насколько растительная жизнь характеризуется надъ землею тощимъ и малорослымъ развитіемъ, настолько корни растеній въ землѣ расходятся въ длину и толщину. Короткій стебель растенія съ немногими листьями имѣетъ почти въ каждомъ случаѣ подъ землею длинный мясистый корень, или питкообразный клубень, или цѣлую сѣть корней, которая у т. н. кустарниковъ образуетъ подчасъ надъ землею массу сухихъ деревянистыхъ волоконъ, походящихъ болѣе на спутанный пукъ проволоки. Самый характеръ корней показываетъ, что растенія сѣвернаго Тибета безъ исключенія являются многолѣтними. Необходимость ихъ объясняется крайностями климата, не умѣряемыми достаточнымъ снѣговымъ покровомъ. Мѣстные жители пользуются этими корнями для различныхъ цѣлей (сухими въ качествѣ горючаго матеріала, свѣжими въ пищу [1]).

Быстрота, съ которой растенія сѣвернаго Тибета проходятъ всѣ предварительныя стадіи развитія къ окончательной зрѣлости, обусловлена краткимъ срокомъ времени (отъ 3 до 4 мѣсяцевъ), который раздѣляетъ появленіе растенія надъ землею отъ умиранія. Почки показываются на растеніяхъ въ первыхъ числахъ іюня, а къ началу сентября ужъ заканчивается созрѣваніе сѣмянъ. Несмотря на ускоренный ходъ развитія, каждая стадія роста является законченной и въ достаточной мѣрѣ изобильной (въ особенности это справедливо въ отношеніи важнѣйшихъ травъ: Poa, овсяницы и повсемѣстно распространенной Carex Moorcroftii). Томсонъ и Гукеръ находятъ объясненіе быстроты развитія растительной жизни на большихъ высотахъ въ Тибетѣ въ увеличенной силѣ нагрѣванія солнечныхъ лучей въ прозрачной атмосферѣ; но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что весенніе холода, задерживая первоначальное развитіе растенія, способствуютъ скопленію въ корняхъ значительнаго коли-

чества растительной энергіи, которая затѣмъ, подъ теплыми лучами солнца, дастъ толчекъ къ быстрому росту растенія надъ землею[1].

На всемъ протяженіи сѣвернаго растительнаго пояса, т. е. на западъ отъ 92° в. д. и на сѣверъ отъ діагональной линіи, спускающейся отъ 34° с. ш. на западѣ, до 31° с. ш. на востокѣ, земледѣліе не можетъ существовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искусственное насажденіе рукою человѣка растительной жизни[2].

Своеобразныя физическія условія, вліяющія на растительный міръ сѣвернаго Тибета, существуютъ въ равной мѣрѣ и въ южномъ Тибетѣ, гдѣ мѣстами уровень страны превышаетъ 15,000 фут. Въ особенности это справедливо по отношенію къ растительности переваловъ, которые въ южномъ Тибетѣ ничуть не уступаютъ по высотѣ переваламъ сѣвернаго Тибета. Вообще растительность переваловъ измѣняется въ Тибетѣ скорѣе въ зависимости отъ положенія ихъ на западѣ или на востокѣ страны, чѣмъ на сѣверѣ или югѣ[3]. Помимо переваловъ и отдѣльныхъ мѣстностей, которыя имѣютъ возвышеніе болѣе 15,000 футовъ, или, по крайней мѣрѣ, отъ 13 до 15 тысячъ футовъ, южный Тибетъ включаетъ въ своихъ предѣлахъ на западъ отъ 91° в. д. долины и русла болѣе значительныхъ рѣкъ, понижающихся почти до 11,000 фут., благодаря чему растительный покровъ страны пріобрѣтаетъ иной характеръ[4].

Въ южномъ Тибетѣ равнины и возвышенныя плоскія долины не составляютъ отличительной черты ландшафта, подобно тому, какъ въ сѣверномъ Тибетѣ, такъ какъ многочисленныя рѣки проводятъ по странѣ глубокія и длинныя борозды, раздѣляемыя между собою высокими и болѣе крутыми горными цѣпями. Хотя и въ южномъ Тибетѣ можно встрѣтить многочисленныя нагорныя пастбища и покатые склоны холмовъ, но рядомъ съ ними подножье горъ, примыкающее къ большимъ рѣчнымъ долинамъ, изрѣзывается глубокими оврагами. Въ общемъ, овраги, длинныя аллювіальныя плоскія пространства и крутыя горныя цѣпи съ многими остроконечными вершинами составляютъ главныя физическія особенности южнаго Тибета.

Благодаря большей продолжительности лѣта и меньшей суровости зимы въ мѣстностяхъ ниже 14,000 футовъ, южный Тибетъ имѣетъ пастбища съ болѣе сплошнымъ травянистымъ покровомъ, при чемъ даже зимою, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лежитъ снѣгъ, для

скота остается достаточно корма. Многочисленныя стада домашняго скота, пользующіяся пастбищами южнаго Тибета, отличають послѣдній отъ сѣвернаго Тибета, гдѣ почти нераздѣльными обладателями пастбищъ являются дикія животныя. Почти всякій значительный населенный пунктъ на юго-западѣ страны имѣетъ двоякое мѣстоположеніе на картѣ въ зависимости отъ нахожденія лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ для стадъ его обитателей. Въ этихъ случаяхъ одно и то же имя обозначаетъ обѣ стоянки, нерѣдко удаленныя на значительное разстояніе одна отъ другой, съ прибавленіемъ лишь слова: яреа, или лѣтнее мѣстопребываніе [1] и гунъ-са, или зимнее [2].

Наиболѣе обычными травами на возвышенныхъ пастбищахъ южнаго Тибета являются Poa trivialis съ грубыми стеблями, Festuca duriuscula и вездѣсущая Carex Moorcroftii. Цвѣтущія растенія встрѣчаются въ изобиліи по склонамъ холмовъ на высотѣ 13 и 14 тысячъ футовъ и выше почти до границъ снѣга [3]. Растительность рѣчныхъ долинъ не только вводитъ ботаника въ отличную область цвѣтущихъ растеній, но и насчитываетъ въ своей средѣ болѣе крупныхъ представителей растительнаго царства—рослые кустарники и даже деревья.

Въ плоскихъ аллювіальныхъ частяхъ долины Инда и Сетледжа попадается лишь грубый видъ кустарниковыхъ растеній, достигающихъ, однако, нѣсколькихъ футовъ въ вышину и образующихъ мѣстами густыя поросли, въ которыхъ, въ особенности по близости селеній или пастбищъ, водятся волки.

Далѣе на востокъ въ бассейнѣ Цзанъ-по растительность становится богаче и гуще; уже по аллювіальнымъ террасамъ и низкимъ утесамъ по берегамъ рѣкъ Доктола, па СЗ. отъ 88° в. д., попадаются въ большомъ числѣ малорослые ивы (3 различныхъ вида) и тополи (тоже трехъ видовъ). Чѣмъ далѣе спускаться по Цзанъ-по, тѣмъ плодороднѣе становятся выходящія къ главной рѣкѣ долины меньшихъ притоковъ, при чемъ высшая степень плодородія, какъ его надлежитъ понимать въ примѣненіи къ Собственному Тибету, отличаетъ долины Пенам Нянъ-ч'у, Ярлунъ ч'у, Кчіи ч'у и Холк'а. Помимо ивъ и тополей [4], получающихъ здѣсь большіе размѣры, появляются въ видѣ рощъ другія древесныя породы, въ особенности культурныя: орѣшникъ, абрикосовое, персиковое и грушевое деревья [5]. Близъ Лхасы можно видѣть можжевельникъ, тисъ и

остролистъ. Многочисленные сады и парки въ предмѣстьяхъ и западномъ кварталѣ столицы придаютъ ей живописный видъ и скрываютъ непривлекательныя стороны каждаго тибетскаго города— грязь и иныя послѣдствія пренебреженія санитарными предписаніями. Деревья содержатся въ большомъ порядкѣ и по счету, такъ какъ обитатели естественно дорожатъ этимъ лучшимъ и рѣдкимъ въ Тибетѣ подъ 30° широты украшеніемъ. Частные и монастырскіе сады изобилуютъ кромѣ того обычными садовыми цвѣтами— настурціями, астрами, крупными лютиками, мальвами, ноготками и левкоями всѣхъ цвѣтовъ.

Малое число древесныхъ породъ, встрѣчаемыхъ въ южномъ Тибетѣ вплоть до 92° в. д., не искупается даже соотвѣтственнымъ обиліемъ; нигдѣ древесныя насажденія не образуютъ настоящихъ лѣсовъ и нигдѣ дерево не служитъ въ качествѣ топлива населенію, которое употребляетъ для указанной цѣли исключительно сушеный пометъ животныхъ; отсюда цѣнность этого горючаго матеріала для жителей въ особенности тѣхъ мѣстностей, гдѣ лѣсной покровъ отсутствуетъ даже въ видѣ рощъ. Доказательствомъ можетъ служить фактъ, сообщаемый Уодделемъ[1]), что когда на жителей Паридзона была наложена пеня за порчу телеграфныхъ проводовъ въ количествѣ 15 тоннъ якового аргала (что равно по мѣстнымъ цѣнамъ около 145 рублей), жители предпочли уплатить половину пени наличными деньгами (рупіями), чтобы только сохранить для себя столь важный предметъ жизненной необходимости[2]), и случаи порчи телеграфа болѣе не повторялись.

Юго-восточный Тибетъ благодаря теплому и влажному климату имѣетъ растительность совершенно отличнаго характера. Здѣсь склоны глубокихъ ущелій и овраговъ въ долинахъ, находясь въ области юго-восточнаго муссона, заняты обширными площадями густыхъ и мрачныхъ первобытныхъ лѣсовъ, которые еще болѣе умножаютъ трудности изслѣдованія этихъ непроходимыхъ областей.

Восточный Тибетъ представляетъ въ отношеніи растительности переходную область между южнымъ и юго-восточнымъ; на сѣверѣ здѣсь еще встрѣчаются степныя пространства, негостепріимныя и бѣдныя растительностью; дальше къ югу склоны одѣваются рѣдкими и чахлыми древесными произрастаніями, которыя по мѣрѣ углу-

ленія и суживанія долинъ и выростанія сосѣднихъ цѣпей дѣлаются гуще и постепенно переходятъ въ лѣса юго-восточнаго Тибета[1]. Подъ 31°25' с. ш., нѣсколько къ западу отъ Чамдо, на высотѣ 10,800 и 11,500 ф., путешественники описываютъ яркими красками живописныя ущелья и красивыя картины лѣсного пейзажа, съ большими рододендронами, можжевельниками и coccinea среди скалъ въ перемежку съ рощами елей. Сосновые лѣса, вѣроятно изъ породы Abies Webbiana, густо покрываютъ берега Ному-ч'у, нѣсколько къ югу оттуда, доставляя толстыя бревна для балокъ въ крышахъ домовъ. Еще далѣе на югъ въ округѣ Ривоче (31°12' с. ш. 96°15' в. д.) по сѣверному берегу Гяяма Н'ул ч'у мѣстность по природной красотѣ соперничаетъ съ лучшими долинами Кашмира. Лѣса рододендроновъ и елей оттѣняютъ рѣку, съ отдѣльными травянистыми ложбинами, по которымъ разбросаны группы деревьевъ, точно въ паркѣ. Изобиліе древеснаго топлива допускаетъ выплавку желѣзной руды. Поля ячменя огорожены здѣсь плетнями изъ еловыхъ вѣтокъ вмѣсто обычныхъ каменныхъ стѣнъ.

Въ отдѣльныхъ узкихъ и защищенныхъ долинахъ много сѣвернѣе широты Чамдо можно встрѣтить, какъ показываютъ описанія Козлова, не менѣе привлекательныя картины богатой и разнообразной растительности. Вообще долина верхняго Меконга богата лѣсами. Къ высокоствольнымъ елямъ, лиственницамъ и древовидному можжевельнику здѣсь примѣшиваются во множествѣ рододендроны, береза, красная и бѣлая рябина, акація, абрикосовыя деревья и дикія яблони; кромѣ того, нѣсколько видовъ жимолости, барбарисъ, боярышникъ, ива и многіе другіе кустарники[2]. Нѣсколько восточнѣе отсюда въ долинѣ Рэ чю, сѣверные склоны горъ почти сплошь одѣты еловымъ лѣсомъ, южные во многихъ мѣстахъ— зарослями древовиднаго можжевельника; тамъ и сямъ стелятся разнообразнѣйшіе кустарники[3]. Еще любопытнѣе описаніе[4] долины Дычу въ мѣстѣ переправы экспедиціи Козлова почти подъ 33°30' с. ш. на высотѣ 12,610 футовъ: „Не только вся долина, но и прилегающія ущелья очень густо поросли кустарниками. Помимо барбариса, крыжовника, смородины и жимолости, встрѣченныхъ уже въ долинѣ Хи ч'у[5], на Дыч'у попадались заросли мирикаріи, кусты которой достигаютъ почти двухсаженной высоты при толщинѣ стволовъ у корня до 7 дюймовъ. Къ кустарникамъ присоединился можжевело-

вый лѣсъ (съ деревьями свыше 70 футовъ въ вышину при толщинѣ у корня въ поперечникѣ до 20 дюймовъ), покрывавшій собою склоны праваго берега, обращеннаго къ сѣверу. Ячменныя поля, расположенныя въ долинѣ террассами, выглядѣли порядочно; луговыя травы также“ 1.

Главныя древесныя породы въ странѣ на юго-востокъ отъ Чамдо суть разные виды ели, вѣчнозеленаго дуба, остролиста и рододендрона. Juniperus excelsa является обычнымъ кустарникомъ на склонахъ холмовъ отъ 10,000 до 13,500 футовъ; его ягоды составляютъ любимую пищу красиваго фазана Crossoptilon, который поэтому встрѣчается всюду, гдѣ только растетъ помянутый кустарникъ.

По мѣрѣ приближенія къ Батану характеръ растительности совершенно мѣняется вмѣстѣ съ пониженіемъ уровня страны до 9,000 и менѣе футовъ; клематисъ, сиринга (душистый чубучникъ), жасминъ, шиповникъ и вьющійся видъ Colquhounia ласкаютъ взоръ и обоняніе путешественника. За Батаномъ орхидеи, азалеи всѣхъ величинъ, глоксиніи и дикія темнокрасныя розы составляютъ переходъ къ типичной флорѣ южной Сы-чуани и соперничаютъ богатствомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ, вопреки значительному возвышенію страны (болѣе 10,000 ф.), съ богатѣйшимъ растительнымъ міромъ Сиккима. Близъ Дар-чже-до рододендроны поднимаются по сосѣднимъ холмамъ въ поразительной роскоши и великолѣпномъ блескѣ цвѣтовъ на высоту 12,000 ф. 2; изобиліе кустовъ дикаго крыжовника, черной смородины и малины составляетъ другую черту растительнаго царства страны между Ли-т'анъ и Дар-дже-до, причемъ черная смородина образуетъ цѣлыя деревья 18 футовъ вышиною, съ кистями ягодъ отъ 12 до 16 дюймовъ длиною. Яблони и персиковыя деревья двухъ видовъ также многочисленны; въ болѣе же глубокихъ долинахъ и ущельяхъ растительность получаетъ подътропическій характеръ какъ благодаря влажности климата, такъ и пониженію уровня страны 3.

На сѣверо-востокѣ Тибета путешественникъ, слѣдующій съ юга, вступаетъ въ отличную растительную область. Въ Кукунорѣ болѣе высокія западныя части котловины имѣютъ степной характеръ, и растительность напоминаетъ растительность болѣе низкихъ частей Бжянъ-т'ана 4, только свѣжѣе и съ добавленіемъ ряда другихъ бо-

лотныхъ растеній: осоки, камыша, полыни, и обычныхъ внутренне-азіатскихъ степныхъ растеній: солончаковыхъ травъ, дырисуна, хармыка, сульхира, терновника, дикой лебеды. Склоны Южнокукунорскихъ горъ окутаны лѣсомъ изъ тѣхъ же почти породъ, какъ далѣе на сѣверъ горы Наньшаня, но менѣе густыхъ и рослыхъ[1]. Цайдам, имѣющій значительно меньшее возвышеніе надъ моремъ, покрытъ огромными камышевыми болотами, занимающими большую часть области въ центрѣ; болѣе же высокіе южные края равнины у подножья горъ, доставляющихъ довольно обильное орошеніе, являются на подобіе оазисовъ растительности, похожей на Кукунорскую[2].

Растительный міръ области Наньшаня служилъ предметомъ изученія для многихъ русскихъ путешественниковъ, составившихъ богатыя коллекціи наиболѣе типичныхъ для края растеній, которыя по своему характеру представляютъ переходъ отъ алпійской къ степной флорѣ. По сѣверному склону окраинной цѣпи пограничнаго съ Гоби западнаго Наньшаня скудная флора пустыни простирается вверхъ до 3000 м.; напротивъ, у горныхъ ручьевъ южнаго Наньшаня зеленѣютъ ивы, тополи, восточная (съ желтыми цвѣтами) лоза, тамарискъ еще на высотѣ до 3300 м. Луга и лѣса становятся гуще и богаче въ восточномъ Наньшанѣ, который вмѣстѣ съ прилегающей съ юга окраиною восточнаго Тибета выдѣленъ О. Друде въ восточно-тибетскій раіонъ лѣсной степи. По описанію Пржевальскаго, цвѣты наполняютъ лѣтомъ степь своимъ благоуханіемъ, а въ рѣчныхъ долинахъ разстилается привлекательная картина свѣжезеленыхъ луговъ съ рядами высокихъ тополей, обвитыхъ лозою. Между степной и луговой флорою существуетъ самый рѣзкій контрастъ: насколько первая однообразна, настолько послѣдняя богата видами растеній. Мѣстами влажныя долины являются какъ-бы оазисами между высохшими, угрюмыми степями и пустынями, какъ на верховьяхъ Хуанъ хэ. Въ глубинѣ Наньшаня густой лѣсъ (тяньшаньская ель Picea (Abies) Shrenckiana, схожая съ кавказской пихтою, береза, можжевельникъ, тополь, рябина, осина) покрываетъ горы до самаго основанія. По Датунъ голу Пржевальскій встрѣтилъ лучшіе лѣса Центральной Азіи: ущелья, склоны горъ, берега рѣки и стремительныхъ горныхъ потоковъ—все поросло высокими стройными стволами деревьевъ; между свѣтлозеленымъ фономъ ихъ листьевъ просвѣчиваетъ мѣстами почвенный гнейсъ; гранитныя же

скалы покрыты рододендронами, пихтами и березами. На высотѣ выше 3000 м. растутъ еще альпійскіе кусты (Wernería, Prschewalskia tangutica и др.) и травы вплоть до 4500 м. Разнообразіе видовъ растеній стоитъ въ обратномъ отношеніи къ краткости растительнаго періода, который въ сущности ограничивается единственными, свободными отъ ночныхъ морозовъ и богатыми цвѣтами, іюнемъ и іюлемъ. На высотѣ 4500 м. растительность прекращается, галька и скалы царятъ нераздѣльно, такъ какъ растенія погибаютъ отъ холода и бурь.

Преобладаніе въ общемъ рельефѣ страны возвышенныхъ травянистыхъ пространствъ надъ болѣе низкими и теплыми долинами, пригодными для земледѣлія, сдѣлало тибетцевъ по преимуществу скотоводами и скотоводство въ различныхъ его видахъ главнымъ источникомъ богатства и пропитанія народа. Однако, земледѣліе [1], вопреки менѣе значительной (по сравненію съ скотоводствомъ) роли, принадлежащей ему въ хозяйственномъ строѣ страны въ цѣломъ, достигло извѣстной степени процвѣтанія и даже преобладанія въ центральной долинѣ Цзанъ-по и нѣкоторыхъ сосѣднихъ долинахъ притоковъ главной рѣки, особенно Нянъ-чу, Кчіи чу и Ярлунъ; къ этой же категоріи мѣстностей надо отнести и отдѣльныя области восточнаго Тибета, главнымъ образомъ вдоль главной торговой дороги въ Китай (Дерге, Хорба) и мѣстностей вдоль китайской земледѣльческой полосы въ Сы-чуани, гдѣ земледѣлецъ—китаецъ или тибетецъ—въ достаточной мѣрѣ вознаграждается за трудъ по устройству полей на террасахъ вверхъ по крутымъ склонамъ холмовъ внутри глубокихъ защищенныхъ долинъ.

Въ видѣ общаго правила можно утверждать [2], что на западъ отъ 87° в. д. въ самомъ Тибетѣ никакого зерна не производится [3], и обитатели должны получать всѣ запасы его изъ Ладака, Лахула, Гарвала, Канавара и Непала. Обработка земли впервые встрѣчается на востокъ отъ монастыря Ралунъ [4] близъ верхней Цзанъ-по; начиная съ этого пункта вдоль главной рѣки на востокъ и вверхъ по долинамъ ея притоковъ вся годная земля на террасахъ по склонамъ холмовъ или аллювіальныхъ равнинахъ обращена въ поля ячменя и нѣкоторыхъ другихъ злаковъ и стручковыхъ растеній. Наибольшаго развитія земледѣліе достигаетъ по рѣкамъ восточнаго Цзанъ и центральнаго Уй, гдѣ нерѣдки длинныя плоскія пространства наносной

плодородной почвы и гдѣ многочисленные ручьи съ быстрымъ теченіемъ, сбѣгающіе съ высотъ, облегчаютъ въ значительной мѣрѣ орошеніе полей. Послѣдніе поднимаются съ террасы на террасу вверхъ по покатому склону, и весьма остроумныя приспособленія ведутъ воду снизу на болѣе высокіе уровни[1].

Главнымъ средоточіемъ земледѣльческой культуры въ собственномъ Тибетѣ являются, слѣдовательно, долина Цзанъ-по, именно, на востокъ отъ меридіана Шихацзе, и восточный Тибетъ между 98° и 102° в. д. и 32—29° с. ш. Однако, и сѣвернѣе бассейна Цзанъ-по (на западъ отъ 92°) можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ малоразвитой степени земледѣльческую культуру, такъ что абсолютная сѣверная граница распространенія и вообще возможности разведенія хлѣбныхъ злаковъ проходитъ въ видѣ изогнутой дуги отъ западной оконечности озера Панъ-конъ черезъ Рудок, Омбо, Сенъ-джа дзонъ (31°15' с.ш.), Дам (на юго-западъ отъ Намцо) до Раденъ въ округѣ Лхасы 30°20' с. ш. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ этой линіи, а въ Ладакѣ и Нубра много сѣвернѣе до подножья Караул давана воздѣланные участки отличаются очень малымъ протяженіемъ, нигдѣ не составляютъ плотной полосы полей и кажутся лишь ничтожными зелеными пятнами среди сѣрыхъ травянистыхъ или каменистыхъ пространствъ.

Въ западной половинѣ Тибета вплоть до 86—87° в. д. указанная пограничная линія распространенія культурныхъ злаковъ является единственнымъ проявленіемъ земледѣльческой жизни, за исключеніемъ только отдѣльныхъ пунктовъ этой части страны внѣ ея, которые были выше помянуты особо[2]. Напротивъ, въ восточной половинѣ страны[3], по мѣрѣ удаленія къ востоку и юго-востоку и приближенія къ центрамъ земледѣльческой дѣятельности китайцевъ, поля умножаются въ числѣ и улучшаются въ качествѣ производимаго зерна, хотя физическія условія рельефа страны затрудняютъ выборъ ровныхъ пространствъ земли подъ земледѣльческую культуру. Вмѣстѣ съ ростомъ интенсивности полевой культуры уплотняется и населеніе, появляются значительные торговые центры (Батанъ, Дарчжедо, Сунъ-панъ, Танкар), гдѣ оба этническихъ элементовъ—тибетскій и китайскій, сталкиваются и смѣшиваются. Произведенія полей, опускающихся до уровня 2,500 метровъ надъ моремъ и съ болѣе плодородной почвою вслѣдствіе обильнаго орошенія, становятся весьма разнообраз-

ными, начиная съ различныхъ хлѣбныхъ злаковъ (ячменя, кукурузы, проса) и овощей и кончая рисомъ въ самыхъ южныхъ долинахъ (нѣсколько южнѣе города Батана); наряду съ произведеніями полей сады даютъ фрукты—гранаты, даже виноградъ.

Наиболѣе плодородныя долины въ центральномъ Тибетѣ, съ обширными аллювіальными пространствами ровной земли по берегамъ рѣкъ и быстрыми ручьями, спускающимися съ высокихъ горъ, опоясывающихъ долину, расположены по теченію Нянъ ч'у, Ронъ Наг-ч'у, Кчіи ч'у, Ярлунъ ч'у, Шанъ ч'у, Зинъ-чьи ч'у и Цемонъ ч'у, которыя всѣ впадаютъ въ Цзанъ-по[1].

Долина Кчіи ч'у по количеству производимаго зерна не уступаетъ никакой другой мѣстности Центральнаго Тибета. По сосѣдству съ Лхасою долина рѣки расширяется въ просторную равнину, изобильно орошаемую каналами, проведенными изъ вѣтви Кчіи-ч'у—Пембо ч'у, идущей съ сѣвера. Обширная сѣть каналовъ, связанная между собою мелкими канавами и ручейками, искуственно превращаетъ всю обширную площадь по сосѣдству съ рѣками Кчіи и Пембо въ одно сплошное поле, на которомъ воздѣлываются всѣ существующіе въ Тибетѣ злаки и овощи, получающіе близкій и быстрый сбытъ въ столицу. Отдѣльные воздѣланные участки весьма невелики и отмѣчаются межами въ видѣ низкихъ стѣнокъ изъ массивныхъ камней. Возвышеніе равнины 11,500 футовъ.

Долина нижняго теченія Нянъ ч'у[2] на протяженіи 65 миль имѣетъ среднюю ширину въ 10 миль, будучи сплошь обработана на всемъ этомъ пространствѣ и производя, не смотря на возвышеніе въ 12,650 футовъ, весьма значительныя количества пшеницы, овса, проса, гороха и стручковыхъ растеній. Вдоль береговъ устроены многочисленныя водяныя мельницы, утилизирующія быстроту теченія горныхъ ручьевъ, впадающихъ въ Нянъ ч'у или искусственно проведенныхъ каналовъ. Въ болѣе крутыхъ мѣстахъ берега рѣки покрыты густымъ ковромъ тибетскаго вереска (Caragana versicolor), испещреннымъ лѣтомъ самыми разнообразными красками[3].

Важнѣйшими и въ тоже время единственными породами деревьевъ въ долинѣ р. Нянъ являются ивы и тополи на ровныхъ мѣстахъ, густыя чащи па-ма (Juniperus squamosa) и ели (сом-шинъ, пиш. гсом-шинъ) съ примѣсью нѣкотораго числа орѣшника по нижнему краю сосѣднихъ высотъ. Плодородіе и красота ландшафта,

выгодно выдѣляющія долину изъ среды примыкающихъ пустынныхъ нагорій и непроходимыхъ ущелій на западѣ, заслужили ей славу „страны лакомствъ“ [1] въ представленіи неизбалованнаго природными богатствами окрестнаго населенія.

Несмотря на природныя богатства Кчіи ч'у и Нянъ ч'у, честь наибольшаго плодородія въ центральномъ Тибетѣ приписывается не имъ, а долинѣ Ярлунъ и нижней области Лхобраг. Плодородіе этого раіона страны, признаваемое необычайнымъ явленіемъ для Тибета, объясняется сравнительно меньшимъ возвышеніемъ страны—долина Ярлунъ 11,350—11,600 ф.; верхняя долина Лхобраг 10,800 ф. до 11,200 ф.—, равно какъ обильнымъ выпаденіемъ дождя и снѣга. Округъ Ярлунъ получаетъ, повидимому, долю обильныхъ дождей, приносимыхъ въ западную Юнь-нань и юго-восточный Тибетъ черезъ долину Янъ-цзы и Сальвина морскими воздушными теченіями. Эти влажные вѣтры не проникаютъ въ долину Кчіи ч'у или Нянъ ч'у, за то послѣдняя получаетъ нѣкоторые осадки отъ верхнихъ слоевъ воздушнаго теченія индійскаго муссона, проходящихъ за Бутанскіе Гималаи. Этимъ же путемъ пополняется запасъ влаги въ атмосферѣ Лхобраг, который получаетъ еще дождевые осадки прямо изъ Бенгала черезъ ущелья Лхобраг Цзанъ-по и рѣки Манас [2].

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ видовъ хлѣбныхъ злаковъ и вообще культурныхъ растеній, разводимыхъ въ Тибетѣ старательной рукою тибетскаго земледѣльца, при посредствѣ весьма несовершенныхъ орудій, можно сказать въ общихъ чертахъ, что въ центральной долинѣ Цзанъ-по почва и климатъ наиболѣе пригодны для разведенія *ячменя*, не требующаго ни особого плодородіи почвы, ни значительной влажности. Ячмень засѣвается въ маѣ (около Лхасы въ апрѣлѣ), по окончаніи зимнихъ морозовъ и убирается въ сентябрѣ. Ячмень является наиболѣе выносливымъ растеніемъ и слѣдуетъ за человѣкомъ выше всѣхъ другихъ культурныхъ растеній надъ уровнемъ моря, въ Тибетѣ выше, чѣмъ гдѣ либо на земномъ шарѣ (въ Дам до 4,400 метровъ [3]; если Наинъ Сингъ и наблюдалъ поля ячменя въ южномъ Бжянъ-т'анѣ на высотѣ 4,640 м. (15,240 ф.), въ Омбу на сѣверо-западъ отъ оз. Дангра юм, то врядъ ли обработка полей могла здѣсь вознаграждаться [4]), такъ что Тибетъ является страною, гдѣ земледѣліе поднимается на наибольшую высоту надъ уровнемъ моря [5]. Возможно, что въ будущемъ площадь, засѣваемая

нынѣ въ Тибетѣ ячменемъ, увеличится и нѣкоторыми мѣстностями по верхнему Меконгу, лежащими ниже 4,500 м. и потому пригодными для созрѣванія этого злака, но во всякомъ случаѣ она никогда не возрастетъ въ достаточной мѣрѣ для прокормленія всего населенія центральнаго Тибета безъ привоза извнѣ. Цѣна на ячмень стоитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собирается зерно, болѣе, чѣмъ вдвое выше цѣнъ на этотъ видъ зерна въ бассейнѣ Тарима, колеблясь между 4—4½ рупіями за гектолитръ [1]. Урожай бываетъ не великъ, самъ-пять и самъ-десять, самъ-двѣнадцать лишь въ наиболѣе низкихъ плодородныхъ долинахъ съ жаркимъ климатомъ.

Кромѣ ячменя сѣется овесъ [2] и пшеница [3], но въ меньшемъ количествѣ, гречиха [4], горчица [5] и другіе злаки много дальше на востокъ [6]. Говорятъ, что около Лхасы сѣютъ и рисъ на высотѣ 3,500 м.; свѣдѣнія Гренара по этому поводу оказались весьма разнорѣчивы; во всякомъ случаѣ рисъ очень нехорошаго качества, твердъ, зерно мелкое, болѣе или менѣе красноватое, разнокалиберное, такъ что богатые люди выписываютъ рисъ изъ Китая, а также изъ Бутана (Даванъ) и Сиккима.

Изъ овощей *лукъ* (цонъ) встрѣчается и въ дикомъ состояніи, притомъ въ значительномъ количествѣ, въ сѣверномъ Тибетѣ въ необитаемыхъ мѣстностяхъ до 5,000 метровъ (самымъ обыкновеннымъ видомъ является лукъ съ бѣлыми или желтыми цвѣтами Allium Semenovi Reg.); тибетцы ѣдятъ дикій лукъ сырымъ, даже не прибавляя соли. Лукъ, равно какъ и чеснокъ (лагог), разводится вмѣстѣ съ другими овощами въ земледѣльческихъ округахъ страны. Изъ этихъ культурныхъ овощей первое мѣсто занимаетъ рѣпа (юнъма [7]) прекраснаго качества, столь же распространенная, какъ и ячмень. Брюква (нюнъ-ма) и морковь (лап'уг-серпо—желтая рѣдька) почитаются въ нѣкоторомъ смыслѣ роскошью и имѣются лишь въ болѣе низкихъ долинахъ. Картофель двухъ сортовъ (шоко—бѣлый и тома—мелкій красный, сладковатый на вкусъ) разводится въ окрестностяхъ Лхасы; въ собственный Тибетъ картофель былъ введенъ, вѣроятно Гэстингсомъ [8], однако, понынѣ этотъ овощъ болѣе обыченъ въ восточномъ Тибетѣ на китайской границѣ [9], гдѣ можно встрѣтить, какъ, впрочемъ, и близъ Лхасы, капусту (крам; бѣлый сортъ ея зовется по китайски бай-цай, откуда тибетское пе-це). Въ общемъ тибетцы неохотно ѣдятъ растительную пищу, но въ каче-

ствѣ приправы овощи пользуются ихъ расположеніемъ, особенно въ южномъ Тибетѣ. Помимо указанныхъ корнеплодовъ и другихъ овощей, въ собственномъ Тибетѣ, главнымъ образомъ въ долинѣ Нянъ ч'у разводятся горохъ и бобы различныхъ сортовъ.

Изъ фруктовъ яблоки и орѣхи (старка) встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ; по недостатку дождей обычно прибѣгаютъ къ искуственному орошенію садовъ, какъ напримѣръ, въ мѣстности между Чушул и Лхасою, гдѣ сады особенно многочисленны.

Земледѣльческія орудія тибетцевъ въ такой же мѣрѣ немногосложны и малочисленны, какъ и примитивны (деревянный сошникъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, видѣнный Уодделемъ [1] въ окрестностяхъ Лхасы лишь царапалъ почву; другія орудія суть лопата, грабли, сѣрпъ: борона только въ Ладакѣ [2]); несовершенство способовъ обработки, естественно, не увеличиваетъ производительности почвы. Тѣмъ не менѣе многія мѣстности, особенно въ долинѣ Нянъ чу, Цзанъ-по у переправы Чакзсам (см. стр. 85) и вокругъ Лхасы представляютъ лѣтомъ море свѣжей зелени, какъ не всякая мѣстность внѣ Тибета на болѣе низкомъ уровнѣ. Зато въ самомъ близкомъ разстояніи отъ этихъ привлекательныхъ картинъ производительности почвы обширныя пространства земли производятъ впечатлѣніе почти безплодной пустыни, будучи пригодны въ лучшемъ случаѣ лишь для скотоводства. Такой характеръ имѣютъ 50 миль страны между долиной Чумби и плодородной частью долины Нянъ ч'у [2]; впрочемъ, и сама долина Чумби, не смотря на сравнительно низкій уровень (9,780 ф. въ мѣстечкѣ Чумби и 14,570 ф. въ Пари) мало пригодна для земледѣльческой культуры, благодаря высокимъ скалистымъ стѣнамъ, замыкающимъ ее съ обѣихъ сторонъ и пропускающимъ мало солнечнаго свѣта и тепла [3]. Въ долинѣ сѣется пшеница, которая не вызрѣваетъ и употребляется въ кормъ скоту [4]. Главный же источникъ благосостоянія обитателей долины—транзитная торговля съ Сиккимомъ и Бутаномъ, а черезъ нихъ и съ Индіей.

Тибетская флора, въ особенности въ юго-восточной и восточной частяхъ страны, богата лекарственными растеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя признаны европейской медицинской наукою, другія же употребляются исключительно въ тибетской и китайской фармацевтикѣ. Въ указанномъ отношеніи наиболѣе характерной для Тибета является *лекарственная ревень* (джим-ца), которая встрѣчается въ ди-

комъ состояніи во многихъ областяхъ Тибета, особенно восточнаго на границѣ съ Китаемъ. О ревени говоритъ Пржевальскій въ III путешествіи (стр. 366—7 съ иллюстр.)[1]. Какъ указываетъ Рокгиль[2], ревень изобилуетъ во всѣхъ долинахъ Гжя-де (Су-ч'у, И-ч'у, Понъ-ч'у—притоковъ и верховьевъ Сальвина), причемъ населеніе употребляетъ ея высушенные стебли на крыши для небольшихъ амбаровъ, накладывая сверху землю; иногда обитатели Гжя-де жуютъ стебельки зеленыхъ листьевъ ради ихъ пріятнаго кисловатаго вкуса. Монголы пользуются сушеными корнями растенія въ качествѣ красильнаго матеріала для окраски въ желтый цвѣтъ шляпъ, сапогъ и другихъ предметовъ ламскаго одѣянія. Медицинскія свойства растенія извѣстны китайцамъ, монголы же не знаютъ ихъ[3].

VIII. Животный міръ.

Какъ говорилось выше, обработка земли въ ограниченныхъ частяхъ Тибета, которыя оказываются вообще пригодными для этой цѣли, не является нынѣ (да вѣроятно и не явится никогда) въ достаточной мѣрѣ развитой, чтобы обезпечить населенію главное пропитаніе; тѣмъ болѣе важнымъ представляются въ силу этого обширныя пространства пастбищъ (ихъ, однако, нельзя понимать, какъ европейскіе искусственные[4] или естественные луга), покрытыхъ короткой и жесткой, горькой на вкусъ, но весьма питательной для привычныхъ животныхъ травою. Существованіе этихъ пастбищъ сдѣлала изъ тибетца по преимуществу скотовода и охотника, такъ какъ наряду съ весьма многочисленными домашними животными встрѣчаются огромныя массы дикихъ, особенно въ областяхъ Тибета, которыя по своему физическому характеру непригодны для человѣческаго обитанія, напримѣръ, въ Бжянъ-т'анѣ и внутри горныхъ цѣпей средняго Куэнь-луня—хребтовъ Пржевальскаго, Марко Поло, Шуга[5], и у верховьевъ Желтой рѣки. Правда, животный міръ сѣвернаго Тибета, какъ и вообще Центральной Азіи, при всей своеобразности, составляющей его характерную черту, насчитываетъ сравнительно небольшое число различныхъ видовъ, зато существующіе виды встрѣчаются прямо въ невѣроятномъ числѣ особей.

Подобное богатство животной жизни въ сѣверномъ Тибетѣ представляется по истинѣ замѣчательнымъ, если принять во вниманіе возвышеніе указанной области надъ моремъ; при томъ обиліемъ животныхъ выдаются, какъ-разъ, наиболѣе возвышенныя части сѣвернаго Тибета, именно Бжянъ-т'анъ отъ 15,500 до 17,500 ф., въ особенности въ лѣтніе мѣсяца, хотя и зимою путешественники наблюдали въ этихъ мѣстностяхъ стада яковъ и антилопъ, разгребавшихъ снѣгъ и разбивавшихъ ледяную кору на поверхности почвы въ поискахъ за уцѣлѣвшими остатками травы.

По сравненію съ сѣверными областями страны южный Тибетъ, вопреки меньшему возвышенію нагорныхъ пастбищъ и альпійскихъ луговъ (13—15 тысячъ футовъ) и рѣчныхъ ущелій (11—13 тысячъ футовъ), менѣе богатъ дикими животными, хотя и здѣсь встрѣчаются многочисленныя стада дикихъ ословъ, ovis ammon, газелей въ горныхъ расщелинахъ; оленей—въ поросшихъ верескомъ ложбинахъ; мускусныхъ кабаргъ и „напо"—въ низкихъ долинахъ.

На юго-востокѣ Тибета фауна, хотя и отличная въ отношеніи многихъ важныхъ представителей, является все же въ достаточной мѣрѣ изобильной [1]. Богатство растительной жизни, особенно лѣсовъ, въ этой части страны можетъ служить объясненіемъ ея фаунистическаго богатства; но подобныхъ благопріятныхъ условій для развитія животной жизни не существуетъ на первый взглядъ въ непривѣтливыхъ областяхъ сѣвернаго Тибета, который поэтому невольно поражаетъ этой игрою природы новичка—европейскаго посѣтителя.

„Не видавши собственными глазами", говоритъ Пржевальскій [2], „невозможно повѣрить, чтобы въ этихъ обиженныхъ природою мѣстностяхъ могло существовать такое громадное количество звѣрей, скопляющихся иногда въ тысячныя стада дикихъ яковъ, хулановъ и различныхъ антилопъ. Только бродя съ мѣста на мѣсто, эти сборища могутъ находить себѣ достаточно корма на скудныхъ пастбищахъ пустыни; но за то звѣри не знаютъ здѣсь своего главнаго врага—человѣка и, вдали отъ его кровожадныхъ преслѣдованій, живутъ свободно и привольно". „Развѣ въ недоступныхъ европейцамъ земляхъ внутренней Африки и Австраліи", указываетъ Пржевальскій въ другомъ мѣстѣ [3], „можно найти такое количество звѣрей, которыя при томъ такъ довѣрчиво подпускаютъ къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего. Невольно переносишься

мыслью въ далекія первобытныя времена, когда подобную картину можно было встрѣтить и въ другихъ странахъ земного шара. А теперь только дикія пустыни Тибета, да немногія другія мѣстности нашей планеты пока еще уберегли неповинныхъ животныхъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ человѣкомъ. Да, его вліяніе страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы! Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ, ни сравнительное обиліе хищниковъ на плоскогоріи Тибета, ничто это, конечно, далеко не можетъ сравниться съ той роковой гибелью, которую несетъ для дикихъ созданій прогрессивно возрастающая культура". Самъ Пржевальскій могъ служить примѣромъ этого губительнаго вліянія цивилизаціи на постепенное исчезновеніе дикихъ животныхъ. Его нерѣдко упрекали, и заслуженно, въ томъ, что онъ безцѣльно истреблялъ огромныя количества животныхъ, исключительно ради удовлетворенія ненасытной страсти охотника [1], при чемъ бросалъ убитыхъ животныхъ безъ пользы въ пустынѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда запасовъ провизіи имѣлось вдоволь, а шкуры или скелеты для коллекціи были уже собраны.

Все множество дикихъ животныхъ, наполняющее широкія долины и высокія скалистыя плато сѣвернаго Тибета [2], въ состояніи добыть себѣ скудное пропитаніе только благодаря тому, что никогда не остается на мѣстѣ, но пребываетъ въ постоянномъ движеніи, ежедневно проходя разстоянія многихъ верстъ между разбросанными въ удаленіи другъ отъ друга тощими пастбищами. Эти передвиженія совершаются не наудачу, а по извѣстному плану, при чемъ инстинктъ животныхъ безошибочно указываетъ имъ дорогу къ ближайшему мѣсту, гдѣ они могутъ найти воду и кормъ. Во время скитаній животныя держатся не въ одиночку, но стадами отъ 10 до 100 головъ. Общее число млекопитающихся на протяженіи сѣвернаго Тибета, наиболѣе богатаго дичью, отъ Каракорума до верхняго теченія Желтой рѣки, превышаетъ не только сотни тысячъ, но и милліоны головъ, такъ что, можно сказать, въ этихъ областяхъ хозяиномъ является не человѣкъ, а животныя [3].

Поразительное богатство животной жизни въ наиболѣе негостепріимныхъ областяхъ Тибета, необъяснимое на первый взглядъ, находитъ себѣ оправданіе въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, ускольз-

зающихъ отъ поверхностнаго наблюдателя[2]. Изслѣдованія Пржевальскаго, Боуера, Обручева и Литтльдэля установили безспорный фактъ, что сѣверный Тибетъ изобилуетъ короткой и грубой травою, покрывающей въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году дно долинъ и волнистые склоны холмовъ на большомъ протяженіи страны, хотя и не въ видѣ сплошныхъ пастбищъ, а скорѣе на подобіе отдѣльныхъ оазисовъ. Благодаря быстротѣ, которая характеризуетъ ростъ этой травы, запасъ корма для животныхъ можетъ считаться въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дѣлѣ неистощимымъ, при чемъ почти чудесное размноженіе животныхъ и хорошо упитанный видъ указываютъ, что трава, не смотря на видимыя грубыя свойства, должна быть чрезвычайно питательной. Правда, если животныя получаютъ богатый кормъ отъ травы, то въ свою очередь способствуютъ ея произростанію, доставляя обильныя количества естественнаго удобренія въ видѣ помета.

Помимо указаннаго обстоятельства, второй причиною, способствующей безпрепятственному размноженію животныхъ, является совершенное отсутствіе на всемъ протяженіи сѣвернаго Тибета постояннаго населенія, слѣдовательно, отсутствіе главнаго и опаснѣйшаго врага животныхъ—человѣка. Рѣдкіе бродячіе охотники—тибетцы, монголы и тюрки—не могутъ произвести среди огромныхъ стадъ животныхъ своими плохими фитильными ружьями или даже луками такого опустошенія, какъ европейцы съ усовершенствованнымъ оружіемъ. Къ тому же среди тибетцевъ и монголовъ наблюдается обычно несклонность къ чрезмѣрному истребленію животныхъ подъ вліяніемъ буддійскаго ученія о переселеніи душъ послѣ смерти людей въ животныхъ въ видѣ возмездія за грѣховную земную жизнь. Въ особенности осуждается избіеніе дикихъ животныхъ, такъ какъ для убоя домашнихъ животныхъ въ пищу были придуманы способы, не оскорбляющіе религіознаго чувства пролитіемъ крови живого существа[1]. Хищныя звѣри рѣдко убиваются тибетцами, а вблизи монастырей не дозволяется умерщвленіе никакихъ дикихъ животныхъ. Поэтому нѣкоторыя мѣстности Тибета—напримѣръ, полуостровъ внутри озера Ямдок и вообще окрестности озера, берега Цзанъ-по между Шихацзе и Цзет'анъ и долина Ривоче, обратились въ природные звѣринцы, или садки, изобилующіе фазанами, зайцами и оленями, которыхъ никто не тревожитъ, тѣмъ болѣе не убиваетъ[2].

Фактъ относительнаго обилія травы въ Бжянъ-т'анѣ лѣтомъ еще не разрѣшаетъ вопроса о прокормленіи всей массы животныхъ зимою, когда не всѣ изъ нихъ въ состояніи достать кормъ изъ-подъ снѣга или слоя льду. Несомнѣнно, что много животныхъ погибаетъ въ эту пору, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные скелеты, постоянно находимые европейскими путешественниками; однако, это обстоятельство не ведетъ къ ихъ исчезновенію или сокращенію въ числѣ, такъ что вопросъ о питаніи животныхъ зимою остается пока открытымъ [1].

Единичный характеръ большинства представителей тибетской фауны подчеркивается Бланфордомъ въ перечнѣ 46 различныхъ видовъ мелкопитающихся, обитающихъ между Гималаями на югѣ и Куэнь-лунемъ съ Наньшанемъ на сѣверѣ, на высотѣ 12,000 и болѣе футовъ надъ ур. моря. Изъ этого числа 31 видъ не встрѣчается нигдѣ за предѣлами страны, при чемъ пять видовъ образуютъ пять новыхъ родовъ, не имѣющихъ представителей въ другихъ областяхъ азіатскаго материка и вообще земного шара; послѣдняя цифра увеличивается до 9 родовъ, если включить своеобразныхъ насѣкомоядовъ Кукунорской области [2]. Сандбергъ [3] расширяетъ списокъ Бланфорда до 145 различныхъ видовъ [4], въ томъ числѣ 70 видовъ характерныхъ для Тибета [5], черезъ включеніе въ списокъ нѣсколькихъ отличныхъ видовъ на основаніи тибетскихъ данныхъ, равно какъ черезъ распространеніе понятія „тибетской фауны“ и на части географическаго Тибета, лежащія ниже 12,000 ф., а между тѣмъ характеризуемыя такими типичными тибетскими животными, какъ мускусный олень, особый видъ выдры. Ни одна рѣчная долина центральнаго Тибета на востокъ отъ 90° в. д. и къ югу отъ параллели Лхасы не достигаетъ возвышенія въ 12,000 ф., признаваемаго Бланфордомъ основнымъ условіемъ принадлежности къ тибетской фаунѣ. Долина Цзанъ-по на востокъ отъ Шихацзе вплоть до Цзет'анъ имѣетъ въ среднемъ 11,000 ф., на востокъ отъ Цзет'анъ понижается до 10,000 ф. Въ одной части непальской границы (Киронъ) уровень страны опускается еще ниже—9,075 ф. На востокѣ Тибета область Мупинъ (9,200 ф.) заключаетъ нѣсколько наиболѣе любопытныхъ и своеобразныхъ видовъ четвероногихъ и, несомнѣнно, должна быть отнесена къ раіону тибетской фауны. Наконецъ, юговосточный Тибетъ имѣетъ въ лицѣ главнаго города Шика всего

4,650 ф. возвышенія. Слѣдовательно, какъ заключаетъ вполнѣ основательно Сандбергъ, зоологическая область Тибета не можетъ быть пріурочена къ возвышенію 12,000 ф. и болѣе, но скорѣе должна включать всю страну, независимо отъ возвышенія, отъ Ладака до пограничной линіи Сы-чуани и Юньнани, какъ она существовала въ началѣ XVIII столѣтія, т. е. по рѣкѣ Минь и вверхъ по Янъ-цзы вплоть до меридіана Да-ли фу (приблизительно), и между сѣверной и южной горными оградами Тибета. Однако, съ расширеніемъ территоріальнаго объема области и число характерныхъ видовъ, могущихъ быть отнесенными къ разряду тибетскихъ фаунистическихъ представителей, возростаетъ съ 46 (цифры Бланфорда) до 146 (Сандбергъ), какъ и указывается выше.

Какъ и во всей Центральной Азіи, фауна сѣвернаго Тибета, „этого фаунистическаго острова даже среди богатыхъ животной жизнью пустыней Тарима и Джунгаріи“, носитъ ясно выраженный степной характеръ, съ преобладаніемъ травоядныхъ копытныхъ животныхъ и грызуновъ, но и съ значительной примѣсью хищниковъ.

Во всемъ Тибетѣ встрѣчается не менѣе 25 различныхъ видовъ оленей и антилопъ; сюда же можно прибавить родственныхъ имъ дикаго яка и 4 вида дикихъ барановъ вмѣстѣ съ двумя видами дикой свиньи. Мелкихъ грызуновъ и насѣкомоядовъ насчитывается въ предѣлахъ Тибета 34 вида, при чемъ всѣ роютъ себѣ жилище подъ землею.

Многочисленность роющихъ животныхъ въ Тибетѣ объясняется сильными холодами и недостаткомъ древесныхъ или кустарниковыхъ произростаній, могущихъ служить прикрытіемъ или жилищемъ; поэтому значительное число четвероногихъ, даже такихъ, которыя въ другихъ странахъ не прибѣгаютъ къ этому средству защиты отъ суроваго климата, живутъ въ Тибетѣ подъ землею, напримѣръ, лисицы, устраивающія норы величиною не больше, чѣмъ у сурковъ. Говорить нечего, что 15 видовъ куницы, ласки и барсука— уже не упоминая о выдрѣ, дикообразѣ и зайцахъ—пользуются аналогичными видомъ жилища.

Съ другой стороны надлежитъ указать, что одни изъ отличительно-тибетскихъ животныхъ, характерныхъ для Тибета и не встрѣчаемыхъ въ другихъ странахъ, имѣютъ обширную область распространенія во всѣхъ частяхъ его территоріи, другіе же и при

томъ большинство являются исключительно мѣстными въ предѣлахъ ограниченнаго раіона. Дикій якъ, кянъ, тибетскій волкъ, ovis nahura, мускусный олень, гоа и антилопа Годжсона, извѣстные только Тибету, встрѣчаются по всей его территоріи; напротивъ, въ особенности на крайнемъ востокѣ и юго-востокѣ имѣются животныя отличныя не только въ отношеніи вида, но и семейства отъ животныхъ всего остальнаго земного шара и не встрѣчаемые даже въ другихъ частяхъ Тибета [1]).

Наиболѣе характерными для Тибета животными изъ числа дикихъ копытныхъ являются якъ, дикія лошади, затѣмъ куланы (equus или asinus hemionus), встрѣчающіеся и въ другихъ областяхъ Центральной Азіи; впрочемъ, разновидность дикаго осла—asinus Kyang—свойственна только Тибету), горные бараны (четыре вида) и антилопы (въ томъ числѣ характерная для Тибета мускусная кабарга).

Ниже обзоръ животной жизни различныхъ частей Тибета буденъ вестись въ слѣдующомъ порядкѣ: 1) фауна сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета, 2) фауна южнаго Тибета, 3) фауна западнаго Тибета, 4) фауна юго-восточнаго и восточнаго Тибета и 5) фауна Гималаевъ.

1) Фауна сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Тибета.

Дикій якъ. важнѣйшій представитель фауны сѣвернаго Тибета (Poephagus mutus—нѣмой быкъ, или grunniens Lin.—хрюкающій быкъ, такъ какъ единственный издаваемый имъ звукъ—глухое хрюканье [2]) по внѣшнему виду [3] похожъ на домашняго яка, только болѣе крупныхъ размѣровъ и болѣе свирѣпаго нрава [4].

Домашній якъ не можетъ постоянно жить ниже 8,000 ф. надъ ур. моря, а въ дикомъ состояніи якъ рѣдко спускается ниже 14,000 ф. лѣтомъ и 11,000 ф. зимою и легко выживаетъ на высотѣ 17,000 ф. (на каковой высотѣ видѣлъ ихъ Шлагинтвейтъ въ западномъ Тибетѣ), хотя не малое число ихъ погибаетъ на этой высотѣ отъ чрезмѣрнаго холода, особенно въ открытыхъ вѣтру мѣстахъ. Областью распространенія яка въ дикомъ состояніи является весь Тибетъ, кромѣ юго-восточнаго угла: онъ встрѣчается почти всюду

отъ равнинъ Депсанъ близъ Каракорума на далекомъ сѣверо-западѣ вплоть до сосѣдства Атаг Ганъ-ри-ла въ юго-восточномъ Тибетѣ, и отъ долинъ Сетледжа и Инда на юго-западъ до окраины Куке-нора на сѣверо-востокѣ. По направленію къ Амдо, дикій якъ, вѣроятно, проникаетъ мѣстами за китайскую границу, но держится всегда на югъ отъ Желтой рѣки. Въ пограничныхъ цѣпяхъ сѣвернаго Тибета на дикаго яка ведется систематическая охота таглыками Лобнора и Черченя. А. К. упоминаетъ о дикомъ якѣ на равнинѣ Сайтанъ (Сертен), на сѣверъ отъ Южно-Кукунорскихъ горъ, между 38° и 39° с. ш.[1]; во всякомъ случаѣ якъ не переходитъ никогда на сѣверную сторону Алтын тага въ низменности Тарима и Джунгаріи. Со стороны Ладака нѣкоторое число яковъ встрѣчается на сѣверныхъ отрогахъ Каракорума, а также въ долинѣ Бжянъ-ч'ен-мо[2] и по южнымъ берегамъ озера Панъ-конъ. Въ Н'ари К'орсум якъ не попадается нынѣ на западъ отъ Сетледжа, хотя пандиты видѣли его въ горной странѣ на сѣверо-востокъ отъ Манасаровар, а г. Веббъ застрѣлилъ нѣсколько штукъ въ Пуранъ за селеніемъ Такла-к'ар.

Каменистыя долины и наиболѣе крутые и трудно доступные скаты горъ служатъ излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія дикаго яка, который не чуждается такихъ пустынныхъ мѣстностей, какъ крайній сѣверо-западный уголъ Тибета между Линъ-дзи т'анъ и Куэньлунемъ. Мало того, онъ находитъ особое удовольствіе въ карабканьѣ вверхъ по почти отвѣснымъ горнымъ стѣнамъ вплоть до выдающихся карнизовъ, хотя попасть на нихъ, казалось бы на первый взглядъ, можно только на крыльяхъ.

Лѣтомъ, когда волнистыя плоскія долины Бжянъ-т'ана одѣваются роскошнымъ травянистымъ покровомъ, якъ, вмѣстѣ съ кянъ и антилопами, бродитъ большими стадами по сравнительно болѣе ровной мѣстности; но какъ только температура воздуха начинаетъ казаться яку черезчуръ жаркой, онъ уходитъ даже выше снѣговой линіи. Зимою яки поднимается на любую высоту, разрывая снѣгъ своимъ зубчатымъ языкомъ въ поискахъ пожелтѣвшей травы, Saussurea и мховъ, хотя тотъ же снѣгъ нерѣдко гонитъ животныхъ на болѣе низкія пастбища[3].

Въ южной и западной частяхъ западнаго Тибета стада яковъ состоятъ изъ 7—16 животныхъ, въ озерной области западнаго Ти-

бета— 40-60 головъ, въ центральномъ и сѣверо-восточномъ Тибетѣ численность стадъ доходитъ до 200—300[1]. Велльби считалъ яковъ сотнями у сѣвернаго подножья Куку-шили; Рокгиль говоритъ о тысячныхъ стадахъ яковъ въ Цулме т'анъ и Карма т'анъ на востокъ отъ истоковъ Желтой рѣки. Къ Лхасѣ дикій якъ подходитъ неближе нѣсколькихъ дней пути, къ краю нагорной равнины Бжянъ-т'анъ.

Общій видъ дикаго яка напоминаетъ, какъ указываетъ Сандбергъ[2], американскаго бизона. Животное высоко держитъ плечи, такъ что изгибъ шеи круто спускается внизъ къ головѣ, большой и тяжеловѣсной, отстоящей не далѣе фута отъ земли. Такой же наклонъ, хотя не столь крутой, идетъ по спинѣ отъ плечей къ хвосту.

Рога красиво изогнуты съ концами, обращенными впередъ; у самцовъ длина ихъ 30—33 дюйма; у самокъ—18 дюймовъ. У домашнихъ яковъ и ихъ помѣсей рога много короче и тоньше.

При значительной длинѣ туловища (обычная длина самца 11 футовъ, съ хвостомъ даже 14 футовъ; самки меньше, до 8 футовъ) дикій якъ не высокъ ростомъ, рѣдко превышая въ плечахъ 5 ф.[3] (самки лишь 4½ фута). Безформенное его туловище на короткихъ ногахъ покрыто по бокамъ густыми массами длиннаго шелковистаго волоса—шерсти, у болѣе старыхъ животныхъ свѣшивающагося къ копытамъ и даже почти волочающагося по землѣ, не оставляя просвѣта между передними и задними ногами животнаго, хотя самый животъ въ дѣйствительности лишенъ этого волосяного покрова. Обиліе послѣдняго съ одной стороны придаетъ дикому яку косматый видъ, съ другой создаетъ въ сущности то впечатлѣніе массивности, которое животное производитъ на зрителя. Обычный цвѣтъ дикаго яка черный, какъ смоль, пушистый хвостъ черный, на лбу—бѣлыя пятна.

Хвостъ вмѣстѣ съ языкомъ и копытами составляетъ замѣчательную черту яка. Хвостъ, достигающій нерѣдко 4 ф. въ длину и измѣряемый до 4½ ф. въ объемѣ благодаря массѣ покрывающихъ его густыхъ волосъ, расширяющейся книзу, обозначается тибетцами джуг-маи-ябъ, или отецъ хвостовъ (пиш. мджуг-ма'и-іабъ) и, какъ таковой, почитается ими священнымъ. У дикаго яка цвѣтъ хвоста черный, какъ смоль, съ серебристыми блестками; у домашняго яка или его помѣсей онъ либо чисто бѣлый, либо каштановый,

или даже прекраснаго свѣтло-желтаго оттѣнка, обычно безъ примѣси другого цвѣта. Сплошь черный хвостъ дикаго яка достаточной длины и объема продается по очень высокой цѣнѣ въ Китаѣ и Индіи въ качествѣ опахалъ[1].

Благодаря тому обстоятельству, что дикій якъ большую часть времени карабкается по горамъ, его копыта спеціально приспособлены для этой цѣли и, нерѣдко не уступая по размѣрамъ верблюжьимъ лапамъ, доходятъ до 18 дюймовъ въ окружности. Два цѣпкихъ пальца впереди могутъ крѣпко хвататься за скалистые выступы; позади ихъ расположены самыя копыта, обычно не касающіяся земли, но при случаѣ дающія лишнюю опору на льду и скользкихъ крутыхъ скалахъ.

Языкъ яка—весьма внушительныхъ размѣровъ, снабженный настоящими роговыми наростами, точно зубчатыми крючьями, обращенными въ сторону глотки. Эти крючья необходимы для раздиранія и разжевыванія грубой проволоковидной травы—верблюжьяго терна, лишаевъ, мховъ и грубаго астрагала, составляющихъ излюбленную пищу животнаго, который, странно сказать, не ѣстъ зерна, обыкновеннаго ячменя или „грим", хотя большой охотникъ до сѣна, или мягкой травы, гдѣ они только имѣются[2].

Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, якъ съ чрезвычайной легкостью и увѣренностью карабкается по каменистымъ горамъ и проходитъ черезъ самыя скользкія мѣста, покрытыя льдомъ; этимъ качествомъ обладаетъ и домашній якъ, который въ этомъ отношеніи является незамѣнимымъ вьючнымъ животнымъ[3].

За дикимъ якомъ усердно охотятся тибетцы—док-па Центральнаго Тибета, которые для этой цѣли поднимаются по Бжянъ-т'ану до 34° и даже 35° с. ш. Охота на яковъ составляетъ также профессіональное занятіе обитателей сѣверо-восточнаго Тибета и округа Си-нинъ фу, при чемъ продукты охоты посылаются въ Ша чжоу и Си-нинъ. Съ другой стороны охотники таглыки съ Лобнора снабжаютъ тѣми же продуктами Черчен и Хотанъ.

Приманкою для охотника у дикаго яка служитъ шкура, рога, мясо, жиръ и волосъ.

Изъ выдѣланной кожи со спины дикаго яка, отличающейся чрезвычайной плотностью и прочностью, кожевенники Дерге и Лха-

сы фабрикуютъ пользующіяся большой извѣстностью сѣдла и сбрую; изъ невыдѣланной кожи дѣлаются лодки.

Изъ роговъ дѣлаются между прочимъ кубки, изъ которыхъ пьютъ во время парадныхъ пиршествъ или брачныхъ церемоній.

Будучи вычищенъ и расчесанъ, волосъ, отличающійся грубой шелковистостью, служитъ матеріаломъ для изготовленія тканей, изъ коихъ дѣлаются черныя палатки докна и панака. Одѣяла (ч'али или ч'а-ра) ткутся изъ мягкаго подшерстка, растущаго у корней волосъ. Волосъ скупается китайцами на кисти лѣтнихъ шляпъ и знаменъ, при чемъ бѣлый волосъ окрашивается въ свѣтло- и темно-красные цвѣта[1].

Мясо дикаго яка съѣдобно, хотя твердо, какъ резина, возможно благодаря тому обстоятельству, что вода кипитъ на этихъ высотахъ уже при 82° и не даетъ мясу развариться. Языкъ яка считается лакомствомъ[2], а жиръ питательнымъ и удобопереносимымъ съѣстнымъ припасомъ. Капитанъ Вельби указываетъ, что онъ съ Малькольмомъ тщательно сохранялъ каждую каплю перетопленнаго жира въ старыхъ жестянкахъ изъ-подъ какао и ѣлъ кусочки его, точно лакомство.

Охота на яка очень опасна[3], такъ какъ животное очень живуче и падаетъ лишь послѣ 5 или 6 пуль. Невозможно убить яка разомъ, если только не попасть въ сердце; съ раною въ тазовой области онъ проходитъ еще 3 или 4 дня, прежде чѣмъ падетъ; пуля въ лобъ заставитъ его только мотнуть головою и фыркнуть; если пуля попадетъ въ мѣсто, гдѣ причиняетъ ему боль, якъ, какъ бѣшеный, бросается со стремительностью на охотника съ поднятымъ хвостомъ, храпя точно машина высокаго давленія. Въ общемъ очень опасное животное на охотѣ[4].

Хуланы или *дикіе ослы*[5] (по тибетски (р)кянъ; хуланъ—по тюркски и монгольски[6]; научное названіе equus hemionus; тибетская разновидность извѣстна подъ отличнымъ прозваніемъ Asinus Kiang[7]) встрѣчаются стадами до 50 головъ по всему сѣверному Тибету, при чемъ тибетская разновидность дикаго осла представляетъ нѣкоторыя отличія отъ хулана бассейна Тарима и Чжунгаріи. Тибетскій кянъ ростомъ съ мула, на котораго походитъ больше, чѣмъ на осла, со свѣтлорыжей шерстью въ верхнихъ частяхъ туловища, но съ бѣлымъ брюхомъ и ногами[8]. Въ южномъ Тибетѣ

дикіе ослы очень многочисленны[1] въ пустынной полосѣ нагорной равнины между Чумби и долиною Нянъ ч'у (напр. около Туна), а также вокругъ Камба дзона. Тибетцы считаютъ кянъ неукротимыми, хотя они не робки и близко подпускаютъ къ себѣ охотника-европейца, вѣроятно, потому, что тибетцы не трогаютъ ихъ[2]; однако, въ Лхасѣ Уоддель видѣлъ нѣсколько штукъ ихъ (только кобылицъ) ручныхъ на далай-ламскихъ пастбищахъ, при чемъ они не сбрасывали съ себя одѣяла, служившаго имъ попоною, хотя и не позволяли сѣсть на себя. Они были пойманы совсѣмъ молодыми и поднесены въ подарокъ Далай-ламѣ; одинъ изъ этихъ ручныхъ кянъ (другой утонулъ) былъ доставленъ англійской экспедиціей въ Англію королю Эдуарду[3]. Въ общемъ хуланъ очень подвижное животное.

О дикихъ лошадяхъ (equus Przwalskii) въ предѣлахъ географическаго Тибета встрѣчается упоминаніе у Пржевальскаго[4]; число ихъ въ Тибетѣ въ сѣверо-западномъ Цайдамѣ и въ Сертенѣ невелико, т. к. главный раіонъ ихъ распространенія—Чжунгарская и Лобнорская пустыни.

Антилопы, которыхъ въ сѣверномъ Тибетѣ особенно много[5], принадлежатъ къ пяти различнымъ видамъ, изъ которыхъ два—Оронго и Ада (меньше ростомъ) имѣютъ наибольшее число представителей; антилопы оронго въ особенности излюбили мѣстность между хребтами Марко Поло и Гурбунайдзи[6]. У тюрковъ антилопы извѣстны подъ общимъ наименованіемъ кюк, у тибетцевъ— цод (гцод), (г)цо или гоба (гоа)[7]. Антилопы различныхъ видовъ изобилуютъ въ области истоковъ Хуанъ хэ, гдѣ за ними усердно охотятся[8] тибетцы ради ихъ роговъ, признаваемыхъ китайской медициною въ качествѣ наиболѣе укрѣпляющаго средства[9]. Въ этомъ отношеніи участь антилопы раздѣляетъ и *олень* (бѣломордый маралъ Cervus albirostris[10]); его рога, нерѣдко достигающіе огромныхъ размѣровъ (какъ напр. пріобрѣтенные Уодделемъ въ долинѣ Цзанъ-по) отправляются изъ Бжянъ-т'ана на продажу въ Лхасу и на югъ.

Дикій двугорбый верблюдъ (н'а-ргіод по тиб.), такъ часто попадающійся въ Чжунгаріи, въ бассейнѣ Тарима и около Лобнора, былъ открытъ Гединомъ и на сѣверѣ Тибета, въ Цайдамѣ (именно въ области Сертен). По разсказамъ, онъ встрѣчается и на сѣверъ отъ Лхасы— въ Нагчука[11].

Изъ трехъ группъ съ 16 разновидностями дикихъ *горныхъ барановъ*, характерныхъ для различныхъ областей Центральной Азіи—1) ovis polii (правильнѣе poli)[1] на Памирѣ и Тяньшанѣ, также въ западной половинѣ южнаго Тибета, 2) ovis hodgsonii въ Гималаяхъ и прилегающихъ частяхъ южнаго Тибета (между прочимъ близъ К'амба дзона; баранъ бываетъ 4 фута ростомъ въ плечахъ; массивные рога, въ отличіе отъ ovis polii, не загнуты въ совершенный кругъ; въ общемъ ovis Hodgsonii родственепъ слѣдующему виду), и 3) ovis ammon— настоящій аргали[2] въ Алтаѣ и всей восточной половинѣ Центральной Азіи,—въ сѣверномъ Тибетѣ встрѣчается лишь каменный баранъ ovis Argalis (Аркар) съ бѣлой грудью, принадлежащій къ третьей изъ названныхъ группъ, въ Наньшанѣ и нѣсколько отличный видъ (ovis Hodgsonii) въ среднемъ Куэнь-лунѣ[3]. Промежуточное мѣсто между бараномъ и горнымъ козломъ занимаетъ кукуяманъ (синій баранъ) въ сѣверномъ Тибетѣ и въ среднемъ Куэнь-лунѣ[4]. Научное имя кукуямана—ovis nahura, тибетское— нао или нао (пиш. гна'-но). Въ южномъ Тибетѣ кукуяманы извѣстны подъ индускимъ именемъ барала. Кукуяманы замѣчательно ловко карабкаются на самыя крутыя горы.

Мускусный олень, или кабарга (Moschus moschiferus)[5] не заходитъ такъ далеко на сѣверъ и не встрѣчается въ Бжянъ-т'анѣ, хотя попадается въ область Наньшаня; главный же раіонъ его распространенія—восточный и юго-восточный Тибетъ, по всѣмъ болѣе низкимъ возвышенностямъ; въ особенности онъ многочисленепъ около Лхасы. Объ этомъ любопытномъ животномъ будетъ сказано подробнѣе при описаніи фауны южнаго Тибета.

Таковы болѣе значительныя копытныя животныя сѣвернаго Тибета, отчасти вмѣстѣ съ Наньшанемъ, который имѣетъ общими съ Тибета яка, бѣломордаго марала и аркара, помимо представителей пернатаго царства.

Изъ болѣе мелкихъ животныхъ и грызуновъ сѣвернаго Тибета слѣдуетъ назвать *зайцевъ* нѣсколькихъ видовъ (ригонъ или рибонъ по тибетски)[6], встрѣчающихся до высоты въ 5,180 м.; затѣмъ *сурковъ*, поднимающихся на горы до 4,800 метровъ[7] и, наконецъ, *пищуху* (Lagomys) безхвостаго кролика, по тибетски чипи[8], принадлежащую къ числу наиболѣе характерныхъ животныхъ центральной Азіи и устраивающую на луговыхъ и галечныхъ ровныхъ нагорныхъ

пространствахъ на высоту до 5,000 м. обширные подземные ходы и норы. Этотъ своеобразный звѣрекъ отличается крайней плодовитостью, и только дожди мѣшаютъ его размноженію[1]. Особый видъ тибетскаго медвѣдя (тре-монъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ и Амдо) получилъ въ научной терминологіи имя медвѣдя—пищухоѣда, такъ какъ пищуха составляетъ его обычное пропитаніе, а ловля ея—постоянное занятіе. Широкое распространеніе пищухи по всему сѣверо-восточному Тибету (въ Цайдамѣ, Одон-тала и т. д.) дало поводъ къ многочисленнымъ замѣткамъ относительно образа жизни и вообще для описанія звѣрька у Пржевальскаго[2], Козлова[3] и другихъ.

Изъ хищниковъ въ сѣверномъ Тибетѣ встрѣчаются: упомянутый уже *медвѣдь-пищухоѣдъ* (Ursus lagomyarius), величиною съ большую собаку; онъ былъ открытъ и описанъ Пржевальскимъ[4]; онъ темно-коричневаго, почти чернаго цвѣта. Наинъ Сингъ (1872 г.) разсказывалъ о медвѣдѣ съ бѣлой шерстью, который производитъ большія опустошенія среди стадъ близъ перевала К'аламба близъ Тенгри нора. Въ восточномъ Тибетѣ водятся другіе виды медвѣдей болѣе крупныхъ размѣровъ.

Желтовато-бѣлый тибетскій *волкъ* чанъ-ко (canis Eckloni), трусливый и нахальный хоришка[5], похожій на него альпійскій волкъ[6], и *лисица* (ва)[7] живутъ по склонамъ средняго Куэнь-луня и Наньшаня; волкъ иногда показывается въ Бжянъ-т'анѣ. Степная лисица (корсакъ) встрѣчается на безлѣсныхъ равнинахъ сѣверо-восточнаго Тибета; изъ двухъ открытыхъ во время путешествій Пржевальскаго рысей, одна (Lynchus unicolor) живетъ въ Тибетѣ; имѣются еще шакалы (кярсы), дикія собаки и кошки, но лишь въ восточномъ Тибетѣ, насколько пока извѣстно.

Всѣ тибетскіе хищники, какъ четвероногіе, такъ и пернатые, которыхъ чуть ли не больше, чѣмъ первыхъ, отличаются крайней назойливостью и дерзостью[8].

По сравненію съ числомъ четвероногихъ животныхъ, *пернатое царство* представлено въ сѣверномъ Тибетѣ весьма бѣдно, за исключеніемъ областей Цайдама, Кукунора и сѣверо-восточной части области средняго Куэнь-луня: Наньшаня и области верхняго теченія Хуанъ хэ.

Въ безплодныхъ высокихъ пустынныхъ нагорьяхъ Каракорума, Куэнь-луня и Бжянъ-т'ана путешественникъ никогда не слышитъ

нѣнія птицъ, столь оживляющаго южные склоны Гималаевъ; почти единственными пернатыми являются хищныя птицы, какъ-то *снѣжные грифы* (Gyps nivicola) [1] съ розмахомъ крыльевъ свыше 10 фут., свободно перелетающіе черезъ самые высокіе перевалы, рѣже орлы (каменные и ягнятники), коршуны и нѣкот. другія. Богатую пищу грифамъ доставляютъ трупы павшихъ дикихъ животныхъ. Вороны попадаются всюду, снѣжная куропатка—на берегахъ Намц'о [2].

Въ болѣе низкихъ частяхъ сѣверо-восточнаго Тибета число птицъ значительно возростаетъ, начиная со снѣжнаго зяблика и кончая бульдурукомъ—очень характерной для всей внутренней Азіи птицей [3]. По берегамъ озера и болотъ Цайдама и Кукенора встрѣчаются во множествѣ водяная птица какъ мѣстная, такъ и пролетная—кулики, журавли, цапли, утки, гуси (на берегахъ Кукенора попадается цѣлыми стадами красивый гусь Anser indicus). Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, только нѣсколько выше и въ Наньшанѣ, путешественникъ находитъ фазана (по верхней Хуанъ хэ ушастаго фазана [4]), большую скалистую куропатку (Megaloperdrix tibetanus—уларъ) [5], бульдурука, перепела, сѣрую курапатку, не мало другихъ полевыхъ и лѣсныхъ птицъ (жаворонка, вьюрка, сойку), но также и хищниковъ въ родѣ бородатаго ягнятника, коршуна, снѣжнаго грифа. Путемъ черезъ восточный Тибетъ и Кукеноръ слѣдуютъ на сѣверъ изъ Индіи перелетныя птицы, избѣгая негостепріимный Бжянъ-т'анъ; другой путь ихъ лежитъ черезъ Гиндукушъ, Памиръ, Арало-Каспійскую низменность, опять таки минуя Бжянъ-т'анъ [6].

Пресмыкающіяся (ящерицы и рѣже змѣи) встрѣчаются въ сѣверномъ Тибетѣ до 4,630 м. (на Гималаяхъ до 4,700 м.), т. е. въ значительно меньшей части области, ящерицы чаще всего въ сухихъ мѣстностяхъ. Еще рѣже на Бжянъ-танѣ рыба и насѣкомыя; напротивъ, въ Цайдамѣ комары и москиты составляютъ зло, отъ котораго скотъ угоняется лѣтомъ въ горы. Рыбою богатъ Кукеноръ и верхнія теченія рѣки до высоты 4,570 м. [7]; мѣстные монголы сбываютъ ее въ Донкыр и Си-нинъ [8]. Въ соленыхъ озерахъ южной окраины Бжянъ-т'ана рыба встрѣчается, по свидѣтельству Наинъ Синга, изъ породы лососей; количество ея измѣняется въ зависимости отъ измѣненія содержанія соли въ водѣ [9]. Озеро Намцо (Тенгриноръ) содержитъ много рыбы, какъ и верхнее теченіе Меконга, гдѣ де Рэнсъ удилъ рыбу (форелей) на высотѣ 4,500 м. [10], но рыба въ этихъ мѣс-

тахъ мало цѣнится населеніемъ и не составляетъ для него источника дохода, какъ, напримѣръ, въ южномъ Тибетѣ.

Въ обитаемой юго-восточной части Бжянъ-т'ана (Гжя-де) Рокгиль не встрѣтилъ ни одного зайца и вообще никакой другой дичи, кромѣ дикихъ ословъ въ небольшомъ числѣ; птицъ было тоже очень мало (только дикіе голуби)[1]. Впрочемъ, Рокгилю говорили, начиная съ Сонъ-цянъ сум-до, что мускусные олени очень многочисленны въ горахъ, и предлагали на продажу мускусъ по 5 таелей за унцію[2].

2) Фауна южнаго Тибета.

Южный, а еще въ большей мѣрѣ, юго-восточный Тибетъ, какъ указывалось выше, представляетъ мѣстами не малыя отличія въ зоологическомъ отношеніи не только по сравненію съ Бжянъ-т'анъ, но и съ низколежащими мѣстностями сѣверо-восточнаго Тибета, будучи расположенъ на границѣ между палеарктическимъ зоологическимъ поясомъ (обнимающимъ, по дѣленію Wallace, Азію на сѣверъ отъ Гималаевъ) и восточнымъ поясомъ (Индія, южный Китай, Бирма, Индо-малайскій полуостровъ), при чемъ нѣкоторыя животныя восточнаго пояса, въ особенности его индо-китайской окраины, поднимаются въ южный и юго-восточный Тибетъ на высоту до 10,000 ф., въ добавленіе къ перелетнымъ птицамъ[3].

Что касается вертикальнаго распредѣленія животныхъ, то южный и юго-восточный Тибетъ по климату могутъ быть разбиты на умѣренный поясъ, включая Лхасу и Шихацзе, 9—12 тысячъ футовъ, подъ-арктическій, вплоть до границы деревьевъ отъ 12,500 до 16,000 ф., и арктическій, свыше 16,000 ф. Каждому поясу соотвѣтствуетъ особый зоологическій міръ, приближающійся, въ зависимости отъ возвышенія, къ животнымъ и птицамъ сѣвернаго Тибета или индо-китайскаго полуострова.

Болѣе подробныя и цѣнныя свѣдѣнія относительно фауны указанныхъ южныхъ частей Тибета приводятся въ приложеніяхъ къ описаніямъ отдѣльныхъ участниковъ „англійской миссіи" 1904 года Уодделя[4], Лэндона[5], и Роулинга[6], хотя обстоятельства, при которыхъ совершался походъ англійскаго отряда, не позволяли производить разностороннихъ и регулярныхъ наблюденій надъ естественной исторіей пройденной страны благодаря тому, что членамъ эк-

спедиціи было воспрещено, во избѣжаніе столкновеній съ тибетцами, удаляться отъ лагерныхъ стоянокъ или во время пути отъ главной линіи движенія отряда.

Начиная съ долины Чумби, которую Уоддель принимаетъ за исходную точку обзора зоологическаго міра южнаго Тибета, какъ область, лежащую въ нижнемъ умѣренномъ поясѣ, т. е. до 12 тысячъ футовъ, путешественникъ встрѣчаетъ фазана трагопанъ въ лѣсахъ сосны и пиренейскаго багульника (альпійскаго розоваго дерева), кроваваго фазана среди зеленоватыхъ скалъ, покрытыхъ лишайниниками, и фазана монал (munal—Lopophorus impeyanus) въ горахъ [1]. На лугахъ Линъ-мо (11,200 ф.) попадаются повсюду снѣжные голуби и скалистыя синія курочки, отдѣльными экземплярами—болотистые кулики, водяныя птицы и вальдшнепы; въ лѣсахъ же бродитъ большой тибетскій олень шао [2], а въ верхнихъ холмахъ—мускусный олень [3].

Мускусный олень, по описанію Гукера [4], красивое сѣрое [5] животное, величиною съ козулю [6], на которую нѣсколько походитъ видомъ, съ грубой [7] шерстью, короткими рогами и двумя выдающимися изъ верхней челюсти клыками [8], при помощи которыхъ, по словамъ бутійцевъ, олень вырываетъ изъ земли ароматичные корни, будто бы придающіе самый специфическій запахъ мускусу, помѣщающемуся въ мѣшкѣ [9], близъ паха самца. Однако, Гукеръ сильно сомнѣвается въ этомъ разсказѣ, такъ какъ животное никогда не посѣщаетъ тѣхъ возвышенныхъ мѣстностей, гдѣ водятся указанные корни (до 17,000 ф.; поясъ же распространенія мускуснаго оленя—8—13 тыс. футовъ [10]). Мясо самца и самки весьма вкусно, нѣжно и сладко, лучше всякой другой индійской дичи [11].

Мускусный мѣшокъ (желѣза) у тибетскаго вида оленя часто бываетъ, какъ говоритъ Сандбергъ [12], не больше крупнаго куринаго яйца, у сибирскаго же вида въ полтора раза больше; у Moschus altaicus, напротивъ, меньше и имѣетъ форму шарика, покрытаго желтыми волосами. У очень молодого животнаго мѣшокъ совершенно пустъ; у стараго же и дряхлаго оленя содержитъ мало и притомъ очень слабаго мускуса. Впрочемъ, и самый крупный и хорошій мѣшокъ даетъ едва 1/2 унціи чистаго мускуса, обычно же 1/3 унціи. Путешественникъ Тавернье (XVII ст.) упоминаетъ во время одного изъ путешествій въ Патну о покупкѣ имъ 1,663 мус-

кусныхъ мѣшковъ[1], вѣсомъ 1,557½ унціи, но содержавшихъ чистаго мускуса только 452 унціи (эти цифры также указываютъ на чрезвычайные размѣры истребленія животнаго въ то время). Во время течки отдѣленіе мускуса сильнѣе по запаху и обильнѣе; въ общемъ запахъ мускуса у тибетскаго вида оленя сильнѣе, нежели у болѣе сѣвернаго сибирскаго вида. Въ свѣжемъ состояніи мускусъ имѣетъ густоту экстракта и красновато-коричневый цвѣтъ, и столь сильный запахъ, что охотникъ съ трудомъ можетъ выдержать его. Послѣ сушки запахъ ослабѣваетъ, и самъ мускусъ получаетъ разсыпчатый зернистый видъ и темно-коричневый цвѣтъ. Въ Сибири охота на оленя ведется весною и лѣтомъ; въ Тибетѣ охота разрѣшается правительствомъ лишь въ извѣстное время года, и полученныя железы снабжаются казеннымъ клеймомъ.

Послѣ тщательнаго удаленія оболочки остается чистый мускусъ, плотное вещество изъ зеренъ различной величины, мягкое и маслянистое на ощупь, красновато-коричневаго цвѣта, нерѣдко съ примѣсью волоса со внутренней стороны оболочки мѣшка. Вкусъ горьковатый, ѣдкій, непріятный, отчасти вяжущій. Запахъ сильно специфиченъ, очень продолжителенъ и чрезвычайно летучъ. Одно зерно способно замѣтно насыщать воздухъ большого помѣщенія въ теченіе многихъ лѣтъ, не уменьшаясь почти въ вѣсѣ. Одна часть мускуса сообщаетъ запахъ 3,000 частямъ непахучаго порошка. Благодаря этому мускусъ долженъ сохраняться въ стеклянныхъ банкахъ съ притертой пробкою, въ мѣстѣ не слишкомъ сухомъ, но и не влажномъ. Химическій составъ и свойства мускуса разбираются у Сандберга[2].

Понынѣ мускусомъ пользуются въ Тибетѣ и Монголіи, какъ раньше въ Европѣ[3], въ качествѣ средства противъ водобоязни, которую онъ будто бы излечиваетъ, или, по крайней мѣрѣ, облегчаетъ. Мускусъ дѣйствуетъ сильно на головной и спинной мозгъ и нервные центры, поэтому употреблялся раньше въ небольшихъ дозахъ противъ истеріи и эпилепсіи[4].

За послѣдніе 30 лѣтъ спросъ на мускусъ сильно сократился въ Европѣ; въ Англіи онъ шелъ прежде на приготовленіе духовъ, теперь же совсѣмъ мало, хотя цѣны на чистый мускусъ стоятъ еще высоко (въ 1905 г. въ Лондонѣ 8 ф. 12 шилл. за унцію[5]). Понынѣ мускусъ употребляется въ качествѣ лекарства и въ парфюмер-

номъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и Польши [1]. Въ Китаѣ [2] и вообще восточныхъ странахъ, включая сѣверную Африку и Египетъ, спросъ на него продолжается [3].

Въ верхней части долины Чумби—въ Пари дзонѣ—выше границы лѣсовъ, въ холмахъ на высотѣ 14,500 ф., встрѣчаются, по наблюденіямъ Уодделя, стада голубыхъ овецъ (нао, или баралъ по инд.) [4], иногда въ небольшомъ числѣ гигантскія овцы—Ovis Hodgsonii [5]; на равнинѣ и въ ложбинахъ газели—гава или гоа, которыя въ началѣ очень легко подпускали къ себѣ охотниковъ изъ англійскаго лагеря [6].

На тибетскомъ плато отъ Туна до Гжянъ-цзе и затѣмъ до Лхасы (14,950 ф., 13,200 ф. и 12,900 ф.) попадались многочисленныя газели, зайцы, покрытыя шерстью, тибетскія куропатки, водяныя птицы (на берегахъ Кала цо и Рам цо), песчаный тетеревъ, иногда одиночныя рыси Felis Isabellina („іи" по тиб., пиш. дбіи [7]) и лисицы; близъ снѣжной линіи встрѣчались лишь баралы (въ холмахъ оз. Ямдок), Ovis Hodgsonii, снѣжныя куропатки, рѣже мускусный олень [8] и снѣжный леопардъ (Felix uncia—дзика по тиб.) [9]. Въ различныхъ мѣстностяхъ, по пути экспедиціи, встрѣчались еще слѣдующіе виды млекопитающихся, кромѣ уже указанныхъ: изъ хищныхъ—*волкъ* (чанъ-го Canis laniger [10]) попадается на плато рѣдко; *выдра* (чурам, пиш. чу-срам), одну видѣли на берегу Цзанъпо, другую—въ Пари на берету ручья; два вида *лисицъ*—Vulpes flavescens около Пари [11] и V. ferralatus, меньшихъ размѣровъ и съ болѣе короткимъ хвостомъ [12], на пути экспедиціи отъ Гжянъ-цзе до Лхасы. *Енотъ*—ваг-донъ-кар [13] (или лисица съ бѣлымъ лицомъ [14]) встрѣчается въ долинѣ Чумби выше 9,000 ф., также въ Сиккимѣ и Ботанѣ; *шакалы*, по разсказамъ, составляли прежде бичъ на кладбищахъ вокругъ Лхасы, но не попадались на пути экспедиціи. *Ласка*—шуб-цзи [15] Putorius alpinus—была замѣчена въ Гжянъ-цзе. Изъ *медвѣдей* черный горный медвѣдь (Ursus tibetanus pruinosus—том) обыченъ въ холмахъ близъ Чумби; коричневый медвѣдь (U. arctus)—демо, или миде—человѣкъ-чертъ водится въ горныхъ лѣсахъ выше 12,000 ф. *Сурокъ* (Arctomys himalayanus)—Абра и Гомчен (отшельникъ)—крупный видъ (почти 2 фута въ длину) съ короткимъ хвостомъ наблюдался иногда вмѣстѣ съ норами близъ снѣжной линіи (его свистъ слышался, однако, чаще, чѣмъ показы-

валось само животное); онъ величиною съ пуделя и называется туземцами дикой собакою; издаетъ крайне зловонный запахъ и потому его мяса не ѣдятъ, зато его жиръ цѣнится какъ наружное средство отъ ревматизма [1]. *Пищуха* (небольшой безхвостый звѣрекъ, ростомъ съ небольшую крысу, съ закругленными ушами) не менѣе обычна на плато южнаго Тибета, чѣмъ на нагорныхъ равнинахъ сѣвернаго [2].

Взамѣнъ бѣломордаго оленя сѣверо-восточнаго Тибета, южный Тибетъ имѣетъ достойнаго представителя того же семейства—большого тибетскаго оленя—шао (Cervus affinis); до англійской экспедиціи никто изъ европейцевъ не видѣлъ этого оленя на волѣ, хотя Дегодинъ и указалъ на присутствіе его близъ Да-цзянь лу; майоръ Дэнлопъ первый застрѣлилъ въ 1904 г., красивый экземпляръ этого оленя въ Чумби. Районъ его распространенія простирается отъ долины Чумби (Сандбергъ указываетъ еще Пуранъ) на востокъ вдоль верхнихъ долинъ Ботана до тибетской границы Китая. Онъ держится въ значительномъ числѣ въ долинѣ Чумби внѣ густой чащи на открытыхъ горныхъ долинахъ выше 10,000 ф. среди рѣдкаго лѣса и альпійскихъ луговъ. Его шерсть грубая и толстая, почти какъ у мускуснаго оленя. Головы его, продаваемыя въ Лхасѣ [3], имѣютъ на рогахъ огромные глазные отростки (всего отростковъ на каждомъ рогѣ пять) и идутъ изъ Ботана и нижней Цзанъ-по. Ранѣе этотъ олень былъ извѣстенъ подъ именемъ Сиккимскаго, такъ какъ его рога поступали на продажу въ Сиккимъ, хотя самъ олень тамъ не встрѣчается [4].

Гукеръ встрѣтилъ на западѣ отъ Туна антилопу чиру [5], о которой мѣстнымъ жителямъ, однако, нынѣ ничего не извѣстно [6]; ея рога употребляются иногда тибетскими солдатами въ качествѣ рогатокъ для установки мушкетовъ.

Внутри всей необработанной высокой равнинной полосы между Туна и долиною Нянъ ч'у очень многочисленны стада дикихъ ословъ—кянъ [7], о которыхъ сообщалось выше при описаніи фауны Сѣвернаго Тибета.

Птицы въ южномъ Тибетѣ мѣстами не менѣе многочисленны, чѣмъ въ наиболѣе богатыхъ ими частяхъ Наньшаня и восточнаго Тибета. Помимо перелетныхъ птицъ, проводящихъ лѣто въ Тибетѣ, въ томъ числѣ многочисленныхъ утокъ (дам-ча) и гусей изъ Индіи (напр. anser indicus), Уоддель упоминаетъ [8] изъ постоянныхъ пер-

натыхъ обитателей страны на первомъ мѣстѣ о *бородатомъ ягнятникѣ* (gypaetus barbatus—глаг-по) съ размахомъ крыльевъ въ 9 ф.; эта сильная птица, парившая постоянно въ воздухѣ на огромной высотѣ, составляла замѣтную черту ландшафта на всемъ пути экспедиціи до Лхасы[1]. Ягнятникъ и *большой грифъ* (gyps Himalayensis—год или чжа-год[2]) обычно кормились трупами вьючныхъ яковъ экспедиціи, устилавшихъ весь путь ея черезъ Дангъ ла[3]. Изъ другихъ хищныхъ птицъ Уоддель называетъ для Гжянъ-цзе и Лхассы морского орла Палласа, нѣсколько видовъ соколовъ, коршуновъ и совъ[4].

Изъ нехищныхъ птицъ встрѣчались повсемѣстно въ болѣе низкихъ долинахъ ласточки, зимородки, удоды, тибетскія сороки (въ предѣлахъ пояса лѣсовъ), галки (выше 10,000 ф.), вороны— Corvis corax (улак по тибетски въ подражаніе ихъ крику), наиболѣе распространенныя изъ птицъ, встрѣчавшіяся на самыхъ высокихъ перевалахъ; онѣ же являлись обычными мусорщиками въ лагеряхъ и деревняхъ и оказались очень ручными[5].

Пѣвчія птицы попадались сравнительно часто: жаворонки (рогатый—на самыхъ высокихъ нагорьяхъ; обыкновенный—на меньшемъ возвышеніи), пересмѣшники (въ долинѣ Цзанъ-по два новыхъ вида, описанныхъ у Уодделя[6]), малиновки (въ рощахъ ивы), зяблики снигири и другія мелкія пташки[7]. Голубиное семейство было представлено на болѣе высокихъ плато и близъ селеній гималайскимъ синимъ голубемъ (Columba rupestris), въ болѣе низкихъ оврагахъ— т. н. снѣжнымъ голубемъ (Columba leuconota).

Пернатая дичь южнаго Тибета насчитываетъ три вида фазановъ (изъ нихъ кровавый—семо—названъ такъ за крупныя ярко-пунцовыя пятна на блѣднозеленой грудкѣ у самца); снѣжнаго пѣтуха (Tetraogallus tibetanus—рак-па,) обычно на высотѣ свыше 15,000 ф. на обнаженныхъ нагорьяхъ, иногда тамъ же снѣжная куропатка (Lerva nivicola). Обыкновенная куропатка весьма многочисленна въ оврагахъ по краямъ плато; песчаный тетеревъ (Syrrhaptes tibetanus) наблюдался въ долинѣ Гжянъ-цзе и по берегамъ Кала ц'о. Кулики, бекасы и прочія болотныя птицы изобилуютъ на болотахъ вокругъ Лхасы и по берегамъ озеръ, какъ и утки[8] и гуси большинства видовъ, зимующихъ въ Индіи[9]; большія стада гусей пролетали въ апрѣлѣ черезъ Гжянъ-цзе, видимо направляясь

къ Тэнгри нору (небольшое количество яицъ дикихъ гусей продавалось въ Лхасѣ). Лебедей не было видно, но, по словамъ мѣстныхъ жителей, бываютъ отдѣльные посѣтители и среди нихъ. Аистъ наблюдался въ Лхасѣ [1].

Въ качествѣ комнатныхъ птицъ въ Лхасѣ держатъ главнымъ образомъ жаворонковъ, зябликовъ и горлицъ.

Относительно нахожденія (не ядовитыхъ) змѣй не было получено достовѣрныхъ свѣдѣній; по словамъ тибетцевъ, онѣ встрѣчаются по сосѣдству съ теплыми источниками; водяныя ящерицы попадались Уодделю въ окрестностяхъ Лхасы, простыя ящерицы—въ долинѣ Лхасы [2]. Лягушки принадлежатъ къ хорошо извѣстному виду Rana Pleskei и очень многочисленны [3]. Земноводныя не были найдены зоологами экспедиціи [4].

Озера Ямдок, Кала и окрестныя рѣчныя воды южнаго Тибета и долины Чумаби изобилуютъ рыбою (отъ 1|2 до 2 фунтовъ вѣсомъ) [5]; изъ карповъ Ямдок цо одинъ оказался новымъ видомъ Gymnocypris Waddeli [6]; этотъ видъ относится къ тому же семейству, которое было найдено русскими изслѣдователями въ сѣверо-западномъ Тибетѣ, а не къ особому семейству, какъ можно было бы предполагать въ виду давнишней изолированности озера. Способы ловли рыбы тибетцами были перечислены на стр. 83; употребляется также удочка съ приманкою изъ ячменной муки.

Рыба изъ Кала ц'о солится, очищается отъ внутренностей, разрѣзается пополамъ и сушится на солнцѣ, послѣ чего отправляется въ Пари или другія мѣста на продажу. Каждый домъ въ селеніи Чала (въ 2 миляхъ выше Кала ц'о) имѣетъ большой запасъ рыбы, издающей сильный запахъ. Въ Цзанъ-по и въ рѣкахъ и каналахъ Лхасы ловится крупный видъ рыбы до 4 ф. вѣсомъ, крайне отталкивающей внѣшности, съ плоской головою и длинными усами, идущими ото рта; мясо этой рыбы, однако, весьма вкусно [7].

Изъ насѣкомыхъ пять или шесть видовъ дневныхъ и ночныхъ бабочекъ обычны на плато; во всѣхъ канавахъ въ долинахъ попадались стрекозы блестящей окраски, затѣмъ божьи коровки; существуетъ также нѣсколько видовъ пауковъ и муравьевъ. Большіе черные москиты составляли бичъ въ Лхасѣ, благодаря обширнымъ болотамъ и топямъ, хотя въ другихъ мѣстахъ они совсѣмъ не давали замѣчать себя. Ниже послѣдняго города Уоддель нашелъ чернаго

скорпіона (Scorpio hardwickii [1]); родъ стоножки попался ему въ долинѣ Цзанъ-по.

Благодаря своимъ нечистоплотнымъ привычкамъ тибетцы носятъ на собственной особѣ весьма богатую фауну паразитовъ всѣхъ извѣстныхъ типовъ.

3) Фауна западнаго Тибета.

Относительно фауны западнаго Тибета имѣются очень ограниченныя свѣдѣнія [2], заставляющія, однако, предполагать меньшее развитіе здѣсь животной жизни, чѣмъ въ сѣверномъ Тибетѣ, на который область походитъ по физическому характеру. Нѣкоторыя указанія по этому предмету даютъ и наблюденія экспедиціи Роулинга 1904 г. и Шерринга 1905 г. (см. обзоръ путешествій въ I выпускѣ), а также по аналогіи физическихъ свойствъ западнаго Тибета съ таковыми же мѣстности вдоль сѣверной окраины Гималаевъ на пути экспедиціи 1904 г., характеристика фауны страны около Данъ-ла (на пути изъ Пари въ Туна), сдѣланная Уодделемъ [3]. Изъ наблюденій прежнихъ путешественниковъ можно привести замѣчаніе Р. Стрэчи [4] о широкомъ распространеніи дикихъ ословъ на открытой равнинѣ Гуге, простирающейся почти до Ракас тала [5], благодаря чему самый пейзажъ кажется неполнымъ безъ этихъ животныхъ. Столь же обыченъ заяцъ (Lepus Oemodius) съ бѣлымъ хвостомъ; встрѣчаются еще леопардъ и волкъ [6]. Къ этой, весьма краткой, характеристикѣ можно прибавить, что Муркрофтъ встрѣтилъ на берегахъ Священныхъ озеръ (4,647 м.) тучи черныхъ комаровъ, за которыми усердно охотилась рыба, похожая на форелей. Этотъ фактъ доказываетъ, что западный Тибетъ не вполнѣ походитъ на сѣверный, хотя бы въ отношеніи насѣкомыхъ [7].

4) Фауна юго-восточнаго и восточнаго Тибета.

Юго-восточный Тибетъ и восточный, начиная съ 32° с. ш., заключаетъ въ своихъ предѣлахъ весьма своеобразную фауну, какъ и флору.

Богатствю и своеобразіе животной и растительной жизни въ указанныхъ частяхъ страны явилось слѣдствіемъ соединенія въ этой области Тибета, примыкающей къ Китаю и Бирмѣ, трехъ единич-

ныхъ по своему характеру физическихъ условій—близости къ тропикамъ, значительнаго возвышенія надъ ур. моря (8—12 тыс. ф.) и влажности климата, выражающейся въ проливныхъ дождяхъ лѣтомъ и глубокихъ снѣгахъ зимою вплоть до 33° с. ш. Въ результатѣ создалось богатство и своеобразіе животной жизни, напоминающія Сиккимъ и Малайскій островной міръ. Наибольшее на земномъ шарѣ, кромѣ Малагаскара, разнообразіе новыхъ видовъ существуетъ какъ-разъ въ юго-восточномъ Тибетѣ, въ поросшихъ лѣсомъ высотахъ и глубокихъ рѣчныхъ долинахъ, выходящихъ къ Юньнани. Полу-тропическія формы уживаются здѣсь рядомъ съ формами палеарктическаго типа, но всѣ онѣ единичны въ отношеніи видовъ, иногда и семействъ. Крупныя и мелкія хищныя животныя, четверорукія, грызуны—всѣ являютъ собою богатство любопытной фауны, доставляющей не мало новыхъ экземпляровъ въ коллекцію каждаго естествоиспытателя, которому только удается проникнуть сюда.

Въ предѣлахъ восточнаго Тибета двѣ мѣстности въ особенности замѣчательны съ естественно-исторической точки зрѣнія—1) округъ, включающій юго-восточную часть области Батана и весь округъ съ тибето-китайскимъ населеніемъ Цзянь-чанъ [1] и 2) мѣстность Мупинъ.

Лѣсъ, роскошная чаща, рѣчныя ущелья и величественныя горныя цѣпи, подпимающіяся до 15,000 фут., составляютъ физическую характеристику перваго округа, имѣющаго среднее возвышеніе 8000 ф. Изслѣдованія Джилля, Бабера и Бонвало, естествоиспытателей Дж. Андерсона и Пратта и обработка ихъ коллекцій учеными Мильне-Эдвардсъ, Бланфордъ, Добсонъ и т. д. дали списокъ 17 видовъ, встрѣчаемыхъ только въ этой мѣстности и нигдѣ болѣе [2].

Округъ (сы) Мупинъ, столь извѣстный зоологамъ благодаря работамъ Давида по собиранію здѣсь коллекцій и по описанію послѣднихъ Мильне-Эдвардсомъ, въ 150 миляхъ на ВСВ. отъ Дарчжедо, является китайскимъ обозначеніемъ для Нан-ч'ен Сбринъ-ва, обычно извѣстнаго тибетцамъ подъ именемъ Друмба или Джумба и занятаго племенемъ си-фань [3]. Отъ Китая его отдѣляетъ снѣжная цѣпь Гжяло Мордо [4]. Среднее возвышеніе мѣстности 9000 ф., климатъ чрезвычайно влажный (дождь или снѣгъ, повидимому, выпадаетъ почти каждый день); несмотря на опустошенія, произведенныя китайскими поселенцами, лѣсной покровъ обиленъ и густъ.

ущелья, поросшія лѣсомъ, среди высокихъ горъ, и явились колыбелью богатой и любопытной флоры и фауны.

Аббатъ Давидъ и Делаве нашли въ юго-восточномъ Тибетѣ (первый въ сѣверной, послѣдній въ южной половинѣ области) не только на 40% своеобразныхъ растеній, но и животный міръ, отличный отъ фауны какъ остальныхъ частей Тибета, такъ и Индо-Китая и прилегающей полосы собственнаго Китая. Такъ, они натолкнулись здѣсь на выхухоль, не встрѣчающуюся въ высоко лежащихъ частяхъ Тибета, замѣчательнаго бѣлаго медвѣдя (Ailuropus melanoleucus—дик-том-па [1]) съ бѣлоснѣжной шерстью и черными ушами, живущаго въ бамбуковой чащѣ и питающагося молодыми бамбуковыми побѣгами; двѣ разновидности обезьянъ—по тибетски теу [2] —Semnopithecus roxellanae до 3000 м. возвышенія надъ ур. моря отъ Ганьсу черезъ Кукуноръ до Индо-Китая, и Macacus tibetanus [3]; китайскую полевую мышь (Rhizomys sinensis)—живущую въ тропикахъ [4], дикую свинью, подобную индійской: Sus mupinensis—п'аго [5]; южно-китайскаго барсука (думпа [6] по тиб.—Meles Leucura) до 3000 м. возвыш.; *китайскаго леопарда* [7], *индо-китайскаго тигра* (по тибетски так [8]). Наконецъ, они же встрѣтили здѣсь гигантскую саламандру—Sieboldia davidiana и земноводную улитку, близкую къ японскимъ видамъ. Словомъ, фауна юго-восточнаго Тибета представляла мало сходства съ фауною южнаго Тибета, не говоря уже о болѣе сѣверныхъ областяхъ страны.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ животныхъ встрѣчаются вмѣстѣ съ другими видами и въ нижней долинѣ Цзанъ-по, откуда ихъ шкуры доставляются на продажу въ Лхасу. Уоддель видѣлъ слѣдующія шкуры на весьма значительномъ мѣховомъ рынкѣ Лхасы: тигра (обыкновеннаго—так); мохнатаго тигра—так-гунъ [9] (Felis scripta въ Мупинѣ и Ц'аронѣ), который, какъ разсказывали Уодделю, водится въ долинахъ восточнаго Тибета; барсука изъ округа Конъ-бу (дешевая и обыкновенная шкура въ Лхасѣ), медвѣдя Ursus pruinosus съ темнокоричневой шерстью и съ бѣлой полосою на шеѣ и на затылкѣ, словомъ, отличнаго отъ вышепоименованнаго бѣлаго медвѣдя Давида, большого оленя шао, антилопы такин [10].

Относительно фауны восточнаго Тибета на сѣверъ отъ 31°20' с. ш., именно, области бассейна верхняго Меконга, довольно под-

робныя свѣдѣнія сообщаются Козловымъ на основаніи собранныхъ коллекцій и наблюденій экспедиціи 1900-1901 гг.

Изъ животныхъ, свойственныхъ этой части страны въ отличіе отъ сѣверо-восточнаго и центральнаго Тибета, Козловъ нашелъ въ округѣ Лхадо еще выдру (по к'амскому прознощенію: саам), довольно обычную въ рѣкахъ [1], камскую летягу (Pteromys melanopterus—тэмзи) [2], джару (джагуръ) или китайскаго ямана (Nemorhoides Khameusis) [3]; среди птицъ—бѣлаго ушастаго фазана [4], зеленаго вэре или франколина [5]; однажды была поймана въ долинѣ Меконга змѣя.

Въ числѣ другихъ млекопитающихся указанной области восточнаго Тибета, общихъ съ сѣвернымъ или южнымъ Тибетомъ, Козловъ называетъ: рысь, куницу, медвѣдя, волка, лисицу, корсака, барсука, сурка, зайца, скалистую пищуху, домовую мышь, марала и кабаргу.

Вышеперечисленныя дикія животныя, несомнѣнно, дѣлаютъ достаточно выгоднымъ въ Тибетѣ ремесло охотника, которымъ не пренебрегаютъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ охота разрѣшается, многіе тибетцы, особенно не имѣющіе достаточнаго для пропитанія количества головъ скота. Въ Лхасѣ, какъ уже говорилось, существуетъ обширный мѣховой рынокъ, гдѣ можно найти, кромѣ шкуръ указанныхъ животныхъ, шкурки *соболей* (буляк [6]—коричневыхъ и золотистокоричневыхъ) и куницъ (де-монъ) [7]. Однако, тибетскіе мѣха уступаютъ по качеству и цѣнности сибирскимъ и монгольскимъ и потому врядъ ли сдѣлаются выгодной статьей внѣшней торговли Тибета въ будущемъ; наиболѣе прибыльной все-жъ является охота на мускуснаго оленя, да на дикаго яка (но уже главнымъ образомъ для потребностей внутренняго рынка). На птицъ же (дикихъ гусей, фазановъ) тибетцы вовсе не любятъ тратить пороха, по свидѣтельству Гренара [8].

5) Фауна Гималаевъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ остановиться вкратцѣ на указаніи главныхъ характерныхъ чертъ фауны Гималаевъ, которая, несомнѣнно, имѣетъ своихъ представителей и въ болѣе низколежащихъ частяхъ южнаго Тибета, какъ доказано, напримѣръ, по отношенію

къ фазанамъ и горнымъ баранамъ. Въ зависимости отъ смѣшенія внутри Гималайской горной области тропической индійской и восточно-азіатской фауны, можно различать въ указанной области три отличныхъ зоологическихъ пояса по направленію съ сѣвера на югъ: 1) центрально-азіатскій на сѣверѣ (якъ, дикіе бараны, пищуха), 2) восточно-азіатскій въ центрѣ, но только до источниковъ Цзанъ-по (фазанъ трагопанъ и енотъ) и 3) южно-азіатскій по южному склону начиная съ 3000 м. высоты, причемъ въ болѣе высокихъ частяхъ этого склона показываются барсъ, выхухоль и своеобразныя животныя юго-восточнаго Китая, а въ глубокихъ низменностяхъ—слоны, попугаи и обезьяны. Въ западныхъ Гималаяхъ, начиная приблизительно съ меридіана истоковъ Цзанъ-по, промежуточнаго восточно-азіатскаго пояса не существуетъ.

Домашнія животныя.

Среди домашнихъ животныхъ, составляющихъ главное богатство (терминъ скотъ и богатство синонимичны у тибетцевъ—нор) и источникъ пропитанія тибетцевъ, наиболѣе характернымъ и извѣстнымъ является якъ (гяг[1] по тибетски быкъ-якъ, (ди) дри-мо корова—якъ; кутисъ по тюркски), наиболѣе же цѣннымъ въ дѣлѣ собственнаго пропитанія и содержанія (особенно одежды)[2] тибетцевъ—овца, такъ что, какъ справедливо замѣчаетъ Гединъ, весь тибетскій народъ живетъ собственно и по преимуществу разведеніемъ овецъ[3], хотя имѣетъ помимо того большія стада и яковъ и козъ.

Домашній якъ является либо прирученнымъ дикимъ якомъ, либо помѣсью послѣдняго съ обыкновенной коровою (быкомъ) или гималайской коровою—зебу[4]. Прирученный дикій якъ сохраняетъ свой свирѣпый нравъ и употребляется единственно въ качествѣ вьючнаго животнаго; мясо и молоко его самки очень вкусны. Помѣсь яка съ обыкновеннной коровою называется дзо (чжо), по монг. хайнок (самка дзомо (чжомо)[5] и отличается большимъ ростомъ и силою, чѣмъ прирученный якъ, но менѣе длинной шерстью и менѣе пушистымъ хвостомъ. Молоко самки дзо очень обильно, по количеству въ четыре раза больше, чѣмъ у простой коровы, или дримо[6], и хорошаго качества[7]; мясо также очень вкусно; поэтому дзомо

является наиболѣе распространеннымъ домашнимъ животнымъ въ Тибетѣ. Будучи болѣе мирнаго нрава и послушнѣе чистокровнаго яка, дзо употребляется въ особенности для полевыхъ работъ[1] и въ качествѣ верховаго животнаго[2] и служитъ предметомъ значительной торговли между востокомъ Тибета, гдѣ производится скрещеніе яка съ обыкновенной коровою, и южными областями страны.

Скрещеніе дзомо[3] съ быкомъ или якомъ даетъ гар[4], который, однако, не служитъ предметомъ разведенія за слабостью; помѣсь самки гар и яка представляетъ новую разновидность, близкую къ дзо, называемую теу[5]; если скрестить самку теу съ якомъ, то получимъ снова яка, или дримо, т. е. вернемся черезъ четыре поколѣнія къ первоначальному виду[6]. Существуетъ также помѣсь яка съ коровою зебу, называемая дзобо (чубу по бутійски)[7], наиболѣе смирное животное, употреблявшееся вмѣстѣ съ якомъ и дримо англійской экспедиціи 1904 г. для перевозки тяжестей, хотя и плохо выносившее трудности перехода черезъ пограничныя горы[8]; дзобо встрѣчается чаще въ сѣверо-западныхъ Гималайскихъ областяхъ.

Домашній якъ и его помѣси естественно имѣютъ болѣе обширный районъ распространенія, чѣмъ дикій якъ; помимо всѣхъ обитаемыхъ областей самаго Тибета, якъ встрѣчается въ качествѣ вьючнаго или рабочаго (на поляхъ) животнаго значительно далѣе на западъ, чѣмъ это обычно предполагается. Онъ въ повседневномъ употребленіи у киргизскихъ обитателей болѣе возвышенныхъ округовъ Или и имѣется въ большинствѣ киргизскихъ селеній на Памирѣ (Свенъ Гединъ указываетъ, что обитатели восточнаго Памира кормятся главнымъ образомъ молокомъ яка и бараниною; онъ же поднялся на спинѣ яка до 20,660 ф. по склону Музтаг-ата[9]). Въ Индійскихъ горныхъ княжествахъ Гималаевъ помѣси домашняго яка разводятся во множествѣ. Въ болѣе высокихъ долинахъ Ботана, Сиккима, Непала, Кунавара, Кулу, Лахул, Спити, Рупчу и Ладака, стада яковъ являются наиболѣе завиднымъ достояніемъ населенія. Въ китайской провинціи Ганьсу склоны Нань-шаня служатъ пастбищемъ для многочисленныхъ стадъ помѣси домашняго яка, и торговое движеніе въ этихъ горахъ между существующими въ нихъ городами совершается главнымъ образомъ на якѣ. Однако, на востокъ отъ Си-нинъ фу якъ рѣдко встрѣчается; его заступаетъ здѣсь въ качествѣ вьючнаго животнаго мулъ. Домашній якъ въ чистомъ видѣ

не уживается въ собственной Монголіи, или на сѣверъ отъ Нань-шаня [1].

Тогда какъ дикій якъ (донъ) всегда бываетъ тёмно-коричневаго, почти чернаго цвѣта, лишь съ нѣсколькими сѣрыми штрихами на шеѣ, домашній якъ вслѣдствіе помѣсей имѣетъ разную масть, при томъ большей частью пеструю—съ черной, бѣлой и даже желтой, красноватой до красной шерстью, впрочемъ, черный цвѣтъ является преобладающимъ у каждаго животнаго [2].

Якъ оказываетъ тибетцамъ самыя разнообразныя и цѣнныя услуги и представляетъ для нихъ цѣлое состояніе, какъ говоритъ Пржевальскій, такъ какъ все отъ него: мясо, шкура, кости, волосъ утилизируется: грубый волосъ идетъ на выдѣлку войлока или толстой черной ткани, служащей для палатокъ [3], или посылается въ Китай для приготовленія кистей; изъ того же матеріала приготовляются глазные зонтики; болѣе тонкій волосъ, или подшерстокъ даетъ болѣе тонкія ткани; кожа выдѣлывается для различныхъ цѣлей и вывозится отчасти за предѣлы страны [4]; изъ костей вывариваетcя клей; даже рога употребляются на различныя подѣлки [5] или даже въ качествѣ строительнаго матеріала [6]; молоко самки, въ особенности дзомо, очень вкусное, вполнѣ схожее съ коровьимъ, особенно цѣнно, такъ какъ выдѣлываемые изъ него продукты—масло и сыръ—играютъ первенствующую роль въ жизни тибетцевъ; не даромъ Гренаръ называетъ Тибетъ страною масла [7].

Корова—якъ рождаетъ одного теленка въ апрѣлѣ; мясо теленка яка питательнѣе и сочнѣе, чѣмъ обыкновеннаго теленка. Мясо же стараго яка разрѣзывается и сушится на солнцѣ, послѣ чего употребляется въ пищу сырымъ; незначительное количество жира не даетъ ему слишкомъ прогоркнуть, благодаря чему Хукеръ нашелъ его вполнѣ съѣдобнымъ; называется оно ша-чук [8].

Высушенный пометъ яка является наиболѣе важнымъ горючимъ матеріаломъ особенно цѣннымъ и почти единственнымъ въ бѣдномъ лѣсами южномъ и, совершенно лишенномъ ихъ, сѣверномъ Тибетѣ; для этой цѣли употребляются и кости животнаго [9].

Яковый пометъ является главнымъ матеріаломъ, употребляемымъ среди тибетцевъ друпа для строительныхъ цѣлей; онъ идетъ 1) на низкія стѣнки вокругъ палатокъ, какъ и въ К'ам-до и 2) на куполообразныя постройки [10] въ 5 ф. вышины и 6 ф. въ діаметрѣ, съ не-

большимъ отверстіемъ съ южной стороны, въ которыхъ хранится сухой пометъ овецъ и яковъ для топлива, а также тѣ изъ домашнихъ вещей, которыя не должны быть подъ рукой [1]. Въ Кукунорѣ яковый пометъ употребляется также на обмазку очаговъ и алтарей, сложенныхъ изъ камней [2].

Благодаря своей вѣрной, хотя и медленной поступи, якъ незамѣнимъ въ качествѣ вьючнаго, рѣже верхового животнаго, по всему Тибету [3], кромѣ наиболѣе высокихъ мѣстностей сѣвернаго Тибета [4].

Въ качествѣ верхового животнаго якомъ пользуются въ особенности ламы, которые находятъ его поступь весьма покойной для себя, а косматую шерсть—весьма теплымъ сидѣніемъ. Въ этомъ случаѣ животное всегда ведется на поводу [5]. Какъ верховое животное, якъ надеженъ, хотя требуетъ большой привычки къ странностямъ своего нрава со стороны всадника, какъ мѣтко обрисовалъ животное Гединъ во время перваго путешествія по центральной Азіи при подъемѣ на Музтаг-ата.

Однако, якъ употребляется гораздо чаще въ качествѣ вьючнаго животнаго, при чемъ обычный торговый караванъ имѣетъ подъ вьюками нѣсколько сотъ яковъ, а большой караванъ, ежегодно путешествующій между Лхасою и Сининомъ, нерѣдко состоитъ изъ 1,500 груженыхъ яковъ. Ловкость и смѣлость животныхъ при переходѣ черезъ загроможденные снѣгомъ перевалы прямо поразительны: они съ легкостью спрыгиваютъ съ высоты 6—8 футовъ, становясь на ноги безъ толчка, несмотря на свою большую тяжесть. Эта ловкость дѣлаетъ яка незамѣнимымъ вьючнымъ животнымъ на тибетскихъ дорогахъ, которыя, особенно въ восточномъ Тибетѣ, представляя обычно узкую крутую тропинку, загроможденную льдомъ или снѣгомъ въ холодное время года и покрытую скользкой грязью въ теплые мѣсяца, пересѣкаемую многочисленными горными ручьями лѣтомъ, идущую нерѣдко по карнизу скалы, нависшей надъ пропастью, или по обрывистому склону среди обломковъ скалъ и глубокихъ рытвинъ, требуютъ особыхъ качествъ устойчивости и надежности отъ вьючнаго животнаго, и этими качествами обладаетъ въ высшей мѣрѣ якъ. Своей большой тяжестью (свыше 30 пудовъ) [6] онъ продавливаетъ ледъ и не скользитъ по нему; огромная длинная масса его туловища на короткихъ ногахъ сообщаетъ животному необыкновен-

ную устойчивость и позволяетъ ему проходить по самымъ опаснымъ мѣстамъ [1].

Якъ не требуетъ за собою никакого ухода, или такой роскоши, какъ конюшня; для него не надо даже брать корма, такъ какъ животное довольствуется небольшимъ количествомъ сухой и жесткой травы, которую само себѣ отыскиваетъ, что очень важно на пустынныхъ дорогахъ, почти лишенныхъ растительности, каковыми является большинство тибетскихъ дорогъ. Къ погодѣ якъ совершенно равнодушенъ благодаря длинной шерсти, только бы было достаточно прохладно. Жаркаго влажнаго климата Индіи животное не переноситъ, поэтому лѣтомъ пасется на южномъ склонѣ Гималаевъ не ниже 7 тыс. футовъ, иначе болѣзнь печени погубитъ его черезъ немного лѣтъ [3].

Якъ избавленъ отъ докучливыхъ насѣкомыхъ потому, что на томъ возвышеніи, гдѣ онъ живетъ, не встрѣчается ни большихъ мухъ, кишечныхъ глистовъ или оводовъ. Онъ любитъ крутые склоны, любитъ корабкаться между скалами и грѣть свою шкуру на обледенѣлыхъ камняхъ, на которыхъ онъ всегда спитъ, если таковые имѣются по близости [3].

Съ другой стороны якъ, какъ вьючное животное, имѣетъ свои отрицательныя качества и при томъ весьма серьезныя. Обладая дикимъ нравомъ, быкъ—якъ въ пути, на бивуакѣ, при пастьбѣ, наровитъ всегда боднуть сосѣда: быка, лошадь, человѣка; особенныхъ драчуновъ не трудно отличить по отпиленнымъ концамъ роговъ. При выступленіи съ бивуака животное расточаетъ силу на безполезные прыжки по сторонамъ отъ дороги, чтобы затѣмъ, высунувъ языкъ и тяжело дыша, еле тащиться, какъ это свойственно яку [4]. Поэтому яки годятся лишь для небольшихъ дневныхъ переходовъ; имъ нельзя довѣрить хрупкихъ или очень тяжелыхъ грузовъ, такъ какъ они не идутъ ровной вереницею, какъ верблюды или лошади, а бѣгутъ безпорядочной кучею, тѣснясь и безпрерывно толкая другъ друга [5]. Въ горахъ съ нимъ не пройти болѣе 13—14 верстъ въ сутки, на ровномъ мѣстѣ—25 верстъ; лошадь же дѣлаетъ вдвое больше, потому и употребляется предпочтительно на равнинахъ, хотя содержаніе ея и стоитъ дороже, и причиняетъ болѣе хлопотъ, чѣмъ прокормленіе яка [6]. Во время англійской экспедиціи каждый якъ несъ 160 анг-

лійскихъ фунтовъ (приблизительно 176 русскихъ фунтовъ) на разстояніи 6 англійскихъ миль въ день[1].

Отрицательныя качества яка, въ роли перевозочнаго животнаго, особенно выступаютъ при сравненіи его съ верблюдомъ, который является обычнымъ вьючнымъ животнымъ по центральной Азіи вплоть до сѣверной окраины восточнаго Тибета или Нагч'у въ центральной части страны. Яки двигаются по горамъ, дѣлая не болѣе 3½ верстъ въ часъ, даже меньше, неся къ тому жъ вдвое меньшую тяжесть (около 5 пудовъ), чѣмъ верблюды; яки же чаще подвергаются повальнымъ болѣзнямъ, почему перевозка на нихъ обходится дороже, чѣмъ на верблюдахъ. Вьючка послѣднихъ производится гораздо спокойнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ яка, который не становится по сигналу на колѣни (почему вьюки должны подниматься высоко отъ земли, для чего нужны лишніе люди), упрямится и вертится, требуя двухъ и болѣе людей, которые бы его держали; въ этой вознѣ вьюки подвергаются большей порчѣ.

Значительно выше въ роли перевозочнаго животнаго стоитъ быкъ—хайнык (дзо), который, будучи болѣе мягкаго нрава, пріучается слѣдовать по тропинкѣ, держась извѣстнаго порядка и такимъ образомъ сберегаетъ силу въ теченіе всего дневного перехода, потому онъ и стоитъ втрое дороже—30 рублей, тогда какъ обыкновеннаго вьючнаго яка можно пріобрѣсти за 10 рублей[2].

Цѣны на яковъ въ другихъ частяхъ страны приблизительно тѣже: стоимость хорошаго вьючнаго молодого яка колеблется между 15 и 20 рупіями въ Наг-ч'у, какъ и въ Джѣкундо[3]; цѣна же яка, предназначеннаго на убой, въ среднемъ не превышаетъ 10—12 рупій[4]; продаются лишь самцы, такъ какъ владѣльцы рѣдко уступаютъ свои дзо-мо (самки дзо) или дримо (самки яка), необходимыхъ для племени и ради молока, поступающаго частью и на продажу.

Якъ, хотя и нечувствителенъ къ снѣгу, льду и колебаніямъ температуры, не можетъ обходиться долго безъ пищи какъ овца[5] и довольно плохо переноситъ каменистый грунтъ сѣвернаго и западнаго Тибета, гдѣ они къ тому же не такъ многочисленны, и потому здѣсь его замѣняетъ овца (баранъ), которая свободно несетъ 8—12 килограмовъ (20—30 фунтовъ) груза, поднимается на самые высокіе перевалы, не испытывая неудобствъ отъ разрѣженнаго воздуха, какъ

и собака, и проходитъ разстоянія до 1600 кил., какъ показалъ опытъ Наинъ-Синга въ 1872 г.

Тибетскій *баранъ* менѣе толстъ, чѣмъ киргизскій, а ладакскій баранъ въ странѣ, бѣдной пастбищами, въ свою очередь меньше восточно—или центрально-тибетскаго барана (Бжянъ-луг сѣвернаго барана[1]). Мясо тибетскаго барана не такъ вкусно, какъ хотанскаго или монгольскаго, за то жиру больше; шерсть менѣе тонка, но густа; мясо идетъ въ пищу (сушеными бараньими тушами (лукро[2]) славится Гжянъ-цзе), шкура на выдѣлку зимней одежды для менѣе состоятельнаго населенія, шерсть употребляется на приготовленіе тканей (ла-ба), или вывозится въ Индію; стоимость ея почти та же, что въ Хотанѣ, или 26—28 рупій за квинталъ, но такъ какъ жизнь дороже въ Тибетѣ, то въ дѣйствительности владѣльцы стадъ имѣютъ въ Тибетѣ меньшій доходъ отъ ихъ шерсти. Хорошо упитанный баранъ, продаваемый въ Полу за 1 рупію, стоитъ въ Тибетѣ на самыхъ пастбищахъ 2½ рупіи[3].

Порода тибетскихъ *козъ* (длинношерстныхъ и небольшого роста, по породѣ напоминающихъ кашмирскихъ)[4] даетъ лучшую шерсть для выдѣлки шалей (собственно это не шерсть, а подшерстокъ (пухъ), прикрытый сверху длинной шерстью). Въ центральныхъ областяхъ Тибета не умѣютъ стричь козъ, которыя поэтому мало цѣнятся и спеціально не разводятся, тѣмъ болѣе, что мясо ихъ употребляютъ въ пищу только самые бѣдные классы населенія[5]. Напротивъ, въ Ладакѣ и западномъ Тибетѣ козы даютъ важную статью дохода именно своей тонкой шерстью (пухомъ), которая вывозится въ большихъ количествахъ въ Кашмиръ, гдѣ служитъ для выдѣлки знаменитыхъ шалей. Ладакъ сухъ и124 гористъ и поэтому весьма пригоденъ для разведенія козъ, которыхъ здѣсь считается до 80,000 головъ, очень небольшого роста; онѣ даютъ 360 квинталовъ[6] пуха въ годъ, по 300 рупій за каждый; по качеству пухъ не уступаетъ лучшему турфаньскому[7]. Въ самомъ Тибетѣ изъ козьей шерсти приготовляются лишь довольно грубыя ткани.

Кромѣ яка, вьючными и главное верховыми животными являются въ Тибетѣ лошади (тибетской и монгольской породы), мулы, ослы и въ нѣкоторыхъ областяхъ верблюды[8].

Тибетскія *лошади*, скорѣе пони, малорослыя, но достаточно выносливыя, скорѣе малочисленны[9]; гораздо лучше монгольскія ло-

шади съ береговъ Кукенора, на короткихъ ногахъ, съ толстымъ и короткимъ туловищемъ, массивной шеей, съ короткой и широкой головою и плоскимъ задомъ. Они совсѣмъ не похожи на киргизскихъ лошадей, но тѣмъ не менѣе имѣютъ быстрый бѣгъ, очень выносливы, неприхотливы и терпѣливы; проходятъ большія разстоянія безъ отдыха, питья и корма, въ глубокихъ пескахъ пустыни или по скаламъ горъ, подъ жгучимъ лѣтнимъ солнцемъ или по снѣгу подъ ледяными вѣтрами, довольствуясь во время остановокъ солоноватой водою и небольшимъ количествомъ жесткой травы [1]. Обыкновенная лошадь стоитъ 80 рупій въ Лхасѣ и 48 рупій въ Си-нинъ; хорошая же лошадь, сильная и крупная, т. е. какими пользуются чиновные и богатые люди въ Тибетѣ, стоятъ вдвое дороже. Въ восточный Тибетъ приводятъ лошадей и изъ Юнь-нани, исключительно кобылъ для скрещиванія съ ослами ради полученія муловъ; цѣна юнь-наньской лошади, еще меньшей ростомъ, чѣмъ тибетская, колеблется отъ 50—70 франковъ на мѣстѣ до 100—120 франковъ въ Тибетѣ [2].

Тибетцы, по крайней мѣрѣ, въ восточномъ Тибетѣ, подковываютъ лишь заднія ноги лошадямъ (если вообще дѣлаютъ это), такъ какъ пользуются лошадью во время пути не болѣе двухъ дней подъ-рядъ, а затѣмъ пускаютъ на день для отдыха на пастбище; поэтому половинной защиты копытъ оказывается достаточно [3].

Восточные тибетцы завзятые наѣздники: въ пути они всегда бываютъ верхомъ, при томъ на лошади; пѣшій для нихъ лишь полъ-человѣка [4].

Мулы употребляются главнымъ образомъ для перевозки тяжестей, при чемъ вьючный мулъ стоитъ отъ 130 до 150 франковъ, а лучшій верховой мулъ цѣнится дороже даже лошадей [5].

По всему Китаю и прилегающимъ частямъ Тибета мулъ пользуется со стороны владѣльца болѣе тщательнымъ уходомъ, нежели лошадь, которая считается низшимъ (менѣе полезнымъ и сильнымъ) животнымъ [6].

Велльби указываетъ, что въ Ле встрѣчаются три породы муловъ: черные яркендскіе наиболѣе крупные, но непригодные для далекаго путешествія по странѣ съ недостаточнымъ запасомъ травы и зерна, котораго они получаютъ по 4 фунта въ день (за то несутъ отъ 200 до 240 фунтовъ); ладакскіе, большей частью гнѣ-

дые, весьма выносливые и неприхотливые на пищу, но число ихъ невелико; и лхаскіе (бжянъ-т'анскіе)—весьма выносливые и довольствующіеся одной травою, почти безъ зерна.

Ослы встрѣчаются чаще въ Ладакѣ и на китайской границѣ. Въ Лхасѣ это животное хорошо извѣстно [1], но не очень уважается населеніемъ, которое отзывается о немъ съ презрѣніемъ. [2] Напротивъ, въ Шихацзе ослы довольно обычны, при чемъ разводятся спеціально для надобностей этого города скотоводами области Ямдок [3].

Пастбища Кукенора, лучшія въ Тибетѣ, кормятъ также обыкновенныхъ *быковъ* и *коровъ*, не отличающихся по внѣшнему виду отъ швейцарскихъ: отъ нихъ-то и получается путемъ скрещиванія съ якомъ цѣнное животное—дзо.

Изъ прочихъ домашнихъ животныхъ обычны *кошки* въ южномъ Тибетѣ и собаки различныхъ породъ: мелкія—помѣсь терріера [4] съ китайской болонкою [5]—являются въ богатыхъ домахъ Лхасы какъ-бы комнатными собаками; напротивъ, большія, собственно тибетскія, собаки съ темной длинной шерстью (доги) отличаются величиною, дикостью и силою; ихъ употребляютъ для охраны стадъ или karавановъ вьючныхъ барановъ и домовъ; въ восточномъ же Тибетѣ (около Да-цзянь лу) монахи спеціально держатъ этихъ собахъ, чтобы отваживать докучливыхъ европейскихъ посѣтителей [6]. Объ этихъ собакахъ упоминалъ уже Марко Поло. Всего въ Тибетѣ Уольтонъ насчиталъ и описалъ четыре различныя породы собакъ, считая обѣ вышеупомянутыя [7].

Въ южномъ, а также въ Восточномъ Тибетѣ встрѣчаются свиньи [8], особенно въ Цзе-т'анѣ, гдѣ много магометанъ, и въ китайскихъ почтовыхъ станціяхъ и караульныхъ постахъ, и домашняя птица (*куры*), введенная изъ Сиккима [9],

Домашнія животныя распредѣлены далеко не равномѣрно въ предѣлахъ обитаемой части Тибета. Такъ, въ округѣ Пере (области Гжя де) стада барановъ не велики (Рокгиль не видѣлъ ни одного стада въ 1,000 головъ), за то яки сравнительно многочисленны (стада ихъ насчитываютъ отъ 30—40 до 200—300 головъ); пони низкорослы и дороги, но съ виду граціознѣе кукенорскихъ. Козлы рѣдки, собаки исключительно китайскія дворняжки. Домашней птицы и кошекъ Рокгиль не встрѣтилъ вовсе [10].

IX. Горныя богатства.

Природа, столь немилостивая къ Тибету въ отношеніи растительной жизни большей части страны, но болѣе щедрая въ отношеніи животной ея жизни, повидимому, надѣлила страну значительными минеральными богатствами, которыя, однако, не поддаются пока даже самой приблизительной оцѣнкѣ по недостатку соотвѣтствующихъ свѣдѣній. Сами тибетцы старательно скрываютъ отъ иностранныхъ путешественниковъ извѣстныя имъ мѣсторожденія металловъ и драгоцѣнныхъ камней, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, единственной цѣлью иностранцевъ является расхищеніе ихъ подземныхъ сокровищъ, а между тѣмъ въ населеніи упорно держится повѣрье, что разъ только руки непосвященнаго коснутся скрытыхъ въ нѣдрахъ Тибета богатствъ, разгнѣванный божественный драконъ немедленно заставитъ эти богатства совершенно исчезнуть и разсѣетъ нужду по всему краю. Впрочемъ, если бы даже подобное суевѣріе не побуждало тибетцевъ соблюдать самимъ большую осторожность при разработкѣ подпочвенныхъ слоевъ земли и особенно при сообщеніи свѣдѣній о нихъ иностранцамъ, то во всякомъ случаѣ примитивные пріемы и орудія горной промышленности въ странѣ не дали бъ населенію возможности извлечь большой источникъ дохода изъ существующихъ минеральныхъ богатствъ, хотя бы послѣднія и были велики [1].

Обзоръ подпочвенныхъ богатствъ Тибета необходимо явится краткимъ и неполнымъ по ограниченности и отрывочности свѣдѣній, которыя дали по этому предмету пандиты и европейскіе путешественники [2], въ особенности католическіе миссіонеры для восточнаго Тибета [3]; къ нимъ можно присоединить и болѣе достовѣрныя свѣдѣнія китайскихъ источниковъ, въ каковой мѣрѣ они были обработаны Рокгилемъ [4]. Англійская экспедиція 1904 г. пролила мало свѣта на этотъ важный, но темный вопросъ, такъ какъ геологъ экспедиціи Гайденъ почти не встрѣтилъ полезныхъ ископаемыхъ на пути отъ Сиккима до Лхасы; важно только, что онъ опровергъ самымъ категорическимъ образомъ существованіе угольныхъ залежей въ окрестностяхъ Лхасы и по берегамъ Ямдок ц'о [5].

Среди минераловъ Тибета важное мѣсто занимаютъ соль, бура, сѣра и драгоцѣнные камни: яшма, бирюза, лапись-лазурь и нѣкоторые другіе, пользующіеся обширнымъ спросомъ среди тибетцевъ—мужчинъ и женщинъ въ качествѣ украшеній; значительная часть ихъ (напримѣръ весь кораллъ) привозится изъ другихъ странъ (Китая и Индіи), такъ какъ мѣстная добыча не можетъ удовлетворить потребностей рынка.

Наиболѣе древнія и извѣстныя мѣсторожденія *яшмы* [1] лишь географически относятся къ Тибету, такъ какъ разработка ихъ производится исключительно тюрками, да и область ихъ политически принадлежитъ провинціи Новой Линіи (Синь-цзянъ), или 19-ой провинціи Собственнаго Китая. Яшма встрѣчается въ наибольшихъ количествахъ въ Куэнь-луньскихъ горахъ, въ частности въ участкѣ примыкающемъ къ юго-западному углу бассейна Тарима (къ городамъ Яркенду и Хотану); двѣ рѣки этого бассейна—Каракаш и Юрунг-каш получили свои имена (Черный и Текучій нефритъ) исключительно по причинѣ богатствъ области ихъ верхнихъ теченій этимъ цѣннымъ въ глазахъ китайцевъ минераломъ. Яшма, несомнѣнно, встрѣчается и далѣе на востокъ въ тѣхъ же Куэнь-луньскихъ горахъ и слѣдовательно уже въ политическихъ границахъ Тибета (напримѣръ въ Русскомъ Хребтѣ), хотя не служитъ предметомъ столь же обширной разработки, какъ въ долинѣ р. Каракаш.

Изъ другихъ минераловъ *соль* несомнѣнно является наиболѣе обильнымъ, особенно на Бжянъ-т'анѣ [2], откуда распространяется по всей странѣ вмѣстѣ съ *бурою*, которая добывается на берегахъ Бул ц'о, или озера Буры, на сѣверо-востокъ отъ Тэнгри-нора въ пустынной и очень возвышенной мѣстности [3]; съ древнихъ временъ бура идетъ отсюда черезъ Гималаи въ Индію и въ Европу. Относительно *сѣры* Уоддель [4] сообщаетъ, что въ сосновыхъ лѣсахъ Конъ-бу, по слухамъ, встрѣчаются значительныя залежи этого минерала, что подаетъ мысль о возможности устройства здѣсь спичечныхъ фабрикъ. Обширная залежь сѣры находится въ 2 дняхъ пути къ югу отъ упомянутыхъ на стр. 101 Соляныхъ источниковъ съ ихъ солеварнями на лѣвомъ берегу Лань-цанъ-цзяна у деревни Напо [5]. Помимо того во многихъ частяхъ Тибета существуютъ теплые и холодные минеральные источники, которые также могутъ указывать

на присутствіе по сосѣдству извѣстныхъ минераловъ и металловъ (желѣза, свинца и т. д.)

Горячіе источники [1], замѣчательные по числу и мѣстоположенію, составляютъ естественный феноменъ, характерный для Тибета. Любопытно, что наибольшее число ихъ и при томъ самыхъ горячихъ находится въ предѣлахъ наиболѣе возвышенной (отъ 15 до 17 тыс. фут.) и слѣдовательно холодной части тибетской территоріи, —за однимъ лишь нижеуказаннымъ исключеніемъ,— именно, между южной Гималайской цѣпью и 34° 30' с. ш. съ одной стороны, и 78° 30' (Линъ-дзи т'анъ и Каракорум) на западѣ и 92° на востокъ съ другой. На сѣверъ отъ 34° 30' с. ш. горячихъ источниковъ или вообще источниковъ съ повышенной температурою воды не наблюдалось европейскими изслѣдователями, хотя уровень страны здѣсь понижается лишь незначительнымъ образомъ, равно какъ на востокъ отъ 92°, гдѣ общій уровень долины и равнинъ опускается до 14,000 ф., горячіе источники до сихъ поръ найдены только въ 2—3 мѣстностяхъ, при томъ температура ихъ является сравнительно низкой. Въ видѣ исключенія, весь юго-западный уголъ Тибета, Н'ари К'орсум лишенъ горячихъ источниковъ [2].

Въ предѣлахъ намѣченной области одна мѣстность (на сѣверъ отъ Цзанъ-по до 34° с. ш. и между 88 и 92° в. д.), т. е. совпадающая съ раіономъ наибольшихъ и наиболѣе многочисленныхъ соленыхъ озеръ, каковое обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, является раіономъ горячихъ источниковъ по преимуществу; здѣсь они чрезвычайно многочисленны, отличаются особо высокой температурой воды и силою, съ которой бьютъ на воздухъ, иногда до 60 футовъ высоты.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Тибетѣ существуетъ извѣстная связь между нахожденіемъ горячихъ источниковъ и озерами. Источники встрѣчаются въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ озерами, рѣже рѣками; почти каждое значительное озеро (и многія изъ числа меньшихъ) сопровождается горячими источниками или гейзерами; въ указанномъ раіонѣ подобная связь наблюдается и по отношенію къ рѣкамъ, при чемъ иногда источники выходятъ изъ русла самой рѣки, поднимая столбъ воды на ея поверхности.

Многіе изъ тибетскихъ источниковъ попросту выходятъ на поверхность земли тихой струей, скопляясь въ естественно вырытыхъ

въ почвѣ, или скалѣ резервуарахъ; другіе же выбиваются изъ земли со значительной силою, на подобіе исландскихъ гейзеровъ, перемежаясь въ дѣйствіи, какъ и эти послѣдніе; однако, крайняя высота столба воды не превышаетъ въ Тибетѣ 50—60 фут. (въ Исландіи доходитъ до 146 фут.).

Наиболѣе замѣчательные гейзеры расположены по берегу Лаху ч'у, притока Шанъ чу въ провинціи Цзанъ; вообще мѣстность на юго-западъ отъ Тэнгри нора, между озеромъ и округомъ П'ун-цоклинъ на Цзанъ-по вмѣщаетъ въ своихъ предѣлахъ наиболѣе горячіе и значительные источники. Указанные гейзеры Лаху ч'у въ Петинъ ч'у-ц'ан (горячіе источники Петинъ) поднимаются въ числѣ 11 на общемъ разстояніи 80 ярдовъ въ видѣ столбовъ горячей воды на высоту 40-50 футовъ, выпуская столько пара, что затемняютъ небо, и оглушая шумомъ близъ стоящихъ людей. Рядомъ, изъ середины русла рѣки бьютъ, какъ сообщаетъ пандитъ D., аналогичные фонтаны. Температура воды этихъ гейзеровъ, по наблюденіямъ пандитовъ, доходитъ при выходѣ изъ почвы почти до точки кипѣнія воды, которая на высотѣ той мѣстности измѣряется около 85° Ц. Температура 15 источниковъ въ долинѣ самой Шанъ чу, въ Ч'у-танъ ц'ак'а, въ 50 миляхъ на сѣверъ отъ Шихацзе, при точкѣ кипѣнія въ 87° Ц., была 76° Ц.

Въ другихъ мѣстностяхъ вода источниковъ имѣетъ значительно меньшую температуру, такъ въ долинѣ Бжянъ-ч'ен-мо только до 40° (Годвинъ Аустинъ) [1], въ Сиккимѣ на тибетской границѣ на высотѣ 12,000 ф.—44 1/2° Ц., на высотѣ 15,850 ф.—46° Ц. Впрочемъ, существуетъ и исключеніе въ лицѣ знаменитыхъ горячихъ источниковъ Лхагпа ц'а-ч'у близъ Бутанской границы, на высотѣ 15,200 футовъ, гдѣ 50 источниковъ, по наблюденіямъ изслѣдователя R. N., имѣютъ температуру отъ тепловатой до кипящей.

Благодаря тому, что горячіе гейзеры встрѣчаются главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ морозы и ледъ царятъ полновластно въ теченіе почти 8 мѣсяцевъ въ году, происходитъ любопытное явленіе въ видѣ превращенія на три холодныхъ мѣсяца горячаго столба воды въ высокую ледяную колонну, вѣрнѣе ледяной цилиндрическій колпакъ, внутри котораго бьетъ горячая струя воды. По мѣрѣ стеканія воды изъ верхняго и боковыхъ отверстій ледяная оболочка растетъ, достигая 30—40 фут. въ окружности, какъ на-

блюдалъ пандитъ относительно двухъ знаменитыхъ гейзеровъ въ долинѣ р. Шанъ (Найсум ч'у ц'а)[1]. Иногда гейзеръ, скованный льдомъ, ищетъ себѣ другого выхода изъ почвы, и это обстоятельство, повидимому, подсказываетъ объясненіе тремъ высокимъ конусамъ высушенной на солнцѣ глины близъ Тенгри нора съ окружностью, какъ сообщаетъ Бонвало, до 500 ф.

Сѣра составляетъ въ замѣтной степени составную часть воды источниковъ, образуя, гдѣ температура достаточно высока, значительныя количества сѣрнистаго водорода. Можно отмѣтить также значительную примѣсь солей и соды, поташа и нѣкоторыхъ мочевыхъ кислотъ.

Несмотря на все отвращеніе къ омовеніямъ тѣла, составляющее особенность національнаго характера тибетцевъ, по всей странѣ господствуетъ твердое убѣжденіе въ лечебныхъ свойствахъ наружнаго примѣненія указанныхъ минеральныхъ водъ. Всюду въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются значительные источники, обычно построены около нихъ купальные бассейны, какъ напр. въ Дам ч'у-ц'ан въ 60 миляхъ на сѣверъ отъ Лхасы, куда окрестные обитатели съѣзжаются дважды въ годъ для курса ваннъ. Купальныя приспособленія заключаются здѣсь въ 3 чанахъ окружностью въ 21 кв. футъ, обдѣланныхъ по краямъ высушенными на солнцѣ кирпичами. Въ этихъ бассейнахъ купальщики остаются подчасъ по цѣлымъ днямъ, сидя по горло въ водѣ. Одной изъ главныхъ цѣлей купанья, говорятъ, является свойство сѣры уничтожать насѣкомыхъ, которыя изобилуютъ на тѣлѣ тибетца; этимъ путемъ очистка тѣла отъ мелкихъ враговъ производится помимо открытаго способа избіенія, запрещаемаго религіей[2].

Залежи *желѣза и свинца*, какъ *мѣди* и *ртути* и драгоцѣнныхъ металловъ—золота и серебра, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ восточнаго Тибета, въ бассейнахъ верхнихъ теченій Янъ-цзы, Меконга и Сальвина, гдѣ существуютъ значительныя горныя богатства, отчасти разрабатываемыя, на что указываютъ тибетскія названія многихъ мѣстностей, составленныя изъ к'а (или отверстіе, въ данномъ случаѣ со значеніемъ: рудникъ) съ прибавленіемъ названія металла или минерала: Сэр-к'а—золотой пріискъ, ц'ва-к'а залежь соли, чаг-к'а желѣзный рудникъ, а также названіе: Ли т'анъ (напр. Ле-т'анъ), или равнина мѣди (колокольной)[3]. Значительное изобиліе

минераловъ и металловъ восточнаго Тибета распространяется и на сосѣднія провинціи—Сы-чуань и главное Юнь-нань, гдѣ горныя богатства усиленно разрабатываются и нынѣ привлекаютъ усердное вниманіе европейскихъ капиталистовъ. Нѣкоторыя указанія и подробности о рудникахъ восточнаго Тибета будутъ даны при описаніи торговли и промышленностей этой области.

Съ незапамятныхъ временъ Тибетъ вмѣстѣ съ прочими За-гималайскими областями почитался обладателемъ неисчислимаго богатства *золотомъ* [1], и первыя достовѣрныя свѣдѣнія о немъ проникли въ Европу къ греческимъ писателямъ (Птоломею) въ формѣ легендъ о странѣ муравьевъ, копающихъ золото, на подобіе легенды о грифахъ, охраняющихъ золото на Алтаѣ. Аналогичные разсказы могли возникнуть вслѣдствіе несомнѣннаго факта, что большія рѣки, стекающія съ тибетскаго нагорья, несутъ всѣ въ своихъ водахъ песокъ, къ которому примѣшиваются крупинки золота, не только въ предѣлахъ Индіи (Брамапутра, р. Субансири (золотая рѣка Ассама [2]), но и Бирмы и Китая (Цзинь-ша цзянъ—р. Золотого песку (Янъ-цзы). Эти догадки, повидимому, подтверждавшіяся фактомъ постояннаго, хотя и не слишкомъ значительнаго вывоза золота изъ Тибета въ Индію въ качествѣ одной изъ статей отпускной торговли первой страны наряду съ бурою и шерстью, смѣнились увѣренностью лишь послѣ путешествія пандитовъ въ 1867—8 году, указавшаго на главныя мѣсторожденія золота во внутреннемъ Тибетѣ. Полученные такимъ путемъ несомнѣнные факты были пополнены и расширены сообщеніями позднѣйшихъ пандитовъ и европейскихъ путешественниковъ [3], такъ что въ настоящее время европейцамъ приблизительно извѣстны мѣста главныхъ разрабатываемыхъ золотыхъ розсыпей, хотя лишь будущія точныя изслѣдованія могутъ установить какъ размѣры и относительное богатство золотоносныхъ площадей, такъ и вопросъ, въ какой мѣрѣ Тибетъ оправдываетъ названіе богатой золотомъ страны [4].

Въ пользу вѣроятности послѣдняго предположенія говоритъ то обстоятельство, что большія золотоносныя области на земномъ шарѣ являлись всегда такими мѣстностями, гдѣ продолжительные процессы вывѣтриванія или размыванія горныхъ породъ освобождали распредѣленныя въ нихъ мелкими частями металлическія примѣси и постепенно обогащали послѣдними извѣстныя пространства почвы [5].

Условіе продолжительнаго вывѣтриванія, если не размыванія, хотя и въ послѣднемъ смыслѣ существуютъ указанія, было соблюдено въ Тибетѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а отсюда вытекаетъ и возможность существованія въ странѣ неменьшихъ богатствъ золотомъ, чѣмъ въ другихъ извѣстныхъ золотоносныхъ мѣстностяхъ земного шара.

Наиболѣе значительныя золотыя мѣсторожденія, о которыхъ понынѣ сдѣлалось извѣстно европейцамъ, располагаются въ юго-западномъ углу Бжянъ-т'ана на пространствѣ около 300 миль, именно, въ Т'ок Джалунъ (32°24'26" и 81°37'38"), на сѣверъ отъ главнаго истока Инда [1], и Т'ок Дауракпа ближе къ Лхасѣ. Добыча здѣсь производится съ древнихъ временъ [2], но самымъ примитивнымъ способомъ.

Въ Т'ок Джалунъ (4980 м.) [3], по наблюденіямъ пандита 1867-8 г.г., работа производилась въ углубленіи, имѣвшемъ видъ рва глубиною въ 25 ф., шириною отъ 100 до 200 шаговъ и длиною въ одну англійскую милю; еще глубже былъ такой же ровъ въ Т'ок Дауракпа (4637 м.). Золотоискатели помѣщались здѣсь въ черныхъ палаткахъ, которыя ставились ради защиты отъ ледяныхъ вѣтровъ въ особыхъ ямахъ отъ 7 до 8 футовъ ниже поверхности почвы. Лѣтомъ такихъ палатокъ было до 300, но зимою это число удваивается, такъ какъ, не смотря на лишнія тягости, обусловливаемыя холодомъ, золотоискатели предпочитаютъ это время года болѣе теплому: въ морозы земляныя стѣны ямъ держатся прочнѣе. Закутанныя въ толстыя грубыя шубы темнаго цвѣта фигуры золотоискателей вмѣстѣ съ дикими большими собаками производили въ это время фантастическое впечатлѣніе, естественно наводившее на мысль о муравьяхъ-золотоискателяхъ.

Добыча золота бываетъ очень значительна—пандитъ видѣлъ золотой слитокъ около 2 фунтовъ вѣсомъ—, но цѣны на золото стоятъ на мѣстѣ очень низкія—только 30 рупій за унцію. Общая добыча пріисковъ Бжянъ-т'ана оцѣнивается не свыше 70,000 рублей въ годъ, и все это золото идетъ черезъ Гарток въ Индію [4]. Каждый желающій можетъ заняться добычею золота за свой собственный счетъ при уплатѣ промысловаго сбора въ размѣрѣ 2/3 унціи золота въ годъ; особые чиновники изъ Лхасы (гсер-дпон) тщательно наблюдаютъ за производимой разработкою.

Посѣщеніе Наинъ Синга золотыхъ пріисковъ Т'ок Джалунъ дало первое достовѣрное описаніе тибетскихъ пріемовъ золотопромышленности, принятыхъ на всемъ протяженіи страны, не смотря на крайне примитивный характеръ процесса промывки, при которомъ половина драгоцѣннаго металла теряется для золотоискателя. Все золото добывается изъ аллювія, такъ какъ разработка кварца въ глубокихъ шахтахъ не доступна техническимъ знаніямъ тибетца. Трудно опредѣлить, помимо предварителонаго научнаго изслѣдованія, насколько можетъ быть прибыльна разработка посредствомъ европейскихъ процессовъ, при условіи дальности разстояній и тяжелыхъ климатическихъ условій, отличающихъ упомянутыя части Тибета. Тибетскій золотоискатель—очень дешевый работникъ, тѣмъ не менѣе извѣстно, что онъ никогда не обогащается, скорѣе, тощаетъ съ голоду, но это не есть критерій для оцѣнки прибыльности его труда для нанимателя.

Въ Т'ок Джалунъ можно проникнуть не только черезъ Ц'о-мо ранъ-ла, по которому шелъ Наинъ-Сингъ, но и со стороны Рудока (150 миль, съ однимъ лишь тяжелымъ переваломъ по дорогѣ). По свѣдѣніямъ пандита, отъ пріисковъ существуетъ довольно открытая дорога мимо Гжяларинъ по (83° и 31°40' с. ш.) къ Брамапутрѣ по одному изъ сѣверныхъ притоковъ послѣдней.

Помимо указаннаго раіона, и другія мѣстности въ Тибетѣ повидимому, богаты золотомъ; такъ, съ древнихъ временъ, жители бассейна Тарима отправляются въ Куэнь-луньскія горы вплоть до окраинъ тибетскихъ нагорій (Русскій хребетъ, хребетъ Пржевальскаго) и въ пустынныхъ необитаемыхъ мѣстностяхъ добываютъ золото самыми первобытными способами; Богдановичъ посѣтилъ въ 1870 г. нѣсколько такихъ „пріисковъ", напр. въ Копа [1]. Несущіе золото пласты—продукты вывѣтриванія очень древнихъ породъ—отличаются большой мощностью—свыше 60—80 метровъ; содержанія въ нихъ золота исчисляется въ 10 граммовъ на 1 кубическій метръ [2].

Золотоносныя мѣстности имѣются и въ южномъ Тибетѣ; наиболѣе извѣстны пріиски на юго-востокъ отъ Ямдок ц'о, на сѣверъ отъ Батана, близъ истоковъ Субансири; лучшее же золото идетъ изъ пріисковъ въ нѣсколькихъ дняхъ пути на востокъ отъ Лхасы; незначительное количество золота вымывается и изъ наноснаго песку Цзанъ-по. Богатыя розсыпи лежатъ далѣе на востокъ въ Ли-

танъ, гдѣ золото встрѣчается и въ видѣ самородковъ; ихъ не трогаютъ, однако, суевѣрные тибетцы, въ убѣжденіи, что они живутъ и производятъ[1] золотые блестки и песокъ въ рѣкахъ, которые исчезнутъ по ихъ удаленіи. Въ восточномъ Тибетѣ золото вымывается въ руслахъ почти всѣхъ рѣкъ, идущихъ съ тибетскаго нагорья[2]; особенно обильна добыча золота изъ Дычу (верхній Цзинь-ша цзянь[3]), который, повидимому, заслуженно носитъ имя рѣки Золотого песку[4]; также и область другой рѣки—Цзинь чуань (Золотой рѣки—Серк'а ч'у по тибетски) содержитъ рядъ золотыхъ пріисковъ[5].

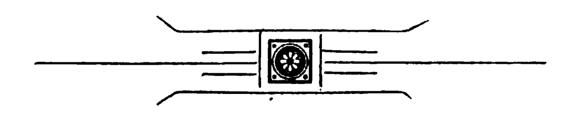
Вообще по всей странѣ отъ верхняго Янъ-цзы до Да-цзянь лу промывка рѣчного песку, содержащаго крупинки золота, составляетъ одно изъ наиболѣе обычныхъ занятій обитателей; хотя количество золота, собираемое отдѣльными искателями, невелико, но общее количество ежегодной добычи весьма значительно. Въ Джерку порядочной ежедневной добычей на одного считается нѣсколько крупинокъ золота—копѣекъ на 20[6].

Золото, добываемое тибетцами въ самородномъ состояніи путемъ промывки рѣчного песку, выдѣляется особой чистотою. Китайскіе купцы въ Да-цзянь лу, умѣющіе выгодно пріобрѣтать золото въ обмѣнъ на товары, сплавляютъ крупинки золота въ небольшія четыреугольныя полоски около 8—10 сантиметровъ длиною и 1 сантиметръ толщиною и посылаютъ его въ Шанхай для вывоза за границу. Въ Бирмѣ тибетское золото цѣнится менѣе, чѣмъ собственное, встрѣчающееся на рынкѣ главнымъ образомъ въ пластинкахъ.

Благодаря переходу на золотое денежное обращеніе, грузъ серебра, сопровождающій путешественника на всемъ пути по провинціямъ собственнаго Китая до Да-цзянь лу, обмѣнивается въ указанномъ городѣ на меньшее по вѣсу и, слѣдовательно, болѣе удобное для перевозки количество золота. Такъ, экспедиція Сечени везла серебро на 3 мулахъ, но для провоза золота равной цѣнности сдѣлалось достаточно имѣть одного самаго слабаго лошака[7].

Серебро, какъ говорилось выше, добывается въ Литанѣ и Батанѣ, вмѣстѣ съ ртутью; въ собственномъ Тибетѣ Уоддель указываетъ лишь на присутствіе серебра въ небольшомъ количествѣ въ долинѣ на западъ отъ Сера, по которой проходитъ дорога къ Тэнгри нору, у перевала Пембу. Золотые и серебряные приски на холмѣ монастыря Сера болѣе не существуютъ, можетъ быть даже

и никогда не существовали, такъ какъ даже преданія о нихъ не сохранилось у монастырскихъ обитателей и окрестныхъ жителей[1]. Серебро, находящееся въ обращеніи въ странѣ, въ видѣ-ли монеты или украшеній, получается главнымъ образомъ: 1) изъ жалованья китайскихъ чиновниковъ и солдатъ, командируемыхъ въ Тибетъ, и денежныхъ подарковъ, жалуемыхъ китайскимъ императоромъ монастырямъ и нѣкоторымъ лицамъ изъ числа высшихъ іерарховъ; 2) отъ разработки рудниковъ Юньнани и 3) изъ Индіи, отправляющей въ Тибетъ большія количества рупій[2] въ уплату превышенія вывоза изъ Тибета надъ ввозомъ въ эту страну.



ПРИМѢЧАНІЯ

ко второму выпуску первой части „Описанія Тибета."

Помимо уже указанныхъ на стр. 1 и 2 „Примѣчаній къ первому выпуску", въ настоящемъ выпускѣ приняты еще слѣдующія сокращенія заглавій цитируемыхъ сочиненій:

As. Centr. . . .	Dutreuil de Rhins, L'Asie Centrale, Paris 1889.
Balf.	Balfour, The Cyclopaedia of India, третье изданіе, три тома, 1885.
Geogr.	„La Geographie", изд. Парижск. Географ. Общ.
Hedin Sc. Res .	Hedin, Sven, „Scientific results of a journey in Central Asia" 1899—1902.
Mill.	Milloue, Bod-youl ou Tibet (Le Paradis des moines) 1906.
S. Hand. . . .	Sandberg, „Handbook of colloquial Tibetan", 1894.
Schl. Glos. . , .	Schlagintweit, Glossary of Tibetan geographical Terms, J. R. A. S., 1863.
Schlag. Reisen .	Schlagintweit, Hermann, „Reisen in Indien und Hochasien", томы II—IV, Iena 1871—1880.
Wad. Him. . . .	Waddell, „Among the Himalayas", 1899.
Yule, Introd . .	Yule, Geographical Introduction къ Gill, „The River of Golden Sand", сокращенное изданіе 1883, стр. (67)—(141).
Yule, Polo . . .	„The Book of Ser Marco Polo" translated and edited, with notes, by Colonel Sir Henry Yule. Third edition revised throughout in the light of recent discoveries by Henri Cordier, 2 тома 1903.
Zach II	Zach, Lexicographische Beitraege, I 83—98: Tibetische Orstnamen.
Zach III	его же III 108—135: Tibetische Oro-und Hydrographie.

2. 1) Какъ говоритъ Wad. Him. 347, санскритское имя Гималаи, или обитель снѣговъ (Хима-лая), будучи классическ. терминомъ, неизвѣстно простому народу и употребляется лишь индусскими учеными и браминами; народъ же называетъ всѣ снѣжные пики этой и всякой другой горной цѣпи просто Даулагири, или Снѣжная гора, подобно тому какъ тибетцы употребляютъ для ихъ обозначенія Ганъри, съ тѣмъ же смысломъ. Другія обозначенія Гималайскихъ горъ въ Индіи см. Balf. II 51, гдѣ дается также сжатое, но полное описаніе гималайской горной системы не только съ физической и естественно-исторической, но и этнографической точекъ зрѣнія. Въ концѣ приводится краткая библіографія касательно горной области системы.

Подобно Куэнь-луню на сѣверѣ, дуга Гималайской цѣпи на югѣ опредѣляетъ очертанія южнаго края тибетскаго плато на протяженіи свыше 1,500 миль. Ось дуга представлена въ разстояніи 100 миль отъ индійской равнины, линіей поднятія наибольшихъ вершинъ—снѣжной цѣпью по преимуществу, какъ она открывается взору наблюдателя съ горныхъ станцій внутри Гималаевъ. Только въ предѣляхъ неизслѣдованныхъ частей Непала она, повидимому, утрачиваетъ свой сплошной характеръ.

2) Sievers, Asien, 2 изд. 461.

3) На высотѣ Инда число этихъ параллельныхъ рядовъ достигаетъ восьми, изъ коихъ пять расположены на его южной, три, меньшихъ по протяженію до 82° на востокѣ, по его сѣверной сторонѣ; послѣднія и составляютъ въ общей сложности горную цѣпь, извѣстную подъ именемъ Каракорума.

4) Южная линія Гималаевъ проходитъ черезъ Tonglu, включая Дарджилинъ, Tendong, Линду и т. д.; южнѣе ея залегаетъ отъ Деранунъ до Сукна цѣпь невысокихъ песчанниковыхъ холмовъ, обозначаемыхъ именемъ подъ-гималайской цѣпи.

Въ общемъ южный горный поясъ Гималаевъ, заполняющій промежутокъ въ 100 миль между главной цѣпью и равнинами Индіи, представляетъ на первый взглядъ спутанную и смѣшанную массу сравнительно низкихъ побочныхъ цѣпей и отроговъ; на дѣлѣ же, большинство изъ нихъ обнаруживаютъ строеніе гребней и долинъ, параллельное снѣжной цѣпи, что въ особенности ясно наблюдается на сѣверо-западѣ.

5) Бери (Bheri) Гандак, Кали Гандак и Буріа Гандак умѣщаются сплошь на территоріи, подвластной Непалу. Напротивъ, Тирсули Гандак, на прямой дорогѣ изъ Катманду въ Доктол черезъ Киронъ, расположена въ предѣлахъ политическаго Тибета

6) Бутіа Коси, черезъ которую проходитъ дорога изъ Катманду въ Шихацзе мимо Ньилам дзонъ или Кути, достигая затѣмъ

7) Бассейна Арун-Барун (120 миль въ длину, 30 миль въ ширину), обнимающаго плато Динъ-ри майдан и плато Шикар-дзона, равно какъ большое озеро Чомтодонъ.

8) Верхняя часть долины Аммо ч'у, извѣстная подъ именемъ „долины Чумби", снискала большую извѣстность въ дипломатической исторіи сношеній между Англіей и Тибетомъ начиная съ середины 80 г.г. Дальнѣйшая часть долины Аммо ч'у, ранѣе принадлежавшая Бутану, была уступлена послѣднимъ Англіи. На востокъ отъ 90° высота пиковъ внѣшнихъ Гималаевъ понижается до 15 тысячъ футовъ; внутренняя же линія водораздѣла отступаетъ на сѣверъ и вмѣстѣ съ нею—южная граница власти Лхасскаго правительства. Включаемые указаннымъ водораздѣломъ бассейны рѣкъ, стекающихъ на сторону Индіи—Лхобраг Цзанъ-по, Манас, Даванъ ч'у—управляются независимыми, нерѣдко полудикими племенами. За 94° власть Лхасскаго правительства возстановляется на нѣкоторомъ протяженіи вдоль сѣверной окраины Гималаевъ, которыя около 96° кончаются въ видѣ отроговъ, расходящихся на сѣверъ и югъ и раздѣляющихъ бассейны Лохита и Гжяма-н'ул ч'у. Южный отрогъ системы (впрочемъ, возможно, принадлежащій не этой, а индо-китайской системѣ) склоняется на югъ на подобіе подковы, замыкая Дза-юл и сливаясь съ цѣпью, отдѣляющей Ассамъ и восточный Бенгалъ отъ Бирмы. Если принять фактъ поворота главной цѣпи Гималаевъ за 92—93° в. д. на сѣверо-востокъ, какъ онъ указывается сѣверо-восточнымъ изгибомъ прилегающаго участка теченія Цзанъ-по, то бассейнъ рѣки Субансири окажется лежащимъ всецѣло внутри главной цѣпи Гималаевъ; слѣдовательно эта рѣчная система, противно своимъ болѣе западнымъ сосѣдямъ, не прорѣзываетъ центральнаго массива горной системы, но лишь цѣпи южнаго (подъ-гималайскаго горнаго пояса), менѣе возвышенныя но тѣмъ не менѣе въ достаточной мѣрѣ отрѣзывающія этотъ раіонъ отъ сообщенія съ Индіей.

3. 1) Эта цѣпь въ то же время служитъ водораздѣломъ для южныхъ притоковъ Цзанъ-по.

2) Здѣсь говорится не о болѣе низко лежащихъ долинахъ рѣкъ южнаго и юго-восточнаго Тибета, которыя представляютъ совершенно иную, болѣе привѣтливую картину, конечно, не въ глубокое зимнее время.

4. 1)Schlag. Reisen II т. посвящается детальному описанію Гималайской горной страны въ пунктахъ, посѣщенныхъ братьями-изслѣдователями въ Ассамѣ, Ботанѣ, Сиккимѣ, Непалѣ, западно-гималайскихъ княжествахъ и Кашмирѣ.

2) По имени бывшаго начальника индійской съемки, полковника Эвереста; названіе Гауризанкар, сообщенное брат. Шлагинтвейтами (измѣрившими высоту пика XV, (Schlagintweit, E.: Der Name des hoechsten Berges der Erde, P. M. 36 (1890), 251—252), на дѣлѣ относится не къ пику XV, а двумъ вершинамъ въ разстояніи 53 километровъ отъ него и видныхъ изъ Катманду, какъ окончательно установилъ капитанъ Удъ въ 1903 г. (см. „Gaurisankar is not Mount Everest", Bull. Am. Geogr. Soc., 36, стр. 744—6). Пикъ XV (29,002) былъ названъ горою Эверестъ (Mount Everest) вслѣдствіе того, что

оказался неизвѣстнымъ обитателямъ Индіи и неимѣющимъ потому особаго обозначенія. Новое имя не удовлетворило многихъ, и были сдѣланы попытки замѣнить его другими обозначеніями—Джомо ганъ-кар и Гаури шанкар.

Джомоганъ-кар—выразительное и благозвучное имя—сообщилъ первымъ Чандрадасъ (см. Р. М. 1901. Heft 21, статья Шлагинтвейта и Wadde', G. J. 1898, гдѣ разбирается спорный вопросъ объ имени величайшей горы). Однако, имя Джомоганъ-кар фигурировало на картахъ раньше появленія отчетовъ Чандрадаса, хотя и не въ примѣненіи къ горѣ Эвереста. Въ самомъ дѣлѣ, уже А. К. указалъ подъ 29°50' с. ш. и 80°50' в. д. (въ 205 миль на сѣверо-востокъ отъ горы Евереста) снѣжн. пикъ Jhomogangar; т. о. либо Чандрадасъ ошибся, отожествляя гору Эвереста съ Джомоканькар (какъ пишетъ Котвичъ въ Ч.), либо существуютъ двѣ горы одинаковаго обозначенія. На это забытое обстоятельство было обращено вниманіе при составленіи по окончаніи экспедиціи 1904 г. новой карты этой части гималайской горной области съ помощью старыхъ матеріаловъ (Close, Jomokangkar. G, J. февр. 1905, 178—9). Въ 1903 г. капитанъ Удъ былъ отправленъ въ Катманду для окончательнаго рѣшенія вопроса и убѣдился, что для непальцевъ гора не имѣла имени; спрошенные Роулингомъ во время путешествія изъ Шихадзе въ Гарток, тибетцы отвѣчали въ томъ же смыслѣ; какъ результатъ этихъ розысковъ, полковника Burrard добился обѣщанія отъ Германія и другихъ государствъ замѣнить именемъ „горы Эвереста" всѣ другія нынѣ принятыя обозначенія величайшаго пика на земномъ шарѣ (Plat. 213—214). Въ 1906 г. было предположено совершить подъемъ на гору Эверестъ со стороны Тибета, при чемъ для этой цѣли были выбраны Алпійскимъ Клубомъ и Королевскимъ Географич. обществомъ въ Лондонѣ майоръ Брюсъ, Лонгстаффъ и извѣстный альпинистъ Муммъ. Однако, указанный планъ, исходившій первоначально отъ лорда Керзона въ бытность его вице-королемъ Индіи, не получилъ осуществленія вслѣдствіе противодѣйстія ему изъ политическихъ соображеній со стороны нынѣшняго вице-короля Индіи (Р. М. 1907, 166).

3) Возможно (G. J., авг. 1906, 167), что истинная высота Эвереста превышаетъ на 140 ф. принятую цифру 29,002 ф. и что, пожалуй, Канъ-ч'ен-джу-н'а займетъ второе мѣсто среди вершинъ земного шара, а пикъ K2 (Депсанъ) въ Каракорумѣ сохранитъ лишь третье.

4) Тибетцы чествуютъ Джомо ганъ-кар (Госпожа бѣлаго глетчера) въ качествѣ мѣстопребыванія 5 небесныхъ нимфъ, дарующихъ вѣчную жизнь, покровительницъ св. Миларапа, чья могила въ Чуба находится въ близкомъ разстояніи на югъ отъ горы. Тибетскіе паломники поднимаются по склонамъ горы до глетчеровъ для поклоненія и посѣщаютъ могилу святого и окрестныя отшельничества Рел-гжя-линъ и Тар-гжя-линъ. На тибетской картинѣ—картѣ или планѣ, изображающей гору, могила святого и другіе храмы указываются

на самыхъ южныхъ склонахъ горы; на планъ нанесены и всѣ рѣки, мосты и тропы, ведущія къ различнымъ пунктамъ горы. Вершина самого Ганъ-кар изображается условно тибетскими артистами, какъ состоящая изъ 5 снѣжныхъ роговъ, почему группа Ганъ-кар извѣстна туземцамъ подъ именемъ 5 ледяныхъ роговъ (округа) К'умбу—кумбу-ганъ-н'а-ра-ба. На сѣверъ отъ горы находится Динъ-ри, на западъ—Налам (пиш. Нянам (Ньи-лам ?)—Киронъ). (Wad. Him. 348—352).

5. 1) Чрезвычайная высота Гималайскихъ горъ въ цѣломъ наилучше уясняется изъ сопоставленія ихъ съ величайшей европейской горной системою, именно Альпами Тогда какъ въ Альпахъ только одна вершина достигаетъ 15,784 ф. и только 6 или 7 превышаютъ 14,000 ф., Гималаи обладаютъ нѣсколькими пиками выше 28,000 ф., и до 1,100 измѣренныхъ вершинъ переступаютъ за 20,000 фут. (Wad. Him. 34).

2) Замѣчательно, что наиболѣе высокая гора Ботана—Джомо лхари—извѣстна подъ именемъ буквально того же значенія, какъ Гаурисанкар, одна изъ важнѣйшихъ горъ Непала, отстоящая отъ первой въ 200 миляхъ. Джомо тибетцевъ соотвѣтствуетъ индусскому гаури; лха—Шива или Санкар; только въ тибетскомъ имени прибавлено слово ри-гора—для большей опредѣлительности (Schl. Glos. 72).

3) Объ этой вершинѣ см. W. L. 283 съ фут. на 284 стр. На западномъ склонѣ его проходитъ перевалъ Каро (пиш. к'а-рол широко раскрытый ротъ) ведущій изъ долины Ра-лунъ, или „долины роговъ", весьма соотвѣтственное обозначеніе въ виду окружающихъ ее со всѣхъ сторонъ снѣжныхъ пиковъ на подобіе „ледяныхъ роговъ" (тамъ же 284.)

4) Долина Чумби географически относится къ южному склону Гималаевъ, хотя въ верхней своей части представляетъ много общаго съ прилегающимъ раіономъ тибетскаго нагорья, каковое обстоятельство, въ связи съ удобствомъ сообщенія въ этомъ направленіи по причинѣ легкости и постепенности подъема, вѣрнѣе обезпечиваетъ за лхаскимъ правительствомъ этотъ искусственно созданный выступъ его политической территоріи, нежели расположенные въ долинѣ китайскіе и тибетскіе малочисленные гарнизоны.

5) На югъ отъ горной области Священныхъ озеръ главная линія водораздѣла вдоль тибетской и британской границы идетъ по гребню со среднимъ возвышеніемъ въ 18,000 ф. (высшая точка пикъ Камет поднимается до 25,373 ф.). Нигдѣ, говоритъ Sher., нельзя вступить въ Тибетъ изъ англійской территоріи Альморы и Гарвала, не поднявшись на 16,750 ф. (перевалъ Нити) или 16,780 фут. (Липу лек); другіе перевалы еще выше—Унтад'ура 17,500 ф.; Мана—17,890 ф., Нео—18,510 ф. и Ланъ-пя—18,150 ф. Путь черезъ многіе перевалы очень опасенъ благодаря присутствію ледниковъ и скрытыхъ расщелинъ, почему торговцы привязываютъ къ

тѣлу шесты, чтобы не погибнуть при паденіи въ невидимую трещину.

Однако, важнѣйшія массы снѣжныхъ горъ расположены въ Гарвалѣ и Альморѣ, какъ и далѣе на востокъ, внѣ водораздѣла, группами по линіи въ разстояніи 20—30 миль къ югу отъ водораздѣла (Sher. 32), связываясь съ нимъ высокими гребнями, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ и раздѣляясь между собою глубокими ущельями, по которымъ ведутъ торговыя дороги изъ Индіи къ тибетскимъ переваламъ (см. карту западнаго Тибета въ концѣ книги Sher.).

6) Подробный перечень гималайскихъ переваловъ смотри у Balf. III 155—157.

Относительно переваловъ, ведущихъ изъ Непала въ Тибетъ, европейцамъ извѣстно въ высшей степени немного, хотя Непалъ являлся связующимъ звеномъ тибетской католической миссіи съ Индіей въ началѣ XVIII стол. Непалъ понынѣ формально признаетъ китайское верховенство и періодически отправляетъ въ Китай посольство изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ съ данью. Можно предполагать, что это посольство пользуется въ этихъ случаяхъ переваломъ Н'о, которымъ прошелъ къ Тадуму пандитъ въ 1867 г., 16,600 ф., у истока западнаго притока р. Гандак. Несомнѣнно, что другіе притоки Гандака, бороздящіе обрывистыя стороны главной цѣпи, создаютъ необходимыя условія для существованія другихъ переваловъ, кромѣ Н'о ла. Извѣстно также, что Киронъ, Джонъ-ка-дзонъ и Кути поднимаются на главный водораздѣлъ Гималаевъ въ пунктахъ, отстоящихъ едва на 26 миль къ югу отъ Цзанъ-по.

Непалъ являлся до сихъ поръ запрещенной страною для европейцевъ, которые, однако, видѣли большую часть Тибета и пересѣкли тотъ въ разныхъ направленіяхъ. Между тѣмъ, ни одинъ европеецъ не могъ ближе познакомиться съ топографіей Непала до 1904 г., когда капитану Уду было разрѣшено установить положеніе горы Эвереста съ различныхъ точекъ наблюденія близъ Катманду. Въ результатѣ, трудно сказать въ точности, по какимъ переваламъ китайцы завоевали страну въ XVIII ст., хотя достовѣрно то, что эти перевалы должны быть достаточно легки и доступны. (Н. 22—23).

Перевалы, ведущіе изъ индійской территоріи непосредственно въ Западный Тибетъ (т. е. на западъ отъ Непала) указываются Sher. 340—344 въ связи съ существующими торговыми дорогами:

1) Дорога изъ Ле (Сринагар въ Кашмирѣ) слѣдуетъ въ Гарток (200 миль) вверхъ по долинѣ Инда черезъ Демчок и Ташиганъ, проходя черезъ округъ дзонъ-поня Рудока. Дорога не представляетъ значительныхъ трудностей; ею пользуются торговцы изъ Ладака и Кашмира и изъ Восточнаго Туркестана.

2) Изъ Лахула торговцы посѣщаютъ Рудок по перевалу между Ханле и Демчок.

3) Торговцы Кулу слѣдуютъ черезъ Спити и пользуются переваломъ Шанъ-ранъ по дурной тропѣ, пригодной лишь для носильщиковъ;

4) Дорога изъ Симлы поднимается по долинѣ Сетледжа черезъ перевалы Шипки и Сиранъ—это главная дорога для торговцевъ изъ Башар;

5) Изъ Тери-Гарвал дорога идетъ по перевалу Лиланъ въ Чапранъ.

6) Изъ Британскаго Гарвала два перевала—Мана, 17,870 ф. и Нити, 16,750 ф., раздѣленные горою Камет, ведутъ: первый изъ страны близъ Священнаго храма Kedarnath въ Чапранъ, второй отъ сосѣдства храма Bodrinath въ Даба.

7) Бутіи Джохар пользуются переваломъ Унт'адура (по тибетски Kyunam la), откуда, однако, можно попасть въ Тибетъ, лишь пересѣкнувъ предварительно еще два другихъ перевала: а) на востокѣ этими двумя перевалами являются Janti и Kungri, по обычному маршруту торговцевъ. Всѣ три перевала должны быть пройдены безъ остановки (по отсутствію по дорогѣ топлива и страшныхъ холодовъ)—переходъ требуетъ день и ночь съ козлами и баранами; б) на западѣ находится другая пара переваловъ—Kungr и второй перевалъ на выборъ изъ нѣсколькихъ (Sher. 343; фотографическая панорама этихъ переваловъ на стр. 345, съ чертежомъ-планомъ на 342 стр.). Обѣ группы переваловъ ведутъ въ Даба, Шибчилам, Гарток, Миссар, Gyanema и къ Священнымъ озерамъ.

8) Дарма бутіи пользуются переваломъ Дарма (Ланъ-пя) и др. Sher. 343.

9) Бутіи Byans—Ланкпя лек (18,150 ф.), иногда Манъ-шанъ (очень трудный и ведетъ къ Таклакот; первый же къ Gyanema).

10) Бутіи Byans и Chaudans пользуются переваломъ Липулек (по тиб. Бжянъ лха) и переваломъ Тинкар въ Непалѣ.

11) Хумли изъ Непала идутъ въ Таклакот по перевалу въ крайнемъ сѣверо-западномъуглу Непала.

6. 1) Съ окрытіемъ проходимости Гималаевъ научная и военная граница Индіи со стороны сѣвернаго противника—Россіи, была перенесена на обширное плоскогорье Бжянъ-т'анъ, на сѣверъ отъ собственнаго Тибета, замкнутое стѣною Куэнь-луня,—длиною въ 1,500 миль и со средней шириною въ 500 миль, суживающейся до 350 миль на восточномъ концѣ и 100 миль на западномъ, и съ площадью въ 480,000 кв. миль (площадь Собственнаго Тибета съ золотыми розсыпями Ток не многимъ превышаетъ 200,000 кв. миль). Это безплодное и пустынное плоскогорье, по которому путешественникъ можетъ двигаться два мѣсяца, не встрѣчая человѣческаго существа, ни даже дерева, отъ низменностей Тарима до первыхъ кочевьевъ скотоводовъ въ 150 миляхъ на сѣверъ отъ Лхасы, является

практически недоступнымъ для движенія большой арміи, тогда какъ, по выраженію принца Генр. Орлеанскаго, „il n'ya qu'un pas de l'Inde au Tibet", правда, этотъ шагъ надо сдѣлать черезъ Гималаи, но онъ требуетъ лишь немного дней времени (W. L. 41—1). Желаніе обезпечить Индіи эту естественную границу, путемъ утвержденія англійскаго политическаго вліянія въ южномъ Тибетѣ, и явилось скрытой цѣлью англійской „миссіи" 1904 г.

2) Стрэчи наблюдалъ признаки постепеннаго сокращенія ледника Милам между Гарвалом и Тибетомъ въ 1848 г. (G. J. февр. 1900, 154—5).

3) Долина Катманду является дномъ бывшаго озера.

4) Пограничная страна Кумаона, примыкающая къ Тибету, является для индусовъ тѣмъ же, что Палестина для христіанъ— мѣстомъ, гдѣ ихъ наиболѣе уважаемые святые провели большую часть жизни, родиною великихъ боговъ и великимъ путемъ къ конечному спасенію (см. Atkinson, „Himalayan Districts" 703—XII).

Помимо религіозныхъ ассоціацій, эта часть Тибета и примыкающій участокъ Гималайской цѣпи, изобилующій снѣжными пиками и гигантскими горами, не имѣютъ соперниковъ въ цѣломъ мірѣ по грандіозному величію, такъ какъ въ небольшой площади полосы въ 30 миль шириною вдоль границы Кумаона должно имѣться до 80 пиковъ выше 20,000 фут., съ господствующей надъ всѣми вершиною Нанда Деви, 25,689 футовъ, тогда какъ къ сѣверу лежитъ тибетское нагорье со среднимъ возвышеніемъ отъ 13 до 15 тысячъ футовъ, съ наиболѣе выдающейся горной массою Гурлха Манд'ата, высшая точка коей—25,350 ф., служитъ ландмаркою на разстояніи многихъ миль (Sher. 5).

Благодаря нахожденію въ этой части страны святынь индусскаго религіознаго міровозрѣнія—горы Кайласа, неба и оси міра буддистовъ и индусовъ, и Священныхъ озеръ, краснорѣчиво описываемыхъ въ Рамаянѣ (см. выдержку въ Sher. 36—37) —Западный Тибетъ изъ всѣхъ частей тибетской территоріи, прилегающихъ къ Индіи, получаетъ особое значеніе для населенія послѣдней.

Указанная священная мѣстность посѣщается въ настоящее время нѣсколькими сотнями паломниковъ ежегодно, но при наличности лучшихъ сообщеній эти сотни обратятся въ тысячи въ близкомъ будущемъ, и конечный практическій результатъ этого увеличенія въ числѣ паломниковъ долженъ быть очень великъ и важенъ.

Географически западный Тибетъ является наиболѣе близкимъ къ русскимъ владѣніямъ, хотя отдѣляется отъ тѣхъ горными цѣпями самаго неприступнаго характера, и этотъ фактъ положенія придаетъ ему, помимо религіознаго, еще большое политическое значеніе. По сравненію съ этой важной ролью смежной съ Западнымъ Тибетомъ границы индійской территоріи, Ассамская граница въ настоящее время имѣетъ мало пользы для Индіи благодаря дикости страны и свирѣпому нраву обитателей, и заставляетъ англій-

скихъ политиковъ и предпріимчивыхъ дѣятелей съ надеждою обращать взоры исключительно на сторону Западнаго Тибета.

5) Не трудно представить себѣ, какимъ образомъ возникъ религіозный ореолъ, окружающій понынѣ гору Кайлас среди индусовъ—рай Шивы въ древней санкскритской литературѣ. Несомнѣнно, что по прибытіи арійскихъ переселенцевъ къ Гангу нѣкоторые предпріимчивые и пытливые умы среди нихъ задались цѣлью изслѣдовать его истоки. Пройдя черезъ тяжелые перевалы за снѣжныя цѣпи и пересѣкнувъ негостепріимное тибетское плато, они открыли группу горъ Кайлас и озеръ, откуда вытекали большія рѣки, чтобы вдохнуть жизнь всей землѣ. Суровое величіе мѣстности, уединенное положеніе области, вызывающее невольное почтеніе, и испытанія и опасности самаго пути естественно внушили людямъ съ простодушнымъ сердцемъ, но съ пылкой фантазіей мысль, что они открыли золотую страну, истинную родину ихъ боговъ, появляющихся внизу на равнинѣ въ болѣе мягкихъ образахъ—дождя, бури и огня. Позднѣйшіе браманскіе боги заняли мѣсто опять-таки на Гималаяхъ, и гора Меру (Кайлас) сдѣлалась Олимпомъ индійскихъ боговъ (Atkinson, Him. Distrits, и Sher. 40-42).

Горная цѣпь пиковъ Ганъ-ри или Кайлас возвышается на 4000 ф. надъ общимъ возвышеніемъ въ 15 тысячъ футовъ прилегающей болѣе высокой части плато, или до 14,500 ф. надъ ур. моря. „Пикъ“ Кайлас, т. е. знаменитая священная гора, 21,850 фут., извѣстная тибетцами подъ именемъ Тисе, господствуетъ надъ остальнымъ массивомъ на 2000 ф., выдѣляясь величественнымъ конусомъ (см. заглавную фотографію у Sher.), виднымъ на очень значительное разстояніе. Единственнымъ соперникомъ ея въ близкомъ сосѣдствѣ является Гурлха Мандата или Мемо (полнѣе Мемо Намніимри тибетцевъ), одна изъ величайшихъ горъ въ Тибетѣ. Между ними лежатъ Ракас-тал и Манасаровар—14,850 и 14,900 ф. надъ ур. моря, и нѣтъ во всемъ индуизмѣ или тибетскомъ буддизмѣ мѣста болѣе священнаго, чѣмъ заключенная въ этихъ предѣлахъ страна (Sher. 32).

Подробное описаніе того, какъ индусы должны совершать паломничество къ Кайласу и озеру Манасаровар, на основаніи индускихъ писаній, приводится въ общемъ резюме у Sher. 74—50. Однако, въ настоящее время паломники изъ Индіи не придерживаются строго предписаннаго пути (черезъ Липу лек), пользуясь другими перевалами (Нити или Унгад'ура) или довольствуются лишь поклоненіемъ святынямъ Кумаона (Sher. 50—51).

Дарчан, у самаго подножья Кайласа на сѣверъ отъ Барка, служитъ обычнымъ пунктомъ, гдѣ начинается и кончается обходъ горы паломниками, протяженіемъ въ 25 миль. Это разстояніе проходится въ среднимъ въ три дня пѣшкомъ, какъ это требуется обязательно; тропа очень неудобная, поднимаясь въ одномъ мѣстѣ на большую высоту (именно въ Гаури-кундѣ, гдѣ имѣется озеро, остающееся покрытымъ льдомъ круглый годъ). Время обхода сильно

измѣняется, такъ какъ нѣкоторые проходятъ все разстояніе растяжными поклонами, другіе двигаются медленно отъ старости, третьи останавливаются нарочно по дорогѣ. Вообще рекомендуется совершать обходъ не спѣша, чтобы не заслужить прозвища—кчіи-к'ор, или бѣгающей кругомъ (по кругу) собаки.

Человѣкъ со средствами путешествуетъ съ удобствами въ собственной палаткѣ; побѣднѣе—останавливается на отдыхъ и ночлегъ въ придорожныхъ монастыряхъ. Не желающій подвергаться самому трудному пути можетъ нанять замѣстителя за небольшую плату—одну рупію при обычномъ способѣ движенія и 5 рупій—растяжными поклонами (Sher. 282).

Паломники собираются со всѣхъ концовъ буддійскаго міра и изъ Индіи; Шеррингъ встрѣчалъ уроженцевъ К'ама, Монголіи, Лхасы, Ладака и болѣе отдаленныхъ странъ. Разъ въ 12 лѣтъ наблюдается особый наплывъ паломниковъ (въ десять разъ больше обыкновеннаго числа) по случаю „Кумб Мела", или періодической ярмарки съ середины мая до конца сентября (послѣдняя очередная ярмарка этого рода была въ 1906 г.)

Уступки тибетскаго правительства англійскому, какъ онѣ выражены въ мирномъ протоколѣ въ отношеніи Гартока, представляютъ большую важность для туземныхъ подданныхъ Индійской имперіи, чѣмъ вся совокупность торговыхъ преимуществъ, устанавливаемая этимъ же договоромъ для центральнаго Тибета, такъ какъ онѣ открываютъ свободный путь индійскимъ паломникамъ къ наибольшимъ святынямъ индійскаго міра, играющимъ въ его глазахъ роль Мекки. До сихъ поръ паломничество къ этимъ святынямъ оказывалось для средняго индуса практически неосуществимымъ, не только вслѣдствіе физическихъ трудностей, но главное противодѣйствію со стороны тибетцевъ, такъ какъ допущеніе иностранца—европейца или уроженца Индіи—навлекало на старшину деревень вдоль границы, виновнаго въ этомъ, смертную казнь. Лишь факирамъ въ числѣ до 150 человѣкъ въ годъ удавалось понынѣ преодолѣвать физическія преграды и людскую непріязнь; но съ открытіемъ свободнаго доступа въ страну, надо думать (Sher. 145), послѣдуетъ притокъ огромнаго числа паломниковъ, что уже само по себѣ является важнымъ фактомъ, независимо отъ будущаго расширенія торговыхъ сношеній.

6) Sievers, Asien, 2 изд. стр. 350.

7) Тамъ же стр. 461.

7. 1) Геологическій составъ Каракорума, несходный съ Гималайскимъ, указываетъ на болѣе древнее его происхожденіе. Sievers, Asien. 2 изд. 456.

2) Сѣверный отпрыскъ Музтага, образующій неправильный поперечникъ водораздѣла и связывающій подъ 80° в. д. восточные концы главнаго массива Музтага съ Куэнь-лунемъ, представляетъ западную границу Тибета, какъ и признается политически въ настоящее время, хотя Бжянъ-т'анъ или плоскогорье на западъ отъ

него не отличается въ существенныхъ физическихъ чертахъ отъ Аксай-чин'ской пустыни на востокѣ. (Walker въ Enc. Brit. XXIII).

3) Лѣтомъ 1902 г. шесть альпинистовъ-англичанъ и австрійцевъ пытались взобраться на пикъ Годвинъ Аустина (Чогори) см. Guillarmod, Six mois dans l'Himalaya, съ прекрасными фотографіями. Изображеніе Чогори см. въ Asien, 2 изд. стр. 458. Имя Годвина Аустина дано въ честь другого начальника индійской съемки, посѣтившаго въ 1860 г. озеро Панъ-конъ. Въ 1902—3 г.г. супруги Воркманъ (Workman) изслѣдовали ледники Каракорума. См. Geogr. IX (1904), 249—256 съ 2 фотографіями.

4) О перевалахъ черезъ Каракорумскія горы см. Balf. II 156.

8. 1) О разбойникахъ Хунзы, какъ и обитателяхъ Канджута, раздѣлявшихъ въ указанномъ отношеніи славу съ первыми, см. Stein, Sand-buried towns of Khotan, 32.

2) Изъ главнѣйшихъ описаній Каракорума можно указать, начиная съ Schlag. Reisen, IV,—Conway, Climbing and Exploration in the Karakorum Himalayas 1894; Guillarmod, Six mois dans l'Himalaya, 1904; Workman: In the ice world of Himalaya, 1900, наконецъ, статью относительно Каракорума въ Hunter, Imperial Gazetteer of India (см. новое изданіе этой справочн. книги 1907 г.).

3) Напр. Wegener, Tibet стр. 27; другіе (Н. 11—12) принимаютъ эту цѣпь, какъ и цѣпь Ганъ-ри (Кайласа) за непосредственный обрывъ тибетскаго нагорья.

4) Calvert въ 1906 г., де Рэнсъ и Литтльдѣль. Важные результаты для знакомства съ этой цѣпью должны получиться отъ изслѣдованій Гедина въ 1907 г. во время перехода черезъ цѣпь на путь къ Цзанъ-по.

9. 1) Начало второго, болѣе сѣвернаго ряда этой цѣпи (цѣпь Большихъ озеръ Гренара) у Инда (Алунъ ганъ-ри) имѣетъ 7,360 м. Изъ вершинъ далѣе на востокъ отмѣтимъ подъ 82½° Кухан ри-бо ганъ-ла (7,220 м.), подъ 85°—Шегунчум, на западъ и на значительномъ разстояніи отъ озера Данъ-гра юм—7,660 м. На югъ отъ Бог-цанъ цзанъ-по высота горъ понижается до 6,500 м., далѣе на востокъ на меридіанѣ Тэнгри нора—лишь до 4,950 м. Названіе цѣпи Большихъ озеръ было дано Гренаромъ этимъ горамъ (сѣверному ряду восточнаго продолженія Каракорума) по той причинѣ, что горы раздѣляютъ озерную область Боуэра и Литтльдэля на сѣверѣ отъ большихъ озеръ Наинъ-синга на югѣ. Однако, южному ряду этой вѣтви, на югъ отъ большихъ озеръ и Тэнгри нора, принадлежитъ болѣе важная роль въ гидрографическомъ отношеніи, какъ южнаго водораздѣла области внутреннихъ закрытыхъ бассейновъ Тибета, подобно тому, какъ аналогичную роль сѣвернаго водораздѣла играетъ Арка таг, или Устун таг Гренара. Только болѣе южный хребетъ, менѣе удаленный отъ океана, доставляетъ большее количество влаги рѣкамъ, выходящимъ съ его склоновъ. Miss. Scient. III 175—6..

2) Впредь до опубликованія наблюденій Гедина въ 1907 году.

3) Имя Куэнь-лунь въ китайской формѣ Кунь-лунь является однимъ изъ древнѣйшихъ въ географической номенклатурѣ Азіи, такъ какъ встрѣчается уже въ древнѣйшемъ китайскомъ географическомъ сборникѣ Юй-гунъ (особой главѣ Шу цзина, или собранія историческихъ документовъ), составленіе коего, по меньшей мѣрѣ, предшествовало за 10 вѣковъ (китайцы говорятъ, за 23 вѣка) до христіанской эры. Тѣмъ болѣе странной кажется попытка Палладія („О торг. путяхъ по Китаю (стр. 256) сблизить названіе Куэнь-лунь съ монгольскимъ словомъ „кундулун"—преграда—на томъ лишь основаніи, что этотъ хребетъ является „главной препоною" на пути изъ Тарима—Монголіи въ Тибетъ, если только не признавать за этимъ словомъ существованія его въ другихъ языкахъ, предшествовавшихъ монгольскому.

Транскрипціи названія горъ—Кунь-лунь и Куэнь-лунь—, встрѣчаемыя въ русской литературѣ, взяты, очевидно, съ западно-европейскаго Kwen-lun; на дѣлѣ это названіе пишется по китайски 崑崙山 и читается, согласно Канъ-си-цзы-дянь—Гунь-лунь шань (Веберъ въ Зап. Ак. Наукъ (ист. фил. отдѣл.), 1907, № 4, стр. 16, прим. 86). Горы описываются въ 7 отдѣл. Ту-шу-цзи-чэнъ, т. 3, главѣ 80.

Первоначально именемъ Куэнь-луня обозначалась неопредѣленнымъ образомъ горная область около истоковъ Хуанъ хэ (Otani, Where are the Kuenlun mountains въ Rep. VIII Int. Geogr. congr. 1904), получившая затѣмъ большую извѣстность въ китайскихъ легендахъ, какъ обиталище волшебнаго короля Дунъ-ванъ-гуна или Му-гуна и королевы Си-ванъ-му; европейское же употребленіе перенесло это имя части горъ на всю систему; послѣдняя обычно обозначается въ китайскихъ описаніяхъ Центральной Азіи, какъ Нань шань—южныя горы, т. е. на югъ отъ принятыхъ торговыхъ путей въ Ганьсу и въ бассейнѣ Тарима.

4) „Система Куэнь-луня представляетъ своей непрерывностью и неизмѣнностью своего направленія замѣчательнѣйшій геологическій феноменъ среди всѣхъ горныхъ хребтовъ стараго свѣта" (Asie Centrale, 1843, I, стр. XXII);

5) Клапротъ первый выдѣлилъ Куэнь-лунь, какъ самостоятельную цѣпь, изъ смутнаго представленія о Тяньшанѣ, подобно тому, какъ Гумбольтъ установилъ самостоятельность системы отъ Гималаевъ;

6) „Изъ всѣхъ горъ, опредѣляющихъ общее расчлененіе по внѣшнемъ рельефѣ, какъ и во внутреннемъ строеніи Азіи, ни одни не могутъ сравниться по значенію съ Куэнь-лунемъ". Куэнь-лунь является древнѣйшимъ хребтомъ Азіи и, какъ таковой, „можетъ быть названъ спиннымъ хребтомъ горнаго скелета восточной половины материка" (China I, 223—5, см. также II 653—8).

7) Zeitschr. Ges. Erdkunde Zu Berlin, т. XXVI (1891) № 3, стр. 191—296; имѣется также въ отдѣльномъ изданіи.

10. 1) Съ прибавленіемъ еще Обручева и Лоци.

2) Указанныя поправки принимаются въ соображеніе Футтереромъ въ его очеркѣ Куэнь-луня въ „Neuere Forschungen in Zentral-Asien und China. P. M. Erg. XXV (1896), стр. 6—22 съ картою тибетскихъ горныхъ системъ (стр. 12).

3) Пѣвцовъ, Богдановичъ, Лоци, Зюссъ; Футтереръ въ указанной статьѣ, стр. 7, придерживаясь въ общемъ теоріи Рихтгофена, допускаетъ возможнымъ сомнѣніе въ правильности его (а также Гумбольдта) взгляда на постоянство и единство простиранія системы.

4) Съемки памирской пограничной комиссіи 1895 г. и кап. Дези показали, что неправильно говорить, будто тибетское плато сливается съ памирскимъ на западѣ. Ни одна часть памирской области не примыкаетъ непосредственно къ Тибету, и связь между Куэнь-лунемъ и горами около озера Викторіи на Памирѣ, какъ то утверждаетъ Столичка, не можетъ быть удостовѣрена. Въ самомъ дѣлѣ, Куэнь-лунь въ сѣверо-западныхъ отпрыскахъ примыкаетъ къ такъ-наз. Mariom Pamir въ бассейнѣ р. Заравшана, но Куэнь-лунь задолго до Заравшана уже не является политической, если не географической границей Тибета, а Маріомъ Памиръ, если признавать его за истинный Памиръ, отдѣляется отъ Великаго Памира (области озера Викторіи) двойной цѣпью Сарыкола (Гольдичъ въ Enc. Brit. XXXIII 322).

11. 1) China, II, 655;

2) тамъ же, I, стр. 227—272.

3) Параллелизмъ главныхъ цѣпей Куэнь-луня менѣе проявляется во внѣшнемъ расположеніи горныхъ массъ благодаря существованію сложной сѣти побочныхъ отроговъ и болѣе или менѣе изолированныхъ массивовъ, геологическимъ взбросамъ и лабиринту холмовъ у подножья горъ, чѣмъ во внутреннемъ ихъ строеніи. Въ результатѣ—крайняя неправильность въ главныхъ линіяхъ стока, прорѣзывающихъ горныя стѣны по поперечнымъ бороздамъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Поэтому долины, представляющія естественные пути доступа въ страну съ сѣвера, не только обычно являются узкими ущельями, нерѣдко совершенно непроходимыми, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они пробиваются сквозь горную массу, но и несоразмѣрно удлиняются между равнинами и нагорьями. (H. 7—8).

13. 1) Wegener Kwenlun, стр. 243—4.

14. 1) Авторы, отвергающіе дѣйствительную важность открытой Бонвало цѣпи, ведутъ южную цѣпь Куэнь-луня черезъ пики Бонвало и принца Орлеанскаго (свыше 6,500 м.), найденные Дютрейль де Рэнсомъ подъ 87° в. д. и 33½° с. ш. Напротивъ, Гренаръ, указывающій подъ 34° огромный горный хребетъ въ 6,800 метровъ, названный имъ горами Дютрейль де Рэнса и отвѣчающій вполнѣ предполагаемому направленію южной вѣтви Куэнь-луня, ведетъ гребень поднятія этой части страны далѣе на востокъ черезъ

горы Дюплэ, которымъ, однако, даетъ лишь 6,000 метровъ возвышенія, къ Танъ-ла. Начало горъ Дютрейль де Ренса Гренаръ видитъ въ высокой цѣпи горъ Мавангъ Ганъ-ри и Ару ганъ-ри (6,800 метровъ) на сѣверъ отъ озеръ того же имени, выходящихъ изъ Каракорума на югъ отъ Линъ-дзи т'анъ и слѣдовательно не связанныхъ съ западнымъ Куэнь-лунемъ. См. Miss. Scient. III стр. 170—174. Напротивъ, горы Бонвало и принца Орлеанскаго связываются, по мнѣнію Гренара, на западѣ съ цѣпью Тачаб ганъ-ри на сѣверъ отъ маршрута Наинъ-синга съ ихъ восточнымъ продолженіемъ—Мелонъ Ганъ-ри, проходящимъ на сѣверъ отъ Гжаринъ ц'о, Амдо ц'о наг (перевалъ Да-цзанъ ла) и верхняго теченія Наг ч'у (на югъ отъ маршрута Боуера и Рокгиля). Тамъ же 175.

2) Свѣдѣнія экспедиціи де Рэнса могутъ быть дополнены наблюденіями Гедина 1901 г., который дважды доходилъ (одинъ разъ пересѣкъ) до огромной горной цѣпи подъ 34°, какъ разъ на сѣверо-западномъ продолженіи Танъ-ла. Однако, научная обработка матеріаловъ этой части путешествія еще не закончена Гединомъ, какъ и не изданы относящіеся сюда листы съемки.

3) Имя Tantla упоминается уже Гюкомъ при описаніи плоскаго хребта, на югъ отъ Муру-усу, называемаго имъ наиболѣе высокой мѣстностью на земномъ шарѣ.

4) Помимо указанныхъ рѣкъ, съ Танъ ла стекаетъ на юго-западъ и наиболѣе значительная рѣка закрытыхъ областей сѣвернаго Тибета Ца ч'а цзанъ-по, о которой болѣе подробно говоритъ Рокгиль (см. I вып. стр. 150).

5) Высшая точка вершины Пунбугуспунсум—6,250 метровъ.

6) Рокгиль значительно увеличиваетъ эти цифры, такъ какъ, по его наблюденіямъ, высота снѣговой линіи въ горахъ Танъ ла показывается Пржевальскимъ слишкомъ низко противъ дѣйствительной.

15. 1) Вторая и главная вѣтвь Меконга, Дза наг чу (Дза чу) беретъ начало, по наблюденіямъ экспедиціи Дютрейль де Рэнса, съ восточнаго склона сѣверной вѣтви горъ Дюплэ, (если принимать Танъ-ла за южное ихъ продолженіе), идущей черезъ сліяніе Мурун усу и Токтонай по правому берегу Дам-чу и обоимъ берегамъ Омчу до Чамдо и далѣе (Miss. Scient. III 171—2).

2) Незначительное возвышеніе Танъ-ла надъ сосѣдней страною (не болѣе 2,000 ф.) даетъ поводъ Дельмаръ Моргану сказать въ Prjevalski's Journeys and Discoveries in central Asia (Proc. R. G. S. XII—XIII, 1890—1), что черезъ эти горы могла бы быть легко построена желѣзная дорога.

О климатической и экономической роли Танъ-ла на основаніи свѣдѣній Рокгиля см. I вып. стр. 158, прим. 2.

3) Красныя горы, названныя такъ за преобладающую окраску составляющихъ ихъ горныхъ породъ, начинаются на сѣверъ отъ озера Ѣшил и идутъ вдоль маршрута Велльби на всемъ протяженіи до

горъ Кукушили, южный склонъ которыхъ отличается также краснымъ оттѣнкомъ. Вообще красный цвѣтъ скалъ весьма обыченъ во всемъ Тибетѣ, начиная съ Алтын и Арка тага, однако, онъ играетъ еще болѣе замѣтную роль въ „Красныхъ горахъ", заслуживъ имъ отъ Гренара это наименованіе, Miss. Scient. III 169—170. Съ разстоянія „Красныя горы" представляются сплошной линіей снѣжныхъ пиковъ, раздѣленныхъ весьма неглубокими выемками, но на дѣлѣ вершины разбросаны безпорядочно по горной массѣ цѣпи. Сами онѣ не представляютъ ничего примѣчательнаго; за то перевалы въ цѣпи очень высоки (5,500 метровъ).

4) Если отожествить Цаган обо Пржев. съ цѣпью Цагана у истоковъ сѣверной вѣтви Меконга, то Цаган обо окажется южной параллельной цѣпью для Баян-хара, а не Думбуре.

5) Амне мачин вмѣстѣ съ Баян-хара могутъ считаться и восточнымъ продолженіемъ вѣтви Марко Поло (Арка тага) средняго Куэнь-луня. См. ниже.

Китайцы различаютъ двѣ горныя цѣпи Цзи-ши шань, прилагая къ нимъ эпитеты да и сяо—большой и малой: *Сяо Цзи-ши шань* 積石山 находится на сѣверо-западъ отъ Хэ чжоу по сѣверному берегу Желтой рѣки; достаточно полное описаніе его находится въ 7 отдѣленіи Ту-шу-цзи-чэнъ (Шань-чуанъ-дянь 典), томѣ 3, главѣ 79). Малый Цзи-ши-шань является предположительно продолженіемъ Южно-кукунорскихъ горъ.; напротивъ, большой, или *Да-цзи-ши-шань* (или Да сюэ-шань) представляетъ горы Амне-мачин (А-му-ни мачань-му-сунь).

6) Синіе холмы, что указываетъ на общій характеръ цѣпи, особенно въ восточной части, болѣе походящей на холмы небольшого возвышенія надъ окружающей страною, чѣмъ на настоящія горы съ рѣзко обозначенными вершинами.

7) Hedin, Centr. Asia and Tibet, I 518 и далѣе.

16. 1) Гренаръ, ведущій горы Баян-хара отъ хребта Арка тага, или третьей вѣтви Куэнь-луня, заставляетъ горы Кукушили склоняться за Напчуту Улан мурен болѣе къ югу и по правому берегу Дре чу достигать Пур-донъ ри, на сѣверъ отъ Дза-наг ч'у (Дза ч'у). Miss. Scient. III 170.

Южныя развѣтвленія горъ Баян хара, начиная съ 94°30' в. д., направленныя на юго-востокъ и югъ, образуютъ водораздѣлы между Дре чу и Дза чу н'олок, и между послѣдней рѣкою и Да-цзинь-чуань; третье же развѣтвленіе проходитъ на востокъ отъ Да-цзинь чуань, отдѣляя ее отъ Минь хэ. Miss. Scient. III 168.

2) Какъ ее опредѣляетъ Рихтгофенъ въ противоположность внутреннимъ областямъ. China I, 8—11.

3) Именемъ А-мніе (предки) въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ зовется опредѣленная категорія горныхъ духовъ, среди которыхъ играетъ извѣстную роль Гесер хан, легендарный герой монголовъ; отсюда является обычай соединенія этого имени съ названіями

горъ. Аналогичный видъ божествъ суть Ноидзин въ собственномъ Тибетѣ. (Mat. 167 со словъ проф. Форке).

Кругомъ Амне мачинъ, кромѣ многихъ небольшихъ монастырей вдоль подножья, считается до 36 молитвенныхъ страннопріимныхъ домовъ, сложенныхъ изъ камня и обмазанныхъ глиною. Они въ обыкновенное время необитаемы и имѣютъ цѣлью пріютить странника-богомольца, застигнутаго непогодою въ этихъ безлюдныхъ мѣстахъ; въ каждомъ домѣ имѣется нѣсколько глиняныхъ бурхановъ и священныхъ книгъ. Путникъ, располагающій нѣкоторымъ излишкомъ продовольствія, оставляетъ немного цамбы для менѣе имущаго (Роборовскій въ Тр. Ц. Аз. I, 386).

4) Западное продолженіе Амне-мачин—горы Амнен кор, водораздѣлъ между Алык-норин головъ и озеромъ Н'оринъ, описаны Козловымъ въ „Камъ" на стр. 320—1 съ фотогр. къ 316 и 330 стр. Сѣверный склонъ изобилуетъ снѣгомъ, южный—только въ западной части. Въ общемъ, съ юга хребетъ выглядитъ менѣе внушительнымъ, какъ видно изъ сопоставленія обѣихъ указанныхъ фотографій, первой снятой съ сѣвера, второй съ юга—съ береговъ Хуанъ хэ. Высота наиболѣе удобнаго перевала, которымъ пользуются тибетцы и которымъ слѣдовалъ Козловъ,—15,700 фут.

17. 1) Гренаръ (Miss. Scient. III 164—169) объединяетъ всѣ цѣпи третьей вѣтви Куэнь-луня подъ общимъ наименованіемъ Устун таг (Верхнія горы) въ противоположность Алтын, или Астын таг—нижнія горы, о которыхъ будетъ говориться при разсмотрѣніи четвертой вѣтви системы. Начало Устун тага указывается Гренаромъ у истоковъ рѣки Каракаш и Бжянъ ч'ен-мо вмѣсто принятаго исходнаго пункта у верховьевъ Карамурен, такъ что самый хребетъ получаетъ характеръ лишь продолженія Каракорума. Дальнѣйшее продолженіе Устун тага, или его важнѣйшей цѣпи, носитъ имя Арка тага и, наконецъ, горъ Баян хара, которыя согласно этой классификаціи, переносятся изъ второй въ третью вѣтвь Куэнь-луньской системы. Несомнѣнно, что по своему гидрографическому значенію Баян хара имѣетъ много сходнаго съ Арка тагомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вся линія горныхъ цѣпей Устун тага, Арка тага и Баян хара на протяженіи 2400 километровъ отъ Каракорума до границы собственнаго Китая представляетъ собою безусловную водораздѣльную границу для сосѣднихъ областей на сѣверѣ и югѣ, такъ что ни одно водное теченіе не пересѣкаетъ нигдѣ гребня этихъ цѣпей. Главныя рѣки Туркестана, Цайдама и сѣвернаго Китая (Каракаш, Юрунг каш, Керія, Бостан, Кара мурен, Черчен, Найци, Шуга и Хуанъ хэ), прорѣзывающія горные гребни болѣе сѣверныхъ цѣпей —западнаго Куэнь-луня, Алтын тага, Цайдамскихъ, Чжахар, берутъ начало на сѣверномъ, или восточномъ склонахъ этого могучаго водораздѣла, тогда какъ на югъ располагаются истоки Намчуту Улан мурен и Дза ч'у н'о-лок (Ялунъ).

2) Гединъ обозначаетъ хребетъ Колумба именемъ Чамен тага, какъ и Кэри; по его описанію, хребетъ имѣетъ алпійскій характеръ и обильные осадки, въ результатѣ чего является пышная растительность; благодаря разницѣ въ возвышеніи уровня долины у сѣвернаго и южнаго подножья (19,715 и 13,731 ф.) съ сѣвера Чамен таг производитъ впечатлѣніе гигантской цѣпи, съ юга же имѣетъ почти ничтожный видъ.

18. 1) Самъ Пржевальскій называлъ его Акка тагомъ.

2) Centr. Asia and Tibet: вышина хребта I 509 и 589; параллельныя цѣпи I 502, 505; перевалы I 503; II 247; переходъ черезъ хребетъ I 496—511 и II 246—247.

19. 1) О происхожденіи названія горъ Пржев. IV пут. 149—150. По мнѣнію Рокгиля, весь горный хребетъ не имѣетъ этого названія, обозначающаго лишь одинъ перевалъ по дорогѣ изъ Цайдама въ сѣверо-восточный Тибетъ, при томъ же настоящая форма имени—Бурхан-бота(га) или котелъ Будды. L. L., 139, прим. 2.

2) Исключеніе составляетъ гора Каролины, повидимому, достигающая 5,500 метр. (измѣрена и названа Рокгилемъ) на югъ отъ Аланъ гола. Рокгиль нашелъ также въ горахъ снѣжныя поля.

3) Несмотря на колоссальные размѣры, горы Бурхан-бота не всегда бываютъ видны даже съ разстоянія 20—25 верстъ (напр. изъ хырмы Барун-цзасака), особенно во время пыльныхъ бурь. Козловъ Камъ I 178.

4) О немъ Козловъ, Камъ I 313.

5) Сѣверное подножье горъ опускается до 10,500 ф., южное лишь до 13,500 ф., не удаляясь притомъ отъ гребня болѣе чѣмъ на 12 верстъ. Подробности о флорѣ и фаунѣ Бурхан-бота даются Козловымъ въ Камъ I, стр. 305—306, при чемъ обиліе животныхъ объясняется почти полнымъ отсутствіемъ человѣка въ горахъ и далѣе на югъ.

Восточное продолженіе цѣпи Бурхан-боты, горы Си-цинъ шань, въ дальнѣйшемъ переходящія въ Китайскій Цинь линъ, европейцамъ очень мало извѣстны. Рихтгофенъ (China I 266) предполагаетъ въ нихъ могучій, издревле знаменитый массивъ; Пржевальскій описываетъ ихъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, подъ именемъ Цзуньмо лунъ въ III пут. стр. 373 374 какъ крутыя съ дикими формами недоступныя горы, однако, не достигающія снѣжной линіи.

Какъ указываетъ Веберъ въ Запискахъ Академіи наукъ по ист.-филолог. отдѣленію., 1907, № 4, Си-цинъ шань на юго-западъ отъ Ди-дао чжоу, иначе Лу-ча-бу-ла шань, обозначается на европейскихъ картахъ Тасурхай (кит. атласъ переноситъ послѣднее имя на цѣпь немного сѣвернѣе Си-цинъ шань). Описаніе Си-цинъ шань помѣщено въ главѣ 79, третьяго тома 7 отдѣленія Ту-шу-цзи-чэнъ, гдѣ (а также въ 80 главѣ) даются свѣдѣнія и о другихъ горныхъ цѣпяхъ провинціи Гань-су.

20. 1) L. 136;

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

4) Такъ пишетъ названія княжествъ Рокгилъ (тамъ же.) Однако, число цайдамскихъ хошуновъ въ настоящее время не пять, а восемь (перечень ихъ см. Позднѣевъ, Сказаніе о хожденіи База-бакши стр. 174—175 и прим. 47 на стр. 175; тамъ же существующее понынѣ обозначеніе „пять цайдамовъ" объясняется воспоминаніемъ относительно историческаго раздѣленія страны на пять хошуновъ.

5) Вслѣдствіе помѣси съ тангутами (тибетцами) калмыки Цайдама въ значительной мѣрѣ утратили чистый племенной типъ.

6) L. L., 136.

7) Прж. III пут. 148; IV пут. 199, 218, 212.

8) Типичный ландшафтъ въ Цайдамѣ изображенъ на фототипіи, прил. къ 186 стр. Козлова „Камъ".

Относительно Цайдама и исторіи его географическаго изслѣдованія см. As. Centr. 134—137.

Изъ звѣрей свойственны Цайдаму: антилопа хара-сульта, хуланъ, волки, лисицы, зайцы и друг. болѣе мелкіе грызуны. Осенью, когда созрѣютъ ягоды хармыка, съ тибетскихъ горъ спускаются медвѣди и лакомятся этими красивыми и густо нанизанными на вѣтви сладкосолеными ягодами. Малое количество звѣрей обусловливается, помимо непривѣтливости страны, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтомъ болота Цайдама кишатъ миріадами комаровъ, мошекъ и оводовъ, такъ что даже мѣстные жители откочевываютъ на это время въ горы со своими стадами.

Пернатое царство Цайдама лѣтомъ, или въ періоды весеннихъ и осеннихъ перелетовъ и гнѣздовья имѣютъ довольно много представителей изъ отрядовъ голенастыхъ и водяныхъ; за то зимою встрѣчаются лишь немногіе коренные обитатели: цайдамскій фазанъ, жаворонки, пустынныя сойки, полевой воробей, горный голубь, грифы, ягнятники.

Цайдамскія рѣки и рѣчки изобилуютъ рыбою, принадлежащей къ роду маринокъ, губачей, гольцовъ. (Козловъ, Камъ I 186—7).

21. 1) Этой безплодной полосою песковъ вдоль подошвы горъ, за которой уже идутъ оазисы, Цайдам напоминаетъ бассейнъ Тарима, только въ послѣдней области поясъ песковъ болѣе широкъ и мощенъ.

2) По сосѣдству съ безпокойными тибетцами (на юго-востокѣ Цайдама въ Барун) монголы собираются въ многочисленныя стойбища (напр. хырма Барун-цзасака) или имѣютъ укрѣпленныя деревни, подобныя Дулан-го въ области Кукенор, для защиты отъ тибетскихъ разбойниковъ (оронгыйн или голоки по мнѣнію Пржевальскаго, китайск. знаменные солдаты для службы въ Тибетѣ по догадкѣ Позднѣева, Ж. М. Н. Просв. 1884); въ другихъ частяхъ области въ подобномъ способѣ защиты нужды не представляется.

Упомянутыя названія Барун (или Цзун) ц. засак хырма Пржевальскаго, Рокгиль принимаетъ за испорченную форму керим —де-

ревня; чаще употребляется Барун [Цзун] куре, или байшин [домъ]; у тибетцевъ—Барун (Цзун) К'анъ-сар. Дома служатъ монголамъ лишь въ качествѣ складовъ, т. к. сами они живутъ въ палаткахъ, поставленныхъ во дворѣ (Diary 163).

3) L. 137.

4) IV пут. 140—1.

5) Описаніе въ L. 141—3.

6) Труды Центр. Аз., Козловъ, стр. 191—5. О южномъ Цайдамѣ тамъ же 197—9 и 207—8.

21. 1) О хармыкѣ въ Цайдамѣ подробно разсказываетъ Пржевальскій III пут. 35, 160—162; IV пут.—223; о тамарискѣ –III пут. 162 и 199; о другихъ степныхъ растеніяхъ: саксаулѣ III пут. 35—37, дырисунѣ III пут. 37—38. Вообще о Цайдамѣ въ мѣстностяхъ, посѣщенныхъ Пржевальскимъ въ III и IV пут., мы находимъ свѣдѣнія: III пут. съ 146 стр.; IV пут. 122 и 236.

2) Козловъ, прошедшій съ экспедиціею 1900—1901 г. крайній восточный уголъ Цайдама (Барун Цзасак), даетъ въ VI главѣ перваго тома Монголія и Камъ (стр. 185—211) географико-статист. очеркъ Цайдама, а въ VII гл. 212—256 сообщаетъ этнографич. свѣдѣнія о Цайдамскихъ монголахъ на основаніи распросныхъ данныхъ Бадмажапова, входившаго въ составъ экспедиціи.

24. 1) Богдановичъ, Труд. Тибет. Эксп. II стр. 27—28.

2) Сѣверный край Алтын тага возвышается надъ пустыней Лоб-нора у своего подножья приблизительно на 1000 метр. (озеро Лоб лежитъ на высотѣ 790 м., но затѣмъ мѣстность постепенно поднимается въ южномъ направленіи до 2400 метровъ), южный край— лишь на 300 метровъ надъ плоскимъ нагорьемъ между Алтын тагом и слѣдующей цѣпью Акато тагомъ.

25. 1) Hedin, Centr. Asia, II 208—213, даетъ чрезвычайно картинное описаніе долины Чарглык-су и подъема по ней внутрь Куэнь-луньской горной области.

2) На картѣ Кэри Алтын таг Прж. обозначенъ не какъ самостоятельный хребетъ, но лишь какъ составная часть другихъ цѣпей. Чамен таг Пржев. на дѣлѣ является Юсуп-аялык таг туземцевъ.

3) Гренаръ, какъ мы видѣли выше, переноситъ имя Устун значительно далѣе на югъ на самостоятельный третій поясъ Куэньлуня, или Арка таг.

27. 1) Мѣстами Хуанъ хэ проходитъ не по глубокому ущелью, а въ широкой котловинѣ, какъ сообщаетъ Футтереръ для посѣщенныхъ имъ участковъ верхняго теченія этой рѣки. Въ общемъ нарисованная здѣсь картина рѣчного пейзажа скорѣе относится къ долинамъ притоковъ Янъ-цзы, проходящимъ въ той же горной области, только по южному краю (ср. описаніе Фильхнера).

2) Хотя разстояніе между Сунъ-пань тинъ и Си-нинъ фу по прямой линіи не превышаетъ 420 верстъ, но трудности путешестія таковы, что караваны употребляютъ на передній путь 3 мѣсяца (все

лѣто), а такъ какъ зимою путешествіе по горамъ сопряжено съ крайними опастностями, то возвращеніе предпринимается лишь слѣдующимъ лѣтомъ, такъ что на оба пути уходитъ обычно полтора года. Gill, Riv. gold. Sand, изд. 1880 г., I 379.

3) См. „Тангуто-тибетская окраина Китая“.

4) Эта цифра опредѣляетъ уровень самаго озера надъ моремъ; котловина же, естественно, лежитъ еще выше.

29. 1) До посѣщенія Пржевальскаго Сэртэн не только не былъ извѣстенъ по европ. описаніямъ, но даже и по кит. географ. сборникамъ, кот. отказываются вовсе опредѣлять границы и разстоянія въ этой части азіатскаго материка, особенно въ сѣв. Цайдамѣ.

2) Эти калмыки принадлежатъ нынѣ вѣдомству Курлыкскаго бейсе.

3) Diary 64.

4) Вся Кукунорская котловина (длиной эллиптической формы съ осью, направленной съ сѣверо-запада на юго-востокъ и равной 150 милямъ; ширина же котловины 80 миль) не представляетъ одной плоской поверхности, такъ какъ, наприм., широтная цѣпь холмовъ окаймляетъ на протяженіи 40 миль южный берегъ Бухаин гола; но по сравненію съ высотою окружающихъ цѣпей (Сѣверо-Кукунорская или Су-лей Наньшань имѣетъ въ среднемъ 20000 ф. съ пиками въ 23,000 ф.; Южно-кукунорскія горы въ среднемъ 14—15 тыс. ф.), котловина сохраняетъ ясно выраженный равнинный характеръ, хотя среднее ея возвышеніе значительно больше общаго уровня страны внѣ замыкающихъ котловину горъ, въ особенности на востокѣ и юго-востокѣ.

По своимъ размѣрамъ, котловина является наибольшей среди многочисленныхъ аналогичныхъ долинъ (мульдъ), заключенныхъ между различными цѣпями Нань шаня, и орошается многочисленными рѣками, стекающими къ озеру, расположенному въ юго-восточной ея части. Ограничивающія котловину горныя цѣпи сближаются, хотя не вполнѣ сходятся, въ 20 миляхъ на юго-востокъ отъ восточной оконечности озера.

5) Прж. III пут. 323, 401—402. О самомъ озерѣ тамъ же 315. 316—318, 322; IV пут. 124. Возвышеніе озера надъ ур. моря опредѣляется различно европейск. изслѣдователями—отъ 9,975 футовъ (Гединъ 1897 г., несомнѣнно черезчуръ низкая цифра) до 11,207 (Грумъ-Гржимайло); вѣроятная высота между 10,250 и 10,400 ф. (Пржевальскій въ 1884 году даетъ 10,700 ф.)

Историческая замѣтка относительно изслѣдованія Кукенора дается As. Centr. 119.

6) Крейтнеръ предполагаетъ (Im fernen Osten, 723—4), что подобное соединеніе существовало раньше, именно, черезъ маловозвышенную плоскую гряду на востокъ отъ озера, съ Си-нинъ хэ, которая беретъ нынѣ начало на сѣверѣ отъ озера. Въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что Си-нинъ хэ, несмот-

ря на меньшіе размѣры, заставляетъ теченіе Да-тунъ хэ при встрѣчѣ свернуть подъ прямымъ угломъ и принять направленіе притока съ запада на востокъ, откуда слѣдуетъ, что нынѣ меньшая по массѣ воды Си-нинъ хэ, признаваемая за притокъ Да-тунъ хэ, раньше не уступала величиною главной рѣкѣ, получая, возможно, притокъ водъ Кукунора. Самый аллювіальный характеръ нынѣшняго водораздѣла доказываетъ недавнее существованіе истока озера.

Гюкъ разсказываетъ преданіе относительно возникновенія Кукунора, возможно, основанное на фактѣ, что это озеро принадлежитъ къ числу движущихся озеръ, подобно Лобнору. Это преданіе устанавливаетъ связь между возникновеніемъ озера и основаніемъ Лхасы. Первое время, говоритъ онъ, невозможно было построить никакое зданіе на мѣстѣ нынѣшняго города благодаря существованію подземнаго озера, дѣлавшаго почву настолько зыбкою, что фундаментъ зданія поддавался, и самое зданіе исчезало. Когда тайна озера была открыта однимъ ламою, то озеро разомъ перешло по подземному каналу на сѣверъ и образовало Куку нор. Это преданіе указываетъ несомнѣнно на то, что озеро сравнительно недавняго происхожденія.

30. 1) Кукунор, повидимому, высыхаетъ и сокращается въ объемѣ, если вѣрить утвержденію Гюка, что 60 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ 1844 г.) оно измѣрялось въ 100 лье (т. е. 400 верстъ) въ окружности.

2) Озеро подвержено періодическимъ приливамъ и отливамъ, какъ подмѣтилъ Гюкъ; въ настоящее время извѣстно, что таково нормальное состояніе всѣхъ значительныхъ внутреннихъ водныхъ пространствъ, хотя механизмъ самого феномена отличается отъ морскихъ приливовъ и не вызывается тѣми же причинами. Н. 156.

3) Hedin, G. J. Апр. 1898, стр. 407.

4) Крейтнеръ, цит. соч. 719.

31. 1) Озеро замерзаетъ съ ноября по май мѣсяцъ на глубину почти 2 футовъ (60 сантиметровъ); однако, Гединъ, посѣтившій озеро въ серединѣ 1896 г., еще не видѣлъ на немъ льда. Благодаря частымъ вѣтрамъ въ котловинѣ на озерѣ поднимаются сильныя волненія, почти бури.

32. 1) Diary 112—3.

2) Камъ, I, 164.

33. 1) Тѣ-ли нор, т. е. (с)Тонъ-ри цо наг Diary 112, прим.

2) Diary, 112.

3) Тамъ же 113.

4) Тамъ же.

5) Козловъ, Камъ, I 164. Рокгиль указываетъ численность панака на сѣверъ отъ Кукунора въ 19,500 семей, по 4 человѣка въ каждой —Diary 115.

34. 1) Рокгиль указываетъ на значительную примѣсь тибетскихъ словъ въ самомъ монгольскомъ языкѣ населенія Цайдама.

2) Тамъ же 161.

3) Тамъ же 164—6.

4) Рѣка возникаетъ двумя верховьями—однимъ Оринъ гол въ Южно-кукунорскихъ горахъ, подъ 37°18' с. ш. и 98°12' в. д., и другимъ, болѣе важнымъ, собств. Бухайн гол, стекающимъ, согласно наблюденіямъ Литтльдэля отъ Катин ла (Кхалтан кютюл) въ долинѣ между хребтомъ Риттера и Гумбольта. Верхнее теченіе рѣки проходитъ по широкой ложбинѣ между травянистыми низкими холмами. Въ виду значительныхъ уклоненій карты Литтльдэля отъ карты Обручева, признаваемой наиболѣе точной для области Наньшаня, трудно, однако, принять наблюденія Литтльдэля относительно верховья Бухайн-гола, какъ безусловно рѣшающія, такъ что истинный западный истокъ Бухайн гола понынѣ. можетъ считаться не установленнымъ, а слѣдовательно и общая длина рѣки не поддается точному подсчету.

5) Гюкъ первый указалъ на значительные размѣры русла нижняго теченія Бухайн гола, хотя Пржевальскій отрицалъ справедливость описанія Гюкомъ трудностей переправы черезъ рѣку. Однако, Рокгиль, Techинъ и Литтльдэль подтвердили величину нижняго Бухайн (S. 63—64).

6) Пржевальскій о Южно-Кукунорскихъ горахъ III пут. 310—313; IV пут. 133;

7) Пржевальскій III пут. 310, 312; Козловъ, Труд. Ц. Аз. 222 и далѣе, 230; Козловъ, Камъ I 172—3. Несмотря на это видимое обиліе, лѣсъ очень дорогъ: Козловъ заплатилъ за 20 досокъ для метеорологической станціи въ Барун-цзасак почти 20 рублей. Камъ I 176.

35. 1) Объ этомъ названіи см. L. L. 128, прим.; го по тиб. значитъ мѣсто, дулаган по монг.—теплый.

2) Рокгиль; Козловъ насчиталъ только 130 семей Камъ 164.

3) L. L. 126; „нѣсколькихъ жилыхъ хижинъ и кумирни, разрушенной дунганами въ 1895 г. и возстановленной въ 1901 г.", по описанію Козлова въ „Камъ".

4) Прж. III пут. 312; Козловъ, Камъ 629.

5) Козловъ, Тр. Ц. Аз. II 225—6, 233—4.

6) Изъ другихъ русскихъ изслѣдователей на Наньшанѣ были: Пржевальскій (три экспедиціи), Сосновскій, Потанинъ, Грумъ-Гржимайло, Роборовскій и Козловъ; изъ иностранныхъ—Сечени (Крейтнеръ и Лоци), Михаелисъ, Рокгиль, Литтльдэль. Изъ работъ Обручева касательно Наньшани укажемъ его статью въ Изв., 1894, стр. 42—116 и 709—734 и тамъ же 1895, стр. 316—334 съ нѣкоторыми исправленіями противъ означенной статьи (тамъ же на 380 стр. схематическая карта Наньшаня). Отдѣльная монографія Обручева: „Центр. Азія, Сѣверный Китай и Наньшань", въ 2 томахъ носитъ слишкомъ узкій и спеціальный характеръ научныхъ матеріаловъ въ видѣ подробнаго геологическаго дневника.

Дютрейль де Рэнсъ (As. Centr. 134, прим. 3 и 579, прим. 2) толкуетъ, слѣдуя китайскимъ авторомъ, имя Куэнь-лунь въ ограничительномъ смыслѣ, прилагая его къ горной цѣпи между 95°20' и 97°20' в. д., на южныхъ склонахъ коей беретъ начало Хуанъ хэ, и перенося имя Нань-шань на всю систему горъ, соединяющихъ собственный Наньшань по берегамъ Кукунора и Цунъ-линомъ или Сарыколомъ по восточной окраинѣ Памира (тамъ же 135, прим. 1).

36. 1) Впрочемъ, вертикальное и горизонтальное развитіе цѣпи не на всемъ протяженіи одинаково (Изв. 1895, 325).

2) Обручевъ устанавливаетъ непрерывную связь между хребт. Рихтгофена и Алтын тагомъ (тамъ же 325).

37. 1) Сравненіе между восточнымъ (лѣснымъ) и западнымъ (пустыннымъ) Нань-шанемъ у Прж. III пут. 120—2. Сѣверо-западный и восточный Наньшань см. Козл. Тр. Ц. Аз. 132—155; зап. Наньшань по сѣв. склону близъ Ша чжоу Прж. III пут. 112—120; южный склонъ тамъ же 135; Восточный Наньшань тамъ же съ 402 стр. См. также общую характеристику Наньшаня въ цѣломъ и отдѣльныхъ частяхъ у Обручева И. Р. Г. О. 1895, стр. 321—3 и 328—31. Средняя часть Наньшаня, занимающая промежуточное мѣсто между восточной и западной, можетъ быть названа степной.

2) Обруч. Изв. 1895, стр. 327.

3) Снѣга и льды, вѣнчающіе хребетъ Риттера, поражаютъ своей мощностью, протягиваясь сплошной полосою нерѣдко на нѣсколько десятковъ верстъ въ ширину и длину (Робор. Тр. Ц. Аз. I 238). Въ этомъ царствѣ льду дикіе яки спасаются лѣтомъ отъ жары и мошекъ; люди не преслѣдуютъ ихъ здѣсь, т. к. эта страна зовется недаромъ „33 непроходимыхъ перевала".

4) Согласно упомянутому мнѣнію Обручева.

38. 1) Пржев. IV пут. 108—9; Обручевъ Изв., 1895 323—5.

2) P. M. Erg. Heft 91,

3) Въ Наньшанѣ, недалеко отъ Ша чжоу, имѣются замѣчательныя буддистскія пещеры—Цянь-фо дунъ, описанныя Пржевальскимъ III пут. 100—102. Крейтнеромъ Im Fern. Ost. 667—8, и Ваньфо ся, описанныя у Козлова, Тр. Ц. Аз. 128—9; краткое упоминаніе о тѣхъ и другихъ пещерахъ дается въ Тр. Ц. Аз. I 218 (Роборовскаго; пещеры Цянь-фо дунъ находятся въ 25 верстахъ на ЮВВ. отъ Дунъ-хуанъ, Ванъ-фю ся—въ 100 в. на В. отъ того же города. Третья группа пещеръ Чэнъ-фо дунъ, въ 3 ч. ѣзды отъ оазиса Ша чжоу описана на 223 стр.) Любопытныя надписи въ пещерахъ Цянь-фо дунъ были сняты Бониномъ и затѣмъ опубликована Шаваннымъ среди другихъ надписей (Chavannes, Dix Inscriptions chinoises de l'Asie Centrale d'apres les estampages de M. Ch. E. Bonin, Paris, MDCCCCII.

40. 1) Камъ I 259—260.

2) Геологическій составъ Куэнь-луня выясняется въ Richthofen,

China I, и Futterer, Neuere Forschungen in Zentr. Asien, II отдѣлъ, въ частн. стр. 34—37.

41. 1) Если китайскія карты оставляютъ желать многаго въ отношеніи группировки горныхъ цѣпей, которыя отмѣчаются у нихъ не линіями гребней, а лишь названіями выдающихся точекъ вершинъ, то теченія рѣки обозначаются китайцами и точно, и подробно, совершенно какъ на европейскихъ картахъ.

42. 1) H. 8.

2) H. 9.

3) H. 10.

43. 1) Gombo Kung-ka Джилля, (Riv. gold. Sand, 210—211) на восточной оконечности горнаго массива, центръ котораго составляетъ гора Нenда (священная гора) 20,500 ф. (6250 м.), на сѣверъ отъ почтовой станціи этого имени (Эрръ-ланъ вань по кит.). См. Diary 353.

44. 1) О горѣ Омэй существуетъ обширная литература, благодаря тому, что гора легко доступна изъ города Цзя-динъ фу, лежащаго на обычномъ рѣчномъ пути къ столицѣ провинціи Сычуань Чэнъ ду фу и часто посѣщавшагося иностранными изслѣдователями. Наиболѣе цѣнно описаніе посѣщенія горы Баберомъ въ Trav. and Research. in West. China, затѣмъ Hart, Western China. A Travel to the great Buddhist centre of Mount Omi, 1888; Little, Mount Omi and beyond; Hackmann, Von Omi bis Bhamo и др.

Подробныя свѣдѣнія о горѣ О-мэй шань 峨眉山 даются въ главѣ 173—176 шестого тома седьмого отдѣленія (Шань-чуань-дянь) энциклопедіи Ту-шу-цзы-чэнъ.

45. 1) Эта точка зрѣнія находила послѣдователей и раньше Гренара.

46. 1) Сандбергъ (Tibet, начиная съ 13 стр.) устанавливаетъ, слѣдуя тибетской классификаціи, четыре дѣленія страны сообразно ландшафтному типу; о нихъ говорится ниже.

2) Другія названія суть хор или хорсок по встрѣчающимся здѣсь кочевникамъ, принадлежащимъ къ тюркской народности—хор или къ монгольской—сок (какъ обыкновенно толкуютъ указанные термины, повидимому, имѣющіе (въ особенности хор) не столько этническое, какъ родовое значеніе (сравн. J. Dict. 598 и Miss. Dict. 1066 подъ словомъ хор); затѣмъ –К'ачи, К'аче, Каши и т. д. Это имя, употребляемое въ книгахъ, можетъ быть произведено отъ стариннаго имени Тангутскаго (Ся) королевства—Кхаши или К'оши монголовъ (982—1227) на сѣверо-востокъ отъ Тибета и на западъ отъ Хуанъ хэ, откуда Хэ си (съ подходящимъ значеніемъ: на западъ отъ рѣки) китайской исторіи. Въ XI вѣкѣ Милараспа употребилъ слово К'ач'е для обозначенія мусульманъ; Гюкъ и Габе подтвердили подобное употребленіе термина въ центральныхъ провинціяхъ. Народная этимологія смѣшала его съ к'а-ч'ен—большой ротъ (подъ чѣмъ разумѣется большая озерная равнина города Сри-

нагаръ Schlag. Glos. 80), что и принимается нынѣ за первоначальную форму имени. Кашмиръ также называется этимъ именемъ, потому что управляется мусульманами, какъ говоритъ J. Dict 36—37; однако, это было такъ лишь съ 1605 г., поэтому вѣрнѣе видѣть въ обозначеніи сокращенную форму транскрипціи слова „Кашмиръ". (Лакупери въ Enc. Brit. XXIII, 338). L. L. 111, прим. 2 указываетъ, что китайское „чань-тоу"—мусульманинъ соотвѣтствуетъ по употребленію К'а-ч'е.

3) Среднее возвышеніе Бжянъ-т'ана превышаетъ 5000 метровъ (долинъ 4400—5300 метровъ, переваловъ и гребней горъ 5000—5800, вершинъ 6000—7500 метрахъ) и сообщаетъ всей области собственнаго Тибета средній уровень въ 4500 метровъ.

Хотя огромное возвышеніе надъ уровнемъ моря является характерной чертою всей территоріи Тибета, все-же это возвышеніе обнаруживаетъ замѣтныя колебанія, при чемъ общимъ правиломъ (въ особенности для части страны, лежащей на западъ отъ 92° в. д.) является то, что средняя высота поверхности измѣняется вмѣстѣ съ широтою, а не долготою. Слѣдовательно, тибетская территорія распадается какъ-бы на рядъ поясовъ, сохраняющихъ одинаковое возвышеніе надъ общимъ уровнемъ страны, принятымъ за основную плоскость, вдоль той же широты.

Слѣдующіе примѣры могутъ подтвердить этотъ выводъ: кап. Боуеръ указываетъ высоту „30 лагеря" подъ 32°45' с. ш. и 85°15' в. д. въ 16,907 фут.; черезъ три мѣсяца, находясь подъ той-же широтою, но на 3 градуса восточнѣе (88°40'), онъ опредѣляетъ высоту „71 лагеря" почти въ той же цифрѣ—16,838 ф. Затѣмъ, въ Линъ-дзи т'анъ, подъ 35° с. ш. возвышеніе страны—17,300 ф.; въ 700 миляхъ далѣе на востокъ, подъ 89° в д., подъ той же широтою возвышеніе было, повидимому, измѣрено въ той-же цифрѣ—17,400 ф. (S. 12).

Наибольшимъ возвышеніемъ отъ 15 до 17½ тысячъ футовъ отличается широкій поясъ, идущій съ запада на востокъ и занимающій сѣверную часть всей тибетской территоріи (т. е. указанный Бжянъ-танъ), и затѣмъ болѣе узкій поясъ, прилегающій къ южной границѣ и слѣдующій тому же направленію. Посреди этихъ возвышенныхъ пространствъ залегаетъ длинная широтная впадина—долина или бассейнъ Яру Цзанъ-по. Вдоль широты главнаго теченія рѣки (29°—29°30 с. ш.) приблизительно начиная съ Тадум—мѣстами не болѣе 90 миль отъ линіи границы Индіи—уровень возвышенія опускается до средней цифры 11,150 ф., даже и въ той части теченія, гдѣ рѣка, покидая указанную широту, дѣлаетъ выгибъ къ сѣверу.

На востокъ отъ 92 в. д. принципъ широтныхъ поясовъ поднятія не примѣнимъ, по крайней мѣрѣ, къ болѣе сѣвернымъ областямъ, т. к. здѣсь въ уровнѣ страны замѣчается рѣшительное пониженіе до 13,500—14,200 фут. во всѣхъ широтахъ между 30° и

36° с. ш. Далѣе на сѣверо-востокъ паденіе уровня еще болѣе значительно, доходя до 8—9 тыс. ф. въ предѣлахъ Цайдама; еще болѣе рѣзко пониженіе уровня страны на ЮВ., такъ уровень мѣстности между Батанъ и Дза-юл въ среднемъ ниже 8,000 ф. (самъ Дза-юл опускается въ глубокихъ долинахъ, примыкающихъ къ цѣпямъ, ограждающихъ Бирму ниже 6,000 ф.) S. 11—12.

Переходя снова къ Бжянъ-т'ану, мы можемъ отмѣтить, что сѣверная окраина его у подножья Куэнь-луньскихъ горъ въ среднемъ имѣетъ болѣе низкій уровень, нежели пустынная полоса подъ 35° с. ш.; или въ 50 миляхъ далѣе на югъ, представляющая наивысшій уровень на протяженіи равной площади въ Бжянъ-т'анѣ и вообще въ Тибетѣ—свыше 17,000 ф. Далѣе на югъ уровень этотъ нѣсколько понижается, но все-же имѣетъ подъ 32 1|2° с. ш. еще 16,800—16,900 ф., и только на югъ отъ указанной параллели среднее возвышеніе Бжянъ-т'ана становится значительно меньше—15,000 ф., составляя переходъ къ долинамъ Цзанъ-по.

Наибольшая ширина Бжянъ-т'ана, свыше 500 миль подъ 85° в. д., сокращается на сѣверъ отъ Лхасы уже до 400 миль; вѣроятно наименьшей шириною (подъ 97°) является 140 миль.

Съ геологической точки зрѣнія центрально-тибетское плоскогорье является по времени образованія ровесникомъ сѣверо-западныхъ Гималаевъ, но моложе на безчисленныя вѣка восточныхъ Н. З.

4) Sievers, „Asien", втор. изд. 447; см. общую характеристику „т'анъ" у S., 13—15.

5) Эти равнинныя долины и зовутся тибетцами т'анъ, откуда и все названіе Бжянъ-т'анъ, въ отличіе отъ глубокихъ долинъ въ истинномъ смыслѣ—ронъ.

47. 1) Геологическое дѣйствіе тибетскихъ бурь описано у Пржевальскаго, III пут. 287—8 стр.

2) Типичный ландшафтъ Бжянъ-т'ана см. Гединъ, „Въ сердцѣ Азіи". II стр. 255 и 289; описаніе у S. 13—14.

Типичный ландшафтъ волнистой страны западнаго Тибета рисуется въ цит. сочиненіи Гедина и фотографіями, приложенными къ къ 36 и 50 стр. Plat.

48. 1) Бонвало встрѣтилъ на своемъ пути три озера на сѣверъ отъ цѣпи Дюпле, два на югъ на высотѣ 4,850—5,300 м.; далѣе на западъ Литтльдэль и де Рэнсъ открыли 8 озеръ на высотѣ 4,450—5,120 м, Всѣмъ имъ были даны различныя имена (озеро Кратера, Бинокля, Конуса и т. д.), т. к. туземныя имена оставались обычно неизвѣстными. Больше всего озеръ открыли послѣ Наинъ-Синга Боуэръ и Гединъ, а въ сѣверо-западномъ Тибетѣ—Дези и Роулингъ.

2) „Въ ней прямо-таки тонутъ караванныя животныя", говоритъ Гединъ на страницахъ „In the Heart of Asia", см. также различныя мѣста „Centr. Asia and Tibet".

49. 1) Богдановичъ, Тр. Тиб. эксп. т. II, стр. 32.
2) По букв. переводу „содовая и бѣлая“.
3) S. стр. 14—15, см. также стр. 41.

Герм. Шлагинтвейтъ даетъ на основанiи наблюденiй, своихъ собственныхъ и братьевъ, общую характеристику расположенiя (и возникновенiя) и физическихъ свойствъ тибетскихъ озеръ въ предѣлахъ посѣщеннаго ими раiона Тибета (озеръ Ц'о-мо Н'а-ла-ри) и областей, лежащихъ нынѣ внѣ политической границы Тибета (Рупчу и Панъ-конъ). См. Schlag. Reisen III стр. 135—140.

4) S. 38—41.

50. 1) Съ другой стороны это показываетъ, что притокъ воды въ озера не настолько великъ, чтобы нуждаться въ особомъ каналѣ для удаленiя избытка воды; дѣйствительно, хотя рѣдкое большое тибетское озеро обладаетъ значительной выходящей изъ него рѣкою, тѣмъ не менѣе пониженiе уровня и сокращенiе объема является обычнымъ явленiемъ среди нихъ. Дѣло въ томъ, что потеря воды черезъ просачиванiе въ почву достигаетъ въ тибетскихъ озерахъ чрезвычайныхъ размѣровъ благодаря тому, что дно почти всѣхъ ихъ составляетъ песокъ и пористый гравiй (S. 55)

51. 1) Напротивъ, пикамъ, стоящимъ рядомъ съ озерами, тибетцы даютъ мужскiя обозначенiя: частицу мужского рода по, или почетный терминъ для „отца“—яб; напримѣръ, Таргот яб на берегу озера Данъ-гра юм (S. 40).

52. 1) Впрочемъ, подобное безплодiе составляетъ даже въ Тибетѣ скорѣе исключенiе, т. к. весьма замѣчательной чертою для столь возвышеннаго и скованнаго льдомъ нагорья, какъ Бжянъ-т'анъ, является сравнительное его плодородiе, даже въ мѣстностяхъ съ солончаковой почвою, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ раiоновъ. Не только пастбища и кустарники, въ родѣ Eurotia, тамарискъ, Hipprophae и верблюжiй тернъ рѣдко совершенно отсутствуютъ въ предѣлахъ значительной площади области, но и по краямъ нѣкоторыхъ озеръ, какъ напримѣръ, Данъ-гра юм на высотѣ 14,800 ф. выращивается въ значительномъ количествѣ ячмень. Кап. Боуэръ нашелъ „въ особенности обильную траву въ ложбинахъ близъ одного изъ наиболѣе высокихъ озеръ“. Онъ же пишетъ объ обширныхъ травянистыхъ равнинахъ на высотѣ 17,600 ф, и отмѣчаетъ, что по берегамъ Ару ц'о (17,276 фут.) онъ шелъ по равнинѣ между водою и горами, покрытыми травою и цвѣтами. Бонвало, слѣдовавшiй по странѣ солончаковъ много дальше на сѣверъ, говоритъ, правда, только объ ея ужасающей пустынности и безплодiи, но онъ путешествовалъ зимою, а Боуэръ въ iюлѣ. (S. 44).

2) Подробн. у S. 42.
3) См. также S. 42—43.
4) Наиболѣе западныя озера въ этой цѣпи, именно Ц'о т'анъ ц'о 34° 54' с. ш, и 79° 26 в. д., 17,250 ф. и Шум-т'анъ цо (въ 10 миляхъ на сѣверъ отъ Ланак ла въ Линъ-дзи танѣ, обширной, но

безплодной равнинѣ, прилегающей къ восточнымъ склонамъ Каракорума) были описаны раньше европейскими путешественниками изъ Лэ въ Яркендъ; одно или два изъ другихъ были показаны на китайскихъ картахъ, подъ монгольскими именами и совсѣмъ не въ точномъ положеніи.

5) Западныя озера этой цѣпи сравнительно невелики, но далѣе на востокъ они дѣлаются значительнѣе, достигая многихъ миль въ окружности. Замѣчательная особенность этой сѣверной цѣпи Боуэра – чрезвычайное возвышеніе уровня входящихъ въ ея составъ водныхъ бассейновъ надъ моремъ—между 17 и 18 тыс, фут., при каковомъ условіи значительные размѣры нѣкоторыхъ изъ нихъ способны еще болѣе останавливать вниманіе географа; другой характерной чертою указанной цѣпи явилось неожиданное плодородіе страны, окружавшей большинство озеръ, не смотря на ихъ возвышеніе. Не только роскошныя травы, но и пестрые ковры цвѣтовъ, правда, съ короткими стеблями, но яркой окраски, разнообразили ихъ окрестности. Манъ-ц'ва ц'о въ 25 миляхъ на западъ отъ Хор-па ц'о съ окружностью въ 24 мили, расположенное, правда, внутри впадины (16,500 ф.) среди окружающей страны болѣе высокаго уровня, славится тучными пастбищами и вообще плодородіемъ, какъ послѣднее понимается въ столь негостепріимномъ краю. На это указываетъ самое названіе озера—„Много травы" (ц'ва—трава; манъ-по много). Оно было посѣщено, кромѣ Боуера, Кэри и Дальглейшемъ и измѣрено Дези и Пайкомъ подъ именемъ Sum-tschi-ts'o).

53. 1) Здѣсь добывается сода, употребляемая тибетцами въ качествѣ приправы къ мясу, чаю, равно какъ для мытья бѣлья, и вывозимая въ значительномъ количествѣ за предѣлы страны.

2) Замерзшее небесное озеро сѣвера, сокращенно Нам-ц'о—небесное озеро; тэнгри-нор по монгольски, тянь-чи (тянь-хай) по китайски (монгольское и китайское названія значатъ также „небесное озеро"). По тибетски озеро зовется еще Долма (г)нам ц'о, по имени популярной богини (индуской Арія Тары) Diary 238, прим. Этотъ же авторъ пишетъ имя озера на основаніи нѣкоторыхъ тибетскихъ сочиненій (см. Вас. 2): Нам-ц'о Ч'юг-мо (гнам-мц'о-п'іуг-мо) —небесное озеро, богатая женщина (послѣднее вѣроятно, просто въ смыслѣ указанія на женскій родъ, который приписывается озерамъ).

3) Положеніе озера было извѣстно европейцамъ со времени изданія карты д'Анвиля съ первой половины XVIII стол. благодаря съемкамъ, произведеннымъ тибетскими (монгольскими) ламами; это обстоятельство явилось причиною, почему нѣкоторыя тибетскія озера сдѣлались впервые извѣстными подъ ихъ монгольскими, а не тибетскими именами, при чемъ два изъ нихъ Іеке и Бага Намур нор сохранили эти названія до самаго послѣдняго времени. Свѣдѣнія, сообщенныя объ Тенгри норѣ пандитами D. (A. K.) въ 1872 г. и Наинъ Сингомъ въ 1875 г., понынѣ въ существѣ дѣла являются единственнымъ источникомъ для нашего знакомства съ озеромъ.

т. к. позднѣйшіе европейскіе посѣтители озера—Бонвало 1890 г., до Рэнсъ въ 1894 г. и Литтльдель въ 1895 г.—ограничились самымъ общимъ описаніемъ озера и его раіона. Изъ указанныхъ пандитовъ свѣдѣнія D. отличаются значительно большей полностью. Площадь озера около 1500 кв. миль. Китайское описаніе озера подвергается подробному анализу со стороны де Рэнса въ As. Centr. 548—552.

4) Съ сѣвера и юга озеро замыкается высокими горными цѣпями, изъ которыхъ южная, направленная на ВСВ., Нойдзин танъ-ла, отличается большей грандіозностью и возвышеніемъ, имѣя свыше 360 пиковъ, представляющихъ Чакна Дордже—повелителя горныхъ божествъ (нойдзин)—и его свиту. Высота переваловъ достигаетъ 20,000 ф. и пиковъ до 24,400 ф. Цѣпь вдоль сѣвернаго берега озера также должна быть значительной высоты, по крайней мѣрѣ, перевалъ черезъ нее достигаетъ 17,000 ф.

5) Лучшій видъ на озера открывается изъ Доркя Луг-донъ гомба (монастыря). Въ 14 дней пандитъ А. К. со своими спутниками совершили полный обходъ озера для точнаго его измѣренія. На сѣверномъ берегу его лежитъ небольшой бассейнъ Бумцо, на сѣверо-западъ имѣются горячіе источники.

54. 1) S. 65—67.

2) Внутри замѣчательнаго бассейна, окруженнаго высокими холмами и вмѣщающаго озеро Данъ-гра юм и группу небольшихъ, но хорошо обстроенныхъ селеній подъ общимъ обозначеніемъ Омбо, расположены поля, производящія на высотѣ 15,200 ф., какъ увѣряютъ пандиты, въ изобиліи ячмень—единственный примѣръ зерновой культуры на такой высотѣ и притомъ въ разстояніи на 300 миль въ обѣ стороны отъ ближайшей воздѣланной земли.

3) Китайскія карты рисуютъ въ этой части Тибета очень большое озеро Іеке намур-нор, что значитъ по монгольски—большое озеро урожая (или озеро большого урожая) и другое значительно меньшее—Бага намур-нор (озеро малаго урожая); оба озера либо еще не найдены европейцами, либо приняли меньшіе размѣры и фигурируютъ на нынѣшнихъ картахъ: первое подъ именемъ Ару ц'о (изъ двухъ бассейновъ) подъ 82°, второе—Царол ц'о. S. 46—47 принимаетъ вмѣсто названія Ару ц'о тоже Царол ц'о, что значитъ по тибетски озеро урожая, и соотвѣтственно монгольскимъ обозначеніемъ различаетъ: Царол ч'ен ц'о (большое—) и Царол ч'унъ-ц'о (малое озеро урожая).

Озеро Царол или Царол ч'унъ-ц'о Сандберга (Бага Намур нор) показано на картѣ Боуера и Дези, подъ той же широтою, какъ и Ару ц'о, только на 35 миль западнѣе (кит. карты рисовали оба оз. Намур на разстояніи цѣлаго градуса долготы. Краткое указаніе на бассейны озеръ Намур въ связи съ горами Tsa tsa, о которыхъ говорится особо на стр. 573 нижеуказываемаго сочиненія, по китайскимъ источникамъ (описаніямъ съ картами) находится въ As. Centr. 574—5. Окрестности обоихъ озеръ изобилуютъ животной и расти-

тельной жизнью (ovis ammon, антилопы и дикie яки водятся въ несмѣтномъ количествѣ—настоящій рай для спортсмена; тутъ же д-ръ Торольдъ сдѣлалъ нѣсколько изъ лучшихъ ботаническихъ открытій). См. S. 47. Нынѣшніе размѣры озеръ далеко не обнаруживаютъ такой огромной разницы, какъ можно было заключить изъ рисунка китайскихъ картъ: окружность Царол ц'о—80 миль; Ару ц'о (предполагаемое озеро Іеке Намур)—108 миль.

4) Берега Ѣшил кул представляютъ самое безотрадное зрѣлище, т. к. мягкая почва, пропитанная солью, лишена растительности, даже травы; прѣсной воды почти нѣтъ, только у юго-западнаго угла озера были найдены два источника съ нѣкоторымъ количествомъ травы. Подобно большинству другихъ тибетскихъ озеръ, площадь Ѣшил куля и уровень воды уменьшаются. На востокъ отъ него большая равнина является настоящимъ садкомъ антилопъ, которыхъ здѣсь тысячи (Deasy, G. J. Авг. 1900, стр. 144).

5) Боуеръ исчисляетъ площадь озера, вытянутаго съ сѣвера на югъ, въ 118 кв. миль; на его поверхности нѣсколько островковъ. Одно или два меньшихъ озера на Линъ-дзи-танѣ, почти рядомъ съ Хорпа-ц'о приближается по высотѣ къ этому озеру, тогда какъ въ той же широтѣ, по 570 миль далѣе на востокъ озеро „Монткальма“ Бонвало лежитъ на высотѣ 17,404 ф. (S. 40).

55. 1) Подробную характеристику нижняго озера Ц'о мо Н'а-ла-ри, или собственнаго озера Панъ-конъ по имени области того же названія въ Ладакѣ вмѣстѣ съ измѣреніями его глубины и колебаній уровня даетъ Герм. Шлагинтвейтъ въ III томѣ Schlag. Reisen —на стр. 162—174 и 178—208 (специфическій вѣсъ и температура, окраска и прозрачность воды озера).

Линія расположенія водныхъ бассейновъ, составляющихъ въ общей сложности Ц'о-мо Н'а-ла-ри, идетъ сперва на сѣверо-западъ, затѣмъ на большемъ протяженіи на западъ и отъ Чушул, главнаго селенія въ Панъ-конъ, снова на сѣверо-западъ, въ зависимости отъ направленія линій поднятія прилегающихъ цѣпей. Верхнее озеро лежитъ цѣликомъ въ предѣлахъ Тибета (округа Рудок), нижнее—лишь небольшимъ участкомъ по южному берегу на западъ отъ мѣста суженія долины, раздѣляющаго оба озера. Площадь верхняго озера до 100 кв. англ. миль, нижняго—102 кв. миль.

Хотя имя всего озернаго бассейна означаетъ „озеро прѣсной воды въ горахъ“ (Ц'о-мо Н'а(р)-ла-ри), Schlag. Glos.), однако, только верхнее озеро является прѣснымъ, тогда какъ нижнее, вслѣдствіе высыханія, принадлежитъ къ числу наиболѣе соленыхъ озеръ Тибета.

2) Обыкновенная соль, отложенная по берегамъ лагунъ, примыкающихъ къ тибетскимъ озерамъ, обычно содержитъ нѣкоторую примѣсь солей магнезіи, но, несмотря на горькій вкусъ, потребляется по всей странѣ. Анализъ воды озера Панъ-кона обнаружилъ примѣсь 1,3% соли (chloride of sodium, sulphate of magnesia,

chloride of potassium и sulphate of sodium, анализъ д-ра Falkland), т. е. вдвое меньшее содержаніе соли, чѣмъ въ морской водѣ. Въ общемъ вода Цанъ-кона можетъ служить хорошимъ образчикомъ процентнаго содержанія соли въ большинствѣ соленыхъ озеръ Тибета.

3) S. 43.

56. 1) Тамъ же.

2) Тамъ же.

3) См. соотвѣтствующую цитату у S. 44.

57. 1) Sievers, Asien, 2 изд., 454.

58. 1) S. 13—20.

2) Это такъ называемая западная страна Хор на прямой дорогѣ между Лхасою и Ладакомъ—обширная травянистая равнина съ многочисленными озерами, мѣстами пересѣкаемая грядами холмовъ, мало возвышенными относительно уровня равнины.

3) Бжянъ-ба—жители мѣстнаго происхожденія; К'ам-па—пришельцы съ востока, случайныя общины золотоискателей и торговцевъ соли и буры, какъ говоритъ Walker, Enc. Brit. XXIII.

59. 1) S. 15—16.

2) Прежде, вся страна на югъ и востокъ отъ Тэнгри нора причислялась къ Бжянъ-т'ану, но позднѣйшія изслѣдованія показали, что многочисленныя горныя цѣпи весьма сложной системы и характера нагорныхъ пастбищъ достаточно отличаютъ эту область отъ истинныхъ т'анъ на западъ и сѣверъ отъ озера, какъ впрочемъ, показываетъ и самое туземное имя (на основаніи географическаго сочиненія Дзамбулинъ Гжялше) области—док-юл и док-де съ ихъ обитателями док-па, въ отличіе отъ бжянъ-ба. S. 16, прим. 1.

61. 1) Какъ указываетъ ген. Уокеръ, бывшій начальникъ Индійскаго топографическаго бюро, имя ронъ *, обозначающее вообще долины, достаточно теплыя для земледѣльческой культуры, спеціально приложимо къ наиболѣе низкимъ и теплымъ долинамъ, производящимъ двѣ жатвы въ годъ. „Алювіальное дно долины состоитъ изъ обломковъ съ окружающихъ скалъ, притомъ отложенныхъ горизонтальными пластами и съ теченіемъ времени изрытыхъ текущими водами на подобіе гигантскихъ овраговъ, съ ступенчатыми боками въ видѣ узкихъ террасъ; на болѣе низкихъ аллювіальныхъ слояхъ и ведется земледѣльческая культура, т. к. они обычно хорошо орошены и очень плодородны.

2) Gill, Riv. of Gold. Sand, изд. 1883, стр. 193—194 (видъ съ перевала Chehtoh shan, на западъ отъ Да-дзянь лу).

62. 1) L. 324—6.

2) Плато Марк'ам между Чамдо и Дреч'у. Главный городъ Гарток (Цзянъ-ка на высотѣ 11,900 фут. надъ уровнемъ моря).

*) Буквально оврагъ или узкая долина, ущелье между скалъ.

3) Отмѣтимъ еще плато Даюл, съ высокими горами Кокарпо, къ сѣверу близъ Даюл (11,450 ф.) и Докерла къ югу [близъ Бенга], лежащее между верхнимъ Сальвиномъ и верхнимъ Меконгомъ.

63. 1) Таковое убѣжденіе, существовавшее въ европейской литературѣ, было опровергнуто изслѣдованіемъ Райдера и Роулинга въ 1904 г., нашедшихъ довольно значительную полевую культуру въ мѣстности, удаленной на цѣлый градусъ долготы на западъ отъ указанной рѣки. См. „обзоръ путешествій" въ первомъ вып. „Описанія".

2) Эти холмы кажутся еще миньятюрнѣе послѣ величественныхъ пиковъ Гималаевъ. Путешественника, впервые вступившаго на тибетскую почву, прежде всего поражаетъ обиліе этихъ холмовъ, составляющихъ наиболѣе характерную черту ландшафта (W. L. 119).

64. 1) W. L. 182—4.

65. 1) На новѣйшихъ картахъ у сѣверной вѣтви Инда показывается съ лѣвой стороны большой притокъ Ланъ ч'у.

2) Эта вѣтвь Инда проходитъ между прочимъ черезъ извѣстныя золотоносныя площади Бжянъ-т'ана, изъ коихъ самой важной являлась раньше Т'ок Джалунъ, нынѣ истощенная, какъ сообщилъ Кальвертъ (см. обзоръ путешествій).

66. 1) Эти сношенія выражались въ періодическихъ посольствахъ (разъ въ 3 года) къ Далай ламѣ съ подарками (данью) отъ Кашмирскаго махараджи, нынѣ обратившихся въ простой актъ обмѣна любезности, безъ всякаго политическаго оттѣнка, благодаря настояніямъ Англіи, которой принадлежитъ верховное покровительство надъ Кашмиромъ. Ч. 70 даетъ историческую справку относительно происхожденія этихъ посольствъ, ведущихъ начало со времени неудачнаго похода извѣстнаго генерала сикховъ—Зорваръ-Синга, завоевателя Ладака и Балти, противъ областей Рудока и Гар; въ 1840—41 лхасскія войска въ союзѣ съ китайцами нанесли ему пораженіе близъ Священныхъ озеръ (около Такла к'ота; относительно похода Зорваръ-Синга и его пораженія близъ Пуранъ Такла-к'ота см. Plat. 251—253) и стали угрожать Ладаку, въ результатѣ чего кашмирскій махараджа просилъ мира, который былъ данъ на условіи присылки трехлѣтней дани.

Указанныя кашмирскія посольства ложатся тяжелымъ бременемъ на тибетское населеніе мѣстностей южныхъ провинцій, по которымъ пролегаетъ путь посольствъ, такъ какъ оно обязано поставлять ему каждый разъ 500 лошадей и муловъ на всемъ пути отъ ладакской границы до Лхасы какъ для перевозки подарковъ и членовъ посольствъ, такъ и (и это главное) для товаровъ, которые везетъ ихъ свита.

2) Изъ путешественниковъ, побывавшихъ въ Кашмирѣ и въ прилегающихъ частяхъ тибетскаго нагорья (Ладакѣ и западномъ Тибетѣ) и имѣвшихъ такимъ образомъ возможность провести параллель между различными физическими условіями обѣихъ областей (т. е. Кашмира и Тибета), укажемъ на Винь (Vigne, Travels in Kash-

mir, Ladak, Iskardo and the Himalaya, 1842), Шлагинтвейта, Годвина Аустина, Стейна, Гедина и многихъ другихъ. Спеціально Кашмира и его природныхъ красотъ касаются Huegel, „Kaschmir und das Reich der Sikhs“, 4 тома, Вѣна 1840—8, Darrah, „Sport in the Highlands of Kashmir, 1898 и Murray's Handbook of the Panjab, W. Rajputna, Kashmir 1883 и соотвѣтствующія главы въ Hunter, Imperial Gazetteer of India.

67. 1) Въ настоящее время истокъ Сетледжа находится у монастыря Dalju, гдѣ существуетъ большой источникъ, хотя сухое ложе продолжается далѣе до озера Ракас-тал, и мѣстами въ этомъ ложѣ можно найти воду. Мѣстные жители единогласно утверждаютъ, что подъ этимъ ложемъ на всемъ его протяженіи имѣется подземное водное теченіе, которое мѣстами и выходитъ на поверхность. Не можетъ быть сомнѣнія, что во время очень сильныхъ дождей все упомянутое ложе можетъ наполниться водою, соединивъ Ракас-тал съ источникомъ Сетледжа въ Далжу.

2) H. 13.

3) Извѣстенъ по дѣятельности католическихъ миссіонеровъ Антоніо Андрада и другихъ въ началѣ XVII стол.; названіе пишется рЦа-бранъ рДзонъ, см. Zach, I 97.

4) Аналогичное явленіе представляетъ и верхняя Желтая рѣка. Причину временнаго усиленія притока воды въ Цзанъ-по, облегчившаго процессъ соединенія цѣпи внутреннихъ озеръ, Рихтгофенъ видитъ въ геологическихъ переворотахъ, связанныхъ съ послѣднимъ поднятіемъ Гималаевъ и вызваннымъ черезъ это измѣненіемъ климатическихъ условій.

68. 1) Внѣ долины Карнали дома очень рѣдки и, если исключить монастыри и жилища служебныхъ лицъ, то всѣ дома между восточнымъ краемъ озера Манасаровар и Гартоком могутъ легко быть подсчитаны на пальцахъ обѣихъ рукъ.

2) Sher 274; Барка въ недалекомъ разстояніи отъ сѣверо-восточнаго угла Ракас-тал состоитъ изъ двухъ зданій—жилища таржум и почтоваго дома для остановки оффиціальныхъ проѣзжихъ (Sher. 275 даетъ описаніе и фотографію мѣста). Отыскать мѣсто очень трудно на безбрежной равнинѣ, покрытой песчаными увалами и кустарникомъ можжевельника, если не знать въ точности его положенія. Отчетливыхъ дорогъ не существуетъ вовсе, и благодаря характеру устройства поверхности быстро путешествовать невозможно (Sher. 274). По китайски почтовая станція зовется Барка-танъ, при чемъ дается значеніе тибетскаго бар-к'а-т'анъ, или равнина въ серединѣ (Zach, I 96).

3) См. фотографію Sher. 263.

4) Sher,; фотографія на стр. 261 и описаніе стр. 260—2.

5) S. 48—56, гдѣ дается подробное описаніе озеръ и окрестнаго раіона.

69. 1) Тамъ же 49.

2) Тамъ же.

70. 1) Рич. Стрэчи указывалъ ширину озера для южной половины въ 12 миль, для сѣверной—6 миль.

71. 1) Sher. 278.

2) S. 53 и G. J. мартъ 1900, 259—260.

3) Подобный обходъ—с)пал-(с)кор—требуетъ отъ 4 до 6 дней, смотря по продолжительности остановокъ; этотъ путь отмѣченъ восемью гомба (монастырями), правда, очень небольшими, даже полуразрушенными, принадлежащими къ сектѣ Лхо Дукпа и подчиненными духовному авторитету не Далай-ламы, а Дарма-раджи Бутана. Главный лама каждаго монастыря долженъ предварительно пробыть нѣкоторое время въ главномъ монастырѣ Бутана, Таши-ч'ойдзонъ, почему тѣ изъ членовъ монастырской общины вокругъ Ма-панъ, которые желаютъ принять священническій санъ, отправляются для этой цѣли въ Бутанъ—болѣе далекое и трудное путешествіе, чѣмъ въ Лхасу. Монастыри по склонамъ Кайласа поставлены въ такія же отношенія къ Бутанскому Дарма-раджѣ, какъ и монастыри Мап'ама. Каждый паломникъ, совершающій обходъ, останавливается въ каждомъ изъ 8 манастырей и дѣлаетъ приношенія. Кромѣ этого обхода, существуетъ еще большій, охватывающій озеро и подножіе кругомъ Кайласа (Тисе Ганъ-ри) оба вмѣстѣ или большой внѣшній кругъ—п'іи-сКор-ч'ен-по (самый внѣшній кругъ по J. Dict.), требующій недѣльнаго путешествія. Вокругъ Цо Ланъгак никакихъ „палкор" не совершается, и на берегу озера (западномъ) имѣется только одинъ монастырь. S. 54.

72. 1) Sher. 273.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

73. 1) Этотъ валъ до 4 ф. высотою (см. фотографію Sher. 271), преграждающій движеніе воды по каналу, насыпанъ восточными вѣтрами.

2) Наиболѣе точныя разспросныя свѣдѣнія среди мѣстныхъ жителей, собранныя Шеррингомъ въ 1905 г. показали, что послѣ сильныхъ дождей вода проходитъ по каналу (послѣдній случай этого рода былъ въ 1894 г.). Въ настоящее время дно канала полно стоячей соленой воды; имѣется также много горячихъ сѣрныхъ источниковъ, столь горячихъ, что до воды въ нихъ больно коснуться. (Sher. 242).

3) Sher. 263.

74. 1) Тамъ же 266—267.

2) Тамъ же 268.

3) Тамъ же 268 и фотогр. на стр. 270.

4) Стр. 14—19.

5) Стр. 73—94.

6) См. также XI главу S. E., гдѣ излагаются подробности исторіи этого сложнаго вопроса.

As. Centr. въ главахъ XIV и XV содержитъ весьма обстоятельное изложеніе данныхъ, полученныхъ отъ различныхъ изслѣдованій (главн. образомъ пандитовъ) въ предѣлахъ юго-восточнаго Тибета въ цѣляхъ выясненія обстоятельствъ соединенія Цзанъ-по и Брамапутры. Окончательные выводы устанавливаются по этому вопросу въ главѣ XVI указаннаго сочиненія. Теченіе Цзанъ-по и ея притоковъ, какъ оно устанавливается на китайскихъ картахъ и съ помощью китайскихъ описаній отъ истоковъ вплоть до 91°20' в. д. (89° в. д. отъ Парижскаго меридіана, разсматривается въ As. Centr. 512—517.

75. 1) Герм. Шлагинтвейтъ указываетъ въ Schlag. Glos. на стр. 95, что имя Цзанъ-по ч'у употребляется обитателями Балтистана въ качествѣ главнаго обозначенія рѣки Шаіокъ, притока Инда; подъ этимъ же именемъ извѣстенъ на всемъ протяженіи Ладака и Балтистана и собственный Индъ; вообще же имя Цзанъ-по употребляется за предѣлами политическаго Тибета и въ названіяхъ небольшихъ рѣкъ какъ одно, такъ и въ видѣ сложныхъ словъ.

2) См. Кюнеръ, Лекціи по географіи Китая, читанныя въ Восточномъ Институтѣ въ 1903—4 гг., стр. 48. Предположеніе относительно китайскаго употребленія терминовъ „цзянъ" и „хэ" высказалъ Лоци въ Wiss. Ergebn. Reise Graf. Szechenyi, 327.

3) Соотвѣтственно миѳологическому обозначенію рѣки Цзанъ-по, Сетледжъ извѣстенъ тибетцамъ подъ именемъ (г)ланъ-ч'ен к'а-баб —спускающійся изъ пасти слона (Schlag. Gloss. 82; относительно слова баб см. C. Dict 917 *); также точно рѣка Карнали зовется Мачжа к'а баб [пиш. рМа-біа-к'а-баб]—спускающаяся изъ клюва фазана; наконецъ, можно встрѣтить въ книгахъ обозначеніе сенъ-ге к'а-баб, т. е. спускающаяся изъ пасти льва—въ примѣненіи къ Инду. Тибетское имя р. Карнали Мапч'у камба, нѣсколько отличная форма произношенія, или клювъ фазана, Sher. 45 объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины въ странѣ, черезъ которую рѣка протекаетъ, славятся красотою, какъ имя Инда—пасть льва—храбростью мужчинъ по его теченію, имя Цзанъ-по [глотка лошади]—превосходствомъ лошадей въ области долины рѣки и Сетледжа [глотка быка]—стремительностью его теченія. Тамъ же 44—45.

76. 1] Эта цѣпь слѣдуетъ на 25 миль параллельно рѣкѣ въ ЮЮВ. направленіи съ пиками 18—22 тыс. фут.

Изъ указанныхъ двухъ цѣпей южная образуетъ водораздѣлъ между Цзанъ-по и рѣками Непала, а сѣверная отдѣляетъ истоки Инда.

Горная область вокругъ истоковъ Инда, Цзанъ-по и Ганга, какъ она рисуется у китайскихъ авторовъ, см. As. Centr. 518—522.

---

*) 'баб-па—спускаться, стекать (въ связи съ рѣчными теченіями); 'баб-ч'у или 'баб-лдан чу-клунъ—рѣка, ручей; 'баб-ч'у-бжи четыре рѣки: Индъ (Синду), Сетледжъ, Цзанъ-по и Гангъ.

Истоки Цзанъ-по на основаніи китайскихъ источниковъ описываются тамъ же 517—518.

2] Относительно креста Свастики см. Varietes Sinologiques, № 3 въ Китаѣ, затѣмъ Lam. 389.

77. 1] S. 76, 77, 79. Область Верхней Цзанъ-по составляетъ часть округа Пуранъ, съ его главнымъ городомъ Я-рце-дзонъ и больш. монастыремъ Шинп'ел линъ по сосѣдству. См. Вас. 8.

2] Тадум является значительнымъ средоточіемъ торговли, на что указываетъ 8 или 9 почтовыхъ зданій, окружающихъ гомба: здѣсь сходятся пути изъ Пенджаба и Непала.

3] По свѣдѣніямъ Сандберга, рѣка доступна при извѣстныхъ условіяхъ для движенія кожаныхъ лодокъ, въ которыхъ перевозятся товары, съ пункта еще выше по теченію [отъ Тамч'ен-тазам?].

78. 1] Рѣка десяти именъ.

2] Гдѣ-то по южной окраинѣ Бжянъ-т'ана проходитъ водораздѣлъ области закрытыхъ озерныхъ бассейновъ съ бассейномъ Цзанъ-по, слѣдовательно—съ индійскимъ бассейномъ. Никто не опредѣлилъ его точнаго географическаго положенія. [H. 36].

3] Если судить по величинѣ сѣверныхъ притоковъ верхней Цзанъ-по [Ч'орта Цзанъ-по, Рака Цзанъ-по въ 20 миляхъ ниже Бжянъ-лха-цзе] и числу ихъ, то является достаточно основаній предположить, что часть центральнаго озернаго раіона получаетъ стокъ въ Цзанъ-по, другими словами, нѣкоторыя изъ гигантскихъ озеръ Центральнаго Тибета могутъ лежать внутри рѣчного бассейна и сообщаться съ нимъ, хотя относительно большинства ихъ извѣстно, что они не имѣютъ истока [H. 36]. Другого объясненія многоводности этихъ притоковъ нельзя подыскать [южные притоки съ Гималайскихъ ледниковъ являются сравнительно незначительными]. H. 235. Изслѣдованія Гедина 1907 г., несомнѣнно, прольютъ болѣе яркій свѣтъ на этотъ темный вопросъ.

79. 1) S. 79—80.

2) кло-бо-сМан-т'анъ. Вас. 10.

3) лДжон'с-дга' тамъ же.

4) дмад-цанъ-ч'у.

5) Бжянъ-лха-цзе—старинное поселеніе съ нѣсколькими монастырями внутри и вокругъ его стѣнъ; въ этомъ же мѣстѣ черезъ главную рѣку проходитъ одинъ изъ желѣзныхъ мостовъ, построенныхъ 250 лѣтъ тому назадъ Танъ-тонъ гжял-по и состоящихъ изъ 4 массивныхъ желѣзныхъ цѣпей со звеньями по футу въ діаметрѣ, протянутыхъ между каменными быками съ одного берега въ другому и съ утлой деревянной и веревочной настилкою, положенной на цѣпи. Такой же конструкціи мосты существуютъ и далѣе черезъ рѣку между Пун-цог-линъ и Шихацзе.

Вблизи слиянія Цзанъ-по и Рака Цзанъ-по стоитъ величественный чортен, построенный упомянутымъ святымъ инженеромъ.

6) Рѣка спускается отъ Гималайскаго водораздѣла мимо Сакья дзонъ, управляемаго Сакья гонъ-ма.

7) Городъ Пун-цог-линъ замѣчателенъ фортомъ и большимъ монастыремъ еретической секты Джонанъ па, построеннымъ основателемъ секты въ эпоху Хубилая.

Между Пун-ц'ог линъ, вѣрнѣе даже отъ Бжянъ-лха-цзе, и портомъ Шихацзе—Тунъ-сум, въ 3 миляхъ отъ города, существуетъ регулярное судоходство внизъ по рѣкѣ для перевозки пассажировъ, товаровъ и скота въ кожаныхъ лодкахъ.

На полпути между Пун-ц'ог-линъ и Шихацзе рѣка получаетъ съ юга второй значительный притокъ—Речу или Шречу.

Видъ долины Цзанъ-по въ предѣлахъ провинціи Цзанъ Н. 332 на двухъ фотографіяхъ.

8) Сянъ чу беретъ начало въ Нинченъ танъ-ла и протекаетъ мимо Намлинъ (12,200 ф., 200 домовъ), гдѣ вьючными животными являются овцы (слишкомъ холодно для ословъ и слишкомъ каменистая почва для яковъ).

9) По обилію стручковыхъ растеній и вообще по причинѣ высокаго плодородія. Рѣка зовется также Пенанъ нянъ чу по имени большого укрѣпленнаго замка Пенанъ дзонъ (пиш. ба-рНам-рДзонъ—городъ многочисленныхъ коровъ. Zach I 87), между Донъ-цзе и Шихацзе, по величинѣ и грозному виду почти не уступающему замку Гжянъ-цзе (Magniac въ „Nineteenth Century“ февр. 1906, 257).

10) Начиная съ Jorgya долина Нянъ ч'у значительно расширяется, а сама рѣка, сохраняя извилистое теченіе, разбивается на множество рукавовъ, раздѣленныхъ островами, покрытыми кустарниковой чащею, кишащей куропатками и зайцами (Plat. 171).

80. 1) Ч. 112.

2) О величинѣ рѣки Пенам нянъ можно судить по тому, что мостъ черезъ нее въ Шихацзе имѣетъ 380 футовъ въ длину. Бассейнъ рѣки захватываетъ всю территорію, прилегающую къ Сиккиму и западному Ботану, и вмѣстѣ съ бассейномъ Ре чу, примыкающимъ къ Непалу, измѣряется площадью въ 6,500 кв. миль.

81. W. L. 434.

2) Indian Survey Report, 1883—4.

82. 1) Цвѣтъ воды озера отражаетъ всѣ оттѣнки фіолетовои, бирюзово-синей и зеленой красокъ.

2. Георги опредѣляетъ окружность озера въ 360 миль, или 18 дней пути; первая цифра сильно преувеличена, т. к. размѣры озера съ тѣхъ поръ не могли такъ сильно сократиться, несмотря на слѣды ранняго болѣе высокаго уровня воды.

3) W. L. 297.

4) „Внутреннія скалы“, или До-нанъ.

5) По описанію Чандрадаса, Дум-цо окружено грозными черными утесами и лежитъ на 500 ф. выше Ямдок цо. Уоддель же утверждаетъ, что Дум-цо составляетъ часть Ямдок-цо, лишь утра-

тивную связь съ тѣмъ (уровень его на 1—2 фута выше послѣдняго); окружающіе холмы не могутъ быть названы крутыми, кромѣ какъ на южномъ и восточномъ берегахъ [Lhasa, 298].

6) Это сходство съ скорпіономъ не даетъ, однако, еще права переводить названіе озера Ямдок черезъ „Озеро скорпіона", какъ дѣлаетъ капитанъ Таннеръ.

83. 1) Анализъ ея W. L., прим. VIII, 472.

2) Три экземпляра новаго вида указаннаго семейства изъ озера изображены W. L. 306.

3) S. 57—59.

4) S. 58, откуда заимствованы свѣдѣнія объ озерѣ.

84. 1] S. 59.

2] См. фотографію у W. L. 306 стр.

3) Тамъ же 307—308.

4] По буквальному переводу „желѣзный мостъ".

5] Изображеніе парома и мѣсто переправы, тамъ же, 310.

6] J. Dict. 559 переводитъ шинъ-(р)та черезъ повозка, экипажъ=т'ег-па. Для „парома" онъ указываетъ на 468—[р]дзинъ, гру-[р]дзинъ, или [г]дзинъ; Mis. dict. 988 приводитъ ч'у'и-шинъ-рТа= судно. Обычное обозначеніе парома—ду [гру], паромщика—ду-па и вообще переправы черезъ рѣку—ду-к'а.

7) Благодаря широкому руслу рѣки и нерѣдкимъ вѣтрамъ на рѣкѣ у переправы разыгрываются настоящія бури, весьма опасныя для движенія парома [S. 82].

8) W. L. 310; см. еще Land. II 120, гдѣ указываются мѣры ускоренія переправы на паромѣ, придуманныя англійскими инженерами.

85. 1) О нихъ, въ пров. Юнь-нань см. напр. Baber, Notes on the route of Mr. Grosvenor's Mission, Suppl. Pap. R. Geogr. Soc. I, part 1, стр. 170—1.

2] Описаніе его устройства и наружнаго вида съ фотографіями см. W. L. 312—313 стр.

3] W. L. 314.

4] Тамъ же 315.

5] Тамъ же, прил. XI 487.

6] W. L. 432.

7] Входъ въ долину Кчіи ч'у со стороны Цзанъ-по [по пути отъ Чакэсам] сильно укрѣпленъ отъ природы и человѣческой рукою, воздвигшей замокъ и меньшій фортъ въ Ч'ушулѣ. Въ настоящее время эти укрѣпленія пришли въ ветхость, но внѣшній видъ понынѣ подтверждаетъ справедливость разсказовъ о важной роли Ч'у-шула въ качествѣ крѣпости въ эпоху феодальныхъ войнъ въ Тибетѣ. [W. L. 317].

86. 1) Цембу является хорошо воздѣланной равниною, съ привѣтливыми выбѣленными фермами, расположенными на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и густо оттѣненными деревьями, на

террасахъ по склонамъ холмовъ. Отсутствіе сильныхъ холодовъ въ январѣ мѣсяцѣ, какъ указалъ еще Гюкъ, свидѣтельствуетъ объ исключительномъ положеніи Лхасы и окрестностей въ отношеніи климата.

По всѣмъ даннымъ, долина Цзанъ-по оказывается много теплѣе, чѣмъ любая извѣстная мѣстность подъ той же широтою и на той же высотѣ внутри Гималаевъ. Н. 168.

2] W. L. 318.

3] Тамъ же 319.

4] Тамъ же 321—2; см. также 316 стр. [аналогичныя изображенія въ долинѣ Цзанъ-по между Чакзсам и Ч'у-шул]

5] Тамъ-же 322.

Въ раскрашенныхъ ом-мани наиболѣе обычнымъ представляется слѣдующее чередованіе цвѣтовъ: бѣлый, зеленый, желтый, синій, красный и индиго [рѣдко черный, или пурпурносиній]. Въ Чушулѣ и Нетанъ Лэндонъ видѣлъ иной порядокъ красокъ: бѣлый, синій, желтый, зеленый, красный и черный Land., II 144, прим.

6] См. набросокъ къ стр. 324 W. L. и стр. 323—4.

7] Land. II 161 и далѣе.

8] Часть ихъ создана искуственнымъ образомъ, но вообще рѣка обнаруживаетъ склонность разбиваться на нѣсколько руселъ, даже въ нижнемъ теченіи. W. L. 318.

9] Тамъ же 421.

87. 1) W. L. 421 даетъ картины привлекательной сельской жизни въ окрестностяхъ Лхасы.

2) Тамъ же 318. Благодаря тому обстоятельству, что Цзанъ-по въ мѣстѣ впаденія Кчіи ч'у отклоняется утесами Ч'ушула рѣзко на югъ, у зрителя, стоящаго въ долинѣ Кчіи ч'у, получается впечатлѣніе, будто главная рѣка является лишь продолженіемъ своего притока [тамъ же, 317]. Однако, на картѣ, приложенной къ указанной книгѣ, эта особенность скрадывается, вѣроятно, вслѣдствіе недостаточно крупнаго масштаба.

3] Тамъ же 431.

4] См. историческій очеркъ изслѣдованія нижней Цзанъ-по въ I выпускѣ „Описанія“.

88. 1] W. L. 435—440.

2) Монастырь хранитъ государственную казну и золото изъ богатыхъ пріисковъ на востокъ отъ Ямдок ц'о.

3) Между Чушуломъ и Цзэт'аномъ совершается регулярное движеніе большихъ кожаныхъ лодокъ, съ остановкою на полпути въ извѣстномъ выдѣлкою шерстяныхъ матерій торговомъ городѣ Кчіи дешо дзонъ, въ 40 миль ниже Чушула; на южномъ берегу рѣки противъ Кчіи-дешо расположенъ на величественной скалѣ упомянутый древній монастырь секты ньинма—Дордже-таг.

4) Какъ сообщаетъ пандитъ, за Цзет'аномъ рѣка уходитъ, насколько глазу видно, въ широкой долинѣ на ВСВ., при чемъ на-

двигающаяся съ юга на горизонтѣ большая снѣжная горная масса заслоняетъ дальнѣйшій видъ. Съ сѣвера и юга къ рѣкѣ подходятъ низкіе холмы, и дорога слѣдуетъ черезъ нихъ по правому берегу, но считается очень опасной благодаря множеству разбойниковъ, поэтому болѣе безопаснымъ представляется переправиться въ 3 миляхъ ниже Цзет'ана на лѣвый берегъ рѣки и двигаться этимъ берегомъ по богатой области (округа Во-к'а, Нанъ-по и, наконецъ, Конъ-бу, лежащій по обѣимъ сторонамъ рѣки), изобилующей пышными монастырями (Н'ари Дацанъ, Санъ-ри К'анъ-мар, Данса т'ил) и хорошо воздѣланными склонами, съ лѣсами, садами и удобными дорогами,—черезъ нѣсколько довольно крупныхъ притоковъ, впадающихъ въ рѣку съ сѣвера между Цзе-т'аномъ и 93° в. д., въ особенности Мик ч'у, или Зинъ-чи ч'у.

5) Большіе бѣлые монастыри блистаютъ на возвышенныхъ фантастическихъ позиціяхъ; значительныя же селенія и торговые центры лежатъ въ доступномъ сосѣдствѣ къ выгодной водной дорогѣ, какъ разсказывалъ К. Р.

89. 1) Въ этотъ подсчетъ не включены обитатели особой области По-юл въ сѣверо-восточномъ углу поворота Цзанъ-по на югъ.

2) S. 85.

90. 1) На высотѣ 2440 м.=8.000 ф., съ фортомъ на одномъ берегу и монастыремъ на другомъ, въ разстояніи 16 миль отъ упомянутой сѣверной вершины рѣки и 295 миль по рѣкѣ Чакзсама, считая извилины.

Политически и комерчески Гжя-ла Сенъ-донъ является важнымъ центромъ, такъ какъ рядъ торговыхъ путей: отъ большой дороги изъ Китая въ Лхасу черезъ Конъ-бо, изъ Цзари, Даванъ, Бутанъ и съ юго-запада, изъ страны П'о ба и Юньнани и Ассама, повидимому, сходится здѣсь. Выходцы изъ среды варварскихъ пограничныхъ племенъ, владѣющихъ страною далѣе на югъ, пропускаются только до Гжяла сенъ-донъ въ торговомъ обмѣнѣ съ Ассамомъ, въ которомъ они дѣйствуютъ въ качествѣ посредниковъ. Многочисленные замки (дзонъ), завѣдываемые представителями власти центральнаго правительства, тѣсно покрывающіе окрестную страну, свидѣтельствуютъ о бдительности надзора, признаваемаго необходимымъ, въ далеко неумиротворенномъ понынѣ краю.

Участокъ рѣки, отъ пункта въ нѣсколькихъ миляхъ на востокъ отъ Цзэ т'анъ до Гжяла Сенъ-донъ, не служилъ предметомъ тщательнаго изслѣдованія, т. к. посѣтившіе его два туземныхъ агента Индійскаго топографическаго бюро, именно G. M. N. въ 1878 г. и К. Р. въ 1886—7 г., не были особенно умѣлыми топографами.

2) Какъ въ Гжяла Сенъ-донъ.

3) Разница въ уровнѣ русла рѣки въ Гжяла дзонъ и Ассамѣ при сравнительно небольшомъ разстояніи между указанными пунк-

тами застявляетъ предполагать a priori существованіе пороговъ и водопада.

4) О племени Аборъ и сосѣднихъ съ нимъ племенахъ см. Waddell, Tribes of Brahmaputra Valley, Journ. Beng. As. Soc., part III 1900,

5) Сынъ Брамы; Уоддель указываетъ, что тибетцы иногда употребляютъ вмѣсто Цзанъ-по форму Цзанъ-бу (гцанъ-бу) буквально съ тѣмъ же значеніемъ, какъ индійск. Брама-путра.

6] W. L. 438.

7] Бамбукъ въ широкомъ употребленіи въ странѣ по-ма [о ней ниже]; длинное и широкое колѣно его, покрытое краснымъ и бѣлымъ плетеніемъ, служитъ для храненія „не-чанъ“ [Diary 292].

91. 1] Страна на востокъ отъ нижней Цзанъ-по, несомнѣнно, повышается, такъ какъ всѣ рѣки на востокъ отъ 95° текутъ въ западномъ направленіи; слѣдовательно если допустить, что Цзанъ-по ниже 28°18' поворачиваетъ на сѣверо-востокъ для соединенія съ другой рѣкою, не Дихонгомъ, то пришлось бы тѣмъ самымъ признать возможнымъ, что рѣка поднимается вверхъ по той самой мѣстности, по которой спускается рѣка Нягронъ ч'у, выходящая изъ Ата ганъ ри подъ 29°25' в. д. и впадающая въ Цзанъ-по подъ указанной параллелью 28°18'. Это одинъ изъ лишнихъ доводовъ въ пользу тожества Цзанъ-по и Дихонга.

Въ нижнюю Цзанъ-по впадаютъ съ обѣихъ сторонъ многочисленные притоки—наприм. отъ Кон-бо, Ларуго и Ариг, сточныя воды изъ этихъ округовъ соединяются въ одну рѣку, изливающуюся въ Цзанъ-по выше Гжяла сенъ-донъ], указанная рѣка Нагонъ ч'у или Нягронъ ч'у—ниже [впрочемъ, на картѣ Stielers Hand-Atlas № 62 рѣка Нагонъ ч'у представлена въ видѣ верхняго теченія Дибанга [правда, предположительно] и, слѣдовательно, не связана непосредственно съ Цзанъ-по [Дихангомъ]. Во всякомъ случаѣ, эта рѣка расположена на прямой дорогѣ изъ Лхасы черезъ Гжяла сенъ-донъ въ Дза-юл; въ Нагонъ ч'у, вѣроятно, впадаетъ р. Кепри, проходящая отъ Ремба и Лходзона черезъ По-юл. Объ этой загадочной рѣкѣ. см. ниже. Имя ея, повидимому, пишется Каг-по гцанъ-по-ч'у [Zach III, 132]. Положеніе указанной рѣки на картѣ разбирается въ As. Centr. 252—4.

На югъ отъ Нагон ч'у [Черная вода] лежитъ независимая страна Лхоюля, сравнительно низменная и имѣющая больше ронъ, чѣмъ т'анъ и содержащая болѣе лѣсу и роскошной растительности, чѣмъ любая часть Тибета на сѣверъ отъ Гималаевъ.

93. 1] S. 94.

2] Во время второго путешествія по Тибету Рокгиль прошелъ сравнительно недалеко отъ области верхняго По [или По-тод], части страны По-юл; другая часть послѣдней зовется По-ме.

94. 1] Относительно Лао-шань-скихъ торговцевъ, ихъ предпріимчивости и состоятельности. L. L. 23 [въ самомъ городѣ Си-ань-фу] и 207 [въ Тибетѣ].

2] Копыта ихъ такъ тверды, что не стираются даже послѣ многихъ мѣсяцевъ постоянной ѣзды по самой изсѣченной мѣстности. Объ этихъ лошадяхъ упоминается въ Oldfield, Sketches from Nepal I, 411 по случаю возвращенія въ Непалъ пятилѣтн. непальскаго посольства къ китайскому двору въ 1852 г., доставившаго съ собою 100 пони изъ Китая и изъ Pumi.

3] Наиболѣе искусные ремесленники также являются родомъ изъ По-юл. Весь восточный Тибетъ и Гжя де снабжаются отсюда деликатесами, напр. краснымъ сушенымъ перцомъ. Diary 304.

96. 1) Точное мѣстонахожденіе истоковъ Желтой рѣки понынѣ извѣстно, пожалуй, не болѣе, чѣмъ любой изъ другихъ большихъ рѣкъ, спускающихся съ тибетскаго нагорья, хотя этотъ вопросъ съ древнѣйшихъ поръ занималъ умы китайскихъ путешественниковъ и даже государственныхъ людей и послужилъ поводомъ къ отправкѣ нѣсколькихъ оффиціальныхъ экспедицій съ цѣлью выясненія мѣста зарожденія рѣки, см. Успенскій, страна Кукэ-норъ [1880 Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отдѣл. Этногр., т. VI], стр. 24—28 и Іакинѳъ, Ист. Тибета и Хухунора [1833], часть II, стр. 180—184 („Описаніе вершинъ Желтой рѣки"); X томъ Memoires concern. hist., sciences, arts etc. des Chinois, par les Missionnaires de Pekin содержитъ интересную статью касательно истоковъ Хуанъ хэ. Глава LXIII Юань-ши содержитъ также разсужденіе объ истокахъ Хуанъ хэ (河 源). См. еще Ту-шу-цзи-чэнъ, 7 отдѣл. VII томъ, главы 217—223 и VIII томъ, главы 224—236.

Однако, подробныя „сказанія", явившіяся результатомъ этихъ попытокъ, относительно верхнихъ участковъ рѣки въ сущности лишь затемняли одно другое, въ силу предвзятаго убѣжденія, сложившагося у первыхъ китайскихъ изслѣдователей физическихъ условій областей центральной Азіи, по поводу существованія связи между р. Таримъ восточнаго Туркестана и Желтой рѣкою, въ силу коей послѣдняя рѣка будто бы является лишь продолженіемъ первой послѣ исчезновенія той въ пескахъ пустыни и вторичнаго появленія на поверхности земли на югъ отъ Куэнь-луньскихъ горъ. Первый сообщилъ подобное свѣдѣніе Чжанъ-цянь, посолъ У-ди на западъ, въ 136—126 г. до Р. Х. [См. Іакинѳъ, Собр. свѣд., III, стр. 5], и этотъ взглядъ надолго укрѣпляется въ китайской литературѣ *, хотя существованіе этой басни не лишаетъ цѣнности нынѣшнихъ китайскихъ географическихъ сочиненій вообще, какъ утверждалъ Пржевальскій въ III пут. („Разъяснить истоки Хуань хэ, по его

*) Сказка объ истокахъ Хуанъ хэ въ Лобъ-норѣ приводится, какъ достовѣрный фактъ въ Си-юй-вынь-цзянь-лу, сочин. маньчж. чиновникомъ въ 1773 г. и перевед. Іакинѳомъ во II части „Восточнаго Туркестана", стр. 93.

мнѣнію, можно лишь европейскими изслѣдованіями, а не китайскими описаніями").

Между тѣмъ, китайскія позднѣйшія экспедиціи отвергли эту басню, хотя и отказались опредѣлить мѣсто истоковъ. Они съ необычайной точностью и подробностью описали теченіе рѣки, измѣрили каждый изгибъ, указали ея притоки; но минуя Одонтала и достигнувъ низовья Алтан-гола, они неизмѣнно заявляли, что останавливаются по непроходимости дальнѣйшаго пути.

Въ частности, изъ этихъ китайскихъ изслѣдователей укажемъ на Лю юань-динъ, который, будучи отправленъ въ 822 г. Р. Х. посланникомъ въ Тибетъ для заключенія мирнаго договора, во время пути описалъ верхнее теченіе Желтой рѣки; однако, не имѣя случая лично изслѣдовать ея истоки, описалъ ихъ по разспросамъ.

Души дошелъ въ 1280 г. только до Одонтала (см. его описаніе этой равнины у Tiessen, China I, стр. 234—5).

По послѣднему описанію, явившемуся результатомъ изслѣдованія въ 1782 г., истинная вершина Хуанъ хэ начинается съ истоковъ Алтан-гола на западъ отъ Одон-тала. Изъ восточной вершины горъ Баян-хара вытекаютъ два источника, которые черезъ нѣсколько ли, соединившись, образуютъ Алтан-гол.

Если такимъ образомъ китайскіе географы болѣе недавняго времени выказали въ дѣлѣ опредѣленія истоковъ рѣки значительную осторожность въ отношеніи выводовъ изъ предполагаемыхъ лишь фактовъ, не удостовѣренныхъ непосредственнымъ изслѣдованіемъ, то съ другой стороны нельзя не усмотрѣть нѣкоторую поспѣшность въ выводахъ нашего наиболѣе извѣстнаго путешественника по странамъ центральной Азіи—Пржевальскаго, который во время III пут., не дойдя верстъ на 500 до наивысшаго достигнутаго китайцами пункта по рѣкѣ, уже пытался опредѣлить область истоковъ Хуанъ-хэ.

Правда, его же изслѣдованіе во время IV путешествія показало, что онъ былъ правъ во многихъ отношеніяхъ, но въ то же время подтвердило и точность свѣдѣній китайскихъ сочиненій, о которыхъ онъ отзывался съ такимъ пренебреженіемъ.

Трудно винить китайскихъ путешественниковъ II вѣка до Р. Х. слишкомъ строго за придуманное ими объясненіе начала Хуанъ хэ, такъ какъ подобную же ошибку повторилъ и средневѣковый европейскій путешественникъ Мариньоли, который во время слѣдованія черезъ Центральную Азію отъ Астрахани въ Пекинъ, повидимому, принималъ за одну и ту же рѣку, постоянно появлявшуюся на его пути,—Волгу, Оксусъ (Аму дарью), Хуанъ хэ и Янъ-цзы и который съ гордостью заявилъ въ концѣ концевъ: „Я полагаю, что это величайшая рѣка прѣсной воды на свѣтѣ, и я самъ переправлялся черезъ нее" (Yule, „Cathay", стр. 350 и Yule, Introd. 81).

Другимъ примѣромъ искусственнаго объединенія въ сплошное водное теченіе нѣсколькихъ отличныхъ рѣкъ является Хэй шуй, или „Черная рѣка“ китайскихъ историческихъ и географическихъ сочиненій—гипотетическая рѣка въ меридіональномъ направленіи, принимавшаяся въ древности за западную границу Китая, въ дѣйствительности же лишь произвольно объединенные въ непрерывное теченіе идущіе въ указанномъ общемъ направленіи участки рр. Дань хэ, Хуанъ хэ, Янъ-цзы, Я-лунъ, Меконга и Иравадди. Однако, китайскіе ученые коментаторы отожествляютъ ее съ той или другою единичной рѣкою западнаго Китая, въ частности юньнаньскіе авторы, незнакомые съ новѣйшими европейскими изслѣдованіями—предпочтительно съ Иравадди, которая, по ихъ представленію, является продолженіемъ Яру Цзанъ-по. См. Chavannes, Mem. Hist. I, 126, прим. 2 и стран. 164-166 статьи: Beauvais, J. „La riviere noire du Tribut de Yu“ (T'oung Pao 1905, 161—228 съ картою).

2) Различныя обозначенія верхней Хуанъ хэ см. L. 173, прим. 1 (Солома и Ма ч'у) и Yule, Polo *а*) I, 245, прим. 1: Хатун-еке или Хатун гол—рѣка государыни (въ память утонувшей въ рѣкѣ тангутской царицы, какъ разсказываетъ о томъ преданіе, сообщенное Санан-сеценом [см. Schmidt, Geschichte der Ost. Mongolen, стр. 103 и примѣчаніе 58 на 388 стр.], и подтверждаетъ Іакинѳъ, Вост. Туркестанъ, стр. XXIII: „Отъ Н'о-ринъ-нора почти до китайской границы въ Хэ чжоу монголы называютъ Желтую рѣку Хатун гол —Царица рѣка [изъ китайской оффиц. географіи]. Тибетск. авторы [напр. 'дзам-глинъ-рГіас—бшад] переводятъ монгольское Хатун гол черезъ бцун-мо-клунъ—рѣка, гдѣ потонула царица—С. Dict. 985) и *б*) тамъ же II, 23, прим. 1: Хара мурен—Черная рѣка, наиболѣе употребительное монгольское имя рѣки, которымъ пользовались для обозначенія рѣки всѣ средневѣковые путешественники въ Центральной Азіи и Китаѣ—Марко Поло, Одорикъ, Мариньоли, Рашид-эддинъ. Именемъ просто „Хэ“ [рѣка] Хуанъ хэ обозначается въ древн. китайской топографіи—Юй-гунъ. Имя Хуанъ-хэ появляется впервые въ Тай-пинъ Хуанъ-юй-цзи, описаніи китайской имперіи въ концѣ X столѣтія (о послѣднемъ сочиненіи говоритъ Wylie, Notes on chinese Lit. 36).

3) Какъ первое монгольское названіе, такъ и второе тибетское одинаково означаютъ: „звѣздная равнина“; китайцы же употребляютъ выраженіе—синъ-су хай, или звѣдное море. Подобныя обозначенія объясняются существованіемъ на равнинѣ множества блестящихъ (при солнечномъ освѣщеніи) озеръ, лужъ и рѣчекъ затѣйливыхъ очертаній съ болотами. Звѣздная степь, несомнѣнно, въ очень недавнее прошлое представляла собою третье, или самое верхнее озеро, нынѣ почти исчезнувшее [остатокъ его упомянутое Дзачухоц'о], какъ исчезнетъ и Мцо хчара (Ц'о Чжаринъ), ясно обнаруживпее обмелѣніе и уменьшеніе въ размѣрахъ, а затѣмъ и Мцо хнора (Ц'о Н'оринъ), съ каждымъ годомъ повышающее дно въ раіонѣ своего

юго-западнаго залива (Камъ, 599 прим.). По описанію Пржевальскаго, Одонъ тала лѣтомъ во время господства индійскаго юго-западнаго муссона представляетъ одно сплошное болото.

4) Цэгэ нор и Цэкэ нор цайдамск. монголовъ—озеро прозрачной воды и озеро просвѣчивающихся отмелей; тибетцы называютъ ихъ Мцо-хнора и Мцо хчара, какъ пишетъ Козловъ, а Пржевальскій далъ имъ наименованіе—озеро Русское и Экспедиціи. Другія названія озеръ см. L. L. 173, прим. 1.

5) Камъ, 333—334.

6) Китайскіе авторы (напр. Цинь-динъ Си-юй-тунъ-вэнь-чжи) объясняютъ имя Ма ч'у черезъ хуанъ хэ—желтая рѣка, прибавляя: когда вода (рѣки) выходитъ изъ горъ, она по цвѣту мутная (濁), отсюда и названіе: Ма ч'у 瑪 楚 (Zach III 127).

97. 1) См. I вып., стр. 185.

2) Яркую картину характерныхъ чертъ лесового ландшафта даетъ Рихтгофенъ въ China, I, 67—69, вслѣдъ за описаніемъ физическихъ свойствъ, присущихъ этому виду почвы (тамъ же, стр. 56—67).

3) Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о флорѣ различныхъ частей долины верхней Хуанъ хэ и прилегающей горной области находимъ у Пржевальскаго IV пут., Роборовскаго, Тр. Центр. Азіи I и Козлова, Камъ I.

4) Общее описаніе Желтой рѣки, въ томъ числѣ и верхняго тибетскаго теченія, даетъ Tiessen „China" I и Кюнеръ, цитиров. выше лекціи.

98. Кит. карты рисуютъ ея истоки подъ 32° с. ш. (подъ 33°, согласно Bretschn. Hist. Bot. Disc. 1021, и 102° в. д.), но новѣйшія изслѣдованія предполагаютъ большую длину теченія.

2) По долинѣ притока Я-хэ, р. Омэй, ведетъ путь къ священной горѣ этого имени.

3) Однако, Цзя-динъ ту-чжи употребляетъ имя Тунъ хэ (Мѣдная рѣка) лишь въ качествѣ второстепеннаго обозначенія р. Я, а не рѣки Да-ду (Betz, „Eine Reise in Szechuan", Mit. Sem. Or. Sprach. Berlin. IX, стр. 55).

4) По тибетски Гжя ронъ или Гжял-мо-ронъ.

5) Свѣдѣнія объ этихъ племенахъ (Си-фань) даютъ Джиллъ, Баберъ, Ростгорнъ, Хози, Бишопъ; о смыслѣ термина Yule, Polo, II, 60.

6) См. Rosthorn, Eine Reise im Westl. China (Mit. Geogr. Ges. Wien, 1895).

7) Рѣка Минь располагается со своими истоками (подъ 33½° с. ш. и 102° в. д.) цѣликомъ внутри политическихъ границъ Собственнаго Китая (провинціи Сы-чуани), хотя по обѣимъ сторонамъ ея верхняго теченія (въ особ. въ окрестностяхъ Сунъ-пань тина) живутъ понынѣ тибетскія и другія туземныя народности, отличныя отъ китайской расы. Китайскіе гидрографы (см. Yule, Introd.84—85) принимаютъ р. Минь за верховья Да цзяна (Великой рѣки) или

европейск. Янъ-цзы цзяна, т. к. рѣка Минь была извѣстна имъ съ давнихъ поръ, а о размѣрахъ Цзинь-ша цзяна они узнали гораздо позже.

Особую черту рѣчного ландшафта верхней Минь составляютъ весьма многочисленные веревочные мосты. Земледѣльческая культура начинается на западномъ берегу рѣки, занятомъ тибетскими деревнями, лишь въ 40 миляхъ ниже Сунъ-пань тина. Мѣстами встрѣчаются поля кортофеля для потребленія некитайскихъ племенъ. Тибетцы въ значительной степени употребляются китайцами въ качествѣ носильщиковъ, и дорога по восточному берегу Минь была загромождена яками съ погонщиками тибетцами-мужчинами, тогда какъ женщины несли грузы въ корзинахъ. Jack, Back-blocks of China, стр. 87.

7) Китайская передача тибетскаго названія Ня-ронъ, Няг-ронъ или долина р. Ня (Няг), какъ рѣка называется въ нижнемъ теченіи; Ня-ронъ есть имя тибетскаго владѣнія выше Ли-танъ (китайск. Чжань-дуй), точнѣе Ме-ня, а также болѣе сѣвернаго княжества Хорба. Толкованіе китайскаго имени отъ тибетскаго Яр-лунъ—верхняя долина, врядъ ли представляется основательнымъ. Yule, Intr. 83, прим. склоняется на сторону объясненія имени рѣки Риттеромъ черезъ „бѣлая рѣка", на что указываетъ и китайское имя Бо-шуй-бѣлыя воды, прилагаемыя къ нижнему теченію рѣки.

99. 1) Долина Нинъ-юань фу извѣстна нынѣ подъ китайскимъ именемъ Цзянь-чанъ [Caindu Марко Поло см. Yule, Polo, II 69—72, гдѣ разбираются различныя толкованія этого имени].

Въ монгольскую эпоху долина была занята исключительно тибетскимъ и лолоскимъ населеніемъ; тибетцы нынѣ оттѣснены китайскими поселенцами на сосѣднія высоты по западной окраинѣ долины, а лоло, вѣрнѣе та часть ихъ, которая уцѣлѣла отъ погрома китайцами, должны были искать убѣжища подъ натискомъ той же китайской иммиграціи въ горной странѣ на востокъ отъ долины вплоть до нижней р. Минь и сосѣдняго участка Янъ-цзы.

2) Устье Я-лунъ было посѣщено и описано въ 1868 г. экспедиціей лейтенанта Гарнье [Voyage d'Exploration, I 503 съ картинкою слiянія обѣихъ рѣкъ], при чемъ онъ отмѣтилъ, что въ мѣстномъ употребленіи имя Золотой рѣки переносится на Я-лунъ, а Янъ-цзы получаетъ наваніе Бо-шуй цзянъ (или рѣки бѣлой воды).

3) Камъ, стр. 515—517, 528—9, 535, 542 съ фотогр. 577—8. По лѣвому берегу Дза ч'у между 97° 30' и 99° в. д., и 33° и 33° 30' с. ш. лежитъ область Дза-чю-ка-ва, подробно описанная тамъ же 552—576.

4) Miss. Scient. III, стр. 198—199. Указанный истокъ Дам ч'у, получающій также воды съ перевала Някамарбо черезъ Тао-ч'у, превышаетъ болѣе западный истокъ Мур-су, или Чу-мар, окончательно установленный Рокгилемъ, по длинѣ на 50 километровъ, имѣя общее протяженіе до слiянія съ Мур-су въ 250 километровъ

противъ 200 километровъ послѣдняго. Водная масса Дам ч'у весьма значительна, такъ какъ еще до впаденія Тао ч'у главная рѣка разбивается на семь руселъ, изъ нихъ одно имѣетъ 80 метровъ ширины.

5) У Козлова, Камъ, 350 даже Н'ды ч'у (невозможная форма, по убѣжденію Сандберга Explor. 244)

6) Какъ переводилъ Клапротъ въ примѣчаніяхъ къ Орацiо делля Пенна, который говоритъ о рѣкѣ въ формѣ Bi ciu со словъ ванъ-де-Путте (у Марко Поло Brius). Рокгиль не считаетъ возможнымъ согласиться съ указаннымъ толкованіемъ имени (L.L. 196, прим.)

7) L. L. 196, прим.

8) Или Бэй-шуй цзянъ—рѣка сѣверныхъ водъ.

9) Или просто Цзянъ (рѣка) въ противоположность Хэ или Хуанъ хэ. Рѣка Минь, какъ сказано, считается китайцами истиннымъ верховьемъ Янъ-цзы, и потому названіе Да цзянъ переходитъ на нее, начиная съ устья близъ города Сюй-фу. Европейское наименованіе рѣки—Янъ-цзы цзянъ—употребляется китайцами лишь отъ города Нанкина для морской части теченія рѣки, на которую распространяется дѣйствіе морскихъ приливовъ.

О Цзинь-ша цзянъ смотри главу 306 десятаго тома 7 отдѣленія Ту-шу-цзи-чэнъ; о дальнѣйшемъ продолженіи рѣки, или собственномъ Да-цзянъ (Янъ-цзы) или Цзянъ шуй смотри тамъ же томъ 9-й, главы 265-276.

100. 1) Экспедиція Козлова 1900 г., спустившись отъ области источныхъ озеръ Хуанъ хэ по долинѣ лѣваго притока Ды ч'у (Дре ч'у), называемаго Хи ч'у, переправилась черезъ главную рѣку у Согонъ-гоньба, приблизительно подъ 96° 20' в. д. Описаніе этой части долины рѣки, ея растительности и животной жизни дается въ привлекательныхъ краскахъ на стр. 350—2 въ Камъ I. Интересно отмѣтить, что въ нижней части долины Хи ч'у довольно развито земледѣліе, такъ что часть тибетцевъ хошуна Намцо живетъ осѣдло въ каменныхъ и глинобитныхъ домахъ. Тамъ же 348—9.

2) См. Miss. Scient. III 199—200.

101. 1) Какъ результатъ изслѣдованій экспедиціи въ области верхняго Меконга между 96° и 97° в. д., Козловъ даетъ, въ различныхъ мѣстахъ Камъ I, описаніе отдѣльныхъ частей долины Дза ч'у и Ному ч'у и ихъ притоковъ: долины Дзэ чу, стр. 372; Дза ч'у—381—2 (передъ Чамдо—408-9); долины Бар ч'у 386—371 (съ богатой флорою и орнитологической фауною); Джи ч'у—393 стр.

2) Ом ч'у (Си-юй тунъ-вэнь чжи, кн. 22, стр. 9), или верхній Меконгъ называется въ Вэй-цзанъ ту-чжи—Анъ чу, также Юнь-(нань) хэ по той причинѣ, что рѣка проходитъ по этой провинціи. Бонвало пишетъ Giom tshou, Боуеръ—Нам чу. Diary 312, прим.

3) До сихъ поръ европейскіе географы не могутъ утверждать съ абсолютной увѣренностью, насколько они правы, соединяя Гжя-

ма Н'ул-ч'у съ Сальвиномъ. Генералъ Уокеръ (Walker) полагаетъ, что водная масса Сальвина въ наиболѣе сѣверномъ пунктѣ по рѣкѣ, изслѣдованномъ со стороны Бирмы, недостаточна, чтобы объяснить впаденіе такой большой рѣки, какъ Н'ул-ч'у и что послѣдняя въ дѣйствительности является притокомъ Иравадди. Однако, туземныя свѣдѣнія дѣлаютъ Гжяма Н'ул-ч'у и Сальвинъ одной и той же рѣкою, и вѣроятно, это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. [Н. 46].

Сами китайскіе авторы отказываются опредѣлить истоки Сальвина (Ну-цзянъ), какъ показываютъ слѣдующія замѣчанія Си-цзанъ цзи: „Истокъ водъ Ну цзянъ неизвѣстенъ". Си-цзанъ цзи, 7 це, первая часть 32 и далѣе „Неизвѣстно, какая страна находится за (внѣ) Ну цзянъ" (тамъ же).

4) Miss scient., III 196—197; смотри также изслѣдованія Боуера и Рокгиля въ области верхнихъ теченій Со ч'у и его притоковъ.

5) На основаніи разспросныхъ свѣдѣній Козловъ (Изв., 1901 г., 276—7 утверждалъ, будто Наг чу въ дѣйствительности является истокомъ не Сальвина, а Меконга, будучи извѣстенъ близъ соединенія съ другими истоками послѣдней рѣки (Дза ч'у) у Чамдо подъ именемъ Чжи ч'у. Сальвинъ же въ широтѣ Наг ч'у, по сообщенію тѣхъ же тибетцевъ, представляетъ ничтожную рѣку, получая начало въ горахъ на востокъ отъ большой дороги въ Лхасу. Въ окончательной редакціи описанія путешествія (Камъ, I), Козловъ, повидимому, отказался отъ приведенныхъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, они не включены въ ту часть текста, гдѣ идетъ рѣчь объ истокахъ Меконга (см. стр. 381). Столь же неосновательнымъ было и утвержденіе Наинъ-синга относительно того, что Сальвинъ (Наг чу) вытекаетъ изъ озера Гжя-ринъ ц'о и даже Ц'а-гжюд ц'о. Какъ показали наблюденія Дютрейль де-Рэнса, озеро Гжя-ринъ ц'о не посылаетъ никакого истока на югъ. Miss. Scient, III 196.

6) Гренаръ выводитъ его изъ озера Н'а-мдо-ц'о-наг (или черное озеро сліянія пяти рѣкъ; названіе указываетъ на то, что озеро получаетъ четыре притока (тибетцы всегда считаютъ въ такомъ случаѣ и рѣку, образованную отъ сліянія другихъ теченій, отсюда и названіе: озеро сліянія пяти рѣкъ), расположеннаго подъ 33° с. ш. и 98° 10' в. д. Изъ вѣроятныхъ притоковъ озера Ц'о-наг Боуеръ пересѣкъ подъ 91° 20' в. д. и 32° 10' двѣ рѣки, изъ нихъ одну довольно значительную; болѣе западную Рокгиль назвалъ близъ истока въ Танъ-ла—Бжянъ т'анъ ч'у. Несмотря на приписываемое ему начало далеко на западѣ, Наг ч'у является въ административномъ центрѣ, носящемъ его имя—Наг ч'у дзонѣ, или въ 240 километрахъ отъ истока лишь посредственной рѣкою, правда, съ русломъ 200 метровъ ширины, но въ дѣйствительности занятымъ водою, вѣрнѣе льдомъ (такъ какъ посѣщеніе дэ Рэнса и Гренара имѣло мѣсто въ концѣ января) на ширину всего 40 метровъ. По сравненію съ Наг ч'у, Сог ч'у доставляетъ большую массу воды, имѣя

болѣе глубокое, хотя и узкое русло. О главныхъ притокахъ Сог ч'у говорится тамъ же 197-8 стр. и у Рокгиля Diary.

102. 1) Desg. стр. 293.

Рѣка Ou-Kio Дегодина возникаетъ въ важной долинѣ между самимъ Сальвиномъ и Меконгомъ и, протекая мимо Даюл, впадаетъ въ Сальвинъ выше Бонга. Относительно картографическаго изображенія рѣки Ou-Kio см. As. Centr. 259—260.

2) Теплая долина (Ц'а-ронъ), гдѣ рисъ, апельсины, гранаты и жужубы успѣшно выращиваются.

103. 1) О Гакбо ч'у см. Yule Introd., 77—78 (отожествленіе, мало вѣроятное, съ однимъ изъ верховьевъ Лохита); на картѣ Stieler's Hand-Atlas № 64 рѣка показана верховьемъ Дибонга.

104. 1) Schlagintweit, Koenige von Tibet, 17,

2) Временами лишь номинально; формально же западный Тибетъ (Гуге) былъ утраченъ братомъ 27 ладакскаго короля, правившаго съ 1670 по 1705 г. (см. тамъ же родословную таблицу, прилож. къ 80 стр.).

3) Собственнаго Тибета, гдѣ королевская власть, вышедшая отъ тѣхъ же королей Ярлунъ, какъ и власть ладакскихъ королей, была уничтожена окончательно въ 1750 г.

106. 1) Экспедиція Козлова 1900—1901 г. устроила на время пребыванія въ предѣлахъ восточнаго Тибета метеорологическую станцію въ Барун-цзасак въ восточномъ Цайдамѣ, непрерывно дѣйствовавшую въ теченіе болѣе года (съ мая 1900 по іюль 1901 г.). Обработка полученныхъ данныхъ послужила основаніемъ доклада Каминскаго VIII Междунар. Геогр. съѣзду относительно климата Цайдама (Rep. VIII Intern. Geogr. Congress, 1904, стр. 380—385); см. также Камъ, III: Каминскій, Метеорологич. наблюденія и гипсометрическ. опредѣленія экспедиціи Козлова въ Монголію и Камъ.

Метеорологическія наблюденія, производившіяся Гединомъ за время его двухъ первыхъ путешествій по центральной Азіи (1894—1897 г.г. и 1899—1902 г.г.), составятъ отдѣльный томъ Hedin Scient. Results (томъ V, часть I въ обработкѣ Eckholm).

Англійская экспедиція 1903—4 г.г. позволила также собрать довольно обширный матеріалъ въ видѣ метеорологическихъ записей, веденныхъ почти въ теченіе года, въ различныхъ пунктахъ южнаго Тибета, гдѣ стояли болѣе продолжительное время отряды экспедиціи (въ Камба дзонъ, долинѣ Чумби, Туна, Гжянъ-цзе, переправѣ Чаксзам и въ Лхасѣ).

Изъ прежнихъ работъ по вопросу о климатѣ Тибета, главнымъ образомъ его сѣверо-восточной части (областей Цайдама, Кукенора и Наньшаня) необходимо отмѣтить обработку Воейковымъ данныхъ метеорологическихъ наблюденій Пржевальскаго въ „Климатѣ области муссоновъ Восточной Азіи", Изв. 1879 г. и въ нижеуказываемомъ метеоролог. отдѣлѣ „Научн. результ. путеш. Прж.".

2) Впрочемъ, это не останавливаетъ многихъ авторовъ дѣлать обобщенія и рѣшительные выводы.

107. 1) Schlag., Reisen III, стр. 308—335 содержитъ общую характеристику тибетскаго климата на основаніи наблюденій въ Ле и Н'ари К'орсум; климатическія условія въ южномъ Тибетѣ вплоть до Лхасы, при равенствѣ возвышенія надъ уровнемъ моря, вполнѣ соотвѣтствуютъ таковымъ же Ладака, не смотря на разницу по широтѣ, вслѣдствіе того, что изотермы азіатскаго материка поднимаются на сѣверо-западѣ по мѣрѣ удаленія отъ Китайскаго моря.

2) Благодаря крайней сухости воздуха, въ большей части страны совершенно отсутствуетъ снѣжный покровъ, обычно смягчающій низкую температуру.

Вѣроятно также, что существованіе большого спинного хребта сѣвернаго тибетскаго нагорья—разобщенной мѣстами горной цѣпи, (южной вѣтви Куэнь-луня), образующей главный водораздѣлъ столькихъ большихъ рѣчныхъ бассейновъ на протяженіи отъ Аксай-чин до Дзаюла, порождаетъ со своей стороны новыя климатическія особенности (S. 21).

3) Механизмъ муссоновъ см. у Воейкова, „Климаты земного шара".

108. 1) По общему правилу въ юго-восточныхъ мѣстностяхъ Тибета, примыкающихъ къ Китаю, благодаря дѣйствію муссона отлагаются каждый годъ огромныя количества снѣга, какъ выше линіи вѣчнаго снѣга, такъ еще болѣе—ниже ея; при таяніи снѣгъ существенно увеличиваетъ водную массу трехъ большихъ рѣкъ, покидающихъ Тибетъ въ юго-восточномъ углу (S. 21).

2) Насколько установлено послѣдними изслѣдованіями, вліяніе юго-западнаго индійскаго муссона распространяется отъ изгиба Цзанъ-по до Кукэ нора, гдѣ встрѣчается съ дѣйствіемъ восточно-азіатскаго муссона. Соединенное вліяніе обоихъ муссоновъ, порождая высокую влажность климата въ пограничной китайско-тибетской полосѣ, создало въ этой области богатѣйшую растительную жизнь.

На основаніи наблюденій Пржевальскаго, Воейковъ включилъ западную Ганьсу въ область сильнаго вліянія китайскаго муссона (см. Научн. рез. пут. Прж., отд. метерол. 248), съ обильными осадками и съ господствующимъ юго-восточнымъ вѣтромъ. Однако, Гр.-Гржмайло не соглашается съ этимъ выводомъ, полагая, что годъ 1872, къ которому относились главнымъ образомъ наблюденія Пржевальскаго, былъ ненормаленъ въ смыслѣ обилія осадковъ, которыхъ въ 1890 г. было немного (и это состояніе является нормальнымъ, Пут. зап. Кит. III, 132—3), а изъ вѣтровъ преобладали западные (подр. о лѣтн. климатѣ Наньшаня тамъ же 129—137).

3) Пржевальскій прослѣдилъ вліяніе юго-западнаго муссона въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, верхнемъ теченіи Хуанъ хэ, бассейнѣ Кукэ нора и Кэрійскомъ хребтѣ. IV пут., 238. См. также дожди въ области Хуанъ хэ" III пут. 378—380.

109. 1) Разъ сухость климата Тибета вообще является доказаннымъ фактомъ, то естественень вопросъ, какимъ образомъ подобное сухое нагорье могло сдѣлаться колыбелью стольких большихъ рѣкъ. На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: климатъ Тибета не всегда былъ такимъ, какъ теперь, и наслѣдіе болѣе влажнаго климата, въ видѣ глетчеровъ и снѣжныхъ полей, сохранилось мѣстами и понынѣ, правда, медленно сокращаясь въ объемѣ, но оказываясь пока еще вполнѣ достаточнымъ для питанія указанныхъ рѣкъ. Существованіе въ прошлое время въ Тибетѣ болѣе влажнаго климата доказывается многочисленными обширными ледниками, которые не могли образоваться при настоящемъ невысокомъ уровнѣ осадковъ, и не менѣе многочисленными моренами, остатками прежнихъ болѣе обширныхъ глетчеровъ. Дѣйствительно, при существованіи болѣе влажнаго климата и, какъ результатъ этого, болѣе низкой линіи вѣчнаго снѣга, напримѣръ, какъ въ Сиккимѣ, вся южная пограничная полоса Тибета, шириною въ 50 миль и простирающаяся въ сѣверномъ направленіи отъ Гималаевъ почти до долины Цзанъ-по, представляла бы одинъ сплошной глетчеръ и снѣговое поле. Повидимому, дѣло и обстояло такъ, притомъ въ сравнительно недавнюю эпоху, на что указываютъ признаки ледниковыхъ явленій во всѣхъ Гималайскихъ долинахъ вплоть до 9000 ф. возвышенія (Him. Journ., II 174 прим.). Вмѣстѣ съ растущей сухостью климата и сокращеніемъ объема ледниковъ уменьшается объемъ многочисленныхъ тибетскихъ озеръ, пополняющихъ свой водный запасъ главнымъ образомъ изъ ледяныхъ хранилищъ горъ. Однако, нельзя забывать и того, что количество атмосферныхъ осадковъ въ Южномъ Тибетѣ далеко не такъ ничтожно, какъ обыкновенно предполагается на основаніи сообщеній прежнихъ авторовъ (дожди въ іюлѣ и августѣ очень обильны въ Шихацзе, а зимою выпадаетъ до 8 дюймовъ снѣга въ 5—6 пріемовъ), и какъ разъ въ этой области проходитъ цѣликомъ или значительной частью своего теченія Яру Цзанъ-по и, по крайней мѣрѣ, двѣ изъ другихъ большихъ рѣкъ. Въ другихъ частяхъ Тибета выпаденіе влаги если и не велико, за то совершается въ видѣ снѣга и града на высокихъ горахъ, почему ни одна капля ея не теряется даромъ черезъ впитываніе въ почву, какъ если бы это былъ дождь, способствуя въ извѣстной степени пополненію истощающихся запасовъ снѣга и льда для питанія рѣкъ и озеръ.

На основаніи сказаннаго является возможнымъ допустить существованіе двухъ столь несовмѣстимыхъ явленій въ Тибетѣ: обилія водныхъ массъ, сходящихъ на равнины Китая и Индіи, и въ тоже время скуднаго выпаденія атмосферныхъ осадковъ, само по себѣ въ настоящее время недостаточнаго для поддержанія, такихъ водныхъ теченій (S. 22—4).

2) Случающіеся сильные дожди падаютъ главнымъ образомъ на лѣто и потому не способствуютъ увеличенію снѣгового покрова.

3) Хукеръ (Him. Journ.) первый произвелъ точныя измѣренія высоты снѣжной линіи въ Гималаяхъ и формулировалъ ея теорію.

Въ центральныхъ округахъ Сиккима и Бутана, вдоль круга широты 27°15', снѣжная линія проходитъ между 15,500 и 16,000 ф., но по мѣрѣ приближенія къ сѣвернымъ границамъ указанныхъ областей, поднимается на южномъ склонѣ до 17,500 ф.; за границей же Тибета въ высотахъ, примыкающихъ къ долинѣ р. Арун или въ цѣпи, лежащей на сѣверъ отъ Джомолхари, линія вѣчнаго снѣга нигдѣ не опускается ниже 19,300 ф., конечно, имѣя въ виду лишь открытые для вѣтра и солнца склоны горъ, такъ какъ въ узкихъ оврагахъ и углубленіяхъ, обращенныхъ на сѣверъ, глубокія отложенія льду и мерзлаго снѣга сохраняются изъ года въ годъ даже въ Тибетѣ на высотѣ всего 14,000 ф.

Въ наиболѣе холодныхъ, возвышенныхъ и безплодныхъ мѣстностяхъ Тибета, на сѣверъ отъ Восточнаго Непала, снѣжная линія достигаетъ 20,000 ф.; то же можно сказать и про болѣе западныя области (подъ 35°30'). Въ Ланак ла линія вѣчнаго снѣга, обычно не опускается ниже 19,800 ф. Подобныя цифры представляютъ любопытный контрастъ съ 8,500 ф., высотою линіи вѣчнаго снѣга въ Европейскихъ Альпахъ. (S. 34—35).

4) Въ горахъ Чжахар до 4,650 метровъ. Вообще болѣе влажный востокъ часто и надолго бываетъ покрытъ снѣгомъ на глубину до 1 фута, какъ наблюдалъ Пржевальскій.

На востокъ отъ 92° в. д. граница вѣчнаго снѣга опускается ниже и чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ она бываетъ ниже, въ особенности, въ болѣе южныхъ областяхъ, хотя на сѣверъ отъ 31° она падаетъ не такъ быстро. Въ цѣпяхъ около истоковъ Хуанъ хэ ея высота—16,000 фут.; въ Дерге и Чамдо—15,800 фут.; въ Батанѣ (30°2'' с. ш.) только 15,000 ф., а въ цѣпяхъ Дзаюла, повидимому, не выше 14,000 ф. Это станетъ вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе, что долины Меконга и Сальвина образуютъ въ родѣ какъ естественные каналы для влажныхъ воздушныхъ теченій съ океана, отлагающихъ значительныя количества осадковъ въ глубокихъ изрѣзанныхъ долинахъ этихъ рѣкъ. Въ результатѣ оказывается не только значительное выпаденіе снѣга, но и атмосфера крайней влажности, насыщенная въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ году дождевой пылью, задерживающей испареніе. (S. 35).

110. 1) На то обстоятельство, что выпаденіе снѣга въ южномъ Тибетѣ бываетъ достаточнымъ, указываетъ эпитетъ „Бѣлая страна", который постоянно прилагается тибетскими авторами къ ихъ родинѣ, токва какъ ихъ языкъ называется поэтами ганъ-ч'ен-кіи-скад—языкъ ледяной страны. S. 22.

2) Гединъ приписываетъ эти проливные дожди юго-западнымъ индійскимъ муссонамъ. Другіе путешественники отмѣчаютъ аналогичное явленіе для мѣстностей сѣвернаго Тибета, лежавшихъ внѣ маршрута Гедина. Кап. Боуеръ и д-ръ Торольдъ отмѣтили изъ 42

дней между 25 мая и 4 сент. 1891 г. въ большомъ озерномъ раіонѣ между 32 и 34° с. ш. и 84 и 87° в. д. на высотѣ 16,000 ф. сильныя бури съ проливнымъ дождемъ въ теченіе 19 дней; въ другіе дни дождь также шелъ, хотя и не столь сильный. Капитанъ Велльби насчиталъ въ 1896 г. въ сѣверномъ Тибетѣ на меридіанѣ Лхасы въ августѣ только 11 ясныхъ дней, тогда какъ изъ остальныхъ 20 дней—восемнадцать сопровождались дождемъ или снѣгомъ съ нѣсколькими сильными бурями. Даже на сѣверо-западѣ Тибета, о сухости котораго заключали на основаніи того, что въ Ле ежегодное количество атмосферныхъ осадковъ не превышаетъ 1½ дюйма, Велльби имѣлъ четыре снѣжныхъ дня изъ первой недѣли іюня; далѣе на западъ дождь или снѣгъ шелъ въ іюлѣ 10 разъ (днемъ или ночью) S. 22.

3) S. 35—37.

4) Въ центральной части Сы-чуани (между Чэнъ-ду и Чунъ-цинъ) вѣтры представляютъ большую рѣдкость, какъ говоритъ Хакманъ.

5) На перевалахъ около 20,000 ф. ощущаются лишь ровныя, хотя и довольно свѣжія, воздушныя теченія; впрочемъ, Ryall указываетъ существованіе на перевалахъ, ведущихъ въ Н'ари К'орсум смерчей, разъ даже съ гибельнымъ исходомъ для путешественника-туземца (S., 36). Самъ Ріаль испыталъ въ Хундесѣ весьма сильные вихри. Стрэчи приписываетъ въ G. J. 1900, апр. 397, дѣйствію указанныхъ вихрей (съ юго-запада) образованіе на берегахъ Священныхъ озеръ террасовидныхъ осыпей вплоть до линіи воды.

111. 1) Причины Центр. Аз. бурь у Прж. III пут., 32—4; описаніе ихъ тамъ же на 92 стр.; механич. сила бурь—IV пут. 89—90. На стр. 65 IV пут. Пржевальскій высказываетъ догадку, что можетъ быть со временемъ пойдетъ на пользу человѣка и громадная движущая сила Центр. Аз. бурь. Относительно измѣненія физич. поверхности страны силою бурь говоритъ Techинъ въ „Centr. Asia and Tibet“.

112. 1) W. L. 144.

113. 1) Въ общемъ нагорье Тибета имѣетъ въ среднемъ за годъ и въ теченіе 7 наиболѣе теплыхъ мѣсяцевъ въ году—съ апрѣля по октябрь наиболѣе холодный климатъ въ Центр. Азіи; лѣтомъ его температура даже ниже, чѣмъ въ Сибири за полярнымъ кругомъ (говорится о Бжянъ-танѣ); что касается зимней температуры въ Центр Азіи, то наиболѣе суровая зима, повидимому, должна быть въ тѣхъ же нагорьяхъ Тибета, въ области Куэнь-луня и сѣверной Монголіи (Воейковъ, Изв. 1895, 653).

2) S., 24—32.

3) Тамъ же 27—8.

114. 1) Тамъ же 28.

115. 1) Горная болѣзнь называется китайцами Ганьсу—яньчжанъ, а Сы-чуани—чжанъ-ци. Тибетцы приписываютъ ее въ нѣко-

торыхъ случаяхъ изобилію ревени, растущей по горному склону, причемъ лѣтомъ дѣйствіе послѣдней болѣе ядовито. L. L. 149, прим.

2) W. Him., 1900, стр. 207 и 221; смотри также характерное и мѣткое описаніе ощущеній человѣка, захваченнаго горной болѣзнью у Хукера, Him. Jour., II 149—152; разрѣженный воздухъ не оказываетъ самъ по себѣ вліянія на растительность и низшихъ животныхъ, но лишь явленія, сопровождающіе его—холодъ и крайности температуры.

116. 1) Въ озерной области Бжанъ-т'ана (между 15,300—16,500 ф.) средняя нисшая температура даже въ августѣ—2 2|9° Ц. и въ іюлѣ—41|6° Ц.

2) Воздухъ удивительно прозраченъ и чистъ въ Цзанъ, У и вообще Центр. Тибетѣ и, по общему правилу, свободенъ отъ малѣйшей примѣси влаги, такъ что днемъ дѣйствіе прямыхъ лучей солнца порождаетъ крайній зной. Подъ тѣнью скалъ путешественникъ даже въ полдень пронизывается холодомъ до костей, но достаточно ему выйти на открытое мѣсто, чтобы рисковать получить солнечный ударъ (Кап. Велльби подъ 35° с. ш. 82° в. д. на высотѣ 16,000 ф., въ іюнѣ наблюдалъ на солнцѣ температуру свыше + Ц. 40°). Впрочемъ, и внѣ дѣйствія прямыхъ лучей солнца температура подчасъ бываетъ значительной (тотъ же путешественникъ указываетъ для 22 іюня на высотѣ 17,300 ф. внутри палатки + 20°). Разница температуры въ тѣни въ 3 ч. пополудни и въ палаткѣ достигаетъ почти 34° Ц. въ іюнѣ на обычной высотѣ. 10 іюля 1891 г. въ сѣверномъ Центральномъ Тибетѣ температура днемъ въ тѣни была + 12; ночью—141|2°.

3) 10 іюня въ сѣв. Центр. Тибетѣ температура ночью была почти—15°; 18 августа въ широтѣ 35°10' и долготѣ 92°12' —10° на высотѣ 15,700 ф. Однако, бываютъ и отличныя болѣе высокія температуры—Велльби указываетъ наиболѣе теплую ночную температуру въ іюнѣ 5|9 ° выше 0 (33° Фар.) и + 41|2°, какъ ночной максимумъ для августа.

4) О климатѣ Цайдама, на основаніи свыше годичныхъ записей метеорологической станціи въ Барун-цзасакъ см. Козловъ, Камъ I 616—622 (обработаны Каминскимъ).

117. 1) См. также Козловъ, Камъ I стр. 333—340, гдѣ проводится сравненіе между зимнимъ пейзажемъ природы утромъ и лѣтнимъ въ тотъ же день послѣ полудня. О примѣняемости растительности къ морозамъ (въ горахъ Наньшаня) говоритъ и Роборовскій Тр. Центр. Аз. I 255.

2) Камъ I стр. 260.

3) Камъ, I стр. 258—261.

118. 1) Низко лежащія части долины Цзанъ-по и Чумби имѣютъ болѣе мягкій климатъ—въ Чумби во время экспедиціи 1904 г. почки на деревьяхъ развернулись, въ части долины вплоть до Линьмо, уже къ серединѣ марта, а еще раньше—въ серединѣ февраля.

появились первые признаки приближенія весны въ видѣ повышенія температуры. (W. L. 144—5).

Гюкъ первый указалъ на мягкій характеръ климата въ Лхасѣ и ея сосѣдствѣ. Какъ только онъ вступилъ, слѣдуя съ сѣвера, въ округъ Пембу, на сѣверъ отъ столицы, первое, что онъ замѣтилъ, было „удивительное повышеніе температуры въ этой воздѣланной равнинѣ; несмотря на конецъ января, рѣки и каналы были лишь окаймлены тонкой полоской льда, и почти никто изъ жителей не носилъ мѣховъ". Подобная мягкость климата для указанной части Тибета не представляетъ исключительнаго явленія, но подтверждается наблюденіями Цыбикова и пандитовъ.

2) Въ Лхасѣ и даже Шихацзе лѣтніе вечера до 8 или 9 час. обычно очень теплы; во время путешествія послѣ заката солнца тропы, проходящія подъ поглощающими тепло гранитными скалами, нерѣдко сохраняютъ самую пріятную температуру до глубокой ночи. Это свойство въ остальномъ негостепріимнаго гранита хорошо извѣстно тибетцамъ, которые, будучи принуждены разбить лагерь въ полѣ, стараются ставить палатки ближе къ гранитной скалѣ, чтобы пользоваться частью поглощеннаго ею за день тепла. (Him. Journ. 211—212). Съ другой стороны значительныя количества тепла скопляются въ верхнихъ слояхъ почвы (Хукеръ нашелъ на глубинѣ 3 футовъ въ серединѣ октября между Донъ-кя ла и озеромъ Цоламо температуру въ + 6° Ц., или на 7° выше средней температуры воздуха (тамъ же II, 180); это обстоятельство оказываетъ очень могущественное дѣйствіе на растительность, предохраняя нѣжные корни кустарниковъ отъ замерзанія и сохраняя жизненную силу въ болѣе толстыхъ корняхъ, напр. большой ревени. Для роющихъ грызуновъ—зайцевъ, сурковъ и крысъ, изобилующихъ на высотѣ 15—17 тыс. фут. въ Тибетѣ,—это явленіе оказывается еще болѣе важнымъ. Быстрое развитіе растительности послѣ исчезновенія снѣга также объясняется ближайшимъ образомъ теплотою почвы, какъ и увеличенной силою прямыхъ солнечныхъ лучей въ возвышенныхъ мѣстностяхъ (тамъ же)

3) Рѣка Кчичу въ указанномъ году замерзла на 6 недѣль. Пандиты дали рядъ наблюденій надъ температурою Лхасы, но ихъ цифры не могутъ служить для опредѣленія абсолютнаго минимума, ибо наблюденія производились въ комнатѣ, а не на открытомъ воздухѣ. Средній максимумъ температуры въ Лхасѣ въ февралѣ + 4½°; средняя температура внутри дома—нѣсколько ниже 0°; нисшій минимумъ —4; высшій максимумъ +7. Въ мартѣ температура повышается вся кругомъ со среднимъ максимумомъ + 9; средній минимумъ въ комнатѣ, но безъ очага— + 3; нисшій + 1,4. Послѣ солнечнаго захода температура въ эти мѣсяца падаетъ не скоро; въ февралѣ на улицахъ было еще сносно до 10 ч. вечера.

4) Прил. IV (стр. 455—466) W. L. содержитъ таблицу измѣреній температуры и наблюденій надъ погодою на всемъ протяженіи маршрута экспедиціи.

5) Въ Ятунѣ средняя высота осадковъ въ году—57 дюймовъ противъ 146 дюймовъ Сиккима.

119. 1) W. L. 467. Благодаря водворенію въ Гжянъ-цзе англійскаго торговаго агента можно разсчитывать въ скоромъ будущемъ на полученіе регулярныхъ метеорологическихъ записей для этого пункта.

120 1) По свидѣтельству Монтгомери для сѣверо-западной Гималайской области (см. Yule, Polo, I 178).

2) См. тамъ же стр. 171.

3) Gren., 253—4. См. отзывъ Дезидери Puini, Il Tibet 39.

4) Въ ясной и сухой тибетской атмосферѣ, даже послѣ долгаго навыка, весьма трудно точно судить о разстояніяхъ; предметъ, на взглядъ отстоящій всего на нѣсколько миль, въ дѣйствительности оказывается въ 8—12 миляхъ. Дези въ G. J. Авг. 1900, 148.

121. 1) Болѣе 200 видовъ растеній встрѣчается въ сѣверномъ Тибетѣ выше 17,000 футовъ, не считая притомъ мховъ; общее же число видовъ растеній, находимыхъ на всемъ обширномъ протяженіи этой малопривѣтливой области достигаетъ еще болѣе значительной цифры. Коллекція кустарниковыхъ и цвѣтущихъ растеній, составленная д-ромъ Торольдомъ, спутникомъ Боуера, имѣла 115 видовъ, относившихся къ странѣ на сѣверъ отъ 34° с. ш. и къ возвышеніямъ отъ 15 до 19 тысячъ футовъ; но въ указанную коллекцію не вошли многіе виды, найденные русскими изслѣдователями на югъ отъ горъ Куэнь-луня (S. 321).

2) Прекрасный очеркъ флоры Тибета дается Сандбергомъ въ „Tibet and the Tibetans" въ видѣ особой (XV) главы на стр. 312—333; см. также Helmsley, „The Flora of Tibet or High Asia" Linnaean Soc. Journ. Vol. XXXV, 1902 (извлеченія въ Enc. Brit. XXXIII, 26—7 (см. также P. M. Lit. 1906, № 189) и Maximovitz, „Sur les collections botaniques de la Mongolia et du Tibet septentrional (Tangout), recueillies par les voyageurs russes et conservees a St. Petersbourg", СПБ—1884. О другихъ работахъ по вопросамъботаники различныхъ частей Тибета сообщаются необходимыя свѣдѣнія въ отдѣлѣ библіографіи. Что касается знакомства самихъ тибетцевъ съ растительнымъ міромъ занимаемой ими страны, то Bretschneider, Botanicon Sinicum, J. Ch. Br. XVI, 1881, касается въ 6 главѣ I отдѣла познаній тибетцевъ, наряду съ корейцами, маньчжурами и монголами, въ области ботаники.

2) Д-ръ Црэнъ подмѣтилъ ту же особенность по отношенію къ распредѣленію растительныхъ семействъ въ Гималаяхъ: одинъ и тотъ же видъ, находимый въ сѣверо-западныхъ Гималаяхъ на высотѣ 12,000 футовъ, можетъ встрѣтиться въ Сиккимѣ уже на высотѣ 9—10,000 ф., въ Юнь-нани и Сы-чуани—на высотѣ 7—8,000 фут., а въ холмахъ Шань—даже 6,000 ф. (S. 330, прим.).

122. 1) S. 314.

123. 1) Тамъ-же 315.

2) Большая часть западнаго Тибета представляетъ страну камней—большихъ или мелкихъ, цѣлыхъ скалъ или булыжника средней руки; камни, разбросанные повсюду, калѣчатъ копыта и ноги животныхъ, такъ что послѣ болѣе продолжительнаго непрерывнаго путешествія животныя всѣ хромаютъ, а копыта совершенно стираются. Типичный видъ ландшафта западнаго Тибета, помѣщенный у Sher. 295, даетъ хорошее представленіе о повсемѣстномъ распространеніи камней и о трудности найти защиту отъ вѣтра, благодаря равнинному характеру мѣстности. При затратѣ очень незначительнаго труда, камни эти могли бы быть удалены съ линіи дороги, и это единственное, что требуется, такъ какъ необозримыя плоскія равнины, отсутствіе крутыхъ наклоновъ почвы и малое количество атмосферныхъ осадковъ, дѣлаютъ въ остальныхъ отношеніяхъ Тибетъ идеальной страною для дорожнаго строительства. (Тамъ же 294). Множество камней—острыхъ, скользкихъ и образующихъ опасныя ловушки для ногъ животныхъ—въ руслѣ рѣкъ и ручьевъ затрудняютъ переправу въ бродъ (мостовъ не существуетъ) и дѣлаютъ ее крайне опасной для животныхъ съ наступленіемъ темноты. (Тамъ же 296).

3) Въ этомъ саучаѣ почва остается совершенно лишенной растительности, какъ показываетъ примѣръ пустыни П'а-юл Бул-юл, на востокъ отъ Табчаб ганъ-ри и на сѣверъ отъ 33° с. ш. Эта равнина, требующая для перехода нѣсколько дней пути, представляетъ сплошную поверхность соды и буры ослѣпительно бѣлаго цвѣта, такъ что при посѣщеніи ея тибетцы надѣваютъ глазные зонтики. Такія же равнины встрѣчаются на ВЮВ. отъ Рудока и близъ Линъ-дзи т'анъ. (S. 316, прим.).

4) Впрочемъ, кап. Боуеръ упоминаетъ о длинныхъ травянистыхъ равнинахъ на высотѣ 17,600 (5,360 метр.), а различные виды Poa (особенно Poa Alpina) поднимаются и до 18,000 ф. (5,490 метр.). Помимо травы Боуеръ встрѣтилъ на берегу Хорпа ц'о (на высотѣ 17,930 ф. -5,460 м.) и цвѣты, правда, не вполнѣ развитыя и хилыя (Тамъ же 316 и 317—318, 319—320). Изъ цвѣтущихъ растеній на наибольшую высоту (19,000 футовъ) поднимаются два вида Delphinia, съ мелкими цвѣтами, издающими сильный запахъ мускуса, отсюда тибетское имя цвѣтка— ла(с)кар, или звѣзда мускуса. На такой же высотѣ были найдены и нѣкоторые виды травъ (указанные тамъ же 319 стр.), при чемъ любопытно отмѣтить, что въ этомъ случаѣ травы принимаютъ видъ проволокообразныхъ жесткихъ кочекъ, или пучковъ, будучи почти всѣ безъ стеблей (или съ очень коротками) и тѣсно прилегая къ землѣ, откуда только и получается ими возможное тепло и питаніе.

4) Трава здѣсь никогда не бываетъ зеленой, развѣ только по берегамъ прѣсноводныхъ ручьевъ, да тибетцы—скотоводы не являются со своими стадами такъ далеко на сѣверъ; на западѣ (отъ 80° в. д.) они еще поднимаются нѣсколько выше 34° с. ш. (Манъ-це),

но на востокѣ они не отваживаются заходить далѣе 33° с. ш. въ теплое время года и 32° въ холодное, оставляя остальную страну въ полномъ нераздѣльномъ владѣніи стадъ дикихъ животныхъ. Несмотря на непривлекательный видъ, указанная трава, выростая пучками съ замѣчательной быстротою въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, питаетъ огромныя стада этихъ животныхъ (антилопъ, дикихъ яковъ и ословъ, не считая сурковъ и пищухъ). Среди травы этихъ пастбищъ важнѣйшую роль играетъ видъ осоки (Carex Moorcroftii), какъ ее опредѣлилъ уже Муркрофтъ, растущая въ песчаной почвѣ и жадно пожираемая многими травоядными животными. (S 317; тамъ же указываются и другіе представители растительнаго царства сѣвернаго Бжянъ-т'ана).

124. 1) Весь маршрутъ до Рэнса и Гренара въ 1892 и 1894 г.г. по Собственному Тибету прошелъ внѣ и выше границы лѣсовъ, такъ что оба путешественника не встрѣтили на своемъ пути, за исключеніемъ единичныхъ экземпляровъ, никакихъ древесныхъ произростаній.

2) Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ исключеніе составляютъ единичные пункты внутри указанной области, гдѣ жителямъ удается развести отдѣльные экземпляры и даже рощи вполнѣ нормальныхъ деревьевъ, напр. въ Тотлинѣ (см. путешествіе Роулинга и Райдера въ 1904 г.) и въ Ле.

3) Вообще область Ладака и Каракорума характеризуются наивысшимъ вертикальнымъ распространеніемъ кустарниковъ и полукустарниковъ: Myricaria prostrata въ видѣ ползучаго растенія поднимается до 5000 м.; наивысшіе слѣды явнобрачныхъ растеній Шлагинтвейтъ нашелъ на перевалѣ Иби Гамин (6000 м.). Помимо указанныхъ, пожалуй, наиболѣе распространеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнымъ всякому европейскому путешественнику по Ладаку и Тибету, кустарникомъ, благодаря повсемѣстному употребленію въ качествѣ горючаго матеріала, является Eurotia, или бурце (бурцза), образующая надъ землею обширную сѣть деревянистыхъ корней, которыхъ нерѣдко можно набрать въ большомъ количествѣ; вслѣдствіе крайней сухости корни легко загораются и способны долгое время поддерживать огонь, въ общемъ „прекрасное топливо, незамѣнимое для путешественниковъ", говоритъ Plat. 35.

Кустарникъ этотъ встрѣчается до 18,000 футовъ, въ особенности въ оврагахъ и расщелинахъ, тогда какъ въ обширныхъ степныхъ равнинахъ Бжянъ-т'ана между 82° и 88° в. д. онъ весьма рѣдокъ, замѣняясь хармыкомъ, или верблюжьимъ терномъ (Nitraria Schoberi), по тибетски тару, встрѣчаемымъ въ наиболѣе безплодныхъ и солончаковыхъ пустыняхъ не только Центральнаго Тибета, но и Цайдама, Кукенора и Монголіи. Верблюды съѣдаютъ весь кустъ вмѣстѣ съ тернами и красными ягодами цѣликомъ; люди же пользуются только ягодами, которыя, будучи высушены, напоминаютъ изюмъ. Далѣе надлежитъ упомянуть о верескѣ—тиб. да-

ма (трама, пиш. грама) Caragana pygmaea [Versicolor], доставляющемъ прекрасное топливо, но болѣе обильномъ въ южномъ Тибетѣ по склонамъ холмовъ на высоту до 16,800 ф. Въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ Myricaria, Eurotia и тиб. верескъ поднимаются надъ грунтомъ на 6-8 дюймовъ, не болѣе, но въ другихъ, лежащихъ ниже, областяхъ (напр. въ южномъ Цайдамѣ 8,700 ф.) имѣютъ весьма внушительный видъ небольшихъ деревьевъ въ 7 или 8 футовъ (S. 320—1).

125. 1) Напр. большіе узловатые клубни Codonopsis ovata (лу-дю—узлы лу (нага) пиш. клу-мдуд) или Potentilla anserina—чома. S. 323.

126. 1) Тамъ же 323—4. Хукеръ дѣлаетъ слѣдующіе выводы изъ наблюденій надъ растительной жизнью въ предѣлахъ Гималайской области: „Съ мая по августъ растительность на каждомъ данномъ поясѣ возвышенія запаздываетъ на мѣсяцъ сравнительно съ предшествующимъ (ниже лежащимъ) поясомъ, такъ что на высотѣ 8,000 ф. цвѣтеніе происходитъ въ маѣ, на высотѣ 12,000 ф.—въ юнѣ, 16,000 ф.—въ іюлѣ. Въ августѣ процессъ развитія растеній на высотѣ 8000 и 16,000 футовъ сравнивается по времени, а въ сентябрѣ верхніе пояса уже опережаютъ нижніе. Къ концу сентябра большинство растеній даетъ сѣмена на высотѣ 16,000 футовъ, тогда какъ на высотѣ 12,000 фут. созрѣваніе заканчивается лишь въ октябрѣ, а ниже 10,000 ф.—въ ноябрѣ.

2) Тамъ же 324.

3) Подробности тамъ же 325.

4) Съ ботанической точки зрѣнія южный поясъ Тибета простирается даже на 1 градусъ восточнѣе 91° в. д., или до 92° в. д.

127. 1) Пишется дбіар-са.

2) Пишется—дгунъ-са.

3) Главнѣйшіе виды указаны тамъ же 326.

4) Тополь дбіар-па выращивается искусственно въ Цзанъ и Уй и встрѣчается въ дикомъ состояніи въ Ярлунѣ; извѣстно нѣсколько видовъ его C. Dict. 914.

5) Въ окрестностяхъ Гжянъ-цзе и Лхасы еще яблони, сливы и жужубы. Все же наиболѣе распространенными древесными породами являются ивы, ели, сосны, затѣмъ водолистъ (Ilex aquifolium) и береза; совсѣмъ малочисленны, и то лишь ближе къ восточному Тибету,—кедръ, дубъ и вязъ.

128. 1) W. L. 103.

2) Безъ якового аргала жизнь въ этой негостепріимной части южнаго Тибета сдѣлалась бы невозможной, такъ какъ онъ служитъ для приготовленія горячей пищи; ею и теплой одеждою тибетцы поддерживаютъ достаточную теплоту тѣла и никогда не грѣются у огня.

129. 1) Лѣсъ распредѣляется по всему восточному Тибету, на пути маршрута Рокгиля въ 1888—9 г.г., весьма неравномѣрно и во многихъ мѣстахъ, повидимому, вымираетъ; населеніе мало пользу-

ется древеснымъ топливомъ, которое требуетъ лишняго труда для рубки, и предпочитаетъ для этой цѣли сушеный аргалъ. Слѣдовательно, не въ этомъ заключается причина исчезновенія лѣсовъ; лѣсные пожары также рѣдки. L. L. 231.

2) Камъ, I 408.

3) Тамъ же 439.

4) Тамъ же 351.

5) См. тамъ же 348.

130. 1) Подробности касательно видовъ травянистыхъ растеній тамъ же 351.

2) На стр. 236—7 L. L. Рокгиль даетъ описаніе сада части восточнаго Тибета между 31° и 32° с. ш. и 99° и 100° в. д. (т. е. на сѣверъ отъ только что описанной мѣстности)—плодородной долины Рунба ца, съ многочисленными, точно въ Швейцаріи, селеніями.

3) См. Pratt, To the Snows of Tibet. Подъ-тропическій характеръ растительности доказывается присутствіемъ одного изъ полезнѣйшихъ въ смыслѣ практической утилизаціи представителя послѣдней—бамбука.

Бамбукъ начинаетъ показываться на пути путешественника, слѣдующаго прямо изъ Тибета въ Китай, въ Синь-дянь близъ Дацзянь лу (L. L. 269); зато на югъ отсюда, въ особенности въ странѣ Цзянь-чанъ, бамбукъ изобилуетъ, какъ разсказывалъ уже Марко Поло. (Yule, Polo II 43 и прим. 2 на 46 и 48).

4) Сандбергъ сравниваетъ съ растительностью западнаго Тибета, Лахула и Пари на большихъ высотахъ.

131. 1) О Кукунорской растительности см. въ описаніяхъ русскихъ изслѣдованій области.

2) Слѣдовательно, и на собственно тибетскую, несмотря на еще большую, чѣмъ въ Кукунорѣ, разницу уровня страны. Подробности относительно растительности Цайдама, даютъ русскіе путешественники по этой области, послѣдній изъ нихъ Козловъ.

132. 1) Тибетецъ является прирожденнымъ земледѣльцемъ по инстинкту, говоритъ Сандберъ (Tibet 327); гдѣ только возможно, онъ обращается къ обработкѣ полей и разведенію полезныхъ злаковъ, главнѣйше ячменя, въ которомъ ощущаетъ исключительную нужду.

2) S. 327 (повидимому, со словъ пріѣзжихъ въ Дарджилинъ тибетцевъ).

3) Впрочемъ, это общее правило не остается далеко безъ исключеній. Экспедиція Райдера въ 1904 г. доказала ошибочность мнѣнія, будто всякій слѣдъ земледѣлія исчезаетъ на западъ отъ рѣки Ялунъ (Сакья-тром ч'у) подъ 88°, какъ принималось раньше, такъ какъ въ долинѣ Chichu ею были найдены довольно значительныя площади обработанной земли, при томъ дающія обильный уро-

жай, а послѣднія поля встрѣтились въ долинѣ Цзанъ-по, значительно далѣе на западъ (въ Yeuju подъ 86°).

Помимо того и другія мѣстности западнаго Тибета производятъ нѣкоторыя количества зерна, правда, при исключительныхъ условіяхъ. если не считать округа Пуранъ, или долины р. Карнали, гдѣ земледѣльческая культура ведется въ обширныхъ размѣрахъ и регулярнымъ образомъ при помощи искусственнаго орошенія. Именно, вокругъ Рудока и въ долинѣ Гартанъ ч'у имѣется немного горной земледѣльческой культуры, а въ „ронъ" внутри большого плато, 120 миль въ длину, 15—60 въ ширину—верхняго бассейна Сетледжа —низменной земледѣльческой культуры (какъ показали наблюденія братьевъ Шлагинтвейтъ).

4) S. 327. Мѣстонахожденіе монастыря (повидимому, подъ 87° в. д., какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго изложенія) не удалось установить, т. к. здѣсь идетъ рѣчь не о долинѣ этого имени на востокъ отъ Гжянъ-цзе. Wegener, Tibet, 47, помѣщаетъ монастырь подъ 84°20' в. д.

133. 1) Какъ указываетъ Diary 87, аналогичныя приспособленія встрѣчаются и среди ронъ-ва (земледѣльческихъ тибетцевъ въ долинѣ Хуанъ хэ на востокъ отъ Гуй-дэ тина—китайскихъ Ту-жэнь), которые вообще обнаруживаютъ значительную изобрѣтательность въ дѣлѣ проведенія воды къ небольшимъ полямъ по склонамъ холмовъ; для этой цѣли употребляются желобы изъ длинныхъ выдолбленныхъ бревенъ, или жердей, при нуждѣ устанавливаемые на высокихъ подпоркахъ или козлахъ; этимъ путемъ вода передается съ одной стороны долины къ другой.

2) Вегенеръ („Tibet") 47, указываетъ, что садовникамъ монастыря Мандали въ сѣверной части Н'ари к'орсум удалось развести вокругъ монастыря (на высотѣ 4000 м.) прекрасные тополи.

3) На востокъ отъ 92°. Въ этой части страны поля поднимаются значительно выше къ сѣверу, до Ла-буг гоньба на Дреч'у, на сѣверъ отъ Джѣкундо, согласно Гренару, и въ долинѣ Хи ч'у, какъ говоритъ Козловъ.

134. 1) S. 329.

2) Начиная съ города Гжянъ-цзе, въ каковомъ мѣстѣ болѣе тѣсная и мало населенная долина рѣки расширяется на подобіе равнины, усѣянной оштукатуренными фермами и виллами дворянъ, въ рощахъ деревьевъ среди хорошо воздѣланныхъ полей. Зрѣлище равнины Гжянъ-цзе, какъ высказался одинъ изъ участниковъ англійской экспедиціи 1904 г. Уоддель (W. L. 194—5), разсѣиваетъ обманчивое представленіе, будто весь Тибетъ является обширной безлѣсной и безплодной страною, занятой бродячими кочевниками, тогда какъ въ долинѣ Нянъ ч'у развертывается картина равнины, покрытой лѣсной растительностью и съ осѣдлымъ населеніемъ, занятымъ земледѣліемъ.

3) Не менѣе живописными кажутся многочисленныя пунцовыя пятна цвѣтущаго ириса на зеленомъ фонѣ по сосѣдству съ рѣкою въ болѣе низменныхъ мѣстахъ.

135. 1) Названіе рѣки (Ньанъ ч'у) пишется иногда Міанъ ч'у (выговаривается также Нянъ чу) отъ міанъ—сладкій, вкусный, по причинѣ воды, какъ указываетъ C. Dict. 474.

2) S. 329—330.

3) Въ Ладакѣ до 4,575 м., въ Спити худшаго качества лишь до 3,960 метра; въ Джѣкундо до 3800 м.

4) Впрочемъ, Сандбергъ (S. 328) держится, повидимому, иного взгляда, вполнѣ признавая успѣшность разведенія ячменя на этой высотѣ.

5) Въ Тибетѣ различаютъ два главныхъ вида ячменя: „соа", или сова (пишется со-ба) съ толстой шелухою, обычно употребляемый въ кормъ скоту, и „не" (пишется нас), въ комерческомъ языкѣ гримъ (к'ра-ма или мгіогс-нас)—голосѣмянный ячмень; послѣдній видъ требуетъ немного лишь удобренія и небольшой глубины почвы и созрѣваетъ на большихъ высотахъ (до 14,500 ф.), притомъ скорѣе, чѣмъ всякое другое зерно. По Рэ ч'у и Рака Цзанъ-по цѣлыя селенія питаются исключительно ячменемъ этого вида, произростающимъ здѣсь на высотѣ 13,800 ф. и 14,000 ф. (Сандб. Tibet 328). Существуютъ три разновидности „не", именно, указанная мгіогс-нас, или янъ-ма (друг-чу-нас), созрѣвающая въ 2 мѣсяца, ч'е-нас —средній сортъ, и сермо—поздній ячмень, или лучшій сортъ.

Голосѣмянный ячмень разводится въ большихъ размѣрахъ въ Гань-су, для приготовленія изъ его зеренъ дзамбы, употребляемой тибетцами и монголами. Прж. Монг., I 227 и 265.

136. 1) Gren.

2) Овесъ разводится въ Тибетѣ двухъ сортовъ—кацам (пищется: карцам) и юку (пиш. юг-по); первый сортъ, по общему мнѣнію, признается по достоинству выше гречихи и сѣется, гдѣ только возможно.

3) Пшеница засѣевается при возможности, но нерѣдко не успѣваетъ созрѣть на высотѣ большей, чѣмъ 11,500 ф., хотя разводится и на высотѣ 12,650 ф. Пшеница по тибетски называется тро (пишется гро). Пшеничную муку употребляютъ только болѣе зажиточные классы съ болѣе изысканнымъ вкусомъ, тогда какъ нисшіе классы пренебрегаютъ ею.

4) Гречиха (дао или брау, пиш. брабо) находитъ значительное распространеніе и потребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; лучшій сортъ (Fagopyrum esculentum) воздѣлывается въ защищенныхъ мѣстахъ близъ Лхасы и въ долинѣ Ярлунъ.

5) Разводится всюду въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, но чаще и обильнѣе встрѣчается въ К'ам и юго-восточномъ Тибетѣ.

6) Просо (ч'и-це) и маисъ [мамоипе лото S.]. Въ болѣе низкихъ долинахъ просо сѣется въ качествѣ второй жатвы послѣ ранняго ячменя (тукчу не).

7) Юнъ-ма въ разговорной рѣчи вмѣсто ньунъ-ма; буквально іунъ (іун'с) означаетъ горчицу J. Dict. Это слово прилагается иногда ошибочно и къ рѣдькѣ, которая называется собственно лапуг.

8) См. Manifold. Recent Explor. in Centr. and West. China, G. J. Мартъ 1904, стр. 312.

9) Въ восточномъ Тибетѣ, въ частности долинѣ Ня ч'у близъ большого монастыря Чанго, картофель сдѣлался извѣстнымъ въ теченіе XIX стол., будучи введенъ вѣроятно французскими миссіонерами, но нынѣ служитъ въ пользу лишь бѣднѣйшему населенію, такъ какъ болѣе состоятельные классы избѣгаютъ его, какъ и вообще растительной пищи китайцевъ, предпочитая ей цампа съ чаемъ (L. L. 251 и 260; въ прим. 1 приводятся многочисленныя тибетскія обозначенія для картофеля).

137. 1] W. L. 421. Этотъ плугъ (гшол) заимствованъ тибетцами изъ Индіи, запрягается якомъ (Gren.). О земледѣльческихъ орудіяхъ тибетцевъ см. Ethn. 711.

2] Gren.

3] Долина Чумби поражаетъ изобиліемъ цвѣтовъ, которые образуютъ здѣсь настоящій разноцвѣтный коверъ, какъ нигдѣ въ Азіи, приближаясь къ богатству европейской флоры. Главные виды указаны Candler, Unveil. of Lhasa стр. 49, прим.

Hobson, уполномоченный китайской морской таможни, во время пребыванія въ Ятунъ (долинѣ Чумби), собралъ обширную ботаническую коллекцію (1500 видовъ), которую затѣмъ отправилъ въ Англію (Kew Gardens). Ботанически Чумби лежитъ во влажномъ Гималайскомъ поясѣ, тогда какъ всѣ прежнія ботаническія коллекціи изъ внутреннихъ областей сѣвернаго и западнаго Тибета шли изъ сухой безплодной страны. Bretsch. Hist. bot. discover., 812.

4] Впрочемъ, у деревни Чала, въ 2 миляхъ выше Кала цо встрѣчаются уже поля ячменя, на искусственнымъ образомъ орошаемыхъ террасахъ. W. L. 182.

138. 1] См. также Прж. Монг. I 235—238 (детальное описаніе растенія въ дикомъ состояніи въ Ганьсу и способовъ собиранія и приготовленія корней для торговли). Историческій очеркъ введенія настоящаго ревеня въ Европу см. Bretschn. Hist. Bot. Disc. 990. Тамъ же на стр. 7 приводится указаніе Garcia ab Orta въ „Cologios dos simples e drogas и т. д.", Goa 1563, что ревень, производимый только въ Китаѣ, отправляется отсюда на китайскихъ судахъ въ Индію; но что также ревень доставляется сухимъ путемъ черезъ Татарію въ Ормуздъ и Алеппо, откуда достигаетъ Александріи и Венеціи. При доставкѣ послѣднимъ путемъ ревень менѣе подверженъ гніенію.

Д-ръ Thorel, участникъ французской экспедиціи Лагрее и Гарнье 1866—1868, упоминаетъ, что настоящій ревень растетъ въ изобиліи въ дикомъ состояніи въ горахъ юго-западнаго Китая („Voyage d'Exploration", II 490).

Кратк. библіографію для ревеня см. у Bibl. Sin. B. I 489.

2] Diary, 277 и 275. Рокгиль встрѣтилъ ревень, впервые на своемъ пути по сѣверному и сѣверо-восточному Тибету, 5 августа.

3] Тамъ же 171. Настоящій ревень [Rheum palmatum] растетъ въ дикомъ состояніи на очень высокихъ горахъ. Центральной линіей его распространенія, повидимому, является высокая цѣпь раздѣляющая истоки Хуанъ хэ, Минь цзяна и Я-лунъ цзяна. Главные рынки его—Си-нинъ фу и Гуань сянь [въ провинціи Сы-чуань разводится на поляхъ нисшій сортъ ревеня, такъ какъ настоящая разновидность не поддается культурѣ [Richthofen, Letters VII, 69]. О приготовленіи ревеня въ Китаѣ говоритъ Gemelli-Careri [Churchill, Collect., книга III, гл. V, 365]. Съ помощью ревеня Ѣ-люй чу-цай спасъ жизнь многимъ монголамъ во время эпидеміи [Rockhill, Rubruck, 193 прим.]. Въ замѣткахъ Палладія относительно путешествія Марко Поло [стр. 9] указывается, что растеніе въ равной мѣрѣ полезно людямъ и животнымъ, предохраняя ихъ отъ гибельныхъ вліяній жары. Марко Поло говоритъ о ревенѣ въ области „Тангут" въ слѣдующихъ выраженіяхъ [Yule, Polo, I, стр. 217]: „По всѣмъ горамъ этой провинціи ревень встрѣчается въ большомъ изобиліи; туда являются купцы для покупки его и везутъ оттуда по всему земному шару".

Помимо ревеня имѣется въ предѣлахъ Тибета не мало другихъ лекарственныхъ растеній, въ частности ядовитыхъ, напримѣръ, очень распространенъ аконитъ. Относительно аконита въ Тибетѣ [долинѣ Ралунъ] см. W. L. 281—2; вообще отъ ядовитыхъ травъ гибнетъ много скота въ областяхъ Тибета и сосѣднихъ частяхъ Центральной Азіи и Китая, какъ, повидимому, указывалъ уже Поло для „страны Тангутъ" [Yule, Polo I 217 съ прим. 4 на стр. 218—219, гдѣ указываются и другіе виды ядовитыхъ травъ въ восточномъ Тибетѣ и Гималайскихъ областяхъ]. Бретшнейдеръ, Hist. Bot. Discov., 5 предполагаетъ, что ядовитое растеніе въ тангутскихъ горахъ, отъ котораго по описанію Марко Поло, скотъ изъ чужой страны теряетъ копыта, тогда какъ мѣстный скотъ знаетъ и жуетъ его, является Stipa inebrians, описанное по экземпляру съ Алашаньскихъ горъ Hance въ Journ. of Bot. 1876, 211. [См. еще Бретшн. цит. соч. 873—3 и 992, по поводу сообщенія Пржевальскаго въ Монг. I 235 насчетъ ядовитой травы въ Ганьсу, убивающей верблюдовъ и скотъ].

4) Въ Тибетѣ, въ долинѣ Цзанъ-по, имѣется, впрочемъ, немного полей, засѣянныхъ люцерной.

5) Долина р. Шуга, какъ характерная для обилія животной жизни сѣвернаго Тибета, у Прж. III пут. 206—7. См. также отзывъ Рокгиля о мѣстности по верхнему теченію Іогоре гола и вокругъ

Аланъ нора, „буквально кишѣвшей дичью, въ особенности яками и дикими ослами (L. L. 157); или разсказъ А. К. объ изобиліи дикихъ яковъ, оленей, дикихъ козловъ и барановъ, ословъ, сурковъ, волковъ, рысей и т. д. на сѣверъ отъ Данъ ла подъ 92 и 93° в. д. въ октябрѣ 1879 г. на высотѣ 14,700 ф. Д-ръ Торольдъ, спутникъ Боуера, указываетъ на множество дикихъ животныхъ, встрѣченныхъ имъ въ сѣверномъ Тибетѣ между 33° и 34° с. ш. лѣтомъ 1892 г. (яки, антилопы Годжсона. олени, кянъ, обезьяны, бералы, дикія собаки, сѣрые волки). На дню онъ насчитывалъ нерѣдко до 300 кянъ, 700—800 антилопъ, 80 или 100 оленей. Многочисленность стадъ дикихъ яковъ, ословъ, антилопъ, дикихъ барановъ и козловъ, сѣрыхъ волковъ, дикихъ собакъ, красноватыхъ зайцевъ и лисицъ была отмѣчена пандитами на сѣверо-востокъ отъ Манасаровара вплоть до цѣпи Нагц'ал (въ 60 миляхъ отъ озера). Такое же обиліе животныхъ, въ особенности желтыхъ волковъ и сурковъ, характеризуетъ и горныя плато, раздѣляющія верхнія вѣтви Инда въ округѣ Гарток на основаніи сообщеній тѣхъ же пандитовъ. (См. S. 283—4).

139. 1) S. 282—3.

2) „Монголія и страна тангутовъ, стр. 310.

3) Пржж. III пут., стр. 191.

140. 1) См. охоту въ долинѣ Шуга тамъ же 207—209 и охоту на кукуямановъ IV пут. 192.

2) Это богатство дичи кладетъ характерный отпечатокъ, по крайней мѣрѣ, въ сѣверномъ Тибетѣ на ландшафтъ (см. раскрашенную таблицу Sievers, Asien, къ стр. 475).

3) S. 285.

141. 1) Напримѣръ, заставляютъ животное задушить само себя петлею на шеѣ или упасть съ высокаго обрыва или, наконецъ, поручаютъ убой скота извѣстному классу людей, становящихся тѣмъ самымъ отверженцами общества.

2) S. 285.

142. 1) Тамъ же.

2) Тамъ же 292.

3) Тамъ же 286—8.

4) Тамъ же на стр. 292—302 помѣщенъ перечень тибетскихъ млекопитающихся, составленный Сандбергомъ предположительно безъ претензіи на научную достовѣрность, при чемъ для каждаго вида дается научное латинское названіе, соотвѣтствующее тибетское книжное обозначеніе вмѣстѣ съ разговорной формою названія и указаніе на область распространенія вида.

5) Сюда не включено нѣсколько видовъ, найденныхъ пока только въ Кукенорѣ, но возможно встрѣчающихся и въ Монголіи и западномъ Китаѣ.

144. 1) S. 288 и 289.

2) Нѣкоторые русскіе зоологи принимаютъ P. mutus за особую разновидность животнаго, или собственный дикій якъ, оставляя имя:

P. grunniens за прирученнымъ видомъ. Дикій якъ зовется по тибетски донъ (пиш. 'бронъ)—самецъ, д(р)и-мо (пиш. 'бри-мо) или донъ-дри ('бронъ-'бри)—самка; тибетскія названія домашняго яка будутъ указаны при описаніи послѣдняго. У монголовъ дикій якъ называется буха, домашній сарлок, у восточныхъ тюрковъ якъ извѣстенъ подъ именемъ кутаз, у китайцевъ чанъ-мао ню; на языкѣ индустани—бан-чоур.

Якъ, домашній и дикій, пользуется у индусовъ такимъ же уваженіемъ, какъ и корова, поэтому б'утійцы, подвергнувшіеся индусскому вліянію, считаютъ его священнымъ и всѣми средствами избѣгаютъ употреблять въ пищу его мясо. Напротивъ, свободные отъ этого вліянія бутійцы ѣдятъ его охотно, какъ и настоящіе тибетцы. Sher. 294.

3) Прж. III пут. 191—2 съ изображ. на 190 стр.; болѣе подробное описаніе: Монголія и страна тангутовъ 311—321 стр.; Козловъ, Труды Центр. Азіи 137—140 съ рис.; тамъ же о восточн. границѣ географич. распредѣленія яка 186 стр. Одно изъ лучшихъ и наиболѣе раннихъ изображеній яка было дано Тернеромъ, который сообщилъ и описаніе животнаго подъ именемъ Soora-goy или тибетскаго быка съ пушистымъ хвостомъ (см. As. Research. XXIII, 351—3). Другія изображенія животныхъ у новѣйшихъ европейскихъ авторовъ встрѣчаемъ напр. въ книгѣ Wellby, Unknown Tibet, 183. Съ яковъ, доставленныхъ въ Парижъ въ 1854 г., художница Роза Бонеръ (Bonheur) сдѣлала нѣсколько набросковъ (Journ. Soc. Acclimation, Іюнь 1900, 39—40). Долгое время о дикомъ якѣ знали только по преувеличеннымъ слухамъ изъ туземныхъ источниковъ; не даромъ д-ръ Кемпбеллъ сообщилъ въ J. A. S. Beng., будто дикій якъ, по разсказамъ, превосходитъ величиною домашняго яка въ 4 раза.

Первымъ *) изъ европейскихъ авторовъ говоритъ о „донъ" Марко Поло, притомъ въ достаточно вѣрныхъ чертахъ (Yule, Polo, I, 274—5); онъ видѣлъ ихъ въ „странѣ тангутовъ" около Си-нинъ фу. Поло описываетъ не только дикихъ яковъ [„величиною почти со слона, въ общемъ великолѣпное животное"] но и домашнюю разновидность [въ частности, упоминая о породѣ, получаемой отъ скрещенія яка съ обыкновенной коровою], и указываетъ на пользу, приносимую этой породою въ качествѣ вьючныхъ и вообще рабочихъ животныхъ.

Лит. о якѣ, Bibl. Sin. B. I 440—1, см. также цитиров. выше сочиненіе (Yule. Polo I 277).

Научная литература объ якѣ довольно обширна: Бюхнеръ въ Научн. рез. пут. Прж. I (1894); Blanford, On a stag, Cervus thoroldi, from Tibet and on mammalia of tib. plateau. Proc. Zool. Soc. London, 1893; Lydekker, Wild oxen, Sheep and goats of all lands; Gray, Catalogue of mammalia in the collection of British Museum, P. III. Ungulata furcipeda, London 1852; Blanford, Sc. Res. Sec.

*) О домашнемъ якѣ въ Центральной Азіи говоритъ уже Эліанъ въ 3 вѣкѣ и Космас въ 6 вѣкѣ. (См. изданіе книги Марко Поло Юлемъ I, 278).

Yark. Miss. Mammalia. Calcutta 1870; Hedin, Sc. Res., VI, ч. 1 (Leche), 12—21; Ruetimeyer, L. Versuch einer natuerlichen geschichte des Rindes. Neue Denkschriften der allgem. Schweiz. Ges. f. d. ges. Naturw. Bd. 22, 1867. (На стр. 109 указывается близкое родство между якомъ и Bos sondaicus).

4) Тибетцы не знаютъ болѣе страшнаго жиовтнаго, чѣмъ раненаго яка, поэтому набитыя шкуры этого животнаго вмѣстѣ съ головой и рогами подвѣшиваются въ качествѣ пугалъ къ потолку воротъ монастырей и фортовъ (Гжянъ-цзе). См. фотографіи у W. L. 200 и Land., I, 197.

145. 1) Яки, водящіеся въ Анембар-ула—горахъ, примыкающихъ къ Сертену,—размѣрами меньше тибетскихъ, какъ говорили Роборовскому китайцы и монголы, имѣютъ на шеѣ гриву и сравнительно тонкіе рога. Въ горахъ бывали случаи помѣси коровы съ этими дикими яками (Тр. Ц. Аз. I, 177). На стр. 234 Роборовскій указываетъ, что хребетъ Риттера есть притонъ дикихъ яковъ всего Наньшаня, столь многочисленны ихъ стада въ этихъ горахъ.

2) См. слѣдующее примѣчаніе.

3) Такъ, съ октября по мартъ долина Бжянъ ч'ен-мо и область Панъ-конъ изобилуютъ стадами яковъ, но какъ разъ въ это время года англійскимъ офицерамъ въ Индіи и Ладакѣ почти невозможно получить отпускъ для этой любопытной охоты; лѣтомъ же только отдѣльныя отбившіяся отъ стада животныя подходятъ такъ близко къ населенной территоріи.

146. 1) Даже до 1,000 головъ, какъ утверждаетъ Пржевальскій.

2) См. составленное имъ описаніе внѣшняго вида яка S. 303—304.

3) Капитанъ Смисъ убилъ въ области Священныхъ озеръ яка самца, имѣвшаго 6 футовъ роста. Yule, Polo I, 277 со словъ Кемпбелля. Plat. 311 говоритъ объ экземплярѣ, имѣвшемъ 5 ф. 9 дюйм. въ плечахъ.

147. 1) Яковые хвосты доставлялись въ Венецію Yule, Polo, I 274; они же употреблялись въ Индіи въ качествѣ военныхъ украшеній или значковъ (тамъ же II 355, 359 прим.) Объ яковыхъ опахалахъ въ Индіи говоритъ Эліанъ въ III вѣкѣ.

2) S. 304.

3) Ган'с-бшог-па пробиться сквозь снѣгъ, съ помощью яковъ, посланныхъ впередъ для протоптанія тропы. См. Huc, „Souvenirs", sizieme edit. (1878), II 428—429, гдѣ описывается подобный переходъ сквозь глубокій снѣгъ.

148. 1) Іакинѳъ, Зап. о Монг. I, стр. 100. О качествѣ волоса яка отзывается съ большой похвалою Поло, который даже доставилъ образчикъ его въ Венецію (Yule, Polo, I 274).

2) Гединъ въ G. J. Апр. 1898, 402.

Сердце, мозгъ и печень яка считаются деликатесами (Mat. 94).

3) Описаніе ея см. Прж. III пут., стр. 226—230 съ грав. Велльби съ недовѣріемъ отнесся къ этому разсказу объ опасностяхъ охоты; однако. монголы или таглыки никогда не охотятся на яка, иначе какъ вдвоемъ.

4) Гединъ см. выше цитир. статья. Свирѣпость животнаго подчеркивается рядомъ свидѣтельствъ мусульманскихъ авторовъ. (См. Yule, Polo, I 277 прим. 3 и изд. Рокгиля „Rubruck", 151).

5) Прж. III пут. 39 и I пут. 282—5; изображеніе III пут. къ 294 стр.; Козловъ Труды центр. Азіи, 140—142. Фотогр. снимокъ у Candler, Unveiling of Lhasa, 70. См. еще Yule, Polo, I, 225, прим. 3 съ рис. монгольскаго дикаго осла. Марко Поло упоминаетъ о дикихъ ослахъ въ мѣстности Etzina (Ганъ су) Yule, Polo I книга, гл. XLV, стр. 224, прим. 3.

О дикихъ ослахъ см. L. L. 157—8.

Палласъ называетъ дикихъ ословъ Монголіи джигетей (дикая лошадь Прж.).

6) Китайцы называютъ дикихъ ословъ ѣ-ма, т. е. дикая лошадь, хотя всѣ соглашаются, что это—ослы и, слѣдовательно, должны называться ѣ-ло-цзы, а не ѣ-ма; одинъ экземпляръ животнаго былъ доставленъ очень молодымъ въ Си-нинъ фу, но всѣ попытки приручить его оказались безуспѣшны. L. L. 151, прим. 1.

Дикіе ослы зовутся самими тибетцами нерѣдко дикими лошадьми.

7) Объ Equus Kiang см. Прж. III пут.; Matschie, Ueber Asiat. Wildesel. Sitz. Ges. nat. Frunde Berlin 1893; Hed. Sc. Res. VI, ч. I, 61 -64.

Различіе между E. Kiang и E. hemionus заставляетъ видѣть въ нихъ отличныя формы одного вида, возникшія черезъ географическую изолированность, при чемъ первая форма превосходитъ послѣднюю размѣрами.

По мнѣнію Бланфорда, третья разновидность азіатскаго дикаго осла, близко подходящая къ тибетскому Кянъ, встрѣчается въ пустыняхъ западной Индіи и Белуджистана въ климатическихъ условіяхъ, представляющихъ въ отношеніи крайностей температуры (жгучаго зноя) прямую противоположность тибетскимъ холодамъ. Эта разновидность дикаго осла называется Equus onager.

8) Грива кяна болѣе темнаго цвѣта, при чемъ этотъ цвѣтъ продолжается далѣе въ видѣ узкой полосы по спинѣ и хвостѣ [замѣтки Ультона въ Land. Lhasa, I, 392).

149. 1) Они держатся здѣсь стадами до 30 головъ; иногда отдѣльныя стада соединяются вмѣстѣ.

2) Тамъ же. Этому утвержденію, однако, противорѣчитъ извѣстіе, что дикіе ослы служатъ пищею многихъ тибетцевъ, въ особенности уроженцевъ К'ам и Наг-ч'у, хотя среди нѣкоторыхъ классовъ существуетъ сильное убѣжденіе, что это—незаконно съ религіозной точки зрѣнія, по примѣру кумаонскихъ бутійцевъ и индусовъ, ко-

торые включаютъ дикаго осла въ ту же категорію животныхъ, какъ коровъ, и отказываются даже прикоснуться къ его мясу. (Sher. 292).

3) Жеребята кянъ отъ домашней лошади могутъ быть приручены къ работѣ. Пандитъ Гобарія, родомъ бутій изъ Гарбяна, имѣлъ трехъ крупныхъ полукровныхъ кянъ, которые служили въ качествѣ верховыхъ животныхъ. Для тяжелыхъ переходовъ они непригодны, такъ какъ ихъ копыта слишкомъ мягки для твердой почвы, а кожа слишкомъ нѣжна для тяжелаго груза. (Sher. 292).

4) Прж. III пут. 39.

О дикой лошади см. Научн. рез. пут. Прж. Заленскій I. Mammalia. Equus Przewalskii С.-Петербургъ 1902.

5) Во время путешествія по западному Тибету въ 1903 г. Роулингъ встрѣтилъ подъ 35° с. ш. и 82½° в. д. огромныя стада антилопъ (въ общей сложности было насчитано въ одно время до 15 или 20 тысячъ головъ). Эти-то массы животныхъ еще раньше побудили Дези дать означенной мѣстности имя „равнины антилопъ". Plat. 85.

6) Прж. III пут. 295. Объ антилопахъ въ центральной Азіи и Тибетѣ смотри Прж. IV пут. 110—113; Козловъ Тр. центр. Азіи, 34 (антилопа Харасульта); тамъ же 102 стр. (V табл.) рисунокъ головы антилопы ада.

7) Научное названіе гцод или гцо—Pantholops Hodgsoni; эта антилопа встрѣчается по всему Тибету; наблюдалась Литтльделемъ около Черчен дарьи, въ 60 мил. на сѣверъ отъ Арка тага.

Научное описаніе Pantholops hodgsoni помѣщено въ Blanford, Scient. Res. Sec. Yarkand Miss. (1879); Sclater and Thomas, The Book of Antelopes. London 1894; Murie. J. On the Saiga Antelope, Saiga tartarica (Pall.) Proc. Zool. Soc. London 1870, стр. 467; Pousargues, Etude sur ruminants; Gray, Catalogue of Mammalia; Ruetimeyer, Die Rinder der Terliarepoche nebst Vorstudien zu einer natuerlichen geschichte der Antilopen. Neue Denkschr. Schweiz. Ges. Naturw. 1877-78, т. 4-5; Hedin, Scient. Res. VI, ч. I, 29—45 съ двумя фотографіями внѣшняго вида антилопы и рядомъ изображеній ея роговъ, черепа, челюстей и т. д. Помимо указанныхъ отмѣтимъ еще Flower and Lydekker: An Intoduction to the study of Mammals, London 1891; Trouessart. Catalogus Mammalium tam viventium quam fossilium, Berolini 1898—99.

Гоа означаетъ скорѣе газель (Procapra [gazella] picticaudata), одно изъ наиболѣе обычныхъ животныхъ на пути англійской экспедиціи въ южномъ Тибетѣ, гдѣ встрѣчается большими стадами на открытыхъ равнинахъ. Рога самца—сильно загнутые назадъ и составленные изъ колецъ, прилегающихъ одно къ другому, достигаютъ 12—14 дюймовъ въ длину. Самка не имѣетъ роговъ. Охота на газель принадлежитъ къ наиболѣе легкимъ видамъ спорта въ южномъ Тибетѣ; мясо очень хорошо на вкусъ. Днемъ газели пасутся разсѣянно по

равнинѣ, но въ случаѣ тревоги собираются въ одно стадо для бѣгства. (Ультонъ въ Land. I, 393).

Монголы называютъ антилопу Procarga picticaudata—цзеренъ.

Относительно Gazella picticaudata см. Прж. Монг. и страна тангутовъ; Hed. Sc. Res. VI, I, 33—38 и 42—45 (сравненіе съ Pantholops).

8) Охота на антилопъ съ помощью облавы въ долинѣ Сумджилинъ, практикуемая тибетцами изъ Ладака и Рудока, описывается въ Plat. 42.

Цзанъ-жунъ 藏 茸 тибетскіе оленьи рога, покрытые пухомъ, очень цѣнимые китайцами въ качествѣ сильнаго возбуждающаго средства, названы такъ въ отличіе отъ Гуань-дунъ-лу-жунъ—маньчжурскихъ роговъ и Нань-жунъ—юнь-наньскихъ (Mesny, Miscellany III № 1693 и 1696).

О приготовленіи маральихъ (оленьихъ) роговъ въ качествѣ укрѣпляющаго лекарства говоритъ Робор. Тр. Ц. Аз. I 219—220.

Спросъ на маральи рога (молодые, не успѣвшіе еще окостенѣть) подали поводъ къ возникновенію на Русскомъ Алтаѣ особаго вида промысла—мараловодства, или содержанія оленей живыми въ полуприрученномъ состояніи въ особыхъ загонахъ—маральникахъ. Подр. объ этомъ промыслѣ см. Силантьевъ, Изслѣдованіе мараловодства на Алтаѣ. С.-Петербургъ. 1900.

10) Прж. III пут., 126; въ Наньшанѣ 5—124; Козловъ, Тр. цент. Азіи 137 и 144 съ рис.

Касательно тибетскихъ видовъ оленя см. Lydekker, The deer of all Lands. London 1898; Pousargues, Etude sur les ruminants, 1898; Blanford, On a Stag, Cervus thoroldi, Proc. Zool. Soc. 1893; Brooke, V. On the classification of the Cervidae with a Synopsis of the existing Species, тамъ же 1878; Ruetimeyer, Beitraege zu naturw. Gesch. der Hirsche, Neue Denksch. Schw. Ges. Nat, т. VII—X (1880—3); Научн. рез. пут. Прж. I Бюхнеръ Млекопитающіеся. 1894.

11) W. L. 484.

О дикомъ верблюдѣ находимъ свѣдѣнія у Прж. III пут.; Blanford: Exhibition of, and remarks upon, a skin of Wild Camel. Proc. Zool. Soc. London 1892; Littledale, G.: Field-notes on the Wild Camel of Lob nor. Тамъ же 1894; Hed. Scient. Res. VI, ч. I 49—61. Дикій верблюдъ скорѣе меньше домашняго, противно отношенію, существующему между дикимъ и домашнимъ якомъ. Разборъ всѣхъ данныхъ касательно строенія дикаго верблюда доказываетъ, что дикій верблюдъ отнюдь не является лишь одичалымъ домашнимъ верблюдомъ (или потомкомъ послѣдняго, тамъ же 60), но представляетъ болѣе раннюю форму этого животнаго, какъ она существовала до прирученія.

Относительно раіона распространенія дикаго верблюда, на основаніи данныхъ Гедина, смотри тамъ же 61.

О верблюдѣ вообще см. Lehmann, Das Kamel. Kettlers Zeit. Wiss. Geogr. 1891.

150. 1) Объ этомъ видѣ барана см. Yule, Polo, I 176—178 съ рисункомъ барана и его роговъ.

2) Объ аргали говоритъ Рубруквисъ (Recueil Voyages, IV. Paris 1839), стр. 230, въ особенности останавливаясь на величинѣ его роговъ, изъ которыхъ можно выдѣлывать огромные сосуды для питья.

3) IV пут. Прж. стр. 275—7 съ рис.; объ аргали см. Прж. III пут. и Козловъ, Тр. Ц. Азіи. стр. 143.

Ovis hodgsoni описывается у Brooke, V. and B. On. the large Sheep of the Thio-shan and the other Asiatic Argali, Proc. Zool. Soc. London 1875, стр. 520; Pousargues, E. de. Etude sur les ruminants de l'Asie centrale. Mem. Soc. Zool. de France, 1898, стр. 150 и Lydekker, Wild oxen, sheep and goats of all Lands, London 1898, 181. Смотри еще Hedin, Sc. Res. VI, I съ 21 стр.

Относительно Ovis Ammon: Blanford, Exhibition of, and remarks upon, four heads of Ovis ammon. Proc. Zool. Soc. 1896; Hedin, Sc. Res. VI, I съ 21 стр.

4) Прж. III пут. стр. 118 съ рис. и 224, IV пут. 188—189; охота на нихъ 189—192; Козловъ, Тр. Ц. Азіи, 143.

5) Козловъ, Тр. Ц. Азіи даетъ рисунокъ головы кабарги (табл. V, стр. 102). Библіографія муск. оленя Bibl. Sin. B. I. 438 и цит. изданіе книги Марко Поло (Юля).

6) Сандбергъ (S. 300) насчитываетъ въ Тибетѣ 6 видовъ зайцевъ, носящихъ у тибетцевъ отличныя наименованія и встрѣчаемыхъ въ разныхъ частяхъ Тибета, начиная съ „ригонъ" въ центральномъ и восточномъ Тибетѣ и „тула" въ Кукунорѣ и кончая „рибономъ" (Lepus oiostolus—заяцъ съ мохнатой шерстью) въ Динъ ри и „чандага" въ западномъ и центральномъ Тибетѣ. Рибонъ держится обычно не среди травы, но между голыми камнями. Тибетцы рѣдко, если вообще когда-либо, ѣдятъ зайцевъ, относя ихъ къ тому же семейству животныхъ, какъ и домашняго осла (почему и даютъ имъ одинаковыя имена—оселъ бонъ-гу, заяцъ—ри-бонъ, или горный оселъ (тамъ же, 300 прим. 2).

Зайцы, встрѣчаемые въ Тибетѣ въ безчисленномъ множествѣ по каменистымъ склонамъ, представляютъ мало приманки для европейскаго охотника благодаря своему совсѣмъ ручному нраву и безвкусному мясу (послѣднее обстоятельство подмѣчаетъ и Шеррингъ) Plat. 36.

7) Кап. Велльби указываетъ на огромную величину тибетскихъ сурковъ (Arctomys robustus), достигающую человѣческаго роста (Through Unknown Tibet, 169 и 186—7) близъ верховьевъ р. Чумар.

Сурки употребляются въ пищу нѣкоторыми тибетцами низкаго званія, на которыхъ и смотрятъ за то съ презрѣніемъ. Sher. 292.

8) Это имя пищухи указывается Уодделемъ; однако, Сандбергъ (S. 301) относитъ названіе чипи къ суркамъ, оставляя за пищухою сѣвернаго Тибета имя прали, въ Цайдамѣ же и Амдо—огоно.

151. 1) Прж. III 395.

2) Прж. IV пут. 125—7 и 162.

3) Тр. Центр. Аз. II 144—5.

Милліоны пищухъ покрываютъ своими норами не только равнину, но и горную область въ Кукенорѣ. Мѣстами луговой покровъ совершенно исчезаетъ, замѣняясь пыльной разрыхленной почвою, гдѣ лошадь на каждомъ шагу проваливается копытами и гдѣ поэтому ѣхать рысью весьма затруднительно. Обиліемъ пищухъ обусловливается богатство хищныхъ пернатыхъ: орловъ, соколовъ, грифовъ и т. д. (Камъ I 162).

4) III пут. 216—218; охота на медвѣдя-пищухоѣда тамъ же 288—9 и IV пут. 167—9; Козлова, Тр. Ц. Аз. 145—7 и рис.; Камъ, I, 593—6 съ рис., и 598. Этотъ видъ медвѣдя чрезвычайно многочисленнъ въ долинѣ Сергъ-чю, притока Хуанъ хэ. По тибетски медвѣдь называется тѐм.

Цайдамскіе медвѣди подали поводъ къ возникновенію легендъ о существованіи дикихъ людей въ странѣ, т. к. монголы понынѣ нерѣдко называютъ ихъ хун-гуресун, или человѣкъ—звѣрь. См. L. L. 150—151 и прим. на 150 и 2 на 151.

Научная литература для Ursus pruinosus: Lydekker, R. The blue Bear of Tibet, Proc. Zool. Soc. London 1897. Его же: Exhibition of a flat Skin of Ursus pruinosus, тамъ же; Hedin, Sc. Res. (Leche) 4—11 (сравненіе съ Ursus arctus).

Living Гединъ наблюдалъ противно Пржевальскому, что этотъ медвѣдь питается главнымъ образомъ сурками, которыхъ выкапываетъ своими крѣпкими когтями изъ норъ и съѣдаетъ съ кожею и волосами (тамъ же 11). По сообщенію Гедина, наибольшія количества этого вида медвѣдя встрѣчаются въ самыхъ возвышенныхъ и пустынныхъ, совершенно необитаемыхъ и не годныхъ къ обитанію частяхъ внутреннихъ областей тибетскаго нагорья. Окрестности озера Хараму и Ajik-kol („медвѣжье озеро") богаты этими животными.

5) Козл. Тр. Центр. Аз. 147—8;

6) Кромѣ обычнаго вида тибетскаго волка—canis laniger чжанъ-ку (пиш. cПіанъ-ку) сѣраго цвѣта (красноватая шерсть у тибетскаго волка смѣняется зимою на сѣрую; черный конецъ хвоста отчетливо бываетъ видѣнъ на снѣгу. Plat. 37), встрѣчаемаго во множествѣ по всему Тибету, въ западномъ Тибетѣ былъ найденъ европейскимъ путешественниками (Севеджъ Лэндоромъ, Биддульфомъ и Кинлочь въ Пуранѣ и Гуге около Священныхъ озеръ и въ долинѣ Инда) болѣе рѣдкій видъ чернаго волка (чжанъ-кунагпо тибетцевъ), принимаемый Кинлочемъ за особый видъ и обозначаемый Сандбергомъ Canis lycaon (чжанъ-рок—cПіанъ-рогъ). Онъ попадается и далѣе на сѣверъ около Панъ-конъ, Ханле и

Ланак ла. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Тибета, какъ и въ Монголіи, въ обычной рѣчи избѣгаютъ употреблять настоящее имя для волка, т. к. существуетъ повѣрье, что въ такомъ случаѣ стадамъ грозитъ истребленіе со стороны этихъ хищниковъ, поэтому пользуются парафразомъ въ родѣ дикая собака—к'чіи-го, иногда джукма тюлно, или джук-тюли—„тупой задъ" (у сибирскихъ татаръ, проникнутыхъ тѣмъ же суевѣріемъ, содан кузурук—куцый хвостъ); монголы же употребляютъ аналогичный первому тибетскому названію терминъ—гересун нохой—дикая собака. (S. 308).

7) Тибетцы различаютъ четыре вида лисицъ: ваце. Vulpes flavescens въ южномъ Тибетѣ; ва-тро-тро Vulpes ferralatus въ центр. Тибетѣ, вамо—въ Киронъ и Пуранъ и ванаг въ центральномъ Тибетѣ.

8) См. Прж. III пут. 290 стр.

152. 1) Прж. III пут. 262—264 съ рис. тамъ же объ ягнятникѣ, см. еще Козлова, Тр. Ц. Аз. 18 съ рис.

2) Въ общемъ крайняя сухость климата и при томъ отсутствіе прѣсной воды, солончаковая почва, почти лишенная всякихъ насѣкомыхъ въ сѣверномъ Тибетѣ, не доставляютъ необходимыхъ условій существованія для не-хищныхъ птицъ, которыя поэтому здѣсь отсутствуютъ, за единичными исключеніями.

3) Прж. III пут. стр. 39 даетъ ея изображеніе.

4] Фазаны въ Цайдамѣ и Центральной Азіи Пржев. III пут. 95, 361; ушастый фазанъ на верхней Хуанъ хэ III пут. Пржевальскаго 360—365.

5) Пржевальскій III пут. 282—6; Козловъ Тр. Центр. Азіи 151—5 съ рис.

6) Пролетъ птицъ черезъ Тибетъ. Прж. IV пут. 132.

7) Въ европейскихъ Альпахъ рыба встрѣчается лишь до высоты 2100 м. О рыбахъ въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ Тибетѣ см. Научн. пут. Прж. III. Герценштейнъ. Рыбы.

8) Зимою рыба очень дешева на Сининскомъ и Танкарскомъ рынкахъ (двѣ большія рыбы продаются въ Танкарѣ за одинъ пучекъ вермишели (30 чоховъ). Рыба вся принадлежитъ къ одному виду—съ желтой кожей, безъ чешуи, отсюда ея названіе—цзинь-юй золотая. Кромѣ свѣжей рыбы, продается разрѣзанная на куски и высушенная, по той же цѣнѣ. Для ловли рыбы монголы устраиваютъ во льду озера проруби. Пржевальскій ловилъ въ Кукунорѣ только одинъ видъ рыбы Schizopygopsis n. Sp., хотя слышалъ, что въ озерѣ водятся и другія рыбы. Diary 65.

9) Во внутр. озерн. бассейнахъ, обратившихся съ теченіемъ времени въ соленыя, рыба, повидимому, приспособилась къ новымъ условіямъ.

10) Пржевальскій удостовѣрилъ присутствіе рыбы въ теплыхъ источникахъ на югъ отъ Танъ ла, на высотѣ 4750 метровъ.

Въ горномъ ручьѣ, впадающемъ въ озеро Панъ-конъ, Роулингъ нашелъ во множествѣ снѣжную форель, вѣсомъ въ среднемъ до 1

англ. фунта (наиболѣе крупныя имѣли вѣса въ 2 фунта (Plat. 26). По сообщенію мѣстныхъ жителей, озеро Ц'о наг (Nyak), самое южное изъ 5 озеръ Ц'о мо Н'алхари, содержитъ форель огромныхъ размѣровъ [тамъ же 152].

153. 1] Diary 278.
2] Тамъ же 268.
3] W. L. 479.
4] Тамъ же, XI приложеніе.
5] Land. I, въ приложеніи замѣтки Уольтона.
6] Plat. прилож.

154. 1] О семействѣ фазановъ въ центральной и западной Азіи см. David et Oustalet, Oiseaux de la Chine, 401—421. Описаніе мунала у Woods, Birds, 600. См. Yule Polo I, 280.

2] Пишется шаба; о немъ ниже.

Наиболѣе распространеннымъ видомъ мускусн. оленя въ Центр. Тибетѣ, Конъ-по, Кюнъ по (Гжя де) и Чамдо является Moschus moschiferus ла-ба по тиб.; въ Дза-юл и пров. К'ам попадается другой видъ Moschus Sifanicus, по тиб. ку-де-ри [пиш. сКу-бдерагс]; различаютъ еще другіе виды, напр. Moschus Saturatus Hodg., по тиб. ла-п'о [гла-п'о] S. 308; Годгсонъ называетъ еще Moschus Chrysogaster, какъ наиболѣе граціозный изъ всѣхъ видовъ мускусного оленя, при томъ дающій высокоцѣнимый сортъ желѣзъ—k'aghazi или „тонкій, какъ бумага"; этотъ видъ встрѣчается почти исключительно на китайской границѣ.

По китайски мускусн. олень называется шэ-чжанъ, а мускусъ шэ-сянъ [сянъ—ароматъ]. Монголы называютъ мускусъ ово [лучшій сортъ цаган ово—бѣлый мускусъ]; по тибетски лацзе и лаце карпо [Diary 71, прим.].

О мускусѣ говорится между прочимъ у слѣдующихъ европейскихъ авторовъ: Yule, Polo, I, 279, Martini, Novus Atlas sinensis 1655, стр. 39; Tavernier, Des Indes, кн. II, гл. XXIV; J. A. S. Beng. XI 285; Davies's Rep. прил. стр. CCXXXVII, д-ръ Flueckiger въ Schweiz. Wochenschr. fuer Pharmacie 1867; Heyd, Commerce du Levant II 636—640.

4] Him. Journ. I 256; весьма точное описаніе животнаго въ провинціи Ганьсу даетъ Марко Поло [Yule, Polo, I, 275 и прим. 3 на стр. 279].

5] Темно-бурое, по словамъ Сандберга. См. подробное описаніе мускусн. оленя и мускуса въ его Tibet, 308—310.

6] Взрослый самецъ имѣетъ 3 ф. 3 д. въ длину отъ морды до начала хвоста; самка меньше. Задъ у оленя поднятъ болѣе надъ землею [37 дюйм.], нежели передъ [въ плечахъ—33 дюйма] Тамъ же.

7] Почти щетинистой, но короткой. Тамъ же.

8] 4½ дюйма длиною; Марко Поло говоритъ ошибочно о четырехъ клыкахъ.

Клыки мускуснаго оленя играютъ довольно значительную роль въ качествѣ украшеній (немного ниже праваго плеча) у женщинъ бутій въ Кумаонѣ. См. фотографію у Sher. стр. 58 и 55—67.

Сандбергъ указываетъ, что олень достаетъ клыками свой скудный кормъ изъ-подъ снѣга зимою.

9] Прикрѣпленномъ снаружи живота и покрытомъ волосами. По англійски мѣшокъ, вѣрнѣе железа, называется pod.

10) Him. Journ. I 257.

11) Тамъ же; на это указывалъ уже Марко Поло (см. цит. изд. Юля, 275; примѣчаніе на стр. 279 дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что мясо самца имѣетъ сильный запахъ мускуса).

12) S. 309.

155. 1) Yule, Polo, I 279 говоритъ въ данномъ случаѣ о 7,673 pods. Этотъ мускусъ, какъ можно предполагать, шелъ черезъ Непалъ, но желѣзы наилучшаго достоинства доставлялись изъ Хотана черезъ Яркендъ и Ле [наиболѣе низкая цѣна за „одинъ мѣшокъ" въ Яркендѣ была 250 танки или свыше 4 ф. стерлинговъ]. Ввозъ съ этой стороны давно прекратился, какъ вообще и вся торговля мускусомъ, кромѣ какъ съ Китаемъ.

2] Тамъ же 310. Различные сорта мускусн. желѣзъ, встрѣчаемыхъ въ торговлѣ, описаны тамъ же 310—311, именно: 1] наилучшій сортъ—Тонкинскій или тибетскій, получаемый черезъ Китай или прямо ввозимый въ Кашмиръ и Индію; 2] Кабардинскій, русскій, или сибирскій мускусъ, идущій черезъ Петербургъ; иногда онъ посылается въ Китай, гдѣ хранится нѣкоторое время съ тиб. мускусомъ для пріобрѣтенія его запаха; 3] очень мелкій сортъ желѣзъ, вѣроятно отъ алтайскаго оленя. Мускусъ лучше покупать прямо въ желѣзахъ, такъ какъ этимъ доставляется купцамъ меньше шансовъ къ успѣшной поддѣлкѣ.

3] S. 310, гдѣ указываются также другіе случаи примѣненія мускуса.

Наиболѣе раннее упоминаніе о мускусномъ оленѣ, какъ и о якѣ, находимъ у Cosmas [около 545 по Р. Х.]; мускусъ фигурируетъ въ греческомъ рецептѣ того же времени, прописанномъ въ Константинополѣ Аеціемъ изъ Амиды.

4] О мускусѣ въ качествѣ лекарств. средства см. Брокгаузъ и Эфронъ, Энц. слов. подъ этимъ словомъ.

5] S. 310.

156. 1] Юлъ указываетъ на употребленіе мускуса въ Сициліи въ качествѣ послѣдняго средства передъ тѣмъ, какъ больной начнетъ отходить, почему выраженіе „доктора дали ему мускусъ" обозначаетъ безнадежнаго больного.

2] Въ Люсар кантонскіе и сы-чуаньскіе торговцы платили за мускусъ умноженный въ четыре раза его вѣсъ въ серебрѣ [сы-хуань, какъ они выражаются [Diary 71]. Лучшее время для покупки—съ конца августа до середины ноября. Тибетцы увеличиваютъ вѣсъ мускуснаго мѣшка, подмѣшивая цамбу и кровь; лучшимъ показателемъ чистоты мускуса является его окраска.

3] Въ Китаѣ спросъ на мускусъ одно время даже увеличился, по крайней мѣрѣ, Рокгиль указываетъ [Diary 71] на ростъ мускусной торговлѣ въ Люсар.

4) Упомянутый выше видъ Ovis Nahur или Куку-яманъ. Мясо ихъ хорошо на вкусъ, хуже, однако, нежели газели; рога ихъ составляютъ въ южномъ Тибетѣ излюбленное приношеніе на обо въ горахъ; молодые баралы совсѣмъ ручные. Не мало бараловъ убивается около Камба дзона на мясо.

5] По тибетски нян [гньан].

6] Газели подходятъ близко къ селеніямъ; мясо превосходно на вкусъ, рога превышаютъ 14 дюймовъ въ длину; бѣлое пятно у основанія хвоста, давшее газели научное названіе [gazella picticaudata] часто обнаруживаетъ присутствіе животнаго на большомъ разстояніи; фотографическій снимокъ газели Candler, Unveiling of Lhasa, 70.

7] Золотистая рысь—дбіи (произносится іи); три вида C. Dict. 914.

8] Лава [лаа] попадается мѣстами на всемъ пути отъ Чумби до Лхасы въ верхнемъ лѣсномъ поясѣ; усиленныя преслѣдованія оленя охотниками ради цѣнныхъ желѣзъ сдѣлали его крайне робкимъ.

9] Пиш. гзиг. Леопардъ кормится синими овцами и мускусными оленями и достаточно многочисленен, если судить по количеству его шкуръ, предлагаемыхъ всюду въ странѣ на продажу.

10] Болѣе свѣтлой шерсти, нежели европейскій, хотя принадлежащій къ тому же виду; существуетъ еще разновидность съ черной шерстью, какъ сказано выше.

11] Также въ Камба дзонѣ; 44½ дюймовъ отъ морды до конца длиннаго пушистаго хвоста.

12] 36 дюймовъ отъ морды до конца хвоста.

13] пишется лког-гдонъ-дкар, Aelurus ochraceus; S. 295 указываетъ, въ качествѣ раіона распространенія этого животнаго, на Дза-юл и долину Субансири.

14] По переводу Уодделя; книжная же форма, сообщаемая Сандбергомъ, имѣетъ лког, что значитъ въ дѣйствительности только горло.

15] Пиш. гшул-бьи. Питается, какъ и европейская ласка, главнымъ образомъ, птицами.

157. 1) Болѣе мелкій видъ Ультонъ видѣлъ у Пари [см. Landon I 395]. Wad, Him, 219 говоритъ, что бутіи приписываютъ сурку сверхъестественную силу и увѣряютъ, что, если повредить ему чѣмъ-нибудь, онъ можетъ вызвать разрушительную бурю. Подобное убѣжденіе, возможно, обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что сурки роютъ норы глубоко въ почвѣ, гдѣ живутъ, по представленіямъ тибетцевъ, драконовые духи [нага], вызывающіе грозы. Благодаря этому суевѣрію, рѣдко кто изъ туземцевъ соглашается помочь европейцу въ ловлѣ звѣрька, хотя ничуть не постѣснится стащить у него запасы травы и зерна при нуждѣ въ топливѣ или кормѣ.

2] Ультонъ [Land., 395].

3] См. фотографіи у Landon, I, 396.

4] W. L. 137—8; охота на шао описана у Candler, Unveiling of Lhasa, 56—7.

5] Сандбергъ приводитъ имя чиру [пиш. гчиг-ру], какъ одно изъ обозначеній Pantholops Hodgsonii [два другихъ суть цо и цод].

6] W. L. 483. Эта антилопа [хотя врядъ ли она встрѣчается такъ далеко на востокъ] или такіин [въ нижнемъ Цзанъ-по] подали Гюку поводъ къ описанію „единорога" [Souv. 1878, II. 422—426].

Объ единорогѣ говоритъ и Тернеръ со словъ Бутанскаго раджи, который обладалъ однимъ экземпляромъ этого животнаго, внушавшаго всѣмъ бутанцамъ религіозное благоговѣніе. Къ сожалѣнію, Тернеру не удалось самому видѣть это животное [Ambassade au Tibet et au Boutan, I 241].

Шлегель подробно описалъ въ Uranographie chin. 387—8 миѳич. существо 麒 麟 ци-линъ, появляющееся при рожденіи или смерти знаменитыхъ китайскихъ государств. людей [см. d'Ohsson, Hist. des Mong. I, 318, прим.] и доказалъ, что это животное является тѣмъ самымъ, которое тибетцы зовутъ серу, вѣрнѣе чиру, а монголы—кере. Ходгсонъ открылъ эту антилопу впервые въ Тибетѣ [одинъ экземпляръ, подаренный Панчен римпоче Сиккимск. раджѣ, умеръ въ его звѣринцѣ]. Животное часто изображается въ видѣ статуй и картинъ въ тибетскихъ храмахъ. T'oung-pao, T. VII, 433, рецензія Шлегеля o Huth, Geschichte des Buddhismus im Mongolei.

7] Какъ только экспедиція спустилась съ Данъ-ла, ей стали попадаться стада этихъ животныхъ, похожихъ на зебръ, но съ болѣе красивыми головами; общая окраска шерсти—ярко-золотисто-коричневая съ черными точками и полосами. W. L. 121.

8] W. L. 485.

158. 1] О привычкахъ ягнятника см. Ультонъ въ Land. I 403—4.

2] О немъ тамъ-же 405.

3) Замѣчательна быстрота, съ которой нѣсколько грифовъ слеталось къ трупу, хотя бы за минуту до смерти животнаго ни одной птицы не было видно на всемъ горизонтѣ.

4) W. L. 485; упом. замѣтки Уольтона 405—6 сообщаютъ болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія на этотъ счетъ.

5) Тибетская ворона больше европейской. Подробн. относительно привычекъ тиб. воронъ см. замѣтки Уольтона 404—5.

6) W. L. 487—8.

7) Тамъ же 486. См. также замѣтки Уольтонъ, 406—7. Экспедиція не встрѣтила ни одной кукушки, хотя въ Гималаяхъ встрѣчается нѣсколько видовъ ихъ.

8) Въ томъ числѣ и браминская утка, которая считается у тибетцевъ священной по причинѣ желтаго оперенія, заслужившаго ей въ Индіи названіе браминской. Въ Тибетѣ она не такъ пуглива, какъ въ Индіи, гдѣ первая видитъ охотника и пугаетъ всѣхъ другихъ утокъ, сама не будучи пригодна для стола.

9) Напримѣръ, упомянутый выше Anser indicus (гологоловый гусь) на озерѣ близъ К'амба дзона, Кала ц'о и, вѣроятно, другихъ озерахъ южн. Тибета. Друг. водян. птицы указаны тамъ же 408 стр.

159. 1) См. также Candler, Unveiling of Lhasa, 58—60.

2) Уольтонъ указываетъ на крупный видъ ящерицы до 6 дюймовъ въ длину, темнаго цвѣта, найденный имъ въ холмахъ вокругъ Лхасы. См. Land. I 409.

3) Благодаря кратковременности тибетскаго лѣта, лягушки едва успѣваютъ пройти до зимы черезъ всѣ превращенія, такъ что еще въ концѣ августа попадаются головастики.

4) Уольтонъ, 410.

5) Лѣтомъ рыбаки изъ Гжянъ-цзе и Лхасы отправляются на озера южнаго Тибета вплоть до Кала ц'о ради болѣе успѣшнаго уловъ; тамъ же 409.

6) Подробности W. L. 489.

7) Уольтонъ, 409,

160. 1) W. L. 490.

2) Сравни Schlag. Reisen, III, стр. 209—218.

3) W. L. 480.

4) G. J. 1900, 167 стр.

5) Эта равнина [15,000 ф.; фотографія тамъ же на стр 169] представляетъ собою почти полную пустыню, т. к. лишь 1/20 поверхности ея покрыта караганою и Eurotia (не выше 1 фута), а немногими травами—Artemisia, Allium и Potentilla, тамъ же 170.

6) О волкахъ у Sher. 335.

7) Впрочемъ, Рокгиль встрѣтилъ москитовъ въ юго-восточномъ углу Бжянъ-т'ана близъ западной оконечности Танъ-ла на берегу озера.

161. 1] Въ странѣ лоло встрѣчаются пантеры, волки, медвѣди, вѣроятно и тигры, такъ какъ послѣдніе попадаются на высотахъ Омэй и южнѣе въ Юнь-нани. (Hackmann, Tibet 201).

2) S. 290.

3) Общее китайское обозначеніе для населенія тибетскаго происхожденія.

4) Пишется, повидимому, рГіал-ла-дмар-рДо.

162. 1) Пишется сгриг-дом-па.

2] Пишется спреу; небольшія обезьяны, называемыя тибетцами К'ама—аргэ, были найдены и описаны Козловымъ въ 1901 г. въ окрестностяхъ Чамдо и вообще въ долинѣ верхняго Меконга [видъ Macacus vestitus описанъ въ „Камъ" I, стр. 398—9; рис. на 395 стр.]. Въ центральномъ Тибетѣ обезьяны въ дикомъ состояніи не встрѣчаются, а ручныя безхвостыя обезьяны въ нѣкоторыхъ богатыхъ лхасскихъ домахъ привозятся изъ Ботана.

3] S. 292, указываетъ еще два вида въ Лхобракѣ и Дзаюлѣ.

4] Въ южномъ Тибетѣ водятся какъ полевыя, такъ и домашнія мыши, хотя видъ ихъ еще не установленъ. Въ алтарѣ Чжукана многочисленныя мыши, совсѣмъ ручныя, принадлежатъ къ обыкновенному виду домашней мыши, только крупнѣе по величинѣ и болѣе свѣтлой окраски, что заставило одного корреспондента принять ихъ за бѣлыя мыши [Уольт. въ Land. 395].

5] Пишется п'ак-рГод; водится въ Дерге, Мупинъ и Цзаронъ.

6] Пишется грумпа.

7] Felis fontanieri очень распространенъ въ той части Меконга, которую посѣтила экспедиція Козлова 1901 г. Шкуры его очень цѣнятся тибетцами, которые употребляютъ этотъ мѣхъ на отдѣлку шубъ. На мѣстѣ хорошая шкура стоитъ 10 ланъ. Описаніе китайскаго леопарда съ рисунк. см. Камъ, 450—2 ст. Въ Лхасѣ такимъ же почетомъ пользуются шкуры другого вида леопарда [какъ называетъ его Gren. 284—барса]; за плохую платятъ 10 рупій; за за хорошую вдвое дороже.

8] Пиш. сТаг;

9] съ густой шерстью и широкой головою;

10] пиш. рТа-скіин, Budorcas taxicolor [Дза юл, Дерге]. Одинъ экземпляръ этого очень рѣдкаго животнаго, котораго тщетно искали спеціально прибывшіе для этой цѣли въ западный Китай спортсмены—майоръ Кумберлендъ и Hayne, былъ убитъ въ 1907 г. въ мѣстности между Я-чжоу и Да-цзянь лу американскимъ консуломъ Мичель [см. корреспонденцію изъ Я-чжоу въ Cel. Empire, 1907,

22, June стр. 414, гдѣ антилопа называется „Wild ox]. Березовскій привезъ экземпляръ этого же животнаго изъ экспедиціи 1892—1895 г.г. См. I вып., прим. 2 къ 126 стр.

163. 1] Камъ, 452—3.

2] Тамъ же 453—4.

3] Тамъ же 454—8.

4] Тамъ же 389.

5] 388. Вообще пернатое царство восточнаго Тибета [басс. Меконга] насчитываетъ 62 вида птицъ, изъ нихъ 9 хищныхъ. См. тамъ же 458—460.

6] Пиш.—сбу-лак. Соболя водятся въ Цзанъ и Док-тол.

7] Пиш. бре-монъ.

8] Gren. 285.

164. 1] Начальное г не слышно вовсе; конечное же г произносится очень твердо, потому передается на европейскіе языки через к. Gren. 281, прим. I. Это названіе животнаго, вѣроятно, представляетъ звуковое подражаніе его хрюкающему зову. W. Him. 170.

Рокгиль не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ тибетцевъ употреблялъ слово „яг" для обозначенія этого домашняго животнаго, въ Гьяде ихъ называли нор, что значитъ также богатство. Дѣйствительно, въ областяхъ Тибета, гдѣ употребленіе денегъ почти неизвѣстно и торговля ведется преимущественно путемъ мѣны, естественно, что слово богатство и обладаніе скотомъ—яками и баранами, выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ. [Diary, 264]. Это обстоятельство указываетъ на существенно пастушескій характеръ первобытнаго языка, подобнаго тибетскому [Wad. Him. 170].

О якѣ см. у Прж. III пут. 255—6 съ карт.; Пѣвцовъ, Тр. Тиб. эксц. I 237; въ связи съ тибетскими скотоводствомъ тамъ же 255—258.

2] Прж. III пут. 256—7 съ изображ. тиб. барана.

3] Hedin, Der Englische Angriff auf Tibet [„Woche", 18 jan. 1904, стр, 1084].

4] Домашній якъ и его помѣси ростомъ значительно меньше дикаго яка, такъ что миссъ Куммингъ прилагаетъ къ первому эпитету „небольшого быка". Общія очертанія домашняго и дикаго яка одни и тѣ же, только у перваго изгибъ плечей не имѣетъ куполообразной формы, какъ у второго [S. 304].

5] Пиш. мдзо и мдзо-мо, по китайски бань-ню; мдзомо по монг. —унѣ.

6] Ч. 96 Молоко дзомо замѣчательно богато жиромъ, несмотря на весь скудный кормъ. Мясо получается въ двойномъ количествѣ изъ молока яка, чѣмъ изъ молока обыкн. коровы.

165. 1) Фотографія рабочаго яка, украшеннаго разноцвѣтнымъ ошейникомъ и кистями см. Land. I 400.

2] Этимъ объясняется предпочтеніе, оказываемое дзо и дзо-мо передъ якомъ и ди-мо, отражающееся и на относительныхъ цѣнахъ этихъ животныхъ. Хайнык, полученный черезъ скрещеніе обыкновеннаго быка съ самкой яка, имѣетъ длинную шерсть, слабѣе и хуже хайныка отъ яка и коровы.

3] Дзо не даетъ потомства.

4] Гарпо—самецъ и гармо [карва]—самка. Козловъ называетъ эту разновидность доли и говоритъ, что она походитъ на обыкновенную корову, только хуже и слабѣе послѣдней; доли обыкновенно убиваютъ на мясо. Отъ самца хайныка и самки доли получается банза—уродливое животное съ мохнатой шерстью, несоразмѣрно большой головою, толстыми ногами, напоминающее по первому впечатлѣнію самую низкую породу коровъ. Доли, однако, чрезвычайно рѣдки, т. к. самцовъ-хайныковъ обыкновенно кастрируютъ; банза еще того рѣже, т. к. доли почти всегда убиваютъ на мясо. Камъ, 426, прим. 1.

5) Толпо и толмо.

6) Desg. 400 стр.

7) Скрещеніе коровы-яка съ быкомъ-зебу дастъ помѣсь, называемую дримдзо (S. Tib. 302). Такъ какъ въ самомъ Тибетѣ зебу никогда не встрѣчается, то это скрещеніе производится всегда на югъ отъ Гималайскаго главнаго гребня, большей частью въ Милум, Мана и др. пунктахъ на юго-западной границѣ Тибета. По внѣшнему виду дзобо походятъ больше на яка, отъ котораго, однако, рѣзко отличаются строеніемъ скелета и болѣе ровной и короткой шерстью. Хотя дзобо менѣе сильны, чѣмъ яки, зато лучше переносятъ жару и влажный климатъ и болѣе пригодны къ употребленію въ качествѣ вьючнаго животнаго въ южно-гималайскихъ долинахъ, куда чистокровный домашній якъ можетъ рискнуть зайти только въ болѣе прохладное время года. (Schlag. Reisen III 51). Дзобо несетъ 120 англ. фунт. или ношу 3 человѣкъ и проходитъ въ день 12—12 миль; стоитъ хорошій дзобо отъ 20 до 30 рупій (якъ только 7—12 рупій). Стрэчи въ G. J. февр. 1900, 153—4.

Тибетскіе яки отличаются отъ бутійскихъ [дзобо] тѣмъ, что у нихъ никогда не протыкается носъ для кольца и веревки, исключая тѣхъ животныхъ, которыя предназначены для ѣзды; въ результатѣ этого они болѣе походятъ на дикихъ животныхъ, чѣмъ на домашнихъ вьючныхъ животныхъ. Трудности вьючки яковъ описываются у Sher. 290. См. также Mat. 62—63 и ниже отзывъ Козлова.

8) Однако, Уоддель указываетъ (W. L. 177, прим.), что дзо-бо оказались, помимо того, что были болѣе послушными, менѣе подверженными болѣзнямъ, чѣмъ яки.

9) „Въ сердцѣ Азіи", I стр. 249-254.

166. 1) S., 303.

2) Наиболѣе цѣнятся яки съ бѣлой мордою, бѣлымъ пятномъ на шеѣ и съ совершенно бѣлыми хвостами. Уольтонъ (Land. I 400) указываетъ, что болѣе половины яковъ имѣетъ черные языки.

3) Изъ него же плетутся веревки, служащія для украшенія палатокъ.

Пушистые хвосты яковъ, какъ говорилось выше, въ большомъ спросѣ въ Индіи либо въ качествѣ опахалъ для индускихъ принцессъ, либо какъ царская эмблема на статуяхъ боговъ въ индійскихъ храмахъ. Wad. Him. 168.

4) Ею обертываются тюки чайныхъ кирпичей для отправки внутрь Тибета.

5) Между прочимъ изъ роговъ (въ особенности дикаго яка) дѣлаются кубки, изъ которыхъ пьютъ во время парадныхъ пиршествъ или брачныхъ церемоній.

6) Напримѣръ, изъ нихъ строятся стѣны жилищъ для нищихъ въ Лхасѣ.

7) Gren., 281; масло составляетъ основу питанія, служитъ вмѣсто помады или кольдъ-крема, въ качествѣ горючаго матеріала для освѣщенія и вещества для лѣпки разныхъ религіозныхъ фигуръ въ извѣстные праздники. Тибетское масло бѣлое, средней плотности, на вкусъ прѣсное, но не непріятное; его Гренаръ сравниваетъ съ русскимъ масломъ.

Несмотря на широкое потребленіе масла въ Тибетѣ, трудно достать въ странѣ свѣжій продуктъ, какъ говоритъ Крейтнеръ (Im fernen Osten 862—3 стр). Въ продажу масло поступаетъ въ большихъ кускахъ 10—20 килогр. вѣсомъ. Такъ какъ лишь немногіе тибетцы владѣютъ достаточно многочисленными стадами, чтобы получить заразъ такое большое количество, да и коровы-яки доятся не каждый день, то хозяинъ держитъ масло у себя, пока не будетъ достигнутъ желаемый вѣсъ, иногда нѣсколько мѣсяцевъ. Поэтому масло поступаетъ въ продажу совершенно горькое, да еще съ примѣсью яковыхъ волосъ и прочаго сора, что не дѣлаетъ его болѣе привлекательнымъ для европейца. Напротивъ, тибетцы съ наслажденіемъ ѣдятъ его со всѣми примѣсями, отрѣзая себѣ требуемое количество отъ цѣлаго куска съ помощью указательнаго пальца. Погонщики муловъ, какъ видѣлъ Крейтнеръ, нерѣдко держатъ запасъ масла прямо въ мѣховыхъ, или овчинныхъ карманахъ верхней одежды и при надобности опускаютъ просто руку за масломъ и бросаютъ кусокъ требуемой величины въ кипящій чай.

Масло принимается тибетцами, какъ и кирпичный чай, въ уплату вмѣсто денегъ.

По удаленіи наружнаго слоя грязи масло изъ молока яка оказывается золотисто-желтаго цвѣта и превосходно на вкусъ. (Genschow, Unter Chin. u. Tibetan. 256).

Масло, сдѣланное изъ смѣшаннаго молока самки яка и обыкновенной коровы, въ состояніи держаться дольше всего; будучи сложено въ бараньи желудки, оно сохраняется свѣжимъ въ возвышенныхъ областяхъ Тибета въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ торжественныхъ случаяхъ масло, сдѣланное 35 или 45 лѣтъ назадъ, выставляется на столъ съ неменьшей гордостью, чѣмъ старыя вина въ Европѣ. Тибетскіе врачи прописываютъ старое масло—мар-(р)ньинъ какъ средство противъ эпилепсіи и сумасшествія. (S. 307).

Масло служитъ матеріаломъ для особаго вида тибетскаго религіознаго ваянія—барельефовъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ Гюкъ въ Souven. и упоминаетъ L. L. (въ Кумбумѣ).

О превосходныхъ качествахъ масла изъ молока самки-яка говоритъ Дезидери (Puini 100), подчеркивая этимъ цѣнность яка для тибетцевъ.

8) Мясо, разрѣзанное на полосы и высушенное. Sandberg, Handb. 151. По слов. Ѣшке сушеное мясо называется (с)кам-санъ.

9) Hooker, Him. I 203.

10) Ихъ бываетъ нѣсколько вокругъ каждой палатки.

167. 1) Diary, 248.

2) Тамъ же 123.

3) Въ томъ числѣ и по сосѣднимъ Гималайскимъ областямъ.

4) А также тѣхъ частей указанныхъ княжествъ, гдѣ возвышеніе страны спускается ниже 8,000 ф.

5) Him. Journ. I 204.

6) Дикій якъ вѣситъ, по наблюденіямъ Пржевальскаго, 35—40 пудовъ; домашній нѣсколько меньше.

168. 1) Карабкаясь на обледенѣлыя скалы и скаты твердаго снѣга, якъ передними копытами дѣлаетъ предварительно углубленіе во льду, или снѣгу, поднимаясь какъ-бы со ступеньки на ступеньку. Провалившись въ расщелину ледника, животное, упершись подбородкомъ въ противоположный край, выкарабкывается наружу по другой сторонѣ. Падая въ бездонныя расщелины, животное умудряется всегда повиснуть во время въ пространствѣ, пока не подоспѣетъ помощь. Этими качествами яка пользуются для проложенія тропы для людей и лошадей по свѣже выпавшему снѣгу, какъ описалъ уже Гюкъ (см. выше).

2) Him. Journ., I, 204. Повидимому, это относится не только къ якамъ, но и другимъ домашнимъ животнымъ Тибета, привыкшимъ къ большему возвышенію надъ уровнемъ моря. Какъ говоритъ

Sher. 136, тибетцы никогда не спускаются ниже 8,000 фут. со стадами яковъ и 10,000 ф. со своими товарами, навъюченными на козахъ и крупныхъ баранахъ, чтобы не подвергать опасности здоровье этихъ животныхъ, которыя настолько привыкли къ разрѣженному воздуху, что умираютъ, очутившись въ болѣе плотной атмосферѣ страны ниже 10,000 ф. Поэтому обмѣнъ товаровъ между тибетцами и мѣстнымъ населенiемъ въ Гарбянъ производится на спецiально выбранномъ плато выше 10,000 ф,, гдѣ запасы зерна, предназначенныя въ обмѣнъ, хранятся по мѣсяцамъ въ особо устроенныхъ ямахъ въ землѣ, будучи прикрыты березовой корою отъ сырости.

При теплой погодѣ яки тяжело дышатъ, высовываютъ языки, съ которыхъ капаетъ слюна точно у собаки, сильно машутъ хвостами, часто останавливаются и отказываются итти далѣе. Роб. Тр. Центр. Аз. I 246.

3) Him. Journ I 204.

4) Камъ, I 301—2.

5) См. рисунокъ движенiя каравана яковъ на стр. 872 у Kreitner, Im fernen Osten. Караванные яки въ пути см. Гр. Гржмайло, „Пут. Зап. Китай", III 4—5.

6) Gren., Tibet 293—4, въ переводѣ также у Ч., предисл. XIII—XIV.

169. 1) Фотографiя завьюченнаго яка см. Land. I, 400; въ дорогѣ погонщики яковъ погоняютъ ихъ пронзительными свистками или ловко бросая въ нихъ камнями. (Уольтонъ, тамъ же).

2) Камъ 301—2.

3) Gren., 281; Desg, 339, указываетъ 30 франковъ, а для дзо —50-60 франковъ.

4) Gren., 281. Desg (339) даетъ цѣну для такого яка 20—25 франковъ, для дзо—25—30 франковъ.

5) Him. Journ., I 204.

170. 1) Въ общемъ въ Тибетѣ разводится четыре породы барановъ, изъ которыхъ ни одна не даетъ тонкой пушистой шерсти, зато они уживаются на любой высотѣ до 18,000 фут., кормясь самой скудной травою. S. 147.

2) О приготовленiи этихъ тушъ краткая замѣтка у S., Hand. 151.

3) Gren. 281—2. Интересно сопоставить съ этими данными свѣдѣнiя, сообщаемыя Дегодиномъ для вост. Тибета (Desg., 339—340); здѣсь хорошiй баранъ стоитъ живымъ на пастбищахъ 4—5 фр., въ долинахъ уже 5,50—6 фр.; европеецъ же обычно платитъ 8—9 фр. (отсюда слѣдуетъ вычесть стоимость шкуры—1 фр.) или по расчету 2,50 фр. за рупiю—3¼-3½ рупiи; шерсть продается въ Еркало, т. е. въ значительномъ отдаленiи отъ пастбищъ, по 1 рупiи

за количество, равное 7 фунт. 4 унц. (франц.), правда, не мытой, но хорошаго качества съ длиннымъ волосомъ; на пастбищахъ за ту же цѣну можно имѣть 8 и 9 фунтовъ.

4) Feer (Leon), „Le Tibet; pays, peuple, moeurs“ Paris 1886, стр. 15 указываетъ, что тибетская длинно-шерстная коза является видомъ антилопы, называемой цод въ странѣ и встрѣчаемой въ дикомъ состояніи.

5) Въ западномъ Тибетѣ, а вѣроятно и въ другихъ частяхъ страны, пользуются молокомъ отъ козъ. Способъ доенія овецъ и козъ описывается въ Sher. 276 съ двумя иллюстраціями на 277 и 279 стр.

6) 1 квинталъ нѣсколько меньше 1 центнера, или равенъ около 111 русск. ф.

7) Gren,, 282.

8) Въ Цайдамѣ. О верблюдѣ въ качествѣ вьючнаго животнаго въ Тибетѣ см. Прж. III пут. 348; въ сравненіи съ другими вьючными животными—IV пут. 31—36 и 39—40. Монголы, ѣдущіе отъ Лоб нора, обычно оставляютъ верблюдовъ въ Цайдамѣ и ѣдутъ дальше на лошадяхъ, а товары везутъ на якахъ.

9) Гединъ видѣлъ (Centr. Asia and Tibet, ч. II), какъ тибетская кавалерія совершала на нихъ и довольно ловко всякія упражненія. Тибетскій пони (рТа-н'анъ—свѣтло-гнѣдой конь—эпитетъ тиб. лошади); хотя рожденный и вскормленный на высотѣ 10—14 тыс. ф., является однимъ изъ наиболѣе полезныхъ и дѣятельныхъ животныхъ на бенгальскихъ равнинахъ, сильнымъ, крѣпкимъ и послушнымъ, если рано дрессированъ, хотя по своей натурѣ упрямъ и золъ. Значительное число пони приводится ежегодно изъ Тибета въ Индію, напр. въ Дарджилингъ. Him. Journ. I 149, прим.

Въ восточномъ Тибетѣ лошади крупнѣе и массивнѣе Кукунорскихъ или монгольскихъ пони; въ особенности цѣнятся лошади изъ Литана, при чемъ хорошіе экземпляры стоятъ 100 рупій и болѣе. Всадники съ гордостью стараются выставить своихъ коней въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, украшая сѣдло и уздечку разноцвѣтной матеріей, кистями и блестящими бездѣлушками. L. L. 233.

Тибетскіе пони, несмотря на малый ростъ (который позволяетъ имъ переправляться, не замочивъ вьюковъ, только черезъ самыя мелкія рѣки), очень крѣпки, красиво и пропорціонально сложены и имѣютъ очень вѣрную поступь, какъ указываетъ Роулингъ въ своемъ похвальномъ отзывѣ о нихъ на стр. 195—6 Plat.

Тернеръ упоминаетъ объ особой породѣ лошадей, очень цѣнившейся въ его время въ Бенгалѣ подъ именемъ лошадей Тангут; это была не тибетская, а скорѣе монгольская порода, несмотря на имя.

Лошадь въ Тибетѣ, говоритъ Фильхнеръ, пригодна лишь для верховой ѣзды, а быкъ, съ длинными рогами и средняго роста, въ качествѣ вьючнаго животнаго превосходитъ даже яка [Mat. 80].

171. 1) Прж. III пут. 294—5: выносливость тибетскихъ и монгольскихъ лошадей.

2) Desg.

3) Hackm. China and Tibet 202.

4) Тамъ же 107.

5) Desg.

6) Diary, 104. Мулъ, какъ верховое или вьючное животное III пут. Прж. 347—8; сравненіе съ верблюдомъ тамъ же 348.

172. 1) Ч. 224 сообщаетъ о прибытіи въ Лхасу караванаословъ съ цамбою и масломъ изъ Гжянъ-цзе; на ослахъ же доставляется глиняная посуда изъ Танаг въ Шихацзе.

2) Gren. 283.

3) S. 146, прим. 1. Въ восточномъ Тибетѣ ослы составляютъ удѣлъ бѣдныхъ и нищихъ, которымъ оказываютъ не меньшія услуги, чѣмъ обыкновенные мулы; цѣна имъ 40—50 франковъ.

4) Относительно лхаскаго террьера Plat. 202.

5) Болонки доставляются китайскими купцами изъ Пекина въ подарокъ богатымъ и вліятельнымъ тибетцамъ. Ультонъ 403.

6) Hackmann, цит. соч. 103.

Тернеръ (Ambasade I 322) находитъ, что тибетскія собаки болѣе страшны и шумливы на видъ, чѣмъ въ дѣйствительности опасны.

7) Land., I, 405.

8) Мясо свиней, которымъ отдаютъ частью трупы городскихъ обывателей въ Лхасѣ, по разсказамъ, очень вкусно. (Ч. 224.) Свиньи весьма многочисленны въ восточномъ Тибетѣ (въ частности Хорба), куда ихъ ввели китайцы вмѣстѣ съ домашней птицею и овощами. Впрочемъ, тибетцы питаютъ мало охоты къ этой пищѣ: ламы не ѣдятъ свинины вовсе (въ Цайдамѣ ни одинъ монголъ не дотронется до нея). L. L. 251, прим. 1.

9) Въ западномъ Тибетѣ домашней птицы не встрѣчается вслѣдствіе климатическихъ условій, неблагопріятныхъ для разведенія ея. Дзонъ-пон Таклакота сдѣлалъ опытъ разведенія куръ, и въ теплое время года все шло отлично; но съ наступленіемъ холодовъ у куръ оказались отмороженными ноги и онѣ обратились въ калѣкъ, хотя нетрудно было бы избѣгнуть этого. (Sher. 294).

10) Diary, 255 и 265.

173. 1) Gren., 285—6. Гренаръ находитъ слухи о большихъ горныхъ богатствахъ Тибета значительно преувеличенными.

2) Не входя въ подробности, Тернеръ подчеркивалъ богатство Цзана полезными металлами (помимо указанныхъ еще серебронос- ной свинцовой рудою (Ambassade, II, 251), замѣтивъ, однако, что желѣзо болѣе изобилуетъ (и при томъ лучшаго качества) въ Бутанѣ.

3) Desg. стр. 401—409. Въ предѣлахъ сравнительно ограниченнаго раiона восточнаго Тибета, сдѣлавшагося лично извѣстнымъ ему по непосредственнымъ наблюденiямъ, Дегодинъ насчиталъ 49 эксплуатируемыхъ рудниковъ золота, серебра, мѣди и ртути.

4) Tib. сообщаетъ, при описанiи различныхъ областей центральнаго и восточнаго Тибета и ихъ произведенiй, краткiя указанiя на существующiя въ нихъ мѣсторожденiя металловъ и менераловъ см. между прочимъ на стр. 237, прим. 2.

5) Уголь совершенно неизвѣстенъ тибетцамъ *, потому-ли, что залежей его не существуетъ, или, что болѣе вѣроятно, они не признали свойствъ этого вещества, которое, между тѣмъ, явилось бы столь цѣннымъ въ странѣ, почти лишенной древеснаго топлива.

174. 1) Библiографiя относит. кимы Bibl. Sin. B. I 520—522, см. еще Bushell, Chinese Art, I и La Couperie, Western Origin of Chinese civilisation.

2) Соляные источники съ солеварнями, описанные Desg. 343—4, расположены на берегу Лань-цанъ цзяна 29°02' 40" с. ш. и почти 96° в. д. отъ парижск. мерид. въ вост. Тибетѣ.

Дезидери (Puini 98) говоритъ, что соли въ Тибетѣ достаточно не только для удовлетворенiя въ изобилiи спроса на этотъ продуктъ въ самой странѣ, но и для снабженiя имъ Непала и Бутана (Лхоба).

Тибетцы различаютъ три сорта соли: бѣлый и лучшiй сортъ, довольно хорошiй, и желтый, хуже другихъ, такъ какъ содержитъ много примѣсти—зелени и магнезiи.

3) См. о движенiи каравановъ буры по долинѣ Шанъ ч'у выше I вып. стр. 74.

Дезидери (а послѣ него Белигатти) говоритъ (Puini, 98) о мельчайшемъ бѣломъ порошкѣ, встрѣчаемомъ вмѣстѣ съ солью и называемомъ тибетцами „putoa"—сПод-лто приправа къ кушанью (carbonato di calcio углекислая соль кальцiя (сода), какъ говоритъ Puini, тамъ же прим. 2). Этотъ порошокъ тибетцы употребляютъ для приданiя навару чая краснаго цвѣта, столь цѣнимаго ими, и для очистки пятенъ и грязи съ матерiй вмѣсто мыла.

4) W. L. 478.

---

*) Ни одному изъ тибетцевъ долины Цзанъ-по, съ которыми бесѣдовалъ Уодделъ, не извѣстно употребленiе угля.

5) См. выше.

175. 1) Слѣдующее описаніе заимствовано у S. 68—72.

2) Это утвержденіе не является точнымъ послѣ недавнихъ изслѣдованій Шерринга, показавшихъ, что въ Тиртапури въ долинѣ Сетледжа существуютъ горячіе сѣрные источники, что, въ связи съ старинными религіозными традиціями (Sher. 285—6), дѣлаетъ мѣстность особенно интересной въ глазахъ вѣрующаго и путешественника.

176. 1) Въ долинѣ Т'анъ-ч'ан-мо (Бжянъ-ч'ен-мо) существуютъ горячіе источники (вода насыщена содою и сѣрою) съ температурою до 125° Фар. Plat. 34. Аналогичные источники (съ температурою 70—105° Фар.) были встрѣчены далѣе на востокъ въ предѣлахъ Тибета (въ равнинѣ Сумджилинъ) Plat. 43.

177. 1) См. также упоминаніе Бонвало о замерзающихъ гейзерахъ до 30 фут. въ діаметрѣ на сѣверъ отъ Ц'а-гжюд цо, близъ его озера Арм. Давида и снова въ 60 миляхъ на сѣверо-западъ отъ Нам ц'о.

2) На пути изъ Туна въ Гжянъ-цзе существуетъ источникъ Хрустальнаго глаза, извѣстный по кровопролитной (только для одной стороны) битвѣ между англичанами и тибетцами въ 1904 г. О нихъ говоритъ уже Тэрнеръ; во время посѣщенія англ. экспедиціи, температура воды въ источникѣ не была вовсе повышенной, хотя онъ не замерзалъ. Пржевальскій упоминаетъ о ключѣ Ніеръ-чунгъ на югъ отъ Данъ ля.

На востокъ отъ Батана въ близкомъ сосѣдствѣ имѣются горячіе [+35° Ц.] сѣрные источники, которыми пользуются ламы и женщины; для купанья устроены бассейны, отдѣльно для мужчинъ и женщинъ, огражденные съ 3 сторонъ стѣною. (Kreitner, Im fernen Osten, 900, прим. 1.; рисунокъ на 904 стр.). На пользованіе въ странѣ сѣрными источниками указываетъ Дезидери [Puini 99].

3) См. Desg., 402.

178. 1) Слухи о баснословныхъ богатствахъ Тибета золотомъ, нашли откликъ у довѣрчиваго Рубруквиса въ слѣдующей фразѣ: „Ихъ страна изобилуетъ золотомъ, въ такой степени, что тотъ, кому оно нужно, долженъ только пошарить въ землѣ и взять его, сколько хочетъ, спрятавъ обратно остальное; они полагаютъ, что если сохранять золото въ ящикѣ или въ особой кладовой въ видѣ казны или сокровищницы, то Богъ отниметъ у нихъ то золото, что лежитъ въ землѣ". Voyages Ben. Tudele, 328 стр.

Впрочемъ, о богатствѣ Тибета золотомъ говоритъ и Дезидери (перечисляя и мѣстности, изобилующія этимъ металломъ—провинціи: Yee въ восточномъ Тибетѣ [iac или гіас] Puini 70; Loro [Лхоронъ], гдѣ золото встрѣчается въ довольно крупныхъ кускахъ [тамъ

же 75], Конъ-бо (тамъ же] и К'ам [тамъ же 77], гдѣ помимо большого количества золота встрѣчается и серебро). Признавая богатство страны золотомъ, Дезидери въ то же время подчеркиваетъ несовершенство тибетскихъ способовъ разработки (его описаніе промывки золотоноснаго песку [Puini, 96—97] вполнѣ согласуется со свѣдѣніями Наинъ-Синга).

2) Въ нижнемъ теченіи этой рѣки имѣется много колоній золотопромывателей.

3) Calvert явился наиболѣе недавнимъ изслѣдователемъ тибетскихъ золотыхъ пріисковъ въ западномъ Тибетѣ; о золотыхъ пріискахъ далѣе на сѣверъ упоминаетъ Роулингъ въ Plat. Кальвертъ подтвердилъ, что пріиски Т'ок Джалун разрабатывались лѣтъ 25, послѣ чего были закрыты за неприбыльностью добычи. Золото доставлялось отсюда въ Лхасу съ регулярными караванами.

4) Д-ръ Карлъ Футтереръ посвящаетъ въ монографіи „Neuere Forschungen in Zentral-Asien und China“ P. M. Erg. XXI (1896) вопросу о распространеніи золота въ этой части материка, особенно въ области западнаго Куэнь-луня, отдѣльную главу („Das Vorkommen von Gold“), стр. 56—60.

5) Richthofen, Rectoratsrede въ 1903 г. [цитир. по Wegener, Tibet, стр. 53].

179. 1) Къ этой мѣстности довольно близко подошелъ Роулингъ въ 1903 г., но первымъ изъ европейцевъ ее посѣтилъ Кальвертъ.

2) Золотоискательная промышленность должна быть чрезвычайно древней въ западной части Тибета, такъ какъ многочисленные древніе пріиски встрѣчаются на востокъ отъ Т'ок Джалун и по всему Бжянътану; на сѣверо-востокъ отъ Ару ц'о понынѣ разрабатываются многія квадратныя мили золотоноснаго аллювія. (Holdich).

3) Наиболѣе возвышенное изъ постоянныхъ селеній Азіи.

4) Schiern, Uber den Ursprung der Sage von den goldgrabenden Ameisen, Leipsig 1873, стр. 34.

180. 1) См. Богдановичъ, Труды тибетской экспедиціи, гдѣ дается подробное описаніе пріиска и обсуждаются результаты разработки (относительно уступающіе въ 6,6 разъ процентной добычѣ въ Олёкминскомъ округѣ Якутской губ.).

2) Аналогичныя описаннымъ Богдановичемъ отложенія золотоносныхъ пластовъ наблюдались Пржевальскимъ и Михаелисъ въ горной области Нань-шаня. Не подлежитъ сомнѣнію, что горы Гумбольдта изобилуютъ по обоимъ склонамъ заброшенными золотыми пріисками по берегамъ рѣчекъ, служившихъ для промывки. Роб. Тр. Ц. Аз. I 262.

181. 1) Для объясненія этого процесса самородки называютя растеніями, или корнями, а песокъ ихъ сѣменами или цвѣтами. L. L. 209 Ламы въ Ли-т'анѣ не позволяютъ населенію заниматься разработкою золотыхъ пріисковъ или промывкою песку въ ближайшихъ окрестностяхъ, утверждая, что черезъ это причиняется вредъ животворящимъ жидкостямъ земли (ди-ци). Ли-танъ чжи-ліо, цит. тамъ же въ прим. 1.

2) Пржевальскій IV пут. 213: промывка золота въ области между Цайдамомъ и истоками Желтой рѣки.

4) Напр. у Джѣкундо (Чжэрку), гдѣ золото стоитъ въ 15 разъ дороже серебра.

5) Desg. 402.

5) Тамъ же 406—409.

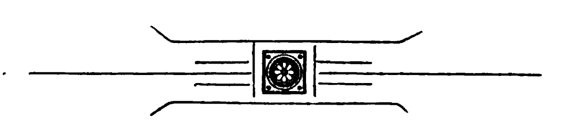
Недалеко отъ Да-цзянь лу, высоко въ горахъ, существуетъ золотой пріискъ, разрабатываемый китайцами самымъ примитивнымъ образомъ, но довольно успѣшно. Довольно чистое золото изъ этихъ пріисковъ обращается на денежномъ рынкѣ Да-цзянь лу для надобностей путешественниковъ, отправляющихся въ далекіе разъѣзды по горной мѣстности на югъ въ Юнь-нань (Hackmann, „China und Tibet“ 114 и 118).

6) L. L. 208—209.

7) Kreitner, Im fernen Osten 823.

182. 1) W. L. 475.

2) Desg. 355.



ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

выходятъ въ количествѣ 4—5 томовъ въ годъ, которые выпускаются въ свѣтъ, по мѣрѣ напечатанія матеріала, въ теченіе академическаго года.

Подписная цѣна на „ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА"

съ доставкой въ г. Владивостокѣ *6 рублей*, съ пересылкой иногороднимъ—*8 рублей въ годъ.*

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовитцъ въ Лейпцигѣ.

Die „**Mitteilungen des Orientalischen Instituts**" erscheinen (in russischer Sprache) im Bestande von 4—5 zwanglosen **Baenden** im **Laufe** des akademischen Jahres. Abonnements-Preis **20 Mark** fuer den Jahrgang. Zu beziehen durch Otto Harrassowitz, **Leipzig.**

ЦѢНА ЭТОГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Preis dieses Bandes 3 Mark 75 Pf.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXIII, ВЫП. 1-Й.

RECEIVED
SEP 26 1911
LIBRARY OF THE
PEABODY MUSEUM

Д-РЪ О. ФРАНКЕ.

Земельныя правоотношенія въ Китаѣ.

РАЗРѢШЕННЫЙ АВТОРОМЪ
переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей,
съ примѣчаніями и дополненіями

Н. И. Кохановскаго
Преподавателя юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1908.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

за 1907—1908 академическій годъ (9-й годъ изданія) обнимаютъ т. т. XXI—XXV, съ оффиціальными приложеніями.

ТОМЪ XXI. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть первая, географическая. Выпускъ 1-й. *Имя. Границы. Обзоръ путешествій.*— Владивостокъ. 1907. XXXII+VIII+262+129 стр. *Цѣна 3 руб.*

ТОМЪ XXII. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть первая, географическая. Выпускъ 2-й. *Очеркъ физической географіи Тибета.* Владивостокъ. 1907. XVIII+182+90 стр.—*Цѣна 1 р. 50 к.*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 1-Й. *О. Франке. Земельныя правоотношенія въ Китаѣ.* Переводъ съ нѣм. подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями преподавателя юридич. наукъ *Н. Н. Кохановскаго.*—Владивостокъ. 1908. 141 стр. *Цѣна 1 р. 50 к.*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 2-Й *Н. И. Кохановскій.* Очеркъ землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ. *(Печатается).*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 3-Й. *Е. Спальвинъ.* Японская Историческая Хрестоматія (Часть I. Отдѣлы I и II) Димитрія Позднѣева *(Отзывъ). (Печатается).*

ТОМЪ XXIV. *Е. Спальвинъ.* 實用會話. *Практическіе Японскіе Разговоры.* Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. *Часть 1-я. Японскій текстъ.* (На четныхъ страницахъ въ формѣ китайско-японскаго смѣшаннаго письма—кана-мадзири-бунъ, на нечетныхъ же въ формѣ чисто-японскаго письма—кана-бунъ).*Выпускъ 1-й (Стр. 1—320).*—Владивостокъ. 1908.—320 стр. *Отдѣльно отъ 2-го выпуска не продается.*

Выпускъ 2-й (окончаніе японскаго текста). (Печатается).

ТОМЪ XXV. *Е. Спальвинъ.* 實用會話. *Практическіе Японскіе Разговоры.* Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. —*Часть II-я. Подстрочный іероглифическій словарь. Выпускъ 1-й. (Стр. 1—320).*—Владивостокъ. 1908.—320 стр.—*Отдѣльно отъ 2-го выпуска не продается.*

Выпускъ 2-й (окончаніе подстрочнаго словаря). (Печатается).

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1-Е. Отчетъ о состояніи и дѣтельности Восточнаго Института за 1907 годъ. *(Печатается).*

2-Е. Протоколы засѣданій Конференціи Восточнаго Института 1907—1908 академическаго года. *(Печатаются).*

ПРОДОЛЖЕНІЕ СМ. НА СЛѢДУЮЩЕЙ СТРАНИЦѢ ОБЛОЖКИ.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXIII, ВЫП. 1-Й.

Д-РЪ О. ФРАНКЕ.

Земельныя правоотношенія въ Китаѣ.

РАЗРѢШЕННЫЙ АВТОРОМЪ
переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей,
съ примѣчаніями и дополненіями

Н. И. Кохановскаго
Преподавателя юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія при Восточномъ Институтѣ.
1908.

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

MITTEILUNGEN DES ORIENTALISCHEN INSTITUTS.
9. Jahrgang. 1907.—1908. akademisches Jahr.
BAND XXIII, LIEF. 1.

DIE RECHTSVERHÄLTNISSE

am Grundeigentum in China

von

Dr. O. Franke.

AUTORISIERTE RUSSISCHE AUSGABE.

Übersetzung redigiert und mit Zusätzen versehen

von

N. I. Kohanowsky.

Dozent der politischen Ökonomie und des bürgerlichen Rechts am Orientalischen Institut in Wladiwostok.

(Deutsches Verzeichnis der wichtigsten Zusätze zur russischen Ausgabe auf Seite 145).

WLADIWOSTOK.
Selbstverlag des Orientalischen Instituts.
1908.

Gedruckt auf Verfuegung der Konferenz des Orientalischen Instituts.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложеніе къ русскому изданію:

Выдержки въ переводѣ изъ сочиненія: P. Hoang, Notions techniques sur la propriété en Chine avec un choix d'actes et de documents officiels. Chang-hai, 1897.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 9 строка 7 снизу	*цинъ*	*цзинь*
„ 15 „ 21 сверху	es	les
„ 24 „ 9 „	алдѣе	далѣе
„ 27 „ 10 „	областнымъ	уѣзднымъ
„ 29 „ 1 „	областному начальству	начальству
„ „ „ 2 „	послѣдній	послѣднее
„ „ „ 3 „	онъ	оно
„ 36 примѣч. 1.	Инструкція.	Дополнит. постановленіе.
„ 43 строка 2 сверху	областной начальникъ	начальникъ
„ 73 примѣч.	*минъ*	*минь*
„ 79—81, passim.	*тянь*	*дянь*
„ 88 строка 8 снизу	с)	в)
„ 91 „ 1 сверху	Д.	Г.
„ 110 „ 15 снизу	которую	которою

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Настоящій переводъ предпринятъ былъ по иниціативѣ профессора китайской словесности, нынѣ директора Восточнаго Института А. В. Рудакова. Транскрипція собственныхъ именъ и передача китайскихъ терминовъ установлены при содѣйствіи профессоровъ китайской словесности А. В. Рудакова и П. П. Шмидта, которымъ я обязанъ также спеціальными указаніями изъ области китаевѣдѣнія. Трудъ б. студента, затѣмъ окончившаго курсъ Восточнаго Института Н. К. Новикова по выполненію перевода удостоенъ былъ Конференціею Восточнаго Института награжденія почетнымъ отзывомъ. Моею задачею было, помимо нѣкотораго содѣйствія при самомъ переводѣ, свѣрить рукопись съ оригиналомъ и устранить ошибки въ передачѣ на русскій языкъ нѣмецкаго текста и заключающихся въ немъ юридическихъ терминовъ. Эта ра-

бота представила особый научный интересъ для меня, какъ преподавателя политической экономіи и гражданскаго права въ Восточномъ Институтѣ.

Смѣемъ надѣяться, что издавая переводъ серьезнаго и основаннаго на всесторонней освѣдомленности изслѣдованія о поземельномъ строѣ въ Китаѣ, Восточный Институтъ окажетъ нѣкоторую услугу какъ русской дѣятельности на Д. Востокѣ, такъ и пополненію русской литературы по китаевѣдѣнію съ одной стороны и по землевладѣнію съ другой.

Н. К.

19 Ноября 1907 года.
Владивостокъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобы не вызвать въ читателяхъ этой книги ошибочныхъ представленій, считаю своимъ долгомъ въ самомъ же началѣ разъяснить, что я не юристъ и что стало быть, съ юридической точки зрѣнія на мою работу нельзя смотрѣть, какъ на спеціальное изслѣдованіе. Я однако питаю надежду, что книга окажется не безполезной, помимо китаевѣдѣнія, также для сравнительнаго правовѣдѣнія и для практической дѣятельности въ Китаѣ. О правоотношеніяхъ земельной собственности въ Китаѣ, насколько мнѣ извѣстно, на нѣмецкомъ языкѣ до сихъ поръ ничего не написано; въ англійской же и французской литературахъ имѣются лишь статьи теоретическаго содержанія, безъ отношенія къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ настоящаго времени и къ его практическимъ требованіямъ, или же сводки матеріаловъ чисто практическаго характера безъ научной системы. Я

сдѣлалъ попытку совмѣстить то и другое, т. е. соединить результаты детальныхъ синологическихъ изысканій съ опытомъ собственной долголѣтней практики въ дѣлѣ китайской земельной регистраціи. Методъ, положенный въ основаніе этого соединенія, представляетъ наибольшія трудности, но какъ мнѣ кажется, и наиболѣе плодотворенъ, ибо, чтобы постичь часто лишь съ трудомъ уясняемыя явленія китайской духовной жизни въ ихъ внутреннемъ содержаніи, во всякомъ случаѣ самое вѣрное, часто даже единственное средство — обратиться къ мудрости древнихъ эпохъ, какъ первоначальному источнику китайскихъ воззрѣній, и отсюда прослѣдить историческій ходъ развитія до настоящаго времени. Остаюсь при старомъ своемъ убѣжденіи, что съ одной стороны, китаевѣдѣніе должно оказывать гораздо большее содѣйствіе практической дѣятельности, чѣмъ это было до сихъ поръ, и что съ другой стороны, пытаться разрѣшить удовлетворительнымъ образомъ великія задачи въ Китаѣ безъ помощи китаевѣдѣнія было и будетъ безнадежнымъ усиліемъ.

Я далекъ отъ того, чтобы считать свое изложеніе правоотношеній землевладѣнія въ Китаѣ законченнымъ; напротивъ, никто яснѣе меня не можетъ чувствовать его несовершенство и неполноту. Такъ, безъ сомнѣнія, моя работа выиграла бы въ общемъ значеніи, если бы я привелъ въ большей мѣрѣ другія правовыя системы

для сравненія съ китайской; но я этого не сдѣлалъ, потому что чувствую себя слишкомъ слабымъ для такой задачи и хочу предоставить ее болѣе призванному лицу. Былъ бы счастливъ, если бы правовѣдѣніе почерпнуло изъ моей работы интересъ къ этому вопросу и разработало его. Я былъ бы также особенно благодаренъ, если бы китаевѣды и практики дали поправки къ моему изложенію, гдѣ оно представится имъ ошибочнымъ, и дополнили его, гдѣ окажутся пробѣлы. Другой изъянъ книги заключается въ томъ, что выдержки изъ источниковъ и китайскія наименованія не могли быть обозначены іероглифами, такъ какъ чрезъ это печатаніе настолько удорожилось бы, что изданіе въ Германіи было бы едва ли возможно. Для знающаго языкъ и желающаго использовать настоящую книгу для практическихъ цѣлей можно рекомендовать въ качествѣ дополнительнаго пособія сборникъ техническихъ выраженій, изданный іезуитомъ Pierre Hoang подъ названіемъ: „Notions techniques sur la propriété en Chine“ (Шанхай. 1897). Тамъ имѣются также формы актовъ и документовъ, упомянутыхъ въ моей книгѣ, отъ воспроизведенія которыхъ я долженъ былъ отказаться по указанной уже причинѣ.

Попытка привести въ европейскую систему китайскія правоотношенія касательно землевладѣнія представляется, насколько мнѣ извѣстно, первой въ своемъ родѣ, и уже поэтому считаю себя вправѣ просить сни-

сходительной критики, тѣмъ болѣе, что я не располагалъ содѣйствіемъ юристовъ. Въ остальномъ, я старался соблюсти основное правило каждаго добросовѣстнаго китаевѣда: не утверждать ничего, что нельзя доказать неоспоримыми источниками или собственнымъ опытомъ. Нарушенія этого принципа болѣе всего, мнѣ кажется, способствовали образованію той тьмы превратныхъ представленій и понятій, которыя въ такой чрезвычайной мѣрѣ затрудняютъ европейцу правильное познаніе китайскаго міра.

Все возрастающая сумма иностранныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ китайское землевладѣніе, дѣлаетъ необходимымъ, чтобы заинтересованные круги были точнѣе освѣдомлены въ туземномъ правѣ на земли, нежели это было до сихъ поръ. Хотѣлось бы, чтобы этотъ трудъ хотя бы въ соотвѣтствующей ему скромной мѣрѣ способствовалъ такому ознакомленію.

Berlin-Friedenau, 19. Maerz 1903.

O. Fr.

ВВЕДЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА.

У народа, какъ китайскій, для котораго земледѣліе во всѣ времена было важнѣйшимъ жизненнымъ нервомъ и который всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ побуждался къ осѣдлости, отношеніе между человѣкомъ и землей, разумѣется, должно было быть урегулировано уже весьма рано и съ особенной тщательностью. Нигдѣ на землѣ не найти второго государства, которое, какъ Китай, слагалось бы исключительно изъ безчисленнаго множества мелкихъ поземельныхъ имуществъ, на каждомъ изъ коихъ живетъ и трудится отдѣльная семья, какъ соціальная единица; нигдѣ, можетъ быть, также не выработалось столь тѣсное отношеніе между семьей и ея землею, какъ это установилось въ Китаѣ подъ вліяніемъ культа предковъ. „Pour les Chinois l'Etat consiste essentiellement dans la fusion intime des terres et des personnes", говоритъ *Eugene Simon* 1); а выдающіяся практическія способности китайцевъ придали этому „союзу" надлежащія формы. Правовая система, въ которую сложились отношенія землевладѣнія, сама по себѣ достойна удивленія; жалкое состояніе ея въ современномъ Китаѣ не можетъ омрачить наше сужденіе о ней; не противорѣчитъ этому и то обстоятельство, что фактическія отношенія переросли эту систему, и что въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній лишь очень мало было сдѣлано, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ преобразовать эту систему. Гдѣ же искать

1) *La propriete en Chine* въ *Annales de l'Extreme Orient*, т. IV стр. 258.

изложеніе этой правовой системы и гдѣ—нормы для современныхъ фактическихъ отношеній?

Китай чрезвычайно бѣденъ сборниками законовъ; имѣется только *Да Цинъ люй ли*, т. е. *Коренные законы и дополнительныя законоположенія [современной] Цинской династіи*, но и этотъ сборникъ, по нашимъ понятіямъ, недостаточно обстоятеленъ въ изложеніи правоотношеній землевладѣнія. Въ I и II книгахъ III части (отд. 8—9) содержатся нѣкоторыя детальныя опредѣленія; однако и ихъ мы можемъ непосредственно извлечь отсюда только частью, до остальныхъ же принуждены доходить путемъ абстракціи и логическихъ умозаключеній. Такъ какъ сборникъ представляетъ прежде всего уголовное уложеніе, назначеніе котораго—охранять прерогативы государства отъ посягательствъ со стороны подданныхъ, предупреждать забвеніе долга и злоупотребленіе служебной властью со стороны чиновниковъ и устанавливать кары за нарушенія государственнаго правопорядка, то отсюда вытекаетъ, что здѣсь остается мало мѣста собственно для гражданскаго права. Послѣднее можно констатировать часто лишь косвенно, изъ опредѣленій о взысканіяхъ за нѣкоторыя упущенія или нарушенія. Къ этому надо прибавить—и этотъ фактъ легко упускаютъ изъ виду при разсмотрѣніи китайскаго свода законовъ,—что этотъ сборникъ, хотя время отъ времени и опубликовывается оффиціально въ новомъ пересмотрѣнномъ и дополненномъ изданіи, большею частью воспроизводитъ безъ критики правовыя воззрѣнія, какъ они въ теченіе многихъ столѣтій оффиціальнымъ путемъ воспринимались одной династіей отъ другой, не взирая на измѣнившіяся обстоятельства, да, кажется, вообще и безъ серьезнаго намѣренія дѣйствительно привести въ исполненіе всѣ законоположенія. Въ Китаѣ и здѣсь, какъ во всемъ, главная забота въ сохраненіи старыхъ традицій; не придается значенія тому, что послѣднія, можетъ быть, уже давно не стоятъ на почвѣ реальной дѣйствительности. Поэтому опредѣленія *Да Цинъ люй ли* должно сперва изслѣдовать чрезъ сопоставленіе съ дѣйствительными отношеніями и при этомъ, можетъ быть, исправить ихъ прежде, чѣмъ принять.

Также обстоитъ и съ *прочими оффиціальными трудами*, именно со вновь составленнымъ въ 1764 году *Да Цинъ хуй*

дянь или *Собраніемъ постановленій Цинской династіи* и съ его значительно дополненнымъ изданіемъ 1818 г. подъ названіемъ *Да Цинъ хуй дянь ши ли.* Насколько драгоцѣненъ богатый историческій матеріалъ, особенно въ послѣднемъ источникѣ, настолько мало можно положиться на статистическія данныя; они обрисовываютъ детальнѣйше выработанную теорію, но не дѣйствительныя современныя отношенія. Для насъ представляютъ интересъ въ старомъ изданіи въ особенности глава 10 (поземельный налогъ), а въ позднѣйшемъ—главы 130—151 отдѣла: „Министерство финансовъ". Дальнѣйшія подробности можно еще найти въ оффиціальномъ *Положеніи о министерствѣ финансовъ* (*Ху бу цзэ ли*) отъ 1874 г.

Свѣдѣнія о возникновеніи и развитіи земельной собственности, объ отношеніи государства къ землѣ и проч. по отношенію къ древности можно почерпнуть изъ *классическихъ сочиненій*, особенно изъ *Шицзин*'а, *Шуцзин*'а и *Мэнцзы*. Далѣе, большинство крупныхъ *историческихъ трудовъ различныхъ династій* въ главахъ о народномъ хозяйствѣ (*Ши хо*) содержатъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о распредѣленіи земли между семьями, сельскими общинами, военными, чиновниками и дворянами, а также о поземельномъ обложеніи, земельной регистраціи и статистикѣ.

Другой очень богатый источникъ представляютъ *императорскіе указы*, именно для болѣе новыхъ временъ императора *Цянь-лун*'а (1736 по 95), далѣе *резолюціи на докладахъ, распоряженія* провинціальныхъ и мѣстныхъ учрежденій, *резолюціи на прошеніяхъ* и т. д. Указы большею частью содержатся въ обширныхъ собраніяхъ *Дунъ хуа лу* и *Дунъ хуа сюй лу*, вновь изданныхъ въ 1884 и 1892 г. г., прочіе же документы вмѣстѣ съ дополненіями къ нимъ можно найти въ *Собраніи оффиціальныхъ документовъ правящей династіи* (*Хуанъ чао цинъ ши вэнь пянь*), опубликованномъ въ 1826 и 1888 г.г. Изъ этихъ документовъ можно получить уже значительно болѣе правильное и жизненное изображеніе современныхъ отношеній и регулирующихъ ихъ нормъ. Дальнѣйшія подробности по этому вопросу (уже скорѣе для спеціальнаго изученія) даютъ *оффиціальныя описанія* отдѣльныхъ административныхъ округовъ, а также составленныя по той же системѣ *хроники* монастырей, святынь

и т. д., которыя всегда содержатъ между прочимъ особыя главы о землевладѣніи, произведеніяхъ почвы и проч.; вообще это—истинныя находки для всякаго рода спеціальныхъ изслѣдованій.

Немаловажное значеніе для изученія правовыхъ отношеній землевладѣнія имѣетъ однако, въ качествѣ наиболѣе правдиваго изображенія дѣйствительности, неписанный *lex loci rei sitae* въ Китаѣ, т. е. мѣстные обычаи, какъ они естественно развились, для всѣхъ очевидны, уважаются каждымъ чиновникомъ, тщательно изучаются даже и никѣмъ безнаказанно не нарушаются. Нельзя дать цѣлостнаго изложенія этого обычнаго права, такъ какъ оно различно въ каждой провинціи, часто даже въ каждой области и уѣздѣ [1]), и до сихъ поръ этотъ первобытный лѣсъ часто своеобразныхъ воззрѣній и обычаевъ изслѣдованъ только въ малой части. Здѣсь личный опытъ ничѣмъ не замѣнимъ.

---

[1]) Относительно административнаго дѣленія Китая З. Матусовскій въ своемъ извѣстномъ изданіи: „Географическое обозрѣніе Китайской Имперіи" (С.-Петербургъ, 1888), даетъ слѣдующія общія поясненія:

„По отношенію къ административному устройству вся Китайская имперія состоитъ: а) изъ 19-ти шэнъ (провинцій и губерній), имѣющихъ издавно установившуюся административную систему, б) Маньчжуріи, принадлежащей царствующей династіи и управляемой въ сѣверныхъ двухъ провинціяхъ чисто военной администраціей, и наконецъ в) Монголіи, Тарбагатая, Или и Тибета, гдѣ императорскія власти имѣютъ лишь въ большей или меньшей степени общій надзоръ надъ дѣйствіями наслѣдственныхъ хановъ и старшинъ, управляющихъ туземнымъ населеніемъ, за исключеніемъ китайскихъ колонистовъ, принадлежащихъ къ господствующему племени.

Всѣ провинціи шэнъ раздѣляются на фу (области), чжи-ли-чжоу (округа) и чжи-ли-тинъ (приставства)*]. Эти три термина присвоены участкамъ, управляемымъ отдѣльными чиновниками, непосредственно подчиненными главнымъ властямъ провинціи, но разница между ними заключается въ томъ, что въ составъ фу обыкновенно входитъ раіонъ болѣе обширный, чѣмъ въ послѣдніе два, и кромѣ того, всѣ они отличаются между собою въ административномъ устройствѣ. Затѣмъ слѣдуютъ болѣе мелкія подраздѣленія, входящія въ составъ областей, округовъ и приставствъ, какъ уѣзды. Участки эти, назы-

---

*) Слово чжи-ли въ переводѣ означаетъ—независимый, управляющій, самостоятельный.

Наконецъ, касательно правъ иностранцевъ на земельныя имущества имѣютъ значеніе *государственные договоры* и другія *соглашенія* съ Китаемъ, а также оффиціальные документы дипломатическихъ и внутреннихъ сношеній; документы эти имѣются частью въ изданномъ въ 1884 г. *Собраніи международно-правовыхъ казусовъ (Тунъ-шанъ чжанъ-чэнъ чэнъ-ань хуй бянь)*, частью же въ европейскихъ публикаціяхъ.

ваемые просто чжоу, тинъ и сянь, безъ прибавленія словъ чжи-ли, также имѣютъ различное административное устройство, соотвѣтственно ихъ терминамъ. Всѣ эти названія, прибавляемыя къ собственнымъ именамъ городовъ, опредѣляютъ не только административное значеніе послѣднихъ, но указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на существующую въ нихъ систему организаціи въ управленіяхъ.

Приведенныя территоріальныя подраздѣленія подчинены: въ провинціи—сюнъ-фу, или фу-таю (начальнику провинціи, губернатору), въ области—чжи фу (начальнику области), въ округѣ—чжи-чжоу (начальнику округа), въ приставствѣ—тинъ-тунъ-чжи (начальнику приставства) и въ уѣздѣ—чжи-сяню (уѣздному начальнику). Кромѣ того, большая часть провинцій въ цѣломъ составѣ соединены по двѣ, а иногда и по три подъ одно общее управленіе, подчиненное цзунъ-ду, называемому также чжи-тай (генералъ-губернатору), котораго европейцы обыкновенно титулуютъ вице-королемъ, такъ какъ права его по отношенію къ ввѣренному ему краю весьма обширны".

„Дао-тай вѣдаетъ иногда нѣсколькими областями (фу) и округами [чжи-ли-чжоу], въ этомъ случаѣ онъ есть какъ бы вице-губернаторъ; затѣмъ дао-тай является часто начальникомъ отдѣльныхъ управленій".

Часть I.

КИТАЙСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.

А. СУЩЕСТВО ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ И ВИДЫ ЕГО.

1. Общее понятіе.

Еще и теперь всѣми раздѣляется воззрѣніе, что всѣ земли китайской государственной территоріи принадлежатъ императору, какъ воплощенію абсолютной государственной власти, и что этимъ, такъ называемымъ верховнымъ господствомъ исключается чье бы то ни было полное право собственности на землю. Почти всѣ китаевѣды, занимавшіеся этимъ вопросомъ, либо исходили изъ этого воззрѣнія, какъ изъ твердо установленнаго, какъ изъ аксіомы, не требующей дальнѣйшихъ доказательствъ, либо, поколебленные фактическими условіями въ Китаѣ, оставляли вопросъ открытымъ. Такъ, *Sir G. Staunton*, переводчикъ части сборника китайскихъ законовъ, высказался въ приложеніи къ своему труду[1]), что вѣроятно, еще долго будетъ подъ сомнѣніемъ, существуетъ ли въ Китаѣ независимое и полное право собственности на землю или юридически суверенъ является всеобщимъ собственникомъ ея. „Я предполагаю", заключаетъ онъ, „что истина должна находиться между двумя крайними мнѣніями". *Edouard Biot*, который въ своемъ трудѣ: „*Memoire sur la condition de la propriete territoriale en Chine*

---

1) *Ta Tsing Leu Lee*; being the Fundamental Laws, and a selection from the Supplementary Statutes, of the Penal Code of China. London 1810.

depuis les temps anciens [1]) даетъ въ сущности анализъ главы о земельной собственности изъ большой энциклопедіи: *Вэнь-сянь тунъ-као* [2]), соглашается съ нимъ и приходитъ къ такому выводу: „Такимъ образомъ, право земельной собственности въ Китаѣ, гдѣ земля такъ высоко ставится, непрочно и допускаетъ отобраніе (revocable)". Изъ новѣйшихъ ученыхъ. *G. Jamieson* въ статьѣ: *Tenure of land in China and the condition of the rural population* [3]), также оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ: „Вопросъ о томъ", полагаетъ онъ, „предполагать ли абсолютное право собственности на землю у подданныхъ или же у монарха,—скорѣе академическаго, нежели практическаго характера. *W. Williams* въ *Middle Kingdom* кратко поясняетъ: „Всякое обладаніе землею исходитъ непосредственно отъ монарха; неограниченное право собственности не признается" [4]); а *Douglas* въ *Society in China* заявляетъ: „Не только жизнь и имущество подданныхъ въ его (императора) власти, но также и земля, которую они пашутъ, составляетъ часть наслѣдія, принадлежащаго ему; онъ есть всеобщій собственникъ земли въ Китаѣ!" [5]). Принципъ верховнаго господства особенно категорически выраженъ въ принадлежащей освѣдомленному автору анонимной статьѣ въ англійскомъ журналѣ „*The Cycle*" [6]). „Право государства", говорится тамъ, „на его публичныя земли или домены (its public property or domain) абсолютно и исключаетъ право собственности у его подданныхъ такъ же, какъ и у иностранцевъ. Эта доктрина ясно и въ самомъ широкомъ истолкованіи изложена въ великой сокровищницѣ исторіи древняго государственнаго устройства, именно въ *Цзинъ* или классикахъ, и воззрѣнія, выраженныя въ стихахъ *Ши-цзин'а* [7]):

„Вся подъ широкимъ небомъ земля—повелителя,
Всѣ обитатели земли—слуги повелителя",

---

1) *Journal Asiatique*, 3 Série, т. VI отъ 1848 г., стр. 334.
2) 13 стол.
3) *Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, т. XXIII стр. 61.
4) Т. II стр. 1.
5) Стр. 122.
6) Вновь напечатано въ цитирусмой статьѣ Jamieson'а.
7) II, 6, I, 2 (Изд. *Legge*).

высоко почитаются всѣми образованными китайцами“ 1). Столь же рѣшительно выражается *E. Simon* въ статьѣ: *La propriete en Chine* 2): „Земля представляетъ одно общее цѣлое (collective) во имя вождя народа, короля и, впослѣдствіи, императора. Онъ одинъ есть собственникъ земли“.

Обратимся теперь къ безпристрастному изслѣдованію вопроса о китайской верховной собственности и разсмотримъ его сперва въ рамкахъ развитія земельной собственности во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Такъ какъ такое верховное господство императора признается и нынѣ существующимъ въ Китаѣ въ особенности англійскими учеными, то мы въ настоящемъ разсмотрѣніи будемъ исходить отъ всѣмъ доступнаго англійскаго источника. Въ *Encyclopaedia Britannica*, въ статьѣ о развитіи земельной собственности (т. XIV, стр. 265), мы находимъ заключеніе, что развитіе ея во всемъ мірѣ было одинаково: „Commencing in community of tribal possession“, говорится тамъ, „land has everywhere by degrees been appropiated to the villagers, to the family, and at last to the individual“. Это мнѣніе раздѣляетъ также *Biot* (l. c. стр. 258), когда онъ, изслѣдовавъ „possession exclusive du sol par l'empereur“, заключаетъ: „c'est ainsi que paraissent commencer *toutes es civilisations*“. Въ древнѣйшей исторіи нашего собственнаго народа мы находимъ опять таки то же самое; и у германскихъ племенъ первоначально не было частной земельной собственности, существовали лишь общая собственность и общее пользованіе, вся земля принадлежала государству и была общественной землей (Volkland) 3). Такимъ образомъ, повсюду въ началѣ осѣдлости народовъ мы находимъ сперва общую собственность на землю, и представителемъ этой общности является глава племени, назовемъ ли его княземъ, королемъ или императоромъ. По мѣрѣ же того, какъ государство сформировывалось, разрушался коммунизмъ въ обладаніи землей, пока наконецъ, послѣ различныхъ стадій развитія, не установился полный индивидуализмъ современныхъ государствъ, который пре-

---

1) L. c. стр. 144.
2) *Annales de l'Extreme Orient*, т. IV, стр. 259.
3] *Schroeder*, *Deutche Rechtsgeschichte*, 4 Aufl. S. 54.

вратилъ даже само государство, т. е. государственное управленіе, въ юридическаго „индивида" (Ср. также ниже, 2 е), а государя, какъ земельнаго собственника, въ частное лицо. Точно такое же развитіе, какъ мы можемъ видѣть изъ древнѣйшихъ источниковъ, испытала и земельная собственность въ Китаѣ.

Быть можетъ, около 2500 л. до Р. Х. первые китайскіе колонисты поселились въ рѣчныхъ долинахъ провинцій *Шэнь-си* и *Шань-си*, а также въ большихъ равнинахъ у Желтой рѣки, въ нынѣшнихъ провинціяхъ *Ху-нань*, *Шань-си* и *Шань-дунъ*. Первая книга III-ей части *Шу-цзин*'а подробно повѣствуетъ, какъ великій императоръ *Юй* осушилъ затопляемыя пространства на многихъ рѣкахъ, разработалъ земли и раздѣлилъ ихъ на различные округа. Въ концѣ этого сообщенія описывается дѣленіе получившихся земель: по срединѣ лежала земля, принадлежавшая монарху, вокругъ—земля вассальныхъ князей, далѣе за нею, повидимому, родъ зависимыхъ отъ этой земель, затѣмъ дальше—надѣлы первобытныхъ обитателей и сосланныхъ за болѣе легкія преступленія и наконецъ, въ наибольшемъ отдаленіи—„дикая земля" и надѣлы сосланныхъ за тяжкія преступленія. Здѣсь мы имѣемъ, стало быть, первый періодъ: всенародная собственность съ императоромъ, какъ со всенароднымъ представителемъ, посреди, общія родовыя земли съ отдѣльными вассальными князьями, какъ представителями родовыхъ общинъ. Объ индивидѣ, отдѣльномъ подданномъ еще нѣтъ рѣчи; но мы должны представлять его свободнымъ человѣкомъ, а не крѣпостнымъ или рабомъ, такъ какъ таковые, если вообще и были въ древнемъ Китаѣ, то лишь въ совершенно незначительномъ числѣ. Раздѣлъ земли княземъ между подданными описываетъ *Ши-цзинъ* 1): „Старый князь *Дань-фу* изъ *Шу* поучалъ [народъ] и сдѣлалъ его осѣдлымъ, на лѣвой и на правой сторонѣ; онъ установилъ границы и порядки, заботился объ осушеніи и раздѣлилъ пашни, отъ запада до востока". На одинъ шагъ дальше въ развитіи оказываются уже данныя о раздѣлѣ земли въ древности, которыя мы находимъ въ трудѣ классическаго философа и политика *Мэнцзы* [372 до 289 до Р. Х.], разъясняющаго нѣкоему князю своей эпохи такъ

1) III, 1, III, 4.

назыв. *цзинъ* или систему девяти частей династій *Ся*, *Шанъ* и *Шу*. Эта система наглядно изображается іероглифомъ 井 (*цзинъ*), т. е.—обведя этотъ іероглифъ чертою—квадратомъ, раздѣленнымъ на 9 равныхъ мелкихъ квадратовъ: . Каждый изъ этихъ 9 квадратовъ размѣромъ въ 100 *му* [1] [2]; тотъ, который лежитъ въ срединѣ, былъ общественнымъ полемъ (*гунъ-тянь*), восемь, лежащихъ вокругъ него, представляли частныя владѣнія (*сы-тянь*) восьми семей, на каждую семью по квадрату. Общественная земля обрабатывалась сообща восемью семьями и притомъ раньше всѣхъ другихъ полей [3]. Семьи, принадлежавшія къ одному *цзинъ*, должны были жить въ добромъ сосѣдствѣ и помогать другъ другу. „Такъ жили общины въ дружбѣ и мирѣ другъ съ другомъ“ [4]. Каждый состоявшій на государственной службѣ получалъ (независимо отъ того, что принадлежало его семьѣ) 50 *му* земли, доходами отъ которой онъ долженъ былъ покрывать государственныя жертвы. Тутъ мы находимся уже въ слѣдующей стадіи развитія: общая земля въ общемъ пользованіи общинъ (Gemeingut und Gemeingenuss der Sippen). Дальнѣйшія подробности касательно этой системы даютъ *Лѣтописи старшей Ханской династіи* (206 г. до Р. Х. по 23 г. по Р. Х.) „Квадратный *цзинъ*“, говорится тамъ, „составлялъ селеніе (*ли*); восемь семей располагали девятьюстами *му*, и именно по 100 *му* въ частномъ владѣніи и по 10 *му* общественной пашни. Всего это составляло 880 *му*; остальные 20 *му* были подъ домами. Существовали повинности и налоги. На-

---

1) Одинъ *му* теперь приблизительно 569 квадр. метровъ; но были ли по отношенію къ древности соотношенія величинъ тѣ же —вопросъ открытый.

2) 100 *му* составляютъ *1 цинъ*=13.286 русск. кв. саж. 26.66 кв. фут., или 5-ти русск. казеннымъ десятинамъ 1286 саж. и 26.66 фут. (З. Матузовскій. Географическое обозрѣніе китайской имперіи. Приложеніе 4). Величина *му* представляется различною въ зависимости отъ мѣстности. *Ред.*

3) *Мэнцзы* III, 1, III, 19.

4) Ibid. III, 18. Можно сравнить съ этимъ древне-германскія „Gewannen“, жеребьевые участки въ формѣ параллелограммовъ, на которые раздѣляли всю полевую землю и которые по числу участниковъ дѣлились параллельными линіями на полосы (*Schroeder*, l. c. S. 58).

логи были (съ дохода) отъ общественной земли въ размѣрѣ десятой части и съ заработковъ ремесленниковъ и купцовъ. Повинности отбывались поставкою телѣгъ и лошадей и военной службой. Эти доходы шли на пополненіе хлѣбозапасныхъ магазиновъ и на раздачу бѣднымъ; налоги служили также для поддержанія храмовъ неба, земли и предковъ, для жертвоприношеній различнымъ духамъ, а также для потребностей императора и для покрытія содержанія чиновниковъ" 1). Въ этомъ періодѣ семья уже явно выступаетъ въ качествѣ единицы въ землевладѣніи. Значительно иначе сложившимися находимъ отношенія во времена династій *Вэй* (386—532) и *Танъ* (618—907), когда начинается развитіе индивидуализма. *Старая лѣтопись Танской династіи* 2) сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: „Лица мужского пола—совершеннолѣтнія и подростки (т. е. находящіяся въ возрастѣ отъ 21 до 60 л. и отъ 16 до 21 г.) получали 100 *му*, тяжело больные и слабосильные 40 *му*, овдовѣвшія жены и наложницы 30 *му*, а если у нихъ была семья, то еще 20 *му*. Двѣ десятыхъ отъ полученной земли составляли постоянное владѣніе семьи (*ши-нь* или *юнъ-нь*), а восемь десятыхъ личный надѣлъ (*коу-фэнь*). Постоянное семейное владѣніе въ случаѣ смерти (владѣльца) оставалось семьѣ; личный же надѣлъ отходилъ къ государству и отдавался другимъ 3). Тѣ же свѣдѣнія мы находимъ въ *новой лѣтописи Танской династіи*; только здѣсь еще прибавлено, что и старики, т. е. тѣ, кому насчитывалось 60 и болѣе лѣтъ, получали 40 *му*, и что во всякомъ случаѣ 20 *му* изъ полученной земли, не взирая на общее количество ея, составляли постоянное владѣніе семьи 4). Такъ какъ мы можемъ предполагать, что и личный надѣлъ вообще доставался сыну прежняго владѣльца, то мы находимъ здѣсь видоизмѣненную

---

1) *Цянь-Хань шу*, гл. 24 fol. 2 verso и 3 recto. Всѣ историческія произведенія цитируются по новому изданію, печатанному въ 1884 г. въ Шанхаѣ. На эту старинную общинную систему указываетъ еще теперь раздѣленіе кадастральныхъ округовъ на *бао*, изъ которыхъ каждое имѣетъ нѣсколько *ту*, тогда какъ *ту* съ своей стороны состоитъ изъ 10 *цзя*, а одинъ *цзя* изъ 10 семей.

2) Лѣтопись Танской династіи имѣла двѣ редакціи—старую и новую. Ред.

3) *Цзю Танъ-шу*, Гл. 48 fol. 4 verso.

4) *Танъ-шу*, Гл. 51 fol. 2 recto.

наслѣдственную аренду, однако рѣзко отличающуюся отъ собственности. Во времена *Сунской* династіи (960—1127), которая, повидимому, особенно заботилась о развитіи земледѣлія, было покончено со многими старыми обычаями, и введена новая, болѣе разработанная система землевладѣнія. Около 990 года въ всѣхъ округахъ къ сѣверу отъ нижняго и средняго теченія *Янцзы* „людямъ было дозволено представлять просьбы о разрѣшеніи обработывать пустопорожнюю землю, которая затѣмъ становилась ихъ постоянной собственностью. Кромѣ того, на три года они освобождались отъ налоговъ на нее“ 1). Въ большихъ размѣрахъ имѣлъ мѣсто также раздѣлъ земли. Земля по ея качеству была раздѣлена на три класса: „изъ перваго класса одно лицо получало 100 *му*, изъ второго класса 150 и третьяго класса 200 *му*“. Кромѣ того, семьи, въ составѣ которыхъ было, по крайней мѣрѣ, трое взрослыхъ мужчинъ, получали еще добавочные участки въ зависимости отъ численнаго состава ихъ 2). Земельные участки установленнымъ порядкомъ вносились въ списки и владѣльцы получали оффиціальные документы на владѣніе; короче говоря, стала развиваться правильная система регистраціи земель 3).

Изъ этого краткаго очерка исторіи возникновенія земельной собственности въ Китаѣ мы видимъ, что здѣсь ходъ развитія вполнѣ совпадаетъ съ таковымъ же въ западныхъ странахъ. Какъ же объяснить то, что яко бы лишь въ Китаѣ сохранилась до настоящаго времени государственная верховная или, лучше, коллективная собственность, въ то время, какъ въ западныхъ странахъ она изчезла и ея мѣсто заступила полная отдѣльная собственность? Какъ мы видѣли, развитіе не остановилось на одной изъ низшихъ ступеней; стало быть, несмотря на индивидуализацію владѣнія, коллективизмъ долженъ былъ бы сознательно быть удержанъ какъ правовой или государственный институтъ. Какъ доказательство (насколько вообще можно привести таковое) существованія этого института, приводятся два факта: вопервыхъ, воззрѣніе самихъ китайцевъ, основанное на госу-

1) *Сунъ-ши*, Гл. 173 fol. 5 verso.
2) Ibid., fol. 7 recto.
3) Ibid. fol. 5 verso.

дарственной максимѣ, какъ она выражена въ выше приведенныхъ стихахъ *Шицзин*'а (стр. 14), согласно которой императоръ въ принципѣ является всеобщимъ собственникомъ земли[1]); затѣмъ—нѣкоторыя права государства на всю землю, которыя должны ограничивать частную собственность и обосновывать верховную или универсальную собственность его, т. е. императора, какъ олицетворенія государственной власти. Эти права состоятъ во взиманіи нѣкоторыхъ налоговъ съ каждаго земельнаго участка, именно поземельнаго налога и пошлины при продажѣ, затѣмъ въ правѣ собственности на всѣ безхозяйныя („дикія") или покинутыя земли, такъ же какъ на земли, образовавшіяся путемъ наноса на рѣчныхъ и морскихъ берегахъ, и, наконецъ, въ ограниченіяхъ вольной продажи.

Что касается воззрѣнія китайцевъ, то я того мнѣнія, что оно часто ошибочно понималось и понимается. Такое неправильное пониманіе легко объяснимо, оно представляется даже неизбѣжнымъ, если разсматривать ту государственную максиму безъ связи съ общей китайской государственной идеей. Оглянемся на великія сокровищницы древней исторіи государственнаго строя. Въ *Конфуціанскихъ бесѣдахъ (Лунь-юй)* мы находимъ торжественное обращеніе, съ которымъ миѳическій императоръ *Яо* призываетъ на тронъ своего преемника *Шун*'я, время правленія котораго китайскія преданія относятъ къ третьему тысячелѣтію до Р. Х. Привѣтствіе это начинается словами: „О, Шунь, въ твоемъ лицѣ небо опредѣлило преемника" [2]), а *Шу-цзинъ*, „священная книга исторіи", не вполнѣ, можетъ быть, сохранившаяся для насъ, сообщаетъ такую же рѣчь *Шун*'я къ своему наслѣднику *Юй* [3]). Эту торжественную рѣчь древнихъ властителей можно назвать древнѣйшимъ актомъ государственнаго устройства Китая, Magna Charta Китайской монархіи, ибо на *„небомъ опредѣляемомъ наслѣдованіи"* зиждится принципъ государ-

---

1) Напр., *Tenure of land in China.* Стр. 61 и 144. „In China the authorities generally hold that theoretically the land belongs to the Crown, on the general principle embodied in the maxim that all under the sun belongs to the Emperor, and all the people are his servants".

2) *Лунь-юй* XX, 1.

3) *Шу-цзинъ* II, 2,14.

ственнаго устройства Китайской священной имперіи [Caesaropapie], одновременно государства и церкви, глава коихъ—императоръ и первосвященникъ,—даже воплощенная въ человѣкѣ божественная воля. Представляется лишь логически вытекающимъ, если китайское міросозерцаніе и въ политическомъ отношеніи противопоставляетъ землю, какъ подвластное цѣлое, властвующему небу, которое съ своей стороны, чтобы быть доступнымъ земнымъ чувствамъ воспріятія, воплощается въ земномъ образѣ; если это воплощеніе въ его отношеніи къ олицетворяемому имъ великому, непостижимому представить себѣ, какъ сына по отношенію къ отцу, то это будетъ идея присущая народу, который смотритъ на сыновнее почтеніе, какъ на основной принципъ нравственнаго порядка на землѣ. Это воззрѣніе на государство ясно и отчетливо выражено въ древней китайской философіи. Такъ, у одного изъ величайшихъ философовъ права въ древности, за которымъ и теперь еще признается безусловный авторитетъ,—*Дунъ-чжунъ-шу* (2 в. до Р. X.), въ его коментаріяхъ къ конфуціанской лѣтописи, мы читаемъ слѣдующее: „Небо не говоритъ само, оно поручаетъ человѣку возвѣстить его помыслы. Монарху, которому небо дало это порученіе, открыты помыслы неба; поэтому онъ и называется Сыномъ Неба“ 1). Далѣе: „Императоръ есть Сынъ Неба, его физическая личность—олицетвореніе неба“ 2). Естественно, можетъ существовать только одно такое воплощеніе божественной воли, но это выраженіе ея обще для всей земли и для всѣхъ народовъ съ ихъ главами. Поэтому и говорится: „Земля посреди морей (т. е. земная суша) имѣетъ свой центръ въ Сынѣ Неба (императорѣ), народы въ ихъ границахъ подчинены вассальнымъ князьямъ“ 3). И еще: „Сынъ Неба получаетъ велѣнія отъ Неба, вассальныя князья получаютъ ихъ отъ Сына Неба“ 4). При свѣтѣ этого религіозно-политическаго универсализма китайцевъ разсмотримъ еще разъ часто цитируемый стихъ *Ши-цзин*'а:

„Вся подъ обширнымъ небомъ земля—повелителя,
Всѣ обитатели земли—слуги повелителя“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это восхваленіе слѣдуетъ пони-

1) *Чунь-цю фань-лу.* Гл. *Шэнь ча минь-хао.*
2) Ibid. Гл. *Цзао-юй.*
3) Ibid. Гл. *Фэнъ-бэнь.*
4) Ibid. Гл. *Шунь-мин*ъ.

мать въ религіозномъ смыслѣ китайскаго деизма, а не какъ выраженіе притязанія императора на право земельной собственности въ техническомъ смыслѣ. Стихъ *Ши-цзин*'а выражаетъ именно то, что высказалъ псалмопѣвецъ Израиля тѣми же словами: „Господня земля и что̀ наполняетъ ее, вселенная и все живущее въ ней“ 1). Узкое, правовое воззрѣніе, которое обосновывается этой цитатой, кажется, было присвоено китайцамъ исключительно европейскими учеными юристами; китайцы какъ раньше, такъ и теперь по-истинѣ совершенно далеки отъ этого. Мнѣ во всякомъ случаѣ не удалось найти въ туземныхъ источникахъ какое-либо подтвержденіе таковогс воззрѣнія; наоборотъ, нѣкоторые изъ этихъ источниковъ указываютъ на раннее развитіе независимой частной собственности. Такъ, въ гимнѣ поселянина въ *Ши-цзин*'ѣ говорится: „Пусть дождь орошаетъ наши общественныя поля (*гунъ-тянь*) и потомъ—наши личныя (*сы*) 2); а въ поясненіи къ этой цитатѣ въ *Лѣтописи старшей Ханьской династіи*, въ восхваленіи мудрыхъ мѣропріятій древнихъ императоровъ читаемъ: „Такъ пріучался къ труду весь народъ; и онъ радовался своей собственности прежде всего общественной и затѣмъ своей частной“ 3). Значительно болѣе ясными являются позднѣйшія лѣтописи: такъ, въ *Исторіи Цинской династіи* (1115—1234) читаемъ: „Съ государственныхъ земель взимается оброкъ, съ *частныхъ земель*—налогъ“ 4). Здѣсь, стало быть, мы находимъ рѣзкое различіе между землею, принадлежащей государству, какъ юридическому лицу, которую подданный можетъ только арендовать, и землей, принадлежащей частному лицу на правѣ собственности. Не менѣе ясно говоритъ тотъ же источникъ: „Что касается до землевладѣнія населенія, то каждый (собственникъ) можетъ по своему усмотрѣнію, безпрепятственно, продать или отдать въ залогъ. При этомъ нужно только соблюдать, чтобы въ каждомъ случаѣ была взимаема пошлина съ земли“ 5). Наконецъ, *Исторія Сунской династіи* сообщаетъ изъ

1) Псаломъ XXIII, 1.
2) II, 6, VIII, 3.
3) *Цянь-Хань шу*, гл. 24 fol. 5 verso.
4) *Цзинь-ши* Cap. 46 fol. 1 verso.
5) Ibid. Cap. 47 fol. 1 recto. Здѣсь, въ противорѣчіе самому

эпохи отъ 976 по 983 г.: „Во всѣхъ областяхъ и уѣздахъ были установлены наказанія, чтобы отучить (людей) отъ празднаго бродяжничества. Земля же, занятая подъ обработку, обращалась въ собственность на вѣчныя времена (по принадлежности) и чиновники не требовали оброчныхъ платежей за нее“ 1).

Такимъ образомъ, какъ доказательство верховной собственности императора, воззрѣніе китайцевъ не можетъ быть примѣнено, ибо оно не таково, какъ предположили защитники этой теоріи. Какъ же обстоитъ съ другимъ доводомъ—съ правами государства, ограничивающими собственность отдѣльнаго лица? Представляется дѣйствительно трудно объяснимымъ, какъ могли смотрѣть на эти права, какъ на доказательство того, что въ Китаѣ содержаніе правъ частной земельной собственности менѣе полно, чѣмъ гдѣ-либо; ибо за единственнымъ исключеніемъ, которое сейчасъ будетъ выяснено, эти права суть тѣ же, какія во всѣхъ другихъ странахъ государство удерживаетъ за собою. Взиманіе поземельнаго налога и пошлинъ при переходѣ, какъ и всякое другое обложеніе, есть право присущее государственному верховенству, каковымъ правомъ всѣ правительства по собственному усмотрѣнію пользуются или нѣтъ; въ Пруссіи и во многихъ другихъ государствахъ этимъ правомъ обладаютъ даже общины. Если въ Китаѣ въ болѣе отдаленныя времена поземельный налогъ обозначается (см. выше) какъ „аренда“ (*цзу*), то это объясняется неточностью, вызванною дѣленіемъ землевладѣнія на оброчныя и собственныя земли. Въ современномъ Китаѣ вмѣстѣ съ этимъ дѣленіемъ исчезла и самая неточность, и выраженіе „оброчный платежъ“ („годовая аренда“, см. ниже, Ч. II, Б) неправильно употребляется еще только въ крѣпостныхъ актахъ иностранцевъ. Но въ Китаѣ государство, на что и ссылались въ качествѣ аргумента, согласно закону отбираетъ землю у того, кто не платитъ поземельнаго налога. Законодательство, дѣйствительно, содержитъ такое опредѣленіе 2), но истолкователи влагаютъ въ него больше содержанія, чѣмъ оно имѣетъ. Независимо отъ того, что этотъ

себѣ, авторъ пользуется для „пошлины“ тѣмъ выраженіемъ, которымъ онъ ранѣе обозначилъ аренду.

1) *Сунъ-ши*, Гл. 173 fol. 4 recto.

2) *Да-цинъ люй-ли*, Отд. 9 fol. 1 recto.

устарѣлый законъ потерялъ въ настоящее время всякое значеніе, отобраніе земли за недоимки въ налогахъ, какъ и при другихъ поводахъ, угрожаетъ исключительно какъ наказаніе (см. ниже, В, 1); это вытекаетъ уже изъ буквальнаго смысла закона, который не даетъ ни малѣйшей опоры для мнѣнія, будто государство снова отбираетъ свою, отданную въ пользованіе, собственность. Недоимочныя земли подлежатъ конфискаціи, какъ и контрабандные товары. Право государства на всѣ безхозяйныя („дикія“) или покинутыя земли, которое алдѣе приводили въ доказательство верховнаго господства, также признаетъ за казною германское гражданское уложеніе [1]). Но китайское право—это и есть вышеупомянутое исключеніе—распространило это притязаніе на земельные участки, которые по римскому праву, какъ и по праву большинства современныхъ государствъ, не входятъ въ категорію безхозяйныхъ земель, именно—на наносныя образованія у рѣчныхъ береговъ. Но это китайское правовое воззрѣніе (см. ниже, В, 1, а) не есть выводъ изъ принципа верховной собственности, какъ утверждалось нѣкоторыми [2]), а основано на неправильномъ расширеніи общепризнаннаго понятія. Что касается, наконецъ, ограниченій вольной продажи, то, правда, въ Китаѣ они, можетъ быть, существуютъ въ большемъ количествѣ, нежели въ европейскихъ государствахъ; но они установлены не въ пользу государства или его верховнаго господства, а исключительно въ интересахъ семей. Здѣсь дѣло идетъ объ ограниченіяхъ, которыя вытекаютъ изъ китайскаго права наслѣдованія, особенно по отношенію къ землѣ, служащей для поклоненія предкамъ (см. ниже, В, 1, в). Эти ограниченія, отнюдь не представляясь доказательствомъ въ пользу верховной собственности, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ китайскомъ землевладѣніи индивидуализмъ не развился въ такой мѣрѣ, какъ въ европейскихъ государствахъ; наоборотъ, въ соотвѣтствіи съ бытовыми воззрѣніями народа, въ значительной мѣрѣ еще нынѣ, какъ и встарину, семья представляется единицей. Этотъ психологическій фактъ оказалъ глубокое вліяніе на всю совокупность правовыхъ воззрѣній.

---

1) BG. § 928 Abs. 2 und EG. Art. 190 u. 129.
2) *Tenure of land.* Стр. 144.

Убѣдившись, что приписываемое китайцамъ воззрѣніе въ дѣйствительности не существуетъ и что права государства на землю тамъ тѣ же, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, мы не имѣемъ основаній изъ наличности этихъ правъ по отношенію къ китайскому государству или императору выводить какія-либо иныя заключенія. Безъ сомнѣнія, Китай не единственная страна, носителю государственной власти которой присвояютъ универсальное право собственности; въ Англіи также было констатировано такое право и, можетъ быть, съ еще большимъ основаніемъ. Въ вышеупомянутой статьѣ *Encyklopaedia Britannica* (стр. 263—64) говорится: „It became the undisputed maxim of English law, as well as of Scottish, that the sovereign was supreme lord of all the land, and that every one held land under him as tenant in England, vassal in Scotland, names which have survived in legal theory and language down to the present day. They expressed then as now the unquestionable legal rule that there is no such thing in our system as an absolute private right of property in land, but that the state alone is vested with that right and concedes to the individual possessor only a strictly defined subordinate right, subject to conditions from time to time enacted by the community“ 1).

Излишне приводить въ извѣстность, есть ли это представленіе всеобщее и распространяется ли оно также на другія страны. Результатъ нашихъ изысканій: содержаніе права частной земельной собственности въ Китаѣ на столько же полное, какъ въ любомъ другомъ государствѣ міра; о верховномъ или универсальномъ правѣ собственности государства или императора можетъ быть рѣчь лишь въ такой же мѣрѣ, какъ и въ другихъ странахъ Европы или Аме-

1) „Въ англійскомъ, какъ и въ шотландскомъ правѣ стало неоспоримымъ принципомъ, что монархъ есть верховный обладатель всей земли и что каждый индивидъ обладаетъ землею подчиняясь ему въ качествѣ арендатора въ Англіи, вассала въ Шотландіи,—наименованія, сохранившіяся въ теоріи права и языкѣ вплоть до настоящаго времени. Они выражали прежде, какъ и теперь, неоспоримое юридическое правило, что наша система не признаетъ абсолютнаго права собственности на землю въ лицѣ отдѣльныхъ обладателей, но что государство одно облечено этимъ правомъ и предоставляетъ имъ лишь строго опредѣленное подчиненное право на условіяхъ, время отъ времени устанавливаемыхъ націею“. *Ред.*

рики, и нѣтъ никакого основанія приписывать Китаю въ этомъ отношеніи исключительное положеніе. Было необходимо установить эти факты, послѣ того какъ зародившаяся не въ китайскихъ головахъ легенда о „верховномъ правѣ собственности китайскаго императора“, какъ совершенно своеобразной максимѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ложными взглядами относительно китайской культуры, переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ наслѣдственная болѣзнь, и постоянно заимствовалась съ заботливымъ вниманіемъ однимъ писателемъ у другого [1]).

Основываясь на вышеустановленномъ, мы не нуждаемся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ того, что китаецъ теперь, какъ и встарину, обладаетъ землей на правѣ собственности со всѣми тѣми вещными правами, какія пріобрѣтаются во всякой европейской странѣ [2]). Онъ можетъ поступать со своей землей, какъ ему угодно, можетъ ее обрабатывать, распоряжаться ею, продавать, отдавать въ аренду, закладывать, обременять повинностью, дарить и т. д. Уже выраженія въ соотвѣтственныхъ документахъ при продажѣ и проч., такъ же какъ въ законахъ, не допускаютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Утвержденіе, что китайцы по отношенію къ землѣ примѣняютъ выраженіе: „продавать“ только тамъ, гдѣ въ силу привилегіи не нуж-

---

1) Такъ, обширный трудъ *Simcox's Primitive Civilizations or Outlines of the History of Ownership in Archaic Communities* (London. 1894), гдѣ можно было бы ожидать основательнаго изслѣдованія этого важнаго вопроса, еще ограничивается замѣчаніемъ, что китайцы суть „земледѣльческая нація, гдѣ вся земля признается все еще собственностью короны или націи“. („a nation of cultivators, where all the land is still regarded as Crown-or national property“. (Т. I. Стр. 130).

2) Я разумѣю здѣсь главнымъ образомъ основныя права, указываемыя въ § § 903 и 905 [германскаго] гражданскаго уложенія. Другія особенныя права, приведенныя въ той же главѣ уложенія, естественно, не могутъ быть приняты въ соображеніе въ виду китайскихъ условій и отсутствія [кодифицированнаго] гражданскаго права; но большинство ихъ будетъ безусловно признано и китайскимъ судьей. Такъ напримѣръ, опредѣленіе относительно запахиванія смежныхъ полей, содержащееся въ § 909 Гражд. Улож., нѣсколько лѣтъ тому назадъ объявлено также въ постановленіи шанхайскаго уѣзднаго начальника. Потерпѣвшій собственникъ пріобрѣтаетъ право на вознагражденіе.

но платить поземельнаго налога“ (см. ниже, Б, 1), неправильно: въ всей Китайской империи и, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста изъ *Исторіи Цинской династіи* (см. выше, стр. 22), уже издавна употребляется такое же именно выраженіе для купли-продажи земли, какъ по отношенію къ любому товару.

2. Виды землевладѣнія.

а) Земли китайскихъ поселянъ (*минь-ди*).

Всѣ обрабатываемые или состоящіе въ какомъ-либо иномъ пользованіи земельные участки должны быть занесены въ земельный реестръ, который ведется областнымъ начальствомъ. Существо этого земельнаго реестра совпадаетъ въ теоріи съ нашей системой въ томъ, что онъ пользуется публичной достовѣрностью, т. е. его содержаніе признается правильнымъ въ пользу лица, на имя котораго записано какое-либо право на данный земельный участокъ. Но, какъ это будетъ подробно выяснено ниже, китайскій земельный реестръ имѣетъ главнымъ назначеніемъ обезпеченіе государственныхъ, а не частныхъ правъ, чѣмъ значительно ограничивается сфера этого обезпеченія; въ особенности недостаточно оно бываетъ при отдачѣ въ залогъ какого-либо земельнаго участка или установленіи обезпеченнаго залогомъ обязательства. Современная поземельная книга или земельный реестръ областного управленія носитъ наименованіе „рыбье-чешуйчатаго реестра“ (*юй-линь-цэ*) 1) отъ выступающихъ одинъ изъ подъ другого на подобіе чешуи „актовыхъ концовъ“ 2) съ записями для отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Какъ явствуетъ изъ одного мѣста въ „*Исторіи Мин'ской династіи*“, эта система введена въ 1387 г., когда всѣмъ областямъ было предписано произвести новый кадастръ земель и завести основанные на этомъ кадастрѣ земельные реестры. „Форма (этихъ реестровъ) походила на

---

1) Въ нѣмецкомъ оригиналѣ: *yu lin Ch'ö. Ред.*

2) „Хвостомъ“ или „концомъ акта“ называютъ оффиціальный актъ укрѣпленія сдѣлки купли—продажи недвижимостей. Этотъ актъ состоитъ изъ двухъ продольныхъ половинокъ, одна изъ которыхъ выдается пріобрѣтателю, а другая остается въ присутственномъ мѣстѣ, служитъ для контроля поступленія пошлинъ и сшивается вмѣстѣ съ другими такими же. *Ред.*

чешую рыбы, вслѣдствіе чего они и получили наименованіе: „Рыбье-чешуйчатый реестръ". До этого во всемъ государствѣ были въ употребленіи такъ называемые „желтые реестры". Въ нихъ первое мѣсто отводилось лицу собственника (а не землѣ); тамъ точно отмѣчалось, кто раньше владѣлъ землей, кто ее затѣмъ получилъ, кто выбылъ и кто оставался на-лицо; эти данныя составляли четыре столбца всего реестра. „Рыбье-чешуйчатый реестръ" сдѣлалъ, напротивъ того, главнымъ объектомъ землю, указывая, равнинная ли земля или на покатости, возвышенная ли и сухая или низменная и болотистая, плодородная или тощая, песчаная или солончаковая. „Рыбье-чешуйчатый реестръ" имѣетъ дѣло съ характеромъ самаго земельнаго участка, а „желтый реестръ" даетъ указанія касательно налоговъ и личныхъ повинностей"[1]). Согласно одной статьи въ „*Собраніи оффиціальныхъ документовъ*", „желтые реестры" были замѣнены новымъ порядкомъ вслѣдствіе ихъ недостовѣрности и неполноты[2].)

Собственникъ, въ доказательство занесенія въ реестръ и въ удостовѣреніе своего права собственности, получаетъ оффиціальное свидѣтельство на владѣніе или крѣпостной актъ (*тянь-дань* или *ди-ци*), который въ различныхъ мѣстахъ имѣетъ различную форму, но всегда, кромѣ имени настоящаго собственника, содержитъ описаніе земельнаго участка, со включеніемъ пространства, границъ, положенія, кадастроваго округа, обозначенія налога и пр. Крѣпостные акты въ ихъ теперешнемъ видѣ были введены въ 1783 году при императорѣ *Цянь-лунъ* и въ 1855 г. большею частью возобновлены. Но во многихъ мѣстностяхъ и эти новые акты уже утрачены; ихъ замѣняетъ въ такомъ случаѣ казенная печать провинціальнаго казначея (см. ниже, Ч. I, В, в) которая прикладывается къ акту о покупкѣ. Такіе оффиціальные крѣпостные акты почти имѣютъ характеръ бумаги на предъявителя: по закону земля принадлежитъ тому, кто владѣетъ крѣпостнымъ актомъ; доказательство незаконнаго обладанія актомъ в о о б щ е (эту оговорку надлежало бы дѣлать въ отношеніи всякаго опредѣленія китайскаго законодательства) лежитъ на обязанности стороны, предъявляющей притязаніе. Въ случаѣ утраты та-

1) *Минъ-ши*. Гл. 77 fol. 5 verso—6 recto.
2) *Хуанъ-чао цзинъ-ши вэнь-пянь*. Гл. 29 fol. 6 recto.

кого акта объ этомъ надлежитъ письменно заявить областному начальству; послѣдній включаетъ заявленіе въ свой реестръ, благодаря чему при обнаруженіи документа въ другихъ рукахъ онъ является тотчасъ освѣдомленнымъ, и изготовляетъ новый актъ или временный цертификатъ, въ которомъ утраченный документъ объявляется недѣйствительнымъ. Въ Шанхаѣ выдача такихъ цертификатовъ, въ виду различныхъ обмановъ, запрещена въ 1899 г. мѣстнымъ даотаемъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ какъ показываетъ практика, доказательствомъ собственности служатъ и квитанціи въ уплатѣ поземельнаго налога[1]).

Этотъ видъ земельной собственности („Volkland“, *минь-ди*), съ которымъ связаны ниже болѣе подробно описанныя повинности, представляется обычнымъ во всѣхъ китайскихъ провинціяхъ. Онъ представляетъ общій порядокъ землевладѣнія почти всего сельскаго и городского населенія, включая христіанскія миссіи внутренняго Китая.

б) Знаменныя земли *(ци-ди)*.

Отличный отъ вышеописаннаго порядокъ землевладѣнія мы находимъ у маньчжурскихъ семей въ Пекинѣ и въ окрестностяхъ его, въ расположенныхъ внутри Великой стѣны частяхъ провинціи *Чжили* и въ разбросанныхъ по всему государству маньчжурскихъ гарнизонахъ: въ *Синъ-ань* (*Шэнь-си*), *Нинъ-ся* (*Гань-су*), *Ханъ-чжоу* (*Чжэ-цзянъ*), *Кантонъ* и др. Послѣ завоеванія Китая маньчжурами, въ срединѣ 17-го столѣтія, всѣ князья новаго императорскаго дома, такъ же какъ всѣ полководцы и военныя дружины

---

1) „Налоговыя квитанціи слѣдуетъ сохранять; онѣ удостовѣряютъ не только уплату налога, но и обладаніе землею; онѣ могутъ быть полезны въ особенности при недостаткѣ другого оффиціальнаго документа или пока сдѣлки продажи еще не *укрѣплены* оффиціально или если акты не снабжены мандаринской печатью. По закону, старые документы безъ налоговыхъ квитанцій послѣднихъ лѣтъ не достаточны для обоснованія на судѣ права на виндикацію, въ то время какъ тѣ же квитанціи безъ документовъ доказываютъ право in re“. (Notions techniques sur la propriété en Chine avec un choix d'actes et de documents officiels par Le P. Pierre Hoang. Chang-Hai, 1897. Стр. 20). *Прим. ред.*

(„знамя", *ци*) получили болѣе или менѣе обширныя земельныя владѣнія (*ци-ди*). Послѣднія были свободны отъ налога, но владѣльцы обязывались служить императору въ рядахъ войскъ во время войны и мира, по скольку это было бы признано нужнымъ. Земельные участки принадлежали семьѣ на вѣчныя времена, но безъ права отчужденія. Это напоминаетъ существо старой нѣмецкой ленной системы, и опредѣленіе, содержащееся по этому поводу въ Общемъ прусскомъ правѣ (Allg. Landrecht, T. I. Tit. XVIII, § 13), подходитъ въ дѣйствительности и къ тѣмъ землямъ. Благодаря такимъ пожалованіямъ землями большая часть территоріи города Пекина попала въ руки маньчжуръ, и такъ какъ послѣдніе не могли заниматься какою бы то ни было торговлей[1]), то столица вскорѣ опустѣла бы, если бы и здѣсь практическій умъ китайцевъ не оказался сильнѣе всякихъ законоположеній. Такимъ образомъ, произошло лишь санкціонированіе уже существующаго порядка вещей, когда въ 1853 году, согласно докладу министерства финансовъ, было снято запрещеніе продажи знаменныхъ земель (*ци-ди* или *ци-цзу*)[2]), и нынѣ много земельныхъ имуществъ въ такъ называемомъ „татарскомъ или маньчжурскомъ городѣ" Пекина снова находятся въ рукахъ китайцевъ, которые зарегистровали ихъ у обоихъ областныхъ начальниковъ Пекина и обладаютъ на обыкновенномъ правѣ собственности[3]).

Равнымъ образомъ, много участковъ прежнихъ знаменныхъ земель, особенно въ *Чжили*, уже давно путемъ купли достались китайскимъ семьямъ, въ то время какъ иные участки тѣхъ же земель были покинуты и обратились въ пустоши, которыя впослѣдствіи были заняты и обработаны китайскими крестьянами. Но отъ прочихъ пустошей эти, ставшія безхозяйными, знаменныя земли отличаются тѣмъ, что государство, пріобрѣвшее на нихъ

---

1) Это запрещеніе было отмѣнено 14 сентября 1898 года однимъ изъ знаменитыхъ тогдашнихъ эдиктовъ о реформахъ; но мѣропріятіе это оказалось столь же мало дѣйствительнымъ, какъ и многія другія изъ той эпохи.

2) *Шунь-тянь фу-чжи*, Гл. 53. fol 22 recto et verso.

3) Земельный участокъ, на которомъ находится германское посольство, частью также пріобрѣтенъ изъ рукъ китайскихъ собственниковъ, хотя ранѣе былъ знаменной землей.

право собственности, отдаетъ ихъ обработывающему не въ собственность, а лишь въ аренду. Съ другой стороны большія пространства въ названныхъ мѣстностяхъ находятся на первоначальномъ положеніи знаменныхъ леновъ, но только многіе, можетъ быть, даже большая часть изъ знаменныхъ людей вскорѣ послѣ полученія отдали свою землю въ аренду и пользуются теперь арендным оброкомъ, который, подобно тому какъ и взыскиваемый со ставшихъ безхозяйными знаменныхъ земель, согласно одной запискѣ генералъ-губернатора *Чжили* [1]), большею частью значительно выше поземельнаго налога. Стремленіе правительства привести знаменныя земли, особенно въ маньчжурскихъ гарнизонахъ провинцій, для упрощенія къ общему порядку, повидимому, лежитъ въ основаніи законоположенія, что знаменная земля, купленная китайцами, становится обыкновенной землей, а обыкновенная земля, пріобрѣтенная знаменными людьми, остается на общемъ положеніи [2]).

в) Правительственныя земли *(гуань-ди)*.

Знаменныя земли по своему существу уже подходятъ къ „правительственнымъ землямъ“ *(гуань-ди)*, т. е. къ собственнымъ земельнымъ имуществамъ фиска. Къ нимъ принадлежатъ всѣ государственныя зданія присутственныхъ мѣстъ и святыни (т. е. храмы неба, земли, солнца, луны, земледѣлія, мѣстныхъ духовъ земли, духовъ горъ и рѣкъ и др.), далѣе экзаменаціонныя залы, храмы Конфуція и другихъ каноническихъ мудрецовъ, городскія стѣны и рвы (часто также земля, лежащая между ними), береговыя укрѣпительныя сооруженія, нѣкоторыя (не всѣ!) большія дороги, мосты и пристани, участки для обученія солдатъ и т. п. Въ болѣе широкомъ смыслѣ сюда причисляютъ, какъ выше было замѣчено, всѣ безхозяйныя земли и всѣ неразработанныя пустоши. Правительственныя земли, само собою разумѣется, свободны отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и не вносятся (такъ же какъ и знаменная земля) въ обыкновенные земельные реестры областныхъ управленій.

---

1) Пекинскій Вѣстникъ отъ 28 іюля 1888 г.

2) Parker, Eight rules governing the sale of Banner Feus and unoccupied lands in Chihli въ XXII томѣ Journal Ch. Br. R. A. S.

г) Земли короны (*юй-ди*).

Отъ таковыхъ государственныхъ земельныхъ имуществъ обособлены собственныя императорскія коронныя земли (*юй-ди*)—частная собственность императорской фамиліи. Сюда принадлежатъ государевы дворцы, парки, мавзолеи, земли для охоты и т. д., даже если эти, иногда весьма обширныя, территоріи уже издавна опять превратились въ пустоши. Иногда части послѣднихъ особымъ актомъ милости императора предоставляются населенію для обработки; но этому обыкновенно предшествуетъ уже потомъ неустранимое занятіе земли значительнымъ числомъ поселянъ. Такая судьба постигла, напримѣръ, значительную часть громадныхъ охотничьихъ земель внѣ Великой стѣны, въ области *Жэ-хэ*[1]); подобнымъ же образомъ *Нань-хай-цзы*, охотничій паркъ къ югу отъ Пекина, какъ кажется, дробится теперь на участки и распродается по дешевымъ цѣнамъ[2]). Богдоханскія земли, естественно, свободны отъ всякаго государственнаго контроля; онѣ состоятъ въ завѣдываніи Министерства Императорскаго Двора или иныхъ особыхъ учрежденій Двора.

д) Публичныя земли (*гунъ-ди*).

Отъ собственно „казенныхъ земель“ должно отличать также „публичныя земли“ (*гунъ-ди*), которыя равнымъ образомъ не подлежатъ поземельному обложенію, но на которыя государство не имѣетъ иныхъ притязаній, кромѣ того, что не допускаетъ ихъ занятія или загражденія. Существенный признакъ публичныхъ земель тотъ, что всякій можетъ свободно пользоваться ими (исключая обработку), между тѣмъ какъ относительно правительственныхъ земельныхъ имуществъ этого обыкновенно не бываетъ. Кромѣ того, содержаніе въ порядкѣ послѣднихъ лежитъ на попеченіи подлежащихъ мѣстныхъ или провинціальныхъ учрежденій, тогда какъ публичныя земли предоставлены попеченію заинтересованныхъ лицъ (т.-е. часто

---

[1]) См. мое *Beschreibung des Jehol-Gebietes in der Provinz Chihli*, S. 70.

[2]) По сообщенію *Шунь-тянь жи бао* (*Тунъ-вэнь ху-бао* отъ 6 сентября 1902).

ничьему)[1]. Къ публичнымъ землямъ принадлежатъ прежде всего дороги, мосты, рѣки и каналы, пристани и др. мѣста, предназначенныя во всеобщее пользованіе. Здѣсь имѣется, такимъ образомъ, точное соотвѣтствіе съ юстиніановымъ правомъ, по которому исключительно res publico usui destinatae остались еще въ качествѣ res publicae въ техническомъ смыслѣ. Какъ въ древнемъ Римѣ первоначально собственникомъ всего того, что не было частной собственностью (res privata), былъ populus Romanus и все это признавалось res publica, такъ и въ древнемъ Китаѣ въ противоположность „частной землѣ" *(сы-ди)* существовала только „публичная земля" *(гунъ-ди)*. Но послѣ того какъ государство (или община) развились въ юридическое лицо, они вступаютъ въ число частныхъ собственниковъ, какъ владѣльцы нѣкоторыхъ земель, доходы съ которыхъ они употребляютъ на покрытіе своихъ потребностей; т.-е., эта часть „публичныхъ земель" выдѣляется изъ общаго понятія, превратившись въ Римѣ въ res privata, въ Китаѣ же въ „правительственныя" или казенныя земли *(гуань-ди)*. Примѣнительно къ нашимъ понятіямъ можно было бы передать *гунъ-ди* въ тѣсномъ смыслѣ какъ „общинную землю", и это обозначеніе дѣйствительно есть то же, что и обозначеніе древнихъ „общинныхъ полей" *(гунъ-тянь)*. Но такъ какъ въ современномъ Китаѣ понятіе (городской или сельской) общины въ нашемъ смыслѣ почти вовсе отсутствуетъ, то не можетъ быть больше рѣчи о собственно общинной землѣ. Остатки древняго понятія „общинныхъ полей" мы найдемъ, можетъ быть, скорѣе всего въ условіяхъ землевладѣнія нѣкоторыхъ замкнутыхъ деревенскихъ общинъ на равнинѣ и въ горахъ; общины эти съ молчаливаго допущенія чиновниковъ являются какъ бы собственниками или, по крайней мѣрѣ, владѣльцами, и при томъ вовсе или частью свободными отъ налога, земель, въ особенности пастбищъ, камышниковъ, лѣса и порослей. Эти общины выступаютъ тѣмъ самостоятельнѣе, чѣмъ онѣ отдаленнѣе; такъ, въ уединенныхъ горныхъ селеніяхъ встрѣчаются даже публичныя объявленія стар-

---

[1]) „Not only do the Chinese feel no interest in that which belongs to „the public", but all such property, if unprotected and available, is a mark for theft". *A. H. Smith, Chinese Characteristics.* Стр. 141.

шинъ, въ которыхъ устанавливаются взысканія за безправное или произвольное пользованіе нѣкоторыми землями и т. п. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти взысканія приводятся въ исполненіе и принудительнымъ порядкомъ. Съ правовой точки зрѣнія эти земли разсматриваются, повидимому, какъ „дикая (т.-е. неразработанная) площадь (см. ниже В, 1, а), которую теоретически каждый можетъ брать подъ обработку по заявленію въ учрежденія земельной регистраціи, но занять которую въ этого рода случаяхъ никто бы не осмѣлился. Такъ, обширныя, поросшія высокимъ камышемъ пространства на берегахъ нижняго *Янцзы* находятся, кажется, въ неограниченномъ пользованіи прилегающихъ селеній, которыя осенью снимаютъ камышъ. Во всякомъ случаѣ за такую землю по закону долженъ уплачиваться „камышевый оброкъ"; но соблюдается ли это въ дѣйствительности, приходится оставить невыясненнымъ.

c) Военныя поселенія *(тунь-тянь)*.

Наконецъ, особый видъ землевладѣнія созданъ учрежденіемъ, которое происходитъ еще изъ древнихъ временъ и послѣдніе остатки котораго вскорѣ исчезнутъ. Это—такъ называемыя „военныя поселенія" *(тунь-тянь* или *инъ-тянь)*. Въ древнія времена, когда китайцы должны были еще защищать свою страну отъ окрестныхъ полуварварскихъ народовъ и когда малыя феодальныя государства оспаривали другъ у друга господство, слѣдовали той же системѣ, какую въ настоящее время русскіе примѣняютъ въ Сибири на монголо-китайской границѣ, а въ послѣднее время также въ Маньчжуріи[1]); содержали войска, которыя занимались хлѣбопашествомъ, т. е. войскамъ давали земельные надѣлы на правѣ свободныхъ отъ обложенія леновъ, но съ обязательствомъ воинской и сторожевой службы. Объ этихъ поселеніяхъ впервые упоминается въ *Лѣтописяхъ старшей Ханьской династіи*, гдѣ сообщается, что въ 85 г. до Р. Х., вслѣдствіе опустошенія полей и неурожая въ предшествовавшихъ годахъ, отъ населенія нельзя было требовать ни возврата выданныхъ ссудъ ни уплаты поземельнаго налога, и что „зимою обученные военному дѣлу и стрѣльбѣ изъ лука были посланы

1) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду казачьи войска Сибири и охрану Восточно-Китайской жел. дороги. *Ред.*

на сѣверъ и подъ предводительствомъ своихъ прежнихъ офицеровъ получили въ мѣстности *Чжанъ-е* (въ нынѣшней провинціи *Гань-су*) поселенческіе надѣлы *(тунь-тянь)*" [1]). Въ послѣдующее время эти поселенія значительно распространились не только на сѣверной и западной границахъ, вдоль окраины пустыни Гоби и къ сѣверу и востоку отъ Желтой рѣки, стало быть въ *Чжили*, *Шаньси*, *Шэньси*, *Хэнань*, *Ганьсу* и даже въ далекомъ Туркестанѣ [2]), но они имѣются уже въ 6 и 7 столѣтіяхъ на югѣ по р. *Янцзы*, въ *Хубэй*, *Аньхуй* и *Цзянсу*, какъ подробно сообщаетъ *Исторія Сунской династіи*, посвящающая военнымъ поселеніямъ особую главу [3]). При современной же династіи, въ 18 в., также и провинціи *Шаньдунъ*, *Сычуань*, *Хунань*, *Фуцзянь*, *Гуандунъ*, *Гуанси* и *Юньнань* получили свои военныя поселенія для охраненія границъ и городовъ, а также для поддержанія плотинъ и береговыхъ укрѣпительныхъ сооруженій на большихъ рѣкахъ и важныхъ водныхъ путяхъ и для передвиженія и охраны казенныхъ транспортовъ по натуральнымъ налогамъ [4]). Императоры *Мин*'ской династіи (1368—1644) удержали и послѣ изгнанія монголовъ систему военныхъ поселеній и поселили на одной сѣверной границѣ около 70.000 семей [5]). Съ конца 16 и начала 17 в.в. общее пространство военныхъ поселеній показывается свыше 640.000 *цзинъ* (1 *цзинъ*—100 *му*) [6]), въ то время какъ доклады всѣхъ провинціальныхъ казначействъ отъ 1753 г. исчисляютъ его ниже 260.000 *цзинъ* [2]). Цѣлью этихъ поселеній было—содержать военныя и полицейскія войска по возможности безъ расхода, давъ имъ возможность чрезъ пользованіе землей самимъ пріобрѣтать свое содержаніе, которое иначе было тяжелымъ бременемъ. Въ то время какъ на крайнемъ сѣверѣ военныя поселенія, какъ кажется, совершенно исчезли вмѣстѣ съ *Мин*'ской династіей, они сохранились донынѣ по р. *Янцзы*, какъ земельныя имущества особой категоріи. Первоначально земля была, какъ замѣчено, свободна отъ налоговъ, но ея нельзя было ни про-

1) *Цинь хань шу*. Гл. 7 fol. 3 recto. Сравн. также ibid. гл 23 fol. 16 verso.

2) *Да-цинъ хуй-дянь ши-ли*, Гл. 140, 150 и 151, гдѣ очень подробно излагается устройство военныхъ поселеній.

3) *Сунъ-ши*. Гл. 176.

4) *Да-цинъ хуй-дянь*. Гл. 10 fol. 6 verso—8 recto.

5) *Минъ-ши*. Гл. 77 fol. 3 verso.

6) Ibid. fol. 10 verso.

давать ни отдавать въ залогъ. Лежавшія на ней повинности впослѣдствіи, именно послѣ преобразованія казеннаго транспортированія риса, были отмѣнены, а земельные участки были обложены вмѣсто того особымъ оброкомъ; но все же ихъ нельзя было и впредь ни отчуждать ни отдавать въ залогъ[1]).

Но въ эту систему, кажется, уже нѣсколько столѣтій тому назадъ вкрались злоупотребленія: уже „*Исторія Минской династіи*" рисуетъ вредъ и нерѣдкую безцѣльность военныхъ поселеній, такъ какъ владѣльцы всячески уклоняются отъ исполненія своихъ обязательствъ[2]). Впослѣдствіи же, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, поселенцы нерѣдко самовольно продавали свои надѣлы, и общій докладъ генералъ-губернатора *Нанкина* и губернатора *Цзянсу* отъ 1874 г. удостовѣряетъ, что значительная часть земли давно уже ушла изъ рукъ ихъ законныхъ владѣльцевъ[3]). Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ въ указѣ о реформахъ отъ 12 сентября 1898 г. было предусмотрѣно полное упраздненіе „военныхъ надѣловъ" и обращеніе ихъ въ обыкновенные земельные участки, а позже, указомъ 23 февраля 1902 года, это дѣйствительно повелѣно. Указъ 19 іюня 1902 г. предписываетъ подлежащимъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ выяснить, какіе изъ многихъ теперешнихъ незаконныхъ собственниковъ надѣловъ купили ихъ ниже обычной мѣстной цѣны, и взыскать съ нихъ разницу въ пользу государственной казны[4]). Съ тѣхъ поръ, согласно газетнымъ сообщеніямъ, провинціальныя управленія, къ ужасу мѣстныхъ учрежденій и многочисленныхъ собственниковъ, заняты провѣркою правоотношеній собственности въ прежнихъ поселеніяхъ и приведеніемъ ихъ къ общему порядку землевладѣнія[5]).

---

1) *Да-цинъ люй-ли*. Отд. 9 fol. 21 recto (Инструкція и комментарій).

2) *Минъ-ши* l. c.

3) *Пекинская газета* отъ 1 іюля 1874 г.

4) Это мѣропріятіе слѣдуетъ, повидимому, приписать въ послѣднее время особенно сильно выступающему стремленію китайскаго правительства изыскать новые источники доходовъ для смягченія вызванной событіями 1900 года нужды государственнаго казначейства въ деньгахъ.

5) По этому можно судить о правильности слѣдующаго сооб-

Б. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ПОВИННОСТИ.

Лежащія на землевладѣніи государственныя повинности состоятъ изъ поземельнаго налога, нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей и изъ пошлинъ при переходѣ имущества. Изъ разъясненій предыдущаго отдѣла явствуетъ, что независимо отъ военныхъ повинностей маньчжурскихъ „леновъ“ (поскольку они еще существуютъ), эти повинности ложатся, естественно, только на земельныя имущества общаго порядка.

1. Поземельный налогъ.

Поземельный налогъ представляетъ ядро всей китайской податной системы, даже основу всего финансоваго хозяйства. Это наиболѣе естественный налогъ у земледѣльческаго народа, каковымъ китайцы были искони и, какъ мы видѣли выше (стр. 17), столь же древній налогъ, какъ и сама земельная собственность. Въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами форма его и размѣръ не были всегда и повсюду тѣ же. Уже за 2000 лѣтъ до Р. Х., какъ мы усматриваемъ у *Мэнцзы*, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствовала „система девяти частей“ (см. стр. 17 и слѣд.), налогъ состоялъ въ повинности по обработкѣ общественныхъ полей, а въ другихъ мѣстностяхъ—въ десятой части доходовъ съ земли[1]). Съ развитіемъ государственнаго управленія и въ связи съ болѣе или менѣе многочисленными воен-

---

щенія у *Simcox, Primitive civilizations*, T. I стр. 130: „At the present day certainly, and most probably always, the army of China has been paid in exactly this way (путемъ пожалованія земли), which is both the cheapest and the most popular that can be adopted in a nation of cultivators, where all the land is still regarded as Crown—or national property“.

1) *Менцзы* III, 1, III, 15 (сравн. примѣч. къ этому у *Legge*).

ными предпріятіями послѣдующихъ династій развивалась и налоговая система и измѣнялась тяжесть повинностей. Съ установленіемъ *Цинь*'-ской династіи (255 г. до Р. Х.), наименѣе почитавшей старину династіи Китая, исчезла прежняя патріархальная „система девяти частей“ и ея мѣсто заступили новые податные законы, повидимому, соотвѣтствовавшіе тогдашнимъ болѣе или менѣе воинственнымъ временамъ[1]). При *Тан*'ской династіи, въ 624 г. по Р. Х., вся податная система была перестроена на новомъ основаніи, съ введеніемъ такъ называемой ,,оброчной, барщинной и поставочной системы“ (*цзу-юнъ-тяо*), которая была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ податной системы, упоминаемой и осужденной уже *Мэнцзы*[2]), но образуетъ базисъ еще нынѣ существующаго въ Китаѣ поземельнаго обложенія. Основныя черты этой системы слѣдующія: совершеннолѣтніе и подростки—мужского пола получали опредѣленный надѣлъ частью въ полную собственность, частью въ пожизненную аренду (*цзу*) (подробн. объ этомъ на стр. 18 и слѣд.), за что уплачивалась ежегодная подать зерномъ въ качествѣ арендиаго оброка; далѣе, эти землевладѣльцы были обязаны еще трудовыми повинностями (*юнъ* или *юй*) передъ государствомъ (главнымъ образомъ заключавшимися, вѣроятно, въ военной и сторожевой службѣ, работахъ на дорогахъ и плотинахъ и пр.), по общему правилу въ количествѣ 20 дней ежегодно и, наконецъ, на нихъ еще лежали личныя поставки (*тяо*), въ зависимости отъ обрабатываемой ими почвы состоявшія изъ опредѣленнаго количества шелковыхъ тканей, бумажныхъ матерій, пеньки и т. д. Допускались компенсаціи, т. е. личныя повинности можно было замѣнить увеличенной поставкой и, наоборотъ, арендный оброкъ и поставки можно было перемѣнить на увеличенную барщину[3]). Впослѣдствіи эти повинности были обращены частью или вполнѣ въ денежныя,

1) *Хуанъ-чао цзинъ-ши вэнь-бянь*. Гл. 29 fol. 3 recto.

2) *Мэнцзы* VII, 2, XXVII,1: „Есть подати тканями, зерномъ и барщиной. Правитель долженъ пользоваться лишь одной изъ нихъ и отказаться отъ остальныхъ двухъ. Если онъ воспользуется двумя, то народъ голодаетъ; если же воспользуется всѣми тремя, то разстанутся отцы съ своими сыновьями“.

3) *Цзю Танъ-шу*. Гл. 48 fol. 4 verso.

Эта система, часто упоминаемая въ китайскихъ источникахъ подъ вышеприведеннымъ названіемъ, въ европейскихъ работахъ,

при чемъ величина выведенныхъ суммъ подвергалась, кажется, чрезвычайнымъ колебаніямъ. Въ концѣ десятаго столѣтія поставки, уже принявшія форму подушной денежной подати, были уничтожены, остальныя же денежныя и натуральныя повинности, въ теченіи нѣкотораго времени усиленныя посемейною податью, продолжали взиматься въ произвольномъ размѣрѣ, пока въ срединѣ 16-го столѣтія всѣ онѣ не были сведены въ одинъ общій, постоянно мѣнявшійся налогъ,—система, получившая своеобразное названіе „единой плети" (*и тяо бянь*). Нынѣ правящая династія положила конецъ этому порядку и вернулась къ старой трехчастичной системѣ, но обратила личныя повинности и поставки либо ихъ денежные эквиваленты въ подушную подать, въ то время какъ прежній арендный оброкъ подъ именемъ „сбора денежнаго и зерномъ" былъ сохраненъ въ качествѣ самостоятельнаго налога. Введенная указомъ 1657 года, эта система, которая въ качествѣ нормы собственно поземельнаго налога (*цянь-лянъ*) закрѣпила подать, взимавшуюся при императорѣ *Шэнь-Цзунъ* (1573—1620), тогда какъ подушная подать (*ди-динъ*) была установлена вновь, существуетъ въ принципѣ и нынѣ, хотя впослѣдствіи она и подвергалась существеннымъ преобразованіямъ. Такъ, въ 1713 году [1]) великій императоръ *Канъ-си* указалъ, что „такъ какъ населеніе хотя и возрастаетъ постоянно, но земля не становится обширнѣе", то налоги съ отдѣльныхъ округовъ и при увеличеніи населенія никогда не должны быть увеличиваемы и въ основаніе исчисленія ихъ разъ на всегда должны быть приняты списки населенія за 1711 годъ (когда императоръ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своего правленія); о дѣйствительномъ наличномъ населеніи должны быть представлены еще особые списки [2]). Этотъ важный указъ, въ извѣстной

кромѣ *Memoire Biot*, гдѣ на стр. 292 и слѣд. дается не особенно ясный обзоръ ея, кажется, вовсе не упоминается. Иностранные словари, имѣющіеся у меня подъ рукой, также не приводятъ важнаго значенія іероглифа *тяо* 調 (который состоитъ изъ іероглифа династіи Чжоу съ 149 ключев. знакомъ) въ этой комбинаціи. Словарь *Кан-си* даетъ ему прямо значеніе „подать".

1) Въ работѣ *G. Jamieson. Tenure of Land in China and the Condition of the Rural Population* приведенъ 1711 годъ; на основаніи какого источника—не указано.

2) *Хуанъ-чао цзинъ-ши вэнь-бянь.* Гл. 29 fol. 3—4.

степени еще и теперь связывающій по рукамъ китайское правительство[1]), подвергся модификаціи въ силу мѣропріятій императора *Юань-чжэн*'а въ 1726—1728 г.г. въ томъ, что подушная подать была хотя и не упразднена, но присоединена къ поземельному налогу[2]). Хотя подушная подать все еще приводится въ „*Собраніи постановленій*" [3]), но въ дѣйствительности отдѣльно не взимается. Такимъ образомъ, поземельный налогъ современнаго Китая изъ прежняго трехчастичнаго сталъ въ дѣйствительности единичнымъ, хотя нѣкоторые остатки прежнихъ личныхъ повинностей, и, вѣроятно, большей частью лишь въ принципѣ, сохранились еще кое-гдѣ. „Уничтожили названіе (старой системы), но сохранили ея содержаніе", говорится по этому поводу въ „*Собраніи оффиціальныхъ документовъ*" [4]).

Норма поземельнаго налога, какъ мы уже видѣли, чрезвычайно колебалась при прежнихъ династіяхъ, да и теперь также не представляется хотя бы приблизительно одинаковой во всемъ государствѣ. Подробныя изслѣдованія этого повели бы слишкомъ далеко, какъ бы они ни были интересны и цѣнны также и для сужденія о податной силѣ страны. Историческія сочиненія содержатъ очень подробныя данныя относительно денежныхъ и натуральныхъ повинностей, а *Собраніе постановленій* даетъ точныя таблицы для всѣхъ провинцій[5]). Dr. *Forke* въ своей работѣ: *Das chinesishe Finanz-und Steuerwesen* (въ I отдѣлѣ III и IV г.г. *Извѣстій семинарія восточныхъ языковъ*)[6]) далъ выдержки изъ таблицъ, а также нѣкоторыя данныя о высотѣ поземельнаго налога при различныхъ династіяхъ; ради краткости сошлемся здѣсь на эту работу. Достаточно будетъ сказать здѣсь, что налогъ и теперь еще состоитъ изъ денежныхъ и натуральныхъ сборовъ (рисъ, пшеница, ячмень, бобы и пр.), но послѣдніе могутъ быть переводимы на деньги

1) Какъ мнѣ кажется, этимъ объясняется, почему въ нынѣшнюю эпоху, при особенно сильномъ недостаткѣ финансовыхъ средствъ, были введены въ Китаѣ налоги на дома, лавки и др., о возвышеніи же поземельнаго налога не было, во всякомъ случаѣ, оффиціально возвѣщено.

2) *Дунъ-хуа-лу*, *Юнъ-чжэнъ*, IX fol. 25 verso и XI fol. 32 recto.

3) *Да-цинъ хуй-дянь ши-ли*. Гл. 133.

4) *Хуанъ-чао цинъ ши вэнь-бянь* l. c. fol. recto.

5) *Да-цинъ хуй-дянь ши-ли*. Гл. 138.

6) *Mitteilungen des Seminars fuer orientalische Sprachen*.

по соотвѣтствію съ количествомъ урожая, и очень часто дѣйствительно переводятся плательщиками налога. Налоговые платежи опредѣляются въ серебряныхъ лянахъ *кунинъ*—т. е. „вѣсъ казначейства“—,но взимаются мѣдными чохами; при этомъ, вслѣдствіе начисленія чиновниками расчетнаго курса, налогъ значительно увеличивается, иногда на 100% [1]), такъ что фактически уплачиваемый поземельный налогъ, со включеніемъ пошлины за взиманіе, колеблется между 20 чохами (т. е. 5 пфениг.) и 900 чохами (т. е. 2,25 марк.) съ *му* [2]) [3]). Налоговая ставка опредѣляется прежде всего въ зависимости отъ плодородности земли, между тѣмъ какъ использованіе возрастающей цѣнности земли вышеупомянутымъ указомъ 1713 года по меньшей мѣрѣ значительно затруднено. Но и средняя плодородность не представляетъ общаго мѣрила высоты

---

1) Сравн. *P. Hoang. Notions Techniques sur la propriete en Chine* (N. 11. *Varietes Sinologiques*). Shanghai 1897. Стр. 17 № 44 и слѣд.

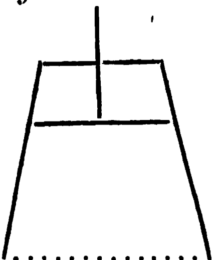
2) Одинъ *му* составляетъ нынѣ приблиз. 569 кв. м., въ Шанхаѣ 672 кв. м.

3) Къ указаннымъ въ текстѣ мѣрамъ площади и цѣнности считаемъ полезнымъ присоединить нижеслѣдующія разъясненія.

Свойственныя Китаю неопредѣленность и разномѣрность однѣхъ и тѣхъ же мѣръ представляются особенно поразительными въ измѣреніи земель. Отдѣльныя мѣстности, можно сказать, измѣряютъ земельныя имущества каждая на свой аршинъ или даже вовсе обходятся безъ этого, опредѣляя величину землевладѣнія по продуктамъ, получаемымъ отъ земли или продолжительности времени, требующагося для обработки ея. Болѣе или менѣе точно установлены величины различныхъ мѣръ вообще лишь внѣшними трактатами для сношеній съ иностранцами, но въ виду пристрастія китайцевъ къ разнообразію въ мѣрахъ и склонности извлекать изъ этого личныя выгоды, эти твердо установленныя величины мѣръ не имѣютъ распространенія во внутреннемъ оборотѣ. Въ 24 томѣ *Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, въ статьѣ: *Abstract of Information on Currency and Measures in China, compiled by Mr. H. B. Morse* приведены 30 различныхъ величинъ для *му*, но этотъ сводъ ихъ, очевидно, не полонъ, такъ какъ относится лишь къ немногимъ мѣстностямъ изъ 11 провинцій. Изъ этихъ величинъ 23 колеблются вообще между 511,4 кв. метровъ (Сватоу) и 867,1 кв. м. (Шу, въ пров. Шаньдунъ). Изъ остальныхъ двѣ величины ниже 500 кв. метровъ (меньшая—387,1 кв. метр.), двѣ больше 1000 кв. м., одна больше 1500 кв. м. и одна достигаетъ 3.032,4 кв. Одинъ *му* подраздѣляется вообще на 240 *бу* или *гунъ*, въ 5 же случаяхъ на 360

земельнаго налога; напротивъ, существуютъ особыя нормы для каждой отдѣльной провинціи, и затѣмъ въ каждой изъ нихъ земля

и болѣе *гунъ*. 1 гунъ содержитъ 25 кв. *чи* (кит. футъ). Обычный инструментъ для измѣренія земли имѣетъ слѣд. форму, захватывая 5 мѣстныхъ *чи*=1 *гунъ* или *бу*:



(Цитированная статья: *Abstract of Information etc...*) По англійскому Тяньцзинскому трактату 1858 г.—1 лин. *чи* приравненъ 14,1 дюймамъ (З. Матусовскій), почти совпадая т. о. съ 1/2 аршина.

Денежное обращеніе Китая основано на системѣ т. н. параллельной валюты, при которой въ странѣ существуетъ нѣсколько самостоятельныхъ денежныхъ единицъ, объединяемыхъ свободно-устанавливающимся и колеблющимся курсовымъ отношеніемъ между ними. Въ качествѣ денежныхъ единицъ въ Китаѣ выступаютъ: 1) мѣдная счетная единица *цянь* (цянь означаетъ нынѣ вообще: монета, или деньги), называемая русскими: *чохъ*, англичанами и нѣмцами: cash, и соотвѣтствующія ей монеты: малые и большіе чохи; 2) цѣлая группа серебряныхъ единицъ (*ляны*, или *тэли*), представляющихъ частью условный вѣсъ, большею же частью представленныхъ монетными слитками особой формы, которые изготовляются частными предпринимателями подъ контролемъ вѣсовщика и эксперта, избираемыхъ для сего „банкирами" даннаго города и несущихъ отвѣтственность за означаемыя ими на слиткахъ тушью вѣсъ и достоинство серебра; 3) серебряные *доллары*—иностранные, въ особенности мексиканскіе, и китайскіе, изготовляемые на монетныхъ дворахъ въ нѣкоторыхъ главныхъ городахъ провинцій (въ Кантонѣ, Вучанѣ, Гиринѣ, Пекинѣ и др.). Золото въ видѣ высокопробныхъ плитокъ имѣется, но не представляетъ общепринятой денежной единицы. Въ то время какъ Китай является вообще значительнымъ покупателемъ добываемаго въ другихъ странахъ серебра, золото, запасъ котораго пополняется вновь добываемымъ въ странѣ и попадающею въ Китай иностранной монетою, вообще уходитъ изъ страны. Это указываетъ на недостаточную оцѣнку въ Китаѣ золота. Что касается кредитнаго обращенія, то выпускъ и обращеніе билетовъ на предъявителя пока свободны отъ какой бы то ни было регламентаціи. Различные иностранные и ки-

раздѣляется, по возможной валовой ея доходности, на три налоговыхъ класса. Каждый областной начальникъ долженъ дать

тайскіе банки производятъ выпускъ билетовъ, преимущественно мелкихъ купюръ; обращеніе этихъ билетовъ ограничивается вообще небольшою областью.

Мѣдная монета: чохи изготовляется изъ сплава мѣди и цинка, иногда съ примѣсью свинца и олова, на монетныхъ дворахъ различныхъ провинцій; имѣетъ вообще старинную форму кружка съ квадратнымъ отверстіемъ по срединѣ для нанизыванія. Въ виду крайне мелкой цѣнности чоха и до послѣдняго времени широкаго пользованія въ народномъ обращеніи этой исконной національной монетой, потребность въ ней была чрезвычайно значительна.

Серебряные монетные слитки, измѣряемые въ лянахъ или тэляхъ, имѣютъ величину отъ 5 до 50 лянъ, болѣе же мелкіе вытѣсняются чеканной монетой изъ серебра. Вообще, какъ серебро, такъ и золото предпочитаются китайцами лишь высокаго достоинства, съ небольшими примѣсями лигатуры.

Ляны, или тэли представляютъ собственно единицу вѣса, вообще различную по своей величинѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Китая (при торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами 16 лянъ=1 кэтти приравниваются 0,605 килогр.; лянъ равенъ приблизительно 3 лотамъ), перенесенную въ денежное обращеніе. Въ качествѣ денежныхъ единицъ, ляны, или тэли имѣютъ различную величину по отдѣльнымъ городамъ и отраслямъ денежныхъ расчетовъ. Вообще, лянами пользуются главнымъ образомъ въ крупныхъ расчетахъ. Въ цитированной выше статьѣ въ *Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society*. Shanghai. 1898. Vol. XXIV приведено 77 величинъ тэля, или ляна, различныхъ достоинствъ металла и различнаго вѣса. Интересный подборъ данныхъ о величинѣ тэлей для городовъ, имѣющихъ внѣшнія торговыя сношенія, содержится въ Отчетѣ директора монетнаго двора С.-Ам. Соед. Шт. за 1905 г. (воспроизведено въ Bulletin de statistique et de legislation comparee, Juin 1907). Здѣсь приведены 91 тэль, частью съ указаніемъ вѣса и достоинства металла, частью только отношенія къ другому какому-либо тэлю, съ колебаніями въ пробѣ отъ 1000⁰/₀₀ до 898⁰/₀₀ и въ общемъ вѣсѣ—отъ 583 1/3 гранъ тройскаго вѣса (37,79 граммовъ) до 520,0 гранъ (33,69 граммовъ). Именно, таможенный лянъ, общій для всего Китая, выражаетъ вѣсъ чистаго серебра въ количествѣ 583 1/3 гранъ. Но по приводимымъ тамъ же свѣдѣніямъ изъ китайскаго источника, въ Чифу обращаются ляны и нѣсколько большей цѣнности (100=106.4 таможенныхъ). Но списокъ, конечно, не полонъ. Какъ высказывается тамъ, въ Китаѣ едва ли есть городъ безъ нѣсколькихъ тэлей, различающихся между собою и не совпадающихъ съ тэлями сосѣднихъ городовъ; величины тэля устанавливаются вообще въ силу обычая. Какъ и въ другихъ ро-

провинціальному казначею опредѣленную сумму, за вычетомъ издержекъ по управленію, оффиціальнымъ жертвоприношеніямъ и

дахъ измѣреній, обычай и имѣющія въ этомъ отношеніи узкое примѣненіе распоряженія властей вообще продолжаютъ обнаруживать свое вліяніе, но безъ настойчиваго стремленія къ объединенію мѣръ и хотя бы выработкѣ точныхъ соотношеній ихъ. Величина и проба тэлей, кромѣ немногихъ, можетъ быть опредѣлена лишь эмпирическимъ путемъ. Въ числѣ важнѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ можно указать *купинъ* лянъ, или казенный лянъ центральнаго правительства и шанхайскій торговый тэль (*kuaiping tael*), на который устанавливаются внѣшніе вексельные курсы Китая. Въ Шанхаѣ, представляющемъ вообще важнѣйшій центръ денежнаго обращенія Китая, и въ другихъ подобныхъ центрахъ дважды въ день устанавливаются внутренніе расчетные курсы для различныхъ видовъ денежныхъ средствъ. Выше упомянутый казенный лянъ выражается въ чистомъ серебрѣ и имѣетъ вѣсъ 579,84 гранъ или 37,58 граммовъ. Нормальный вѣсъ шанхайскаго торговаго тэля—580,53 грана 902‰ достоинства серебра, что составляетъ 523,64 гранъ чистаго серебра. 1 каз. лянъ=1,11 шанх. торг. ляна. Къ концу 1907 года (н. ст.) шанхайскій торговый тэль приравнивался 1500 чохамъ, а также приблизительно 1 1/3 мексик. долларамъ; вексельный курсъ на Германію въ Шанхаѣ былъ 2,5 марки за 1 тэль. Поэтому 20 чоховъ составятъ около 3 1/3 пфениговъ или 1,54(8) коп., а 900 чоховъ около 1,5 марки или 69,45 коп.

Несмотря на то, что попытки центральнаго правительства объединить и упорядочить денежное обращеніе имперіи не имѣли вообще особаго успѣха, въ новѣйшую эпоху, за послѣднія 15 лѣтъ, денежное обращеніе Китая получило значительное развитіе въ направленіи серебряной валюты. Съ начала 90 г.г., при значительномъ ввозѣ иностранныхъ долларовъ, возникла внутренняя чеканка серебряныхъ долларовъ, а также дробныхъ серебряныхъ монетъ, въ небольшомъ количествѣ—1/2 доллара, преимущественно же низкопробныхъ серебр. монетъ въ 20 и 10 центовъ. Еще новѣе фактъ быстро происходящаго вытѣсненія обременительныхъ по своей малоцѣнности чоховъ съ квадратнымъ отверстіемъ обыкновенною мѣдною монетою въ 1 и 2 *тун-цзыръ*, расцѣниваемою значительно выше въ виду однородности и доброкачественности ея. На 1 тун-цзыръ даютъ 4 4 1/2 чоха (*чжи-цянь*) или двойное количество номинальныхъ чоховъ, а на 1 мексик. долларъ отъ 92 до 115 тун-цзыръ (въ зависимости отъ общей и мѣстной расцѣнки серебра). Несогласованность этихъ новыхъ денежныхъ средствъ обнаруживается и въ томъ, что даже отношеніе между долларами и дробными серебр. монетами различное, въ зависимости отъ качества долларовъ, изъ коихъ выше другихъ цѣнятся англій-

т. д.; за эту сумму онъ отвѣтственъ безъ дальнѣйшей отчетности. Можетъ ли онъ подъ видомъ „пошлинъ“ всякаго рода получить болѣе и на сколько именно, предоставляется ему самому рѣшать въ зависимости отъ платежной силы и терпѣнія подвѣдомственнаго ему населенія.

Для нѣкоторыхъ земельныхъ имуществъ установлено особое обложеніе. Такъ, выше говорилось уже объ исчезающихъ „военныхъ надѣлахъ“; въ подобномъ же исключительномъ положеніи находятся земли, которыя раньше служили для государственной добычи соли, а затѣмъ были обращены подъ обработку[1]); выше (стр. 34) было упомянуто также о „камышевомъ сборѣ“ (*лу кэ инь*) на берегахъ нижняго *Янцзы*. Китайскіе переселенцы, пріобрѣвшіе землю въ гористой части провинціи *Чжили*, между Великой стѣной и монгольскимъ горнымъ плато, платятъ двѣ подати: во-первыхъ, причитающуюся сумму общаго поземельнаго налога —областному начальнику, и затѣмъ—арендный оброкъ монгольскимъ князьямъ, къ территоріямъ которыхъ ранѣе принадлежала эта земля.

За уклоненіе отъ поземельнаго налога чрезъ незаявленіе земельнаго участка, сборникъ законовъ угрожаетъ тяжелыми наказаніями: собственникъ подлежитъ тѣлесному наказанію, взыскивается недоимка

скіе колоніальные и мексиканскіе и ниже другихъ—пекинскіе, въ особенности изготовляемые въ Пекинѣ для Монголіи. На 1 мексик. долларъ даютъ 11 десятицентовыхъ монетъ и 2—4 тун-цзыръ. (Послѣднія данныя сообщилъ мнѣ, на основаніи собственныхъ наблюденій при поѣздкѣ въ 1907 году въ Китай, слушатель Восточнаго Института подъесаулъ *И. А. Третьякъ*).

Развивающіяся за послѣднее время желѣзнодорожныя сообщенія вызываютъ болѣе тѣсное сближеніе отдѣльныхъ частей имперіи и болѣе интенсивный внутренній обмѣнъ, а равно и болѣе интенсивныя внѣшнія экономическія и финансовыя отношенія. Подъ вліяніемъ этого и произойдетъ упорядоченіе денежной системы Китая, которой угрожаетъ однако возможная опасность созданія у себя обезцѣненной серебряной валюты, если только произойдетъ новое значительное пониженіе цѣнности серебра. Въ будущемъ Китай можетъ установить у себя, по примѣру Остъ-Индіи, условную золотую валюту. Во всякомъ случаѣ для полнаго упорядоченія денежнаго обращенія необходимо подчиненіе его контролю центральнаго правительства. *Ред.*

[1]) *Notions Techniques sur la propriete.* Стр. 18 № 48.

налога, и земельный участокъ переходитъ въ собственность государства. Тѣ же взысканія—за исключеніемъ конфискаціи—угрожаютъ тому, кто представитъ для реестра ложныя свѣдѣнія о своемъ земельномъ участкѣ въ отношеніи его доходности и пр.; равнымъ образомъ, за всякое замедленіе въ уплатѣ угрожаетъ наказаніе палочными ударами 1). Эти постановленія впрочемъ не имѣютъ болѣе никогда полнаго примѣненія. Частый и излюбленный актъ императорской милости—это сложеніе вполнѣ или частью поземельнаго налога для отдѣльныхъ округовъ или же, что впрочемъ уже издавна болѣе не случалось, для всего государства. Въ случаѣ наводненій, засухи, опустошенія градомъ, саранчею и др., мѣстные чиновники по закону обязаны немедленно донести о томъ и сложить въ соотвѣтствующей мѣрѣ взиманіе поземельнаго налога 2). Сложеніе поземельнаго налога можетъ послѣдовать также при радостныхъ событіяхъ, какъ восшествіе на престолъ новаго императора, каждая десятая годовщина рожденія императора или императрицы-матери, юбилей правленія, далѣе при солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ 3), на новый годъ и т. д.

Совершенно освобождены отъ поземельнаго налога, кромѣ вышеупомянутыхъ (стр. 31 и слѣд.) казенныхъ, коронныхъ и „публичныхъ" земель, учебныя заведенія, могилы предковъ, мѣста для жертвоприношеній духамъ умершихъ и священныя мѣста буддійскихъ и даоскихъ монастырей 4). Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаю я опредѣленія *Собранія постановленій* по отношенію къ послѣднимъ двумъ мѣстамъ культа, такъ какъ я знаю изъ собственнаго опыта, что весьма обширныя земельныя имущества тѣхъ монастырей, большею частью отдаваемыя въ аренду и доставляющія главную часть содержанія монаховъ, въ дѣйствительности не свободны отъ налога; но извѣстными привиллегіями пользуются, можетъ быть, участки.

---

1) *Да-цинъ люй-ли* III, II, 1. (Отд. 9 fol. 1 и слѣд.).

2) Ibid. III, II, 2.

3) „Солнечныя и лунныя затмѣнія—испытанія, источникъ которыхъ лежитъ исключительно въ погрѣшеніяхъ правителей" (*Чунь-цю фань лу Эръ-дуань* и *Би жэнь цѣ чжи*),—стало быть, предостереженія, которыя „сынъ неба" принимаетъ въ уваженіе тѣмъ, что оказываетъ своему народу благодѣянія.

4) *Да-цинъ хуй-дянь ши-ли*. Гл. 139 fol. 15 recto.

на которыхъ расположены храмы и жилища, а также часть обрабатываемой площади, по скольку доходы отъ нея идутъ на покрытіе издержекъ по культу, не признаваемому впрочемъ государственнымъ. Указаніе въ старомъ *Собраніи постановленій*, такъ же какъ въ *Положеніи о министерствѣ финансовъ*, повторенное также въ сборникѣ законовъ[1]), что „земля буддійскихъ и даоскихъ монастырей не подлежитъ налогу", представляется мнѣ необъяснимымъ въ такой обобщенности. Будь это такъ, то не имѣло бы смысла, чтобы выдающіяся священныя мѣста этого рода пользовались частичнымъ или полнымъ освобожденіемъ отъ поземельнаго обложенія, какъ особой привилегіей императорской милостью. Въ одной изъ наиболѣе почитаемыхъ буддійскихъ святынь, на о. *Пу-то Чусан*'скаго архипелага, съ ея величественными храмовыми сооруженіями, актъ этой привилегіи вырѣзанъ на большой каменной плитѣ, поставленной въ главномъ храмѣ[2]); также у трона даоскаго „папы" въ *Лунь-ху шань*, въ провинціи *Цзянси*, сохраняются объемистые документы, которыми установлено сложеніе и пониженіе государственныхъ повинностей для обширныхъ владѣній[3]). Я вспоминаю, что самъ присутствовалъ какъ-то при взиманіи налога въ одномъ менѣе привилегированномъ буддійскомъ монастырѣ. Изъ этого видно, съ какой осторожностью нужно заимствовать свѣдѣнія изъ китайскихъ оффиціальныхъ изданій.

Далѣе, согласно *Собранію постановленій* должны быть освобождаемы отъ поземельнаго налога вновь взятыя подъ обработку болотистыя и поросшія осокою мѣста, а также особенно отдаленныя земли въ пограничныхъ областяхъ и внѣ Великой Стѣны[4]). Но и это постановленіе большею частью не соблюдается и я самъ слышалъ отъ китайскихъ колонистовъ такихъ мѣстностей, что ихъ нивы сплошь привлечены къ поземельному обложенію[5]).

....

1) *Да-цинъ люй-ли*. Гл. 9 fol. 2 recto (комментар.) и *Да-цинъ хуй-дянь*. Гл. 10 fol. 8 verso.

2) *Пу-то шань-ши*. Отд. 10 fol. 2 и слѣд.

3) *Лунъ-юй шань-ши*. Гл. 9 fol. 1 и слѣд.

4) *Да-цинъ хуй-дянь*. Гл. 10 fol. 11 verso. Здѣсь есть также постановленіе, что „пограничныя степи не должны обрабатываться", и это правило, основанное на политическихъ соображеніяхъ, еще понынѣ строго соблюдается въ опредѣленной полосѣ пограничныхъ монгольскихъ областей.

5) См. мое *Beschreibung des Jehol-Gebietes*. S. 39.

2. Натуральныя повинности.

О развитіи и существѣ трудовыхъ повинностей (Corvée), лежащихъ на земельной собственности,—объ этихъ послѣднихъ остаткахъ древней барщины уже неоднократно была рѣчь при изложеніи поземельнаго обложенія, такъ что не много остается сказать объ этомъ. Первоначально эти повинности лежали не на одномъ лишь землевладѣніи, какъ иногда полагаютъ, но на лицахъ, какъ таковыхъ,—мужского пола, совершеннолѣтнихъ и подросткахъ, какъ категорически указываетъ комментарій къ *сборнику законовъ:* „Налогъ взимается съ земельной собственности, а барщина лежитъ на лицахъ" [1]). *Сборникъ законовъ* въ I книгѣ III-й части содержитъ подробныя карательныя постановленія на случаи уклоненія отъ барщины, вымогательствъ со стороны чиновниковъ при реквизиціяхъ и т. д.; но спеціальныя свѣдѣнія о допустимыхъ видахъ повинностей отсутствуютъ, особо упоминаются только повинности ремесленниковъ при казенныхъ работахъ. Въ принципѣ барщина т. о. существуетъ еще и нынѣ, но фактически она уже почти вовсе исчезла; публичныя работы очень часто выполняются наемными и оплачиваемыми солдатами, прочіе рабочіе и ремесленники получаютъ поденную плату, а военная и сторожевая служба лежитъ на миліціи и профессіональныхъ солдатахъ. Но остатки стараго установленія сохранились до настоящаго времени, и именно преимущественно въ видѣ реквизицій телѣгъ, повозокъ, упряжныхъ и вьючныхъ животныхъ, лодокъ и т. д. для казенныхъ транспортовъ и поѣздокъ. Эти реквизиціи производятся чрезъ уѣздныхъ властей, но, вѣроятно, совершенно произвольнымъ образомъ и безъ соображенія съ раскладкой налога. Это обнаруживается уже изъ статьи о барщинахъ въ *Собраніи оффиціальныхъ документовъ*, представляющей повинности особенно тягостными для бѣднаго населенія: произволу и жестокости чиновниковъ въ нихъ данъ полный просторъ, и поэтому крайне желательно, чтобы трудовыя повинности или ихъ денежное возмѣщеніе были приведены, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленное отношеніе къ поземельному налогу [2]). Особеннымъ бременемъ остались реквизиціи въ сѣверныхъ провинціяхъ, и главнымъ обра-

1) *Да-цинъ люй-ли.* Отд. 8 fol. 35 recto.

2) *Хуанъ-чао цзинъ-ши вэнь-бянь.* Гл. 30 fol. 1 verso—2 recto.

зомъ въ *Пэньси* и *Шаньси*. Здѣсь прежде всего повинность по государственнымъ почтовымъ трактамъ требуетъ людей, животныхъ и телѣгъ и обременяетъ бѣдное сельское населеніе. Непомѣрныя требованія, предъявляемыя къ мѣстной администраціи многочисленными проѣзжающими чиновниками съ ихъ обозомъ, многократно были предметомъ докладовъ губернаторовъ означенныхъ провинцій; такъ, въ особенности—извѣстнаго *Цзэнъ Го-цюань* въ 1876 г. и императорскаго спеціальнаго комиссара въ 1877 г.[1]). Столь часто упоминаемый теперь *Чжань Чжи-дунъ* въ 1882 г., въ бытность губернаторомъ *Шаньси*, также доносилъ о постоянныхъ злоупотребленіяхъ и просилъ о содѣйствіи чрезъ императорскій указъ. „Населеніе уѣздовъ провинціи *Шаньси*", говорится въ этомъ докладѣ, „обременено не взиманіемъ налоговъ, а исполненіемъ оффиціальныхъ реквизицій. Реквизиціи же представляютъ не столько неблагоразумную эксплоатацію физическихъ силъ людей, сколько скорѣе присвоеніе ихъ имущества". Затѣмъ указывается, что не только каждымъ проѣзжающимъ чиновникомъ и каждой частью солдатъ требуются телѣги и вьючныя животныя въ непомѣрномъ количествѣ, но и взимаются крупные денежные поборы въ различныхъ административныхъ округахъ. Дошло до того, что пѣшеходы и повозки изъ другихъ провинцій не осмѣливаются проходить чрезъ территорію *Шаньси*[2]). Очень сомнительно, чтобы положеніе вещей тамъ измѣнилось къ настоящему времени. О лежащихъ на поземельной собственности трудовыхъ повинностяхъ здѣсь едва ли однако можетъ быть еще рѣчь; дѣло идетъ просто о темной и беззаконной системѣ вымогательствъ.

3. Сборы при переходѣ.

Эти сборы состоятъ въ пошлинахъ, которыя должны быть представлены уѣздному начальству при продажѣ земельнаго участка. Подробнѣе объ этомъ изложено будетъ ниже.

---

1) *Хуань-чао цзинь-ши вэнь-сюй-бянь*. Гл. 32 fol. 6 recto—7 verso.
2) Ibid. fol. 9 recto.

В. ПРІОБРѢТЕНІЕ И ПОТЕРЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

1. Пріобрѣтеніе земельной собственности.

Пріобрѣтеніе земельной собственности достигается чрезъ завладѣніе, наслѣдованіе и куплю.

а) Завладѣніе.

Завладѣніе играетъ въ Китаѣ значительно большую роль, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ. При всей плотности народонаселенія въ исполинскомъ государствѣ и теперь, еще находятся обширныя пространства, болѣе или менѣе дикія и почти или вовсе необитаемыя. Эти земли, по большей части лежащія въ трудно доступныхъ горныхъ мѣстностяхъ или, какъ наприм. на крайнемъ сѣверѣ, покрытыя лѣсомъ, частью представляютъ дѣвственную почву, частью были покинуты жителями во время многочисленныхъ войнъ и возстаній или вслѣдствіе безпрестанныхъ голодовокъ.

Земледѣліе, какъ было отмѣчено, представляетъ главнѣйшій жизненный импульсъ китайскаго народа, и правительство, разумѣется, заинтересовано въ поддержаніи осѣдлости населенія—хотя бы уже въ интересахъ мира и податной силы. Поэтому, поощреніе земледѣлія съ древнѣйшихъ временъ, при всѣхъ династіяхъ было однимъ изъ основныхъ принциповъ китайскаго правительства, и занятіе свободныхъ земель никогда не встрѣчало затрудненій. Уже по мнѣнію „святыхъ повелителей" (миѳическаго періода), какъ указывается въ *Лѣтописи старшей Ханьской династіи*, „раздѣлъ земли представляетъ основу управленія народомъ" 1) и „нѣтъ ничего важнѣе, какъ побуждать населеніе къ занятію земледѣліемъ" 2). Государство поэтому

1) *Цянь-Хань шу.* Гл. 24 fol. 2 verso.
2) Ibid. fol. 12 recto.

и не удерживаетъ исключительно за собой, какъ въ Германіи, присвоеніе и использованіе безхозяйныхъ земель (независимо отъ своего права собственности), а принципіально поощряетъ переселенія на его земли, и всякій безъ большихъ формальностей можетъ занять такую казенную землю и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти ее въ полную собственность, если только онъ—и это есть conditio sine qua non—тотчасъ же приступаетъ къ обработкѣ. Этотъ правовой принципъ, какъ мы видѣли выше (стр. 19), высказанъ уже въ *Исторіи Сунской династіи*. Указъ императора *Юнъ-чжэн*'а отъ 1723 г. подтверждаетъ его вновь, хотя здѣсь уже, повидимому, подразумѣвается умѣренная покупная цѣна. Въ указѣ говорится: „Разработка нови въ высшей степени полезна для народа. Этому наносился ущербъ только чиновниками, и именно, начиная съ начальниковъ областей включительно до губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, которые только и помышляли о томъ, какъ бы вымогать взятки. Поборы съ разработки безхозяйныхъ пустошей превысили покупную цѣну, такъ что люди боязливо сторонились и не занимали землю. Въ высшей степени прискорбно, что вслѣдствіе этого плодородная почва лежитъ втунѣ. Впредь во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ только имѣются пригодныя для обработки свободныя земли, людямъ должно быть предоставлено дѣлить ихъ между собой, занимать для обработки и заявлять для регистраціи на свое имя. Мѣстные чиновники должны воздерживаться при этомъ отъ всякихъ вымогательствъ, точно также низшіе чиновники—отъ всякихъ интригъ и затрудненій... Начальники областей, округовъ и уѣздовъ должны побуждать населеніе къ разработкѣ новыхъ земель“ 1). *Сборникъ законовъ*, сообразно его назначенію, гораздо менѣе высказывается по этому вопросу: въ III ч. второй книги, въ отдѣлѣ 7, установлены наказанія за беззаконную обработку или только пользованіе казенной землей, хотя бы даже пустошью, но комментарій старается смягчить это постановленіе прибавляя, что наказуема лишь незаявка такой земли 2). Въ слѣдующемъ отдѣлѣ угрожается наказаніемъ сельскимъ старшинамъ, если въ ихъ районѣ зарегистрованная земля безъ уважительныхъ осно-

---

1) *Дунъ-хуа-лу*, *Юнъ-чжэнъ*, II fol. 20.
2) *Да-цинъ люй-ли*, Отд. 9 fol. 33 recto.

ваній не обрабатывается, но собственно пустошь особо изъемлется здѣсь комментаторомъ. Съ другой стороны, *Положеніе о министерствѣ финансовъ* устанавливаетъ награды для чиновниковъ, которые съ успѣхомъ поощряли обработку пустошей[1]). Со времени сношеній съ иностранными правительствами постоянно увеличивающіяся финансовыя затрудненія, кажется, имѣли свое вліяніе и на измѣненіе положенія пустошей; такъ, уже указъ императора *Дао-гуан*'а отъ 1844 г. предлагаетъ всѣмъ провинціальнымъ управленіямъ установить, сколько существуетъ въ ихъ провинціяхъ могущихъ быть проданными пустошей, назначать цѣны для желающихъ купить и представлять эти суммы въ министерство финансовъ[2]). Условія занятія неиспользуемыхъ земель нынѣ гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ въ прежнее время вслѣдствіе того, что государство, и теперь принципіально не препятствующее и не затрудняющее заимокъ, дороже оцѣниваетъ свои права собственности, когда это возможно, т.-е. отдаетъ ее переселенцу только за вознагражденіе либо въ формѣ особыхъ сборовъ, либо, какъ въ указѣ 1844 года, въ формѣ продажной цѣны. Въ этомъ отношеніи, а равно и для политическаго и экономическаго положенія Китая, характерно именно теперь вызванное правительствомъ мѣропріятіе, которое отрицаетъ всѣ существовавшіе до сего принципы и даже стоитъ въ противорѣчіи съ опредѣленіями *Собранія постановленій* (см. стр. 47 прим.). Именно, лѣтомъ 1902 г. учреждено подъ предсѣдательствомъ вице-президента министерства утвержденное императорскимъ указомъ акціонерное „общество колонизаціи", въ которомъ правительство участвуетъ 50 процентами капитала. Это общество имѣетъ цѣлью открыть для земледѣлія степи въ пограничныхъ земляхъ чахаръ—монголовъ на сѣверѣ провинцій *Шаньси* и *Чжили*, между 111 и 116 градусами долготы, и продавать эти земли переселенцамъ, послѣ того какъ монгольскимъ собственникамъ будетъ дано денежное вознагражденіе[3]). Это, по своему характеру совсѣмъ не китайское, предпріятіе, очевидно, скопировано съ иностранныхъ образцовъ желѣзнодорожныхъ и горнопромышленныхъ акціонерныхъ обществъ. Оно означаетъ разрывъ съ прежней традиціей прежде всего въ томъ

1) Ibid. fol. 35 verso.
2) Ibid. fol. 36 recto.
3) *Шэнь-бао* отъ 5 и 6 октября 1902 г.

отношеніи, что хотя заселеніе монгольскихъ степей китайцами имѣло кое-гдѣ мѣсто, но никогда не было поощряемо центральнымъ правительствомъ и даже запрещено *Собраніемъ постановленій*; были всѣ основанія, для поддержанія лояльности монголовъ, щадить чувства ихъ, уже и безъ того достаточно стѣсненныхъ китайскими сосѣдями. Помимо финансовыхъ соображеній, вѣроятно, также и политическіе виды побудили правительство выдвинуть наиболѣе стойкій элементъ китайскаго населенія дальше, въ монгольскія степи для противодѣйствія за послѣднее время и тамъ сильнѣе обнаруживающемуся русскому вліянію[1]).

Насколько и теперь еще озабочиваются введеніемъ интенсивнаго использованія почвы, показываетъ недавно опубликованная прокламація одного начальника въ Кантонѣ—въ одной изъ наиболѣе густо населенныхъ частей имперіи—приглашающая къ заня-

[1]) По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ подъесауломъ *И. А. Третьяковъ* и собраннымъ имъ при научной поѣздкѣ въ Китай и Монголію осенью 1907 года, существуетъ оживленное переселенческое движеніе китайцевъ изъ провинцій *Шанси* и *Шэньси* въ Монголію и въ особенности въ примыкающій къ указываемой въ книгѣ мѣстности, богатый отъ природы районъ городовъ Далай-Норъ, Синминтинъ, Кайпинъ-сянь, Ляоянъ-Вопынъ, Цзинь-цзя тунь, Бодунэ. Китайскіе землемѣры, пользуясь на этотъ разъ стальными рулетками, безъ церемоніи отмѣриваютъ лучшія земли въ монгольской степи для китайскихъ переселенцевъ. Обѣщаемое за эти земли вознагражденіе монгольскимъ князьямъ не поступаетъ къ нимъ—по крайней мѣрѣ, въ наличности.

Китаизація Монголіи происходитъ весьма успѣшно совмѣстной дѣятельностью переселенцевъ, коммерсантовъ и правительства Китая. Монгольскіе князья вообще не обладаютъ ни умѣніемъ, ни возможностью обезпечить благосостояніе какъ подвластнаго населенія, такъ и свое собственное. Въ особенности разорительны бываютъ для нихъ поѣздки въ Пекинъ для полученія отъ китайскаго правительства наградъ. Въ эту поѣздку князь отправляется съ большою пышностью. Въ Пекинѣ его задерживаютъ до полнаго истощенія средствъ. Находясь въ безвыходномъ положеніи, князь вынужденъ заключить заемъ у какого-либо китайскаго коммерсанта изъ сноснаго процента, но съ условіемъ предоставленія кредитору монопольнаго права ввозной и вывозной торговли въ княжествѣ. Вслѣдствіе общихъ условій и собственнаго неблагоразумія князья Восточной и Южной Монголіи настолько задолжены, что едва могутъ выплачивать 0/0% по обязательствамъ. Существуетъ въ

тію и обработкѣ имѣющихся еще пустошей, а именно низко лежащихъ болотъ, а также склоновъ горъ[1]).

Переселенецъ, выбравшій себѣ участокъ земли, долженъ заявить о положеніи и величинѣ его начальству; послѣднее выдаетъ ему крѣпостной актъ и такимъ образомъ дѣлаетъ его законнымъ собственникомъ. Въ теченіи нѣкотораго времени земля остается свободной отъ налоговъ, а именно, какъ „узаконено" вышеупомянутымъ указомъ 1723 г.,—болотистая земля въ теченіи 6 лѣтъ и сухая почва—10 лѣтъ[2]). *Собраніе постановленій* содержитъ такое же постановленіе, но присоединяетъ къ этому, что земля, переданная для обработки, уже черезъ годъ подлежитъ налогу; тайная обработка, безъ заявки, такъ же какъ ложныя свѣдѣнія при заявкѣ—наказуются[3]). Такъ какъ усиленное использованіе почвы представляетъ главную цѣль, преслѣдуемую государствомъ, когда оно отказывается отъ своихъ правъ въ пользу индивида, то вполнѣ послѣдовательно, если *Положеніе о министерствѣ финансовъ* постановляетъ, что эти права берутся обратно, коль скоро не достигается намѣченная цѣль, т.-е., если не происходитъ своевременно

Китаѣ намѣреніе связать Монголію съ Китаемъ жел. дорогою и учредить въ Калганѣ китайское генералъ-губернаторство.

Сами монголы до послѣдняго времени мало занимались земледѣліемъ. Но въ настоящее время среди монголовъ обнаруживается переходъ къ осѣдлому быту и къ земледѣлію. Какъ указалъ мнѣ проф. *Г. Ц. Цыбиковъ*, монголы по стародавней традиціи вообще не цѣнили земли, относясь къ ней какъ къ свободному благу. До послѣдняго времени вообще имѣли поэтому мѣсто факты, что монголы легко уступали землю и даже не всегда знали, что земля во что-нибудь цѣнится.

Вообще какъ прошлая, такъ новѣйшая исторія Китая указываетъ на склонность китайскаго населенія распространять свои земледѣльческія колоніи и отхожіе промыслы къ периферіямъ имперіи и на способность его ассимилировать и поглощать мѣстное инородческое населеніе. Этимъ, а также рассовой сплоченностью и стойкостью создалась и поддерживается скрытая потенціальная мощь колоссальной націи, въ высшей степени миролюбивой и въ то же время рѣшительно отстаивающей свою культурную и политическую независимость и цѣлостность. *Ред.*

1) *Шэнь-бао* отъ 4 сент. 1902.

2) *Дунъ хуа-лу*, *Юнъ-чжэнъ*, II fol. 20 verso.

3) *Да-цинъ хуй-дянь*. Гл. 10 fol. 12 recto.

обработка занятой пустоши[1]). Въ такомъ случаѣ земля можетъ быть, разумѣется, отдана другимъ желающимъ.

Очень важную роль, и именно въ особенности для иностранныхъ собственниковъ въ Китаѣ, играютъ аллювіальныя образованія на рѣкахъ и у морскихъ береговъ и завладѣніе ими. Этотъ вопросъ такъ часто представлялъ предметъ затруднительныхъ пререканій между иностранными представителями и туземными властями, что болѣе подробное изслѣдованіе его является необходимымъ.

При отсутствіи всякаго выправленія рѣкъ въ Китаѣ берега большихъ рѣкъ подвержены постояннымъ измѣненіямъ: земля размывается и наносится вновь. Равнымъ образомъ, на большихъ пространствахъ морскихъ береговъ, особенно близъ устьевъ большихъ рѣкъ, несущихъ много ила и гальки, образуются новые наносы земли, или плоскія банки и острова, частью плодородныя и пригодныя для культивированія. Легко понять, что эти естественныя явленія въ теченіи времени могутъ имѣть большое вліяніе на прилегающіе земельные участки, причемъ одинъ собственникъ видитъ, какъ его земля все уменьшается, а его сосѣдъ на противоположной сторонѣ—какъ, можетъ быть, въ той же мѣрѣ увеличивается его земля. Къ тому же, китаецъ, даже если онъ обитаетъ на берегу, слишкомъ усердный земледѣлецъ, чтобы надолго оставлять неиспользованной землю, которая выростаетъ у него на глазахъ изъ моря. Сами по себѣ, т.-е. поскольку не приходитъ сюда собственникъ прилегающей материковой земли, эти аллювіальныя образованія должны бы подпадать подъ понятіе государственныхъ пустошей, занимаемыхъ первымъ желающимъ. Долгое время это, должно быть, такъ и было; но замѣчательнымъ образомъ, уже въ *Исторіи Сунской династіи* мы находимъ указанія на то, что эти наносы—можетъ быть, благодаря ихъ плодородности—особенно интересовали правительство. Такъ, въ 1157 г. императорскимъ указомъ былъ назначенъ комиссаръ, который „въ области *Чжэнь-цзянь* (на *Янцзы*) долженъ былъ упорядочить правовое положеніе болотистыхъ прибрежныхъ полей. Имѣлось въ виду взимать за нихъ умѣренную арендную плату. Тѣ, которые уже заняли землю подъ обработку, могли и впредь пользоваться ею; зажиточныя семьи, занявшія сколько-нибудь такой земли, должны осторожно

1) *Да-цинъ люй-ли*. Отд. 9 verso (комментарій).

понуждаться (къ уплатѣ или возращенію); ранѣе взысканная аренда должна быть немедленно отослана. Но по отношенію къ этой землѣ не должно требовать аренднаго платежа, какъ съ незаконно обрабатываемой земли". Въ слѣдующемъ году были осмотрѣны и „вновь урегулированы" прибрежныя полосы на рѣкѣ *Цяньтанъ* въ пров. *Чжэцзянъ*, а также на рѣкахъ *Янцзы* и *Хуай* въ *Цзянси*, *Аньхуй* и *Цзянсу*. Но что на самомъ дѣлѣ означала эта мѣра, лѣтописецъ изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Къ населенію не имѣли состраданія. Говорили о кадастровыхъ измѣреніяхъ, въ дѣйствительности же на уѣздныхъ чиновниковъ производилось давленіе, чтобы они систематически собирали деньги"[1]). Послѣдующіе лѣтописцы не сообщаютъ ничего существеннаго относительно трактованія примывныхъ земель, но при современной династіи по поводу нѣсколькихъ частныхъ случаевъ состоялись по этому вопросу императорскіе указы общаго значенія и, наконецъ, произошло юридическое разрѣшеніе этого вопроса. Такъ, указомъ 1736 г. относительно большихъ пространствъ примывной земли на сѣверѣ провинціи *Цзянсу*, образовавшихся вслѣдствіе измѣненій въ руслѣ Желтой рѣки, постановлено, что эта земля должна быть передана населенію безоброчно. „Такъ какъ", поясняется тамъ, „эта выступившая земля есть только старая пашня (которая была затоплена), такъ что платежныя силы населенія были очень напряжены, и налоги не всегда могли быть взысканы". Учрежденіямъ, хотѣвшимъ привлечь къ обложенію аллювіальную землю, какъ новую, преподносится при этомъ слѣдующій урокъ: „Рѣчные чиновники съ обманными интригами безсовѣстныхъ патроновъ объявляютъ эту землю, какъ вновь образовавшуюся отъ наносовъ плодородную пашню". Далѣе, эти аллювіальныя земли передаются различнымъ уѣздамъ для распредѣленія по соразмѣрности съ материковой землей[2]). Хорошій обзоръ положенія въ 18 столѣтіи содержитъ записка губернатора пров. *Гуандунъ* отъ 1785 г., которая касается наносовъ на морскомъ берегу этой провинціи, гдѣ они и понынѣ играютъ большую роль. „Искони", говорится тамъ, „прибрежное населеніе имѣло обыкновеніе культивировать песчаныя и тинистыя отмели, поднявшіяся изъ воды и извѣстныя подъ име-

1) *Сунъ-ши*. Гл. 173 fol. 36 verso—37 recto.
2) *Дунъ-хуа сю-лу*, *Цянь-лунъ*. III fol. 8 verso.

немъ „песчаныхъ полосъ“, закладывая на нихъ нивы и воздѣлывая рисъ и хлѣбъ;—полезный трудъ, который всѣми долженъ признаваться таковымъ“. Указами 1736 г. и 1742 г. это пользованіе примывной землей было прямо санкціонировано подъ условіемъ уплаты поземельнаго налога. Но вотъ въ 1772 г., по поводу закладки новыхъ плотинъ на *Хунь-хэ* (на сѣверѣ *Чжили*) дальнѣйшее занятіе примывной земли было запрещено, хотя лица, уже завладѣвшія такой землей, были на ней оставлены. Этотъ запретъ вызвалъ закрытіе береговыхъ наносовъ также въ провинціи *Гуандунъ*,—мѣропріятіе, основанное на полномъ незнакомствѣ съ фактическими обстоятельствами. Между тѣмъ какъ по отношенію къ рѣкамъ внутри страны такое запрещеніе могло быть оправдано соображеніями безопасности близъ-живущаго населенія, а равно—поддержанія плотинъ и безпрепятственнаго теченія воды, по отношенію къ морскимъ наносамъ всѣ эти основанія отпадали. Это запрещеніе было принято населеніемъ *Гуандун*'а, какъ жестокая мѣра, и подало поводъ къ многочисленнымъ беззаконіямъ, вымогательствамъ и т. д.; поэтому крайне желательно, чтобы, подобно тому какъ не ставится препятствій къ обработкѣ всякаго горнаго склона и всякаго клочка земли, и „примывныя земли могли быть по старому обычаю опять предоставлены населенію для обработки подъ условіемъ обложенія ея поземельнымъ налогомъ“ 1). Общимъ образомъ урегулированы правоотношенія касательно наносной земли для провинціи *Гуандунъ* распоряженіемъ 1846 года, въ которомъ между прочимъ опредѣляется, что примывныя земли на рѣкахъ и устьяхъ рѣкъ (морскіе наносы), занятыя безъ заявленія, должны быть во время измѣреній, производимыхъ черезъ каждыя пять лѣтъ (см. ниже), подраздѣлены на два класса, въ зависимости отъ продолжительности пользованія; за землю перваго класса владѣлецъ долженъ уплатить правительству за 1 *му* отъ 6 до 8 *тэлей*, за землю второго класса—отъ 4 до 6 *тэлей*; за необрабатываемую наносную землю уплачивается отъ 2 до 3 *тэлей* за *му*. Землевладѣлецъ, имѣющій въ своей личной собственности 1000 му или болѣе, не можетъ, сверхъ того, воздѣлывать примывныя земли, хотя бы даже онѣ примыкали къ его земельной собственности; также менѣе зажиточные ни при какихъ условіяхъ не мо-

1) *Хуанъ-чао цзинъ-ши вэнь-бянь.* Гл. 34 fol. 9 verso—10 recto

гутъ присваивать себѣ болѣе 500 *му* примывной земли[1]). Эти правила показываютъ, какъ стараются при всякомъ случаѣ воспрепятствовать образованію латифундій, которыя совершенно противорѣчатъ китайскимъ воззрѣніямъ.

Въ то время, какъ здѣсь идетъ рѣчь только о наносной землѣ безъ отношенія къ прилегающимъ владѣльцамъ, дополнительнымъ постановленіемъ *сборника законовъ* опредѣлены отношенія послѣднихъ къ измѣненіямъ береговъ слѣдующимъ образомъ: „Если аллювіальныя поля, лежащія у рѣчныхъ береговъ, смываются или отрываются водой, то собственникъ долженъ довести объ этомъ до свѣдѣнія администраціи, для промѣра земли и отмѣтки въ реестрѣ. Если вновь образуются наносы, то также должно довести до свѣдѣнія администраціи, чтобы послѣдняя установила размѣръ земли и по количеству первоначально внесеннаго въ реестръ земельнаго участка возмѣстила (собственнику недостающую часть коренной земли) путемъ передачи (новаго наноса); остающійся при этомъ излишекъ примывной земли не можетъ быть самовольно занятъ. Если убыль (береговой земли) ранѣе не была заявлена, то не можетъ состояться такая передача. Если, напротивъ, у владѣльцевъ, живущихъ дальше отъ рѣки, заявленіе о потерѣ земли доказательно, то остающійся новый наносъ долженъ быть переданъ имъ по справедливости. Если собственниковъ, пострадавшихъ отъ потери земли очень много, то возмѣщеніе должно происходить въ порядкѣ ихъ заявленій объ ущербѣ. Если послѣ удовлетворенія этихъ притязаній на возмѣщеніе еще остается земля, то нужно предложить бѣдному безземельному населенію обрабатывать эту землю, и администрація обязана выдать оффиціальный документъ на нее. Подвѣдомственные чиновники должны представлять въ порядкѣ службы свѣдѣнія о размѣрахъ всѣхъ земельныхъ участковъ; по истеченіи пяти лѣтъ должно всегда производить всеобщее измѣреніе и провѣрку, послѣ чего заготовляется реестръ и отсылается въ министерство, которое затѣмъ опредѣляетъ раскладку налога. Если заявленныя потери и аллювіальныя новообразованія затрогиваютъ пограничныя мѣстности двухъ уѣздовъ, то спеціальные коммиссары вмѣстѣ съ мѣстными чиновниками обоихъ уѣздовъ

---

[1]) *Meadows, Land tenure in China. Chinese Repository.* Vol. XVIII, стр. 561—73.

должны точно установить обстоятельства и произвести подѣленіе земли по справедливости. Примывная земля, занятая самовольно, подвергается оффиціальной конфискаціи, а подлежащій владѣлецъ наказывается согласно законамъ о неправомѣрной обработкѣ казенныхъ земельныхъ участковъ" [1]). Подобныя же опредѣленія въ отношеніи примывной земли содержатся въ указахъ 1794 и 1801 г.г.

Изъ всего этого мы видимъ, что китайское правовое воззрѣніе на аллювіальныя образованія и ихъ отношеніе къ собственнику прилежащаго земельнаго участка расходится съ воззрѣніями римскаго и основаннаго на немъ прусскаго права. Первое (римское право) опредѣляетъ: „quod per alluvionem agro tuo flumen adjecit, jure gentium tibi adquiritur" [2]) и „cum fluvius priore alveo derelicto alium sibi facit, ager quem circumivit, prioris domini manet. Quod si paulatim ita auferat aliique parti applicet, id alluvionis jure ei quaeritur, cuius fundus crescit" [3]). По прусскому же праву въ такомъ случаѣ для пріобрѣтенія собственности не требуется даже фактическое завладеніе, но „владѣлецъ обладаетъ вмѣстѣ съ вещью и ея естественнымъ приращеніемъ" [4]). Напротивъ того, китайское право не признаетъ такого безусловнаго права владѣльца на примывъ къ его землѣ, оно допускаетъ это право лишь при возстановленіи оторванной или наводненной земли, и то только въ томъ случаѣ, если могутъ быть представлены доказательства собственности на такую землю. Вся прочая примывная земля признается безхозяйной, и потому государственной собственностью, въ качествѣ же таковой она занимаетъ исключительное положеніе среди другихъ государственныхъ пустошей въ виду того, что завладѣніе ею съ цѣлью обработки не допускается столь свободно, какъ это бываетъ съ пустошами. Даже право преимущественной покупки не предоставлено собственнику прилежащаго земельнаго участка, но соглас-

1) *Да-цинъ люй-ли* III, п, 2, дополнит. постановленіе 15 (Отд. 9 fol. 10 verso—11 recto).

2) *Inst., De rer. div.* (II, 1).

3) *Cod. Just., De alluvionibus etc.* (VII, 41).

4) *Koch, Preussisches Landrecht* Teil I, Tit. I—XI, S. 459. Гражд. уложеніе ничего не перемѣнило въ этомъ; ср. Einfuehrungsgesetz z. Bg. Art. 65. [Русское право также слѣдуетъ въ этомъ отношеніи римскому; см. Св. зак., т. X ч. 1; ст. 428. *Ред.*]

но *Положенія о министерствѣ финансовъ* (изданіе 1874 г.) новообразовавшаяся примывная земля должна быть продана съ публичнаго торга [1]). Ясно, что такой правопорядокъ можетъ быть поддерживаемъ только при самыхъ примитивныхъ поземельныхъ отношеніяхъ, и то только при молчаливыхъ отступленіяхъ и ограниченіяхъ, какъ это явствуетъ изъ безчисленныхъ случаевъ захвата аллювіальныхъ земельныхъ полосъ смежными владѣльцами съ молчаливаго согласія мѣстныхъ чиновниковъ [2]). Но китайская теорія должна была оказаться неосуществимой тамъ, гдѣ береговые участки значительно возросли въ цѣнѣ, какъ въ нѣкоторыхъ большихъ центрахъ рѣчного судоходства и торговли, гдѣ мѣстная администрація получила возможность при строгомъ примѣненіи закона отрѣзать прибрежнаго жителя отъ воды и тѣмъ обезцѣнить его земельный участокъ. Свойственный китайскимъ чиновникамъ инстинктивный оппортюнизмъ побуждаетъ ихъ вообще не доводить осуществленіе своихъ правомочій до крайности; но нѣкоторые изъ европейскихъ собственниковъ земельныхъ участковъ въ открытыхъ портахъ, какъ мы увидимъ позже, должны были почувствовать, въ какое опасное оружіе можетъ здѣсь обратиться законъ въ рукахъ нуждающейся въ деньгахъ администраціи. Между тѣмъ и примывныя земли, находящіяся во владѣніи туземныхъ прибрежныхъ обитателей въ договорныхъ портахъ, послѣ переселенія туда иностранцевъ, вслѣдъ зачѣмъ цѣны на землю возросли, привлекли къ себѣ большее вниманіе со стороны администраціи. Такъ, въ 1856 г.—и именно, несомнѣнно, въ первый разъ—была предпринята оффиціальная оцѣнка примывной земли въ Шанхаѣ. А въ 1881 г. тамошній начальникъ издалъ, по распоряженію провинціальнаго начальства, прокламацію, въ которой онъ объявляетъ раздѣленіе возникшей за это время

---

1) См. *Forke, Finanz-und Steuerwesen*. S. 176.

2) Право государства на аллювіальныя земли отчасти оправдывается и поддерживается дробностью китайскаго землевладѣнія, общей психологіей населенія, съ его чрезвычайной скрупулезностью въ бытовыхъ взаимоотношеніяхъ, а также физическими свойствами рѣкъ, увлекающихъ и несущихъ въ своихъ водахъ массу матеріала для аллювіальныхъ образованій, и высокой цѣнностью послѣднихъ. Въ виду вышеизложеннаго примѣненіе въ Китаѣ общепринятой въ Европѣ точки зрѣнія римскаго права въ данномъ отношеніи могло бы представиться, пожалуй, слишкомъ фритредерской мѣрою. *Ред.*

примывной земли на три класса и соотвѣтственную новую оцѣнку ея. Эта прокламація представляетъ собой прекрасный примѣръ абсурдности китайскаго закона и выше упомянутаго оппортюнизма, съ помощью котораго она преодолѣвается. Уѣздный начальникъ благоразумно остерегся привести въ исполненіе *Положеніе* о *министерствѣ финансовъ* и продавать съ торговъ примывную землю, ибо такая мѣра, несомнѣнно, натолкнулась бы на насильственное сопротивленіе со стороны населенія. Взамѣнъ онъ предлагалъ владѣльцамъ примывной земли „совѣщаться и представить свои предложенія", какъ значилось въ прокламаціи. Результатомъ этихъ совѣщаній было упомянутое раздѣленіе по положенію земельнаго участка, также какъ и уплата единовременнаго сбора за право пользованія въ размѣрѣ 60 *тэлей* за *му* перваго класса, 45 *т.*—для второго и 30 *т.* для третьяго класса, и сверхъ этого—„покупной цѣны" по 4 *тэля* за *му* для всѣхъ классовъ. Этотъ чисто китайскій компромиссъ между неосуществимымъ закономъ и болѣе сильнымъ, хотя и не абсолютнымъ обычнымъ правомъ былъ санкціонированъ провинціальнымъ начальствомъ.

Какъ мы видѣли уже выше, китайское право, въ противоположность римскому праву [1]) и воззрѣніямъ большинства нѣмецкихъ юристовъ, знаетъ не только примывную землю на рѣкахъ, но также и на морскомъ берегу. Помимо острова *Цзунъ-минъ* въ дельтѣ *Янцзы*, состоящаго исключительно изъ примывной земли, морской аллювіумъ вообще не получилъ такого значенія, какъ прирѣчный. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ имѣетъ, какъ мы видимъ изъ вышеупомянутой записки губернатора пров. *Гуандунъ* (см. стр. 56 и слѣд.), извѣстное значеніе для населенія, и можетъ достичь большого значенія вообще въ портовыхъ городахъ, гдѣ происходитъ значительное возрастаніе цѣнности земли. Такъ, въ дѣйствительности за послѣдніе годы въ южныхъ портахъ *Амоя* и *Сватоу* и ранѣе въ портахъ о. *Формозы* вопросъ о морскихъ наносахъ выступилъ на первый планъ. Такъ какъ прежде всего при этомъ обратили на себя вниманіе иностранные земельные собственники, то позже мы вернемся къ этому вопросу.

---

1) *Inst., De rer. div.* (II, 1): „Et quidem naturali jure communia sunt omnium haec: aer et aqua profluens et mare et per hoc litora maris. Nemo igitur ad litus maris accedere prohibetur".

б) Наслѣдованіе.

Китайское право наслѣдованія до сихъ поръ еще недостаточно выяснено и малоизвѣстно. Приходится съ трудомъ разыскивать немногочисленныя законодательныя нормы въ различныхъ отдѣлахъ *сборника законовъ*; большею частью онѣ находятся не въ коренныхъ законахъ, а въ дополнительныхъ постановленіяхъ. Нашею задачею, конечно, не можетъ быть заниматься здѣсь всѣми подробностями наслѣдственнаго права, какъ таковаго; но для изслѣдованія перехода земельной собственности чрезъ наслѣдованіе намъ необходимо познакомиться, по крайней мѣрѣ, съ руководящими принципами этого права, такъ какъ земля въ Китаѣ образуетъ самую существенную,—я даже хотѣлъ бы сказать—священнѣйшую часть наслѣдства, и ее законъ ставитъ на первый планъ.

Прежде всего здѣсь надо замѣтить, что китайское законодательство признаетъ два рода наслѣдованія и дѣлаетъ между ними рѣзкое различіе, а именно: наслѣдниковъ ранга и положенія въ семействѣ, и наслѣдниковъ имущества. Какъ мы увидимъ ниже, въ отношеніи земельной собственности оба рода наслѣдованія не совпадаютъ. *Сборникъ законовъ* постановляетъ относительно перваго рода наслѣдованія: „Кто при назначеніи наслѣдникомъ потомства мужского пола (дѣйствительной и единственной) супруги поступаетъ противъ закона, тотъ наказывается 80 тяжелыми ударами. Если законной женѣ болѣе 50 лѣтъ и отъ нея нѣтъ сына, то допускается назначить наслѣдникомъ старшаго сына конкубины; кто назначаетъ наслѣдникомъ не старшаго сына, тотъ подлежитъ тому же наказанію“. Дополненіе: „Во всѣхъ случаяхъ должно быть возстановлено [право]“. Къ этому комментарій: „При назначеніи наслѣдника старшій сынъ законной жены имѣетъ преимущество передъ прочими, не взирая на то, имѣются ли старшіе или младшіе сыновья отъ побочныхъ женъ. Въ отношеніи сыновей происхожденіе имѣетъ преимущественное значеніе предъ возрастомъ, а въ отношеніи (потомства) законной жены—возрастъ предъ добродѣтелью. Если сынъ законной жены умеръ и оставилъ сына, то послѣдній, какъ старшій внукъ законной жены, заступаетъ его мѣсто. Не допускается, чтобы (вмѣсто него) былъ назначенъ другой сынъ законной жены или сынъ конкубины“. Если вовсе нѣтъ сы-

новей, то хотя и не предписывается, но предполагается усыновленіе, и это послѣднее нормируется закономъ[1]). Напротивъ того, относительно имущественнаго наслѣдованія установлено: „Титулъ, рангъ и достоинство переходятъ къ старшему сыну или старшему внуку законной жены преимущественно передъ другими сыновьями законной жены и конкубинъ. Имущество же движимое и недвижимое наслѣдуютъ всѣ сыновья по равнымъ частямъ, безъ различія происхожденія отъ законной жены, отъ побочныхъ женъ или отъ рабынь. Внѣбрачно-рожденный наслѣдуетъ половину доли законнаго сына. Если нѣтъ сыновей, а только законно усыновленный наслѣдникъ, то внѣбрачно-рожденные наслѣдуютъ вмѣстѣ съ нимъ въ равныхъ доляхъ. Если нѣтъ законно усыновленнаго наслѣдника, то внѣбрачно-рожденные наслѣдуютъ все имущество“[2]). Далѣе: „Если мужская линія фамиліи пресѣклась и если не имѣется законно усыновленнаго наслѣдника изъ того же рода, то дочери, если есть таковыя, наслѣдуютъ имущество. Если нѣтъ и дочери, то мѣстная администрація представляетъ докладъ объ этомъ своему начальству, которое затѣмъ распоряжается взятіемъ имущества“[3]). Относительно завѣдыванія и раздѣла наслѣдства, дѣйствуетъ слѣдующій коренной законъ: „Если въ общемъ хозяйствѣ члены младшаго поколѣнія или младшіе братья безъ согласія или позволенія членовъ старшаго поколѣнія или старшихъ братьевъ тратятъ семейное имущество, то они подлежатъ за сумму въ 10 *тэлей* двадцати легкимъ ударамъ, а за каждые послѣдующіе 10 *тэлей* наказаніе увеличивается на одну степень до высшей мѣры въ 100 тяжелыхъ ударовъ. Если въ общемъ хозяйствѣ члены старшаго поколѣнія или старшіе братья дѣлятъ семейное имущество по неравномѣрной оцѣнкѣ, то они должны подвергнуться тому же наказанію“[4]). Далѣе, вторая половина другого коренного закона: „Если братья во время траура по поводу смерти ихъ отца или ихъ матери, прекращаютъ семейную общность или дѣлятъ имущество, то они должны быть наказаны 80 тяжелыми ударами“. Къ этому прибавленіе: „Требованіе о наказаніи

---

1) *Да-цинъ люй-ли.* III, 1,4. (Кор. зак.). Отд. 8 fol. 26 recto.
2) Ibid. III,1,14 (дополн. постан.) Отд. 8 fol. 48 verso.
3) Ibid. 2, дополн. постан.
4) Ibid. Коренной зак. fol. 48 recto.

должно исходить въ этомъ случаѣ отъ родственника старшаго поколѣнія или одного изъ старшихъ братьевъ“ 1).

Согласно этимъ законоположеніямъ—и въ настоящемъ случаѣ они болѣе, нежели въ другихъ случаяхъ, соотвѣтствуютъ фактическимъ отношеніямъ и очень строго патріархальному семейному праву въ Китаѣ—земельная собственность послѣ смерти ея обладателя дѣлится на равныя части между его сыновьями; и до какой степени изъ поколѣнія въ поколѣніе поступали такъ, на это указываютъ маленькіе, часто въ нѣсколько квадратныхъ метровъ, клочки земли, которые, преимущественно въ деревняхъ, принадлежатъ тяжело работающимъ крестьянамъ. Весьма часто, при повторныхъ раздѣлахъ, доходятъ до того, что дальнѣйшее дробленіе становится невозможнымъ; тогда земля обрабатывается братьями сообща, или одинъ изъ нихъ —по общему правилу, старшій—беретъ землю на себя и вознаграждаетъ остальныхъ, какъ можетъ. Если еще жива мать, или имѣются незамужнія сестры или несовершеннолѣтнія дѣти наслѣдодателя, то земельное имущество обыкновенно не раздѣляется. Но почти всегда на этой землѣ находятся могилы предковъ, и это обстоятельство въ странѣ, гдѣ почтеніе къ родителямъ признается высшей добродѣтелью, придаетъ землѣ характеръ святыни и дѣлаетъ ее поистинѣ фамильной собственностью. Но забота о жертвоприношеніяхъ предкамъ лежитъ главнымъ образомъ на обязанности того, кто наслѣдуетъ рангъ и положеніе главы фамиліи, и этимъ обусловливается также его положеніе въ имущественномъ наслѣдованіи. Въ случаѣ раздѣла земли, по смерти наслѣдодателя, онъ получаетъ ту часть, на которой находятся могилы; кромѣ того, ему предоставляется нѣсколько большая доля изъ наслѣдства, такъ какъ онъ долженъ покрывать расходы по жертвоприношеніямъ. Если земля остается нераздѣльной, то она переходитъ къ нему одному или, по крайней мѣрѣ, поступаетъ въ его завѣдываніе, какъ фамильное достояніе. Администрація считаетъ его за собственника, и онъ отвѣчаетъ за поземельный налогъ. Въ остальномъ не имѣетъ мѣста никакое содѣйствіе государства по отношенію къ распоряженію недвижимостями въ случаѣ наслѣдованія; переходъ въ собственность наслѣдниковъ частей земельнаго имущества не

1) Ibid. fol. 47 recto.

обложенъ пошлинами, а заявка объ этомъ въ земельные реестры не предписывается категорически и, насколько мнѣ извѣстно, никогда не происходитъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда требуется новый оффиціальный документъ на какую-либо часть.

Переходъ земельнаго участка путемъ наслѣдованія къ лицу, не принадлежащему къ естественному или адоптированному потомству наслѣдодателя, такимъ образомъ, вообще не предусматривается и въ этой формѣ дѣйствительно едва ли бываетъ; такой переходъ—мыслимый вообще лишь при отсутствіи всякаго потомства—представляетъ всегда скорѣе дареніе при жизни. Такъ какъ китайское право не признаетъ посмертной воли завѣщателя, а только законный порядокъ наслѣдованія, то не можетъ существовать и духовнаго завѣщанія въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Если таковое и совершается, то оно имѣетъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока его распоряженія остаются въ рамкахъ священныхъ традицій семейной жизни и аналогичнаго имъ государственнаго закона; или, какъ выражается Dr. *Eitel*: „Завѣщаніе не имѣетъ никакой присущей ему юридической силы по отношенію къ практическимъ цѣлямъ. Оно имѣетъ значеніе скорѣе лишь по отношенію къ субъективнымъ чувствамъ въ домашнемъ кругу, основываемымъ на уваженіи къ лицу наслѣдодателя, но уступающимъ болѣе высокому авторитету закона“ 1.) Въ Китаѣ, слѣдовательно, не существуетъ лишенія наслѣдства въ пользу посторонняго лица, и будетъ полезно для европейскихъ кредиторовъ помнить объ этомъ, когда китайскіе должники, какъ это нерѣдко бываетъ, заявляютъ, что ихъ отцовскій земельный участокъ, вслѣдствіе расточительности сыновей, завѣщанъ другому лицу, какъ наслѣднику. По этому можно судить и о допустимости того китайскаго посмертнаго распоряженія, неоднократно констатированнаго въ Шанхаѣ, въ силу котораго, подъ видомъ фиктивной сдѣлки продажи, земельный участокъ наслѣдодателя

---

1) *The Law of Testamentary Succession as popularly understood and applied in China. China Review.* Vol. XV, стр. 150—55. Единственное извѣстное мнѣ мѣсто въ сборникѣ законовъ, гдѣ вообще встрѣчается понятіе „завѣщанія“, есть прибавленіе и парафразъ къ выше приведенному коренному закону касательно раздѣла имущества во время траура. Согласно этому, въ случаѣ посмертнаго распоряженія о раздѣлѣ этотъ законъ не долженъ имѣть примѣненія,

передается какому-либо европейскому адвокату, который долженъ выдавать доходы отъ него расточительнымъ и задолжавшимъ сыновьямъ.

в) Купля.

Общія поясненія.

(Предварительное замѣчаніе: Въ интересахъ единства изложенія купля и продажа земли разсматриваются вмѣстѣ, хотя послѣдняя относится собственно къ раздѣлу о потерѣ земельной собственности).

При очень тѣсныхъ, основанныхъ на высшей добродѣтели сыновняго почитанія, отношеніяхъ между земельной собственностью и семьей, „fusion intime des terres et des personnes", съ чѣмъ мы уже выше ознакомились, становится понятнымъ, что купля земли, по китайскимъ понятіямъ, принимается почти какъ неизбѣжное зло, а продажа ея признается вообще несогласной съ долгомъ почитанія и предосудительной. Въ большихъ городахъ и договорныхъ портахъ, гдѣ привилась, какъ культурное пріобрѣтеніе съ Запада, также спекуляція землею, эта сантиментальная патріархальность, естественно, должна была уступить мѣсто практическимъ соображеніямъ. Но внѣ городовъ и повсюду, гдѣ могилы предковъ дѣлаютъ земельную собственность самымъ сильнымъ представителемъ семейныхъ традицій, указанное воззрѣніе существуетъ и до сихъ поръ, подобно тому как было встарину, и иностранныя желѣзнодорожныя и горнопромышленныя компаніи должны будутъ считаться съ этимъ на каждомъ шагу.

Сдѣлки по куплѣ-продажѣ земли въ Китаѣ мы находимъ въ раннія времена—еще тогда, когда крестьянинъ большею частью своего земельнаго имущества владѣлъ на ленномъ правѣ; но извѣстный недостатокъ былъ всегда присущъ этимъ сдѣлкамъ, какъ это явствуетъ уже изъ характера законныхъ опредѣленій. Такъ, земельный законъ династіи *Вэй* отъ 485 г. по Р. Х. по отношенію къ постоянной фамильной собственности (въ противоположность къ ленной части, см. выше стр. 18) говоритъ: „Тѣ, у которыхъ есть излишекъ, могутъ продать излишнюю часть (фамильной земли); тѣ,которымъ не хватаетъ, могутъ прикупить недостающее. Свой личный надѣлъ (ленъ) никто не можетъ продавать, и свыше необходимаго никто не можетъ по-

купить"[1]). Въ земельныхъ законахъ *Тан*'ской династіи говорится: „Люди обыкновеннаго званія, желающіе перемѣнить мѣсто жительства, а также бѣдняки, не имѣющіе средствъ похоронить покойниковъ, могутъ продать свою постоянную фамильную земельную собственность. Тѣ, которые хотятъ переселиться изъ тѣснаго (густонаселеннаго) округа въ болѣе просторный, могутъ продать также свой личный надѣлъ (т. е., конечно, свои права на него). Тѣ, которые продали свою землю, не получаютъ ничего обратно"[2]). Но кажется, это было постановлено лишь въ видѣ изъятія изъ принципа, установленнаго около 653 г. при *Тан*'ской династіи: „Сдѣлки по продажѣ земли, будь то постоянная фамильная собственность или личный надѣлъ, воспрещаются. Если съ этого времени состоятельные люди будутъ употреблять свои средства на то, чтобы лишать бѣдняковъ ихъ земельной собственности, то покупатель понуждается возвратить землю и, сверхъ этого, онъ подвергнется денежному взысканію"[3]). *Исторія Сунской династіи* также сообщаетъ о законодательныхъ мѣрахъ въ защиту обѣднѣвшихъ землевладѣльцевъ. „Кто свой земельный участокъ отдаетъ въ залогъ или продаетъ", значится въ постановленіяхъ отъ 1205 года, „тотъ воленъ разстаться съ своей собственностью, но ему не разрѣшается впослѣдствіи снять эту землю и сдѣлаться крѣпостнымъ. Кто даетъ взаймы деньги, можетъ потребовать лишь письменное обязательство объ уплатѣ, но не дозволяется обращать должника въ крѣпостного на его землѣ"[4]).

Здѣсь обнаруживаются, наряду съ основнымъ принципомъ: не допускать возникновенія латифундій, также идея безнравственности земельнаго ростовщичества, а равно взглядъ, что купля и продажа земли представляютъ собой аномалію. На этомъ воззрѣніи, которое, хотя и значительно ослабленное, существуетъ и до сихъ поръ въ Китаѣ, какъ выше замѣчено было, основанъ старинный и нынѣ во всякомъ случаѣ совершенно ослабѣвшій обычай—предлагать для покупки земельный участокъ, когда обстоятельства настоятельно требуютъ продажи, прежде всего родственникамъ или „продавать съ правомъ вы-

1) *Вэй-шу*. Гл. 110 fol. 6 recto.
2) *Танъ-шу*. Гл. 51 fol. 2 verso.
3) Ibid. fol. 5 verso.
4) *Сунъ-ши*. Гл. 173 fol. 25 recto.

купа“ (см. ниже стр. 78 и слѣд.). Этимъ объясняются и нѣкоторыя оправдательныя выраженія въ купчихъ актахъ, нынѣ обратившіяся въ пустыя фразы, напр.: „Такъ какъ мнѣ настоятельно нужны наличныя деньги, всѣ же средства получить таковыя исчерпаны мною, то я желаю продать и т. д.“, или: „послѣ того какъ я предлагалъ всѣмъ своимъ родственникамъ землю для покупки, а они всѣ отказались и т. д.“, или же: „такъ какъ я нуждаюсь въ наличныхъ деньгахъ для серьезной цѣли и т. д.“ 1).

По праву, купля-продажа земли допустима совершенно такъ же, какъ купля-продажа скота или товаровъ; она ограничивается лишь соображеніями, вытекающими изъ вышеприведенныхъ опредѣленій права наслѣдованія, какъ то, что земельные участки, находящіеся еще въ общемъ владѣніи семьи, могутъ быть проданы лишь съ согласія всѣхъ членовъ (мужского пола) ея:

---

1) Весьма характерно въ этомъ отношеніи и то тяготѣніе разорившихся продавцовъ, которое они проявляютъ къ своей прежней землѣ въ лицѣ ея новыхъ владѣльцевъ.

Р. Ноанъ, на стр. 9—10 (№ 29) сообщаетъ объ этомъ: „Законъ запрещаетъ послѣ *окончательной продажи* предъявлять требованія къ пріобрѣтателю. Но существуетъ обычай, въ силу котораго разорившійся продавецъ требуетъ нѣкоторую сумму подъ видомъ милостыни и подписываетъ „билетъ милосердія“ (*тань-цзи цзюй* или *тань-цзи*), или же „билетъ о займѣ у милостиваго заимодавца“ (*цинь цзь-цзюй*). Даже больше, въ силу весьма распространеннаго злоупотребленія, продавецъ и его нисходящіе, доведенные до нищеты, въ случаѣ особенной нужды, докучаютъ семейству покупщика, чтобы добиться подачки, какъ будто имѣя на это право. Семейство покупщика обыкновенно уступаетъ ихъ требованію, изъ опасенія еще большихъ расходовъ, которые вызваны были бы обращеніемъ къ суду. Наконецъ, судья, до котораго дойдутъ этого рода жалобы, сначала осудитъ этихъ неправыхъ просителей; можетъ быть, даже приговоритъ ихъ къ наказанію легкими или тяжелыми ударами; но въ заключеніе, обыкновенно убѣждаетъ жалующагося дать милостыню. Получающіе ее подписываютъ всякій разъ новый билетъ съ обязательствомъ не требовать болѣе ничего. Собственники сохраняютъ эти билеты, чтобы сдѣлать просителей впредь болѣе скромными въ ихъ требованіяхъ. Это обыкновеніе и злоупотребленіе имъ не имѣютъ мѣста, когда покупщикъ принадлежитъ къ вліятельной фамиліи“. Этотъ обычай, очевидно, учитывается въ извѣстной мѣрѣ обѣими сторонами уже при заключеніи сдѣлокъ относительно земли. *Ред.*

въ наиболѣе полной мѣрѣ это распространяется въ особ. на тѣ участки, на которыхъ находятся фамильныя гробницы или которые иначе служатъ для почитанія предковъ. За такую „самовольную продажу потомками унаслѣдованныхъ отъ предковъ мѣстъ культа“ *сборникъ законовъ* угрожаетъ различными наказаніями включительно до ссылки въ каторжныя работы—въ зависимости отъ величины участка и тяжести совершенныхъ при этомъ беззаконій. Даже чиновники и старшины, способствовавшіе такой продажѣ, могутъ быть привлечены къ отвѣтственности; самая купля недѣйствительна, и земля должна быть возвращена[1]). *Sir Ch. Alabaster*, бывшій англійскій генеральный консулъ въ Китаѣ, сообщаетъ въ собраніи судебныхъ рѣшеній о двухъ характерныхъ случаяхъ. Семья владѣла 70 *му* земли, которая съ давняго времени служила мѣстомъ почитанія предковъ. Изъ этой значительной площади одинъ изъ старшихъ членовъ семьи продалъ 20 *му*. По жалобѣ остальныхъ членовъ семьи судъ призналъ эту сдѣлку незаконной и недѣйствительной. Въ противоположность этому, въ слѣдующемъ случаѣ продажа земельнаго участка, вопреки заявленной жалобѣ, была признана судомъ законной. Бездѣтный собственникъ продалъ свою землю третьему лицу; братъ его, у котораго были дѣти, предъявилъ жалобу на это, но ему было отказано, хотя даже его наслѣдственныя права были признаны—въ виду того, что земля не служитъ для совмѣстнаго почитанія предковъ[2]). Иностранные покупатели земли также должны часто считаться съ притязаніями правомочныхъ родственниковъ продавца и преодолѣвать при этомъ большія затрудненія.

Сборникъ законовъ считаетъ нужнымъ особливо опредѣлить, что отдѣльные буддійскіе и даоскіе жрецы не могутъ продавать земельные участки своихъ монастырей[3]). Уставы орденовъ вообще запрещаютъ тѣмъ и другимъ духовнымъ особамъ имѣть частную собственность.

Другой законъ, который, какъ можно заключить изъ безчисленныхъ открытыхъ нарушеній его, совершенно потерялъ силу, запрещаетъ чиновникамъ покупать въ ихъ служебномъ районѣ земель-

---

1) *Да-цинъ люй-ли* III, п,4 (1 и 6 дополнит. постановл.).
2) *China Review*. Т. V стр. 249—50.
3) *Да-цинъ люй-ли* III, п,4 (1 дополнит. постановленіе).

ную собственность подъ угрозой наказанія 50 легкими ударами, потери должности и конфискаціи земли. Согласно комментарію это постановленіе имѣетъ цѣлью предупредить злоупотребленіе властью ради личныхъ выгодъ 1).

Современное китайское право знаетъ слѣдующіе виды купли-продажи земли:

Окончательная продажа земельнаго участка (*цзюэ-май, ду-май*).

Продажа земельнаго участка съ правомъ выкупа (*хо-май*).

Окончательная продажа поверхности земли либо почвы (*цзюэ-май тянь-мянь,--тянь-ди*).

Продажа поверхности либо почвы съ правомъ выкупа (*хо-май тянь-мянь,--тянь-ди*).

aa) Окончательная продажа земельнаго участка 2).

Окончательная продажа земельнаго участка тождественна съ соотвѣтствующимъ нашимъ юридическимъ понятіемъ: перенесеніе собственности со всѣми вещными правами на неограниченное время. Объ этой правовой сдѣлкѣ—какъ и о всѣхъ другихъ—составляется сторонами документъ, который мы обозначимъ, какъ „купчій актъ I". Такой купчій актъ—въ соотвѣтствіи съ вышеупомянутыми воззрѣніями китайцевъ на продажу земли—представляетъ лишь одностороннее волеизъявленіе - продавца о перенесеніи правъ на земельный участокъ на покупателя за покупную цѣну. Совпаденіе въ характерѣ китайской купли земли съ германскимъ воззрѣніемъ умаляется и тѣмъ, что требуемое [герм.] гражданскимъ уложеніемъ (§§ 873 и 925) соглашеніе отчуждающаго и пріобрѣтателя въ купчемъ актѣ обнаруживается лишь мелькомъ, именно въ стереотипномъ выраженіи, которое всегда слѣдуетъ за вышеназванной оправдательной мотивировкой: „такъ какъ etc......, то я просилъ N. N. устроить дѣло и, **послѣ того какъ теперь стороны пришли къ соглашенію, я желаю симъ**

1) Ibid. III, II,5 (Отд. 9 fol. 25 recto).

2) Китайскіе термины съ іероглифами можно найти въ *Notions Techniques*: Art. III (стр. 7—10) и въ образцахъ актовъ и документовъ, со стр. 98.

etc.“. Купчій актъ не имѣетъ ни подписи ни печати покупателя, а только продавца либо—если дѣло идетъ о нераздѣленномъ семейномъ имуществѣ—правомочныхъ членовъ семьи, посредниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ часто фигурируютъ въ качествѣ свидѣтелей и до нѣкоторой степени поручителей, свидѣтелей, если имѣются еще таковые особо, *дибао* (выборнаго должностного лица) и переписчика. Согласіе покупателя явствуетъ изъ факта уплаты покупной цѣны, что всегда должно быть подтверждено въ купчемъ актѣ. Въ послѣднемъ содержится, кромѣ того, покупная цѣна, точныя свѣдѣнія о положеніи, величинѣ и границахъ земельнаго участка, отказъ отъ всѣхъ правъ на участокъ впредь навсегда въ пользу покупателя, число и родъ оффиціальныхъ документовъ на владѣніе (см. выше стр. 28 и 29) и прочихъ документовъ, которые всѣ передаются покупателю вмѣстѣ съ купчимъ актомъ, а въ случаѣ утраты всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ нихъ—соотвѣтствующее объясненіе съ оговоркою, что они не должны имѣть силы, если будутъ вновь найдены. Законныя выраженія для перенесенія собственности въ купчемъ актѣ въ (дословной передачѣ) слѣдующія: „отчужденіе чрезъ продажу съ тѣмъ, что право обратнаго выкупа (см. ниже) исключается на вѣчныя времена“ или: „отчуждено безусловно и продано на вѣчность“. Если продается только часть земли, укрѣпленной общими оффиціальными документами, то ихъ получаетъ либо покупатель либо продавецъ—въ зависимости отъ того, больше ли или меньше продаваемая часть земли; другая часть получаетъ добавочное свидѣтельство; кромѣ того, на оффиціальномъ документѣ дѣлается отмѣтка о продажѣ. Мнѣ извѣстны впрочемъ и такіе случаи, когда документъ разрѣзывался, и каждая сторона получала часть, къ которой приклеивалось дополненіе.

Когда передачей купчаго акта и свидѣтельства продажа выполнена, то по закону новый собственникъ долженъ заявить мѣстному начальству о перенесеніи, предъявивъ купчій актъ, вслѣдствіе чего становится отвѣтственнымъ за поземельный налогъ и другія повинности, пріуроченныя къ землѣ. Это заявленіе имѣетъ двоякую цѣль: во первыхъ, оно даетъ поводъ къ взиманію съ переходящихъ имуществъ пошлины, стоящей въ процентномъ отношеніи къ покупной цѣнѣ и представляющей одну изъ государственныхъ

поземельныхъ повинностей (см. выше стр. 37 и 49), и затѣмъ оно должно обезпечить правильность податныхъ и подушныхъ списковъ. На эту двоякую цѣль указываетъ и слѣдующій коренной законъ, устанавливающій строгія взысканія за незаявленіе: „Кто купленіемъ пріобрѣтаетъ земельный участокъ и не уплачиваетъ пошлинъ за переходъ имущества, тотъ наказуется пятьюдесятью легкими ударами; налогъ взимается и, сверхъ того, взыскивается штрафъ въ размѣрѣ половины заявленной въ купчемъ актѣ цѣны. Кто не заявляетъ (для реестра) о перенесеніи права собственности, наказывается, если дѣло идетъ о земельномъ участкѣ отъ 1 до 5 *му*, сорока легкими ударами; за каждые пять *му* наказаніе увеличивается на одну степень—до 100 тяжелыхъ ударовъ въ видѣ высшей мѣры. Земельный участокъ конфискуется"[1]). Пошлина по закону должна составлять 3 процента покупной цѣны[2]), но къ этому еще прибавляются пошлина за курсовой расчетъ, стоимость ярлыка (см. н.) и поборы низшихъ чиновниковъ и т. д., такъ что *P. Hoang* считаетъ общую сумму сборовъ до 7 1/2 процентовъ[3]). Вслѣдствіе этого вошло въ обычай обозначать въ купчемъ актѣ низшую цѣну, чѣмъ фактически уплачиваемая.

Начальникъ прилагаетъ къ купчему акту, какъ доказательство внесенія въ реестръ и въ качествѣ квитанціи объ уплатѣ подати, ярлыкъ (по китайски называется „хвостомъ документа"[4])) провинціальнаго казначея съ его большой оффиціальной печатью, вслѣдствіе чего до сего времени „бѣлый" актъ, т. е. частный договоръ превращается въ „красный", т. е. въ крѣпостной оффиціальный документъ. Этотъ ярлыкъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для контроля подлежащаго начальника, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго дополнительнаго постановленія: „.... Подлежащій начальникъ долженъ тотчасъ же (послѣ полученія пошлины) скрѣпить купчій актъ ярлыкомъ съ печатью провинціальнаго казначея и передать земельному собственнику.... Въ случаѣ, если начальникъ не приложитъ ярлыка съ печатью провинціальнаго казначея и пошлину утаитъ для собственныхъ надобностей, то должно согласно законамъ

1) *Да-цинъ люй-ли* III, II,6.
2) Ibid. Отд. 9 fol. 30 verso (комментарій).
3) *Notions Techniques*. Стр. 23, № 63.
4) См. примѣч. 2. къ стр. 27.

сообщить объ этомъ высшему начальству для истребованія (утаенной суммы). Также и о подлежащихъ даотаѣ, губернаторѣ и областномъ начальникѣ (которымъ подчинено виновное должностное лицо) въ случаѣ нерадивости или попустительства должно быть заявлено для соотвѣтствующаго взысканія"[1][2]. Ярлыкъ представляетъ, какъ это опредѣлено распоряженіемъ 1747 г., существенную часть купчаго акта въ томъ отношеніи, что „по каждому купчему акту, къ которому не приложенъ ярлыкъ казначея, хотя бы на немъ была даже служебная печать (напр., мѣстнаго начальника), налагается законное наказаніе за утайку налога" [3]). Вопреки этому однако въ Китаѣ довольно часто встрѣчаются купчіе акты лишь съ печатью начальника.

Очень часто, а въ иныхъ мѣстностяхъ, повидимому, вообще упускаютъ дѣлать заявку или, по крайней мѣрѣ, уплату пошлинъ при продажѣ, а администрація, не смотря на всѣ законоположенія

---

1) *Да-цинъ люй-ли.* III, II, 6 (8 дополн. постановл.).

2) *Р. Ноанг* на стр. 22—23 цитируемаго сочиненія даетъ слѣдующія, относящіяся сюда, поясненія: „Если покупная цѣна ниже тысячи лянъ серебра, *укрѣпленіе* совершается мѣстнымъ мандариномъ непосредственно: *чжи-сянь,* или *чжи-чжоу* или *фу-минъ тинъ* [то же, что и чжи-ли-тинъ, но въ пограничныхъ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. *Ред.*], либо *чжи-ли-тинъ* или *чжи-ли-чжоу.* Если же цѣна превышаетъ 1000 лянъ, то этотъ мандаринъ долженъ представить своему непосредственному начальнику, для скрѣпленія актовъ печатью послѣдняго. Такимъ образомъ *чжи-сянь, чжи-чжоу* и *фу-минъ тинъ* разъ въ мѣсяцъ препровождаютъ акты, снабженные ярлыкомъ казначея, подлежащимъ высшимъ начальникамъ, т. е. *чжи-фу* или *чжи-ли чжоу; чжи-ли-тинъ* и *чжи-ли-чжоу* представляютъ ихъ *даотаю. Чжи-ли-тинъ* и *чжи-ли-чжоу* сносятся непосредственно съ *даотаемъ,* такъ какъ они не имѣютъ надъ собой *чжи-фу.* Эти высшіе мандарины обязаны обратно направить акты до истеченія десяти дней; въ случаѣ болѣе продолжительнаго держанія, они лишаются половины годичнаго содержанія; въ случаѣ задержки болѣе двадцати дней—всего содержанія; при промедленіи же болѣе мѣсяца—понижаются въ своемъ званіи на одну степень. Такому же наказанію подлежатъ мѣстные мандарины за промедленіе въ выдачѣ актовъ собственникамъ. Когда совершается сдѣлка на сумму свыше 1000 лянъ, то во избѣжаніе затрудненій отъ обращенія къ высшему начальству собственники часто совершаютъ двѣ сдѣлки, раздѣляя между ними предметъ сдѣлки и цѣну". *Ред.*

3) *Да-цинъ люй-ли* Огд. 9 fol. 31 recto.

не была въ состояніи принудить къ этому, иногда же предпочитала просто игнорировать несоблюденіе этихъ законоположеній[1]). Практическое разрѣшеніе вопроса о пошлинахъ съ переходящихъ имуществъ такъ необыкновенно характерно для китайскихъ правовыхъ и экономическихъ отношеній, что стоитъ не надолго остановиться на этомъ. Вышеприведенное постановленіе касательно пошлины и перенесенія права установлено кореннымъ закономъ и принадлежитъ кодексу, вѣроятно, издавна. Насколько упорно однако населеніе уже съ давнихъ поръ боролось противъ этого установленія (по причинамъ, которыя мы сейчасъ узнаемъ), показываетъ тотъ фактъ, что съ 1728 г. „оффиціальные ярлыки не употреблялись болѣе для купчихъ актовъ", т. е. уже тогда обратилось въ старый обычай не уплачивать эту пошлину. Въ 1736 году ярлыкъ снова былъ введенъ, но съ ограниченіемъ, что для купчихъ актовъ, изготовленныхъ до этого времени, пошлина не должна быть уплачиваема[2]). Съ тѣхъ поръ не объявлялось о перерывѣ въ примѣненіи закона, но отношеніе населенія къ послѣднему осталось такимъ же, какимъ можно предполагать его и до 1728 г.[3]) Только въ послѣднее время нужда государства въ

---

1) Изъ Кантона сообщается—анонимно, что тамъ „по общему правилу никто не заявляетъ о переходѣ земли до тѣхъ поръ, пока начальнику не предстоитъ оставить свой постъ. Послѣдній понижаетъ тогда пошлины до наинизшей суммы, еще оставляющей для него нѣкоторый излишекъ". („*Oasis*" въ *China Review*. T. VII, стр. 352).

2) Комментарій къ *Да-цинъ люй-ли*. Огд. 9 fol. 31 recto.

3) „Законъ объ *укрѣпленіи* при *окончательной продажѣ* точно соблюдается вообще въ городахъ и въ предмѣстьяхъ; но внѣ городовъ—только въ случаѣ крупныхъ пріобрѣтеній или же когда упустивъ *укрѣпленіе* покупщикъ могъ бы подвергнуть себя доносамъ завистниковъ или когда онъ опасается нечестности продавца. Въ пров. *Цзянъ-су* начальники уѣздовъ *Су-чжоу*, *Сунъ-цзянъ* и др. обыкновенно не требуютъ соблюденія закона при незначительныхъ сдѣлкахъ, представляющихся обычными въ деревняхъ".

„Причина этого невниманія къ закону въ томъ, что собственники не получаютъ отъ соблюденія закона, по ихъ словамъ, никакой иной выгоды, кромѣ репутаціи соблюдшихъ законъ. *Шуй-ци* дѣйствительно называется громко *укрѣпленіемъ сдѣлокъ*, но въ сущности означаетъ *квитанцію въ взносъ сбора съ перехода недвижимаго имущества* и предполагаетъ дѣйствительность сдѣлки, не

деньгахъ снова подала поводъ къ нѣсколькимъ, повидимому, исходящимъ отъ центральнаго учрежденія, мѣропріятіямъ противъ скрытаго, но упорнаго сопротивленія. Первое мѣропріятіе относится къ 1900 г., когда всѣ обладатели неоплаченныхъ пошлиной купчихъ актовъ получили приказаніе уплатить недоимки пошлинъ, на будущее же время угрожалось за всякую незаявку неуклонньимъ примѣненіемъ законныхъ взысканій. Это распоряженіе, благодаря извѣстнымъ событіямъ того года, разумѣется, осталось безъ послѣдствій. Но въ 1902 г. эти мѣропріятія были предприняты съ усиленной энергіей, и въ различныхъ частяхъ имперіи появились объявленія мѣстной администраціи, которыя по строгости тона не оставляютъ желать ничего большаго. Такъ, въ прокламаціи податного управленія министерства финансовъ въ Пекинѣ требовалось отъ всего маньчжурскаго, монгольскаго и китайскаго знаменнаго населенія предъявленіе всѣхъ неоплаченныхъ пошлиною купчихъ актовъ, старыхъ и новыхъ[1]). Административныя учрежденія въ *Янъ-чжоу* на Императорскомъ каналѣ (въ пров. *Цзянъ-су*) даютъ мѣсячный срокъ для уплаты тѣхъ недоимокъ пошлинъ, которыя вопреки постановле-

---

укрѣпляя ея. Дѣйствительно, по уплатѣ налога уѣздный начальникъ налагаетъ свою печать къ актамъ, при чемъ ни онъ ни его подчиненные не освѣдомляются о покупной цѣнѣ и не требуютъ явки продавцовъ и свидѣтелей. Такимъ образомъ, въ случаѣ тяжбы, эта уплата нисколько не укрѣпляетъ правъ покупщика, и при проигрышѣ дѣла онъ можетъ, возвращая вещь, требовать обратно цѣну, но не получитъ возмѣщенія за уплаченный налогъ.

Если покупщикъ выиграетъ дѣло, и имущество присуждается ему, то въ случаѣ несоблюденія закона касательно *шуй-ци*, уѣздный начальникъ обыкновенно ограничивается тѣмъ, что обязываетъ пополнить упущеніе, почти никогда не подвергая положеннымъ за это наказаніямъ".

Въ области *Сунъ-цзянъ* и въ другихъ мѣстахъ существуетъ обыкновеніе при окончательной продажѣ земельнаго участка изготовлять одновременно четыре акта (о продажѣ съ выкупомъ, о доплатѣ къ цѣнѣ, о послѣдующей окончательной продажѣ и билетъ милосердія, или билетъ займа у милостиваго заимодавца), раздѣляя между ними цѣну и обозначая ихъ различными датами. Второй и четвертый актъ не представляются администраціи, вслѣдствіе чего сумма уплачиваемой пошлины понижается.

P. Hoang. L. c. P. 24, 26 et 10 (№№ 67, 67f, 30). *Ред.*

1) *Шэнь-бао* отъ 10-го сентября 1902 г.

ній 1900 г. все еще не уплачены, и таковой же срокъ по каждой будущей продажѣ. За неисполненіе грозитъ денежное взысканіе въ размѣрѣ половины купчей цѣны и даже конфискація земельнаго участка[1]). Въ *Амой* устанавливается, что заявленія о продажѣ земли имѣли мѣсто крайне рѣдко; и здѣсь также прокламація коротко объявляетъ каждому нарушителю закона лишеніе собственности[2]). Но слѣдующій типичный примѣръ показываетъ намъ, какъ осуществляется въ дѣйствительности такое примѣненіе закона, которымъ угрожаютъ время отъ времени при нуждѣ въ деньгахъ. Извѣстный генералъ-губернаторъ *Юанъ-ши-кай*, въ бытность свою губернаторомъ *Шандун*'а, издалъ въ 1901 году для своей провинціи такое же распоряженіе касательно взиманія пошлинъ съ переходящихъ имуществъ. Донесеніе цензора престолу рисуетъ проистекшія отсюда затрудненія. Прежде всего признается, что въ *Шандун*'ѣ съ давнихъ поръ большею частью не платили пошлинъ съ переходящихъ имуществъ, но что это болѣе недопустимо при возросшихъ финансовыхъ потребностяхъ настоящаго времени. И вотъ, для обнаруженія держателей неоплаченныхъ пошлиною купчихъ актовъ, было обѣщано каждому, кто укажетъ таковаго, вознагражденіе въ 20% взысканной пошлины. Вслѣдствіе этого развилось такое доносительство и такая система шантажныхъ обвиненій, что никто болѣе не былъ предохраненъ отъ этого; „племянникъ обвиняетъ дядю, внучатный племянникъ—дѣда; кто уже уплатилъ свои пошлины, уплачиваетъ ихъ вслѣдствіе жалобы еще разъ“. Секретари, писцы и выборныя старшины налагали контрибуцію на испуганное населеніе подъ угрозой жалобъ, затѣмъ выражали готовность „уладить дѣло“ и брали за это съ отдѣльныхъ лицъ двойныя, тройныя и многократныя суммы сборовъ въ формѣ пошлинъ. Кто уже обладалъ квитанціею объ уплаченной пошлинѣ, того испытываютъ новымъ оффиціальнымъ измѣреніемъ его земельнаго участка; цѣлая армія писцовъ и казенныхъ служителей набрасывается на него; „ѣдятъ и пьютъ въ его домѣ, требуютъ денегъ и подарковъ и дѣйствуютъ, какъ тигры и волки“, а собственникъ охотнѣе допускаетъ это, нежели жалобы,

---

1) *Тунъ-вэнь ху-бао* отъ 10 мая 1902 г.
2) *Шэнь-бао* отъ 5 мая 1902 г.

такъ какъ „издержки по жалобѣ часто не покрылись бы и на-половину стоимостью его земельнаго участка", независимо отъ мученій заключенія, которыя долженъ перенести обвиняемый. По поводу этого доклада цензора въ мартѣ 1902 г. вышелъ императорскій указъ, которымъ повелѣвалось губернатору разслѣдовать дѣло и принять мѣры. Губернаторъ, съ своей стороны, не нашелъ возразить ничего другого въ представленномъ имъ донесеніи, какъ то, что цензоръ не назвалъ ни округа ни лицъ; но фактъ, что доносчикамъ обѣщано 20% съ взысканныхъ пошлинъ, т. е. корень зла, подтверждался и имъ. Затѣмъ слѣдуетъ многозначительное замѣчаніе: „Въ населеніи неуплата пошлины съ переходящихъ имуществъ, въ силу долгой практики, сдѣлалась установившимся обычаемъ. Если затѣмъ вдругъ требуется уплата пошлинъ за всѣ новые и старые купчіе акты и, по истеченіи установленнаго срока, возникаютъ денежные штрафы, то сельское населеніе, не знающее законовъ, подозрѣваетъ, что это только вымогательство низшихъ чиновниковъ". Наконецъ, слѣдуетъ обычный китайскій компромиссъ: срокомъ для уплаты остающихся недоимокъ по старымъ купчимъ актамъ принимается конецъ текущаго года; пошлина съ новыхъ купчихъ актовъ должна вноситься въ годичный срокъ (вмѣсто мѣсяца, какъ раньше было установлено). По истеченіи этихъ сроковъ должны примѣняться законныя взысканія, но всѣ доносы или вымогательства должны быть устранены[1]). Этотъ исходъ указываетъ, вѣроятно, на то, что

1) *Шэнь-бао* отъ 23, 24 и 25 августа 1902 г.—Dr. *Schrameier*, который, послѣ занятія *Цзяо-чжоу*, велъ переговоры съ туземнымъ населеніемъ о пріобрѣтеніи находившейся въ частной собственности земли, сообщаетъ объ этихъ переговорахъ въ очень поучительномъ докладѣ („Какъ установился земельный порядокъ въ *Цзяочжоу*—Wie die Landordnung von *Kiautschou* entstand"), сдѣланномъ имъ 27 ноября 1902 г. въ „Союзѣ германскихъ сторонниковъ земельной реформы" (Bund der Deutschen Bodenreformer") въ Берлинѣ: „Какое-либо содѣйствіе администраціи при переходѣ земельныхъ участковъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ это въ другихъ частяхъ Китая является общимъ правиломъ (?), здѣсь не имѣло мѣста въ теченіи столѣтій, и когда въ прошломъ году его должны были ввести въ сосѣдней мѣстности по приказанію губернатора *Юань-ши-кая*, то это намѣреніе разбилось о рѣшительное сопротивленіе населенія, которое избѣгало пошлинъ при переходѣ земельнаго участка".

[Что касается весьма любопытнаго въ различныхъ отношеніяхъ

теперь, послѣ того какъ собраны значительныя суммы, до слѣдующаго случая отказываются, сохраняя „лицо“, отъ дальнѣйшаго примѣненія законныхъ прижимокъ. Эта, вышедшая изъ-подъ китайской руки картина порядковъ показываетъ намъ, что въ Китаѣ примѣненіе государственныхъ законовъ нераздѣльно связано съ вымогательствами, что поэтому всякій законъ, какъ бы онъ самъ по себѣ ни былъ справедливъ и хорошъ, выполнимъ лишь настолько, насколько хватаетъ терпѣнія у населенія, и что наконецъ, далѣе этого предѣла ни одинъ чиновникъ не осмѣлится осуществлять законъ.

бб) Продажа земельнаго участка съ правомъ выкупа.

Продажа съ правомъ выкупа по отношенію къ земельнымъ участкамъ есть издревлѣ китайское правовое понятіе. Техническое выраженіе на китайскомъ языкѣ для этой правовой сдѣлки „живая продажа“ или „живая продажа съ допущеніемъ выкупа“. Купчій актъ (купчій актъ II) имѣетъ ту же форму и подписывается такъ же, какъ купчій актъ I, но содержитъ, кромѣ измѣненнаго выраженія для перенесенія права, условіе, что продавецъ по истеченіи опредѣленнаго срока (большею частью нѣсколькихъ лѣтъ) выкупитъ земельный участокъ обратно, уплативъ покупную цѣну. Въ продолженіи этого срока покупщикъ представляется единственнымъ собственникомъ и отвѣтственъ за поземельный налогъ. Болѣе подробно говорится объ

земельнаго строя въ *Цзяо-чжоу*, то уже при самомъ занятіи области Германіею была издана прокламація, которою впредь до дальнѣйшаго воспрещалось всякое отчужденіе земли. Затѣмъ, путемъ добровольныхъ соглашеній за уплату двухгодичной суммы китайскаго поземельнаго налога, правительство пріобрѣло въ свою пользу въ большей части области право преимущественной покупки земли и притомъ по цѣнамъ, существовавшимъ до оккупаціи области. При неиспользованіи этого права преимущественной покупки взимается пошлина въ размѣрѣ 2% стоимости участка и особый налогъ въ размѣрѣ 1/3 дарового возрастанія цѣнности земли; съ имуществъ, не подвергавшихся продажѣ, послѣдній налогъ взыскивается по прошествіи 25 лѣтъ. Сверхъ того, взимается значительный поземельный налогъ въ размѣрѣ 6% съ оцѣночной стоимости земли. *Soziale Praxis* Jahrg. VIII. 1898—9; № 30. Ss. 825—6. Также: *Ad. Damaschke. Die Bodenreform*. 3 Aufl. S. 331, ff. *Ред.*

этомъ въ слѣдующемъ дополнительномъ постановленіи отъ 1801 г.: „Если при продажѣ земельнаго участка совершенъ купчій актъ окончательной продажи (куп. актъ I) и въ немъ нѣтъ словъ: „съ доплатою къ цѣнѣ“ (см. ниже), то доплата или выкупъ исключены. Если въ купчій актъ не введены слова: „окончательно продано“ или если указанъ опредѣленный срокъ лѣтъ для выкупа, то выкупъ допущенъ. Если продавецъ не въ состояніи осуществить выкупъ, то цѣнность (земельнаго участка) опредѣляется незаинтересованными лицами, сообразно чему (первоначально уплаченная) цѣна пополняется и совершается купчій актъ окончательной продажи (куп. актъ I). Въ случаѣ, если покупщикъ не склоненъ сдѣлать доплату, то (продавецъ) воленъ продать земельный участокъ третьему лицу и въ такомъ случаѣ долженъ возмѣстить первому (покупщику) первоначально уплаченную сумму“ 1). Первоначальная цѣна, уплачиваемая при продажѣ съ правомъ выкупа, естественно, ниже, нежели при окончательной продажѣ.

Европейскіе юристы, такъ въ особенности — остроумный и освѣдомленный авторъ статьи: *On the tenure and transfer of real property in China* etc. 2), понимали эту правовую сдѣлку какъ отдачу въ залогъ или особый родъ заклада (mortgage) и сравнивали ее съ древнефранцузскимъ и древнеанглійскимъ „vifgage“ (vivum vadium) или съ римскимъ pignus, по скольку китайское право примѣняетъ опредѣленія закладнаго права для движимыхъ вещей и къ недвижимымъ имуществамъ. Китайская терминологія стоитъ, кажется, также очень близко къ этому пониманію. Вышеупомянутыя выраженія „живая продажа“ etc.—новаго происхожденія, болѣе же старое наименованіе—*тянь* или *тянь-май*. Слово *тянь* теперь обыкновенно переводится: „отдавать въ залогъ“ (pledge, mortgage, mettre en gage, hypothequer), но залогъ земельнаго участка, въ дѣйствительности, всегда обозначается выраженіемъ *тянь-дань*. Было бы, можетъ быть, точнѣе передавать *тянь* словами: брать или давать взаймы („geld leihen“ въ двоякомъ смыслѣ); мы получимъ тогда выраженія; „получая или давая взаймы деньги, продавать или покупать“ (*тянь-май*) и „получая или давая взаймы деньги, совершать закладъ“ (*тянь-дань*). Оба понятія, естественно, сходны въ зна-

1) *Да-цинъ люй-ли*. III, п, 6 (3 дополн. постан.).
2) Въ *The Cycle* См. выше стр. 14 прим. 6.

чительной степени, но въ китайскомъ правѣ—и съ достаточнымъ основаніемъ— рѣзко различаются. Поэтому мнѣ кажется правильнѣе придерживаться этого китайскаго раздѣленія и это перенесеніе права понимать какъ куплю съ допущеніемъ выкупа, подобно тому какъ она издавна признается германскимъ правомъ, и также въ сродствѣ съ отдачею въ закладъ[1]). И именно условіе китайскаго права представило бы pactum de retrovendendo, т. е. покупщикъ обязывается вернуть вещь продавцу, но не—продавецъ взять ее обратно у покупщика. Сущность „живой продажи" станетъ еще яснѣе, если мы разсмотримъ ее въ рамкахъ развитія китайскаго права. Мы уже видѣли выше (стр. 66 и слѣд.), каковы были и частью теперь еще остаются взгляды китайцевъ на продажу земли. Требованія обстоятельствъ уже давно могли стать въ противорѣчіе съ этими воззрѣніями, и компромиссомъ между ними явилась продажа, при которой сохранялась возможность обратнаго пріобрѣтенія фамильной собственности. Продажа съ правомъ выкупа —наиболѣе старый и первоначально единственный способъ перенесенія земельной собственности въ Китаѣ. Это явствуетъ уже изъ текста приведеннаго выше (стр. 72) кореннoго закона, который упоминаетъ вообще лишь о *тянь-май* (т. е. куплѣ чрезъ ссуду денегъ) и лишь для такого перенесенія устанавливаетъ пошлину. На сколько древняго происхожденія этотъ коренной законъ, установить трудно; во всякомъ случаѣ этотъ родъ продажи оставался единственнымъ признаннымъ законами, пока наконецъ неопредѣленность, естественно вызываемая пос-

2) Уже въ средніе вѣка въ Германіи былъ въ употребленіи родъ залога („Satzung"), съ которымъ съ самаго же начала была связана уступка земельнаго участка. При этомъ, стало быть, имѣлъ мѣсто закладъ съ правомъ пользованія въ формѣ залога собственности, продажа съ правомъ выкупа. Кромѣ того, существовала еще другая форма продажи съ правомъ выкупа, существенно отличающаяся отъ китайской. При ней перенесеніе права собственности не имѣло мѣста, и она отличалась отъ обыкновеннаго заклада только тѣмъ, что кредитору, съ сохраненіемъ за должникомъ права погашенія, предоставлялось право залога или отчужденія. Еще далѣе стоитъ отъ китайской продажи съ правомъ выкупа распространенная именно во Франціи форма „vifgage". При ней погашеніе долга производилось доходами отъ заклада, такъ что закладъ „спустя опредѣленное время безъ уплаты возвращался должнику, т. е. выкупался самъ собой". (*Schroeder*, *Deutsche Rechtsgeschichte*. Стр. 724—25).

тоянно существующимъ, но произвольно примѣняемымъ правомъ выкупа, не сдѣлала необходимою законодательную реформу. Это было достигнуто слѣдующимъ, вступившимъ въ дѣйствіе въ 1753 г., дополнительнымъ постановленіемъ: „Отнынѣ при покупкѣ земельныхъ участковъ, если дѣло идетъ о купчемъ актѣ съ займомъ денегъ (*тянь-ци*), должно вносить въ актъ выраженіе: „на выкупъ". Если дѣло идетъ о (простомъ) купчемъ актѣ (*май-ци*), то въ актѣ должно быть примѣнено выраженіе: „окончательно продано, выкупъ исключается на вѣчныя времена". Что касается земельныхъ участковъ, которые проданы (*тянь-май*) до этого, вступившаго въ дѣйствіе въ 1753 г. постановленія и въ купчемъ актѣ которыхъ не содержится точнаго указанія (о существѣ сдѣлки), то, если еще не протекло 30 лѣтъ и въ купчемъ актѣ не содержится выраженія: „окончательно продано", должно допустить доплату къ цѣнѣ или выкупъ; если прошло уже болѣе 30 лѣтъ, то хотя бы въ купчемъ актѣ и не было выраженія: „окончательно продано", но не выговоренъ прямо и выкупъ, такую землю должно признавать окончательно проданной, съ устраненіемъ доплаты къ цѣнѣ или выкупа"[1]). Другими словами, древнее юридическое понятіе *тянь-май*—„купля посредствомъ ссуды денегъ" съ теченіемъ времени раздѣлилось на одно только *тянь* (денежный заемъ съ выкупомъ) и одно *май* (простая продажа); оба эти новыя понятія санкціонированы вышеуказаннымъ закономъ и получаютъ теперь также новыя наименованія, именно сперва—указанныя въ законѣ, а затѣмъ—для простого *тянь*, и теперь еще очень часто такъ именуемаго въ народѣ, выраженіе „живая продажа".

Продажа съ правомъ выкупа обложена по закону такой же пошлиной, какъ простая или окончательная продажа, что особенно явствуетъ изъ слѣдующаго дополнительнаго постановленія, которое считается съ новыми отношеніями: „Всѣ заклады (*тянь-дань*) земельныхъ участковъ и домовъ среди населенія свободны отъ пошлинъ. Напротивъ, съ каждаго купчаго акта—будетъ ли то окончательная продажа или нѣтъ—должна уплачиваться пошлина. Если сперва имѣлъ мѣсто только закладъ и затѣмъ онъ былъ превращенъ

---

1) L. c. 7 дополн. постан. Сравн. съ этимъ [герм. гражд. улож.] BG. § 503: „Право выкупа земельнаго участка можетъ быть осуществлено лишь до истеченія тридцати. . . . . лѣтъ послѣ установленія условія".

въ продажу, то закладной актъ свободенъ отъ пошлины, а купчій актъ несетъ ее въ полной мѣрѣ“ 1).

Упомянемъ еще здѣсь, что продажа съ правомъ выкупа была средствомъ для китайскихъ колонистовъ дешево пріобрѣтать въ плодородныхъ частяхъ южной Монголіи земли лѣнивыхъ монголовъ: они покупали у послѣднихъ ихъ земельные участки за наличныя деньги на опредѣленный срокъ и на это время заботились о томъ, чтобы монголы не имѣли возможности воспользоваться своимъ правомъ выкупа.

вв) Продажа поверхности земли либо почвы.

(Окончательная и съ правомъ выкупа).

Продажа поверхности или же почвы одинаково могла бы быть классифицирована и какъ аренда и какъ купля, ибо она не является ни тою ни другою. Земельный участокъ, по китайской теоріи, распадается на почву и на поверхность. Право собственности на нихъ можетъ или находиться въ однѣхъ рукахъ или быть раздѣлено2). Собственникъ почвы вносится въ реестръ и отвѣтственъ за уплату поземельнаго налога. Поверхность сама по себѣ разсматривается, какъ математическое понятіе: если собственность раздѣлена, то ни одинъ изъ обоихъ собственниковъ ipso jure не имѣетъ права возводить постройки или воздѣлывать землю, но каждый долженъ заручиться этимъ правомъ отъ другого. Послѣднее условіе не вездѣ соблюдается или оставлено, такъ что собственникъ почвы можетъ строить зданіе, а собственникъ поверхности можетъ заниматься земледѣліемъ; и даже нерѣдко послѣдній одинъ имѣетъ всѣ права на пользованіе земельнымъ участкомъ. Но во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ право на аренду, т. е. собственникъ почвы обязанъ по требованію предоставить ему почву—на условіи арендной платы и безъ права прекратить дѣйствіе аренды, пока арендныя деньги уплачиваются исправно. Если послѣднее не исполняется, то въ моментъ, когда неуплаченная сумма арендной платы достигнетъ стоимости

1) L. c. 9 дополн. постановл.

2) Сравн. [герм.] гр. улож. (BG.), § 905: „Право собственности на земельный участокъ простирается на пространство надъ поверхностью и на земные слои подъ поверхностью“.

поверхности, послѣдняя переходитъ въ собственность обладателя почвы, который пріобрѣтаетъ тогда полное право собственности. Также и обратно, собственникъ поверхности имѣетъ, конечно, возможность пріобрѣсти право собственности на почву. Происхожденіе этого своеобразнаго дуализма не ясно, но можетъ быть, сообщаемый китайскимъ іезуитомъ патеромъ *Hoang*[1]) обычай въ области *Сунъ-цзянъ-фу* (къ которой принадлежитъ и Шанхай) даетъ указаніе. Тамъ арендаторъ земельнаго участка вноситъ собственнику, сверхъ арендныхъ денегъ, еще родъ залога и чрезъ это пріобрѣтаетъ—не право, а нѣкоторое притязаніе на недопустимость отказа въ продолженіи арендлаго договора въ теченіи того времени, пока онъ исправно уплачиваетъ свои арендныя деньги. Если договоръ существовалъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и если перемѣнился собственникъ, то арендаторъ пріобрѣтаетъ тогда право на аренду и становится собственникомъ поверхности. Мы можемъ поэтому охарактеризовать выдѣленное право на поверхность, какъ пріобрѣтенную продолжительнымъ владѣніемъ наслѣдственную арен-

---

1)Въ трудѣ патера *P. Hoang*: *Notions techniques* (Art. VIII, P. 30—31), на котораго ссылается *г. Франке*, содержатся по этому вопросу нѣкоторыя детали, способствующія правильному пониманію относящихся сюда правоотношеній. Здѣсь указываются два различныхъ по происхожденію и по своему значенію рода случаевъ раздѣльныхъ правъ на почву и поверхность. Одинъ родъ случаевъ, въ области *Сунъ-цзянъ* и въ многихъ другихъ мѣстностяхъ—возникаетъ изъ права аренды, получающаго вещный характеръ вслѣдствіе представленія арендаторомъ денежнаго обезпеченія (arrha). „Почву"—*тянь-ди* называютъ здѣсь *лянъ-тянь*, т. е. землей платящей налогъ; „поверхность", или *тянь-мянь*, называютъ *цзу-тянь*, т. е. арендуемой землей. Почва оцѣнивается отъ трехъ до шести разъ дороже, нежели поверхность. Если почва и поверхность принадлежатъ разнымъ лицамъ, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права самостоятельно возводить на ней строенія или устраивать гробницу. Иного рода случаи имѣютъ мѣсто въ уѣздѣ *Чунъ-минь* и приставствѣ *Хай-мынь* (пров. *Цзян-су*, къ которой принадлежитъ также область *Сунъ-цзянъ*). Здѣсь право на поверхность гораздо обширнѣе и принадлежитъ тѣмъ, кто разработаетъ чужую неудобную землю, что требуетъ значительныхъ издержекъ—напримѣръ, на устройство дренажа и плотинъ отъ болотъ. Здѣсь обладатель поверхности пользуется весьма обширными правами, и поверхность оцѣнивается отъ 6 до 8 разъ дороже, нежели почва, вслѣдствіе чего и арендная плата за почву очень незначительна. *Ред.*

ду. Во всякомъ случаѣ изъ сказаннаго явствуетъ, что какъ ни напрашивается сближеніе китайской „поверхности" съ римскимъ superficies, оба понятія совершенно различны. Superficies есть вещное право на чужое имущество, китайское же право наслѣдственной аренды представляется, подобно прежнему германскому, собственностью[1]). Сборникъ законовъ еще не знаетъ этой теоріи поверхности и почвы и основаннаго на ней воззрѣнія на сущность аренды; поэтому я сомнѣваюсь еще, имѣетъ ли то и другое въ Китаѣ повсемѣстное дѣйствіе и не представляется ли это лишь обычнымъ правомъ отдѣльныхъ провинцій. Оно существуетъ въ центральныхъ провинціяхъ, можетъ быть, наиболѣе культурныхъ, но наличность его въ другихъ частяхъ Китая нужно было бы еще установить.

Продажа поверхности либо почвы совершается совершенно аналогично продажѣ земельнаго участка. Она можетъ быть окончательной или же продажей съ правомъ выкупа. Купчіе акты по формѣ и по содержанію mutatis mutandis соотвѣтствуютъ вышеописаннымъ I и II купчимъ актамъ; только при продажѣ поверхности не уплачивается пошлина за переходъ, между тѣмъ какъ при продажѣ почвы таковая взимается. Обоимъ видамъ продажи поверхности присущи, во-первыхъ, уплата покупной цѣны и, во-вторыхъ, обязательство уплаты ежегодной аренды. Чрезъ первую пріобрѣтается отвлеченное понятіе, а чрезъ второе—право пользованія, и оба вмѣстѣ образуютъ конкретную вещь. Продажа съ правомъ выкупа можетъ быть и здѣсь превращена въ окончательную. Когда собственникъ выдѣленной поверхности продаетъ послѣднюю или, что также допускается, только свое право на аренду, то онъ обязанъ объявить объ этомъ собственнику почвы и по его требованію долженъ даже представить обезпеченіе за своего покупщика. Послѣдній уплачиваетъ въ первомъ случаѣ арендныя деньги собственнику поч-

---

1) Спеціалисты римскаго права, во всякомъ случаѣ, не согласны между собой, есть ли superficies подобное сервитуту вещное право (jus in re aliena) или производная собственность (dominium utile). Сравн. *Koch*, *Landrecht*, I. Teil, 2. Band, S. 924. Anm. und II. Teil 3. Band S. 600 Anm. 17a (Законъ касательно выкупа натуральныхъ повинностей etc. отъ 2 марта 1850).

вы, а во второмъ случаѣ—и этому и собственнику поверхности[1]. Точно также, когда собственникъ почвы продаетъ ее, онъ долженъ заявить о томъ собственнику поверхности.

Съ чисто практической точки зрѣнія продажа поверхности есть, разумѣется, лишь китайскій эквивалентъ нашей аренды; и, именно, окончательная продажа соотвѣтствуетъ прежней наслѣдственной арендѣ въ томъ видѣ, какъ она существовала въ прусскомъ правѣ до изданія закона 2 марта 1850 года объ упраздненіи лежащихъ на землѣ повинностей и пр., а продажа съ правомъ выкупа—нашей арендѣ, въ особенности арендѣ земледѣльческихъ участковъ. Покупная цѣна при окончательной продажѣ—это оплата наслѣдственнаго права въ [прусскомъ] земскомъ правѣ, а при продажѣ съ условіемъ выкупа—видъ обезпеченія, возвращаемаго при выкупѣ. Во многихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, у наибольшей части болѣе бѣднаго сельскаго населенія, къ которому принадлежитъ значительное большинство арендаторовъ, арендный договоръ заключается въ гораздо болѣе простой формѣ, т. е. словесно изъ года въ годъ; размѣръ арендной платы опредѣляется, помимо мѣстныхъ условій, также и суммою покупной цѣны поверхности (т. е. обезпеченія), проценты съ каковой суммы включаются въ арендныя деньги. Но какъ мы видѣли выше, такое арендное отношеніе можетъ, въ заключеніе, перейти въ право наслѣдственной аренды. Съ этой теоріей продажи поверхности европейцы въ Китаѣ приходятъ въ соприкосновеніе въ большей мѣрѣ, нежели они объ этомъ знаютъ.

---

1) Въ послѣднемъ случаѣ право собственности оказывается еще болѣе расчлененнымъ—на слѣд. элементы: права собственности на почву или на поверхность и права аренды почвы или поверхности. Право на поверхность и права аренды суть, очевидно, вещныя права на чужое имущество, чѣмъ и отличаются отъ права владѣнія и пользованія имуществомъ по соотвѣтствующему договору. Какъ извѣстно, вещныя права (право собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ права на чужое имущество) болѣе ранняго происхожденія, нежели права обязательственныя изъ договоровъ. Послѣднія со временемъ отчасти вытѣсняютъ собою первыя, значительно ограничивая область примѣненія сервитутовъ и обыкновенно вовсе устраняя вещное арендное право. Архаическій порядокъ, сохранившійся и здѣсь въ китайскихъ правоотношеніяхъ, вѣроятно, представляетъ ту выгоду для болѣе бѣдной части населенія, что значительно ограничиваетъ эксплоатацію ея чрезъ условія аренды, болѣе свободно опредѣляемыя землевладѣльцемъ при арендномъ договорѣ. *(Ред.)*

2. Прекращеніе права собственности на землю.

Прекращеніе права собственности на землю можетъ послѣдовать, помимо случаевъ смерти и продажи, еще вслѣдствіе оставленія владѣнія, конфискаціи и принудительнаго отчужденія.

а) Оставленіе владѣнія.

Оставленіе владѣнія представляетъ противоположность завладѣнію съ соотвѣтствующими обратными послѣдствіями (см. стр. 50 и слѣд.). Въ Китаѣ не рѣдко, вслѣдствіе голода, наводненій, возстаній и т. д., цѣлыя мѣстности покидаются жителями. Такіе земельные участки, если они остаются необработанными, становятся, въ концѣ концовъ, пустошами и государственной собственностью, которая, какъ мы видѣли выше, можетъ быть пріобрѣтена всякимъ желающимъ. *Положеніе о министерствѣ финансовъ* постановляетъ по этому поводу, что тотъ, кто желаетъ взять такую землю подъ обработку, „долженъ прежде всего заявить объ этомъ администраціи, точно обозначивъ при этомъ границы. Подлежащій чиновникъ долженъ затѣмъ измѣрить землю и назначить пятимѣсячный срокъ, въ теченіе котораго должно быть установлено, имѣется ли у этого участка собственникъ или его нѣтъ. Если по истеченіи этого срока никто не предъявляетъ притязаній на землю, то она отдается для обработки просителю, и ему выдается оффиціальное свидѣтельство на владѣніе"[1]. Если вызовъ былъ произведенъ надлежащимъ образомъ, то послѣдующія заявленія прежнихъ владѣльцевъ оставляются безъ послѣдствій.

б) Конфискація.

Выше уже было упомянуто, что при неуплатѣ поземельнаго налога, при незаявкѣ о продажѣ и т. п. должна послѣдовать конфискація земли (стр. 45 и 72). Крѣпостные акты, выданные европейцамъ въ Шанхаѣ *даотаемъ*, содержатъ то же опредѣленіе, часты въ нѣсколько иной формѣ. Но и помимо этого, *сборникъ законовъ* знаетъ отобраніе имущества, включая и земельную собственность, какъ наказаніе за такія преступленія, какъ мятежъ, государственная измѣ-

1) *Да-цинъ люй-ли*. Отд. 9 fol. 9 recto et verso.

на и т. д.[1]). Равнымъ образомъ, какъ видно изъ специальныхъ случаевъ въ донесеніяхъ и указахъ *Пекинской газеты*, чиновники, виновные въ лихоимствѣ, лишаются своей земельной собственности, если о такомъ случаѣ докладывается престолу.

Въ Китаѣ въ послѣднее время подготовляется, повидимому, конфискація земельной собственности въ большомъ размѣрѣ. Дѣло идетъ о земельныхъ имуществахъ „мертвой руки", т. е. земляхъ буддійскихъ и даоскихъ монастырей, которые съ давнихъ поръ были для ортодоксальнаго конфуціанства предметомъ антипатіи и презрѣнія. Уже въ періодъ реформъ, въ указѣ 10 іюля 1898 г. касательно открытія школъ, опредѣлялось, что тѣ мѣста культа названнаго рода, которыя оффиціально не зарегистрованы, должны быть превращены въ школы[2]). Практическаго примѣненія указъ, кажется, не получилъ тогда, но теперь снова обратили вниманіе на это, и въ провинціи *Чжили* приступили къ собиранію оффиціальныхъ данныхъ относительно рода землевладѣнія монастырей съ тѣмъ, чтобы отобрать соотвѣтствующія земли и обратить доходы отъ нихъ на покрытіе издержекъ по вновь открываемымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ[3]). Въ двухъ магистратурахъ землевладѣніе монастырей опредѣлено около 4000 и 7000 *му*, изъ коихъ семь десятыхъ подлежатъ отобранію на нужды учебныхъ заведеній, а три десятыхъ должны быть оставлены монахамъ на содержаніе ихъ. Пространныя разъясненія одного конфуціанца къ этому сообщенію характеризуютъ воззрѣнія китайскаго класса литератовъ (ученыхъ) по отношенію къ выродившимся буддизму и даосизму. Автору эта мѣра представляется недостаточной; онъ желаетъ полнаго устраненія монастырскаго хозяйства. „Всѣ эти большіе и малые монастыри и храмы", по-

---

1) *Да-цинъ люй-ли*, Огд. 23 fol. 1 и слѣд.

2) Указъ имѣетъ строго законное основаніе. Коренной законъ *Да-цинъ люй-ли*, III,1,3 запрещаетъ самовольное основаніе новыхъ буддійскихъ или даоскихъ мѣстъ культа, кромѣ тѣхъ, которыя уже существовали въ то время, когда былъ изданъ законъ; земельная собственность такихъ незаконно воздвигнутыхъ храмовъ и пр. должна отойти къ государству. Дополнительное законоположеніе 3 прибавляетъ къ этому, что если у населенія существуетъ желаніе основать новое такое мѣсто культа, то должно заявить подлежащему губернатору, который испрашиваетъ соизволеніе престола.

3) *Тунъ-вэнь ху-бао* отъ 14 октября 1902 г.

лагаетъ онъ, „служатъ вообще убѣжищемъ для темнаго сброда и плутоватыхъ жрецовъ....; нѣтъ ни одного буддійскаго жреца который не былъ бы порочень, ни одного даосиста, который не былъ бы подлымъ, но часто и тѣ и другіе—разбойники и воры, испорченные попиратели закона, пороки которыхъ такъ же безчисленны, какъ волосы на головѣ.... Поэтому самое лучшее, чтобы были сметены съ лица земли всѣ монастыри". Если отнять у монастырей семь десятыхъ ихъ землевладѣнія, такъ продолжается аргументація, то остатка будетъ недостаточно для честнаго существованія ихъ обитателей, и храмы превратятся въ еще большей мѣрѣ въ „разбойничьи логовища и воровскіе притоны". Поэтому, слѣдуетъ разрушить всѣ эти мѣста культа, за исключеніемъ одного большого монастыря въ каждой магистратурѣ; „въ этомъ послѣднемъ слѣдуетъ удалить всѣ статуи и изображенія боговъ, упразднить культъ" и поселить здѣсь всѣхъ буддійскихъ и даоскихъ жрецовъ. Каждый изъ нихъ будетъ обязанъ заниматься ремесломъ, доходомъ съ котораго будетъ оплачиваться его содержаніе и „издержки по его погребенію". „Но такъ какъ никто не родился жрецомъ Будды или даоскимъ, а эта профессія избирается скорѣе только для содержанія себя", то въ будущемъ никому не понадобится быть жрецомъ, такъ какъ ему придется жить доходомъ отъ своего ремесла. Съ монахинями дѣло обстоитъ еще проще, такъ какъ „ихъ число меньше, а ихъ порочность еще больше, чѣмъ у жрецовъ"; ихъ земельныя имущества должно отобрать, храмы ихъ разрушить, а „ихъ самихъ обратить къ гражданской жизни, гдѣ онѣ должны будутъ подумать о средствахъ набивать себѣ ротъ; особаго же убѣжища для нихъ устраивать нѣтъ надобности"[1]. Во всякомъ случаѣ это—радикальный пріемъ отобранія церковныхъ имуществъ.

с) Принудительное отчужденіе.

Принудительное отчужденіе въ нашемъ смыслѣ не было извѣстно въ Китаѣ; лишь въ самое послѣднее время подъ

---

1) *Шэнь-бао* отъ 14 мая 1902. Согласно сообщенію *Тунь-вэнь ху-бао* отъ 21 ноября 1902 г. земли монастырей, служащія для цѣлей культа, должны, въ силу распоряженія администраціи, остаться свободными отъ предположенныхъ мѣропріятій, и только прочія пожертвованныя земли подлежатъ имъ.

вліяніемъ европейцевъ было введено это понятіе. При полномъ отсутствіи сооруженія желѣзныхъ и грунтовыхъ дорогъ, какъ и всякихъ другихъ новыхъ публичныхъ сооруженій, частныя земли могли потребоваться на государственныя нужды лишь очень рѣдко. А если случалась, дѣйствительно, надобность въ участкѣ частной земли, то вѣрноподданный и долженъ былъ уступить его. Такъ, *Пекинская газета* отъ 13 марта 1874 года опубликовала императорскій указъ, въ силу коего отъ поземельнаго налога освобождались тѣ земельные собственники, которые должны были уступить части своихъ земель подъ сооруженіе новой дороги отъ Пекина къ императорскимъ мавзолеямъ по случаю посѣщенія ихъ Его Величествомъ. Вопросъ объ экспропріаціи получилъ, разумѣется, совсѣмъ иное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ начали строить желѣзныя дороги. Прежніе, хотя и удобные, но слишкомъ упрощенные пріемы въ болѣе обширномъ размѣрѣ непримѣнимы и въ Китаѣ, особенно тогда, когда дороги сооружаются иностранцами или на иностранныя деньги. Отчужденіе необходимыхъ для этого земель — вопросъ не легкій. Нечестность чиновниковъ и, зачастую вполнѣ обоснованное, недовѣріе населенія по отношенію къ вознагражденію за уступаемую землю являются почти всегда коренными причинами безпорядковъ при сооруженіи желѣзной дороги. Первымъ оффиціальнымъ шагомъ, предпринятымъ съ китайской стороны къ законному урегулированію отчужденія, было распоряженіе, изданное извѣстнымъ главнымъ директоромъ желѣзныхъ дорогъ *Шэнъ Сюань-хуай* и тогдашнимъ губернаторомъ Пекина *Ху Юй-фэнь* по случаю постройки линіи *Тяньцзинъ—Пекинъ—Баодинфу*. Этимъ распоряженіемъ вводился опредѣленный порядокъ отчужденія и устанавливались цѣны на землю; дѣло шло почти исключительно о маньчжурскихъ ленныхъ земляхъ. Вообще же повсемѣстно урегулированіе этого вопроса предоставляется мѣстнымъ чиновникамъ. Въ новомъ земельномъ положеніи для международнаго сетлемента въ Шанхаѣ, выработанномъ въ 1898 году, содержалась также статья объ отчужденіи такой земли въ сетлементѣ, которая понадобилась бы муниципалитету для общественныхъ цѣлей. Китайская администрація, которой было представлено это положеніе для утвержденія, заявила, что такъ какъ старое положеніе никогда не было признано китайскимъ правительствомъ, то и новое не будетъ оффиці-

ально принято къ свѣдѣнію. Но вскорѣ послѣ этого то же самое учрежденіе, и именно по просьбѣ упомянутаго главнаго директора *Шэнъ* обратилось къ консульскому корпусу съ ходатайствомъ о примѣненіи опредѣленій новаго положенія касательно отчужденія также въ пользу назначенной къ постройкѣ и пересѣкающей сетлементъ желѣзной дороги *Усунъ—Шанхай—Сучжоу*. Въ виду важности новой потребности даже китайская обструкція не выдержала своей роли, желая еще болѣе расширить предъ этимъ отклоненное Положеніе.

Также и въ отношеніи германскаго сетлемента въ *Ханькоу*, на р. *Янцзы*, статьею VI договора о сетлементѣ предусмотрѣно отчужденіе земли подъ будущія желѣзныя дороги.

За послѣднее время принудительное отчужденіе было оффиціально примѣнено въ двухъ случаяхъ. Одинъ случай вызванъ былъ постройкою новаго императорскаго „путевого дворца" въ *Бао-динъ-фу* (провинція *Чжили*), вслѣдствіе чего представилась необходимость въ отчужденіи большого числа частныхъ земельныхъ участковъ. Цѣнность послѣднихъ въ отдѣльности опредѣлялась такъ называемыми домовыми маклерами (*дянь-я*); съ оцѣночныхъ суммъ сбросили 20—30 процентовъ, и остатокъ былъ выплаченъ собственникамъ. Другой же случай относится къ новому высшему учебному заведенію, постройка котораго потребовала пріобрѣтенія 1350 *му* частной земли въ Пекинѣ. Прокламація ректора—президента въ министерствѣ чиновъ—отъ августа 1902 года оповѣщаетъ, что цѣны земельныхъ участковъ установлены и притомъ съ условіемъ, что вычеты изъ цѣны не могутъ быть производимы ни въ какой формѣ и ни подъ какимъ предлогомъ. Для контроля къ этому документу былъ присоединенъ списокъ, въ которомъ приводились фамиліи каждаго отдѣльнаго продавца, количество проданной имъ земли и установленная цѣна ея.

Но общее законодательное урегулированіе государственнаго отчужденія до сихъ поръ не нашло себѣ мѣста въ Китаѣ, и въ предвидимомъ будущемъ едва ли можно ожидать его.

Д. Пріобрѣтеніе вещныхъ правъ на чужую земельную собственность.

Въ соотвѣтствіи съ туземнымъ правовымъ воззрѣніемъ, мы разсмотрѣли въ предшествующей главѣ (стр. 82 и слѣд.) аренду, на которую въ Китаѣ смотрятъ какъ на [производную, *Ред.*] собственность, вмѣстѣ съ куплей; послѣ этого намъ остается только разсмотрѣть, какъ способы пріобрѣтенія вещныхъ правъ на чужую земельную собственность,—закладъ, залогъ[1]) и нѣкоторые маловажные сервитуты. За недостаткомъ болѣе подходящихъ выраженій мы должны говорить о закладѣ *и* залогѣ также по отношенію къ земельной собственности, такъ какъ китайское залоговое право не дѣлаетъ различія между движимымъ имуществомъ и земельными участками. Послѣдніе могутъ быть закладываемы такимъ же образомъ, какъ, напр., какой-нибудь товаръ[2]).

1. Закладъ.

З а к л а д ъ *(тянь-данъ)* представляетъ полную Antichresis: право пользованія заложеннымъ имуществомъ безъ отчетности. Залогодатель передаетъ свой земельный участокъ кредитору за сумму денегъ или за долгъ въ неограниченное пользованіе. Пользованіе

---

1) Подъ закладомъ (Verpfaendung) разумѣется здѣсь, какъ и выше, передача, въ обезпеченіе займа, земельнаго участка кредитору въ пользовладѣніе или и въ собственность, но съ правомъ выкупа; подъ залогомъ (Hypothek)—вещный кредитъ подъ обезпеченіе недвижимымъ имуществомъ, остающимся, подъ условіемъ выполненія обязательствъ по займу, въ собственности и въ пользованіи должника. *Ред.*

2) Въ Германіи, въ болѣе позднія эпохи среднихъ вѣковъ, также допускался закладъ домовъ чрезъ передачу домовыхъ актовъ, т.-е. актовъ на право собственности, на подобіе ручного заклада. (*Schroeder*, *Deutsche Rechtsgeschichte*. *S.* 729).

является эквивалентомъ роста. Кредиторъ получаетъ, какъ видимый знакъ передачи, всѣ документы на участокъ и закладную, въ которой должны быть указаны размѣръ долга, количество и описаніе земли и характеръ правовой сдѣлки, какъ заклада на время[1]). Свидѣтельство о залогѣ должно быть также подписано посредниками и свидѣтелями, но не оплачивается оффиціальною пошлиною (см. стр. 81). Кредиторъ съ своей стороны передаетъ залогодателю соотвѣтствующій документъ, въ которомъ онъ подтверждаетъ полученіе документовъ на право собственности и заявляетъ, что они и земля будутъ возвращены при погашеніи долга. Легко видѣть, что закладъ по своему существу очень близко подходитъ къ продажѣ земельнаго участка съ правомъ выкупа (см. стр. 78 и слѣд.); единственное существенное различіе въ томъ, что при послѣдней сдѣлкѣ можетъ быть назначенъ произвольный срокъ для возможнаго выкупа, при первой же сдѣлкѣ требуется погашеніе долга всегда не позднѣе десяти лѣтъ. Если не послѣдуетъ погашеніе по истеченіи этого времени, то сдѣлка должна быть превращена въ куплю. Распоряженіе 1770 г. выражаетъ это опредѣленіемъ, что „залоговое свидѣтельство по истеченіи десяти лѣтъ должно быть оплачено пошлиною (за переходъ имущества)" [2]). Если закладчикъ не желаетъ или не въ состояніи выкупить землю, то онъ можетъ, какъ при продажѣ съ правомъ выкупа, потребовать отъ заимодавца уплаты разницы между суммою долга и цѣнностью земли, т. е. превратить сдѣлку въ окончательную продажу, или же, въ случаѣ отказа кредитора, совершить закладъ земли или продать ее другому лицу и удовлетворить прежняго кредитора изъ полученныхъ денегъ. Иначе заимодавецъ воленъ съ своей стороны совершить перезакладъ земельнаго участка [3]).

---

1) *Положеніе о министерствѣ финансовъ*; *Да-цинъ люй-ли*. Отд. 9. fol. 27 verso (комментарій).

2) Ibid fol. 31 recto (комментарій).

3) *Положеніе о министерствѣ финансовъ*; *Да-цинъ люй-ли*. Отд. 9 fol. 28 recto. По *Simcox*, *Primitive civilizations*, т. I, стр. 322—323, этотъ закладъ существовалъ и въ Вавилонѣ уже въ 23 столѣтіи до Р. Х. „The antichretic mortgage is found full grawn in the twenty third century B. C. (in Babylon), and its invention must be one of the earlist achievements of the primitive Sumerian race. In one form or another it is met with in China, Malabar,

2. Залогъ.

Залогъ (*ди-я*) представляется такъ же, какъ въ германскомъ правѣ, установленіемъ повинности на земельномъ участкѣ въ обезпеченіе какого-либо требованія. Онъ отличается отъ заклада тѣмъ, что должникъ удерживаетъ за собой пользованіе своимъ земельнымъ участкомъ, а заимодавцу выплачиваетъ взамѣнъ этого проценты. Но онъ передаетъ послѣднему, какъ и при закладѣ, всѣ документы на право владѣнія и закладную, которая между тѣмъ не связана, какъ купчій актъ, извѣстной формой, но представляетъ собой только простое долговое обязательство и показываетъ земельный участокъ, какъ объектъ залогового обезпеченія. Подобно тому, какъ и при закладѣ, заимодавецъ выдаетъ въ томъ расписку должнику. Передача документовъ на право владѣнія необходима, такъ какъ въ Китаѣ отсутствуетъ необходимое въ европейскихъ странахъ требованіе для установленія залога—занесеніе въ поземельную книгу [1]). Передача должна, такимъ образомъ, замѣнить такое занесеніе. Правило, что во всѣхъ случаяхъ, когда не должно платить пошлину, не требуется заявленіе для офиціальнаго реестра, характерно для цѣли китайской земельной регистраціи: она должна служить не столько въ обезпеченію частныхъ правъ, сколько, главнымъ образомъ—въ обезпеченію государственныхъ имущественныхъ повинностей.

Egypt, the Berber and Basque countries; and, finally, under the name of a „Welsh mortgage" has got itself recognized in British law books".[„Залогъ въ формѣ антихрезы констатированъ вполнѣ развитымъ въ 23 столѣтіи до Р. Хр. (въ Вавилонѣ), и введеніе его должно было быть однимъ изъ наиболѣе раннихъ успѣховъ примитивной сумерійской расы. Въ той или иной формѣ онъ встрѣчается въ Китаѣ, на Малабарскихъ островахъ, въ Египтѣ, Берберіи и въ области Басковъ и, наконецъ, подъ именемъ „уэльскаго залога" онъ получилъ признаніе въ англійскомъ писанномъ правѣ". *Перев. ред*].

1) Въ отношеніи способовъ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества и, въ частности, залогового права въ Западной Европѣ принята т. н. ипотечная система, т. е. система признаваемыхъ публичными (гласными) и достовѣрными поземельныхъ книгъ, въ которыхъ для каждаго земельнаго имущества отводится особый листъ съ обозначеніемъ на немъ относящихся къ этому имуществу данныхъ, въ частности собственника и всѣхъ лежащихъ на недвижимомъ имуществѣ обязательствъ, обезпечиваемыхъ имуществомъ въ порядкѣ внесенія ихъ въ книгу. Общее русское право пока держится

Залогъ распространяется на весь земельный участокъ, и послѣдній отвѣчаетъ за капиталъ и проценты; изъ того факта, что всѣ документы на право владѣнія передаются заимодавцу, какъ закладъ, видно, что на одинъ земельный участокъ можетъ устанавливаться лишь одинъ залогъ. Въ то время какъ для установленія залога не требуется оффиціальнаго содѣйствія, послѣднее необходимо при реализаціи залогового обезпеченія въ случаѣ невыполненія долгового обязательства, и этимъ сильно ограничивается въ Китаѣ значеніе такого обезпеченія. Продажа земельнаго участка можетъ произойти лишь съ согласія мѣстной администраціи, а заручиться имъ не всегда легко. Къ этому присоединяется и то, что пользующемуся залоговымъ обезпеченіемъ кредитору едва ли удается получить разрѣшеніе на полное удовлетвореніе, безъ вниманія къ возможнымъ другимъ кредиторамъ. Залогъ въ Китаѣ поэтому далеко не имѣетъ такого значенія, какъ въ европейскихъ странахъ; гораздо болѣе обычная форма обезпеченія земельной собственностью—это вышеописанный закладъ, и я даже сомнѣваюсь, чтобы залогъ былъ извѣстенъ во всѣхъ частяхъ Китая. Что этотъ институтъ во всякомъ случаѣ болѣе новаго происхожденія, должно вытекать уже изъ того, что онъ не упоминается ни въ *Сборникѣ законовъ* ни въ комментаріяхъ. Китайцы въ большинствѣ случаевъ и охотнѣе предлагаютъ иностранцу залогъ въ обезпеченіе долга, такъ какъ иностранецъ обыкновенно соединяетъ его съ принятымъ въ его странѣ понятіемъ и не сознаетъ поэтому ея болѣе низкаго достоинства.

3. Реальные сервитуты.

Существующія на китайской земельной собственности повинности (сервитуты) можно охарактеризовать въ немногихъ словахъ. Дѣло

крѣпостного порядка укрѣпленія сдѣлокъ о недвижимостяхъ. Сдѣлки по отчужденію и залогу недвижимостей подлежатъ утвержденію со стороны старшаго нотаріуса, со внесеніемъ въ книгу крѣпостныхъ актовъ, а для залоговыхъ сдѣлокъ—въ сборникъ запретительныхъ (и впослѣдствіи—въ сборникъ разрѣшительныхъ) статей, куда вносятся лишь обязательства, налагаемыя на недвижимыя имущества по сдѣлкамъ. Недвижимое имущество отвѣтствуетъ, при наличіи нѣсколькихъ вещныхъ обязательствъ, въ порядкѣ укрѣпленія сдѣлокъ о нихъ. Въ будущемъ предстоитъ и у насъ введеніе ипотечной системы. *Ред.*

идетъ почти исключительно о водной канавѣ, которую нельзя засыпать, тропинкѣ, которая не можетъ быть заграждена, могилѣ, не подлежащей удаленію, хотя за землю уплачивается полная сумма поземельнаго налога. Въ Шанхаѣ для участковъ—не исключая и принадлежащихъ иностранцамъ—прилегающихъ къ большимъ проѣзжимъ дорогамъ, средина послѣднихъ принимается границею подлежащей налогу земли. Сервитуты всегда особенно упоминаются въ купчихъ актахъ, и только въ послѣднемъ случаѣ это не дѣлается въ оффиціальномъ документѣ, такъ какъ дороги принадлежатъ муниципалитету, а права собственности послѣдняго игнорируются туземной администраціей.

Законодательныя опредѣленія о реальныхъ сервитутахъ мнѣ неизвѣстны.

Часть II.

ПРАВА ИНОСТРАНЦЕВЪ НА ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ КИТАѢ.

А. СУЩЕСТВО ИНОСТРАННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Разъясненія предшествующей части даютъ намъ возможность выступить на вѣрнѣйшій и кратчайшій путь къ нашей дальнѣйшей цѣли—обсужденію правъ иностранцевъ касательно землевладѣнія въ Китаѣ. Этотъ путь состоитъ въ разрѣшеніи вопроса, насколько принципъ: lex loci rei sitae [1]) по отношенію къ иностраннымъ землевладѣльцамъ модифицируется основаннымъ на договорахъ правовымъ положеніемъ ихъ. При этомъ сейчасъ возникаютъ два другихъ, часто разсматриваемыхъ, вопроса: пріобрѣтаетъ ли иностранецъ земельную собственность такимъ же порядкомъ, какъ китаецъ, и одинаково ли содержаніе его права собственности съ таковымъ же у китайцевъ? На первый вопросъ мы отвѣтимъ—нѣтъ, на второй—да.

Въ тринадцати договорахъ, заключенныхъ между Китаемъ и иностранными государствами и содержащихъ упоминаніе о пріобрѣтеніи земли соотвѣтствующими подданными, опредѣляется (за исключеніемъ двухъ) въ одинаковыхъ выраженіяхъ [2]), что эти иностранцы могутъ „арендовать землю“. Купчіе акты, совершен-

1) Этимъ выраженіемъ обозначается тотъ принципъ, что юридическія отношенія касательно недвижимыхъ имуществъ опредѣляются юридическими нормами мѣста нахожденія имуществъ. *Ред.*

2) Здѣсь идетъ рѣчь, естественно, о китайскомъ текстѣ договоровъ.

ные между китайцами и иностранцами—форма I (см. стр. 70 и слѣд.)—тождественны съ тѣми, какіе обычны между туземцами; только вмѣсто слова „продать“ употребляется выраженіе: „сдать въ аренду на вѣчныя времена“; тотъ же терминъ опять таки примѣняется въ выдаваемыхъ иностранцамъ оффиціальныхъ актахъ на землю (см. ниже, Б). Иностранецъ въ Китаѣ не можетъ, такимъ образомъ, покупать землю подобно китайцу, а лишь „арендовать на вѣчныя времена“. Но представимъ себѣ теперь, что при окончательной продажѣ земельнаго участка въ купчемъ актѣ перенесеніе права обозначается, какъ „отчужденіе путемъ продажи съ тѣмъ, что выкупъ исключается на вѣчныя времена“ (см. выше, стр. 71); припомнимъ также, что въ китайскомъ правѣ аренда представляется (стр. 82) продажею поверхности, и мы найдемъ, что нельзя дѣлать различіе между понятіями „аренды на вѣчныя времена“ и „окончательной продажи поверхности“, если только иностранный „арендаторъ“ обязанъ уплачивать „отдавателю“ ежегодный оброкъ, что часто случается. Но если такой оброкъ не имѣетъ мѣста, а уплачивается единовременно стоимость и при томъ въ купчій актъ вносится выраженіе: „такъ что земля становится владѣніемъ“ („арендатора“) 1)—какъ, наприм., общеупотребительно въ купчихъ актахъ Шанхая, то мы получаемъ понятіемъ „отчужденія съ тѣмъ, что выкупъ исключается на вѣчныя времена“, и именно—отчужденія поверхности и почвы, такъ какъ арендные платежи не имѣютъ мѣста, т.-е. окончательной продажи земельнаго участка. Различіе между отчужденіемъ посредствомъ купли и посредствомъ аренды существуетъ здѣсь только въ словахъ: способы пріобрѣтенія терминологически различны, пріобрѣтается же то же самое.

Итакъ, если бы потребовалось, можно было бы изъ самаго китайскаго права вывести тождество существа аренды на вѣчныя времена и купли. Но въ дѣйствительности это требуется только для теоретиковъ, на практикѣ же, со времени заключенія договоровъ, насколько мнѣ извѣстно, не было ни одного случая, чтобы китайскія учрежденія, при всемъ противодѣйствіи пріобрѣ-

1) Китайское выраженіе можно было бы не менѣе правильно передать словомъ „собственность“; только тогда нельзя смотрѣть на него какъ на чисто юридическій терминъ. Наиболѣе подходящимъ представляется англійское выраженіе „estate“.

тенію земли иностранцами утверждали, что арендой на вѣчныя времена иностранецъ не пріобрѣтаетъ полной собственности; это возраженіе исключено, такимъ образомъ, и на все будущее время. Столь же несомнѣннымъ представляется и представлялось всегда для предшествовавшаго китайскаго владѣльца, что онъ съ передачей купчаго акта выходитъ изъ всякаго правового отношенія къ земельному участку, и что на его мѣсто вступаетъ иностранецъ 1). Благодаря такому пониманію кое-гдѣ совершенно утратилось и формальное различіе и выраженіе „арендовать“ замѣняется выраженіемъ „купить“. Такъ, этотъ послѣдній терминъ употребленъ въ нѣкоторыхъ купчихъ актахъ для иностранцевъ (между прочимъ, въ актѣ на одинъ участокъ владѣнія германскаго консульства въ *Амоѣ*, а также на наибольшую часть земельнаго владѣнія посольства въ Пекинѣ); въ оффиціальныхъ бумагахъ китайскихъ учрежденій также нерѣдко говорится о купл ѣ земли европейцами, и даже два болѣе новыхъ трактата, а именно: португальскій отъ 1 декабря 1887 г. (ст. XVI) и русскій отъ 12 февраля 1881 г. (ст. XIII) допустили „куплю“. Первый прямо разрѣшаетъ и куплю и аренду земли, между тѣмъ какъ послѣдній говоритъ вообще о „пріобрѣтеніи“ земли. Основной французскій текстъ русскаго трактата выражается даже: „acquérir par voie d'achat“ [„пріобрѣтать путемъ купли“]. При такихъ условіяхъ можетъ показаться страннымъ, что выраженіе: „аренда на вѣчныя времена“, которое едва ли могло быть правильно понято въ Европѣ, вообще было введено въ трактаты. Однако нельзя забывать при этомъ, что при заключеніи первыхъ трактатовъ въ 1842 г. и 1843 г. англичанами, послѣдніе въ вопросѣ о пріобрѣтеніи земли наткнулись на вышеупомянутую (стр. 66) несклонность китайцевъ. Но именно англичанамъ скорѣе всего должна была представиться понятной эта несклонность, въ виду существующаго у нихъ понятія: „perpetual lease“ [вѣчной аренды], а также въ виду собственнаго, имѣвшаго еще тогда силу, основного закона, по которому ни одинъ иностранецъ не могъ пріобрѣсти зе-

---

1) Если объясняли арендныя отношенія иностранцевъ въ Китаѣ тѣмъ, что китаецъ тоже только арендаторъ и поэтому не можетъ передать больше правъ, чѣмъ самъ имѣетъ, то эта аргументація сама по себѣ правильна, но основана, какъ мы видѣли, на неправильной посылкѣ и вслѣдствіе этого падаетъ.

мельную собственность въ предѣлахъ Соединеннаго королевства[1]). „Аренда на вѣчныя времена" была уступкою китайскимъ чувствамъ, на которую англичане могутъ пойти безъ долгихъ колебаній. Но послѣ того какъ это выраженіе было уже примѣнено однажды въ трактатѣ, устранилась возможность, при извѣстномъ уваженіи китайцевъ къ традиціи и къ прецедентамъ, для всѣхъ позже договаривавшихся достичь иного термина. Съ теченіемъ времени привыкли къ земельнымъ собственникамъ европейцамъ, и теперь введеніе въ трактаты купли взамѣнъ аренды едва ли бы встрѣтило значительныя затрудненія со стороны китайскаго правительства. Но этотъ безсодержательный вопросъ не стоилъ бы тѣхъ обсужденій, которыя бы онъ вызвалъ.

Весьма значительному ограниченію подлежатъ, однако, права иностранцевъ на земельную собственность по сравненію съ туземцами въ силу постановленія трактатовъ, разрѣшающаго иностранцу постоянное пребываніе только въ открытыхъ портахъ. Лишь въ прямо указанныхъ торговыхъ пунктахъ онъ можетъ пріобрѣтать землю, все же остальное есть „внутренняя территорія", въ которую онъ можетъ вступать по усмотрѣнію, но въ которой онъ нигдѣ и ни въ какой формѣ не можетъ пріобрѣтать земельную собственность. Не разъ поднимался и требовалъ практическаго разрѣшенія вопросъ: въ какихъ территоріальныхъ границахъ въ открытыхъ пунктахъ можетъ иностранецъ пріобрѣтать землю. По утвержденію китайцевъ — только внутри особо отведенной для этого территоріи. Этому про-

---

1) *Act of Settlement* отъ 12 іюня 1701 г., статья III: „That after the limitation shall take effect, no person born out of the kingdoms of England, Scotland and Ireland, or the dominions thereunto belonging, although he be naturalized or made a denizen shall be capable... to have any grant of lands, tenements or hereditaments from the crown to himself, or to any other or others in trust for him". [„Что послѣ того какъ ограниченіе вступитъ въ силу, ни одно лицо, родившееся внѣ королевствъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи или принадлежащихъ къ нимъ владѣній, хотя бы натурализованное или принятое въ подданство, не способно къ пожалованію его землями, мызами или наслѣдственными правами на недвижимости отъ короны въ свою пользу или въ пользу другихъ или по довѣренности отъ него". *Перев. ред.*]. Только актомъ о натурализаціи 1870 г. этотъ законъ отмѣненъ въ существенномъ.

тивостоитъ другая точка зрѣнія, притязующая на всю территорію порта, со включеніемъ туземнаго города. Не подлежитъ сомнѣнію, что, когда по *нанкинскому* трактату 1842 г. были открыты для иностранной торговли первые пять портовъ (*Кантонъ*, *Амой*, *Фучжоу*, *Нинбо*, *Шанхай*), обѣ договаривавшіяся стороны полагали, что всѣ предоставленныя права, а, стало быть, и пріобрѣтеніе земли, распространяются на всю территорію города и порта. Невозможность по отношенію къ фактическому проживанію использовать новое право въ полномъ его объемѣ, должна была, естественно, очень скоро стать очевидною, поскольку она не была еще такою. Вслѣдствіе этого китайской администраціей совмѣстно съ подлежащими консулами (т.-е. съ англійскимъ и, позже, съ французскимъ и американскимъ) были избраны удобные участки земли, гдѣ должны были проживать всѣ иностранцы. Такъ образовались иностранныя поселенія (называемыя также колоніями, сетльментами), которыя въ зависимости отъ послѣдующихъ мѣропріятій договорныхъ державъ обращались въ національныя (концессіи) или международныя учрежденія. При дальнѣйшемъ развитіи иностранныхъ сношеній, естественно, долженъ былъ не разъ выдвигаться вопросъ: съ отводомъ иностранцамъ сетльмента отказались ли они отъ права пріобрѣтать землю также внѣ этой опредѣленной территоріи? На этотъ вопросъ китайцы и нѣкоторые европейцы отвѣчаютъ утвердительно, другіе же—отрицательно. Если въ этомъ отношеніи вообще могли возникнуть сомнѣнія, то виновата тутъ главнымъ образомъ неясная редакція трактатовъ. Въ то время какъ въ англійскомъ трактатѣ 1842 года говорилось только о „cities and towns“ [городахъ], въ которыхъ англійскіе подданные могутъ пріобрѣтать землю, во французскомъ договорѣ 1844 г. (ст. XXII) говорится уже: „Dans ce but, l'autorite locale, apres s'etre concertée avec le consul, designera les quartiers les plus convenables pour la residence des francais et les endroits dans lesquels pourront avoir lieu les constructions precitees“ [1]). То же опредѣленіе повторяется въ

1) „Съ этой цѣлью мѣстная администрація, по соглашенію съ консуломъ, назначитъ наиболѣе удобные кварталы для жительства французовъ, и мѣстности, на которыхъ могутъ имѣть мѣсто вышеуказанныя постройки“ (*Перев. ред.*).

X ст. послѣдующаго договора 1858 г., а также содержится въ шведско-норвежскомъ договорѣ 1847 г. и въ бельгійскомъ 1865 г. Но и англійская (впрочемъ не ратификованная) Чифу'ская конвенція 1876 г. въ раздѣлѣ III также предусматриваетъ опредѣленное отграниченіе иностранныхъ сетльментовъ, поскольку это еще нужно сдѣлать, и даже хочетъ ограничить свободу отъ внутреннихъ налоговъ земли, арендуемой иностранцами въ различныхъ портахъ („the ground rented by foreigners at the different ports"). Даже однимъ изъ новѣйшихъ договоровъ—китайско-японскимъ мирнымъ трактатомъ въ Симоносеки отъ 1895 года, въ ст. IV постановляется: „Within the localities at those places (открытыхъ портахъ) which have already been or may hereafter be set apart for the use and occupation of foreigners, they (японцы) are allowed to rent or purchase houses, rent or lease land etc." 1).

Должно признать, что желая ограничить право иностранцевъ пріобрѣтать землю предѣлами сетльментовъ, китайцы рѣшительно получаютъ въ вышеприведенныхъ договорахъ извѣстное основаніе для этого. Стоитъ только привести для сравненія аналогичныя условія въ Японіи. Въ англо-японскомъ договорѣ 1859 года (ст. III) говорится: „The place (въ открытыхъ портахъ) which British subjects shall occupy for their buildings... shall be arranged by the British Consul and the Japanese authorities of each place etc." 2). Точно также въ германскомъ договорѣ 1869 г. (ст. III): „In den vorgedachten Staedten und Haefen sollen deutsche Untertanen dauernd wohnen koennen; sie sollen das Recht haben, daselbst Grundstuecke zu mieten und Haeuser zu kaufen, und sie sollen Wohnungen und Magazine daselbst erbauen duerfen. Der Platz, welchen deutsche Untertanen bewohnen, und auf welchem sie ihre Gebaeude errich-

---

1) „Въ мѣстностяхъ этихъ пунктовъ (открытыхъ портовъ), которыя уже отведены или впослѣдствіи могутъ быть отведены въ пользованіе и владѣніе иностранцевъ, они (японцы) имѣютъ право арендовать или пріобрѣтать дома, арендовать или сдавать въ аренду землю и пр.". *Перев. ред.*

2) „Мѣстность, которую британскіе подданные имѣютъ занять подъ свои дома, будетъ совмѣстно установлена британскимъ консуломъ и мѣстными японскими властями". *Перев. ред.*

ten sollen, wird von den deutschen Konsularbeamten im Einverstaendnis mit den kompetenten japanischen Ortsbehoerden angewiesen werden“ 1). Приведенныя правила были, стало быть, въ обоихъ государствахъ одинаковы, но японское правительство, какъ болѣе энергичное и болѣе сильное, строго придерживалось этихъ правилъ и до пересмотра трактатовъ не допускало пріобрѣтенія земли иностранцами внѣ поселеній, гдѣ были таковые.

Положеніе вещей измѣняется однако тѣмъ, что нѣсколько договорныхъ державъ, къ каковымъ принадлежитъ и Германія,— не связали себя такими неясными условіями относительно сентльментовъ. Германско-китайскій договоръ 1861 г. (ст. VI) просто постановляетъ, что германскіе подданные могутъ въ открытыхъ „портахъ и городахъ.... покупать, нанимать или сдавать дома, арендовать или сдавать въ аренду землю“ [in den geoeffneten „Haefen und Staedten... Haeuser kaufen, mieten oder vermieten, Land pachten oder verpachten“]. Такую же формулировку содержатъ американскій, датскій и голландскій договоры. На основаніи этого опредѣленія съ германской стороны всегда принципіально имѣлось притязаніе на свободу пріобрѣтенія земли и жительства во всей мѣстности порта. Китайское правительство съ своей стороны совершенно превратно пользовалось представляющимися ему зацѣпками въ договорахъ, обнаруживая стремленіе ограничить сетльментами не только пріобрѣтеніе земли и проживаніе, но и всю торговую дѣятельность иностранцевъ, всю же остальную территорію со включеніемъ туземныхъ городовъ объявить „внутренней“ и герметически закрыть границы сетльментовъ цѣпью таможенъ; въ тѣхъ открытыхъ портахъ, въ которыхъ не существуютъ иностранные сетльменты, обстоятельства пріобрѣтенія земли должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предварительно выдачи разрѣшенія, быть разсмотрѣны мѣстной администраціей совмѣстно съ подлежащимъ

---

1) „Въ вышеупомянутыхъ городахъ и портахъ германскіе подданные могутъ постоянно проживать; они имѣютъ право арендовать здѣсь земельные участки и покупать дома, и могутъ строить здѣсь жилища и магазины. Мѣстность, въ которой обитаютъ германскіе подданные и въ которой они должны возводить свои зданія, будетъ установлена чинами германскихъ консульствъ по соглашенію съ компетентными японскими мѣстными властями“. *Перев. ред.*

консуломъ. Когда въ послѣднее время правительство, охваченное политической паникой, открыло по собственному почину рядъ портовъ для внѣшней торговли, оно сдѣлало еще одинъ шагъ дальше и односторонне назначало чрезъ китайскаго комиссара произвольно избранную, часто лежащую совсѣмъ вдали, площадь подъ сетльментъ, внѣ границъ котораго всякое пріобрѣтеніе земли и всякое жительство категорически воспрещались. Завершенія этой системы достигъ даотай порта *Сучжоу*, открытаго въ силу Симоносекскаго трактата, стало быть, не „добровольно“; послѣ того какъ тамъ равнымъ образомъ односторонне назначена была опредѣленная площадь для сетльмента, даотай издалъ въ 1897 г. прокламацію, въ которой запретилъ китайскому населенію отчуждать иностранцамъ землю внѣ этой мѣстности.

Нужно бы думать, что при столь расходящихся воззрѣніяхъ на вытекающія изъ договоровъ права, пріобрѣтеніе земли иностранцами поставлено, должно быть, непрочно и малоудовлетворительно. Но по отношенію къ ограниченіямъ мѣстностью этого нѣтъ, кромѣ развѣ исключительныхъ случаевъ. Мы уже неоднократно видѣли, что теоріи, выставленныя китайцами, отнюдь не всегда должны быть примѣняемы на дѣлѣ, а потому и условія пріобрѣтенія земли въ общемъ развились гораздо благопріятнѣе, чѣмъ можно было бы предполагать. Въ настоящее время изъ всѣхъ договорныхъ портовъ (за исключеніемъ открытыхъ въ послѣднее время) едва ли найдется хотя одинъ, въ которомъ не было бы болѣе или менѣе многочисленныхъ иностранцевъ, владѣющихъ земельной собственностью внѣ границъ возможнаго сетльмента, притомъ безъ того, чтобы мѣстная администрація дѣлала имъ серьезныя затрудненія при пріобрѣтеніи земли. Въ особенности въ Шанхаѣ, гдѣ въ землевладѣніе вложено европейцами болѣе капиталовъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ открытыхъ портахъ вмѣстѣ, постановленія о пріобрѣтеніи земли примѣняются самымъ либеральнымъ образомъ. Здѣсь, внѣ весьма обширной площади сетльмента, возникли дороги, протяженіемъ въ мили, при чемъ прилегающіе къ нимъ участки почти всѣ принадлежатъ иностранцамъ; крупныя промышленныя предпріятія высятся въ большомъ отдаленіи отъ сетльментовъ[1]); даже на противо-

1) Эти данныя остаются справедливыми и теперь еще, послѣ происшедшаго въ 1899 году расширенія сетльментовъ.

положномъ Шанхаю берегу рѣки иностранцами закуплены обширныя площади земли. Столь обширныхъ границъ для области порта, какія здѣсь образовались, было бы невозможно домогаться на основаніи трактатовъ, и, несмотря на то, ни одинъ китайскій чиновникъ не дѣлалъ возраженій противъ какой-либо изъ безчисленныхъ земельныхъ покупокъ на основаніи того, что участокъ расположенъ внѣ поселеній. При этомъ, еще до недавняго времени въ печатныхъ оффиціальныхъ купчихъ актахъ значилось: „земельный участокъ, лежащій внутри иностраннаго сетльмента". Это выраженіе было затѣмъ устранено по иниціативѣ германскаго генеральнаго консульства. Лишь одно ограниченіе китайская администрація упорно отказывалась нарушить. Съ международнымъ сетльментомъ Шанхая непосредственно граничитъ сосѣдній уѣздъ *Бао-шань сянь*. За эту границу не удалось расширить поселеніе, и ни одинъ изъ многочисленныхъ европейцевъ, обладающихъ земельнымъ имуществомъ въ уѣздѣ *Бао-шань сянь* не имѣетъ отъ даотая оффиціальнаго документа на имущество, ни даже оффиціально засвидѣтельствованнаго начальникомъ *Бао-шань* купчаго акта. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ (*Б*) обнаружатся причины безуспѣшности всѣхъ усилій измѣнить этотъ порядокъ. Это является убѣдительнымъ примѣромъ того, какъ въ Китаѣ молча допускаютъ извѣстную практику, но рѣшительно противятся категорической легализаціи ея. Въ *Сучжоу*, гдѣ въ 1897 году объявлена вышеупомянутая прокламація, около года спустя, одинъ нѣмецъ пожелалъ пріобрѣсти участокъ земли внѣ сетльмента. Между тѣмъ даотай отказалъ въ утвержденіи, но не на основаніи положенія участка, а по причинѣ невыясненности владѣльческихъ отношеній; справедливость этого объясненія нельзя было установить, такъ какъ германскій покупатель самъ отступился отъ купли. И случаи, что иностранные купцы, особенно японцы, безпрепятственно имѣютъ внутри туземныхъ городовъ свои торговыя помѣщенія, не являются единичными. Даже Пекинъ, который вообще не открытъ для торговли, насчитываетъ теперь значительное число иностранныхъ землевладѣльцевъ.

При такихъ обстоятельствахъ предпочли предоставить китайцамъ заниматься ихъ теоріей, а взамѣнъ этого трактовать каждый конкретный фактъ порознь. На болѣе серьезныя затрудненія,

заключающіяся большею частью въ запугиваніи продавца чиновниками, наталкиваются всегда только въ первомъ случаѣ своего рода, всѣ же послѣдующіе разрѣшаются съ гораздо меньшимъ давленіемъ, такъ какъ логика прецедентовъ представляется иногда единственною, пониманіе которой обнаруживается въ Китаѣ. Къ тому же принципіальное выясненіе этого вопроса могло бы, въ концѣ концовъ, привести къ нежелательной необходимости повсемѣстнаго установленія границъ портовой территоріи; задача, разрѣшить которую если и возможно, то лишь съ несоразмѣрно большой затратой времени и труда.

Въ исключительное положеніе по отношенію къ пріобрѣтенію земельной собственности поставлены христіанскія миссіонерскія общества тѣмъ, что они не ограничены договорными портами. Это важное опредѣленіе, сдѣлавшее возможной дѣятельность миссіонеровъ въ Китаѣ въ ея теперешнемъ объемѣ, основывается на разнорѣчіи въ текстахъ французско-китайской дополнительной конвенціи 1860 г. Этотъ важный вопросъ требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Статья VI названной конвенціи гласитъ во французскомъ текстѣ: „Conformement à l'Edit Imperial rendu le vingt m a r s, mil huit cent quarante-six, par l'Auguste Empereur Tao Kouang (Даогуанъ), les etablissements religieux et de bienfaisance qui ont ete confisques aux Chretiens pendant les persecutions dont ils ont ete les victimes, seront rendus a leurs proprietaires par l'entremise de Son Excellence le Ministre de France en Chine, auquel le Gouvernement Imperial les fera delivrer, avec les cimetieres et les autres edifices qui en dependaient“ 1). Китайскій же текстъ въ переводѣ 2)

1) *Cordier, Histoire des Relations de la Chine avec les Puissances Occidentales.* Т. I. Стр. 53. [„Согласно указа августѣйшаго императора Дао Гуан'а, отъ 20 м а р т а 1846 года, религіозныя и благотворительныя учрежденія, отнятыя у христіанъ во время преслѣдованій, жертвой которыхъ они были, будутъ возвращены ихъ собственникамъ при посредствѣ Его Превосходительства французскаго министра въ Китаѣ, которому Императорское правительство передаетъ ихъ вмѣстѣ съ кладбищами и другими относящимися къ нимъ зданіями“. *Перев. ред.*]

2) Съ нѣмецкаго перевода въ оригиналѣ настоящаго сочиненія.

таковъ: „Согласно императорскаго указа отъ 20 февраля (sic!) 1846 г. объявляется по всему государству, что населенію всѣхъ классовъ и всѣхъ мѣстностей разрѣшается распространять и исповѣдывать католическую религію, собираться для изъясненія ученія ея и строить церкви для отправленія богослуженія. Кто впредь самовольно арестуетъ (христіанина), тотъ долженъ быть наказанъ за это. Далѣе, должны быть возвращены всѣ тѣ католическія церкви, школы, кладбища, земли и постройки, которыя раньше, во время преслѣдованія католиковъ, были въ ихъ владѣніи,—и именно проживающему въ Пекинѣ французскому посланнику, который передастъ ихъ христіанамъ соотвѣтствующихъ мѣстностей. Далѣе, разрѣшается французскимъ миссіонерамъ арендовать или покупать землю во всѣхъ провинціяхъ и воздвигать на ней зданія по собственному усмотрѣнію“ 1). Статья же III французско-китайскаго договора 1858 г. опредѣляетъ: ...„Il est convenu que jusgue la (т.-е. пока китайское правительство не будетъ располагать достаточно обученными переводчиками) et en cas de dissidence dans l'interpretation a donner au texte francais et au texte chinois au sujet des clauses arretees d'avance dans les conventions faites de commun accord, ce sera le texte francais qui devra prevaloir. Cette disposition est applicable au present traite“ 2) 3). Статья III дополнительной конвенціи подтверждаетъ затѣмъ еще разъ постановленія главнаго договора. Представителемъ Франціи, заключившимъ дополнительную конвенцію, былъ баронъ Gros, посланникъ въ Пекинѣ, а его драгоманомъ былъ аббатъ Delamarre, членъ Societe des Missions Etrangeres и миссіонеръ въ пров. *Сы-чуань*. Вѣроятно, навсегда останется за-

1) Въ составленномъ *Цзунъ-ли я-мын'емъ* собраніи китайскихъ договорныхъ текстовъ *Тунъ-шанъ гэ-ю тяо-яо*.

2) „Устанавливается, что до тѣхъ поръ ....и въ случаѣ несоотвѣтствія смысла французскаго и китайскаго текста касательно условій впредь устанавливаемыхъ съ обоюднаго согласія французскій текстъ долженъ пользоваться предпочтеніемъ. Это опредѣленіе примѣнимо къ настоящему договору“.

3) *Hertslet, Treaties between Great Britain and China and between China and Foreign Powers*. T. I. Стр. 164. У *Mayers, Treaties between the Empire of China and Foreign Powers*, стр. 60— текстъ неясенъ и, повидимому, переданъ неправильно.

гадкой, какимъ образомъ представилась возможность такое важное по своимъ послѣдствіямъ постановленіе, какъ относительно пріобрѣтенія миссіонерами земли „во всѣхъ провинціяхъ", вставить въ одномъ текстѣ договора, въ другомъ же текстѣ выпустить. Протестантскій миссіонеръ *Gilbert Reid* увѣряетъ насъ, что эта оговорка была присоединена съ вѣдома и согласія китайскаго представителя [1]). Разумѣется, это необходимо допустить, если не желаютъ думать, что послѣдній (принцъ *Гунъ*) подписалъ текстъ договора, не прочтя его. Но гораздо большее значеніе имѣютъ вопросы: зналъ ли принцъ *Гунъ*, что это важное условіе отсутствовало во французскомъ текстѣ? и неужели возможно серьезно предполагать, что онъ и тогда далъ бы свое согласіе на это, если бы ему былъ извѣстенъ этотъ фактъ? а если этого не было, то какими средствами побудили очень осторожнаго принца подписать договоръ? Какимъ образомъ смогли создать въ немъ убѣжденіе, которое рѣшительно слѣдуетъ въ немъ предполагать,—что оба текста совпадаютъ? И далѣе: зналъ ли баронъ Gros, что въ китайскомъ текстѣ заключался такой пунктъ? а если бы онъ зналъ, то развѣ не слѣдовало бы его считать слабоумнымъ, если онъ выпустилъ такую важную уступку китайскаго правительства въ основномъ французскомъ текстѣ? Я убѣжденъ, что всякій объективный критикъ, поставивъ себѣ эти вопросы, можетъ придти лишь къ **одному** рѣшенію—именно, что здѣсь дѣло идетъ о неслыханномъ подлогѣ, совершенномъ, безъ вѣдома и участія французскаго повѣреннаго, миссіонеромъ, дѣйствовавшимъ въ роли переводчика—быть можетъ, по предписанію своего начальства—чрезъ злоупотребленіе своимъ знаніемъ китайскаго языка и благодаря незнакомству съ французскимъ языкомъ на сторонѣ китайцевъ, in majorem gloriam [къ вящщей славѣ] своей церкви. Къ такому рѣшенію пришли всѣ спеціалисты безъ различія національностей—нѣмцы, англичане и французы [2]). Іезуитъ *Gaillard* въ своей книгѣ

---

1) *Chinese Recorder* 1888 т. XIX. Стр. 471.

2) Напр., *M. von Brandt* въ *Dreiunddreissig Jahre in Ostasien*, Bd. III. S. 61 („Eine von den Dolmetschern des Baron Gros begangene Faelschung", „Подлогъ совершенный переводчиками барона Gros"). *A. Michie*, *Missionaries in China*, и *The political obstacles*

Nankin Port ouvert посвятилъ цѣлую главу оправданію pia fraus [обмана съ благою цѣлью] своего коллеги. Ему удалось привести лишь два слѣдующихъ аргумента: вставленная въ китайскій текстъ

---

to Missionary Succes in China, докладъ сообщенный въ Хонконѣ 16 апрѣля 1901. („A fraud, audacious and flagitious", дерзкій и гнусный обманъ). Ср. также превосходную статью *Prosper Giquel*, бывшаго флотскаго офицера, *La Politique Française en Chine depuis les Traites de 1858 et de 1860* въ *Revue des Deux Mondes* отъ 1 мая 1872 г. (Стр. 5—34). Здѣсь, на стр. 22 значится: „Le baron Gros ne perdit pas de vue, dans la conclusion de ses traites, les difficultes que la guerre venait de susciter, et regarda comme dangereux d'exiger pour les missions des concessions trop larges". [„Баронъ Gros, заключая договоры, не упускалъ изъ виду затрудненій, которыя должна была повести за собой война, и находилъ опаснымъ требовать слишкомъ значительныхъ уступокъ въ пользу миссій"]. И на 23 стр.: „Les interpretes du baron Gros ajouterent au texte chinois de l'article 3 de la convention la phrase qui suit [„Переводчики барона Gros прибавили къ китайскому тексту ст. 3 конвенціи слѣдующую фразу"]. (Слѣдуетъ вставленная оговорка). Nous ne savons si le baron Gros eut ou non connaissance de cette addition. Quoi qu'il en put etre, il lui devenait impossible de reagir contre les faits accomplis; le traite devait etre inevitablement aux yeux des Chinois une consecration de leur defaite" [„Намъ неизвѣстно, зналъ ли баронъ Gros или нѣтъ объ этой прибавкѣ. Какъ бы то ни было, для него было невозможно бороться съ совершившимися фактами; въ глазахъ китайцевъ трактатъ неизбѣжно санкціонировалъ ихъ пораженіе"]. Наконецъ, на стр. 25: „Malheureusement les missions sont pour la France une source de conflits irritants, de contestations sans fin et de chaque jour" [„Къ несчастію, миссіи представляютъ для Франціи источникъ раздражающихъ конфликтовъ, распрей безъ конца и ежедневно"]. Статья, напечатанная болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, даетъ поразительно вѣрное предсказаніе политическаго развитія въ Китаѣ; она могла бы быть написанной также точно и теперь. Если бы во Франціи послѣдовали совѣтамъ этого проницательнаго человѣка, то въ послѣдующее время многое было бы въ Китаѣ иначе и лучше. *A. Favier*, пекинскій католическій епископъ, кажется, не находитъ ничего поразительнаго въ дѣяніи аббата Delamarre; въ своемъ сочиненіи: *Peking, Histoire et Description*, на стр. 270—271 епископъ пишетъ: „Dans l'article concernant la religion, rien n'autorisait les missionnaires a acheter des proprietes en dehors des ports ouverts, et par consequence a s'etablir dans l'interieur de la Chine; l'abbe Delamarre, travaillant

оговорка, полагаетъ онъ, если и отсутствуетъ въ буквѣ французскаго текста (absente de la lettre), то однако соотвѣтствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ общей тенденціи (conforme a l'esprit general) договора, явно благопріятствующей христіанству; это добавленіе, въ сущности, представляетъ „практическій и правовой комментарій къ аксіомѣ: favores ampliandi, odia restringenda“ 1). А тотъ фактъ, что французскій текстъ долженъ быть основнымъ, умный патеръ старается обезсилить въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: „Никто“, смѣло заявляетъ онъ, „не рѣшится утверждать, что здѣсь дѣло идетъ о настоящемъ сомнѣніи въ истолкованіи (dissidence d'interpretation) смысла опредѣленнаго мѣста. Добавленная оговорка, наоборотъ, говоритъ совершенно ясно то, что хочетъ сказать. Французскій же текстъ долженъ имѣть рѣшающую силу лишь въ случаяхъ сомнѣнія“ 2). Ни на кого, кто не вполнѣ предоставляетъ подлавливать свою мысль, этотъ продуктъ іезуитской казуистики не произведетъ другого впечатлѣнія, кромѣ отталкивающаго. Утонченность всего хорошо продуманнаго обмана заключается въ роковой общности редакціи этой оговорки; здѣсь, мнѣ кажется, лежитъ ключъ къ возможности успѣха·

---

a la redaction du texte chinois du Traite, y introduisit une clause qui donnait ce droit aux missions. Malheuresement, elle ne se trouvait pas dans le texte francais qui seul devait faire foi“. [„Въ статьѣ, касающейся религіи, ничто не управомочивало миссіонеровъ покупать недвижимости внѣ открытыхъ портовъ и, слѣдовательно, основываться во внутреннемъ Китаѣ; аббатъ Delamarre, работая надъ редакціей китайскаго текста договора, ввелъ оговорку, которую представлялось это право миссіямъ. Къ сожалѣнію, она отсутствовала во французскомъ текстѣ, который одинъ имѣлъ рѣшающее значеніе“. *Перев. ред*].

1) „Благопріятныя привилегіи должны истолковываться распространительно, неблагопріятныя—ограничительно“. *Перев. ред.*

2) *Nankin Port ouvert, par le P. Louis Gaillard* S. J. № 18 *Varietes Sinologiques*, стр. 162 по 172. Книга, написанная со всѣмъ ненавистничествомъ религіознаго фонатика, нашла себѣ щедрое одобреніе въ европейской прессѣ Китая. Въ пользу рецензентовъ, поскольку это не единомышленники автора, должно предположить, что они не читали этой книги. Несмотря на всѣ даваемыя ею цѣнныя свѣдѣнія, она представляется, прежде всего, католико-теологическимъ памфлетомъ (Streit-und Schmaehschrift), который не дѣлаетъ чести научному собранію „Varietes sinologiques“.

Выраженіе: „во всѣхъ провинціяхъ и т. д.“, повидимому, понято китайцами такъ—а ловкій драгоманъ тщательно остерегался преждевременно исправлять это истолкованіе—,что миссіонеры могутъ пріобрѣтать землю и пр. повсюду въ провинціяхъ, гдѣ, по другимъ договорнымъ постановленіямъ, вообще предусматривалось пріобрѣтеніе земли иностранцами, т. е. въ открытыхъ портахъ. По крайней мѣрѣ, это, какъ мнѣ кажется, явствуетъ изъ двухъ оффиціальныхъ китайскихъ документовъ, а именно изъ бумаги *Цзунъ-ли я-мын*'я, поступившей къ генералъ-губернатору *Нанкин*'а 4 марта 1865 г., въ которой по поводу покупки католическимъ епископомъ земли въ городѣ *Шао-синъ* (провинція *Чжэ-цзянъ*) говорится: „Въ ст. VI французскаго договора, въ которой идетъ дѣло о пріобрѣтеніи земли и сооруженіи зданій (миссіонерами), не сказано: внутри страны. Какимъ же образомъ можетъ епископъ желать покупать дома въ городѣ *Шао-синъ* и т. д.“? и далѣе, изъ бумаги *Цзунъ-ли я-мын*'я на имя знаменнаго генерала *Мукден*'я (Маньчжурія) отъ мая (или іюня) 1869 года, гдѣ говорится: „Въ ст. VI французскаго договора, которою разрѣшается миссіонерамъ арендовать или покупать землю, вначалѣ не сказано: внутри страны и т. д.“[1]. Истолкованіе, которое дано было позже этой оговоркѣ и которое іезуитскій патеръ объявляетъ „во всемъ согласнымъ съ общимъ духомъ трактата“ (de tout point conforme á l'esprit général du traite), такимъ образомъ, совершенно независимо отъ вопроса о силѣ вставки— уже само по себѣ отнюдь не стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Естественно, китайское правительство было вполнѣ право, когда, послѣ того какъ раскрылись фокусы господина Delamarre, оно сослалось на статью III договора 1858 года и объявило недѣйствительною вставленную оговорку такъ какъ она отсутствуетъ въ основномъ текстѣ. Д-ръ *Martin*, раньше протестантскій миссіонеръ и бывшій въ теченіи многихъ лѣтъ довѣреннымъ лицомъ *Цзунъ-ли я-мын*'я разсказываетъ въ своей книгѣ: *A Cycle of Cathay*, что онъ въ свое время далъ правительству совѣтъ не признавать привилегій, предоставляемыхъ вставленной оговоркой миссіонерамъ. Если бы китайцы

---

[1] Въ опубликованномъ по распоряженію *Ли-Хунъ-чжан*'а въ 1884 г. *Собраніи международно-правовыхъ казусовъ* (*Тунъ-шанъ чжанъ-чэнъ чэнъ-анъ хуй-бянь*). Гл. 22, fol. 5 recto et verso.

имѣли ясное представленіе, какія послѣдствія должны были имѣть эти привилегіи для судебъ государства, то вѣроятно, они использовали бы это несомнѣнное право болѣе энергично, чѣмъ это было сдѣлано. Но *Цзунъ-ли я-мынь*—быть можетъ, удержанный чувствомъ стыда у обманутаго, который, сверхъ потери, не хотѣлъ бы терпѣть еще и осмѣянія—не пошелъ далѣе нѣсколькихъ кроткихъ протестовъ; и такимъ образомъ, послѣдующему французскому посланнику Berthemy удалось разрѣшить, конечно, не легкую для него, какъ для честнаго человѣка, задачу—придти къ соглашенію съ китайскимъ правительствомъ относительно новаго договорнаго урегулированія этого вопроса, благодаря чему новыя привилегіи миссіонеровъ въ существенномъ были сохранены. Этой, заключенной 20 февраля 1865 г., такъ называемой конвенціей Berthemy было установлено, что впредь, если французскіе миссіонеры пріобрѣтаютъ землю внутри страны, купчіе акты должны значиться на имя католической миссіи, какъ совокупности, а не на имя отдѣльнаго миссіонера[1]). Какъ мы видѣли, этотъ принципъ соотвѣтствуетъ правовому положенію буддійскихъ и даоскихъ монастырей, но только земельныя имущества миссій уплачиваютъ поземельный налогъ безъ ограниченій (см. стр. 46 и 69).

Англійское правительство, по совѣту своего тогдашняго посланника въ Пекинѣ Sir Rutherford Alcock, въ ближайшее время находило неумѣстнымъ требовать для протестантскихъ миссій этихъ несвободныхъ отъ нѣкотораго haut gout привилегій. Но вслѣдствіе многократныхъ настояній англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ всѣ преимущества конвенціи Berthemy были затѣмъ распространены и на протестантскія миссіи, и именно по Gilbert Reid въ 1875 году[2]), а по Brandt'у только въ 1887 году[3]). Японія, которая, повиди-

1) Текстъ конвенціи помѣщенъ у *Cordier, Histoire des Relations etc.* Т. 1. Стр. 70.

2) *Chinese Law on the Ownership of Church Property in the Interior of China* въ *Chinese Recorder* 1889 г. Т. XX. Стр. 420.

3) *Dreiunddreissig Jahre in Ostasien.* Т. III. Стр. 62—63: „Прямое право на постоянное жительство внутри страны протестанскіе миссіонеры получили лишь въ 1887 г., когда я достигъ у китайскаго правительства распространенія на нихъ предоставленныхъ католикамъ правъ—не потому, чтобы отъ этого я ожидалъ выигрыша для самого дѣла, но потому, что по различнымъ основаніямъ я считалъ неправильнымъ и вреднымъ, чтобы одному вѣроисповѣданію было предоставлено право, которымъ не пользовались бы остальныя.

мому, считаетъ потребностью своего западническаго преобразованія имѣть въ Китаѣ „миссіонерскій вопросъ“, также потребовала IV статьею своего договора о торговлѣ и судоходствѣ отъ 21 іюля 1896 года тѣхъ же правъ для своихъ буддійскихъ миссіонеровъ, и въ настоящее время дѣйствительно ведетъ буддійскую пропаганду въ провинціи *Фуцзянь!*

Но тотчасъ по заключеніи конвенціи Berthemy съ китайской стороны постарались уничтожить дѣйствіе этой ловушки, предписавъ мѣстнымъ учрежденіямъ, предварительно законной регистраціи сдѣлки по продажѣ земли въ пользу миссіи, требовать отъ продавца заявленія ближайшихъ обстоятельствъ, затѣмъ разслѣдовать ихъ и рѣшать, допустима ли покупка или нѣтъ [1]). Ясно, что послѣ этихъ инструкцій мѣстныя учрежденія имѣли полную возможность разстроить всякую покупку земли миссіей, ибо при такомъ „разслѣдованіи обстоятельствъ“ китайскому чиновнику легко такъ запугать туземнаго продавца, что онъ предпочтетъ порвать опасную сдѣлку съ иностранцемъ. Послѣ многократныхъ жалобъ миссіонеровъ на эти затрудненія, французскій посланникъ Gerard 14-го апрѣля 1895 года пришелъ къ соглашенію съ *Цзунъ-ли я-мын*'емъ относительно дополненія къ конвенціи Berthemy, въ которомъ было опредѣлено, что французскія миссіи п о с л ѣ заключенія сдѣлки покупки должны просто внести предписанную китайскимъ закономъ (см. выше, стр. 72) переходную пошлину, но что продавецъ не обязанъ ни предварительно заявлять учрежденіямъ о предполагаемой продажѣ, ни испрашивать разрѣшенія на послѣднюю [2]). Уже на основаніи условія о наибольшемъ благопріятствованіи въ другихъ договорахъ эти выгоды сами собою достались и прочимъ миссіямъ; и такимъ образомъ, земли, принадлежащія христіанскимъ миссіонерскимъ обществамъ внутри страны, заняли то же положеніе (status), какъ и обычная туземная земельная собственность. Отдѣльнымъ миссіонерамъ, равно какъ и другимъ иностранцамъ, не разрѣшается пріобрѣтать землю внѣ договорныхъ портовъ.

---

1) Эта инструкція находитъ себѣ выраженіе и въ обоихъ вышеприведенныхъ документахъ изъ *Тунъ-шанъ чжанъ-чэнъ-анъ хуй-бянъ.*

2) *Текстъ* у *Cordier*, т. I. стр. 76. [Во второй части своего труда: *Notions techniques* etc. *P. Hoang* воспроизвелъ французскій и китайскій тексты относящейся сюда конвенціи 1895 г. въ оффиціальной копіи французскаго генеральнаго консула въ Шанхаѣ. *Ред.*]

Къ различнымъ двусмысленностямъ договоровъ принадлежитъ также опредѣленіе англійскаго трактата 1858 года, которое по своей редакціи могло бы уничтожить всѣ ограниченія касательно права поселенія иностранцевъ. Статья XII трактата гласитъ въ китайскомъ текстѣ: „Англичане, желающіе арендовать землю и пр. въ портахъ такъ же, какъ и во всѣхъ (по усмотрѣнію) мѣстностяхъ, могутъ вступать въ сдѣлки по обычнымъ мѣстнымъ цѣнамъ". Не видно, должно ли распространяться выраженіе: „всѣ мѣстности" на территорію порта или на все государство. Англійскій текстъ указываетъ на послѣднее: „British subjects, whether at the ports or at other places, desiring to build or open houses etc."[1]). На основаніи этого, стало быть, англичане могли бы пріобрѣтать земельную собственность на всей китайской территоріи! *Gaillard* сообщаетъ, безъ указанія источника, что Lord Elgin, англійскій повѣренный, включилъ эти слова, чтобы обезпечить возможность поселенія иностранцевъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ *Вампоа*, *Усунъ* и *Дагу*, близъ Кантона, Шанхая и Тяньцзина[2]). Мнѣ не извѣстно, предпринимали ли англійскіе представители когда-нибудь шаги предъ китайскимъ правительствомъ съ цѣлью обезпечить всѣ послѣдствія этой статьи. Англійская пресса въ Восточной Азіи дѣлала это прежде многократно и требовала полной свободы пріобрѣтенія земли[3]). Въ образцахъ купчихъ актовъ, которые примѣняетъ англійское консульство въ *Амоѣ*, приводится эта статья. Но здѣсь легкимъ измѣненіемъ текста уничтожили двусмысленность[4]).

---

1) „Британскіе подданные, желающіе строить или занимать дома въ портахъ или въ другихъ мѣстахъ и пр." *Перев. ред.*

2) *Nankin Port ouvert*, стр. 170.

3) На этомъ, вѣроятно, основанъ адресъ торговой палаты Шанхая, отъ 1 февраля 1869 года, обращенный къ англійскому консулу и содержащій требованіе права постояннаго жительства внутри страны. Текстъ адреса, къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстенъ.

4) Въ текстѣ договора говорится: *Цзай гэ-го бинъ гэ-ди-фанъ*; въ купчихъ актахъ *бинъ* (=и, также) выпущено; англійскій же текстъ гласитъ здѣсь просто: „Whereas it is provided by Treaty that any British subjects shall be allowed to lease what land they may require etc". [„Въ виду того, что по договору британскимъ подданнымъ обезпечена возможность арендовать землю, которая можетъ имъ понадобиться..." *Перев. ред.*

Б. Пріобрѣтеніе иностранцами земельной собственности и вещныхъ правъ на чужую собственность.

Изъ упомянутыхъ въ первой части (стр. 50 и слѣд.) способовъ пріобрѣтенія земельной собственности для иностранцевъ доступны, помимо одного вида завладѣнія, только купля или „аренда на вѣчныя времена", и въ послѣднее время первый способъ фактически большею частью совпадаетъ со вторымъ.

Здѣсь идетъ дѣло о примывахъ рѣкъ и морей въ открытыхъ портахъ. Что касается прибрежныхъ примывовъ, то до сихъ поръ имѣли мѣсто лишь отдѣльные случаи въ южныхъ портахъ, прежде всего въ *Сватоу* и *Амоѣ* и въ портахъ *Формозы*: *Цилунъ* и *Аньпинъ* во время китайскаго владычества. Конечно, послѣ, частью очень продолжительныхъ, переговоровъ съ иностранными консульствами туземныя власти, въ концѣ концовъ, поступили съ смежными владѣльцами изъ иностранцевъ почти какъ и съ туземными: именно, примывная земля востребуется въ качествѣ государственной собственности, а затѣмъ, послѣ уплаты номинальной покупной цѣны въ минимальномъ размѣрѣ или и безъ этого, отдается въ аренду на вѣчныя времена съ обязательствомъ смежнаго владѣльца уплачивать, вмѣсто поземельнаго налога, ежегодно гораздо болѣе значительную подать, которая обозначается, какъ арендный оброкъ. Хотя этотъ порядокъ—примѣняемый въ особенности при пріобрѣтеніи обширныхъ и очень цѣнныхъ аллювіальныхъ пространствъ въ портѣ *Сватоу*, принадлежащемъ провинціи *Гуандунъ*, и, насколько мнѣ извѣстно, къ смежнымъ владѣльцамъ-иностранцамъ, такъ же какъ и туземнымъ—противорѣчитъ распоряженію, изданному для названной провинціи въ 1846 г. (см. стр. 57), тѣмъ не менѣе должно признать, что здѣсь обстоятельства существенно иныя, чѣмъ тѣ, на какія было разсчитано это распоряженіе, и съ китайской правовой

точки зрѣнія нельзя ничего возразить противъ такой „отдачи въ аренду“ государственной собственности. Въ *Амоѣ*, гдѣ также образовались значительныя полосы береговыхъ примывовъ, которыми частью давно уже завладѣли китайскіе и иностранные смежные владѣльцы, администрація поставила въ новѣйшее время за правило, что вся земля, которая при высшемъ уровнѣ воды можетъ заливаться ею и еще не застроена, должна представлять государственную собственность и что имѣющіеся уже документы на эту землю недѣйствительны. Противъ этого вдругъ проявившагося интереса предпріимчивыхъ мѣстныхъ чиновниковъ къ примывамъ, на которые до сихъ поръ не обращалось вниманія, со стороны иностранныхъ консуловъ предъявлены протесты.

Но иначе обстоитъ дѣло съ рѣчными примывами, и здѣсь на первомъ планѣ выступаетъ Шанхай, гдѣ широкая илистая рѣка *Хуан-бу* образовала длинныя полосы примывной земли, отложившейся впереди чрезвычайно цѣнныхъ береговыхъ земельныхъ участковъ. Эти земельные участки находятся большею частью въ иностранномъ обладаніи, и такъ какъ доступъ къ рѣкѣ и даетъ имъ настоящую цѣну, то здѣсь примѣненіе китайской правовой теоріи могло представить въ высшей степени чувствительное давленіе на состоятельныхъ иностранныхъ купцовъ. Вопросъ этотъ многократно и приводилъ къ продолжительнымъ и очень оживленнымъ пререканіямъ между иностранными консульскими и дипломатическими представителями и мѣстными властями.

Какъ мы видѣли выше (стр. 60—61), по отношенію къ пріобрѣтенію примывной земли существуетъ обычное право, которое возникло изъ невозможности китайскаго законодательства и игнорировать которое не осмѣлилась и администрація. Иностранцевъ въ этомъ случаѣ сочли болѣе миролюбивыми, нежели сыны имперіи, и успѣшно оттѣснили ихъ съ почвы этого права.

До 1883 года, стало быть, двумя годами позже опубликованія вышеупомянутой (см. стр. 60) прокламаціи уѣзднаго начальника Шанхая, очевидно, не обнаруживался интересъ и къ примывнымъ землямъ, находившимся въ иностранномъ обладаніи. Купивъ береговой земельный участокъ, иностранецъ пріобрѣталъ вмѣстѣ съ тѣмъ вновь образовавшійся примывъ и платилъ съ него, какъ и

съ коренной земли, обычный ежегодный поземельный налогъ. Возрастающая цѣнность этой, естественно, въ высшей степени важной земли привела администрацію къ мысли—открыть здѣсь, съ помощью теоріи государственной собственности, обильный источникъ дохода. Первый приступъ послѣдовалъ въ названномъ году по случаю покупки земли двумя англійскими подданными. Даотай Шанхая объявилъ, къ изумленію причастныхъ лицъ, значительную часть пріобрѣтенныхъ ими земельныхъ участковъ, по даннымъ новаго измѣренія, государственной примывной землей, которую они могутъ пріобрѣсти за соразмѣрную плату, несмотря на то, что за одинъ изъ двухъ участковъ поземельный налогъ вносился уже въ теченіи ряда лѣтъ. Послѣ долгихъ переговоровъ англійскаго генеральнаго консульства, которое ссылалось на установленныя прокламаціей 1881 года цѣны, сошлись на томъ, что одинъ изъ участковъ былъ причисленъ къ первому классу, стало быть, долженъ быть оплаченъ 64 *тэлями* за *му*, а другой, вслѣдствіе уже взимавшагося поземельнаго налога, долженъ быть оплаченъ по второму классу, т. е. 49 *т.* за *му*. Даотай сослался предъ англійскимъ генеральнымъ консуломъ на принципъ, что „пріобрѣтеніе земельной собственности иностранными купцами уплатою годичнаго оброка не то же самое, что отдача земли китайскимъ подданнымъ съ уплатою „пошлины за пользованіе"; напротивъ, въ первомъ случаѣ цѣна устанавливается по соглашенію, въ зависимости отъ положенія земельнаго участка". Послѣдствія этого, повидимому, спокойно принятаго произвола вскорѣ стали ощутительны. Въ 1887 и 1889 г.г. даотай потребовалъ отъ двухъ англійскихъ фирмъ по 450 *тэлей* за *му* примывной земли, и послѣ долгаго сопротивленія это было признано англійскимъ генеральнымъ консульствомъ. Вскорѣ послѣ этого американскому повѣренному удалось въ пользу одной фирмы его страны установить по соглашенію цѣну въ 250 *т.*, но „эта уступка не должна была составлять прецедента". Въ двухъ случаяхъ, относившихся къ германской фирмѣ, имѣвшихъ мѣсто въ 1889 г., послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ и благодаря тому обстоятельству, что за часть примывныхъ земель уплачивался поземельный налогъ въ продолженіи почти 30 лѣтъ, достигли цѣны около 120 *т.* за *му*. Въ продолженіи этихъ переговоровъ китайскія власти имѣли смѣлость объявить, что по новѣйшимъ (неизвѣстнымъ) распоряженіямъ, аллюві-

альныя земли раздѣляются на три класса, цѣною въ 1200, 900 и 600 *тэлей* за *му*. Возможно, что подобные же случаи въ Шанхаѣ еще ожидаютъ своего разрѣшенія. Иностранные представители многократно пытались въ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ установить однообразное трактованіе примывовъ на справедливыхъ началахъ и въ этихъ видахъ возвратиться къ прокламаціи 1881 года. Но до сихъ поръ не удалось вновь завладѣть почвой, потерянной созданіемъ прецедентовъ. Независимо отъ того, что, какъ мы видѣли выше (стр. 29), квитанціями объ уплатѣ поземельнаго налога могутъ замѣняться даже документы на недвижимость, и обладатель смежнаго участка уже на этомъ основаніи оффиціально удостовѣренъ въ качествѣ собственника облагаемаго примыва, трактаты не представляютъ никакихъ основаній для дифференціальнаго трактованія въ этомъ отношеніи иностранцевъ по сравненію съ туземцами.

Что касается пріобрѣтенія земельной собственности куплею (примѣняя болѣе краткое и по существу равнозначущее выраженіе для „аренды на вѣчныя времена")[1] или пріобрѣтенія вещныхъ правъ на чужую земельную собственность, то въ договорахъ не содержится ничего, что могло бы помѣшать иностранцу въ открытыхъ портахъ заключать съ китайцами всѣ тѣ юридическія сдѣлки, какія приняты между уроженцами и о какихъ говорилось въ первой части. Поэтому возможны лишь нѣкоторыя формальныя измѣненія, благодаря которымъ такія юридическія сдѣлки болѣе подходятъ къ европейскимъ порядкамъ. При этомъ мы можемъ выдѣлить всѣ случаи купли, аренды и ипотечнаго обремененія земельныхъ участковъ, лежащихъ внутри національныхъ сетльментовъ или казенныхъ концессій. Ибо здѣсь иностранный покупщикъ или арендаторъ вообще не имѣетъ болѣе никакого отношенія къ китайскому праву, но со своей земельной собственностью находится въ

---

1) См. стр. 98 и слѣд. *P. Hoang* (l. c., стр. 40, прим. 1) высказывается объ этомъ слѣд. образомъ: „Вмѣсто слова: *продажа* примѣняютъ *аренду*, чтобы выразить, что иностранный покупщикъ не есть собственникъ, но лишь арендаторъ. Это одно только названіе; ибо иностранный покупщикъ, хотя онъ признается лишь арендаторомъ земли у китайца, имѣетъ полную собственность на нее, а продавецъ, разсматриваемый, какъ сдавшій свою землю въ аренду, не имѣетъ болѣе никакого, хотя бы только номинальнаго. права на нее". *Ред.*

правовой сферѣ того государства, которое пріобрѣло отъ Китая всю территорію сетльмента. Это же государство организуетъ земельныя правоотношенія по своимъ собственнымъ законамъ либо на одинаковыхъ началахъ для гражданъ всѣхъ націй, либо съ извѣстными ограниченіями для подданныхъ другихъ государствъ. Такъ, въ обоихъ германскихъ сетльментахъ *Тяньцзина* и *Ханькоу* поземельная книга введена согласно германской ипотечной системы и при посредствѣ германскаго ипотечнаго чиновника. Если такимъ образомъ изъ китайской правовой сферы исключается землевладѣніе отдѣльнаго лица и отношеніе его къ государству сетльмента то—теоретически разсуждая—внутри ея остается сетльментъ, какъ цѣлое, и отношеніе этого государства къ правительству страны. Между обоими существуетъ то же самое отношеніе, какъ внѣ сетльмента между иностраннымъ покупщикомъ земли и китайскимъ продавцомъ. На мѣсто купчаго акта выступаетъ договоръ о сетльментѣ, а за уплату поземельнаго налога отвѣтствуетъ государство сетльмента, которое обязано по договору ежегодно вносить налогъ за всю территорію [1]). Здѣсь не мѣсто распространяться болѣе подробно о публично-правовомъ положеніи этихъ сетльментовъ.

Окончательная продажа китайцемъ иностранцу земельнаго участка внѣ національныхъ концессій совершается почти такъ же, какъ между китайцами. Купчій актъ составляется въ той же вышеуказанной (стр. 70 и слѣд.) формѣ, и передается покупателю со всѣми имѣющимися документами на недвижимость. Оффиціальное перенесеніе и заявку для регистраціи у китайскихъ властей совершаетъ подлежащій консульскій представитель [2]). Это засвидѣтельствованіе совершается двоякимъ способомъ. Въ большинствѣ портовъ купчій актъ снабжается оффиціальной печатью мѣстнаго начальника (не всегда съ ярлыкомъ провинціальнаго казначея, см. стр. 72—73), въ нѣкоторыхъ же, какъ въ Шанхаѣ—изготовляется для европейскаго собственника

---

1) *P. Hoang* (l. c., стр. 41) указываетъ на то, что для европейской концессіи Шанхая соглашеніемъ между консулами и даотаемъ установлено, что налогъ взимается въ размѣрѣ 1500 *чоховъ* съ *му*, впередъ за годъ. Что касается самого порядка взиманія, то *P. Hoang* указываетъ на дѣятельность китайскихъ агентовъ. *Ред.*

2) Въ Шанхаѣ часто также и консулъ иного государства, въ особенности въ отношеніи гражданъ тѣхъ небольшихъ націй, консулы которыхъ не ведутъ земельныхъ реестровъ.

особый новый оффиціальный купчій актъ и притомъ въ трехъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ получаетъ покупщикъ, другой—консульство и третій—китайское учрежденіе. Купчій актъ содержитъ на ряду съ китайскимъ оригинальнымъ текстомъ переводъ на соотвѣтствующій европейскій языкъ; актъ удостовѣряетъ перенесеніе земли на вѣчныя времена къ покупщику, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ тѣ же условія, которымъ подлежитъ и китаецъ—главнымъ образомъ, тѣ, что о каждомъ дальнѣйшемъ переходѣ земли должно быть заявлено начальству и что ежегодно долженъ быть вносимъ установленный поземельный налогъ; въ случаѣ неисполненія этого документъ долженъ быть объявленъ недѣйствительнымъ—ослабленное выраженіе китайскаго законоположенія, по которому въ такомъ случаѣ земля либо половина покупной цѣны подлежатъ конфискаціи (см. стр. 72). Этотъ актъ изготовляется китайскимъ земельнымъ учрежденіемъ, въ консульствѣ же заносится въ реестръ и снабжается соотвѣтствующей отмѣткой. На такой реестръ ошибочно смотрѣли и теперь еще часто смотрятъ, какъ на поземельную книгу; конечно, этого нѣтъ, и реестръ имѣетъ характеръ только вспомогательнаго канцелярскаго средства, такъ же, какъ наприм., паспортный журналъ или журналъ для записи актовъ. Также и при консульствахъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не принята выдача „новыхъ актовъ“ (такъ эти документы вообще называются китайцами), ведутся въ случаѣ надобности такіе реестры актовъ о недвижимостяхъ. Поземельный налогъ различенъ въ разныхъ мѣстностяхъ; тамъ, гдѣ для туземцевъ существуетъ свобода отъ налога (какъ напр., въ *Амоъ*), иностранцы также не платятъ налога. Налогъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не долженъ бы быть выше, нежели для китайцевъ, но несмотря на это, въ Шанхаѣ съ европейцевъ взимается 1500 *чоховъ* за *му* (около 3,75 марокъ)[1], между тѣмъ какъ высшій окладъ для земельныхъ участковъ туземцевъ, какъ мы видѣли (стр. 41), составляетъ 900 *чоховъ*[1]). Вѣроятно, чтобы скрыть незаконность этого обложенія, мѣстныя власти обозначаютъ налогъ въ китайскомъ текстѣ акта на недвижимость выраженіемъ: „годичный оброкъ“,—совершенно неумѣстное выраженіе, такъ какъ годичный оброкъ со стороны администраціи могъ бы имѣть мѣсто лишь при отдачѣ государственной собственности. Пошлина за переходъ (см. стр. 72 и

---

[1]) См. примѣч. 3-е къ стр. 41. *Ред.*

слѣд.) при продажѣ земельнаго участка иностранцу въ портахъ вообще не взимается китайской администраціей—по крайней мѣрѣ, открыто [1]). Но фактически на китайскаго продавца или посредника налагается уплата извѣстной пошлины, а онъ набавляетъ эту сумму къ покупной цѣнѣ. Въ Шанхаѣ этотъ скрытый налогъ составляетъ до 5% съ цѣнности. При перенесеніи земельнаго участка отъ одного иностранца къ другому, совершаемомъ сторонами посредствомъ записи въ консульствѣ продавца, еще до недавняго времени въ Шанхаѣ было въ ходу—согласно дѣйствующихъ нормъ заявлять о сдѣлкѣ китайскому учрежденію съ представленіемъ ему актовъ для соотвѣтствующей отмѣтки. Однако этотъ порядокъ вызвалъ нестерпимыя злоупотребленія вслѣдствіе того, что китайцы пользовались этимъ, чтобы всякаго рода обструкціей причинить безконечныя проволочки. Поэтому теперь завели новый порядокъ лишь сообщать о совершившемся переходѣ, не выпуская изъ рукъ актовъ на недвижимость. Хотя всѣ сношенія консульствъ относительно пріобрѣтенія земли иностранцами ведутся съ даотаемъ, но дѣйствительное разрѣшеніе каждаго случая, какъ и внутри страны, принадлежитъ мѣстному начальнику либо подвѣдомственному ему земельному учрежденію, ведущему реестръ и взимающему поземельный налогъ. Изъ этого видно, что легализація пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ иностранцами въ уѣздѣ *Бао-шань-сянь*, близъ Шанхая, дѣйствительно, привела бы къ нѣкоторымъ административнымъ затрудненіямъ, такъ какъ эта мѣстность, разумѣется, не подлежитъ вѣдѣнію шанхайскаго земельнаго учрежденія [2]).

---

1) Какъ указываетъ *Р. Ноппу* (l. c., стр. 25, прим. 3 и стр. 97 прим. 1), лишь американская конвенція (въ ст. 12) и конвенція 1895 г. касательно покупки земли внутри страны миссіями содержатъ условія о томъ, что пріобрѣтаемыя на основаніи ихъ земли подлежатъ китайскому закону касательно *шуй-ци* (см. прим. къ стр. 74). *Ред.*

2) Статья XIX вновь данной въ концѣ прошлаго года англійскимъ посланникомъ *Общей инструкціи касательно портовъ для Королевскихъ Великобританскихъ консульствъ въ Китаѣ* гласитъ: „Titles to land in China purchased by British subjects may be registered at H. M. Consulates by the purchaser or his lawfully constituted attorney, and such registered land may be transferred

Первоначально китайцы вообще не должны были внутри сетльментовъ вновь пріобрѣтать земельную собственность; предусматривалось отчасти даже принудительное отчужденіе въ отношеніи ихъ[1]). Но въ этомъ отношеніи произошла, однако, въ особенности въ Шанхаѣ, большая перемѣна, и китайскіе капиталисты—между ними не мало чиновниковъ—и земельные спекулянты пріобрѣли обратно большіе участки на территоріи сетльментовъ. Но каждый изъ этихъ собственниковъ пользуется при этомъ услугами довѣреннаго лица—европейца, который выбираетъ акты о недвижимости на собственное имя и предъ администраціей представляетъ землю какъ свою собственность[2]). Этимъ такъ называемымъ отношеніемъ „trust" широко пользуются; и нѣкоторыя англійскія и американскія фирмы въ Шанхаѣ спеціально

---

by an agreement endorsed on the Land Register and signed by the transferor and transferee, or their lawfully constituted attorneys, before H. M. Consul". „Акты на землю въ Китаѣ, пріобрѣтенную британскими подданными, могутъ быть регистрируемы въ консульствахъ пріобрѣтателемъ или его управомоченнымъ представителемъ; и таковая, внесенная въ реестръ, земля можетъ быть переносима по соглашенію, отмѣченному въ земельномъ реестрѣ и подписанному цедентомъ и пріобрѣтателемъ или ихъ управомоченными представителями въ присутствіи консула". *Перев. ред.*] Вслѣдствіе этого перенесеніе иностранныхъ земельныхъ участковъ безъ содѣйствія мѣстныхъ властей получило для англичанъ и законную основу. (Объ упомянутой инструкціи я получилъ свѣдѣнія только во время печатанія настоящей работы).

1) „Chinese, except those who were original owners of land, were not allowed to hold real property or houses within the limits (сетльмента), or indeed to reside within them except as employes of foreigners". [„Китайцамъ, за исключеніемъ первоначальныхъ собственниковъ, не разрѣшается обладаніе недвижимостями или домами въ предѣлахъ (сетльмента) или хотя бы пребываніе внутри ихъ, кромѣ какъ въ качествѣ служащихъ у иностранцевъ". *Пер. ред.*] (*Maclellan, the Story of Shanghai*, стр. 46). При основаніи германской колоніи въ *Ханькоу*, по требованію китайскаго провинціальнаго управленія, китайскимъ подданнымъ было воспрещено жительство внутри колоніи, но впослѣдствіи, по германской инициативѣ, этотъ запретъ былъ отмѣненъ.

2) „Въ европейскихъ концессіяхъ ни одинъ китаецъ не можетъ быть владѣльцемъ по праву на свое имя; поэтому, когда китаецъ покупаетъ здѣсь землю, онъ всегда приглашаетъ европейца предоставить ему свое имя". *P. Hoang*, l. c., p. 40, № 103. *Ред.*

функціонируютъ въ качествѣ довѣренныхъ представителей („trustees"). Довѣренное лицо выдаетъ своему, часто только ему извѣстному, клієнту документъ (deed of trust), въ которомъ онъ удостовѣряетъ истинный характеръ отношенія собственности; и въ то время какъ англійское генеральное консульство, у котораго зарегистрована наибольшая часть этихъ земельныхъ участковъ, игнорируетъ оффиціально „trust", англійскій судья, какъ говорятъ, признаетъ правильность „deed of trust", такъ что въ пользу дѣйствительнаго собственника, въ случаѣ смерти или несостоятельности его довѣреннаго, сохраняются всѣ вытекающія изъ его собственности права. Вообще всѣ соприкасающіяся съ этимъ учрежденія считаютъ эти „trusts" за нежелательное явленіе, но по оппортюнистическимъ соображеніямъ противъ этого до сихъ поръ ничего не предпринималось. Въ остальныхъ портахъ эти случаи, естественно, слишкомъ малочисленны, чтобы обращать на себя вниманіе; но и въ германскихъ сетльментахъ не исключается возможность попытокъ со стороны китайцевъ пріобрѣтать этимъ способомъ землю тамъ, гдѣ по правиламъ они не должны.

Изъ сказаннаго очевидно, что формальная продажа земли иностранцемъ китайцу едва ли случается, такъ какъ, конечно, помѣщеніе капитала представляется для китайца гораздо надежнѣе въ томъ случаѣ, если земля остается записанной на имя иностранца и пользуется, такимъ образомъ, защитой соотвѣтствующаго консульства.

Окончательная продажа поверхности или наслѣдственная аренда, какъ мы замѣтили выше (см. стр. 85), имѣетъ мѣсто при пріобрѣтеніи земли иностранцами чаще, чѣмъ знаютъ покупатели. Но въ нѣкоторыхъ портахъ этотъ способъ отчужденія является даже общеупотребительнымъ. Въ Шанхаѣ онъ, впрочемъ, теперь больше не употребляется. Купчіе акты соотвѣтствуютъ таковымъ же между китайцами, но только и здѣсь употребляется выраженіе: „отдать въ аренду на вѣчныя времена" вмѣсто „продать". Продавецъ получаетъ, сверхъ покупной цѣны, ежегодный оброкъ. Покупщикъ пріобрѣтаетъ, какъ это обыкновенно спеціально выговаривается въ купчемъ актѣ, право неограниченнаго пользованія. Но отвѣтственнымъ за поземельный налогъ остается продавецъ, хотя онъ нерѣдко, расчитывая на неосвѣдомленность иностранца, будетъ стараться переложить свою обязанность на послѣд-

няго. Этимъ же объясняется тотъ фактъ, что миссіонеры, живущіе внутри страны, иногда жалуются на то, что начальство выдаетъ квитанціи въ уплатѣ поземельнаго налога на имя „прежняго владѣльца" и игнорируетъ, такимъ образомъ, право собственности миссіи. На такомъ же положеніи проданной поверхности находились еще недавно нѣкоторыя части земельнаго владѣнія консульства въ *Амоѣ*. Этотъ способъ отчужденія признается среди иностранцевъ, равнымъ образомъ, за полную продажу—и справедливо, такъ какъ собственникъ земельнаго имущества, въ дѣйствительности, отказывается навсегда отъ всякихъ правъ на участокъ, помимо оброка. Обычное увѣдомленіе китайскаго продавца при перепродажѣ со стороны иностранца происходитъ, естественно, само собою въ виду оброчныхъ платежей. Если иностранецъ по обоюдному соглашенію погашаетъ оброкъ единовременною уплатою, то въ переводѣ на китайскую теорію, это означаетъ послѣдующую куплю земли, благодаря чему покупатель пріобрѣтаетъ нераздѣльную собственность, но и становится отвѣтственнымъ за поземельный налогъ.

Въ чисто китайской формѣ сдѣлка продажи поверхности съ правомъ обратнаго выкупа заключается иностранцами, помимо миссій во внутреннихъ областяхъ, крайне рѣдко. Здѣсь идетъ дѣло, какъ указывалось раньше (см. стр. 85), лишь объ арендномъ договорѣ въ нашемъ смыслѣ, и таковой, хотя бы онъ былъ заключенъ съ китайскимъ собственникомъ, обыкновенно имѣетъ форму европейскаго договора; да иностранецъ едва ли и согласился бы представить при этомъ „покупную цѣну", т. е. залогъ. Такая юридическая сдѣлка была бы совершена, естественно, безъ содѣйствія администраціи. Если китайская собственность записана, какъ „trust", на имя иностранца, то арендный договоръ будетъ, разумѣется, вполнѣ европейскимъ по формѣ и языку, и вслѣдствіе экстерриторіальности сторонъ также будетъ обсуждаться по иностранному праву.

Продажа земельнаго участка съ правомъ выкупа и родственный ей закладъ (см. стр. 91 и слѣд.) совершенно смѣшаны иностранцами съ залогомъ, который также еще существуетъ, и въ настоящее время всегда обозначаются иностранцами въ договорныхъ портахъ, какъ таковой (mortgage). Такое обобщеніе объясняется, какъ мы видѣли (см. стр. 79), китайской терминологіей, но вслѣд-

ствіе этого и благодаря ошибочному представленію о существѣ различныхъ родовъ этого „mortgage“, возникали многократно запутанныя претензіи. Иностранецъ, пріобрѣтающій такую китайскую „ипотеку“ (чтобы придерживаться этого выраженія), долженъ знать, что при этомъ необходима передача всѣхъ документовъ на недвижимость и купчаго или закладного акта, и что, кромѣ того, для обезпеченія его капитала настоятельно необходимо ему пользоваться этимъ земельнымъ участкомъ, хотя китайскій собственникъ, опять таки въ разсчетѣ на неосвѣдомленность иностранца, часто старается помѣшать этому. Но въ такомъ случаѣ иностранецъ рискуетъ потерять не только проценты, но даже и свой капиталъ, такъ какъ китаецъ легко найдетъ способъ передать свою землю въ третьи руки путемъ продажи (напр., по налоговымъ квитанціямъ взамѣнъ акта на имущество) или отдачи въ аренду. Для иностранца же будетъ трудно отстоять свое право, такъ какъ онъ рѣдко можетъ разсчитывать на благосклонность туземной администраціи въ дѣлахъ о землѣ—въ особенности, если въ нихъ не имѣло мѣста оффиціальное содѣйствіе. Что касается залога, то какъ видно изъ всего того, что было сказано объ этомъ выше (см. стр. 94), онъ никоимъ образомъ не создаетъ ту же обезпеченность требованія, какъ европейскій; несмотря на это, иностранецъ по невѣдѣнію часто допускаетъ взамѣнъ заклада земельнаго участка, что онъ имѣлъ въ виду, такую ипотеку, причемъ онъ получаетъ документъ на недвижимость, но безъ закладного акта и, кромѣ того, оставляетъ землю у собственника. Въ Шанхаѣ, гдѣ вопросъ объ ипотекѣ играетъ, естественно, очень важную роль, отношенія, благодаря китайско-европейскимъ „трестамъ“, развились особеннымъ образомъ. Если залогъ устанавливается въ отношеніи китайскаго земельнаго участка, записаннаго на имя иностраннаго довѣреннаго лица, то онъ совершается уже не въ китайской формѣ, а въ соотвѣтствующей европейской, насколько законы подлежащаго иностраннаго государства дѣлаютъ возможною такую правовую сдѣлку. Но въ очень многихъ случаяхъ кредиторомъ по залогу будетъ само довѣренное лицо, залоговое право котораго представляется тогда въ извѣстной мѣрѣ скрытымъ, и находитъ себѣ выраженіе только въ помѣткѣ на контрактѣ о трестѣ (deed of trust) или въ другомъ отдѣльномъ договорѣ. Многіе „trusts“ имѣютъ свое настоящее происхожденіе въ такомъ установленіи залога. Китаецъ,

предоставляющій въ залогъ свой земельный участокъ, не выдаетъ своему кредитору документа объ ипотекѣ, а продаетъ ему (для вида) свой земельный участокъ, и кредиторъ получаетъ отъ консула новый документъ на недвижимость на собственное имя. Погашеніе долга, уплата процентовъ и пр. обыкновенно устанавливаются особо въ „deed of trust". Такимъ образомъ, китайскій собственникъ получаетъ черезъ посредство своего кредитора и довѣреннаго иностранное покровительство для своего земельнаго участка, а иностранецъ—повышенную обезпеченность для своего права требованія. Земельные участки, состоящіе въ дѣйствительномъ обладаніи иностранцевъ, занимаютъ, конечно, и въ отношеніи установленія залога, въ пользу ли иностранцевъ или китайцевъ, такое же положеніе, какъ и „трестовые" земельные участки.

B. Правовая сфера иностраннаго землевладѣнія.

Какъ уже было упомянуто выше (стр. 119), земельные участки, расположенные внутри какого-либо національнаго сетльмента или концессіи, занимаютъ въ правовомъ отношеніи иное положеніе, нежели прочіе. Въ силу положенія, предоставленнаго правительствомъ страны государству сетльмента, послѣднее становилось собственникомъ территоріи, поскольку она до заключенія договора о концессіи не находилась въ иномъ чужеземномъ обладаніи, какъ напр., въ германскомъ сетльментѣ въ *Ханькоу*; но одновременно это государство получало право регламентировать правовыя отношенія на территоріи сетльмента по своимъ собственнымъ нормамъ, такъ чтобы эти нормы были обязательны для всякаго, кому территорія или часть ея были бы далѣе отчуждены. Этимъ нормамъ подлежатъ всѣ земельные участки безъ различія національности ихъ настоящаго собственника, такъ что всѣ участки входятъ въ правовую сферу концессіонированнаго государства. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ юридическіе вопросы, вытекающіе изъ обладанія такимъ земельнымъ участкомъ, должны быть рѣшаемы по праву концессіонированнаго государства, если даже собственникъ принадлежитъ къ какому-либо иному государству. Это не значитъ, что такой собственникъ въ подобныхъ вопросахъ непремѣнно подлежитъ вѣдомству судьи концессіонированнаго государства, но было бы достаточно уже, чтобы судья его отечества разрѣшалъ дѣло по законамъ государства сетльмента. По естественнымъ практическимъ соображеніямъ въ германскихъ сетльментахъ установлено однако, что „всѣ поселяющіеся въ нихъ иностранцы подлежатъ германскому праву и германской юрисдикціи во всѣхъ правовыхъ вопросахъ о принадлежащемъ къ сетльменту земельномъ участкѣ и отношеніяхъ ихъ къ общинѣ сетльмента". Подобный порядокъ существуетъ уже въ многихъ другихъ поселеніяхъ (напр. въ англійской концессіи *Кантона*), и такое

ограниченіе консульской юрисдикціи иныхъ государствъ предполагаетъ признаваніе взаимности.

Гораздо менѣе простыми, чѣмъ эти, на одинаковомъ основаніи ипотечной системы государства сетльмента упорядоченныя, правоотношенія земельныхъ участковъ сетльмента, представляются правоотношенія на прочія находящіяся въ иностранномъ обладаніи земли. Послѣ всего, что выше было сказано о способахъ пріобрѣтенія этихъ земельныхъ участковъ, объ ихъ правовомъ status, въ особенности объ ихъ отношеніи къ мѣстнымъ властямъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что они принадлежатъ къ китайской правовой сферѣ. Также и изъ договоровъ невозможно вывести ничего иного. Въ отношеніи участковъ, находящихся въ германскомъ обладаніи, можно было бы принять лишь то противоположное воззрѣніе, что правоотношенія такихъ участковъ опредѣляются нормами, дѣйствующими въ настоящее время въ области прусскаго Общаго земскаго права (Allgemeines Landrecht) для земельныхъ участковъ, не имѣющихъ записи въ ипотечной книгѣ, т. е., согласно § 140 прусскаго положенія объ ипотечной системѣ, распоряженіемъ отъ 16 іюня 1820 г. и деклараціей отъ 28 іюля 1838 года, относительно нѣкоторыхъ частей прусской государственной территоріи съ еще не вполнѣ устроенными ипотечными книгами. Но этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что здѣсь ипотечная система, при подлежащемъ ипотечномъ учрежденіи, именно китайскомъ, устроена настолько полно, насколько это возможно по китайскому закону. Кромѣ того, согласно всего вышесказаннаго, въ административныхъ округахъ германскихъ консульствъ въ Китаѣ теперь, какъ и раньше, вообще не примѣнимы ни прусское ипотечное уложеніе отъ 20 декабря 1783 г., либо законъ 24 мая 1853 года, ни прусское ипотечное положеніе отъ 5 мая 1872 г., ни законъ о пріобрѣтеніи права собственности и обремененіи повинностями земельныхъ участковъ за тоюже датою, ни, наконецъ, германское ипотечное уложеніе отъ 24 марта 1897 года. Такимъ образомъ, отсутствуютъ существенныя предположенія упомянутыхъ распоряженія и деклараціи. На основаніи изложеннаго можно было бы, конечно, полагать, что правоотношенія этихъ земельныхъ участковъ устроены также на твердомъ основаніи и не требуютъ дальнѣйшихъ вмѣшательствъ. Но къ сожалѣнію, въ дѣйстви-

тельности положеніе вещей существенно иное, такъ какъ не только китайская система земельной регистраціи, но всѣ въ совокупности административныя и хозяйственно-политическія условія Китая сдѣлали невозможнымъ полное подчиненіе иностраннаго землевладѣнія туземной юрисдикціи. Такое положеніе—припомнимъ только примѣръ трактованія аллювіальныхъ земель—могло бы подвергнуть опасности прочность всего иностраннаго землевладѣнія и вложенныхъ въ него значительныхъ капиталовъ. Поэтому, уже въ теченіи ряда лѣтъ существуетъ стремленіе—особенно въ Шанхаѣ съ его большимъ международнымъ сетльментомъ, который, естественно, прежде всего имѣется здѣсь въ виду—перемѣстить иностранные земельные участки изъ китайской правовой и административной сферы въ собственную, обезпечить компетенцію консульской юрисдикціи по относящимся сюда дѣламъ, не подвѣдомственнымъ ей до сего, участіе же китайскихъ учрежденій свести къ неизбѣжно-необходимому минимуму. Такимъ образомъ, вопреки послѣднимъ придали консульскимъ земельнымъ реестрамъ такое значеніе, какое имъ само по себѣ не принадлежитъ; при перенесеніи иностранныхъ земельныхъ участковъ устранили содѣйствіе туземныхъ властей (см. стр. 119), и иностранное муниципальное управленіе Шанхая, съ согласія консульскаго корпуса, поставило свое кадастровое учрежденіе такъ, что каждый иностранный участокъ долженъ измѣряться имъ и записываться, и о каждомъ перенесеніи собственности должно заявляться ему.

Если порядокъ пріобрѣтенія земельныхъ участковъ и не былъ уже такимъ, какъ желательно, то все же съ имѣющимися средствами возможно было и теперь возможно найти удовлетворительное рѣшеніе; существенное содѣйствіе туземныхъ учрежденій неизбѣжно, если продавцомъ является китаецъ. Напротивъ того, съ возрастаніемъ цѣнности иностраннаго землевладѣнія въ отношеніи ипотечныхъ обязательствъ создалось такое невозможное положеніе, что должно было, наконецъ, вмѣшаться европейское законодательство. Логическимъ послѣдствіемъ того, что подлежащіе земельные участки оставались бы въ китайской правовой сферѣ, было бы то, что установленіе на нихъ залога должно происходить согласно китайскаго права и въ китайской формѣ. Между тѣмъ, изъ того, что было сказано о цѣли китайской земельной регистраціи и о ки-

тайскомъ закладѣ, вытекаетъ необходимость, чтобы логика была принесена здѣсь въ жертву потребностямъ дѣйствительныхъ отношеній. Иначе, независимо отъ всѣхъ иныхъ соображеній, пришли бы къ тому, что юридическія сдѣлки между иностранцами подлежали бы подсудности китайскихъ учрежденій—положеніе, весьма опасное уже и въ политическомъ отношеніи. Къ тому же, чтобы обезпечить дѣятельность такого китайскаго поземельнаго учрежденія, потребовалось бы соглашеніе между всѣми договорными державами и китайскимъ центральнымъ правительствомъ. Существуетъ ли однако общая готовность у всѣхъ, необходимая для такого шага, подлежитъ еще однако большому сомнѣнію. Чтобы при этомъ неблагопріятномъ состояніи права получить возможность устанавливать ипотеки на иностранныя недвижимыя имущества, прибѣгли къ различнымъ средствамъ. Собственникъ выдаетъ формальное залоговое письмо въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ нихъ передаетъ кредитору, а другой—консулу своей страны. Послѣдній дѣлаетъ отмѣтку на актѣ на недвижимость и въ реестрѣ актовъ о недвижимостяхъ, и раньше сообщалъ объ этомъ и китайскому учрежденію; въ новѣйшее время это сообщеніе за безцѣльностью не дѣлается. По меньшей мѣрѣ, не обезпечено, что такая ипотека будетъ признана туземнымъ судьей правомѣрною. Во всякомъ случаѣ трудно найти для нея прочное обоснованіе какъ въ китайскомъ, такъ и въ отечественномъ правѣ (для германскихъ подданныхъ въ Положеніи отъ 16 іюня 1820 г.). Другой путь—тотъ, что собственникъ передаетъ кредитору свой актъ на недвижимость a la Chinoise, какъ закладъ, и заключаетъ съ нимъ договоръ залога. Предполагается, что въ случаѣ конкурса кредиторъ можетъ требовать изъ заложеннаго у него земельнаго участка особое удовлетвореніе въ силу своего залогового права. Но если бы даже хотѣли обсуждать такой закладъ согласно китайскаго права, то обоснованію предпочтительнаго права препятствуетъ тотъ фактъ, что земельный участокъ самъ не переданъ,—требованіе, которое въ китайскомъ правѣ, какъ мы видѣли, при закладѣ такъ же существенно, какъ въ германскомъ закладѣ движимыхъ вещей. Наконецъ, какъ третій способъ примѣняется „trust", т.-е. собственникъ формально передаетъ свой земельный участокъ кредитору, на имя котораго переносятся и актъ на недвижимое имущество, а кредиторъ выдаетъ собственнику „deed of trust" (документъ о трестѣ).

Должникъ по общему правилу остается во владѣніи своимъ земельнымъ участкомъ, но все-таки онъ оказался бы въ очень ненадежномъ положеніи, въ случаѣ смерти или несостоятельности кредитора.

Первымъ иностраннымъ государствомъ, которое положило конецъ этимъ неурядицамъ по отношенію къ своимъ подданнымъ, была Англія. Въ „China and Japan Order in Council" отъ 1881 г., статьями 22—27 было опредѣлено, что британскіе подданные могутъ устанавливать залоговое право на земельные участки и строенія въ Китаѣ и Японіи съ тѣмъ, чтобы залогъ въ опредѣленной формѣ и въ теченіе опредѣленнаго срока былъ явленъ въ подлежащемъ консульствѣ. Соотвѣтственное устраненіе правовой необезпеченности, при постоянно увеличивающемся германскомъ землевладѣніи, особенно въ Шанхаѣ, необходимо и въ отношеніи германско-подданныхъ и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ осуществится путемъ императорскаго указа. Вопросъ, какимъ образомъ должно урегулировать эти отношенія, не можетъ вызвать большихъ сомнѣній. Установленіе поземельной книги для германскихъ земельныхъ участковъ, лежащихъ внѣ національныхъ сетльментовъ, представляется нераціональнымъ въ виду описанныхъ правового положенія и порядка пріобрѣтенія земли. Измѣненіе же послѣдняго въ различныхъ отношеніяхъ наткнулось бы на большія затрудненія и могло бы быть предпринято лишь совмѣстно съ прочими договорными державами; необходимость же такого шага пока не признается. Напротивъ, представлялось бы наиболѣе умѣстнымъ установленіе, по крайней мѣрѣ ипотечной книги или же болѣе общаго реестра, куда вносились бы какъ ипотеки и долговыя обязательства на недвижимостяхъ, такъ и длящіяся повинности и ограниченія собственности, со всѣми послѣдствіями, какія указаны [герм.] Гражданскимъ Уложеніемъ для подобныхъ записей въ поземельную книгу.

И послѣ такого урегулированія въ китайскихъ мѣстностяхъ останется то затрудненіе, что не достаетъ объединеннаго земельнаго органа для всѣхъ участковъ, состоящихъ въ иностранномъ обладаніи. Это затрудненіе будетъ особенно давать себя знать при отчужденіи земельныхъ участковъ, обремененныхъ ипотекой, лицамъ другого подданства. Ипотеки, какъ всѣ вещныя права, слѣдуютъ за земельнымъ участкомъ при его переходѣ, но безъ обя-

зательныхъ международныхъ договоровъ не обезпечено, что эти права будутъ признаны судебными властями новаго собственника. Ипотечные кредиторы германскихъ (или и англійскихъ) земельныхъ участковъ могли бы, пожалуй, обезпечить себя такимъ образомъ, что въ ипотечный актъ вносилось бы условіе, по которому земельный участокъ до удовлетворенія кредитора долженъ оставаться въ германскомъ (или англійскомъ) владѣніи. Подобное опредѣленіе не противорѣчило бы смыслу § 1136 Гражданскаго Уложенія, такъ какъ оно должно лишь сохранить земельный участокъ въ правовой сферѣ Гражданскаго Уложенія и тѣмъ воспрепятствовать утратѣ ипотекою практическаго значенія[1]). Впрочемъ, на всякій случай можно бы императорскимъ указомъ обезпечить юридическую дѣйствительность условія.

---

1) Ср. *Neumann, Handausgabe des Buergerlichen Gesetzbuchs*. Bd. I S. 591 (Anm. 3 zu § 1136): „Иногда обезпеченіе... можетъ быть достигнуто... соглашеніемъ объ уничтоженіи ипотеки въ случаѣ продажи“.

Приложеніе къ русскому изданію

СОЧИНЕНІЯ О. ФРАНКЕ.

ВЫДЕРЖКИ ВЪ ПЕРЕВОДѢ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

P. Hoang, Notions techniques sur la popriété en Chine avec un choix d'actes et de documents officiels. Chang-Hai. 1897.

Нижеприводимыя цитаты, ровно какъ и нѣкоторыя выдержки, приведенныя въ дословной или свободной передачѣ выше—въ примѣчаніяхъ, содержатъ поясненія и подтвержденія свѣдѣній, сообщаемыхъ д-мъ *Франке*. Для правильной оцѣнки данныхъ, заимствованныхъ нами у *П. Хоанъ*, необходимо однако имѣть въ виду, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія относятся къ южной половинѣ Китая и что обычное право различныхъ частей Китая представляетъ, естественно, много существенныхъ особенностей.

1. *Къ стр. 41, примѣч.*

„Законная мѣра *гунъ*, составляющая 5 футовъ мѣры *инъ-изао чи* (строительный футъ), равняется 1.5367 метра (60 1/2 дюймовъ). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ[1]) эта мѣра была предписана закономъ для измѣренія земель, увеличиваемыхъ аллювіальными образованіями; для давнишнихъ земель остается дозволено примѣнять обычную въ мѣстности мѣру[2]). Обычная мѣра, допускаемая юридически на территоріи

---

[1]) Для правильнаго пониманія ссылокъ цитируемаго здѣсь автора на время составленія его труда, необходимо имѣть въ виду указаніе его въ предисловіи, что краткое изданіе его труда относится къ 1882 г. *Ред.*

[2]) Это опредѣленіе закона не всегда соблюдается. Такъ, въ этомъ (1882) году измѣрялись новыя земли на берегахъ р. *Хуанъ-пу*,

Шанхая, равна 1.673 метра (66 дюймовъ). Нѣсколько лѣтъ тому *шанхайскій даотай* предложилъ эту мѣру англійскому консулу. Но внѣ города примѣняютъ еще двѣ другихъ обычныхъ мѣры, изъ которыхъ одна равна 1.69 метра и другая –1.77 метра".

(Ibid., p. 58, № 156).

2. Къ стр. 50.

„*Цзюань-цзюй*—„дарственная запись на недвижимое имущество", на добрыя дѣла, дозволена и дѣйствительна; но представляется предпочтительнымъ, чтобы даритель подписывалъ „актъ объ окончательной продажѣ" и отказывался отъ причитающейся ему цѣны; онъ предупредитъ такимъ образомъ различныя затрудненія, которыя могли бы возникнуть".

(Ibid., p. 10. № 31). На стр. 146 *P. Hoang* приводитъ образецъ дарственной записи на недвижимость въ пользу церкви.

3. Къ стр. 72—75.

„*Шуй-ци* есть актъ, посредствомъ котораго новый собственникъ, совершивъ сдѣлку купли съ правомъ обратнаго выкупа или окончательной на домъ или земельный участокъ, уплатою установленнаго сбора въ казну достигаетъ того, что мѣстный начальникъ прикладываетъ свою печать къ актамъ, выдаетъ ему документъ, называемый *ци-вэй* [въ перев. „актовый конецъ"] и этимъ утверждаетъ сдѣлку. Этотъ документъ снабженъ печатью главнаго провинціальнаго казначея *фань-тай.* Мѣстный начальникъ имѣетъ у себя много экземпляровъ ихъ, присылаемыхъ главнымъ казначеемъ, которому онъ обязанъ ежегодно заявлять число использованныхъ экземпляровъ и представлять поступившую за нихъ сумму сборовъ. Собственникъ, пріобрѣтающій землю или домъ съ правомъ обратнаго выкупа или окончательно, обязанъ истребовать это утвержденіе въ годичный срокъ".

(Ibid., p. 22, № 61).

4. Къ стр. 74, примѣч.

„Но уѣздные начальники слишкомъ заняты, чтобы прямо разыскивать собственниковъ, нарушающихъ это [постановленіе о сбо-

---

и только земли, продававшіяся по болѣе высокой цѣнѣ, измѣрялись законною мѣрою (=1.5367 метра). Для прочихъ земель пользовались обычною мѣрою (=1.673 метра).

рахъ съ переходящихъ имуществъ]. Оффиціальные агенты, снабженные уполномочіемъ отъ уѣзднаго начальника, время отъ времени объѣзжаютъ мѣстности и рекомендуютъ не откладывать дальше *шуй-ци*. Но это усердіе не имѣетъ иныхъ мотивовъ, кромѣ какъ вымогательство подарковъ. Рѣдко они серьезно требуютъ соблюденія закона. Поэтому большое число покупщиковъ, въ особенности внѣ городовъ, попрежнему отлагаютъ *шуй-ци*, при небольшихъ сдѣлкахъ". (Ibid., p. 25, № 67e).

5. Къ стр. 78—82 и 91—92.

При сдѣлкахъ продажи съ правомъ выкупа, „законъ предписываетъ обозначать срокъ, по наступленіи котораго можетъ быть осуществленъ выкупъ. Если продавецъ не выкупаетъ, покупщикъ можетъ пользоваться имуществомъ сверхъ условленнаго времени".

„При договорахъ заклада оба договаривающіеся обыкновенно обмѣниваются документами. Документъ, подписываемый должникомъ называется *дянь-дань чжэнь-ци*, „главный актъ по закладу". Документъ, за подписью кредитора, вступающаго во владѣніе недвижимостью, называется *дянь-дань-фу-ци*, „принадлежностный актъ". „*Цзя-чжао*, „послѣдующее полученіе прибавки къ цѣнѣ" есть сдѣлка, посредствомъ которой собственникъ недвижимости, уже проданной на выкупъ или отданной въ закладъ, получаетъ отъ покупщика или кредитора добавочную сумму, притомъ безъ окончательной продажи. Требованіе этой прибавки должно произойти въ срокъ, установленный для выкупа. Въ новомъ актѣ, *цзя-чжао ци*, подписываемомъ получающимъ прибавку къ цѣнѣ, обозначаютъ устанавливаемый новымъ договоромъ срокъ, по истеченіи котораго можетъ произойти выкупъ, а также условіе *тинъ-шу-бу-чжао*, „право выкупа безъ требованія новой прибавки къ цѣнѣ". Этимъ условіемъ продавецъ, сохраняя за собою право на выкупъ, обязывается оставить имущество у пріобрѣтателя до выкупа или до окончательной продажи, не требуя новой прибавки къ цѣнѣ. Кромѣ того, это полученіе прибавки къ цѣнѣ и установленный срокъ означаются въ концѣ первоначальнаго акта продажи или заклада".

„Если настоящій владѣлецъ недвижимости, пріобрѣтенной на правѣ выкупа или въ закладъ, отказываетъ прежнему собственнику въ прибавкѣ къ цѣнѣ, послѣдній можетъ отдать недвижимость третьему лицу за болѣе высокую цѣну и уплатить сумму долга второму

собственнику. Если второй собственникъ нуждается въ деньгахъ, ему предоставлено продать на выкупъ имущество другому лицу или отдать въ закладъ по цѣнѣ, уплаченной имъ самимъ: по той же цѣнѣ, такъ какъ если бы онъ требовалъ больше, прежній собственникъ долженъ былъ бы уплатить при выкупѣ больше того, что получилъ, а это было бы несправедливо. Послѣдующій владѣлецъ можетъ однако уступить имущество третьему лицу за меньшую сумму, если никто не соглашается на первоначальную цѣну. Въ такомъ случаѣ, когда впослѣдствіи первый собственникъ выкупаетъ имущество, второй получаетъ разницу между двумя цѣнами, если только онъ не уступилъ послѣдующему пріобрѣтателю, передачею первоначальныхъ документовъ, права на полученіе этого. Если такимъ образомъ имущество находится у третьяго лица, то послѣднее будетъ обязано, по требованію перваго продавца, уплатить прибавку къ цѣнѣ. Но по закону первый собственникъ не можетъ обращаться непосредственно къ третьему, не предупредивъ предварительно второго владѣльца—ни въ случаѣ требованія прибавки къ цѣнѣ ни для выкупа имущества".

„Выкупъ вещи, проданной съ правомъ выкупа или отданной въ закладъ, называется *хуй-шу*. Прежній собственникъ не можетъ законнымъ образомъ, безъ согласія послѣдующаго, выкупить вещь до истеченія условленнаго срока. Наоборотъ, послѣдующій обладатель не можетъ, подъ предлогомъ, что выкупъ не былъ произведенъ въ установленный срокъ, отказывать въ выкупѣ и считать себя окончательнымъ собственникомъ. При выкупѣ вещь должна быть возвращена въ томъ видѣ, въ какомъ была принята: если напр., есть разрушенныя стѣны или поломанные предметы, возмѣщеніе взимается по выкупной цѣнѣ. Что касается присоединившихся вещей, то онѣ или берутся ихъ собственникомъ или оцѣниваются третейскими лицами и продаются выкупающему. Во многихъ мѣстностяхъ, когда выкупъ имѣетъ мѣсто въ теченіи трехъ слѣдующихъ за сдѣлкою лѣтъ, въ обычаѣ, чтобы выкупающій выплачивалъ послѣдующему собственнику издержки, причиненныя сдѣлкою, напр. подарки посредникамъ. При выкупѣ послѣдующій собственникъ долженъ возвратить первому всѣ документы, полученные отъ него. Если эти документы утрачены, онъ подписываетъ и выдаетъ первому собственнику акты, удостовѣряющіе, что первые

утрачены и что если бы они были найдены, они не должны имѣть силы. Эти новые акты называются *и-ши ци-цзюй*, или „удостовѣреніе о потерѣ документовъ". Равнымъ образомъ, первый собственникъ долженъ возвратить послѣдующему дополнительные акты, или *фу-ци*, если онъ ихъ получилъ; и если бы эти акты пропали, онъ долженъ также подписать новый актъ, удостовѣряющій потерю прежнихъ".

(Ibid., p. 7—9, №№ 20, 24, 25, 26, 27).

6. Къ стр. 85.

„Арендные контракты весьма разнообразны, въ зависимости отъ различія въ условіяхъ. Чтобы не утомлять читателя, мы ограничиваемся краткимъ resume:

1) *Ми-цзу*—аренда, оцѣниваемая въ рисѣ обмолоченномъ, но неочищенномъ. Въ областяхъ *Су-чжоу* и *Сунъ-цзянъ* (пров. *Цзянсу*), средній платежъ съ *му*—9 *доу* [1]). Платежъ взыскивается съ конца 10 мѣсяца и часто производится въ деньгахъ, по рыночной цѣнѣ риса.

2) *Гу-цзу*—аренда, оцѣниваемая въ необмолоченномъ рисѣ. Въ двухъ вышеназванныхъ областяхъ средній платежъ—180 *гинь* [2]), вносимыхъ на девятомъ мѣсяцѣ.

3) *Юй-цзу*—денежная аренда, съ уплатою впередъ, т.-е. весною, до посѣвовъ. Средняя плата - около 2000 чоховъ съ 1 *му*.

4) *Цю-цзу*—денежная аренда, съ уплатою осенью, послѣ сбора. Средній платежъ немного выше, нежели при арендѣ съ уплатою впередъ.

5) *Фэнь-чжунъ*—аренда, при которой собственникъ и съемщикъ раздѣляютъ между собою сборъ. Если собственникъ не получилъ отъ арендатора денежнаго обезпеченія (*d'arrhes*) либо если онъ снабдилъ арендатора сѣменами и удобреніемъ, онъ получаетъ обыкновенно 6|10 и съемщикъ—4|10; въ противномъ случаѣ каждый изъ нихъ получаетъ половину сбора.

---

1) *Доу* составляетъ десятую часть болѣе крупной мѣры емкости—*ши*. Изъ различныхъ величинъ этой мѣры въ *Су-чжоу* примѣняется распространенная и въ другихъ городахъ величина 1 *ши* =105,03 литра (4 четверика), въ *Сунъ-цзянъ* 1 *ши*=121.74 литра (4.6 четверика), въ *Чунъ-минъ*=125.7 литра (4.8 четверика). (Ibid., p. 51—3). *Ред.*

2) *Гинь*—единица мѣръ вѣса, равная 16 вѣсовыхъ *лянъ*, называется европейцами также catty. Въ области *Сунъ-чжоу* 1 *гинь*= 560.16 граммовъ=1,367 ф. (Ibid., p. 54—57). *Ред.*

6) *И-изу*—видъ аренды, при которомъ ежегодно, при созрѣваніи осенняго урожая, собственникъ, въ лицѣ своего довѣреннаго (procureur, управляющій), и съемщикъ, изслѣдовавъ состояніе сбора на всѣхъ поляхъ, приходятъ къ соглашенію относительно количества продуктовъ, причитающагося въ пользу собственника послѣ сбора. Вообще собственнику поступаетъ 4|10, такъ какъ при такомъ договорѣ онъ получаетъ значительное обезпеченіе (*arrhes*).

7) *Бао-сань-дань*—видъ аренды, при которомъ съемщикъ за 1000 *бу*, или 4 *му* и 40 *бу*, уплачиваетъ въ маѣ 1 *ши* хлѣба, въ августѣ—1 *ши* маиса и въ ноябрѣ—1 *ши* бобовъ. Этотъ видъ аренды распространенъ въ уѣздѣ *Чуньминъ* (пров. *Цзянсу*)".

„Рента, уплачиваемая рисомъ, раздѣляется на *ши-изу* или „дѣйствительную ренту" и *э-изу* или „нарицательную ренту", иначе *чжэнь-изу* или „основную". Дѣйствительная рента уплачивается полностью, т. е. въ количествѣ, означенномъ въ контрактѣ. По отношенію же къ рентѣ нарицательной или основной означенное количество подлежитъ сокращенію около 25 0|0. Чтобы побудить арендаторовъ къ скорѣйшей уплатѣ, собственники обыкновенно устанавливаютъ извѣстные дни, до наступленія которыхъ оказываютъ уплачивающимъ ренту скидку въ размѣрѣ 3 0|0 ренты".

(Ibid., p. 33—34, №№ 83, 84).

7. *Къ стр. 85.*

„Въ годы съ урожаемъ ниже средняго собственники соглашаются на пониженіе ренты соразмѣрно недороду. И при опредѣленіи размѣра пониженія они сообразуются съ *дунъ-ши*, попечителями благотворительныхъ заведеній, сиротскихъ пріютовъ или госпиталей, въ зависимости отъ недорода рѣшающими относительно пониженія ренты съемщиковъ земель этихъ заведеній".

„Въ годы, когда императоръ освобождаетъ отъ налога въ казну по случаю какого-либо празднества, собственники обязаны по закону уступать съемщикамъ третью частью такимъ образомъ прощеннаго налога [1]".

---

[1] По другому источнику, собственники должны уступать арендаторамъ 3|10 налоговой суммы, отъ взноса которой они сами были освобождены, а равно понижать свои законныя требованія при недородѣ. Но въ обоихъ случаяхъ соблюденіе этихъ указаній закона предоставлено великодушію собственниковъ. (*Tenure of Land*

„Арендаторъ, не вносящій свою ренту, по закону присуждается къ 80 тяжелымъ ударамъ и понуждается къ уплатѣ долга".

„Въ обыкновенные годы доходъ съ одного *му* плодородной земли, каковы суть земли въ *Су-чжоу* и *Сунъ-цзянъ*, за вычетомъ налога и другихъ издержекъ, какъ подарки сборщикамъ налоговъ и плата сборщикамъ ренты, вообще составляетъ отъ 800 до 1200 чоховъ, если арендаторы платятъ правильно. Но всегда есть такіе, которые по своей винѣ или вслѣдствіе дѣйствительной бѣдности упускаютъ платить вовсе или частью ренту. Поэтому, въ окончательномъ итогѣ можно считать себя счастливымъ, когда доходъ достигаетъ восьми десятыхъ суммы ренты. Отсюда видно, что годовая рента отъ поземельной собственности очень умѣренна и не превышаетъ 3 до 5 %. Состоятельные люди предпочитаютъ извлекать изъ своего состоянія умѣренный доходъ, помѣщая его въ земельныя имущества, нежели подвергать свои капиталы большему риску въ поискахъ повышенія дохода другими способами".

(Ibid., p. 35—35, №№ 85--88).

8. Къ стр. 85.

„Собственникъ, отдающій въ наемъ домъ, также требуетъ обезпеченія (*динъ-шоу*, *arrhes*), величина котораго опредѣляется наемною платою за время отъ 3 до 12 мѣсяцевъ. Чѣмъ значительнѣе обезпеченіе, тѣмъ меньше наемная плата, такъ какъ изъ послѣдней вычитается 10 % годовыхъ на сумму обезпеченія. Наниматель подписываетъ актъ, называемый *жень-фанъ вэнь-цы*, гдѣ обозначены число комнатъ и залъ и все принадлежащее къ дому: окна, двери и пр., равно какъ сумма обезпеченія и условія договора. Если дѣло идетъ о большомъ домѣ, тщательно перечисляютъ въ особой книжкѣ всѣ принадлежности дома съ тѣмъ, чтобы при уходѣ нанимателя все было возвращено неповрежденнымъ согласно описи. Наниматель подписываетъ, кромѣ того, книжку, называемую *цзу-чжэ*, гдѣ послѣдовательно отмѣчаются сдѣланные, согласно условій договора, платежи, либо ежемѣсячно, либо сразу въ концѣ года, либо по третямъ: 5 числа пятаго мѣсяца, 15 числа восьмого

---

in China and the Condition of the Rural Population. By G. Jamieson. Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. XXIII 1888. P. 78). Ред.

мѣсяца и въ концѣ года. За вставной мѣсяцъ, *жунь-юэ* 1), въ обычаѣ взимать половинную плату. Если наниматель, представившій значительное обезпеченіе, требуетъ квитанцію, собственникъ выдаетъ ему расписку подъ названіемъ *чжао-пяо*. При заключеніи сдѣлки найма земли или дома, наниматель долженъ дать подарки посредникамъ, свидѣтелямъ и пр.“ 2).

„Въ *Шанхаѣ*, по обычаю, къ наемной платѣ наниматели набавляютъ 1%; эта надбавка, называемая *сяо-цзу* или „малая рента“, раздѣляется между сборщиками ренты и управляющими собственника, по усмотрѣнію послѣдняго. Этотъ обычай не существуетъ въ *Су-чжоу*. Но повсюду наниматели предлагаютъ подарки сборщикамъ платы, чтобы задобрить ихъ и заручиться ихъ добрыми услугами на случай необходимости ремонта въ домѣ и чтобы сдѣлать ихъ болѣе уступчивыми по отношенію къ качеству чоховъ и долларовъ и соблюденію сроковъ платежей“.

„Когда собственникъ отказываетъ нанимателю, противъ котораго онъ не имѣетъ неудовольствія, въ обычаѣ, чтобы онъ отступался отъ наемной платы за три мѣсяца и чтобы онъ предупреждалъ о томъ впередъ за три мѣсяца. Съ своей стороны, когда наниматель желаетъ оставить домъ, онъ долженъ извѣстить собственника за три мѣсяца впередъ“.

„Обезпеченіе возвращается нанимателю, когда онъ покидаетъ домъ, за вычетомъ невнесенной наемной платы, для покрытія которой служитъ въ такомъ случаѣ обезпеченіе. Когда снятый домъ

---

1) Въ Китаѣ годъ раздѣляется на 12 лунныхъ мѣсяцевъ. Такъ какъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ содержатъ на 11 дней меньше, нежели 12 солнечныхъ мѣсяцевъ, то для уравненія луннаго и солнечнаго времени въ опредѣленные годы вставляется тринадцатый мѣсяцъ. Такимъ образомъ, въ послѣдовательномъ рядѣ 19 лѣтъ 12 лѣтъ оказываются простыми и 7 лѣтъ—високосными, т. е. со вставнымъ мѣсяцемъ. Въ періодъ 1900—1918 годовъ 1900, 1903, 1906, 1909, 1911, 1914 и 1917 года имѣютъ по 384 дня (1903 г.—383 дня) и прочіе—по 354 или 355 дней. (*Матусовскій*, l. c., стр. 053. Приложеніе 5). *Ред.*

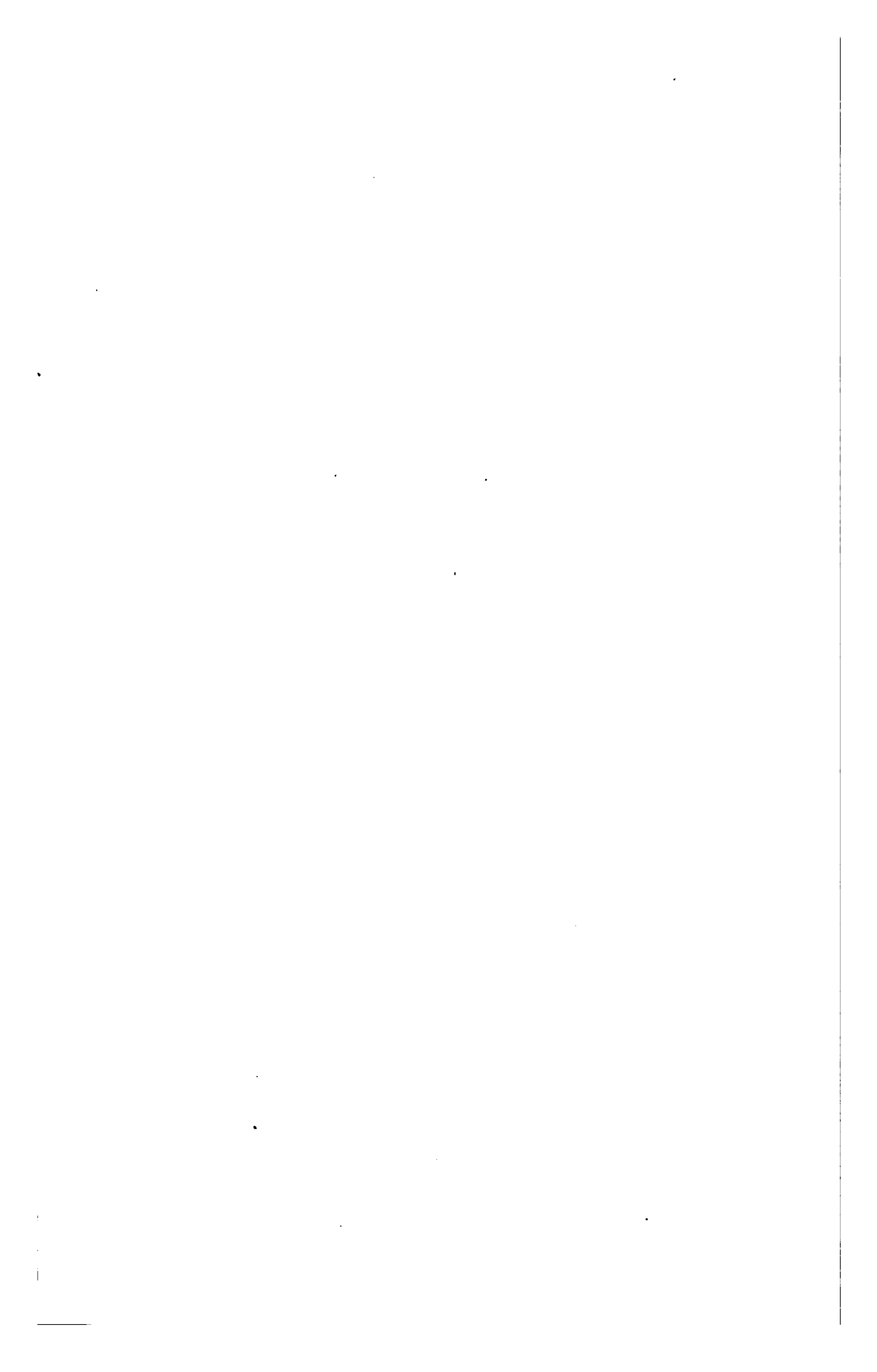
2) По сообщенію профессора *А. В. Рудакова*, въ Сѣверномъ Китаѣ принято, чтобы наниматель вмѣстѣ съ платою за первый мѣсяцъ давалъ еще и *чайныя деньги* (одна, двѣ или три доли равныя платѣ за мѣсяцъ), которыя распредѣляются хозяиномъ между привратникомъ, дворникомъ, сторожемъ, полицейскими и пр. *Ред.*

разрушенъ пожаромъ, собственникъ вправѣ, по закону, удержать всѣ обезпеченія, если пожаръ начался съ этого дома; но онъ долженъ возвратить нанимателю одну треть, если огонь возникъ въ сосѣднихъ домахъ. Стало быть, если наниматель желаетъ вновь снять домъ послѣ возстановленія его, онъ долженъ опять внести обезпеченіе. Если домъ расположенъ въ очень выгодной для торговли мѣстности, пожаръ служитъ поводомъ къ повышенію наемной платы".

(Ibidem, p. 35—36. №№ 89—92).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ.

DIE WICHTIGSTEN ZUSÄTZE
zur Russischen Ausgabe.



НОВОЕ ИЗДАНІЕ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА:

Экономическій Очеркъ Тибета.

Составляетъ 2-й выпускъ 2-й части издаваемаго Восточнымъ Институтомъ обширнаго труда специалиста по исторіи и географіи Дальняго Востока, и. д. профессора **Н. В. КЮНЕРА**

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

ПОКА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ СВѢТЪ И ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

ЧАСТЬ 1-Я. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

Вып. 1-й. Имя. Границы. Обзоръ путешествій.—Владивостокъ. 1907. XXXII+VIII+262+129 стр.—*Цѣна 3 рубля.*

Вып. 2-й. Очеркъ физической географіи Тибета.—Владивостокъ. 1907. XVIII+182+90 стр.—*Цѣна 1 руб. 50 коп.*

ЧАСТЬ 2-Я. ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

Вып. 1-й. Составъ и бытъ населенія.—Владивостокъ. 1908. XXVIII+117+111 стр.—*Цѣна 1 рубль 50 коп.*

Вып. 2-й. Экономическій очеркъ Тибета.—Владивостокъ. 1908. XII+183+96 стр.—*Цѣна 2 рубля.*

Готовятся къ печати: Часть 2-я, Этнографическая. Вып. 3-й. Религія и политическое устройство Тибета.—Часть 3-я. Опытъ библіографіи Тибета.—Часть 4-я. Исторія Тибета по китайскимъ и тибетскимъ источникамъ.

Каждый выпускъ представляетъ собою одно совершенно законченное и самостоятельное цѣлое.

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Комиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовицъ въ Лейпцигѣ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Н. И. Когановскій. Очеркъ землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Н. И. Когановскій. Курсъ политической экономіи.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Очеркъ финансовъ Германской Имперіи. Спб. 1894. 128 стр. (Вѣст. Фин., пром. и торг. 1894. №№ 13, 14, 15 и 16).

Очерки бумажно-денежнаго обращенія. Спб. 1895. 62 стр.

Очеркъ экономическаго положенія Японіи. Владивостокъ. 1903. (Изв. Вост. Инст., т. V). 131+IV стр. (Цѣна 5-го тома «Изв. Вост. Инст.» — 3 р. 50 к.).

Обозрѣніе преподаванія по предметамъ Русскаго гражданскаго и торговаго права и судопроизводства. Владивостокъ. 1908. 8 стр. Цѣна 20 к.

Въ ближайшіе томы и выпуски „Извѣстій Восточнаго Института" войдутъ:

Н. Кохановскій. Курсъ политической экономіи.

Н. Кюнеръ. Описаніе Тибета.

Часть 2-я, Этнографическая. Выпускъ 3-й. Религія и политическое устройство Тибета.

Часть 3-я. Опытъ библіографіи Тибета.

Часть 4-я. Исторія Тибета по китайскимъ и тибетскимъ источникамъ.

Г. Подставинъ. Очеркъ административныхъ реформъ въ Кореѣ. Отчетъ Японской Генеральной Резиденціи въ Сеулѣ *(Печатается).*

А. Рудаковъ. Извлеченія изъ трактатовъ Китая съ Россіей по отдѣльнымъ вопросамъ. *(Китайскій текстъ). (Печатается).*

А. Рудаковъ. Образцы новой китайской литературы. *(Китайскій текстъ). (Печатается).*

Е. Спальвинъ. Собраніе текстовъ для изученія болѣе трудныхъ и труднѣйшихъ формъ современнаго японскаго разговорнаго языка, съ іероглифическимъ словаремъ и примѣчаніями. *(Печатается).*

Е. Спальвинъ. Объ искусствѣ писать японскія письма.

Е. Спальвинъ. Японская поэзія къ войнѣ 1904—1905 г.г.

Е. Спальвинъ. Изъ курса лекцій о современномъ государственномъ строѣ Японіи.

Е. Спальвинъ. Грамматика японскаго языка.

Е. Спальвинъ. Русскій переводъ и примѣчанія къ „Практическимъ Японскимъ Разговорамъ".

Е. Спальвинъ. „Токухонъ (Часть первая. Книги I—IV) Димитрія Позднѣева". *(Отзывъ).*

Е. Спальвинъ. „Японія. Географически-статистическій очеркъ Димитрія Позднѣева". *(Отзывъ).*

Е. Спальвинъ. „Японо-Русскій іероглифическій словарь Димитрія Позднѣева". *(Отзывъ).*

П. Третьякъ. Императорская желѣзная дорога Пекинъ-Калганъ.

П. Шмидтъ. Учебникъ манджурскаго языка въ трехъ частяхъ. Часть III-я. *(Составитъ 3-й выпускъ XVIII-го тома).*

П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. Изданіе 2-е, переработанное.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

издаются въ количествѣ 5 томовъ въ теченіе академическаго года, выпускаемыхъ въ свѣтъ по мѣрѣ напечатанія матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА

„ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА“

съ доставкой во Владивостокѣ *6 рублей*, съ пересылкой въ другіе города—*8 рублей*.

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовитцъ въ Лейпцигѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 10-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ИЗВѢСТІЙ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА“

1908—1909 академическій годъ, т. т. XXVI—XXX, съ оффиціальными приложеніями.

Цѣна съ доставкой во Владивостокѣ *6 рублей*, съ пересылкой въ другіе города—*8 рублей*.

ВНОВЬ ВЫПУЩЕНЫ:

ТОМЪ XXVI, ВЫП. 1-Й. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть вторая, этнографическая. Выпускъ 1-й. *Составъ и бытъ населенія.*—Владивостокъ. 1908.—XXVIII+117+111 стр.—*Цѣна 1 руб. 50 коп.*

ТОМЪ XXVII. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть вторая, этнографическая. Выпускъ 2-й. *Экономическій очеркъ Тибета.*—Владивостокъ. 1908.—XII+183+96 стр. *Цѣна 2 рубля.*

ПРОДОЛЖЕНІЕ СМ. НА ВНУТРЕННИХЪ СТРАНИЦАХЪ ОБЛОЖКИ.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXIII, ВЫП. 2-Й.

Н. И. КОХАНОВСКІЙ.
Преподаватель юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ.

RECEIVED
SEP 26 1911
LIBRARY OF THE
PEABODY MUSEUM

Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія Восточнаго Института.
1909.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

издаются въ количествѣ 5 томовъ въ теченіе академическаго года, выпускаемыхъ въ свѣтъ по мѣрѣ напечатанія матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА

„ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА"

съ доставкой во Владивостокѣ *6 рублей*, съ пересылкой въ другіе города—*8 рублей.*

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гарраcсовицъ въ Лейпцигѣ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 10-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ИЗВѢСТІЙ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА"

1908—1909 академическій годъ, т. т. XXVI—XXX, съ оффиціальными приложеніями.

ВНОВЬ ВЫПУЩЕНЫ:

ТОМЪ XXVI, ВЫП. 1-Й. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть вторая, этнографическая. Выпускъ 1-й. *Составъ и бытъ населенія.*—Владивостокъ. 1908. XXVIII + 117 + 111 стр.—*Цѣна 1 руб. 50 коп.*

ТОМЪ XXVII. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть вторая, этнографическая. Выпускъ 2-й. *Экономическій очеркъ Тибета.*—Владивостокъ. 1908. XII + 183 + 96 стр. *Цѣна 2 рубля.*

ТОМЪ XXVIII, ВЫП. 1-Й. *Е. Спальвинъ.* **日本陸軍.** *Японская Армія.* Пособіе для изученія важнѣйшихъ японскихъ военныхъ терминовъ. Особое приложеніе къ „Практическимъ японскимъ разговорамъ." *Часть 1-я. Японскій текстъ.* (На четныхъ страницахъ въ формѣ китайско-японскаго смѣшаннаго письма—*кана-мадзири*-бунъ, на нечетныхъ же въ формѣ чисто-японскаго письма—*кана*-бунъ).—Владивостокъ. 1909. XII + 96 + IV стр. *Цѣна 75 коп.*

ТОМЪ XXIX, ВЫП. 1-Й. *Г. Ц. Цыбиковъ. Отзывъ о книгѣ:* И. А. Подгорбунскій. Русско-монголо-бурятскій словарь. Иркутскъ. 1909. Стр. VI, 340. Цѣна 2 руб.—Владивостокъ. 1909. 10 стр. *Цѣна 25 коп.*

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXIII, ВЫП. 2-Й.

Н. И. КОХАНОВСКІЙ.
Преподаватель юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія Восточнаго Института.
1909.

Печатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

Mitteilungen des Orientalischen Instituts.
9. Jahrgang. Band XXIII, Heft 2.

N. I. KOHANOVSKI.
Dozent der Nationalökonomie und des Civil- und Handelsrechts
am Orientalischen Institut in Wladiwostock.

GRUNDBESITZ UND LANDWIRTSCHAFT IN CHINA.

WLADIWOSTOCK.
Selbstverlag und Druck des Orientalischen Instituts.
1909.

Gedruckt auf Verfügung der Konferenz des Orientalischen Instituts.

Оглавленіе.

ОТЪ АВТОРА.

При выполненіи настоящей работы автору оказали любезное содѣйствіе библіографическими указаніями, а равно и иными указаніями и прочтеніемъ нѣкоторыхъ частей работы въ корректурныхъ оттискахъ въ особенности и. д. профессора исторіи и географіи странъ Д. Востока Н. В. Кюнеръ, а также профессора А. В. Рудаковъ и П. П. Шмидтъ и и. д. профессора Е. Г. Спальвинъ, за что авторъ приноситъ вышеназваннымъ профессорамъ свою искреннюю признательность.

Самый трудъ уже во время печатанія значительно возросъ благодаря привлеченію дальнѣйшей литературы. Вслѣдствіе этого настоящее изданіе было задержано выходомъ, и нѣкоторыя части изложенія оказались помѣщенными не въ самомъ текстѣ, а въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ нему.

Апрѣль 1909 г.

Н. К.

Замѣченныя погрѣшности.

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 5, прим. 3-е.	Н. с.	*Географическое обозрѣніе Китайской имперіи*. Спб. 1888.
„ 7, строка 12 снизу.	1/17	1/18
„ 8, „ 4 „	*описанія*	*обозрѣнія*
„ 15, примѣч. 2-е.	Ibid.	*Захаровъ*, н. с.
„ 24, строка 21 сверху.	XX столѣтіи	концѣ XIX столѣт.
„ 32, „ 17 снизу.	Печжилій-	Бэй-чжили'
„ 32, „ 6 „	простирается	прослѣженъ
„ 34, „ 14 „	маллюсковъ	моллюсковъ
„ 45, „ 7 „	вокругъ	окружающія съ суши
„ 46, „ 3 сверху	*ву гу*	*у гу*
„ 46, „ 3 снизу	pet. I	I
„ 48, примѣч. 3-е	№ 349	V. XXV, № 349.
„ 51, строка 15 снизу	нихъ	иныхъ
„ 55, примѣч. 3-е.	Ibidem	*Kennelly*, l. c.
„ 57, строка 4 сверху	castania	castanea
„ 79, „ 16 „	25 р. 60 к.	100 рублей
„ 79, „ 7 снизу	1)	2)
„ 79, „ 2 „	1)	2)
„ 94, „ 9 сверху	Пейчжилійской	Бэй-чжили'ской
„ 94, „ 11 снизу	antichr se	antichrèse
„ 99 „ 14 „	*Г аньчжоу*	*Ганьчжоу*
„ 105, „ 15 сверху	противоложной	противоположной
„ 112, „ 4 „	*Для*	Для
„ 127, „ 13 снизу	*описаніе*	*обозрѣніе*
„ 129, „ 8 сверху	*англ.*	англ. кв. футъ.
„ 131, „ 12 „	*Шихо*	*Шихо* (?)
Приложеніе I стр. II, строка 6 снизу	пыль	высѣвки.

Предварительныя замѣчанія.

Изслѣдованія *О. Франке* и *П. Хоан*'а [1]) относятся исключительно къ праву землевладѣнія. Знакомство съ этими изслѣдованіями вызвало у меня потребность болѣе широкой всесторонней освѣдомленности по вопросамъ землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ, результатомъ чего и былъ этотъ очеркъ.

Вопросъ объ экономическомъ положеніи землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ не имѣетъ обширной литературы [2]). Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ, хотя и нѣсколько устарѣлымъ уже, представляется сводное изданіе, помѣщенное въ *Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. XXIII, 1888. Здѣсь помѣщены докладъ *G. Jamieson*'а на тему: *Tenure of Land in China and the Condition of the Rural Population* (pag. 60—79) и, представленные въ отвѣтъ на циркулярный запросъ Китайскаго отдѣла Британскаго Азіатскаго Общества, очерки состоянія и условій землевладѣнія и земледѣлія въ различныхъ

---

1) Первое изъ нихъ недавно издано Восточнымъ Институтомъ въ разрѣшенномъ авторомъ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: *„Земельныя правоотношенія въ Китаѣ“*. Второе (*P. Hoang, Notions techniques sur la propriete en Chine avec un choix d'actes et de documents officiels. Chang-Hai.*), послужило источникомъ для примѣчаній и дополненій къ указанному русскому изданію труда *О. Франке*.

2) Перечень литературы по землевладѣнію въ Китаѣ (по 1903 г.) содержится въ *Bibliotheca sinica. Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs a l'Empire Chinois, par Henry Cordier. V. I. Fasc. 1. Paris, 1904.*

частяхъ Китая (всего 14 сообщеній, pp. 79—118), затѣмъ извлеченія въ переводѣ изъ перваго изданія (1882 г.) изслѣдованія *П. Хоан'а*, перепечатка, съ нѣкоторыми сокращеніями, цитируемыхъ у *О. Франке* статей изъ журнала: „*Cycle*" и пренія по поводу вышеуказаннаго доклада *G. Jamieson'а*. Изъ этихъ матеріаловъ особый интересъ представляютъ широко использованные ниже очерки землевладѣнія и земледѣлія въ различныхъ частяхъ Китая. Авторы этихъ очерковъ, въ связи съ самымъ своимъ призваніемъ къ дѣятельности среди китайцевъ и частью на пользу ихъ обладавшіе знаніемъ мѣстныхъ условій и имѣвшіе возможность провѣрить и пополнить свои свѣдѣнія непосредственнымъ обращеніемъ къ освѣдомленнымъ и заслуживающимъ довѣрія лицамъ на мѣстѣ или же подготовить отвѣтъ на поставленные вопросы предварительнымъ изученіемъ мѣстныхъ условій, дали отсутствовавшія до этого достовѣрныя и конкретныя свѣдѣнія, относящіяся вообще къ апрѣлю—декабрю 1888 года. Происходившее въ послѣдовавшій затѣмъ двадцатилѣтній періодъ времени экономическое развитіе Китая, какъ и въ частности—міровое обезцѣненіе серебра, всего менѣе затронули ту отрасль народнаго хозяйства, которая здѣсь имѣется въ виду. Эти очерки, объединенные программою анкеты, въ общей сложности характеризуютъ важнѣйшую отрасль народнаго хозяйства обширной и многолюднѣйшей страны, культура и экономика которой сложились въ ихъ основахъ внѣ широкаго міроваго общенія. Нѣкоторыя общія данныя, самостоятельно полученныя, сообщаетъ д-ръ *Форке* въ цитируемомъ у *О. Франке* изслѣдованіи о китайскихъ финансахъ. По исторіи китайскаго землевладѣнія въ русской литературѣ существуетъ цѣнный трудъ русскаго оріенталиста *И. Захарова*, основанный на китайскихъ источникахъ. Цѣнныя, хотя и отрывочныя свѣдѣнія относительно растеній, воздѣлываемыхъ или свободно растущихъ въ Китаѣ, содержатся въ *Botanicon Sinicum, by E. Bretschneider*. Цѣнною, по освѣдомленности автора, представляется небольшая статья: *La propriete en Chine, par Eugene Simon*, относящаяся къ началу 80-хъ годовъ годовъ истекшаго вѣка. Интересную, но не свободную отъ недостатковъ общую характеристику и оцѣнку системы землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ сообщаетъ трудъ *E. et O. Reclus: L'Empire du Milieu, le climat, le sol, les races, la richesse de la Chine*. Изъ англійской литературы содержитъ важныя свѣдѣнія часто цитируемое сочиненіе: *Middle Kingdom, by Wells Williams*, а въ русской

литературѣ эта сторона народнаго быта Китая освѣщается въ сочиненіи *И. Коростовца*: *Китайцы и ихъ цивилизація.*

Не обладая непосредственнымъ знакомствомъ съ Китаемъ, я принужденъ основываться въ нижеслѣдующемъ на тѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ.

Площадь воздѣлываемыхъ земель.

При слабомъ развитіи въ Китаѣ другихъ отраслей промышленности, земледѣліе представляетъ основу народнаго хозяйства и обезпечиваетъ существованіе значительнаго большинства китайскаго населенія, общая численность котораго для собственнаго Китая опредѣляется отъ 320 до 410 милліоновъ[1]).

Dr. Forke[2]) опредѣляетъ общую площадь обрабатываемой въ 18 провинціяхъ собственнаго Китая земли къ концу 19 вѣка около 7 милліоновъ *цинъ*, при чемъ принимаетъ *цинъ* равнымъ 6.31 гектара. Общая площадь культивируемыхъ земель, такимъ образомъ, составляетъ около 44 милліоновъ гектаровъ, или 40.6 милл. десятинъ. Эта площадь представляетъ лишь небольшую часть всей территоріи собственнаго Китая, всего 15,6 % отъ общей поверхности его, противъ 17 1/2 % обрабатываемой площади земель въ собственной Японіи[3]). Земледѣльческое населеніе собственнаго Китая должно считать болѣе 200 милліоновъ душъ. Стало быть, въ среднемъ одна десятина воздѣлываемой земли въ собственномъ Китаѣ обезпечиваетъ существованіе свыше пяти человѣкъ, т. е. средней семьи. Конечно, лишь благопріятныя климатическія условія, плодородность почвы, трудолюбіе и воздержность населенія, вмѣстѣ съ ограниченностью задачъ и расходовъ государства, позволяютъ столь многочисленному населенію существовать чрезъ при-

---

1) 319 милл. по *O. Huebner's „Geographisch-statistische Tabellen"* (Ausgabe 1907), 410 милл.—по *L. Richard's Comprehensive Geography of the Chinese Empire, transl., revis. and enlarged by M. Kennelly*. Shanghai. 1908. Преобладающее въ литературѣ мнѣніе принимаетъ большую изъ этихъ величинъ въ соотвѣтствіи съ китайской оффиціальной статистикой (перепись 1902 года).

2) *Das Chinesische Finanz—und Steuerwesen*. Mitteilungen des Seminars fuer orientalische Sprachen zu Berlin. Ostasiatische Studien. Jahrg. III, IV, V. 1900—1902.

3) *Н. Кохановскій. Очеркъ экономическаго положенія Японіи*. Владивостокъ. 1903. стр. 3.

ложеніе своихъ трудовыхъ силъ къ ограниченной площади воздѣлываемыхъ земель. Мало того, вторая половина 19 вѣка отмѣчена важнымъ фактомъ нѣкотораго сокращенія земледѣльческой площади въ Китаѣ. По оффиціальному исчисленію, относящемуся къ 1874 году, она опредѣлялась въ 7.386 тыс. *цинъ*; предъ 1874 годомъ она исчислялась даже въ 8.150 тыс. *цинъ*, въ 1753 г.—въ 7.056 тыс. *цинъ* [1]). Сокращеніе площади обработки къ 1874 г. было слѣдствіемъ тайпинскаго возстанія и мусульманскихъ мятежныхъ движеній, отразившихся также на численности населенія. Къ бѣдствіямъ, время отъ времени поражающимъ обширные районы и вызывающимъ сокращеніе численности населенія и земледѣльческой площади, принадлежатъ также неурожаи, обусловливаемые засухами или наводненіями [2]). *З. Матусовскій* [3]) констатируетъ уменьшеніе населенія внутренняго Китая въ періодъ 1842 по 1882 г. слишкомъ на 31 милліонъ и объясняетъ его народными бѣдствіями и междоусобными войнами, указывая на тайпинское возстаніе, мусульманскія возстанія въ провинціи Юньнань и въ провинціяхъ *Шэнси* и *Ганьсу* и на страшный голодъ въ сѣв. Китаѣ въ 1876—78 г.г. Тайпинское возстаніе продолжалось съ 1850 по 1864 г. и привело къ разоренію 13 богатѣйшихъ провинцій. Мусульманское возстаніе въ пров. *Юньнань* происходило почти въ то же время и закончилось обратнымъ занятіемъ провинціи китайскимъ правительствомъ въ 1872 г. Дунганскій, или мусульманскій мятежъ возникъ въ 1862 г. въ провин-

1) *Forke.* Ibidem. Jahrgang III, S. 176 ff.

2) Къ приводимымъ имъ даннымъ *д-ръ Форке* дѣлаетъ слѣдующія поясненія: „Поземельный налогъ въ *тэляхъ* показываетъ въ 1874 году значительное сокращеніе противъ прежняго времени. Это могло быть слѣдствіемъ тайпинскаго мятежа и различныхъ мусульманскихъ возстаній, вслѣдствіе чего обширныя пространства обратились въ пустыни и хорошая почва ухудшилась" (Ibid., S. 180). „Еще значительнѣе, нежели сокращеніе поземельнаго налога въ серебрѣ, было паденіе налога, взимаемаго хлѣбами... Весьма вѣроятно, что и поземельный налогъ въ хлѣбахъ испыталъ то же пониженіе, что и налогъ въ серебрѣ, такъ какъ оба они обусловлены однимъ и тѣмъ же факторомъ—большей или меньшей производительностью" (S. 181). О вліяніи неурожаевъ на сокращеніе обработки земли см. *Journal of the China Branch etc.* Vol. XXIII p. 91 и сочиненіе *А. Позднѣева* „*Монголія и Монголы. Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 г.г.*" Спб. 1898. Т. II гл. II.

3) Н. с., стр. 12—13.

ціяхъ *Шэньси* и *Ганьсу* и, быстро охвативъ весь западный Китай, продолжался почти 15 лѣтъ, причемъ погибла большая часть жителей этого края. Наконецъ, страшный голодъ и громадная смертность имѣли мѣсто въ 1876—78 г.г. въ Сѣв. Китаѣ, въ пров. *Шаньси*[1]), *Шэньси*, *Чжили* и *Хэнань*. Происходившее и послѣ 1874 года общее пониженіе поступленій въ центральное казначейство отъ поземельнаго налога, какъ денежныхъ, такъ и натурою, указываетъ на вѣроятное пониженіе земледѣльческой производительности Китая и въ послѣдующее время. Общая сумма окладовъ поземельнаго налога, по оффиціальнымъ даннымъ[2]), составляла для 18 провинцій собственнаго Китая въ 1753 г. 29.573 тысячи *тэлей*, въ 1812 г.—31.397 т. *т.*, въ 1820 г.—29.341 т. *т.* и въ 1874 г. 25.648 т. *т.* Въ послѣдующее время по семи провинціямъ (*Чжили, Хэнань, Фуцзянь, Чжэцзянь, Хубэй, Гуандунъ* и *Гуйчжоу*) сумма налоговыхъ окладовъ понизилась съ 11 до 9 милл. *тэлей*[3]). Дѣйствительныя же поступленія значительно отставали и отъ этихъ пониженныхъ окладовъ. Сокращеніе натуральныхъ поступленій поземельнаго налога было еще значительнѣе. Между тѣмъ какъ въ 1753 г. оклады натурою составляли для собственнаго Китая 8.330 т. *никулей*[4]), въ 1874 г. для 16

1) Интересныя свѣдѣнія объ одномъ изъ частыхъ неурожаевъ въ провинціи *Шаньси*, сопровождавшемся голодомъ и обезлюденіемъ вслѣдствіе выселенія и вымиранія, сообщаетъ, по личнымъ наблюденіямъ, *А. М. Позднѣевъ* въ своемъ трудѣ: *Монголія и Монголы.* Т. II, стр. 21 и гл. II passim.

2) Въ качествѣ источниковъ для полученія цифровыхъ данныхъ д-ръ *Форке* пользуется слѣдующими оффиціальными сводными изданіями: *Да цинъ хуй-дянь, Да цинъ хуй-дянь ши-ли, ху-бу-цзэ-ли, Да цинъ цзинь шэнь.* Статистическія данныя послѣдняго изданія *Форке* относитъ къ 1820 году. Для времени послѣ 1874 г. онъ ссылается на *Пекинскую газету.*

3) Заимствованная отъ вѣсовой серебряная денежная единица или, правильнѣе, обширная группа таковыхъ единицъ, различной величины и достоинства металла. Цѣнность *тэля* измѣнялась во времени въ зависимости также отъ расцѣнки серебра. Въ настоящее время курсовая стоимость *казеннаго тэля* около 1 р. 25 к. (см. мое примѣчаніе на стр. 42—45 сочиненія *Франке* „*Земельныя правоотношенія въ Китаѣ*“.

4) *Форке* приравниваетъ *1 никуль* (=100 *цинь*) 60,4 килограмма,— примѣнительно къ внѣшнимъ трактатамъ. Вообще въ Китаѣ величина этой мѣры, какъ и мѣръ вообще, весьма колеблется по отдѣльнымъ мѣстностямъ и отраслямъ примѣненія мѣръ. (См. *Journal of the China Branch etc.* V. XXIV P. 82—84).

провинцій (кромѣ пров. *Шаньдунъ* и *Хэнань*) они понизились до 4.305 тысячъ *пикулей* (противъ 7.573 т. *п.* въ 1753 г.). Къ концу 19 вѣка, по мнѣнію *Форке*, общая сумма окладовъ въ натурѣ едва ли превышала 4 милліона *пикулей*, дѣйствительныя же поступленія составляли около 3 1/2 милл., средней стоимостью по 2 *тэля* за *пикулъ*. Не только бѣдствія, но и возникновеніе новыхъ отраслей промышленности и значительнаго внутренняго и внѣшняго переселенческаго движенія, а равно отхожихъ заработковъ за-границу, въ послѣднюю эпоху поглотило нѣкоторую часть населенія и, по всей вѣроятности, ослабило потребность въ увеличеніи, мѣстами же и въ возстановленіи по разнымъ причинамъ сократившейся, земледѣльческой площади въ собственномъ Китаѣ.

Данныя касательно площади обработки въ 18 провинціяхъ собственнаго Китая показываетъ нижеслѣдующая таблица [1]):

1) Данныя о площади обработки въ 18 провинціяхъ въ отдѣльности и вмѣстѣ заимствованы изъ упомянутыхъ трудовъ д-ра *Форке* и *И. Захарова*. Въ виду того, что и численность населенія и площадь обработки въ собственномъ Китаѣ отличались, по всей вѣроятности, въ новѣйшую эпоху малой подвижностью, а равно въ виду того, что указываемая *З. Матусовскимъ* общая численность населенія Китая заключается между крайними величинами, которыя принимаются европейскими статистиками, данныя этой таблицы характеризуютъ болѣе или менѣе правильно и современное положеніе въ названныхъ провинціяхъ. Данныя о площади обработки у *Захарова* приведены за 1661, 1685, 1724, 1753, 1766, 1812 и 1831 г.г., у *Форке*—за 1753, ранѣе (vor) 1874 и 1871. Совпаденіе данныхъ 1753 г. въ обоихъ сочиненіяхъ указываетъ на вѣроятную однородность тѣхъ же данныхъ за все время, несмотря на то, что *И. Захаровъ* принимаетъ нѣсколько меньшую величину *му* (133 с. 35 ф. 12 д. или около 1/17 десятины). Какъ указываетъ *И. Захаровъ*, приводимыя имъ данныя, за исключеніемъ, кажется, 1812 г. (въ оригиналѣ 1818 г.) относятся къ частнымъ пахотнымъ землямъ. Площадь казенныхъ земель всякаго рода показана имъ для 1831 г. въ 571,7 тыс. *цинъ*, каковое количество въ послѣдующее время могло лишь сократиться. Что касается вопроса о степени точности означенныхъ данныхъ, то *И. Захаровъ* допускаетъ возможность сомнѣнія въ вѣрности итоговъ пахотныхъ земель въ виду произвольности измѣренія земель. Но конечно, было бы одинаково неправильно какъ игнорировать вѣроятную неточность данныхъ о населенности и земледѣльческой площади Китая и его отдѣльныхъ частей, такъ и отрицать всякое значеніе за этими данными.

ПРОВИНЦІИ:	Поверхность (кв. мили).	Населеніе (тысячи душъ).	Обрабатываемая (1 цинъ=			
			1661 г.	1685 г.	1724 г.	1753 г.
Чжили . .	5.438	17.937	459.8	543.4	625.9	657.2
Цзянсу . .	1.797	20.905	953.4	675.2	681.3	689.9
Аньхой . .	2.579	20.597		354.3	330.0	338.1
Шаньдунъ .	2.619	36.248	741.3	925.3	967.7	971.1
Шаньси . .	3.846	12.212	407.9	445.2	427.4	329.6
Хэнань . .	3.206	22.116	483.4	572.1	658.9	722.8
Шэньси . .	3.540	8.432	373.3	291.1	258.4	252.4
Ганьсу . .	5.910	5.000		103.1	117.7	177.8
Фуцзянь*) .	2.178	22.290	103.5	112.0	305.3	128.3
Чжэцзянъ .	1.764	11.589	452.2	448.6	456.9	459.8
Цзянси . .	3.308	24.534	444.3	451.6	478.6	479.2
Хубэй . .	3.356	33.365	793.4	542.4	535.7	566.9
Хунань . .	3.917	21.003		138.9	305.3	312.3
Сычуань. .	10.278	67.713	11.9	17.3	214.5	459.1
Гуандунъ .	4.153	29.706	250.8	302.4	312.5	328.8
Гуанси . .	3.820	5.151	53.9	78.0	79.5	87.4
Юньнань .	6.907	11.722	52.1	64.8	64.1	69.5
Гуйчжоу .	3.158	7.669	10.7	9.6	12.3	25.7
Собств. Китай	71.774	378.189	5.493.0	6.075.3	6.832.1	7.055.9

*) Данныя касательно общей поверхности и населенія отдѣльныхъ провинцій Китая заимствованы изъ „*Географ. описанія Китайской Имперіи*“ *З. Матусовскаго*. Данныя о населеніи относятся къ 1879 и 1882 г.г., кромѣ пров. *Фуцзянь*, для которой въ этомъ сочиненіи показано населеніе 1824 г. Для этой провинціи по-

площадь; тысячи *цинъ*. 6.31 гектаровъ).					На 1 кв. милю поверхности населенія.	Отношеніе обрабатываемой земли въ 1874 г.	
1766 г.	1812 г.	1831 г.	Ранѣе 1874 г.	1874 г.		къ поверхности провинціи.	ко всей площади обработки.
						%	%
682.3	741.4	730.0	687.1	688.4	3.298	20.9	9.3
659.8	720.9	647.5	671.4	647.5	11.645	59.5	8.8
364.7	414.4	340.8	382.7	340.8	7.986	21.8	4.6
967.1	986.3	984.7	964.1	984.7	13.840	62.0	13.3
535.5	552.7	532.9	498.4	532.9	3.175	22.9	7.2
731.7	721.1	718.2	1.067.1	718.2	6.898	37.0	9.7
259.6	306.8	258.4	479.5	258.4	2.382	12.0	3.5
236.3	248.0	235.4	235.7	235.4	846	6.6	3 2
138.0	138.6	130.7	128.6	125.0	10.234	9.5	1.7
462.4	465.1	464.1	464.1	463.9	6.577	43.7	6.3
416.0	472,7	462.2	469.0	462.2	7.416	23.0	6.3
568.4	605.2	594.4	569.1	594.4	9.942	29.2	8.0
313.1	315.8	313.0	313.0	313.4	7.880	13.2	4.2
460.1	465.5	463.8	660.3	463.8	6.588	7.4	6.3
337.0	320.3	343.9	340.2	343.9	7.153	13.7	4.7
99.8	89.8	89.6	99.9	89.6	1.349	3.1	1.1
83.4	93.2	94.0	93.1	93.2	1.697	2.2	1.3
26.7	27.7	26.9	26.8	26.9	2.428	1.4	0.4
7.387.0	7.685.4	7.437.7	8.150.2	7.386.1	5.269 (94.6 на 1 килом.	15.6%	100%

верхность и населеніе цитированы здѣсь за вычетомъ отошедшей къ Японіи области *Тайвань* (*Формоза*), причемъ и площадь обработки въ этой провинціи за 1874 г. понижена (предположительно) на 3,5 тыс. *цинъ*, безъ сокращенія однако общихъ итоговъ обрабатываемой площади. Въ вышеупомянутомъ трудѣ *Richard-Kenelly*

Содержащіяся въ таблицѣ данныя о движеніи земледѣльческой площади въ отдѣльныхъ провинціяхъ показываютъ какъ происходившее въ свое время развитіе земледѣлія въ частности въ пров. *Чжили*, *Хэнань*, *Ганьсу*, *Сычуань*, такъ и рѣзкое сокращеніе той же величины къ 1874 г. въ провинціяхъ *Цзянсу*, *Аньхуй*, *Хэнань*, *Шэньси*, *Сычуань*, а нѣсколько раньше и въ пров. *Чжили*. Изъ нихъ *Цзянсу*, *Аньхуй* и *Хэнань* принадлежатъ къ наиболѣе пострадавшимъ отъ тайпинскаго юзстанія. Что касается измѣненія данныхъ для провинцій *Шэньси* и *Сычуань*, то приходится допустить вѣроятность неточности въ данныхъ предпослѣдней даты, такъ какъ данныя 1874 г. гармонируютъ съ данными 1831 года и предшествующихъ.

Далѣе, эта таблица указываетъ на неравномѣрность въ распредѣленіи земледѣльческой площади между отдѣльными частями собственнаго Китая, а также и на общую ограниченность ея. Для иллюстраціи послѣдняго изъ этихъ положеній могутъ служить европейскія условія. Въ то время какъ плотность населенія въ собственномъ Китаѣ выше, чѣмъ во Франціи (94,6 на 1 кв. килом. противъ 73,8 во Франціи), отношеніе обрабатываемой площади во Франціи гораздо значительнѣе, составляя 53,3 % подъ пашнями и садами, 11,1% подъ лугами и пастбищами и 17,8 % подъ лѣсами. Въ Австріи (безъ Венгріи), при плотности населенія 91 человѣкъ на 1 кв. килом., пашнями и садами занято 37,6 % земельной поверхности, пастбищами и лугами—19,2 % и лѣсами—32,6 % [1]). Продуктивность земледѣлія въ Китаѣ, разумѣется, значительно выше, но часть земель занята культурами, продукты которыхъ экспортируются либо имѣютъ техническое примѣненіе. Съ другой стороны, ограниченность животноводства

населеніе провинція *Фуцзянь* показано въ 22.870 тысячъ, провинціи *Ганьсу*—въ 10.386 тыс., населеніе провинцій *Чжили*, *Цзянсу*, *Аньхой*, *Хэнань*,—приблизительно на три милліона выше данныхъ таблицы, провинцій *Шаньдунъ*, *Цзянси*, *Хубэй*, *Гуандунъ*—на два милліона выше, провинцій *Хунань*, *Сычуань*, *Юньнань*—на 1 милліонъ выше и по прочимъ пяти провинціямъ данныя обоихъ изданій почти совпадаютъ. Общая поверхность территоріи собственнаго Китая въ томъ же изданіи показана въ 1.532.800 (англ.) кв. миль=71.193 кв. геогр мили. Такимъ образомъ, средняя плотность населенія по *Richard-Kennelly* составитъ 5.759 душъ на 1 кв геогр. милю поверхности.

1) *Jahrbuecher fuer Nationaloekonomie und Statistik*, III F., B. 22, H. 6, S. 454.

въ Китаѣ даетъ возможность утилизировать почти всю пахотную площадь для потребностей населенія непосредственно. Но этимъ же повышается необходимое количество растительной пищи, почти не пополняемое извнѣ, въ то время какъ З. Европа пользуется значительнымъ внѣшнимъ импортомъ различныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, какъ для всего Китая, такъ и для большей части собственнаго Китая $^0/_0$ обрабатываемыхъ земель можно признать низкимъ, въ нѣкоторыхъ же провинціяхъ—хотя обсолютно высокимъ, но при чрезвычайной скученности населенія здѣсь—не обезпечивающимъ болѣе или менѣе значительнаго избытка продовольствія. Фактъ недостаточной обезпеченности китайскихъ земледѣльцевъ землею въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая, безъ сомнѣнія, имѣетъ мѣсто, несмотря на то, что государство облегчаетъ заимку неиспользуемыхъ земель подъ обработку. Отсюда легко можно вывести два заключенія, изъ которыхъ каждое въ извѣстной мѣрѣ справедливо: отсутствіе прогрессивнаго развитія и однообразіе земледѣльческихъ культуръ задерживаютъ на одномъ уровнѣ размѣры землепользованія; внутреннія переселенія земледѣльцевъ не получили надлежащаго развитія.

Къ исторіи землевладѣнія.

Землевладѣніе[1]) и земледѣліе въ Китаѣ имѣютъ свою обширнѣйшую исторію, простирающуюся на свыше 4 1|2 тысячъ лѣтъ и по своей самобытной своеобразности не укладывающуюся въ рамки аграрныхъ системъ европейскихъ народовъ. Съ самаго начала отдаленнѣйшихъ временъ, о коихъ сохранились свѣдѣнія, китайцы были уже знакомы съ земледѣліемъ. Земля представлялась имъ въ тѣ времена не только источникомъ существованія народа, но и средствомъ удержать бродяжничающую часть населенія на постоянномъ мѣстѣ. Замѣчательно также, что даже въ эти отдаленнѣйшія времена земля не представляла собою свободное благо, и распредѣленіе земель контролировалось высшими представителями государственной власти, организація которой при системѣ натуральнаго хозяйства имѣла удѣльно-феодальный характеръ[2]).

---

1) Историческій очеркъ землевладѣнія основанъ на данныхъ, сообщаемыхъ на основаніи сочиненій китайскихъ писателей нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ *И. Захаровымъ* въ статьѣ: „*Поземельная собственность въ Китаѣ*". Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Т. II. Стр. 1—96. Спб. 1853. Вѣроятно, слѣдуя консерватизму китайскихъ ученыхъ, *И. Захаровъ* какъ бы оказываетъ предпочтеніе древнему строю землевладѣнія въ Китаѣ, съ чѣмъ, разумѣется, трудно согласиться. Эта точка зрѣнія не отразилась однако на общемъ достоинствѣ указаннаго сочиненія.

2) *E. Simon*, однако, характеризуетъ—вѣроятно, гипотетически—первобытныя времена Китая слѣдующимъ образомъ: „Такъ, первоначально, шесть или семь, а, можетъ быть, десять тысячъ лѣтъ тому назадъ, сотня родовъ, вмѣстѣ съ ихъ табунами, прибыли вглубь Азіи, въ области, являющіяся въ настоящее время западными провинціями обширной системы, извѣстной подъ именемъ Китайской имперіи, причемъ занятая ими территорія остается коллективной собственностью этихъ родовъ подъ управленіемъ старѣйшаго.

„Съ точки зрѣнія земледѣльческой это былъ пастушескій бытъ; съ экономической точки зрѣнія—коллективистскій, съ политической—патріархальный... Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ численности и

Установленіе частной собственности на землю было результатомъ продолжительнаго развитія, обусловливавшагося борьбою различныхъ стремленій и интересовъ. Предшествовавшія этому времена характеризуются крайнимъ развитіемъ верховной собственности государства. Общинное землевладѣніе, которое, уже въ силу относительнаго совершенства своей юридической конструкціи и лежащихъ въ основѣ его институтовъ частной собственности на землю и юридическаго лица, не можетъ представлять собою первобытный порядокъ, въ нашемъ современномъ значеніи этого термина не имѣло вообще мѣста въ китайской исторіи 1).

Около двадцати пяти вѣковъ до Р. Хр. тогдашняя территорія Китая находилась подъ высшимъ управленіемъ избираемаго правительственными лицами монарха и раздѣлялась на удѣлы. Князья, управлявшіе удѣлами, и должностныя лица пользовались оброчными доходами съ земель. Изъ остальнаго населенія право на полученіе земли въ непосредственное пользованіе принадлежало лишь лицамъ мужскаго пола отъ 20 до 60 лѣтъ. Утвержденіе въ Китаѣ наслѣдственной династіи *Ся* (въ 2205 г. до Р. Хр. избранъ былъ на престолъ Великій *Юй*, которому наслѣдовалъ его сынъ) по существу не измѣнило земельнаго порядка, попрежнему представлявшаго проведеніе удѣльной системы вплоть до надѣленія землею отдѣльныхъ семей. Болѣе детальную разработку получила эта система при *Чжоу*'ской династіи (съ 1122 г. до Р. Хр.). Кругъ владѣтелей удѣловъ и объемъ ихъ правъ были при этомъ точно опредѣлены. Въ зависимости отъ удѣльныхъ владѣтелей стояли обладатели наслѣдственныхъ леновъ и должностныя лица. „Земли эти [должностныхъ лицъ] составляли собственность только въ отношеніи къ должности и не принадлежали лицу, исправляющему должность, такъ что съ смертью его или съ лишеніемъ должности земли переходили къ преемнику его; напротивъ, удѣльныя и ленныя земли составляли вѣчную собственность владѣтеля, наслѣдственную въ

плотности населенія, пастушескій бытъ оказывается недостаточнымъ и постепенно уступаетъ мѣсто земледѣльческому быту". *Eugene Simon. La propriete en Chine.* Annales de l' Extreme Orient. 1881—82, t. IV, p. 259.

1) Напротивъ того, у *Reclus* (*L'Empire du Milieu*) первоначальный аграрный строй Китая признается тождественнымъ со строемъ новой русской земельной общины. Ср. p.p. 499—502.

старшемъ колѣнѣ" [1]. „Каждый въ своемъ удѣлѣ, хотя и малаго размѣра, будучи главою и правителемъ народа, былъ и полнымъ владѣтелемъ земель" [2]. Владѣтели удѣловъ получали доходъ съ своихъ земель въ видѣ натуральныхъ податей, должностныя же лица—въ видѣ оброка съ предоставленныхъ имъ земель. „Что касается до остальнаго простаго народа, то... никто изъ подданныхъ не могъ владѣть землями, но всѣ, даже самые землепашцы, получали отъ своего князя временно опредѣленный участокъ земли.

„Участки эти были одинаковой величины для того, чтобы уравнять каждаго въ средствахъ къ жизни, а равно въ казенныхъ повинностяхъ и налогахъ" [3].

При надѣленіи землею принималось во вниманіе качество земли, при чемъ различались три класса съ подраздѣленіемъ каждаго на три вида. Поэтому многочисленныя семейства съ болѣе значительнымъ числомъ взрослыхъ мужчинъ иногда переводились съ худшей на лучшую землю. Равнымъ образомъ, дѣлалось различеніе по положенію земель: близъ столицы давались меньшіе надѣлы, нежели въ удѣлахъ. „Болѣе означеннаго количества никто не могъ получать, да и то не составляло вѣчной наслѣдственной собственности каждаго семейства; никто не могъ располагать землею по своему произволу: уступать ее другому посредствомъ продажи, заклада и единовременной отдачи другому на посѣвъ" [4]. Нормою надѣла для землепашца отъ 20 до 60 лѣтъ было 100 *му*. По достиженіи предѣльнаго возраста земля отбиралась и отдавалась сыну или родственнику съ обязательствомъ пропитывать старика. Торговцы и ремесленники получали 1|5 надѣла; подросткамъ въ земледѣльческихъ семьяхъ иногда отводилось столько же, если только поблизости была праздная земля. Система землеустройства, однообразная для всей имперіи, основана была на особомъ планѣ размежеванія земель. Одинъ квадратный *ли*, равный 900 *му*, разбивался на 9 квадратовъ по 100 *му*. Каждый изъ 8 наружныхъ крадратовъ отводился въ пользованіе отдѣльной семьи. Кромѣ того, на каждую семью полагалось подъ усадь-

---

1) *И. Захаровъ*, н. с., стр. 8.
2) Ibid., стр. 7.
3) Ibid., стр. 9.
4) Ibid., стр. 11. „Единовременный" здѣсь, очевидно, замѣняетъ собою выраженіе: однократный.

бу и огородъ по 2½ *му* изъ средняго квадрата. Остальные 8 *му* обрабатывались общими силами, при чемъ сборъ съ нихъ поступалъ владѣтельному князю. Прокладка оросительныхъ канавокъ, малыхъ и большихъ каналовъ, ровно какъ и тропинокъ, малыхъ и большихъ дорогъ основаны были равнымъ образомъ на одинаковой схемѣ размѣщенія ихъ между 10, 100, 1.000 и 10.000 такихъ участковъ. Въ какой мѣрѣ строго проводилась на практикѣ вся изложенная схема размежеванія земель, объ этомъ не сохранилось свѣдѣній [1]).

Эта система землеустройства, извѣстная подъ именемъ *цзинъ*, или системы девяти частей, получила также названіе системы общественныхъ (*гунъ-тянь*) или колодезныхъ (*цзинъ-тянь*, по сходству разбивки на девять частей съ письменнымъ обозначеніемъ колодца) полей. „На ней, какъ на фундаментѣ, стояло все зданіе государства" [2]). Описанный земельный строй, очевидно, представлялъ собою результатъ преобладавшей надъ нимъ общей политической организаціи страны.

Изложенная система земельнаго устройства поддерживалась, съ небольшими измѣненіями, весьма продолжительное время—при династіяхъ *Ся*, *Шанъ* и *Чжоу*, господство которыхъ простиралось въ общей сложности отъ 2.205 по 255 г. до Р. Хр. Около ста лѣтъ до паденія *Чжоу*'ской династіи обнаружилась неудовлетворительность этой земельной системы съ фискальной точки зрѣнія. Между тѣмъ какъ финансовыя потребности возрастали, доходность казенныхъ полей понижалась, такъ какъ земледѣльцы, „по развращенію нравовъ", небрежно обрабатывали средніе участки.

Въ 350 году до Р. Хр. въ *Цинъ*'скомъ удѣлѣ сдѣланъ былъ рѣшительный, хотя и не окончательный, шагъ къ признанію права частной собственности на землю. По иниціативѣ министра *Шанъ-ян*'а, *Цинъ*'ское правительство предоставило каждому занимать въ собственность земли по своему усмотрѣнію и въ произвольномъ количествѣ и обводить ихъ межами, а равно переуступать ихѣ продажею и по другимъ сдѣлкамъ; оно постановило: „отмѣнить прежнюю выдачу земель изъ казны и пріемъ ихъ, сопровождавшіяся запутанностями и всякаго рода злоупотребленіями, и чрезъ то избавить себя отъ тягостнаго ихъ разбора, а приняло на себя только покровительство спокойному обладанію каждаго поземельною соб-

1) Ibidem, стр. 12. Ср. *Франке*, н. с., стр. 16 и слѣд.
2) Ibid., стр. 12.

ственностью и защиту отъ несправедливаго посягательства на нее другихъ". Устраненіемъ стараго земельнаго строя имѣлось также въ виду облегчить разработку незанятыхъ земель, привлечь населеніе изъ другихъ частей Китая и допустить болѣе благопріятное для „развитія гражданственности, обогащенія и довольства народнаго" свободное общеніе и размѣщеніе населенія, безъ ограниченія однимъ только околодкомъ восьми семей или только сосѣдними селеніями 1). Съ подчиненіемъ въ 221 г. до Р. Хр. всего Китая власти *Цинъ*'ской династіи новый земельный строй распространенъ былъ на всю территорію страны.

Но пятый полувѣкъ до Р. Хр. (255—202) былъ исполненъ внутреннихъ неурядицъ и междоусобій, разорительныхъ для населенія. При этихъ условіяхъ не упрочившаяся система частной собственности на землю привела къ сосредоточенію земель въ рукахъ немногихъ. Богатые люди владѣли тысячами десятинъ, а „бѣдный", по выраженію современниковъ, не имѣлъ мѣста, гдѣ бы воткнуть шило" 2). Богатые землевладѣльцы брали съ землепашцевъ половину урожая. *Хань*'ское правительство не относилось къ этимъ обстоятельствамъ безучастно, оказывало бѣдствующему населенію всякое содѣйствіе, щедро прощало подати, но положеніе населенія оставалось бѣдственнымъ. Подъ вліяніемъ разстройства народнаго благосостоянія и возникшей неравномѣрности въ распредѣленіи землевладѣнія, возродилось общее сочувствіе къ старому земельному строю. И только невозможность возстановленія послѣдняго при измѣнившихся условіяхъ общаго и земледѣльческаго быта въ Китаѣ воспрепятствовали полному возврату къ старинѣ. Попытка узурпатора императорской власти *Вань-ман*'а къ установленію предѣльной нормы землевладѣнія отдѣльнаго лица въ количествѣ одного *цина* съ отобраніемъ излишка земли въ казну закончилась неудачею (9-12 г.г. по Р. Хр.).

Впослѣдствіи, въ первые годы *Цзинь*'ской династіи (съ 280 по 419 г. по Р. Хр.), опять устанавливаются нормы надѣленія землею землепашцевъ и нормы землевладѣнія для лицъ высшихъ сословій. Эти постановленія не получили впрочемъ сколько-нибудь полнаго осуществленія на дѣлѣ. Болѣе рѣшительныя мѣры къ возстановленію уравнительнаго землепользованія приняты были сѣверной *Вэй*'ской

1) Ibid., стр. 13—15.
2) Ibid., стр. 19.

династіей. Въ 485 году было постановлено: давать въ пользованіе на каждое лицо, въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ, мужского пола—по 40 *му* и женскаго пола—по 20 *му* полевой земли и, кромѣ того, въ окончательную собственность каждому дому—по 20 *му* подъ шелковицу, плодовыя и другія деревья; малолѣтніе, старые и вдовы, если они жили отдѣльнымъ домомъ, имѣли право на половинное количество земли. Надѣленіе землею и возвращеніе въ казну земли (отъ престарѣлыхъ и умершихъ) пріурочивалось къ первому мѣсяцу каждаго года. Чтобы предупредить присвоеніе въ собственность полевой земли, воспрещалось производить посадку на ней деревьевъ. При недостаткѣ земли дозволено было переселяться въ другую мѣстность по своему выбору; если же желающихъ переселиться не было, то земли, предназначенныя подъ деревья, въ случаѣ необходимости можно было обратить въ пахотныя. Князья, принцы и вельможи владѣли опредѣленными участками земли; въ пользу различныхъ чиновъ были выдѣлены и приписаны къ должности должностныя земли. Осуществленіе этихъ мѣръ облегчалось обиліемъ свободной земли на сѣверѣ, а равно и тѣмъ, что каждому было предоставлено право продать излишекъ усадебной земли и покупать ее въ дозволенной мѣрѣ. Совокупность этихъ мѣропріятій привела къ благопріятнымъ результатамъ. Послѣдующія династіи *Сунъ*, *Ци*, *Лянъ*, *Чжоу*, *Чэнь* слѣдовали подобной же политикѣ.

Постановленія *Тан*'ской династіи (619—907 г. по Р. Хр.) также имѣли своей прямой цѣлью поддержаніе уравнительнаго землепользованія чрезъ временное надѣленіе населенія пашнями. Для насажденія шелковицы и другихъ плодовыхъ и простыхъ деревьевъ, земледѣльцамъ отводились не болѣе 20 *му*—по мѣрѣ возможности, купцамъ и ремесленникамъ, при наличіи пустопорожней земли—половинное количество. Князья и другіе наслѣдственные чины получали въ собственность отъ 100 до 5 *цинъ*, военные первыхъ пяти классовъ—отъ 30 *цинъ* до 60 *му*, прочіе военные и всѣ гражданскіе чины получали въ пользованіе отъ 12 *цинъ* до 20 *му* земли, соединенной съ должностью. Сверхъ того, на каждое лицо мужского пола отъ 18 до 60 лѣтняго возраста выдѣлялось въ пользованіе 80 *му*; жившіе отдѣльнымъ домомъ подростки, старики, больные и вдовы получали по 40 *му*, купцы и ремесленники—также только половинный надѣлъ и лишь при наличіи свободныхъ земель. Раздача земель производилась въ десятый мѣсяцъ луннаго года. При этомъ

пользовались преимуществомъ бѣдные предъ богатыми и состоящіе на службѣ предъ неслужащими. Въ видѣ льготы лица, получившія раны или увѣчья на войнѣ, пользовались участками пожизненно, а сынъ или внукъ убитаго на войнѣ получалъ его надѣлъ, хотя бы и не достигъ требуемаго возраста. Оставшіяся въ излишкѣ земли оставались въ казнѣ и по мѣрѣ надобности отрѣзались сосѣднимъ деревнямъ или уѣздамъ. При этой же династіи введена новая поземельная мѣра, дѣйствующая и по сіе время [1]).

Но быть можетъ, подъ давленіемъ необходимости или же уступая очевидной полезности этого, правительство разрѣшило переселеніе изъ малоземельныхъ мѣстъ въ болѣе просторныя, причемъ переселенцамъ предоставлено было право продать не только собственный участокъ, но и временный надѣлъ. Кромѣ того, въ отличіе отъ постановленій *Вэй*'ской династіи, были допущены, при отсутствіи у семьи средствъ на погребеніе умершаго владѣльца, продажа и закладъ земли, выдѣленной въ вѣчную собственность земледѣльцамъ, купцамъ и ремесленникамъ. Покупщиками земли могли быть не получившіе земли купцы, подростки и старики, способные къ труду, и лица высшаго сословія. Продавецъ лишался при этомъ права на другой участокъ изъ казны, а покупщикъ могъ пріобрѣтать землю не свыше установленной нормы. Независимо отъ изложенныхъ постановленій, въ случаяхъ нужды общее запрещеніе сдѣлокъ на землю стало нарушаться; земли закладывались, а потомъ и продавались. Правительство вынуждено было допустить это и стало выдавать купчія крѣпости. Покупщики имѣли, конечно, возможность обойти ограниченіе количества пріобрѣтаемой ими земли. Выдача и возвращеніе земли въ казну еще существовали, но подъ вліяніемъ измѣнившихся общихъ условій потеряли свое прежнее значеніе. Поля, называвшіяся казенными, на дѣлѣ стали частной собственностью владѣльцевъ. Сверхъ того, съ 780 года вводится новая система налоговъ, при чемъ основаніемъ для обложенія послужили всякаго рода имущества, раздѣленныя на девять разрядовъ. Благодаря этому сближенію въ юридической квалификаціи недвижимыхъ

1) 1 *му* представляетъ прямоугольникъ въ 240 *бу* длиной и 1 *бу* шириной, тогда какъ раньше лишь 100 кв. *бу* составляли 1 *му*. *И. Захаровъ* принимаетъ 1 *чи* (1/5 *бу*) равнымъ 12 1/2 дюйма (противъ 0,32 метра=12,6 д. по *Форке*, н. с.). Ibidem, стр. 38, 92, 95. См. *Франке. Земельныя правоотношенія въ Китаѣ*, мое примѣч. къ стр. 41.

и движимыхъ имуществъ, землевладѣльцы получили болѣе широкую возможность пріобрѣтать и отчуждать землю безъ ограниченія какимъ-либо количествомъ ея или мѣстностью. Такимъ образомъ, опять и уже окончательно устанавливается новый порядокъ землевладѣнія, нѣкогда допущенный *Цинь*'ской династіей.

Послѣдствіями этого были усилившіяся неравномѣрность въ распредѣленіи землевладѣнія и бродяжничество. Въ виду этого китайскіе историки замѣчаютъ: „Подлинно, царство *Тан*'ское не имѣло любви и состраданія къ народу, когда предоставило его собственному произволу продавать поземельные участки не только родовые, но и подушные, и переселяться съ мѣста на мѣсто“ 1). Какъ однако указываетъ къ этому *И. Захаровъ* 2), „Всѣ попытки разныхъ династій Китая уравнять поземельную собственность и перевести земли изъ частныхъ рукъ въ казну не увѣнчались вполнѣ желаемымъ успѣхомъ и доказали невозможность когда-нибудь достигнуть сего намѣренія. Продажа, закладъ и сосредоточеніе множества земель въ рукахъ одного владѣльца существовали у нихъ во всѣ времена, не взирая ни на какія строгія запрещенія и наказанія“. Хотя попытки ограничить право земельной собственности имѣли мѣсто и въ послѣдующее время, но онѣ оказывались вовсе безрезультатными. Поэтому государство, отказавшись отъ старой системы, сосредоточиваетъ усилія на поощреніи распашки незанятыхъ земель и обезпеченіи положенія арендаторовъ. Съ этой цѣлью нормировался арендный оброкъ и запрещалось собственнику, при исправномъ платежѣ оброка, безъ законной причины перемѣнять арендатора.

Со временъ *Тан*'ской династіи принципъ частной собственности на землю пользуется въ Китаѣ признаніемъ, независимо отъ отдѣльныхъ случаевъ нарушенія его, преимущественно при государственныхъ переворотахъ. Такъ, и при *Сун*'ской династіи (съ 960 года по 1280 годъ, а въ сѣверномъ Китаѣ — по 1125 г.), заботившейся о развитіи земледѣлія, полагалось отводить на семью 100 *му* (или 150 *му*, 200 *му* земли второго, третьяго класса), но эти надѣлы укрѣплялись за получившими ихъ внесеніемъ въ установленные списки и выдачею оффиціальныхъ документовъ. Кромѣ того, уже въ 990 г. было дозволено желающимъ представлять просьбы о разрѣшеніи на обработку свободныхъ зе-

1) *Захаровъ*, н. с., стр. 42—3.

2) Ibid., стр. 43–4.

мель во всѣхъ округахъ къ сѣверу отъ нижняго и средняго теченія р. *Янцзы* съ тѣмъ, что таковыя земли становились собственностью разработавшихъ и освобождались отъ налога въ теченіи 3 лѣтъ [1]). Въ эпоху тяжелой борьбы съ монголами особыя мѣропріятія *Сун*'ской династіи, направленныя къ увеличенію доходовъ казны отъ землевладѣнія, основаны были на признаніи права частной собственности. Обративъ вниманіе на выгоды, получаемыя частными лицами отъ сдачи земли, *Сун*'ское правительство съ своей стороны, въ видахъ увеличенія доходовъ, стало отдавать въ оброкъ, а не окончательно, земли, принадлежащія казнѣ или отобранныя отъ частныхъ владѣльцевъ по разнымъ основаніямъ. Въ концѣ же правленія династіи, въ 1263 г. было постановлено принудительной покупкой пріобрѣсти въ казну отъ чиновниковъ и простолюдиновъ излишекъ земли свыше 100 *му* на каждаго владѣльца. При этомъ участокъ земли, приносившій оброка одинъ мѣшокъ хлѣба, оцѣнивался въ 200 тысячныхъ связокъ чоховъ; уплата производилась большею частью долговыми обязательствами. Осуществленіе этой мѣры, дѣятельно проводившейся министромъ *Цзя-сы дао*, сопровождалось злоупотребленіями и вызвало ропотъ населенія, побудившій въ дальнѣйшемъ прекратить покупку земли. Но все же количество казенныхъ земель за десять лѣтъ примѣненія означенной мѣры, отчасти же и вслѣдствіе случаевъ отобранія земли отъ собственниковъ, чрезвычайно умножилось [2]).

При монгольской династіи *Юань* (1206—1368) огромное количество земель было захвачено монголами. Не говоря уже о родственникахъ ханскаго дома и высшихъ чинахъ, простой монгольскій солдатъ первоначально получилъ четыре *цина* земли. Соотвѣтственно хозяйственному быту монголовъ земледѣліе сократилось, частью подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ. „Большая часть земель около столицы обращена была въ степь для пастбищъ скота, для распространенія которыхъ, при началѣ владычества монголовъ въ Китаѣ (1230), предлагалось даже: „обратить всю покоренную страну въ степь, а китайцевъ, если можно, всѣхъ вырѣзать“. Только въ послѣднее время существованія *Юань*'ской династіи позволено было поселянамъ пахать и засѣвать осенью поля

1) *Франке*, н. с., стр. 19.

2) *Захаровъ*, н. с., стр. 54 и далѣе.

свои около столицы, потому что такая распашка уничтожала травы и тѣмъ причиняла вредъ пастбищамъ" 1).

При освободившей Китай отъ монгольскаго владычества династіи *Минъ* (1368—1644) пахотныя земли были уже раздѣлены на казенныя и частныя. Казенныя пахотныя земли составляли во всемъ государствѣ 1/7 всего пространства ихъ; въ нѣкоторыхъ же частяхъ Китая, какъ *Сучжоу* и смежныя области провинціи *Чжэцзянъ* и генералъ-губернаторства *Цзянъ-нань*, частныхъ пахотныхъ земель было не болѣе 1/15, прочія же были собственностью казны. Именно въ этихъ областяхъ преимущественно производилась покупка земель въ послѣднюю эпоху *Сун*'ской династіи, а при началѣ *Мин*'ской династіи, въ наказаніе за поддержку, оказанную другому претенденту на престолъ, здѣсь были конфискованы земли богатыхъ фамилій. Изъ этихъ казенныхъ земель при *Мин*'ской династіи производились пожалованія князьямъ, заслуженнымъ людямъ, евнухамъ, государственнымъ храмамъ и пограничнымъ чинамъ и солдатамъ. Кромѣ того, въ эту эпоху различали также между казенными и императорскими землями.

Нынѣшняя маньчжурская династія *Цинъ*, правящая Китаемъ съ 1644 года, въ земельномъ вопросѣ слѣдовала общимъ началамъ, выработаннымъ предшествующей исторіей Китая. Въ частности, положеніе землевладѣнія въ эти новѣйшія эпохи характеризуется мѣропріятіями правительства по земельному устройству маньчжуръ, по ликвидаціи земель, принадлежавшихъ *Мин*'амъ, по военнымъ поселеніямъ, по содѣйствію къ распашкѣ новыхъ земель, урегулированію переселенческаго движенія; сюда же относятся факты опустошенія значительной части страны упорными возстаніями и впервые возникшаго воздѣйствія другихъ странъ на національное земельное право Китая. Земли, принадлежавшія *мин*'скимъ князьямъ, были отданы въ собственность прежнихъ арендаторовъ ихъ. Въ собственность императора, а также членовъ и родственниковъ императорскаго дома отведены были земли въ соотвѣтствующихъ степени княжескаго достоинства количествахъ—отъ 18 до 1.8 *цина*. Для обработки этихъ земель назначены удѣльные поселяне ихъ. Общую площадь императорскихъ хуторовъ, отведенныхъ въ *Чжили*, *Маньчжуріи* и *Монголіи*, *И. Захаровъ* показываетъ въ 35.773 *цина* и княжескихъ—въ 13.555 *цинъ*. На томъ основа-

1) *Захаровъ*, н. с., стр. 53.

нiи, что при паденiи *Мин*'ской династiи земли князей и евнуховъ остались безъ хозяевъ и погибло множество народа, *Цин*'ское правительство надѣлило пришедшихъ изъ Маньчжурiи чиновъ и солдатъ землями въ количествѣ отъ 180 до 18 *му* вокругъ Пекина. Китайцамъ, земли которыхъ при этомъ отходили къ маньчжурамъ, предоставлялось получить пустопорожнюю землю въ отдаленныхъ уѣздахъ, съ освобожденiемъ отъ поземельнаго налога на тотъ годъ, когда они переселялись. Вновь являвшiеся на службу въ Пекинъ изъ Маньчжурiи также получали въ собственность землю, а во второй половинѣ 18 вѣка—взамѣнъ земли денежныя пособiя. Послѣ того какъ новая династiя окончательно утвердилась въ Китаѣ, прежнее противопоставленiе маньчжуръ и китайцевъ стало исчезать, и льготная раздача земли маньчжурамъ была прекращена. Пожалованныя на этомъ основанiи земли называются знаменными, такъ какъ ихъ собственниками, а равно и послѣдующими прiобрѣтателями, въ силу наслѣдованiя или по сдѣлкамъ, могли быть лишь принадлежащiе къ осьмизнаменнымъ войскамъ. Въ виду практиковавшагося заклада этихъ земель правительство принимало мѣры къ облегченiю условiй выкупа и само затрачивало большiя суммы на выкупъ этихъ земель въ пользу знаменныхъ войскъ (съ 1729 г.)[1]. Во второй половинѣ 19 в. стремленiе къ поддержанiю обособленнаго положенiя этой категорiи земель утратилось, и новыми законоположенiями была допущена продажа знаменной земли постороннимъ лицамъ съ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ эти земли переходятъ на общее положенiе[2]. Военныя поселенiя, по своему назначенiю сходныя съ нашимъ казачествомъ, возникли вслѣдствiе необходимости размѣщать войска на окраинахъ имперiи и крайней затруднительности снабженiя этихъ войскъ всѣмъ необходимымъ извнутри страны. Впервые они основаны были въ пров. *Ганьсу* въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., а наибольшее распространенiе имѣли при династiяхъ *Танъ*, *Юанъ* и въ особенности *Минъ*. Паденiе этой династiи сопровождалось и разстройствомъ военныхъ поселенiй. При современной династiи, вслѣдствiе созданiя новой военной организацiи и различныхъ злоупотребленiй, укоренившихся въ системѣ военныхъ поселенiй, послѣднiя потеряли прежнее важное значенiе, хотя частью поддерживались и основывались вновь для различныхъ цѣлей. Въ 18 в. учреждены

1) *Захаровъ*, н. с., стр. 71—80.
2) *Франкс*, н. с., стр. 30—31.

военныя поселенія изъ восьмизнаменныхъ войскъ въ провинціяхъ *Шаньдунъ*, *Сычуань*, *Хунань*, *Фуцзянь*, *Гуандунъ*, *Гуанси* и *Юньнань* какъ для охраненія границъ и городовъ и упроченія маньчжурскаго владычества, такъ и для поддержанія рѣчныхъ сооруженій и для передвиженія и охраны казенныхъ транспортовъ. Кромѣ того, военныя операціи въ Западномъ Китаѣ и прилегающихъ частяхъ Монголіи и Туркестана основаны были также на примѣненіи системы военныхъ поселеній. Уклоненіе поселенцевъ отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей и многочисленные случаи отчужденія ими земель, а въ корнѣ вещей—несоотвѣтствіе этой системы въ Китаѣ современнымъ условіямъ военнаго дѣла и государственнаго хозяйства привели въ концѣ 19 в. къ полному упраздненію военныхъ поселеній [1]).

Неурядицы, сопровождавшія паденіе предшествовавшей *Мин*'ской династіи имѣли слѣдствіемъ умноженіе бродяжничавшаго населенія. Въ видахъ борьбы съ этимъ зломъ, было постановлено надѣлять безземельныхъ свободными землями по мѣсту временнаго пребыванія. Указомъ 1723 года императора *Юнчжэн*'а были установлены условія заимки свободныхъ земель подъ обработку. Приступающій къ разработкѣ обязанъ заявить объ этомъ въ годовой срокъ, подъ угрозою въ противномъ случаѣ отвѣтственности какъ за умышленную утайку казенной земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ должностнымъ лицамъ указано было впредь не затруднять разработки нови поборами въ свою пользу. Разработавшій вновь болотистую почву освобожденъ отъ поземельнаго налога на 6 лѣтъ и разработавшій сухую почву—на 10 лѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ, указомъ 1729 года (имп. *Юнчжэнъ*) было установлено выдавать денежныя ссуды изъ казны бѣдному населенію въ случаѣ приступа къ обработкѣ пустопорожней земли, на условіи возврата въ трехлѣтній срокъ [2]). Въ 19 в. въ эти условія были внесены измѣненія. Установлено требованіе предварительной заявки о выбранной для занятія землѣ. Подлежащій чиновникъ измѣряетъ землю и назначаетъ пятимѣсячный срокъ для предъявленія третьими лицами

---

1) Франке, н. с., стр. 34 и слѣд.; *Захаровъ*, н. с., стр. 81 и слѣд.; ср. *Коростовецъ*, н. с., стр. 55. О военныхъ поселеніяхъ въ Маньчжуріи, существующихъ до сего времени, см. *А. Рудаковъ*, *Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гиринской провинціи*, гл. III и V.

2) *T. T. Meadows*, *Remarks on the acquisition, tenure and alienation of real property in China.* (Chinese Repository. 1849, Nov., p. 563).

своихъ правъ на праздно лежащій участокъ. По истеченіи этого срока заявившему выдается свидѣтельство на владѣніе. Сохраненіе пріобрѣтеннаго этимъ путемъ участка обусловлено своевременной обработкой его 1). Примывныя земли у береговъ рѣкъ и морей подлежатъ особому порядку и, за возмѣщеніемъ изъ нихъ земель утраченныхъ береговыми владѣльцами вслѣдствіе размывовъ, отчуждаются по возможно высшей цѣнѣ, поступающей въ казну 2). *Положеніемъ о Министерствѣ финансовъ* отъ 1874 г. устанавливается награжденіе должностныхъ лицъ, способствовавшихъ разработкѣ нови 3). Разработавшимъ, съ согласія собственника, частную цѣлинную землю, предоставлены обширныя вещныя права на нее, съ соотвѣтствующимъ ограниченіемъ правъ собственника 4).

Усиленное переселенческое движеніе въ *Маньчжурію* изъ сѣвернаго Китая вызвало опасеніе, чтобы коренные жители Маньчжуріи не были утѣснены землею изъ-за пришельцевъ 5). Для предупрежденія этого было запрещено переселеніе туда китайцевъ и распахиваніе земли тамошними торговцами. Въ 1844 г. это запрещеніе было вновь подтверждено, въ виду происходившаго тайнаго перехода въ Маньчжурію. Въ новѣйшее время взгляды правительства въ этомъ отношеніи перемѣнились, и въ XX столѣтіи правительство разрѣшило переселяться въ Маньчжурію, сѣверная часть которой, до того безлюдная, стала въ послѣднее время усиленно заселяться китайцами. Подобнымъ же образомъ воспрещалось занятіе земель въ Монголіи китайскими переселенцами. Въ настоящее время и здѣсь китайское переселенческое движеніе не встрѣчаетъ принципіальнаго противодѣйствія со

1) *Франке*, н. с., стр. 86. *Захаровъ*, н. с., стр. 66. Что касается упоминаемаго *Франке* (стр. 52) указа 1844 г. о продажѣ пустопныхъ земель, то онъ, повидимому, не получилъ общаго примѣненія.

2) *Франке*, н. с., стр. 58 и далѣе.

3) Ibid. стр. 50 и слѣд.

4) Захаровъ, н. с., стр. 61. Ср. мое примѣчаніе къ стр. 83 русскаго изданія труда *Франке*.

5) Въ китайскомъ официіальномъ изданіи: *Цзи-линь тунъ-чжи*, изданномъ профессоромъ *А. В. Рудаковымъ* подъ заглавіемъ: „*Матеріалы по исторіи китайской культуры въ Гиринской провинціи (1644 – 1902)*—содержатся данныя о дѣятельности различныхъ учрежденій по заселенію этой, ранѣе пустынной окраины Китая и по урегулированію различныхъ сторонъ быта тамошняго населенія.

стороны властей [1]). Особенно привлекала къ себѣ въ прежнее время переселенцевъ, устремлявшихся туда цѣлыми караванами, также пров. *Сычуань*, отличающаяся въ своей восточной половинѣ благопріятными для земледѣлія естественными условіями [2]). Отводившіеся здѣсь переселенцамъ надѣлы имѣли къ тому же значительные размѣры; на полновозрастнаго главу семьи отводилось отъ 30 до 50 *му* и на дѣтей—отъ 15 до 20 *му*. Стремительное возрастаніе площади обработки въ этой провинціи показываетъ и статистическая таблица. Правительство находило иногда нужнымъ возвращать переселенцевъ отсюда обратно либо останавливать переселенческое движеніе туда вооруженною силою. Напротивъ того, отдаленныя мѣста на западѣ Китая не привлекали къ себѣ переселенцевъ, и для заселенія этихъ окраинъ, правительство направляло туда ссыльныхъ, а равно предоставило находившимся тамъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ и солдатамъ пріобрѣтать въ собственность распаханныя ими земли. Благодаря поощренію распашки новыхъ земель, а равно вслѣдствіе общихъ благопріятствовавшихъ тому условій, общая площадь обработанныхъ земель въ описываемую эпоху значительно возрасла. Но во второй половинѣ XIX в. наблюдалось противоположное явленіе, вызванное главнымъ образомъ опустошеніемъ значительной части Китая (южнаго, средняго и западнаго Китая) возстаніями, при чемъ опустошены были обширныя территоріи и истреблено много милліоновъ населенія. Послѣдствія этихъ опустошеній постепенно изглаживались благодаря внутреннимъ переселеніямъ изъ другихъ, густонаселенныхъ частей Китая.

Въ области фискальнаго управленія должно отмѣтить столь характерный для существа взаимоотношеній между государствомъ и населеніемъ въ Китаѣ указъ великаго императора *Кан-си*, изданный въ 1713 г. по случаю исполнившагося въ 1711 г. полувѣкового юбилея правленія. Въ виду того, что съ теченіемъ времени, при возрастаніи населенія, земельная площадь однако не возрастаетъ, упомянутымъ указомъ было постановлено, что налоги впредь не должны быть повышаемы и что въ основаніе исчисленія налоговъ, въ составѣ которыхъ была въ то время самостоятельная подушная подать, должны впредь оставаться списки населенія за 1711 годъ. Наслѣдовавшій *Кан-си* императоръ *Юнь-чжэнъ* довершилъ (1726—28 г.г.)

---

1) См. *Франке*, н. с., стр. 52 - 53 и мое примѣчаніе къ стр. 53.
2) *Матусовскій*, н. с., стр. 162—3.

эту мѣру присоединенiемъ подушной подати къ поземельному налогу[1]).

Иностранныя влiянiя въ Китаѣ не внесли измѣненiй по существу въ право землевладѣнiя въ Китаѣ. Подъ этимъ влiянiемъ возникло лишь особое право иностраннаго землевладѣнiя въ Китаѣ, охарактеризованное въ второй части изслѣдованiя *Франке*.

1) *Франке*, н. с., стр. 39—40.

Современное состояніе землевладѣнія.

При отсутствіи въ теченіи почти всей исторіи Китая глубокихъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, которыя имѣютъ мѣсто при болѣе тѣсномъ общеніи и войнахъ съ цивилизованными государствами, порядокъ землевладѣнія и землепользованія въ Китаѣ представляется всецѣло продуктомъ исторіи Китая и естественныхъ и соціальныхъ условій его. Исторически выработавшійся современный строй китайскаго землевладѣнія характеризуется слѣдующими чертами. Служащія для земледѣлія и застроенныя земли находятся вообще въ частной родовой собственности, подъ принципіально деспотическимъ, но вообще только формальнымъ контролемъ государства. Помимо отдѣльныхъ мѣстностей торговаго значенія, землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ отличаются отсутствіемъ капиталистическаго предпринимательства. Вложеніе капиталовъ въ землевладѣніе представляется съ коммерческой точки зрѣнія маловыгоднымъ, а въ примѣненіи къ земледѣлію находитъ себѣ еще болѣе узкія границы. Независимо отъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, земельное право проникнуто демократическимъ духомъ; политическій строй не предоставляетъ никакихъ преимуществъ крупному землевладѣнію. Земледѣліе вообще настолько дробно и основано на человѣческомъ трудѣ, что эксплоатація съемщиковъ землевладѣльцемъ имѣетъ свои крайне тѣсныя границы. На этомъ низведеніи земледѣлія на уровень пропитанія многочисленнаго населенія, при ограниченности и разобщенности болѣе крупнаго землевладѣнія, базируется соціальное обычное право землепользованія и въ частности институтъ вещнаго аренднаго права, и упрочивается отношеніе между земледѣльцемъ и землей. За исключеніемъ немногихъ мѣстностей, въ Китаѣ значительно преобладаетъ мелкое землевладѣніе. Болѣе рѣдкіе факты обладанія 3—30 десятинами воздѣлываемой земли, при обычномъ составѣ семьи вообще уже дѣлаютъ собственника богатымъ человѣкомъ, не имѣющимъ необ-

ходимости лично трудиться. Принятая въ Китаѣ система обязательнаго раздѣла земли между нисходящими мужского пола и освященное традиціей тяготѣніе массы населенія къ землѣ поддерживаютъ дробность землевладѣнія. Такъ, на смѣну истребленному тайпинскимъ возстаніемъ населенію явились пришельцы изъ другихъ мѣстностей, занимая освободившіяся земли небольшими участками и создавая исключительно мелкое землевладѣніе тамъ, гдѣ прежде преобладало болѣе крупное. Вообще, наряду съ упомянутымъ сейчасъ порядкомъ наслѣдованія, право заимки свободныхъ земель подъ условіемъ разработки лежитъ въ основѣ земельнаго строя въ Китаѣ.

Условіемъ и въ то же время результатомъ весьма интенсивной культуры представляется вообще высокая доходность и цѣнность земли. Это имѣетъ мѣсто и въ собственномъ Китаѣ, хотя дальнѣйшій ростъ ихъ, по всей вѣроятности, происходитъ здѣсь весьма медленно. По опредѣленію извѣстнаго знатока Китая *E. Simon*, относящемуся къ началу 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Китаѣ преобладаютъ воздѣлываемыя земли цѣнностью отъ 3 до 4.000 франковъ за гектаръ (или, округляя, 1230—1640 р. за 1 десятину). Вообще же цѣны на землю колеблются между 1000 и 12—15 тысячами франковъ за гектаръ (410 р. и 4.920—6.145 р. за десят.). Въ провинціяхъ *Сычуань*, *Гуйчжоу*, *Шэньси* встрѣчаются равнины, площадь которыхъ сплошь оцѣнивается свыше 20—25 тысячъ франковъ за одинъ гектаръ (8.200—10.250 рублей за десятину). Съ земель стоимостью въ 1.600 фр. за гектаръ доходъ составляетъ отъ 80 до 90 франковъ, при стоимости въ 3.000 фр.— 120—140 франковъ, въ 10.000 фр.—300—350 франковъ; наивысшій доходъ достигаетъ 1500—1800 фр. (615—740 р. съ десят.). Эти данныя *E. Симонъ* приводитъ на основаніи наблюденій въ богатыхъ провинціяхъ, къ которымъ относитъ двѣ трети Китая на югѣ. Земельная рента доходитъ вообще до 7—8 % на капитальную стоимость земли. Капиталы, ссужаемые для земледѣльческихъ цѣлей, приносятъ 8 или 9 %, причемъ нерѣдко доходъ понижается до 6 %, между тѣмъ какъ въ торговлѣ доходъ отъ ссудныхъ капиталовъ достигаетъ 30 %, какъ законной нормы, хотя часто понижается до 12 % [1]). Это различіе въ уровнѣ доходности капиталовъ

---

1) *Eugene Simon. La propriete en Chine.* Annales de l'Extrême Orient. 1881—82, T. IV, p. 268.

въ земледѣліи и въ торговлѣ представляется, конечно, вполнѣ понятнымъ явленіемъ.

Дѣятельность государства въ сферѣ землевладѣнія и земледѣлія ограничивается въ Китаѣ необходимымъ. Регистрація земельныхъ имуществъ организована неудовлетворительно, имѣетъ въ виду лишь интересы фиска и страдаетъ неполнотой какъ вслѣдствіе прямого уклоненія землевладѣльцевъ, такъ и вслѣдствіе того, что само государство не стремится къ тому, игнорируя напр. случаи перехода имуществъ по наслѣдству и закладъ земли, связанный съ переходомъ ея въ пользованіе кредитора[1]). Законодательство вмѣняетъ мѣстнымъ начальникамъ въ обязанность заботиться о разработкѣ пригодной для земледѣлія почвы. Они должны прокладывать оросительные каналы для новыхъ полей, устраивать для новыхъ поселенцевъ жилища, снабжать въ случаѣ нужды сѣменами и рабочимъ скотомъ, наставлять несвѣдущихъ въ земледѣліи. Въ случаѣ надобности дозволено выписывать желающихъ изъ другихъ провинцій[2]).

При слабомъ развитіи средствъ сообщеній перемѣщеніе хлѣбовъ изъ одной мѣстности въ другую, разумѣется, весьма ограничено. Въ виду этого, а также вслѣдствіе неровности урожаевъ въ Китаѣ представляются необходимыми хлѣбозапасные магазины. Существуютъ (съ конца 15 в.) правительственные магазины въ округахъ и уѣздахъ (*чань-пинъ цанъ*), служащіе для раздачи либо для выдачи ссудъ хлѣбомъ нуждающемуся населенію и для урегулированія цѣнъ на хлѣба. Въ южныхъ провинціяхъ запасы дѣлаются въ рисѣ и маисѣ, въ сѣверныхъ—въ рисѣ, пшеницѣ и другихъ растущихъ на мѣстѣ хлѣбахъ. Для освѣженія запасовъ въ сухихъ мѣстахъ ежегодно продается $^3/_{10}$ всего запаса, въ сырыхъ—$^1/_2$. Продажа производится весною и осенью, закупка—осенью и зимою. Закупки производятся въ той же мѣстности и въ ближайшихъ, при высокихъ цѣнахъ—отсрочиваются на годъ, и только при необходимости происходятъ въ другихъ уѣздахъ. Пополненіе магазиновъ производится частью за счетъ поземельнаго налога, частью изъ добровольныхъ приношеній населенія. О состояніи магазиновъ къ концу каждаго года губернаторы доносятъ министерству финансовъ. По исчисленію *Форке*, общее количество запасовъ для собственнаго Китая соста-

1) См. *Франке*, н. с., съ моими дополненіями по *P. Hoang*.
2) *Forke*, l. c., I. S. 175.

вляетъ около 30 милліоновъ *пикулей* (1 *пикуль*=60.4 килогр.), или 110.6 милл. пудовъ хлѣба. Сверхъ того, существуютъ мѣстные общественные хлѣбозапасные магазины (*шэ цанъ*), пополняемые пожертвованіями и служащіе для выдачи бѣдной части населенія ссудъ изъ 10%, 5% или безпроцентныхъ, въ зависимости отъ урожая. Ссуды выдаются весною и лѣтомъ и возвращаются осенью[1]).

Податное бремя, лежащее на землевладѣніи и земледѣліи, въ Китаѣ вообще весьма умѣренно, хотя и возвышается произвольными надбавками мѣстныхъ властей. Въ виду этой умѣренности обложенія вообще малочувствительны произвольность и разнообразіе обложенія въ различныхъ мѣстностяхъ страны[2]). Поземельное обложеніе нормировано весьма различно въ отдѣльныхъ провинціяхъ. По общему правилу налогъ взимается пополугодно. Уѣздные начальники, для побужденія плательщиковъ къ скорѣйшей уплатѣ, оказываютъ небольшую скидку въ такомъ случаѣ и взимаютъ пеню при продолжительной затяжкѣ. Замѣна взносовъ натурою денежными зависитъ отъ самихъ плательщиковъ; въ основѣ этого лежитъ ежегодно устанавливаемая провинціальнымъ казначеемъ и опубликовываемая уѣздными начальниками цѣна риса. Налоговыя суммы поступаютъ къ уѣзднымъ начальникамъ, которые покрываютъ изъ нихъ мѣстные расходы и свободную часть поступленій препровождаютъ въ провинціальное казначейство. Послѣднее представляетъ свободный остатокъ поступленій въ министерство финансовъ. Нѣкоторыя провинціи (*Шэньси, Гансу, Сычуань, Юньнань*) имѣютъ дефициты и пользуются финансовой поддержкой ближайшихъ провинцій. Общая сумма поступленій государственнаго поземельнаго и примыкающаго къ нему подушнаго налога къ концу 19 вѣка, по исчисленію д-ра *Форке* составляетъ для собственнаго Китая 27 милліоновъ *тэлей* (поземельный налогъ въ деньгахъ—17, натурою 7, подушный—3 милліона); хотя установленные оклады для отдѣльныхъ провинцій превышаютъ

---

1) *A. Forke*, l. c., I. S. 185—186.

2) Данныя о величинѣ налога по отдѣльныхъ мѣстностямъ приводятся ниже. *Forke* (l. c., I. S. 174) указываетъ, что въ большинствѣ провинцій ставка денежнаго поземельнаго налога составляетъ отъ нѣсколькихъ чоховъ до 0.25 *тэля* съ 1 *му*, для немногихъ провинцій будучи, однако, значительно выше. *Франке* (н. с., стр. 41) опредѣляетъ фактически взимаемый налогъ отъ 20 до 900 чоховъ съ 1 *му* (отъ 1½ до 70 коп. при нынѣшнихъ курсахъ).

эти суммы, но вообще въ полной суммѣ они не поступаютъ. Изъ означенныхъ суммъ поземельнаго налога въ центральное казначейство поступаетъ около 7 милліоновъ *тэлей* и 2 1/2 милл. *пикулей* хлѣбами [1]).

1) *Forke*, l. c., I. S. 177 ff., II. 54; *Pierre Hoang*, l. c., p. 15—16.

Общія условія земледѣлія.

Система земледѣлія отличается такой же устойчивостью. Громадное населеніе существуетъ за счетъ отечественнаго земледѣлія, независимо отъ внѣшняго ввоза. Съ другой стороны, эксплоатація воздѣлываемыхъ земель продолжается на пространствѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій безъ истощенія почвы. Почва, климатъ, орошеніе, удобреніе, тщательная интенсивная культура, при наличіи громаднаго исторически создавшагося опыта, поддерживаютъ высокую продуктивность земледѣлія.

Изъ китайскихъ почвъ наибольшимъ плодородіемъ отличается лессъ или „желтоземъ", въ переводѣ китайскаго названія *хуанъ-ту*. Желтоземъ покрываетъ слоемъ различной толщины, доходящей до двухъ тысячъ футъ, обширное пространство въ предѣлахъ между 99 и 115° долготы и 33 и 41° широты. Именно, желтоземомъ покрыты провинціи *Чжили* (западнѣе обширной аллювіальной равнины у Печжилійскаго залива), *Шанси*, *Гансу*, сѣверная половина *Шэнси*, сѣверная часть *Хэнань*, обширныя пространства въ пров. *Шаньдунъ*; въ общей сложности это составляетъ болѣе всей территоріи Германіи. По *Рихтгофену*, лессъ характеризуетъ собою обширную территорію, по меньшей мѣрѣ занимающую 250.000 англ. кв. миль, и обусловливаетъ особенности Сѣв. Китая отъ остальной части имперіи, его производительность, средства сообщеній, пригодность для населенія и его исторію. Отдѣльными пятнами желтоземъ доходитъ до сѣвернаго берега *Янцзы*, на западѣ же и сѣверѣ, гдѣ его границы не опредѣлены точно, выходитъ за предѣлы собственнаго Китая; на востокъ онъ простирается до окрестностей *Мукденя*. Среди желтоземныхъ пространствъ возвышаются горныя вершины, какъ острова среди моря. Представляя собою плодородную почву, распространенную въ коренномъ Китаѣ, желтоземъ далъ имя главнѣйшей въ этомъ пространствѣ водной артеріи (*Хуанхэ*). Лессъ отличается буро-желтой окраской и чрезвычайной пористостью; въ сухомъ видѣ легко обра-

щается, за исключеніемъ заключающихся въ немъ песчинокъ, между пальцевъ въ тончайшую пыль, проникающую въ поры кожи. Какъ сообщилъ мнѣ профессоръ *А. В. Рудаковъ*, окраска лесса въ различныхъ мѣстностяхъ имѣетъ различные оттѣнки отъ желтаго до сѣроватаго. Пористость лесса обусловливается наличностью въ немъ многочисленныхъ, покрытыхъ тонкою корою изъ углекислой извести канальцевъ, соединяющихся отвѣтвленіями, обращенными всегда внизъ и примыкающими подъ острымъ угломъ; кромѣ того, и промежуточная масса имѣетъ пористое строеніе. Пористое строеніе лесса образовалось какъ вслѣдствіе тлѣнія заключавшихся въ почвѣ растеній, такъ и вслѣдствіе самаго происхожденія лесса путемъ постепенныхъ навѣтренныхъ наносовъ (см. ниже). Вслѣдствіе пористости лессъ въ его природномъ видѣ впитываетъ воду какъ губка; но на дорогахъ, гдѣ система почвенныхъ канальцевъ разрушена колесами телѣгъ, почва обращается въ уплотненную, малопроницаемую для воды глинистую массу. Поэтому глубокія массы лессовой почвы препятствуютъ образованію водныхъ ключей и озеръ, встрѣчающихся лишь тамъ, гдѣ лессъ лежитъ на плотной каменной породѣ. Къ особенностямъ лесса принадлежитъ отсутствіе слоевъ даже въ наиболѣе значительныхъ толщахъ его и обусловливаемое составомъ и строеніемъ почвы свойство давать глубокіе вертикальные обрывы вездѣ, гдѣ соприкасаются два различныхъ уровня земли или гдѣ, подъ дѣйствіемъ дождей или иныхъ причинъ, образовались овраги; послѣдніе, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ непроходимый лабиринтъ. Въ силу этой же особенности горные склоны представляютъ собою рядъ естественныхъ террасъ, удобныхъ для земледѣлія; даже издавна существующія дороги, подъ дѣйствіемъ сносящихъ съ нихъ пыль вѣтровъ и размывающихъ ихъ дождей, превращаются въ узкія и глубокія впадины, иногда въ пятьдесятъ или во сто футъ углубленія. Эта пересѣченность лессовыхъ почвъ Китая, незамѣтная для глаза, имѣетъ большое значеніе при военныхъ операціяхъ внутри страны и, въ частности, благопріятствуетъ нерѣдкимъ въ Китаѣ мятежнымъ движеніямъ. Въ такихъ отвѣсныхъ стѣнахъ лесса выбираются болѣе плотныя массы его и здѣсь вырѣзаются въ землѣ въ нѣсколько ярусовъ цѣлые комплексы какъ частныхъ такъ и публичныхъ зданій, со сводами и стѣнами изъ лесса, которыя покрываются для прочности, чистоты и предупрежденія сырости цементомъ, приготовляемымъ изъ

мергелевыхъ комьевъ, содержащихся въ лессѣ, либо просто притираются съ водою. Такія жилища отличаются дешевизною устройства, долговѣчностью и нечувствительностью къ наружной температурѣ. На границахъ Монголіи, въ *Чжили*, *Шаньси* и *Шэньси* милліоны населенія пользуются такими жилищами—отъ простой пещеры до настоящихъ палаццо съ разукрашенными фасадами и со сводами изъ обожженнаго кирпича.

Согласно общепринятой въ настоящее время теоріи барона *Рихтгофена*, китайскій лессъ есть эоловое образованіе современной геологической эпохи и представляетъ многовѣковыя атмосферическія накопленія пыли, перемѣшанной съ остатками растеній и животныхъ, существовавшихъ на засыпанныхъ затѣмъ въ свою очередь поверхностяхъ атмосферическихъ наносовъ. Въ составъ лесса входитъ глина съ небольшимъ содержаніемъ желѣза, отъ котораго лессъ получаетъ свою окраску, мелкія, неокругленныя зерна кварца и углекислая известь, частью видимая простымъ глазомъ и обнаруживаемая при обработкѣ кислотами; лессъ содержитъ также легкорастворимыя щелочныя соли (въ особенности хлоридъ и сульфатъ) и посторонніе элементы—плотныя мергелевыя конкреціи узловатой формы, величиною отъ горошины до одного фута длиною, называемыя въ Китаѣ „имбирными камнями“ вслѣдствіе сходства ихъ съ имбирными клубнями („Loessmaennchen“ Рейнской долины, въ Россіи-журавчики), неокругленные камни различной величины и органическіе остатки, находимые во всей толщѣ лессовыхъ массъ: раковины наземныхъ маллюсковъ, кости и зубы млекопитающихся животныхъ.

Лессъ весьма удобенъ для земледѣльческой обработки и отличается высокимъ плодородіемъ, превосходящимъ легко истощающееся плодородіе аллювіальныхъ почвъ. Лессовая почва не только содержитъ всѣ нужныя для растеній питательные элементы, но и въ извѣстной мѣрѣ неистощима въ своемъ плодородіи. Вслѣдствіе своей пористости лессъ, если только онъ не утоптанъ, легко вбираетъ въ себя влагу, а равно и тѣ элементы атмосферы, которые возстановляютъ производительную силу почвы. Затѣмъ, въ силу капиллярности содержащаяся въ лессѣ влага воспринимаетъ соли, концентрированные растворы которыхъ образуются въ подпочвенныхъ массахъ лесса. Однако, вслѣдствіе той же пористости и наличія въ лессовыхъ толщахъ глубокихъ скважинъ вода вообще мало удерживается

почвой, и этимъ усугубляется пагубное дѣйствіе засухъ. Громадное значеніе особенностей лессовой почвы для земледѣлія подтверждается фактами, приводимыми *Рихтофеномъ*. Въ Сѣв. Китаѣ воздѣлываніе почвы имѣетъ мѣсто на всякой высотѣ отъ уровня моря, мѣстами до 2.400 метровъ, гдѣ только есть лессъ. Между тѣмъ на югѣ Китая земледѣліе рѣдко переходитъ высоту въ 600 метровъ надъ уровнемъ моря. Несмотря на то, что земледѣліе въ Китаѣ первоначально возникло въ лессовомъ пространствѣ и продолжается мѣстами въ теченіи 4.000 лѣтъ, лессовая почва при наличіи влаги даетъ хорошіе урожаи безъ удобренія. Какъ указываетъ *Рихтофенъ*, большая часть лессовыхъ полей не удобряется; удобреніе примѣняется къ болѣе цѣннымъ культурамъ, въ особенности—при воздѣлываніи мака. Земледѣльцы пользуются для удобренія подпочвеннымъ лессомъ, который они берутъ тутъ же изъ вертикальныхъ стѣнъ его и разбрасываютъ тонкимъ слоемъ на поляхъ. Въ силу этого земледѣліе не ограничивается наличными рессурсами примѣняемыхъ въ качествѣ удобренія отбросовъ, какъ это имѣетъ мѣсто на югѣ. Поэтому истребленіе населенія, вообще въ Китаѣ обезпечивающаго главную часть удобреній, на сѣверо-западѣ въ эпоху мусульманскихъ мятежей мало отразилось на пространствѣ обрабатываемыхъ земель. Урожайность лессовой почвы тѣснѣйшимъ образомъ связана однако съ наличіемъ влаги, недостатокъ которой бываетъ гибеленъ для населенія. Уменьшившейся влажностью объясняется пониженіе земледѣльческой производительности провинціи *Шэньси* за послѣдніе вѣка[1]).

Что касается другихъ почвъ собственнаго Китая, то ихъ природный составъ послѣ обработки въ теченіи тысячелѣтій не имѣетъ большого значенія. Все дѣло въ климатѣ, орошеніи и удобреніи.

Климатическія условія Китая вообще благопріятствуютъ земледѣлію уже въ силу относительной близости къ экватору, хотя среднія годовыя температуры въ Китаѣ ниже, нежели въ другихъ странахъ подъ тѣми же широтами, а колебанія въ температурѣ по временамъ года въ Китаѣ болѣе значительны. Отдѣльныя части

---

1) *F. Freiherr von Richthofen. China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegruendeter Studien.* Berlin. 1877. B. I. Cap. II; *Baron Richthofen's Letters*, 1870—72; *Williams*, l. c., v. I, p. 297—304; *Reclus*, l. c., livre II, chap. 5; *Коростовецъ*, н. с., стр. 341—2; *Проф. Левинсонъ-Лессингъ. Лессъ* (Энциклоп. словарь Брокгауза-Ефрона).

обширной территоріи собственнаго Китая находятся въ различныхъ климатическихъ условіяхъ. Это различіе смягчается однако тѣмъ, что климатъ на С.-В. собственнаго Китая, защищенномъ съ сѣвера возвышенностями, отличается мягкостью, а въ среднемъ и южномъ Китаѣ сравнительно суровъ. Во всемъ Китаѣ, за исключеніемъ значительныхъ возвышенностей, средняя годовая температура заключается между 11.5 и 20° С., температура января между 5 и 15°, апрѣля—12.5 и 23°, іюля—15 и 28.5°. Лѣтнія температуры въ Китаѣ умѣряются муссонами, дождями и испареніемъ воды съ рисовыхъ полей, въ это время покрытыхъ водой. Умѣренность климата на югѣ Китая обусловливаетъ то, что земледѣльческіе продукты трехъ южныхъ провинцій не имѣютъ чисто тропическаго характера, а населеніе ихъ по физическому развитію стоитъ выше населенія другихъ странъ подъ тѣми же широтами. Климатъ Китая находится подъ сильнымъ дѣйствіемъ муссоновъ, измѣняющимся по времени года направленіемъ которыхъ обусловливается также количество осадковъ и распредѣленіе ихъ въ году. Хотя въ зимніе мѣсяцы выпаденіе осадковъ и облачность очень ограниченны, но въ общемъ Китай не страдаетъ въ этомъ отношеніи такой крайней противоположностью между временами года, какъ напр. Ю. Индія.

Пекинъ (39°55' с. ш.) обладаетъ типичнымъ для сѣверо-восточной части равнины климатомъ. Несмотря на дожди и облачность, лѣто здѣсь весьма жаркое, благодаря согрѣванію водъ залива многоводными рѣками. Мягкая, съ малымъ количествомъ осадковъ осень продолжается до послѣднихъ чиселъ ноября, при чемъ во второй половинѣ, со средины октября въ низменныхъ мѣстахъ бываетъ сыро вслѣдствіе частыхъ тумановъ. Зима отличается постоянными, хотя и не особенно суровыми морозами при маломъ количествѣ осадковъ; морозы въ Пекинѣ, какъ и вообще въ *Чжили*, не достигаютъ 20° С. Морозъ сковываетъ рѣки въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Весною сухіе С.-З. вѣтры изъ Монголіи несутъ милліоны тоннъ земли въ видѣ пыли и песка; эти песчаные вѣтры иногда достигаютъ Шанхая. Въ концѣ мая и началѣ іюня снимается первая жатва. Съ 20 іюня начинается сезонъ проливныхъ дождей, продолжающійся приблизительно до 10 августа. Средняя годовая температура 11.8°, средняя температура лѣта 25,4° и зимы—4.6°. Количество осадковъ за годъ въ среднемъ достигаетъ 652 миллиметровъ, при чемъ

на іюль приходится 237, на августъ 152, на іюнь—90, на сентябрь—73, декабрь и январь—6, апрѣль—14, май—42 мм. За послѣднее столѣтіе климатъ окружающей равнины сталъ значительно суше, къ ущербу для растительности. *Шаньдун'*-скій полуостровъ обладаетъ нѣсколько менѣе теплымъ лѣтомъ, при болѣе высокой средней годовой температурѣ (*Чжифу* 13.9°). Количество осадковъ въ *Шаньдунѣ* какъ и въ *Шаньси*, нѣсколько больше, нежели въ *Чжили*; съ октября по май количество осадковъ невелико. Мѣстности къ югу, близъ рѣкъ и по Великому Каналу обладаютъ болотистымъ климатомъ (г. *Нанкинъ*). Въ *Шанхаѣ*, лежащемъ подъ 31°12' с. ш., климатъ отличается рѣзкими колебаніями температуры. Средняя годовая температура 15.2°, средняя температура іюля 27.4° и января+2.7°. Холодный и теплый сезоны продолжаются по три мѣсяца. Зимою при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ бываютъ очень чувствительные холода. На прудахъ образуется ледъ, примѣняемый для сохраненія рыбы. Снѣгъ падаетъ часто, но остается недолго. Иногда снѣгъ слоемъ до 6 дюймовъ покрываетъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль возвышенности въ провинціи *Чжэцзянъ*, южнѣе Шанхая. Годовое количество осадковъ въ Шанхаѣ—1134 мм., при 84 мм. въ декабрѣ и январѣ, 89 въ апрѣлѣ, 87 въ маѣ, 186 въ іюнѣ, 119 въ іюлѣ, 148 и 137 въ августѣ и сентябрѣ. И далѣе къ югу, въ *Фучжоу* (около 26° с. ш.) морозъ и ледъ обычно бываетъ въ холодное время года. Въ лежащемъ у тропика портѣ *Сватоу* видѣли льдинки на листьяхъ кокосовыхъ пальмъ. Расположенный южнѣе прочихъ провинціальныхъ столицъ *Кантонъ* (23°7' с. ш.) обладаетъ наиболѣе суровымъ климатомъ изъ всѣхъ мѣстностей той же широты, имѣетъ среднюю годовую температуру 20.7°, при 27.7° въ іюлѣ и 12.7° въ январѣ. Зимою температура иногда понижается за точку замерзанія. Снѣгъ падаетъ въ рѣдкіе годы (1835, 1861). Количество осадковъ весьма значительно (1.795 мм.), причемъ въ декабрѣ и январѣ падаетъ 42, въ апрѣлѣ 144, маѣ—301, іюнѣ—282, іюлѣ—117, августѣ—252 и сентябрѣ—277. Вверхъ по р. *Янцзы*, по направленію къ притоку *Минь* зимняя температура мягче, нежели въ Шанхаѣ, благодаря защитѣ съ сѣвера горами. Не менѣе значительно, нежели въ Кантонѣ, количество осадковъ въ пров. *Гуанси* и *Фуцзянь*. *Ханькоу* (въ пров. *Хубэй*, на р. Янцзы) обладаетъ болѣе значительнымъ количествомъ осадковъ (1380 мм.), нежели Шанхай,

съ минимумами въ сентябрѣ (63) и декабрѣ и январѣ (79) и со значительными осадками въ лѣтніе мѣсяцы (189 въ апрѣлѣ, 216 въ маѣ, 162 въ іюнѣ, 208 въ іюлѣ, 144 въ августѣ). Далѣе къ С.-З. количество осадковъ постепенно понижается. Климатъ юго-западнаго Китая баронъ Рихтгофенъ характеризуетъ въ примѣненіи къ земледѣлію слѣдующими чертами. Климатическія условія расположенной на юго-западѣ провинціи *Сычуань* вмѣстѣ съ характеромъ населенія, но не почва, обезпечиваютъ высокую продуктивность земледѣлія въ краѣ и въ общемъ вполнѣ соотвѣтствуютъ принятому порядку въ обработкѣ земли. Названная провинція не подвержена крайнимъ температурамъ лѣта и зимы. Сильные вѣтры здѣсь рѣдки. Сентябрь и половина октября отличаются сухостью. Въ это время собираютъ рисъ. Во второй половинѣ октября и въ ноябрѣ сыро и часто туманно. Въ это время происходятъ зимніе посѣвы. Небольшіе дожди начинаются въ ноябрѣ и затѣмъ продолжаются въ декабрѣ и январѣ, благопріятствуя росту посѣвовъ. Снѣгъ выпадаетъ въ горахъ, но быстро исчезаетъ. Въ февралѣ дожди прекращаются и наступаетъ наиболѣе сухое время года, продолжающееся въ теченіи марта и апрѣля. Температура быстро повышается, хотя и отличается рѣзкими колебаніями. Зимніе посѣвы быстро растутъ, и въ срединѣ апрѣля населеніе приступаетъ къ жаткѣ. Въ первой половинѣ мая жатва заканчивается; на рисовыя поля выпускается вода. Въ началѣ іюня происходитъ разсадка рисовыхъ сѣянцевъ. Начинающіеся въ маѣ дожди увеличиваютъ запасъ воды въ рѣкахъ, утилизируемыхъ для цѣлей орошенія. Затѣмъ дожди усиливаются въ іюнѣ и въ особенности въ іюлѣ, но ослабѣваютъ въ августѣ. Въ концѣ этого мѣсяца и въ сентябрѣ посѣвы успѣваютъ созрѣть. На равнинѣ, на которой расположенъ главный городъ провинціи, иногда дѣлаютъ еще третій посѣвъ въ промежуткѣ между лѣтнимъ и зимнимъ. *Рихтгофенъ* указываетъ, что подобный же характеръ имѣетъ климатъ провинцій *Юньнань* и *Гуйчжоу* на юго-западѣ и *Шэнси*, *Ганьсу*, *Шаньси* и *Чжили* на сѣверѣ. Болѣе или менѣе близокъ къ этому и климатъ *Шаньдун*'а, представляющій впрочемъ нѣкоторый переходъ къ климату береговой полосы собственнаго Китая. Но Сычуань теплѣе всѣхъ названныхъ провинцій. Напротивъ того, въ провинціяхъ *Хубэй*, *Хунань*, *Аньхуй*, *Цзянси*, *Цзянсу*, *Чжэцзянъ*, *Фуцзянь*, по *Рихтгофену*, (а также въ ю. части *Ганьсу* и

Шэньси) распредѣленіе осадковъ существенно отличается отъ этого. Октябрь и ноябрь здѣсь наиболѣе ясные и сухіе мѣсяцы въ году. Дожди начинаются обыкновенно въ концѣ декабря, слегка усиливаются въ январѣ и февралѣ, становятся еще сильнѣе въ мартѣ и апрѣлѣ и ослабѣваютъ въ маѣ. Въ іюнѣ и іюлѣ сухія и ясныя погоды прерываются грозами, но рѣдко—продолжительными дождями. Послѣдніе возобновляются въ августѣ и усиливаются въ сентябрѣ. Вообще, въ среднемъ Китаѣ, какъ и въ южномъ, количество осадковъ очень велико и превышаетъ 1000 мм. О распредѣленіи осадковъ можно судить также по уровню воды въ большихъ рѣкахъ Китая. Разливы *Желтой* рѣки бываютъ лѣтомъ и въ началѣ осени; они очень велики и опустошительны. Истоки р. Желтой, находящіеся въ Тибетѣ, въ данномъ случаѣ не играютъ роли. Подобнымъ же образомъ разливы рѣки *Янцзы-цзянъ* въ періодъ таянія снѣговъ невелики, но они достигаютъ наибольшей силы въ періодъ дождей, падающихъ въ промежутокъ отъ мая до іюля въ провинціяхъ *Сычуань*, *Хубэй*, западной части *Хунань* и *Гуйчжоу*, сѣверной части *Юньнань* и южной части *Хэнань* и *Шаньси* 1).

Искусственное орошеніе получило въ Китаѣ широкое примѣненіе, такъ какъ оно представляетъ основу наиболѣе важной земледѣльческой культуры—воздѣлыванія риса. Орошеніе производится не только посредствомъ оросительныхъ канавъ, но даже просто ручною поливкою. Вода для орошенія получается изъ рѣкъ, каналовъ, ключей. Издревле въ Китаѣ существуютъ грандіозныя сооруженія, служащія какъ для орошенія земли такъ и для пониженія уровня воды при переполненіи рѣкъ 2). Для полученія воды

---

1) *Проф. А. Ивановскій. Китай* (Энциклоп. словарь Брокгаузъ-Ефрона); *Baron Richthofen's Letters*; *Williams*, l. c., V. I. ch. II; *Reclus*, l. c., l. I ch. IV.

2) Значительное, мѣстами возрастающее использованіе воды для цѣлей орошенія, понижаетъ уровень воды въ каналахъ и увеличиваетъ площадь испаренія воды. Вслѣдствіе этого понижается пригодность каналовъ для судоходства. *Richthofen* (*China*. S. 124 f.) ставитъ въ связь использованіе воды горныхъ ручьевъ для цѣлей орошенія съ образованіемъ сухихъ степныхъ пространствъ въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ Китая. Но вѣроятно свое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи очистка устьевъ рѣкъ, осушка болотъ и вырубка лѣсовъ, упоминаемыя, напр., въ числѣ великихъ культурныхъ мѣропріятій *Юй*'я (Ibid., Cap. VIII).

устраиваются также запруды въ низинахъ для дождевой воды, откуда вода подается на поле журавлемъ; въ крайнемъ случаѣ роется колодезь. Наиболѣе распространено послѣдовательное орошеніе водой, отводимой изъ горнаго ручья, многихъ небольшихъ полей, уступами расположенныхъ на склонахъ возвышенностей; каждое поле окаймлено валикомъ, вдоль котораго и выпускается вода во избѣжаніе потери удобреній; съ верхняго поля вода пропускается чрезъ выемку въ валикѣ на слѣдующее. Для подъема воды наверхъ, когда это нужно, пользуются весьма различными приспособленіями. Къ простѣйшимъ принадлежитъ плетеный ушатъ на веревкахъ; два человѣка раскачиваютъ ушатъ, такъ чтобы онъ зачерпывалъ воду и опрокидывался въ жолобъ. Примѣняются также различнаго рода колеса, приводимыя въ движеніе силою животныхъ, людей или самымъ теченіемъ рѣки, изъ которой вода подымается колесомъ. Высокое бамбуковое колесо съ черпаками, вращаясь на оси, укрѣпленной на берегу или въ самомъ теченіи, подаетъ въ день 250—300 бочекъ въ жолобъ, находящійся на уровнѣ 20 или 30 футъ надъ теченіемъ воды. Цѣпь съ лопастями, надѣтая на ось съ двумя колесами, приводимыми въ движеніе двумя людьми, переходящими со ступеньки на ступеньку, представляющая не столь удобное приспособленіе, подаетъ воду ровной струею на 10—12 футъ[1]).

Выдающееся значеніе въ китайской агрономіи имѣетъ удобреніе почвы. Продолжительный опытъ научилъ китайцевъ различать почвы и повышать или создавать ихъ производительность съ помощью удобреній. При слабомъ развитіи животноводства и значительной плотности населенія первое мѣсто среди различныхъ матеріаловъ для удобренія принадлежитъ человѣческимъ выдѣленіямъ, получившимъ даже названіе „китайскаго удобренія". Оно заботливо рекомендуется въ книгѣ церемоній династіи *Чжоу* (*Чжоу-ли*), правившей въ Китаѣ отъ 1122 по 255 г. до Р. Хр. „Инспекторы земледѣлія", говорится здѣсь, „должны наблюдать надъ тѣмъ, чтобы не пропадала ни малѣйшая частица, ибо въ этомъ сила и благоденствіе націи. Они должны указывать, чтобы оно собиралось въ посуду, въ которой должно подвергнуться броженію въ теченіи шести дней, послѣ чего его нужно примѣнять разбавляя десятикратнымъ количествомъ воды. Для риса его примѣняютъ при выращиваніи,

1) *Williams*, l. c., v. II. p. 6—7; *Коростовецъ*, н. с., стр. 340 и слѣд.; *Ивановскій*, н. с., стр. 182

а не раньше, по мѣрѣ надобности и не болѣе, ибо питаніе нужно давать не землѣ, а растенію; если положить слишкомъ много, оно уходитъ въ воздухъ. Для земель не покрываемыхъ водою, его кладутъ къ подошвѣ растеній, когда они выходятъ; ибо если класть его между рядовъ, то часть была бы потеряна. Поступая такъ благоразумно и экономично, его израсходуютъ мало и получатъ обильный урожай, и населеніе будетъ благополучно. Въ сѣверныхъ провинціяхъ, не имѣющихъ сбора посѣвовъ зимою, излишекъ удобреній долженъ сушиться, смѣшиваться съ землею и въ брикетахъ транспортироваться въ южныя провинціи“ [1]). Этимъ указаніямъ, освященнымъ громаднымъ пространствомъ времени, китайцы слѣдуютъ и по сіе время. Въ цѣляхъ увеличенія запаса туковъ земледѣльцы устраиваютъ на своемъ участкѣ близъ дороги изящныя мѣста уединенія, снабжая ихъ поэтическими приглашеніями. Кромѣ того, для удобренія почвы примѣняются бобовые жмыхи, вывозимые для этой цѣли изъ Маньчжуріи на югъ, а равно всевозможные отбросы растительнаго и животнаго міра, какъ волосы изъ парикмахерскихъ, щетина, перья, сожженныя хлопушки, уличный соръ, древесныя опилки, известь и гипсъ изъ кухни и старыхъ строеній, сажа, кости, обрѣзки овощей и другіе кухонные остатки, рѣчной и прудовый илъ, пометъ птицъ и шелковичныхъ червей, вообще навозъ, гнилая рыба и падаль всякаго рода. Растительные остатки покрываются дерномъ и затѣмъ медленно сжигаются; получающимся жирнымъ чернымъ порошкомъ прикрываются сѣмена при посѣвѣ [2]). Остатки, получаемые послѣ выжатія масла изъ земляного орѣха, и бобовъ, остатки растительнаго сала, чая и пр. смѣшиваются съ землей и формуются въ брикеты, а затѣмъ продаются земледѣльцамъ [3]). Пользуются также компостнымъ удобреніемъ, заготовляемымъ въ помойныхъ ямахъ и поступающимъ на заводы для обработки въ удобреніе [4]). Вообще дѣлу собиранія и подготовки удобреній служитъ цѣлая отрасль промышленности, къ которой относится собираніе отбросовъ мусорщиками, транспортированіе ихъ и переработка на заводахъ. Въ провинціи *Цзянсу* рисовыя поля удобряются зеленымъ удобреніемъ изъ мелколиственнаго клевера (medicago sativa), выростающаго зимою

1) *E. et O. Reclus*, l. c., p. 488—490.
2) *Williams*, l. c., v. II, p. 8 - 9.
3) *Williams*, Ibid.
4) Коростовецъ, н. с., стр. 339.

на пожняхъ. На сыпуче-песчаныхъ поляхъ продолжительное время воздѣлывается земляной орѣхъ, корни и стебли котораго постепенно удобряютъ почву. Изъ неорганическихъ удобреній примѣняются еще мергель, сѣрнистый колчеданъ, гашеная известь, высѣвки и зола каменнаго угля 1). Несмотря на издавна распространившееся въ Китаѣ широкое примѣненіе удобреній и разнообразіе ихъ, предстоящее усвоеніе пріобрѣтеній новѣйшей научной агрономіи, въ связи съ общимъ экономическимъ развитіемъ, должны оказать важное вліяніе на земледѣльческую производительность не въ одномъ лишь отношеніи количества урожая.

Къ неблагопріятнымъ для правильнаго распредѣленія земледѣльческихъ культуръ, для сбыта продуктовъ и полученія матеріаловъ условіямъ принадлежитъ отсутствіе удобныхъ сухопутныхъ сообщеній мѣстныхъ и общаго значенія, лишь отчасти восполняемыхъ внутренними водными и морскими сообщеніями.

Китайское земледѣліе приближается къ огородной культурѣ не только по небольшой величинѣ воздѣлываемыхъ участковъ земли, но и по способамъ и орудіямъ обработки. Земледѣльческія орудія немногочисленны, просты и дешевы, и подобны употреблявшимся уже столѣтія тому назадъ, но хорошо приспособлены, не тяжелы и легко чинятся домашними средствами. Въ мягкой землѣ пользуются преимущественно широкой мотыкой изъ дерева, окаймленнаго желѣзомъ. Лопаты, грабли и мотыки примѣняются въ огородничествѣ, плуги и бороны—при воздѣлываніи риса. Плугъ изготовляется изъ дерева, за исключеніемъ окаймленнаго желѣзомъ лемеша, лежащаго плоско и проникающаго въ почву около пяти дюймовъ. Для придавливанія земли пользуются каменными катками. Созрѣвшее зерно снимается серпами или выдергивается вмѣстѣ съ корнями. Молотятъ скотомъ и цѣпами на гумнѣ съ уплотненной поверхностью изъ смѣси песка и глины, иногда съ прибавленіемъ цемента; иногда же отдѣляютъ зерна съ шелухой, ударяя пучкомъ стеблей по краю чана или по большому камню. Размолъ зерна производится на—зачастую домашнихъ—мельницахъ весьма примитивнаго устройства, дающихъ муку плохого качества, вслѣдствіе чего въ Китаѣ отдается предпочтеніе импортной мукѣ. Примѣненіе домашнихъ животныхъ не обширно. Буйволомъ пользуются при обработкѣ рисовыхъ полей, быкомъ и осломъ—при сухой вспашкѣ;

1) *Ивановскій*, н. с., стр. 182.

лошади, мулы, коровы, козы находятъ себѣ также рабочее примѣненіе и запрягаются въ самыхъ странныхъ комбинаціяхъ, иногда совмѣстно съ человѣкомъ. Въ земледѣльческомъ быту человѣческій трудъ вообще преобладаетъ надъ различными видами производственнаго капитала. Такъ, нерѣдко земля вскапывается ручными орудіями, примѣняется иногда поливка вручную, сѣмена тщательно перебираются, сорныя травы выпалываются. При такомъ характерѣ земледѣлія оправдывается и устройство плавучихъ огородовъ на плетенныхъ плотахъ, покрываемыхъ рѣчнымъ иломъ и укрѣпленныхъ на якорѣ на широкихъ водныхъ пространствахъ рѣкъ. Въ горахъ иногда искусственно создаются поля, наноскою земли въ мѣшкахъ или носилкахъ. Громадное количество труда затрачено на террасированіе горныхъ склоновъ для предупрежденія размыва почвы и для орошенія ея, а также для болѣе удобной обработки. Въ земледѣліи придерживаются вообще плодоперемѣнной системы, но соотвѣтствію съ мѣстными условіями.

Но китайское земледѣліе страдаетъ односторонностью и рутиною. Практически это приводитъ къ тому, что значительнѣйшая часть поверхности въ общемъ густо населеннаго собственнаго Китая, какъ и нѣкоторая часть трудовыхъ силъ населенія остаются неиспользованными, а народное потребленіе низводится на уровень вынужденной умѣренности и использованія самыхъ незначительныхъ или же низкокачественныхъ возможныхъ видовъ пищи. Поэтому нельзя не присоединиться къ цитируемому *Rein*'омъ мнѣнію капитана *Gill*, что китайская система земледѣлія черезчуръ переоцѣнивается въ Европѣ[1]. Въ то время какъ европейскому населенію предстоитъ, вѣроятно, необходимость интенсификаціи земледѣлія, въ Китаѣ все говоритъ за необходимость экстенсивнаго развитія для утилизированія до сихъ поръ неиспользуемой половины земельной поверхности. Но для этого нужны иныя, новыя для Д. Востока, отрасли земледѣлія—лѣсоводство, животноводство и молочное хозяйство и полевое земледѣліе на непригодныхъ для интенсивной культуры земляхъ[1], а также болѣе широкое распространеніе плодового садоводства на раціональныхъ началахъ, получившаго значительное развитіе въ новѣйшую эпоху въ Японіи.

---

1) *Rein*, l. c., p. 21; см. также *Reclus*, l. c., p. 490, 496.

2) Ср. *Rein*, l. c. p. 17; *Н. Кохановскій*. *Очеркъ экономическаго положенія Японіи*. Стр. 5, 128.

Животноводство и экстенсивное полевое хозяйство увеличили бы слишкомъ ограниченные рессурсы продовольствованія населенія и полученія сырыхъ матеріаловъ для промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ подготовило бы новыя земли къ принятію будущаго прироста населенія. Широко и правильное поставленное облѣсеніе менѣе удобныхъ земель представляетъ важную проблему для китайскаго земледѣлія уже и потому, что это имѣло бы благопріятное вліяніе на распредѣленіе влаги. Засухи и наводненія, неравномѣрность выпаденія дождей, слишкомъ стремительное переполненіе водныхъ протоковъ послѣ дождей и быстрое истощеніе запасовъ влаги могли бы быть смягчены при энергичномъ и правильно поставленномъ облѣсеніи неудобныхъ земель. Разбросанная у храмовъ, могилъ и вдоль полей крупная растительность, бамбуковыя рощицы и фруктовые сады не могутъ, разумѣется, оказывать такое дѣйствіе. Помимо ихъ народнохозяйственнаго и гигіеническаго значенія, лѣса послужили бы къ снабженію страны деревомъ для хозяйственныхъ и промышленныхъ нуждъ. Деревья выростаютъ въ Китаѣ очень быстро, чѣмъ еще болѣе возвышается экономическая выгодность лѣсоразведенія. Наиболѣе труднопреодолимымъ затрудненіемъ и здѣсь представляется, конечно отношеніе къ этому дѣлу населенія, какъ и самого правительства. Необходимость искусственнаго лѣсоразведенія оцѣнена была управленіемъ германской колоніи *Цзяочжоу*, и въ настоящее время тамъ уже обнаружился полный успѣхъ этихъ начинаній, благодаря энергичному и неуклонному проведенію всѣхъ необходимыхъ для этого мѣръ, при наличіи денежныхъ средствъ и умѣлаго и ревностнаго персонала,—условія трудно достижимыя въ Китаѣ даже и по отношенію къ важнѣйшимъ государственнымъ задачамъ [1]).

---

1) По сообщенію китайскихъ хроникъ, тысяча лѣтъ тому назадъ Лаошаньскія горы были покрыты лѣсомъ. Но при занятіи *Цзяочжоу* нѣмцами (1897) территорія его, какъ и вся провинція Шаньдунъ, была бѣдна крупной растительностью. Деревьями были окружены храмы и могилы; кое-гдѣ на склонахъ горъ росли низкія, кривыя сосны; при нѣкоторыхъ монастыряхъ на Лаошанѣ бамбуковыя рощи придавали мѣстности тропическій видъ. Работы по облѣсенію начались съ обсадки овраговъ и укрѣпленія водныхъ протоковъ на склонахъ горъ каменными плотинами, чтобы предупредить размываніе почвы. Вслѣдствіе этого съ теченіемъ времени легко вывѣтривающаяся, богатая полевымъ шпатомъ каменистая поверхность горъ переработалась въ землю. Установлена была тща-

Развитіе этихъ отраслей земледѣлія представитъ, вѣроятно, больше затрудненій, нежели развитіе горной и фабрично-заводской промышленности. Затрудненіе явится не только въ сложившемся укладѣ земледѣлія и народнаго потребленія, но также и въ неравномѣрномъ распредѣленіи этихъ свободныхъ земель и въ недостаткѣ хорошихъ сообщеній къ нимъ.

тельная и строгая охрана всѣхъ сооруженій и растительности какъ отъ прямой порчи, такъ и отъ занесенія огня. Часто возникавшіе пожары немедленно тушились. Въ сухое время года (съ октября по іюнь) производилась поливка. Тщательно собирались гусеницы. Противъ порчи растеній зайцами успѣшно примѣнялась обмазка смѣсью изъ 1-й части карболинеума и 2-хъ частей известковаго молока. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, возвышенности вокругъ Цзинтау, горы Принца Генриха и Лаошань покрываются въ настоящее время молодымъ лѣсомъ. Уже въ 1903 г., отличавшемся обиліемъ дождей, было замѣчено, что тамъ, гдѣ прежде дождевая вода низвергалась въ 10—12 часовъ, теперь она постепенно вытекала въ теченіи пяти дней и болѣе. *Hans Weicker. Kiautschou. Das Deutsche Schutzgebiet in Ostasien.* Berlin. 1908. S. 87 f.

Земледѣльческія культуры.

Древнѣйшія классификаціи вообще указываютъ пять родовъ зерновыхъ растеній[1]) (*ву гу*—терминъ, приписываемый императору *Шень-нунъ*, 2737 - 2697 г. до Р. Хр.), преимущественно въ слѣдующей комбинаціи ихъ: 1) *дао*—рисъ, 2) *май*—пшеница и ячмень, 3) *изи*—обыкновенное просо (panicum miliaceum), 4) *шу*—просо (panicum miliaceum) съ повышеннымъ содержаніемъ клейковины, 5) *шу* (въ другомъ начертаніи)—масличные бобы-соя (soja hispida). Наряду съ ними воздѣлывались и другія растенія, и нѣкоторые изъ древнихъ комментаторовъ включали въ классификацію, взамѣнъ *ци*, *лянъ*, или setaria italica,—видъ проса, либо, взамѣнъ *дао, ма*—коноплю (cannabis sativa) [2]).

Среди различныхъ растеній, культивируемыхъ въ китайскомъ земледѣліи первое мѣсто принадлежитъ рису. Рисъ, виды котораго дико растутъ въ болотахъ Остъ-Индіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, признается китайцами растеніемъ туземнаго происхожденія. Уже за 2800 лѣтъ до Р. Хр. рисъ былъ въ Китаѣ распространеннымъ культурнымъ растеніемъ. Въ настоящее время рисъ воздѣлывается во всемъ собственномъ Китаѣ, за исключеніемъ провинціи *Ганьси* и большей части пров. *Шэньси* и *Ганьсу*, хотя въ Сѣверномъ Китаѣ преобладаютъ другія хлѣбныя растенія —пшеница и просо. Рисовыя поля занимаютъ по меньшей мѣрѣ восьмую часть всей земледѣльческой площади въ Китаѣ [3]), къ чему присоединяется распространенный на югѣ двукратный посѣвъ риса на одномъ и томъ же полѣ въ теченіи года. Преимущества риса предъ другими хлѣбными растеніями заключаются не только въ внѣшнемъ видѣ и высокихъ вкусовыхъ качествахъ, удобоваримости и значительной питательности

1) *Botanicon sinicum. Notes on Chinese Botany, from Native and Western Sources. By E. Bretschneider.* Journal of the China Branch etc. XXV. ch. II. pet. I. p. p. 137—168.

2) Въ древности конопляное сѣмя употреблялось въ пищу.

3) *Reclus*, l. c., p. 491.

риса, но также и въ томъ, что воздѣлываніе его не требуетъ сложныхъ и дорогихъ земледѣльческихъ орудій и большого количества времени; рисъ созрѣваетъ въ четырехмѣсячный періодъ времени, послѣ чего земля освобождается для новаго посѣва. При воздѣлываніи риса зерно значала промачивается, затѣмъ густо засѣивается на небольшомъ клочкѣ земли съ жидкимъ удобреніемъ; когда разсада достигнетъ шести дюймовъ, растеньица высаживаются на поле, пропитанное водой. Держа въ одной рукѣ разсаду, земледѣлецъ идетъ по заболоченному полю и на каждомъ шагу втыкаетъ 4—6 ростковъ, принимающихся безъ дальнѣйшаго ухода за ними. Шесть человѣкъ, изъ которыхъ одинъ или два подаютъ остальнымъ разсаду, могутъ въ одинъ день засадить $3/4$ десятины. На десятину рисовыхъ полей потребовалось бы около 25 пудовъ или 9 четвериковъ зерна. Урожай въ среднемъ—с а м ъ д е с я т ь[1]). Такая цыфра урожая риса въ Китаѣ, быть можетъ, въ общемъ нѣсколько ниже дѣйствительной. Но во всякомъ случаѣ урожайность риса должна понижаться частымъ чередованіемъ посѣвовъ и культивированіемъ быстро растущихъ сортовъ обыкновеннаго риса[2]). Рисовая солома представляетъ весьма цѣнимый и широко используемый матеріалъ. Въ меньшихъ размѣрахъ воздѣлывается на возвышенныхъ мѣстахъ, лишенныхъ искусственнаго орошенія, крупнозернистый темный рисъ, употребляемый при жертвоприношеніяхъ.

Послѣ риса наиболѣе распространеннымъ въ Китаѣ хлѣбнымъ растеніемъ, притомъ воздѣлываемымъ въ Китаѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, является пшеница (*сяо май*=мелкій май), изъ которой изготовляется мука. Ячмень (*да май*=крупный май), хотя и издревле извѣстный китайцамъ, воздѣлывается въ Китаѣ въ не столь большихъ размѣрахъ и ставится значительно ниже пшеницы. Просо служитъ главною пищею массы населенія въ сѣверномъ Китаѣ, употребляется въ пищу какъ пшено и въ размолотомъ видѣ. Изъ различныхъ видовъ проса, *цзи* въ древности употреблялось для

---

1) *Williams*. l. c., p. 5.

2) Данныя, приводимыя относительно Японіи въ трудѣ: *The Industries of Japan*, by *J. J. Rein* London, 1889, также указываютъ на весьма умѣренную урожайность, значительно уступающую урожайности знаменитыхъ рисовыхъ полей въ Сѣв. Италіи. Къ преимуществамъ послѣднихъ *Rein* относитъ примѣненіе плодосмѣна, посѣвъ сѣмянъ съ руки и отчасти болѣе высокую плодородность почвы. Также ср. ниже, въ мѣстныхъ данныхъ.

религіозныхъ цѣлей; *шу*, отъ котораго уже въ древнемъ Китаѣ было извѣстно много разновидностей, воздѣлывается въ Китаѣ въ значительныхъ размѣрахъ. *Лянъ* (чу-ми-цза), отличающійся обильной урожайностью (въ хорошій годъ до 10.000 зеренъ на колосъ[1]), съ мелкимъ темнымъ зерномъ, распространенный въ Ю. Европѣ, составляетъ въ Сѣверномъ Китаѣ, гдѣ не воздѣлываютъ риса, главную пищу массы населенія; сѣется на сухой, легкой почвѣ, въ особенности въ гористыхъ мѣстностяхъ. Сорго (*гаолянъ*)—видъ проса съ высокимъ стеблемъ—извѣстно въ Китаѣ съ III в. по Р. Хр.; зерна его имѣютъ тонкую шелуху, превосходя въ этомъ отношеніи предыдущій сортъ; широко воздѣлывается на Сѣверѣ, причемъ кромѣ зерна, утилизируется и камышъ—на кормъ скота, кровлю и топливо. Въ настоящее время въ Китаѣ воздѣлываютъ также гречиху и маисъ. Родиною гречихи являются Маньчжурія, Сибирь и Центральная Азія. Китайское названіе гречихи (*цзяо май*) впервые упоминается въ китайскихъ трактатахъ о хозяйствѣ въ пятомъ вѣкѣ. Маисъ, наряду съ табакомъ и картофелемъ сталъ извѣстенъ въ Европѣ со времени открытія Америки. Въ Китай маисъ былъ занесенъ португальцами въ первой половинѣ 16 вѣка и, благодаря своимъ вкусовымъ и питательнымъ свойствамъ и соотвѣтствію съ климатомъ, быстро распространился здѣсь[2]). Различные сорта хлѣба изъ вышеперечисленныхъ издревле примѣняются какъ матеріалъ для полученія вина посредствомъ холоднаго броженія и уксуса. Винокуреніе, введеніе котораго въ Китаѣ относятъ ко временамъ монгольской династіи, имѣетъ матеріаломъ гаолянъ, изъ котораго въ Маньчжуріи и на сѣверѣ Китая изготовляется крѣпкій спиртъ *шао-цзю*, двойной и тройной перегонки[3]), называемый русскими ханшиномъ.

Изъ бобовыхъ растеній важнѣйшимъ является вышеуказанный видъ, который, по величинѣ всего растенія, получилъ названіе крупныхъ бобовъ и въ значительныхъ размѣрахъ воздѣлывается въ Китаѣ, въ особенности на сѣверѣ. Плоды этого растенія, по своей питательности стоящіе выше другихъ видовъ бобовъ, по величинѣ соотвѣтствуютъ горошку. Изъ нихъ китайцы приготовляютъ съѣдобное масло, сою и растительный сыръ. Издавна извѣстны въ Китаѣ также нѣсколько видовъ малыхъ бобовъ, представляющихъ собою phaseo-

1) *Williams*, н. с., I, p. 772.
2) *Rein*, l. c., p. 52—55; *Bretschneider*, l. c., II, p. 150.
3) *Bretschneider*, l. c., № 349.

lus radiatus и phaseolus Mungo. Разновидность малыхъ бобовъ съ зелеными плодами распространена въ Китаѣ и составляетъ существенный элементъ питанія. Изъ муки этихъ бобовъ приготовляется китайская вермишель[1]).

Обыкновенный картофель не получилъ большого распространенія въ Китаѣ; воздѣлывается въ Зап. Китаѣ и въ Маньчжуріи[2]). Около 1610 года съ о. Люцонъ въ Китай занесено было воздѣлываніе сладкаго картофеля (batatas edulis), китайское названіе котораго *байшу*. Сладкій картофель, требующій для роста клубней болѣе теплой почвы и напоминающій по вкусу каштаны, весьма распространенъ въ Китаѣ[3]).

Большое значеніе имѣетъ воздѣлываніе овощей. Среди нихъ преобладаютъ лукъ, чеснокъ, порей, горчица, латукъ, сельдерей, дыня, тыквы, баддижанъ (solanum melongena), капуста различныхъ сортовъ, огурцы, арбузъ, рѣпа, редисъ, рѣдька, морковь, солаты, томаты, красный перецъ и мн. др. Есть нѣсколько разновидностей лука и чеснока. Туземный лукъ (allium fistulosum) и другой видъ (allium сера)—вѣроятно, заимствованный, не образуютъ луковицы; но есть видъ, издавна заимствованный, съ круглой луковицей. Изъ разновидностей горчицы, отъ одной идутъ въ пищу сѣмена, отъ другой—листья, отъ третьей—корни. За исключеніемъ огурцовъ и арбузовъ, всѣ тыквенныя растенія, воздѣлываемыя въ Китаѣ, вѣроятно, туземнаго происхожденія. Огурцы занесены были въ Китай съ запада знаменитымъ генераломъ *Чжанъ-цянь* во II в. до Р. Хр. (см. стр. 57). Арбузы проникли въ Китай въ X вѣкѣ изъ страны Киданей (Восточная Монголія и Маньчжурія). Изъ тыквъ воздѣлывается весьма много разновидностей. Издавна воздѣлывается также имбирь (alpinia), корни котораго въ свѣжемъ видѣ употребляются какъ приправа къ кушаньямъ и въ заготовленномъ—какъ лакомство[4]). Китайцы проявляютъ особенное усердіе при выращиваніи огородныхъ растеній. Гряды тщательно раздѣлываются и обильно поливаются жидкими удобреніями. Обращается вниманіе на

---

1) См. *A. Hosie. Manchuria*. London. 1901, p. 172—186,

2) *A. Hosie. Three years in Western China*. 2 ed. London. 1897, passim; *Hosie. Manchuria*, p. 195.

3) *Rein*, l. c., p. 65.

4) *Bretschneider*, l. c., II. pp. 169—203; *Williams* I, sh VI.

форму плодовъ. Но на вкусъ китайскія овощи прѣсны и водянисты[1]).

Изъ масличныхъ растеній служатъ для выдѣлки масла, идущаго въ пищу, главнымъ образомъ кунжутъ, иначе сезамъ, и земляной орѣхъ (arachis hypogaea)—на югѣ, на сѣверѣ—бобы. Для различныхъ надобностей служатъ масла, получаемыя изъ конопляного, льняного, рапсоваго, хлопковаго, маковаго, рициноваго сѣмени, сѣмянъ perilla ocymoides и др. Техническое примѣненіе, какъ напр. для примѣшиванія къ лаку и краскамъ, промазыванія лодокъ и пр., имѣетъ масло, добываемое изъ сѣмянъ двухъ или трехъ видовъ eleococca (иначе aleurites cordata); это *деревянное масло*, въ переводѣ съ китайскаго названія, употребляется и какъ лѣкарственное средство[2]). Въ пров. *Хунань* въ значительномъ количествѣ выдѣлывается чайное масло изъ зеренъ чайнаго деревца и камелій; употребляется для волосъ, кухни и освѣщенія[3]). Въ виду преобладающаго потребленія растительной пищи и растительныхъ жировъ, широкаго техническаго примѣненія этихъ жировъ и возможности выгодной утилизаціи и сбыта жмыховъ, воздѣлываніе масличныхъ растеній получило значительные размѣры.

Изъ техническихъ растеній выдающееся значеніе имѣютъ въ китайскомъ земледѣліи, кромѣ того, чайное деревцо, бѣлая шелковица (тутовое дерево) совмѣстно съ полученіемъ шелка, хлопчатникъ, волокнистыя и красильныя растенія, сахарный тростникъ, макъ, табакъ, восковое, сальное, лаковое дерево и бамбукъ, а также лѣкарственныя растенія, частью свободно растущія, частью культивируемыя.

Чайное растеніе (*ча*) воздѣлывается главнымъ образомъ въ пров. *Фуцзянь*, *Аньхуй*, *Цзянси*, *Хубэй*, *Хунань*, *Сычуань* и *Юньнань*. Сѣверную границу его распространенія въ Китаѣ представляетъ 36° сѣв. широты, южную—тропикъ. Въ сѣверномъ Китаѣ чайныя деревца переносятъ морозы до 9° С. Климатъ, почва, уходъ и обработка собраннаго листа имѣютъ большое значеніе для качества продукта. Влажный, жирный суглинокъ представляетъ наи-

---

1) *Коростовецъ*, н. с., стр. 341.

2) *Williams*, l. c., V. II, p. 11; *Bretschneider*, l. c., p. II, № 64. 515; *Hosie*, *Three Years* etc., p. 18. Свѣдѣнія о свойствахъ, примѣненіи и сбытѣ маслъ сообщаетъ *Rein*, l. c., p. 150 etc., о выходѣ маслъ и жмыховъ—*Hosie*, *Manchuria*, p. 187—8.

3) *Baron Richthofen's Letters*, p. 5; *Williams*, l. c., p. 40.

лучшую почву. Излишекъ влаги губитъ деревца, вслѣдствіе чего особенно пригодными являются легкіе склоны, на которыхъ почва не размывается дождями и не слишкомъ пропитывается сыростью. Земля подъ чайными плантаціями въ Китаѣ тщательно и глубоко раздѣлывается и удобряется. Изъ культурныхъ разновидностей чайнаго деревца воздѣлывается преимущественно thea viridis. Деревца, разводимыя сѣменами, располагаются рядами, въ опредѣленномъ разстояніи, отъ 3 до 5 футъ, между растеніями. Когда оставляются значительные промежутки, они иногда заполняются посадкою овощей, табака или даже тутовыхъ деревьевъ. Чайныя деревца на плантаціяхъ не бываютъ выше 3 футъ, большею же частью высотою въ половину этого, но растутъ раскидистыми кустами. Хорошій листъ начинаютъ давать трехлѣтнія растенія, по достиженіи же восьми лѣтъ или позже сборъ уменьшается, вслѣдствіе чего растенія выбрасываются и замѣняются новыми. Первый и главный сборъ листа производится въ маѣ и продолжается 10—20 дней; второй сборъ слѣдуетъ чрезъ 4—6 недѣль и даетъ болѣе грубый листъ для собственнаго потребленія или для изготовленія прессованныхъ чаевъ. Иногда въ апрѣлѣ собирается нѣжный, не вполнѣ развернувшійся листъ, дающій наиболѣе цѣнные чаи съ „бѣлымъ волосомъ", происходящимъ отъ бѣлесоватаго пушка на молодыхъ листочкахъ. *Williams* опредѣляетъ средній сборъ зеленаго листа съ одного растенія въ 16—22 унцій (0.45—0.62 килогр.) съ хорошаго экземпляра и 10 и даже 8 унцій (0.28—0.23 килогр.) съ нихъ. Листъ собирается земледѣльцами или скупщиками-фабрикантами, когда сборъ чая запроданъ на кустахъ. Самая работа выполняется по найму женщинами и дѣтьми. Много рукъ требуетъ сортировка собраннаго листа. Одинаковые экземпляры чайнаго деревца даютъ послѣ обработки весьма различный продуктъ (зеленый и черный чаи, въ розсыпи и прессованные), въ зависимости отъ способовъ обработки. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ распространенъ главнымъ образомъ одинъ или другой способъ обработки листа. На одинъ фунтъ готоваго чая идетъ 4—5 фунтовъ свѣжаго листа. Чайныя плантаціи представляютъ обыкновенно небольшіе клочки земли, иногда лишь съ нѣсколькими десятками кустовъ. Въ то время какъ въ самой странѣ распространено также потребленіе различныхъ, болѣе дешевыхъ суррогатовъ, чай представляетъ важную статью экспорта—несмотря на усиливающуюся конкурренцію остъ-индскихъ

и цейлонскихъ чаевъ, отличающихся лучшею обработкою листа, и ограниченность потребленія чая на континентѣ Зап. Европы. Культура чая и потребленіе его распространились въ Китаѣ въ 6 или 7 вѣкѣ по Р. Хр.[1]).

Шелковица (тутовое дерево) растетъ на сѣверѣ, какъ дерево, дающее ягоды и тѣнь; здѣсь это дерево достигаетъ 50 футъ вышины. Въ шелководныхъ провинціяхъ листва бѣлой шелковицы (morus alba, по свѣтлому оттѣнку болѣе тонкихъ и нѣжныхъ листьевъ, нежели у morus nigra) служитъ пищею для шелковичныхъ червей (bombyx mori). При этомъ деревьямъ либо даютъ возможность полнаго роста либо усиленно обрѣзаютъ ихъ для увеличенія числа вѣтвей и листьевъ. Въ пров. *Чжэцзянъ* въ январѣ шелковицу обрѣзаютъ, устраняя лишнія вѣтки и дѣлая надрѣзы на другихъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ, чтобы побудить дерево разростаться; деревья сажаются рядами, на опредѣленномъ разстояніи одно отъ другого; промежутки заполняются бобовыми растеніями или зеленью. Шелковичныя деревья размножаются сѣменами и отводками и болѣе или менѣе быстро истощаются и замѣняются новыми. Шелководство возникло въ самомъ Китаѣ въ очень отдаленныя времена. *Bretschneider* приводитъ два преданія о возникновеніи шелководства. По одному, сообщаемому трактатомъ *Хуай-нань-ван*'а о шелководствѣ (I в. до Р. Хр.), *Силинъ*, супруга императора Хуан-ди (2697 до Р. Хр.), почитаемая богинею шелка подъ именемъ *Янъфэй*, впервые научила населеніе разведенію шелковичныхъ червей. По другому (по соч. *Лу-ши*, врем. Сун'ской династіи) императоръ *Шэнь-нунъ* (28 в. до Р. Хр.) впервые научилъ населеніе воздѣлывать коноплю и шелковицу, для полученія пеньковыхъ и шелковыхъ тканей. Шелкъ получается въ большемъ или меньшемъ количествѣ во всѣхъ вообще провинціяхъ собственнаго Китая, но въ наибольшемъ количествѣ и лучшаго качества въ провинціяхъ *Чжэцзянъ*, *Гуандунъ*, *Сычуанъ*, *Хэнанъ*, *Цзянсу* и *Гуйчжоу*. Наилучшій шелкъ получается въ пров. *Чжэцзянъ*; однако, какъ указываетъ *Rein*[2]), и онъ не можетъ сравниться съ итальянскимъ или севеннскимъ шелкомъ. Но по количеству продукта

---

1) *Williams*, l. c., II, p. 40 etc., *Rein*, l. c., p. 110 etc.; *Bretschneider*, l. c., № 307; *Коростовецъ*, н. с., стр. 345; *Ивановскій*, н. с., стр. 183; *M. Kennelly. Richard's Comprehensive Geography of the Chinese Empire and Dependencies*. Shanghai. 1908, p. 395.

2) L. c., p. 187.

Китай занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Начиная съ древнихъ временъ, Европа получала шелкъ изъ Китая, въ новѣйшее же время шелкъ представляетъ важнѣйшій предметъ внѣшняго экспорта изъ Китая[1]), при громадномъ потребленіи шелка въ самомъ Китаѣ. Въ пров. *Шаньдунъ*, *Сычуань* и *Гуйчжоу*, а также въ Ю. Маньчжуріи собирается дикій шелкъ изъ коконовъ червей (antheraea Pernyi), питающихся листьями деревьевъ (ailantus, quercus mongolica). Этотъ шелкъ служитъ для изготовленія чесунчи, частью же экспортируется въ другія страны[2]).

Хлопчатникъ, представляющій другое важнѣйшее изъ текстильныхъ растеній въ Китаѣ, выращивается почти во всѣхъ провинціяхъ собственнаго Китая, причемъ значительная часть урожая потребляется на мѣстѣ. Главный районъ воздѣлыванія хлопка находится въ бассейнѣ р. *Янцзы-цзянъ*, гдѣ воздѣлывается какъ бѣлый, такъ и желтый хлопокъ. *Гуйчжоу* и въ особенности *Сычуань* снабжаются хлопкомъ изъ центральнаго Китая. Хлопокъ былъ окончательно введенъ въ Китаѣ около 1000 года по Р. Хр. изъ Кохинхины. Но уже за нѣсколько столѣтій до этого онъ упоминался въ китайскихъ лѣтописяхъ, какъ иноземный продуктъ (Южной и Центральной Азіи). Для удобренія хлопковыхъ полей служитъ тина изъ каналовъ, разбрасываемая съ золою по вспаханной землѣ. Около 20 апрѣля проросшія сѣмена разсаживаются по пяти или шести зеренъ вмѣстѣ. Плантаціи пользуются тщательнымъ уходомъ; растенія прорѣживаются, окучиваются и пропалываются, пока не появится въ августѣ цвѣтъ. Сѣмена, созрѣвающія съ августа по октябрь, снимаются при созрѣваніи, чтобы предупредить засореніе хлопка. Сухое лѣто и сырая осень неблагопріятны для урожая[3]).

Кромѣ того, вообще широко воздѣлываются также другія волокнистыя растенія: конопля (cannabis sativa), разновидность крапивы (boehmeria nivea) и sida tiliaefolia. Конопля воздѣлывается какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Китая. Boehmeria nivea отличается отъ другихъ видовъ крапивы тѣмъ, что снизу листья бѣлаго цвѣта. Стебли растутъ изъ постоянныхъ корней, не требуя

---

1) См. прилагаемую въ концѣ таблицу.

2) *Rein*, l. c., p. 185 etc.; *Williams*, II, p. 10 etc., p. 32 etc.; *Bretschneider*, l. c., № 388 p. 203, № 499; *Hosie*, *Manchuria*, p. 199—203.

3) *Bretschneider*, l. c., II, p. 206; *Williams* l. c. II, p. 9—10.

ежегоднаго посѣва. Внутренній слой стеблей даетъ волокна, извѣстныя въ Европѣ подъ именемъ „китайской травы“ и называемыя также рами, хотя настоящее рами получается изъ другого вида boehmeria, растущаго въ тропическихъ областяхъ. Отдѣленіе волокна производится въ Китаѣ самими земледѣльцами, исключительно ручнымъ способомъ. При воздѣлываніи boehmeria nivea требуетъ влажной и плодородной почвы и удобреній. Sida tiliaefolia (иначе abutilon avicennae) распространено въ дикомъ состояніи и въ земледѣліи въ Сѣверномъ Китаѣ, также въ пров. *Сычуань*; наряду съ настоящей коноплей широко воздѣлывается также во всѣхъ трехъ провинціяхъ Маньчжуріи. Ленъ (linum sativum), заимствованный извнѣ, на что указываетъ и китайское названіе (*ху-ма*, иностранная конопля) воздѣлывается въ Сѣв. Китаѣ (и, можетъ быть, въ другихъ частяхъ страны) и въ Южной Монголіи, но только для полученія масла изъ сѣмянъ, а не волокна[1]).

Изъ красильныхъ растеній наиболѣе распространено polygonum tinctorium, однолѣтнее растеніе, воздѣлываемое, кажется, повсюду въ имперіи, не исключая Маньчжуріи, и дающее краску, сходную съ индиго[2]). Настоящее индиго (indigofera tinctoria), какъ тропическое растеніе, выращивается лишь на крайнемъ югѣ Китая. Кромѣ того, воздѣлывается также другое растеніе — isatis tinctoria, въ японскихъ источникахъ называемое „великой голубой краской китайской провинціи (генералъ-губернаторства) Цзянъ-нань“. Для полученія красной краски служатъ корни марены (rubia cordifolia), распространенной въ сѣверныхъ и центральныхъ провинціяхъ Китая[3]) и сафлоръ (carthamus tinctorius). Какъ сообщаетъ *A. Hosie*, уже въ 80-хъ годахъ это однолѣтнее растеніе, прежде воздѣлывавшееся въ пров. *Сычуань* для мѣстнаго потребленія и на вывозъ, въ значительной мѣрѣ вытѣснено было европейскими анилиновыми красками и уступило свое мѣсто воздѣлыванію мака[4]).

Для изготовленія бумагъ служитъ подслой коры въ натуральномъ видѣ южнаго растенія fatsia papyrifera, кора широко воздѣлыва-

---

[1]) *Bretschneider*, l. c., II, ch. IV; *Hosie. Three Years etc.*, p. 73; *Hosie. Manchuria*, p. 186—7; *Rein*, l. c., p. 167—8.

[2]) *Hosie. Manchuria*, p. 188—9; здѣсь объясненъ также способъ приготовленія краски.

[3]) *Bretschneider*, l. c., ch. V: Tinctorial Plants.

[4]) *Three years* etc., p. 83—4.

емой въ сѣв. провинціяхъ бумажной тутовицы (broussonetia papyrifera), а также древесина бамбука, шелковичные коконы, тряпки и др.[1]).

Сахарный тростникъ выращивается лишь на югѣ и юго-западѣ Китая, главнымъ образомъ въ пров. *Гуандунъ*, *Фуцзянь* и *Сычуань*. Полученіе сахара производится очень несовершенными способами, при чемъ часть продукта теряется. Съ пользою работаютъ иностранные рафинадные заводы *(Хонконъ)*[2]).

Макъ воздѣлывается почти во всѣхъ провинціяхъ собственнаго Китая и въ Маньчжуріи, въ особенности же въ пров. *Юньнань, Гуйчжоу*, *Сычуань*, *Ганьсу*, *Шэньси*, *Шаньси*, *Шандунъ*, *Хэнань*, сѣв. *Цзянсу* и *Чжэцзянъ* и служитъ для полученія опіума, который, хотя и уступая качественно индійскому опіуму, составляетъ весьма значительную часть земледѣльческаго производства въ Китаѣ. Куреніе опіума было занесено въ Китай съ о. *Явы* и *Тайвань* (Формоза) въ началѣ XVIII вѣка. Культура мака для полученія опіума возникла въ Китаѣ около 1830 г. и, какъ и самое куреніе, распространилась весьма быстро. Развитіе внутренняго производства, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, имѣло результатомъ послѣдовательное сокращеніе внѣшняго ввоза опіума. Число курильщиковъ исчисляется въ настоящее время до 30 милліоновъ. Въ виду, однако, очевиднаго вреда, причиняемаго потребленіемъ опіума какъ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ семьямъ, такъ и всей странѣ, императорскимъ указомъ отъ 20 сентября 1906 года установлено, что въ десятилѣтній срокъ добываніе, продажа и потребленіе опіума должны быть прекращены. Въ числѣ мѣръ къ осуществленію этого указа принято было постепенное сокращеніе воздѣлыванія мака, а равно и внѣшняго ввоза опіума[3]).

Воздѣлываніе табака въ Китаѣ первоначально распространилось въ Маньчжуріи, куда проникло изъ Кореи, заимствовавшей его съ своей стороны у японцевъ; послѣдніе же ознакомились съ потребленіемъ и воздѣлываніемъ табака отъ европейскихъ мореплавателей въ концѣ 16 вѣка. Независимо отъ того куреніе табака уже раньше проникло въ Китай съ о. Люцонъ. Какъ потребленіе, такъ и воздѣлываніе та-

---

1) *Williams*, l. c., I, p. 599; *Hosie*, *Three years* etc., p. 22—3; *Bretschneider*, l. c., II, № 503; *Rein*, l. c., p. 393 etc.; *Ивановскій*, н. с., стр. 184.

2) *Williams*, l. c., II, 11; *Kennelly*, l. c., p. 397, 286.

3) Ibidem, p. 396—7.

бака получили впослѣдствіи значительное распространеніе. Табакъ воздѣлывается въ собственномъ Китаѣ и въ Маньчжуріи[1]).

Фруктовыя деревья растутъ во всѣхъ провинціяхъ, и многіе виды ихъ издревле свойственны Китаю. Несмотря однако на благопріятныя почвенныя и климатическія условія и наличность техническихъ знаній китайцы относятся безъ особаго вниманія къ промысловому плодоводству. Издавна практикуя прививку и располагая возможностью культивировать всевозможные виды плодовыхъ растеній, они содержатъ свои плодовые сады на столько небрежно, что отъ этого страдаетъ сборъ плодовъ; такъ напр., въ значительной части плодовъ заводятся черви[2]). Въ южномъ Китаѣ растутъ тропическіе плоды, какъ ананасы, бананы, манго. Нѣкоторые изъ плодовъ—собственно китайскаго происхожденія, какъ можно заключить изъ обозначенія ихъ оригинальными іероглифами; это относится къ сливѣ, грушѣ, апельсиновому дереву подобно тому, какъ и къ пшеницѣ, коноплѣ, шелковицѣ. Апельсины представлены тремя различными видами: на югѣ, какъ напр., въ пров. *Фуцзянь*, выращиваются крупные сладкіе апельсины съ тонкой кожей, напоминающіе такой же плодъ Южной Европы; тамъ же растутъ мелкіе сладкіе апельсины, которымъ иностранцы присвоили названіе мандаринъ; они растутъ также въ пров. *Чжэцзянъ*, *Аньхуй* и *Цзянси*. Кромѣ того, на югѣ же (въ особ. *Амой*) распространенъ третій видъ апельсина съ очень крупнымъ, толстокожимъ плодомъ кисло-горькаго вкуса (citrus decumana). На югѣ есть также много лимонныхъ деревьевъ. Слива, абрикосъ, персикъ, каштанъ, жужубъ составляли главныя пять культурныхъ плодовыхъ деревьевъ древнихъ китайцевъ (*ву го*). Въ Пекинѣ разводятся сливы съ темно-красными и желтыми плодами, тѣхъ же видовъ, какіе распространены въ Европѣ; на югѣ Китая—и другіе сорта сливъ. Въ горахъ сѣвернаго Китая въ обиліи растутъ дикіе абрикосы со съѣдобными плодами; абрикосы культивируются въ Китаѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ и принадлежатъ къ числу туземныхъ плодовыхъ деревьевъ Китая. Персикъ разводится въ значительномъ количествѣ въ Сѣв. Китаѣ; онъ часто упоминается въ классическихъ и иныхъ древнихъ книгахъ Китая. Китайскій жужубъ (Zizyphus vulgaris) воздѣлывается въ Китаѣ, кажется, съ незапамятныхъ временъ; европейцы иногда ошибочно принимаютъ плоды

1) *Rein*, l. c.. p. 131. 2) *Коростовецъ, н. с., стр. 348.*

его за финики вслѣдствіе сходства по формѣ плодовъ. Въ дикомъ видѣ жужубъ распространенъ на равнинѣ Пекина и въ горахъ и отличается обиліемъ шиповъ, вслѣдствіе чего употребляется для изгородей. Каштанъ (castania vulgaris) растетъ повсюду въ Китаѣ и одинаковъ съ растущимъ въ Европѣ. Кромѣ каштана съ крупными плодами, есть видъ, дающій мелкіе плоды того же вкуса, величиною въ лѣсной орѣхъ. Въ горахъ *Ляо-дун*'а (Южная Маньчжурія) и въ юго-западной части пров. *Шаньси* обильно растетъ лѣсной орѣшникъ, плоды котораго китайцы употребляютъ издревле. Груша растетъ въ дикомъ видѣ, а равно культивируется въ *Маньчжуріи* и *Шаньдун*'ѣ; за исключеніемъ сортовъ бѣлой и земляничной груши, вообще много уступаетъ европейскимъ; китайскіе сорта даютъ большею частью твердый и малосладкій плодъ округленной формы и различной, не особенно крупной величины. Въ Сѣв. Китаѣ имѣется нѣсколько видовъ яблони, плоды которыхъ суховаты и маловкусны. Два вида дикаго винограда съ съѣдобными мелкими голубыми ягодами (vitis vicifolia, bryoniaefolia) растутъ въ пекинскихъ горахъ. Культурный виноградъ разводится въ сѣверной части Китая, откуда привозится также во Владивостокъ. Подъ вліяніемъ успѣшныхъ начинаній иностранцевъ, съ 1897 года началось насажденіе винограда близъ г. *Чжифу*. Въ 1902 году площадь виноградниковъ, разведенныхъ богатыми собственниками и компаніями, достигала 30 десятинъ. Въ 1900 году было уже приготовлено вина свыше 4.100 ведеръ. Виноградъ—европейскихъ лозъ и даетъ вино хорошаго качества [1]). Вино пока не выпускается въ продажу. По сообщенію древнихъ китайскихъ писателей, виноградъ впервые занесенъ изъ Зап. Азіи, около 125 г. до Р. Хр. Введеніе изъ Зап. Азіи винограда, также какъ гранатоваго дерева, сафлора, обыкновенныхъ бобовъ, огурцовъ, люцерны, коріандра, грецкаго орѣха и другихъ растеній, приписывается *Чжанъ-цян*'ю. Посланный туда императоромъ *У-ди* по дипломатическимъ дѣламъ въ 139 г. до Р. Хр., онъ на пути былъ захваченъ въ плѣнъ гуннами, обитавшими въ монгольскихъ степяхъ, бѣжалъ изъ плѣна чрезъ 10 лѣтъ, затѣмъ годъ провелъ въ Западной Азіи, на обратномъ пути опять попалъ въ плѣнъ къ гуннамъ и опять бѣжавъ возвратился въ Китай въ 126 году, послѣ чего командовалъ военными силами въ безуспѣш-

[1]) *П. Сивяковъ. Географич. свѣдѣнія о Шаньдунской провинціи и портѣ Чжифу.* (Изв. Вост. Инст. Т. III, вып. IV и V).

номъ походѣ противъ гунновъ [1]). Въ Сѣверномъ же Китаѣ (*Пекинъ*) растутъ и даютъ плоды гранатовыя деревья. На всѣхъ рынкахъ Китая имѣются плоды *баiуа* (salisburia adjantifolia), по величинѣ, формѣ и цвѣту похожіе на крупныя мирабеллы; дерево отличается декоративностью. Въ Сѣв. Китаѣ (*Шаньдунъ*) изъ древности распространены отличающіяся красотою деревья *ши-цзы* (diospyros, яп. каки), дающія крупный, оранжеваго цвѣта, сладкій плодъ, по окраскѣ и вкусу отчасти напоминающій томаты; плоды созрѣваютъ поздно осенью. Въ Южномъ Китаѣ въ обиліи растетъ разновидность оливковыхъ деревьевъ съ плодами невысокаго качества. Издавна, хотя и не особенно обильно культивируется eriobotrya japonica (китайское названіе-*лущ*, японское-бива, англійское - loquat)—небольшія вѣчно зеленыя деревья, переносящія легкій морозъ и дающія небольшой сочный плодъ желтоватаго цвѣта съ 1—6 крупными зернами [2]). Изъ другихъ плодовъ отмѣтимъ упоминавшійся уже земляной орѣхъ, айку (cydonia sinensis), hovenia dulcis, весьма цѣнимую въ Маньчжуріи ягоду боярышника и мало распространенную вишню. Барбарисъ, крыжовникъ, смородина, малина и клубника разводятся въ портовыхъ городахъ иностранцами. Фиговыя деревья, несмотря на усилія португальцевъ распространить эту культуру въ Китаѣ, не привились вслѣдствіе вкуса плодовъ ихъ. Весьма развито приготовленіе консервированныхъ фруктовъ [3]). Въ будущемъ китайцы, вѣроятно, еще болѣе используютъ техническія свѣдѣнія и потребительскій спросъ иностранцевъ въ дѣлѣ плодоводства.

Значительнаго развитія, несмотря на традиціонную условность китайскаго вкуса, достигло декоративное садоводство. Общественныхъ парковъ и садовъ вообще нѣтъ въ Китаѣ, но при кумирняхъ, дачахъ состоятельныхъ китайцевъ и нерѣдко при городскихъ домахъ устраиваются большіе или малые сады, при чемъ недостатокъ мѣста возмѣщается присущими китайскому саду тщательнымъ использованіемъ пространства, миніатюрностью декоративной отдѣлки и искус-

---

1) *Bretschneider*, *Botanicon Sinicum*, Part I, p. 25 (Journal of the North-China Branch of the R. A. S. 1881 Vol. XVI.

2) *Rein*, l. c., p. 85—6; *A. Hosie. Report on a Journey to the Eastern Frontier of Tibet*. London. 1905 passim.

3) *Bretschneider*, l. c., II, ch. VIII: Fruits; *Rein*, l. c., I, 2. *Hosie. Manchuria*, p. 197—8; *Коростовецъ*. н. с., стр. 349; *Williams*. l. c., I, p. 362—6, 774—5.

нымъ усиленіемъ перспективы; садъ стараются превратить въ панораму красотъ природы. Цвѣты и карликовыя деревца въ горшкахъ размѣщаются вдоль дорожекъ и лѣстницъ. Китайцы обладаютъ большимъ числомъ выдающихся по красотѣ деревьевъ и кустарниковъ, какъ тамарискъ, лагерстреміи, много разновидностей магноліи и камеліи, гранатовое дерево, мирта, лавзонія, маслины, азаліи, многочисленныя разновидности розъ, китайская роза (hybiscus), спирей; изъ цвѣтовъ особенно любимы признаваемые также цѣлебными растеніями піонъ и лотосъ, затѣмъ хризантемы, астры, штокрозы, нарциссы, колокольчики, ипомеи и др.[1]).

Китай изобилуетъ полезными деревьями, имѣющими примѣненіе въ промышленности. Главнѣйшими изъ нихъ являются восковое дерево, сальное, лаковое, гуммилаковое, камфарное дерево, мыльное, пальмовое, кипарисовое, сандаловое и бамбукъ. „Бѣлое восковое дерево“ (fraxinus chinensis, иначе ligustrum lucidum) даетъ питаніе насѣкомому (coccus pela), личинки котораго доставляютъ воскъ, накопляющійся на вѣтвяхъ дерева. Эта отрасль промышленности получила развитіе въ провинціи *Сычуань*, но также, вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Китая. Въ пров. *Сычуань* знаютъ, что воскъ добывается также въ пров. *Шаньдунь*, *Чжэцзянъ* и *Фуцзянь*, но считаютъ тамошній продуктъ значительно ниже. Описаніе этой промышленности, относящееся къ пров. *Сычуань* въ 70-хъ годахъ, далъ *Рихтгофенъ*. Замѣчательна кооперація въ этомъ отношеніи двухъ различныхъ мѣстностей. Въ *Цзянчжан*'ѣ, близъ городовъ *Нинъюань-фу* и *Хуй-ли-чжоу* выращиваются восковыя деревья, на столько цѣнныя, что представляютъ объектъ права собственности отдѣльно отъ земли, на которой они растутъ. На этомъ деревѣ насѣкомое живетъ и питается, но выдѣляетъ мало воска, котораго хватаетъ лишь для ограниченнаго мѣстнаго потребленія и для снабженія пров. *Юньнань*. Въ концѣ апрѣля мѣстные жители во множествѣ отправляются съ грузомъ яичекъ этого насѣкомаго на спинахъ по очень гористому пути на сѣверъ, въ мѣстность *Цзя-динъ-фу*, куда и прибываютъ послѣ двухнедѣльнаго тяжелаго перехода, избѣгая идти при солнцѣ. Такъ какъ въ *Цзя-динъ-фу* насѣкомое не кладетъ яичекъ, то здѣсь они оживленно закупаются и помѣщаются

1) *Bretschneider*, l. c., II, ch. VIII; *Rein*, l. c., I, 2, (e); *Коростовецъ*, н. с., стр. 348; *R. Douglas*. *Society in China*. London. 1895, p. 367—8; *Williams*, l. c., I, p. 734—5.

на восковое дерево. Последнее также не даетъ здѣсь сѣмянъ, но легко размножается черенками; дереву не даютъ свободно расти и примѣняютъ его для полученія воска каждый второй годъ. Купленныя яички раскладываютъ по 6 или 7 въ мѣшечки изъ пальмового листа и подвѣшиваютъ къ вѣтвямъ дерева. Въ нѣсколько дней выходятъ насѣкомыя, которыя, не трогая листьевъ, покрываютъ поверхность вѣтвей. Постепенно, съ ростомъ насѣкомыхъ, на вѣтвяхъ образуется бѣлый налетъ изъ воска, толщиною до четверти дюйма. Во второй половинѣ августа вѣтви обрѣзаются и бросаются въ горячую воду, причемъ воскъ собирается на поверхности ея. Воскъ въ очищенномъ видѣ прозрачный и кристаллическій, имѣетъ то же примѣненіе, какъ и пчелиный, но цѣнится значительно дороже послѣдняго[1]). Собирается также воскъ отъ дикихъ и домашнихъ пчелъ, но медъ мало употребляется[2]). Сальное дерево (stillingia sebifera) по общему виду и листвѣ напоминающее осину и отличающееся тѣнистостью, растетъ въ восточныхъ провинціяхъ. Расположенныя гроздями сѣмена имѣютъ на себѣ сальный налетъ, который отдѣляютъ, держа сѣмена въ рѣшетѣ надъ кипяткомъ. Изъ 133 фунтовъ орѣшковъ получается 40—50 фунтовъ сала, изъ котораго выдѣлываются свѣчи, иногда покрываемыя тонкой оболочкой изъ воска[3]). Камфарное дерево растетъ на югѣ и частью въ среднемъ Китаѣ, въ особенности въ пров. *Цзянси* и *Фуцзянь*. Бамбуковое дерево, имѣющее много разновидностей, растетъ въ болѣе теплыхъ частяхъ Сѣв. Китая (*Шаньдунъ*) и въ остальномъ Китаѣ и по своему общенародному и универсальному значенію является національнымъ растеніемъ въ Китаѣ. Оно служитъ для украшенія мѣстности. Молодые побѣги употребляются въ пищу. Изъ стволовъ и вѣтвей, древесины, волоконъ, листьевъ изготовляется почти все, относящееся къ домашней обстановкѣ китайцевъ. Бамбуковые стволы примѣняются въ постройкахъ, судостроеніи, прокладкѣ водостоковъ и т. д.[4]).

Изъ лѣкарственныхъ растеній особенно выдается жэньшэнь (panax ginseng). Корень этого растенія, напоминающій по виду ко-

1) *Baron Richthofen's Letters*, p. 120; см. также *Hosie, Three Years* etc., p. 192—201.

2) *Williams*, l. c., V. I, p. 353—4.

3) Ibid., II, p. 11—12.

4) Ibid., I. p. 358—360.

рень петрушки и по вкусу—морковь, высоко цѣнится какъ лѣкарство противъ лихорадки и слабости всякаго рода и даже какъ средство къ продленію жизни. Неоднократные опыты европейскихъ врачей не подтвердили этой вѣры въ необычайную цѣлебную силу жэньшэня, и въ современной Японіи такая же вѣра въ жэньшэнь утратилась подъ вліяніемъ научной медицины. Въ Китаѣ признается наиболѣе дѣйствительнымъ дико растущій жэньшэнь, получавшійся ранѣе въ горахъ пров. *Шанси* и *Чжили*, а нынѣ только въ Маньчжуріи. Лучшіе сорта его лишь случайно попадають на рынокъ и цѣнятся въ 20—250 и болѣе разъ дороже вѣса серебра. Цѣнится довольно высоко также дикій жэньшэнь изъ Кореи; кромѣ того, ввозится менѣе цѣнный дикій жэньшэнь другой разновидности (panax quinguefolius) съ Аллеганскихъ горъ. Въ Маньчжуріи, а также въ Кореѣ и Японіи, жэньшэнь разводится искусственно; большое количество его ввозится въ Китай. Но такой корень цѣнится въ Китаѣ гораздо ниже, несмотря на сравнительно дорогую многолѣтнюю культуру его. Выше всего цѣнится корень дикаго растенія, достигшаго полной зрѣлости (на седьмомъ году); ко второму сорту относятъ корень дикихъ растеній, найденныхъ искателями и пересаженныхъ ими, при чемъ ростъ ускоряется. Но огромная часть женьшеня получается въ Маньчжуріи разведеніемъ изъ сѣмянъ, которыя сѣются на узкихъ грядахъ въ долинахъ между горъ, послѣ чего чрезъ годъ сѣянцы пересаживаются. *Бретшнейдеръ* приводитъ слѣдующія цѣны сушенаго корня жэньшэня (за 1 пикуль): дикій изъ Маньчжуріи—6400 *тэлей* (*лянъ*), лучшій корейскій—1.000 *т.*, лучшій культивируемый въ Маньчжуріи—200 *т.*[1]). Другое излюбленное лѣкарственное растеніе—ревень (*да хуанъ*), свободно растущій въ пров. *Сычуань, Гансу* и въ области *Кукуноръ*. Употребляемый для лѣкарственныхъ цѣлей корень собирается и различными способами просушивается. Изъ произрастающихъ въ Китаѣ разновидностей извѣстны rheum palmatum, rheum officinale и rheum rhaponticum compactum. Въ пров. *Сычуань* культивируется низшій сортъ ревеня, тогда какъ настоящая разновидность не поддается культурѣ[2]). Сѣмена ревеня были получены въ Петербургѣ чрезъ

---

[1]) *Bretschneider. Botanicon Sinicum*. Part III. 1895. № 3; Rein, l. c., p. 136 etc.; *Hosie. Manchuria*, p. 191—5.

[2]) *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета*. Ч. I. вып. 2-й. Примѣч. 3 къ стр. 138.

Кяхту въ 1750 году и распредѣлены русскимъ правительствомъ между ботаническими обществами Англіи, Шотландіи и Германіи; съ этого времени растеніе разводится въ Европѣ [1]). Въ болѣе же отдаленныя времена Россія была посредникомъ по сбыту китайскаго ревеня въ Зап. Европу. И въ настоящее время часть продукта вывозится за границу [2]).

Наконецъ, среди культивируемыхъ въ Китаѣ растеній имѣется группа растущихъ въ водѣ. Главнѣйшимъ изъ нихъ представляется отличающійся красотою лотосъ (nelumbium speciosum, nenuphar). Изъ зеренъ плода китайцы приготовляютъ муку, а равно ѣдятъ ихъ сырыми или вареными въ видѣ кашицы. Эти зерна признаются питательными и полезными для здоровья. Они особенно полезны населенію при засухахъ. Воздѣлываніе лотоса распространено во всемъ Китаѣ. Точно также повсюду выращиваются для полученія съѣдобныхъ зеренъ водяной чилимъ (trapa) и принадлежащее къ водянымъ лиліямъ euryale ferox [3]).

Вообще насчитывается до 600 различныхъ растеній, культивируемыхъ въ Китаѣ. Многія изъ нихъ разновременно заимствованы у другихъ народовъ, а затѣмъ получили первостепенное значеніе въ экономическомъ быту населенія и для страны въ цѣломъ. И все же, китайское земледѣліе страдаетъ односторонностью (по выраженію *Reclus*, monoculture) [4]). Улучшеніе могло бы быть достигнуто усвоеніемъ такихъ пріемовъ и отраслей земледѣлія, которыя позволили бы расширить земледѣльческую площадь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлать болѣе обильнымъ и разностороннимъ народное снабженіе. Къ этому, какъ говорилось выше, могло бы привести развитіе на неудобныхъ для земледѣлія земляхъ древесной растительности и принятіе для земель, допускающихъ экстенсивную обработку соотвѣтствующей системы сельскаго хозяйства.

Изъ различныхъ отраслей животноводства въ настоящее время въ Китаѣ получили должное развитіе лишь птицеводство и свино-

1) *Bretschneider*, l. c., III. № 130.

2) „Въ медицинѣ употребляется корень не вполнѣ извѣстныхъ видовъ rheum, но терапевтическую цѣнность имѣетъ только азіатскій ревень, который получается изъ Китая". *Д-ръ Д. Каменскій. Ревень.* Энциклоп. словарь Брокгаузъ-Ефрона. Стр. 421, т. 26.

3) *Bretschneider*, l. c., II, p. 216—19.

4) *Reclus*, l. c., p. 498, 496.

водство. Китай является экспортеромъ яицъ и домашней птицы. Изъ домашнихъ животныхъ разводятся главнымъ образомъ лошадь, оселъ, мулъ, быкъ, на сѣверѣ—верблюдъ, на югѣ - буйволъ, затѣмъ коза, овца, свинья, кроликъ, собака, кошка, а изъ птицъ—курица, утка, гусь и голубь. Болѣе развито скотоводство въ Монголіи, Маньчжуріи и въ Зап. Китаѣ. Въ провинціи *Сычуань* и *Гуйчжоу* и особенно въ Монголіи—разводятъ лошадей. Лошади малорослыя, но рѣзвы, выносливы и неприхотливы; употребляются преимущественно для доставки почты и для военныхъ нуждъ. Мулы хорошо сложены, сильны и выносливы; служатъ для ѣзды верхомъ и перевозки грузовъ. Для послѣдней цѣли пользуются также ослами. Верблюды служатъ для торговыхъ сообщеній чрезъ пустыню, Монголію, Маньчжурію и Сѣв. Китай; могутъ нести на себѣ до 17 пудовъ груза. Безъ верблюда названныя области были бы недоступны для сообщеній. Китайскій быкъ не великъ. Буйволъ, или „водяной быкъ“ (*шуй-ню*) отличается кротостью, представляетъ наиболѣе крупное животное изъ примѣняемыхъ въ земледѣліи; въ жаркіе дни онъ валяется въ тинистыхъ прудикахъ, устраиваемыхъ для этого. Убойный скотъ выращивается на западѣ для нуждъ мусульманскаго населенія. Овцы съ курдюками разводятся на сѣверѣ магометанскимъ населеніемъ, даютъ хорошую баранину и шерсть. Козъ разводятъ повсюду, но не въ большомъ количествѣ. Свиньи разводятся повсемѣстно; на югѣ пользуются лучшимъ уходомъ и по сравненію съ сѣверными отличаются высшими качествами; къ югу отъ р. *Янцзы* даютъ обыкновенную мясную пищу населенія. Изъ птицы разводится много разновидностей фазановъ. Хотя и не принадлежащіе къ туземной фаунѣ, павлины разводятся повсюду. Утки по своему происхожденію принадлежатъ центральнымъ провинціямъ. Домашняя птица, въ особенности куры и утки, разводятся вообще въ огромномъ количествѣ, хотя и безъ такого разнообразія и доброкачественности породъ, какъ въ Японіи [1]).

Но вовсе отсутствуетъ въ собственномъ Китаѣ молочное хозяйство и потребленіе въ пищу молока во всѣхъ его видахъ, а также крайне ограничено разведеніе мясного скота и употребленіе мясной пищи. Между тѣмъ китайцы отнюдь не изобильно снабжены пищею и въ стара-

1) *Williams*, l. c., I, ch. VI; *Коростовецъ*, н. с., стр. 337—9; *Kennelly*, l. c., p., 398; *Legendre. Deux annees au Setchouen*. Paris. 1906. p. 391—2; *Ивановскій*, н. с., стр. 184; *Hosie. Manchuria*, p. 146.

ніяхъ пополнить свой столъ обнаруживаютъ тяготѣніе къ животной пищѣ, употребляя въ пищу не только рыбу, домашнюю и дикую птицу и „поросенка", знаменующаго различныя выдающіяся событія въ домашнемъ быту, но и собакъ, крысъ и мышей, саранчу, шелковичныхъ червей, змѣй, плавники акулы и т. д. Той же цѣли служитъ распространенное въ Китаѣ искусственное разведеніе рыбы 1).

Какъ мнѣ представляется, китайцамъ, вообще не склоннымъ къ единообразію шаблона, свойственна въ большой степени склонность утилизировать детали и приспособляться къ своеобразію обстоятельствъ. Этимъ можно многое объяснять въ китайскомъ быту. Эта же черта проявляется въ пополненіи питанія всевозможными насѣкомыми и растеніями, также какъ наприм., и въ устройствѣ огородовъ на плетеныхъ плотахъ, стоящихъ на якорѣ на широкихъ пространствахъ большихъ рѣкъ, или въ разведеніи рыбы на остающихся нѣкоторое время не засаженными и покрытыми водой рисовыхъ поляхъ.

---

1) Reclus, l. c., p. 494—5;

Землевладѣніе и земледѣліе по мѣстнымъ даннымъ.

Цѣнныя свѣдѣнія о состояніи землевладѣнія и земледѣлія въ различныхъ частяхъ Китая собраны были вышеупомянутой анкетой *Китайскаго отдѣла Королевскаго Азіатскаго общества*. Сообщенныя четырнадцатью лицами свѣдѣнія относятся вообще къ 1888 г. (за однимъ исключеніемъ), а по пространству—къ различнымъ мѣстностямъ 12 провинцій собственнаго Китая и къ Маньчьжуріи. Мы воспроизводимъ ниже извлеченія изъ этихъ сообщеній съ дополненіями къ нимъ касательно земледѣлія, по свѣдѣніямъ изъ другихъ источниковъ.

Къ крайнему югу относятся данныя по четыремъ уѣздамъ въ предѣлахъ 50 англ. миль отъ г. *Сватоу*, въ пров. *Гуандунъ* [1]). Въ этой мѣстности, лежащей у сѣвернаго тропика, девять десятыхъ населенія принадлежатъ къ земледѣльцамъ. Земледѣльческое населеніе проживаетъ въ селеніяхъ, густо заселенныхъ и находящихся въ близкомъ сосѣдствѣ одно отъ другого. Земля занята посѣвами безъ перерывовъ въ какое-либо время года. Главными продуктами являются рисъ, сахарный тростникъ, сладкій картофель, стручковыя овощи, огородныя овощи, земляной орѣхъ, индиго, сезамъ, имбирь, китайское рами (boehmeria nivea, видъ крапивы) и пшеница. Рисъ представляется главнымъ предметомъ питанія, и въ лучшіе годы мѣстнаго урожая его какъ разъ хватаетъ для населенія; воздѣлывается нѣсколько сортовъ обыкновеннаго риса съ различнымъ ве-

---

1) From Miss *A. M. Fielde*. August 2, 1888. (*Tenure of Land in China and the Condition of the Rural Population*. J. of the Ch. Br. of the R. A. S. 1888, vol. XXIII, pp. 110—116).

гетаціоннымъ періодомъ[1]). Сахарный тростникъ требуетъ наименѣе труда, произрастаетъ на неорошаемыхъ земляхъ, негодныхъ для риса, но даетъ лишь одинъ сборъ въ теченіи года. Сахаръ представляетъ главный предметъ отпускной торговли. Сладкій картофель, земляной орѣхъ и индиго даютъ два сбора въ годъ съ одного поля. Рисовыя поля въ теченіи года даютъ два сбора риса и иногда еще третій сборъ пшеницы, овощей или иныхъ продуктовъ. При обработкѣ полей главнымъ расходомъ ложится удобреніе, въ качествѣ котораго примѣняются жмыхи изъ Чифу или Ньючжуана, а равно всевозможные отбросы, вообще тщательно собираемые на мѣстѣ. Расходъ на удобреніе составляетъ отъ одного до семи долларовъ, а въ среднемъ четыре доллара на 1 *му* земли, или, приблизительно, $^1/_6$ англ. акра[2]), немного меньше $^1/_{16}$ десятины). Одинъ *му* есть минимальное количество земли, могущее обезпечить существованіе одного человѣка. Одинъ сильный, молодой человѣкъ можетъ однако обработать до 6 *му*, если не приходится накачивать воду насосомъ. Раздѣленіе земли между наслѣдниками отъ поколѣнія къ поколѣнію приводитъ къ крайней дробности землевладѣнія. Есть собственники одной пятой части *му*. Никто охотно не идетъ на продажу земли. Но имѣя деньги, обыкновенно возможно купить землю. Эмигранты, возвращающіеся изъ-за границы, часто употребляютъ свои сбереженія на пріобрѣтеніе земли. Землевладѣніе распредѣлено въ населеніи довольно равномѣрно. Въ указанномъ районѣ лишь одно лицо обладало 1000 *му*, немногіе имѣли около 500 *му*, и уже при 50 *му* человѣкъ считался богатымъ. Много земли состоитъ въ невостребуемой (inalianable) арендѣ, съ оброкомъ въ 1|2—1|3 нормальной арендной платы. Владѣльцы 20

---

1) Ср. *Fr. Hirth. Chinesische Studien.* В. I. S. 162. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія относятся къ наиболѣе южной области Китая—*Лэйчжоу*. Изъ воздѣлываемыхъ здѣсь хлѣбныхъ злаковъ, одинъ сортъ риса созрѣваетъ въ 30 дней (?), другой—въ 90 дней; третій сортъ, при посѣвѣ въ мартѣ, созрѣваетъ въ октябрѣ—ноябрѣ (десятый мѣсяцъ), а при посѣвѣ въ декабрѣ созрѣваетъ въ апрѣлѣ—маѣ (четвертый мѣсяцъ китайскаго года). Бобы даютъ четыре урожая въ годъ. Вообще и посѣвъ и жатву можно наблюдать здѣсь во всякое время года.

2) Въ *Journal* etc., vol. XXIV p. 100, величина *му* для г. Сватоу показано меньше—въ 511.$_6$ метровъ (1 десят.=10925.$_4$ кв. м.). См. также примѣчаніе въ концѣ.

му рѣдко обрабатываютъ сами всю свою землю. Три четверти земледѣльцевъ снимаютъ то или иное количество земли у сосѣдей. Въ наилучшіе годы и умѣло хозяйничая земледѣлецъ уплачиваетъ собственнику одну треть урожая, удобреніе составитъ другую треть, и остальное арендаторъ удерживаетъ въ свою пользу. Въ плохой годъ плата за землю можетъ достичь половины урожая, хотя бы это составляло менѣе условленнаго. Плата за пользованіе землею вносится сухимъ, обмолоченнымъ, но неочищеннымъ отъ шелухи рисомъ. Урожай риса съ 1 *му* орошаемыхъ полей даетъ отъ 640 до 1280 *гинь*[1]) неочищеннаго отъ шелухи зерна (paddy), т. е. отъ 375 до 750 пудовъ на десятину,—въ зависимости отъ качества почвы и отъ года. Арендная плата, также въ зависимости отъ качества земли, колеблется между 2 и 6 корзинъ (basket) неочищеннаго риса, достигая въ среднемъ 4 корзинъ, въ 80 *гинь* вѣсомъ, изъ которыхъ выходитъ 70 англ. фунтовъ (77.66 русск. ф.) чистаго риса. Мѣстная рыночная цѣна была въ то время 1.25 доллара за корзину вѣсомъ въ 80 *гинь*. Для продовольствія семьи изъ пяти лицъ требуется 4 корзины риса на 1 мѣсяцъ. Стоимость продовольствія одного взрослаго человѣка составляла около 1 1/2 доллара въ мѣсяцъ, включая 60 англ. ф. риса и нѣкоторое количество рыбы, маринованной капусты, недорогихъ овощей и фруктовъ. Наемными рабочими пользуются вообще лишь при посадкѣ и уборкѣ риса. Заработная плата составляла въ среднемъ 30 центовъ[2]) безъ довольствія, а при годовомъ наймѣ—отъ восьми до четырнадцати долларовъ, при готовомъ столѣ, платьѣ, уборкѣ головы и табакѣ. Тѣ изъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ земли больше, чѣмъ могутъ обработать ихъ семьи, предпочитаютъ сдать излишекъ земли сосѣдямъ.

Цѣнность земли достигала въ то время 100 долларовъ за 1 му; денежный % былъ отъ 12 до 20 %. Налогъ въ пользу казны, уплачиваемый всегда деньгами, составлялъ, смотря по мѣстности и по качеству почвы, отъ 15 до 30 центовъ съ 1 *му*, а въ среднемъ—25 центовъ, при чемъ съ неорошаемыхъ земель не взимался вовсе. Земледѣльческій инвентарь можно было пріобрѣсти за 40 дол-

---

[1]) *Гинь* или *цзинь*, иначе catty=16 вѣсов. *лянамъ;* согласно принятой въ внѣшнихъ сношеніяхъ величинѣ=почти 0.605 килогр.= 1 1/3 англ. фунта=1 ф. 46 зол. или почти 1 1/2 фунта.

[2]) Или 30 сотокъ серебрянаго доллара, составляющаго около 0.68 *казеннаго тэля* или *ляна* (см. примѣч. 3 на стр. 6).

ларовъ, считая въ томъ числѣ плугъ съ двумя лемешами въ 2 доллара, двѣ бороны—въ 2 1|2 д., деревянный насосъ или водяное колесо—въ 4 д., молотилку—2 1|2 д., водяного буйвола—20 д., мотыки, серпы, мѣрку и пр.—9 долларовъ. Этотъ перечень съ оцѣнкою отдѣльныхъ предметовъ показываетъ уже, насколько несложенъ сельскохозяйственный инвентарь въ Китаѣ, какъ и вообще въ странахъ Д. Востока.

Въ общемъ климатъ и почва провинціи, за исключеніемъ гористыхъ ея частей, благопріятствуютъ земледѣлію, рѣчныя же долины и дельты отличаются исключительной плодородностью. Наиболѣе цѣннымъ продуктомъ провинціи представляется шелкъ, районъ полученія котораго ограничивается западной частью дельты *Западной* рѣки (или *Си-цзянъ*). Чай воздѣлывается на возвышенностяхъ сѣверной части провинціи и на правомъ берегу той же рѣки. Кромѣ упомянутыхъ выше, къ земледѣльческимъ продуктамъ этой провинціи принадлежатъ еще чай, табакъ, cassia, южные фрукты, камышъ, служащій матеріаломъ для изготовленія матъ, другіе виды имбиря и еще нѣкоторыя лѣкарственныя растенія. Изъ плодовыхъ растеній важнѣйшія суть апельсины разныхъ видовъ, бананы, лиджи и лунъанъ, затѣмъ гуява, персики, крыжовниковое дерево (averrhoa carambola), манго. Изъ пальмъ особое значеніе имѣютъ по своимъ плодамъ (betel nuts) арековая и другіе виды, листья которыхъ служатъ въ качествѣ вѣеровъ; послѣдніе также вывозятся изъ Кантона. Разведеніе животныхъ и птицы и пчеловодство, какъ и рыбная ловля, также имѣютъ значительные размѣры. Послѣ нѣкоторыхъ безуспѣшныхъ попытокъ макъ для полученія опіума здѣсь не воздѣлывается[1]).

Другая южная провинція Китая—*Гуанси* отличается гористымъ устройствомъ мѣстности, слабой населенностью и незначительнымъ развитіемъ земледѣлія и торговли, представляя въ большей части дикую пустыню [2]).

На крайнемъ юго-западѣ Китая лежитъ провинція *Юньнань* [3]).

---

1) *China. Imperial Maritime Customs. Decennial Reports.... 1882—91*. First Issue. Shanghai, 1893: Report from Canton; *Kennelly*, l. c., p. 206.

2) *Kennelly*, l. c., p. 194.

3) From Rev. *F. T. Fougar*, Aug. 2nd, 1888. Journal etc. p. 116-17.

По свѣдѣніямъ, относящимся къ долинѣ *Тайхэ*, имѣющей около 100 миль въ длину и 8-10 миль въ ширину, среднiй размѣръ земледѣльческихъ хозяйствъ здѣсь—10 *му*; 20 *му* представляютъ очень большое хозяйство. Лишь немногіе собственники обладаютъ 100 или 200 *му* земли, получивъ ее за заслуги по усмиренію мусульманскаго возстанія. Изъ десяти хозяйствъ восемь обладаютъ собственной землей. Арендная плата (натуральная) ниже, нежели вообще въ Китаѣ. Хорошая земля приноситъ 20 *доу* неочищеннаго риса съ 1 *му*, средняя—15 *доу* и плохая—10 *доу*, при чемъ 1 *доу*, составляющій по вѣсу около 30 *гинь*, стоилъ около 300 чоховъ[1]). Арендная плата показана въ 3 *доу* риса въ годъ съ хорошей земли и въ 2 *доу* съ худшей. Наемные рабочіе имѣютъ примѣненіе; получали въ день три раза пищу и 100 чоховъ—работникъ и 70 чоховъ—работница во время пересадки риса; въ другое время денежная плата понижалась до 60 и 50 чоховъ. Поземельный налогъ съ одного урожая рисовыхъ полей составлялъ $0._{84}$ *доу* съ 1 *му* хорошей земли, $0._{64}$—съ средней и $0._{44}$—съ плохой. Съ другихъ посѣвовъ налогъ взимался въ чохахъ, по 280 чоховъ съ 1 *му*.

Уѣздный городъ *Тайхэ* расположенъ въ непосредственной близости областного города *Дамифу*, у озера *Эрхай*. Эта мѣстность отличается плодородіемъ и даетъ лучшій въ провинціи опіумъ. Провинція Юньнань въ цѣломъ, издавна извѣстная своими минеральными богатствами, съ конца 70 годовъ развила у себя производство опіума, представившее главную отрасль мѣстной промышленности и главный экономическій рессурсъ населенія. Культура мака встрѣтила здѣсь особенно благопріятныя условія въ отношеніи климата и почвы. Макъ требуетъ хорошей почвы и удобреній и кропотливаго ухода, воздѣлывается на осушаемыхъ для этого рисовыхъ поляхъ и сухихъ земляхъ въ зимній сезонъ и, несмотря на повышенныя издержки и неровный урожай, приноситъ весьма высокій доходъ, значительно превосходящій доходность другихъ зимнихъ культуръ, напр. бобовъ. Смотря по широтѣ, посѣвъ мака производится

---

[1]) Мѣдная монета, издревле распространенная въ Китаѣ, имѣетъ квадратное отверстіе для нанизыванія. Цѣнность мѣдной монеты по отношенію къ *лянамъ* и долларамъ опредѣляется вообще измѣняющимся по мѣстности и времени курсомъ. Въ 1892 г. въ Шанхаѣ за мексиканскій долларъ давали 1050 хорошихъ чоховъ. См. также мое примѣчаніе на стр. 42—45 русскаго изданія *О. Франке*.

въ концѣ восьмого или началѣ девятаго мѣсяца китайскаго года (средина октября), а опіумъ собирается въ концѣ апрѣля. Въ исключительные годы сборъ опіума запаздываетъ, не давая времени на приготовленіе поля подъ пересадку риса. Рисъ представляетъ другой основной земледѣльческій продуктъ провинціи. Воздѣлываются также пшеница, маисъ, ячмень, овесъ, гречиха, полевая рѣпа (colza), просо, бобы, земляной орѣхъ, сладкій картофель, овощи. На сѣверѣ, а также на югѣ на возвышенностяхъ воздѣлывается конопля. Хлопокъ вообще не культивируется, за исключеніемъ долины р. *Мэконъ*. Сверхъ того, Юньнанъ производитъ ревень и другія цѣлебныя растенія, индиго, разнообразные фрукты и (въ инородческомъ районѣ на югѣ) весьма цѣнимый китайцами сортъ прессованнаго чая, извѣстный по имени города *Пуэръ*; этому чаю, извѣстному повсюду въ Китаѣ, приписываются цѣлебныя свойства. Сахарный тростникъ и шелководство существуютъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Значительно развито животноводство. Разводятъ птицу, свиней, овецъ, козъ, барановъ, лошадей, муловъ, буйволовъ и рыбу. Въ связи съ этимъ стоитъ полученіе мяса, шерсти и кожъ. Указываютъ (*Little*) даже на производство здѣсь молока, масла и сыра. Климатическія условія провинціи, въ зависимости отъ широты и отъ высоты надъ уровнемъ моря, весьма различны, чѣмъ обусловливаются также существенныя различія въ земледѣліи. Послѣднее не достигло вообще того уровня, на которомъ оно находится въ Китаѣ вообще. Это объясняется отчасти также не вполнѣ изгладившимся послѣдствіями мусульманскаго возстанія, обезлюдившаго край. Кромѣ того, на характерѣ земледѣльческой промышленности провинціи Юньнань отражается преобладаніе въ составѣ земледѣльческаго населенія мусульманъ и инородцевъ. Лѣсовъ много на Ю. и З. провинціи, но они остаются неиспользованными вслѣдствіе трудности перевозки лѣса [1]).

Къ западу лежитъ пров. *Гуйчжоу*, отличающаяся невысокими качествами почвы и по развитію земледѣлія уступающая многимъ

---

1) *La Mission Lyonnaise d'exploration commerciale en Chine. 1895—1897*. Lyon, 1898. Deuxieme Partie. Rapport sur le Yun-nan, par *M. N. Brenier*; *Decennial Reports* etc.. Second Issue, v. II, p. 489; *The Far East, by A. Little*. Oxford 1905, p. 126; *M. Kennelly*, l. c., p. 180.

другимъ провинціямъ. Анкетныя свѣдѣнія [1]) относятся къ мѣстности *Хуцуань*, около пятидесяти *ли* [2]) къ сѣверу отъ главнаго города провинціи *Гуйянъ-фу*. Въ описываемой мѣстности величина земледѣльческихъ участковъ опредѣлялась исключительно по количеству продуктовъ. Средняя производительность хозяйства была отъ 20 до 30 *дань* хлѣба или отъ 8 до 12 *дань* риса, причемъ одинъ *дань* риса въ шелухѣ, составляющій около 250 *гинь*, расцѣнивался въ 2.200—2.800 чоховъ. Земля воздѣлывается главнымъ образомъ собственниками. Въ случаѣ аренды плата вносится продуктами, при чемъ собственникъ получаетъ половину урожая и самъ уплачиваетъ налогъ. Немногія семьи, проживающія въ городѣ, имѣютъ болѣе значительное количество земли, но особенно крупныхъ землевладѣльцевъ здѣсь нѣтъ. Плата наемнымъ рабочимъ была 1.000—1.200 чоховъ въ мѣсяцъ при полномъ довольствіи. Поземельный налогъ составлялъ съ каждаго *дань* хлѣба 2 *доу* 5 *шэнъ* риса и 40—42 чоха, но былъ возбужденъ вопросъ о повышеніи налога въ его денежной части.

Главные продукты—опіумъ, маисъ, пшеница, ячмень, бобы, лакъ, деревянное масло, дикій шелкъ и обыкновенный лѣсъ, затѣмъ рапсъ, конопля, гречиха, индиго, чай, просо, отличнаго качества табакъ (въ у. *Либо*, на Ю.-В. провинціи), а также фрукты: персикъ, абрикосъ, слива, вишня, апельсинъ, arbutus и—въ немногихъ мѣстахъ—земляника. На югѣ получается также хлопокъ, тростниковый сахаръ и родъ камфары (*бинъ-бянь*). Въ дубовыхъ лѣсахъ собираютъ чернильный орѣхъ, экспортируемый за-границу, въ особенности въ Германію. Значительно развито разведеніе особой породы малорослыхъ лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ [3]).

Провинція *Сычуань*, значительно превосходящая прочія по пространству и количеству населенія, примыкаетъ къ провинціямъ *Юньнань* и *Гуйчжоу*. Отъ остального Китая эта провинція до нѣкоторой степени отрѣзана отсутствіемъ удобныхъ сообщеній. Западная половина провинціи покрыта высокими горами, мало населена

---

[1]) From Rev. *Geo. Andrew*, 18 th Dec., 1888. Journal etc., p. 92—3.

[2]) Согласно англ. тянцз. трактата, 1 *ли*=267 саж. 6 ф. *Матусовскій*, н. с., прилож. 4, стр. 048.

[3]) *La Mission Lyonnaise* etc.. Deuxieme Partie. Rapport sur le Koui-Tsheou, par *Brenier*; *Kennelly*, l. c., p. 187; *Williams*, l. c., I, p. 178; *Little*, l. c., p. 133.

и мало разработана. Напротивъ того, нѣсколько меньшая восточная половина принадлежитъ къ богатѣйшимъ областямъ Китая. Эта часть *Сычуани* представляетъ возвышенную равнину, глубоко изрѣзанную руслами рѣкъ. Относительная величина площади обработки значительно ниже средней для всего собственнаго Китая. Но климатическія и почвенныя условія позволяютъ здѣсь снимать вообще двѣ, а мѣстами и три жатвы въ годъ. Благодаря обилію запасовъ воды населеніе имѣло возможность распространить культуру риса даже на склоны горъ, обращенные въ террасы. Лѣтніе ливни иногда смываютъ землю со скалистой подпочвы, но неутомимые земледѣльцы наносятъ землю обратно. Къ лѣтнимъ посѣвамъ принадлежатъ рисъ, а также бобы, земляной орѣхъ, маисъ, кунжутъ, просо, гаолянъ, конопля, гречиха и пр. Зимою воздѣлывается пшеница отличнаго качества, ячмень, горохъ, полевые бобы, макъ и въ особенности рапсовое сѣмя. Табакъ занимаетъ почву въ теченіи 2 1/2 мѣсяцевъ весною, гречиха—трехъ мѣсяцевъ въ то же время года; конопля сѣется весною и собирается лѣтомъ. Въ возвышенныхъ мѣстностяхъ воздѣлывается обыкновенный картофель, а въ менѣе высокихъ—сладкій картофель. Сычуанскія овощи превосходятъ собою овощи остального Китая. Къ другимъ продуктамъ принадлежатъ шелкъ обыкновенный и дикій, чай, воскъ, лакъ, деревянное и чайное масла, растительное сало, индиго, сахаръ, китайское рами, лѣсъ, медицинскія растенія, почти вытѣсненный въ послѣднюю эпоху анилиновыми красками сафлоръ, апельсины разныхъ сортовъ. Въ горахъ разводятъ овецъ, козъ и яковъ, на равнинѣ—буйволовъ и лошадей хорошей породы. Изъ провинціи вывозится большое количество овечьей шерсти, а также шкуры.

Шелкъ получается преимущественно на сѣверѣ и западѣ (восточной половины провинціи). По количеству продукта *Сычуань* занимаетъ первое мѣсто, уступая по качеству шелка *Чжэцзяну*. Опіумъ производится въ значительномъ количествѣ, но по качеству и цѣнѣ ниже гуйчжоускаго и въ особенности юньнаньскаго. Посѣвъ мака происходитъ около начала ноября, сборъ опіума—въ концѣ апрѣля. Макъ растетъ на песчаной почвѣ, но требуетъ много удобренія и труда, который впрочемъ выполняется женщинами и дѣтьми. На рисовыхъ поляхъ макъ рѣдко воздѣлывается, такъ какъ при этомъ запаздываетъ пересадка на поле рисовыхъ сѣянцевъ. Макъ такимъ образомъ конкуррируетъ на поляхъ не съ рисомъ, но съ пше-

ницей, бобами и пр.. Послѣ того какъ собранъ опіумъ, макъ собираютъ для другихъ цѣлей, а поле обращается подъ маисъ или сладкій картофель. Потребленіе опіума широко распространено въ провинціи, но вслѣдствіе невысокаго качества его это не приводитъ къ особенно бѣдственнымъ послѣдствіямъ. По воздѣлыванію табака и въ особенности по размѣрамъ мѣстнаго потребленія Сычуань занимаетъ выдающееся мѣсто среди различныхъ провинцій Китая. Табакъ отличается высокимъ качествомъ и частью вывозится въ другія провинціи и въ Тибетъ. Чай производится только зеленый, вообще невысокихъ сортовъ, служащихъ для покрытія мѣстнаго потребленія и для снабженія Тибета. Апельсинныя деревья еще въ цвѣту запродаются торговцамъ на одинъ урожай. На мѣстѣ плоды ихъ отдаются даромъ съ условіемъ возвращенія кожицы, которая имѣетъ примѣненіе въ медицинѣ и въ значительномъ количествѣ вывозится изъ провинціи[1]).

Относительно граничащей съ пров. *Гуандунъ* приокеанской провинціи *Фуцзянь* имѣются данныя изъ окрестностей *Фучжоу*[2]). Средній размѣръ земледѣльческихъ хозяйствъ показанъ здѣсь отъ 100 до 10 *му*. Около половины земли обрабатывается собственниками, другая же половина арендуется. Крупныхъ собственниковъ мало. Только одно лицо обладаетъ 1.000 *му*, и лишь немногія владѣнія содержатъ отъ 100 до 300 *му*. Землевладѣніе считается маловыгоднымъ помѣщеніемъ капитала, и только немногіе желаютъ пріобрѣсти землю. Наемъ рабочихъ довольно распространенъ. Два человѣка обыкновенно обрабатываютъ 10 *му* земли, но для жатвы требуется четыре человѣка. Женщины и дѣвочки принимаютъ значительное участіе въ работахъ. Арендная плата вносится большею частью натурой и составляетъ вообще половину урожая риса. Но подсѣваемыя къ растущему рису и др. во второй посѣвъ овощи полностью принадлежатъ арендатору. Земледѣльцы, хозяйничающіе на чужой землѣ, съ трудомъ покрываютъ свое содержаніе. Въ среднемъ по

1) *Richthofen's Letters*, p. 215 etc.; Reports from Chungking въ упоминавшихся *Decennial Reports* (First Issue, p. 81 etc.; Second Issue, vol. I, p. 133 etc.); *La Mission Lyonnaise* etc.... Rapport sur le Setchouan, par *Brenier*; *Kennelly*, l. c., p. 111; *Little*, l. c., p. 72.

2) From *Geo. Philipps* Consul, Foochow. 12 th September 1888. Journal etc., p. 107-110.

землямъ всѣхъ классовъ средняя годичная производительность 1 *му* составляетъ 8 *дань*, величиною каждый въ 2 корзины по 50 *цинь* вѣсомъ. Высшая наемная плата—за обработку почвы подъ рисъ и посадку риса—была 200 чоховъ (около 18 центовъ) въ день при продовольствіи отъ хозяина, низшая—80 чоховъ, или 7 центовъ, также при продовольствіи—за окучиваніе и пропалываніе рисовыхъ саженцевъ (при чемъ примѣняется трудъ низшаго качества), а равно за приготовленіе земли, подъ второй посѣвъ; за сниманіе перваго урожая платилось 160 чоховъ,или 14 центовъ, и второго—120 чоховъ, или 10 центовъ въ день, при продовольствіи. Средняя величина поземельнаго налога составляла 0.1526 *ляна* съ 1 *му* земли перваго класса, 0.138 *ляна* съ 1 *му* земли второго класса и 0.098 *ляна* съ 1 *му* земли третьяго класса. Сверхъ того, съ 1 *му* земли двухъ высшихъ классовъ вносилось натурой 1.8 и 1.6 *цзэна* риса[1]). Налогъ уплачивается весною и осенью и лежитъ всегда на землевладѣльцѣ.

Почва въ вышеуказанной мѣстности, отличающейся гористымъ характеромъ, песчаная и малоплодородная и при затратѣ большого количества удобреній и труда приноситъ лишь умѣренные урожаи, недостаточные для пропитанія всего населенія. Сухопутное перемѣщеніе грузовъ въ этой провинціи выполняется людьми; примѣненіе же для этой цѣли животныхъ не распространено. Земледѣліе не отличается большимъ разнообразіемъ продуктовъ. Главнѣйшими продуктами земли въ пров. *Фуцзянь* представляются черный чай и рисъ, а также лѣсъ. Какъ по качеству, такъ и по размѣрамъ сбыта съ 70-хъ годовъ чайное дѣло въ провинціи стало приходить въ все большій упадокъ, отчасти подъ вліяніемъ соперничества на с.-американскомъ рынкѣ со стороны формозскихъ и японскихъ чаевъ. Дѣвственная почва о. *Тайвань* (Формоза) давала чайный листъ болѣе тонкаго аромата и болѣе высокихъ качествъ въ приготовленномъ видѣ. Съ другой стороны, малосостоятельные и къ

---

1) При взносѣ подати рисомъ 1 *цзэнъ* заключаетъ около 1.03 литра. *Journal* etc., Vol. XXIV, p. 93. Съ другой стороны, въ вступительномъ примѣчаніи къ обозрѣваемымъ матеріаламъ анкеты (Journal etc..., vol. XXIII) *цзэнъ* приравненъ $^1/_{100}$ *дань*, также какъ 1 *доу* приравненъ $^1/_{10}$ *дань*. *Пикуль* или *дань* показанъ здѣсь въ двоякой величинѣ: оффиціальный=100 *кэтти (цинь)*=$133^1/_3$ англ. ф. и для зерна=140 *кэтти* и больше.

тому же страдающіе отъ кризиса земледѣльцы *Фуцзяни* стали небрежно относиться къ своимъ плантаціямъ, оставляя ихъ безъ возобновленія кустарниковъ и безъ удобренія, слишкомъ близко располагая другія культивируемыя растенія и производя слишкомъ много сборовъ листа въ году; къ тому же, въ изготовленныхъ чаяхъ стало оказываться слишкомъ много пыли и другихъ постороннихъ примѣсей. Благодаря всему этому, мѣстные чаи обезцѣнились, а культура чая стала менѣе выгодной, нежели напр. сладкаго картофеля. Вслѣдствіе этого площадь чайныхъ плантацій значительно сократилась. Въ связи съ этимъ упадкомъ чайнаго дѣла пострадало и торговое значеніе портовъ *Амой* и *Фучжоу* [1]). Мѣстнаго риса далеко не хватаетъ для нуждъ населенія, и рисъ подвозится извнѣ. Опіумъ производится въ довольно значительномъ количествѣ. Хотя близъ *Амоя* этотъ продуктъ въ ограниченныхъ размѣрахъ получался на мѣстѣ уже со средины 19 в., эта культура стала распространяться въ провинціи лишь съ конца 80-хъ годовъ. Болѣе высокаго развитія достигло производство опіума въ ю. части провинціи, въ окрестностяхъ Амоя. Здѣсь нѣкоторые земледѣльцы успѣваютъ дѣлать два посѣва мака, хотя второй посѣвъ, со сборомъ осенью, даетъ меньше продукта въ виду менѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, а двукратная въ одинъ годъ культура мака должна вести къ истощенію земли. Воздѣлываются также пшеница, сахарный тростникъ (на югѣ, въ районѣ *Амоя*), сладкій картофель, имбирь и плодовыя деревья. Изъ Амоя вывозится значительное количество апельсинъ, а также оливки. Въ этой же части провинціи разводится для полученія шелка тутовица, при чемъ имѣются благопріятныя естественныя условія къ болѣе широкому развитію здѣсь шелководства. Въ послѣднюю эпоху въ окрестностяхъ *Фучжоу* развилось воздѣлываніе въ громадномъ количествѣ картофеля, который

---

[1]) По даннымъ таможенныхъ отчетовъ, внѣшній экспортъ чернаго чая чрезъ *Фучжоу* достигалъ въ 1882 г. $649._{8}$ тыс. *пикулей* (или *дань*=60.453 килогр.), въ 1891 г.—$335._{7}$ тыс. *пик.*, въ 1896 г.—$313._{7}$ тыс. *пик.*, въ 1901 г.—$252._{7}$ тыс. *пик.* Экспортъ кирпичнаго чая въ 1892 г. былъ $79._{9}$ тыс., въ 1895 г.—$103,_{9}$ тыс., 1896 г.—$98._{1}$ тыс., 1897 г.—$57._{7}$ тыс., 1901 г.—$34._{8}$ тыс. *пик.*. Черезъ *Амой* было вывезено за-границу въ 1872 г. $83,_{2}$ тыс. *пик.* чернаго чая, въ 1887 г.—$41._{8}$ тыс., въ 1892 г.—$27._{0}$ тыс., въ 1901 г.—$7._{0}$ тыс.; послѣднее количество—полностью для китайскихъ потребителей въ Straits Settlements.

сорокъ лѣтъ назадъ невозможно было достать на мѣстѣ. Отсюда снабжаются картофелемъ Хонконъ и Сингапуръ. Для расширенія земледѣльческой площади многіе склоны искусно террасированы; иногда до 30 или даже 40 такихъ террасъ поднимаются одна надъ другой. Сбытъ лѣса чрезъ *Фучжоу* сокращается подъ вліяніемъ истощенія лѣсовъ. Изъ различныхъ породъ деревьевъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ сосна и бамбукъ. Сосна служитъ матеріаломъ для джонокъ и другихъ работъ, а также экспортируется въ видѣ бревенъ или плахъ. Бамбукъ даетъ между прочимъ матеріалъ для изготовленія бумагъ. Сокращеніе лѣсовъ привело къ удорожанію лѣсныхъ матеріаловъ. Многія области провинціи богаты камфарнымъ деревомъ, но добываніе камфары задерживается отсутствіемъ техническихъ знаній [1]).

Изъ приокеанской провинціи *Чжэцзянъ* [2]) имѣются свѣдѣнія по областямъ *Ханчжоу* и отличающейся чрезвычайнымъ плодородіемъ *Шаосинъ*. Здѣсь также собираютъ два или три урожая въ годъ съ одного поля. Величина земледѣльческихъ хозяйствъ въ Ханчжоу колеблется отъ 3 или 4 до 20 или 30 *му*, составляя въ среднемъ 12 или 15 *му*. До половины земледѣльцевъ области Ханчжоу обрабатывали собственную землю. Наиболѣе крупныя фермы вообще не превышаютъ 200 *му*. Мелкіе землевладѣльцы снимаютъ въ придачу къ своей землѣ еще нѣсколько *му*. Крупные землевладѣльцы имѣютъ около 200 му, немногіе—1.000 или болѣе, и, можетъ быть, ни у кого нѣтъ 10.000 *му*. *Му* хорошей земли даетъ 2 *дань* (или *пикуль*) очищеннаго риса, плохой—1 *дань*. Земледѣлецъ получалъ отъ 1.70 до 2 долл. за 1 *дань* риса, при розничной цѣнѣ въ 240—320 чоховъ за 1 *доу*. По другимъ свѣдѣніямъ (*Moule*), хорошая и хорошо обработанная земля приноситъ 30 *доу* неочищеннаго риса. Здѣсь мало воздѣлываются ячмень и пшеница. Арендная плата вносится рисомъ и составляетъ 1|3 — 1|2 сбора; въ послѣднемъ случаѣ прочіе продукты, сверхъ риса, какъ пшеница или ячмень, стручковыя овощи, шелковица, кунжутъ и пр. принадлежатъ арендатору. Въ плохіе годы платежи понижаются мелкимъ съемщикамъ до уровня

1) *Decennial Reports. 1882—91.* First Issue, *1892—1901.* Second Issue, vol. II: Reports from Foochou, Amoy; *Little*, l. c., p. 118; *Kennelly*, l. c., p. 221.

2) From Rev. *J. F. Johnson*, April 14 th 1888. Journal etc., p. 106—7; from Rev. *Bishop Moule*, April 18 th 1888. Ibid., p. 105—6.

крупныхъ арендъ. Наемные рабочіе примѣняются въ довольно значительной мѣрѣ. Путемъ взаимопомощи земледѣльцы стараются впрочемъ избѣжать найма рабочихъ. Заработная плата хорошему, умѣлому работнику достигала 20 долларовъ съ продовольствіемъ за 1|2 года, а въ горныхъ мѣстностяхъ—15 долларовъ, съ продовольствіемъ, въ годъ. Поденная плата составляла, при продовольствіи, 120—160 чоховъ, мѣсячная—2.400—3.000 чоховъ; подростки получали 1.000 чоховъ въ мѣсяцъ, съ продовольствіемъ. Умѣлый, сильный работникъ можетъ обработать 6 *му*. Многіе изъ мелкихъ земледѣльцевъ имѣютъ стороннія заработки. Поземельный налогъ уплачивается въ пятомъ мѣсяцѣ серебромъ, въ размѣрѣ 1 *тэля* съ 7 *му*, и въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ—рисомъ, въ количествѣ 6,08 *шэнъ* съ 1 *му*. Многіе земледѣльцы уплачиваютъ налогъ съ крайней неохотой. Все количество годового поземельнаго налога колеблется между 400 и 1.000 *чоховъ* съ 1 *му*, въ зависимости отъ качества земли.

По естественнымъ условіямъ земледѣлія территорія провинціи Чжэцзянъ представляется не вездѣ одинаковою. Въ то время какъ западныя и южныя части ея отличаются гористымъ характеромъ и заключаютъ сравнительно мало плодородной и пригодной для обработки земли, сѣверная часть (области *Тайчжоу*, *Нинбо*, *Ханчжоу* и *Шаосинъ*) представляетъ обширныя пространства аллювіальной равнины съ многочисленными возвышенностями. Къ западу отъ *Ханчжоу*, главнаго города провинціи, расположены изобилующія лѣсомъ цѣпи возвышенностей, откуда побережье снабжается лѣсомъ, топливомъ и древеснымъ углемъ. Для передвиженія грузовъ служатъ главнымъ образомъ водныя сообщенія. На водораздѣлахъ пользуются одноколесными тачками и носильщиками; вьючныхъ животныхъ и телѣгъ нѣтъ.

Главные продукты—рисъ, чай, шелкъ, хлопокъ, индиго, а также фрукты, въ особ. апельсины. Воздѣлываются также опіумъ, маисъ, пшеница, земляной орѣхъ, бобы, сахарный тростникъ, конопля, табакъ. Къ другимъ продуктамъ принадлежатъ сальное дерево, пчелиный воскъ, немногочисленныя насажденія бамбука и сосны, камфарное дерево и камелія, изъ зеренъ которой получается чайное масло. Животноводство мало развито. Рисъ воздѣлывается въ большихъ или меньшихъ количествахъ во всѣхъ областяхъ. Чайныя плантаціи встрѣчаются повсюду, преимущественно на высотѣ 1.000—2.500 фут. и въ особенности въ областяхъ *Шаосинъ* и *Нинбо*. Изготовляется зе-

леный чай. Фабрикація чаевъ во многихъ мѣстностяхъ не стоитъ на особенной высотѣ. Существуетъ также полная возможность значительнаго распространенія культуры чая. Между горъ къ западу и къ юго-западу отъ *Ханчжоу* растутъ знаменитые Лунъ-цзин'скіе чаи, высшій сортъ которыхъ сбывается по высокой цѣнѣ 2 долл. за 1 *цзинь*. Шелководство получило особенное развитіе на сѣверѣ провинціи, гдѣ аллювіальныя почвы особенно благопріятствуютъ выращиванію тутовицы. Но отсталость пріемовъ въ этой отрасли обусловливаетъ неровность сбора шелка и значительно понижаетъ доходность. Хлопчатникъ разводится въ особенности въ областяхъ *Шаосинъ* и *Нинбо*, гдѣ растутъ также отличные сорта. Хлопокъ частью вывозится въ пров. *Фуцзянь* и на сѣверъ. Мѣстный опіумъ служитъ для потребленія низшихъ классовъ населенія и для подмѣшиванія къ иностранному продукту; получается преимущественно на югѣ провинціи (*Вэньчжоу*), откуда частью отправляется въ пров. *Фуцзянь*. Въ виду неровности сбора опіума, культура мака представляется въ окончательномъ итогѣ менѣе выгодной, нежели пшеницы. Несмотря на происходившее расширеніе воздѣлыванія мака, эта культура не является преобладающею. Невысокія качества мѣстнаго продукта обусловлены фальсификаціей для удешевленія его. Къ концу 19 вѣка потребленіе опіума въ провинціи было не такъ распространено, какъ раньше. Табакъ воздѣлывается повсюду, но для полнаго покрытія мѣстнаго потребленія привозится также извнѣ. Важное значеніе для населенія имѣютъ также обработка земледѣльческихъ продуктовъ, въ особ. изготовленіе пряжи и тканей изъ шелка, рисоваго вина (*Шаосинъ*, *Нинбо*) и плетеній изъ рисовой соломы [1]).

Къ западу отъ пров. *Фуцзянь* лежитъ провинція *Цзянси*. Данныя касательно нея восходятъ къ 1883—4 годамъ [2]). И здѣсь земледѣльческія хозяйства имѣли небольшую величину. Изъ 15 изслѣдованныхъ случаевъ минимумъ былъ 3 *му*, максимумъ—26 *му*, средняя величина—8 *му*. Въ восьми изъ этихъ 15 случаевъ земледѣльцы были собственниками обрабатываемой земли полностью или

1) *Decennial Reports* etc. from Hangchow, Ningpo, Wenchow. First and second Issues; *Richthofen*'s *Letters* etc., p. 40 etc.; *Kennelly*, l. c., p. 231.

2) From *Geo. Jamieson*, President of the Society: Journal etc, p. 97—8.

отчасти, прочие же хозяйничали на арендуемой землѣ. Работы выполнялись членами семейства земледѣльца, при чемъ работъ было вообще недостаточно для полнаго использованія рабочихъ силъ. Съ одного участка земли въ годъ получается отъ одного до трехъ урожаевъ. Главный изъ нихъ—лѣтній посѣвъ риса, въ періодъ съ іюня по сентябрь; зимній посѣвъ—съ ноября по май—пшеницы или, на подходящей почвѣ, съ чередованіемъ пшеницы и такихъ растеній, какъ рапсъ (rape beans), капуста, овощи и пр. На возвышенныхъ и недостаточно орошаемыхъ земляхъ взамѣнъ риса воздѣлывается лѣтомъ хлопокъ. Арендная плата вносится натурой и составляетъ вообще половину лѣтняго урожая риса; съ земли лучшаго качества и удобно расположенной, въ хорошій годъ, это составляетъ 2 *дань* риса въ шелухѣ, вѣсомъ около 280 *гинь* [1]), а по тогдашней цѣнѣ риса—4 доллара въ годъ съ *му* (или, по тогдашнему курсу на золото, указываемому *Jamieson*'омъ, около 25 р. 60 коп. на 1 десятину); зимній урожай пшеницы въ количествѣ одного или двухъ *дань* и прочіе продукты принадлежатъ арендатору полностью. Семья изъ пяти или шести лицъ можетъ при 8 *му* земли прожить въ хорошіе годы безъ особыхъ лишеній, но и безъ роскоши, будучи въ состояніи сдѣлать сбереженія развѣ на такіе случаи, какъ свадьба или похороны. Жилища устраиваются самымъ простымъ и грубымъ образомъ; одежда и обувь для обоихъ половъ изготовляется изъ грубой туземной ткани и, при условіи починки, служитъ 5—6 лѣтъ. Пищею неизмѣнно служитъ рисъ, съ придачею соленой рыбы или соленыхъ овощей; въ важныхъ случаяхъ прибавляютъ поросенка; о говядинѣ и баранинѣ здѣсь не имѣли представленія. Семейства съ 15 или 20 *му* являются уже зажиточными, а съ 30 или 50 *му*—богатыми. Но лишь немногіе имѣютъ 50 *му* земли. Четыре пятыхъ населенія обладаютъ или обрабатываютъ менѣе 15 *му*. Поземельный налогъ съ земель высшаго класса составлялъ отъ 200 до 300 чоховъ или 1/4 доллара съ *му*.

По свѣдѣніямъ десятилѣтнихъ таможенныхъ отчетовъ [1]), об-

[1]) *Jamieson* приравниваетъ 6 *му* одному акру, а 1 *дань*=1 1/2 англ. центнерамъ=76.,2 килогр. или 4 п. 26 ф. По такому разсчету 4 *дань* составятъ 18 п. 24 ф. урожая съ 1 *му* или 297 п. 24 ф. однократнаго сбора съ 1 десятины.

[1]) *Decennial Reports. 1882—91.* First Issue. Report from Kiukiang, p. 222.

щая поверхность провинціи *Цзянси* исчисляется въ 72.176 кв. англ. миль, занятая же подъ земледѣліемъ площадь—въ 12.213 кв. миль (почти 17%), что составитъ 3.163 тыс. гектаровъ или 502,1 тыс. *цинъ*. Около трехъ четвертей этой площади занято рисовыми полями, почти шестая часть—чайными плантаціями, подъ растущими при орошеніи атмосф. осадками хлѣбными злаками—менѣе девятой части и остальное—подъ прудами для разведенія рыбы. Земледѣльцы понемногу расширяютъ культивируемую площадь, сократившуюся послѣ опустошенія края тайпинами.

Климатъ провинціи характеризуется высокой температурой лѣтомъ и сравнительно низкой зимней температурой, такъ что озерная вода у г. *Цзюцзянъ*, подъ 29° широты и на высотѣ 50 футъ надъ уровнемъ моря покрывается льдомъ. Главные земледѣльческіе продукты провинціи—рисъ, чай, хлопокъ, табакъ и конопля, а также пшеница, ячмень, просо, гаолянъ, китайское рами и индиго. Провинція *Цзянси* изобилуетъ древесной растительностью, къ которой принадлежатъ высокія сосны, камфарныя деревья, дубъ, индѣйская смоковница (banian), камелія, бобовникъ, бамбукъ, лаковое дерево и др.. Сплошныхъ лѣсовъ однако нѣтъ, а недостатокъ деревьевъ большого обхвата дѣлаетъ необходимымъ полученіе строительнаго лѣса изъ другихъ мѣстностей. Буйволы и зебу (горбатый быкъ) имѣютъ значительное примѣненіе при обработкѣ почвы. Но лошадей и ословъ мало, и товары передвигаются либо водой либо на спинахъ носильщиковъ[1]).

Чайное дѣло въ послѣднія десятилѣтія идетъ къ упадку, подъ вліяніемъ успѣшной конкурренціи индійскихъ и цейлонскихъ чаевъ, слишкомъ высокой экспортной пошлины на чаи, отсутствія организаціи производителей и экспортеровъ чаевъ и неудовлетворительной технической постановки въ изготовленіи чаевъ. Качество чаевъ понижается, напр., вслѣдствіе отсутствія соотвѣтствующихъ помѣщеній для фабрикаціи чаевъ и примѣненія при фабрикаціи дешеваго низкокачественнаго угля. Китайцы болѣе заботятся о количествѣ, нежели качествѣ продаваемыхъ чаевъ, и средствомъ къ тому является крайнее удешевленіе чаевъ, а стало быть, и ухудшеніе ихъ. Экспортъ чернаго и зеленаго чая чрезъ открытый портъ провинціи въ 1892—01 г.г. очень значительно сократился по сравненію

---

1) *Kennelly*, l. c., p. 142.

съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ: отпускъ черного чая былъ 2.012.8 тыс. *пикулей* на сумму 45.280.6 тыс. *тамож. лянъ* и 1.330.6 тыс. *пик.* на 31.691.2 тыс. *т. л*, зеленаго чая—412.9 тыс. *пик.* на 9.183.7 тыс. *т. л.* и 398.5 тыс. *пик.* на 12.166.0 тыс. *т. л.*; отпускъ кирпичныхъ и плиточныхъ чаевъ нѣсколько увеличился, но не имѣлъ большихъ размѣровъ. Чай получается главнымъ образомъ на с.-з. провинціи. Табакъ воздѣлывается въ значительныхъ размѣрахъ и частью экспортируется въ цѣломъ листѣ въ Японію (via о. Тайванъ). Какъ и обычно въ Китаѣ [1]), табакъ отличается слабымъ и безвкуснымъ букетомъ, почему и не можетъ вообще имѣть сбыта въ Европу. Важную и все развивающуюся статью отпуска представляетъ конопля, которая къ концу десятилѣтія 1892—901 г.г. получила сбытъ также въ Европу. Воздѣлываніе индиго достигло значительной величины въ сравнительно недавнее время. Рами уступаетъ по качеству гуандунскому, но пользуется хорошимъ спросомъ. Культура мака для полученія опіума вообще не имѣетъ мѣста, также какъ шелководство. Въ 1881—2 и 1896—1900 г.г. были сдѣланы въ крупныхъ размѣрахъ попытки насажденія шелководства, но не имѣли успѣха, несмотря на значительную финансовую поддержку, для каковой цѣли былъ даже введенъ сборъ съ торговцевъ опіумомъ и опіумокуриленъ, подъ именемъ добровольныхъ взносовъ. Въ пятилѣтіе 1896—1900 г.г. въ провинцію было доставлено громадное количество тутовыхъ деревьевъ, наибольшая часть которыхъ однако погибла. Небольшое количество получающагося въ провинціи шелка отличается низкимъ качествомъ и высокой стоимостью [2]).

Къ сѣверу отъ *Цзянси* лежитъ та часть—одной изъ плодороднѣйшихъ въ Китаѣ—провинціи *Хубэй*, въ которой расположена область *Хуанчжоу*. Изъ этой области имѣются анкетныя свѣдѣнія по уѣзду *Гуанцзи*, лежащему на западѣ провинціи [3]). Средняя площадь земледѣльческаго хозяйства здѣсь была около 10 *му* для рисовыхъ полей и нѣсколько меньше, 7-8 *му*—при воздѣлываніи

---

1) По сообщенію десятилѣтняго таможеннаго отчета Ханькоу за 1882—91 г.г. (p. 172) хорошаго качества табакъ получается въ пров. *Хунань*, въ особ. въ округѣ *Чэнь-чжоу*. Тамошній табакъ—съ крупнымъ, мясистымъ листомъ, очень ароматиченъ и крѣпокъ.

2) *Decennial Reports. 1882—1891.* First Issue и *1892—1901.* Second Issue, vol. I: Reports from Kiukiang.

3) From Rev. *Fredk. Boden.* Journal etc., p. 102—04.

хлопка, пшеницы и пр. Лишь меньшинство земледѣльцевъ обрабатывали собственную землю—смотря по мѣстностямъ, отъ 10 до 30 0/0 земель. Наемный трудъ имѣлъ примѣненіе и расцѣнивался ниже, нежели въ вышеупомянутыхъ частяхъ Китая. Отъ 8 до 10 тысячъ чоховъ въ годъ съ продовольствіемъ считалось хорошей платой; за трудъ низшаго качества платилось 6.000 чоховъ. Въ іюнѣ поденная плата достигала 60 чоховъ, съ предоставленіемъ пищи три раза въ день. Арендная плата съ рисовыхъ полей вносится натурой и составляетъ около 2/5 урожая; въ одномъ селеніи показана была арендная плата до 2/3 сбора. При исключительно обильномъ урожаѣ избытокъ принадлежитъ земледѣльцу; въ очень плохіе годы доля собственника понижается или даже вовсе отпадаетъ. При арендованіи другихъ земель рента вносится деньгами, въ количествѣ 1.300—1.400, 1.000 и 600—900 чоховъ съ 1 *му* въ годъ, въ зависимости отъ качества почвы. Изъ землевладѣльцевъ лишь немногіе имѣютъ 300 *му*, и они признаются крупными собственниками; 200 *му* считаются значительнымъ (a good deal) землевладѣніемъ. Съ одного поля снимается въ тотъ же годъ посѣвъ пшеницы или ячменя и посѣвъ хлопка. Средняя годовая производительность полей, въ зависимости отъ качества почвы—риса неочищеннаго отъ шелухи—5 бушелей (= 4 *пикуля*), 4 и 3 бушеля; пшеницы—12, 8 и 5 или 6 бушелей, ячменя—15, 10 и 7 или 8 бушелей, хлопка 90, 70 и 50 *гинь*. Цѣны на мѣстномъ рынкѣ были: 800—900 чоховъ за 1 *пикуль* риса въ шелухѣ въ хорошій годъ, 1.000 чоховъ въ средній, 1.400—2.000 чоховъ въ плохой годъ; 1.500 чоховъ за бушель пшеницы въ хорошій годъ, 2.000 чоховъ въ средній и 2.500—3.000 въ плохой; 500—800 чоховъ за 1 бушель ячменя въ хорошій годъ, 800—1.100 въ средній и 1.200—1.400 въ плохой. Цѣны земледѣльческихъ продуктовъ регулировались покупателями изъ другихъ мѣстъ. Поземельный налогъ въ среднемъ составляетъ около 300 чоховъ[1]. Въ годы наводненій налогъ не взыскивается, но если послѣдуетъ пара хорошихъ годовъ, то недоимка довзыскивается. При исключительно суровой засухѣ налоговой платежъ понижается.

Что касается земледѣльческой производительности провинціи Хубэй въ цѣломъ, то въ этомъ отношеніи представляютъ важность особенности въ природѣ страны. По китайской поговоркѣ, Хубэй

---

1) *Fr. Boden* приравниваетъ 1.000 чоховъ одному доллару.

состоитъ изъ трехъ частей горъ, шести частей водной поверхности и лишь одной части удобной земли. Въ лѣтнее время это приблизительно вѣрно, зимою же водная поверхность значительно сокращается. Горы обезлѣсены и большею частью безплодны. При всемъ томъ Хубэй принадлежитъ къ наиболѣе густо заселеннымъ по отношенію ко всей своей поверхности провинціямъ Китая. Въ качествѣ перевозочныхъ средствъ пользуются лодками, ручными одноколесными тачками съ колесомъ подъ телѣжкой, также мулами и ослами, а на сѣверѣ провинціи—двухколесными телѣгами типа платформъ.

Главными земледѣльческими продуктами представляются хлопокъ, рисъ, пшеница и ячмень и чай. Къ болѣе важнымъ продуктамъ земледѣлія принадлежатъ также конопля, бобы, табакъ, бумажная тутовица, шелкъ, кунжутъ, а также деревянное масло, растительное сало, лакъ и воскъ. Внѣшній отпускъ чаевъ изъ *Ханькоу* обнаруживаетъ рѣшительное и постоянное паденіе послѣ 1886 года, когда онъ достигъ максимума—около 900.000 *пикулей*. Это паденіе, не лишенное своего значенія для земледѣльческаго населенія, обусловливается отсутствіемъ улучшеній въ культурѣ и фабрикаціи чаевъ, высокой экспортной пошлиной на нихъ въ Китаѣ и конкурренціей со стороны остъиндскихъ и цейлонскихъ чаевъ. Климатъ и почва земледѣльческаго района *Ханькоу* особенно благопріятны для воздѣлыванія табака. Табакъ, отличающійся легкостью и сухостью листа, вывозится въ значительномъ и все возрастающемъ съ 80-хъ годовъ количествѣ, частью въ Европу. Конопля вывозится въ Кантонъ и Сватоу, гдѣ перерабатывается въ рами. Вывозъ шелка получилъ значительные размѣры въ послѣднюю эпоху: въ 1886 г. было вывезено шелка изъ *Ханькоу* на 350 тыс. *лам. лянъ*, въ 1891 г.—уже на 2.500 тыс. *лам. лянъ*. Шелководство можетъ быть еще развито здѣсь въ громадныхъ размѣрахъ, въ виду благопріятствующаго этому климата и отсутствія болѣзней шелковичныхъ червей. Воскъ, доставляемый насѣкомыми на деревѣ ligustrum, также собирается въ этой провинціи. Воздѣлываніе опіума незначительно; мѣстный опіумъ очень крѣпокъ, пользуется ограниченнымъ спросомъ и расцѣнивается ниже опіума многихъ другихъ провинцій. На сѣверѣ провинціи разводится скотъ, и изъ *Ханькоу* вывозится за-границу большое количество шкуръ. Въ горахъ къ з. отъ р. *Хань-хэ* собираютъ древесные грибы съ дуба, весьма цѣни-

мые китайцами и находящіе сбытъ во всей имперіи [1]).

Къ сѣверу отъ Чжэцзян'а расположена провинція *Цзянсу* [2]), омываемая *Желтымъ* моремъ и представляющая почти сплошную равнину, обильно орошенную и снабженную удобными водными сообщеніями. Между сѣверомъ и югомъ этой провинціи существуетъ значительное различіе. Къ югу отъ рѣки *Янцзы* девять десятыхъ всей площади земли обрабатываются собственниками. Здѣсь и въ ближайшей полосѣ по лѣвому берегу рѣки крупныхъ землевладѣльцевъ очень немного. Въ болѣе южныхъ частяхъ сѣверной половины провинціи, въ уѣздахъ *Синхуа* и *Тайчжоу* (область *Янчжоу*) есть впрочемъ также землевладѣльцы, обладающіе отъ 1.000 до 10.000 *му*. На сѣверѣ же есть много лицъ, обладающихъ отъ 40 до 70 тысячъ *му*: семья *Чжанъ*, какъ говорили, обладала 400.000 *му*, при чемъ имѣнія ихъ простирались также въ провинціяхъ *Хубэй* и *Аньхуй*: другое лицо, по имени *Янъ*, имѣло 300.000 *му*. Къ крупнымъ собственникамъ принадлежатъ также и храмы: храму на *Золотомъ* островѣ принадлежитъ 3.000 му; храмамъ на *Серебрянномъ* островѣ—4.000 *му*; въ *Хуашанъ* одинъ храмъ обладаетъ 30.000 *му* земли. Крупное землевладѣніе на югѣ уничтожено во время тайпинскаго возстанія. Тайпины опустошили южную часть провинціи и истребили между прочимъ земельные реестры. Послѣ 1865 года новые пришельцы занимали по своему выбору небольшіе участки земли и становились ихъ собственниками; чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ занятія земли они получали документъ на землю съ обложеніемъ ея поземельнымъ налогомъ. Еще и въ отчетное время у горъ *Мушанъ* и на югѣ большія пространства земли оставались заброшенными, хотя они и привлекаютъ къ себѣ переселенцевъ съ сѣвера провинціи, постепенно занимающихъ остающіяся еще удобныя земли. Въ окрестностяхъ областного города *Чжэньцзянъ* (на правомъ берегу р. *Янцзы*) средняя величина земледѣльческихъ хозяйствъ была около 20 *му*, колеблясь между 10 и 50 *му*. Тайпины причинили мало вреда въ сѣверныхъ областяхъ провинціи, и прежніе обладатели земли здѣсь удержались. Семь или даже восемь

---

[1]) *Decennial Reports*. First and Second (vol. I) Issues: Reports from Hankow; *Richthofen's Letters*, p. 16; *Kennelly*, l. c., p. 124; *Little*, l. c., p. 95.

[2]) From *E. L. Oxenham*, Consul, Chinkiang; 15 th December 1888. Journal etc., p. 98—102.

десятыхъ всей земледѣльческой площади къ сѣверу отъ р. Янцзы обрабатываются арендаторами; въ особенности это относится къ уѣздамъ *Сингуа* и *Тайчжоу*. Съемщики обрабатываютъ вообще не больше 50 или 100 *му*. Наемные рабочіе въ обиліи являются сюда изъ района р. *Желтой (Хуан-хэ)*. Помѣсячная плата была семнадцать связокъ чоховъ[1]) при продовольствіи. Въ южной части провинціи пользуются наемными рабочими, являющимися съ сѣвера и съ р. Желтой. Наемная плата низка и часто сводилась къ пищѣ и жилью, вообще же составляла около двухъ связокъ чоховъ въ мѣсяцъ при своемъ продовольствіи. Рабочія руки требуются на югѣ преимущественно зимою. Въ относительно рѣдкихъ случаяхъ денежной аренды за 1 *му* земли уплачивалось въ годъ около двухъ связокъ чоховъ. При сдачѣ земли почти исключительно примѣняется китайская система раздѣленія урожая между землевладѣльцемъ и арендаторомъ. „Какъ обыкновенно въ Китаѣ, гдѣ наши европейскія строгія и твердыя правоотношенія не приняты и не свойственны правовому сознанію населенія, уплачиваемая доля урожая мѣняется въ каждый сезонъ. Въ очень плохой годъ не отдается ничего, притомъ безъ всякаго денежнаго возмѣщенія“ 2). Въ хорошій годъ собственникъ получаетъ 4/10 сбора риса, 3/10 сбора пшеницы, бобовъ, гороха и земляного орѣха. Въ хорошій же годъ 1 *му* плодородной земли всего приноситъ 4 *дань* риса въ шелухѣ, стоимостью по тому времени 1.40 долл. за *дань*, 1.2 *дань* пшеницы, стоившей 2.00 долл. за *дань*, 1.7 *дань* бобовъ цѣной по 2.10 долл., 8 *доу* 3) земляного орѣха, 1 1/2 *дань* индиго цѣной отъ 3 до 4 долл. за *дань*, 15 *гинь* хлопка по 15 центовъ за *гинь* и пр. Поземельный налогъ

1) *Дяо*, или связка чоховъ, номинально заключаетъ 1.000 чоховъ (мѣлныя монеты съ квадратнымъ отверстіемъ). Въ дѣйствительности, количество монетъ въ связкѣ меньше, такъ какъ за подборъ монетъ въ связку денежныя лавки удерживаютъ въ свою пользу смотря по мѣстному обычаю, отъ 1 до 4 %, соотвѣтственно уменьшая количество монетъ въ связкѣ. Кромѣ того, въ Сѣв. Китаѣ одинъ дѣйствительный чохъ считается за два номинальныхъ.

2) Ibidem, p. 99.

3) *Доу* представляетъ мѣру сыпучихъ тѣлъ и, по имѣющимся даннымъ, содержитъ, въ зависимости отъ мѣстности и измѣряемыхъ матеріаловъ, отъ $5_{.07}$ до $42_{.58}$ литровъ (*Journal* etc., vol. *XXIV*, p. 90—93). Въ настоящемъ же случаѣ *доу* приравнивается (*Oxenham*) 1/10 *дань* или *пикуля*, считая въ послѣднемъ $133^1/_3$ англ. ф.=3 п. 24 ф.

взимается по-полугодно; при этомъ въ первомъ полугодіи, когда имѣется собранной пшеница,—деньгами и во второмъ всегда натурою, для пополненія казенныхъ запасныхъ магазиновъ. По отношенію къ налогу 10 *му* гористой земли считаются за 1 *му*. Съ 1 *му* хорошей пашни взимается отъ 500 до 600 чоховъ налога. Во второй срокъ взимается 7 *шэнъ* риса съ 1 *му*. Въ городахъ уплачивается 1.000 чоховъ съ 1 *му*. Къ этому присоединяются различные сборы, изъ коихъ одинъ предназначается въ вознагражденіе администраціи и составляетъ 25 0/0 уплачиваемой суммы, другой—на оплату печатныхъ листковъ, по 14 чоховъ съ дома внѣ городовъ и 28 чоховъ въ городахъ. Жилища поселянъ близъ *Чжэньцзян*'а очень бѣдны и имѣютъ грубую обстановку. Обработанныя поля по чистотѣ и аккуратности напоминаютъ огороды.

Провинція Цзянсу отличается высокимъ плодородіемъ почвы, позволяющимъ собирать до трехъ жатвъ въ годъ. Климатъ весьма мягкій какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Дожди выпадаютъ во всѣ времена года, но преимущественно съ мая по іюль. Кромѣ того, территорія провинціи обильно орошена водами рѣкъ, каналовъ и озеръ. Въ качествѣ перевозочныхъ средствъ служатъ главнымъ образомъ лодки, но пользуются также носильщиками, вьючными животными (ослами и мулами) и одноколесными тачками. Главные земледѣльческіе продукты суть рисъ, пшеница, ячмень, бобы, маисъ, хлопокъ, опіумъ, шелкъ, конопля, водяная лилія, кунжутное сѣмя, земляной орѣхъ, грецкій орѣхъ, козьи и овечьи шкуры, окорока. На сѣверѣ провинціи распространено воздѣлываніе мака и сѣверно-китайскихъ хлѣбовъ; въ средней части главными продуктами представляются хлопокъ и рисъ, а также прочіе хлѣба; въ южной части провинціи —рисъ, хлопокъ, шелкъ и овощи, вмѣстѣ съ обыкновенными хлѣбами и нѣкоторыми другими культурами, какъ напр. индиго и чай. Хлопокъ служитъ матеріаломъ для выработки домашнихъ издѣлій, частью же отправляется въ Японію. Опіумъ занимаетъ выдающееся мѣсто среди различныхъ продуктовъ провинціи. Область *Сюй-чжоу*, на с.-з. провинціи, почти всецѣло занята этой культурой и даетъ опіумъ болѣе высокаго качества. Въ сравнительно недавнее время воздѣлываніе мака распространилось въ сосѣднемъ округѣ *Хай-*

[1]) *Decennial Reports*.... First and second (vol. I) Issues: Reports from Nanking, Chinkiang; *Kennelly*, l. c., p. 157; *Little*, l. c., p. 108; *P. Kraensel. Entwicklung und gegenwaertiger Stand des Chinesischen Theehandels*. Berlin. 1902, p. 32—3.

чжоу; въ болѣе значительныхъ размѣрахъ опіумъ получается также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ области *Хуай-хань*. Опіумъ мѣстнаго происхожденія часто служитъ вещнымъ обезпеченіемъ при кредитованіи. Шелководство распространено по берегамъ каналовъ и, въ виду наличія благопріятныхъ условій, могло бы давать болѣе высокій продуктъ и въ несравненно большемъ количествѣ, если бы усвоены были болѣе усовершенствованные методы. Вмѣстѣ съ лежащей далѣе къ югу провинціей Чжэцзянъ, Цзянсу даетъ лучшій въ имперіи шелкъ. Чай воздѣлывается мало вслѣдствіе преобладанія равнинной почвы.

Далѣе къ сѣверу, на обширномъ полуостровѣ, расположена провинція *Шаньдунь*. Анкетныя свѣдѣнія по этой провинціи относятся къ тремъ областямъ[1]). Въ уѣздѣ *Иду*, принадлежащемъ къ области *Циньчжоу* и имѣвшемъ около 250.000 населенія при числѣ селеній около 1.000 и 40 городскихъ поселеній, особенно крупныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ. Отъ 8 до 10 собственниковъ обладали каждый отъ 500 до 600 *му*[2]), одинъ или два—по 1.000 *му*. Средняя

[1]) From Rev. *C. Spurgeon Medhurst*, May 1888. Journal etc., p. 85—89. From Rev. *Timothy Richard*, Nov. 23 th 1888. Ibid., p. 82—85.

[2]) Въ провинціи *Шаньдунь* величина *му* очень разнообразна. *Medhurst*, называя *му* также акромъ, отмѣчаетъ, что въ у. *Иду* 1 *му* содержитъ 720 кв. *гунъ*. Далѣе, говоря о налогѣ, *М.* замѣчаетъ, что въ среднемъ налогъ составлялъ около 1.000 чоховъ съ 1 *му*, или 7 ш. на 1 англ. акръ. Исходя изъ того, что въ предварительномъ редакціонномъ примѣчаніи къ матеріаламъ анкеты 1.000 чоховъ приравнены 3 ш. 2 п., можно бы заключить къ мѣстной величинѣ *му* въ у. *Иду*, именно: 1 англ. акръ $=2._{3}$ *му*; или 1 десятина $=6._{4}$ *му*. Необходимо однако оговориться при этомъ, что *М.* принимаетъ свой курсъ между чохомъ и долларомъ, отступая отъ указаннаго въ упомянутомъ редакціонномъ примѣчаніи курса: 1 долларъ $=1.000$ чохамъ. Раздѣленіе на 720 *гунъ* вмѣсто обычныхъ 240 указываетъ на крупную величину *му*. Въ относящейся сюда таблицѣ въ *Journal* etc., Vol. XXIV P. 99—100 среди различныхъ величинъ для *му* наибольшая состоитъ изъ 840 кв. *гунъ*; второе же мѣсто занимаетъ 1 *му* въ 720 кв. *гунъ*; обѣ относятся къ области *Цзинань*, Шаньдунской провинціи. Въ обоихъ случаяхъ составная величина—1 кв. *гунъ*$=73._{92}$ дюйма или $1._{87}$ метра, почему указаннымъ *му* соотвѣтствуютъ величины $3.032._{4}$ и $2.599._{2}$ кв. метра (1 десят. $=10.925._{4}$ кв. метрамъ). Но относительно величины мѣры *гунъ* (или *бу*) имѣется (ibidem, p. 101) редакціонное примѣчаніе, что было бы, можетъ быть, правильнѣе приравнять *гунъ* $61._{81}$ дюймамъ. (См. мое примѣчаніе къ стр. 41 русскаго изданія сочиненія *О. Франке*).

величина владѣнія составляла 10 *му*. На душу населенія приходилось 1 *му* земли. Около десятой части земли находится въ арендѣ. Арендная плата опредѣляется всегда въ натурѣ и колеблется отъ одного *дань* зерна до половины урожая. Заработная плата при годовомъ наймѣ была около 20.000 чоховъ (9—10 долл.), помѣсячно—2 или 3 тысячи чоховъ, поденно—отъ 200 до 300 чоховъ, при чемъ къ этому всегда присоединялась пища отъ хозяина. Что касается производительности земледѣлія, то въ среднемъ съ 1 *му* получалась 400 *гинь* зерна, оцѣнивавшагося на рынкѣ по 60 чоховъ (2 или 3 цента) за 1 *гинь*. Поземельный налогъ составляетъ около 1.000 чоховъ съ 1 *му*. При обработкѣ собственной земли и собственнымъ трудомъ, за вычетомъ налога, земледѣлецъ получаетъ доходъ съ 1 *му* около 23.000 чоховъ (11 или 12 долларовъ) въ годъ. Въ гористыхъ мѣстахъ (около $^1/_{20}$ всей площади уѣзда) распространено воздѣлываніе хлопка и плодовыхъ деревьевъ. Съ 1 *му* собирается отъ 150 до 200 *гинь* хлопка, стоившаго на рынкѣ около 200 чоховъ за *гинь*; кромѣ того, хлопковое сѣмя обмѣниваюсь на бобовое масло, въ количествѣ десятой части сѣмянъ по вѣсу. Хотя урожай хлопка расцѣнивается на рынкѣ дороже, нежели хлѣба, но земледѣльцы предпочитаютъ воздѣлывать послѣднія—не столько вслѣдствіе меньшей затраты труда, сколько потому, что они освобождаются этимъ отъ необходимости покупать хлѣбъ на рынкѣ.

Въ смежныхъ уѣздахъ той же области *Линьцюй* и *Линьцы*, средняя величина владѣнія достигаетъ 50 или 60 *му*. Наиболѣе крупное владѣніе было въ 700 *му*, но оно кормило 50 или 60 лицъ. На душу населенія въ *Линьцюй* приходилось около 2/3 *му* земли. Въ двухъ этихъ уѣздахъ земля нѣсколько плодороднѣе, нежели въ у. *Иду*. Налогъ съ земли имѣетъ приблизительно ту же величину. Десятая часть земледѣльцевъ въ этихъ уѣздахъ воздѣлываетъ табакъ, извлекая изъ этого хорошій доходъ. Съ 1 *му* получается около 1.000 *гинь* листа. При собственной обработкѣ земли, безъ найма рабочихъ, годовой доходъ достигалъ при этомъ 60 долл., изъ чего однако нужно вычесть около 10 долларовъ на удобренія. Однако, доходъ отъ воздѣлыванія табака представляется не столь вѣрнымъ, какъ напр., доходъ отъ шелководства, дававшаго въ среднемъ 21 долларъ съ 1 *му*. Именно, крупный листъ табака повреждается при буряхъ съ градомъ. Разведеніемъ тутовицы и полученіемъ шелководства занимается треть всего числа земледѣльцевъ въ *Линцюй*. Около 7% населенія въ *Линьцюй* имѣютъ плодовые

сады. Доходъ отъ нихъ составляетъ около половины дохода отъ шелководства; 1 *му* земли подъ плодовымъ садомъ обезпечиваетъ средства къ существованію для двухъ человѣкъ.

Въ уѣздѣ *Шоугуанъ* (въ сѣв. части той же области) средняя величина земельнаго владѣнія составляетъ около 3 *му*. Здѣсь есть много землевладѣльцевъ, имѣющихъ отъ 100 до 200 *му* каждый. Эти земли большею частью сданы въ аренду изъ половины урожая. Самый крупный собственникъ здѣсь имѣлъ свыше 2.000 *му*, при семействѣ около 30 лицъ. Урожаи и налогъ здѣсь немного выше, нежели въ *Иду*, заработная же плата была на одномъ уровнѣ.

Въ уѣздахъ *Чаншань* и *Цзоупинъ* (обл. *Цзинань*) значительная часть населенія занята въ неземледѣльческихъ промыслахъ (въ у. *Цзоупинъ*—половина). Хлѣбъ дорогъ и привозится извнѣ. Земля плохая и дорогая. Землевладѣльцы имѣютъ не больше нѣсколькихъ *му*. Налогъ составлялъ въ годъ 0.164 *л.* съ 1 *му*[1]) въ первомъ уѣздѣ и свыше 0.20 *л.* во второмъ и вносится серебромъ. Къ сѣверу, въ у. *Цзычуань* той же области землевладѣніе также исключительно мелкое. Не свыше 8% изъ общаго числа землевладѣльцевъ имѣютъ сто—двѣсти *му*. Земля въ среднемъ приноситъ около 300 *гинь* зерна, расцѣниваемаго нѣсколько дороже, нежели въ у. *Иду*. „Поземельный налогъ съ 1 *му* выше, нежели въ *Иду*, хотя *му* меньше“; въ *Цзычуан*'и на 1 му считаютъ 240 и 360 *гунъ*. Въ Цзычуани, какъ и въ смежномъ у. *Бошань*, населеніе вкладываетъ много денегъ въ разработку угольныхъ копей.

Какъ указываетъ *Medhurst*, вышеизложенная характеристика справедлива также и въ отношеніи состоянія земледѣлія въ центральномъ *Шандун*'ѣ вообще.

Въ области *Лайчжоу* 2) средняя величина землевладѣнія достигала 30 *му* (въ 240 кв. гунъ; $6._6$ *му*=1 англ. акру; отсюда $17._8$ *му*=1 десят.). Около 60% всѣхъ земледѣльцевъ обрабатывали собственныя земли; около 50% пользовались наемными рабочими. Заработная плата при годовомъ наймѣ была 6 *лянъ* съ пищею и 13 *л.* безъ пищи, плата поденнымъ рабочимъ была соотвѣтственно $0._{03}$ и $0._{06}$ *ляна*, а во время жатвы—$0._1$ *ляна* въ день со вклю-

[1]) Исходя изъ приведенной налоговой ставки 0.164 *л.*=4 ш. 2 п. съ англ. акра и указаннаго въ упоминавшемся редакціонномъ примѣчаніи курса 1 *лянъ*=4 ш. 2—6 п., можно бы опредѣлить величину *му* около $^1/_6$ акра, или $^1/_{17}$ десятины.

2) From Rev. *Timothy Richard*. Ibidem.

ченіемъ пищи. Срокъ аренды простирался отъ 1 года до 30 лѣтъ, но 98 изъ ста арендаторовъ снимали землю на нѣсколько и болѣе лѣтъ, при средней продолжительности аренды вообще въ три года. Арендную плату вносили деньгами 25 % всего числа арендаторовъ, при чемъ рента въ среднемъ достигала 2.66, 2 и 1.50 *ляна* въ зависимости отъ класса земли. При уплатѣ аренды въ натурѣ собственнику отдавалось 50 %, 40 % и 30 % урожая, въ зависимости отъ качества земли. Среди землевладѣльцевъ 30 % имѣли 100 *му*, свыше 10 % имѣли по 10.000 *му* и одинъ или два—по 100.000 *му*. Стоимость земли за 1 му различнаго качества была 150, 40 и 10 *лянъ*. Поземельный налогъ составлялъ 0.048 *ляна* съ 1 *му* земли, безъ различенія ея по классамъ; сверхъ того, добавочныя издержки по налогу составляли 13 % основной суммы. При непользованіи казенной солью, взимался добавочный налогъ въ размѣрѣ 0.048 *л.* съ 1 *му*. Годовая производительность почвы опредѣляется 660, 400 и 250 *гин* зернового хлѣба съ 1 *му* земли различныхъ классовъ Для поддержанія существованія одного лица въ общемъ требуется 5 *му* земли.

Климатъ Шаньдуна характеризуется умѣренной и ровной температурой зимою и довольно высокой лѣтней температурой. Образованіе льда зимою незначительно, но ощущеніе холода усиливается сильными вѣтрами. Переходъ къ лѣтней температурѣ быстро совершается въ маѣ, а въ октябрѣ также быстро наступаетъ прохладная осень. Атмосферные осадки изъ года въ годъ однообразно распредѣлены во времени. Главная часть дождей выпадаетъ лѣтомъ, когда земледѣліе въ этомъ нуждается. Но нѣсколько неблагопріятно чрезмѣрное скопленіе лѣтнихъ дождей въ короткій промежутокъ времени (іюль, августъ). По отношенію къ другимъ временамъ года климатъ отличается вообще сухостью. По *Рихтгофену*, среднее количество осадковъ для *Чифу* и шаньдунскихъ предгорій достигаетъ 603 милим., изъ которыхъ въ февралѣ выпадаетъ 5, мартѣ—9, апрѣлѣ—38, маѣ—21, іюнѣ—50, іюлѣ—141, августѣ—201, сентябрѣ—56, октябрѣ—18, ноябрѣ—32, декабрѣ—18 и январѣ—14. Мѣстныя различія въ климатическихъ условіяхъ зависятъ отъ расположенія горныхъ цѣпей, оказывающихъ вліяніе на территоріальное распредѣленіе и силу вѣтровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на температуру и влажность, приносимыя вѣтрами. Истребленіе лѣсовъ въ Шаньдунѣ имѣло послѣдствіемъ размывъ почвы на склонахъ, при чемъ сначала болѣе легкія частицы почвы, а затѣмъ

песокъ уносились дождевыми потоками въ рѣки, которыя, вслѣдствіе осѣданія песка, отличаются мелководіемъ и несоразмѣрно широкимъ русломъ. Для перемѣщенія грузовъ по грунтовымъ дорогамъ, отличающимся своею неблагоустроенностью, преимущественно пользуются распространенными въ Китаѣ одноколесными тачками, съ однимъ колесомъ подъ платформой; при попутномъ вѣтрѣ къ тачкѣ ставится парусъ. Въ виду сухости климата въ теченіи значительной части года, искусственное орошеніе имѣетъ важное значеніе. Но кромѣ того, отводимые на поля ручьи оставляютъ въ почвѣ неорганическія удобрительныя вещества. Послѣднее подтверждается, напримѣръ, тѣмъ, что поля, расположенныя ниже и получающія воду съ выше лежащихъ, оцѣниваются населеніемъ дешевле этихъ въ соотвѣтствіи съ понижающейся плодородностью полей. Орошеніе оказываетъ столь рѣзкое вліяніе на урожайность вслѣдствіе истощенности почвы, усиленно используемой въ Китаѣ на протяженіи тысячелѣтій. Кромѣ того, плодородность почвы въ Китаѣ поддерживается тѣмъ, что отъ трехъ до пяти разъ примѣняется удобреніе почвы органическими веществами, преимущественно человѣческими отбросами[1]). Поля даютъ вообще два урожая въ годъ. Вся удобная земля находится въ обработкѣ. Главные земледѣльческіе продукты суть пшеница, затѣмъ ячмень, просо, гаолянъ, бобы разнаго рода, главнымъ образомъ масличные (soja), маисъ, брюква (полевая рѣпа), земляной орѣхъ, хлопокъ, конопля, табакъ и овощи. Въ недавнее время распространилась доходная культура мака. Рисъ воздѣлывается къ ю.-з. отъ *Великаго* канала. Овесъ, а также картофель не воздѣлываются. Что касается животноводства, то населеніе провинціи обладаетъ большимъ количествомъ куръ, сильныхъ муловъ, лошадей, быковъ и козъ. Ослы достигаютъ здѣсь южной границы своего распространенія. На з. провинціи встрѣчаются верблюды. Крупныя животныя получаются съ сѣвера, въ особенности изъ Монголіи, Шаньси и Шэньси. Большое значеніе имѣютъ полученіе обыкновеннаго и дикаго шелка и разведеніе плодовыхъ деревьевъ. Прессованіемъ бобовъ въ большія круглыя галеты получаютъ масло и жмыхи; послѣдніе вывозятся какъ удобреніе. Бобовыя растенія идутъ въ кормъ муламъ и другимъ животнымъ. Весьма полезнымъ растеніемъ представляется гаолянъ, зерно котораго служитъ пи-

---

1) *Ferdinand Freiherr von Richthofen. Schantung und seine Eingangspforte Kiautshou.* Berlin, 1898. Zweites Kapitel.

щею для людей, а также кормомъ для лошадей и муловъ. Камышъ гаоляна употребляется въ качествѣ матеріала для поддержанія береговыхъ плотинъ р. *Хоанхэ*, въ домашнемъ же быту—для устройства временныхъ хижинъ, для кровли, заборовъ, топлива и различныхъ иныхъ цѣлей. Опіумъ воздѣлывается въ томъ или иномъ количествѣ во всѣхъ уѣздахъ, но главнымъ образомъ на з. и ю.-з. провинціи, въ областяхъ *Цао-чжоу* и *Янь-чжоу*. Главнымъ распредѣлительнымъ пунктомъ для мѣстнаго опіума служитъ *Цзинъ-сянь*, въ области *Цзининъ*. Съ 1882 года культура мака распространялась къ ущербу для другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Культура растенія цзы-цао (lithospermum erythrorhizon), дающаго красную краску, представляетъ замѣчательный примѣръ плодосмѣна. Это растеніе, воздѣлываемое преимущественно на югѣ провинціи, настолько истощаетъ почву, что послѣдняя признается вновь подготовленною для него лишь послѣ шестидесятилѣтняго воздѣлыванія другихъ растеній. Въ шелководствѣ преобладаетъ полученіе дикаго шелка. Шелкопрядъ (antheraea pernyi) водится на двухъ разновидностяхъ дуба (quercus mongolica; q. serrata), произрастанія котораго поддерживаются въ формѣ кустарника. Во время зимы коконы сохраняются въ домахъ; личинки появляются съ наступленіемъ теплаго времени года. Первый сборъ коконовъ большею частью служитъ для полученія осенью второго сбора, такъ какъ послѣдній шелкъ прочнѣе и болѣе красиваго цвѣта. Собранные съ одного акра здоровыхъ деревьевъ коконы даютъ 3 или 4 *гинь* шелка. Шелкъ имѣетъ свѣтло-коричневую окраску. Разведеніе обыкновеннаго шелка, получаемаго съ тутоваго дерева, представляетъ больше трудностей и потому менѣе распространено. Кромѣ того, для выращиванія тутовицы необходима наличность почвенной влаги, что имѣется далеко не вездѣ. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшее распространеніе этой культуры вполнѣ возможно, въ особенности при устраненіи существующихъ стѣсненій фискальныхъ и иныхъ, отражающихся на выгодности этой отрасли. Изъ фруктовъ распространены яблоки, груши, вишни, абрикосы, сливы и орѣхъ. Они цѣнятся китайцами, хотя вообще отличаются въ Китаѣ невысокими качествами. Въ *Чифу* и его окрестностяхъ разводятся также калифорнскіе сорта. Туда же занесены въ новѣйшее время болѣе высокіе сорта винограда, хотя и мѣстный виноградъ также хорошаго качества. Здѣсь въ 1893 г. основана китайская компанія винодѣлія, пригласившая иностраннаго специалиста. Опыты выдѣлки вина мѣ-

стныхъ лозъ указали на необходимость насажденія болѣе благородныхъ лозъ изъ Европы. Къ концу 1901 г. подъ виноградниками было уже 450 *му* земли, и имѣлось въ виду ежегодно расширять площадь ихъ (см. выше, стр. 57). Къ плодамъ, специфически свойственнымъ Дальнему Востоку, принадлежатъ шицзы (каки) и цзаорръ—разновидность жужуба съ плодами на подобіе финика. Изъ другихъ фруктовъ выращиваются дыни. Въ *Чифу* чрезъ посредство иностранцевъ все болѣе распространяются земляника, крыжовникъ, малина. Однако, вслѣдствіе отсутствія ухода эти плодовыя растенія у китайцевъ быстро ухудшаются [1]).

Въ столичной провинціи *Чжили*, примыкающей къ Шаньдуну съ с.—з. и з. и узкимъ прирѣзкомъ своимъ на ю. достигающей 35° с. широты, имѣются анкетныя данныя по расположенному близъ Пекина уѣзду *Уцинъ* [2]). Этотъ уѣздъ значительно отличается въ отношеніи землевладѣнія и землепользованія отъ вышеописанныхъ мѣстностей Китая. Средняя величина землевладѣнія здѣсь была 80 *му* ($6._8$ *му* приравниваются 1 англ. акру; отсюда 1 десят. $=17._8$ *му*). 70% собственниковъ сами обрабатывали свою землю. 15% земледѣльцевъ пользовались наемными рабочими при невысокой заработной платѣ. При годовомъ наймѣ плата была 7 *лянъ* съ пищею отъ хозяина, поденная плата, также съ пищею, $0._{05}$ *ляна*, а во время жатвы—$0._1$ *ляна*. Половина общаго числа арендаторовъ снимала землю погодно, но имѣетъ мѣсто также вѣчная аренда. Средняя продолжительность аренды около 5 лѣтъ. Деньгами уплачивалась рента въ 45% всѣхъ случаевъ, при чемъ въ общемъ она составляла 0.60, 0.50 и 0.30 *лянъ* съ 1 *му*. При натуральной арендѣ землевладѣльцу поступало 50, 40 и 30% урожая, въ зависимости отъ класса почвы. Среди землевладѣльцевъ 60% имѣли 100 *му*, 10% имѣли 10.000 *му*, одинъ собственникъ или два—100.000 *му*. Цѣна 1 *му* земли ограничивалась 10, 5 и 3 *лянъ* за 1 *му* земли различныхъ классовъ. Годичная производительность почвы опредѣляется среднимъ урожаемъ зерна въ 400,

---

1) *Richthofen. Schantung* etc.. Kapitel II и III; *Decennial Reports*. First and second (vol. 1) Issues: Reports from Chefoo, Kiauchow; *Kennelly*, l. c., p. 83; *Bretschneider*, l. c, part II, № 142. Journal etc. vol. XXV.

2) From Rev. *Timothy Richard*. Nov. 28 th, 1888. Journal etc., p. 82—5.

150 и 100 *гинь* зерна, въ зависимости отъ почвы. Сборъ зерна съ 1 *му* оцѣнивался въ 3, 1.5 и 1 *лянь*. Поземельный налогъ составлялъ 0.0099 *лянa* съ 1 *му*, съ надбавкою къ этому 5 0/0 на издержки. Для существованія одного человѣка здѣсь требовалось уже 10 *му*. Земли вокругъ Пекина въ значительной части принадлежатъ принцамъ и обрабатываются зависимыми отъ нихъ (serfs)[1]). Эти земли могутъ быть отчуждаемы, но расцѣниваются вообще ниже другихъ.

Естественныя условія Пейчжилійской провинціи не вполнѣ благопріятствуютъ земледѣлію. Въ низменной части, на В., нерѣдкія наводненія послѣ лѣтнихъ ливней уничтожаютъ земледѣльческіе посѣвы. Въ болѣе удаленныхъ отъ моря мѣстностяхъ имѣется, напротивъ того, недостатокъ во влагѣ, послѣдствіемъ чего бываютъ бѣдственныя для населенія засухи. Только Ю.-З. часть провинціи отличается своимъ плодородіемъ и высокой земледѣльческой производительностью. Климатъ также характеризуется высокой температурой лѣтомъ и довольно низкой зимней температурой, хотя послѣдняя смягчается горами защищающими съ сѣвера (см. выше, стр. 36—7). Въ годъ снимается до двухъ урожаевъ. Главные земледѣльческіе продукты—пшеница, ячмень, рисъ, гречиха, просо, гаолянъ кунжутъ, бобы и горохъ. На Ю.—З. распространено разведеніе

1) „Рабы обоего пола суть лица, проданныя ихъ родителями или правительствомъ или еще тѣ, которыя сами отдались въ рабство знатнымъ фамиліямъ (тоу-као). Кромѣ людей низкаго класса (de classe vile), въ качествѣ рабовъ продаются конфискованныя лица, именно: а) рабы обоего пола изъ возмутившихся противъ правительства; б) рабы обоего пола изъ тѣхъ, которые злостными сдѣлками съ другими націями вызвали враждебныя дѣйствія съ ихъ стороны противъ правительства; в) монахини и жены даосовъ, осмѣлившіяся самовольно устроить новые монастыри". „Что касается рабовъ, отданныхъ въ закладъ (en antichrèse), и слугъ чаньсуй которые отдались сами (въ закладъ), то тѣ изъ нихъ, которые содержатся ихъ господами въ продолженіи трехъ лѣтъ или, хотя бы и до истеченія трехъ лѣтъ, получили отъ нихъ жену, находятся въ томъ же положеніи, какъ и проданные рабы; но если они содержатся менѣе трехъ лѣтъ и не получили жены, то они разсматриваются какъ служители". „Всѣ прирожденные рабы или потомки рабовъ суть рабы семейства господина, хотя бы подлинные документы, удостовѣряющіе, что ихъ предки были рабы, и утратились". (*P. Hoang*, *Mélanges sur l'Administration*. Changhai, 1902. IX. Exposé. Des esclaves *Nou-pi* et des serviteurs *Kou-Kong*.).

фруктовыхъ деревьевъ, въ особенности винограда. Въ горахъ разводятъ много коровъ, овецъ и козъ. Большое количество животныхъ доставляется изъ Монголіи и изъ провинцій Сѣв. Китая[1]).

На сѣверѣ той же провинціи, за предѣлами *Великой* стѣны, расположена область *Жэгэ* или *Чэндэ*, занимающая нѣсколько болѣе половины всего пространства провинціи, отличающаяся гористымъ устройствомъ поверхности и заселенная монголами, подъ вліяніемъ примѣра китайцевъ усвоившими земледѣліе, а также китайскими переселенцами, устремившимися сюда съ начала 18 вѣка, послѣ того какъ императоры нынѣшней маньчжурской династіи основали здѣсь свою лѣтнюю резиденцію. Населеніе области въ настоящее время исчисляется до $1^1/_2$ милліона китайцевъ и до 3 милліоновъ осѣдлыхъ монголовъ. Со времени заселенія края горы лишились покрывавшихъ ихъ лѣсовъ. Несмотря на незначительное разстояніе отъ китайской столицы, эта область представляетъ въ климатическомъ отношеніи существенныя отличія. Зимы здѣсь значительно холоднѣе и суше; лѣто также прохладное, что и побудило въ свое время основать здѣсь императорскую резиденцію. Въ іюлѣ и августѣ обильно выпадаютъ дожди, съ которыми связаны нерѣдкія въ области наводненія, отражающіяся на благосостояніи жителей. Почва требовала отъ земледѣльцевъ усиленныхъ работъ по расчисткѣ; не отличаясь исключительно высокимъ плодородіемъ, все же оправдываетъ затраты и усилія трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Земледѣліе въ области достигло значительнаго развитія, при чемъ воздѣлываются рисъ (въ настоящее время въ значительныхъ размѣрахъ), setaria italica, гаолянъ, маисъ, panicum miliaceum, пшеница, ячмень, гречиха, масличные бобы (soja hispida, служатъ для полученія масла; разновидность чернаго цвѣта употребляется для корма лошадей), phaseolus radiatus (идетъ въ пищу и также употребляется въ медицинѣ), phaseolus mungo, кунжутъ, boehmeria nivea, конопля, изъ овощей—капуста, рѣпа, лукъ, огурцы, тыквы, также фруктовыя растенія—сливы, персики, абрикосы, груши разныхъ видовъ, diospyros, гранаты, каштанъ, орѣхъ, жужубъ, боярышникъ, виноградъ нѣсколькихъ сортовъ, водяное растеніе—nelumbium speciosum (лотосъ), со съѣдобнымъ корнемъ, и нѣкоторыя другія растенія[2]).

---

1) *Kennelly*, l. c., p. 67—70; *Матусовскій*, н. с., стр. 22—3.

2) *Dr. O. Franke. Beschreibung des Jehol-Gebietes in der Provinz Chihli.* Leipzig, 1902.

Въ провинціи *Шаньси* 1) лежащей далѣе къ западу, средній размѣръ землевладѣнія—отъ 20 до 30 *му* 2); отъ 50 до 100 *му* представляются уже большимъ владѣніемъ. Въ районѣ г. *Пинъянъ* крупныя землевладѣнія рѣдко превышали 500 *му*; далѣе къ югу были и болѣе значительныя имѣнія; и также къ сѣверу, на равнинѣ главнаго города провинціи *Тайюань* нѣкоторые собственники обладали 1.000 *му* и болѣе, но ихъ владѣнія были разбросаны отдѣльными частями. Огромное большинство земледѣльческаго населенія принадлежатъ къ мелкимъ собственникамъ. Нѣкоторые изъ нихъ снимаютъ чужую землю въ придачу къ собственной; немногіе, обрабатывая часть своей земли, сдаютъ остальную часть; изъ крупныхъ же землевладѣльцевъ многіе сдаютъ наибольшую часть своихъ земель. Арендная плата въ деньгахъ не превышала 1.000 чоховъ съ *му:* рента натурою съ 1 *му* составляла 2—4 *доу* пшеницы, 3—4 *доу* другихъ продуктовъ. Года три раньше, при путешествіи по внѣстѣнной сѣверной части провинціи, *Bagnall* встрѣтилъ гораздо болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, обрабатывавшихъ свои земли при помощи издѣльно (by the job) подрядившихся рабочихъ, принадлежащихъ къ наиболѣе бѣдному классу въ Китаѣ. Наемными рабочими пользуются въ *Шаньси* въ довольно значительной мѣрѣ. Рабочіе получали въ годъ 20—30 тысячъ хорошихъ чоховъ. На время сбора урожая приходятъ рабочіе изъ другихъ мѣстностей и примѣняются для сбора мака и хлѣбовъ. Воздѣлываются главнымъ образомъ пшеница и ячмень, также рисъ и макъ. Рисъ растетъ на низменныхъ поляхъ всюду, гдѣ только можно достать воду для орошенія. Макъ воздѣлывается въ весьма значительныхъ размѣрахъ, въ особенности въ центральномъ и сѣверномъ *Шаньси*. Широко распространено также потребленіе опіума, что представлялось серьезнымъ бѣдствіемъ. Во многихъ частяхъ провинціи почти-что всѣ были курильщиками опіума; въ каждомъ городѣ, въ особенности въ долинѣ г. *Тайюань* часто встрѣчались случаи полнаго упадка зажиточныхъ семей вслѣдствіе этого порока. Рисовыя поля даютъ одинъ сборъ въ годъ; поля подъ пшеницей даютъ, послѣ уборки

---

1) From Rev. *B. Bagnall.* July 2 nd, 1888. Journal etc., p. 89—92.

2) Величина *му* для этой провинціи не указана ни въ цитируемомъ сообщеніи ни въ *Journal* etc., vol. XXIV. Въ общемъ редакціонномъ примѣчаніи къ матеріаламъ анкеты 1 *му* вообще приравнено $^1/_6$ акра (откуда 1 десят. = 16.₂ *му*).

хлѣба въ іюнѣ, въ тотъ же годъ еще урожай бобовъ или проса. Приречныя орошаемыя земли въ среднемъ за годъ даютъ продуктовъ около двухъ *дань*, сухія земли - одинъ или полтора *дань* (дань =160 *гинь* или *кэтти*), при чемъ средняя рыночная цѣна за 1 *дань* показана около 3.000 чоховъ=почти 3 доллара. Поземельный налогъ взимается въ деньгахъ и составлялъ около 300 чоховъ съ 1 *му*. Провинція Шаньси еще не вполнѣ оправилась послѣ страшнаго голода 1877 года. Порѣдѣвшее населеніе въ лучшихъ частяхъ центральнаго *Шаньси* пополнилось пришельцами изъ *Шаньдун*'а и *Чжили*. При всей бѣдности низшихъ слоевъ, населеніе въ цѣломъ пользовалось извѣстнымъ достаткомъ и подвигалось къ большему благосостоянію,—отчасти благодаря коммерческимъ способностямъ и предпріимчивости шаньсійцевъ, захватившихъ въ свои руки нѣкоторыя отрасли торговли, въ особенности ссудныя кассы, и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ (Пекинъ и пров. Чжили, Шаньдунъ, Хонань), а также въ Монголіи и даже вплоть до Тибета.

Въ общемъ провинція *Шаньси*, обладающая значительными минеральными богатствами, не представляетъ благопріятныхъ условій для земледѣлія. Климатическія условія большей части провинціи допускаютъ лишь одну жатву въ годъ. Вслѣдствіе гористаго устройства поверхности не представляется возможности широкаго примѣненія искусственнаго орошенія; дождевая же вода быстро стекаетъ съ обезлѣсенныхъ склоновъ горъ, не задерживаясь въ лессовой почвѣ. Послѣдняя можетъ дать обильный урожай, но лишь при достаточномъ количествѣ влаги. Въ случаѣ недостатка въ ней значительная часть провинціи подвержена недородамъ. Мѣстныхъ продуктовъ вообще недостаточно для существующаго населенія, и таковые ввозятся изъ другихъ провинцій. Пути сообщеній крайне неудобны. Несмотря на это, въ Шаньси имѣетъ мѣсто значительное торговое передвиженіе грузовъ, для мѣстныхъ нуждъ и транзитное. Главными земледѣльческими районами представляются долины *Тайюань-фу* и *Цзянь-чжоу*. Изъ другихъ продуктовъ, сверхъ упомянутыхъ выше, воздѣлываются въ южной части провинціи табакъ и хлопокъ. Просо является важнѣйшимъ продуктомъ изъ вторичныхъ посѣвовъ въ году. Мѣстный опіумъ признается лучшимъ изъ получаемыхъ въ Китаѣ. Кромѣ того, здѣсь выращиваются фрукты хорошаго качества; къ нимъ принадлежатъ шицзы (diospyros), груша, жужубъ и лучшій въ Китаѣ виноградъ, изъ кото-

раго миссіонерами приготовляется вино[1]).

Расположенный на крайнемъ сѣверо-западѣ собственнаго Китая уѣздъ *Нинся*, въ пров. *Гансу*, представляетъ въ общемъ существенныя отличія отъ вышеописанныхъ частей Китая[2]). Уѣздъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки *Желтой* и пересѣченъ множествомъ сооруженныхъ въ различныя эпохи водоотводныхъ каналовъ. Берега каналовъ и плотины ежегодно исправляются окрестнымъ населеніемъ. Воды *Желтой* рѣки въ названномъ уѣздѣ широко утилизируются для цѣлей орошенія, въ противоположность остальнымъ частямъ провинціи. Значительныя пространства земли выходятъ изъ-подъ воды лишь на весну и лѣто. Въ виду недостатка дождей эта мѣстность доступна для земледѣлія только благодаря искусственному орошенію. Землевладѣніе имѣетъ крупные размѣры, хотя и равномѣрно распредѣлено. Средняя площадь земледѣльческихъ хозяйствъ была отъ 250 до 300 *му*[3]); немногія наиболѣе крупныя владѣнія достигали 500 *му*. Около семи десятыхъ всего числа земледѣльцевъ были собственниками обрабатываемой земли. Арендная плата взималась съ прочихъ преимущественно въ деньгахъ, въ размѣрѣ около 1.700 чоховъ въ годъ съ 1 *му*. При арендной платѣ натурою землевладѣльцу уступается половина урожая. Наемными рабочими пользуются либо круглый годъ либо только во время жатвы. Плата за мѣсяцъ, съ пищею отъ хозяина, была вообще отъ 1.600 до 2.000 чоховъ, а во время жатвы повышалась до 170 и 180 чоховъ въ день, также съ пищею. Поземельный налогъ, въ виду искусственнаго орошенія, очень высокъ и достигалъ въ окрестностяхъ областного города *Нинся* 1 *дань* 2 *шэнъ* риса съ 1 *му* и 1 *дань* 4 *шэнъ* пшеницы, помимо проса и травы, въ другихъ же мѣстностяхъ составлялъ только 4 *шэнъ* риса и 4 *шэнъ* ячменя съ 1 *му*; налогъ уплачивается по-полугодно. Годовая же производительность почвы достигала 7 или 8 *дань* риса и 6 или 7 *дань* ячменя на 1 *му*, причемъ 1 *дань* риса составляетъ око-

---

[1]) *Little*, l. c., p. 32; *Kennelly*, l. c., p. 52; *Richthofen's Letters*, p. 36,91,95.

[2]) From Rev. *W. E. Burnett*; July 10 th, 1888. Journal etc., p. 93—96.

[3]) Величина *му* не указана. Въ *Journal* etc. vol. XXIV величина *му* для главнаго города провинціи показана въ 614.4 кв. метра, что составляетъ 17.8 *му* на 1 десятину.

ло 40 *гинь* и ячменя—около 35 *гинь* (catty). Средняя рыночная цѣна риса была отъ 450 до 550 чоховъ за 1 *дань*, пшеницы—около 400 и до 500 чоховъ. Благодаря плодородію почвы и обилію земли населеніе пользовалось достаткомъ. Около трети полей было подъ макомъ, хотя, по количеству продаваемаго на рынкѣ опіума, эта культура невыгодна для земледѣльца. Благодаря распространенности воздѣлыванія мака, хлѣбъ пользовался хорошей цѣной. Имѣются фруктовые сады. Во время возстанія мусульманъ сады значительно пострадали и послѣ того не могли достичь прежняго процвѣтанія. Выращиванію нѣжныхъ сортовъ, какъ персики, часто вредятъ морозы. Растутъ абрикосы, персики, сливы и яблоки, также груши и въ небольшихъ размѣрахъ виноградъ. Фрукты расцѣнивались однако дороже, нежели въ другихъ мѣстностяхъ Китая. Обильно выращиваются различныя овощи. Вся вообще область *Нинся* богата въ земледѣльческомъ отношеніи, несмотря на свою малую населенность. Имѣется много луговой земли, и здѣшній скотъ едва ли не лучшій въ Китаѣ. Со времени мусульманскаго возстанія этотъ край остается рѣдко населеннымъ по сравненію съ „эпохой мира", т. е. до возстанія.

Провинція Ганьсу въ большей части своей имѣетъ гористое устройство поверхности. Немногія значительныя долины находятся на с.. На правой сторонѣ р. *Желтой*, къ с., простирается лессовая почва. Климатъ отличается сухостью и суровостью на с., становится мягче къ югу, гдѣ онъ мягокъ и дождливъ. Земледѣліе достигло наибольшаго развитія въ областяхъ *Нинся, Ланьчжоу, Ганьчжоу* и *Сучжоу*, гдѣ воздѣлываются главнымъ образомъ пшеница, просо, гаолянъ, кукуруза и рисъ; очень распространена, какъ сказано, культура мака. Даже на сухихъ земляхъ, гдѣ земледѣльцы прикрываютъ поверхность почвы камнями и галькой для сохраненія влаги, широко воздѣлывается макъ, равно какъ арбузъ и дыня. Изъ другихъ фруктовъ въ провинціи выращиваются грецкіе орѣхи, сливы, клубника и миртовая ягода. Въ нѣкоторыхъ защищенныхъ долинахъ на ю. растутъ нѣкоторые плоды ю. Китая [1]).

Въ *Маньчжуріи* [2]), населеніе которой вообще не стѣснено землею, пользуются преимущественно болѣе крупной земельной мѣрой —*дянь*, заключающей обычно шесть, въ иныхъ же мѣстностяхъ де-

[1]) *Kennelly*, l. c., p. 31,33,35,36.

[2]) From Rev. *John Ross*, 9 th April 1888. Journal, p. 79—82.

сять му[1]). Наименьшее количество земли, необходимое для поддержанія существованія семьи изъ 6 или 7 лицъ, по даннымъ вышеуказанной анкеты, 3 *дянь*, т. е. нѣсколько больше десятины; при 5 *дянь* такая семья могла существовать уже съ нѣкоторымъ комфортомъ. Владѣнія отъ 10 до 30 *дянь* довольно распространены въ южной части пров. *Шенцзинъ*, хотя гораздо большее число ихъ не достигаетъ 10 *дянь*. Но въ сѣверной части той же провинціи 20 *дянь* (около 7.4 десят.) представляли преобладающую величину землевладѣній. Населеніе здѣсь зажиточнѣе, нежели на югѣ. Въ Маньчжуріи вообще не рѣдки собственники 100 и даже 200 *дянь*, но мало имѣющихъ свыше 500 *дянь*. Владѣлецъ 100 *дянь* считается богатымъ человѣкомъ. Въ землевладѣніе вообще не вкладываютъ такихъ большихъ средствъ, какія нужны для винокуреннаго завода или ссудной кассы. Въ Маньчжуріи встрѣчаются нераздѣленныя хозяйства, владѣющія по нѣсколько сотъ *дянь* земли, но имѣющія численный составъ до 200 человѣкъ и занимающихъ цѣлую группу домовъ, за одними воротами и съ одной кухней. Такія семейныя общины, хотя и пользуются общимъ уваженіемъ, не могутъ быть въ сущности отнесены къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Земля расцѣнивалась около 150 долларовъ за 1 *дянь*; считая для того времени 1 долларъ равнымъ 1 р. 50 к. нашей прежней кредитной валютой или теперешней золотой, это составитъ около 600 р. за десятину. Земля арендуется погодно, съ правомъ для каждой стороны отказаться отъ продолженія договора. Денежная аренда достигала въ среднемъ 7.50 долларовъ, или 5% цѣнности земли. Преобладаетъ уплата за снятую землю въ натурѣ, при чемъ

---

1) Въ используемыхъ здѣсь свѣдѣніяхъ *дянь*, предполагая въ немъ 6 *му*, приравненъ англійскому акру (=0.37 десятины). Въ *Journal* etc., vol. XXIV, p. 99, для города Ньючжуаня показана величина *му* въ 705.9 квадр. метровъ; 6 *му* составили бы по этому разсчету почти 0.39 десятины, т. е. немного больше акра. Согласно указанія, содержащагося въ оффиціальныхъ матеріалахъ отъ 2-го года правленія *Даогуанъ* (1818 г.) въ районѣ *Фынъ-тян*'я (Мукденъ) въ 1 *шанъ* считается 6 *му*, тогда какъ въ *Гириньской* провинціи примѣняется „большой *шанъ*“ въ 10 *му* (*А. Рудаковъ*, н. с., стр. 40). По положенію 1902 г. для пров. *Гиринь* постановлено считать 1 *шанъ*=10 *му*, 1 *му*=288 кв. *гунъ*, 1 *гунъ* или *бу*=5 *чи*. (Id., стр. 117—18) Въ цитируемыхъ ниже русскихъ изданіяхъ о Маньчжуріи за единицу площади принимается вообще 1 *шанъ*=10 *му*=$^{10}/_{17}$ нашей десятины.

землевладѣльцу предоставляется 1/3, 2/5 или 3/7 урожая—въ зависимости отъ качества земли, но также, вѣроятно, и отъ личныхъ обстоятельствъ сторонъ. Земли, данныя на ленномъ правѣ маньчжурамъ, не могутъ быть продаваемы, что ведетъ къ ущербу для собственниковъ, которые въ случаѣ, если не могутъ сами обрабатывать свою землю, принуждены сдавать въ аренду или закладывать за треть той стоимости, которую она имѣла бы для хозяина. Одинъ человѣкъ можетъ обработать до 5 *дянь*. Изъ этого можно, кажется, заключить, что земледѣліе здѣсь не имѣло въ такой же мѣрѣ интенсивнаго характера, какъ въ собственномъ Китаѣ. При недостаткѣ собственныхъ рабочихъ силъ пользуются наемными рабочими. При годовомъ наймѣ плата работнику колебалась отъ 15 до 20 долларовъ въ годъ, при чемъ работникъ жилъ при хозяинѣ. Поземельный налогъ составлялъ для земель перваго класса 0.80 долл. съ 1 *дянь*; земли второго класса несли тягость въ половинномъ размѣрѣ, и третьяго класса—въ 1/3. Съ земель маньчжуръ налогъ взимался въ половинномъ размѣрѣ противъ указаннаго, или немного болѣе половины. Населеніе въ Маньчжуріи въ отношеніи жилищъ, одежды и пищи находится въ лучшихъ условіяхъ, нежели въ какой-либо изъ 18 провинцій собственнаго Китая. По мнѣнію цитируемаго здѣсь автора (*John Ross*), это хотя бы отчасти обусловливается тѣмъ, что какъ только въ какомъ либо районѣ или въ отдѣльной фермѣ обнаруживается малоземелье, молодежь или и вся семья, распродавши имущество, выселяется на свободныя, но богатыя земли на сѣверъ *Гиринь*'ской провинціи или за сѣверный берегъ р. *Сунгари*.

Главными продуктами земледѣлія въ Маньчжуріи показаны гаолянъ и бобы. Съ одного *дянь* получается около 3.500 англ. фунтовъ (260 пуд.) гаоляна, цѣна котораго зависѣла отъ близости къ порту; въ среднемъ валовой доходъ съ 1 *дянь* гаоляна, по исчисленію *J. Ross*, былъ 22—23 доллара.

Землевладѣніе и земледѣліе получили развитіе въ Маньчжуріи подъ вліяніемъ переселенія уроженцевъ собственнаго Китая, главнымъ образомъ изъ провинцій *Шаньдунъ*, *Чжили* и *Шаньси*. Первоначально заселялись свободныя земли въ южной части Маньчжуріи, чему способствовала принадлежность большей части южной Маньчжуріи Китаю уже со временъ *Мин*'ской династіи. Но постепенно переселенческая волна заходила все дальше вглубь и на дру-

гія окраины страны, причемъ туда же стали направляться избытки земледѣльческаго населенія болѣе густо заселенныхъ мѣстностей самой Маньчжуріи.

Первоначально правительства маньчжурской династіи воспрещали пріобрѣтеніе и распашку земель китайцами въ Маньчжуріи, считая своею обязанностью охранять самобытность коренного населенія Маньчжуріи и обезпечить землей будущій приростъ знаменныхъ людей какъ въ Маньчжуріи, такъ и въ Пекинѣ. Въ этихъ видахъ право занимать должности въ краѣ предоставлено было лишь маньчжурамъ и китайцамъ-ханцзюнямъ, т. е. потомкамъ китайцевъ, участвовавшихъ въ завоеваніи имперіи маньчжурами. Китаянкамъ былъ вовсе запрещенъ, подъ страхомъ смертной казни, переходъ за Великую стѣну. Арендовать землю разрѣшалось китайцамъ лишь въ южной провинціи; исключеніе допущено было лишь въ отношеніи ссыльныхъ преступниковъ, которые по отбытіи срока наказанія и въ случѣ заявленнаго желанія остаться тамъ же надѣлялись землею и пособіемъ на первоначальное обзаведеніе [1]). На переселеніе неустроенныхъ знаменныхъ изъ Пекина въ Маньчжурію затрачивались значительныя средства.

Противодѣйствіе переселеніямъ въ пограничныя мѣстности обусловливалось также нежеланіемъ приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ могущественною сосѣднею державою на сѣверѣ. Подобная же запретная полоса, шириною въ 70—80 верстъ, издавна существовала на ю.-в., къ западу отъ р. *Ялу-цзянъ*—въ пограничной съ Кореею мѣстности [2]).

Но земельная нужда въ коренныхъ провинціяхъ Китая и обиліе плодородныхъ земель въ Маньчжуріи побуждали китайцевъ къ тайному переселенію. По временамъ мѣстными властями обнаруживались китайскіе поселки. Иногда даже принимались мѣры къ удаленію самовольныхъ поселенцевъ, но обыкновеннымъ исходомъ было оставленіе переселенцевъ на занятыхъ ими мѣстахъ съ обложеніемъ повинностями и съ воспрещеніемъ самовольнаго расширенія землевладѣнія. Но и это запрещеніе не всегда соблюдалось [3]). Несмотря на противодѣйствіе правительства, переселенцы въ

[1]) *Описаніе Маньчжуріи*, сост. подъ ред. *Д. Позднѣева.* Изд. Министерства Фин.. Т. I. 1897. Стр. 235—7.

[2]) Id., стр. 230.

[3]) *А. Рудаковъ*, н. с., гл. I—IV.

громадномъ количествѣ прибывали въ Маньчжурію. Особенно облегчился выходъ переселенцевъ въ Маньчжурію въ эпоху войны и возстаній, въ 1840—60 г.г., когда вниманіе правительства поглощено было иными дѣлами. Выходцы изъ Китая являлись въ громадномъ большинствѣ случаевъ одинокими и здѣсь вступали въ бракъ съ маньчжурками, способствуя уже и этимъ окитаенію маньчжурской расы. Запрещеніе пріобрѣтенія земли въ людныхъ мѣстностяхъ обходилось путемъ такихъ сдѣлокъ, при которыхъ пріобрѣтатель земли—китаецъ обязывался вносить опредѣленную плату деньгами или натурою лишь до извѣстнаго срока, въ теченіи соотвѣтствующаго промежутка времени[1]). Уже въ 1876 году число прибывшихъ въ Маньчжурію китайскихъ поселянъ изъ Шаньдуна и Чжили опредѣлялось около милліона[2]). Въ 80-хъ годахъ въ политикѣ правительства по вопросу о заселеніи Маньчжуріи обнаружился поворотъ. Наконецъ, подъ вліяніемъ военныхъ и политическихъ событій новѣйшей эпохи, китайское правительство усваиваетъ свойственную цивилизованнымъ націямъ точку зрѣнія въ вопросѣ объ укрѣпленіи окраинъ заселеніемъ ихъ уроженцами коренныхъ областей. Эта идея нашла себѣ благопріятныя условія для успѣшнаго осуществленія какъ въ исконной идеѣ покровительства дѣлу распашки новыхъ земель, такъ и въ крайнемъ земельномъ утѣсненіи въ коренныхъ областяхъ при отсутствіи значительнаго поглощенія рабочихъ силъ другими отраслями труда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, происходящее въ значительной мѣрѣ благодаря воздѣйствію другихъ странъ, развитіе средствъ сообщеній, а равно мѣстныхъ и внѣшнихъ рынковъ сбыта является также важнымъ условіемъ,благопріятствующимъ развитію земледѣлія въ этомъ краѣ, до недавняго времени пустынномъ, а нынѣ призванномъ къ заселенію китайцами и къ экономическому развитію при содѣйствіи иныхъ, болѣе богатыхъ и культурныхъ странъ, но безъ экономическаго или политическаго подчиненія послѣднимъ.

Переломъ въ колонизаціонной политикѣ происходилъ постепенно. Въ то время какъ представители маньчжурской династіи придерживались принципа: Маньчжурія, или, прежде всего, родина дина-

1) *Описаніе Маньчжуріи.* Стр. 237—8, 219; *Барабашъ. Записка о Маньчжуріи.* Сборникъ матеріаловъ по Азіи, в. I, стр. 25.

2) *Decennial Reports.* II Issue, vol. I, p. 3.

стіи, *Гиринь*'ская провинція—для маньчжуръ [1]), высшіе представители мѣстной администраціи, считаясь съ дѣйствительными обстоятельствами и требованіями государственными, способствовали упроченію быта вольныхъ переселенцевъ, испрашивая на это разрѣшеніе изъ Пекина на отдѣльные случаи. Въ упомянутомъ трудѣ проф. *А. Рудакова* приводится цѣлый рядъ относящихся сюда мѣропріятій, восходящихъ еще къ первымъ годамъ правленія *Юнчжэнь*. Такимъ образомъ, вопросъ объ укрѣпленіи сѣверныхъ областей за Китаемъ, чрезъ заселеніе ихъ выходцами изъ другихъ частей Китая, возникъ самъ собою, въ силу естественнаго развитія интересовъ государства и населенія Китая, и получилъ также значеніе съ точки зрѣнія интересовъ Россіи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ [2]).

Успѣшный ходъ колонизаціи обусловливался крайней умѣренностью въ жизни, выносливостью и трудолюбіемъ переселенцевъ, пріученныхъ къ этому въ прежнихъ условіяхъ жизни, а также до извѣстной степени благожелательнымъ, хотя, быть можетъ, и не безкорыстнымъ отношеніемъ мѣстныхъ гражданскихъ властей. Очень серьезнымъ затрудненіемъ оказалось однако умноженіе разбойничества, кадры котораго пополнялись бѣглыми преступниками, бывшими солдатами и вообще всѣми, которымъ не удалось пріобрѣсти въ краѣ прочную осѣдлость и возможность мирнаго существованія. Нѣкоторыя, отличающіяся выдающимся плодородіемъ, мѣстности покидались маньчжурскимъ населеніемъ вслѣдствіе полной беззащитности отъ этихъ постоянно угрожавшихъ *хун-ху-цзы*. Неоднократно имѣли мѣсто случаи нападеній крупныхъ шаекъ на города. Но по мѣрѣ заселенія края, развитія удобныхъ сообщеній и усиленія военной охраны, разбойничество оттѣсняется въ мало населенныя мѣстности, и съ заселеніемъ послѣднихъ, надо полагать, сведется къ незначительнымъ размѣрамъ [3]).

Около 1880 г. послѣдовало преобразованіе гражданскаго управленія краемъ и узаконеніе переселенія китайцевъ въ Маньчжу-

---

1) Ср., напр., *А. Рудаковъ*, н. с., стр. 211, 77.

2) *Путята. Отчетъ о поѣздкѣ по Маньчжуріи въ 1888 г.* (Сборникъ матеріаловъ по Азіи. В. XXXVIII. стр. 13).

3) *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 238—40; *Донесеніе Матюнина.* (Сборникъ матеріаловъ по Азіи, в. I, стр. 251).

рію[1]). Уже въ 1882 году для сторонних наблюдателей было возможно констатировать стремленіе китайскаго правительства къ заселенію прилегающихъ къ нашимъ владѣніямъ пустырей и, кромѣ того, къ окончательному обезличенію мѣстнаго маньчжурскаго элемента, потопленіемъ его въ массѣ пришлаго китайскаго населенія[2]). Состоявшіяся около этого времени административныя преобразованія заключались въ созданіи параллельно собственно-маньчжурскому управленію китайскаго обще-гражданскаго управленія (по *Шэнцзин*'ской пров.—въ 1876 г., *Гирин*'ской—въ 1878 году), съ установленіемъ новыхъ административно-территоріальныхъ единицъ. Конечной цѣлью этихъ и другихъ преобразованій было замѣнить господствовавшую въ краѣ анархію прочнымъ и правильнымъ порядкомъ и окончательно закрѣпить Маньчжурію за Китайской имперіей. При такихъ условіяхъ противодѣйствіе переселенію китайцевъ должно было смѣниться противоположной политикой—тѣмъ болѣе, что съ этимъ было связано пріобрѣтеніе финансовыхъ средствъ для намѣченныхъ преобразованій. Въ 1876 году были открыты для поселенцевъ земли запретной полосы на границѣ съ Кореей. Въ томъ же году здѣсь было заявлено къ распашкѣ и замежевано до 3 милліоновъ *му* земли (1 *му*=$^1/_{18}$ десят.)[3]). По докладу *гирин*'скаго цзянь-цзюня, представленному въ 1878 г. и одобренному пекинскимъ правительствомъ, кромѣ реформъ по управленію, постановлено было, въ цѣляхъ изысканія средствъ, обложить частныя земли налогомъ, взыскать съ самовольныхъ захватчиковъ плату за землю, свободныя казенныя земли, по приведеніи въ извѣстность, отдать въ арендное содержаніе или продать, считая на участокъ $^7/_8$ его за удобную землю и разрѣшивъ пріобрѣтеніе земли безразлично маньчжурамъ и китайцамъ; отмѣнить старинный законъ о запрещеніи китаянкамъ выходить за предѣлы Великой стѣны[4]). Во исполненіе этого, маньчжурамъ, до сего времени пользовавшимся землею безконтрольно, были отведены надѣлы по 6 *шанъ* (1 *шанъ*=10 *му*=$^{10}/_{17}$ десят.) удобной земли. Послѣ неудачной попытки поручить дѣло землеустройства частному агенству посредниковъ, въ 1880 г.

1) *Барабашъ*, н. с., стр. 26 и слѣд.

2) *Донесеніе Матюнина*, стр. 250.

3) *Путята*, н. с., стр. 15.

4) *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 240—1.

въ *Гиринѣ* было сформировано особое учрежденіе для этой цѣли, а для веденія работъ на мѣстѣ были посланы снабженные инструкціями чиновники. Несмотря на противодѣйствіе имъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ, они успѣшно и честно выполнили свою задачу. Всего было обслѣдовано въ теченія нѣсколькихъ лѣтъ около милліона *сянь* земли, за которую выручено около милліона связокъ (*дяо*) чоховъ, или милліонъ долларовъ, и, сверхъ того, 60.000 *лянъ* въ годъ отъ отдачи пустошей въ аренду [1]).

Переселенія изъ одной мѣстности въ другую внутри Маньчжуріи не затруднялись. Предназначаемыя для переселенцевъ земли, въ зависимости отъ плодородности ихъ и расположенія относительно государственныхъ границъ съ одной стороны и городовъ съ другой, были раздѣлены на три категоріи, съ весьма различными условіями заселенія. Къ первой категоріи отнесены были земли, лежащія ближе къ *Гириню*, въ округѣ *Дунхуа-сянь* и далѣе на востокъ до *Хуньчун*'скаго округа. Земли эти, какъ плодородныя и удобныя для заселенія, продавались колонистамъ по цѣнѣ 3.600 чоховъ за 1 *шанъ*, съ уплатою, кромѣ того, ежегодно по 660 чоховъ сь каждаго *шана* подати. Бѣднѣйшимъ людямъ, въ видѣ льготы, земля предоставляется въ долгъ, съ отсрочкою платы до послѣдующихъ урожаевъ съ пріобрѣтенной земли [2]). Въ пограничныхъ земляхъ, отнесенныхъ ко второй категоріи, земля предоставляется безплатно, при чемъ укрѣпленіе земли за поселенцами производится чрезъ пять лѣтъ, съ назначеніемъ съ того же времени подати въ размѣрѣ 660 чоховъ съ *шана*. Распаханный участокъ можетъ быть переуступленъ другому поселенцу и ранѣе истеченія законнаго срока для пріобрѣтенія въ собственность, при чемъ первоначальныя условія владѣнія остаются въ силѣ. Наконецъ, въ неудобныхъ пограничныхъ земляхъ, какъ между притокомъ р. Хуньчунъ *Удагоу* до *Суйфун*'ской долины включительно, земля переходитъ въ собственность поселенца послѣ пяти лѣтъ обработки, причемъ поселенцамъ оказывается пособіе снабженіемъ ихъ утварью, земледѣльческими орудіями и рабочимъ скотомъ и

---

1) *Путята. Отчетъ о поѣздкѣ.* Приложеніе II (Изъ „Пекинской газеты" отъ 26 сент. 1888 г.). Ibidem, стр. 116—17. По разъясненію г. Путяты, *сянь* [или шанъ] почти равенъ англійскому акру.

2) *Барабашъ*, н. с., стр. 37.

значительными денежными выдачами—единовременно въ суммѣ 32 *лянъ* на выстройку фанзы (жилища) и затѣмъ въ теченіи трехъ лѣтъ въ предѣлахъ нормальнаго содержанія пѣхотинца, по 4 *ляна* въ мѣсяцъ, пополамъ въ деньгахъ и въ провизіи. Несмотря на столь значительную помощь, эти поселенія на земляхъ третьей категоріи оказывались наименѣе успѣшными. Постройка фанзъ и запашка земель для проектированныхъ поселеній производилась иногда также по распоряженіямъ администраціи силами солдатъ.

Приведенныя условія поселенія не представляются исключительными. Такъ, въ 90-хъ годахъ, когда главнымъ райономъ осѣданія переселенцевъ была долина р. *Сунгари*, переселенцы обязаны были по прибытіи взять у мѣстной администраціи особый билетъ на всю семью, уплативъ за него 600 чоховъ, съ третьяго же года уплачивать налогъ въ размѣрѣ 660 чоховъ съ 1 *шана*[1]).

Затраты одной семьи (въ 80-хъ г.г.) на пріобрѣтеніе земли (не на югѣ и не въ окрестностяхъ большихъ городовъ, гдѣ земли значительно дороже), домашней утвари, земледѣльческихъ орудій, телѣги, домашнихъ животныхъ и дома ограничивались суммою въ 110—115 *лянъ*, хотя переселенцы приступали къ хозяйству, располагая только 35—50 *лянъ* и позже постепенно пополняя свое хозяйство. Являются переселенцы въ Маньчжурію нерѣдко пѣшкомъ, перебиваясь въ пути подаяніями или заработками. Найдя заработокъ—зимою по извозу или на постояломъ дворѣ, лѣтомъ на поляхъ,—членъ семьи поддерживаетъ существованіе ея, составляя понемногу сбереженія, нужныя для устройства собственнаго хозяйства, что удается чрезъ нѣсколько лѣтъ[2]). Безъ сомнѣнія, значительная потребность въ рабочихъ рукахъ, существующая въ Маньчжуріи, и наличіе выгодныхъ промысловъ въ городахъ облегчаютъ успѣшный ходъ колонизаціи.

Въ мѣстностяхъ, отводимыхъ для переселенцевъ, старались предварительно устроить поселенцевъ изъ окрестныхъ старожиловъ, которые бы облегчили первое время существованія новоселовъ и на своемъ опытѣ выяснили бы мѣстныя условія земледѣлія[3]). Для

---

1) *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 244. (*Матюнинъ*. Приложеніе къ № 103 „Приам. Вѣд." за 1895 годъ). См. также стр. 248 *Описанія Маньчжуріи*.

2) *Путята*. н. с., стр. 11—14; *Барабашъ*, н. с., стр. 37.

3) *Донесеніе Матюнина*, стр. 265.

привлеченія переселенцевъ командировались чиновники въ собственный Китай. Хотя постановлено было переселять лишь изъявившихъ желаніе, но имѣются заявленія о переселеніи изъ *Шандуна* по принужденію. Семьи переселенцевъ слѣдовали отдѣльно или оставлялись на первое время въ ближайшемъ городѣ[1]).

Одновременно съ мѣропріятіями по заселенію края администрація озабочивалась устройствомъ и улучшеніемъ дорогъ, а также созданіемъ новыхъ городовъ. Такъ, въ началѣ 80-хъ годовъ основаны города *Одочень*, *Санчакоу* (у границы) и рядъ поселеній отъ нашего *Полтавскаго* пограничнаго караула[2]). Работы по прокладкѣ и улучшенію дорогъ выполнялись войсковыми силами, иногда съ привлеченіемъ къ расходамъ купечества[3]). Въ Маньчжурію переселялись не только изъ сѣвернаго Китая, но изъ отдаленныхъ провинцій, какъ *Хубэй* и *Юньнань*. О размѣрахъ переселенческаго движенія имѣется мало свѣдѣній. Къ 1879 г. поселенцы по р. *Мань-хэ*, близь *Гирина*, распахали 25.000 *му*[4]). По оффиціальнымъ даннымъ, въ округахъ *Хуланьчэнъ* и *Баянсусу* въ 1881 году находились уже до 200.000 семействъ, при чемъ общая площадь распаханной ими земли не могла быть меньше одного милліона *му*[5]). Въ 1882 г. въ мѣстность *Сахэяръ*, съ вновь основаннымъ городомъ *Одочень*, поселилось 1.000 семей, и въ 1883 году ожидалось еще 3.000 семей; эта мѣстность въ 1882 г. было уже густо заселена[6]). Въ 1882 г. въ мѣстность *Янь-тоу*, у хребта *Угэ-динъ-цза-линъ*, ожидалось на слѣдующій годъ 300 семей, на льготныхъ условіяхъ переселенія[7]). Населеніе городовъ *Гиринъ* съ предмѣстьями, *Омосо*, *Нингута*, *Одочень*, *Ганьцзагай*, *Хуньчунь* въ 1882 г. оцѣнивалось русскими изслѣдователями въ 117 тысячъ душъ, а вмѣстѣ съ сельскимъ населеніемъ того же района—въ 211 тысячъ душъ[8]). Миссіонеръ *Россъ*, въ 1887 году совершившій путь изъ *Мукденя* въ *Гиринъ*, сообщаетъ,

---

1) *Барабашъ*, н. с., стр. 34.
2) Id., стр. 31.
3) *Донесеніе Матюнина*, стр. 262—4.
4) *Путята*, н. с., стр. 15.
5) Ibidem.
6) *Барабашъ*, н. с., стр. 37.
7) Id., стр. 38.
8) Id., стр. 55—6.

что въ долинахъ у вновь основаннаго города *Хайлунчэнъ*, вовсе не имѣвшихъ осѣдлаго населенія за 10 лѣтъ до этого, можно насчитывать до $^1/_2$ милліона жителей, занимающихся землепашествомъ или инымъ родомъ дѣятельности, соприкасающимся съ нимъ [1]). По оффиціальнымъ мѣстнымъ даннымъ, численность собственно-китайскаго населенія въ *Гиринъ*'ской провинціи, за исключеніемъ многочисленнаго китайскаго населенія городовъ и всего населенія бодунэскаго, альчукасскаго и саньсинскаго фудутунствъ, въ первой половинѣ 90 г. г. минувшаго столѣтія, достигала 800 тысячъ лицъ обоего пола.

Новѣйшая стадія въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ въ Маньчжуріи относится къ текущему XX вѣку, причемъ опять имѣютъ мѣсто дальнѣйшія преобразованія въ сферѣ управленія и мѣропріятія къ заселенію пограничной полосы. Въ 1902 году введено новое положеніе о пріобрѣтеніи земли поселенцами. Въ немъ предусматривается между прочимъ различеніе земель на три категоріи, въ зависимости отъ плодородности земли, разстоянія ея отъ города или торговаго пункта и степени населенности района, съ тѣмъ, что плата за землю первой категоріи должна быть повышена до 9 *дяо* 900 чоховъ, второй—до 6 *дяо* 600 чоховъ и низшей—до 3 *дяо* 300 чоховъ. Цѣны на разработанныя уже земли или же расположенныя у города или торговаго пункта должны повышаться вдвое [2]).

Новѣйшія реформы въ области управленія Маньчжуріей имѣли результатомъ упраздненіе исторической маньчжурской администраціи и сосредоточеніе всего управленія въ высшемъ завѣдываніи генералъ-губернатора Маньчжуріи (съ весны 1907 г.), съ предоставленіемъ ему права производить перемѣны въ административномъ устройствѣ края, не стѣсняясь существовавшимъ до сего времени строемъ и обычаями. Во главѣ каждой изъ трехъ провинцій поставлены губернаторы, власть которыхъ распространена на все населеніе. Намѣчено также образованіе цѣлаго ряда новыхъ административныхъ округовъ въ пригpаничныхъ мѣстностяхъ страны.

Для экономическаго развитія и укрѣпленія края сооружаются желѣзныя (китайская узкоколейная линія *Цицикаръ-Айгунь*) и

---

[1]) *Путята*, н. с.. Приложеніе III; *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 347.

[2]) *А. Рудаковъ*, н. с., стр. 116—21.

обыкновенныя дороги, принимаются мѣры къ искорененію разбойничества и оказывается широкое содѣйствіе переселенцамъ, на каковой предметъ ассигновано 2 милліона *лянъ*. Въ январѣ 1908 г. начался безплатный провозъ переселенцевъ, преимущественно изъ средняго и южнаго Китая, передвигавшихся чрезъ *Харбинъ* на сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ. Весною 1908 г. въ Харбинѣ число переселенцевъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, превышало 100 тысячъ, а ежедневное прибытіе ихъ опредѣлялось въ 3—4 тысячи человѣкъ. Главными переселенческими пунктами являются расположенный въ 250 верстахъ къ с.—в. отъ Харбина на р. *Сунгари Саньсинъ*, а также г. *Цицикаръ*. Изъ этихъ пунктовъ должны окончательно размѣщаться прибывающіе переселенцы. Переселенческій пунктъ устроенъ также близъ русской желѣзнодорожной станціи *Маньчжурія*. За послѣдніе годы переселенческое движеніе направлено было главнымъ образомъ вдоль линіи желѣзной дороги, отъ Харбина къ Цицикару, и на югъ, въ сторону монгольскихъ владѣній. Предназначенные для переселенцевъ участки по южной сторонѣ Вост.-Кит. ж. дороги уже распроданы переселенцамъ. Затѣмъ колонизаціонное движеніе направилось вдоль праваго берега рѣкъ *Аргуни* и *Амура*, до впаденія въ него р. Сунгари. На побережьѣ Амура предположено устроить военныя поселенія по образцу нашихъ казачьихъ, снабдивъ ихъ школами съ безплатнымъ обязательнымъ обученіемъ. Продажа и сдача въ аренду земли иностранцамъ воспрещены. Въ районѣ переселеній за умѣренное вознагражденіе оказываютъ свои услуги переселенцамъ двѣ компаніи, располагающія паровыми плугами для подготовки почвы, локомобилями и машинами для рытья колодцевъ. Для развитія земледѣлія въ окрестностяхъ *Мукденя* устроены опытныя поля подъ руководствомъ германскихъ, американскихъ и японскихъ спеціалистовъ.

Заселеніе побережья *Амура* и въ особенности такихъ мѣстностей, какъ *Хинганъ* и *Ильхури-алинъ*, представляютъ исключительныя трудности въ виду пустынности и дикости этихъ мѣстностей, суровыхъ климатическихъ условій, разливовъ рѣкъ и оторванности этихъ мѣстъ отъ другихъ частей края.Но въ виду тяжелыхъ условій жизни въ самомъ Китаѣ, крайней неприхотливости, упорства и трудолюбія переселенцевъ позволительно думать, что подобно другимъ окраинамъ имперіи и здѣсь заселеніе и культивированіе пустопорожнихъ мѣстностей въ предѣлахъ возможности будетъ достигнуто. Успѣшнѣе другихъ мѣстностей идетъ заселеніе окрестностей *Айгуна* и

праваго берега Аргуни 1).

Но и по настоящее время Маньчжурія въ цѣломъ представляетъ весьма малонаселенную обширную страну. *А. Hosie*, въ своемъ трудѣ о Маньчжуріи, изданномъ въ 1901 г., опредѣляетъ пространство обработанныхъ земель въ одну пятую всей пригодной для земледѣлія площади. Въ южной провинціи *Шэнцзинъ* (Мукдень) остаются неразработанными три или четыре десятыхъ изо всей удобной земли, въ центральной провинціи *Гиринъ*—не меньше половины, а въ третьей, наиболѣе обширной, провиціи *Хэйлуцзянъ* разработана лишь незначительная часть всей поверхности. Кромѣ того, постоянное населеніе Маньчжуріи располагаетъ на столько обширной земледѣльческой площадью, что оказывается значительная потребность въ пришлыхъ рабочихъ для вспашки, посѣва и жатвы, каковые ежегодно являются изъ *Чжили* и *Шаньдун*'а. *Hosie* опредѣляетъ число однихъ только шаньдунскихъ земледѣльческихъ рабочихъ въ Маньчжуріи до 30.000 ежегодно.

Климатъ Маньчжуріи характеризуется весьма суровыми и для значительной части страны малоснѣжными зимами. Вслѣдствіе этого использованіе почвы въ земледѣліи ограничивается семью мѣсяцами въ году. Только на самомъ югѣ сѣется въ ограниченныхъ количествахъ озимая пшеница. Лѣто отличается очень высокими температурами и во второй половинѣ его—чрезвычайнымъ обиліемъ атмосферныхъ осадковъ.

Обширная территорія Маньчжуріи, заключающаяся между 52° 40' и 38° 25' с. ш., выдается на с.-з. и на ю. отдѣльными своими частями, климатическія условія которыхъ представляются крайними выраженіями климата Маньчжуріи. Повсюду въ Маньчжуріи температура въ теченіи различныхъ періодовъ года и различныхъ частей сутокъ подвержена рѣзкимъ перемѣнамъ. Въ общемъ зима продолжается 4 мѣсяца на югѣ и до 5 мѣсяцевъ на сѣверѣ, а къ западу отъ *Большого Хингана* и до 6 мѣсяцевъ. Весна наступаетъ для значительной части страны въ мартѣ и развивается весьма быстро. Продолжительность какъ весны, такъ и осени можно считать около 6 недѣль. Осенью подолгу стоитъ сухая, тихая и теплая погода.

1) *Болховитиновъ. Устройство и заселеніе китайскаго Приамурья.* („Россія“, 1908. № 909); *Маньчжурія послѣ войны* (перепечатано изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ № 217 „Дальняго Востока“ за 1908 г.).

Весною выпадаетъ умѣренное количество дождей. По даннымъ *A. Hosie* температура въ теченіи года колеблется между—34° R. и +28° R.; въ наиболѣе же суровой мѣстности температура падаетъ и ниже 40°. *Для Мукденя* предѣлами температуръ въ году *Hosie* указываетъ—27° R. и+28° R., для *Ньючжуаня*—22° R. и+24° R. На берегахъ р. *Сунгари* подпочва остается мерзлой круглый годъ. Южная Маньчжурія до барьера и восточная часть Маньчжуріи болѣе подвержены дѣйствію дождливыхъ муссоновъ. Туманы весною и ранней осенью часто наблюдаются на южномъ побережьѣ, въ долинѣ р. *Сунгари* и въ *Хуньчуньскомъ* округѣ[1].)

Въ концѣ лѣта оводы, комары и мелкія мошки затрудняютъ пребываніе въ открытыхъ пространствахъ какъ для людей, такъ и для животныхъ, представляя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ серьезное препятствіе къ заселенію ихъ[1].)

Что касается средствъ сообщеній, то до недавняго времени страна лишена была вовсе удобныхъ сухопутныхъ сообщеній. Такъ какъ въ лѣтнее время года грунтовыя дороги представляются непроѣзжими, то вся масса торговаго сухопутнаго движенія происходила съ помощью широко-развитаго извознаго промысла въ зимніе мѣсяцы. Значительность разстояній и издержки перевозки не благопріятствовали массовому рыночному сбыту громоздкихъ продуктовъ. Отсюда общее стремленіе избѣжать этого затрудненія, напр., чрезъ воздѣлываніе мака для полученія опіума, чрезъ развитіе маслодѣлія, винокуренія и свиноводства. Рѣки Маньчжуріи по измѣнчивому и вообще не особенно значительному уровню воды и географическому распредѣленію ихъ не представляютъ особыхъ удобствъ для сообщеній. Весьма неблагопріятное для экономическаго развитія Маньчжуріи значеніе имѣло распространеніе здѣсь разбойничества, обусловливаемое обиліемъ въ странѣ бывшихъ солдатъ, а также бѣглыхъ и сосланныхъ преступниковъ; разбойники, т. н. *хунхузы*, хорошо вооружены и организованы и отличаются смѣлостью и предпріимчивостью. Для охраненія отъ нихъ принято въ Маньчжуріи откупаться при посредствѣ особыхъ частныхъ страховыхъ бюро. Въ новѣйшее время получили развитіе водныя перевозки по рѣкамъ амурской системы, а равно и желѣзнодорожныя сообщенія.

По плодородности почвы особенно выдѣляется бассейнъ р.

---

1) *Путята*, н. с., стр. 75—80, 103; *Описаніе Маньчжуріи*, гл. V.; *A. Hosie*, l. c., p. 152—3,

Сунгари, на всемъ (за исключеніемъ мѣстности у г. *Гиринъ*) пространствѣ между городами *Бодунэ* и *Саньсинъ*, а равно къ югу, въ направленіи къ *Мукдэн*'ю, и къ юго-востоку. Не меньшимъ плодородіемъ отличаются полоса маньчжурской территоріи, прорѣзываемая дорогою между городами *Омосо* и *Хуньчунъ*, съ округомъ *Дунхуасянь*. Въ долинѣ р. *Ляо-хэ*, при вообще благопріятныхъ условіяхъ земледѣлія, ежегодно происходящія наводненія причиняютъ земледѣльцамъ значительныя потери. Остальная часть *южной Маньчжуріи*, бассейнъ р. *Нонни* и районъ г. *Нингута* вообще представляются малоблагопріятными для земледѣлія. Песчано-глинистая почва нингутинскаго района требуетъ очень старательнаго ухода и даетъ хорошіе урожаи лишь въ годы обильные дождями. Къ тому же, пространство между хребтами *Чжангуаньцай-линъ и Таймагоу* довольно часто посѣщается засухами. Пространство къ востоку отъ линіи *Саньсинъ—Нингута—Хуньчунъ* хотя и заключаетъ удобные участки съ плодородною почвою, но подверженные наводненіямъ и большею частью заболоченные, вслѣдствіе чего требуется для осушенія устройство плотинъ и дренажа. Наконецъ, сѣверозападъ Маньчжуріи непригоденъ для земледѣлія въ весьма значительной части своей [1]).

Обработка полей отличается тщательностью, при большой затратѣ труда, обусловливаемой также примитивностью земледѣльческихъ орудій. Пашня представляетъ вообще рядъ узкихъ грядъ, чѣмъ достигается лучшій ростъ посѣвовъ, а также болѣе удобный уходъ за ними. Направленіе грядъ и бороздъ избирается съ такимъ разсчетомъ, чтобы преобладающій вѣтеръ не выметалъ сѣмянъ, а дождевая вода распредѣлялась бы равномѣрно по бороздамъ. Во время роста посѣвовъ неоднократно углубляютъ борозды, удаляютъ сорныя растенія и разрыхляютъ почву, благодаря чему усиливается поглощеніе ею атмосферной влаги и тепла. Въ земледѣліи придерживаются вообще плодосмѣна, съ раздѣленіемъ на 4—6 полей, безъ оставленія подъ паромъ, но съ примѣненіемъ удобреній. Вновь обращаемые подъ обработку участки расчищаютъ выжиганіемъ. На вновь расчищенныхъ мѣстахъ воздѣлываютъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ табакъ. Въ послѣдующіе годы почва удобряется, причемъ въ

---

1) *Описаніе Маньчжуріи*, гл. X, II и III; *Барабашъ*, н. с., стр. 56—57, 62; *Донесеніе Матюнина*, стр. 269; *Путята*, н. с., стр. 16; *Hosie*, l. c., p. 148.

качествѣ удобреній употребляются всѣ пригодные для этого хозяйственные отбросы, рѣчной илъ, дернъ, древесныя листья и пр. Удобренія заготовляются въ компостныхъ кучахъ 1).

Кромѣ вышеуказанныхъ гаоляна и бобовъ, воздѣлываются просо (setaria italica, panicum miliaceum, panicum crus galli), пшеница, ячмень, маисъ, гречиха, овесъ, coix lacrima, картофель обыкновенный и др. овощи, фасоль, макъ, табакъ, масличныя, волокнистыя и лѣкарственныя растенія, разновидность индиго и фруктовыя растенія.

Зерно гаоляна представляетъ пищу бѣднаго класса населенія Маньчжуріи и главный зерновой кормъ рабочаго скота и громаднаго количества животныхъ, служащихъ для перевозки грузовъ. Кромѣ того, зерно гаоляна служитъ матеріаломъ для мѣстнаго винокуренія 2). Послѣ вспашки земли плугомъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ апрѣлѣ зерно гаоляна сѣется рукою по бороздамъ плуга; вслѣдъ за посѣвомъ другой работникъ присыпаетъ сѣмя удобреніемъ, послѣ чего посѣвъ укатывается каменнымъ каткомъ. Когда сѣянцы достигнутъ двухъ или трехъ дюймовъ, они прорѣжаются мотыкою. Затѣмъ растеньица раза три пропалываются и окучиваются. Если въ маѣ выпадаютъ обильные дожди, въ особенности съ вѣтромъ, то растеньица, достигшія къ тому времени двухъ или трехъ футъ въ вышину, теряютъ связь съ почвой, падаютъ на землю и погибаютъ. Ко времени созрѣванія какъ чрезмѣрное обиліе, такъ и недостатокъ дождей понижаютъ урожай. Въ сентябрѣ стебли растенія достигаютъ 8—10 футъ высоты, верхушки получаютъ коричнево-багровую окраску, и къ концу мѣсяца стебли срѣзаются у корня, связываются въ пучки и свозятся на гумно. Затѣмъ верхушки отрѣзаются, разстилаются на гумнѣ и обмолачиваются каменнымъ каткомъ, къ которому припрягаютъ быка, осла или мула. Обмолоченное зерно пропускается чрезъ вѣялку или отвѣивается подбрасываніемъ на вѣтру. Пустыя верхушки идутъ на топливо или связываются въ метлы. Зерно въ шелухѣ (краснаго, чернаго или бѣлаго цвѣта) слегка напоминаетъ гречиху, но округленнѣе и нѣсколько мельче ея. Въ кормъ скоту зерно даютъ въ

1) *Путята*, н. с., стр. 51—3; *Барабашъ*, н. с., стр. 58—9; *Донесеніе Матюнина*, стр. 270; *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 428 и слѣд.; *Hosie*, l. c., p. 180.

2) Техническій процессъ выкурки водки описанъ у *Hosie*, *Manchuria*, p. 226—35.

шелухѣ, а для питанія людей его очищаютъ отъ шелухи. Для этого зерно разсыпаютъ на круглой каменной платформѣ и прокатываютъ каменнымъ каткомъ, послѣ чего пропускаютъ чрезъ вѣялку. Вообще необходимо для питанія человѣка 2—4 (англ.) фунта зерна въ день, причемъ время отъ времени требуется замѣнять эту пищу иною—напр., мучною. Другіе, болѣе высокіе сорта проса, мѣстныя названія которыхъ—въ порядкѣ вышеприведенныхъ латинскихъ—*гу-цзы*, *ми-цзы*, *бай-цзы*, сѣются двумя недѣлями раньше. Урожай созрѣваетъ въ срединѣ сентября. Сѣмя сѣется гораздо гуще, нежели при посѣвѣ гаоляна. Въ больших хозяйствахъ для посѣва setaria примѣняютъ металлическую трубку, которую держатъ въ рукѣ или подвязываютъ къ концу плуга. Высшій сортъ проса—*сяо-ми-цзы* или *ми-цзы*, съ бѣлымъ зерномъ, и *гоанъ-ми-цзы*, или *гу-цзы*, съ золотисто-желтымъ зерномъ, представляютъ главную пищу населенія Маньчжуріи. Мягкіе стебли *бай-цзы* вмѣстѣ съ зерномъ, въ особенности съ примѣсью ячменя или пшеницы, служатъ хорошимъ кормомъ для скота.

А. Hosie называетъ Маньчжурію идеальнымъ пшеничнымъ полемъ. Въ особенности въ новѣйшее время развилось воздѣлываніе пшеницы, находящей себя выгодный спросъ со стороны русскихъ въ районѣ *Китайско-Восточной* ж. д. и перерабатываемой въ муку на многочисленныхъ хорошо оборудованныхъ мельницахъ, большею частью принадлежащихъ русскимъ предпринимателямъ. Мѣстное потребленіе покрывается частью мукою собственно-туземнаго производства. Отруби употребляются на кормъ скота. Пшеницу воздѣлываютъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. *Сунгари* и въ *нингутинскомъ* районѣ, въ провинціяхъ *Хэйлуцзянь* и *Гиринь*. Ячмень, воздѣлываемый вообще въ ограниченныхъ размѣрахъ и—по газетнымъ сообщеніямъ—кажется, вообще невысокаго качества, въ очищенномъ отъ шелухи и размолотомъ видѣ идетъ на изготовленіе галетъ. Кромѣ того, значительная часть получаемаго съ полей ячменя размалывается съ горохомъ или бобами и служитъ ферментомъ при выработкѣ туземнаго спирта *шао-цзю* изъ гаоляна. Вспашка поля подъ пшеницу и ячмень происходитъ при еще слегка мерзлой землѣ. Сѣются пшеница и ячмень въ мартѣ, а созрѣваютъ въ іюнѣ, ячмень—на 10 дней позже пшеницы. Озимыхъ посѣвовъ пшеницы вообще не дѣлаютъ, такъ какъ хотя и не особенно продолжительныя, но чрезвычайно суровыя зимы не допускаютъ этого.

Далѣе, въ Маньчжуріи воздѣлывается на незаболачиваемыхъ

поляхъ, при естественномъ орошеніи, суходольный рисъ; высѣвается на полевыя гряды въ мартѣ или началѣ апрѣля и созрѣваетъ въ сентябрѣ. Кромѣ того, по р. *Ляохэ* воздѣлывается также обыкновенный рисъ. Маисъ занимаетъ почву отъ апрѣля лишь до іюня и, подобно пшеницѣ и ячменю, допускаетъ осенній посѣвъ на томъ же полѣ. Зерна отдѣляются посредствомъ каменныхъ катковъ и затѣмъ дробятся на 3—4 части; въ такомъ видѣ маисъ варятъ и ѣдятъ на подобіе риса. Потребленіе маиса особенно распространено въ нѣкоторыхъ частяхъ *Ляодунскаго* полуострова, гдѣ онъ замѣняетъ собою просо. Гречиха представляетъ осенній посѣвъ и сѣется въ іюлѣ, а собирается въ сентябрѣ. Особенно обильный урожай гречихи получается на сѣверѣ и востокѣ Маньчжуріи, т. е. въ болѣе холодномъ климатѣ. Гречиха часто сѣется на томъ же полѣ вслѣдъ за сборомъ мака, а также замѣщаетъ собою погибшій отъ избытка дождей посѣвъ проса. Зерно гречихи размалывается въ муку, изъ которой приготовляется родъ макаронъ, пекутся галеты и варится каша. Изъ другихъ хлѣбныхъ растеній воздѣлывается еще овесъ— въ незначительномъ количествѣ и исключительно для внѣшняго сбыта, и coix lacryma, зерно котораго (т. н. „перловый ячмень") служитъ для приготовленія сладкихъ кушаній, но главнымъ образомъ—какъ лѣчебное средство.

Бобы и горохъ занимаютъ второе по значенію мѣсто среди растеній Маньчжуріи. Главные виды ихъ—масличный бобъ или горохъ (soy bean, dolichos soja), phaseolus mungo и phaseolus radiatus, со множествомъ сортовъ, различаемыхъ по цвѣту скорлупы и сердцевины зеренъ. Вообще бобы сѣются на полевыя гряды рукою въ апрѣлѣ и созрѣваютъ для сбора въ сентябрѣ. Но phaseolus mungo представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, такъ какъ поспѣваетъ уже въ началѣ іюля и можетъ быть вторично засѣянъ и собранъ въ началѣ октября. Изъ масличныхъ бобовъ получаются масло, жмыхи и гороховый сыръ. Какъ масло, такъ и въ особенности жмыхи представляютъ важную статью экспорта, частью въ другія страны. Жмыхи предназначаются для корма скота и для удобренія почвы. Въ послѣдніе годы жмыхи вывозились частью чрезъ Владивостокъ въ Японію. Масличные бобы чернаго цвѣта подмѣшиваются также въ кормъ для скота. Phaseolus mungo (*люй-доу*) имѣетъ мелкое зерно съ темно-зеленой скорлупой и свѣтло-зеленовато-желтой сердцевиной, содержитъ мало жировъ или масла и служитъ для приготовленія одного изъ національныхъ блюдъ—китайской вермише-

ли[1]). Phaseolus radiatus даетъ зерно съ очень незначительнымъ содержаніемъ жировъ и масла, идущее исключительно въ пищу. Воздѣлывается также обыкновенный горохъ (pisum sativum), въ особенности на *Ляодун*скомъ полуостровѣ. Онъ примѣшивается къ ячменю для полученія, послѣ размола ихъ, ферментоваго вещества[2]).

Вообще для изготовленія маслъ служатъ масличные бобы, кунжутъ, ricinus communis, perilla ocymoides, хлопковое сѣмя и конопляное сѣмя. Кунжутное масло идетъ въ пищу, бобовое—также идетъ въ пищу и, кромѣ того, въ краски и для освѣщенія. Рициновое масло употребляется для смазыванія и въ фабрикаціи свѣчей. Хлопковое масло служитъ для освѣщенія, смягченія кожи и упряжи и для смазыванія волосъ. Конопляное масло примѣшивается въ краски, масло изъ perilla ocymoides замѣняетъ собой льняное. Рициновыми растеніями, также какъ и коноплею, обсаживаютъ края полей у дорогъ, чтобы предохранить поля отъ потравы скотомъ. Земляной орѣхъ въ ограниченномъ размѣрѣ воздѣлывается на югѣ, но идетъ непосредственно въ пищу и не служитъ для выдѣлки масла. Для полученія масла всѣ вообще сѣмена—кромѣ кунжутнаго, которое затирается—дробятся, распариваются и подвергаются сильному давленію[3]).

Изъ волокнистыхъ растеній въ южной провинціи воздѣлывается въ не особенно значительномъ количествѣ хлопокъ. Смоченныя въ жидкомъ удобреніи сѣмена хлопчатника высаживаются въ апрѣлѣ, сборъ же хлопка производится въ октябрѣ. Во всѣхъ провинціяхъ Маньчжуріи и въ особенности на сѣверѣ распространено воздѣлываніе abutilon avicennae и конопли. Первое растеніе, болѣе распространенное, достигаетъ значительной высоты и даетъ волокно длиннѣе и свѣтлѣе, нежели у настоящей пеньки, но не

---

1) Объясненіе способовъ приготовленія масла, сыра и вермишели у *Hosie. Manchuria*, p. 218 etc., 183—5 etc.; см. также (относительно добыванія масла) *Decennial Reports*. 1 Issue. Report from Newchwang, p. 24 (съ чертежами). Сущность процесса выдѣлки масла сводится къ размолкѣ бобовъ, варкѣ ихъ на пару, формовкѣ для пресса и извлеченію масла посредствомъ прессованія.

2) Свѣдѣнія о вышеупомянутыхъ земледѣльческихъ культурахъ у *Hosie*, l. c., p. 174—86; *Описаніе Маньчжуріи*. Стр. 430—1, 436—7; *Путята*, н. с., стр. 53—7; *Барабашъ*, н. с., стр. 57—8.

3) *Hosie*, l. c., p. 187—8.

столь тонкое и потому расцѣниваемое значительно ниже. Посѣвъ обоихъ растеній производится въ апрѣлѣ, а сборъ въ августѣ. Изъ волоконъ ихъ изготовляются канаты и веревки, на которые существуетъ большой спросъ со стороны обширнаго сухопутнаго извоза. Изъ пеньки выдѣлываются также грубыя ткани. Крупныя листья абутилона идутъ для подделки табака. Кромѣ того, для изготовленія цыновокъ разнаго рода служатъ стебли гаоляна и дико растущаго на поляхъ phragmites communis[1]).

Изъ красильныхъ растеній воздѣлывается лишь polygonum tinctorium, дающее синюю краску, подобную индиго, которая находитъ себѣ примѣненіе въ многочисленныхъ большихъ красильныхъ заведеніяхъ въ Маньчжуріи. Посѣвъ производится въ апрѣлѣ, а во второй половинѣ сентября, предъ цвѣтеніемъ, растенія срѣзаются у самаго корня, послѣ чего обрабатываются на краску[2]).

Макъ культивируется повсюду, но въ особенности къ сѣверу отъ р. *Сунгари*, въ южной части провинціи *Хэйлуцзянъ*. Главнымъ рынкомъ для опіума является г. *Куаченцзы* въ пров. *Гиринъ*. При затруднительности товарнаго движенія и въ виду значительности разстояній опіумъ, какъ цѣнный и удобо-перевозимый продуктъ, предпочитается вслѣдствіе этого въ земледѣльческомъ производствѣ на сбытъ. Къ тому же, эта культура не только приноситъ весьма высокій доходъ, но вслѣдствіе ранняго созрѣванія въ іюлѣ, допускаетъ еще второй въ году посѣвъ и сборъ на томъ же полѣ. Въ виду всего этого воздѣлываніе мака, еще неизвѣстное въ Маньчжуріи въ 60-хъ годахъ, весьма быстро распространялось и въ концѣ 19 в. заняло третье мѣсто среди различныхъ земледѣльческихъ культуръ. Маньчжурскій опіумъ, хотя и извлекаемый весьма несовершенными пріемами, отличается высокимъ качествомъ, которое однако понижается фальсификаціей различными примѣсями. Опіумъ покрываетъ мѣстное потребленіе и, сверхъ того, въ значительномъ количествѣ вывозится въ Сѣв. Китай, причемъ едва ли не большая часть ускользаетъ отъ уплаты установленныхъ пошлинъ. Отхожіе рабочіе предпочитаютъ получать вознагражденіе опіумомъ, который, помимо соображенія портативности, на сѣверѣ дешевле, въ то время какъ деньги дороже, нежели на югѣ. Возвращающіеся въ

1) Ibidem, p. 186—7.

2) Ibidem, p. 188—9.

собственный Китай рабочіе тайно проносятъ съ собой въ общемъ весьма значительныя количества опіума[1]).

Табакъ (nicotiana rustica) культивируется повсюду; наилучшимъ считается табакъ провинціи *Гиринъ*. Посѣвъ производится въ маѣ и сборъ въ октябрѣ. Табакъ выращивается съ наибольшимъ успѣхомъ на вновь расчищенныхъ земляхъ, тогда какъ на старыхъ, хотя и удобренныхъ земляхъ получается табакъ болѣе низкаго качества. На сѣверѣ эта культура представляетъ болѣе риска отъ раннихъ морозовъ. Срѣзанныя растенія подвѣшиваются на солнцѣ для просушки, послѣ чего листъ слегка прессуется и сортируется. Также предъ просушкой табакъ складываютъ въ яму, пока не завянетъ и не получитъ свѣтло-кирпичнаго оттѣнка. Вообще способы приготовленія табака и расцѣнка бываютъ очень различны. Табакъ расцѣнивается вообще очень дешево. Мѣстное потребленіе табака очень значительно; куреніе распространено даже среди женщинъ и малолѣтнихъ. Табачный листъ отправляется также въ большомъ количествѣ въ Сѣв. Китай. Но въ Ю. Китаѣ маньчжурскій табакъ не пользуется репутаціей[2]).

Изъ медицинскихъ растеній наибольшее значеніе имѣетъ жэнь-шэнь. Въ дикомъ видѣ онъ изрѣдка встрѣчается въ лѣсахъ пров. *Гиринъ*, въ особенности въ хребтѣ *Чанъ-бо-шань*. Въ второй половинѣ 19 в., вопреки существовавшему въ прежнее время запрещенію, получило распространеніе воздѣлываніе жэнь-шэня, требующаго тучной и рыхлой дѣвственной почвы, расчищенной изъ-подъ лѣса, сильнаго орошенія и затѣненія отъ солнца. Посѣвъ производится весьма густо на длинныхъ и узкихъ грядахъ, защищенныхъ отъ солнца навѣсами. По прошествіи года растенія пересаживаются. Полнаго развитія корень достигаетъ по прошествіи 5—6 лѣтъ, причемъ наиболѣе крупные корни вѣсятъ до 4 унцій. Вынутые изъ земли корни тщательно очищаются отъ земли, вывариваются въ сахарномъ сиропѣ, продаваемомъ затѣмъ какъ жэньшэневый сахаръ, и просушиваются. Весьма много жэньшэневыхъ плантацій расположено у хребта *Мао-шань*, близъ корейской границы. Значительная часть получаемаго въ Маньчжуріи культурнаго жэньшэня

---

1) *Hosie*, l. c., p. 189—90; *Decennial Reports*, I Issue, p. 11—12; *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 431—6; *Путята*, н. с., стр. 54—5; *Барабашъ*, н. с., стр. 58; *Донесеніе Матюнина*, стр. 270.

2) *Hosie*, l. c., p. 190—1; *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 437—8.

отправляется для обработки въ Корею, такъ какъ корейскій корень цѣнится въ Китаѣ значительно выше. Съ плантацій жэньшэня, также какъ мака и табака, администраціею взимаются особые налоги [1]).

Къ новѣйшему времени относятся опыты воздѣлыванія въ центральномъ плодородномъ районѣ сахарной свеклы, въ видахъ обезпеченія сырымъ матеріаломъ проектированнаго въ г. *Ажэхэ* сахарнаго завода. Возникающая вновь отрасль земледѣлія и обрабатывающей промышленности имѣетъ, кажется, всѣ шансы на значительный успѣхъ.

Значительнаго развитія достигло огородничество. Изъ овощей воздѣлываются отличнаго качества картофель, рѣпа, рѣдька, огурцы, фасоль и горохъ, свекла, морковь, порей, сельдерей, бадиджанъ, таро (colocasia), салатъ и въ особенности—шаньдунская капуста, чеснокъ, лукъ и перецъ. Капуста представляетъ важный элементъ въ питаніи мѣстнаго населенія и выращивается повсемѣстно въ огородахъ и даже на поляхъ, но уступаетъ по величинѣ и качествамъ капустѣ пров. Шаньдунъ. Кромѣ того, выращиваются въ Маньчжуріи огурцы, дыни и тыквы разнаго рода, между которыми однѣ представляютъ съѣдобную овощь, другія даютъ съѣдобныя сѣмена, третьи примѣняются въ качествѣ посуды для жидкостей. Къ овощамъ принадлежитъ также сладкій базиликъ (ocimum basilicum) и болѣе важное растеніе *цзѣ (гай)-цай* съ корневищемъ меньше рѣпы и съ крупными листьями; какъ корни, такъ и листья растенія употребляются въ пищу, какъ пикули [2]).

Садоводство въ Маньчжуріи вообще не имѣетъ выдающагося торговаго значенія. Изъ плодовыхъ деревьевъ растутъ груши, яблоки, каштаны, грецкій орѣхъ, жужубъ, боярышникъ, вишня, персики, сливы, абрикосы и виноградъ. Груши большею частью твердыя и маловкусныя; но въ районѣ г. *Ляоянъ* есть разновидность съ сладкимъ и нѣжнымъ плодомъ. Яблоки вообще невысокаго качества, кромѣ дикой сибирки и разновидности съ небольшимъ краснымъ плодомъ, растущей къ югу отъ *Ньючжуан*'я. Земляника, барбарисъ, крыжовникъ и смородина встрѣчаются въ дикомъ видѣ, но не культивиру-

---

1) *Описаніе Маньчжуріи.* Стр. 449—56; *Hosie*, l. c., p. 191—5; *Decennial Reports.* I Issue, p. 3.

2) *Hosie*, l. c., p. 195—7; *Барабашъ*, н. с., стр. 63; *Путята*, н. с., стр. 57.

ются туземнымъ населеніемъ. Виноградъ растетъ только въ *Шэнь-цзин*'ской провинціи. Въ *Хунчунь* разводятъ между прочимъ малину 1). По линіи *Восточно-Китайской* жел. дороги осенью предлагаются китайцами арбузы въ большомъ количествѣ, но не высокаго качества.

По вопросу о количествѣ посѣва и среднемъ урожаѣ земледѣльческихъ растеній, на основаніи данныхъ, собранныхъ русскими изслѣдователями 2), можно придти къ слѣдующимъ выводамъ: на 1 *шанъ* ($^{10}/_{17}$ десятины) сѣется гаоляна 15—25 *гинь* (на лучшихъ почвахъ менѣе; 1 *гинь* = почти $1^1/_2$ фунта; см. прим. на стр. 67); урожай составляетъ на малоплодородныхъ почвахъ—самъ 49—75, на среднихъ 150—180, на наилучшихъ 200—216; проса (гу-цзы) сѣется 10—12 *гинь*, урожай получается, въ зависимости отъ качества почвы, самъ 100, 200—250, 300—312; кунжута сѣется 8—10 *гинь*, собирается на низшихъ почвахъ самъ 65—85, на наилучшихъ—самъ 150; бобовъ сѣютъ 70—120 *гинь*, собираютъ, смотря по качеству почвы, самъ 12—37; пшеницы сѣется 120—130 *гинь*, получается, въ зависимости отъ почвы, самъ 8—11, 17—22, 28; ячменя сѣютъ 120—130 *гинь*, собираютъ на малоплодородныхъ почвахъ самъ 7—8, на среднихъ 11—24. Съ 1 *шана* поля, засѣяннаго макомъ, получа-

1) *Новіс*, l. c., p. 197—8; *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 460.

2) *Барабашъ*, н. с., стр. 59—61, 67; *Донесеніе Матюнина*, стр. 289—90. Относящіяся сюда цыфровыя данныя, приводимыя у *Новіс*, представляются непріемлемыми по своей очевидной неправильности, обусловленной, можетъ быть, ошибками въ математическихъ выкладкахъ и записяхъ. У *Барабаша*, на стр. 61, вкралась погрѣшность (повторенная и въ перепечаткѣ, на стр. 441 „*Описанія Маньчжуріи*"). Для отличающихся плодородіемъ мѣстностей *Гай-хэ*, *Са-хэ-яръ* и *Гуань-да-коу* здѣсь выведена средняя урожайность гаоляна всего лишь самъ $21^3/_4$, 18 и $15^1/_4$ при весьма высокомъ сборѣ въ 3.240, 2.700 и 2.295 *гинь* съ 1 *шана* ($206^1/_2$ п. съ 1 десят. для *Гай-хэ*) вслѣдствіе того, что посѣвъ показанъ въ 150 гинь на 1 *шанъ*. Между тѣмъ изъ сопоставленія съ данными для другихъ мѣстностей у того же автора и съ данными для тѣхъ же мѣстностей у другого упомянутаго автора, производившаго изысканія совмѣстно съ первымъ, явствуетъ, что для посѣва на 1 *шанъ* требуется всего 15 *гинь*, вслѣдствіе чего и урожайность оказывается выше показанной въ 10 разъ. Послѣ же введенія означенной поправки устанавливается соотвѣтствіе въ данныхъ со стороны общей плодородности указываемыхъ мѣстностей и по сравненію съ данными для другихъ сортовъ проса.

ется около 100 вѣсовыхъ *лянъ*[1]) опіума.

Весьма важное значеніе имѣетъ—въ провинціи *Шэнцзинъ*—шелководство. Границами его распространенія являются рѣки *Ляохэ* на з. и *Ялу* на в.; на с. граница немного не достигаетъ *Мукден*'а. Шелкъ доставляется дикимъ шелкопрядомъ (antheraea Pernyi), питающимся листьями дуба (обыкновенно quercus mongolica). Разведеніе тутовицы (morus alba) для шелководства, а равно полученіе шелка отъ иного шелкопряда (bombyx cynthia), питающагося листьями ailanthus glandulosa, имѣютъ ограниченные размѣры. Для кормленія шелковичныхъ червей предпочитаются молодыя (начиная съ 7-го года) поросли дуба, вообще не выше шести футовъ, благодаря чему усиливается ростъ листвы и облегчается уходъ. Коконы, предназначаемые для приплода, сохраняются на зиму въ теплыхъ помѣщеніяхъ. Вообще процессъ полученія шелка происходитъ при тщательномъ уходѣ со стороны китайцевъ. Коконы собираются дважды въ годъ, при чемъ весенніе даютъ шелка меньше, но выше по тонкости и бѣлизнѣ. При обработкѣ коконовъ качество шелка понижается обильнымъ пропитываніемъ содою шелка въ коконахъ, предъ ихъ размоткою или пряденіемъ, и отсутствіемъ крученія нити, вслѣдствіе чего маньчжурскій шелкъ уступаетъ шаньдунскому—въ отношеніи глянцовитости, эластичности и цвѣта. Вслѣдствіе большого содержанія соды шелкъ не поддается окраскѣ въ иные цвѣта, кромѣ темнокраснаго, чернаго или сѣраго[2]).

Животноводство въ различныхъ отрасляхъ его имѣетъ важное значеніе въ хозяйственномъ быту населенія. Основнымъ занятіемъ представляется скотоводство на *Хулумбуирскомъ* плоскогорьѣ, въ обширныхъ степяхъ, непригодныхъ для земледѣлія, а также въ долинахъ и на склонахъ. Особенно благопріятны для скотоводства солончаковыя степи, тогда какъ водянистыя и недостаточно соленыя травы долинъ не такъ полезны для скота. Кочевымъ населеніемъ разводятся главнымъ образомъ рогатый скотъ крупной породы и малорослыя, но выносливыя лошади. Скотъ круглый годъ остается

---

1) Вѣсовой *лянъ*, называемый часто иностранцами китайской унціей, по трактатамъ составляетъ немного менѣе 3 лотовъ ($1^1/_3$ англ. унціи, или $8._{64}$ золотника). *Барабашъ*, сообщая указанную величину сбора опіума, поясняетъ: „ланъ=приблизительно 2 лотамъ и $^3/_4$ золотника“.

2) См. подробныя и общедоступныя объясненія въ „*Описаніи Маньчжуріи*“, стр. 444—9; также *Hosie*, l. c., p. 198—203.

на подножномъ корму; пасется лѣтомъ въ степяхъ, гдѣ нѣтъ насѣкомыхъ, а зимою—на малоснѣжныхъ плоскогорьяхъ. Значительнаго развитія достигло скотоводство также въ низовьяхъ р. *Нонни* и по правому берегу р. *Сунгари*. Въ сунгарійскомъ бассейнѣ зимою потребленіе скотскаго мяса весьма распространено. Вообще же въ Маньчжуріи скотъ служитъ для земледѣльческихъ работъ и для извоза, а равно—къ использованію отбросовъ, остающихся на маслобойняхъ, винокуренныхъ и крахмальныхъ заводахъ. Для перевозки тяжестей пользуются, кромѣ лошадей, также мулами и ослами, изрѣдка и верблюдами. Мулы отличаются выдающимися качествами и цѣнятся вообще дорого. По свѣдѣніямъ г. *Путяты*, относящимся къ 1888 г., хорошій мулъ стоитъ и до 800 *лянъ*. Въ земледѣліи употребительны какъ лошади, такъ и рогатый скотъ, послѣдній — преимущественно въ мелкихъ хозяйствахъ. Вообще распространены монгольскія породы крупнаго рогатаго скота и малорослыхъ, но выносливыхъ лошадей; въ *нингутинскомъ* же районѣ скотъ—корейской породы. Земледѣльцы вообще предпочитаютъ пріобрѣтать скотъ, пригоняемый изъ Монголіи или Кореи, нежели разводить его у себя. Конскій и пр. волосъ лишь въ незначительномъ количествѣ вывозится изъ страны и снимается, вѣроятно, съ павшихъ животныхъ. Количество барановъ и овецъ вообще не велико. Въ кормъ скоту идетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *Хэйлунцзян*'ской провинціи сѣно, вообще же —солома полевыхъ растеній, гаолянъ, низшіе сорта проса, бобы и маисъ въ распаренномъ видѣ, а также жмыхи. Для утилизаціи отбросовъ какъ отдѣльныя хозяйства, такъ и названные заводы содержатъ громадное количество свиней. Послѣднія отличаются крупностью и имѣютъ сплошь черную щетину. Свиньи гонятся на продажу въ *Мукдень* и другіе многолюдные центры, либо перевозятся зимой заколотыми и замороженными. Щетина идетъ большею частью на удобреніе полей, причемъ этотъ видъ удобренія считается особенно полезнымъ при воздѣлываніи индиго. Собаки и козы разводятся въ сѣверныхъ частяхъ Маньчжуріи для полученія шкуръ. Мясо козъ, а также и собакъ идетъ и въ пищу. Вообще шкуры домашнихъ и дикихъ животныхъ представляютъ важную статью отпуска. Изъ домашней птицы разводятъ въ большомъ количествѣ куръ, утокъ и гусей. Въ 19 в. получило распространеніе пчеловодство, направленное къ полученію воска [1]).

[1]) *Hosie*, l. c., p. 205—11; *Описаніе Маньчжуріи*, стр. 460—3; *Донесеніе Матюнина*, стр. 278—82; *Путята*, н. с., стр. 64.

Въ 1884 году изъ территоріи *Восточнаго Туркестана* (или *Кашгаріи*) и степныхъ округовъ, принадлежащихъ ранѣе провинціи Ганьсу, образована новая, девятнадцатая провинція *Ганьсу-синь-цзянъ* (Новая линія), пространствомъ около 24 тысячъ кв. геогр. миль и съ населеніемъ около $1^1/_2$ милліоновъ, среди которыхъ китайцевъ очень мало. Изъ 19 провинцій Китая эта новая провинція далеко оставляетъ прочія по пространству и столь же уступаетъ имъ по населенности. Главная часть населенія сосредоточена въ Восточномъ Туркестанѣ, въ которомъ кочевое и полукочевое или пастушеское населеніе составляютъ значительно меньшую часть населенія. Климатъ страны, представляя мѣстныя особенности, въ общемъ имѣетъ крайне выраженный континентальный характеръ. Общее количество атмосферныхъ осадковъ и число дней съ осадками въ году вообще настолько незначительны, что богарное земледѣліе (подъ дождь) невозможно. Почвенныя условія рѣдко гдѣ благопріятны для земледѣлія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей съ аллювіальной, лессовой и перегнойной почвами, поверхность земли представляетъ безплодные пески. Земледѣліе сосредоточено въ разобщенныхъ безплодными пространствами оазисахъ и въ рѣчныхъ долинахъ и возможно лишь при искусственномъ орошеніи. При этомъ какъ общій запасъ воды для цѣлей орошенія, вслѣдствіе низкаго уровня воды въ рѣкахъ весною и громадной траты воды отъ испаренія—такъ и техническія условія ирригаціи не позволяютъ доставить полямъ все потребное количество влаги и обезпечить ихъ отъ засухъ. Количество удобной земли на одинъ дворъ составляетъ $1^1/_2$ и до 7 десятинъ, въ зависимости отъ степени плодородности почвы. Изъ хлѣбныхъ растеній воздѣлываютъ главнымъ образомъ кукурузу, пшеницу, затѣмъ ячмень, сорго и просо, рисъ и горохъ. По свѣдѣніямъ г. *Корнилова*, посѣвы кукурузы занимаютъ, вѣроятно, не менѣе 50% общей площади пахотныхъ земель; затѣмъ слѣдуетъ пшеница, посѣвы которой составляютъ до 30% площади. Изъ техническихъ растеній воздѣлываются хлопокъ, конопля, ленъ, кунжутъ, макъ (для полученія опіума), табакъ, марена и шафранъ. Хлопокъ служитъ для удовлетворенія мѣстной потребности, частью же вывозится въ предѣлы Россіи. Изъ кунжута, воздылываемаго повсемѣстно, получаютъ масло, идущее въ пищу и для освѣщенія. Табакъ воздѣлывается также повсюду, но не отличается высокимъ качествомъ и потребляется на мѣстѣ. Земледѣльцы получаютъ вообще не высокіе урожаи. Средняя урожай-

ность хлѣбовъ въ главныхъ оазисахъ ограничивается самъ 28—40 для кукурузы, 9—15 для пшеницы, 12—16 для ячменя и 8—18 для риса. На болѣе плодородныхъ земляхъ Восточнаго Туркестана успѣваютъ снять 2 жатвы въ лѣто, обыкновенно кукурузу и пшеницу въ томъ или другомъ порядкѣ или ячмень два раза кряду. Для вспашки земли служитъ деревянный плугъ съ желѣзнымъ лемехомъ, разрыхляющимъ землю на незначительную глубину; для боронованія пользуются смыками и граблями. Для удобренія почвы примѣняются пыль и грязь съ улицъ и дорогъ, грязь изъ канавъ, матеріалъ отъ строительныхъ развалинъ и навозъ, котораго мало вслѣдствіе незначительнаго количества скота у земледѣльцевъ. Въ Восточномъ Туркестанѣ достигло значительнаго развитія огородничество и въ особенности плодовое садоводство. Изъ овощей воздѣлываются дыни, арбузы, тыквы, огурцы, капуста, бобы и фасоль, редисъ, рѣдька, свекла, рѣпа, морковь, лукъ, укропъ, петрушка, баклажаны, помидоры, салаты и пр., въ нѣкоторыхъ оазисахъ—картофель. Въ селеніяхъ почти при каждомъ домѣ имѣется садъ, а въ окрестностяхъ городовъ встрѣчаются обширные плодовые сады. Плодовыя деревья сажаются также на межахъ и у полевыхъ арыковъ. Изъ фруктовъ преобладаютъ абрикосы, виноградъ разныхъ сортовъ, тутовица, персики, яблоки, груши, грецкіе орѣхи, черешни, бѣлыя вишни, гранаты, айва и др. Фрукты потребляются главнымъ образомъ на мѣстѣ. Изъ винограда выдѣлываютъ вино.

Изъ домашнихъ животныхъ повсемѣстно держатъ лошадей, рогатый скотъ, ословъ, овецъ (на югѣ тонкорунныхъ) и козъ. Кочевники разводятъ верблюдовъ, китайцы—свиней и въ небольшомъ количествѣ муловъ. Рогатый скотъ мелокъ и служитъ для полученія молока и для полевыхъ работъ; на ослахъ, отличающихся неприхотливостью и дешевизною содержанія, производятся перевозки тяжестей и переѣзды туземцевъ. Изъ конскихъ породъ выдѣляются монгольская и киргизская. Для прокорма скота служатъ болотный камышъ, горныя и лѣсныя пастбища, а у земледѣльцевъ и у населенія вообще солома, кукуруза, ячмень и воздѣлываемая въ ограниченномъ количествѣ люцерна. Съ русскими владѣніями граничатъ подчиненные въ административномъ отношеніи указанной провинціи округа *Или* и *Тарбагатай*. Илійскій край, орошаемый рѣкой *Или* и ея притоками и отличающійся мягкимъ климатомъ, обладаетъ благопріятными условіями для земледѣлія, которое и про-

цвѣтало здѣсь до мятежа дунганъ, въ настоящее же время встрѣчаетъ для себя препятствія въ малочисленности населенія и внутреннихъ неурядицахъ. Округъ Тарбагатай, менѣе населенный, почти на всей своей территоріи представляетъ удобства лишь для кочевой жизни[1]).

Наконецъ, обширная территорія *Монголіи*, заключается между русскими владѣніями, собственнымъ Китаемъ и Маньчжуріей, представляетъ окаймленное горными цѣпями возвышенное плато, заключающее частью вовсе безплодныя пустыни, частью удобныя для кочевого скотоводства степи, частью пригодныя для земледѣлія мѣстности. Какъ въ силу природныхъ условій страны, такъ и по унаслѣдованной отъ предковъ склонности монголы ведутъ большею частью кочевой образъ жизни и занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ. Пригодныя для обработки земли лежатъ въ сѣверной Монголіи, на востокѣ и на южной окраинѣ страны. На границѣ собственнаго Китая всѣ эти земли уже издавна заняты были китайцами. Въ новѣйшее время это произошло на востокѣ и сѣверо-востокѣ Монголіи. Въ настоящее время обращено вниманіе на заселеніе и упроченіе за Китаемъ сѣверной полосы Монголіи. Распашки пригодныхъ для обработки земель производятся частью китайцами, оффиціально поселенными либо только частнымъ путемъ пріобрѣвшими у монголъ право на это покупкою или заарендованіемъ земли, частью самими монголами[2]).

Въ мѣстностяхъ Монголіи, примыкающихъ къ Маньчжуріи, земледѣліе имѣетъ почти тотъ же характеръ, что въ Маньчжуріи и производится большею частью китайцами, какъ собственниками, арендаторами или работниками. Въ другихъ частяхъ Монголіи земледѣліе ограничивается немногими продуктами, главнымъ образомъ пшеницею и просомъ.

---

[1]) *Корниловъ. Кашгарія или Восточный Туркестанъ.* 1903; *З. Матусовскій*, н. с., стр. 221 и слѣд., 309 и слѣд.; *A Little*, l. c., p. 186 etc.; *Kennelly*, l. c., p. 523 etc.

[2]) *А. М. Позднѣевъ. Монголія и Монголы; Little*, l. c., p. 171 etc.

Примѣчанія.

1. Къ стр. 3.

Прочія изслѣдованія и матеріалы, которыми я имѣлъ возможность располагать, указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Изъ этой литературы отмѣтимъ здѣсь капитальнѣйшіе труды германскаго изслѣдователя Китая барона *Рихтгофена* (*Letters 1870—2: China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegruendeter Studien.* 2 B-de. 1877—82 и новѣйшій трудъ: *Schantung und seine Eingangspforte Kiautschou.* 1898), а также живыя, по собственнымъ наблюденіямъ, описанія китайскаго земледѣлія, съ многочисленными иллюстраціями, въ сочиненіи *Н. Клингена*: „*Среди патріарховъ земледѣлія, народовъ ближняго и дальняго Востока. Ч. III. Китай.* Спб. 1899.—Помимо картъ, приложенныхъ къ используемымъ изданіямъ, я пользовался преимущественно картою: *Map of China and the surrounding Regions*, compiled from the latest Information by *E. Bretschneider*. Second thoroughly revised Edition. 1900. Въ качествѣ справочныхъ изданій по разнымъ вопросамъ Китая я руководствовался главнымъ образомъ двумя изданіями: *З. Матусовскій. Географическое описаніе Китайской Имперіи.* Спб. 1888. и недавно вышедшимъ изданіемъ: *L. Richard's Comprehensive Geography of the Chinese Empire and Dependencies.* Translated into English, revised and enlarged by *M. Kennelly*. Shanghai. 1908.

2. Къ стр. 6.

Курсовой паритетъ серебряныхъ единицъ Китая относительно золотыхъ денежныхъ единицъ другихъ странъ находится въ зависимости отъ міровой расцѣнки серебра въ данный моментъ. Соразмѣрно съ этимъ измѣняется паритетъ для шанхайскаго торговаго *тэля* (*ляна*), указываемый въ шанхайскихъ бюллетеняхъ. Чрезъ посредство внѣшнихъ торговыхъ операцій и прочихъ внѣшнихъ платежныхъ отношеній измѣненія въ міровой расцѣнкѣ серебра оказыва-

ютъ свое вліяніе также внутри страны, въ отношеніи мѣдной денежной единицы, а равно цѣнъ на имущества, товары и услуги. Но съ этимъ переплетаются чисто внутреннія, мѣстныя явленія въ денежныхъ курсахъ и въ покупательной цѣнности денежныхъ средствъ, въ частности измѣненіе цѣнности мѣдныхъ денегъ. Въ виду сказаннаго разновременныя оцѣночныя данныя по Китаю не представляются вполнѣ однородными. Исходя изъ данныхъ шанхайскаго бюллетеня и постояннаго паритета *шанхайскаго торговаго ляна*, *таможеннаго ляна* и *казеннаго ляна*: 111.₄ ш. т. л.=100 там. л.=100.₆ каз. л. можно опредѣлить цѣнность казеннаго ляна къ 31 дек. 1907 г. (н. ст.)—1 р. 27$^1/_2$ к., къ 30 іюня 1908 г.—1 р. 27$^1/_2$ к. и къ 16 дек. 1908 г.—1 р. 16 коп.. Курсъ шанх. торг. тэля въ чохахъ въ тѣ же моменты былъ 1.500, 1.600 и 1.685 чоховъ. Мексиканскій серебрянный долларъ, обращающійся въ Китаѣ, расцѣнивается вообще на уровнѣ около $^3/_4$ *шанх. торг. ляна* или $^2/_3$ *каз. ляна*. *И. Коростовецъ* приводитъ для *тамож. ляна* въ 1888 г. курсовую оцѣнку въ 2 р. 22 к., *Morse* (*The Trade and Administration of the Chinese Empire. 1908*) для там. ляна даетъ слѣдующія курсовыя оцѣнки: въ 1864 г.—6 ш. 8 п., 1874 г.—6 ш. 4 п., 1884 г.—5 ш. 7 п., 1894 г.—3 ш. 2 п. и 1904 г.—2 ш. 10 п. (12 пенсовъ=1 шилингу=47.₃ коп. новѣйшей русской валюты). Оффиціальные таможенные отчеты, на основаніи среднихъ за годъ вексельныхъ курсовъ по предъявленію указываютъ курсъ *там. ляна* для 1882 г. въ 5 ш. 8$^1/_2$ п., 1886 г. въ 5 ш. $^1/_8$ п., 1887 г. 4 ш. 10$^1/_4$ п., 1888 г. 4 ш. 8$^3/_8$ п., 1892 г. 4 ш. 4$^1/_2$ п., 1897 г. 2 ш. 11$^3/_4$ п., 1901 г.—2 ш. 11$^9/_{16}$ п., 1906 г. 3 ш. 3$^1/_2$ п..

Безъ сомнѣнія, земледѣльческое населеніе Китая въ своей выручкѣ за продаваемые продукты зависѣло и отъ измѣненія цѣнъ на серебро и, вообще не вполнѣ учитывая послѣднее обстоятельство, получало въ серебрѣ въ дѣйствительности часто меньше, нежели полагало. Но при ограниченности денежныхъ оборотовъ земледѣльческаго населенія, это не могло имѣть слишкомъ большого значенія.

3. Къ стр. 7.

Му, которымъ измѣряются земли въ Китаѣ, имѣетъ вообще весьма различную величину. Относящіяся сюда свѣдѣнія приведены въ моемъ примѣчаніи на стр. 41, а также въ выдержкѣ изъ *П. Хуан*'а на стр. 133 русскаго изданія: *О. Франке. Земельныя право-*

отношенія въ Китаѣ. Какъ указываетъ *H. B. Morse*—подъ общей редакціей котораго изданы были цитируемые мною матеріалы по китайской метрологіи (*J. of the Ch. Br. of the R. A. S.*, v. XXIV) и касательно землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ (ibidem, v. XXIII)—въ своемъ новомъ трудѣ: *The Trade and Administration of the Chinese Empire*. Changhai. 1908 (p. 174), величина *му* въ имперіи колеблется между 3.840 и 9.964 англ. кв. футъ, но имѣется величина въ 18.148 англ.

При оцѣнкѣ и переводѣ общихъ статистическихъ данныхъ, европейскими изслѣдователями принимаются слѣдующія, довольно близкія между собою, величины:

Источникъ:	Величина му.
Анкета Корол. Аз. Общ. въ 1888 г. (J. of the Ch. Br. of the R. A. S. v. XXIII).	а) 6_6 *му*=1 англ. акру. (1 *му*=$134._{85}$ кв. саж.); 1 десят.=17_8 *му*. б) 6 *му*=1 англ. акру. (1 *му*=$148^1/_3$ кв. саж.); 1 десят.=$16._2$ *му*.
Forke. Das Chinesische Finanz- und Steuerwesen.	в) 100 *му*=$6._{31}$ гектара. (1 *му*=$138._{61}$ кв. саж.); 1 десят.=$17._3$ *му*.
Захаровъ. Поземельная собственность въ Китаѣ.	г) 1 *му*=$133._{72}$ кв. саж.; 1 десят.=$17._{95}$ *му*.
Э. Матусовскій. Географич. обозрѣніе Китайской имперіи.	д) 1 *му*=$132._{86}$ кв. саж.; 1 десят.=$18._{06}$ *му*.

Правительственнымъ указомъ 1908 г. (см. *Вѣстникъ фин., промышл. и торг.* 1908 г. № 46) установлены слѣд. мѣры для всего Китая: 1 *чи*=32 сантиметрамъ; 1 *доу*=10.355 литрамъ; 1 (вѣсовой) *лянъ*=$37._{301}$ граммамъ. Отсюда:

е) 1 *му*=25 кв. *чи* (= 1 *бу*) × 240=$135._{03}$ кв. саж.; 1 десят.=$17._7$ *му*.

4. Къ стр. 7.

О девятнадцатой провинціи Китая см. стр. 124—6 текста.

5. Къ стр. 24—5 и 109—10.

Уже при окончаніи настоящаго изданія поступила копія предназначенной для печати записки: „*По поводу колонизаціи въ Китаѣ*

и у насъ". Авторъ записки, *А. Кохановскій* въ 1900—2 г. состоялъ въ служебной командировкѣ по должности военнаго врача въ г. Цицикарѣ (Маньчжурія), а въ 1904—1906 г.—при консульствѣ въ Урумчи, на крайнемъ западѣ Китая, при чемъ совершалъ поѣздки верхомъ какъ въ Маньчжуріи, такъ и въ зап. Китаѣ. Въ названной запискѣ, опираясь на собственныя наблюденія, авторъ указываетъ данныя, свидѣтельствующія объ оживленіи переселенческаго дѣла на окраинахъ Китая. Во время поѣздокъ по Маньчжуріи въ 1900—2 г. г. по этапамъ автору „случалось находить новые поселки тамъ, гдѣ въ прежнюю поѣздку за тотъ же періодъ была степь. На этихъ новыхъ мѣстахъ и характеръ хозяйства мѣнялся, становясь рѣзко экстенсивнымъ". „Во время поѣздокъ ....по склонамъ *Тянь-шаня* до *Баркуля* и *Хами* въ 1904—6 г. ...замѣтилъ наряду съ переселенческимъ движеніемъ изъ Китая также передвиженіе старыхъ поселенцевъ съ восточной части Тянь-шаня на западъ, къ *Манасу*, *Кульджѣ*"[1]). Еще больше фактовъ относительно китайской колонизаціи приходилось слышать отъ русскихъ купцовъ и приказчиковъ. Переселенческое движеніе въ Маньчжуріи происходитъ по воднымъ путямъ и линіи жел. дороги. „Огромную помощь китайскому заселенію принесли наши крупныя торгово-промышленныя предпріятія по границамъ у насъ и въ китайскихъ предѣлахъ, и особенно помогла Китаю наша маньчжурская желѣзная дорога, которая на свой счетъ собирала китайцевъ изъ разныхъ провинцій, перевозя ихъ моремъ и по сушѣ, давала имъ на постройкахъ почти неограниченный заработокъ, помогала, скопивъ денегъ, перейти къ мелкой торговлѣ и хуторскому хозяйству, благодаря увеличивающемуся спросу со стороны строительнаго и охраннаго состава дороги, которая, наконецъ, перенесла центръ жизни Приамурья (нашего и китайскаго) изъ Благовѣщенска въ Харбинъ". Затраты на мѣстѣ по сооруженію жел. дороги и связанныхъ съ нею предпріятій къ времени начала войны оцѣниваются въ 300 милліоновъ рублей. Разразившаяся затѣмъ война, какъ намъ кажется, могла лишь способствовать обогащенію Маньчжуріи въ цѣломъ.

Въ западномъ Китаѣ движеніе переселенцевъ идетъ по боль-

[1]) Подобнымъ же образомъ, по возвращеніи *Илійскаго* края Китаю, въ 80-хъ годахъ 19 в. имѣла мѣсто значительная эмиграція туда изъ Восточнаго Туркестана и другихъ мѣстностей Китая. (*Матусовскій*, н. с., стр. 311, прим.).

шимъ торговымъ путямъ параллельно *Тянь-шаню.* Переселеніе облегчается здѣсь степнымъ характеромъ мѣстности, сухимъ здоровымъ климатомъ, обиліемъ скота у живущихъ здѣсь кочевниковъ, обиліемъ поверхностно лежащаго каменнаго угля вдоль подошвы *Тянь-шаня* и прекраснаго строевого лѣса по сѣвернымъ склонамъ его. Въ связи съ указаннымъ переселенческимъ движеніемъ и въ видахъ укрѣпленія окраинъ съ коренными областями Китая, осуществляется рядъ важныхъ мѣропріятій, какъ учрежденіе новыхъ административныхъ единицъ (по *Кара-Иртышу*, въ *Кульджѣ*, по р. *Сунгари*,) основаніе новыхъ городовъ (*Каба* на Иртышѣ, *Санджи*, *Молохо* на сѣв. дорогѣ Тянь-шаня), развитіе уже существовавшихъ городовъ (какъ *Манасъ*, *Шихо* вдоль Тянь-Шаня, *Бодунэ* на границѣ Монголіи и Маньчжуріи, *Саньсинъ* на р. Сунгари), передвиженіе старыхъ городовъ къ периферіи (напр., *Баркуль*). Имѣютъ также важное значеніе, принципіальное и практическое, и такія мѣропріятія, какъ раздача скота поселенцамъ (*Гученъ*), осушеніе болотъ (близъ *Манаса*), прокладка шоссированныхъ дорогъ (отъ г. *Урумчи* до *Хами*, близъ г. *Кульджи* параллельно нашей границѣ), расчистка горныхъ проходовъ посредствомъ взрывныхъ работъ (*Майли-Джаирскій*, *Даванчинскій*), устройство почтовыхъ станцій, казенныхъ постоялыхъ дворовъ и дяней (этаповъ). Считая кочевниковъ менѣе надежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ элементомъ, китайцы не церемонятся оттѣснять кочевниковъ—киргизъ и монголъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ возможно земледѣліе. Въ послѣдніе годы въ западномъ Китаѣ имѣли мѣсто даже случаи высылки войскъ противъ киргизъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія по вопросу о развитіи государственности, осѣдлаго быта, промысловъ и средствъ сообщеній въ Монголіи сообщаются въ обстоятельномъ трудѣ, заключающемъ выдержки изъ новѣйшихъ оффиціальныхъ матеріаловъ, подъ заглавіемъ: „*Die Mongolei*“ [1]).

Указомъ покойной императрицы отъ 3 окт. 1907 г. повелѣно было искоренить злоупотребленія въ главномъ инородческомъ управленіи и въ мѣстныхъ управленіяхъ зависимыхъ земель, дабы устранить вымогательства, обращенныя противъ незнакомыхъ съ языкомъ и условіями жизни въ столицѣ инородческихъ представителей,

---

[1]) Asien. Organ der Deutsch-Asiatischen Gesellschaft. Jahrgang VIII. 1908—9.

обязанныхъ являться зимою къ пекинскому двору. Вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ властямъ застѣннаго Китая повелѣно было обращаться съ населеніемъ благожелательно и представлять періодически всеподданнѣйшіе отчеты о своей дѣятельности. Собравшіеся въ зиму 1907—8 года монгольскіе князья были приглашены для собесѣдованія въ главное управленіе, а затѣмъ—къ участію въ обсужденіи правительственныхъ проектовъ касательно Монголіи (кромѣ имѣющихъ военное значеніе). Между прочимъ обсуждались вопросы объ открытіи школъ, разработкѣ земель, развитіи горныхъ промысловъ и обрабатывающей промышленности, сооруженіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ и учрежденіи отдѣленій императорскаго банка. Князья обѣщали позаботиться объ устройствѣ школъ и распространеніи земледѣлія, а также высказались за прочіе проекты, указавъ только на трудную осуществимость желѣзнодорожной линіи *Калганъ-Урга.*

Въ той же работѣ о Монголіи воспроизведенъ всеподданнѣйшій отчетъ императорскаго резидента въ Кобдо. Въ этомъ отчетѣ между прочимъ выясняется, какія крайнія затрудненія препятствуютъ осуществленію повелѣній объ учрежденіи военныхъ гарнизоновъ и разработкѣ земель въ значительныхъ размѣрахъ вслѣдствіе того, что условія дѣятельности въ *Алтаѣ* несравненно труднѣе, нежели, напр., въ Или, Тарбагатай, Улясутай и Кобдо. Развитію земледѣлія препятствуетъ суровость климата въ горной странѣ, лежащей между 47 и 50° широты. Въ то время какъ весною снѣгъ продолжительное время покрываетъ землю толстымъ слоемъ, количество выпадающихъ лѣтомъ осадковъ ограничивается 3—4 д., въ виду чего земледѣліе возможно лишь при наличности оросительныхъ сооруженій. Какъ сообщаетъ резидентъ, имъ заложены четыре казенныхъ поселенія, находящихся въ стадіи развитія, и въ настоящее время сооружаются два новыхъ большихъ канала, которые должны быть готовы еще въ текущемъ году. Серьезнымъ препятствіемъ представляется крайняя отдаленность тѣхъ китайскихъ областей, которыя могли бы дать переселенцевъ, тогда какъ ближайшее населеніе малочисленно и вообще недостаточно культурно. Резидентъ сообщаетъ далѣе, что имъ дано предписаніе подвѣдомственнымъ чинамъ—всѣмъ людямъ безъ различія племени, въ случаѣ заявленія о желаніи заняться земледѣліемъ, давать средства на пріобрѣтеніе скота и сѣмянъ и оказывать охрану. Резидентъ настойчиво проводитъ также мысль, что съ установленіемъ

налоговъ необходимо повременить до умноженія населенія и промышленности.

Приведенныя въ настоящемъ примѣчаніи, какъ и въ другихъ частяхъ нашего труда, данныя показываютъ, какая культурная сила заключается въ жизни и внутренней государственной системѣ Китая, при всей внѣшней рутинности и архаичности частнаго и общественнаго быта китайцевъ, къ характеристикѣ котораго принадлежитъ и то, что отношеніе государства къ китайскому и инородческому населенію искони проникнуто гуманностью и своеобразной соціальной интимностью, и въ то же время правонарушенія подлежатъ тяжелой карѣ [1]). Съ малыми средствами достигаются крупные и окончательные успѣхи въ укрѣпленіи, заселеніи и экономическомъ развитіи окраинъ. Дѣло совершается безъ излишней торопливости и грандіозности, при правильномъ сочетаніи общественныхъ и частныхъ силъ, не подчиняя этого живого дѣла убивающему его шаблону и канцелярскому направленію дѣятельности. Въ основѣ этой системы лежатъ, безъ сомнѣнія, выдающіяся нравственныя качества націи.

6. Къ стр. 25.

Какъ сообщаетъ *Загаровъ* (н. с, стр. 86), „Для поселеній въ Кобдо и Тарбагатаѣ достали сѣмянъ хлѣбныхъ изъ Россіи, какъ свойственныхъ тамошнему климату“.

Завоеваніе расположенной на крайнемъ западѣ Китая, между Тянь-шанемъ и Алтаемъ Чжунгаріи, нынѣ составляющей округа *Или* и *Тарбагатай*, относится къ 1758 году. При этомъ была истреблена большая часть ея населенія, взамѣнъ чего страна заселена преступниками и военнопоселенцами изъ внутренняго Китая и добровольными переселенцами изъ Маньчжуріи, Монголіи и Туркестана, а также киргизами и торгутами изъ нынѣшнихъ русскихъ владѣній [2]).

---

[1]) См. напр., относительно инородческихъ областей *Уложеніе Китайской палаты внѣшнихъ сношеній*. Перев. съ маньчж. *Ст. Липовцова*. Спб. 1828. Тамъ же изложены старыя опредѣленія закона, направленныя къ строгому контролированію дозволенныхъ распашекъ земли въ Монголіи, съ воспрещеніемъ самовольныхъ распашекъ какъ для мѣстныхъ такъ и для пришлыхъ людей.

[2]) *Матусовскій*, н. с, стр. 309—10.

7. Къ стр. 36.

„Сами китайцы дѣлятъ свой годъ на 24 атмосферныхъ перемѣны (каждая приблизительно въ 15 дней), при чемъ въ календаряхъ, издаваемыхъ ежегодно „астрономическимъ приказомъ" *(Цинъ-тянь-цзянь)* въ Пекинѣ указываются день и часъ наступленія каждой. Эти перемѣны суть слѣдующія: 1) начало весны (личунь), за полтора мѣсяца до весенняго равноденствія, 2) дождевыя воды (юй-шуй), чрезъ 15 дней послѣ предыдущей, 3) пробужденіе куколокъ насѣкомыхъ, 4) весеннее равноденствіе (чунь-фынь), 5) ясная погода (цинъ-минъ; въ это время по всему Китаю поминаютъ покойниковъ и гуляютъ на кладбищахъ), 6) хлѣбные дожди, 7) начало лѣта, 8) малое наливаніе хлѣбовъ, 9) созрѣваніе хлѣбовъ (на югѣ Китая), 10) лѣтній поворотъ (ся-чжи), 11) малыя жары, 12) большія жары, 13) начало осени, 14) конецъ жаровъ, 15) бѣлая роса, 16) осеннее равноденствіе, 17) холодная (замерзающая) роса, 18) паденіе инея, 19) начало зимы, 20) малые и 21) больщіе снѣга, 22) зимній поворотъ (дунъ-чжи), 23) малые и 24) больщіе морозы. Изъ нихъ считается 8 главныхъ (начало каждаго времени года, равноденствія и повороты) и 16 второстепенныхъ перемѣнъ" [1]).

По существу это дѣленіе климатическихъ смѣнъ года основано на наблюденіяхъ надъ дѣйствительностью, при чемъ комбинируются выдающіяся климатическія явленія различныхъ частей Китая. И, повидимому, климатическія условія Китая, въ виду рѣзкой опредѣленности особыхъ факторовъ ихъ, какъ окраинныя возвышенности, океанъ, почти столь же колоссальныя пространства суши съ запада и вытекающіе отсюда муссоны, гораздо ближе къ правильной періодичности, нежели во многихъ другихъ странахъ.

8. Къ стр. 43 5.

Къ новому году китайцевъ, въ издающемся въ Шанхаѣ нѣмецкомъ журналѣ [2]), высказаны пять добрыхъ пожеланій по адресу Китая. Это суть: дѣйствительное умиротвореніе страны, чрезъ упорядоченіе администраціи и полицейской службы; улучшеніе судоустройства; податная реформа; развитіе лѣсного хозяйства; приступъ къ мѣропріятіямъ по санитарному благоустройству.

---

[1]) *А. Ивановскій. Китай.* Стр. 177—8.

[2]) *Fuenf Neujahrswuensche fuer das Reich der Mitte.* Der Ostasiatische Lloyd. 22 Januar 1909.

Относительно податнаго дѣла авторъ указываетъ на крайнюю неравномѣрность и неопредѣленность величины налоговъ, на вымогательства со стороны низшей администраціи и на встрѣчающіеся факты оставленія безъ обработки непомѣрно обложенныхъ полей.

Что касается лѣсного хозяйства, то указывается на быстрое истребленіе лѣсовъ. Горные склоны лишаются растительности вслѣдствіе безсовѣстнаго поджиганія, уцѣлѣвшая же при этомъ растительность безжалостно срубается прежде, чѣмъ успѣетъ вырасти. Благодаря этому, страна въ недалекомъ будущемъ вовсе лишится собственнаго древеснаго топлива, не говоря уже о строительномъ лѣсѣ, если только не будетъ приступлено къ правильному лѣсоразведенію со стороны государства, мѣстныхъ общинъ и союзовъ для лѣсного хозяйства, чѣмъ будетъ созданъ новый важный и вѣрный источникъ дохода и будетъ предупреждено возрастаніе до непомѣрной величины затратъ на полученіе строительнаго лѣса извнѣ. Происшедшее уже истребленіе лѣсовъ имѣетъ послѣдствіемъ съ одной стороны наводненія, съ другой же—затруднительность орошенія рисовыхъ полей. Автору цитируемой журнальной замѣтки извѣстны нѣкоторыя, прежде судоходныя рѣки, превратившіяся послѣ истребленія питавшихъ ихъ лѣсовъ въ жалкіе ручьи.

9. Къ стр. 43.

Вотъ нѣкоторые, относящіеся сюда, отзывы.

E. et O. Reclus.—„Китайское земледѣліе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, крайне несовершенно. Китаецъ держитъ очень мало скота". „Отсюда вытекаетъ, что земледѣлію не хватаетъ здѣсь не рабочей силы, но удобреній" 1).

„Подобно многимъ другимъ странамъ, Китай страдаетъ отъ односторонней культуры (monoculture) и, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ другія страны, онъ долженъ страдать—при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ почвы и климата и, несмотря на рутину, при крайнемъ усердіи и высшей искусности (ingenuosité) поселянъ. Китай пользуется выгодами интенсивной культуры на пятидесяти милліонахъ гектаровъ земель, обрабатываемыхъ до крайности, но онъ имѣетъ заброшенными 3.500.000 кв. килом. остальной поверхности" 2).

1) L. c., p. 490.
2) Idem, p. 496.

Legendre.—„Усиленная обработка все тѣхъ же земель, безъ возможнаго возстановленія чрезъ достаточное удобреніе, выбранное какъ разъ для возвращенія частицъ, отнятыхъ урожаемъ, естественно, имѣетъ слѣдствіемъ пониженіе производительности, ежегоднаго сбора". „Зерно мелкое, тощее и еще понижается чрезмѣрнымъ высыханіемъ вслѣдствіе поспѣшной жатвы ранѣе полнаго созрѣванія". „Съ фруктами поступаютъ такимъ же образомъ. Сорванные незрѣлыми, они быстро портятся, и половина урожая пропадаетъ безъ пользы для производителя" 1).

Richard-Kennelly.—„Примѣняемые [въ земледѣліи] способы остаются въ предѣлахъ совершенно зачаточной стадіи, и улучшенія, достигнутыя въ другихъ странахъ, лишь мало извѣстны. Орудія грубы и несовершенны, удобреніе недостаточно, и плодосмѣнъ почти никогда не проведенъ. Нѣтъ молотилокъ; приборы для полировки рисоваго зерна и для очистки хлопка отъ сѣмянъ совершенно первобытные. Нѣтъ дорогъ, по которымъ было бы возможно доставлять домой собранные продукты на лошадяхъ или буйволахъ. Малый, слабый плугъ работаетъ на поверхности. Если почва производитъ въ изобиліи, то это всецѣло обусловлено плодородностью ея и терпѣливымъ трудомъ земледѣльца" 2).

S. Wells Williams.—„Китайцы скорѣе огородники, нежели земледѣльцы, съ точки зрѣнія незначительной величины ихъ полей. Они не знакомы также со многими техническими пріемами превращенія безплодныхъ отъ природы земель въ плодородныя и поддержанія природной плодородности съ наименьшими издержками посредствомъ подходящаго удобренія и плодосмѣна. Но они возмѣщаютъ эти техническіе дефекты упорнымъ трудомъ. Ихъ земледѣльческія орудія немногочисленны и просты, и, вѣроятно, сходны съ употреблявшимися столѣтія тому назадъ" 3).

Глубокій знатокъ и почитатель Китая, *G. Eug. Simon* обращаетъ вниманіе на положительныя стороны китайской жизни и съ полнымъ основаніемъ констатируетъ таковыя и въ китайскомъ земледѣліи. Онъ отмѣчаетъ равномѣрность въ распредѣленіи землевладѣнія, раціональную постановку арендныхъ отношеній, справед-

1) *Deux Années au Setchouen*, p. 391.

2) L. c., p. 394.

3) *The middle Kingdom.* Revised Edition. New York. 1898. Vol. II. p. 3.

ливый и строго соблюдаемый порядокъ распредѣленія оросительныхъ водъ и общую колоссальность сооруженій для цѣлей орошенія и культивированія земель. Вотъ нѣкоторыя его сужденія по этимъ вопросамъ.

„Въ каждой изъ провинцій, съ населеніемъ отъ 30 до 40 милліоновъ, было бы не легко найти три или четыре владѣнія отъ 300 до 500 гектаровъ, тогда какъ во всѣхъ случаяхъ наиболѣе тщательно воздѣлываемыя не превышаютъ 12 гектаровъ“[1]).

„Каждая деревушка или группа дворовъ основана на системѣ, обезпечивающей обитателямъ не только школу, мѣстную управу и родовой судъ, но и работающихъ на нихъ буйволовъ, мельницу и магазинъ, которыхъ нельзя было бы имѣть имъ порознь, при величинѣ ихъ участковъ“[2]).

„Китайскій налогъ есть также орудіе справедливости и основанъ на принципѣ уваженія къ труду, господствующемъ и надъ частными сдѣлками между землевладѣльцами и арендаторами.

Какъ бы ни были значительны улучшенія, произведенныя арендаторомъ на его владѣніи, собственникъ не можетъ требовать отъ него повышенной ренты свыше положеннаго согласно этого принципа, тогда какъ земледѣлецъ, пожелавшій возвратить землю, имѣетъ право на вознагражденіе за произведенныя его трудомъ улучшенія“[3]).

„Нигдѣ въ Китаѣ не сможетъ богачъ захватить въ свое владѣніе источникъ и отвести его воду въ свой прудъ посредствомъ подземныхъ водостоковъ, оставивъ поверхность земли безъ орошенія. Вода необходима для жизни, какъ солнце, воздухъ, земля. Никто не можетъ присвоить ея. Она принадлежитъ всѣмъ. Это чувство глубоко укоренилось въ Китаѣ. Полевой сторожъ, назначаемый совѣтомъ общества земледѣльцевъ съ обязанностью распредѣлять воду оросительныхъ каналовъ, никогда не подмѣчаетъ ни малѣйшаго погрѣшенія; и совѣтъ, который былъ бы освѣдомленъ о такихъ проступкахъ, если бы они были, въ дѣйствительности имѣетъ лишь

---

1) Стр. 36 англ. изданія: *G. Eug. Simon. China: Its social, political, and religious Life.* From the french. London. 1887. P. 36 (Оригинальное французское изданіе: La Cité chinoise, par G.—Eug. Simon, ancien consul de France en Chine, ancien élève de l'institut national agronomique de Versailles. Paris. 1885. 12°. p.p. 389).

2) Idem, p. 38.

3) Idem, p. 34.

одно дѣло—поддержанія каналовъ, на что каждымъ вносится по 2 сантима съ му“ 1).

„Публичныя работы выполняются по принципу заинтересованности въ нихъ каждаго провинціями, областями, общинами—съ помощью подписокъ, частью добровольныхъ, частью разлагаемыхъ выборными совѣтами соотвѣтственно состоятельности обитателей, при чемъ бѣдняки освобождаются отъ всякихъ взносовъ.

Не представляется необычнымъ выполненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ публичныхъ работъ, какъ мосты или дороги, за счетъ немногихъ богатыхъ людей, которые довольствуются въ награду изображеніемъ ихъ именъ на одномъ изъ камней.

Но наиболѣе изумительныя работы—это выполняемыя обыденно частной предпріимчивостью. .....Что напримѣръ отвѣтили бы наиболѣе предпріимчивые инженеры и капиталисты на предложеніе террасировать всѣ горы? И однако это обыденно выполняется частными лицами, безъ государственной гарантіи или оффиціальной помощи. Подъ вліяніемъ населенія, все болѣе и болѣе скученнаго, подчиненнаго справедливымъ законамъ, собственность распредѣлена такимъ образомъ, что работы—которыя при рѣдкомъ населеніи были бы невозможны или во всякомъ случаѣ потребовали бы огромнаго сосредоточенія силъ—при раздробленіи ихъ сравнительно легко выполняются отдѣльными лицами въ свободное время. Ни одинъ ручей не достигаетъ долины безъ того, чтобы не быть перехваченнымъ разъ двадцать на склонахъ горъ. Также и всѣ террасы, образующія правильную ступенчатую лѣстницу отъ вершины до подошвы горы, представляютъ результатъ труда земледѣльцевъ.

Сѣть водостоковъ въ нашихъ городахъ не такъ часта, какъ оросительныхъ канавъ къ рисовымъ полямъ, сдѣланныхъ руками собственниковъ послѣднихъ. Какъ часто я исполнялся изумленія, наблюдая, какъ они большею частью почти что играючи совершали работы, которыя были бы невыполнимы въ другихъ странахъ“ 2).

Баронъ *Рихтгофенъ*, въ главѣ III своего труда о Шаньдунѣ 3) оцѣнивая земледѣльческую производительность провинціи, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ слѣдующую общую характеристику „интен-

---

1) Idem, p. 288—9.

2) Idem, p. 207—8.

3) *Schantung und seine Eingangspforte Kiautschou*, S. 106—8. 113.

сивнаго земледѣлія китайцевъ". „Старинные методы доведены до высокаго совершенства. Китай вообще замѣчателенъ тѣмъ, что во всемъ малыя средства примѣняются и приводятся къ цѣлесообразному развитію, и этимъ достигаются колоссальные результаты". „Почва разрыхляется удобными сошниками; затѣмъ сѣмена либо сѣются, какъ у хлѣбовъ, въ длинныхъ параллельныхъ бороздахъ, либо, какъ при стручковыхъ растеніяхъ, сажаются въ отверстія, продѣланныя рядами. На сѣмена выливается лопаточками жидкое удобреніе или сыплется сухой размолотый компостъ, и затѣмъ борозды или отверстія закрываютъ. Часто воздѣлываютъ два рода растеній, какъ пшеницу и бобы, на одномъ участкѣ, причемъ первую сѣютъ въ бороздахъ на нѣсколько большемъ разстояніи и, послѣ того какъ пшеница поднимется, садятъ бобы промежуточными рядами". „Орошеніе представляетъ главный вопросъ". „Полевыя земли во всемъ Китаѣ вслѣдствіе обработки въ теченіи тысячелѣтій подверглись полному истощенію. Здѣсь не даютъ землѣ отдыхать; каждый годъ съ того же участка снимаютъ, въ зависимости отъ климата, отъ одного до трехъ урожаевъ. Это разумѣется, возможно лишь благодаря тому, что почвѣ каждый годъ и притомъ не разъ, но большею частью по три и до пяти разъ, возвращаются частицы, потребныя для питанія растеній. Это происходитъ относительно минеральныхъ удобреній ненамѣренно при орошеніи, къ чему присоединяется сознательное примѣненіе органическихъ удобреній". „Наиболѣе выдается по значенію человѣческое удобреніе, для собиранія котораго повсюду имѣются антиэстетическія устройства". „Дальнѣйшее возвышеніе производительности можно представить себѣ съ одной стороны чрезъ расширеніе воздѣлыванія доходныхъ культуръ, какъ шелководство и хлопокъ, съ другой стороны—чрезъ введеніе лучшихъ сортовъ, какъ въ плодовомъ садоводствѣ, и чрезъ введеніе новыхъ культуръ, примѣромъ чему является воздѣлываніе мака".

„Китайцы имѣютъ въ различныхъ отношеніяхъ сомнительную выгоду не затрачивать особыхъ полей подъ кормовыя растенія для значительнаго количества скота; нѣтъ и луговъ, а на ровной поверхности нѣтъ обширныхъ пастбищъ. Это усиливаетъ возможность густого населенія".

„....Дѣйствительное средство къ поднятію землепользованія могло бы представиться въ облѣсеніи горъ. Первымъ шагомъ къ этому будетъ распространеніе дешеваго каменнаго угля для то-

плива. Лишь тогда гибельное истребленіе случайной растительности частью прекратится само собою, частью сможетъ быть устранено закономъ. Своего прежняго состоянія горы, правда, не могутъ достичь; для этого скалы уже слишкомъ обнажились. Но будетъ укрѣплена остающаяся еще почва, и, если кустарникъ, обыкновенно покрывающій въ этихъ широтахъ въ Китаѣ вызвышенности, опять займетъ мѣсто, влажность будетъ уже лучше сохраняться почвой, нежели теперь, когда при сухомъ вѣтрѣ почва быстро пересыхаетъ. Облѣсеніе можетъ, разумѣется, произойти только искусственно и требуетъ много времени".

10. Къ стр. 43.

Мнѣніе объ архаичности и рутинности китайскаго земледѣлія необходимо во всякомъ случаѣ принимать съ извѣстными ограниченіями. Съ одной стороны, своеобразность столь обширной и многолюдной страны съ самостоятельной до послѣдняго времени цивилизаціей необходимо должна сохраниться какъ въ системѣ земледѣлія, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Безъ сомнѣнія, не только бытовыя условія, но и естественныя условія поверхности, почвы, климата, атмосферныхъ осадковъ и вѣтровъ требуютъ извѣстнаго приспособленія къ нимъ какъ въ выборѣ земледѣльческихъ культуръ, такъ и въ технической постановкѣ послѣднихъ. Что въ нихъ представляется устарѣлымъ и подлежащимъ устраненію, что имѣетъ длящееся полезное значеніе и должно впредь сохраниться въ числѣ разумныхъ особенностей китайскаго земледѣлія, что наконецъ, можетъ съ пользою быть заимствовано у д. Востока земледѣльцами другихъ странъ, представляетъ проблему, для разрѣшенія которой необходимы обширныя агрономическія познанія и непредубѣжденно поставленные опыты. Такъ, быть можетъ, уже недостатокъ удобреній, общая односторонность земледѣлія, сильные вѣтры и ливни достаточно оправдываютъ грядковую культуру въ Китаѣ для того, чтобы не искать въ этой земледѣльческой системѣ образецъ, которому должно слѣдовать въ другихъ странахъ съ совершенно иными бытовыми и естественными условіями [1])?

---

[1]) *I. I. Rein* указываетъ, что въ Японіи примѣняются три способа засѣва: съ руки, рядовымъ посѣвомъ (drilling) и грядковою разсадкою (row-planting). Посѣвъ съ руки, при всѣхъ стараніяхъ сѣяльщика, вообще не отличается равномѣрностью. Разсадка примѣняется въ самыхъ малыхъ хозяйствахъ, тогда какъ рядовой по-

Съ другой же стороны, на протяженіи вѣковъ, какъ и въ послѣднюю эпоху, въ системѣ земледѣлія въ Китаѣ имѣли мѣсто весьма существенныя измѣненія прогрессивнаго характера. Земледѣліе вмѣстѣ съ колонизаціей распространялось на окраинахъ, примѣнительно къ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ ихъ. Получили широкое распространеніе и національный характеръ различныя земледѣльческія культуры, заимствованныя извнѣ; сюда, напр., принадлежатъ, вѣроятно, даже рисъ, затѣмъ чай, хлопокъ, гречиха, маисъ, сладкій и обыкновенный картофель, весьма многіе фрукты и овощи, табакъ, опіумъ и др. Воздѣлываніе мака для полученія опіума, весьма выгодное съ точки зрѣнія доходности, получило распространеніе въ послѣднюю эпоху. Попытки насажденія шелководства вновь и расширеніе шелководства относятся также къ новѣйшей эпохѣ.

При отсутствіи техническихъ познаній и удобныхъ сообщеній, которыми располагаютъ другія страны, при относительно слабомъ развитіи внѣшней торговли и обрабатывающей промышленности, обусловливающихъ высшее развитіе земледѣлія, нельзя примѣнять слишкомъ строгіе критеріи къ оцѣнкѣ земледѣлія въ Китаѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ будущемъ предстоитъ развитіе выгоднаго спроса на земледѣльческіе продукты со стороны возростающаго неземледѣльческаго населенія и обрабатывающей промышленности, распространеніе новыхъ выгодныхъ отраслей земледѣлія и на ряду съ этимъ повышеніе техники земледѣлія, увеличеніе запаса различныхъ удобреній, развитіе удобныхъ сообщеній и пр.. Лишь при наличности указанныхъ условій въ любой странѣ земледѣліе достигало и могло достичь высокой степени процвѣтанія и вмѣстѣ съ тѣмъ освободиться отъ накопившейся въ немъ рутины.

11. Къ стр. 47.

I. I. Rein указываетъ, что рисъ по урожайности превосходитъ другіе зерновые злаки, давая отъ 30 до 40 бушелей (въ 20—25 килогр.) на 1 акрѣ (или 100—165 пудовъ съ десятины). Въ Японіи лучшія рисовыя поля приносятъ 58 гектол. съ гектара риса очищеннаго, средній же урожай составляетъ 27.₅ гектол. очищеннаго

сѣвъ производится механически. Въ то время какъ въ Германіи посѣвъ съ руки представляетъ общее правило, въ южной Франціи (напр., вокругъ Бордо) распространился рядовой посѣвъ, и зимніе посѣвы представляютъ узкія полосы, какъ въ Японіи. (*Rein*, l. c., p. 33—4).

риса или 36.₈ гектол. падди (рисъ въ шелухѣ). Въ сѣв. Италіи, гдѣ примѣняется плодосмѣнъ, высшій урожай достигаетъ 70 гектол. на гектаръ и средній—40 гектолитровъ. Болѣе высокій урожай въ этой странѣ приписывается плодосмѣну и посѣву съ руки, отчасти же большей плодородности почвы. По мнѣнію *Rein*'а, „японская рисовая культура никоимъ образомъ не стоитъ на уровнѣ рисовой кутьтуры Сѣв. Италіи, какъ въ отношеніи раціональной постановки, такъ и результатовъ" [1]). Китайская же рисовая культура вообще не превосходитъ японскую. Для Остъ-Индіи [2]) въ благопріятный сезонъ и съ хорошей почвы средне-разсаженный рисъ даетъ урожай около 2.400 англ. ф. падди на акръ (около 176 пудовъ съ десятины), но при свободномъ посѣвѣ отъ руки и рядовомъ посѣвѣ урожай значительно меньше.

Въ Chinese Repository [3]) средняя урожайность риса, слѣдуя *Barrow*, опредѣляется въ самъ 30. Для сѣверной Кореи *Вебель* [4]) показываетъ хорошій урожай риса въ 20 самъ и плохой—въ 5,6 самъ. Въ Маньчжуріи, въ окрестностяхъ Тѣлина, изъ 28 ф. риса получаютъ въ среднемъ 300 фунтовъ [5]).

Вопросъ о санитарномъ значеніи болотной культуры риса въ Китаѣ не существуетъ. Въ цитированной уже замѣткѣ о культурѣ риса въ Chinese Repository (vol. III) категорически высказывается, что продолжительныя работы на заболоченныхъ рисовыхъ поляхъ не оказываютъ замѣтнаго вреднаго вліянія на здоровье земледѣльцевъ. Между тѣмъ въ южной Европѣ рисовая культура признается опасною для здоровья населенія [6]).

12. Къ стр. 50—2.

Какъ сообщаетъ *И. Клиненъ* [7]) со словъ извѣстнаго знатока чайнаго дѣла г. *Мальгина*, почвы въ чайныхъ округахъ отличаются

---

[1]) *I. I. Rein*, l. c., p. 39, 43.

[2]) *The Imperial Gazetteer of India. The Indian Empire.* vol. III. Economic. New Edition. 1907, p. 29.

[3]) Vol. III, Year 1834—5, p. 231—4.

[4]) *Поѣздка въ Корею лѣтомъ 1889 г.*, Сборникъ географическихъ матеріаловъ по Азіи, вып. XLI; стр. 164).

[5]) *Путята. О поѣздкѣ по Маньчжуріи* въ 1888. Стр. 53.

[6]) *V. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Ausgang aus Asien.* 7 Aufl. 1902. S. 500—1.

[7]) Н. с., ч. III, стр. 50—51.

крайнимъ разнообразіемъ, и качество и сортъ чая самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ качествомъ почвы. Наилучшими представляются красныя почвы, также различающіяся между собою по оттѣнкамъ, и наихудшими—сѣрыя и синевато-сѣрыя. Полныя, безъ плѣшинъ, плантаціи съ числомъ кустовъ въ 7—7½ тысячъ на десятинѣ, могутъ дать урожай на этой площади до 18 пудовъ, но обыкновенно даютъ гораздо меньше. Одинъ фунтъ чернаго чая выходитъ изъ 5⅓ ф. зеленаго чая, причемъ за сборъ платится рабочему около ½ коп. съ 1 фунта свѣжаго листа. Согласно приводимыхъ *Клингеномъ* отзывовъ *Малыгина* и другого знатока г. *Литвинова*, въ качествѣ китайскихъ чаевъ произошло вообще скорѣе улучшеніе, нежели ухудшеніе: китайцы стали собирать листъ ранѣе прежняго и заботятся о сохраненіи аромата. По приводимымъ тѣмъ же авторомъ сообщеніямъ г. г. *Чиркова* и *Панова* (всѣ четыре названныя лица—выдающіеся спеціалисты чайнаго дѣла въ Ханькоу), на качествѣ чаевъ отражается также погода, а развивающаяся, при оживленіи спроса, спекуляція, въ силу которой заботятся лишь о скорѣйшей заготовкѣ наибольшаго количества чаевъ, приводитъ иногда къ пониженію качества чаевъ; по мнѣнію г. г. Чиркова и Панова, прочное улучшеніе чайнаго дѣла въ Китаѣ можетъ быть достигнуто лишь съ введеніемъ механической обработки чая въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ, существующая же постановка дѣла ведетъ къ потерѣ чайнаго сока, къ неоднокачественности готоваго чая и къ напрасной потерѣ значительной части матеріала. По приведенному Клингеномъ (стр. 61) учету г. *Панова*, поселяне выручаютъ съ чайныхъ плантацій среднихъ размѣровъ до 30 р. съ 1 десят. по разсчету. Но обыкновенно поселяне воздѣлываютъ чай въ перемежку съ бобами, фасолью и др. культурами, получая не болѣе 7 пуд. чая съ 1 десят., изъ коихъ первый сборъ составляетъ обыкновенно ⅔. Лучшіе хозяева до пяти разъ въ лѣто окапываютъ взрослые кусты. Чайныя плантаціи мало удобряются, и только обрѣзаются (для освѣженія) самые старые кусты.

Согласно донесенія нашего консула въ *Фучжоу* 1) на пространствѣ нашей десятины размѣщается отъ 4 до 5 тысячъ кустовъ, при чемъ въ среднемъ съ одного куста собирается за годъ около ⅕, десятина же даетъ въ годъ отъ 800 до 1.000 ф. чая. Выручка

1) Сборникъ конс. донес. 1908. Вып. I.

плантаторовъ, кредитующихся на тяжелыхъ условіяхъ для полученія оборотнаго капитала, почти полностью уходитъ изъ ихъ рукъ, вслѣдствіе чего плантаторы относятся къ упадку чайной промышленности въ общемъ равнодушно и начинаютъ замѣнять ее въ районѣ *Фучжоу* посѣвами сладкаго картофеля.

Въ успѣшной конкурренціи со стороны цейлонскихъ чаевъ имѣютъ значеніе не только болѣе совершенная обработка листа, но и натуральныя качества листьевъ. Въ послѣднемъ отношеніи китайскіе и цейлонскіе чаи существенно различаются между собою. Цейлонскіе чаи даютъ болѣе крѣпкій по вкусу и окраскѣ настой, но и вредно отражающійся на нервной системѣ потребителей. Напротивъ, китайскіе чаи отличаются качествомъ букета и гигіеничностью. Потребители болѣе разсчетливые или предпочитающіе крѣпкій настой оказываютъ предпочтеніе цейлонскимъ чаямъ. Среди китайскихъ чаевъ имѣются (въ Фучжоу и Кантонѣ) наряду съ средними и низшими сортами также высокіе, цѣнные сорта, какъ цвѣточные и желтые, тогда какъ этихъ сортовъ вовсе нѣтъ на о. Цейлонѣ и въ Остъ-Индіи. Къ невыгоднымъ условіямъ сбыта китайскихъ чаевъ принадлежатъ еще трудность и высокія издержки по доставкѣ чаевъ въ портъ отправленія, а также значительное обложеніе, внутреннее и при вывозѣ. Вывозная пошлина на чай одна составляетъ 2.₅ *ляна* съ 1 *пикуля* чая. Далѣе, не лишена значенія постановка сбыта цейлонскихъ чаевъ, удобная для иностранныхъ коммерсантовъ и сопровождающаяся широкимъ рекламированіемъ въ Британіи. За послѣднее время чайная культура на о. Цейлонѣ нѣсколько вытѣсняется производствомъ каучука, но въ то же время развивается сбытъ явскаго чая[1]).

Въ заключеніе должно отмѣтить не лишенное основательности мнѣніе, высказанное въ десятилѣтнемъ таможенномъ отчетѣ по порту Цзюцзянъ за 1882—91 г. г. (p. 203), что культура чая, разъ она налажена, не представляетъ затрудненій и риска и допускаетъ неограниченное расширеніе производства, съ другой же стороны вкусовыя и гигіеническія качества чая оправдываютъ широкое потребленіе его, лишь пока онъ не дорогъ. Отсюда вытекаетъ невозможность высо-

---

1) *Торговля Фучжоу*. Сборн. конс. донес. 1908, вып. I; *Клингенъ*, н. с., в. 3, стр. 49—67; *Decennial Reports*. I Issue, p. 203, 321—2, 431—2, 498, 553; Idem, II Issue, v. I. p. 302, 408, v. II. p. 84.

кихъ цѣнъ на чай и преимущественный успѣхъ на рынкѣ болѣе дешевыхъ чаевъ.

За послѣднюю четверть вѣка значительно сократился экспортъ китайскихъ чаевъ въ Британію и въ С.-А. Соед. Штаты, въ то время какъ экспортъ въ Россію, колеблясь изъ года въ годъ, достигъ своего максимума въ 1899 г.. Удержанію внѣшняго рынка до нѣкоторой степени могло способствовать послѣдовавшее весною 1902 года пониженіе на половину упомянутой выше экспортной пошлины на чай. Но и послѣ того пошлина остается слишкомъ высокою, достигая $12^1/_2$% стоимости простыхъ (common) чаевъ. Между тѣмъ лицзинъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., *Ханькоу* и *Цзюцзянъ*) былъ равенъ по величинѣ экспортной пошлинѣ, и иные внутренніе сборы не подверглись при этомъ пониженію. Въ то же время конкурирующіе съ китайскимъ чаи другихъ странъ свободны отъ такого обложенія[1]).

Вывозъ чая[2]) изъ Остъ-Индіи, Цейлона и Китая имѣлъ слѣд. размѣры (въ тысячахъ англійскихъ фунтовъ):

Годы.	Индія.	Цейлонъ.	Китай.		Японія.
			Черный и зеленый чай.	Плиточный и кирпичный.	
1896	150.421	110.095	161.539	78.567	45.062
1900	192.801	149.265	144.271	52.191	42.936
1901	182.594	144.276	119.390	42.741	43.984
1902	183.711	150.830	128.227	78.512	43.607
1903	209.552	149.227	140.608	83.814	42.936
1904	214.300	157.930	132.367	61.494	48.058
1905	216.770	170.184	112.153	70.784	38.873
1906	236.090	170.527	108.865	79.506	40.028
1907	228.188	176.845	130.022	84.940	35.036

Въ 1895 году вывозъ чая изъ Японіи достигалъ 53.062 тыс. англ. ф., послѣ чего испыталъ пониженіе (по количеству).

13. Къ стр. 55.

Въ китайской медицинѣ макъ былъ извѣстенъ уже девять вѣковъ тому назадъ. Но объ изготовленіи опіума изъ мака въ Китаѣ впервые стало извѣстно въ 15 вѣкѣ. Потребленіе опіума распространено по-

[1]) *Decennial Reports.* II Issue. Vol. I, p. 482; *Returns of Trade and Trade Reports for the year 1902.* Part I. p. 4.

[2]) Вѣстн. фин., пром. и торг. 1909 г., №№ 3, 1.

чти исключительно въ формѣ куренія. Первоначально опіумъ для куренія примѣшивался въ незначительномъ количествѣ къ табаку, съ которымъ китайцы познакомились въ началѣ 17 в. Въ этомъ видѣ куреніе опіума занесено было около средины 17 вѣка съ о. *Явы* на о. *Тайвань* (Формова), откуда проникло въ Китай. Отдѣльно отъ табака опіумокуреніе возникаетъ около 1800 года. Ввозъ опіума въ Китай португальцами имѣлъ мѣсто съ начала 18 вѣка. Первый указъ противъ опіума относится къ 1729 году, когда годовой ввозъ опіума достигалъ 200 ящиковъ. Указъ не былъ, повидимому, обращенъ противъ ввоза опіума извнѣ, а равно допускалъ примѣненіе опіума для медицинскихъ цѣлей. Къ 1767 г. ввозъ достигъ 1.000 ящиковъ (по 135 и 160 англ. ф. въ ящикѣ); въ 1790 г. было ввезено уже 4.054 ящика. Съ 1773 г. участіе въ импортѣ приняли также англійскіе коммерсанты, достигшіе вскорѣ преобладанія. Рѣшительное воспрещеніе ввоза опіума постановлялось въ указахъ 1796 и 1800 годовъ, но эти указы не дали желаемаго результата. Легализація ввоза опіума послѣдовала добровольно со стороны китайскаго правительства по договору съ Британіей въ 1858 году, съ установленіемъ пошлины въ 30 *лянъ* съ *пикуля*. Къ 1800 году производство опіума въ самомъ Китаѣ было, можетъ быть, значительнѣе внѣшняго ввоза. Такъ, въ 1830 году, хотя и съ значительнымъ преувеличеніемъ, оффиціально заявлялось, что культура мака занимаетъ половину всей площади въ пров. *Чжэцзянъ*. Подобныя же указанія на распространенность производства опіума въ Китаѣ содержатся въ оффиціальной меморіи отъ 1836 года. Внѣшній ввозъ опіума въ 19 в. возросъ до значительныхъ размѣровъ, достигнувъ въ 1879 году $102._9$ тысячъ *пикулей*, но затѣмъ, подъ вліяніемъ развившагося внутренняго производства, значительно понизился и въ послѣднее десятилѣтіе колебался на уровнѣ 50.000 *пикулей*. Внутреннее производство опіума къ послѣднему времени *H. Morse* исчисляетъ въ 376 тысячъ *пикулей*, изъ коихъ 250 т. получаются въ пров. *Сычуань* (и въ значительной части, около 180 т., потребляются въ самой провинціи), 30 т.—въ пров. *Юньнань*, 15 т. въ *Гуйчжоу*, столько же въ *Маньчжуріи*, по 10 т. въ пров. *Шаньдунъ* и *Шэнси*, по 5 т.—въ провинціяхъ *Чжэцзянъ*, *Цзянсу*, *Чжили*, *Шаньси*, *Ганьсу*. Какъ велико общее количество опіума, потребляемаго въ Китаѣ, можно заключить изъ того, что уже потребленіе въ количествѣ $^3/_5$ лота ($^1/_5$ *ляна*) въ сутки гибельно для человѣка. Весьма вѣроятно, впрочемъ,

что благодаря недостаточной интенсивности продукта и подмѣсямъ, значительная часть мѣстнаго опіума оказываетъ менѣе сильное дѣйствіе. Въ 90 годахъ къ опіуму присоединился еще громадный ввозъ морфія; съ установленіемъ въ 1903 г. запретительной пошлины въ размѣрѣ около 200% ad valorem, открытый ввозъ этого яда прекратился, уступивъ мѣсто контрабандѣ.

Имѣющій, безъ сомнѣнія, историческое значеніе, вмѣстѣ съ такимъ же указомъ принципіальнаго характера отъ 20 сентября того же года, указъ 21 ноября 1906 года устанавливаетъ полное искорененіе потребленія опіума въ странѣ въ десятилѣтній срокъ. Статья первая указа относится къ культурѣ опійнаго мака. Земли подъ этой культурой подлежатъ регистраціи. Площадь посѣвовъ подлежитъ сокращенію на $^1/_9$ часть въ годъ. Воспрещается заводить культуру опіума на иныхъ земляхъ. По статьѣ второй лица, уже курящія опіумъ, подлежатъ регистраціи. Потребленіе опіума лицами, не внесенными въ реестры, строго воспрещается. Статья третья предписываетъ курильщикамъ, къ моменту регистраціи не достигшимъ 60 лѣтняго возраста, сокращать свое потребленіе на $^2/_{10}$ или $^3/_{10}$ въ годъ и опредѣлить срокъ полнаго отказа отъ опіума. Лица, не прекратившія куреніе опіума, кромѣ имѣвшихъ къ моменту регистраціи 60 лѣтъ, признаются лишенными чести. Статья четвертая ограничиваетъ раздробительную торговлю опіумомъ и принадлежностями опіумокуренія. По статьѣ пятой опіумокурильни и количество продаваемаго ими опіума подлежатъ регистраціи. Общее потребленіе опіума на уѣздъ подлежитъ постепенному сокращенію, съ полнымъ погашеніемъ въ 10 лѣтъ. Статья шестая предписываетъ широкое распространеніе лѣчебныхъ средствъ противъ привычки къ куренію въ видѣ пилюль, не содержащихъ опіума или морфія. Статья седьмая поощряетъ учрежденіе антиопійныхъ обществъ. Статья девятая предписываетъ чиновникамъ, кромѣ достигшихъ уже 60 лѣтъ, отказаться отъ потребленія опіума въ шестимѣсячный срокъ.

Вслѣдъ за этимъ указомъ, съ согласія британскаго представителя въ Пекинѣ, установлено ежегодное сокращеніе внѣшняго ввоза опіума на $^1/_{10}$, исходя изъ средняго ввоза послѣднихъ пяти лѣтъ, и распространеніе выше изложенныхъ мѣръ на всѣ иностранные сетльменты.

Указъ отъ 20 сентября 1906 года имѣлъ, вѣроятно, нѣкоторое отношеніе къ резолюціи британской палаты общинъ и заявленію

представителя правительства въ маѣ 1906 года. При этомъ палата общинъ высказалась, что индійско-китайская торговля опіумомъ противорѣчитъ нравственнымъ принципамъ и должна быть въ короткомъ времени прекращена. Лордъ Морлей въ палатѣ общинъ выразилъ отъ лица правительства Остъ-Индіи и Британіи готовность, хотя бы и съ нѣкоторыми пожертвованіями для себя, поддержать серьезныя мѣропріятія Китая въ этомъ направленіи.

Во исполненіе и въ развитіе вышеупомянутыхъ указовъ въ теченіи 1907 и 1908 г. г. послѣдовалъ рядъ новыхъ указовъ китайскаго правительства и иныхъ мѣропріятій центральныхъ и провинціальныхъ властей. Въ общей сложности всѣ эти мѣропріятія показываютъ, что это исключительно трудное и важное начинаніе настойчиво проводится и увѣнчается должнымъ успѣхомъ, при чемъ страна не только въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ освободится отъ широко распространившагося яда, во всѣхъ отношеніяхъ угрожающаго благосостоянію націи, но попутно административная система страны пройдетъ хорошую школу, особенно полезную въ виду предстоящихъ въ Китаѣ преобразованій. Представленные британскому парламенту въ октябрѣ 1908 года отчеты о торговлѣ въ Китаѣ сообщаютъ достовѣрныя данныя объ этомъ. Въ то время какъ на сѣверѣ и западѣ Китая эти мѣропріятія должны выразиться ближайшимъ образомъ въ прекращеніи культуры опійнаго мака, на югѣ и востокѣ приходится непосредственно обратиться къ искорененію потребленія опіума. Указанный парламентскій отчетъ удостовѣряетъ замѣтное сокращеніе въ воздѣлываніи мака въ важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи провинціяхъ *Юньнань*, *Гуйчжоу* и *Сычуань*. Въ Юньнани генералъ-губернаторомъ установленъ трехлѣтній срокъ для полнаго прекращенія культуры мака. Въ 1908 году производстю опіума сократилось здѣсь на столько, что вовсе прекратился вывозъ опіума въ другія провинціи, и это вызвало даже кризисъ въ торговлѣ. О сокращеніи воздѣлыванія и потребленія опіума сообщается также изъ двухъ другихъ выше названныхъ провинцій. По свѣдѣніямъ изъ иныхъ источниковъ, благодаря расширенію воздѣлыванія хлѣбовъ, цѣны на нихъ въ пров. Юньнань значительно понизились. Что касается борьбы съ потребленіемъ опіума на востокѣ, то по новѣйшимъ свѣдѣніямъ[1]) изъ области *Юнпинь-фу* (пров. *Чжили*) борьба съ потребленіемъ опіума

[1]) The Nord China Herald. 1909, Febr. 27. (From own Correspondent).

здѣсь хотя и ведется, но имѣетъ результатомъ широкое распространеніе тайной продажи опіума. Изъ состава администраціи въ городѣ никто не преданъ куренію. Посѣвы мака воспрещены впредь, а гдѣ въ послѣдній годъ были сдѣланы, подверглись истребленію.

По отношенію къ искорененію потребленія опіума на югѣ и востокѣ, установленное по соглашенію съ британскимъ представителемъ въ Пекинѣ постепенное сокращеніе внѣшняго ввоза опіума представляетъ недостаточно рѣшительную мѣру. Гораздо болѣе рѣшительную постановку получилъ этотъ вопросъ въ обсужденіи и постановленіяхъ международной комиссіи по торговлѣ опіумомъ и потребленію его въ февралѣ сего 1909 года, въ Шанхаѣ.

Изъ девяти, единогласно принятыхъ, постановленій *Международной опіумной комиссіи* нѣкоторыя спеціально относились къ Китаю и къ странамъ, которыя имѣютъ колоніи на территоріи Китая или со значительнымъ пришлымъ китайскимъ населеніемъ, либо поставляютъ опіумъ въ Китай. Вотъ эти постановленія:

„1. Международная опіумная комиссія признаетъ безусловную искренность стремленій китайскаго правительства къ искорененію производства и потребленія опіума повсюду въ имперіи, усиленіе общественнаго мнѣнія, поддерживающаго эти стремленія, среди отечественнаго населенія, и дѣйствительные, хотя и неравномѣрные успѣхи, достигнутые въ этой обширнѣйшей задачѣ“.

„2. Въ виду мѣръ, предпринятыхъ китайскимъ правительствомъ къ подавленію привычки къ куренію опіума и въ виду подобныхъ же мѣръ другихъ правительствъ. Международная опіумная комиссія приглашаетъ каждую делегацію побудить свое правительство принять мѣры, по соображенію съ различными условіями въ соотвѣтственныхъ странахъ, къ постепенному уничтоженію привычки опіумокуренія въ собственной странѣ или ея колоніяхъ“.

„4. Международная опіумная комиссія освѣдомилась, что каждое изъ представленныхъ правительствъ имѣетъ опредѣленные законы, прямо или косвенно воспрещающіе контрабандный ввозъ опіума, его соединеній, производныхъ и препаратовъ. По мнѣнію Международной опіумной комиссіи, является обязанностью всѣхъ державъ принять соотвѣтственныя мѣры къ воспрещенію въ вывозныхъ портахъ погрузки опіума, его соединеній, производныхъ и препаратовъ для какой либо изъ странъ, воспрещающихъ ввозъ къ себѣ опіума, его соединеній, производныхъ и препаратовъ“.

„7. Международная опiумная конференцiя приглашаетъ всѣ правительства, обладающiя концессiями или поселенiями въ Китаѣ и еще не принявшiя дѣйствительныхъ мѣръ къ закрытiю опiумокурилень въ этихъ своихъ концессiяхъ или поселенiяхъ, экстренно и безотлагательно принять мѣры въ этомъ отношенiи по соотвѣтствiю съ тѣми, которыя уже проведены различными правительствами“ [1]).

Прекращенiе какъ внутренняго производства, такъ и потребленiя опiума получитъ, несомнѣнно, чрезвычайное значенiе и для земледѣльческой промышленности въ Китаѣ. Вѣроятнымъ послѣдствiемъ искорененiя опiума будетъ развитiе производства и потребленiя табака, крѣпкихъ напитковъ и сахара, а также расширенiе иныхъ доходныхъ отраслей земледѣлiя.

14. Къ стр. 61,76.

Съ начала XX вѣка возникъ и обнаруживаетъ весьма быстрое возрастанiе вывозъ изъ порта *Фучжоу* камфары. Причиною этого послужило, въ связи съ развивающимся спросомъ для военныхъ надобностей, почти полное изчезновенiе камфарной промышленности на о. *Тайвань*. Въ этомъ экспортѣ заинтересованы англiйскiе и японскiе коммерсанты, перенесшiе свою дѣятельность изъ названной японской колонiи, а равно и тѣ изъ англичанъ, которые, занимаясь прежде чайной торговлей, остались безъ дѣла вслѣдствiе упадка чайной торговли въ Фучжоу [2]).

15. Къ стр. 61.

Отрицательное мнѣнiе о цѣлебной силѣ корня жэнь-шэнь не представляется въ европейской научной литературѣ всецѣло господствующимъ. Къ заключенiямъ, подтверждающимъ медицинское зна-

---

1) *H. B. Morse. The Trade and Administration of the Chinese Empire.* Shanghai. 1908, p. 322—351, 434—40; *Marshall Broomhall. The present position of the antiopium movement.* The Imperial and Asiatic Quarterly Review. January, 1909; *Der Ostasiatische Lloyd.* 1908, № 27 (въ защиту опiума), № 29 (возраженiе); 1909. 5 Marz. № 10 *(Die Beschluesse der Opiumkommission)*; см. также: *Opium,* by *Lethbrige.* Palgrave's Dictionary of Political Economy. Appendix. 1908.

2) *Торговля Фучжоу.* Сб. конс. донес., 1908, в. 1. стр. 27.

ченіе растенія и методы использованія его, пришелъ и *М. Я. Галвяло* въ своей диссертаціи: *Жэнь-шэнь. Матеріалы къ химическому составу китайскаго корня „Сань-Самъ"*. Спб. 1906.

16. Къ стр. 68.

Свѣдѣнія о земледѣльческихъ продуктахъ пров. *Гуанси* содержатся въ *Decennial Reports*. II Issue, v. II. Report from Wuchow, Lungchow (въ особ. 274, 318—320, 440); Idem, I Issue. Report from Lungchow (въ особ. 655—60); Kennelly, l. c., p. 198.

17. Къ стр. 72.

Благодаря замѣчательной системѣ орошенія, при жаркомъ субтропическомъ климатѣ, каменистое плато, на которомъ расположенъ главный городъ провинціи, превращено въ исключительно-плодородную мѣстность съ повышенною (въ отношеніи 7:4) производительностью почвы по сравненію съ обычными рисовыми полями. Цѣнность земли за акръ опредѣляется здѣсь въ 70 ф. стерл. (равно 1.785 р. за 1 десят.). Урожай раздѣляется въ пров. *Сычуань* поровну между землевладѣльцемъ и арендаторомъ 1).

Долина *Чэнду* представляетъ въ общихъ чертахъ параллелограмъ около 70 миль съ юго-зап. на сѣв.-вост. и около 40 миль съ сѣв.-зап. на юго-вост., площадью около 2.800 (англ.) кв. миль и съ населеніемъ около 5 милліоновъ. Густая населенность обезпечиваетъ значительное количество удобреній. Долина имѣетъ равномѣрный уклонъ, всего около 700 футъ, съ сѣвера на югъ, чѣмъ значительно облегчается орошеніе. Главный запасъ воды получается изъ р. *Минь*, для чего прорѣзанъ каналъ чрезъ горную цѣпь. Орошеніе достигается громадной сѣтью каналовъ, обсаженныхъ деревьями. На протяженіи 30 миль выше долины текучія воды собраны въ рѣки и каналы, съ массивными береговыми сооруженіями на всѣхъ нихъ и не менѣе, чѣмъ съ 14 мостами. Первоначальное сооруженіе оросительной системы, съ устройствомъ канала чрезъ горную цѣпь, китайская исторія относитъ за 2.100 лѣтъ до нашего времени. Издержки по содержанію сооруженій и возобновленію разборной плотины покрываются сборами въ размѣрѣ 0.015 и 0.010 л. съ акра, въ

1) *Little*, l. c., p. 78—90; Journal of the China Branch of the R. A. S., vol. XXXIII. *Joshua Vale. Irrigation of the Cheng tu Plain.*

зависимости отъ снабженія водою отдѣльныхъ мѣстностей долины.

18. Къ стр. 72.

На основаніи собранныхъ имъ при путешествіи свѣдѣній. *Betz*[1]) сообщаетъ, что въ области *Шуньцинъ* наибольшая часть земли находится въ арендѣ и притомъ главнымъ образомъ очень малыми клочками. Прекращеніе аренднаго договора зависитъ отъ воли съемщика. По общему правилу арендаторъ уплачиваетъ собственнику арендныя деньги *(я-тянь)* и часть осенняго сбора риса. Арендныя деньги колеблются между 30 и 50 % годичнаго сбора неочищеннаго отъ шелухи зерна *(гу-цзы)*. Съемщикъ удерживаетъ изъ доли землевладѣльца натурою 10—15 % роста на выплаченныя имъ арендныя деньги. Расчеты въ арендныхъ договорахъ ведутся на *тяо*=140 *гинь* зерна въ шелухѣ, дающаго 60 % чистаго зерна. Доля собственника въ урожаѣ бываетъ различная, составляя вообще 1/2 урожая, но иногда достигая даже 1/5 урожая. Однако это относится всегда только къ главному изъ воздѣлываемыхъ на полѣ хлѣбовъ, тогда какъ прочіе продукты сполна принадлежатъ арендатору. Налогъ вносится собственникомъ земли. Въ провинціи *Сычуань* землевладѣніе опредѣляется не въ площади земли, а въ количествѣ продукта, т. е. въ упомянутыхъ *тяо* или въ *дань-гу-цзы* (=230 *гинь*).

19. Къ стр. 92—3.

R. Pieper, на основаніи многолѣтняго опыта, сообщаетъ слѣдующее относительно разведенія овощей и плодовыхъ растеній въ *южномъ Шаньдунь*[2]) Тамошняя почва отличается вообще обильнымъ содержаніемъ селитры, которая при сухой погодѣ даже въ садахъ выступаетъ въ видѣ кристалловъ. Примѣняемая для поливки вода также не безупречна. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя овощи и въ особенности цвѣты идутъ плохо. Изъ овощей особенно удаются спаржа, томаты, красная свекла, салаты, шпинатъ, огурцы, тыквы и дыни, также какъ лукъ, порей и рѣпчатый лукъ. Изъ всѣхъ ово-

[1]) *Dr. Betz. Eine Reise in Szechuan.* Mitteilungen des Seminars fuer Orientalische Sprachen. Jahrg. IX, Erste Abteilung. Berlin. 1906. S. 12—13.

[2]) *R. Pieper. Kultur europaeischer Gemuese und Obstsorten in Sued-Shantung.* Der Ostasiatische Lloyd. 22 Januar 1909.

щей наилучше идетъ спаржа, которая здѣсь можетъ давать два полныхъ сбора въ годъ. Въ дикомъ видѣ спаржа растетъ въ районѣ Пекина, гдѣ ее собираютъ и продаютъ какъ овощь. Томаты китайцами называются *цай—шицзы,* т. е. овощи—шицзы (см. стр. 58). Томатовые кусты здѣсь достигаютъ трехъ метровъ вышины, требуютъ мало ухода и даютъ хорошій урожай. Китай вообще можно назвать страной огурцовъ, тыквъ, дынь и лука. Распространено также воздѣлываніе шпината и супныхъ кореньевъ. Морковь сѣется китайцами уже послѣ сбора пшеницы. Картофель можетъ дать два урожая въ годъ, но вообще не подходитъ къ мѣстнымъ условіямъ земледѣлія, такъ какъ клубни разростаются мало и вынутый картофель плохо сохраняется. Всѣ сорта капусты, кромѣ кольраби и римской капусты, воздѣлываемой кое-гдѣ и китайцами, очень зависятъ отъ погоды и идутъ далеко не такъ хорошо, какъ въ Европѣ. Земляника идетъ главнымъ образомъ въ листву и даетъ кислыя ягоды. Изъ цвѣтовъ лучше всего развиваются цинніи и бальзамины. Фрукты въ Китаѣ большею частью водянисты и безвкусны. Это относится къ яблокамъ, грушамъ, въ особенности же къ вишнямъ и сливамъ. Но доставленные изъ другихъ странъ саженцы даютъ плоды хорошаго качества. Яблоки и груши страдаютъ отъ различныхъ враговъ, какъ древесные черви и майскій жукъ. Китайцы получаютъ культурные экземпляры груши прививкой на свободно выросшихъ дичкахъ и яблони—на корневыхъ отросткахъ имѣющихся деревьевъ. Вслѣдствіе этого количество этихъ плодовыхъ деревьевъ у китайцевъ крайне ограниченное. Среди китайцевъ укоренилось убѣжденіе, что зерна яблонь и грушъ не прорастаютъ, и только послѣ того какъ въ хозяйствѣ цитируемаго автора были получены тысячи сѣянцевъ грушъ и яблонь хорошаго качества, китайцы стали отказываться отъ своего предразсудка.

20. Къ стр. 94.

Въ 1904 г. генералъ-губернаторомъ пров. *Чжили* были потребованы отчеты по округамъ и уѣздамъ съ указаніемъ мѣстныхъ продуктовъ. На основаніи этихъ матеріаловъ *Dr. Hauer* представилъ обзоръ производительности отдѣльныхъ частей провинціи, съ

---

[1]) *Dr. Hauer. Die Erzeugnisse der Provinz Tschili.* Mitteilungen des Seminars fuer Orientalische Sprachen. Jahrg. XI, Erste Abteilung. Berlin. 1908. S. 210—64.

указаніемъ преобладающихъ занятій населенія, различныхъ продуктовъ, сбыта ихъ и цѣнъ на нихъ. Какъ видно отсюда, кромѣ указанныхъ на стр. 94, въ провинціи воздѣлываются также слѣдующія растенія: маисъ, пенька, абутилонъ, индиго, табакъ, макъ, земляной орѣхъ, рапсъ, сладкій картофель, чечевица, таро, coix lachryma; овощи: капуста бѣлая, лукъ, огурцы, тыквы, салаты, шпинатъ, бадиджанъ, горчица, красный перецъ, дыни, арбузы; затѣмъ медицинскія растенія, ревень, водяныя растенія и фрукты разныхъ видовъ и сортовъ, между прочимъ груши, яблоки, абрикосы, персики, жужубъ, гранаты, виноградъ, боярышникъ, орѣхи, каштаны, миндаль. Къ другимъ продуктамъ принадлежатъ продукты свиноводства, шкуры разнаго рода, воскъ и медъ, шелкъ, а также спиртъ, получаемый изъ гаоляна и маиса.

Наиболѣе обстоятельно собранныя свѣдѣнія изъ этого обзора относятся къ у. *Миюнь* (область Шуньтянь, иначе Пекинъ). Здѣсь указывается на распространеніе новыхъ отраслей—шелководства и виноградства, для которыхъ мѣстная почва оказывается особенно благопріятною. Въ теченіи уже довольно продолжительнаго времени особое учрежденіе по шелководству (*Цань-сань-цзы*) содержало курсы для обученія этому дѣлу, благодаря чему разведеніе тутовыхъ деревьевъ и шелковичнаго червя получило распространеніе. Нѣкоторымъ препятствіемъ представляется неумѣніе разматывать шелкъ. Но администрація предполагала пригласить опытнаго мастера для обученія этому. Что касается виноградства, то изъ двухъ воздѣлываемыхъ видовъ, съ круглой и удлиненной ягодой, рекомендовалось усиленное воздѣлываніе перваго, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи было возможно перейти къ винодѣлію.

21. Къ стр. 113—18.

Свѣдѣнія о земледѣліи въ Маньчжуріи (въ особенности мѣстныя названія и нѣкоторыя объясненія техническихъ пріемовъ по обработкѣ почвы, изготовленію индиговой краски и вермишели) сообщаются въ недавно вышедшемъ изданіи Общества Китайской Восточной жел. дороги: *М. Козляниновъ. Земледѣліе въ Маньчжуріи и его продукты.* Спб. 1909. Стр. 28.

22. Къ стр. 114—23.

Свѣдѣнія о землевладѣніи и земледѣліи въ южной части *Ляодунскаго* полуострова содержатся въ „*Отчетѣ о поѣздкѣ, совер-*

шенной Д. Покотиловымъ и М. Чеиевымъ весною 1898". Спб. 1898.

23. Къ стр. 120.

Ссылаясь на отчетъ консула въ Мукденѣ журналъ „Asien"[1]) подтверждаетъ болѣе раннее сообщеніе „Торгово-промышленной газеты" отъ 5 апр. (н. ст.) 1908 г.. Для сооруженія сахарнаго завода близъ *Ажэхэ (Ашихэ)* образовалась акціонерная компанія, акціи которой разобраны главнымъ образомъ польскими капиталистами. Акціонерный капиталъ опредѣленъ въ 2 милл. р. Машины заказаны на механическомъ заводѣ въ Варшавѣ. Опыты разведенія свекловицы на мѣстѣ производились съ сѣменами изъ различныхъ странъ, при чемъ наилучшими оказались бельгійскія сѣмена. Свекловица отъ нихъ получилась огромной величины и съ необычайной сахаристостью. Предполагается производить первоначально лишь китайскій сахаръ. Напротивъ, намѣреніе устроить другой заводъ, съ китайскими капиталистами, разстроилось.

По новѣйшимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время заводскія зданія уже заканчиваются постройкою, а потребная для ближайшей сахароваренной кампаніи свекла обезпечена контрактами съ китайцами[2]).

24. Къ стр. 124 и слѣд.

Въ 1907 году изъ округа нашего консульства въ *Урумчи* было вывезено русскоподданными торговцами бараньей шерсти на 609.9 тыс. рублей, хлопка—на 271 т. р., верблюжьей шерсти—на 40.8 т. р., затѣмъ значительное количество звѣриныхъ и скотскихъ шкуръ и кожъ, мѣховъ и кошмы (войлока) разнаго качества, идущей главнымъ образомъ на укупорку товаровъ.

Всего въ *Гученскомъ*, *Хамійскомъ* и *Фоуканскомъ* уѣздахъ и въ *Баркюлкскомъ* и *Гумидійскомъ* приставствахъ насчитываютъ около 70.000 верблюдовъ.

Въ ближайшемъ отъ Урумчи районѣ хлопчатникъ воздѣлывается въ *Турфанскомъ* приставствѣ и въ *Пичанскомъ* уѣздѣ. Всего производится, въ промежутокъ времени съ 20 іюля и до начала сентября, 4 сбора хлопка. Въ Турфанскомъ приставствѣ въ 1907 г. было собрано 100 тыс. пуд. хлопка, противъ 60 тыс. пуд. въ 1906

---

1) Asien. Jahrg. VIII. № 4. 1909, Januar. S. 63.

2) Газета „Дальній Востокъ", отъ 13 марта 1909 г., № 57.

г. Въ 1907 г. посѣвы хлопчатника расширились за счетъ хлѣбныхъ что повело къ вздорожанію хлѣба[1]).

Въ оазисахъ южной Кашгаріи, въ особ. *Хотанъ* и *Чира*, занимаются также шелководствомъ, въ послѣдніе годы сократившимся вслѣдствіе болѣзни шелковичнаго червя. Воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній испытало сокращеніе вслѣдствіе воспрещенія въ 80-хъ годахъ 19 в. вывоза ихъ за предѣлы Китая[2]).

---

[1]) *Русская торговля въ Урумчи.* Сборн. конс. донес. 1908, вып. II. Спб. 1908.

[2]) *Корниловъ*, н. с., стр. 296, 293.

Приложеніе I.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о внѣшней торговлѣ Китая земледѣльческими продуктами въ сырьѣ и въ обработанномъ видѣ и конкуррирующими съ ними иными продуктами.

Прилож

Статистическія свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Китая
номъ видѣ и конкуррирующими

А. Вывозъ китайскихъ про

Всѣ данныя указаны въ тысячахъ (съ точностью до 1/100). Наименованіе
таможенныхъ ляпахъ (см. таблицу мѣръ). Черта въ графахъ указываетъ на

НАИМЕНОВАНІЕ ТОВАРА.	Наименованіе мѣры.	18
		Количество.
Шелкъ-сырецъ, бѣлый	Пикули.	38,2
» » механич. пряжа	»	27,0
» » желтый	»	6,8
» » дикій	»	16,1
» въ коконахъ	»	17,8
» очески	»	44,9
» Шаньдунскій дикій (Pongees)	»	2,6
» ткани	»	18,3
» разн.	»	5,4
Чай черный	»	912,1
» зеленый	»	217,0
» кирпичный черный	»	503,2
» » зеленый	»	63,7
» плиточный	»	16,2
» пыль (Dust)	»	0,3
Хлопокъ-сырецъ	»	418,1
Бобы	»	1,332,7
Жмыхи бобовые	»	1,544,4
Гороховый сыръ	»	—
Сѣмя: кунжутное	»	33,5

ение I-ое.

земледѣльческими продуктами въ сырьѣ и въ обработан-
съ ними иными продуктами.

дуктовъ въ другія страны.

количества означено въ особой графѣ. Цѣнность показана въ (серебр.)
отсутствіе относящихся сюда данныхъ.

96	1901.		1905.		1906.	
Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.
13,285,8	45,1	17,602,7	24,3	13,524,0	27,2	16,485,5
11,126,0	49,9	21,807,2	45,3	27,396,0	45,8	29,614,1
1,894,8	13,7	4,136,6	10,7	3,866,1	11,9	3,214,9
2,403,8	20,5	2,821,5	25,6	8,639,1	25,6	6,373,0
859,0	8,6	643,0	14,2	1,344,3	11,6	1,089,9
2,102,1	66,0	2,664,9	87,2	4,288,5	74,2	3,208,2
589,9	2,7	684,2	3,3	1,041,1	3,7	1,279,1
9,133,1	18,1	9,542,6	12,1	8,897,6	11,8	8,474,8
694,5	—	1,012,9	—	1,396,8	—	1,555,9
19,409,5	665,5	11,408,9	597,0	12,721,2	600,9	12,252,5
5,630,1	189,1	4,397,9	242,1	8,292,5	206,9	7,645,1
4,242,0	244,6	2,129,7	419,8	3,666,3	356,8	4,392,1
509,3	49,0	432,1	98,7	586,8	230,0	2,083,6
364,6	8,6	140,8	4,9	124,0	9,3	255,0
1,1	1,0	3,5	6,8	55,0	0,3	1,0
5,017,9	290,9	4,705,6	789,3	12,029,3	769,5	11,631,1
2,065,8	1,879,2	3,866,0	2,665,5	6,931,9	1,493,6	3,158,4
1,815,2	2,934,5	4,704,7	2,897,9	6,188,3	3,916,0	7,064,1
—	—	—	34,2	179,9	34,1	180,9
140,1	44,9	204,0	575,7	2,349,7	1,070,2	4,512,6

НАИМЕНОВАНІЕ ТОВАРА.	Наименованіе мѣры.	18 ——— Количество.
Сѣмя: хлопковое	Пикули	—
» рѣпное	»	—
» тыквы	»	—
» абрикоса	»	—
Сѣмянные жмыхи	»	—
Анисовое сѣмя (Aniseed,star)	»	6.7
Земляной орѣхъ	»	—
Масло: бобов., земл. орѣха, чайное, дерев. и др.	»	218.5
Масла эфирныя: анис. сѣмени, **лист. cassia и др.**	»	3.1
Волокна: пенька	»	86.0
абутилонъ	»	—
джута	»	—
рами	»	6.3
Соломенная плетенка	»	100.2
Рогожи (Matting)	Свертки	502.0
Цыновки (Mats)	Штучно	17.363.8
Табакъ листовой и **издѣлія**	Пикули	104.8
Фрукты свѣжіе, разн. рода	»	—
» сушеные и консервированные . .	»	—
Кожица, обыкнов. и больш. апельс. . . .	»	—
Опіумъ	»	—
Вермишель и макароны	»	158.0
Камфора	»	2.2
Сало растительное	»	20.0
Cassia lignea	»	71.8
Лѣсъ и дерево всякаго рода	. . .	—
Чернильный орѣхъ	Пикули	26.1
Воскъ бѣлый	»	4.0
Лакъ	»	5.8
Отруби	»	—
Цвѣты лотоса, сушеные	»	49.5
Сафлоръ	»	0.2
Живой скотъ: рогатый, овцы, козы и свиньи	Штучно	—
Птица домашняя	»	—
Яйца свѣжія и консервированныя	»	—
Яичный альбуминъ и желтки	Пикули	—
Кожи коровьи и буйволовыя, невыдѣланныя	Штучно	158.1
» козьи	»	—
» овечьи	»	—

96.	1901.		1905.		1906.	
Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.
—	—	—	659,7	554,6	615,8	522,3
—	—	—	19,8	77,5	127,9	383,2
—	—	—	23,0	212,6	34,6	272,9
—	—	—	10,2	239,1	3,8	68,9
—	—	—	715,1	646,4	907,1	856,2
133,9	11,0	231,6	5,9	131,3	7,0	155,8
—	—	—	114,6	394,2	125,4	453,7
1,421,7	343,4	2,796,7	430,0	3,617,8	555,6	4,865,2
581,1	3,2	655,5	4,6	478,1	7,1	662,6
642,8	174,6	1,337,5	171,2	1,785,4	188,3	1,990,2
—	—	—	5,7	34,2	4,5	22,1
—	—	—	78,0	418,0	165,7	810,3
434,3	10,0	647,5	14,8	157,0	16,0	163,8
3,907,2	94,1	3,590,8	110,2	6,210,7	149,5	8,650,9
1,814,0	495,4	2,165,7	438,0	3,129,3	431,1	3,064,5
719,8	33,334,1	1,291,5	15,956,2	929,8	19,241,3	1,014,3
1,445,1	158,4	2,150,1	161,9	2,787,5	169,5	2,490,4
804,9	—	1,465,9	259,9	694,7	345,8	837,0
			164,6	988,4	154,1	967,0
—	—	—	4,3	63,5	5,5	63,6
—	—	—	3,2	1,328,2	4,7	2,012,1
733,8	173,7	1,128,7	176,2	1,378,0	199,5	1,373,4
67,7	1,4	44,1	5,4	363,9	14,8	1,310,8
175,2	111,3	1,046,3	67,3	633,7	114,1	1,057,4
508,4	55,8	592,0	74,1	1,036,9	63,6	967,0
—	—	1,732,6	—	1,135,2	—	982,5
327,1	35,4	769,7	43,1	834,1	58,1	975,6
440,8	4,2	226,4	4,3	248,8	5,7	415,6
226,3	6,6	176,3	6,6	343,9	7,7	334,3
—	—	—	300,3	466,1	255,8	350,3
234,7	34,9	319,4	49,6	297,0	44,5	307,8
10,8	0,1	3,9	0,08	3,9	0,09	3,2
981,0	233,8	1,758,5	250,0	3,210,1	289,0	3,357,9
—	—	—	2,004,9	476,7	2,351,0	586,1
—	—	—	186,215,7	1,554,6	215,531,8	1,734,2
—	—	—	52,9	467,0	78,9	1,222,2
1,826,3	234,5	4,522,7	187,6	4,951,0	214,5	5,491,9
—	—	—	7,707,6	3,840,8	8,009,1	4,382,1
—	—	—	442,1	248,6	684,8	476,6

НАИМЕНОВАНІЕ ТОВАРА.	Наименованіе мѣры.	18
		Количество.
Кожи прочія	. . .	—
» выдѣланныя (leather)	Пикули	7.3
Шкуры выдѣланныя козъ, козлятъ, ягнятъ, овецъ, собакъ и пр.	. . .	—
» выдѣланныя и невыдѣланныя сурковыя, куньи, енотовыя и пр., хвосты всякіе	. . .	
Шерсть верблюжья	Пикули	20.2
» овечья	»	151.8
» козья (Hair)	»	
Волосъ всякаго рода	. . .	—
Щетина	Пикули	21.9
Птичье перо	»	64.3
» » для украшенія	. . .	
Рога коровьи и буйволовъ	Пикули	11.7
» оленьи (молодые)	»	—
Жиръ свиной	»	—
Сало говяжье	»	11.7
Сахаръ желтый	»	378.8
» бѣлый	»	45.5
» Candi	»	6.5
Сахарный тростникъ	»	—
Самшу (спиртъ)	»	97.3
Бумага	»	266.7
Рыба и пр.	. . .	—
Съѣстные припасы и овощи (кромѣ яицъ) .	. . .	—
Солодковый корень	Пикули	—
Ревень	»	6.3
Имбирь свѣжій и консервированный . . .	»	—
Хинный корень (China-root)	»	19.4
Калганъ (galangal)	»	22.3
Медицинскіе товары	. . .	—

Ввозъ иностранныхъ

Опіумъ	Пикули	48.9
Морфій	Кит. унц.	77.3
Матеріи бумажныя	. . .	—
» изъ шерсти съ бумагой	. . .	—

*) См. примѣч. на стран. II—III.

96.	1901.		1905.		1906.	
Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.
—	—	—	—	34,0	—	88,6
120,7	17,3	366,2	15,7	396,1	15,0	389,8
			—	3,279,4	—	4,319,8
2,645,0	—	3,083,5				
			—	505,9	—	574,3
234,9	14,2	196,3	35,3	674,6	24,8	530,9
1,213,6	134,5	1,609,1	348,0	6,070,2	316,9	4,847,0
			9,2	179,0	4,9	121,5
271,1	—	237,0	—	799,2	—	616,3
714,8	27,3	1,225,0	39,6	2,555,6	41,7	2,756,3
422,1	46,8	568,0	73,7	911,1	79,2	1,065,6
			—	56,6	—	56,6
98,1	8,6	70,1	9,5	72,9	9,5	67,0
—	—	—	1,5	105,6	1,5	105,6
—	—	—	48,0	667,1	49,8	729,0
76,9	38,1	373,1	3,1	31,8	5,9	47,9
1,225,6	745,2	2,576,0	472,2	1,907,5	165,9	700,6
205,3	84,6	431,2	46,6	284,1	7,0	39,9
46,8	0,9	7,0	0,1	2,9	0,1	2,9
—	—	—	253,0	258,0	275,3	297,6
376,1	167,3	717,1	163,8	717,3	163,6	728,1
1,858,0	318,7	2,666,6	—	2,985,5	—	4,063,1
1,012,3	—	1,088,0	—	1,164,3	—	964,7
1,315,0	—	2,732,6	—	2,230,2	—	2,701,0
—	—	—	11,6	195,1	13,7	207,6
174,1	5,5	108,6	8,3	156,1	7,8	170,0
—	—	—	42,1	135,7	47,1	159,1
95,9	19,3	120,7	17,3	87,5	22,8	106,1
38,0	41,1	40,7	10,9	22,9	14,8	29,7
1,163,6	—	1,518,5	—	2,109,3	—	2,430,3

товаровъ въ Китай*).

28,651,6	49,5	32,936,6	51,9	34,070,0	54,2	32,285,1
106,5	138,6	221,0	0,05	0,2	0,1	3,7
79,243,1	—	99,652,0	—	181,453,0	—	152,727,8
—	—	—	—	1,193,1	—	2,269,8

НАИМЕНОВАНІЕ ТОВАРА.	Наименованіе мѣры.	18 Количество.
Матеріи шерстяныя	. . .	—
» разныя	. . .	—
Хлопокъ-сырецъ	Пикули	99,1
Краски анилиновыя	. . .	—
Индиго растительное	Пикули	54,1
» искусственное	»	—
Сапановое дерево	»	—
Сахаръ желтый	»	856,3
» бѣлый	»	215,1
» рафинадъ	»	530,1
» Candi	»	34,3
Сахарный тростникъ	»	—
Рисъ	»	9,414,6
Рыболовные продукты (кромѣ указываемыхъ ниже трехъ видовъ)	»	281,7
Морская капуста	»	468,7
Bicho de Mar (сушеная рыба)	»	38,1
Рыбій клей	»	7,1
Мука	»	—
Табакъ	»	—
Папиросы и сигары	. . .	—
Жаньшэнь	Гинь	402,3
Чай остъиндскій и цейлонскій	Пикули	—
» тайваньскій	»	—
» явскій	»	—
Отруби рисовыя	»	—
Земляной орѣхъ	»	—
Гнѣзда ласточекъ	Гинь	104,8
Крѣпкіе напитки: Вина	. . .	—
Пиво и портеръ	. . .	—
Спиртъ	. . .	—
Перецъ черный и бѣлый	Пикули	65,7
Грибы	»	16,1
Макароны и вермишель	»	—
Лѣсъ мягкихъ породъ	Кв. футъ	—
» твердыхъ породъ	Куб. футъ	—
Сандаловое дерево	Пикули	130,8
Дерево разнаго рода (кромѣ лѣса, сандала и красильнаго)	. . .	—

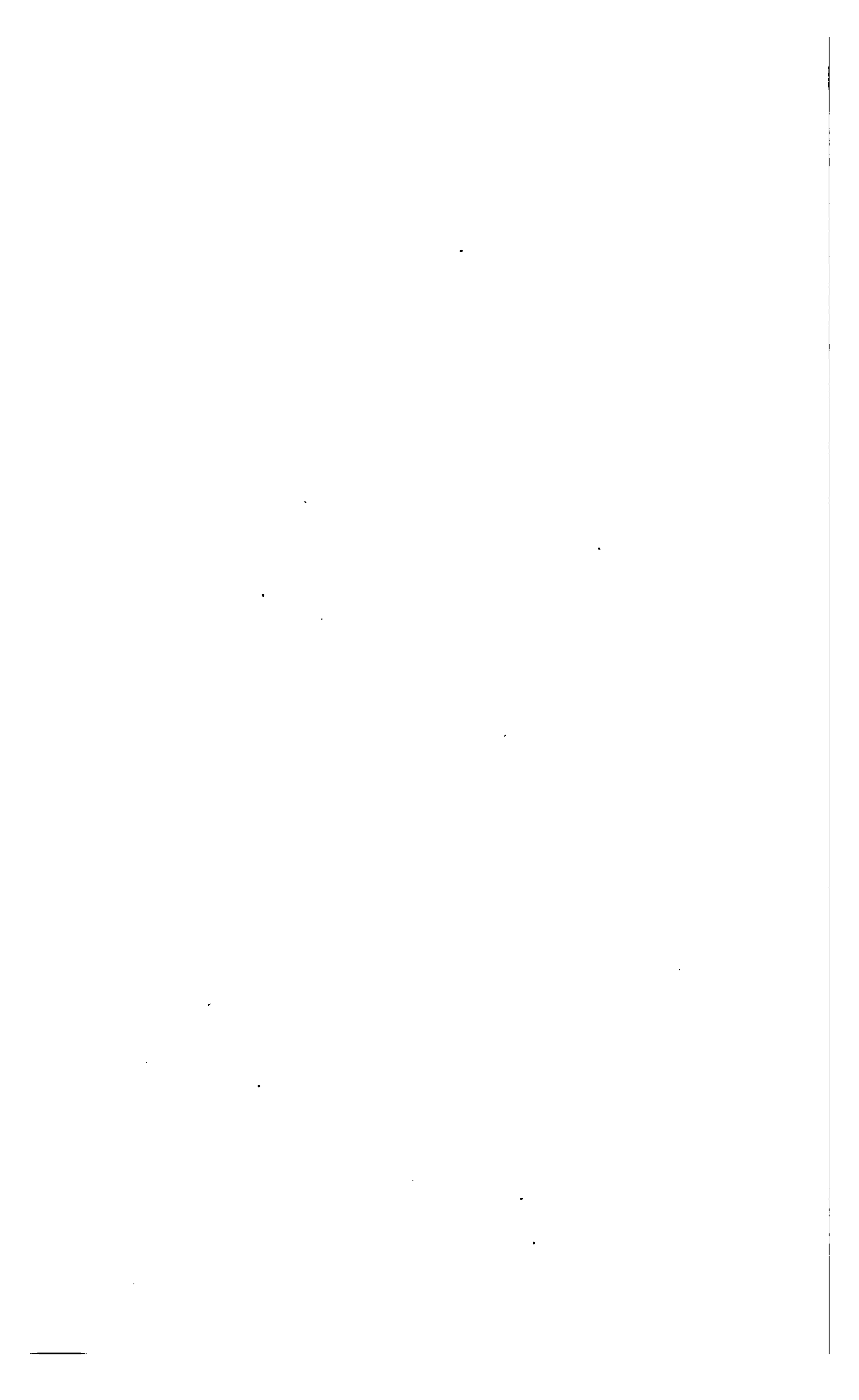
96	1901.		1905.		1906.	
Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.
5,363,1	—	4,727,4	—	4,240,8	—	4,383,0
883,6	—	2,040,7	—	2,036,0	—	3,062,7
1,308,0	254,9	3,868,1	90,6	1,540,3	45,1	728,1
1,546,1	—	1,618,4	—	2,548,5	—	2,569,6
203,7	85,1	466,1	75,7	385,0	57,0	281,3
—	—	—	36,1	1,726,2	73,8	3,180,2
—	—	—	40,7	95,7	42,8	107,0
2,835,4	1,006,7	4,025,5	1,840,8	7,363,1	2,691,5	10,457,1
1,077,4	420,2	2,510,0	1,066,7	5,432,5	1,812,1	8,526,4
2,846,0	1,076,0	6,434,0	1,499,0	8,248,3	1,718,3	8,866,6
242,9	61,9	487,7	214,2	1,578,2	323,8	2,156,0
—	—	—	155,8	166,3	177,4	182,1
15,022,0	4,411,6	7,050,9	2,227,9	8,545,0	4,686,5	11,749,6
3,128,2	352,8	4,274,6	802,5	8,822,4	1,026,3	8,125,7
874,3	678,6	1,550,6	490,6	1,348,8	600,8	1,640,4
767,0	37,7	796,8	40,5	1,256,4	40,1	1,052,6
218,9	7,0	354,5	6,9	355,7	4,1	222,9
1,505,7	—	4,727,0	931,8	3,706,2	1,784,7	6,295,8
—	—	—	90,9	1,614,3	120,3	1,650,1
400,8	—	2,218,0	—	4,376,1	—	5,846,8
1,619,5	428,0	1,181,5	292,8	2,000,3	195,2	488,9
—	—	—	36,6	636,1	63,1	1,162,1
—	—	—	10,1	77,5	14,1	70,5
—	—	—	0,2	3,7	2,7	37,0
—	—	—	1,746,2	1,745,9	1,879,3	1,535,9
—	—	—	182,2	785,7	223,0	939,6
686,1	88,3	584,1	92,2	713,0	105,8	842,9
—	—	—	—	1,016,4	—	845,6
—	—	—	—	739,9	—	497,6
—	—	—	—	681,9	—	531,7
543,3	38,0	766,0	34,5	734,8	43,7	846,7
596,3	16,1	676,6	13,0	614,7	18,2	822,1
—	—	—	60,0	502,3	81,1	713,5
—	—	—	90,402,1	2,309,1	170,094,7	4,030,2
1,182,5	—	1,732,6	1,852,9	809,3	3,090,6	1,367,0
1,209,4	97,3	1,212,1	95,4	879,4	148,2	1,326,5
563,2	—	531,0	—	646,5	—	742,0

НАИМЕНОВАНІЕ ТОВАРА.	Наименованіе мѣры.	18 Количество.
Кожи выдѣланныя (leather)	Пикули	9.6
» коровьи и буйволовыя	»	—
Шкуры (мѣха)	Штучно	—
Мыло	. . .	—
Свѣчи	. . .	—
Бумага	. . .	—
Цыновки	Штучно	7.333.9
Фрукты сухіе	. . .	—
Лунъ-анъ	Пикули	—
Молочные продукты:		
Молоко консервное въ жестянкахъ	Дюжин.	—
Масло и сыръ	. . .	—
Сѣмена всякія	Пикули	—
Анисовое сѣмя (Star Aniseed)	»	—
Пряныя коренья (кардамонъ, гвоздика, корица и пр.)	»	32,4
Орѣхи бетеля	»	61.5
Сладости (включая шоколадъ и какао) . .	. . .	—
Пенька	Пенька	—
Веревки	»	—
Вѣера изъ пальмоваго листа	Штучно	46.009.1
Лакъ	Пикули	—
Камедь	»	—
Клей (Glue)	»	—
Войлокъ	. . .	—
Общіе итоги (netto *) по внѣшней торговлѣ.		
А. Вывозъ	. . .	—
Б. Ввозъ	. . .	—

*) За вычетомъ обратнаго ввоза китайскихъ и обратнаго вывоза иностран-

96.	1901.		1905.		1906.	
Цѣнность.	Количе-ство.	Цѣнность.	Количе-ство.	Цѣнность.	Количе-ство.	Цѣнность.
442,7	20,7	1,047,9	40,1	1,583,1	47,0	2,143,0
—	—	—	7,8	145,0	7,3	104,6
—	—	—	763,9	266,5	1,165,5	337,0
519,9	—	1,063,6	—	1,564,5	—	1,312,7
157,9	—	321,3	—	1,384,1	—	648,5
—	—	—	—	533,9	—	693,9
493,7	5,698,4	284,0	6,444,9	370,9	6,027,0	312,5
—	—	—	—	368,1	—	377,2
—	—	—	11,7	173,1	15,7	171,0
—	—	—	441,8	615,5	225,6	311,1
94,3	—	298,9	—	328,3	—	367,9
—	—	—	31,0	307,2	33,6	299,6
—	—	—	8,3	133,2	8,7	134,1
614,8	17,2	374,1	15,0	401,5	11,8	341,0
307,1	47,7	267,3	60,6	272,7	41,2	203,9
—	—	—	—	173,6	—	121,5
—	—	—	11,5	140,3	22,3	234,3
—	—	—	15,6	206,6	8,9	175,2
272,6	23,651,1	170,6	36,754,0	204,5	37,535,9	223,8
—	—	—	6,2	121,7	5,7	114,1
—	—	—	11,5	140,3	22,3	234,3
—	—	—	8,1	133,6	9,7	143,8
—	—	—	—	27,1	—	24,3
163,501,1	—	169,656,8	—	227,888,2	—	236,456,7
202,828,6	—	268,302,9	—	447,100,8	—	410,270,1

ныхъ товаровъ.



Приложеніе II-ое.

Деньги и мѣры въ Китаѣ.

Мѣры вѣса:

1 вѣсовой *лянъ*, или tael, (по трактатамъ) $=8.6390$ золотника $=1^1/_3$ англ. унц.

1 *гинь* или *цзинь*, или catty, $=16$ лянъ $=$ 1.4399 р. ф. $=1^1/_3$ англ. ф. (lb. av.) $=604.53$ грамма.

1 *дань*, или picul, $=100$ гинь $=3$ п. 23.99166 р. ф. $=133^1/_3$ англ. фунта (lbs.) $=60.453$ килогр.

1 *цянь* (mace) $={}^1/_{10}$ ляна $=82.94$ доли.

1 *фынь* (candareen) $={}^1/_{10}$ цяня $=8.29$ доли.

1 *ли* (cash) $={}^1/_{10}$ фыня $=0.83$ доли.

Деньги:

1 *хайгуань*'скій, или таможенный *лянъ* содержитъ чистое серебро въ количествѣ $583^1/_3$ грана, или 37.79 граммовъ (см. также стр. 6, 85 и примѣчаніе 2). Дробныя подраздѣленія у денежныхъ лянъ вообще тѣ же, что и у вѣсовыхъ.

Мѣры емкости:

1 *доу* равенъ (при взносѣ налога) 10.31 литра.

1 *шэнь* $={}^1/_{10}$ доу.

1 *ши* $=10$ доу (см. также стр. 74 прим., 85 прим.).

Мѣры длины:

1 *чжанъ* $=$ (по трактатамъ) 141 англ. или русск. дюймамъ $=1$ саж. 4 ф. 9 д.

1 *чи* $={}^1/_{10}$ чжана и пр.

Мѣры разстоянія: 1 *ли*=1.800 *чи*; практически $^1/_{100}$ пути, который дѣлаетъ носильщикъ въ десятичасовый день своего движенія. На ровномъ пути это составитъ около $^1/_2$ километра, въ другихъ же условіяхъ пути—весьма различную величину, иногда несовпадающую при движеніи по одному пути въ противоположныхъ направленіяхъ.

Мѣры поверхности: См. стр. 7, 18, 71, 87 прим., 99—100 прим., 128—9 и 152.

Китайскія мѣры характеризуются чрезвычайнымъ разнообразіемъ въ величинѣ единицъ, въ зависимости отъ мѣстности и спеціальныхъ отраслей измѣренія, а также крайней дробимостью основныхъ единицъ (большею частью до $1/_{10.000.000}$).

H. B. Morse. The Trade and Administration of the Chinese Empire. 1908; *Journal of the China Branch of the R. A. S.* 1894, v. XXIV; *P. Hoang, Notions techniques sur la propriete en Chine*; *Матусовскій. Географическое обозрѣніе Китайской имперіи.* Приложеніе 4.

Алфавитный указатель содержанія.

[1]) См. Погрѣшности.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Очеркъ финансовъ Германской Имперіи. Спб. 1894. 128 стр. (Вѣст. фин. пром. и торг. 1894 №№ 13, 14, 15 и 16).

Очерки бумажно-денежнаго обращенія. Спб. 1895. 62 стр.

Конспектъ курса Политической экономіи. 1900—1 г. 13+284 стр. (*Литогр. изд.*)

Записки къ курсу Политической экономіи, читанному въ Восточномъ Институтѣ въ 1902—3 г. 237+116 стр. (*Литогр. изд.*).

Очеркъ экономическаго положенія Японіи. Владивостокъ. 1903. (Изв. Вост. Инст., т. V). 131+IV стр. (Цѣна 5-го тома „Изв. Вост. Инст.“—3 р. 50 к.)

Объ общихъ началахъ современнаго строя высшихъ учебныхъ заведеній. (Записка, доложенная въ засѣданіи Конференціи Восточнаго Института 3-го января 1906 года). Владивостокъ. 1906. 10 стр. Цѣна 20 коп.

Обозрѣніе преподаванія по предметамъ Русскаго гражданскаго и торговаго права и судопроизводства. Владивостокъ. 1908. 8 стр. Цѣна 20 к.

Записка о студенческихъ организаціяхъ. (Извлеченіе изъ протокола засѣданія Конференціи Восточнаго Института 10 декабря 1907 года). Владивостокъ. 1908. 5 стр. Цѣна 10 коп.

Политическая экономія. Лекціи, читанныя въ Восточномъ Институтѣ. 1908—9 г. Выпускъ I-й. Введеніе. Владивостокъ. 1909. 84 стр. (*Литогр. изд.*). Цѣна 1 р. 15. коп.—Выпускъ 3-й. Особенная часть. Владивостокъ. 1909 г. 132 стр. (*Литогр. изд.*). Цѣна 1 р. 75 коп.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Владивостокъ. 1909. VIII +156+XVII стр. („Изв. Вост. Инст.“, т. XXIII, вып. 2-й). Цѣна 1 р.

Д-ръ О. Франке. Земельныя правоотношенія въ Китаѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями *Н. И. Кохановскаго*, преподавателя юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ. Владивостокъ. 1908. 8+145 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

ЛИТОГРАФИРУЕТСЯ:

Политическая экономія. Лекціи, читанныя въ Восточномъ Институтѣ. 1908—9 г. Выпускъ 2-й. Общая часть.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Н. И. Кохановскій. Курсъ политической экономіи.

Складъ изданій въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ гор. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Otto Harrassowitz, Leipzig.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

за 1907—1908 академическій годъ (9-й годъ изданія) обнимаютъ т. т. XXI—XXV, съ оффиціальными приложеніями.

ТОМЪ XXI. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть первая, географическая. Выпускъ 1-й. *Имя. Границы. Обзоръ путешествій.*—Владивостокъ. 1907. XXXII+VIII+262+129 стр. *Цѣна 3 руб.*

ТОМЪ XXII. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть первая, географическая. Выпускъ 2-й. *Очеркъ физической географіи Тибета.* Владивостокъ. 1907. XVIII+182+90 стр. *Цѣна 1 р. 50 к.*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 1-Й. *Д-ръ О. Франке. Земельныя правоотношенія въ Китаѣ.* Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями *Н. П. Кохановскаго,* преподавателя юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ. Владивостокъ. 1908. 8+145 стр. *Цѣна 1 р. 50 к.*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 2-Й. *Н. П. Кохановскій.* Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Владивостокъ. 1909. VIII; 156; XVII стр. *Цѣна 1 рубль.*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 3-Й. *Е. Спальвинъ. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія.* I. Критическій разборъ „Японской Исторической Хрестоматіи (Часть I. Отдѣлы I и II)" г. Димитрія Позднѣева.—Владивостокъ. 1908. VIII+81 стр. *Цѣна 50 коп.*

ТОМЪ XXIV. *Е. Спальвинъ.* 實用會話. *Практическіе Японскіе Разговоры.* Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. *Часть I-я. Японскій текстъ.* (На четныхъ страницахъ въ формѣ китайско-японскаго смѣшаннаго письма *кана-мадзири*-бунъ, на нечетныхъ же въ формѣ чисто-японскаго письма *кана*-бунъ.) *Выпускъ 1-й (Стр. 1—320).*—Владивостокъ. 1908. 320 стр. *Отдѣльно отъ 2-го выпуска не продается.*

Выпускъ 2-й (окончаніе японскаго текста). (Печатается).

ТОМЪ XXV. *Е. Спальвинъ.* 實用會話. *Практическіе Японскіе Разговоры.* Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность.—*Часть II-я. Подстрочный іероглифическій словарь. Выпускъ 1-й. (Стр. 1—320).*—Владивостокъ. 1908. 320 стр.—*Отдѣльно отъ 2-го выпуска не продается.*

Выпускъ 2-й (окончаніе подстрочнаго словаря). (Печатается).

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1-Е. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Восточнаго Института за 1907 годъ.—Владивостокъ. 1908. IV+50+VI стр. *Цѣна 50 коп.*

2-Е. Протоколы засѣданій Конференціи Восточнаго Института за 1907—1908 академическій годъ. *(Печатаются).*

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXIII, ВЫП. 3-Й.

RECEIVED
SEP 26 1911
LIBRARY OF THE
PEABODY MUSEUM

Е. СПАЛЬВИНЪ.

Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія.

И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.
Пушкинъ.

I.

Критическій разборъ „Японской Исторической Хрестоматіи“ (Часть I. Отдѣлы I и II) г. Димитрія Позднѣева.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія Восточнаго Института.
1908.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

издаются въ количествѣ 5 томовъ въ теченіе академическаго года, выпускаемыхъ въ свѣтъ по мѣрѣ напечатанія матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА

„ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА“

съ доставкой во Владивостокѣ *6 рублей*, *съ* пересылкой въ другіе города — *8 рублей*.

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовицъ въ Лейпцигѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 10-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ИЗВѢСТІЙ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА“

1908—1909 академическій годъ, т. т. XXVI—XXX, съ оффиціальными приложеніями.

ВНОВЬ ВЫПУЩЕНЫ:

ТОМЪ XXVI, ВЫП. 1-Й. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть вторая, этнографическая. Выпускъ 1-й. *Составъ и бытъ населенія.*—Владивостокъ. 1908.—XXVIII+117+111 стр.—*Цѣна 1 руб. 50 коп.*

ТОМЪ XXVII. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть вторая, этнографическая. Выпускъ 2-й. *Экономическій очеркъ Тибета.*—Владивостокъ. 1908.—XII+183+96 стр. *Цѣна 2 рубля.*

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ТОМЪ XXVI, ВЫП. 2-Й. *Е. Спальвинъ. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія.* II. Критическій разборъ „Токухона (Часть Первая, Книги I—IV)“ г. Позднѣева.

См. стр.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

ТОМЪ XXIII-й, ВЫП. 3-й.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1907—1908 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
ТОМЪ XXIII, ВЫП. 3-Й.

Е. СПАЛЬВИНЪ.

Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія.

И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.
Пушкинъ.

I.

Критическій разборъ „Японской Исторической Хрестоматіи“ (Часть I. Отдѣлы I и II) г. Димитрія Позднѣева.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія Восточнаго Института.
1908.

ЯПОНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. Часть I. Отдѣлы I и II. Текстъ въ Rōmaji, **переводъ и слова къ Начальной Исторіи Японіи** **小學日本歷史. Димитрій Позднѣевъ.** Изданіе Общества Востоковѣдѣнія. Tōkiō. 1906. 8⁰. XII+297 стр.

Критическій разборъ

Е. Г. Спальвина

и. д. профессора японской словесности въ Восточномъ Институтѣ.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типо-литографія Восточнаго Института.
1908.

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

Не всѣ, кому попадетъ въ руки этотъ «Разборъ», станутъ его, конечно, читать.

Однимъ тема покажется слишкомъ неинтересной и скучной.

Другіе испугаются китайскихъ іероглифовъ и японскихъ письменъ.

И третьи найдутъ книжку для «Разбора» слишкомъ объемистой.

Мы отвѣчаемъ и тѣмъ и другимъ и третьимъ.

Первымъ—что дѣло идетъ о молодомъ русскомъ японовѣдѣніи, въ частности, и востоковѣдѣніи, вообще.

Вторымъ—что китайскіе іероглифы и японскія письмена не мѣшаютъ чтенію русскаго текста: общій смыслъ «Разбора» доступенъ и понятенъ и безъ нихъ.

И третьимъ—что приложено подробное оглавленіе для лучшей оріентировки.

Всѣмъ же, кому эта книжка попадетъ въ руки, мы заявляемъ напередъ:

Достойно глубокаго сожалѣнія, что уважаемое Общество Востоковѣдѣнія въ С.-Петербургѣ изданіемъ книги г. Димитрія Позднѣева попалось въ просакъ и лицъ, желающихъ изучать японскій языкъ, невольно вводитъ въ заблужденіе:

Переводная часть книги грѣшитъ грубѣйшими ошибками и пестритъ неслыханной безсмыслицей.

Подстрочный словарь книги не лучше переводной ея части.

Транскрипція японскаго текста безграмотна и неправильна.

Авторъ книги, г. Димитрій Позднѣевъ, не обладаетъ ни знаніемъ японскаго языка, необходимымъ для изданія подобнаго рода учебниковъ, ни общей эрудиціей для обработки ихъ.

Оглавленіе.

ЯПОНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. Часть I. Отдѣлы I и II. Текстъ въ Rōmaji, переводъ и слова къ Начальной Исторіи Японіи 小學日本歷史. Димитрій Позднѣевъ. Изданіе Общества Востоковѣдѣнія. Тōкіō. Тенкоку Инсацу Кабусики кайся, Кіōбаси-ку Цукидзи Санціōме № 15. 1906. Цѣна съ приложеніемъ японскихъ текстовъ 2 р. 50 к., безъ нихъ 2 р. 30 коп. XII, 297 стр.

(Критическій разборъ и. д. профессора японской словесности въ Восточномъ Институтѣ Е. Г. Спальвина).

Книга г. Позднѣева состоитъ изъ слѣдующихъ частей: Введенія (стр. I—VII), оглавленія (стр. IX—XII), иностранной транскрипціи японскаго текста, со слѣдующимъ подъ каждой статьей русскимъ переводомъ его и подстрочнымъ словаремъ (стр. 1—165), хронологической таблицы исторіи Японіи, занимающей страницу 168 (Поколѣнія мифологическихъ временъ) и страницы 169—275 (Хронологическая таблица императоровъ) и, наконецъ, „Указателя собственныхъ именъ къ русскому тексту первой части Японской Исторической Хрестоматіи“, на страницахъ 277—297.

Разбирая книгу г. Позднѣева, мы останавливаемъ свое вниманіе первымъ долгомъ на самой существенной ея части, подъ которой разумѣемъ

Русскій переводъ японскаго текста.

Какую „посильную помощь лицамъ, начинающимъ изучать исторію Японіи по японскимъ источникамъ“ (Введеніе, стр. II), оказываетъ г. Позднѣевъ своей „Японской Исторической Хрестоматіей“ и, въ частности, своимъ русскимъ переводомъ японскаго текста ея, предназначеннаго для японской начальной школы?

Не вдаваясь въ частности и не отвлекая своего вниманія разборомъ мелкихъ „неловкостей" перевода г. Позднѣева, мы представляемъ въ первую очередь на судъ интересующихся нѣсколько выдержекъ изъ первыхъ 32 страницъ книги.

Не утомляя себя далѣе длиннымъ перечнемъ подобныхъ же выдержекъ изъ слѣдующихъ страницъ, мы ограничиваемся въ дальнѣйшемъ лишь двумя-тремя выдающимися мѣстами, провѣряя и дополняя тѣмъ свое знакомство съ русскимъ переводомъ г. Позднѣева и сохраняя одновременно постоянную связь съ характерными особенностями книги, на рѣдкость выдержанной на всѣхъ ея страницахъ въ отмѣчаемомъ нашимъ разборомъ направленіи.

И подъ конецъ, чувствуя естественную потребность въ установленіи въ своемъ сознаніи опредѣленнаго и точнаго отношенія къ переводческимъ пріемамъ г. Позднѣева, мы останавливаемся на разборѣ, въ общихъ чертахъ, цѣлой связной статьи и тѣмъ стараемся дать заключительное объективное резюме переводной части книги.

На первыхъ 32 страницахъ мы невольно останавливаемся, между прочимъ, на слѣдующихъ мѣстахъ[1]):

1 *Хюга но куни ни кударитамаери* — 3 日向の國にくだ(降)りたま(給)へり。

не значитъ: (2) удалился въ провинцію Хюга, *а значитъ:* спустился (съ неба) въ провинцію Хюга.

---

1) Цифры, поставленныя передъ русской транскрипціей, указываютъ страницы книги г. Позднѣева, на которыхъ данная японская фраза помѣщена въ англійской транскрипціи. Почему мы не нашли удобнымъ пользоваться англійской транскрипціей г. Позднѣева, станетъ яснымъ по прочтеніи нашего разбора этой транскрипціи, помѣщеннаго ниже. Въ нашей транскрипціи чисто-японскія чтенія выдѣлены курсивомъ, за исключеніемъ долгихъ гласныхъ, для которыхъ не нашлось курсивныхъ литеръ съ обозначеніемъ долготы.

Цифры, стоящія передъ японскимъ текстомъ, обозначаютъ страницы японскаго оригинала, на которыхъ можно найти приводимые отрывки. Помѣщенные въ скобкахъ іероглифы вставлены нами для болѣе точнаго указанія значенія даннаго японскаго слова въ данномъ мѣстѣ.

Наконецъ, цифры, непосредственно предшествующія приводимымъ образчикамъ перевода г. Позднѣева, указываютъ на страницы разбираемой книги, на которыхъ помѣщены приводимые отрывки перевода.

4 сўненъ *но аида* го синку *но суе цуи ни Ямато*-цихō *во таирае-тамаери* — 4 數年の間.御辛苦の末.つひ(遂)に.大和地方を平げたま(給)へり。

не значитъ: (4) Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудовъ въ концѣ концовъ они усмирили страну Ямато, *а значитъ:* въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ усиленныхъ трудовъ онъ (т. е. императоръ Дзимму-теннō, для прославленія дѣяній котораго написана вся статья) усмирилъ страну Ямато.

На то, что рѣчь идетъ именно объ императорѣ, указываютъ, помимо общаго контекста, въ частности еще и „го" въ „го синку" и „*тамаери*" въ „*таирае-тамаери*".

4 тенка *во яеуку сенъ то обосимеси* — 3-4 天下を安くせんとおぼしめ(思召)し.

не значитъ: (6) (Теннō) полагалъ, что... онъ приведетъ имперію въ состояніе покоя, *а значитъ:* (теннō) намѣревался (задумалъ) привести имперію въ состояніе покоя.

Учтивый глаголъ *обосимесу* имѣетъ то же значеніе, что простой глаголъ *омоу*—думать.

6 тенка *ва одаяка ни нариси га* — 5 天下はおだやう(穩)にな(成)りしが.

не значитъ: (7) государство находилось въ спокойствіи, *а значитъ:* государство пришло въ спокойствіе,—успокоилось.

6 Цукуси *ва има но* Кюсю *но кото ните* — 5 筑紫は今の九洲のこと(事)にて.

не значитъ: (7) Цукуси—страна нынѣшняго Кюсю, *а значитъ:* Цукуси—нынѣшнее Кюсю.

6 *яки-короси-татемацуранъ то сери* — 6 燒き殺したてまつ(奉)らんとせ(爲)り.

не значитъ: (7) (мятежники) хотѣли его (принца) сжечь и убить, *а значитъ:* собирались его сжечь.

Не объяснитъ ли г. Позднѣевъ поразительную тонкость намѣреній мятежниковъ, которые, какъ оказывается по переводу г. Позднѣева, сперва хотѣли сжечь принца и послѣ этого еще убить?

Первая часть сложнаго глагола *яки-коросу*. а именно

яки—отъ *яку*—жечь—указываетъ на способъ, примѣняемый при выполненіи дѣйствія второй части—*коросу*—убивать. Имѣется цѣлый рядъ подобныхъ образованій: *саси-коросу*—заколоть, *уци-коросу*, *татаки-коросу*—убивать и т. д. Подобно этому и *яки-коросу* не значитъ: сжечь и убить, а значитъ: сжечь (сжигая убить).

6 *куса во наги-хараи* 6草を薙ぎはら(拂)ひ。

не значитъ: (7) срѣзавъ и очистивъ траву, *а значитъ:* срѣзавъ траву, или: очистивъ мѣсто отъ травы. Въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ сложнымъ глаголомъ.

9 теннō *но* кōгō *во* Дзингу-кōгō *то мōсу* 8天皇の皇后を神功皇后と申す。

переводится г. Позднѣевымъ слѣдующимъ образомъ: (10) Императрицу императора называютъ Дзингу-когō".

Было бы интересно знать, какую тонкость г. Позднѣевъ хотѣлъ выразить переводомъ: императрицу императора?

9-10 *коно ми іо ни* 8この(此)御代に

не значитъ: (11) въ сію царствованіе, *а значитъ:* въ это царствованіе.

10 *таматама* теннō *икуса накаба ни какуре-тамаики* 9たまさま(適々).天皇軍なかば(半)に.かく(隱)れたま(給)ひき。

не значитъ: (11) Случайно императоръ умеръ въ бою (200 по Р. Х.).

Чтобы этотъ историческій фактъ подкрѣпить, какъ можно сильнѣе, г. Позднѣевъ приписываетъ въ скобкахъ еще годъ смерти императора, не указанный въ оригиналѣ.

Но откуда г. Позднѣевъ взялъ, что императоръ умеръ въ бою? Слова *икуса накаба ни,* которыя г. Позднѣевъ переводитъ: въ бою, въ дѣйствительности значатъ: въ серединѣ войны. И дѣйствительно, императоръ вовсе не умеръ въ бою. Какъ объясняетъ японскій „комментарій" на переводимую г. Позднѣевымъ Начальную Исторію Японіи, 小學歴史教授書 Сіōгаку-рекиси-кіōдзюсіо (Книга для преподаванія начальной

исторіи), т. I, стр. 43, императоръ «лично напавъ на Кумасо, не побѣдивъ ихъ, вернувшись, заболѣвъ умеръ»[1]). Какой же смыслъ, наконецъ, имѣетъ въ переводѣ г. Позднѣева слово: случайно? «Случайно императоръ умеръ въ бою(200 по Р. Х.)».

Фраза можетъ быть переведена: Случилось, что императоръ умеръ въ серединѣ войны, *или:* Неожиданно императоръ умеръ въ серединѣ войны.

10 *Коко ни оите* kōгō *ва хито во сите Кумасо во таирагесиме*

9 ここ(茲)におい(於)て.皇后は.人をして熊襲を平げしめ.

не значитъ: (11) вслѣдствіе этого императрица, командировавъ людей, заставила Кумасо успокоиться.

Предлагаемый переводъ свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Позднѣевъ не обращаетъ должнаго вниманія на японскую грамматику и пренебрегаетъ точнымъ значеніемъ довольно-таки простыхъ словъ и оборотовъ. *Коко ни оите*—не значитъ: вслѣдствіе этого, а значитъ: тогда. Контекстъ не допускаетъ въ этомъ мѣстѣ второго и второстепеннаго значенія: поэтому, вслѣдствіе этого. «Командировавъ»—такого понятія нѣтъ въ оригиналѣ. *во сите* относится къ слѣдующему побудительному залогу и указываетъ, кому именно поручается исполненіе его дѣйствія. Исполненіе дѣйствія, выражаемаго побудительнымъ залогомъ (*таираге**симе*), поручается *хито*, т. е. людямъ. *таирагесиме*—это побудительный залогъ отъ глагола *таирагеру*—успокаивать, усмирять—и значитъ: заставить усмирить, и вовсе не значитъ: заставить успокоиться, какъ полагаетъ г. Позднѣевъ. „Заставить успокоиться" было бы по-японски: *таирагасимеру* отъ глагола *таирагу*—успокаиваться.

Предложеніе можетъ быть переведено: тогда императрица приказала (своимъ) людямъ усмирить Кумасо.

10 *сара ни*

9 さら(更)に.

не значитъ здѣсь: (11) потомъ снова, *а значитъ:* затѣмъ, кромѣ того. «Потомъ снова» не вяжется со смысломъ.

---

[1]) *мидзукара Кумасо во учите каци-тамавадзу, каерите ямите* хōдзи-*тамау*.

自から熊襲を討ちて.勝ち給はず.還りて病みて崩じ給ふ。

10 *соре іори* 9 それ(夫)より.

не значитъ: (11) вслѣдствіе этого, *а значитъ:* послѣ этого, затѣмъ.

10 *коре ни цуите* 10 これ(之)につい(就)て.

не значитъ: (11) вслѣдствіе этого, *а значитъ:* у него. Вся фраза гласитъ по японски: ōдзи *Ваки-ирацуко коре ни цуите манаби-тамаики* 皇子稚郎子. これ(之)につい(附)て學びたま(給)ひき。

и переведена г. Позднѣевымъ: сынъ императора Ваки-ирацуко у него вслѣдствіе этого учился.

Такъ какъ «вслѣдствіе этого» нѣтъ въ оригиналѣ и оно внесено г. Позднѣевымъ въ текстъ перевода несмотря на то. что оно въ данномъ мѣстѣ вовсе не кстати, то болѣе чѣмъ очевидно, что г. Позднѣевъ японское *коре ни цуите*—у него, т. е. у ученаго Вани—понялъ въ смыслѣ: вслѣдствіе этого, свое же „у него" вставилъ отъ себя для пополненія фразы и установленія связи съ предшествующей фразой.

Для большей ясности мы приведемъ разбираемую фразу еще разъ вмѣстѣ съ предшествующими ей словами. Г. Позднѣевъ переводитъ: ученый Вани изъ Кудара прибылъ, принеся съ собою впервые книги. Сынъ императора Ваки-ирацуко у него вслѣдствіе этого учился.—Значитъ, сынъ императора учился у Вани вслѣдствіе того, что Вани принесъ съ собою книги? или же, онъ учился у Вани вслѣдствіе того, что этотъ послѣдній прибылъ?

Относится ли переводъ г. Позднѣева: „прибылъ, принеся съ собою впервые книги" (по японски: *гадзимете* сіомоцу *во моци-китари* はじめ(始)て.書物を持ち來り.) къ категоріи его „подстрочныхъ" переводовъ или же къ категоріи „неточныхъ", вслѣдствіе постоянной и упорной, но безуспѣшной борьбы съ японской грамматикой, судить не беремся, почему мы, какъ это, такъ и многочисленныя подобныя ему мѣста перевода г. Позднѣева обходимъ молчаніемъ, отнеся ихъ къ выше указанной категоріи мелкихъ „неловкостей". Во всякомъ случаѣ въ японскомъ оригиналѣ нѣтъ двухъ глаголовъ „прибывать" и „приносить", а есть всего лишь одинъ сложный глаголъ: *моци-китару*—приносить.

10 *коно гито мата* гакумонъ *во мотте* ціотей *ни цукаетари*	10 この(此)人.また(亦).學問をもっ(以)て朝廷に仕へたり。

не значитъ: (11) Этотъ человѣкъ также принесъ съ собою науки и поступилъ на службу во дворцѣ.

во мотте—не значитъ: принесъ съ собою, *а значитъ:* имѣя, обладая, и играетъ въ предложеніи вовсе не роль глагола-сказуемаго, а роль вспомогательнаго рѣченія, соотвѣтствующаго японскому послѣслогу: *де*, выражающему понятіе орудного падежа. *цукаеру—не значитъ:* поступать на службѣ, *а значитъ:* служить.—ціотей 朝廷 *не значитъ:* дворецъ, *а значитъ:* императорскій дворъ или правительство.

Смыслъ фразы: Этотъ человѣкъ опять-таки наукою (своей ученостью) служилъ двору (или: правительству).

Для болѣе наглядной иллюстраціи неправильности перевода г. Позднѣева приведемъ слѣдующія фразы: *іо-іо* бунгаку *во мотте* ціотей *ни цукау*[1]). По рецепту г. Позднѣева это слѣдовало бы перевести: изъ поколѣнія въ поколѣніе приносили съ собою литературу и поступали на службу во дворецъ. Приведенная японская фраза, конечно, съ подобной безсмыслицей ничего общаго не имѣетъ и содержаніе ея сводится просто къ слѣдующему:—изъ поколѣнія въ поколѣніе служили при дворѣ по литературѣ.

Или возьмемъ, напримѣръ, слѣдующую фразу: *Соно Кавачи ни* дзюсуру *во мотте Кавачи но фу(х)итобе аруи ва Кавачи но обито то* сіосу[2]). Если переводить по рецепту г. Позднѣева, то мы получимъ слѣдующую безсмыслицу: Они приносили съ собою свое проживаніе въ Кавачи и назывались Кавацкими фу(х)итобе или Кавачи-но-обито.—между тѣмъ какъ смыслъ фразы заключается въ слѣдующемъ: Такъ какъ они проживали въ Кавачи, то ихъ называли Кавацкими фу(х)итобе или Кавачи-но-обито. (Примѣры эти взяты изъ

---

1) 代々文學を以て朝廷に仕ふ。

2) 其河內に住するを以て西の史部或は河內の首と稱す。

выше упомянутой книги Сібгаку-рекиси-кіодзюсіо, т. I, стр. 48, содержащей на той же страницѣ еще нѣсколько подобныхъ же примѣровъ).

10 ціотей *но* кироку *во цукасадору кото то нарери*

10 朝廷の記錄をつかさど(司)ることゝな(成)れり。

не значитъ: (11) были причастны къ завѣдыванію дворцовыми записями.

кироку 記錄 значитъ: записываніе. Второе значеніе этого слова: книги или тетради, въ которыхъ описаны событія.— *цукасадору* 司 *не значитъ:* быть причастнымъ къ завѣдыванію, *а значитъ:* завѣдывать чѣмъ-нибудь въ качествѣ профессіональнаго занятія или профессіональной службы.

Такъ какъ, согласно свидѣтельству японской исторіи, потомки Вани и Аци-но-оми, въ качествѣ профессоровъ (хакасе 博士) и оффиціальныхъ исторіографовъ (сиканъ 史官) занимали изъ поколѣнія въ поколѣніе соотвѣтствующія наслѣдственныя должности, чѣмъ содѣйствовали культурѣ и развитію послѣдовавшихъ поколѣній Японіи, то болѣе чѣмъ очевидно, что данное мѣсто вовсе не имѣетъ тотъ смыслъ, который ему силится придать г. Позднѣевъ, а имѣетъ слѣдующій смыслъ: Впослѣдствіи случилось такъ, что потомки Вани и Аци-но-оми изъ поколѣнія въ поколѣніе (профессіонально) завѣдывали придворными (т. е. правительственными) записями (составленіемъ придворныхъ записей). Если же они, какъ переводитъ г. Позднѣевъ, только „были причастны къ завѣдыванію дворцовыми записями", то кто же тогда на самолъ дѣлѣ составлялъ эти „дворцовыя записи" въ странѣ, не имѣвшей своей собственной письменности и только что заимствовавшей ее изъ-заграницы?

13-14 *Мата* теннō *ва цуцуми во кидзукасе, ике во горасе надо сите* нōгiō *во сусуми-тамаиси-*

13 また(又).天皇は.堤をきづ(築)かせ.池をほら(掘)せなどして.農業をすゝ(勸)めたま(給)ひ

каба, хито-бито мина соно гiō *во таносимите*	しかば.人人.みな(皆).そ(其)の業をたの(樂)しみて.

не значитъ: (14) **Императоръ кромѣ этого воздвигалъ насыпи, заставлялъ рыть труды и поощрялъ земледѣлiе, вслѣдствiи чего весь народъ находилъ наслажденiе въ этомъ занятiи.**

Дѣятельность императора въ переводѣ г. Позднѣева поражаетъ нѣкоторой безсвязностью. Не видно, къ чему она собственно была направлена. Самъ г. Позднѣевъ, повидимому, въ этомъ не разобрался, такъ какъ онъ переводитъ: „народъ находилъ наслажденiе въ этомъ занятiи". Спрашивается, въ какомъ занятiи? По г. Позднѣеву, самъ императоръ „воздвигалъ насыпи" и „поощрялъ земледѣлiе", такъ что это не занятiя народа и, слѣдоватемьно, народъ въ этихъ занятiяхъ находить наслажденiе не могъ. Быть можетъ, „народъ находилъ наслажденiе" въ томъ, что „императоръ заставлялъ рыть пруды"? Но если это императоръ народъ заставлялъ рыть какiе-то пруды, то позволительно сомнѣваться въ увѣренiи г. Позднѣева, чтобы народъ находилъ въ подобномъ занятiи наслажденiе, тѣмъ болѣе что подобное занятiе, не поставленное въ связь ни съ какой осязательной цѣлью, должно было быть хжуе даже каторжной работы. Ясно, что въ переводѣ г. Позднѣева что-то неладно. И дѣйствительно весь наборъ словъ г. Позднѣева не выдерживаетъ никакой критики и свидѣтельствуетъ лишь о непониманiи переводчикомъ японской конструкцiи. Г. Позднѣевъ не узналъ также и въ *кидзукасе* побудительнаго залога.

Въ японскомъ оригиналѣ сказано ясно и опредѣленно:

Далѣе, такъ какъ императоръ, заставляя строить плотины, рыть пруды и пр. (тому подобными дѣлами) [1]) поощрялъ земледѣлiе, то весь народъ находилъ удовольствiе въ своемъ занятiи.

16 *Коно* ни-си *ва цуне ни* цiōтей *ни цукаете, омоки* яку-	14 こ(此)の二氏は.つね(常)に.朝廷に仕へて.お

1) *надо сите.*

нінъ *ни нарики* も(重)き役人とな(成)りき。

переводится г. Позднѣевымъ, на стр. 17: Эти два дома, постоянно служа во дворцѣ, были важными чиновниками.

Нѣсколько странно переводить: «эти два дома были важными чиновниками». Но кромѣ того ціótей, какъ указано выше, не значитъ: дворецъ, и „то нарики“ не значитъ: были, а значитъ: сдѣлались.

16 *кариба ни иноси во фуми-короси-тамаиси* 14 狩場に猪をふみ(踏)殺したま(給)ひし。

не значитъ: (17) на охотничьемъ полѣ убивалъ дикаго кабана, наступивъ на него ногою, *а значитъ:* на охотничьемъ полѣ затаптывалъ ногами дикаго кабана.

Здѣсь мы имѣемъ опять сложный глаголъ, состоящій изъ *фуми*—отъ *фуму*—ступать, вступать, наступать и *короси*—отъ *коросу*—убивать, причемъ *фуми* указываетъ только на способъ, которымъ совершается дѣйствіе *коросу*—убивать.

Въ разбираемомъ пассажѣ прославляется храбрость императора. Не можетъ быть признакомъ выдающейся храбрости убить дикаго кабана, наступивъ на него ногою. Съ другой стороны, наврядъ-ли даже въ Японіи существовали такіе покорные и вѣрноподданные дикіе кабаны, которые спокойно допускали къ себѣ императора Горяку-теннō, чтобы онъ, наступивъ на нихъ ногою, ихъ убивалъ.

20 ціō*дзуру ни ситагаите,* гакумонъ *мо ōи ни сусуми* 16 長ずるに從ひて、學問も、大いに進み。

не значитъ: (20) онъ..., дойдя же до зрѣлаго возраста, сильно прогрессировалъ въ наукахъ, *а значитъ:* по мѣрѣ того какъ онъ подросталъ, и наука (образованіе его) сильно прогрессировала.

Ситагаите происходитъ отъ *ситагау*, что значитъ: слѣдовать, и вовсе не значитъ: доходить, какъ думаетъ г. Позднѣевъ. ціō*дзуру*—не значитъ: *зрѣлый возрастъ*, какъ полагаетъ г. Позднѣевъ: это *глаголъ*, имѣющій значеніе: расти, вырости, подрости. Впрочемъ въ подстрочномъ словарѣ, на стр. 21, и г. Позднѣевъ признаетъ въ ціō*дзуру* глаголъ съ значе-

ніемъ: ростя, и не дѣлаетъ никакого указанія на «зрѣлый возрастъ».

20 *субете но* сейдзи 16-17 すべ(總)ての政治。
не значитъ: (20) общія дѣла управленія, *а значитъ:* всѣ дѣла управленія.

Въ этой же фразѣ г. Позднѣевъ переводитъ: «въ царствованіе императора Суйко» (стр. 20). Такого императора въ Японіи, однако, никогда не было,—рѣчь идетъ объ императрицѣ. Въ подстрочномъ словарѣ (стр. 21) тоже сказано: императоръ.

23 Кōгіоку-теннō *но ми іо ни ва* 19皇極天皇の御代には
не значитъ: (24) въ царствованіе императора Кōгіоку-теннō.

Дѣло въ томъ, что этотъ императоръ вовсе не былъ императоръ, а императрица, въ чемъ г. Позднѣевъ, на этотъ разъ даже безъ знанія японской исторіи, могъ бы убѣдиться по собственному переводу, стр. 25, строка 6 сверху: «мать его занимала императорскій тронъ подъ именемъ Кōгіоку-теннō». Кстати замѣтимъ, что подобной фразы въ японскомъ оригиналѣ нѣтъ. Въ японскомъ оригиналѣ сказано просто:

онъ хаха ва Когіоку-теннō *нари* 20御母は皇極天皇なり。
т. е. мать его была Кōгіоку-тенн .

Если по переводу г. Позднѣева прослѣдить полъ императрицы Кōгіоку-теннō, то она въ одной и той же статейкѣ (стр. 24—26) фигурируетъ на стр. 24, строка 3, какъ «императоръ», на стр. 25, стр. 3 сверху, какъ «государь», стр. 6 сверху, какъ «мать», стр. 14 сверху, какъ «императрица».

24 теннō *ва Каматари во сите* сейдзи *но сиката іори* кокуминъ *но кокорое то нарубеки* сюдзю *но атарасики* кисоку *во садамесиме-тамаери* 23-24 天皇は、鎌足をして、政治のしかた(仕方)より、國民の心得とな(成)るべき、種種の新しき規則を定めしめたま(給)へり。
не значитъ: (20) Императоръ, при участіи Каматари, имѣя въ ви-

ду привлечь къ себѣ расположеніе народа посредствомъ дѣлъ правленія, ввелъ различныя новыя правила.

Все это представляетъ собою одинъ сплошной вымыселъ нашего переводчика г. Позднѣева и грубую фальсификацію текста.

Каматари во сите—не значитъ: при участіи Каматари; *во сите* относится къ побудительному залогу: *садамесиме-тамаери*—повелѣлъ установить, и указываетъ на то, что выполненіе выражаемаго послѣднимъ дѣйствія поручается Каматари. На привлеченіе «къ себѣ расположенія народа посредствомъ дѣлъ правленія» въ текстѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Фраза имѣетъ дословно слѣдующій смыслъ: Императоръ[1] приказалъ[2] Каматари[2], начиная съ методовъ управленія[3], установить[2] разнаго рода новыя правила[4], которыя могли бы сдѣлаться (руководящими) правилами для народа[5].

[1] теннō *ва* [2] *Каматари во сите... садамесиме-тамаери* [3] сейдзи *но сиката іори* [4] сюдзю *но атърасики* кисоку *во* [5] кокуминъ *но кокорое то нарубеки.*

24 *цуги-цуги но ми іо ни* 24 つぎつぎ(次次)の御代に.
не значитъ: (26) въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, *а значитъ:* въ послѣдующія царствованія.

24 *соно сисуру мае ни* дайсіокканъ *то ю моттомо такаки кураи во садзукари* 24 その死する前に.大織冠とい(云)ふ.もとっ(最)も.高き位をさづか(授)り.
не значитъ: (26) передъ своей смертью онъ получилъ званіе Дансіоку-канъ и былъ пожалованъ весьма высокимъ рангомъ.

Переводъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ оригиналомъ.

Вышеприведенное японское предложеніе не содержитъ въ себѣ двухъ глаголовъ, показанныхъ въ переводѣ: „получилъ“ и „былъ пожалованъ“; оно также и не содержитъ указанія на полученіе „званія Дансіоку-канъ“ и еще на пожалованіе „весьма высокимъ рангомъ“. Въ японскомъ текстѣ нѣтъ двухъ отдѣльныхъ словъ „званіе“ и „рангъ“, а встрѣчается

всего лишь одно слово „*кураи*“—степень, рангъ, званіе и т. д. Къ этому слову *кураи* относятся два опредѣленія: дай-сіокканъ *то ю*, т. е. (званіе), называемое дай-сіокканъ, и, во-вторыхъ, опредѣленіе: *моттомо такаки*, т. е. весьма высокое (званіе). Такъ какъ, однако, т. н. сіокканъ представляло собою самое высшее „канъ“ 冠 и распадалось на 2 степени, большую 大 и малую 小, то *моттомо такаки кураи* должно быть переведено: самое высшее званіе.

Смыслъ всего предложенія: передъ его смертью ему пожаловали самый высшій рангъ, называемый дай-сіокканъ.

27 また(又).僧の中には.山を開き.道をつく(造)り.橋をか(架)けなど(等)す(爲)るもの(者)をあ(有)りて.人民の便利もま(増)したり。され(然)ど.行よ(頁)からぬ僧もま(亦)た.出で來たり。

29 *мата со но уци ни ва яма во хираки, мици во цукури, хаси во каке надо суру моно мо арите,* дзимминъ *но* бенри *мо маситари. Саредо оконаи іокарану со мо мата иде-китарери.*

Эти два простыя предложенія г. Позднѣевымъ почему-то разрываются на двѣ части такимъ образомъ, что изъ плавнаго японскаго текста получается нѣсколько странный русскій текстъ.

Г. Позднѣевъ переводитъ: (30) Среди бонзъ явились лица, которыя открывали горы, проводили дороги, строили мосты и пр. Благосостояніе народа увеличивалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ явились также и бонзы дурного поведенія.

Такимъ образомъ, оказывается, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія народа явились также и бонзы дурного поведенія. Подобной мысли нѣтъ въ японскомъ оригиналѣ, и установленіе связи между увеличеніемъ благосостоянія народа и появленіемъ среди разбогатѣвшаго народа духовныхъ лицъ «дурного поведенія»,—явленіе, впрочемъ, весьма возможное,— принадлежитъ всецѣло г. Позднѣеву.

Данное мѣсто оригинала имѣетъ слѣдующій смыслъ: Далѣе, среди бонзъ находились также и такіе, которые занимались открываніемъ доступа въ горы, проведеніемъ дорогъ,

устройствомъ мостовъ и т. п., благодаря чему увеличились также и удобства для народа. Однако, съ другой стороны, появились также и бонзы нехорошаго поведенія.

31 *Омоку* ціōтей *ни моціира-рете*

27 おゝも(重)く朝廷に用ゐられて.

не значитъ: (32) онъ былъ назначенъ на важный постъ на службѣ во дворцѣ.

Въ текстѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека ни на постъ, ни на важный постъ, ни на назначеніе, какъ и нѣтъ въ немъ указанія ни на службу, ни на дворецъ; *въ текстѣ говорится только слѣдующее:* правительство широко пользовалось имъ (его услугами).

Рѣчь идетъ о бонзѣ-настоятелѣ придворной кумирни, которому удалось пріобрѣсти большое вліяніе.

31 *Коно токи* Уса-Хациманъ *но осіе то ицуварите,* „Дōкiō теннō *но ми кураи ни цукаба,* тенка тайхей *наранъ*" *то мōси-агуру моно арики.*

27-28 こ(此)の時.宇佐八幡の敎といつは(偽)りて.「道鏡.天皇の御位に即かば.天下太平な(成)らん。」と申しあ(上)ぐるもの(者)あ(有)りき。

не значитъ: (32) Въ это время были лица, которыя, обманно пользуясь ученіемъ Уса Хацимана, предсказывали, что „если Дōкiō вступитъ на императорскій тронъ, то въ имперіи настанетъ полный міръ".

Такихъ лицъ во множественномъ числѣ вовсе не было: рѣчь идетъ объ одномъ лицѣ по имени *Суге но Асомаро.* И это лицо вовсе ничего не предсказывало, а докладывало (*мōси-агуру*) императрицѣ.

Такой неудобопонятной японской фразы, какъ переводная фраза г. Позднѣева: „обманно пользуясь ученіемъ Уса Хацимана", въ японскомъ оригиналѣ нѣтъ, и сразу же замѣтимъ,—такой неправильной по содержанію, если, конечно, фраза г. Позднѣева вообще обладаетъ смысломъ и содержаніемъ и не представляетъ собою лишь какой-то неудобопонятный наборъ русскихъ словъ, занимающихъ въ русскомъ переводѣ непонятое г. Позднѣевымъ мѣсто японскаго оригинала.

Ни о какомъ существовавшемъ до того времени ученіи Уса-Хацимана въ японскомъ текстѣ не говорится, почему и при желаніи даже нѣтъ возможности „пользоваться“ этимъ ученіемъ.

Фраза имѣетъ слѣдующій смыслъ: Въ это время былъ человѣкъ, который, подъ видомъ ученія Хацимана въ Уса*), докладывалъ: Если бы Дōкіō вступилъ на престолъ, то въ имперіи насталъ бы глубокій миръ.

Если фраза г. Позднѣева: „обманно пользуясь ученіемъ Уса Хацимана“ вообще имѣетъ смыслъ, то во всякомъ случаѣ не тотъ, который требуется въ данномъ мѣстѣ.

31 *ками но осіе* 28 神の教。
не значитъ: (32) наставленіе духа Уса Хацимана, *а значитъ:* наставленіе бога (т. е. Хацимана). Въ текстѣ нѣтъ словъ „Уса Хациманъ“ и они самовольно внесены въ переводъ г. Позднѣевымъ.

Какъ извѣстно, подъ названіемъ Хацимана, въ качествѣ бога войны, обоготворенъ императоръ Ōдзинъ-теннō, такъ что Хациманъ т. ск. духъ указаннаго императора. Почему только г. Позднѣевъ находитъ нужнымъ обращаться къ духу духа?

31 Уса *іори каерите* 28 宇佐よりかへ(歸)りて。
не значитъ: (32) возвратившись отъ Уса, *а значитъ:* возвратившись изъ Уса. Г. Позднѣевъ принялъ географическое названіе Уса за имя бога.

Уса-Хациманъ не значитъ, какъ написано у г. Позднѣева въ подстрочномъ словарѣ, стр. 33: „Уса-Хациманъ, имя синтоистскаго бога». Именемъ бога является одно только Хациманъ, Уса же указываетъ на мѣстонахожденіе именно того храма бога, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ мѣстѣ, именно Уса въ уѣздѣ Уса въ провинціи Будзенъ. Тамъ находится храмъ Уса-Хациманъ-гӯ или полнѣе Уса-Хациманъ-дзингӯ. Это—вторая національная святыня Японіи послѣ великихъ храмовъ въ Исе. Казалось бы, что съ издателя и переводчи-

*) Дословнѣе: лжесвидѣтельствуя, что (это т. е. его докладъ, представляетъ собою) ученіе Хацимана въ Уса.

ка „Японской Исторической Хрестоматіи“ позволительно требовать знаніе хоть такихъ крохъ изъ японовѣдѣнія.

Довольствуясь вышеприведенными выборками изъ первыхъ 32 страницъ перевода г. Позднѣева[1]), мы приведемъ въ дальнѣйшемъ только два-три мѣста изъ слѣдующихъ страницъ перваго отдѣла книги, не потому, чтобы эти слѣдующія страницы отличались лучшимъ и болѣе правильнымъ переводомъ, а **потому что, по правдѣ, опасаемся утонуть въ бездонномъ морѣ ошибокъ и несообразностей „Хрестоматіи“ г. Позднѣева.**

38 *Мата* кокіō *нару Сануки но куни ни ōи нару* іōсуй-*ике но* кōдзи *во тасукете, нагаку* хякусіō *но урее во нодзокитару надо, іононака но* еки *во окоситару кото сукунакарадзарики.*

34-35 また(又).故郷なる讃岐の國に.大いなる用水池の工事を助けて.なが(永)く.百姓の憂をのぞ(除)きたるなど.世の中の益をおこ(興)したること.少からざりき。

не значитъ: (39) кромѣ того въ провинціи Сануки, своей родинѣ, онъ оказывалъ большое содѣйствіе работамъ по устройству пруда для запасовъ воды, а также долгое время облегчалъ народныя скорби и пр. Онъ немало содѣйствовалъ благосостоянію народа.

іōсуй 用水 *не значитъ:* запасы воды, а *значитъ:* 1) примѣненіе воды; 2) вода (проводимая или запасаемая) для пользованія; 3) канавы или пруды, служащіе для орошенія рисовыхъ и иныхъ полей. Къ нашему тексту подходитъ третье значеніе; іōсуй-*ике* 用水池 значитъ поэтому: прудъ съ водой для пользованія ею при орошеніи полей.

«Онъ оказывалъ большое содѣйствіе работамъ по устройству пруда для запасовъ воды».—Ничего подобнаго въ японскомъ

---

1) Такъ какъ на разобранныхъ 32 страницахъ, помимо перевода, помѣщены еще и транскрипція японскаго текста, занимающая столько же мѣста, сколько занимаетъ переводъ, и слова къ отдѣльнымъ статьямъ, занимающія больше мѣста, чѣмъ переводъ или транскрипція въ отдѣльности, то вышеприведенный разборъ и указанныя въ немъ важнѣйшія ошибки относятся въ дѣйствительности лишь къ 10 страницамъ разгонистой печати.

текстѣ нѣтъ. *ои нару*—большой—не можетъ относиться къ *тасукете*—оказывалъ содѣйствіе (по переводу г. Позднѣева), потому что *ои нару* по формѣ своей можетъ быть только опредѣленіемъ, и поэтому никогда не можетъ относиться къ сказуемому. *ои нару*—относится какъ опредѣленіе къ слѣдующему іосуй-*ике*, и соотвѣтственно этому предлагаемый г. Позднѣевымъ переводъ слѣдуетъ исправить слѣдующимъ образомъ: онъ оказывалъ содѣйствіе работамъ по устройству большого пруда для запасовъ воды.

«а также» не имѣетъ въ японскомъ текстѣ ничего, что бы ему могло соотвѣтствовать.

хякусiō 百姓 имѣетъ слѣдующія значенія: 1) народъ, 2) земледѣлецъ, крестьянинъ. Изъ этихъ значеній второе —общеупотребительное и въ данномъ мѣстѣ единственно допустимое. Въ данномъ мѣстѣ ведется рѣчь вовсе не отвлечено о народныхъ скорбяхъ вообще, а говорится совершенно опредѣленно о конкретныхъ нуждахъ не народа вообще, а крестьянъ въ частности. Конкретныя нужды эти относятся къ земледѣлію и, въ частности, къ орошенію полей. Такъ какъ, такимъ образомъ текстъ ведетъ рѣчь только объ одномъ дѣлѣ, то «а также» г. Позднѣевъ вставлено совершенно зря.

Надо—переведено г. Позднѣевымъ: «и пр.» и послѣ этого поставлена точка. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Позднѣева, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ незаконченнымъ японскимъ предложеніемъ или обрывкомъ таковаго. Въ дѣйствительности ничего подобнаго въ данномъ мѣстѣ не имѣется. Въ дѣйствительности *надо* связываетъ въ широкомъ смыслѣ всѣ предшествующія ему предложенія, въ которыхъ излагается полезная дѣятельность Кōбō-дайси, въ тѣсномъ же грамматическомъ смыслѣ—непосредственно ему предшествующее предложеніе, оканчивающееся на *нодзокитару* (=устранилъ), со слѣдующимъ за нимъ предложеніемъ, относясь, въ частности, къ слову *кото*. *Надо* заканчиваетъ собою такимъ образомъ перечисленіе отдѣльныхъ моментовъ дѣятельность Кōбō-дайси.

Все предложеніе имѣетъ слѣдующій смыслъ: Далѣе, способствуя въ своей родинѣ Сануки постройкѣ большого во-

дяного резервуара, онъ на долго устранилъ крестьянское горе: подобныхъ[1]) случаевъ[2]) созиданія имъ общественной пользы было не мало.

41 гакумонъ *во мотте ми во татетару хито ни сите* 37 學問をもっ(以)て身を立てたる人にして.

не значитъ: (42) будучи самъ ученымъ, сдѣлался знаменитымъ человѣкомъ, *а значитъ:* былъ человѣкъ, создавшій себѣ положеніе наукою (ученостью).

Въ разбираемомъ мѣстѣ г. Позднѣевъ отступаетъ, но только не въ сторону правильнаго перевода, отъ своего прежняго рецепта для перевода *во мотте* (см. выше, стр. 7). Слѣдуя прежнему рецепту, слѣдовало бы перевести: принесъ съ собою науки и сдѣлался знаменитымъ человѣкомъ. Переводя же вышеприведенный примѣръ (стр. 7) по предлагаемому г. Позднѣдвымъ новому рецепту, мы получили бы: этотъ человѣкъ, будучи самъ науками, поступилъ на службу во дворцѣ.

41 *Мицидзане во омоку моціи-тамаи* 37 道眞を重く用ゐさま(給)ひ.

не значитъ: (42) сильно поднявъ значеніе Мицидзане, *а значитъ:* широко пользовался (услугами) Мицидзане.

Подъ конецъ перваго отдѣла книги наше вниманіе невольно останавливается на заглавіи статьи XX-й, на страницѣ 73-й,—статья эта оказывается послѣдней въ первомъ отдѣлѣ,—русскій переводъ котораго не соотвѣтствуетъ японскому оригиналу. Что это не случайность, на то указываетъ то обстоятельство, что это заглавіе въ томъ же видѣ встрѣчается еще на стр. X-й и XIII-й. Г. Позднѣевъ переводитъ японское заглавіе: 北 條 氏 亡 ぶ。 Хōдзіō-си *горобу* словами: Истребленіе дома Хōдзіō, между тѣмъ какъ слѣдовало бы перевести: Гибель дома Хōдзіō, если уже не желательно держаться поближе японскаго оригинала и соотвѣтственно ему переводить: Домъ Хōдзіō гибнетъ, падаетъ, распадается и т. д. Въ скобкахъ замѣтимъ

1) *надо* 2) *кото.*

что „истреблять“ по японски не *горобу*, а *хоробосу* и, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, домъ Хôдзіô вовсе не былъ истребленъ, а члены его погибли отъ собственной руки, покончивши самоубійствомъ.

Просмотръ этой статьи убѣждаетъ насъ въ томъ, что эта послѣдняя статья перваго отдѣла книги служитъ типичнымъ образчикомъ переводческаго искусства г. Позднѣева, почему мы и намѣрены на ней остановиться.

По переводу г. Позднѣева оказывается, что императоръ Го-Дайго „постоянно думалъ о томъ, чтобы свергнуть правительство Камакура[1])“, какъ будто императоръ самъ являлся претендентомъ на юридически подчиненную ему же должность Камакурскаго сіôгуна, или что еще хуже—на должность субъ-сіôгуна изъ дома Хôдзіô. Въ дѣйствительности императоръ носился съ мыслью *объ упраздненіи* Камакурскаго сіôгуната.—„Правительство Камакура“ тоже довольно своеобразное и не совсѣмъ удобопонятное выраженіе, и едва ли оно допустимо, пока не пріобрѣтутъ права гражданства въ русскомъ языкѣ выраженія въ родѣ «правительство С.-Петербургъ», «правительство Лондонъ» и т. п.

О сиккенѣ того времени Хôдзіô Такатоки г. Позднѣевъ утверждаетъ, что „онъ дурно велъ дѣла правленія“, приписывая такимъ образомъ этому сиккену, о которомъ строчкой выше читаемъ: „глупый по характеру и доведшій роскошь до крайности“, активную, хотя и не совсѣмъ удачную правительственную дѣятельность. Между тѣмъ японскій оригиналъ вовсе не дѣлаетъ такого личнаго упрека сиккену и, отмѣтивъ его личныя качества, замѣчаетъ, что „и правленіе не было хорошимъ“[2]), проведя такимъ образомъ строгую грань между личными качествами и наклонностями управителя и областью государственныхъ дѣлъ, которая, конечно, при из-

---

1) *цуне ни Камакура*-бакуфу *во хайсенъ то обесимесики* (стр. 72 у г. Позднѣева). つね(常)に鎌倉幕府を廢せんとおぼしめ(思召)しき。(Стр. 66 японскаго оригинала).

2) сейдзи *мо іокарадзарисикаба* (стр. 72 у г. Позднѣева). 政治もよか(宜)らざりしかば。(Стр. 66 японскаго оригинала).

вѣстныхъ обстоятельствахъ, несмотря ни на какія личныя качества юридическаго управителя, могла процвѣтать, чему имѣется масса примѣровъ въ японской исторіи.

Далѣе г. Позднѣевъ повѣствуетъ, что когда „симпатіи народа мало по малу отъ дома Хōдзіō отошли“, „императоръ, считая это удобнымъ моментомъ, собралъ у себя военные чины, но *организація предпріятія еще не была окончена, когда секретъ сдѣлался открытымъ*“. Выдѣленнымъ посредствомъ курсива словамъ соотвѣтствуютъ слѣдующія слова японскаго оригинала: *кото накаба ните моретари*. Чтобы эти 4 японскихъ слова перевести на русскій языкъ, г. Позднѣеву, котораго „къ подстрочному переводу“ (Введеніе, стр. V) побуждали различныя обстоятельства, перечисленныя въ „Введеніи“, стр. V—VI, понадобилось 10 русскихъ словъ. „Подстрочный переводъ“ г. Позднѣева служитъ перифразомъ слѣдующаго дѣйствительно подстрочнаго перевода: „дѣло (или: затѣя, планъ), въ серединѣ будучи, стало извѣстнымъ“.

Познакомивши насъ на 3 и 4 строкахъ сверху (стр. 73) съ „правительствомъ Камакура“ (по японски: *Камакура*-бакуфу 鎌倉幕府 Камакурскій бакуфу или сіōгунатъ), г. Позднѣевъ на 10 строкѣ сверху (на той же страницѣ) вводитъ въ свой переводъ выраженіе „правительство бакуфу“, что, повидимому, представляетъ собою „подстрочный“ перифразъ единственнаго могущаго этому соотвѣтствовать въ японскомъ текстѣ японскаго слова: бакуфу 幕府, т. е. „мѣсто завѣдыванія военными дѣлами сіōгуномъ“, какъ объясняетъ этотъ общеизвѣстный терминъ, обычно переводимый словомъ сіōгунатъ, словарь Дзиринъ.

Дальше оказывается, что это «правительство бакуфу» «напало на мѣстность Касаги-яма, гдѣ заперся императоръ». Японскій текстъ говоритъ только *о горѣ Касаги-яма*, но г. Позднѣевъ, въ качествѣ автора «Географически-статистическаго очерка Японіи», очевидно, лучше освѣдомленъ въ японской географіи, нежели «спеціальный исторіографическій комитетъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія» (Введеніе, стр. VI) (рѣчь идетъ о японскомъ м-ствѣ нар. пр.), составившій переводимый г. Позднѣевымъ учебникъ.

Описавъ печальную судьбу императора Го-Дайго, «постоянно» думавшаго «о томъ, чтобы свергнуть правительство Камакура», г. Позднѣевъ страдательнымъ залогомъ безъ дѣятелей возводитъ на престолъ императора Когонъ, предоставляя возведеніе его на престолъ «правительствомъ бакуфу» при помощи дѣйствительнаго залога (*ми кураи ни цуке-татемацурики*) оригиналу японскаго учебника, о которомъ г. Позднѣевъ же въ своемъ «Введеніи» свидѣтельствуетъ, что «каждая фраза и даже каждое слово получаютъ особо важное значеніе, и измѣнять переводъ ихъ въ зависимости отъ красоты русскаго слога едва ли представится цѣлесообразнымъ» (стр. VI).

Послѣ изложеннаго успѣха «правительства бакуфу», г. Позднѣевъ, въ послѣдней фразѣ перваго абзаца разбираемой статьи, окончательно раскрываетъ дѣятельность императора Го-Дайго, «постоянно» думавшаго «о томъ, чтобы свергнуть правительство Камакура», заканчивая абзацъ фразой: «Участвовавшія въ военномъ совѣтѣ лица или были убиты или сосланы». Оказывается, что терминъ «военный совѣтъ» представляетъ собою «подстрочный» переводъ г. Позднѣевымъ японскаго слова *хакаригото* 謀—планъ, замыселъ.

Изъ дальнѣйшаго перевода видно, что акціи императора Го-Дайго еще не совсѣмъ упали, ибо «въ это время человѣкъ изъ Каваци, Кусуноки Масасиге (1294—1336), услышавъ императорскій приказъ, заперся въ замкахъ Акасака и Цихая и защищался отъ непріятеля». Читая это предложеніе, мы невольно поражаемся удивительной связности его и совершенно невѣроятнымъ поступкамъ помянутаго человѣка изъ Каваци. На сценѣ появляется «человѣкъ изъ Каваци, Кусуноки Масасиге (1294—1336)», который «услышавъ» какой-то «императорскій приказъ», неизвѣстно къ кому обращенный и что приказывающій, «заперся» сразу въ двухъ замкахъ «Акасака и Цихая», «и защищался отъ непріятеля», опять-таки неизвѣстно почему именно нападавшаго на этого несчастнаго человѣка изъ Каваци, вся вина котораго заключалась въ томъ, что онъ, «услышавъ императорскій приказъ, заперся въ замкахъ». Въ дѣйствительности же «въ это время Кавацієцъ

Кусуноки Масасиге», этотъ самый вѣрный изъ всѣхъ вѣрныхъ вассаловъ, которымъ до сегодняшняго дня гордится не только Каваци, но вся Японія. «благоговѣйно принявъ» обращенное именно къ нему лично «повелѣніе императора», ввѣрившаго ему свою судьбу, «останавливалъ непріятеля», опираясь при этомъ сперва на замокъ Акасака и затѣмъ на замокъ Цихая[1]).

Въ дальнѣйшемъ «подстрочномъ» переводѣ г. Позднѣева мы читаемъ: «вѣрные трону отряды въ разныхъ мѣстахъ поднялись». Можно *a priori* сказать, что въ японскомъ текстѣ не можетъ быть рѣчи о «вѣрныхъ трону отрядахъ»; подобное выраженіе для японцевъ слишкомъ бездушно и неопредѣленно. И дѣйствительно. въ японскомъ текстѣ имѣется выраженіе 勤 王 の 兵 киннō но хей—войска, старающіяся ради Государя.

Черезъ нѣсколько строкъ ниже г. Позднѣевъ находитъ нужнымъ внести существенныя поправки въ переводимый имъ японскій оригиналъ[2]).

---

[1]) *Коно токи Каваци но хито Кусуноки Масасиге ва* теннō *но осе во укетамавари, Акасака*-дзіō *мата ва Цихая*-дзіō *ни коморите,* теки *во сасае* (стр. 72 книги г. Позднѣева) この(此)時.河内の人楠木正成は.天皇の仰をうけたまは(承)り.赤阪城.まゝ(又)は.千早城にこも(籠)りて.敵をささ(支)へ. (стр. 67 японскаго оригинала).

что дословно значитъ: въ это время Кавацкій человѣкъ Кусуноки Масасиге получилъ повелѣніе императора и, опираясь на замокъ Акасака, а затѣмъ на замокъ Цихая, останавливалъ (удерживалъ) непріятеля.

[2]) Бакуфу *но* синъ *Нитта Іосисада Асикага Такаудзи ра мо мата* кангунъ *то нарери. Какуте Такаудзи ва* киннō *но хито-бито то томо ни* Рокухара *во семете коре во тори, Іосисада ва Камакура ни семе-ирисикаба, Такатокй* ика *мина* дзисацу *сери.* 幕府の臣.新田義貞.足利尊氏等も.ま(亦)た.官軍とな(成)れり。かく(斯)て.尊氏は.勤王の人人とと(共)に.六波羅を攻めて.これ(之)を取り.義貞は.鎌倉に攻め入りしかば.高時以下.みな(皆).自殺せり。

Г. Позднѣевъ переводитъ (стр. 73—74):

«Принадлежащіе къ бакуфу чиновники Нитта Іосисада и Асикага Такаудзи вмѣстѣ съ вѣрными трону лицами, произведя нападеніе на Рокухара, овладѣли ею. Іосисада, напавъ на Камакура, вошелъ въ нее, и тогда, начиная съ Такатоки, всѣ его подчиненные покончили самоубійствомъ.

Японскій текстъ гласитъ (стр. 67—68):

Вассалы сіогунскаго правительства Нитта Іосисада и Асикага Такаудзи и пр. также перешли на сторону правительственныхъ(т. е. легальныхъ, стоявшихъ за императора) войскъ. Тогда Такаудзи, вмѣстѣ съ приверженцами императора, напавъ на Рокухару, взялъ ее, Іосисада же вторгся въ Камакуру, вслѣдствіе чего, всѣ, во главѣ съ Такатоки, совершили самоубійство.

Сравнивая переводъ г. Позднѣева съ японскимъ оригиналомъ, легко видѣть, что въ этомъ переводѣ пропущены слова: *мо мата* кангунъ *то нарери,* т. е. также перешли на сторону правительственныхъ (т. е. императорскихъ) войскъ; дословно: также стали правительственной арміей. По г. Позднѣеву Іосисада и Такаудзи дѣйствовали вмѣстѣ и вмѣстѣ взяли Рокухару. Эта любопытная поправка, вносимая г. Позднѣевымъ въ японскую исторію, къ сожалѣнію, не согласуется съ географіей этой страны: Рокухара находилась въ Кіото, Іосисада же, какъ видно по японскому тексту и какъ утверждаютъ крупные авторитеты въ области японской исторіи, въ то время дѣйствовалъ подъ Камакурой, т. е. на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Кіото. При такихъ обстоятельствахъ позволительно сомнѣваться въ правдивости вносимой г. Позднѣевымъ въ японскую исторію поправки.

Вторая поправка г. Позднѣева еще болѣе невѣроятна. Іосисада, оказывается, побѣдоносно вошелъ въ Камакуру «и тогда, начиная съ Такатоки, всѣ его подчиненные покончили самоубійствомъ». Это по истинѣ потрясающее и небывалое въ исторіи событіе: побѣдоносный Іосисада остается совершенно одинъ, такъ какъ всѣ его подчиненные, начиная съ Такатоки, послѣ пораженія, очевидно, тоже приведеннаго къ подчиненію,

покончили самоубійствомъ. Передъ этимъ фактомъ блѣднѣетъ то обстоятельство, что въ японскомъ текстѣ вовсе не упоминается ни о какихъ подчиненныхъ. Выраженіе 以下 ика, переводимое г. Позднѣевымъ „подчиненные", согласно объясненію словаря Дзиринъ, значитъ: отъ этого внизъ, послѣ этого.

Узнавъ изъ японскаго текста, и даже по переводу г. Позднѣева, что представитель дома Хōдзiō Такатоки и др. покончили самоубійствомъ, для насъ ясно, что «истребленіе дома Хōдзiō», о которомъ говорится устами г. Позднѣева въ заглавіи и въ заключеніи статьи, относится тоже только къ исторіографическимъ конъюнктурамъ г. Позднѣева, ибо этотъ домъ никто не истреблялъ, а онъ погибъ самъ отъ собственной руки, избѣгнувъ такимъ образомъ своего истребленія отъ посторонней руки. Если бы г. Позднѣевъ вмѣсто «истребленіе» писалъ «самоистребленіе», то и тогда это не соотвѣтствовало бы смыслу японскаго слова: *горобу*, значеніе котораго указано выше.

Прежде чѣмъ перейти къ обѣщанному въ заключеніе разбору послѣдней статьи второго отдѣла книги г. Позднѣева, нельзя не остановить свое вниманіе на нѣкоторыхъ выдающихся заглавіяхъ статей этого второго отдѣла, въ родѣ заглавія статьи V-й: «Утвержденіе героевъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи», что вовсе не соотвѣтствуетъ ни смыслу соотвѣтствующаго японскаго заглавія, ни содержанію статьи, кстати замѣтимъ, на рѣдкость извращенной и неудобопонятный въ переводѣ г. Позднѣева,—заглавій ст. VIII-й и IX-й, въ которыхъ (а равно и во всемъ текстѣ перевода) г. Позднѣевъ извѣстныхъ всѣмъ и каждому *Іеясу* (читай: *і-е-я-су*) и *Іемицу* (читай: *і-е-ми-цу*), несмотря на правильно данную иностранную транскрипцію: *Ieyasu* и *Iemitsu*, для русской публики почему-то нашелъ нужнымъ перекрестить въ *Еясу* и *Емицу*. Ни одинъ японецъ въ подобномъ произношеніи не сообразитъ, о комъ именно идетъ рѣчь.

Двѣ статьи посвящены въ переводѣ г. Позднѣева (но только въ его переводѣ, а не въ японскомъ оригиналѣ) изло-

женію своеобразныхъ «теорій». Сюда относятся статья XII-я: «Теорія почитанія императора» и статья XIII-я: «Прибытіе иностранныхъ судовъ и теорія изгнанія иностранцевъ».

Въ этой послѣдней статьѣ г. Позднѣевъ, между прочимъ, даетъ весьма нелестный отзывъ о своихъ соотечественникахъ. На стр. 136 мы читаемъ: «Но, въ это время русскіе подданные часто пріѣзжали на Хоккаидо и прозводили тамъ безпорядки». Къ счастью, составители «Начальной японской исторіи» снимаютъ съ русскихъ, пріѣзжавшихъ на Хоккайдō, обвиненіе въ производствѣ ими тамъ безпорядковъ и даютъ фразѣ г. Позднѣева слѣдующій оборотъ: „въ то время русскіе люди, часто пріѣзжая, тревожили Хоккайдō“.

При случаѣ г. Позднѣевъ не отказывается также отъ законодательныхъ функцій, и когда японскій оригиналъ въ ст. XVI-й довольствуется „обнародованіемъ конституціи“ г. Позднѣевъ усложняетъ этотъ случай „опубликованіемъ закона о конституціи“.

Мы охотно сознаемся, что заманчивая тема въ родѣ «Теоріи почитанія императора» заставила насъ заглянуть въ переводъ статьи XII-й. При помощи японскаго текста намъ удалось вникнуть въ смыслъ перевода г. Позднѣева и одновременно убѣдиться въ томъ, что оригиналъ и переводъ двѣ вещи совершенно разныя.

Въ нѣкоторыхъ частностяхъ отношеніе г. Позднѣева къ сильнымъ японскаго міра измѣнилось. Такъ напримѣръ, на стр. 129 «Танума Окицугу» *«взялъ въ свои руки государственныя дѣла»* (政治にあづカ(與)りて, сейдзи *ни адзукарите*) (курсивъ нашъ), между тѣмъ какъ въ первомъ отдѣлѣ книги при тѣхъ выраженіяхъ же японскаго текста (сейдзи *ни адзукарики*, стр. 16). «Ōмурадзи изъ дома Мононобе вмѣстѣ съ ō-оми изъ дома Сога... по преимуществу *принимали участіе въ дѣлахъ правленія*» (стр. 17), (курсивъ нашъ).

Когда японскій текстъ утверждаетъ, что «были люди среди бѣдняковъ, которые подымали возстанія» (貧民の蜂起するもの者ありて химминъ *но* хōки *суру моно арите*), г. Позднѣевъ, не согласный съ подобнымъ уклончивымъ выраженіемъ, пишетъ рѣшительно: «бѣдное населеніе поднимало возстанія» (стр. 129).

Если бы Токугава Мицукуни, составившему «Исторію Великой Японіи» (стр. 130) и не смотря на этотъ почтеный трудъ только сумѣвшему указать «на возвышенное положеніе императорскаго двора (или правительства)» (朝廷の尊きしだい(次第)を示して), до изданія своего труда было бы дано судьбой ознакомиться съ «Японской начальной исторіей» въ русскомъ переводѣ г. Позднѣева, то послѣдующіе историки, несомнѣнно, свидѣтельствовали бы о его трудахъ словами г. Позднѣева: «Токугава Мицукуни... указывалъ причину необходимости почтенія ко двору».

«Съ тѣхъ поръ», продолжаетъ г. Позднѣевъ, стр. 130, «постепенно начали появляться лица, ясно понимавшія различіе правъ и титуловъ, но людей, которые бы говорили объ этомъ, не было». Совершенно понятно, что ихъ не было, ибо въ тѣ времена не было еще г. Позднѣева, чтобы объяснить имъ «различіе правъ и титуловъ».

«Однако теперь», продолжаетъ г. Позднѣевъ, стр. 130, «вмѣстѣ съ постепеннымъ ослабленіемъ бакуфу, начали распространяться мнѣнія о почитаніи государя, и впервые появились также люди, разсуждавшіе о незаконности бакуфу». Г. Позднѣевъ различаетъ такимъ образомъ два момента: съ одной стороны, «начали распространяться мнѣнія о почитаніи государя» и, съ другой стороны, «впервые появились также люди, разсуждавшіе...» Японскій текстъ уклоняется отъ приведеннаго перевода и заключающагося въ немъ болѣе глубокаго анализа японской исторіи и приписываетъ «распространеніе мнѣній» (чтобы выражаться словами г. Позднѣева) тѣмъ же самымъ людямъ, которые, по г. Позднѣеву, «также» появились, другими словами, говоря съ точки зрѣнія синтаксическаго построенія данной японской фразы, «люди» этой японской фразы имѣютъ передъ собою два опредѣлительныхъ предложенія и не имѣютъ послѣ себя никакого «также».

Въ слѣдующемъ предложеніи г. Позднѣевъ высказываетъ нѣжныя заботы о своихъ «также появившихся людяхъ» и назначаетъ имъ для большей планомѣрности дѣйствій «лидеровъ» въ лицѣ «Такеноуци Сикибу, Ямагата Дайни и др.» («Лидерами ихъ сдѣлались Такеноуци Сикибу, Ямагата Дайни и др.», стр. 130).

Послѣ всего этого насъ поражаетъ весьма милостивое отношеніе къ этимъ лидерамъ «правительства бакуфу», которое уполномочило г. Позднѣева дать русской фразѣ слѣдующій оборотъ: «Но эти люди всѣ *обвинялись* правительствомъ бакуфу» (стр. 130) (курсивъ нашъ). Остается лишь надѣяться, что прозорливые читатели дѣйствительно, во имя истины, догадаются, что «правительство бакуфу», по словамъ японскаго оригинала, этихъ «лидеровъ» (!!) *подвергло наказанію*, которое, по словамъ помянутой выше «Книги для преподаванія начальной исторіи» (т. II. стр. 190), для Дайни выразилось въ потерѣ головы и выставленіи ея на показъ народу, для Сикибу же въ ссылкѣ. Такимъ образомъ г. Позднѣевъ въ концѣ концовъ совершенно правъ, когда онъ эту фразу заканчиваетъ словами: «и одно время лица, высказывавшія взгляды этого рода, прекратились». Жаль, конечно, что русскій оборотъ: «лица... прекратились» оставленъ г. Позднѣевымъ безъ надлежащаго объясненія его смысла.

Послѣ точки съ запятой у г. Позднѣева появляется новый факторъ: «государственное просвѣщеніе», которое «съ другой стороны» «постепенно возрастало и сильно помогало ученію о почитаніи императора».

«Государстренное просвѣщеніе», поясняетъ г. Позднѣевъ въ слѣдующемъ предложеніи, «заключалось тогда въ наукѣ объ изслѣдованіяхъ древней исторіи и древней литературы». Читая это, мы охотно сознаемся, что ничего не понимаемъ.

Не находя термина 國學 кокугаку въ «словахъ» г. Позднѣева, въ которыхъ кстати при этомъ случаѣ наталкиваемся на 罪せらる *цуми* сераръ, переведенное г. Позднѣевымъ въ текстѣ (см. выше) „обвинялись“, съ значеніемъ „быть осужденнымъ“ (стр. 133), мы обращаемся къ словарю Дзиринъ, въ которомъ на страницѣ 497 читаемъ: **こく-がく** 〔國學〕(名)㊀我國の國史.國文等を研究する學問。㊁古昔.諸國に設けたりし學校。㊂支那の古代にて.天子の宮城のある地若しくは諸侯の居城する地に設けてありし學校。國の大學。**коку-гаку** 國學 (мей). 1. *Вага куни но*

кокуси, кокубунъ то *во* кенкю *суру* гакумонъ. 2. Косеки, сікоку *ни мбкетарисп гаккб.* 3. Сина *но* кодай ните, тенси *но* кюдзіо *но ару* ци *мосику ва* сіоко но кіодзіо *ару* ци *ни мбкете ариси* гакко. *Куни но* дайгаку,— т. е. Кокугаку. [(Пишется:) 國學]. (Имя (существительное)). 1. Наука, изучающая нашего государства національную исторію, національную литературу и пр. 2. Въ древности, школы, учрежденныя въ провинціяхъ. 3. Въ древнемъ Китаѣ, школы, учрежденныя въ мѣстѣ, въ которомъ находился дворецъ Сына Неба, или же въ мѣстахъ, въ которыхъ находились замки феодальныхъ князей. Мѣстный универститетъ.

Какъ видно о „государственномъ просвѣщеніи" г. Позднѣева словарь Дзиринъ ничего не знаетъ.

Словарь *Котоба но идзуми*, стр. 531, объясняетъ это слово слѣдующимъ образомъ: Наука подлежащей страны; главнымъ образомъ, наука, изучающая предметы въ родѣ національной исторіи и національной литературы; въ древности, школы, учрежденныя въ провинціяхъ; мѣсто, въ которомъ обучали дѣтей уѣздныхъ чиновъ (въ противоположность къ Кіотоскому университету).

Оказывается, что ученый составитель этого словаря не учился у г. Позднѣева.

Словарь Генкай, на стр. 337, объясняетъ это слово слѣдующимъ образомъ: 1. Наука подлежащей страны. 2. „Японская наука" (вагаку 和學). 3. Высшія учебныя заведенія подлежащей страны.—Слово вагаку 和學 словарь Генкай объясняетъ на стр. 1083: Японская поэзія, литература, исторія, этикетъ и др. науки; національная наука; священная (возвышенная) наука (противополагается китайской и европейской наукамъ).

Оказывается, что и Генкай не находитъ возможнымъ считаться съ авторитетомъ г. Позднѣева.

Не имѣя возможности, за недостаткомъ времени и мѣста, удѣлить наше вниманіе дальнѣйшему ходу перевода этой статьи, перейдемъ къ заключительнымъ ея аккордамъ.

На страницѣ 131 г. Позднѣевъ знакомитъ насъ съ двумя разрядами самураевъ:—„появились скорбѣвшіе о положеніи государства самураи вмѣстѣ съ самураями, сторонниками взгляда о почитаніи государя“. Изображенное г. Позднѣевымъ появленіе это не лишено траги-комичности, но осмысленнаго перевода іероглифа 士, переведеннаго словомъ самурай, трудно требовать отъ г. Позднѣева.

«Самураи» эти, какъ оказывается, „доказывали необходимость заботъ объ улучшеніи условій страны и общества“, что, конечно, весьма похвально. Къ сожалѣнію, однако, соотвѣтствующее мѣсто текста гласитъ: すこぶ(頗)る慷慨の議論をなし *сукобуру* кōгай *но* гиронъ *во наси*, т. е. они вели чрезвычайно возбужденныя разсужденія. Выраженіе 慷慨 кōгай значитъ[1]): 意氣ふるひおこりてなげきかなしむこと, или *фуруи-окорите нагеки-канасиму кото*, т. е. въ крайне возбужденномъ настроеніи плачь и сокрушеніе; или дословнѣе: въ возбужденномъ изступленіи духа плача сокрушаться.

Одинъ изъ упоминаемыхъ въ текстѣ трехъ самураевъ, „Хихокурō, объѣхавъ“, подъ руководствомъ г. Позднѣева, „различныя провинціи, выяснилъ“ совсѣмъ невѣроятныя вещи, именно: „что императорскіе дворцы находятся въ состояніи разрушенія (стр. 131)[2])“. Посмотримъ, однако, какой бы далъ результатъ „объѣздъ Хикокурō различныхъ провинцій“, если бы онъ этотъ объѣздъ совершилъ не подъ руководствомъ г. Позднѣева.

Японскій текстъ гласитъ: 彦九郎は國國をめぐ(巡)りて.皇室の衰へたまへることを說きたり *Хикокурō ва куни-гуни во мегурите*, кōсицу *но ороое-тамаеру кото во токитари*, т. е. Хикокурō, объѣзжая провинціи, объяснялъ, что императорскій домъ пришелъ въ упадокъ (т.-е. потерялъ значеніе). 皇室 кōсицу означаетъ Импе-

---

1) Словарь Дзиринъ, стр. 205.

2) Поставленныя въ кавычки слова представляютъ собою дословную цитату изъ перевода г. Позднѣева, стр. 131: „Хикокуро, объѣхавъ различныя провинціи, выяснилъ, что императорскіе дворцы находятся въ состояніи разрушенія“.

раторскій Домъ въ томъ же смыслѣ, какъ въ русскомъ языкѣ, и не имѣетъ ничего общаго съ Императорскими дворцами. Наличность въ предложеніи учтиваго вспомогательнаго глагола *тамау* уже указываетъ на то, что рѣчь идетъ о Высочайшихъ особахъ, а не объ Императорскихъ дворцахъ, и глаголъ 衰 *отороеру* никогда не имѣетъ значенія: разрушаться.

Послѣ указаннаго удивительнаго открытія г. Хикокурō-Позднѣева намъ представляется совершенно естественнымъ, что означенныхъ трехъ самураевъ „въ имперіи называютъ тремя удивительными лицами времени Кансеи (1789—1801)", и остается только пожелать, чтобы благодарная японская исторія почтила и г. Позднѣева соотвѣтствующимъ его заслугамъ титуломъ „удивительнаго лица времени Мейдзи" (Мейдзи —названіе нынѣшняго японскаго царствованія).

Послѣдній абзацъ перевода разсматриваемой статьи до того великолѣпенъ, что смаковать, какъ слѣдуетъ, всю его прелесть и глубокій смыслъ возможно не иначе, какъ имѣя передъ глазами полный переводъ г. Позднѣева (стр. 132). Г. Позднѣевъ окончательно разошелся и, какъ говорится, въ ударѣ.

Въ нижеслѣдующемъ мы даемъ весь этотъ пассажъ въ кавычкахъ въ порядкѣ расположенія словъ у г. Позднѣева съ пояснительными вставками съ нашей стороны, при одновременномъ выдѣленіи всѣхъ вообще словъ, принадлежащихъ г. Позднѣеву, курсивомъ:

Государственное просвѣщеніе, съ которымъ г. Позднѣевъ познакомилъ насъ выше, и которое, какъ свидѣтельствовалъ тогда же г. Позднѣевъ, *постепенно возрастало и сильно помогало ученію о почитаніи императора*, достигло своего апогея. „*Среди государственныхъ ученыхъ (!!) появился*" извѣстный японскій ученый, „*Мотоори Норинага (1730—1801), ученикъ Мабуци; онъ сильно выяснялъ нашу государственную организацію и*", къ сожалѣнію, подпавъ подъ сильное вліяніе г. Позднѣева, совершенно забылъ свой родной японскій языкъ и, что еще хуже, дошелъ до феноменальнаго для ученаго идіотства, заключающагося въ томъ, что „*доказывалъ причины, почему необходимо ПИТАТЬ УВА-*

ЖЕНІЕ КЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ДВОРЦАМЪ". Несмотря на полнѣйшую абсурдность, это глубокомысленное ученіе нашло себѣ послѣдователей. „*Съ этихъ поръ лица его школы всѣ распространяли эти взгляды*"[1]). Распространеніе этихъ взглядовъ оказалось весьма успѣшнымъ, „*и общество все болѣе и болѣе начало сознавать важность императорскихъ дворцовъ*".

Вотъ каковы, оказывается, были дѣятельность и заслуги Мотоори Норинага и его учениковъ и каково было вліяніе ихъ и ихъ ученія на японское общество и г. Позднѣева!

На этомъ мы ставимъ точку и предоставляемъ любителямъ курьезовъ и каламбурныхъ произведеній доискиваться смысла «теоріи почитанія императора», какъ написано у г. Позднѣева въ заглавіи на стр. 129.

«Еще одно, послѣднее сказанье—и лѣтопись окончена моя».

РАЗБОРЪ, ВЪ ОБЩИХЪ ЧЕРТАХЪ, СТАТЬИ XVII-й, ПОСЛѢДНЕЙ ВТОРОГО ОТДѢЛА КНИГИ г. ПОЗДНѢЕВА.

(Для большей наглядности мы въ нижеслѣдующемъ перепечатываемъ дословно весь переводъ этой статьи, снабжая самыя выдающіяся мѣста его соотвѣтствующими примѣчаніями).

Переводъ г. Позднѣева.

XVII. ВОЙНА 27 и 28-го ГОДОВЪ МЕЙДЗИ (1894—1895)*).

Въ 8-й годъ Мейдзи (1875) наши военныя суда были вблизи корейскаго острова Кокато (Цзянъ-хуа-дао) [1]). Такъ

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

x ваа гунканъ Ціосенъ *но* Кō-ка-тō *но* фукинъ *ни итари*	65 わが(我)軍艦.朝鮮の江華島の附近にいた(到)り.

не *значитъ:* наши военныя суда были вблизи корейскаго

---

1) Пока намъ удалось идентифицировать только одно лицо, распространяющее „эти взгляды". Это лицо г. Позднѣевъ. Что же касается принадлежности г. Позднѣева къ лицамъ школы Мотоори Норинага, то объ этомъ любопытномъ фактѣ въ доступной намъ литературѣ никакихъ данныхъ не имѣется.

*) Транскрипція статьи помѣщена въ книгѣ г. Позднѣева на стр. *158—160*, переводъ—на стр. *160—163* и слова—на стр. *163—165*. Японскій текстъ напеча-

Переводъ г. Позднѣева.

какъ его гарнизонъ неожиданно стрѣлялъ изъ пушекъ [2].

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

острова Кокато (Цзянъ-хуа-дао), *а значитъ:* ...пришли въ окрестности... или просто:... пришли къ...

Справка въ Сіōгаку рекиси кіōдзюсіо, 小學歷史教授書, 5-е изд., т. II, стр. 286, показываетъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ одномъ только японскомъ военномъ суднѣ Унъіō 雲揚, такъ что множественное число г. Позднѣева неумѣстно.

Къ чему авторъ послѣ Кōка-тō поставилъ въ скобкахъ Цзянъ-хуа-дао, китайскую транскрипцію іероглифовъ 江華島, не понятно, такъ какъ если уже помимо японскаго чтенія дать еще другое чтеніе, то слѣдовало бы *корейскому* названію *корейскаго* острова дать и *корейское* чтеніе.

Въ отдѣлѣ транскрипціи авторъ неправильно транскрибируетъ іероглифъ 島, этотъ іероглифъ читается не то, а тō (タウ „тау" или トウ „тоу").

2 *соно* сюхей *но таме ни* фуи *ни* хōгеки *сераресикаба* 65 その(其)守兵のため(爲)に不意に砲擊せらしかば。

не значитъ: такъ какъ его гарнизонъ неожиданно стрѣлялъ изъ пушекъ, *а значитъ:* (наше судно) подверглось бомбардировкѣ со стороны его гарнизона.

Нельзя переводить: такъ какъ его гарнизонъ неожиданно стрѣлялъ изъ пушекъ, 1. потому что хōгеки *суру* 砲擊する *не значитъ:* стрѣлять изъ пушекъ, *а значитъ:* производить нападеніе посредствомъ пушекъ, бомбардировать, 2. потому что глаголъ поставленъ въ страдательномъ залогѣ (*серареси-каба*) и подлежащимъ является не сюхей—гарнизонъ, а *вага* гункань—наше военное судно (не военн*ыя* суд*а*, какъ неправильно переводитъ г. Позднѣевъ), и 3. потому что подобный переводъ представляетъ собою, съ одной стороны, безсмыслицу, ибо даже въ историческомъ учебникѣ для дѣтей

танъ въ японскомъ изданіи «Начальной японской исторіи» во 2-й книжкѣ, на стр. *65—70.*

Переводъ г. Позднѣева.

то наше войско, вступивъ съ нимъ въ сраженіе[3]), въ концѣ концовъ разрушило его батареи[4])[5]). Затѣмъ наше государство, командировавъ Курода Кіiотака и Иноуе Каору, вело съ Кореею переговоры, заставило ее принести извиненіе въ своей

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

никому не придетъ въ голову сообщать объ историческомъ фактѣ въ родѣ неожиданной пушечной стрѣльбы, съ другой же—извращаетъ весь смыслъ: японцы не потому вступили въ бой, что корейцы неожиданно (для своей забавы, что-ли?) стрѣляли изъ пушекъ, а потому, что корейцы ихъ неожиданно начали бомбардировать.

3 *татакаите* 戦ひて *не значитъ*: вступивъ съ нимъ въ сраженіе, *а значитъ*: сражаясь съ нимъ.

4 хōдай *во отосіиретари* 65 砲臺を陷れたり。

не значитъ: разрушило его батареи, *а значитъ*: взяло его батареи. Напримѣръ, 北京を陷れて Пекинъ *во отосіирете* (Кіōдзюсіо, II, 306) не значитъ: разрушивъ Пекинъ, а значитъ: взявъ Пекинъ (союзные войска во время боксерскаго возстанія).

5 Г. Позднѣевъ совершенно произвольно разбилъ японское предложеніе:

Мейдзи хаци-ненъ *вага* гунканъ Ціōсенъ *но* Кōка-тō *но* фукинъ *ни итари*, *соно* сюхей *но таме ни* фуи *ни* хōгеки *серaресикаба*, *вага* хей *коре то татакаите*, *цуи ни* хōдай *во отосіиретари*,

65 明治八年.わが(我)軍艦.朝鮮の江華島の附近にいた(到)り.その(其)守兵のた(爲)めに.不意に砲擊せられしかば.わが(我)兵.これ(之)と戦ひて.つひ(遂)に砲臺を陷れたり。

представляющее собою одно цѣлое, на словѣ *итари* на двѣ самостоятельныхъ части. Если уже прибѣгнуть къ такому пріему, то дѣленіе должно быть произведено на словѣ *серaресикаба*; никоимъ же образомъ оно не можетъ быть, безъ

Переводъ г. Позднѣева.

винѣ и въ концѣ концовъ заключило съ нею договоръ[6])[7]). Но въ 15-мъ году въ Кореѣ опять[9]) поднялось возстаніе[8]) (1882) и наше посольство было сожжено[10]). Наше прави-

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

перетасовки обстоятельствъ и смысла, произведено на словѣ *итари*.

6 сюкō-дзiōяку 65 修好條約
не значитъ просто: договоръ, *а значитъ:* дружественный договоръ.

7 Въ этомъ предложеніи переводомъ г. Позднѣева опять нарушена японская конструкція въ сторону отступленія отъ точнаго смысла японской фразы.

8 бōто 暴徒 *не значитъ:* возстаніе, *а значитъ:* насильникъ, бунтовщикъ, чернь.
бōто *окорите* 暴徒おこりて *не значитъ:* поднялось возстаніе, *а значитъ:* появились бунтовщики, возстала чернь. Справка въ Кiōдзюсiо, II, 287, намъ показываетъ, что въ данномъ мѣстѣ подъ этимъ терминомъ понимаются взбунтовавшіеся корейскіе солдаты (хейсоцу 兵卒).

9 *мата* また *не значитъ въ данномъ контекстѣ:* опять, *а значитъ:* далѣе,—и служитъ вспомогательнымъ словомъ, употребляемымъ для указанія не на повторяемость событія, а на переходъ къ новому событію. Слово „*опять*" поставлено весьма не кстати, ибо въ статьѣ не было рѣчи о возстаніяхъ, кромѣ того оно извращаетъ смыслъ японскаго оригинала.

10 *вага* кōсиканъ *во якери* 65 わが(我)公使館を焼けり。
не значитъ: наше посольство было сожжено, *а значитъ:* они (т. е. бунтовщики) сожгли нашу миссію.
кōсиканъ 公使館 *не значитъ:* посольство, *а значитъ:* миссія.
якери 焼けり происходитъ отъ глагола: *яку*—жечь, сжигать: глаголъ *яку*—глаголъ переходящій, требующій послѣслога:

Переводъ г. Позднѣева.

тельство поэтому предписало своему посланнику Ханабуса Іоситада обличить вину и заставило Корею уплатить контрибуцію. Дѣло было окончено[11]).

Въ это время въ Кореѣ были двѣ партіи: независимыхъ (докурицо-тō) и другая, считавшая необходимымъ искать опору въ сильномъ государствѣ (дзидай-тō)[12]). Партія независимыхъ, подражая нашему государству, желала реформъ въ правительствѣ[13]). Партія дзидай-тō, сочувствуя консерватизму, желала имѣть опору въ Китаѣ. Они между собою ссорились[14]).

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

во を. Подлежащимъ къ этому *якери* является слово бōто 暴徒—бунтовщики, неправильно переведенное г. Позднѣевымъ словомъ: возстаніе, см. выше 8.

11 *кото осамарери* 65 事をさま(治)れり。
не значитъ: дѣло было окончено. *осамару* をさまる(治) не значитъ: кончаться, значеніе же: быть оконченнымъ— уже совершенно невозможно. *Осамару* значитъ: успокаиваться, улаживаться, спокойно опредѣляться.

12 Переводъ термина дзидай-тō 事大黨 словами: партія, „считавшая необходимымъ искать опору въ сильномъ государствѣ" въ высшей степени неуклюжъ и сбивчивъ, ибо можно подумать, что подъ сильнымъ государствомъ понимается Японія, между тѣмъ какъ подъ этимъ государствомъ понимается Китай.

13 сейдзи 政治 *не значитъ:* правительство, *а значитъ:* управленіе, правленіе.
сейдзи *во* кайкаку *сенъ то си* 政治を改革せんとし *не значитъ:* желала реформъ въ правительствѣ, *а значитъ:* желала реформировать правленіе.

14 *тагаи ни арасоики* 66 たが(互)ひに争ひき。
„они между собою ссорились",—вырвано у г. Позднѣева изъ общей фразы и связи и поставлено отдѣльнымъ самостоятельнымъ предложеніемъ, что придаетъ русскому переводу япон-

Переводъ г. Позднѣева.

Въ 17-мъ году (1884) партія независимыхъ, впервые возникнувъ[15]), захватила власть въ свои руки, но китайское войско, помогая партіи дзидаи-тō, разбило ихъ; въ концѣ концовъ они сожгли опять наше посольство[16]). Поэтому правительство командировало Иноуе Каору, вело переговоры съ Корейскимъ

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

скаго начальнаго учебника уже совершенно ребяческій характеръ. Кромѣ того нарушается относительная стройность японскаго разсказа. Всѣ три послѣднихъ предложенія, въ правильномъ и точномъ, тѣмъ болѣе подстрочномъ, переводѣ должны быть слиты въ одно цѣлое.

15 *мадзу окорите* 66 まづ(先).おこ(起)りて.

не значитъ: впервые возникнувъ. Какъ видно по тексту, партія независимости существовала уже раньше и не возникла только въ 17-мъ году. Дѣло въ томъ, что она въ 17-мъ году впервые захватила власть, такъ что *мадзу* まづ(先) относится къ *нигириси* 握りし (захватила); *окорите* おこりて(起) же значитъ: поднявшись, принявшись за дѣло. *Мадзу* кромѣ того поставлено еще для того, чтобы оттѣнить первенство дѣйствій партіи Докурицу-тō 獨立黨 по отношенію къ партіи Дзидай-тō 事大黨, *окорите* же для того, чтобы оттѣнить то обстоятельство, что послѣ взаимныхъ препирательствъ между обѣими партіями, одна изъ нихъ выдвинулась. Въ томъ, что партіи существовали до 17-го года и что въ 17-мъ году (именно ночью 4-го декабря) состоялся захватъ власти со стороны партіи Докурицу-тō, убѣждаетъ насъ, помимо контекста и значенія словъ, также и справка въ Кіōдзюсіо, II, стр. 288.

16 *цуи ни мата ваа* кōсиканъ *во якери* 66つひ(遂)に.ま(復)た.わが(我)公使館を燒けり。

переводится г. Позднѣевымъ: въ концѣ концовъ они опять сожгли наше посольство. Спрашивается, кто эти „они"? По переводу г. Позднѣева этого нельзя выяснить.

Переводъ г. Позднѣева.

Правительствомъ[17]) и принудило его во второй разъ заплатить контрибуцію и принести извиненіе за преступленіе. Но такъ какъ это дѣло сначала имѣло отношеніе къ Китаю[18]),

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

По японскому тексту можно было бы подумать, что это—китайское войско, но этому мѣшаетъ слово *мата*—опять, ибо раньше не указывается случая, чтобы китайское войско сожгло японское „посольство“, какъ упорно переводитъ г. Позднѣевъ. Очевидно, предложеніе относится къ разряду такъ называемыхъ безличныхъ. Если же желательно доискаться дѣйствительныхъ дѣятелей, то по общему грамматическому построенію всей японской фразы, дѣятелями должны быть китайское войско и партія Дзидай-тō. Въ самомъ дѣлѣ, справка въ Кiōдзюсiō, II, стр. 288—289, поясняетъ намъ, что китайскія войска соединились въ данномъ случаѣ съ бунтовщиками (бōто), подъ которыми въ данномъ случаѣ понимается анти-японская партія Дзидай-тō, и вмѣстѣ напали на японскія войска, причемъ въ концѣ концовъ „бōто“ („бунтовщики“) сожгли японскую миссію. Что это было такъ, на это указываетъ также и пассажъ текста, ниже, черезъ предложеніе.

17 Цiōсенъ-сейфу *ни* дампанъ *сесиме* — 66 朝鮮政府に談判せしめ。

не значитъ: вело переговоры съ Корейскимъ Правительствомъ, *а значитъ:* приказало ему (т. е. своему посланнику) вести переговоры съ корейскимъ правительствомъ. (*Сесиме*—побудительный залогъ).

18 *сикару ни коно кото ва мото* Синкоку *то мо* канкей *ару моно нарисикаба* — 66 しか(然)るに。この(此)事は。もと(元)。清國とも關係あ(有)るものなりしかば。

не значитъ: но такъ какъ это дѣло сначала имѣло отношеніе къ Китаю.

Подобный переводъ не вполнѣ удобопонятенъ и кромѣ того грѣшитъ несоотвѣтствіемъ японскому тексту. もと *мо-*

Переводъ г. Позднѣева.

то наше государство командировало Ито Хиробуми, онъ встрѣтилъ въ Тань-цзинѣ Рикосіō (Ли-хунъ-чжана) и заключилъ договоръ[19]), по которому въ будущемъ оба государства прекратили содержаніе своихъ отрядовъ въ Кореѣ; если же возникла бы необходимость, то послѣ взаимнаго оповѣщанія они должны были назначить гарнизоны [20]). Это называютъ

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

то — не значитъ: сначала, *а значитъ:* собственно, собственно говоря. Пропущенныя въ переводѣ г. Позднѣева частицы *то мо*, неправильно транскрибированныя у него слитно: *томо* (что значитъ: вмѣстѣ), значатъ: также и. Какъ видно, въ нихъ-то именно заключается ключъ къ смыслу пассажа, но тѣмъ не менѣе онѣ опущены г. Позднѣевымъ.

Фраза имѣетъ слѣдующій смыслъ: Но такъ какъ это дѣло, собственно говоря, имѣло и отношеніе также къ Китаю, то...

Теперь и понятно, почему выше, см. прим. 16, было поставлено безличное предложеніе: *цуи ни мата ваа* кōсиканъ *во якери*. Составители «Исторіи» не высказываютъ по отношенію къ Китаю прямого обвиненія въ поджогѣ миссіи, и какъ въ текстѣ «Исторіи», такъ и въ „Кiōдзюсiо" на участіе Китая указывается всего лишь косвенно. Точный смыслъ всей фразы выясняется въ „Кiōдзюсiо", II, стр. 289, гдѣ прямо говорится, что больше всего японцевъ во время безпорядковъ 17-го года было убито китайскими войсками, которыми и было совершено больше всего звѣрствъ, благодаря чему, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, японское правительство оказалось вынужденнымъ вступить съ Китаемъ въ переговоры, которые и повели къ заключенію Тяньцзинскаго трактата.

19 якус*уру* 約する *не значитъ:* заключать договоръ, *а значитъ:* условиться, обѣщать, клясться.

20 Переводить сюшней *субеси* 出兵すべ(可)し словами: «они должны были назначить гарнизоны», какъ легко замѣтить по контексту,—абсурдъ. Слѣдуетъ перевести: они могутъ послать войска.

Переводъ г. Позднѣева.

Тянь-цзинскимъ договоромъ[21]).

Послѣ этого въ 27 году Мейдзи (1894) въ Кореѣ подняла возстаніе партія Тō-каку-тō[22]) (т. е. партія восточной науки), и такъ какъ вліяніе ея усиливалось [23]), то Китай, подъ предлогомъ содѣйствія въ затрудненіи вассальному государству, послалъ войско къ Гадзану (Яшань). Поэтому наше государство также для охраны посольства и живущихъ

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

сюппей *суру* 出兵する *значитъ просто:* посылать войска, *и вовсе не значитъ:* назначать гарнизоны.

21 Построеніе всего перевода, начиная со словъ „Но такъ какъ это дѣло", въ частностяхъ своихъ не соотвѣтствуетъ японскому тексту и свидѣтельствуетъ, какъ и другія мѣста, указанныя выше, о недостаточномъ пониманіи переводчикомъ синтаксическаго построенія японскихъ фразъ.

22 тōгаку-тō *но* ранъ *окорики* 66 東學黨の亂おこ(起)りき。

не значитъ: поднялa возстаніе партія Тōгакутō, *а значитъ*: вспыхнуло возстаніе партіи...

Тōгаку-тō въ японскомъ оригиналѣ поставлено въ родительномъ падежѣ, какъ опредѣленіе къ ранъ (возстаніе), ранъ же—подлежащее къ *окорики* (поднялось).

23 *соно иkиеои саканъ нарикереба* 66-67 その(其)勢盛なりければ。

не значитъ: и такъ какъ вліяніе ея (т. е. партіи) усиливалось, *а значитъ*: такъ какъ сила (вліяніе) ея была чрезвычайна.

Глаголомъ «усиливаться» можно было бы перевести выраженіе: *саканъ ни нару* 盛になる, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ *саканъ нару* 盛なる, равняющееся разговорнову: *саканъ де ару* (... *ни нару*—дѣлаться, становиться чѣмъ; просто *нару*—быть, въ смыслѣ связки).

Переводъ г. Позднѣева.

на иностранномъ сеттльментѣ[24]) отправило въ Корею войско. и хотя оно желало совѣщаться съ Китаемъ о возстановленіи мира на Востокѣ[25]), но Китай на это не согласился. Такимъ

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

24 кōсиканъ *то вага* кіорю-минъ *то но* хого *но таме ни* — 67 公使館とわが(我)居留民との保護のた(爲)めに。

не значитъ: для охраны посольства и живущихъ на иностранномъ сеттльментѣ, *а значитъ*: для охраны миссіи и нашихъ резидентовъ. *вага* わが(我)—нашъ; кіорюминъ 居留民—народъ, проживающій заграницей; *вага* кіорюминъ わが居留民—наши резиденты, какъ принято выражаться на Востокѣ.

Ни о какомъ иностранномъ сеттльментѣ въ японскомъ текстѣ нѣтъ рѣчи, какъ и не дѣлается ни малѣйшаго намека на намѣреніе Японіи охранять вообще «живущихъ на иностранномъ сеттльментѣ», безъ различія національности. Рѣчь идетъ исключительно объ охранѣ японской миссіи и японскихъ подданныхъ.

25 Японскій текстъ ни однимъ словомъ не говоритъ о «возстановленіи мира на Востокѣ», по той простой причинѣ, что въ немъ и не было рѣчи о нарушеніи мира на Востокѣ. Возстаніе въ Кореѣ не означаетъ еще нарушенія мира на Востокѣ. Въ японскомъ текстѣ говорится:

Синкоку *то томо ни* Тōiō *но* хейва *во хакаранъ то сеси га.* — 67 清國ととも(共)に.東洋の平和をはか(計)らんとせしが。

хакару はかる(計) —значитъ: обсуждать. Слѣдовательно, рѣчь идетъ о совмѣстномъ обсужденіи съ Китаемъ вопроса о мирѣ на Дальнемъ Востокѣ, въ крайнемъ случаѣ о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣръ къ сохраненію и поддержанію мира. Такое значеніе *хакару* можетъ имѣть. Если почитать стр. 291—294 въ «Кіōдзюсіо,» т. II, то станетъ ясно, что разбираемое мѣсто имѣетъ именно указанный смыслъ, а не тотъ смыслъ, который ему придается г. Позднѣевымъ.

Переводъ г. Позднѣева.

образомъ въ іюлѣ того же года (1894) наши суда въ заливѣ острова Хō-тō (Фынъ-дао-чжунъ) были обстрѣливаемы китайскими судами и поэтому первые открыли морское сраженіе[26]). Потомъ сухопутныя войска также сражались съ ки-

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

26 *какуте* дōненъ сицигацу *вага* гунканъ Хōтō-*оки ниmе* Синканъ *ни* іōгеки *серape, ко-ко ни хадзимете* кайсенъ *во гиракери.*

67 かく(斯)て.同年七月.わが(我)軍艦.豊島沖にて.清艦に要撃せられ.ここ(是)にはじ(初)めて.海戦を開けり。

Разберемся въ этихъ словахъ по порядку.

Какуте かくて (斯). Почему г. Позднѣевъ въ данномъ мѣстѣ *какуте* переводитъ словами: такимъ образомъ,—совершенно не понятно. Такой безсвязной связи нѣтъ въ текстѣ, въ чемъ легко убѣдиться, прочитавъ даже переводъ г. Позднѣева.

оки 沖—*не значитъ:* заливъ, *а значитъ:* открытое прибрежное море.

Хōтō-*оки ниmе* 豊島沖にて—*не значитъ:* въ заливѣ острова Хōтō, *а значитъ:* въ открытомъ морѣ у острова Хōтō.

іōгеки *сypy* 要撃する—*не значитъ:* обстрѣливать, *а значитъ:* нападать стремительно, нападать изъ засады. На стрѣльбу въ этомъ терминѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

коко ни ここに—*не значитъ:* поэтому, *а значитъ:* тутъ-то.

хадзимете はじめて (初)—*не значитъ:* первые, *а значитъ:* впервые, въ первый разъ.

Изъ этихъ простыхъ словъ, въ добавокъ еще при чрезвычайно простой конструкціи фразы, г. Позднѣеву удалось построить слѣдующій переводъ: „Такимъ образомъ въ іюлѣ того же года (1984) наши суда въ заливѣ Хō-тō (Фынъ-дао-чжунъ) были обстрѣливаемы китайскими судами и поэтому первые открыли морское сраженіе“,—между тѣмъ какъ смыслъ фразы сводится къ слѣдующему: И вотъ, въ іюлѣ того же года наши военныя суда въ открытомъ мо-

Переводъ г. Позднѣева.

тайскою арміей при Сенканѣ (Чень-цюань) и **Гадзанѣ** (Я-шань). Вслѣдствіе этого[27]) въ августѣ императоръ издалъ указъ о началѣ войны[28]), и тогда безостановочно начали отправлять войско для нападенія на Китай[29]) (1894).

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

рѣ у о. Хōтō подверглись внезапному нападенію со стороны китайскихъ судовъ, и тутъ-то открыли впервые морское сраженіе.

По г. Позднѣеву, японцы сперва терпѣливо выдерживаютъ обстрѣлъ со стороны китайцевъ и затѣмъ только, но все же первыми, открываютъ морское сраженіе. Для неизвѣстной цѣли въ скобкахъ приписывается еще ненужое китайское произношеніе трехъ іероглифовъ. „Кіōдзюсіо", II, стр. 295, комментируетъ это мѣсто болѣе остроумно слѣдующимъ образомъ: Командующій Цубои Кōдзō разгнѣвался на нихъ (китайцевъ) невѣжеству, и немедленно же *отвѣтилъ боемъ* (應 戰 し ōсенъ *си*).

27 *Коко ни оите* 67ここ(茲)におい(於)て。

не значитъ: вслѣдствіе этого, *а значитъ:* при такихъ обстоятельствахъ, тогда.

28 сенсенъ *но микотонори* 67宣戰の詔

не значитъ: указъ о началѣ войны. Подобный переводъ, какъ видно по ходу изложенныхъ событій, абсурденъ, ибо война уже началась. Сенсенъ 宣戰 —*не значитъ:* начало войны, *а значитъ:* объявленіе войны, и указываетъ лишь на оффиціальный обрядъ, могущій состояться значительно позже начала войны или даже вовсе не состояться. Сенсенъ *но микотонори* значитъ: указъ (манифестъ) объ объявленіи войны.

29 *тамаери* въ *хасси-тамаери* 67發したま(給)へり。

указываетъ ясно, что это дѣйствіе относится къ Императору, поэтому нельзя переводить безлично, какъ то дѣлаетъ г. Позднѣевъ: и тогда безостановочно начали отправлять войско для нападенія на Китай. Слово «тогда» принадлежитъ г. Позднѣеву, его нѣтъ въ японскомъ текстѣ.

сейтō 征 討—*не значитъ:* нападеніе, *а значитъ:* наказаніе бунтовщиковъ; слово это поставлено ради патріотическаго

Переводъ г. Позднѣева.

Съ этого времени наша армія на сушѣ и на морѣ при Пiöнъ-янѣ (Хейдзiō), въ Желтомъ морѣ (Кōкай), Портъ-Артурѣ (Ріодзюнкō) и Вей-хай-веѣ (И-кай-еи) повсемѣстно одерживало большія побѣды, и, двигаясь дальше, желало напасть[30]) на императорскую столицу Пекинъ. Вслѣдствіе этого Китай сильно испугался, командировалъ въ наше государство Ли-хунъ-чжана (Рикосiō) и предписалъ ему[31]) просить о мирѣ. Такимъ образомъ въ апрѣлѣ 28-го года (1895), согласно Симоносекскому договору, Китай въ концѣ концовъ призналъ независимость Кореи, передалъ нашему государству Ляодунскій полуостровъ, Формозу и Пескадорскіе острова, условился объ открытіи торговыхъ портовъ и уплатилъ контрибуцію въ 200, 000 ланъ. На этомъ былъ совершенъ миръ обоихъ государствъ[32]). Но послѣ этого наше государство, по совѣту

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

эффекта. Синкоку сейтō *но* гунъ清國征討の軍 — *не значитъ:* войско для нападенія на Китай, *а значитъ:* войско для наказанія Китая, для карательной экспедиціи противъ Китая.

30 *семеранъ то сери* 67迫らんとせり。

переводится лучше: собиралась напасть, нежели: желала напасть.

31 Соединеніе моментовъ «командированія» и «предписанія» посредствомъ союза «и», какъ то дѣлаетъ г. Позднѣевъ, нарушаетъ взаимное соотношеніе предложеній по сравненію съ японскимъ оригиналомъ. Но подобныхъ неточностей и неправильностей г. Позднѣевъ вообще не боится и допускаетъ ихъ на каждомъ шагу.

32 *Симоносеки*-дзiōяку *ни iори-те*, Синкоку *ва цуи ни* Цiō-сенъ *но* докурицу *во митоме*, Ріōтō-хантō *то* Тайванъ, Бō-ко-тō *то во вага куни ни юдзури*, *мата* бōеки-кō *во гираки*, сiōкинъ ни-оку тēру *во*

68 下關條約によ(據)りて.清國は.つひ(遂)に.朝鮮の獨立をみと(認)め.遼東半島と臺灣.澎湖島とを わが(我)國にゆづ(讓)り.また(又).貿易港を開き.償金二億兩を出すべれことを約

Переводъ г. Позднѣева.

трехъ державъ: Россіи, Франціи и Германіи возвратило Ляо-

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

идасубеки кото во якуси, ріо- し.兩國の和.ここ(茲)
коку *но* ва *коко ни нарери* に.成れり。
не значитъ: согласно Симоносекскому договору, Китай въ концѣ концовъ призналъ независимость Кореи, передалъ нашему государству Ляодунскій полуостровъ, Формозу и Пескадорскіе острова, условился объ открытіи торговыхъ портовъ и уплатилъ контрибуцію въ 200. 000 ланъ. На этомъ былъ совершенъ миръ обоихъ государствъ.

Что касается частностей этого пассажа, то надлежитъ замѣтить, что *юдзуру* 讓ゆづる—*не значитъ:* передавать, *а значитъ:* уступать; *хираку* 開 *не значитъ:* условиться объ открытіи, *а значитъ:* открывать; сіокинъ ни-оку тēру *во идасубеки кото* 償金二億兩を出すべきこと *не значитъ:* уплатилъ контрибуцію въ 200. 000, ланъ *а значитъ*: необходимость уплаты контрибуціи въ.... Если же пренебречь словомъ *кото*, выполняющимъ лишь вспомогательную функцію при построеніи японской фразы, то непосредственному переводу подлежитъ слово: *идасубеки*, но это слово нельзя переводить *прошедшимъ* временемъ: уплатилъ, а его слѣдуетъ переводить *будущимъ* временемъ; *кото во якуси* ことを約し—г. Позднѣевымъ пропущено, или же неправильно впутано въ текстъ подъ видомъ непоставленнаго на свое мѣсто слова: условился. ріококу *но* ва *коко ни нарери* 兩國の和ここに成れり—*не значитъ:* на этомъ былъ совершенъ миръ обоихъ государствъ; въ японскомъ оригиналѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго русскому слову: совершать, а также и нѣтъ страдательнаго залога. Подлежащимъ въ японской фразѣ является ва 和 миръ и сказуемымъ къ нему: *нарери* 成れり отъ *нару*: состояться. Смыслъ фразы: на этомъ состоялся миръ обоихъ государствъ.

Но все это частности, свидѣтельствующія лишь о легкомысленномъ отношеніи переводчика къ тексту, являющемся слѣдствіемъ недостаточно твердаго знанія лексическихъ зна-

Переводъ г. Позднѣева.

дунскій полуостровъ и взамѣнъ этого получило еще 30,000,000 ланъ. На Формозѣ также[33]) оказались люди заблуждавшіеся, и такъ какъ они отказались подчиниться нашему государству, то императорское правительство, давъ предписаніе[34]) Китаси-

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

ченій японскихъ словъ, грамматики японскаго языка и общаго неумѣнія обращаться съ японскими фразами. Главный недостатокъ разбираемаго мѣста перевода заключается въ томъ, что весь пассажъ неправильно переведенъ, благодаря непониманію переводчикомъ его конструкціи, вслѣдствіе же этого и смыслъ его совершенно искаженъ. Между словами «Синкоку *ва*» и «*кото во* якуси», заключается извлеченіе изъ Симоносекскаго договора, отдѣльные пункты котораго разбиты на двѣ части, соединенныя между собою словами: *мата*—кромѣ того. Въ первой части нашъ текстъ помѣщаетъ тѣ пункты, которые Китаемъ исполняются такъ сказать немедленно (признаніе независимости Кореи и уступка территоріи), во второй же части указывается, что Китай также и обязался открыть порты и уплатить контрибуцію. По г. Позднѣеву же выходитъ, что Китай обязался только относительно одного пункта: «условился объ открытіи торговыхъ портовъ».

Разбираемый отрывокъ можетъ быть переведенъ слѣдующимъ образомъ: на основаніи Симоносекскаго договора, Китай въ концѣ концевъ призналъ самостоятельность Кореи и уступилъ нашему государству Ляодунскій полуостровъ, Формозу и Пескадорскіе острова, а также и обязался открыть коммерческіе порты и уплатить контрибуцію въ 200.000.000 тэлей: на этомъ состоялся миръ обоихъ государствъ.

33 *мата* また *не значитъ:* также, а имѣетъ здѣсь уже указанную выше функцію. Слово «также» даетъ разсказу неудобопонятный поворотъ, въ чемъ легко убѣдиться, прочитавъ эту фразу въ связи съ предшествующей.

34 *во ситe* をして *не значитъ:* давъ предписаніе. *во сите* относится къ слѣдующему побудительному залогу (*таирае-*

Переводъ г. Позднѣева.

ракава-но-Мія Іосихиса-синнō[35]), привело ихъ къ порядку[36]).

Вслѣдствіе побѣды этой кампаніи престижъ нашего государства сильно поднялся, и въ результатѣ всѣ западныя державы были вынуждены узнать дѣйствительную стоимость Японіи[37]). Позднѣе въ 33-мъ году (1900) въ Китаѣ поднялись мятежники и находившіяся въ Пекинѣ посольства всѣхъ иностранныхъ державъ были осаждены[38]); въ это время наше

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

симе) и указываетъ при побудительномъ залогѣ на то лицо, которому поручается исполненіе даннаго дѣйствія, но никогда не имѣетъ значенія: давать предписаніе.

35 слова *мія* 宮 и *синнō* 親王 не входятъ въ составъ собственнаго имени, какъ заставляетъ думать переводчикъ, и для большей ясности, чтобы показать о комъ идетъ рѣчь, подлежали бы переводу.

36 *таиралесимс-тамаери* — 69 平げしめたま(給)へり。

не значитъ: (правительство) привело ихъ къ порядку, *а значитъ:* (правительство) заставило его (т.-е. указаннаго въ предложеніи принца) ихъ усмирить. *Таиралесимеру*—это не узнанный г. Позднѣевымъ побудительный залогъ отъ *таиралеру* и значитъ: заставлять усмирять.

37 сейiō-сiококу *во ситe вага куни но* синка *во сирасимуру во етари* — 69 西洋諸國をして.わが(我)國の眞價を知らしむるを得たり。

не значитъ: и въ результатѣ всѣ западныя державы были вынуждены узнать дѣйствительную стоимость Японіи, *а значитъ:* намъ удалось (или: мы получили возможность) заставить всѣ державы узнать дѣйствительную стоимость Японіи.

38 кōсиканъ *во какомиси* — 69 公使館をかこ(圍)みし

не значитъ: посольства... были осаждены, *а значитъ:* (мятежники) осаждали миссіи. Въ данномъ открывкѣ въ японскомъ оригиналѣ нѣтъ страдательнаго залога, подлежащимъ же къ *какомиси*: осаждали—является слово: бōто—мятежники.

Переводъ г. Позднѣева.

государство оказало также[39]) большія[40]) заслуги[41]), и всѣ державы все болѣе и болѣе признавали престижъ Японіи[42]).

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

39 Словомъ «также» г. Позднѣевъ, очевидно, переводитъ *мо*, но это *мо* вовсе не относится ни къ *араваси*—обнаружило, ни къ тайко—великія заслуги, а къ *токи ни*—въ это время[1]). *Слѣдуетъ перевести:* также и въ это время.

40 Пропущено *кото ни* こと(殊)に, что значитъ: особенно. Соотвѣтственно этому слѣдуетъ читать: особенно великія заслуги.

41 тайко *во араваси* | 69 大功をあらは(顯)し,
не значитъ: оказало... большія заслуги(?!), *а значитъ:* обнаружило великія заслуги.—Мы сознаемся, что не понимаемъ выраженія г. Позднѣева: оказало большія заслуги.

42 сіо-гайкоку *во ситe масумасу соно омоки во сирасиметари* | 69 諸外國をして.ますます(益々).その(其)重きを知らしめたり。
не значитъ: и всѣ державы все болѣе и болѣе признавали престижъ Японіи. *во ситe* указываетъ на то, что за нимъ долженъ слѣдовать побудительный залогъ, каковой и имѣется въ словѣ: *сирасиметари*—заставило знать или узнать. Слѣдовательно, смыслъ будетъ: наше государство заставило иностранныя государства все болѣе и болѣе убѣждаться въ своемъ вѣсѣ.—сіо 諸 никогда не имѣетъ значенія: всѣ. Впрочемъ, оказывается, что по г. Позднѣеву, сіо имѣетъ еще значеніе: другія. Такъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги, когда рѣчь идетъ о завоевательныхъ стремленіяхъ Хидеіоси (стр. 107: Хидеіоси стремился подчинить подъ власть нашего императорскаго двора и другія иностранныя государства,—переводъ, впрочемъ, далеко неправильный), г. Позднѣевъ переводитъ выраженіе сіо-гайкоку 諸外國: другія иностранныя государства, что еще менѣе правильно, нежели: всѣ державы.—*омоки* 重き не значитъ: престижъ, а значитъ: вѣсъ, важность, значеніе.

---

1) Въ японскомъ текстѣ сказано: *токи ни мо.*

Переводъ г. Позднѣева.

Раньше этого договоры съ иностранными государствами въ послѣдній періодъ бакуфу Токугава были заключены съ поспѣшною небрежностью, и въ нихъ было много статей, невыгодныхъ для нашей страны. Поэтому, хотя ихъ часто намѣревались измѣнить, однако это еще не было приведено въ исполненіе[43]). Но до и послѣ кампаніи 27 и 28-го года Мейдзи уже[44]) всѣ западныя государства[45]) поспѣшно[46]) выразили согласіе на это измѣненіе[47]). Поэтому въ 32-мъ году

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

43 Наврядъ ли возможно построить болѣе безграмотную фразу, чѣмъ эту: Поэтому, хотя ихъ часто намѣревались измѣнить, однако, это не было приведено въ испоненіе. Къ тому же переводъ этотъ не можетъ даже претендовать на подстрочность, въ чемъ легко убѣдиться по японскому тексту:

фуріеки *нару* кадзіō *ōкари-сикаба, сиба-сиба коре га* кайсей *во хакарисикадомо, има-да тогедзарики*

70 不利益なる箇條多かりしかば.しばしば(屢屢).これ(之)が改正をはか(圖)りしかども.いま(未)だ.とげ(遂)ざりき。

что значитъ: такъ какъ въ нихъ было много невыгодныхъ статей, то неоднократно думали о ихъ измѣненіи, но все еще не достигли этого.

44 Слова «уже» нѣтъ въ японскомъ оригиналѣ.

45 сейiō-сіококу 70 西洋諸國

не значитъ: всѣ западныя государства, *а значитъ*: западныя государства. сіо 諸 никогда не имѣетъ значенія: всѣ.

46 сидай *ни* 70 しだい(次第)に。

не значитъ: поспѣшно, *а значитъ*: по порядку, постепенно, одинъ за другимъ. Г. Позднѣевъ, въ качествѣ историка, могъ бы и долженъ былъ бы знать, что западныя государства вовсе не такъ поспѣшно выразили согласіе на „это“ измѣненіе.

47 Соно кайсей 70 その(其)改正

не значитъ: это измѣненіе,. *а значитъ*: измѣненіе ихъ, т.-е. договоровъ.

Переводъ г. Позднѣева.

Мендзи (1899) договоры о равенствѣ[48]), давно желанные для народа, были заключены на дѣлѣ[49]). Послѣ этого въ январѣ 35-го года Мендзи (1902) заключенъ союзъ[50]) съ Англіей, и слава нашей Великой Японской Имперіи все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ извѣстность во всемъ мірѣ[51]).

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

48 тайтō *но* дзiōяку — 70 對等の條約

не значитъ: договоры о равенствѣ. Такихъ и не было заключено; были заключены договоры о мореплаваніи и торговлѣ и т. п. Тайтō *но* дзiōяку *значитъ:* договоры на правахъ равенства.

49 дзисси *суру ни итарери* — 70 實施するにいた(至)れり。

не значитъ: были заключены на дѣлѣ, *а значитъ:* дошли до того, что ввели въ дѣйствіе, или: наконецъ ввели въ дѣйствіе.

Какъ извѣстно всѣмъ, за болѣе чѣмъ очевиднымъ исключеніемъ г. Позднѣева, разбираемые договоры были заключены нѣсколько раньше 1899 года, и вступили въ этомъ году лишь въ силу.

50 дōмей *но* яку *нарите* — 70 同盟の約なりて.

не значитъ: заключенъ союзъ, *а значитъ:* состоялось (*нарите*) соглашеніе (*яку*) о союзѣ (дōмей *но*).

51 *вага* Дай Нихонъ Тейкоку *но* имей *ва масу-масу* секай *ни араваруру ни итарери* — 70 わが(我)大日本帝國の威名は.ますます(益々).世界にあらは(顯)るるに至れり。

не значитъ: и слава нашей Великой Японской Имперіи все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ извѣстность во всемъ мірѣ, *а значитъ:* дошло до того, что слава нашей Великой Японской Имперіи все болѣе и болѣе проявляется въ мірѣ.

Думается, что японскіе патріоты-составители «Начальной японской исторіи» съ презрѣніемъ и брезгливостью отнесутся къ переводу, въ которомъ о славѣ «нашей Великой

Примѣчанія къ переводу г. Позднѣева.

Японской Имперіи» говорится, что эта «слава все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ извѣстность во всемъ мірѣ». Ну-съ, а дальше что было съ ней? Она померкла, что-ли?
секай 世界 *не значитъ:* весь міръ, *а значитъ:* міръ.

Число не только возможныхъ, но необходимыхъ исправленій перевода этой статьи легко можетъ быть удвоено,—стоитъ лишь заняться указаніемъ тѣхъ особенностей, отчасти тонкостей японской конструкціи, которыми, отступая отъ точнаго смысла оригинала, г. Позднѣевъ упорно пренебрегаетъ. Но г. Позднѣевъ упорно пренебрегаетъ ими вообще на всемъ протяженіи всего своего труда. Разборъ всѣхъ грубыхъ и грубѣйшихъ ошибокъ и всѣхъ менѣе важныхъ неточностей, которыми вся книга буквально испещрена, составилъ бы толстую книгу и равнялся бы полному исправленію труда г. Позднѣева. Взять же на себя подобную работу мы считаемъ задачей слишкомъ неблагодарной и непродуктивной, а главное совершенно безполезной, такъ какъ даже исправленная «Начальная Историческая Хрестоматія» оказалась бы совершенно не пригодной для русскихъ, ни въ цѣляхъ изученія японскаго языка, ни въ цѣляхъ изученія японской исторіи.

Въ заключеніе нашего общаго разбора переводной части книги г. Позднѣева мы считаемъ не лишнимъ привести для контраста мнѣніе самого автора объ этой части его труда, діаметрально противуположное нашему. Самъ г. Позднѣевъ, оказывается, глубоко проникся крупными достоинствами своего труда. Поэтому безпристрастное перечисленіе этихъ достоинствъ компетентными устами самого г. Позднѣева имѣетъ особую цѣнность.

Вотъ что пишетъ г. Позднѣевъ въ своемъ «Введеніи» на стр. V—VI:

«Далѣе слѣдуетъ переводъ текста на русскій языкъ. Въ немъ преслѣдовалась *одна только цѣль возможной близости къ оригиналу,* безъ особой заботы о чистотѣ или стилѣ рус-

скаго языка. Для начинающихъ изученіе японскихъ историческихъ текстовъ *всего важнѣе умѣнье подстрочнаго перевода*, послѣ котораго въ дальнѣйшемъ всегда возможно уже давать русскому разсказу обработку въ смыслѣ чистоты слога. *Къ подстрочному переводу меня побуждало еще и такое соображеніе*. Текстъ Shôgaku Nihon Rekishi чрезвычайно сжатый... При такомъ положеніи дѣла естественно *каждая фраза и даже каждое слово получаетъ особо важное значеніе, и измѣнять переводъ ихъ* въ зависимости отъ красоты русскаго слога *едва ли представится цѣлесообразнымъ*[1])».

Полагаемъ, что комментаріи излишни.

Въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ русскимъ переводомъ японскаго текста разбираемой книги стоитъ

Подстрочный словарь,

которымъ г. Позднѣевъ снабдилъ свою книгу, разбивъ его соотвѣтственно статьямъ ея на отдѣльныя части.

Подстрочный словарь этотъ занимаетъ около одной трети общаго числа 165 страницъ, отведенныхъ въ книгѣ подъ иностранную транскрипцію японскаго текста, русскій переводъ его и слова.

Попутно мы имѣли уже возможность знакомиться съ нимъ и вообще съ отношеніемъ г. Позднѣева къ опредѣленію значеній японскихъ словъ, и поэтому мы были бы въ правѣ совершенно даже отказаться отъ разбора его. Если же мы тѣмъ не менѣе въ нижеслѣдующемъ намѣрены посвятить нѣсколько минутъ общему разбору этого подстрочнаго словаря, то мы это дѣлаемъ лишь для того, чтобы интересующихся изученіемъ японскаго языка познакомить съ г. Позднѣевымъ въ качествѣ лексикографа, что особенно любопытно въ виду того, что вышедшій весной сего года послѣдній трудъ его по японологіи озаглавленъ: *Японо-Русскій іероглифическій словарь (по ключевой системѣ)*.

Сопутствующій транскрипціи и русскому переводу разбираемой книги подстрочный японо-русскій словарь состоитъ

---

1) Курсивъ нашъ.

изъ двухъ столбцовъ. Въ первомъ столбцѣ помѣщены японскія слова, отчасти въ китайскомъ іероглифическомъ, отчасти же въ японскомъ азбучномъ письмѣ, смотря потому, въ какомъ письмѣ они встрѣчаются въ японскомъ оригиналѣ. Въ первомъ случаѣ чтенія іероглифовъ приписаны японскимъ азбучнымъ письмомъ (хираганой) съ правой стороны. Противъ японскихъ словъ во второмъ столбцѣ помѣщены русскія значенія ихъ.

а) Нѣсколько лексическихъ примѣровъ изъ подстрочнаго словаря г. Позднѣева[1]).

きはめて *киваметe* (2)—*не значитъ:* совершенно, *а значитъ:* крайне, чрезвычайно.

照てらす *терасу* (2)—*не значитъ:* блистать, *а значитъ:* освѣщать. Значеніе „блистать" имѣетъ глаголъ 照てる *теру.*

さづける *садзукеру* (2)—*не значитъ здѣсь:* передать, отдать, *а значитъ:* жаловать.

仰 *ōсу* (2)—говорить.—Такого глагола не существуетъ, ибо разъ авторъ, слѣдуя системѣ европейскихъ японологовъ, пишетъ *садзукеру* (2) вмѣсто *садзуку* (по системѣ японскихъ словарей), то онъ долженъ писать *ōсеру.* Затѣмъ, глаголъ этотъ не есть простой глаголъ говоренія, а учтивый.

うごく *угоку* (3)—*не значитъ:* двигать, *а значитъ:* двигаться. Значеніе „двигать" имѣетъ глаголъ *угокасу.*

くだる *кудару* (3)—*не значитъ:* уходить, *а значитъ:* спускаться.

開ひらく *хираку* (5)—открывать, просвѣщать — поставлено не кстати, такъ какъ въ текстѣ имѣется *хиракедзу* (4) отъ *хиракеру*—открываться, просвѣщаться, цивилизоваться.

---

1) Числа въ скобкахъ, послѣ японскихъ словъ, указываютъ страницы книги г. Позднѣева.

平たひらぐ *таирагу* (5)—*не значитъ:* успокаивать, покорять, *а значитъ:* успокаиваться.—Г. Позднѣевъ спуталъ глаголъ *таирагу* съ *таирагеру*: успокаивать, покорять. Въ текстѣ имѣются *таирагете* и другія формы отъ *таирагеру*. Японская орѳографія слова *таирагу* показана г. Позднѣевымъ неправильно たいらぐ。 (*таирагу*), вмѣсто たひらぐ (*тахирагу*), такъ какъ министерскій оригиналъ книги даетъ орѳографію たひらげて (I, 3)—*тахирагете*.

間あひだ *аида* (5)—снабжено г. Позднѣевымъ, между прочимъ, значеніемъ: теченіе. Однако изъ того, что въ извѣстныхъ случаяхъ, при наличности этого слова въ японской фразѣ, въ русскомъ переводѣ можетъ встрѣчаться выраженіе: *въ теченіе*, не слѣдуетъ еще, чтобы слово *аида* имѣло значеніе: *теченіе*.

卽つく *цуку* (5)—*не значитъ:* становиться; «значеніе» же «вступать» этотъ глаголъ имѣетъ только въ русскомъ переводѣ фразы: *курай ни цуку*—вступать на престолъ.

紀元きげん кигенъ (5)—основаніе государства, эра, эпоха. —Слово кигенъ не имѣетъ ни одного изъ указанныхъ г. Позднѣевымъ значеній. Кигенъ значитъ: 1) первый годъ съ основанія государства; 2) годъ, съ котораго начинають счетъ лѣтъ, черезъ которые прошло данное государство.

國民こくみん кокуминъ (5) *не значитъ:* подданные, народъ, *а значитъ:* гражданинъ, нація.

討うつ *уцу* (8)—*не значитъ:* предпринимать походъ, какъ полагаетъ г. Позднѣевъ и какъ онъ упорно переводитъ въ текстѣ, *а значитъ:* наказывать, усмирять.

おだやか *одаяка* (8)—*не значитъ:* успокоеніе, *а значитъ:* спокойствіе, покой.---Въ текстѣ имѣется выраженіе: *одаяка ни нару*—дѣлаться покоемъ или спокойствіемъ, т. е. становиться тихимъ, успокаиваться, и вовсе не: дѣлаться успокоеніемъ, какъ выходитъ по подстрочному

словарю г. Позднѣева, или: находиться въ спокойствіи, какъ г. Позднѣевъ неправильно переводитъ на стр. 7.

いたる *итару* (8)—*не значитъ:* отправляться, а имѣетъ какъ разъ противоположный смыслъ: доходить, достигать, приходить куда.

うける *укеру* (9)—получать, и на той же страницѣ во 2-мъ столбцѣ うく *уку*—получать. Г. Позднѣевъ, очевидно, не даетъ себѣ яснаго отчета въ формахъ спряженія японскаго глагола и не знакомъ съ системой расположенія ихъ въ японскихъ и иностранныхъ словаряхъ.

おそれる *осореру* (9)—устрашать, испугаться,—между тѣмъ какъ *осореру* значитъ только: пугаться, испугаться, бояться, и никогда не значитъ: устрашать.

征伐 сейбацу (9)—экспедиція,—но г. Позднѣевъ не находитъ нужнымъ объяснить, что подъ этимъ терминомъ подразумѣвается только военная карательная экспедиція.

かかる *какару* (9)—подвергаться,—но г. Позднѣевъ не поясняетъ, что это вовсе не значеніе японскаго глагола *какару*, а лишь случайное «значеніе», заимствованное изъ перевода фразы: *ямаи ни какару*—подвергаться болѣзни, заболѣвать.

かくれる *какуреру* (9)—прятаться, умирать,—но г. Позднѣевъ не находитъ нужнымъ посвятить своихъ учениковъ въ то, что это вообще слово устарѣлое, и во-вторыхъ, что въ значеніи „умирать" оно употребляется только о «выдающихся» людяхъ и не можетъ употребляться о простыхъ смертныхъ.

なかば *накаба* (12)—*не значитъ:* среди, во время, *а значитъ:* половина, средина, центръ, самая средина.

軍いくさ *икуса* (12)—*не имѣетъ значенія:* сраженіе, бой, *а значитъ:* войско, война.

渡わたる *ватару* (12)—*не значитъ:* переплывать, *а значитъ вообще:* переправляться.

多 *оси* (13)—*не есть нарѣчіе*, какъ думаетъ г. Позднѣевъ, переводя его словомъ: „много“, *а значитъ:* многій.

裁縫 сайхō (13)—*не значитъ:* портняжное дѣло, *а значитъ:* кройка и шитье.

機織 *хатаори* (13)—*не значитъ:* ткацкое дѣло, *а значитъ:* тканье, ткачъ.

立たつ *тацу* (15)—*не значитъ:* стоять, *а значитъ:* вставать.

まづしき *мадзусики* (15)—*не значитъ:* бѣдность, *а значитъ:* бѣдный. Это не имя существительное, какъ думаетъ г. Позднѣевъ, а имя прилагательное въ опредѣлительной формѣ.

ゆるす *юрусу* (15)—*не значитъ здѣсь* (въ 1-мъ столбцѣ): освобождать, отмѣнять, *а значитъ:* прощать, слагать (подати).

たつ *тацу* (15)—имѣетъ значеніе «миновать» только въ опредѣленныхъ выраженіяхъ.

池いけ *ике* (15)—*не имѣетъ значенія:* каналъ, *а имѣетъ только значеніе:* прудъ.

すすむ *сусуму* (15)—*не значитъ:* поощрять. Г. Позднѣевъ спуталъ глаголы *сусуму*—подвигаться впередъ, прогрессировать и *сусумеру*—поощрять.

織物 *оримоно* (19)—*не значитъ:* тканье, *а значитъ:* ткань.

せむ *сему* (19)—нападать, по вмѣсто *сему* слѣдуетъ писать: *семеру*.

とる *тору* (21)—не смотря на приписку въ скобкахъ іероглифовъ 政 治, никогда *не имѣетъ значенія:* управлять, *а значитъ:* брать. Въ данномъ мѣстѣ текста имѣется сложный глаголъ *тори-оконау*—осуществлять,— въ которомъ, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ сложныхъ

глаголовъ, *тору* имѣетъ второстепенныя функціи своего рода вспомогательнаго глагола.

留學生 рюгакусей (22)—*вовсе не значитъ*: командированные на средства казны студенты, *а значитъ*: человѣкъ, изучающій науки за границей.

いかにもして *ика ни мо сите* (27)—*не значитъ*: какимъ образомъ, *а значитъ*: всячески, во всякомъ случаѣ.

改ㄞらたむる *аратамуру* (27)—не значитъ: измѣнять, перемѣнять, *а значитъ*: обновлять, реформировать.

私有する сію *суру* (27)—*не значитъ*: дѣлать частною собственностью, *а значитъ*: лично владѣть, владѣть частнымъ образомъ, владѣть на правахъ частной собственности.

とる *тору* (28)—*не значитъ*: управлять. *Тору* встрѣчается въ данномъ случаѣ въ выраженіи сейдзи *во тори-тамаеру*, что все вмѣстѣ можетъ быть переведено словомъ: управлять.

かゝる *кару* (28)—*не значитъ*: получать, *а значитъ*: занимать.

心得 *кокорое* (28)—*не значитъ*: вниманіе, расположеніе, *а значитъ*: пониманіе, послушаніе, правило.

改正かいせいする кайсей *суру* (28)—*не значитъ*: измѣнять, *а значитъ*: исправлять.

さづかる *садзукару* (28)—*не значитъ*: получать, пожаловать, *а значитъ*: жаловаться. «Жаловать» же будетъ по японски: *садзукеру*.

あさへらる *атаерару*—должно быть: *атаераруру* (28)—*не значитъ*: жаловать. Это страдательный залогъ отъ глагола: *атаеру*—давать.

世の中 *іо но нака* (30)—*не значитъ*: въ имперіи, *а значитъ*: міръ, свѣтъ, общество, страна, имперія.—Г. Позднѣевъ свое «въ» вычиталъ, повидимому, изъ іероглифа 中. По г. Позднѣеву, по всей вѣроятности, выраженіе 背中 *сенака* значитъ «въ спинѣ» вмѣсто «спина».

あつく *ацуку* (31)—*не значитъ*: сильно, *а значитъ*: горячо.

用もちゐる *моціиру* (33)—*не значитъ*: употреблять быть на службѣ, *а значитъ только*: употреблять.

いつわる *ицувару* (33)—можетъ имѣть значеніе: обманывать, но только не въ данномъ мѣстѣ текста. Значеній «обманно пользоваться, поддѣлывать» этотъ глаголъ никогда не имѣетъ. Обычныя его значенія: врать, лгать и затѣмъ еще: обманывать.

あぐる *агуру* (33)—*никогда не значитъ*: предсказывать, *а значитъ*: поднимать, давать—и употребляется еще въ качествѣ вспомогательнаго глагола.

さだまる *садамару* (33)—*не значитъ*: опредѣлять, *а значитъ*: опредѣляться.—„Опредѣлять“ будетъ по японски: *садамеру*.

のぞく *нодзоку* (33)—опредѣляется г. Позднѣевымъ совершенно правильно: исключать, устраивать.—Тѣмъ не менѣе трудно вѣрить въ эту правильность, такъ какъ въ текстѣ на стр. 32 форма *нодзокубеси* (должно устранить) переводится г. Позднѣевымъ: долженъ быть истребленъ.—Кому же вѣрить: г. Позднѣеву—лексикографу, г. Позднѣеву—переводчику или г. Позднѣеву—грамматику?

申し上ぐる *мôси-агуру* (33)—*не значитъ*: говорить, утверждать, *а значитъ*: докладывать, говорить (низшій высшему).—Въ текстѣ этотъ глаголъ переводится г. Позднѣевымъ на стр. 32 «предсказывали» и на той же страницѣ черезъ нѣсколько строкъ ниже: «представилъ».

あう *ау* (33)—*никогда не значитъ*: вызвать, *а всегда лишь*: встрѣчаться.

うつさる *уцусару* (33), должно быть: *уцусареру*—вовсе не значитъ: переводить, посылать.— *Уцусареру*—страдательный залогъ отъ глагола *уцусу*, объясненнаго г. Позднѣевымъ на стр. 30 и 36 русскимъ словомъ: переносить.

従横 *таме іоко* (36)—*не значитъ*: длина и ширина, *а значитъ*: вдоль и поперекъ.

のこる *нокору* (37)—*не значитъ*: оставлять, *а значитъ*: оставаться. «Оставлять» будетъ по японски: *нокосу*.

うつす *уцусу* (37)—*не значитъ здѣсь*: отражать, походить, *а значитъ*: копировать.

おしはかる *осихакару* (37)—*не значитъ*: представлять, изображать, *а значитъ*: заключать о чемъ, дѣлать себѣ представленіе о чемъ.

つたへる *цутаеру* (39)—*не значитъ*: приносить, распространять, *а значитъ*: передавать, распространять.

たくみ *такуми* (40)—*не зачитъ*: искусный. Это не имя прилагательное, какъ думаетъ г. Позднѣевъ, а имя существительное: планъ, соображеніе, ловкость, искусство.

百姓 *хякусіо* (40)—народъ. Это устарѣлое, неупотребительное значеніе. Слово значитъ: крестьянинъ.

しだいに сидай *ни* (43)—опредѣляется г. Позднѣевымъ въ словахъ: постепенно, но переводится на стр. 163: поспѣшно.

はかる *хакару* (44)—*не значитъ*: совѣтовать, *а значитъ*: обсуждать.

たけ *таке* (44)—*не значитъ*: высокій. Это не имя прилагательное, а имя существительное: высота, длина. Но дѣло вовсе не въ этомъ. Г. Позднѣевъ, вопреки построенію данной японской фразы, принялъ *таке*, встрѣчающееся у него въ транскрибированномъ текстѣ на страницѣ 41, строка 13 сверху, за имя существительное, между тѣмъ какъ это *таке*—неопредѣленная форма отъ глагола: *такуру*—дѣлаться достаточнымъ, приходить въ расцвѣтъ, исполняться. При опредѣленіи значенія своего «*таке*» г. Позднѣевъ спуталъ его въ добавокъ еще со словомъ: *такаи*—высокій.

よる *іору* (48)—*не значитъ*: утверждать, опираться, строить крѣпость, *а значитъ*: опираться на что, основываться на чемъ.

わたる *ватару (59)*—опредѣляемое г. Позднѣевымъ въ словахъ неправильно: разселяться, и переводимое имъ въ текстѣ (стр. 58) неточно: обнимали—имѣетъ значеніе: переходить, переправляться, переходить.

Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшія страницы словаря, переполненныя подобными же лексическими небылицами, мы переходимъ къ разсмотрѣнію другой, не менѣе характерной его стороны.

б) Нѣсколько примѣровъ объясненія г. Позднѣевымъ въ подстрочномъ словарѣ нѣкоторыхъ японскихъ терминовъ.

天皇 теннō (2)—*не значитъ просто:* императоръ, а представляетъ собою одинъ изъ титуловъ именно только японскаго императора; слово это о другихъ императорахъ не употребляется.

神宮 дзингу (3)—только во второмъ значеніи означаетъ извѣстные храмы въ Исе, въ основномъ же значеніи слово это означаетъ вообще синтоистическій храмъ извѣстнаго разряда. Далѣе дзингу (у г. Позднѣева неправильно: дзингу) въ Исе вовсе не храмъ одной только *Аматерасу* и, наконецъ, въ Исе имѣется не одинъ только храмъ.

皇子 ōдзи (5) означаетъ только дѣтей императора. Первое значеніе («князья»), данное этому слову г. Позднѣевымъ, относится не къ 皇子, а къ 王子, читаемому также ōдзи; но и подъ этимъ терминолъ понимаются не князья вообще, а только князья императорской крови.

三韓さんかん (12)—Г.Позднѣевъ довольствуется одной транскрипціей и „Санъ-Канъ" припиской «три государства».

ōмурадзи 大連 и *ōми* 大臣, стр. 18, опредѣлены неправильно и во всякомъ случаѣ не достаточно ясно и опредѣленно. Такъ какъ, однако, выясненіе истиннаго значенія этихъ терминомъ отняло бы слишкомъ много времени и мѣста, то мы ограничиваемся однимъ лишь ука-

заніемъ на неправильность и неточность опредѣленія г. Позднѣева. Точный смыслъ этихъ словъ можно найти въ любой справочной книжкѣ по японской исторіи.

憲法 кемпō (22) *не значитъ:* законы, кодексъ. Ни гражданскій, ни уголовной, ни вообще какой бы то ни былъ кодексъ не выражаются по японски словомъ: кемпō. Современное значеніе этого слова совершенно опредѣленное, именно: конституція. Въ старину Сіōтоку-тайси вовсе не установилъ, какъ переводитъ г. Позднѣевъ, стр. 21, «законы изъ семнадцати статей», а установилъ такъ сказать «законъ законовъ изъ 17-ти статей», проникнутый буддійскими и конфуціанскими идеями и не имѣвшій ничего общаго съ юридическими нормами. На страницѣ 154 г. Позднѣевъ переводитъ слово 憲法 кемпō: государственный законъ о конституціи. Это— многословно, пожалуй, даже звучно, но только не точно и правильно.

國分寺 кокубундзи (31) *не значитъ:* правительственныя кумирни.—такихъ не было,—*а значитъ:* кумирни-монастыри 寺, распредѣленныя 分 по провинціямъ 國, т.-е. провинціальныя кумирни, о постройкѣ которыхъ въ 9-мъ году Темпей былъ изданъ Высочайшій указъ по провинціямъ. Въ 11-мъ году Темпей былъ изданъ указъ о постройкѣ кокубу-нидзи 國分尼寺, т.-е. женскихъ провинціальныхъ монастырей.

Почему только г. Позднѣевъ на стр. 33 раньше хōо 法王 помѣщаетъ не идущее къ дѣлу и вовсе не встрѣчающееся въ текстѣ 10-й статьи созвучное хōō 法皇? Или, быть можетъ, онъ усматриваетъ въ одномъ транскрибированномъ хōō въ текстѣ наличность обоихъ іероглифическихъ хōō и ихъ значеній?

宇佐八幡 Уса Хациманъ (33)—„Уса Хациманъ, имя синтоистскаго бога“.—Нѣсколько ниже на той же страницѣ: 八幡 Хациманъ — «Хациманъ — божество». —Г. Позднѣевъ, повидимому, думаетъ, что это два бога, одинъ—синтоистскій, а другой—просто божество (ср. выше, стр. 15).

紀念祭 киненсай (37) *вовсе не значитъ:* Киненсай, праздникъ въ память перенесенія столицы изъ Нары въ Кіōто, *а просто значитъ:* праздникъ въ память чего.

奉行 бугіō (127)—магистратъ города. Это не вѣрно. Существовали различные бугіō, даже для храмовъ и монастырей. Это только общее названіе для обозначенія цѣлаго ряда начальствующихъ лицъ, съ самыми разнообразными функціями, въ извѣстный періодъ японской исторіи.

正三位 (154) „Сіōсанми, титулъ Сайгō Такамори". Почему г. Позднѣевъ думаетъ, что это именно только спеціальный «титулъ» Сайгō?

Мы уже видѣли выше, что г. Позднѣевъ „историческихъ" женщинъ превращаетъ въ „миоическихъ" мущинъ: Суйко-теннō (21) по г. Позднѣеву—императоръ, по даннымъ же японской исторіи—императрица; Кōгіоку-теннō (статья 8-я)—фигурируетъ у г. Позднѣева то подъ видомъ лица мужескаго, то женскаго пола.

Русская терминологія г. Позднѣева не совсѣмъ установившаяся. Такъ напримѣръ, Ямато опредѣляется на стр. 5 какъ «область», на стр. 22 какъ «провинція». Другія неловкости въ географическомъ отношеніи, указанныя выше, тоже не говорятъ въ пользу эрудиціи г. Позднѣева, несмотря даже на то, что имя и фамилія его, должно быть, въ качествѣ автора, фигурируютъ на заглавномъ листѣ книги: „*Японія. Географически-статистическій очеркъ*".

Цѣлый рядъ терминовъ оставленъ г. Позднѣевымъ безъ перевода, не смотря на то, что безъ него текстъ перевода для непосвященнаго остается неяснымъ:

Аматерасу-ō-миками (стр. 1 въ переводѣ), Нинигп-номикото (стр. 1 въ перев. и стр. 2 въ словахъ), Аматерасу (стр. 3 въ словахъ), Муракумо-но-цуруги (стр. 7 въ перев. и стр. 9 въ слов.; кстати, въ неправильной транскрипціи): Куса-наги-но-цуруги (стр. 7 въ перев. и стр. 9 въ слов.; кстати, въ неправильной транскрипціи),—безъ объясненія

этого слова Куса-наги-но-цуруги весь пассажъ текста непонятенъ. На стр. 11 (перев.) „Санъ-Канъ подчинились нашему государству“, на стр. 25 (перев.) „изъ Кореи Санъканъ представили дань“, на стр. 26 „Корея“, имѣющая при себѣ Санъ-Канъ въ скобкахъ, „отложилась отъ нашего государства“.

Въ первой статьѣ (стр. 1—2) бесѣдуютъ и дѣйствуютъ Ōмиками и Микото, во 2-й статьѣ (стр. 4) дѣйствуетъ теннō, въ 3-й статьѣ (стр. 7—8, дѣйствуетъ уже Микото совершенно иного характера, чѣмъ въ 1-й статьѣ. Въ 6-й статьѣ (стр. 17—18) проявляютъ свою дѣятельность ōмурадзи и ōми, весьма не удовлетворительно объясненные въ словахъ на стр. 18; въ статьѣ 7-й (стр. 20—21) къ ōми присоединяется еще новое дѣйствующее „званіе“ Таиси (впрочемъ, это „тайси“ г. Позднѣевъ, повидимому, принимаетъ за имя собственное, по крайней мѣрѣ въ словахъ на стр. 21 聖德太子 объясняется только: Сiōтоку таиси, соб. имя).

Совершенно непонятнымъ представляется, почему г. Позднѣевъ къ японскимъ чтеніямъ корейскихъ названій не прибавляетъ въ скобкахъ корейскія чтенія ихъ, а китайскія: напримѣръ: 新羅 Сираги (Синь-ло), 百濟 Кудара (Бо-цзи), 高麗 Кома (Гао-ли), 任那 Мимана (Жень-на), всѣ на стр. 11, и др. примѣры на другихъ страницахъ книги. Развѣ выходитъ ученѣе ставить въ скобкахъ выборки изъ китайскихъ словарей, чѣмъ изъ корейскихъ?

И наоборотъ, когда въ книгѣ встрѣчаются китайскія географическія наименованія, г. Позднѣевъ объясняетъ ихъ въ скобкахъ по-японски, на китайское же произношеніе не дѣлаетъ никакого указанія. Напримѣръ: Желтое море (стр. 161) имѣетъ приписку въ скобкахъ: Кōкаи, Портъ-Артуръ—Ріодзюнкō.

Іероглифъ 僧 сō (стр. 31) г. Позднѣевъ объясняетъ, помимо слова бонза, еще такъ много говорящимъ русскому читателю китайскимъ словомъ: хэ-шанъ. Если бы это слово было дано въ іероглифахъ и японскомъ произношеніи: осiō 和尙, то ученики г. Позднѣева по крайней мѣрѣ могли бы обогатить свой запасъ японскихъ словъ.

Развѣ только г. Позднѣевъ считаетъ себя не только японологомъ, но и синологомъ?

в) Нѣсколько примѣровъ грамматическаго, орѳографическаго и иного свойства, встрѣчающихся въ подстрочномъ словарѣ г. Позднѣева.

御 го (2)—*не есть:* почтительный эпитетъ, а служитъ извѣстнымъ красящимъ префиксомъ хорошаго тона, вѣжливости или учтивости.

たまふ *тамау* (2)—дать, давать—вовсе не есть, какъ объясняетъ г. Позднѣевъ, „почтительное выраженіе(?) являющееся прибавкою(?) къ глаголамъ", а служитъ вспомогательнымъ глаголомъ, имѣющимъ свои совершенно опредѣленныя функціи, незнаніе и непониманіе коихъ со стороны г. Поздрѣева явно отразились на его переводѣ.

たてまつる *татемацуру* (3) тоже снабжено г. Позднѣевымъ припиской: почтительное выраженіе. Такимъ образомъ два глагола *тамау* и *татемацуру*, не имѣющіе между собою ничего общаго, подведены г. Позднѣевымъ подъ одну категорію.

しむる *симуру* (8 и 12)—заставлять.—Такого глагола не существуетъ. Г. Позднѣевъ принялъ наращеніе побудительнаго залога за самостоятельный глаголъ.

ども *домо* (14).—Такого слова не сущестуетъ. Это одно изъ наращеній для образованія уступительныхъ формъ.

あひ *аи* (18)—не представляетъ собою самостоятельнаго слова съ значеніемъ: между собою, другъ съ другомъ, какъ можно вывести изъ подстрочнаго словаря г. Позднѣева, а встрѣчается только какъ префиксъ.

ただ....のみ *тада... номи* (27)—только (двѣ частицы употребляются вмѣстѣ).—Поставленное г. Позднѣевымъ въ скобки замѣчаніе не вѣрно, такъ какъ каждая изъ этихъ двухъ частицъ употребляется также и отдѣльно.

ごと *гото* (31)—каждый—не представляетъ собою самостоятельнаго слова, а служитъ всего лишь суффиксомъ, имѣющимъ свои опредѣленныя функціи; кромѣ того «каждый» является только однимъ изъ возможныхъ переводовъ.

かども *кадомо (33)—не значитъ:* но, хотя—и кромѣ того, такого слова не существуетъ.—*Домо*—это одно изъ наращеній для образованія уступительной формы, *ка* же—второй слогъ наращенія *сика*, наращаемаго на неопредѣленную форму глагоговъ. Не зная наращенія *сика*, г. Позднѣевъ отдѣляетъ отъ него послѣдній слогъ и составляетъ изъ этого послѣдняго слога *ка* вмѣстѣ съ другимъ наращеніемъ *домо* новое слово *кадомо*, которому даетъ значеніе: хотя.—Какое потрясающе глубокое и даже „творческое" знаніе японскаго языка!

たれども *таредомо* (38)—но.—Такого слова нѣтъ въ японскомъ языкѣ. Слово это образовано г. Позднѣевымъ изъ глагольнаго наращенія *таре*+*домо*.

とて *томе* (49 и 69)—чтобы,—но въ текстѣ (стр. 47) это слово переводится: изъ-за. Возможно дать еще съ полдюжины подобныхъ же опредѣленій значенія этого *томе*, представляющаго собою сокращеніе изъ *то итте*, дословно: говоря, что.

せしめる *сесимеру* (109)—*не значитъ:* заставлять, *а значитъ:* заставлять дѣлать. Это побудительный залогъ отъ глагола *суру*—дѣлать. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ текста онъ встрѣчается какъ наращеніе для образованія побудительнаго залога.

とはいへ *то ва іе* (132)—хотя.—Это „слово" состоитъ изъ двухъ послѣслоговъ *то* и *ва* и глагола ю—говорить. Г. Позднѣевъ признаетъ въ немъ въ своемъ транскрибированномъ текстѣ (стр. 127) два слова: towa ie.

や я (133)—какъ только, когда.—Послѣслогъ этотъ объясняется вполнѣ удовлетворительно въ существующихъ грамматикахъ японскаго языка и вовсе не нуждается въ новомъ объясненіи г. Позднѣева.

べからず *бекарадзу* (147)—не можетъ, не долженъ.—Это только отрицательная форма извѣстнаго наращенія и вовсе не самостоятельное слово.

Г. Позднѣевъ, какъ мы впрочемъ видѣли уже выше, не всегда различаетъ части рѣчи. Такъ напримѣръ, *бси* (13) онъ принимаетъ за нарѣчіе, между тѣмъ какъ это имя прилагательное въ окончательной формѣ, *мадзусики* (15)—за имя существительное, между тѣмъ какъ это имя прилагательное въ опредѣлительной формѣ, *таке*—за имя прилагательное, между тѣмъ какъ это имя существительное, причемъ то *таке*, о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ въ довершеніе всего вовсе не имя прилагательное, а также и не имя существительное, а глаголъ, и т. д., и т. д., и т. д.

Г. Позднѣевъ не всегда различаетъ залоги и формы глаголовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ указанныя выше qui pro quo: *терасу—теру*, *угоку—угокасу*, *хираку—хиракеру*, *таираги—таирагеру*, *одаяка ни нару*,—*одаяка нару*, *сусуму—сусумеру*, *садзукару—садзукеру*, *садамару—садамеру*, *нокору—нокосу*, и т. д., и т. д.

Страдательный залогъ принимается г. Позднѣевымъ за самостоятельную коренную глагольную форму: *атаерарура* отъ *атаеру*, *уцусареру* отъ *уцусу*, и т. д., и т. д., и т. д.

Побудительный залогъ г. Позднѣевымъ чаще всего вовсе не признается или узнается, и мѣшающія подобному взгляду наращенія превращаются въ самостоятельныя глаголы, связанные же съ этимъ залогомъ конструкціи—въ командировки для причастныхъ лицъ, какъ напр. указанное выше: *во сите*, см. стр. 5.

Уступительныя слова пользуются особой любовью и вниманіемъ г. Позднѣева, вплоть до созданія имъ въ японскомъ языкѣ цѣлаго ряда словечекъ: хотя, однако, но. Для этого даже разрубаются на части вѣками установившіяся наращенія и обрубки ихъ склеиваются въ новыя слова.

Г. Позднѣевъ упраздняетъ всѣ правила однообразія и порядка и помѣщаетъ въ своемъ словарѣ слова, какъ попало. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ глаголы извѣстнаго спряженія у него оканчиваются на *уру* (*сидзумуру* 9, *тодомуру* 14,

агуру 33 и т. д.), въ другихъ случаяхъ глаголы того же спряженія оканчиваются на *еру* (*ябуреру* 15, *укеру* 9, *цутомеру* 15 и т. д.), и еще въ другихъ случаяхъ *уру* и *еру* допускаются безразлично (*цутомеру* 15 и *цутомуру* 22, *тацуру* 37 и *татеру* 31). Въ другихъ случаяхъ, не долго думая, г. Позднѣевъ отрубаетъ конечное *ру* (*укеру*, стр. 9 въ первомъ столбцѣ, но *уку* во 2-мъ столбцѣ, *цутавару* 22 вм. *цутаваруру* или *цутавареру*, *сему* 19 вм. *семуру* или *семеру, бсу* 2 вм. *бсеру* и т. д.). Тѣ же самые методы безразличія внѣшней формы примѣняются также и къ глаголамъ на *иру* или *юру* (напр., *хикіюру* 49 рядомъ съ *моціиру* 33).

Имена прилагательныя даются то въ окончательной формѣ на *си* (*такаси* 1, *готоси* 1, *вакаси* 8), то въ опредѣлительной формѣ на *ки* (*тōки* 8, *медзурасики* 12, *накарики* 8 отъ *наи*), то въ различныхъ болѣе или менѣе сложныхъ отрицательныхъ формахъ (*іокарану* 31 отъ *іои*, *сукунакарадзарики* 40 отъ *сукунаи*). Все это дѣлается безъ всякой видимой цѣли и надобности. Безъ надобности приводится также и рядъ производныхъ нарѣчій (*фукаку* 15, *омоку* 32, *гироку* 40, *ацуку* 31 и т. д.).

Чтеніе каной въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается въ исторической ороографіи (遠とほき 8 *тогоки*, читай: *тōки*: 方はう 5 хау, читай: хō; すなはち 9 сунахаци, читай: сунаваци, и т. д.), въ другихъ въ новой ороографіи японскаго министерства народнаго просвѣщенія (四方しほ | 18 сихō вм. しはう сихау, читай: сихō; 天皇てんの | 2 теннō вм. てんわう тенвау, читай: теннō; 朝廷ちよ | てい 13 ціōтей вм. てうてい теутей, читай: ціōтей; 法皇ほ | わ | 33 хōō вм. はふわう хафувау, читай: хōō, и т. д. Для глагольнаго окончанія *у* съ предшествующимъ неслышнымъ въ современномъ языкѣ *ф*, повидимому, въ большинствѣ случаевъ оставлена единственно допустимая, съ точки зрѣнія спряженія, ороографія ふ *фу*, но и тутъ наблюдаются исключенія: あう 33 *ау* вм. あふ *афу*, читай: *ау*; うばう 48 *убау* вм. うばふ *убафу*, читай: убау, и т. д.

Чтенія отдѣльныхъ іероглифовъ не показаны, такъ что начинающимъ трудно освоиться съ ними. Но кромѣ того

чтенія показаны въ новой ороографіи японскаго министерства народнаго просвѣщенія, что не совсѣмъ цѣлесообразно. Такъ, напримѣръ, іероглифъ 皇 въ словѣ 天皇 теннō отдѣльно никогда не читается нō, а читается ō (изъ *вау* わう). Заучивши въ словѣ 天皇 теннō для 皇 неправильное чтеніе нō, мы должны въ словѣ 皇子 ōдзи переучить неправильное чтеніе нō іероглифа 皇 на правильное ō (изъ вау わう), не говоря уже о томъ, что, напримѣръ, для слова 皇學 кōгаку и другихъ словъ мы должны еще запомнить второе „китайское" чтеніе іероглифа 皇 кō (изъ кувау くわう). И наконецъ, эта министерская ороографія устраняетъ насъ совершенно отъ всѣхъ японскихъ словарей, книгъ, газетъ, журналовъ, телеграммъ и пр., ибо всякое ученое и неученое писаніе пишется въ Японіи въ исторической или псевдоисторической ороографіи, ороографія же японскаго министерства народнаго просвѣщенія введена пока только въ японской начальной школѣ, да въ такъ называемыхъ учебникахъ г. Позднѣева.

Послѣ разбора русскаго перевода японскаго текста и словъ къ нему, намъ остается для разбора еще

Иностранная транскрипція японскаго текста.

Г. Позднѣевъ называетъ свою транскрипцію Rōmaji и такимъ образомъ идентифицируетъ ее съ общеизвѣстной и общеупотребительной въ литературѣ транскрипціей, дѣйствительно носящей названіе Rōmaji. Rōmaji г. Позднѣева, однако, по своей общей безграмотности, неправильности и непослѣдовательности не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ Rōmaji, въ чемъ легко убѣдиться по нижеслѣдующему разбору ея.

Буквы и слоги.

1) Долгіе слоги.

Несмотря на то, что соблюденіе долгихъ слоговъ и отличіе ихъ отъ краткихъ играетъ въ японскомъ языкѣ чрез-

вычайно важную роль, г. Позднѣевъ на протяженіи всей своей книги, какъ въ транскрипціи, такъ и въ переводѣ, во многочисленныхъ случаяхъ пренебрегаетъ долготой или указываетъ ее неправильно: oku no 10 вм. ōku no; okarishikaba 24 вм. ōkarishikaba; oini 16 вм. ōi ni; nogyo 13 вм. nōgyō; kosanseri 10 вм. kōsan seri; moshi 9 вм. mōshi: bukkyo 29 вм. bukkyō; mosu 29 вм. mōsu; kōtsu 29 вм. kōtsû; ju-ichi 90 вм. jû-ichi; yoji 20 вм. yōji; sonō gyo 14 вм. sono gyō; kenpo 155 наряду съ kempō 150, и т. д. и т. д., и т. д.

2) г или *гв, к* или *кв?*

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги г. Позднѣевъ допускаетъ *в* послѣ *г* или *к*, въ другихъ же онъ его изгоняетъ: nigwatsu 4 и shichigatsu 158; gan-nen 4, gwan-nen 90 и еще gwannen 91; shigai 91 и shogwaikoku 105 и Sakuradamon gwai ni 135; kwan 45, kwan-i 56, kwahei 120, kwaishite 158, но kōshikan 158, Kōka-tō 158 и др.

3) нм или *мм, нп* или *мп?*

Переходъ въ извѣстныхъ случаяхъ *н* въ *м* г. Позднѣевымъ то признается, то не признается. Соотвѣтственно этому г. Позднѣевъ транскрибируетъ: kenmei 66 и kemmei 23, danpan 158 и dampan 149, kempō 150 и kenpo 155 (съ неправильнымъ краткимъ о), sanzenman 159 вм. sanzemman.

4) ау или ō?

Вмѣсто общепринятаго *ау* (въ глаголахъ 1-го спряженія) г. Позднѣевъ даетъ иногда ō: iwō 4 вм. iwau, arasō - 16 вм. arasau, ukagō 70 вм. ukagau. Въ другихъ случаяхъ г. Позднѣевъ придерживается привычнаго *ау*: shitagau 105.

5) Новые слоги.

Не довольствуясь установленными для Rōmaji сочетаніями согласныхъ и гласныхъ для образованія изъ нихъ слоговъ, г. Позднѣевъ вводитъ сочетанія: *ph* въ словѣ Phiripin 105, и *tz* вм. *z* въ словѣ tsukurowasetamawatzariki 13. Въ kudarazariki онъ мѣняетъ *z* на *j*: kudarajariki 50, такъ что вмѣсто чтенія кударадзарики мы получаемъ чтеніе: куда-

радзярики. Принятое изображеніе глагола „говорить“ *iu* (ю) г. Позднѣевъ передѣлываетъ на стр. 69 въ *yu*. Вмѣсто обычнаго Gemmyō г. Позднѣевъ на стр. 29 даетъ Gemmiō, т. е. вмѣсто 2 слоговъ 3 слога.

Вспомогательные глаголы.

а) *татемацуру*.

Вспомогательный глаголъ *татемацуру* пишется г. Позднѣевымъ

1) слитно съ предшествующимъ глаголомъ: shitagaitatematsurazaru 6, tsuketatematsuriki 72.

2) отдѣльно отъ предшествующаго глагола: arawashi tatematsureru 1, matsuri tatematsurerunari 1, yaki koroshi tatematsurantoseri[1]) 6.

б) *тамау*.

Вспомогательный глаголъ *тамау* г. Позднѣевъ

1) пишетъ слитно съ предшествующимъ глаголомъ: tsukurowasetamawatzariki[2]) 13, sazuketamaite 1, ōsetamaiki 1, utsushitamaeri 29, nozomitamaishi 13, uchitamaeri 6.

2) пишетъ отдѣльно отъ предшествующаго глагола: itari tamaishitoki[3]) 6, horoboshi tamaeri 6, itari tamaishini[4]) 10.

3) присоединяетъ къ предшествующему глаголу при помощи тире: ninzerare-tamai 77.

в) *суру*.

Вспомогательный глаголъ *суру* г. Позднѣевъ

1) пишетъ слитно съ предшествующими китайско-японскими словами, какъ съ состоящими изъ одного, такъ и изъ двухъ іероглифовъ: kosanseri[5]) 10, ninzerare 77.

2) пишетъ отдѣльно отъ предшествующаго китайско-японскаго слова: shi shite 51 и shi shi 55, но допуска-

---

1) Въ *tatematsurantoseri* г. Позднѣевъ нашелъ нужнымъ объединить въ одно слово два самостоятельныхъ сказуемыхъ и соединительную частицу: *tatematsuran to seri*.

2) Слогъ *tza* относится къ Rōmaji г. Позднѣева.

3) Въ tamaishitoki г. Позднѣевъ нашелъ нужнымъ объединить въ одно слово опредѣлительное предложеніе съ опредѣляемымъ словомъ: tamaishi toki.

4) Въ tamaishini г. Позднѣевъ присоединилъ послѣслогъ *ni* къ управляемому имъ глаголу.

5) Въ kosan г. Позднѣевъ не находитъ нужнымъ указать долгое *o*.

етъ для того же слова сисуру также и варіантъ въ видѣ слитнаго письма: shiseri 62.

3) пишетъ въ соединеніи съ однимъ и тѣмъ же японскимъ глаголомъ то отдѣльно, то при помощи тире: uchijini seri 82 и uchijini-shi 81 и 82.

г) нару.

Вспомогательный глаголъ *нару* г. Позднѣевъ

1) пишетъ слитно съ предшествующимъ ему глаголомъ: tatematsurerunari 1, yuzuritamaitarunari 13, uketamaishinari 6, hanaretarunari 24, tatetarunari 77.

2) пишетъ отдѣльно отъ предшествующаго ему глагола: sadamareru naru 1, uru nari 34.

3) пишетъ отдѣльно отъ предшествующаго ему японскаго или китайско-японскаго имени существительнаго: sakan naru 1, kenmei naru 23, rippa naru 29.

4) пишетъ слитно съ предшествующимъ ему японскимъ или китайско-японскимъ именемъ существительнымъ: akirakanaru 128, hoshiimamanaru 61, wagamamanaru 23, но также и wagamama naru 66, sōshōnari 51, odayakanarazarukoto[1]) 89, mononareba[2]) 34, но также и mono nari 155.

Глагольныя наращенія.

а) ару.

Г. Позднѣевъ стремится въ отношеніи къ наращеніямъ, наращаемымъ на нарѣчную форму именъ прилагательныхъ на *ку* къ возможному орѳографическому разнообразію.

1) Г. Позднѣеву иногда удаются совершенно правильныя построенія: sawagashikariki 45, sukunakarishikaba 13, yokarazarishikaba 72, okarishikaba[3]) 24.

2) Но г. Позднѣевъ не довольствуется этимъ успѣхомъ и пишетъ для разнообразія неправильно: sawagashi

---

1) Г. Позднѣевъ объединилъ здѣсь въ одно слово второй именительный падежъ (odayaka), распространенную отрицательную форму отъ вспомогательнаго глагола *нару*, играющаго роль связки и сказуемаго опредѣлительнаго предложенія (narazaru) и опредѣляемое слово (koto).

2) Это „слово“ состоитъ изъ второго именительнаго падежа и связки въ условной формѣ.

3) Г. Позднѣевъ не находитъ нужнымъ указать въ этомъ словѣ долгое *o*.

kariki 4 вм. правильнаго sawagashikariki 45, hanahadashi kariki 23 вм. hanahadashikariki.

3) Не довольствуясь раздѣленіемъ нѣкоторыхъ словъ на двѣ части, г. Позднѣевъ раздираетъ ихъ въ дальнѣйшемъ на три части: ōkari shi kadomo[1]) 69 (подъ первымъ пунктомъ мы отмѣтили неразодранное: okarishikaba).

б) беси.

Отдѣльно стоящее: nakaru beshi 1.
Слившееся: nozokubeshi 31.

Нѣкоторыя глагольныя наращенія даютъ г. Позднѣеву богатѣйшій матеріалъ для орѳографическихъ опытовъ:

в) ки, си, сика и т. д.

1) Г. Позднѣевъ даетъ правильныя построенія въ слѣдующихъ примѣрахъ (наращенія *ки, си, сикаба*): mashimashiki 66, mashimashishikaba 10, oboshimeshiki 10, otoroeshi 56, tamaishi 55, okorishi 55, hakariki 23.

2) Затѣмъ г. Позднѣевъ занимается отдѣленіемъ наращеній (*си, сикаба*) въ самостоятельныя слова: mashimashi shi 4 и 40, oboshimeshi shikaba 41, okoshi shi 50, 55 и 56, oyobi shi 70, nari shikaba 55.

3) Въ слѣдующей стадіи г. Позднѣевъ переходитъ къ раздиранію на части тѣхъ же самыхъ наращеній. Это совершается троякимъ образомъ:

а) первый слогъ даннаго наращенія (*сикадомо, сикаба*) присоединяется къ спрягаемому глаголу и изъ слѣдующихъ слоговъ образуется самостоятельное наращеніе: narishi kadomo 16, seme irishi kaba[2]) 72.

б) послѣ спрягаемаго глагола слѣдуетъ расчлененное на двое наращеніе (*сикадомо*): oboshimeshi shi kadomo 13, ōkari shi kadomo[3]) 69.

в) первый слогъ наращенія (*сикадомо*) присоединяется къ спрягаемому глаголу и остальные слоги наращенія разбиваются на двѣ самостоя-

1) Мы уже имѣли случай выше познакомиться съ „словомъ" *кадомо* (стр. 64).
2) Рѣчь идетъ о сложномъ глаголѣ: seme-iru.
3) Имя прилагательное, обработанное г. Позднѣевымъ по тому же рецепту.

тельныхъ части: nagasareshi ka domo (32).

4) Наращеніе (*си*) отдѣляется отъ спрягаемаго глагола и сливается со слѣдующимъ послѣслогомъ (*га*): mashimashi shiga 41, tate shiga 37.

5) Первый слогъ даннаго наращенія (*сикадомо*) вовсе отбрасывается, два слѣдующихъ слога наращаются на спрягаемый глаголъ и послѣдній слогъ ставится самостоятельно: owarikado mo 149.

6) На спрягаемый глаголъ наращается вновь сооруженное г. Позднѣевымъ наращеніе *сига* (см. пунктъ 4): arishiga 56, ukeshiga 55.

г) тару, тари и т. д.

Съ этими наращеніями г. Позднѣевъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Г. Позднѣевъ даетъ нѣсколько правильныхъ образованій: midaretarishi 24, idetari 37 и 41, tamawaritari 38, taetari 66, nogaretarishi 61, shirizoketareba 70, taetaredomo 66.

2) Чувствуя подъ собою твердую почву, г. Позднѣевъ приступаетъ для разнообразія къ проведенію ряда орѳографическихъ несообразностей:

а) наращенія *тари* и т. д. отдѣляются отъ спрягаемаго глагола: mōde tari 34, sugure taru 34, nozoki taru 38, ushinai tareba 66, fusegi taru 66, kaki tarishi 77, shitagai tarishikaba 77, ide taredomo 37.

б) наращеніе *тари* остается въ контактѣ съ спрягаемымъ глаголомъ, но за то отдѣляется наращеніе, наращенное на *тари*: iitari shi 51, idakitari shi 56.

в) наращеніе *тари* отдѣляется отъ спрягаемаго глагола и ставится отдѣльно, отдѣленное же отъ *тари* наращеніе соединяется со слѣдующимъ послѣслогомъ и образуетъ самостоятельное „*сига*“ (см. выше): tsukae tari shiga 45.

Побудительный залогъ.

Съ существованіемъ въ японскомъ языкѣ т. н. побудительнаго залога г. Позднѣевъ, какъ мы видѣли на разборѣ

его русскаго перевода японскаго текста, никакъ не въ состояніи мириться. Этотъ побудительный залогъ преслѣдуетъ г. Позднѣева также и въ отдѣлѣ транскрипціи. Выдѣливъ въ отдѣлѣ словъ наращеніе побудительнаго залога *симеру* въ отдѣльный глаголъ (см. выше стр. 63), г. Позднѣевъ въ отдѣлѣ транскрипціи не въ состояніи рѣшить вопросъ—представляетъ ли этотъ его собственный глаголъ *симеру* одно слово или два, и соотвѣтственно этому предлагаетъ на выборъ двѣ версіи транскрипціи: azukara shimetamaeri[1]) 4 и shitagawa shi men to obiyakaseri 70.

Имена числительныя.

Въ отношеніи ороографіи сложныхъ именъ числительныхъ г. Позднѣевъ придерживается извѣстныхъ правилъ и одновременно планомѣрнаго нарушенія этихъ правилъ.

(1) Отдѣльныя части сложныхъ именъ существительныхъ соединяется между собою при помощи тире: roku-jû 4, ni-sen (4).

Въ противовѣсъ этому своему правилу г. Позднѣевъ проводитъ слѣдующія нарушенія его:

(а) отдѣльныя части сложныхъ именъ существительныхъ пишутся отдѣльно: shichi jû 29.

(б) отдѣльныя части сложныхъ именъ существительныхъ пишутся слитно: nihyaku 23, sanju съ долгимъ *u* на стр. 56 и съ краткимъ *u* на стр. 41, rokujû 23, gohyaku 4.

(2) Когда въ составѣ сложнаго имени числительнаго происходитъ ассимиляція, то соблюдается ороографія слитная: issen 20, sambyaku 16.

Въ паралелль этому правилу г. Позднѣевъ придерживается слѣдующаго нарушенія его:

(в) ассимилированныя части раздѣляются при помощи тире: sam-byaku 20.

(3) Слѣдующее за именемъ числительнымъ слово *нен̆ъ* (годъ) пишется отдѣльно: issen-hyaku nen 34.

---

1) Г. Позднѣевъ въ этомъ случаѣ пишетъ вспомогательный глаголъ tamau слитно съ наращеніемъ побудительнаго залога, относящагося къ предшествующему глаголу.

(г) Для нарушенія этого правила вводится тире: sanju-go-nen 41, issen-nen 41.

Подобныхъ правилъ и контръ-правилъ можно было бы указать еще нѣсколько. Но ихъ и безъ объясненія легко вывести изъ слѣдующихъ примѣровъ: san shu 1 и san-shu 6, ni shi 16 и nishi 16, ninin 16 и san-nin 16. ichimon 45 и ichi mon 45, Sankan 24 и San-Kan 10, ichi-ji 115 и ichiji 149 и т. д., и т. д.

Послѣслоги и частицы.

1) ни.

1) Пишется г. Позднѣевымъ отдѣльно отъ предшествующаго слова: koko ni 1, tadachi ni 6.

2) Присоединяется г. Позднѣевымъ къ предшествующему слову при помощи тире: jitsu-ni 1, Tennō-ni 6.

3) Пишется г. Позднѣевымъ слитно съ предшествющимъ словомъ: tomoni 1, kotoni 1, tsuini 4, koreni 10.

4) Пишется г. Позднѣевымъ слитно со слѣдующимъ словомъ:

а) съ одновременнымъ присоединеніемъ его при помощи тире къ предшествующему слову: taihō-nishite 155, yû-nishite 99.

б) и отдѣльно отъ предшествующаго: yō nishite 87, gwannen nishite 81.

5) Пишется г. Позднѣевымъ отдѣльно между предшествующимъ и слѣдующимъ словомъ: sakan ni shite 35, gotoku ni shite 149.

6) Пишется г. Позднѣевымъ слитно и неразрывно съ предшедствующимъ и слѣдующимъ словами: kotonishi 16.

7) Г. Позднѣевъ присоединяетъ къ нему слѣдующую за нимъ частицу *мо*: nimo 1 и 34.

8) Г. Позднѣевъ не присоединяетъ къ нему слѣдующей частицы *мо:* ni mo 20, 24 и 41.

9) Г. Позднѣевъ присоединяетъ слитное *нимо* къ предшедствующему слову: nakanimo 77 и 90.

10) Korega tameni 32 и sakenga tame ni 81; tsuini 6 и tsui ni 24 и 66; jitsu-ni 1 и jitsi ni 24.

2) га.

1) Слѣдуя послѣ глагольной формы, пишется отдѣльно: tairagishi ga 6, midaretarishi ga 24, narishi ga 29.

2) Вступаетъ въ томъ же случаѣ въ ближайшую связь: narishiga 45, arishiga 56, ukeshiga 55, sakenga tame ni 81.

3) Перетягиваетъ на свою сторону односложное глагольное наращеніе: tate shiga 37, mashimashi shiga 41.

4) Перетягиваетъ къ себѣ односложное наращеніе, оттягиваетъ при этомъ отъ глагола еще другое наращеніе, но не въ силахъ его окончательно перетянуть къ себѣ: tsukae tari shiga 45.

5) Перетягивая къ себѣ односложное наращеніе, оставляетъ его въ пространствѣ между собою и глаголомъ: okoshi shi ga 55, oyobi shi ga 70.

6) Соединяется иногда съ предшествующимъ мѣстоименіемъ: korega tameni 32.

3) во.

Оставляетъ иногда свое обычно одинокое положеніе (nado wo, 24) и „притирается" при помощи тире къ предшествующему слову: aru-wo shirite 27, но aru wo shirite 128.

4) ните.

Встрѣчается въ нормальномъ видѣ и положеніи въ слѣдующихъ примѣрахъ: koto nite 6, kuni nite 10, denjō nite 23. Въ сосѣдствѣ съ священной провинціей Исе распадается на свои ничтожныя составныя части: Ise ni te 6, затѣмъ допускаетъ тире: dokudan-nite 135 и наконецъ не нуждается въ послѣднемъ: uchinite 129. Принимаетъ слитно, чаще уклоняющійся отъ сліянія, послѣслогъ *ва:* nitewa 81.

5) іори.

То пристаетъ: soreyori 10, motoyori 127, то отстаетъ: kore yori 10, kuni yori 10. При соединеніи мѣстоименія съ именемъ существительнымъ въ одно слово—отстаетъ: konokoro yori 16.

6) ва.

Стоитъ въ большинствѣ случаевъ отдѣльно: kore ra wa 50,

ichiji wa 149, nado wa 20.

Но присоединяется также и къ предшествующему слову при помощи тире и заставляетъ по этому случаю и предшествующее слово принять въ свою средину тире: ichi-ji-wa 151.

Въ другихъ мѣстахъ книги пренебрегаетъ всякими тире: nitewa 81, towa ie 127, niwa 34 и 29.

7) но.

1) Занимаетъ обыкновенно свое самостоятельное мѣсто послѣ того слова, которымъ управляетъ: Tennō no 4, Hachiman no 31.

2) Присоединяется при помощи тире къ началу слѣдующаго за нимъ, опредѣляемаго слова: on-ko no-mikurai 9.

3) Сливается со слѣдующимъ за нимъ (опредѣляемымъ) словомъ въ одно цѣлое, сохраняя при помощи тире связь съ предшествующимъ: daigaku-nokami 119.

4) Сливается въ одно цѣлое съ предшествующимъ словомъ: Murakumono-tsurugi 6, kusanagino-tsurugi 6.

5) Окружается съ двухъ сторонъ тире: Ise-no-Jin-gū 6.

8) то.

Нормальное положеніе: koto to narite 40; перемѣщеніе на лѣво: kototo nareri 29; тоже, съ тире на право: kototo-shite 89; исчезаетъ въ центрѣ (между именемъ существительнымъ и дѣепричастіемъ): natoshite 62.

Префиксы учтивости.

1) го.

Тире: go-shinki 4, go-byōki 40.
Безъ тире: go kyōdai 4.
Слитно: gojibun 24, goseibatsu 24.

2) онъ.

Тире: on-kata 1, on-ko 9 и 13, on-haha 23.
Безъ тире: on kata 10.
Слитно: on-kata 45, on-ko 6, onhaha 29.

3) *ми.*

Тире: mi-kurai 4.
Безъ тире: mi kurai 40, mi yo 29 и 51.
Слитно: mikurai 13 и 40, miyo 29 и 10.

Конструкціи.

1) *то суру.*

То суру съ предшествующей глагольной формой на *н* г. Позднѣевъ, насколько намъ удалось замѣтить, изображаетъ слѣдующими способами (курсивомъ нами выдѣлены *н*, *to* и первый слогъ отъ *suru*, смотря по случаю *se*, *shi*, *su*):

1) Общеупотребительный способъ: uta*n* *to* *se*shi 61, horobosa*n* *to* *se*shi 56, horobosa*n* *to* *shi* tamaishi 81 вм. ... shi-tamaishi, semonobora*n* *to* *se*ri 81 вм. seme-nobora*n* *to* *se*ri, yuzura*n* *to* *shi*ki 89, nozoka*n* *to* *se*shi ni 105.

2) Первый способъ г. Позднѣева (образованіе одного слова изъ предшествующаго сказуемаго и слѣдующей частицы *то*): nyûkyō se*nto* *se*shikaba 143, uta*nto* *se*ri 105.

3) Второй способъ г. Позднѣева (образованіе одного слова изъ частицы *то* и слѣдующаго сказуемаго): tasuke*n* *toshi* 101, sadame*n* *toshi* 104.

4) Третій способъ г. Позднѣева (соединеніе двухъ разнородныхъ сказуемыхъ, связанныхъ частицей *то*, въ одинъ сложный оборотъ): hirome*n*-*to*-*se*ri 94, nobora*nto*-*se*shiga 95 вм. ... seshi ga, shitagawashime*n*-*to*-*shi* 105.

5) Четвертый способъ г. Позднѣева (образованіе одного слова изъ двухъ разнородныхъ сказуемыхъ, соединенныхъ частицей *то*): uta*nto*s*u*ruya 80 вм. ... suru ya, uta*nto*s*e*ri 80, se*n*-*toshi* 89, yaki koroshi tatematsura*nto*s*e*ri 6.

2) *тоте.*

Тоте пишется г. Позднѣевымъ слитно съ предшествующей глагольной формой на *н*:

entote 45 вм. en tote. horobosantote 66 вм. horobosan tote.

3) *то обосимесу.*

Глагольная форма на *н* со слѣдующимъ *to* отдѣляется г. Позднѣевымъ отъ слѣдующаго oboshimeshi на стр. 13 за-

пятой: naran to, oboshimeshi, на стр. 34 же запятой нѣтъ: tairagen to oboshimeshi, какъ ея и нѣтъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: tsutaen to oboshimeshi shi kadomo 13, tairagan to oboshimeshiki 10.

4) то но.

Послѣслогъ *то* со слѣдующимъ *но* пишется г. Позднѣевымъ слитно, предшествующая же глагольная форма на *н* присоединяется посредствомъ тире на стр. 77: okosan-tono taimō wo idaki; на стр. 149 тире опущено: utan tono gi.

5) Опредѣлительныя предложенія и опредѣленія.

Иногда опредѣлительныя предложенія пишутся г. Позднѣевымъ слитно съ опредѣляемыми словами: arutoki niwa 34 и itari tamaishitoki 6, но kakure tamaishi nochi 29; narankoto 94, но naran koto 110.

Иногда же опредѣлительныя предложенія или опредѣленія соединяются съ опредѣляемымъ словомъ при помощи тире: itaru-tokoro 105, itokenaki-toki 110.

Случаи слитнаго письма мѣстоименій и именъ существительныхъ: wagakuni 119, но waga kuni 159, konotoki 66, но kono toki 72, 16 и 20, konokoro 69, 10 и 16, но kono koro 45 и 29, sonohoka 21 и 29 но sono hoka 41.

6) Обстоятельственныя выраженія.

Принято писать: koko ni oite, но г. Позднѣевъ пишетъ также и: kokonioite 10. Принято писать: ika ni mo shite, но г. Позднѣевъ пишетъ также и: ikanimoshite 23.

Объ употребленіи тире.

Два іероглифа, читаемые по „китайски" и образующіе вмѣстѣ одно слово, пишутся г. Позднѣевымъ, какъ то вообще принято, въ большинствѣ случаевъ слитно, но также и при помощи соединительнаго тире и наконецъ совершенно раздѣльно:

(1) Tennō 1, heika 1, shinku 4, tenka 6, gwannen 91, но также и gwan-nen 90.

(2) tai-yō 1, se-kai 1, chi-hō 4, ki-gen 4.

(3) gaku mon 20, но также и gakumon 20, nichi ya 13.

Нарицательныя имена пишутся г. Позднѣевымъ то отдѣльно, то слитно, то при помощи тире:

(1) Soga uji 23, но также и Sogauji 23.

(2) Tendaishû 37, но Shingon shû 38.

(3) Shōtoku-taishi 21, но Shōtoku taishi 20.

Имена собственныя иногда разрываются на двѣ части: Kōgyoku 23 и Kō-gyoku 23, Wakiiratsuko 13 и Waki-iratsuko 13 и 10.

Тире опускается въ нужныхъ случаяхъ: kenyaku 13 вм. ken-yaku (первое читается: кеняку, второе: кенъяку), и вставляется, гдѣ оно не нужно: uka-gō 70 вм. ukagau.

Тире соединяетъ въ первой половинѣ фразы имя существительное со слѣдующимъ прилагательнымъ *nai* (нѣтъ) въ роли сказуемаго, во второй же половинѣ при тѣхъ же обстоятельствахъ его нѣтъ: futatsu no hi-*naku*, kuni ni ninin no kimi *nashi* 24.

Удвоенныя слова пишутся то слитно, то раздѣляются при помощи тире: kuniguni 4, но kuni-guni 6 и 61, yoyo 10, но yo-yo 77, onoono 82, но ono-ono 89.

Сложные глаголы пишутся то раздѣльно, то при помощи тире, то наконецъ слитно: nagi harai 6, yaki koroshi 6, tori-musubite 160, oshihakaru 34.

Разборъ въ общихъ чертахъ книги г. Позднѣева оконченъ. Просмотрѣно 165 страницъ. Книга, однако, содержитъ XII+297 страницъ, т. е. 309 страницъ. Остаются, значитъ, не просмотрѣнными 144 страницы. Изъ нихъ 12 страницъ, какъ было отмѣчено выше (стр. 1), отведены подъ «Введеніе» и «Оглавленіе», 21 страница—подъ «Указатель». Такимъ образомъ оказывается, что

Хронологическая таблица исторіи Японіи

занимаетъ цѣлыхъ 111 страницъ.

Очутившись передъ такой внушительной цифрой, мы недоумѣвая обращаемся къ первоисточнику, къ японскому изданію «Начальной японской исторіи». Къ первому томику ея приложена часть хронологической таблицы», обнимающая

четыре съ половиною страницы. Ко второму томику приложена другая часть ея, обнимающая двѣ страницы. Итого хронологическая таблица обоихъ томиковъ японскаго оригинала занимаетъ всего только *шесть съ половиною страницъ*, у г. Позднѣева же хронологическая таблица занимаетъ *сто одиннадцать страницъ.*

Бѣглый взглядъ на хронологическую таблицу г. Позднѣева убѣждаетъ насъ, однако, къ счастью, въ томъ, что намъ наврядъ ли понадобится 111 страницъ для разбора ея. 111 страницъ г. Позднѣева не полновѣсны, на нихъ имѣется достаточно чистаго, неиспользованнаго мѣста, чтобы перепечатать всѣ 165 страницъ начала книги.

Г. Позднѣевъ упражняется на этихъ 111 страницахъ въ счетѣ: въ 1-мъ столбцѣ отъ 1 (стр. 169) до 122 (стр. 270), въ 4-мъ столбцѣ скачками отъ 1 до 1302 на страницѣ 169 и по порядку на дальнѣйшихъ страницахъ отъ 1305 (стр. 170) до 2567 (стр. 274) и въ 5-мъ столбцѣ на страницѣ 169 скачками отъ 660 въ обратномъ порядкѣ до 29, и скачками же отъ 71 въ прямомъ порядкѣ до 642 и по порядку на слѣдующихъ страницахъ отъ 645 (стр. 170) до 1907 (стр. 274).

Составители японскаго оригинала, повидимому, предполагаютъ, что японскія дѣти, приступая къ чтенію «Начальной японской исторіи» уже твердо знаютъ счетъ и поэтому не предлагаютъ никакихъ длинныхъ рядовъ цифръ. Взамѣнъ ихъ они даютъ рядъ «примѣчаній», не попавшихъ въ таблицу г. Позднѣева.

Хронологическаго смысла и пользы мы не въ состояніи обнаружить въ этихъ 111 страницахъ г. Позднѣева. О многочисленныхъ ошибкахъ въ весьма немногочисленныхъ чтеніяхъ іероглифовъ, попавшихъ въ таблицу, рѣчь вести не намѣрены. Сознаемся, что устали. Тѣмъ не менѣе замѣтимъ, что все же непохвально, что г. Позднѣевъ 今上 киндзіō принимаетъ за имя нынѣ царствующаго японскаго императора и въ скобкахъ приписываетъ еще другое имя по недоразумѣнію—Муцухито-теннō.

Откровенно говоря, всѣ 111 страницъ «таблицы» г. Позднѣева относятся къ издательскому искусству. Вся книга, оцѣ-

ниваемая въ 2 р. 30 к., не содержитъ полныхъ 20 печатныхъ листовъ. Половина ихъ состоитъ изъ пустыхъ, почти нетронутыхъ печатью страницъ. Составленіе большей части рукописи для этихъ страницъ съ удобствомъ могло быть предоставлено механическому нумератору, или же наборщику. Но благодаря присутствію этихъ страницъ книга удвоилась въ объемѣ и цѣнѣ.

Впрочемъ, г. Позднѣевъ сумѣлъ поставить на должную высоту и коммиссіонную часть. 1-й томикъ японскаго оригинала стоитъ 7 сенъ 5 ринъ, 2-й томикъ 7 сенъ, т.-е. оба вмѣстѣ стоятъ 14 сенъ 5 ринъ—около 14 копеекъ. Лица же, пріобрѣтающія означенные 2 томика вмѣстѣ съ книгой г. Позднѣева, платятъ за нихъ 20 копеекъ, т.-е. переплачиваютъ въ пользу посредника больше 40 %.

О нѣкоторыхъ идеяхъ и утвержденіяхъ г. Позднѣева, развитыхъ въ «Введеніи» къ книгѣ, мы поговоримъ въ другой разъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ.

ИЗДАНІЕ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА:

Экономическій Очеркъ Тибета.

Составляетъ 2-й выпускъ 2-й части издаваемаго Восточнымъ Институтомъ обширнаго труда специалиста по исторіи и географіи Дальняго Востока, и. д. профессора **Н. В. КЮНЕРА**

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

ПОКА ВЫПУЩЕНЫ ВЪ СВѢТЪ И ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

ЧАСТЬ 1-Я. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

Вып. 1-й. Имя. Границы. Обзоръ путешествій.—Владивостокъ. 1907. XXXII—VIII+262+129 стр.—*Цѣна 3 рубля.*

Вып. 2-й. Очеркъ физической географіи Тибета.—Владивостокъ. 1907. XVIII+182+90 стр.—*Цѣна 1 руб. 50 коп.*

ЧАСТЬ 2-Я. ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ТИБЕТА.

Вып. 1-й. Составъ и бытъ населенія.—Владивостокъ. 1908. XXVIII+117+111 стр.—*Цѣна 1 рубль 50 коп.*

Вып. 2-й. Экономическій очеркъ Тибета.—Владивостокъ. 1908. XII+183+96 стр.—*Цѣна 2 рубля.*

Готовятся къ печати: **Часть 2-я, Этнографическая. Вып. 3-й. Религія и политическое устройство Тибета.—Часть 3-я. Опытъ библіографіи Тибета.—Часть 4-я. Исторія Тибета по китайскимъ и тибетскимъ источникамъ.**

Каждый выпускъ представляетъ собою одно совершенно законченное и самостоятельное цѣлое.

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовитцъ въ Лейпцигѣ.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

за 1907—1908 академическій годъ (9-й годъ изданія) обнимаютъ т. т. XXI—XXV, съ оффиціальными приложеніями.

ТОМЪ XXI. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть первая. географическая. Выпускъ 1-й. *Имя. Границы. Обзоръ путешествій.*—Владивостокъ. 1907. XXXII+VIII+262+129 стр. *Цѣна 3 руб.*

ТОМЪ XXII. *Н. В. Кюнеръ. Описаніе Тибета.* Часть первая. географическая. Выпускъ 2-й. *Очеркъ физической географіи Тибета.* Владивостокъ. 1907. XVIII+182+90 стр.—*Цѣна 1 р. 50 к.*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 1-Й. *Д-ръ О. Франке. Земельныя правоотношенія въ Китаѣ.* Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями *Н. П. Кохановскаго,* преподавателя юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ.—Владивостокъ. 1908. 8+145 стр. *Цѣна 1 р. 50 к.*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 2-Й *Н. И. Кохановскій.* Очеркъ землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ. *(Печатается).*

ТОМЪ XXIII, ВЫП. 3-Й. *Е. Спальвинъ. Къ характеристикѣ трудовъ и направленія г. Димитрія Позднѣева въ области японовѣдѣнія.* I. Критическій разборъ „Японской Исторической Хрестоматіи (Часть I. Отдѣлы I и II)“ г. Димитрія Позднѣева.—Владивостокъ. 1908. VIII+81 стр. *Цѣна 50 коп.*

ТОМЪ XXIV. *Е. Спальвинъ.* 實用會話. *Практическіе Японскіе Разговоры.* Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. *Часть I-я. Японскій текстъ.* (На четныхъ страницахъ въ формѣ китайско-японскаго смѣшаннаго письма—кана-мадзири-бунъ, на нечетныхъ же въ формѣ чисто-японскаго письма—кана-бунъ). *Выпускъ 1-й (Стр. 1—320).*—Владивостокъ. 1908.—320 стр. *Отдѣльно отъ 2-го выпуска не продается.*

Выпускъ 2-й (окончаніе японскаго текста). (Печатается).

ТОМЪ XXV. *Е. Спальвинъ.* 實用會話. *Практическіе Японскіе Разговоры.* Пособіе для изученія простѣйшихъ формъ японскаго разговорнаго языка и для введенія въ японскую письменность. —*Часть II-я. Подстрочный іероглифическій словарь. Выпускъ 1-й.* (*Стр. 1—320*).—Владивостокъ. 1908.—320 стр.—*Отдѣльно отъ 2-го выпуска не продается.*

Выпускъ 2-й (окончаніе подстрочнаго словаря). (Печатается).

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1-Е. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Восточнаго Института за 1907 годъ. *(Печатается).*

2-Е. Протоколы засѣданій Конференціи Восточнаго Института 1907—1908 академическаго года. *(Печатаются).*

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ
имѣющихся въ продажѣ учебныхъ пособій
Восточнаго Института.

(Составленъ къ 1-му сентября 1908 года).

Дмитріевъ, Н. Н. Лекціи по товаровѣдѣнію, читанныя въ Восточномъ Институтѣ въ 1906—7 акад. году. I. Волокнистые матеріалы. II. Пищевые товары (чай). Изданы студентомъ Вост. Инст. А. Занковскимъ и слушателемъ В. И. Кап. Л. Орловымъ.—Владивостокъ. 1906—7 акад. годъ. (На правахъ рукописи). 4+85 стр. *Цѣна* 3 *рубля.*

Корейская грамматика изданія французскихъ миссіонеровъ: Grammaire Coréenne par les Missionnaires de Corée de la Société des Missions Etrangères de Paris.—Переводъ и. д. профессора Восточнаго Института *Г. Подставина.* Выпускъ I-й (стр. 1—104).—Владивостокъ. 1908. 104 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 40 *коп.*

Кюнеръ, Н. В. Новѣйшая исторія Китая. Записана по лекціямъ студентами Восточнаго Института.—264 стр. (Литог. изд.) *Цѣна* 3 *р.* 50 *коп.*

Неполные экземпляры (стр. 1—192) *за* 2 *р.* 50 *коп.*

Обозрѣніе лекцій по товаровѣдѣнію, читанныхъ преподавателемъ коммерческихъ наукъ при Восточномъ Институтѣ **Н. Н. Дмитріевымъ** въ 1907—1908 акад. году.—Владивостокъ. 20 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 30 *коп.*

Обозрѣніе лекцій профессора Шмидта по китайской и манджурской грамматикамъ на 1907—1908 академическій годъ.—Владивостокъ. 1908. 20 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 30 *коп.*

Обозрѣніе преподаванія по предметамъ русскаго гражданскаго и торговаго права и судопроизводства,

составленное преподавателемъ юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ **Н. И. Кохановскимъ**.—Владивостокъ. 1908. 8 стр. *Цѣна* 20 *коп.*

Позднѣевъ, А. Лекціи по исторіи монгольской литературы, читанныя въ 1897|98 акад. году. Томъ III. Записаны и изданы бывшими студентами Факультета Восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета *Г. В. Подставинымъ и Г. Ц. Цыбиковымъ.*—Владивостокъ. 1908. VIII+200 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 2 *руб.* 70 *коп.*

(Имѣются въ продажѣ также и сброшюрованные неполные экземпляры: стр. I—VIII, 97—144 и 193—200. *Цѣна* 90 *коп.*).

Позднѣевъ, А. Опытъ собранія образцовъ маньчжурской литературы. Выпускъ I. Страницы 1—360.—Владивостокъ. 1904. 360 стр. *Цѣна* 3 *р.* 50 *коп.*

Подставинъ, Гр. Образцы сатирическихъ произведеній современной корейской литературы. Выпускъ 1.—Владивостокъ. 1907. IV+52 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *рубль.*

Подставинъ, Г. В. Собраніе образцовъ современнаго корейскаго оффиціальнаго стиля. Часть первая, Корейскій текстъ. Выпускъ I-й. 1. Правительственная газета. (Дворцовыя извѣстія—Распоряженія центральныхъ правительственныхъ учрежденій).—Владивостокъ. 1908. IV+64+IV стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *рубль.*

Подставинъ, Гр. Хрестоматія литературнаго корейскаго языка. Выпускъ I. Страницы 1—24.—Владивостокъ. 1905. II+24 стр. *Цѣна* 30 *коп.*

Разборъ японскаго самоучителя корейскаго языка 朝鮮語獨學 «Ціосенго докугаку». Выпускъ 1-й. Составленъ студентомъ кор.-кит. отдѣленія Восточнаго Института *Г. Яцинскимъ* по лекціямъ исп. должн. профессора *Г. В. Подставина*. Владивостокъ. 1908. IV+32+128 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 10 *к.*

Рудаковъ, А. Бумаги Императорскихъ китайскихъ таможенъ (на китайскомъ языкѣ).—1901 г. 16 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 30 *коп.*

Рудаковъ, А. Гуань-хуа чжи-нань. Руководство къ

изученію китайской мандаринской рѣчи. Выпускъ 1. Стр. 1—28.—Владивостокъ. 1904. II+28 стр.—*Цѣна* 25 *коп.*

Рудаковъ, А. Образцы китайской драматичеслой литературы (стр. 1—32). Китайскія повѣсти (стр. 1—48). Владивостокъ. 80 стр. (Литогр. изд.).—*Цѣна* 1 *рубль.*

Рудаковъ, А. Образцы маньчжурскаго оффиціальнаго языка (по извлеченіямъ изъ архивовъ ямуней сѣверной Маньчжуріи). Съ приложеніемъ частныхъ писемъ бытового содержанія, а также и касательно послѣднихъ событій въ Хэйлунъ-цзянской провинціи. Пособіе къ лекціямъ по изученію современнаго политическаго строя и народнаго быта Маньчжуріи.—1902—3 академ. годъ. Выпускъ 1-й (стр. 1—56).—Владивостокъ. 1908. 56 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 80 *коп.*

Рудаковъ, А. Образцы оффиціальныхъ бумагъ на китайскомъ языкѣ. Пособіе къ изученію оффиціальнаго китайскаго языка для студентовъ Восточнаго Института. Часть I. Китайскій текстъ. Выпускъ I (Главы I—IV).—Верхнеудинскъ. 1905. II+90+II стр. *Цѣна* 1 *рубль.*

Рудаковъ, А. Политическая организація Маньчжуріи. Записана по лекціямъ слушателями.—Владивостокъ. 152 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 2 *рубля.*

Рудаковъ, А. Практическое руководтво къ изученію Мандаринскаго нарѣчія по системѣ Т. Ф. Вэда. Обработано по англійскому изданію: «A Progressive Course Designed to Assist the Student of Colloquial Chinese,—by T. F. Wade», съ измѣненіями и дополненіями для студентовъ Восточнаго Института.

Томъ I. Китайскій текстъ. Выпускъ I (40 уроковъ).—Верхнеудинскъ. 1905. IV+75 стр. *Цѣна* 75 *коп.*

Томъ II. Слова, переводъ и примѣчанія. Выпускъ I (40 уроковъ).—Владивостокъ. 1905—1906 гг. 80 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *руб.* 10 *коп.*

Рудаковъ, А. Руководство къ изученію наиболѣе употребительныхъ въ общежитіи начертаній китайской скорописи, составленное для студентовъ Восточнаго Института. Изданіе 2-е.—Владивостокъ. 1907. 16 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 20 *коп.*

Рудаковъ, А. Собраніе писемъ на китайскомъ языкѣ.

Пособіе къ изученію китайской скорописи. Составлено по «Kung Han I Yao, by W. G. Lay».

Изданіе первое. — Владивостокъ. 1908. IV+64 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *рубль.*

Изданіе второе. — Владивостокъ. 1908. IV+64 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *рубль.*

(Изданія разнятся почерками сянь-шэновъ).

Спальвинъ, **Е.** Нихонго-токухонъ. Японская хрестоматія.

Отд. I—VI. Собраніе публичныхъ лекцій и рѣчей. *Часть I-я.* Японскій текстъ. Изданіе 2-е.—Владивостокъ. 1908. 92 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 30 *коп.*

Отд. VII. Собраніе легкихъ текстовъ для первоначальнаго преподаванія японскаго книжнаго языка.

Часть I-я. Японскій текстъ. Изд. 2-е, дополненное.—Владивостокъ. 1908. 96 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 30 *коп.*

Часть II-я. Подстрочный словарь. *Вып. I-й* (Стр. 1—96). Подстрочный словарь къ текстамъ 1-го изданія VII-го отдѣла „Японской Хрестоматіи". Изд. 2-е, исправленное и дополненное сочетаніями іероглифовъ и фразеологическими примѣрами.—Владивостокъ. 1908. 96 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 30 *коп.*

Отд. VIII—XIII. Собраніе отрывковъ японской прозы книжнаго слога. *Часть I-я.* Японскій текстъ. Изданіе 2-е.—Владивостокъ. 1908. 96 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 30 *коп.*

Отд. XIV. Образцы японскихъ дѣловыхъ бумагъ обыденнаго обихода. *Часть I-я.* Японскій текстъ. *Вып. I-й.* Изд. 2-е.—Владивостокъ. 1908. 30 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 40 *коп.*

Отд. XV. Образцы японскихъ коммерческихъ бумагъ. *Часть I-я.* Японскій текстъ. Изданіе 2-е, дополненное. *Выпускъ 1-й.*—Владивостокъ. 1908. 72 стр. (Литогр. изд.) *Цѣна* 1 *рубль.*

Отд. XVI. Вырѣзки изъ газетъ и журналовъ. *Часть I-я.* Японскій текстъ. Изд. 2-я, дополненное.—Владивостокъ. 1908. 92 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 30 *коп.*

Отд. XVII. Образцы юридическихъ бумагъ. *Часть I-я.* Японскій текстъ.

Вып. 1-й. Изданіе 2-е.—Владивостокъ. 1908. 72 стр. (Литогр. изд.) *Цѣна 1 рубль.*

Вып. 2-й.—Владивостокъ. 1908. 76 стр. (Литогр. изд). *Цѣна 1 р. 10 коп.*

Отд. XIX. Собраніе отрывковъ повѣстей и романовъ. *Часть I-я.* Японскій текстъ.—Владивостокъ. 1908. 204 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна 2 р. 50 коп.*

Отд. XX. Собраніе отрывковъ японской классической прозы.

Часть 1-я. Японскій текстъ.—Владивостокъ. 1908. 2+107 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна 1 р. 50 коп.*

Часть II-я. Примѣчанія. Выпускъ I-й (Стр. 1—40). Владивостокъ. 1908. 40 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна 60 коп.*

Спальвинъ, Е. Очеркъ основъ языка и письменности японцевъ.—Вступительная лекція, произнесенная въ Восточномъ Институтѣ 2 сентября 1900 года.—Владивостокъ. 1900. 32 стр.—*Цѣна 65 коп.*

Спальвинъ, Е.—Разборъ японскихъ азбукъ катакана и хирагана. *Часть 1-я.* Японскій текстъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.—Владивостокъ. 1908.—32 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна 50 коп.*

Спальвинъ, Е. Хрестоматія разговорнаго японскаго языка.

I. (Японскій текстъ въ японскомъ слоговомъ письмѣ).—Владивостокъ. 1903. 4+440 стр.—*Цѣна 4 рубля.*

II. (Японскій текстъ въ смѣшанномъ іероглифическомъ письмѣ).—Владивостокъ. 1907. IV+VI+303 стр.—*Цѣна 3 рубля.*

III. Подстрочный словарь къ I-й и II-й частямъ. *Отдѣлъ 1-й.* Анекдоты.—Владивостокъ. 1906—1907 академич. годъ. VII+64 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна 1 рубль.*

Цыбиковъ, Г. Ц. Монгольскіе тексты. Образцы слога и ороографіи современнаго дѣлопроизводства для чтенія студентовъ III курса Восточнаго Института (2-й годъ изученія

монг. языка). Владивостокъ. 1908. 8+84 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *руб.* 25 *коп.*

Цыбиковъ, Г. Ц. Пособіе для изученія тибетскаго языка. Упражненія въ разговорномъ и литературномъ языкѣ и грамматическія замѣтки. Часть I. Разговорная рѣчь.—Владивостокъ. 1908. XII+76 стр. (Литогр. изд.). *Цѣна* 1 *р.* 20 *к.*

Шмидтъ, П. Китайская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія. Выпускъ I. Стр. 1—40.—Владивостокъ. 1902. II+40 стр. *Цѣна* 50 *коп.*

Шмидтъ, П. Начальныя чтенія по китайскому языку. Съ приложеніемъ китайскихъ текстовъ для упражненій (Изъ «Извѣстій Восточнаго Института»). 2 книжки.—*Цѣна* 4 *руб.*

(«*Начальныя чтенія*» вполнѣ замѣняютъ собою практическую часть совершенно распроданнаго въ настоящее время «*Опыта Мандаринской Грамматики*» того же автора, такъ какъ они напечатаны съ одного и того же русскаго и китайскаго набора).

Шмидтъ, П. Лингвистическое введеніе въ изученіе китайскаго языка («Извѣстія Восточнаго Института». томъ II. вып. IV.). *Цѣна* 2 *руб.* 50 *коп.*

(«*Лингвистическое введеніе*» вполнѣ замѣнитъ собою теоретическую часть совершенно распроданнаго въ настоящее время «*Опыта Мандаринской Грамматики*» того же автора, такъ какъ оно напечатано съ одного и того же русскаго и китайскаго набора).

Шмидтъ, П. Покореніе Албазина. Манджурскій текстъ. Для III-го курса китайско-маньчжурскаго отдѣленія Восточнаго Института.—Владивостокъ. 1906—07 учебный годъ. 46 стр. (Мимеограф. изд.). *Цѣна* 30 *коп.*

Шмидтъ, П. Тексты къ Мандаринской грамматикѣ.—Владивостокъ. 1903. 94 стр. *Цѣна* 1 *рубль.*

Шмидтъ, П. Учебникъ манджурскаго языка въ трехъ частяхъ.

Часть I. Манджурскій текстъ.—Владивостокъ. 1908. IV+22 стр. *Цѣна* 50 *коп.*

Часть II. Китайскій текстъ. Владивостокъ. 1907. IV+20+IV стр. *Цѣна* 50 *коп.*

ЛИТОГРАФИРУЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ИЗДАНІЮ:

Кюнеръ, Н. В. Лекціи по исторія Китая.

Подставинъ, Гр. Подстрочные словари, примѣчанія и 2-е выпуски къ перечисленнымъ выше изданіямъ.

Рудаковъ, А. Слова, переводъ и примѣчанія къ перечисленнымъ выше изданіямъ.

Спальвинъ, Е. 2-е и 3-е изданія подстрочнаго словаря и примѣчанія къ Нихонго-токухонъ и слѣдующія части и выпуски къ перечисленнымъ выше изданіямъ.

Цыбиковъ, Г. Ц. 2-е изданіе распроданнаго «Пособія для практическаго изученія монгольскаго языка» (1907 г.) и 2-я часть «Пособія для изученія тибетскаго языка».

О печатныхъ пособіяхъ см. въ проспектѣ объ изданіи „Извѣстій Восточнаго Института“.

Складъ изданій въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Otto Harrassowitz, Leipzig.

ИЗДАНІЕ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

Д-РЪ О. ФРАНКЕ.

ЗЕМЕЛЬНЫЯ ПРАВООТНОШЕНІЯ ВЪ КИТАѢ.

Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей съ примѣчаніями и дополненіями Н. И. Кохановскаго. преподавателя юридическихъ наукъ въ Восточномъ Институтѣ.
Владивостокъ. 1908. VIII+ 145 стр.

ЦѢНА 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ гор. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовитцъ въ Лейпцигѣ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Н. И. Кохановскій. Очеркъ землевладѣнія и земледѣлія въ Китаѣ. *(Выйдетъ въ свѣтъ въ срединѣ сентября.)*

Владивостокъ. Типо-литографія Восточнаго Института.

Въ ближайшіе томы и выпуски „Извѣстій Восточнаго Института“ войдутъ:

Н. Кохановскій. Курсъ политической экономіи.

Н. Кюнеръ. Описаніе Тибета.

Часть 2-я, Этнографическая. Выпускъ 3-й. Религія и политическое устройство Тибета.

Часть 3-я. Опытъ библіографіи Тибета.

Часть 4-я. Исторія Тибета по китайскимъ и тибетскимъ источникамъ.

Г. Подставинъ. Очеркъ административныхъ реформъ въ Кореѣ. Отчетъ Японской Генеральной Резиденціи въ Сеулѣ *(Печатается).*

А. Рудаковъ. Извлеченія изъ трактатовъ Китая съ Россіей по отдѣльнымъ вопросамъ. *(Китайскій текстъ). (Печатается).*

А. Рудаковъ. Образцы новой китайской литературы. *(Китайскій текстъ). (Печатается).*

Е. Спальвинъ. Собраніе текстовъ для изученія болѣе трудныхъ и труднѣйшихъ формъ современнаго японскаго разговорнаго языка, съ іероглифическимъ словаремъ и примѣчаніями. *(Печатается).*

Е. Спальвинъ. Объ искусствѣ писать японскія письма.

Е. Спальвинъ. Японская поэзія къ войнѣ 1904—1905 г.г.

Е. Спальвинъ. Изъ курса лекцій о современномъ государственномъ строѣ Японіи.

Е. Спальвинъ. Грамматика японскаго языка.

Е. Спальвинъ. Русскій переводъ и примѣчанія къ „Практическимъ Японскимъ Разговорамъ“.

Е. Спальвинъ. „Японія. Географически-статистическій очеркъ Димитрія Позднѣева“. *(Отзывъ).*

Е. Спальвинъ. „Японо-Русскій іероглифическій словарь Димитрія Позднѣева“. *(Отзывъ).*

И. Третьякъ. Императорская желѣзная дорога Пекинъ-Калганъ.

П. Шмидтъ. Учебникъ манджурскаго языка въ трехъ частяхъ. Часть III-я *(Составитъ 3-й выпускъ XVIII-го тома).*

П. Шмидтъ. Опытъ Мандаринской Грамматики. Съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка Пекинскаго нарѣчія. Изданіе 2-е, переработанное.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ XXVI ТОМА

ИЗВѢСТІЙ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА:

Е. Спальвинъ.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ КНИГИ Г. ДИМИТРІЯ ПОЗДНѢЕВА:

ТОКУХОНЪ или Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ японскомъ языкѣ. Часть Первая. Зин-зёо сёо-гаку токухонъ 尋常小學讀本. *Книги I—IV.* Японскій текстъ, русская транскрипція, слова и переводъ. *Димитрій Позднѣевъ.* Токіо. Тэикоку Инсацу Кабусики Кансія. Кёобаси-ку Цукидзи Санцёомэ № 15. 1907. Цѣна 1 р. 20 к. XXII, 272 стр.

ЦѢНА ЭТОГО ВЫПУСКА 50 КОП.

Складъ изданія въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ г. Владивостокѣ. Коммиссіонеръ для Западной Европы и Америки: Отто Гаррассовицъ въ Лейпцигѣ.

12 -

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE MAR 20 1928

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE MAR 20 1928